ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 сер., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣм. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3. ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданныя Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГАЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Польскаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книг. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп.. перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.. пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., пер. за 4 ф.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1867 ГОДУ ЖУРНАЛА:

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ будуть издаваться и въ наступающемъ 1867 году, по той же самой программѣ, какъ доселѣ, въ томъ же самомъ объемѣ, направленіи, въ тѣ же сроки и по той же цѣнѣ.

ПОДПИСКА ГОДОВАЯ:

Пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкою въ другія мѣста *шесть*.

Съ требованіями обращаться:

1. Въ самое Общество, или

2. Въ книжную лавку Московскаго книгопродавца Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. Ивана Васильевича Базунова), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. ВОДЯНСКАГО.

1866.

ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1866.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ИСТОРІЯ БОРЬБЫ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

«Tu, felix Polonia, nube!»

сочиненіе

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

ИСТОРІЯ БОРЬБЫ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Литва.

Средство, которымъ Литовцы надѣялись остановить наступательное движеніе на нихъ Москвы.—Полуофиціальная переписка Яна Забережскаго съ Яковомъ Захарьевичемъ.—Сношенія Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ.—Титулъ Государя всея Руси.—Сватовство.—Заключеніе вѣчнаго мира и его значеніе.—Сношенія между Москвою и Литвою по поводу договора о Греческомъ Законѣ и упорство Литовцевъ дать такое обязательство, какое требовали Москвичи. — Бракъ Александра Казимировича съ Еленой Ивановной; Московское и Литовское описаніе его. — Враждебныя сношенія Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ по поводу титула Государя всея Руси и неисполненіе Литовцами личныхъ просьбъ Московскаго Государя. — Разрывъ сношеній и употребленіе Литовцами ходатайства Елены Ивановны предъ ея отцемъ о дѣлахъ ея мужа. — Извѣстіе изъ Литвы о принужденіи Елены Ивановны измѣнить Православію.

I.

Изъ всего выше изложеннаго мы можемъ видѣть, въ какихъ отношеніяхъ находилось Московское Правительство къ Литовскому за первую половину государствованія Ивана III. Всѣ труды Казимира во вредъ Московскому Государю остались безполезными, по тому что онъ не помогалъ его врагамъ. Начало враждебныхъ

дѣйствій со стороны Москвы противъ Литвы начались со времени нашествія Ахмата подъ Алексинъ. Осенью 1473 года ходилъ Семенъ Беклемишевъ къ Любутску съ ратью Великаго Князя. Походъ былъ съ цѣлію вмѣшательства въ дѣла служебныхъ Князей. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ готовился уже къ борьбѣ съ Литвою, но сношенія съ нею не прекращались. Особенно важны они были послѣ подчиненія Новгорода, какъ было уже указано. Казимиръ требовалъ Новгорода и Великихъ Лукъ;—отвѣтомъ на это было разореніе Кіева отъ Менгли-Гирея и бунтъ Бѣльскаго съ товарищи. Но Казимиръ все таки не началъ самъ войны; онъ поднималъ по прежнему Орды и послѣдняго Князя Сѣверной Россіи, могшаго, по видимому, бороться съ Москвою, — Тверскаго. Это дѣло вышло тоже неудачно, и съ этѣмъ Казимиръ примирился. Формальнаго признанія принадлежности Москвѣ Новгорода и Твери со стороны Казимира не было и, какъ послѣ увидимъ, Литовцы на это указывали, а Казимиръ объявлялъ въ Москвѣ чрезъ посла, что Тверскому Великому Князю на просьбу о помощи далъ отказъ, на основаніи своего докончанья съ Василіемъ Васильевичемъ. [1] Иванъ же Васильевичъ взятіе Твери считалъ своимъ наступленіемъ на Литву, по тому что «Тверской Великій Князь былъ въ докончаньѣ съ Казимиромъ, быть вездѣ за одинъ, и при томъ въ близкомъ свойствѣ, а онъ, Московской Государь, взялъ Тверскую землю.» [2] Казимиръ мало того, что примирился и со взятіемъ Твери, но тотчасъ же завелъ сношенія съ Московскимъ Государствомъ, напоминая ему, что онъ, Казимиръ, кончалъ съ Василіемъ Васильевичемъ, чтобъ быть имъ вездѣ за одинъ, по этому слѣдуетъ встать вмѣстѣ противъ общаго непріятеля Христіянскаго, противъ Турокъ, которые теперь наступаютъ на Стефана, Воеводу Волошскаго. Отвѣтъ на это былъ тотъ, что Московскому Государю нельзя этого дѣлать, по тому что далеко, а тѣ Государи, которые близко, должны стоять и оберегать Христіянство. [3]

Сношенія съ этого времени между Москвою и Литвою не прекращаются. Этѣ сношенія были таковы, что Наказы въ Крымъ

[1] Ак. З. Р. т. 1, № 89.
[2] П. Дип. Сн. Р. т. 1, стр. 169.
[3] Ак. З. Р. т. 1, № 88.

посламъ говорили, что «гладкости въ этѣхъ сношеніяхъ ни какой нѣтъ». Предметомъ ихъ были дѣла Князей и пограничныя ссоры. Не считаю нужнымъ входить въ разборъ послѣднихъ, такъ какъ они всегда существовали и были однообразны: такъ владѣніе нѣкоторыми землями было спорное; при томъ теперь пограничныя дѣла должны были быть еще значительнѣе, по тому что оба Государства не имѣли между собою положительно нигдѣ естественныхъ границъ, а этѣ границы, со времени заключенія послѣдняго договора Василія Темнаго съ Казимиромъ, увеличились своимъ протяженіемъ, въ слѣдствіе присоединенія къ Москвѣ Твери и Новгорода, отъ чего Московское Государство сдѣлалось и наслѣдникомъ пограничныхъ дѣлъ присоединенныхъ къ себѣ областей. Но должно замѣтить то, что въ это время пограничныя ссоры были въ близкой связи съ ссорами между собою служебныхъ Князей. Взаимныя предложенія съѣзда судей на границы оставались безъ послѣдствій. Но когда Иванъ Васильевичъ, управившись съ Казанью и считая взятіе Твери наступленіемъ на Литву, взялъ въ свои руки и обязанность руководить не только своими служебными Князьями, но и Литовскими, то наступленіе на самую Литву дѣйствительно началось. Наступленіе на Литву со стороны Москвы именно въ это время было необходимо, не только какъ мщеніе за прежнія ея дѣла и приведеніе въ исполненіе общей задачи Русской Исторіи, объединенія Руси, но и для спасенія свободы всей Европы отъ Ягайловскихъ завоеваній. Ягайловцы, отказавшись руководить народами, у которыхъ они были наслѣдственными Государями, въ то же время завоевывали другіе народы, но не оружіемъ, а посредствомъ браковъ, наслѣдствъ и избраній на престолы. Въ этомъ стремленіи быть Государями всѣхъ народовъ, Ягайловцы не стѣснялись въ средствахъ; они при избраніи на престолы давали согласіе на всевозможныя условія, и въ то же время не признавали за собой ни какихъ обязательствъ. Чѣмъ послѣ былъ страшенъ для Европы Карлъ V, тѣмъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія угрожали Ягайловцы; они уже сидѣли на престолахъ Литвы, Польши, Чехіи, Угріи и Семиградіи и соперничали въ своихъ завоеваніяхъ народовъ съ Габсбургами.

Послѣдній посолъ, который при Казимирѣ ѣхалъ изъ Москвы въ Литву, былъ Иванъ Берсень; онъ уже не засталъ Кази-

мира въ живыхъ, и по этому воротился домой. Въ это время дѣятельность служебныхъ Князей, отъѣхавшихъ изъ Литовскаго подданства въ Московское, продолжалась однообразно: при помощи Московскихъ войскъ одинъ городъ за другимъ захватывался. Литовское Правительство не считало, что у него съ Московскимъ идетъ война. Но захваты со стороны Москвичей продолжались, Литва была застигнута въ расплохъ и тамошнее Правительство рѣшилось наконецъ остановить наступленіе Москвы. Ягайловцы для этой цѣли придумали особенное средство: знаменитая брачная политика не принадлежала одной счастливой Австріи, она была родовою собственностію и другой счастливой страны, Польши, и теперь ее-то и пустили въ ходъ противъ Ивана III. Конецъ XV и начало XVI вѣка такое время, что тогда достаточно было прославиться могуществомъ, или богатетствомъ, какому ни будь Государю, чтобы къ нему явилась масса жениховъ для его дочерей съ притязаніемъ и наслѣдовать его престолъ; послѣднее за ту честь, какую женихи окажутъ могущественному Государю вступленіемъ съ нимъ въ родство. Перевѣсъ въ исканіи богатыхъ невѣстъ оставался за Габсбургами и Ягайловцами. Но здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: какая могла быть причина того, что предки Ягайловцевъ, — Гедиминъ и Ольгердъ,—не знали подобнаго оружія для завоеванія народовъ, какое вошло въ употребленіе у ихъ потомковъ? На этотъ вопросъ можно только отвѣтить слѣдующимъ образомъ: если Государь есть только представитель своего народа, то когда этотъ народъ примиряется съ извѣстнымъ положеніемъ, тогда Государь тѣмъ болѣе естественно долженъ примириться съ нимъ; если Государь дѣйствуетъ извѣстнымъ оружіемъ, то онъ употребляетъ его только по тому, что этѣмъ оружіемъ хорошо владѣетъ его народъ. Для любовныхъ дѣлъ, для устройства выгоднаго брака, для избранія на престолъ, употребляется, по большей части, интрига, обманъ; обманъ есть орудіе слабаго, орудіе женщины; мужчина, употребляющій интригу, не стоитъ названія мужчины. Ягайловцы употребляютъ этѣ женскія орудія, но они употребляютъ ихъ по тому, что сами завоеваны отъ Литвы этѣми орудіями; Поляки ихъ завоевали бракомъ, интригой, и ополячили. Если мужчина, употребляющій интригу, какъ орудіе, есть человѣкъ слабый, женственный, то и народъ, дѣйствующій такимъ же оружіемъ, не можетъ быть инымъ, какъ народомъ слабымъ, женственнымъ. Но

для объясненія всего ниже слѣдующаго намъ еще здѣсь нужно замѣтить, что кромѣ интриги, какъ отличительнаго свойства всѣхъ дѣйствій Поляковъ, другая отличительная черта въ ихъ поступкахъ заключается въ томъ, что они всегда способны къ великолѣпной отдѣлкѣ всѣхъ мелочей всякаго своего предпріятія и въ то же время остаются при полномъ непониманіи самой сущности дѣла; они увлекаются этѣми мелочами до того, что наконецъ совершенно запутываются въ нихъ. Когда въ борьбѣ съ Поляками выставляютъ имъ на видъ главное дѣло и его сущность и предлагаютъ противъ него бороться, то они отъ этого отказываются и стараются свести борьбу противъ частностей дѣла; кромѣ того, объясняя всякій успѣхъ какого ни будь предпріятія не правотою дѣла, а только счастіемъ и личными талантами руководителя дѣла, Поляки, на основаніи всѣхъ этѣхъ понятій въ борьбѣ народовъ всегда готовы бороться противъ лицъ, противъ Правительства, но не противъ народа.

Интригою легко опутатъ ребенка, человѣка слабаго нравственными силами, но при столкновеніи съ человѣкомъ степеннымъ, она оказывается недѣйствительной, сама собою падаетъ, и при томъ вредитъ именно тому, кто интригуетъ. Если степенный человѣкъ увлечется на время и позволитъ себѣ поддаться прелестямъ женственной интригующей націи, согласится встать на ея сторонѣ, то послѣ этого онъ скорѣй бѣжитъ, чѣмъ помирится съ такими порядками. Такъ, ни одинъ изъ Русскихъ Государей и ихъ сыновей, будучи почти постоянно кандидатами на Польской престолъ, не взошелъ на него по избранію Поляковъ; а когда одинъ Французскій Принцъ, и при томъ самый развращенный, былъ избранъ въ Короли Польши, то дѣло кончилось тѣмъ, что Король у Поляковъ сбѣжалъ. Въ описываемое же нами время, когда была пущена противъ Ивана III интрига, въ формѣ брачной системы, то онъ съ самаго начала извлекъ изъ нея всевозможную пользу для себя, а потомъ, по поводу же своего родства съ Ягайловцами, уяснилъ, что далъ за своею дочерью въ приданое всю Русь, которая подъ властію Польши и Литвы находится; но онъ, какъ Государь всей Руси, все таки имѣетъ право наблюдать, какъ управляютъ Русью, и находя, что дурно, началъ отнимать приданое

дочери по кускамъ и завѣщалъ потомкамъ отобрать все. Это завѣщаніе почти окончательно выполнила Екатерина II.

Начало этого великаго дѣла было таково: какъ только слава могущества и богатства Ивана III начала разноситься на Западѣ, то онъ долженъ былъ отбиваться отъ жениховъ къ своимъ дочерямъ. Первымъ, сватомъ и женихомъ, явился не кто иной, какъ Габсбургъ, знаменитый Максимиліанъ I; за нимъ началъ сватовство Конрадъ Мазовецкій. Но какъ только умеръ Казимиръ, то брачное оружіе было направлено и Ягайловцами изъ Литвы на наступающую на нее Москву; не расчитали они только того, что подобное оружіе не совсѣмъ удобно противъ наступающихъ, но въ этомъ они убѣдились послѣ; теперь же, 14 Іюля, 1492 г., прислалъ къ Новгородскому Намѣстнику, Якову Захарьевичу, Намѣстникъ Полоцкой, Панъ Янъ Забережскій, своего человѣка, Лаврика, съ грамотой, содержаніе которой было слѣдующее: «Господину и дядѣ моему милому, Пану Якову Захарьевичу, Воеводѣ Великаго Новгорода, отъ Яна Юрьевича. Пана Троцкаго, Намѣстника Полоцкаго, челобитье. Радъ слышать твое здоровье, и здоровье твоей паньи, и дѣтей Вашей Милости; слыша это, Бога милостиваго молимъ и прославляемъ. Послали мы до тебя нашего Писаря, Лаврика, и ты бы ему дозволилъ нѣкоторые вещи покупить, да что онъ будетъ отъ насъ говорить, и ты ему вѣрь, то наши рѣчи.» Такимъ образомъ эта грамота была вмѣстѣ и вѣрющей грамотой. Яковъ Захарьевичъ услышалъ отъ Лаврика такія рѣчи, что самъ поѣхалъ въ Москву и объявилъ тамъ Великому Князю, что то рѣчи о сватовствѣ. Въ это время на границахъ Москвы и Литвы происходила настоящая война, по случаю служебныхъ Князей. Иванъ Васильевичъ приговорилъ съ Боярами по этому поводу, что Якову Захарьевичу противъ тѣхъ рѣчей своего человѣка къ Пану Яну не посылать; но послѣ къ Якову Захарьевичу, уже въ Новгородъ, послалъ грамоту (Октября 17): «что прислалъ къ тебѣ Панъ Янъ Забережскій Писаря своего, Лаврика, и мы здѣсь съ тобою объ этомъ говорили, да приговорили не посылать тебѣ къ нему отвѣтъ; но нынѣ приговорили, что тебѣ пригоже противъ тѣхъ рѣчей послать съ отвѣтомъ, зане же и между Государями ссылка бываетъ, хотя бы и рати сходились. И ты бы выбралъ своего человѣка добраго, котораго пригоже, и послалъ бы его къ Пану

Яну отъ себя съ поминками, а грамоту вѣрющую писалъ бы отъ себя по пригожу, вѣжливо, по тому что онъ тебя почтилъ, и ты бы его почтилъ, какъ пригоже. А что ему говорить на единѣ, и я тебѣ о томъ послалъ запись. Да накажи своему человѣку: учнутъ его спрашивать о мѣстахъ, которые я поималъ, и онъ бы отвѣчалъ невѣданьемъ; а спросятъ его о нарядѣ людскомъ, и онъ бы отвѣчалъ вѣжливо: «У нашего Государя, у Великаго Князя, вся земля, обычай таковъ, всѣ люди нарядны.» Да смотрѣлъ бы тамъ твой человѣкъ, каково Королевичево дѣло съ Паны, и что слухъ про Королевичевыхъ братьевъ, про Альбрехта и Жигимонда.» Рѣчь къ Яну Забережскому отъ Якова Захарьевича должна была быть слѣдующая: «Прислалъ ты къ намъ говорить, чтобы между Государями сватовство сталось и между земель миръ былъ и покой. Ино, Пане, мы весьма хотимъ, чтобы далъ Богъ между Государей доброе житье; но положи на своемъ разумѣ, можно ли тому быть? Между Государей любви и единачества нѣтъ, то какъ же и тому дѣлу дѣлаться? Если бы Богъ далъ напѣредъ между Государей любовь и единачество было, то тогда бы и тому дѣлу могъ быть починъ.» Какъ только получилъ этотъ отвѣтъ Янъ Забережскій, то прислалъ уже грамоту въ Москву (2 Ноября), къ Князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву: «Поразумѣй у своего Государя, есть ли его воля, дать свою дочку за нашего Великаго Князя, Александра, и если бы то дѣло сталось, тогда бы любовь и докончанье между ними было, по тому, какъ было при ихъ отцахъ; а что издавна служило обоимъ Панствамъ, то и нынѣ было бы по тому.» Далѣе Янъ Забережскій просилъ на это отвѣта. Такимъ образомъ первый вопросъ былъ о сватовствѣ, а потомъ о приданомъ. Но, еще не дождавшись отвѣта на послѣднюю грамоту, изъ Литвы пріѣхало въ Москву посольство (4 Ноября). Содержаніе рѣчей пословъ было о восшествіи на престолъ Александра и объ томъ, что на границахъ чинятся такія многія обиды, какихъ прежде и не бывало. Литовцы не хотѣли признавать существованіе войны и объявляли, что это пограничныя обиды. Но посламъ были наказаны еще рѣчи, объ которыхъ они проговорились въ первый же день своего пребыванія въ Москвѣ. По обычаю, послѣ перваго слушанія, послы обѣдали у Великаго Князя, и потомъ ихъ угощали на подворьѣ. На этомъ пиру пьяные послы говорили о сватовствѣ и докончаньѣ, сказали, что у нихъ

есть объ томъ рѣчь къ Князю Ивану Юрьевичу. На третій день послѣ этого (въ Михайловъ день, 8 Ноября) послы были на пиру у Князя Патрикѣева, ѣли и пили, и начали говорить опять о сватовствѣ и докончаньѣ. На утро Великій Князь приказалъ Князю Ивану Юрьевичу послать за послами и спросить ихъ объ той рѣчи. У Ивана Юрьевича должны были присутствовать при разговорахъ еще Казначей, Дмитрій Владимировичъ, и Дьякъ, Ѳедоръ Курицынъ. Когда послы явились, то Князь Патрикѣевъ началъ говорить: «Пане Станиславъ, и ты, Иванъ Владыка, вы вчера намъ говорили рѣчи, да мы тогда ужь испили, то и отложили рѣчи до нынѣшняго дня, такъ вы теперь намъ ихъ скажите!» Станиславъ Глѣбовичъ: «Господине Князь Иванъ, что я тебѣ говорилъ вчера, такъ говорилъ это отъ себя, чтобы ты похотѣлъ добра: встали бы между Государей любовь и докончанье; а наши дяди, Рада Государя нашего, вельми того хотягь, чтобы между Государями и сватовство состоялось, любовь и докончанье, да и Панъ Янъ до тебя писалъ объ томъ листъ.» Князь Иванъ Юрьевичъ велѣлъ предъ послами читать Янову грамоту; они на это сказали: «Та, Господине, грамота намъ вѣдома, да и Радѣ Государя нашего всей.» Князь Патрикѣевъ: «Въ Яновой грамотѣ написано впереди о сватовствѣ, а потомъ о докончаньѣ, да и вы говорили также. Такъ мы съ вами о томъ говоримъ: по вашему, которому дѣлу прилично быть впередъ: любви и докончанью, или сватовству?» Послы: «Когда, Господине, будутъ наши великіе люди на то, тогда они съ вами, великими людьми, о томъ поговорятъ, а съ Божьей воли которое дѣло захотите напередъ повести, то и будетъ.» Князь Патрикѣевъ: «Ваши дяди, Рада Государя вашего, хотятъ, чтобы между Государями любовь и докончанье было, да и сватовство сталося; а наша братья и мы то же хотимъ, и какъ дастъ Богъ увидимся съ вами, то объ этомъ поговоримъ.» Послѣ этого данъ былъ соотвѣтствующій отвѣтъ на посольство о, такъ называемыхъ Литовцами, пограничныхъ ссорахъ, — имъ отвѣчали объ нихъ, какъ о ссорахъ. Патрикѣевъ замѣтилъ посламъ, что когда пріѣдутъ послы о мирѣ, то лишнихъ рѣчей не было бы при этомъ; а то прежде при Королѣ пріѣзжалъ Богданъ о мирѣ, да много было лишнихъ рѣчей, и за тѣмъ дѣло не сталось. 12 Ноября послы уѣхали изъ Москвы. [4]

---

[4] Ак. З. Р. т. 1, № 105. Здѣсь изъ Литовской Метрики только одно посольство

15 Ноября Князь Патрикѣевъ отпустилъ въ Литву человѣка Яна Забережскаго вмѣстѣ съ своимъ; отвѣтъ на грамоту Забережскаго содержалъ то же, что и отвѣтъ посламъ, но была слѣдующая прибавка: «Да писалъ ты въ своемъ листѣ такъ: что издавна служило къ обоимъ Панствамъ, то и нынѣ бы было по тому же. Ино Государь нашъ, Князь Великій, Великаго Княжества Литовскаго не держитъ ничего, а держитъ, съ Божіею волею, земли свои, что далъ ему Богъ.» Такимъ образомъ эти слова содержали намекъ на то, что хотѣли уже прежде сказать Казимиру. 29 Декабря Забережскій прислалъ на это письмо отвѣтъ: «Я, Господине Княже, объ томъ дѣлѣ здѣсь съ Княземъ Бискупомъ и съ Паны Радою гораздо думали, и они пріязни между Государями хотятъ, и объ томъ говорили Государю нашему, Великому Князю, чтобы была у него съ вашимъ Государемъ вѣчная пріязнь, какъ за предковъ ихъ Милости. Государь нашъ хочетъ слать своихъ великихъ пословъ, когда вернется мой слуга отъ тебя». Далѣе, въ соотвѣтствіе намекамъ Князя Патрикѣева и общаго гордаго тона Московскихъ рѣчей и требованій, на которыя Бояре требовали непремѣннаго согласія, Забережскій писалъ: «Господине Княже Иванъ, вы своего Государя чести стережете, и мы по тому жь чести своего Государя смотримъ, и когда тѣ великіе послы будутъ у вашего Государя, да безъ добраго конца вернутся, то самъ посмотри, къ чему доброму то дѣло пойдетъ.» Забережскій говорилъ, что послы пріѣдутъ тогда, когда вернется его человѣкъ, и высказывалъ желаніе, чтобы не было особенно много препятствій въ переговорахъ со стороны Москвичей

Это желаніе Литовцевъ Москвичи исполнили тѣмъ, что поспѣшили высказать всѣ свои притязанія, 5 Генваря, 1493 года, поѣхало въ Литву посольство, впервые къ Александру, отъ Ивана Васильевича; посломъ былъ Дмитрій Давыдовичъ Загряжской. Въ слѣдъ за нимъ, 17 Генваря, поѣхалъ такъ же и человѣкъ Яна Забережскаго; и посланный къ послѣднему отъ Князя Патрикѣева съ грамотою. Князь Патрикѣевъ, давая общій отвѣтъ, чтобы были присланы

Станислава Глѣбовича, безъ отвѣта. Вѣроятно, издателями это посольство отнесено къ Сентябрю, когда, очень можетъ быть, оно было приготовлено для отправленія, и тогда внесено въ Метрику.

послы для переговоровъ, въ отвѣтъ, на послѣднія слова Забережскаго, писалъ: «Ино, Пане, самъ поразумѣй: коли промежъ Государей великіе люди ѣздятъ, тогда, Божьею волею, промежду ихъ доброе дѣло дѣлается.» Самое же посольство Загряжскаго по содержанію было хотя очень обыкновенное (именно: по поводу многихъ отъѣздовъ Князей съ отчинами, сложенія присяги ими предъ Литовскимъ Государемъ, и объ обидахъ Князьямъ и Московскимъ подданнымъ со стороны Литовскихъ подданныхъ), но необходимое по многимъ, совершившимся въ это время, дѣламъ. Но въ этомъ посольствѣ была слѣдующая новость: вездѣ, гдѣ нужно въ посольствѣ употреблять титулъ Государей, Александръ назывался Великимъ Княземъ Литовскимъ, а Иванъ Васильевичъ «Божьею милостію Государь всея Руси и Великій Князь;» въ вѣрющей грамотѣ къ этому прибавленъ былъ еще болѣе длинный титулъ: «Владимирской, Московской и т. д.» На случай вопроса со стороны Литовцевъ: «Чего дѣля Великій Князь приказалъ—«Государь всея Руси,» — а напередъ того отецъ его, да и онъ, къ отцу Государя нашего такъ не приказывалъ, да и предки его такъ къ предкамъ нашего Государя не приказывали, то Дмитрію молвить на это: «Такъ Государь мой со мною приказалъ: а кто хочетъ то вѣдать, и онъ поѣзжай въ Москву, тамъ ему про то скажутъ.»

Загряжской правилъ свое посольство Александру въ Вильнѣ, 6-го Февраля. Наши офиціяльныя бумаги, содержащія дипломатическія сношенія съ Литвой за это время, говорятъ объ отвѣтѣ на посольство Загряжскаго то, что въ Литвѣ сказали, что пришлютъ о всѣхъ дѣлахъ пословъ. Изъ Литовскихъ же офиціяльныхъ бумагъ узнаемъ то, что 20 Февраля было отправлено посольство въ Москву, имѣвшее содержаніемъ отвѣтъ объ Князьяхъ отъѣзчикахъ; въ посольскихъ рѣчахъ, гдѣ нужно было употреблять титулъ, Иванъ Васильевичъ назывался просто «Великій Князь.» Этотъ посолъ долженъ былъ править посольство и Князю Ивану Юрьевичу. Но это посольство было возвращено назадъ съ дороги; къ посольскимъ рѣчамъ было прибавлено два пункта о взятіи Москвичами нѣсколькихъ городовъ, и они кончались словами, чтобы Московскій Государь впередъ такихъ дѣлъ не велѣлъ чинить, если съ Литовскимъ нежитья не хочетъ. Кромѣ прибавки пунктовъ къ посольству, самое

и справленіе посольства было возложено на другихъ лицъ; [1] но и этѣ послы не пріѣхали теперь въ Москву. Официяльныя сношенія Правительствъ прекратились, а начались прежнія полуофиціяльныя. Въ Мартѣ мѣсяцѣ прислалъ въ Москву грамоту изъ Новгорода Яковъ Захарьевичъ, извѣщая, что Намѣстникъ Полоцкой, Янъ Забережскій, прислалъ къ нему своего сокольника съ грамотой о дозволеніи купить кречетовъ. Грамота Яна Забережскаго была отъ 26 Февраля; послѣ просьбы о кречетахъ, въ ней говорилось: «а что твоя Милость будетъ до насъ писать о своихъ дѣлахъ, мы ради то для тебя исполнять.» Яковъ Захарьевичъ спрашивалъ у Великаго Князя: велитъ ли онъ того Янова сокольника отпустить? Великій Князь на это послалъ Якову Захарьевичу такую грамоту: «Намъ видится, что къ тебѣ прислалъ Янъ Забережскій не ради кречетовъ, а посмотрѣть, или задираючи тебя передняго для дѣла, объ которомъ онъ напередъ къ тебѣ присылалъ, и чтобы ты къ нему и нынѣча послалъ. И мы здѣсь приговорили, что пригоже тебѣ къ нему и грамоту послать съ своимъ человѣкомъ, о переднемъ дѣлѣ, что напередъ того онъ присылалъ къ тебѣ своего человѣка съ рѣчьми, и изымаются они за то дѣло, иню дай Богъ такъ, а не изымаются, ино въ томъ намъ низости ни которой нѣтъ.» Къ Якову Захарьевичу были посланы списки съ грамоты и рѣчей, которые онъ долженъ былъ отправить къ Яну Забережскому. Рѣчи были о кречетахъ, что ихъ продажныхъ въ Новгородѣ нѣтъ, по тому что «всѣ они идутъ къ нашему Государю, а у насъ нынѣ каковые прилучились, и они вотъ передъ тобою.» Грамота же была слѣдующаго содержанія: «Пишемъ къ твоей Милости по нашему пріятельству, что напередъ присылалъ до насъ съ рѣчьми, чтобы похотѣли мы, было бы между Государями доброе пожитье и между земель покой. Да писалъ ты объ томъ же и до Князя Ивана Юрьевича, и то дѣло пошло съ Божьею милостію впередъ къ доброму концу. А нынѣ, Пане, вельми дивуемся, что такое дѣло оставя, да такіе великіе зацѣпки съ вашей стороны стались. Ино, Пане, похотите вы нынѣ между Государей всякаго добраго дѣла, то и наши дяди и братья того же хотятъ.» Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Яковъ Захарьевичъ прислалъ въ Москву отвѣтъ

---

[1] Ак. З. Р. т. 1, № 109.

Яна Забережскаго на свою грамоту. Отвѣтъ былъ изъ Вильны, отъ 18 Мая, и въ немъ говорилось такъ: «Отъ нашего Государя ни какихъ зацѣпокъ не сталось, а тѣмъ дѣло все остановилось, что стали зацѣпки отъ Вашего Государя: на миру воюетъ и въ отчину нашего Государя войну пустилъ, города и волости великіе забралъ, а иные пожогъ, людей же головами въ плѣнъ повелъ. Если бы все то было оправлено и шкоды заплачены, то мнѣ бы съ Панами братіею можно было Государю представлять, чтобы между Государями доброе дѣло сталось.» Послѣ этого отвѣта Иванъ Васильевичъ рѣшилъ, что Якову Захарьевичу къ Яну Забережскому непригоже грамоту посылать (и съ своимъ) и съ Яновымъ человѣкомъ, а отвѣчать, что если Великій Князь Александръ пришлетъ своихъ пословъ къ Государю, то Яковъ Захарьевичъ съ своей братіею будетъ хлопотать о добрѣ между Государями. Но послѣ такого гордаго отвѣта вышло то, что приготовленное Литовцами въ концѣ Февраля и вторично передѣланное посольство, со вновь назначенными тогда послами, явилось въ Москву 29 Іюня. Проговоривъ Великому Князю выше упомянутыя рѣчи, въ которыхъ объ новомъ титулѣ ничего не упоминалось, послы на другой день были у Князя Патрикѣева и говорили ему рѣчи отъ Великокняжеской Литовской Рады объ томъ, что изъ переписки съ Яномъ Юрьевичемъ Паны Рада узнали, что Рада Московскаго Государя хотятъ дѣло вести къ доброму концу, и по этому хотѣли уже великихъ пословъ отправить въ Москву, «какъ вдругъ отъ Вашего Государя новое дѣло пришло: онъ въ своемъ листѣ къ нашему Государю написалъ свое имя высоко, не по старинѣ, не по тому, какъ издавна обычай бывалъ. Самъ того, Княже, посмотри, гораздо ли такъ дѣлается? Старину оставляете, и въ новыя дѣла вступаете. Да кромѣ того землямъ нашего Государя многіе шкоды подѣланы; а нашъ Государь изъ старины не выступаетъ; ино, Княже Иванъ, впередъ такихъ бы дѣлъ не было, чтобы между Государями добрые дѣла впередъ шли.» Литовскимъ посламъ дома было наказано, что когда они будутъ говорить этѣ рѣчи и если Князь Патрикѣевъ скажетъ: «Государь нашъ старше лѣтами, а вашъ Государь моложе его,» то отвѣчать: «Хотя нашъ Государь и моложе лѣтами, но въ чести не меньше, и находится въ той же мѣрѣ, какъ былъ и его отецъ, Король; а если между Государями будетъ любовь, докончанье и всякое добро,

тогда ихъ Милости придутъ къ тому, какъ было при Великомъ Князѣ Витовтѣ.» [6] Князь Патрикѣевъ, какъ видно, не дѣлалъ такихъ замѣчаній о лѣтахъ Государей, и отвѣчалъ такъ: «Нашъ Государь въ своемъ листѣ къ вашему Государю ничего высокаго не писалъ и новизны ни какой не вставлялъ, а чѣмъ его Богъ даровалъ отъ дѣдъ и прадѣдъ, то онъ отъ начала и есть урожденный Государь всея Руси.» Относительно же Князей былъ данъ отвѣтъ черезъ Бояръ, что они — старые слуги Московскихъ Государей, и когда они теперь отъѣзжали, то ихъ обижали, и по этому велѣно было войскамъ защищать ихъ. Кончался отвѣтъ слѣдующимъ: «Говорено намъ отъ Александра, чтобы намъ съ нимъ не житья не хотѣть, то мы его никогда и не хотѣли.»

Надъ каждымъ отвѣтомъ Москвичей Литовцамъ приходилось долгое время думать. Теперь, когда они снова приготовили [7] посольство, спустя значительное время, и отправили его въ Москву (оно прибыло только 16 Сентября), посломъ былъ второй посолъ предшествующаго посольства, и говорилъ Ивану Васильевичу отъ Александра, что онъ, уразумѣвши отвѣтъ на предшествующее посольство, прислалъ теперь просить опасной грамоты на великихъ пословъ, которые должны пріѣхать для переговоровъ. Посолъ обязанъ былъ по прежнему обратиться отъ Пановъ Рады къ Князю Патрикѣеву, чтобы онъ довѣдался у своего Государя, хочетъ ли онъ съ ихъ Государемъ докончанья и вѣчной пріязни. Отвѣтъ былъ прежній, опасная грамота была дана, и въ ней красовались въ титулѣ Ивана Васильевича слова «Государь всея Руси». Въ продолженіе всѣхъ предшествующихъ пересылокъ видны только требованія Московскаго Правительства; Литовцы развѣ только изъ того, что Яковъ Захарьевичъ, на грамоту Яна Забережскаго о кречетахъ, заговорилъ о напрасномъ разрывѣ переговоровъ, только изъ этого они могли заключить, что Москвичи не

---

[6] Этѣ рѣчи къ Великому Князю и къ Князю Патрикѣеву были содержаніемъ посольства Андрея Олехновича и Войтка Яновича; напечатаны они изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 109, III и № 110. Время пребываніе пословъ въ Москвѣ 29 Іюня—8 Іюля.

[7] Въ Ак. З. Р. т. 1, № 113. Срокъ Посольства обозначенъ издателями «прежде Сентября.»

прочь отъ мира, но объ уступкахъ Москвичей имъ было трудно предполагать. Вѣроятно, по этому теперь, получивши опасную грамоту на пословъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, изъ Литвы въ Москву пріѣхало посольство только 17 Генваря, 1494 года, а между тѣмъ оно было приготовлено 6 Ноября. Къ чему привела эта гордость Москвичей въ сношеніяхъ, свѣдѣтельствуетъ Наказъ Литовскимъ посламъ (хотя очень не полный, какъ можно видѣть это изъ сравненія его съ переговорами), изъ котораго оказывается, что послы должны были дѣлать почти на всѣ требованія Москвичей уступки. Хотя они должны были говорить о Новгородѣ Великомъ, о Лукахъ и Ржевѣ и Великомъ Княженіи Тверскомъ, о Псковѣ и Великомъ Князѣ Рязанскомъ, о Князьяхъ отъѣзчикахъ, и при этомъ о городахъ и земляхъ, недавно занятыхъ Москвичами, и давно бывшихъ спорными, чтобы все это было по старому, на примѣръ, какъ въ договорѣ Василья Васильевича съ Казимиромъ; но послы, начавши съ Новгорода, и «если Московскій Государь того не всхочетъ и они не взмогутъ приперети, то они маютъ ему и того попустити;» и такъ они должны были поступаться постепенно, однимъ за другимъ, «дабы докончанье шло впередъ и изъ того не рушилось.» Послы должны были даже говорить о Князьяхъ Можайскомъ, Шемячичѣ и Верейскомъ, «дабы Князь Великій Московскій гнѣвъ свой имъ отпустилъ, и отчинъ ихъ имъ поступился, а Великій Князь Александръ хочетъ ихъ отпустить изъ своего Панства.»

Въ рѣчахъ къ Великому Князю послы объявили, что Александръ хочетъ докончанья по тому, какъ докончалъ его отецъ съ Великимъ Княземъ Василіемъ. [8] На другой день послѣ рѣчей, послы прислали къ Князю Патрикѣеву напомнить, чтобы былъ разговоръ, какъ о докончаньѣ, такъ и о сватовствѣ, и чтобы быть имъ у Великой Княгини Софьи, а дочери Великаго Князя тамъ же находиться. На это они получили отвѣтъ, что дастъ Богъ докончанье, тогда можно говорить о сватовствѣ и быть у Великой Княгини. Послы послѣ этого были приглашены на переговоры

---

[8] Въ Ак. З. Р. т. 1, № 114, напечатанъ Наказъ Литовскимъ посламъ изъ Литовской Метрики, заключающій въ себѣ рѣчи, какія они должны были говорить о мирѣ и сватовствѣ.

о мирѣ, а когда они заговорили о договорѣ Казимира съ Василіемъ Васильевичемъ, то Бояре отвѣчали: «Тотъ договоръ заключенъ по неволѣ, а нужно заключить такой договоръ, какой былъ между Семеномъ Ивановичемъ и Ольгердомъ.» Литовцы отвѣчали, что этотъ договоръ былъ заключенъ по невзгодѣ Ольгерда и Кейстута. Когда начали говорить о Новгородѣ, Твери, Псковѣ и о городахъ захваченныхъ, чтобы быть всему этому по старому, и когда наконецъ послы объявили, что они поступаются всѣмъ, относящимся до Новгорода, Пскова и Твери, но захваченные города должны быть возвращены, а то и докончанью не быть, то на это, чрезъ нѣсколько времени, получили отвѣтъ: «Поступается вашъ Государь намъ Новгорода, Пскова и Твери; ино, милостью Божіею, они изъ старины отчина наша, и нынѣ есть за нами, такъ что же онъ нашимъ же поступается? А если хочетъ вашъ Государь докончанья и вѣчной пріязни, такъ пусть живетъ по старымъ докончаньямъ предковъ, и что за собою держитъ наше, ино бы того намъ поступился.» Послы говорили: «Государь нашъ за собою вотчинъ Великаго Князя не держитъ, а держитъ свою.» Тогда, послѣ многихъ рѣчей «въ разговоръ,» Великій Князь объявилъ чрезъ Бояръ свои главныя окончательныя условія: «Съ Божіею помощію, желая мира и докончанья, мы выступаемъ изъ докончаній нашихъ предковъ, отказываемся отъ Смоленска и Брянска, и хотимъ мира такъ: кто что держитъ въ своемъ Государствѣ, то пусть и держитъ.» Такимъ образомъ дѣло дошло до захваченнаго собственно отъ Литвы, и это все Москвичи требовали уступить; тутъ Послы объявили: «Инако дѣлать намъ не наказано, какъ уже молвили.» На этомъ переговоры остановились.

Въ Воскресенье Послы были на обѣдѣ у Князя Патрикѣева, но объ дѣлѣ не говорили; тогда Великій Князь приговорилъ, чтобы послать въ Понедѣльникъ Дьяка, Ѳедора Курицына, къ посламъ отъ Князя Патрикѣева. Курицынъ, явившись къ посламъ, сказалъ: «Послалъ меня Князь Иванъ Юрьевичъ, что присылали вы (т. е., не вы Послы, а вы въ числѣ своей братьи, Пановъ Рады Литовскаго Великаго Княжества) къ нему прежде (изъ Литвы) Пана Войтка (что былъ посломъ объ опасной грамотѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ), что хотите съ нимъ видѣться, и рѣчи говорить.» Послы отвѣчали: «Прежде присылали, старшій

изъ насъ, Панъ Бискупъ, и Панове братья, до его Милости, и говорили, что хотятъ мира, а онъ говорилъ, чтобы пріѣзжали великіе послы; а нынѣ мы пріѣхали, и дѣло еще не кончилось; а съ Господиномъ Княземъ мы ради теперь видѣться; а отказъ на это дадимъ чрезъ своего.» Когда Курицынъ вышелъ отъ пословъ, то они за нимъ послали и спросили: «Какъ видѣться съ Княземъ Иваномъ, и гдѣ говорить съ нимъ?» Курицынъ: «Гдѣ хотятъ Паны: на дворѣ ли Великаго Князя, или у самаго Князя Ивана». Послѣ этого послы отправили Писаря къ Князю Патрикѣеву, что хотятъ съ нимъ видѣться, и онъ отвѣчалъ, что видѣться имъ на Государевомъ Дворѣ, какъ по нихъ пришлетъ Князь Великій. На другой день, во Вторникъ, Великій Князь приказалъ посламъ быть на дворѣ. Прежде, при началѣ переговоровъ, послы приказывали сказать Князю Патрикѣеву, чтобы, вмѣстѣ съ переговорами о докончаньѣ, былъ разговоръ и о сватовствѣ, и чтобы имъ, посламъ, быть у Великой Княгини Софьи, и дочери Великаго Князя тутъ же находиться; теперь Князь Патрикѣевъ приказалъ сказать посламъ чрезъ Пристава: «Хотѣли вы быть у Великой Княгини, ино вамъ быть нынѣ у нее.» Послы спросили Пристава: «Быть ли дочерямъ у Великой Княгини?» Приставъ отвѣчалъ: «Дочерямъ не быть». Послѣ этого разговора послы были у Великаго Князя и у Великой Княгини, правили поклонъ отъ своего Великаго Князя и поминки явили отъ себя; точно такъ же и ихъ спрашивали о здоровьѣ ихъ Великаго Князя и объ ихъ здоровьѣ. Когда послы вышли отъ Великой Княгини, то Приставъ объявилъ имъ: «Панове, хотѣли видѣться съ Княземъ Иваномъ, и онъ здѣсь, въ другой горницѣ». Послы вошли въ эту горницу; здѣсь находились Князь Патрикѣевъ съ сыномъ, Князь Семенъ Ряполовскій, Казначей Димитрій Владимировичъ и Дьяки Ѳедоръ Курицынъ и Андрей Майко. Послы и Бояре говорили многія рѣчи о любви и докончаньѣ. Съ этого дни начались переговоры о городахъ и волостяхъ, захваченныхъ Москвичами отъ Литвы. Бояре объявили прежде, что все, что теперь находится во владѣніи обоихъ Государствъ, то и должно быть оставлено за ними; но послы о самомъ важномъ Московскомъ прибыткѣ отъ Литвы, о Вязьмѣ, предложили слѣдующее: такъ какъ одни Князья Вяземскіе служатъ Литвѣ, а другіе Москвѣ, и ихъ владѣнія трудно разобрать, «и когда Государи будутъ въ докончаньѣ и кровномъ связаньѣ, о

Вязьмѣ смолву учинятъ и обыщутъ, куды Вязьма изъ старины была, ино тогда одинъ другому поступиться». Но такъ какъ на это не соглашались Бояре, то послы о большой части городовъ и Княжескихъ владѣній предлагали ихъ оставить «на обыскъ». Да поговоривъ много спорныхъ рѣчей, сначала «спустили о Вязьмѣ,» потомъ о другихъ городахъ, что ихъ въ доканчаньѣ написать въ сторону Московскаго Государя. Точно такъ же и Бояре «спустили» о Мосальскѣ и нѣкоторыхъ волостяхъ, да на томъ и конецъ учинили; а о Новгородѣ постановили, что его граница по старымъ рубежамъ. Послѣ этого послы сказали Боярамъ, что у нихъ есть посольство къ Великому Князю о сватовствѣ, и Бояре положили на нихъ, какъ они его хотятъ править. Послы рѣшили править его на другой день послѣ послѣдняго дня переговоровъ, въ Воскресенье (2 Февраля). Въ этотъ день послы были у Великаго Князя, подали вѣрющую грамоту, и старшій изъ нихъ, Петръ Яновичъ Бѣлой, говорилъ отъ Александра: «Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и докончанье, какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ съ тобою еще лѣпшаго пожитья, была бы на то Божья воля, далъ бы ты за насъ дочь свою, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной пріязни и кровномъ связаньѣ нынѣ и на вѣки». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «Слышалъ ваши рѣчи, и съ Божіей волею хотимъ то дѣло дѣлать съ вашимъ Государемъ, и какъ Богъ захочетъ, такъ дѣло и будетъ». Послѣ этого былъ оффиціяльный обѣдъ на дворѣ у Великаго Князя, и обыкновенно слѣдующее за нимъ угощенье пословъ у нихъ на подворьѣ.

Предъ этѣмъ, какъ мы можемъ видѣть, Московское Правительство постоянно старалось отдѣлять дѣло мира отъ сватовства, и только разъ, когда переговоры остановились при разговорахъ о городахъ и волостяхъ, взятыхъ у Литвы, Бояре предложили посламъ быть у Великой Княгини, но тамъ не было дочери Великаго Князя, съ этого же времени, когда положительно опредѣлили о владѣніи земель, то переговоры о мирѣ и сватовствѣ соединяются вмѣстѣ. 5-го Февраля послы были у Великаго Князя, и Бояре съ ними говорили о докончаньѣ, и велѣли читать предъ ними образцовой списокъ договорной грамоты. Въ этомъ спискѣ, въ титулахъ Государей, Московскій Великій Князь былъ названъ «Государемъ всея Руси». Не видно, чтобы послы что ни будь сказали объ этомъ;

они похвалили списокъ, и велѣли съ него писать на чисто. При этомъ они выставили только требованіе, чтобы написать въ докончаньѣ украйныя мѣста, а потомъ написать, чтобы служебныхъ Князей не принимать; Бояре дали на это согласіе и на томъ уложили.

Послѣ этого отъ Великаго Князя вышелъ Князь Патрикѣевъ съ Боярами говорить о сватовствѣ. Бояре сказали посламъ отъ Государя: «Говорили вы отъ своего Государя, чтобъ намъ дать за него свою дочку, и мы, съ Божіею волею, хотимъ ее за него дать.» Послы сказали: «Боже то дай!» Если Литовцы къ отношеніямъ Государствъ присоединили отношенія ихъ Государей, то теперь Москвичи присоединили слѣдующее: Бояре начали говорить о Греческомъ Законѣ и о Римскомъ, чтобъ Великой Княжнѣ въ томъ отъ Государя неволи не было, была бы она въ своемъ Греческомъ Законѣ. Послы объявили: «Той неволи не быть, и наши головы въ томъ порука; а какъ будутъ послы отъ Государя нашего, то и крѣпость на томъ учинятъ». Бояре донесли объ этомъ Великому Князю, и онъ имъ приказалъ сказать посламъ: «Если говорите, что Государь вашъ неволи не хочетъ учинить моей дочери о Греческомъ Законѣ, то мы отдаемъ за него свою дочь, и завтра будете вы у Великой Княгини, тамъ увидите Княжну, и тогда же обручанью быть».

На другой день послы пріѣхали на дворъ Великаго Князя, и пошли къ Великой Княгинѣ. Здѣсь находилась и Великая Княжна, Елена Ивановна. Впечатлѣніе, производимое Еленой Ивановной на другихъ, говорятъ, было хорошее; о послахъ, которые послѣ пріѣхали уже за ней, разсказываютъ, что когда они взглянули въ первый разъ на нее, «то уразумѣли, что это Ангелъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и подъ этѣмъ впечатлѣніемъ, засмотрѣвшись на ея красоту, они нѣкоторое время стояли безмолвно, какъ вкопаные.» [9] Теперь второй посолъ, Панъ Станиславъ Гастольдъ, правилъ Еленѣ Ивановнѣ отъ Великаго Князя Александра поклонъ, и притомъ представили поминки. Великая Княжна велѣла Окольничему спросить о здоровьѣ пословъ, объ здоровьѣ же Великаго Князя не спрашивала. Послѣ смотринъ, когда послы вышли отъ Великой

---

[9] Ак. Юж. и Зап. Р. т. 2, № 79, стр. 112.

Княгини, то Казначей, Димитрій Володимировичъ, отъ Великаго Князя и Бояръ спросилъ: «Панове! Видѣли вы Великую Княжну, ино какъ дѣлу быть?» Послы отвѣчали: «Вы, Бояре, вчера говорили, что нынѣ обручанью быть, такъ то дѣло и было бы». Димитрій Володимировичъ объявилъ объ этомъ Великому Князю. Тогда Князь Великій, «сѣдъ съ Великою Княгинею, и Княжна тутъ же была да и Бояре,» пригласили пословъ и началось обручанье: Священники читали молитвы; крестами, цѣпями и перстнями мѣнялись. Мѣсто Великаго Князя, Александра, при обручаньѣ заступалъ второй посолъ, Панъ Станиславъ Гастольдъ, а первый посолъ былъ отъ этого отставленъ того дѣля, что у него была другая жена.

Послѣ обручанья послы поѣхали къ себѣ на подворье, и на другой день были приглашены на дворъ Великаго Князя. Бояре имъ объявили, что докончальныя грамоты уже переписаны на чисто, и по этому Государь къ грамотѣ, которая должна быть у Великаго Князя, Александра, велитъ привѣсить свою печать, и крестъ на ней поцѣлуетъ, а послы бы то же сдѣлали за своего Государя, что онъ поцѣлуетъ крестъ на докончальной грамотѣ и свою печать къ ней привѣситъ. Послы дали согласіе, и послѣ этого происходило крестное цѣлованіе Ивана Васильевича и пословъ на докончаньѣ.

Такимъ образомъ былъ заключенъ договоръ о вѣчномъ мирѣ и союзѣ между Московскимъ и Литовскимъ Государствами. [10] 9-го Марта отправилось въ Литву изъ Москвы посольство, для присутствія при присягѣ Александра на договорѣ; присяга была дана. Пріобрѣтенія по договору для Москвы были весьма значительны: между Псковскими, Новгородскими и Тверскими областями, отчинами Московскаго Государя, границы шли по старымъ рубежамъ; далѣе граница шла отъ Ржевы на юго-востокъ дугою, оставя Вязьму и Рославль въ Московскихъ владѣніяхъ, а Брянскъ въ Литовскихъ. Но для насъ не столько важны земельныя пріобрѣтенія, утвержденныя этѣмъ договоромъ за Москвою, какъ то, что съ этѣмъ договоромъ и переговорами о немъ связана, мож-

---

[10] Этотъ договоръ напечатанъ изъ Польскихъ дѣлъ у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 222—234; У Карамзина т. 5, пр. 396; С. Г. Г. и Д т. 5, № 29.

но сказать, исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Московскаго Государства къ Польско-Литовскому; здѣсь собственно начинается ихъ новая исторія. Стремленіе къ прекращенію средневѣковыхъ отношеній Государствъ первые высказали Литовцы, именно тѣмъ, что они, хотя натолкнутые необходимостію, поставили условіе, что впередъ служебныхъ Князей съ отчинами не принимать, и тѣмъ дѣлали препятствіе одному изъ старыхъ средневѣковыхъ порядковъ. Почипъ этого дѣла принадлежалъ Литовцамъ, потому что Польско-Литовское Государство, представитель средновѣковой Европы въ новѣйшія времена, не могшее уничтожить у себя старыхъ, вредныхъ для Государства, порядковъ, хотѣло устроить дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы враги не могли пользоваться этѣми порядками въ свою пользу. Но Литовцы только и сдѣлали въ свою пользу, между тѣмъ какъ Московское Государство, со времени борьбы Дмитрія Шемяки съ Василіемъ Темнымъ, стало на столько твердо на почвѣ новыхъ Государственныхъ началъ, что отдѣляло интересы Государства отъ личныхъ интересовъ Государя; Литовцы же въ этомъ отношеніи, подъ вліяніемъ среднихъ вѣковъ, и изъ за временныхъ выгодъ, нетолько желали навязать Москвичамъ подобные пріемы, не отдѣлять интересы Государства отъ личныхъ интересовъ Государя, но и сами оставили этѣ порядки у себя. Мало того, они допустили употребленіе въ договорѣ титула «Государь всея Руси,» и при томъ, сдѣлавши всякіе уступки требованіямъ Москвичей, за брачный союзъ Александра съ дочерью Ивана Васильевича, поторопились еще дать обѣщаніе о Греческомъ Законѣ. Это обѣщаніе развилось въ заключеніе въ главное отношеніе и въ право вмѣшательства Москвичей во внутреннія дѣла Польско-Литовскаго Государства, какъ покровителей лицъ, принадлежащихъ къ Восточной Греко-Россійской Церкви. Въ этомъ отношеніи Литовское Правительство при Александрѣ, желая устроить свои отношенія къ Москвѣ, какъ они были при Витовтѣ, напротивъ, дало возможность разрушить то, что съ такимъ успѣхомъ подвигали впередъ Ольгердъ и Витовтъ своимъ стремленіемъ имѣть для Литовско-Русскаго Великокняженія самостоятельную церковную іерархію, не зависящую отъ Митрополитовъ, живпшихъ въ Москвѣ. Это новое право Московскаго Правительства явилось отъ того, что оно поспѣшило воспользоваться обѣщаніемъ Литовцевъ о Греческомъ Законѣ и развить его, въ

дѣйствительное обязательство; послѣднему способствовало то, что Литовцы, давши собственно право слѣдить за чистотою Православія одной Елены Ивановны, своими поступками и неосмотрительностію, въ родѣ того, что они постоянно оправдывались, что въ Литвѣ Православныхъ не нудятъ къ Римскому Закону, такъ сказать, показали Москвичамъ, что они признаютъ дѣйствительно, во всей цѣлости, за ними право защитниковъ Православія.

Съ мгновенія утвержденія этого договора Александромъ цѣль дѣйствій всякаго истинно Русскаго Правительства опредѣлилась на всю будущую исторію такъ, что оно должно дѣйствовать, если не желаетъ рисковать собственнымъ своимъ существованіемъ, во первыхъ, только въ интересахъ Государственныхъ, во вторыхъ, что Московскій Государь есть въ то же время Государь всея Руси, и въ третьихъ, что Государь всея Руси имѣетъ право и обязанъ защищать Православныхъ. Но такъ какъ самый договоръ 1494 г., 5-го Февраля, не давалъ еще права толковать съ Литовцами о людяхъ Греческаго Закона, то все за тотъ же бракъ, тотчасъ послѣ перваго договора, Московское Правительство вытребовало отъ Литовскаго обязательство и на это.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: не уже ли же Литовское Правительство, ни минуты не подумавши, рѣшилось такъ дорого купить жену для своего Государя? Мы видѣли и увидимъ ниже, что, напротивъ, Литовцы надъ этѣмъ очень много думали, но въ конечномъ итогѣ пришли къ убѣжденію, что можно поступать такъ, какъ они поступали, и выказали этѣмъ убѣжденіемъ презрѣніе ко всему, носящему Русское имя, презрѣніе, какое можетъ чуствовать только Полякъ, и въ особенности ополячившійся: они дѣлали за бракъ уступки въ надеждѣ, не только сдѣлать ихъ въ послѣдствіи недѣйствительными, но даже были убѣждены, какъ увидимъ ниже, что всѣ захваченныя земли будутъ безвозмездно имъ возвращены, и даже будетъ сдѣлано что-то болѣе того. Но въ этомъ убѣжденіи ополячившіеся люди ошиблись, для того, чтобы почувствовать къ Русскимъ людямъ еще больше презрѣніе, и послѣ этого поступать съ ними еще болѣе неосмотрительно, чтобы, въ заключеніе, еще больше ошибиться.

II.

Какъ только Иванъ Васильевичъ поцѣловалъ крестъ на договорѣ, то велѣлъ посламъ выступить въ другую горницу, и выслалъ къ нимъ Князя Патрикѣева съ Боярами. Бояре говорили посламъ о томъ, чтобы Великій Князь Александръ далъ утвержденную грамоту о держаніи Еленою Ивановной Греческаго Закона, и при этомъ велѣли прочесть предъ послами образецъ такой грамоты; она была слѣдующаго содержанія: «Мы, Александръ (титулъ), дали есмы этотъ листъ брату моему и тестю, Іоанну, Государю всея Руси (титулъ), на то, что за меня далъ свою дочерь, Елену, и намъ его дочери не нудить къ Римскому Закону, держать ей свой Греческій Законъ». Выслушавъ грамоту, послы сказали: «Такую грамоту нашъ Государь дастъ за своею печатью». Списокъ съ этой грамоты они взяли себѣ. Въ Воскресенье на Масляное заговѣнье былъ посламъ офиціяльный обѣдъ у Великаго Князя; здѣсь ихъ дарили, «сватовства дѣля,» отъ Великаго Князя, Великой Княгини и невѣсты. Послѣ пира пословъ угощали (поили) на ихъ подворьѣ; а на другой день Великій Князь послалъ къ нимъ противъ ихъ поминокъ, «да что и свыше надавалъ». 11-го Февраля посламъ былъ данъ отпускъ, а 12-го они поѣхали въ Литву.

9-го Марта отправилось изъ Москвы въ Литву посольство, съ громаднымъ поѣздомъ; оно ѣхало, какъ для присутствія при цѣлованіи креста Александромъ на договорѣ о мирѣ, такъ и по случаю сватовства. Послы должны были говорить отъ Ивана Васильевича Алексадру: [11] «Мы, съ Божіею волею, даемъ свою дочь за тебя, и обручали ее съ тобою твоими послами. Мы здѣсь твоимъ посламъ велѣли говорить о Греческомъ Законѣ, и послы сказали, что держать нашей дочери Греческой Законъ, и отъ тебя ей въ томъ неволи не будетъ; да послы взяли и списокъ, какую тебѣ дать грамоту о Греческомъ Законѣ за своею печатью, и ты бы далъ ее намъ». Московскимъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, чтобы Великій Князь Александръ далъ такую грамоту слово въ слово по списку, а если Великій Князь крѣпко не захочетъ давать грамо-

---

11 Рѣчи Московскихъ пословъ этого посольства напечатаны изъ Литовской Метрики въ Актахъ Зап. Рос. т. 1, № 116.

ты, то объ ней не стоять, а утвердить его рѣчьми, чтобы крѣпкое слово молвилъ, что неволи въ Вѣрѣ Еленѣ Ивановнѣ не будетъ. А начнутъ Боярамъ говорить о срокѣ, когда по Княжну пріѣзжать, то назначать срокъ на ранѣе Петрова (29-го Іюня), или Ильина (20-го Іюля), дни, а если захотятъ позднѣе, то на ихъ волѣ »

По дорогѣ въ Литву вездѣ Бояръ встрѣчали съ почетомъ и угощали; еще большій почетъ былъ имъ оказанъ въ Вильнѣ. Когда Бояре проговорили рѣчи о сватовствѣ, то имъ, безъ всякихъ разговоровъ, подали грамоту о Греческомъ Законѣ. Но прочитавъ грамоту, Бояре отказались ее принять, по тому случаю, что въ ней была приставлена строчка противъ Московскаго списка: «а коли похочетъ своею волею приступить къ нашему Римскому Закону, ино ей въ томъ воля». О крѣпкомъ словѣ, которымъ можно было ограничиться, они уже не упоминали. На отпускѣ этѣхъ пословъ Великій Князь Александръ, отступивъ немного отъ своего мѣста, давалъ руку Боярамъ и говорилъ: «Мы брату и тестю нашему дякуемъ за то, что онъ хочетъ съ нами жить въ кровномъ связаньѣ и вѣчной пріязни.» Послѣ же его словъ, бывшій посломъ о мирѣ и сватовствѣ, Панъ Петръ Яновичъ, Воевода Троцкій, говорилъ: «Нашъ Государь, по желанію вашего, давалъ вамъ листъ о Греческомъ Законѣ, и вы его не хотѣли взять, и по этому нашъ Государь пошлетъ до вашего своихъ пословъ объ этомъ дѣлѣ и о другихъ». [12] Съ этѣмъ отказомъ Бояре (30-го Апрѣля) поѣхали въ Москву. Ихъ провожали по прежнему; но послѣ этого посольства пересылка о сватовствѣ на время прекратилась, и обѣщанное посольство не являлось слишкомъ три мѣсяца. Изъ Москвы не заговаривали объ этомъ дѣлѣ, и пересылки между Правительствами шли о дѣлахъ служебныхъ Князей. [13] Наконецъ, 13-го Августа,

---

[12] Слова Александра и рѣчь Воеводы Троцкаго напечатана изъ Литовской Метрики въ Ак. Зап. Р. т. 1, № 116. II.

[13] Было два Посольства: изъ Литвы о Князѣ Мезецкомъ и изъ Москвы о Княгинѣ Бѣльской. Посольство о Князѣ Мезецкомъ напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 122. Посольство дѣйствительно было въ Октябрѣ, котораго же числа оно было, я изъ дѣлъ Польскихъ не замѣтилъ. Впрочемъ, этѣ Посольства по своему значенію не важны.

пріѣхалъ изъ Литвы посолъ, Лютаворъ Хребтовичъ. Въ рѣчахъ къ Великому Князю онъ благодарилъ, по прежнему, отъ имени своего Государя, за то, что Иванъ Васильевичъ даетъ за него свою дочь, и потомъ прибавилъ, что Великій Князь, Александръ, давалъ Боярамъ грамоту по тому, какъ той грамотѣ слѣдовало быть, но они ее не взяли. Лютаворъ представилъ и списокъ грамоты. [14] Объ этомъ же говорилъ Лютаворъ и Боярамъ, которые въ послѣдній разъ были послами въ Литвѣ. Когда дѣло дошло до переговоровъ съ Боярами, то послѣдніе прямо объявили: «Паны послы, Петръ и Станиславъ, обѣщались, что Великій Князь Александръ дастъ требуемую грамоту слово въ слово противъ списка; такъ отъ чего же онъ теперь ее не даетъ?» Лютаворъ отвѣчалъ: «Что мнѣ наказалъ мой Государь, то я и говорилъ Великому Князю, а больше мнѣ ни чего не наказано». На этотъ отвѣтъ Бояре сказали: «Великій Князь согласился дать свою дочь за вашего Государя, если онъ дастъ грамоту о Греческомъ Законѣ, какую видѣли сами Паны послы; но когда Великій Князь Александръ такой грамоты не дастъ, то и нашему Государю нельзя за него дать своей дочери; и то дѣло не мы рушимъ, а рушитъ его Великій Князь Александръ».

Послѣ этѣхъ переговоровъ Лютаворъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ Великому Князю, Василію Ивановичу, и послѣ обѣда сказалъ своему Приставу, что ему нужно видѣться съ Бояриномъ Дмитріемъ Володимировичемъ и Дьяками; по этому онъ былъ приглашенъ прибыть для разговоровъ на слѣдующій день. Теперь Лютаворъ говорилъ: «Пане Дмитріе! Вчера ты намъ говорилъ отъ своего Государя: такъ что же вашъ Государь не хочетъ брать таковой грамоты, какую мы давали, и того дѣля не хочетъ дать своей дочери за нашего Государя? А нашъ Государь прислалъ съ нами и другія рѣчи; да ему казалось, что прежней грамоты Бояре не взяли ради спора; а то, что строка о Римскомъ Законѣ вставлена въ той грамотѣ, такъ онъ чаялъ, что вашъ Государь ту строку полюбитъ. Вы же не думайте, что я говорилъ, что нашъ Государь не дастъ такой грамоты, какой вы требуете; такого дѣла я не

---

[14] Рѣчи Лютавора къ Великому Князю напечатаны изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 116, III, первые три пункта.

могу на себя взять, по тому что мнѣ того не наказано. По моему же разуму кажется, что если вашъ Государь накажетъ о той грамотѣ со мною, то нашъ Государь пришлетъ ее, и строчку о Римскомъ Законѣ велитъ выкинуть, по тому что не уже ли изъ за строчки между Государями свойству не быть? да и нашъ Государь во всемъ полагается на вашего». Послѣ такой рѣчи Лютавору данъ былъ образцовый списокъ грамоты о Греческомъ Законѣ, и Бояре сказали: «Прежде Бояре съ Панами говорили о срокѣ, когда пріѣзжать за Княжной, да тогда дѣло о грамотѣ не свелось, такъ и о срокѣ конца не уложили; а теперь бы Князь Великій, Александръ, прислалъ ту грамоту не мѣшкая, и съ кѣмъ ту грамоту пришлетъ, то съ тѣмъ бы и о срокѣ наказалъ, чтобы намъ было вѣдомо.»

И такъ дѣло встало, какъ желали въ Москвѣ. Лютаворъ поѣхалъ въ Литву 30-го Августа. Но тамъ опять надъ этѣмъ дѣломъ продумали до Ноября мѣсяца. Въ этѣ промежутки между посольствами о сватовствѣ, какъ надо полагать, происходили пересылки между Вильной и Римомъ о бракѣ Католическаго Государя съ дочерью раскольника, и изъ Рима дано было дозволеніе рѣшиться на такое дѣло по нуждѣ. Въ Ноябрѣ (16) пріѣхалъ изъ Литвы въ Москву Писарь Адамъ: онъ привезъ требуемую грамоту о Греческомъ Законѣ и объявилъ, что Паны за Княжною пріѣдутъ на Рождество Христово. [15] Самъ Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на это посольство, «что если Паны, за которыми дѣлами не успѣютъ въ Москвѣ быть на тотъ срокъ, то, по крайней мѣрѣ, были бы на Рождествѣ, такъ, чтобы нашей дочери быть у Великаго Князя, Александра, за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго».

На Крещенье 1495 года пріѣхало въ Москву посольство за Княжной, Еленой Ивановной; въ числѣ пословъ былъ много хлопотавшій о сватовствѣ Панъ Янъ Забережскій, но съ послами не было ихъ женъ. Послѣ рѣчей пословъ о цѣли ихъ пріѣзда и правленія поклоновъ семейству Великаго Князя, они явили отъ себя поминки Великому Князю, его дѣтямъ и внуку; когда по-

---

[15] Рѣчи Пана Адама см. Ак. З. Р. т. 1, № 116, IV, и грамоту о Греческомъ Законѣ V; Дана эта грамота 26 Октября, индикта 13, въ Ковнѣ.

слы, правили отъ Александра поклонъ и представили поминки отъ себя Княжнѣ, Еленѣ Ивановнѣ, то Княжна, чрезъ Боярина, дяковала Панамъ. Въ этотъ день пріема пословъ для нихъ былъ данъ торжественный обѣдъ. Литовское описаніе этого посольства [16] разсказываетъ, что во время пира самъ Царь и Великій Князь Московскій, вспомнивъ подарки, пилъ романею за здоровье Великаго Князя, Александра, и выпивши молвилъ: «Чѣмъ бы тѣ подарки можно отдарить?» Послы встали и низко ударили челомъ, какъ Царю, и сказали: «Тѣ подарки потребуютъ великой пріязни Вашей Царской Милости къ нашему Великому Князю, Королевичу Польскому, Александру». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «А какой? Не откажу». Послы въ другой разъ поклонились и сказали: «Нашъ Великій Князь не имѣетъ отца, такъ проситъ, чтобъ твоя Царская Милость принялъ его и былъ ему вторымъ отцомъ, давши за него дочь свою, Елену». «До утра», сказалъ Иванъ Васильевичъ, «а теперь прошу будьте веселы въ палатахъ нашихъ», и, сказавъ это, вышелъ вонъ, приказавъ Боярамъ угощать Пановъ. Послѣ угощенья на дворѣ, Бояре отправились угощать Пановъ на ихъ подворьѣ.

Это было 10-го Генваря, а 11-го, въ Воскресенье, послы встали рано и поѣхали къ обѣднѣ въ Успенскій Соборъ; здѣсь былъ Иванъ Васильевичъ, обѣдню служилъ самъ Митрополитъ. По окончаніи службы послы, приглашенные черезъ Бояръ, пошли за Иваномъ Васильевичемъ. Когда они вошли въ покои, Великій Князь спросилъ ихъ о здоровьѣ. Послы благодарили за вчерашнее угощенье и сказали: «Государь нашъ челомъ бьетъ о дочери вашей, Еленѣ, и будетъ вамъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ на всякаго непріятеля». Иванъ Васильевичъ заплакалъ и сказалъ: «Если такъ Богу угодно, то да будетъ его воля!» За это послы опять били челомъ «до земли». Московскій официіяльный разсказъ объ этомъ времени, не упоминая о слезахъ Ивана Васильевича,

---

[16] Напечатано въ Ак. Юж. и З. Р. т. 2, № 79. Эта записка позднѣйшей переписки и изъ сличенія ея съ Московскими официіяльными бумагами оказывается, что она въ нѣкоторыхъ данныхъ расходится съ ними; это могло произойти отъ того, что въ Литовской запискѣ главное вниманіе обращено на пиры и чувствительныя сцены, въ Московскихъ же бумагахъ только на политическую сторону дѣла.

говоритъ, что послы были у Великаго Князя и онъ имъ говорилъ: «Панове, молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобы онъ, на чемъ намъ слово молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, и нашу дочь ни которыми дѣлами къ Римскому Закону не нудилъ; а если и похочетъ наша дочь сама къ Римскому Закону приступить, мы ей на то воли не даемъ, да и онъ ей тоже на то воли не давалъ бы, чтобы изъ за этого между нами любовь и дружба не рушилась. Да также молвите ему: какъ дастъ Богъ наша дочь будетъ за нимъ, то онъ ее, нашу дочь, а свою Великую Княгиню, жаловалъ бы и держалъ такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша къ своей дочери его жалованье, были о томъ веселы. Да молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобъ онъ учинилъ, насъ для, велѣлъ нашей дочери, а своей Великой Княгинѣ, поставить церковь нашего Греческаго Закона на переходахъ у своего дворца, у ее хоромъ, чтобъ ей близко къ церкви ходить, а его бы жалованье нашей дочери намъ добро слышати. Да молвите отъ насъ Бискупу да Панамъ, вашей братьѣ, всей Радѣ, да и сами того поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, чтобы между насъ братство, любовь и прочная дружба не порушилась, доколѣ дастъ Богъ». И въ этотъ день послы обѣдали у Великаго Князя. [17]

12-го Генваря послы были приглашены на дворъ Великаго Князя и были спрошены, кому вѣнчать молодыхъ. Послы сказали, что вѣнчать Великаго Князя Бискупу, а Княжну Митрополиту, а если его не будетъ, то Владыкѣ. Объ этомъ рѣшеніи въ этотъ же день послы отправили въ Литву грамоту. Послѣ переговоровъ объ вѣнчаньѣ шли еще переговоры о Князьяхъ. Такъ описываютъ этотъ день Московскія правительственныя бумаги; но, вмѣсто разсказа объ этѣхъ событіяхъ, Литовская записка говоритъ, что когда послы пріѣхали въ этотъ день въ экипажѣ, присланномъ за ними, на дворъ Великаго Князя, то онъ, взявши двухъ старшихъ пословъ за руки, повелъ ихъ чрезъ свои компаты, обитые золотомъ, къ Великой Княгинѣ; съ ними шелъ и Митрополитъ. Когда во-

[17] Въ Литовской запискѣ сказано, что послѣ слушанія у Царя Митрополитъ просилъ пословъ къ себѣ на кушанье, а въ Московской правительственной запискѣ сказано, что послы ѣли у Великаго Князя, а не пили; поитъ посылали на подворье.

шли къ Великой Княгинѣ, то послы поклонились ей до земли и просили у нея дочери ея замужъ за ихъ Государя. Великая Княгиня отвѣчала: «То Божья воля и дѣло моего Государя» (Царя). Въ это время вошла Княжна Елена Ивановна къ своему отцу, и уклонившись стала. Послы, взглянувши на нее, уразумѣли, что это ангелъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и, засмотрѣвшись красотѣ, нѣкоторое время стояли какъ вкопаные; потомъ пали ей до ногъ и просили, чтобы она ихъ Государя держала въ ласкѣ; она же заплакала. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ спросилъ пословъ, имѣютъ ли они съ собою портретъ Великаго Князя Александра? По этому послали на подворье, и портретъ былъ принесенъ. Александръ былъ написанъ весьма красивый: лицо бѣлое, щеки румяныя, глаза черные, усъ только что пробивался. Посмотрѣвъ на портретъ, Иванъ Васильевичъ сказалъ: «Настоящій Королевичъ Польской! Ну, Елена, пусть малеванный остается у меня въ покояхъ, а тебѣ живой Великій Князь Александръ будетъ навсегда пріятель». Послѣ этѣхъ словъ Иванъ Васильевичъ благословилъ дочь, а послы, ударивши челомъ, цѣловали руку Цареву, Царицыну и Царевны, и имъ сказано, что ѣхать въ путь завтра рано.

13-го Генваря, послѣ обѣдни въ Успенскомъ Соборѣ, на которой присутствовали: самъ Великій Князь съ Великою Княгинею, снохою, дѣтьми и Боярами, было прощанье. Великій Князь, стоя у правыхъ дверей, подозвалъ къ себѣ Пановъ и говорилъ имъ ту же рѣчь къ Александру, что и прежде. Послѣ этого они вышли на помостъ, у котораго стояла тапкана (экипажъ), долженствовавшая везти Елену Ивановну въ Литву: здѣсь, простившись съ дочерью, Великій Князь давалъ руку Панамъ и приказалъ передать Александру отъ себя и Великой Княгини поклонъ, а отъ дѣтей челобитье. Въ третьемъ часу дня Елена Ивановна, сопровождаемая громаднымъ поѣздомъ и обозомъ съ вещами, выѣхала изъ Москвы. [18] До Дорогомилова провожалъ ее Великій Князь Василій;

---

[18] Въ Литовской запискѣ сказано, что послы, съѣвши обѣдъ у Великаго Князя, взявши листы и поминки, выѣхали изъ Москвы. Въ Московскихъ бумагахъ объ обѣдѣ ни чего не сказано. Въ Литовской далѣе говорится, что поѣздъ для проводовъ состоялъ изъ войска въ 2,000 человѣкъ, а возовъ скарбныхъ съ гербами выправлено до Литвы нѣсколько тысячъ.

здѣсь онъ угощалъ пословъ обѣдомъ; Княжна же обѣдала у себя; на другой день послы поѣхали впередъ, Княжна же дневала на Дорогомиловѣ; къ ней пріѣхали отецъ, мать и Великая Княгиня, Елена. Отецъ, пробывъ нѣкоторое время, воротился въ Москву; Великія же Княгини остались ночевать у невѣсты; на третій день отецъ опять пріѣхалъ къ Еленѣ Ивановнѣ; теперь было настоящее прощанье, и послѣ обѣдни свадебный поѣздъ двинулся въ путь.

Отпуская въ Литву свою дочь, Иванъ Васильевичъ далъ ей списокъ съ своихъ рѣчей, что говорилъ посламъ о Греческомъ Законѣ и, кромѣ того, память: «въ Латинскую божницу не ходить, а ходить ей къ своей церкви; а захочетъ посмотрѣть Латинскую божницу, или монастырь, то посмотрѣть разъ, или два, а больше не ходить. Будетъ въ Вильнѣ мать Александра, и когда пойдетъ къ своей божницѣ и прикажетъ Еленѣ ити съ собою, то проводить свекровь до божницы, и потомъ вѣжливо отпрашиваться въ свою церковь, а въ божницу не ходить».[19] Да кромѣ того иныя многія рѣчи говорилъ Иванъ Васильевичъ своей дочери, чтобы она крѣпко держала Греческій Законъ, а къ Римскому не приступала.

Во главѣ посольства къ Александру находились: Князь Семенъ Ряполовскій и Михайло Русалка; съ ними ѣхали ихъ жены. Посламъ было наказано, какъ Княжна будетъ ѣхать въ Вильну, то по дорогѣ въ городахъ заходить въ соборные церкви и монастыри; гдѣ встрѣтятъ Княжну большіе Паньи, то женамъ Семеновой и Михайловой выступить изъ тапканы, встрѣтить Паней; а садиться Паньямъ въ тапкану, одной или двумъ большимъ, рядомъ съ Княгиней Ряполовской; если встрѣтитъ Княгиня Олельковичъ, то передъ ней Княжнѣ приподняться и посадить противъ себя. Да при случаѣ молвить какъ пригоже, чтобы Паньи не за всегда сидѣли въ тапканѣ, а ночевать имъ у Княжны не дозволять. Вообще на обѣдѣ у Княжны и посламъ не быть; а если учнетъ бить челомъ какой ни будь Панъ, что хочетъ дать Княжнѣ обѣдъ,

---

[19] Этотъ Наказъ Еленѣ Ивановнѣ напечатанъ у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 235; далѣе напечатанъ списокъ Бояръ и Дѣтей Боярскихъ, которые поѣхали съ Великой Княжной.

то Княжнѣ обѣдать, но чтобы на обѣдѣ Пана не было, а была бы только его жена. Великому Князю Тверскому, Князьямъ Шемячичу, Можайскому, Ярославичу и Верейскому, если они, или ихъ жены, захотятъ бить челомъ Княжнѣ, то имъ у нея не быть; да когда Княжна пріѣдетъ въ Вильну, сказать Великому Князю, Александру, чтобъ этѣ Князья и ихъ жены къ его супругѣ не ходили. Кромѣ этого данъ былъ подробный Наказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свадьбы и главное то, что Елена Ивановна на вопросъ Бискупа при вѣнчаньѣ, о томъ, любъ ли ей Великій Князь Александръ, должна отвѣчать: «Любъ мнѣ, и не оставить мнѣ его до живота ни которые ради болѣзни, опричъ Греческаго Закона: держать мнѣ Греческій Законъ, а ему меня къ Римскому Закону не нудить.» А Князь Семенъ Ряполовскій долженъ былъ сказать при этомъ Бискупу, чтобы и Великій Князь Александръ у того же вопроса молвилъ, что ему къ Римскому Закону своей жены не нудить; остальные пункты Наказа были въ томъ же тонѣ.

По Наказу, по пріѣздѣ въ Вильну, Бояре прислали въ Москву подробное описаніе [20] случившагося во время пути и при вѣнчаніи. На дорогѣ къ Вильнѣ встрѣтили Княжну Князья Вяземскіе и принесли поминки. За 5-ть верстъ до Смоленска встрѣтили поѣздъ Паны послы, уѣхавшіе впередъ изъ Дорогомилова, Намѣстникъ Смоленскій и всѣ Смоленскіе жители; Намѣстникъ съ Панами, сошедши съ коней, подошли къ Князю Ряполовскому; онъ вышелъ изъ саней и, пошелъ съ ними къ тапканѣ и представилъ Княжнѣ.

Когда поѣздъ въѣхалъ въ Смоленскіе посады, то Московскія Дѣти Боярскія сошли съ коней и шли пѣшкомъ около тапканы: около моста Бояре, Князь Семенъ и Михайло, вышли изъ саней и также шли пѣшкомъ до Соборнаго храма; здѣсь встрѣтилъ Княжну, въ сопровожденіи духовенства, Смоленскій Владыка съ крестомъ и благословилъ имъ; Княжна вошла въ церковь и слушала молебенъ. Послѣ молебна Княжна поѣхала къ себѣ на дворъ,

---

[20] Оно напечатано съ копіи въ Древ. Рос. Вивл. ч. XIV, стр. 4—22; здѣсь же помѣщенъ Наказъ Еленѣ Ивановнѣ и списокъ лицъ, составлявшихъ посольство и поѣздъ.

куда ее провожали Паны; тутъ Княжна приказала Князю Ряполовскому подчивать ихъ виномъ. На другой день послѣ обѣдни, на которой присутствовала и Княжна, пришли къ ней въ свѣтлицу бить челомъ: жена Намѣстника съ падчерицею и жена Маршалка, Кошкина; тутъ же явился и Смоленскій Владыка съ поминками; ихъ посадили на лавкѣ и подавали вино: Паньямъ сама Княжна, Владыкѣ Князь Ряполовскій. При выѣздѣ изъ Смоленска Намѣстникъ проводилъ поѣздъ съ версту за городъ. Подобное же происходило при проѣздѣ во всѣхъ городахъ Западной Россіи; всюду по мѣстамъ быто било изъ пушекъ, гдѣ до какого мѣста Царевна пріѣзжала па обѣдъ, или на ночь. Еще до Смоленска Бояре начали говорить Панамъ о вѣнчаньѣ, чтобъ быть ему въ Греческой церкви и вѣнчать Митрополиту, или Владыкѣ, или Архимандриту. Паны имъ не давали отвѣта, а говорили, что обсылались объ этомъ съ Великимъ Княземъ, а онъ имъ отвѣта не далъ. Наконецъ, подъѣзжая къ Вильнѣ, Бояре начали говорить Панамъ съ бранью, по чему они отвѣта не даютъ о вѣнчаньѣ, и Паны, поговоривъ между собою, отпустили Яна Забережскаго къ Великому Князю. Янъ воротился изъ Вильны и объявилъ, что вѣнчанью быть въ Римской церкви, а не въ Греческой. Бояре отговаривали это сильно, но по Наказу въ конецъ не упирались. Уже по дорогѣ встрѣчали Княжну посланные отъ ея жениха съ подарками. Въ Марковѣ встрѣтилъ поѣздъ Маршалокъ Станиславъ Стромиловъ, и вмѣстѣ съ нимъ Князь Константинъ Острожскій и Князья Иванъ и Василій Глинскіе. Стромиловъ говорилъ, что присланъ служить Княжнѣ до Вильны; онъ привезъ отъ Великаго Князя возъ (экипажъ) Княжнѣ, великолѣпно убранный, и въ него было запряжено восемь жеребцовъ въ богатой сбруѣ. Паны говорили, чтобы Княжна продолжала путь въ возу, но она приказала Боярамъ это отговорить. За три версты до Вильны выѣхалъ верхомъ на встрѣчу Княжнѣ женихъ, въ сопровожденіи войска, какъ говорятъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ. Великій Князь съ сопровождающими своими остановился предъ тапканой; тапкана тоже остановилась. Московскіе поѣзжане на коняхъ, одѣтые въ соболи и бархатъ, встали около тапканы въ видѣ полумѣсяца. Отъ мѣста, гдѣ стоялъ Великій Князь, до тапканы постлали алое сукно, а у тапканы золотую камку. На камку вышла Княжна, а за нею Боярыни; Князь же Великій сошелъ съ коня и подошелъ по сукну къ Княж-

нѣ, подалъ ей руку, спросилъ о здоровьѣ, подалъ тоже руку и Боярынямъ. Въ это время раздавались крики Литовцевъ: «Хвала Господу за такой великій даръ, что далъ намъ дочь монарха Московскаго имѣть себѣ Паньей! Да здраствуетъ на многія лѣта Великій Князь Александръ, надъ нами пануючи!» Потомъ раздались выстрѣлы изъ мушкетовъ, а Княжна, послѣ свиданья съ женихомъ, снова вошла въ тапкану, и поѣздъ, въ сопровожденіи Литовцевъ, двинулся впередъ. Подъѣзжая къ городу, Великій Князь, Александръ, приказалъ Княжатамъ и Панятамъ сойти съ коней и ити пѣшкомъ по правую сторону тапканы, а Московскія Дѣти Боярскія пошли по лѣвую, самъ же Великій Князь ѣхалъ передъ тапканою. Всѣ Виленскіе жители встрѣтили поѣздъ и кидали цвѣты на дорогу; въ то же время раздавалась стрѣльба съ валу и замковъ.

Такъ ѣхалъ поѣздъ до Православной церкви Рождества, гдѣ невѣста вышла изъ тапканы. Здѣсь, передъ церковью, встрѣтилъ Архимандритъ Макарій, Намѣстникъ Кіевскаго Митрополита; послѣ молебна Княгиня Ряполовская и жена Боярина Русалки расплетали косу невѣсты, покрыли покрываломъ, надѣли на голову кику и обсыпали хмѣлемъ; сопровождавшій невѣсту Попъ Ѳома [21] читалъ при этомъ молитвы и благословилъ ее крестомъ. Послѣ этого Елену Ивановну повели къ жениху въ Римскую церковь Станислава; передъ нею шелъ Попъ Ѳома и благословлялъ крестомъ. Передъ церковью Станислава встрѣтилъ невѣсту Бискупъ съ крыжемъ, но ее не благословилъ имъ. Великая Княжна встала рядомъ съ женихомъ, подъ нее постлали бархатъ, который прежде былъ постланъ передъ тапканой, да на мѣсто положили сорокъ соболей. Началось вѣнчанье. Бискупъ говорилъ молитвы жениху, а Попъ Ѳома невѣстѣ, надъ которой Княгиня Ряполовская держала вѣнецъ. Когда нужно было пить общую чашу, то Попъ Ѳома подалъ вино невѣстѣ и потомъ скляница была растоптана. Подобное вѣнчаніе не понравилось Литовцамъ. Великій Князь и Бискупъ побранили накрѣпко, чтобы Попъ Ѳома не говорилъ молитвъ, а Княгиня Ряполовская не держала вѣнца, но Князь Семенъ стоялъ тутъ же и отговаривалъ этѣ требованія, а Попъ Ѳома продолжалъ свое дѣло. Московская правительственная записка, сказавши это, не говоритъ

---

[21] Въ Литовской запискѣ сказано, что Елену Ивановну сопровождали два Епископа.

намъ, какое впечатлѣніе на Литовцевъ произвели слова невѣсты о Греческомъ Законѣ и требованіе Князя Ряполовскаго, чтобы и Великій Князь произнесъ при вѣнчаніи слова о непринужденія своей жены къ Римскому Закону.

Московская правительственная записка кончаетъ разсказъ объ этомъ бракѣ такъ: «Послѣ вѣнчанья Великій Князь пошелъ къ себѣ въ гридню, а Великая Княгиня въ иную горницу съ своими Боярынями; да пришедши отъ вѣнчанья, Великій Князь послалъ за Боярами и велѣлъ имъ быть у себя съ поминками и рѣчь говорить; Бояре являли поминки и въ тотъ день ѣли у Великаго Князя. А Великая Княгиня вѣнчалась въ своихъ портѣхъ, и нынѣча уже четвертый день ходитъ въ своихъ портѣхъ да и въ кикѣ; а на другой день Великій Князь велѣлъ явить себѣ крестъ съ цѣпью и порты, въ которыхъ нужно быть послѣ вѣнчанья и послѣ мыльны, а мыльны у Великаго Князя не было, и Бояре то ему изъявляли, да и рѣчь говорили». Литовская же записка говоритъ, что послѣ вѣнчанья шли веселья недѣли съ три, и послѣ этого Великій Князь жилъ съ своею супругою въ великой любви, часто посылая поминки до Царя, тестя своего, а Царь, до него.

Но бракъ былъ политическій и принесъ совсѣмъ не то Литовцамъ, чего ожидали; въ этомъ отношеніи купили они себѣ горе, да на свои гроши.

III.

Всѣ требованія Московскаго Правительства, во время сватовства Александра къ Еленѣ Ивановнѣ, по видимому, исполнились, но на дѣлѣ оказалось, что и Москвичи, для устройства родства Государей, сдѣлали уступки. Но какъ только былъ утвержденъ этотъ родственный союзъ, то уступки превратились въ требованія. Въ Наказѣ Князю Ряполовскому съ товарищами было сказано: передъ вѣнчаньемъ говорить Александру, что, по его желанію и на основаніи обѣщанія, относительно Вѣры Елены Ивановны, Иванъ Васильевичъ далъ за него свою дочь; послѣ же вѣнчанья Московскіе послы должны повторить то, что самъ Иванъ Васильевичъ сказалъ Литовскимъ посламъ, т. е., чтобы Александръ

держалъ свою жену, какъ Богъ указалъ мужьямъ держать своихъ женъ и чтобы «его для» велѣлъ поставить своей Великой Княгинѣ церковь Греческаго Закона на переходахъ дворца. Къ этому была еще прибавлена просьба, тоже отъ самаго Ивана Васильевича, чтобы Александръ позволилъ Московскимъ Боярамъ, съ ихъ женами, дворецкому и инымъ людямъ, побыть у Елены Ивановны, пока она обойдется. [22]

По спустя тѣхъ дѣлъ сколько пригоже, Бояре должны были говорить: «Прислалъ ты утвержденную грамоту о Греческомъ Законѣ не по тому списку, какой взяли твои Панове, да и печать у той грамоты не привѣсная; мы ту грамоту взяли, чтобы между насъ дѣло не длилось. Такъ ты дай намъ грамоту на хартеѣ, съ привѣсною печатью и слово въ слово противъ нашего списка.» Этѣ слова должны были заключиться слѣдующимъ выраженіемъ: «Мы съ тобою, братъ и зять, написали докончальныя грамоты, и пишемъ къ тебѣ: какъ тамъ написано, такъ и ты бы къ намъ писалъ по тому жь.» Александръ во время сватовства называлъ Ивана Васильевича отцомъ и тестемъ, но въ то же время пропускалъ его титулъ, и по этому въ Наказѣ посламъ было сказано: «Спросятъ объ утвержденной грамотѣ: что въ ней не по списку? Чего въ ней нѣтъ? то отвѣчать: нѣтъ титула: «Божіею милостію, Государь всея Руси,» а въ докончаньѣ и въ спискѣ то написано; да такъ же и въ посыльныхъ грамотахъ пишете только, «Великому Князю, Ивану Васильевичу,» не пересчитывая даже земель (т. е., Володимирской, Московской и т. д.), а нашъ Государь пишетъ къ вамъ Государя вашего имя по докончанью.»

На этѣ рѣчи Литовцы дали отвѣтъ: [23] во первыхъ, объ держаньѣ въ чести Елены Ивановны, что Александръ хочетъ доставлять ей честь какъ и самому себѣ; во вторыхъ, о Греческомъ Законѣ: что объ этомъ отказано и грамота дана; въ третьихъ, о церкви Греческаго Закона: «Князья и Паны имѣютъ права отъ

---

[22] Этѣ рѣчи изъ Литовской Метрики напечатаны въ Ак. З. Р. т. I, № 116, VII. Здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ пунктовъ въ сравненіи съ Московскими правительственными бумагами.

[23] Ак. Зап. т. 1, № 116, VIII; напечатанъ изъ Литовской Метрики.

предковъ нашихъ и отъ насъ, что церквей Греческаго Закона больше не прибавлять, а такихъ законовъ не годится рушить; для нашей же Великой Княгини есть церковь Греческаго Закона близко отъ дворца, и если она хочетъ ходить туда, то мы ей не возбраняемъ.» Что же касается новой утвержденной грамоты о Греческомъ Законѣ по Московскому списку, то на это былъ данъ отвѣтъ: «Мы брату и тестю дали грамоту такую, какой онъ отъ насъ хотѣлъ, и та грамота, за нашею печатью, у него.»

Такъ какъ о пожитьѣ Бояръ у Елены Ивановны была личная просьба Ивана Васильевича, то имъ дозволено было пожить у нея. Бояре, назначенные для этого, отправились изъ Москвы, когда еще не былъ полученъ отвѣтъ объ этомъ. Они поѣхали изъ Москвы 3-го Февраля; во главѣ посольства находился Князь Василій Васильевичъ Ромодановскій. По пріѣздѣ ихъ въ Литву, послы, Ряполовскій съ товарищами, вернулись въ Москву. Съ ними Александръ наказалъ объявить, что о всѣхъ дѣлахъ пришлетъ въ Москву пословъ.

Этотъ посолъ пріѣхалъ въ Москву 15 Мая (Станиславъ Петряшковичъ), и въ рѣчахъ отъ Александра говорилъ [14] сначала: «За великій даръ, что далъ за насъ свою дочь, мы дякуемъ и хотимъ пріязнію и всякимъ добромъ отдать;» послѣ этого «въ докончаньѣ сказано, что быть намъ другу другомъ, а недругу недругомъ, то объявляемъ тебѣ, что Стефанъ Воевода Волошской, тайно прислалъ своихъ людей и сжегъ нашъ городъ Бряславль.» Въ Москвѣ ждали еще рѣчей, и вотъ посолъ началъ говорить: «Мы, для тебя, твоихъ Бояръ и слугъ оставили у нашей Великой Княгини, но теперь ты бы имъ велѣлъ ѣхать домой, по тому что, по милости Божіей, у насъ и своихъ слугъ довольно.» Къ этому было еще прибавлено: «Когда твои послы были у насъ, то мы оказывали имъ честь, а когда они поѣхали домой, то мы велѣли имъ давать кормы, но они по дорогѣ купцовъ грабили; мили на двѣ, на обѣ стороны дороги, съ грабежемъ ѣздили и у людей всякую животину уводили: то бы тебѣ было вѣдомо.» О Стефанѣ Волошскомъ отвѣтили въ Москвѣ, что съ нимъ Государь въ дружбѣ и

[14] Напечатаны въ Ак. З. Р. т. 1, № 116, IX, изъ Литовской Метрики; по Польскимъ дѣламъ вѣрющая грамота писана «у Вильны Марта 18, индикта 13.»

свойствѣ, а по чему онъ теперь такъ учинилъ, не знаютъ, по тому что, послѣ заключенія мира съ Александромъ, объ этомъ къ Стефану еще не посылали. О грабежахъ пословъ сказали, что ихъ поѣздъ бралъ кормъ по приказу Приставовъ и при нихъ же, а напротивъ, людей нашихъ, что живутъ у нашей дочери, безчестятъ, грабятъ, а иныхъ и до смерти побили. Но объ чемъ Литовцы не хотѣли говорить, на томъ Московское Правительство настаивало, съ различными прибавленіями: «Все не по тому становится, какъ Александръ намъ обѣщалъ. Бояре съ Панами уложили, чтобы нашу дочь вѣнчать Митрополиту, или Епископу, нашего Греческаго Закона, а Александръ не дозволилъ этого; я приказывалъ ему, чтобы онъ, «насъ для,» поставилъ церковь во Дворцѣ для нашей дочери, а онъ намъ отказываетъ, что предки его, да и онъ самъ, постановили, что Греческихъ церквей больше не ставить; такъ братъ нашъ и зять пусть самъ и знаетъ, съ кѣмъ его предки и онъ законы постановляли, а намъ до тѣхъ законовъ нѣтъ ни какого дѣла; а что онъ говоритъ, что есть церковь Греческая близко къ Дворцу, то она далека для того, чтобы нашей дочери за все туда ходить. А что онъ велитъ нашимъ Боярамъ ѣхать отъ нашей дочери домой, то мы объ этомъ пришлемъ пословъ; да по чему онъ, когда уѣхали наши послы отъ него, отослалъ отъ нашей дочери нашихъ Бояръ и приставилъ къ ней слугъ все Римскаго Закона? Онъ бы теперь нашихъ Бояръ отъ нея не отсылалъ, «насъ для,» послѣ же приставилъ бы къ ней Пановъ и Паней только Греческаго Закона. Да еще вотъ что дѣлается: Александръ положилъ на нашу дочь свое платье, а Московское велѣлъ снять; наша дочь хотѣла объ этомъ обослаться съ нами, а онъ ей этого не позволилъ.» Повторено было и о титулѣ, такъ какъ и это посольство давало къ этому поводъ: «Нашъ братъ намъ обѣщалъ отказать съ посломъ, по чему онъ грамоты намъ пишетъ не по докончанью; ты же нынче объ томъ ни чего не говоришь, да и съ тобою грамота написана тоже не по докончанью: такъ за чѣмъ же твой Государь объ томъ не отказываетъ?» Отпуская посла, самъ Иванъ Васильевичъ говоритъ: «Скажи брату и зятю нашему, чтобы онъ стоялъ на томъ, что между нами записано; дочь нашу жаловалъ, къ Римскому Закону не нудилъ, и тѣмъ съ нами прочную дружбу не рушилъ!»

24 Мая этотъ посолъ поѣхалъ съ Москвы, и, въ слѣдъ за нимъ, поѣхалъ въ Литву Московскій гонецъ (27 Мая). На случай различныхъ вопросовъ ему данъ былъ Наказъ говорить, что рѣчей у него къ Великому Князю нѣтъ, а послалъ его Государь къ своей дочери, по тому что пришла вѣсть, что она недомогаетъ. Но тайно этотъ гонецъ долженъ былъ передать Еленѣ Ивановнѣ списокъ отвѣта, даннаго Литовскому послу, и спросить, какъ она живетъ; если чего нельзя самой сказать относительно этого, то передала бы это черезъ Бояръ. Отецъ приказывалъ Еленѣ Ивановнѣ, чтобы она заботилась о томъ, чтобы у нея слуги были Греческаго Закона, просила бы объ этомъ мужа, да такъ же просила бы еще о томъ, чтобы онъ продержалъ Бояръ до того времени, пока придетъ о томъ посольство отца. Боярамъ Иванъ Васильевичъ приказывалъ, чтобы они, если и будутъ имъ приказывать, не ѣхали изъ Литвы, пока не будетъ имъ о томъ приказано отъ него.

Укрѣпивъ этой посылкой свои требованія, Иванъ Васильевичъ не посылалъ за Боярами. Въ Литвѣ же, успѣвши разъ попросить помощи отъ Ивана Васильевича на Стефана, въ Іюлѣ [25] прислали гонца о помощи еще на другаго врага Литвы, на Менгли-Гирея. Но къ этой просьбѣ было прибавлено ходатайство Елены Ивановны, которая била челомъ отцу, чтобы онъ не держалъ ее безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ и всей его семьи, да такъ же поберегъ бы дѣло, о которомъ проситъ мужъ. Но между грамотами Александра и Елены Ивановны была та разница, что дочь писала полный титулъ отца, а зять его этотъ титулъ не употреблялъ. Отвѣтомъ на этѣ грамоты было посольство въ Литву [26] съ тѣмъ, что Иванъ Васильевичъ готовъ помогать на Татаръ. Александръ благодарилъ за эту готовность, обѣщалъ прислать сказать, если Татары покажутся у его украйнъ. Но цѣль этой по-

---

[25] Гонецъ пріѣхалъ въ Москву 16 Іюля; вѣрющая грамота писана «у Вильны, Іюля 5, индикта 13.»

[26] Напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 123; изъ текста, на основаніи Польскихъ Дѣлъ, можно видѣть, къ какому году оно относится; издатели отнесли его къ 1494 — 1495; посолъ былъ Третьякъ Долматовъ, который поѣхалъ изъ Москвы 19 Іюля.

сылки изъ Литвы въ Москву, какъ видно, была не Татары. Наконецъ, 27 Августа Иванъ Васильевичъ нашелъ, что должно вызвать своихъ Бояръ изъ Литвы въ Москву; но посольство, отправленное съ этой цѣлію, должно было повторить всѣ прежнія жалобы и требованія: о вѣнчаньѣ Елены Ивановны, о церкви и слугахъ Греческаго Закона и о титулѣ. Такая настойчивость вызвала слѣдующій отвѣтъ: «Слуги Римскаго Закона приставлены къ Великой Княгинѣ по тому, что они къ этому годны, и отъ этого ея Греческому Закону нѣтъ ни какой порухи. Грамота о Греческомъ Законѣ въ Москвѣ ужь есть, и по этому не къ чему давать новую.» Такъ какъ въ Москвѣ уже знали, какой отвѣтъ дадутъ о церкви Греческаго Закона, то посламъ былъ данъ Наказъ пересчитать, что прежде при Королѣ построены въ Литвѣ такія-то Православныя церкви; да также велѣно разузнать, нѣтъ ли гдѣ еще недавно построенныхъ Православныхъ церквей. Въ заключеніе отвѣта Литовцы обѣщали прислать о иныхъ дѣлахъ пословъ. [27]

Вопросъ былъ поставленъ такъ, что нужно было дать объясненія, а давать ихъ Литовцы не хотѣли, Москвичи же ждали обѣщанныхъ пословъ. Такимъ образомъ, въ теченіи перваго же года, послѣ заключенія между Государями родственнаго союза, у нихъ произошелъ разрывъ. Обстоятельства же какъ нарочно увеличивали враждебныя отношенія. Такъ Иванъ Васильевичъ узналъ, что ѣхалъ къ нему посолъ отъ Турецкаго Султана черезъ Литовскія владѣнія, но его тамъ не пропустили. По этому онъ въ Генварѣ 1496 г. [28] послалъ въ Литву спросить только, по чему это тамъ такія дѣла дѣлаются. На это отвѣчали, что прежде черезъ Литовскія владѣнія Турецкіе послы не хаживали, и этого не пропустили, чтобы онъ дорогою не осматривалъ земель.

Литовцы не хотѣли давать отвѣтовъ на запросы Москвичей, но для нихъ какъ бы не требованія Москвичей, то давно необходимо было послать въ Москву посольство о своихъ иныхъ дѣлахъ. Прошло уже два года со времени заключенія мира, а земли,

---

[27] Нѣсколько пунктовъ отвѣта напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 132.

[28] Изъ Новгорода.

уступленныя Литвою, какъ они были заняты Московскими войсками и служебными Князьями, и потомъ только опредѣлены договоромъ, такъ и оставались и границы не были разведены. Въ слѣдствіе этого и многихъ другихъ причинъ пограничныя ссоры происходили постоянно. Намѣстники городовъ и служебные Князья позволяли дѣлать себѣ всевозможныя самоуправства и насилія; суда же по всѣмъ этѣмъ дѣламъ не было. Нѣкоторыя условія договора, назначенныя къ выполненію, постоянно откладывались, сначала за сватовствомъ, а теперь по тому, что Государи были заняты враждебными пересылками. Обо всѣхъ этѣхъ дѣлахъ было уже прежде не разъ упоминаемо послами, но безъ пользы. Въ слѣдствіе всего этого Литовцы были поставлены въ затруднительное положеніе, и теперь, какъ видно, воспользовавшись посольствомъ Ивана Васильевича о Турецкомъ послѣ, въ Мартѣ (1497 г.) прислали въ Москву посла. Рѣчи его содержали, впрочемъ, всѣ прежніе Литовскіе отвѣты на Московскія требованія, хотя уже не въ грубой формѣ. Александръ, для рѣшенія пограничныхъ дѣлъ, предлагалъ съѣздъ судей на границахъ.[29]

Иванъ Васильевичъ обѣщалъ прислать отвѣтъ съ своимъ посломъ, и посолъ вскорѣ поѣхалъ (19 Мая, 1496 г.). Въ рѣчахъ его[30] не говорилось ни о титулѣ Государя, ни о дѣлахъ, связанныхъ съ бракомъ Елены Ивановны, но не говорилось и о дѣлахъ пограничныхъ; посолъ долженъ былъ говорить, что такъ какъ Александръ просилъ помощи на Менгли Гирея и Стефана Волошскаго, то послѣдніе дали извѣстіе въ Москву, что они съ Литовскимъ Государемъ хотятъ мира. Этѣ рѣчи кончались упоминаніемъ о Турецкомъ послѣ, но слѣдующими словами: «Ты, братъ, положи на своемъ разумѣ: вѣдь мы съ тобою въ любви, въ докончаньѣ и кровномъ связаньѣ, а ты ко мнѣ пословъ не пропускаешь?» Этотъ посолъ долженъ былъ говорить и Еленѣ Ивановнѣ, что ея отецъ заботится о дѣлахъ ея мужа, вводитъ его въ миръ съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ, а онъ къ нему Турецкаго

---

[29] Ак. З. Р. т. 1, № 134 изъ Литовской Метрики. Здѣсь нѣтъ ни отвѣта на посольство, ни списка жалобъ.

[30] Отрывокъ изъ нихъ напечатанъ Ак. З. Р. т. 1, № 136; перепечатано изъ Исторіи Князя Щербатова.

посла не пропустилъ и добраго житья съ нимъ не хочетъ. Послѣ перечета предъ Еленой Ивановной всѣхъ неисправленій Александра, рѣчи посла кончались словами, какими прежде Иванъ Васильевичъ предупреждалъ Новгородцевъ: «и то мнѣ, дочка, вельми въ досаду.»

Въ отвѣтъ на такое посольство въ Литвѣ опять заговорили прежнимъ гордымъ тономъ: «Братъ нашъ и тесть сказываетъ только о своихъ дѣлахъ, а не говоритъ, хотя и обѣщался, о чемъ мы посылали къ нему посла, что нашимъ подданнымъ съ его земель всякія обиды чинятся. А что онъ говоритъ, что Менгли-Гирей и Стефанъ хотятъ съ нами любви и докончанья, такъ ему извѣстно, какіе шкоды отъ нихъ намъ стались, и теперь дѣлаются, а по этому онъ можетъ судить, какими они могутъ быть намъ пріятелями. Мы отъ мира и пріязни съ ними не отказываемся, но пусть они шкоды исправятъ и впередъ не будутъ ихъ чинить!»

По прежнему въ заключеніи этѣхъ рѣчей Александръ обѣщалъ прислать объ иныхъ дѣлахъ пословъ. Въ Литовскихъ правительственныхъ бумагахъ записано по этому поводу посольство, имѣющее содержаніе дѣла о пограничныхъ ссорахъ;[31] но, какъ замѣтили издатели Литовскихъ документовъ, что при этомъ посольствѣ не обозначено ни времени, къ которому оно относится, ни имени посла, а по Московскимъ правительственнымъ бумагамъ оказывается, что это посольство никогда въ Москвѣ и не бывало. Теперь приготовленнаго посольства въ Москву изъ Литвы не посылали, по тому что поняли, какъ увидимъ сейчасъ, что нужно отвѣчать на слова: «то мнѣ, дочь моя, тѣ дѣла вельми въ досаду.»

Лѣтомъ 1496 г. Александръ сбирался, въ союзѣ съ своимъ братомъ, Яномъ Альбрехтомъ, воевать съ Стефаномъ, но походъ противъ него не состоялся въ слѣдствіе сопротивленія Пановъ. Въ этѣхъ дѣлахъ у Александра прошло всѣ лѣто и осень, наконецъ въ Литвѣ рѣшились завязать сношенія съ Москвою. Въ концѣ Ноября Александръ послалъ грамоту къ Ивану Васильевичу[32] такого содержанія: «Уразумѣли мы съ твоею дочерью, а

[31] Ак. З. Р. т. 1, № 137.

[32] Писана въ Берестьѣ 13 Ноября, привезъ ее Алексѣй Семичевъ.

нашей Великой Княгиней, что ты, братъ и тесть нашъ, хочешь вѣдать, для чего мы съ тобою добраго пожитья не держимъ, какъ слѣдовало бы быть между нами. Надѣемся, что ты самъ гораздо вѣдаешь, что ты забралъ многіе города и волости, которые издавна служили нашему Государству (когда забраны и какіе города, не говорится, а это важно). Ты мимо насъ входишь въ пріязнь и пересылаешься съ Турецкимъ, Перекопскимъ и Волошскимъ; ты приказываешь, чтобы мы съ Перекопскимъ и Волошскимъ были въ дружбѣ и пріязни, но послѣ того какъ ты съ ними пересылался, отъ нихъ еще большіе шкоды подѣлались и дѣлаются: а вѣдь, съ Божіею помощію, мы можемъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ быть лучшими пріятелями, чѣмъ они. Да еще съ тѣхъ поръ, какъ взяли мы съ тобою докончанье, нашимъ землямъ, не знаемъ, съ твоего ли вѣдома, или не съ твоего, дѣлаются многіе шкоды» Слѣдующая половина грамоты отчасти разъясняетъ то, въ чемъ заключалась сущность неудовольствій Литовцевъ: «Ты бы, братъ нашъ, города и волости, которые забралъ у насъ, возвратилъ (здѣсь опять не говорится, когда они забраны и какіе), а шкоды велѣлъ оправить, и если будетъ у насъ съ тобою любовь по докончанью, то непріятели не будутъ на насъ мыслить, а пріятели радоваться.» И такъ первая сущность неудовольствій и всѣхъ грубыхъ отвѣтовъ Литовцевъ заключалась въ иномъ пониманіи ими докончанья. Къ подтвержденію этѣхъ объясненій Александра, Елена Ивановна написала къ отцу, вмѣстѣ съ гонцомъ, привезшимъ грамоту ея мужа: [33] «Била я челомъ мужу, чтобы онъ пожаловалъ меня волостями, что были за первыми Великими Княгинями Литовскими, но мужъ объявилъ, что отецъ мой поималъ многіе города и волости, и когда онъ отступится отъ нихъ, то и будутъ даны слѣдующія мнѣ волости.» [34]

---

[33] Содержаніе этой грамоты я возстановляю по послѣдующему Московскому отвѣту съ Ромодановскимъ, но самой грамоты въ дѣлахъ Польскихъ не записано. Въ посольствѣ Ромадоновскаго сказано, что та грамота прислана съ Семичевымъ а не съ Ангеловымъ, какъ сказано въ Исторіи Россіи т. 5, стр. 155 — 156, изд. 2. Ангеловъ ѣздилъ изъ Москвы къ Еленѣ Ивановнѣ собственно по ея дѣламъ (поѣхалъ Ангеловъ въ Литву 2 Ноября 1497 года).

[34] Карамзинъ справедливо замѣчаетъ, что всѣ неудовольствія Александра заключались въ томъ, что онъ жалѣлъ объ уступленныхъ имъ городахъ Россіи.

На такіе намеки Иванъ Васильевичъ не отвѣчалъ, и Литовцы рѣшились прислать уже посольство, спустя три мѣсяца послѣ присылки выше изложенныхъ грамотъ. Въ Мартѣ 1497 г. посолъ Александра въ Москвѣ говорилъ,[35] что обѣщанное посольство о пограничныхъ дѣлахъ до сихъ поръ не пріѣзжало. Но, кромѣ этого, Александръ явился предъ своимъ тестемъ ходатаемъ по извѣстному дѣлу Ганзейскихъ купцовъ и предлагалъ посредничество въ войнѣ съ Свѣйскимъ Губернаторомъ. Отвѣтъ на это былъ тотъ, что объ обидныхъ дѣлахъ уже посылали и пошлютъ еще посольство; Свѣйскіе правители могутъ прислать за перемирьемъ въ Новгородъ, а Ганзейскихъ купцовъ, хотя они и учинили лихое дѣло, но, по ходатайству Александра, выпустятъ.

Но Иванъ Васильевичъ все таки не посылалъ въ Литву пословъ. Тогда Литовцы въ другой разъ, не дождавшись отвѣта изъ Москвы, прислали еще свое посольство. Этотъ посолъ (пріѣхалъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ),[36] просилъ отъ Александра помощи у тестя на Турокъ, которые угрожаютъ Литовскимъ владѣніямъ нашествіемъ; да также говорилъ объ томъ, что на границахъ, особенно со стороны Князя Воротынскаго, дѣлаются страшные грабежи. Посла спрашивали Москвичи, куда Турки могутъ прійти на Литву и т. д., и въ заключеніе сказали, что ихъ Государь стоитъ на доконча̀ньѣ й шлетъ посла.

Дѣйствительно, Иванъ Васильевичъ отправилъ посла въ Литву, и такимъ образомъ, спустя 11 мѣсяцевъ, послѣ послѣдняго своего посольства туда, снова началъ съ своей стороны сношенія. Но этотъ посолъ не долженъ былъ говорить ни о какихъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ былъ присланъ послѣдній Литовской посолъ, т. е., о Туркахъ; онъ говорилъ, что Сапѣгу (имя Литовскаго посла) спрашивали, куда думаютъ ждать Литовцы прихода Турокъ, но Сапѣга этого не сказалъ, Государь же

---

[35] Ак. З. Р. т. 1, № 143; это посольство напечатано изъ Литовской Метрики, гдѣ оно безъ конца и безъ отвѣта.

[36] Вѣрющая грамота отъ 10 Мая, индикта 13, посолъ Писарь Ивашка Сапѣга; его нѣкоторыя рѣчи изъ Литовской Метрики напечатаны въ Ак. З. Р. т. 1, № 150. Въ дѣлахъ Польскихъ есть занимательный разговоръ Сапѣги съ Дьяками о Турецкихъ дѣлахъ.

хочетъ помогать зятю на Невѣрныхъ. Въ соотвѣтствіе жалобъ Литовцевъ на Князя Воротынскаго, посолъ говорилъ, что изъ Литовскихъ земель сдѣланы нападенія на земли Великаго Князя Рязанскаго. Но этотъ посолъ еще не воротился въ Москву, какъ оттуда поѣхалъ еще другой въ Литву, о томъ, что Александръ пошелъ войною на Стефана Волошскаго, такъ онъ бы вернулся, по тому что Стефанъ хочетъ съ Александромъ мира. Литовцы, не видя толку изъ того, что вызвали Москвичей на присылки къ нимъ, отвѣчали на оба посольства: что объ дѣлѣ Князя Рязанскаго разузнаютъ, за готовность помогать на Турокъ благодарятъ; но при отвѣтѣ на ходатайствѣ за Стефана Литовцы не выдержали и сказали: «Мы надѣемся, что братъ нашъ больше пріятель зятю своему, чѣмъ Стефану Волошскому, у котораго мы нашъ городъ Браславль отняли и Стефана, какъ своего непріятеля, будемъ искать.»

Сношенія опять прекратились, но потомъ, случайно возобновившись, повели къ полному объясненію Москвичами всѣхъ своихъ требованій и къ окончательному разрыву. Дѣло было такъ. Ѣхалъ Московскій посолъ, Плещеевъ, отъ Турецкаго Султана, и его въ Путивлѣ задержали. По этому, въ Февралѣ, 1498 г., Иванъ Васильевичъ послалъ спросить зятя, по чему это постоянно въ его владѣніяхъ задерживаютъ пословъ? Въ Литвѣ объявили, что Плещеевъ ѣхалъ въ сопровожденіи Татаръ, которые грабили Литовскихъ подданныхъ, и по этому Путивльскій Намѣстникъ задержалъ его. [37] Давая и другія объясненія причинъ задержанія пословъ, изъ Литвы было отправлено посольство, въ которомъ, кромѣ дѣла Плещеева, говорилось о пограничныхъ дѣлахъ и выставлялось на видъ, что нужно же наконецъ ихъ разобрать.

Теперь Иванъ Васильевичъ рѣшился отступиться отъ своего молчанія; онъ, въ Мартѣ этого же года, отправилъ въ Литву Князя Василія Ромодановскаго, который долженъ былъ говорить о всѣхъ дѣлахъ, и также дать отвѣтъ на грамоты Александра и Елены Ивановны, служившія отвѣтомъ на вопросъ, по чему Александръ не хочетъ держать добраго пожитья съ своимъ тестемъ,

---

[37] Этотъ отвѣтъ напечатанъ изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 154.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе посольства Ромодановскаго къ Александру: «Не однажды ты говорилъ, что тебѣ не нравится, что ходятъ послы отъ насъ къ Перекопскому, Волошскому и Турецкому; то этѣ послы ходятъ о нашихъ дѣлахъ, а не на твое лихо. Перекопской и Волошской давнишніе наши союзники и теперь хотятъ съ тобою мира, ты же не хочешь мириться съ ними. А ты напротивъ посылаешь на наше лихо въ Заволожскую Орду и къ Стену Стуру Свѣйскому. Отъ съѣзда судей на границахъ мы не отказываемся, но ты къ намъ не правишь по докончанью.» Что не правитъ Александръ по докончанью, Ромодановскій долженъ былъ говорить на это о титулѣ, о церкви Греческаго Закона и т. д. Еленѣ же Ивановнѣ, въ отвѣтъ на ея грамоту о волостяхъ, которыя ей мужъ не даетъ, по тому что ея отецъ забралъ его города, Ромодановскій долженъ былъ сказать, что Иванъ Васильевичъ Александровыхъ земель не держитъ за собою, а держитъ только свои, что далъ ему Богъ отъ предковъ и что ему принадлежитъ по докончанью. Послѣ изложенія всѣхъ жалобъ на Александра, рѣчи Ромодановскаго къ Еленѣ Ивановнѣ кончались: «Мы тебя, дочка, дали за Александра, чтобы между нами была сердечная любовь, опричь докончанья.»

Но такія объясненія Ивана Васильевича повели только къ тому, что Александръ началъ посылать въ Москву посольства только о дѣлахъ пограничныхъ; но когда явилось посольство изъ Литвы въ Москву не съ однимъ изложеніемъ жалобъ, но и требованіемъ съѣзда судей на границахъ и назначенія для этого срока, то, въ отвѣтъ на это, Бояре сказали: «Сколько разъ было говорено о церкви Греческаго Закона, о новой утвержденной грамотѣ о Греческомъ Законѣ, о титулѣ Государя, который вы до сихъ поръ пишете не по докончанью и все это не выполнено. Вы намъ о тѣхъ начальныхъ дѣлахъ ничего не говорите, ино нашимъ Боярамъ какъ съ вашими Панами съѣхаться? Какъ имъ въ грамотахъ наше имя писать, коли братъ нашъ къ намъ о имени ни чего не приказываетъ и по докончанью не правитъ?» Этотъ отвѣтъ кончался угрозой: «Мы постоянно посылали къ Менгли-Гирею и Стефану, чтобы они были въ миру съ Александромъ, а нынѣ намъ посылать къ нимъ объ этомъ не пригоже, по тому что Александръ не правитъ по докончанью.»

Прежде, когда Иванъ Васильевичъ высказалъ, что ему поступки Александра въ досаду, то въ Литвѣ выждали время и послали лично отъ Александра и Елены Ивановны грамоты, содержащія различныя темныя объясненія, потомъ стали заговаривать о Туркахъ, Молдаванахъ, Ганзейцахъ и пограничныхъ дѣлахъ. Теперь же, послѣ второй угрозы Ивана Васильевича Александру, произошелъ разрывъ. Послѣдній отвѣтъ былъ данъ въ Іюлѣ, 1498 г. и съ этого времени ни наши правительственныя бумаги, ни Литовскія, не дѣлаютъ ни какого намека, чтобы между Правительствами были какія ни будь ссылки. Но этѣ ссылки вдругъ начались черезъ 11 мѣсяцевъ и повели уже къ войнѣ.

30 Мая, 1499 года, прислалъ изъ Вязьмы Князь Борисъ Михайловичъ Оболенскій-Туреня грамоту, которая передана ему чрезъ нѣсколько рукъ изъ Литвы отъ Шестака, служившаго у Елены Ивановны. Грамота была слѣдующаго содержанія: «Здѣсь, Господине, встало великое смятеніе между Латынянами и нашимъ Христіянствомъ. Въ нашего Владыку Смоленскаго дьяволъ вселился, да и въ Сапѣгу; Великій Князь неволитъ Государыню нашу въ проклятую Латинскую Вѣру; Государыню нашу Богъ научилъ, да помнитъ она наказъ Государя отца своего, и она отказала: Памятуешь, Государь, какъ съ Государемъ отцомъ реклъ, и я, Государь, безъ воли отца моего того не могу учинить, а обошлюсь съ Государемъ отцомъ, какъ онъ меня научитъ.» Да и все Православное Христіянство хотятъ окрестить, и отъ того наша Русь вельми съ Литвою другъ друга не любятъ. Ты бы этотъ списокъ послалъ до Государя; Государь того самъ не знаетъ; больше не смѣю писать; хорошо бы, если можно съ кѣмъ отказать.»[38]

Того же 30 Мая (какъ видно изъ числа подъ вѣрющей грамотой) Иванъ Васильевичъ послалъ въ Литву Мамонова; онъ долженъ былъ говорить Еленѣ Ивановнѣ наединѣ: «Дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой, Александръ, нудитъ тебя и иныхъ людей отступить отъ своего Греческаго Закона къ Римскому. Ты въ этомъ мужа своего не слушай, до крови и до смерти въ этомъ дѣлѣ пострадай; къ Римскому Закону не приступай, чтобы отъ Богу

---

[38] Ак. З. Р. т. 1, № 155; перепечатано отъ Щербатова; см. ниже гл. II, прим.

душею не погибнуть, а отъ насъ и всего Православнаго Христіянства не быть въ проклятіи, и сраму отъ иныхъ вѣръ Православію не дѣлай. Откажи ты намъ обо всемъ этомъ, правда ли то, и мы тогда къ мужу пошлемъ, за чѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанья.» Тоже писала къ Еленѣ Ивановнѣ и Софья Ѳоминична. Но, не дожидаясь отказа дочери, Иванъ Васильевичъ приказалъ Мамонову пытать въ Литвѣ мирны ли съ Литовскимъ и Польскимъ Перекопской, Волошской и Турки?

Кажется ясно, что за всѣмъ этѣмъ слѣдовало; теперь же на этомъ мы и остановимся, чтобы посмотрѣть, на сколько Ивану Васильевичу могли служить на пользу Перекопской и Волошской, и въ какихъ къ нимъ отношеніяхъ онъ былъ за послѣднее время.

ГЛАВА II

Передъ войной.

Союзъ Москвы съ Стефаномъ Молдавскимъ и отношенія послѣдняго къ Литвѣ. — Сношенія Москвы и Литвы съ Крымомъ.—Враждебныя отношенія Москвы къ Литвѣ въ концѣ 1499 года; посольство Станислава Петрашковича Кишки. — Изслѣдованіе о годѣ Ведрошской битвы. — Объявленіе войны. — Отношенія Москвы къ Молдавіи и Крыму въ началѣ 1500 года.

I.

Въ борьбу Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ съ конца XV вѣка мало по малу начинаютъ втягиваться одинъ народъ за другимъ. Сношенія съ Турціею Ивана III, на которыя указывалъ Александръ, не имѣли ни какого значенія для отношеній Литвы къ Турціи, такъ какъ этѣ сношенія были большею частію только по дѣламъ торговымъ. Совсѣмъ другого рода были сношенія Москвы съ Молдавіей. Эта несчастная страна, вмѣстѣ съ Валахіей, получила себѣ населеніе, такъ сказать, изъ оческовъ отъ всѣхъ народовъ, проходившихъ чрезъ горы, лежащія отъ нея на западъ. Эта страна страдаетъ въ продолженіи всей своей исторіи отъ того, что этѣ очески народовъ, усѣвшіеся около Прута и нижняго Дуная, окружены постоянно сильными сосѣдями. Каждый изъ этѣхъ сосѣдей готовъ былъ присоединить этѣ земли къ себѣ, но, въ слѣдствіе соперничества искателей, этѣ страны не присоединились ни къ одному изъ нихъ, и въ тоже время, въ слѣдствіе этой же причины, не могли составить изъ себя ни чего цѣльнаго, сильнаго. Но во второй половинѣ XV вѣка Молдавія выставила изъ среды своего народа знаменитаго Стефана, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Воеводы Волошскаго. Въ слѣдствіе личныхъ талантовъ, борясь поочередно со всѣми сосѣдями, при ничтожности средствъ, Стефанъ былъ истиннымъ

Казакомъ и велъ съ сосѣдями постоянно мелкую войну. Съ 1480 года мы имѣемъ извѣстія о сношеніяхъ Стефана съ Иваномъ III; въ этомъ году ѣхалъ, какъ мы знаемъ, въ Крымъ посломъ Князь Иванъ Звѣнецъ; съ нимъ былъ отправленъ человѣкъ, долженствовавшій изъ Крыма проѣхать въ Молдавію. Этому человѣку было наказано говорить Стефану, что если онъ захочетъ послать въ Москву своего человѣка и будетъ сомнѣваться, какъ тому человѣку назадъ пріѣхать: «только, Господине, пошли своего человѣка добраго къ Великому Князю, а Великій Князь твоего человѣка велитъ проводить.» Этому Московскому человѣку наказано было такъ говорить по тому, что онъ везъ письмо къ Стефану о томъ, что Иванъ Васильевичъ согласенъ взять за своего сына, Ивана Ивановича, дочь Стефанову. Это дѣло, при ходатайствѣ матери Ивана Васильевича, скоро состоялось. Между Стефаномъ и Иваномъ Васильевичемъ составился не только родственный союзъ, но и политическій, который, какъ можно судить по общей формѣ Московскихъ союзовъ того времени, былъ именемъ на Короля Казимира и его дѣтей. До насъ не дошли записанныя дипломатическія сношенія Москвы съ Молдавіей за время Ивана III; впрочемъ, они существовали подъ названіемъ книгъ Волошскихъ. [39] Сношенія этѣ происходили первоначально черезъ Крымъ, а потомъ, во время мира съ Литвою, черезъ Литву; черезъ Крымъ обыкновенно пересылались такъ, что посолъ, ѣхавшій къ Менгли-Гирею, имѣлъ въ своемъ поѣздѣ посла въ Молдавію и просилъ Царя, чтобы онъ велѣлъ проводить посла до Стефана Воеводы, а на возвратномъ пути отъ послѣдняго въ Москву. Стефанъ и Менгли-Гирей, ведшіе одинаковымъ образомъ войну, были между собою въ союзѣ. Когда Иванъ Васильевичъ прекратилъ сношенія съ Крымомъ, то естественно прекратились они и съ Молдавіей.

Мы видѣли, что тотчасъ послѣ брака Александра съ Еленой Ивановной, Литовскій посолъ говорилъ въ Москвѣ, что Стефанъ пришелъ тайно и захватилъ городъ Бряславль, и на это получилъ отвѣтъ, что съ Стефаномъ Великій Князь давно въ свойствѣ и одиночествѣ, а теперь не знаетъ, по чему такъ Стефанъ сдѣлалъ,

---

[39] Это можно видѣть, на пр., изъ Дѣлъ Крымскихъ, а также изъ описи Царскаго Архива; см. Ак. Арх. Э. т. 1, № 289, стр. 344.

по тому что съ тѣхъ поръ, какъ Государь взялъ миръ съ Александромъ, еще къ Стефану посла не посылалъ. Посолъ изъ Москвы въ Молдавію дѣйствительно отправился черезъ Литву въ 1495 году. [40] Содержаніе этого посольства, какъ и многихъ другихъ, мы не знаемъ, но дѣло у Александра съ Молдавіей заключалось въ томъ, что хотя въ концѣ своей жизни Казимиръ былъ въ миру съ Стефаномъ, но послѣ 1492 года Казимировичи придумали четвертаго изъ нихъ, Сигизмуда, посадить на Молдавскій престолъ. Нападеніе Яна Альбрехта на Стефана и осада Сучавы въ 1494 году были неудачны, и съ тѣхъ поръ Стефанъ началъ дѣлать набѣги, даже иногда въ союзѣ съ Турками, на южные предѣлы Литовскихъ и Польскихъ владѣній. [41] Предложеніе посредничества Ивана Васильевича Александръ, какъ мы видѣли, дурно принялъ; но этѣ враждебныя отношенія Стефана къ Казимировичамъ кончились миромъ, и потомъ снова возобновились послѣ смерти Яна Альбрехта. [42] Объ этомъ же времени исторіи Молдавіи мы больше узнаемъ данныхъ изъ сношеній Москвы съ Крымомъ, къ которымъ и обратимся; сношенія же съ Молдавіей, по общему ходу дѣлъ, въ сущности своей, не могутъ во многомъ отличаться отъ сношеній съ Крымомъ, и по этому Крымскія дѣла могутъ показать, въ чемъ состояли и сношенія съ Молдавіей.

Съ Ноября 1493 года въ Крымѣ былъ Московскимъ посломъ Константинъ Малечкинъ. Во все время переговоровъ съ Литвою о мирѣ и бракѣ, изъ Москвы въ Крымъ ни объ чемъ не посылали; наконецъ 3 Мая, 1495 года, изъ Москвы были отпущены туда люди Менгли-Гирея, вмѣстѣ съ Татарами Великаго Князя. Они ѣхали не степью, а черезъ Литовскія владѣнія. Татары везли въ Крымъ грамоты, въ которыхъ говорилось Царю: «У насъ нынѣ таково дѣло сталось: прислалъ къ намъ Александръ своихъ пословъ, прося насъ, чтобы намъ съ нимъ помириться и дочь

[40] См., на пр., Ак. З. Р. т. 1, № 132, отвѣтъ Кутузову, бывшему въ Литвѣ 1495 года, въ Сентябрѣ.

[41] См. Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, соч. Зубрицкаго, въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійск.,» 1862 г., кн. 3, стр. 2 и далѣе; Румын. Господарства, соч. Палаузова, стр. 77.

[42] Литовская Метрика, 5 книга записей, л. 269 — 271.

свою за него выдать; мы съ нимъ помирились, дочь за него дали, и то бы тебѣ, брату нашему, было вѣдомо; а я на чемъ тебѣ слово молвилъ, на томъ и стою—другу другъ, а недругу недругъ, — и ты бы также на своемъ словѣ стоялъ.» Въ Наказѣ Малечкину было сказано: «Спроситъ Царь, чего дѣля Великій Князь помирился съ Литовскимъ? отвѣчать: я того не вѣдаю, а мнѣ Государь писалъ въ грамотѣ, что на чемъ онъ слово молвилъ, на томъ и стоитъ.» Изъ Москвы были посланы въ Крымъ поминки, которые долженъ былъ раздать Малечкинъ. При этомъ ему приказывалось, когда его будетъ отпускать Царь съ своими послами, то ѣхать на Литовскія владѣнія. Послы Крымскіе дѣйствительно пріѣхали въ Москву, и Менгли-Гирей писалъ къ Ивану Васильевичу, что онъ миру и родству съ Александромъ подивился; потомъ Царь, пересчитавши свои подвиги (взятіе Кіева, борьбу съ Ахматовыми дѣтьми и т. д.) говорилъ, что «мое дѣло, вѣроятно, лживо было предъ тобою;»[43] въ заключеніе прибавлялъ: «мы помиримся съ Александромъ на веснѣ, въ новомъ городкѣ.»

До полученія этого отвѣта Менгли-Гирея, мы видѣли, что Александръ уже требовалъ помощи, какъ на Стефана, такъ и на Татаръ. Вѣроятно, одновременно съ отвѣтомъ отъ Менгли-Гирея, полученъ былъ отвѣтъ отъ Стефана[44] и Иванъ Васильевичъ, отправляя въ Литву Михайла Яропкина Кляпика (19 Мая, 1496 года), приказывалъ ему говорить, что Менгли-Гирей и Стефанъ хотятъ съ Александромъ мира. Отвѣтъ Александра мы видѣли; онъ говорилъ, что Стефанъ и Менгли-Гирей многіе шкоды его владѣніямъ сдѣлали, но отъ пріязни съ ними онъ не отрекается. Дѣйствительно, изъ Литвы, въ то время, когда готовились воевать съ Стефаномъ, отправили въ Крымъ (18-го Августа, 1496 года) посла, Каспара Гармантовича, съ поминками; рѣчи этого посла, какъ

---

[43] Карамзинъ слова письма Менгли-Гирея до крайности поэтизировалъ, изложивши ихъ въ видѣ чувствительныхъ упрековъ варвара; но ни чего этого не бывало, и въ Исторіи Россіи прямо указано, что Менгли-Гирей, высказавши удивленіе миру съ Литвою, просилъ разныхъ поминковъ; этѣ запросы выписаны въ Истор. Рос. т. 5, стр. 153, изд. 2.

[44] Съ предложеніемъ Стефану помириться съ Александромъ, до 1499 года, ѣздило изъ Москвы только одно посольство; см. Ак. Зап. Р. т. 1, № 161.

послѣ извѣщалъ въ Москву Менгли-Гирей, были слѣдующія: «Мы сѣли на конь противъ Стефана; но у насъ съ тобою недружбы не было бы.» Менгли-Гирей на это отвѣчалъ: «У насъ съ Стефаномъ правда и рота есть, и его намъ оставить нельзя: если хочешь мириться съ нами, то мирись и съ нимъ, и намъ всѣмъ правду и роту учини!» Но такъ какъ одновременно съ Каспаромъ Гармантовичемъ съ такими же поминками отправился изъ Литвы посолъ Халецкій къ Ахматовымъ дѣтямъ, [45] то это не укрылось отъ Менгли-Гирея: онъ схватилъ Литовскаго посла и по обычаю не отпускалъ, а въ то же время послалъ своихъ Татаръ грабить Литовскія владѣнія. Много онъ послать не могъ, по тому что посольство Халецкаго въ Орду безпокоило его: что если Ахматовы дѣти выйдутъ противъ него? Въ Москвѣ не знали объ этомъ, и въ Сентябрѣ того же 1496 года отправили посломъ въ Крымъ Князя Ивана Звѣнца. Онъ долженъ былъ говорить о мирѣ съ Александромъ слѣдующее: «Мы не сослались тогда съ тобою, по тому что тогда зима была и намъ нельзя было отправить пословъ. Ты къ намъ приказываешь, что съ Литовскимъ хочешь мира и помиришься, ино то вельми добро; если же Литовской возметъ съ тобою миръ, и, будучи съ нами въ миру, учинится кому ни будь недругомъ, то мы тогда съ тобою сошлемся и учинимъ по думѣ, какъ намъ съ Литовскимъ пригоже дѣло дѣлать.» Въ Наказѣ Князю Звѣнцу было сказано: «Скажетъ Царь: «Литовской со мною не мирится, такъ Великій Князь будетъ ли со мною на него?» отвѣчать: «Я тебѣ говорилъ въ посольствѣ, что объ этомъ нужно вамъ переслаться, а мой Государь съ тобою на всякаго недруга за одинъ.»

Въ то время, какъ Менгли-Гирей занялся, кромѣ Литовскаго дѣла, еще и тѣмъ, что опасался появленія Ахматовыхъ дѣтей, въ Москвѣ, какъ и прежде, не считали болѣе нужнымъ посылать въ Крымъ пословъ, хотя тамъ главный Московскій посолъ, Князь Звѣнецъ, скончался. Лѣтомъ 1497 года прислалъ Менгли-Гирей грамоту, что къ нему, черезъ Астрахань, дошли слухи о томъ, что что-то случилось съ Магметъ-Аминемъ. Иванъ Васильевичъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого (въ Ноябрѣ), послалъ

---

[45] Ак. З. Р. т. 1, № 142.

было грамоту къ Менгли-Гирею о томъ, какъ Магметъ-Аминь потерялъ престолъ, и какъ онъ туда посадилъ Абдыллетифа; но Татары, посланные съ этѣми письмами, воротились изъ степи, по тому что случилась гололедица:—«полило траву ледомъ.» Когда въ Февралѣ, 1498 года, пріѣхалъ отъ Турецкаго Султана Плещеевъ и привезъ грамоты и отъ Менгли-Гирея, который извѣщалъ о своихъ дѣлахъ съ Литвою и о томъ, что Александръ наводитъ на него Ахматовыхъ дѣтей, Иванъ Васильевичъ нашелъ необходимымъ переписаться съ Менгли-Гиреемъ. Онъ отправилъ Бориса Челищева посломъ въ Крымъ (Апрѣля 29). Въ посольствѣ Челищева говорилось: «Ты пишешь, что Великій Князь Александръ ведетъ нашихъ недруговъ на тебя, и мнѣ бы стоять, на чемъ я слово молвилъ; то я на своемъ словѣ стою, и пойдетъ на тебя Орда, то мы пошлемъ на нее Касимовскаго Царя, браганича твоего, да также и свою Русскую рать, и кромѣ того пошлемъ въ Казань, чтобы и Абдыллетифъ послалъ туда свою рать.» Мы видѣли, что, по поводу проѣзда Плещеева черезъ Литву, начались у Ивана Васильевича съ Александромъ объясненія, и этѣ объясненія въ посольствѣ Челищева отразились такъ: ему данъ былъ Наказъ: «Если скажетъ Царь: «Князь Великій Александръ со мною немиренъ и хочетъ ити на меня;» на это Борису отвѣчать: «Ты, Господине, пошли объ этомъ къ моему Государю, а онъ, какъ прежде тебѣ молвилъ, такъ и теперь на томъ стоитъ: хочетъ съ тобою Александръ помириться, ино то добро, а не хочетъ, то мой Государь съ тобою на всякаго недруга за одинъ и на Литовскаго.»

Въ отвѣтъ на это посольство, пріѣхали изъ Крыма послы (19 Августа, того же 1498 года), и съ ними пріѣхали люди, бывшіе въ Крыму съ Княземъ Звѣнцомъ. Такъ какъ съ прежними послами изъ Москвы наказывали постоянно говорить о различныхъ грабежахъ Крымцевъ, то теперь Менгли-Гирей, отвѣчая о тѣхъ грабежахъ, большею частію кончалъ свои объясненія такъ, что лихихъ людей много, и съ ними ни чего не сдѣлаешь. О томъ же, что дѣлается между Крымомъ и Литвою, объ этомъ, во первыхъ, писалъ Борисъ Челищевъ: «Менгли-Гирей приказалъ говорить къ Стефану: «Лядской Король и Великій Князь Александръ присылали ко мнѣ своихъ людей, и молвятъ такъ: «Помирись съ

нами, а мы пойдемъ на Волошскаго,» а я имъ молвилъ: «Я съ вами не мирюсь;» да люди Альбрехтовы и Александровы у меня пойманы, и я изъ нихъ послалъ одного человѣка къ нимъ сказать: «Хотите помириться съ Стефаномъ, и я васъ помирю, буду вамъ третій, а не помиритесь съ нимъ, ино я на васъ иду съ Стефаномъ;» Александръ того человѣка поималъ и посадилъ на колъ, а Александровы люди и Альбрехтовы сидятъ у меня въ поиманьѣ, да я у нихъ и деньги поималъ.» О дѣлахъ съ Ахматовыми дѣтьми Челящевъ писалъ: «Сказываютъ, что Орда вельми охудѣла и опала; да сказывали: приходили Черкасы на большую Орду, и побили Татаръ добре много, и Царю подъ Черкасы жить немочно, и онъ хочетъ пойти на сю сторону Дона; а братъ твой, Менгли-Гирей, нынѣча выступилъ со всѣми людьми изъ Перекопа и идетъ его искать.» Самъ же Менгли-Гирей писалъ къ Ивану Васильевичу объ этѣхъ дѣлахъ слѣдующее: «Намъ нынѣ Литовскому Великому Князю недругомъ надо быть. Ты приказывалъ съ Княземъ Звѣнцомъ, что если хотимъ помириться съ Александромъ, то извѣстить тебя объ этомъ: такъ у насъ съ Александромъ были многія мирныя рѣчи, онъ прислалъ посла, Каспара, и мы съ нимъ срокъ учинили, когда посламъ объ мирѣ пріѣхать, и тотъ срокъ теперь минулъ; послѣ этого мы слышали, что Александръ къ Шихъ-Ахмату пословъ отпустилъ, а самъ хочетъ на Стефана ити, и то все Александровъ обманъ; по этому ты, братъ, на шерти стоялъ бы противъ Александра и мнѣ вѣсть далъ.» Этѣ письма кончались: «Братство свое учини, 70,000 денегъ пришли» и т. д.

Такъ знали въ Москвѣ, по сношеніямъ съ Крымомъ, о состояніи дѣлъ въ степяхъ, къ Августу 1498 года. Въ это время, какъ мы видѣли, Литовскимъ посламъ отвѣчали въ Москвѣ, что Александръ не правитъ по докончанью, и по этому объ его дѣлахъ непригоже посылать ни къ Менгли-Гирею, ни къ Стефану. Однако же, по этому случаю отправлено было въ Крымъ посольство съ Княземъ Семеномъ Ромодановскимъ. Литовской посолъ, Станиславъ Петрашковичъ говорилъ въ Москвѣ о дѣлахъ Литвы съ Крымомъ слѣдующее: «Мы послали къ Менгли-Гирею своего посла, Каспара Гармантовича, чтобы быть ему съ нами въ миру и пріязни; онъ намъ сказалъ, что хочетъ слать своихъ пословъ;

а за тѣмъ его люди пришли на наши украйны подъ городъ Черниговъ и шкоды починили, многихъ людей въ плѣнъ повели, а посла нашего Менгли-Гирей по сіе время у себя держитъ. А Воевода Волошскій черезъ свою землю Турецкія войска пропустилъ, и они намъ шкоды чинятъ.» Въ слѣдствіе этѣхъ словъ, Князю Семену Ромодановскому было наказано: «Какъ дастъ Богъ, пріѣдешь къ Царю, и будетъ тамъ человѣкъ Великаго Князя, Александра, то спросить того человѣка, хочетъ ли онъ быть съ тобою у Царя, и захочетъ быть, то не отговариваться, а править передъ нимъ посольство; да напередъ себя послать къ Царю человѣка, котораго будетъ пригоже, сказать: «Рѣчи, Господине, отъ Государя моего къ тебѣ: одна явная, предо всѣми людьми говорить, а другую рѣчь говорить къ тебѣ на единѣ.» Рѣчь явная состояла въ предложеніи мира съ Александромъ и чтобы быть всѣмъ троимъ за одинъ; да о томъ, что съ тѣмъ же послано и къ Стефану. Въ тайной рѣчи говорилось: «Помиришься съ Александромъ, или нѣтъ, обо всемъ дай вѣдать, а мы съ тобой стоимъ за одинъ на Ахматовыхъ дѣтей и на Литовскаго; да отвѣтъ на твое послѣднее посольство пришлемъ, когда возвратится отъ тебя Ромодановской.» Ромодановскому была дана, кромѣ этого, слѣдующая память: «Учнетъ Менгли-Гирей ссылаться съ Александромъ большими людьми, или малыми, а тебѣ велитъ у себя быть, доколѣ между ними миръ состоится, и тебѣ того ждать, отъ Царя не ѣхать, доколѣ Царь не отпуститъ.»

Ромодановскій остался въ Крыму, Челищевъ же возвратился въ Москву, вмѣстѣ съ Царевымъ человѣкомъ. Менгли-Гирей извѣщалъ: «Прислалъ ко мнѣ Александръ гонца съ грамотою, и въ ней писано, чтобы я рать свою унялъ, вотчину его воевать не велѣлъ, а его посла, Каспара, отпустилъ, по тому что онъ обѣщался ко мнѣ прислать другаго посла объ мирѣ и дружбѣ; съ чѣмъ его посолъ пріѣдетъ, то я часа того же пришлю къ тебѣ своего человѣка съ тѣми рѣчьми, и какъ велишь дѣлать съ Александромъ, такъ и буду дѣлать.» Кромѣ этого Менгли-Гирей писалъ: «Литовской съ недругами нашими, Шихъ-Ахматомъ и Муртозою, другомъ учинился, а нынѣ ко мнѣ прислалъ людей о дружбѣ, и я Каспара отпустилъ; правду же и ложь Александрову

Богъ доведетъ въ скорые дни.» Менгли-Гирей также извѣщалъ, что у недруговъ Орда голодна и стоитъ около Астрахани. [46]

Въ такомъ состояніи находились степныя дѣла къ началу 1499 года, когда Иванъ Васильевичъ получилъ изъ Литвы грамоту о принужденіи Елены Ивановны къ Римской Вѣрѣ, и когда онъ еще не зналъ, что Стефанъ помирился съ Казимировичами; по этому естественно было наказывать Мамонову: пытать въ Литвѣ, мирны ли съ Литовскимъ и Польскимъ Перекопской, Волошской и Турки. Но, не смотря на это, послѣ 30 Мая, Иванъ Васильевичъ не скоро послалъ въ Крымъ, и Ромодановскій оставался тамъ при прежнемъ Наказѣ.

II.

Въ то время, какъ Мамоновъ поѣхалъ въ Литву, послѣ его отъѣзда (6-го Іюня) пріѣхалъ отъ Александра гонецъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Елена Ивановна больна, и что Великій Князь хочетъ слать особыхъ пословъ «о нѣкоторыхъ дѣлахъ.» Но обѣщанные Литовскіе послы долго не ѣхали въ Москву, такъ что 13-го Іюля Иванъ Васильевичъ послалъ въ Литву Андрея Кутузова справиться о здоровьѣ Елены Ивановны и на единѣ напомнить ей о крѣпкомъ состояніи въ Греческомъ Законѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что отвѣчала Елена Ивановна Мамонову и Кутузову. Что же дѣлалось въ это время въ Литовскомъ правительственномъ мирѣ? Это состояніе дѣлъ всего лучше отразилось въ посольствѣ, которое обѣщалъ прислать Александръ. Оно явилось въ Августѣ, 1499 года, съ Маршалкомъ Станиславомъ Глѣбовичемъ. Въ вѣрющей грамотѣ написанъ былъ полный титулъ Ивана Васильевича, исключая словъ «Государь всея Руси.» Посолъ говорилъ отъ Великаго Князя, Александра, что Менгли-Гирей съ нимъ не мирится, а Стефанъ Воевода помирился, но теперь на Стефана идутъ Турки, и ему, какъ защитнику Христіянства, должно помочь. Кромѣ того, Литовской посолъ началъ говорить: «Ты писалъ и съ послами наказывалъ, что мы твое имя пишемъ не по докончальнымъ грамотамъ; но когда мы ихъ писали, то ты

[46] Дѣла Крым. № 1, конецъ, съ 446 стр.

записалъ въ нашъ листъ всѣ города и замки, опричь замка Кіева, и теперь, когда его запишешь, или особую запись на него дашь, то мы и будемъ твое имя такъ писать.» Но этѣ рѣчи о титулѣ не удовлетворяли Москвичей, и Бояре, отъ имени Великаго Князя, отвѣтили послу: «Что за безлѣпицу приказываетъ Александръ? Онъ по докончанью все это долженъ править; мы приказываемъ ему о церкви, Панахъ и Паньяхъ Греческаго Закона, а изъ этого и теперь еще ни чего не сдѣлано.» Но къ этѣмъ словамъ, и другимъ старымъ жалобамъ, Бояре въ первый разъ сказали Литовцамъ: «Александръ теперь дочь нашу нудитъ къ Римскому Закону, и этѣмъ показываетъ явно то, что онъ добраго житья съ нами не хочетъ.» Такъ какъ Литовскіе послы привезли съ собою списокъ съ тайныхъ рѣчей Ромодановскаго къ Менгли-Гирею, добытыя въ Крыму, и выставляли, какъ упрекъ, что въ нихъ говорилось (т. е., что Иванъ Васильевичъ съ Царемъ за одинъ и на Литовскаго, то на этѣ рѣчи отвѣчали Бояре: «Александръ послалъ на насъ къ нашимъ недругамъ, Ахматовымъ дѣтямъ, и мы того ради послали къ Менгли-Гирею такую рѣчь; а если Александръ такъ дѣлаетъ, то какому добру, или миру, быть между нами?» Отпуская пословъ, самъ Иванъ Васильевичъ говорилъ имъ: «Если Александръ, и такъ ни чего не правя по докончанью, еще будетъ нашу дочь нудить къ Римскому Закону, то онъ тѣмъ съ нами нежитья не хотѣлъ бы.»

Обстоятельства торопили къ окончательному разрыву. Лѣтописецъ разсказываетъ, что послѣ того, какъ Иванъ Васильевичъ узналъ, что его дочь нудятъ въ Римскую Вѣру, прислалъ къ Великому Князю Литовскій служебный Князь, Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, бить челомъ, чтобы Государь пожаловалъ, взялъ въ службу съ отчиною; Князь Бѣльскій сказывалъ, что на нихъ, Православныхъ, пришла великая нужда о Греческомъ Законѣ: посылалъ къ нимъ Князь Великій, Александръ, отметника Греческаго Закона, Іосифа, Владыку Смоленскаго, да Бискупа Виленскаго и чернецовъ Бернардиновъ, чтобы приступали къ Римскому Закону. [47] Государь Иванъ Васильевичъ Князя Семена Бѣльскаго пожаловалъ, взялъ его въ службу и съ его отчиною. Впрочемъ,

---

[47] Здѣсь слова лѣтописи слово въ слово схожи съ правительственными рѣчами, говоренными по этому поводу Московскими послами въ Литвѣ.

дѣло принятія въ службу Князя Бѣльскаго и потомъ другихъ Князей произошло нескоро; конецъ 1499 года и начало 1500 прошли въ переговорахъ съ ними.

Станиславъ Глѣбовичъ былъ въ Москвѣ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ Октябрѣ пріѣхалъ изъ Крыма Князь Семенъ Ромодановскій и привезъ грамоты отъ Менгли-Гирея, который писалъ: «Мы съ Александромъ помиримся по твоему слову;» далѣе, излагая опасенія, что теперь Турецкій Султанъ прислалъ въ Кафу своего сына, и что со временемъ это можетъ грозить ему опасностію, Царь говорилъ: «Кіевъ и Черкаской городокъ пусть будутъ твои, и когда мы подкочуемъ къ Кіеву, или Черкаскому городку, то твои люди будутъ мои, а мои твои» и т. д. Потомъ въ числѣ грамотъ Менгли-Гирея была слѣдующая: «Крѣпко ли ты вѣришь Александру? Онъ посылалъ къ Ахматовымъ дѣтямъ и приводилъ ихъ на насъ, да къ моему городку часто его люди приходятъ и пакости чинятъ; да не платитъ онъ пошлины въ Крыму за соль и ясака, который прежде платили съ Кіева и иныхъ городовъ.» Прошло послѣ пріѣзда Ромодановскаго около двухъ мѣсяцевъ, и тогда Иванъ Васильевичъ (19 Декабря) отправилъ къ Александру Ивана Мамонова съ слѣдующими рѣчами: «Мы посылали къ Менгли-Гирею Боярина Ромодановскаго, чтобы онъ помирился съ тобою, и онъ хочетъ мириться съ тобою;» на какихъ условіяхъ долженъ состояться этотъ миръ, Мамоновъ представилъ выше изложенную грамоту. На такое предложеніе въ Литвѣ отвѣчали: «Пусть братъ и тесть самъ посмотритъ, можно ли такъ дѣлать; ни мы, ни наши предки никогда такой дани не платили; мы же посовѣтуемся, и о всѣхъ дѣлахъ откажемъ съ своими послами.»

Въ началѣ 1500 года всѣ дѣла у Москвичей съ Литовскими служебными Князьями были устроены: Князь Семенъ Бѣльскій былъ уже принятъ въ Московскую службу, и съ извѣстіемъ объ этомъ отправился изъ Москвы въ Литву Дмитрій Загряжскій; съ ними ѣхалъ и человѣкъ Князя Бѣльскаго, чтобы сложить присягу за своего Господина. Загряжскій говорилъ отъ Ивана Васильевича Александру: «Въ докончальныхъ грамотахъ записано, чтобъ намъ Князей служебныхъ съ отчинами не принимать на обѣ стороны; но когда всѣмъ Православнымъ въ Литвѣ пришла такая нужда въ вѣрѣ Греческаго Закона, которой напередъ отъ твоего

отца и предковъ не бывало, то мы, ради той нужды, приняли Князя Семена въ службу съ отчиною: то бы тебѣ было вѣдомо, и ты въ отчину нашего слуги не вступался и людямъ его обиды и силы не дѣлалъ.» Объ этомъ принужденіи въ Вѣрѣ, какъ причинѣ отъѣзда, и самъ Князь Бѣльскій послалъ грамоту къ Александру. [48]

Въ слѣдъ за Княземъ Бѣльскимъ пріѣхали служить Князья Масальскіе, Князь Хотѣтовскій и многіе другіе, и въ то же время велись переговоры съ Князьями Стародубскимъ и Сѣверскимъ. Литва, какъ и прежде, была застигнута въ расплохъ. Когда такія дѣла совершались на границахъ, обѣщанное и приготовленное Литовцами посольство (на вѣрющей грамотѣ означено 5 Марта), пріѣхало въ Москву 23 Апрѣля. Послами были: Станиславъ Петрашковичъ Кишка, Намѣстникъ Смоленскій, и Писарь Ѳедько Григорьевичъ. Теперь, въ вѣрющей грамотѣ, въ первый разъ Литовцы написали титулъ: «Государь всея Руси,» и по чему прежде его не писали, въ рѣчахъ этѣхъ пословъ объяснялось не такъ, какъ въ рѣчахъ Станислава Глѣбовича: «Мы прежде воздержались писать твое имя по докончанью, по тому что вскорѣ послѣ докончанья съ твоей земли нашимъ землямъ начались дѣлаться такія великія кривды, что и трудно высказать; и ты, братъ нашъ, о нихъ сказалъ, что до тѣхъ поръ ихъ не исправятъ, пока твое имя не будетъ написано по докончанью. Мы теперь написали имя твое по докончанью, и хотимъ все по немъ править, какъ и прежде правили, а ты бы, братъ нашъ, вспомнилъ докончанье и, противъ него, Князей служебныхъ не принималъ. Что же касается до принужденія въ Вѣрѣ, о чемъ ты приказывалъ къ намъ съ Загряжскимъ, и что тебѣ сказалъ Князь Семенъ Бѣльскій, то онъ тебѣ не умѣлъ правды повѣдать: онъ лихой человѣкъ и нашъ измѣнникъ, мы его уже три года и въ глаза не видали. У насъ, по милости Божіей, въ Литовскомъ Великомъ Княжествѣ много Князей и Пановъ Греческаго Закона, получше того измѣнника, и мы и наши предки силою ихъ къ Римскому Закону никогда не приводили; такъ ты бы, братъ нашъ, ради того измѣнника не ломалъ докончанья, а Бѣльскаго и другихъ нашихъ измѣнниковъ намъ вы-

---

48 См. выше ч. 1, гл. 1.

далъ.» Отвѣтомъ на этѣ рѣчи были слѣдующія слова: «Сколько лѣтъ братъ нашъ и зять не правилъ намъ по докончанью, и теперь только одно имя наше написалъ по докончанью; но мы ему прежде говорили не объ одномъ нашемъ имени, а и о Панахъ, Паньяхъ и церкви Греческаго Закона для нашей дочери; а нынѣ больше того дѣлается,—нашу дочь и всѣхъ Православныхъ нудятъ къ Римскому Закону: велѣлъ наставить Римскихъ божницъ по Русскимъ городамъ, женъ отъ мужей, дѣтей отъ отцевъ отнимаютъ и силою крестятъ въ Римскую Вѣру; такъ это называется не нудить Руси къ Римскому Закону? Ради этѣхъ гоненій мы приняли Князя Бѣльскаго и другихъ къ себѣ въ подданство; изъ докончанья же не выступали ни въ чемъ.» [49]

---

[49] Подъ № 155 въ Актахъ Западной Россіи, въ I томѣ, напечатана приведенная выше (ч. II, гл. 1) грамота изъ Литвы о принужденіи Елены Ивановны къ Римскому Закону. Издатели отнесли ее не къ 1499 г., 30 Мая, а «къ 1498 году, прежде Мая.» Они не видали подлинныхъ актовъ и сами сослались на то, что перепечатали грамоту изъ сочиненія Князя Щербатова. Но время, къ которому ее отнесли, обозначили они сами. По чему они такъ умствовали, то можемъ думать, что къ этому, какъ видно, принудилъ ихъ одинъ документъ изъ Литовской Метрики, который они напечатали подъ № 179. Здѣсь же считаю долгомъ замѣтить одно, что въ выше сдѣланныхъ примѣчаніяхъ указано, какіе дипломатическіе документы находятся въ Литовской Метрикѣ, и при этомъ всякой можетъ судить, что достоинство ихъ не имѣетъ ни малѣйшаго права равняться съ достоинствомъ Московскихъ правительственныхъ бумагъ, по тому что бѣдность ихъ содержанія бросается въ глаза. Такъ какъ этѣ акты изъ Литовской Метрики по большей части уже прежде были напечатаны въ Сборникѣ Муханова, то невольно удивляешься и спрашиваешь, за чѣмъ же они въ Ак. З. Р. снова перепечатаны? Но удивленіе возрастаетъ еще болѣе, когда знаешь, что Литовскія Государственныя бумаги изданы по два раза, а Московскія по сіе время составляютъ Архивское достояніе. Выше я не дѣлалъ ссылокъ на страницы Польскаго Статейнаго Списка, по тому что въ Исторіи Г. Р. и въ Ист. Р. они уже сдѣланы большею частію по посольствамъ. Въ Ист. Рос. только ошибочно, на основаніи А. З. Р., грамота о принужденіи къ Вѣрѣ Елены Ивановны отнесена къ 1498 году. Самыя же подробныя ссылки на Статейный Списокъ, на всѣ посольства по страницамъ, можно видѣть въ довольно полномъ извлеченіи изъ Польскихъ дѣлъ, сдѣланномъ Бантышъ-Каменскимъ. Это извлеченіе напечатано въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1860 г., въ кн. 4-й, подъ заглавіемъ: «Переписка между Россіею и Польшею.»

Подъ № 179 въ Актахъ Западной Россіи напечатаны документы, содержащіе будто бы одно посольство изъ Литвы въ Москву, въ 1500 году, и отвѣтъ

Съ этѣмъ отвѣтомъ поѣхали Литовскіе послы изъ Москвы, но въ то же, должно быть, время посланъ былъ изъ Москвы къ

на него. Сличеніе этого посольства изъ Метрики съ Статейнымъ Спискомъ возможно по тому, что послѣднія страницы 1 № Польскаго Статейнаго Списка заключаютъ въ себѣ именно это посольство и отвѣтъ на него. Надо прибавить, что въ Метрикѣ отвѣтъ на посольство не весь (хотя издатели, не видя этого изъ Метрики, въ примѣчаніи объ этомъ не сказали; но объ этомъ будетъ ниже), а въ Статейномъ Спискѣ есть нѣсколько лишнихъ статей противъ Метрики, но все таки отвѣтъ не весь, по тому что послѣднихъ листовъ недостаетъ въ Спискѣ. Этотъ № Актовъ Западной Россіи замѣчателенъ тѣмъ, что всякаго, кто хотя немного знакомъ съ Русской Исторіей, приведетъ въ смущеніе, а людей, занимающихся ею, еще болѣе. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Извѣстно, что Ведрошская битва была въ 1500 году, 14 Іюля, а это посольство, отъ 5 Марта, 1500 года, говоритъ, о Ведрошской битвѣ, какъ о событіи совершившемся. Сличая напечатанное изъ Литовской Метрики съ Статейнымъ Спискомъ, выходитъ, что въ Статейномъ Спискѣ недостаетъ въ рѣчахъ пословъ главное пунктовъ, которые въ Метрикѣ говорятъ о Ведрошской битвѣ. Отвѣтъ, какъ уже замѣчено, въ Статейномъ Спискѣ не полный, но все таки полнѣе, чѣмъ въ Метрикѣ, и по этому можно бы было предполагать, что если Москвичи, по неотчетности, не сполна записали посольскія рѣчи, то, по крайней мѣрѣ, въ своемъ отвѣтѣ могли упомянуть о Ведрошской битвѣ, но этого въ отвѣтѣ мы не имѣемъ. Въ такомъ положеніи остается, по видимому, повѣрить изданному изъ Литовской Метрики, а не Статейному Списку. Такъ и сдѣлали издатели Актовъ Западной Россіи: они не повѣрили ни Щербатову, ни Карамзину (впрочемъ, если только заглядывали по этому случаю въ текстъ сочиненій исторіографовъ), а отодвинули всѣ событія назадъ и, какъ выше замѣчено, такъ они поступили и съ грамотой о принужденіи въ Вѣрѣ Елены Ивановны; но за то, оставивъ послѣдующія посольства по Метрикѣ, на своемъ мѣстѣ, они и не предположили, что этѣмъ спутаны всѣ событія того времени. Наконецъ издатели не вѣрили и Русскимъ лѣтописямъ, которыя говорятъ, что Ведрошская битва была въ 1500 году, 14 Іюля. Можетъ быть, они вѣрили Польскимъ лѣтописцамъ? Правда, у Стрыйковскаго Ведрошская битва отнесена къ 1499 году, но достоинство этой лѣтописи Стрыйковскаго и при не очень внимательномъ изученіи, открывается скоро; она составлена изъ нѣсколькихъ лѣтописей и самымъ небрежнымъ образомъ; у него часто встрѣчается, что обо одномъ событіи разсказано по два раза и подъ разными годами. Но здѣсь дѣло не объ лѣтописцахъ, а объ правительственныхъ памятникахъ. Въ Исторіи Россіи, въ 5 томѣ, въ примѣчаніи 109, указано на разногласіе такихъ памятниковъ, «долженствующихъ имѣть авторитетъ неоспоримый;» мнѣ желательно было отыскать причину такого разногласія. Въ Голицынской выпискѣ изъ Статейныхъ Списковъ (находится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ названіемъ № 2 Польскихъ Дѣлъ) нѣтъ и намека, чтобы въ концѣ отвѣта на посольство было упоминаніе о Ведрошской битвѣ. По видимому, что не сами издатели Метрики въ Ак. Зап. Россіи сдѣлали, по

Александру Телешевъ, во первыхъ, объявить, что ради принужденія въ Вѣрѣ Православнымъ отъ Католиковъ, просились въ Мо-

---

неотчетности, это дѣло, свѣдѣтельствуетъ обозначеніе листовъ подъ изданнымъ посольствомъ: посольство на одномъ мѣстѣ, а отвѣтъ на другомъ. Для объясненія этого дѣла мнѣ случилось самому встрѣтить, и тоже прежде нашелъ Проф. И. Д. Бѣляевъ, который, на вопросъ Проф. С. М. Соловьева, отвѣчалъ во «Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» (1855 г., кн. 1), о годѣ Ведрошской битвы, именно, что подъ № 179 Актовъ Западной Россіи, въ 1 томѣ, существуетъ смѣсь двухъ посольствъ въ одно. На первыхъ страницахъ 192 № Актовъ Запад. Рос., подъ которымъ напечатанъ Московскій Статейный Списокъ (который, въ смутное время, Поляки взяли себѣ, а послѣ третьяго раздѣла Польши онъ возвратился въ Россію) находится рѣчь Литовскаго посла въ Москвѣ, Пана Парбута, въ 1501 году, и она слово въ слово схожа съ прибавкой № 179, въ которой говорится о Ведрошской битвѣ. Но теперь возникаетъ вопросъ о томъ, какимъ же образомъ могло случиться, что посольства разныхъ годовъ въ Литовской Метрикѣ смѣшаны въ одно? И. Д. Бѣляевъ предполагаетъ, что вся эта смѣсь «ясно показываетъ (?), что эта часть Литовской Метрики списана съ Московской Посольской Книги (во время пребыванія Статейныхъ Списковъ въ Польшѣ), и списана небрежно, съ пропусками, съ перемѣною листовъ.» Во первыхъ, не можетъ быть, чтобы чрезъ 100 слишкомъ лѣтъ Поляки стали поправлять свои Государственныя бумаги по Московскимъ; а во вторыхъ, Литовская Метрика такъ составлена, что предположить подобнаго ни какъ нельзя. Я предполагалъ (см. мой отчетъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1865 г., Дек. кн.), что при запискѣ въ Метрику множества накопившихся правительственныхъ бумагъ, писцы перемѣшали бумаги и записали ихъ дурно. Во всякомъ случаѣ, дѣло можно было рѣшить несравненно лучше, если такіе сомнительные напечатанные памятники сличить съ подлинной рукописью Литовской Метрики. Я видѣлъ книги Литовской Метрики, и въ нихъ нашелъ слѣдующее. Во первыхъ, большею частію, гдѣ издатели Актовъ Западной Россіи ссылались, что такой-то памятникъ напечатанъ изъ 6 книги записей, то должно искать этотъ памятникъ въ 5 книгѣ, и обратно. Во вторыхъ, пункты посольствъ, находящихся въ Метрикѣ (это также относится и къ посольству, что подъ № 179), издатели Актовъ Западной Россіи въ одномъ мѣстѣ соединяли, а въ другомъ разставляли, по собственному благому усмотрѣнію. Издатели исправляли слогъ актовъ и вставляли цѣлыя слова, на примѣръ, почти въ началѣ каждаго пункта вставлено слово «всказалъ,» а его въ подлинникѣ не имѣется; впрочемъ, для иныхъ, можетъ быть, это неважно. Издатели, въ примѣчаніи къ № 179, на стр. 206, написали: «Въ заглавіи отмѣчено: Посольство до Великаго Князя Ивана Васильевича Паномъ Станиславомъ Петровичомъ, Намѣстникомъ Смоленскимъ, а Писаремъ Ѳедкомъ Григорьевичемъ. Выше: мѣсяца Февраля 28 дня, индикта 3.» Это примѣчаніе не совсѣмъ вѣрно. (Такое же почти заглавіе дано этому посольству и въ Сборникѣ Муханова; тамъ это посольство напечатано подъ №№

сковскую службу Князья Стародубскій, Семенъ Ивановичъ Можайскій и Сѣверскій, Василій Ивановичъ Шемячичъ, и Великій

---

70 и 71, но несравненно лучше, чѣмъ въ Актахъ Западной Россіи). Невѣрность заглавія заключается въ слѣдующемъ, что будто выше поставлено мѣсяца Февраля 28 дня, индикта 3. Мои глаза насилу могли усмотрѣть, что дѣйствительно весьма выше, въ концѣ посольства къ Татарскому Мурзѣ Тивикилею, * поставлено только «индикта 3,» о мѣсяцѣ же Февралѣ ни чего не сказано. Но между этѣмъ обозначеніемъ времени и настоящимъ заглавіемъ посольства находится на листѣ пустое мѣсто строчекъ на 6. При этомъ нужно замѣтить, что въ Метрикѣ годъ, мѣсяцъ и число обыкновенно обозначаются (хотя и очень рѣдко, такъ какъ большею частію бумаги въ Метрикѣ безъ обозначенія времени ихъ происхожденія) въ концѣ посольства. И такъ, это посольство по Метрикѣ безъ числа, и его можно узнать только по нашимъ Польскимъ Дѣламъ, именно: вѣрющая грамота Литовскихъ пословъ отъ 5 Марта, а пріѣхали въ Москву послы 23 Апрѣля. Какъ же случилась прибавка посольства Нарбута къ рѣчамъ Станислава Кишки? Какъ я прежде предполагалъ, что должно быть писцы, записывавшіе въ Метрику посольства, произвели эту смѣсь, то, провѣривши по подлинной Метрикѣ, въ этомъ еще больше убѣдился. Именно: эта часть Метрики составлена такъ, что въ 5 книгѣ записей находятся большею частію Государственныя бумаги (на примѣръ, посольство въ разныя Государства), при чемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ книги держались, при запискѣ бумагъ, лѣточислительнаго порядка, а въ другихъ частяхъ встрѣчается полная смѣсь всякихъ бумагъ различныхъ временъ. Въ той части, гдѣ находится посольство, что напечатано въ Актахъ Западной Россіи подъ № 179, держались лѣточислительнаго порядка, но при этомъ, гдѣ, по времени, слѣдовало бы написать посольство Нарбута 1501 г., тамъ написанъ отвѣтъ на посольство Станислава Кишки, а гдѣ долженъ былъ быть, по мѣсту, этотъ отвѣтъ, тамъ посольство Нарбута; но все таки самое посольство Нарбута съ посольствомъ Станислава Кишки въ Метрикѣ не смѣшано такъ, какъ смѣшали его издатели Актовъ. Въ Метрикѣ иногда, при запискѣ посольствъ въ одно Государство, отдѣляли ихъ не такимъ большимъ пустымъ мѣстомъ, какъ между посольствами въ разныя Государства, но все таки разставка между посольствомъ Кишки и Нарбута существуетъ. Но, кромѣ этой разставки, всякой можетъ видѣть, по изданному въ Актахъ, что посольство Нарбута начинается обширнымъ титуломъ Великаго Князя Александра, такимъ титуломъ, который обыкновенно употребляется въ началѣ посольскихъ рѣчей, и не повторяется при каждомъ пунктѣ одной и той же рѣчи посла. Впрочемъ, это всего лучше можно видѣть изъ напечатаннаго не въ Актахъ Западной Россіи, а въ Сборникѣ Муханова, на страницѣ 101, гдѣ, не мудрствуя, напечатано такъ, какъ въ первый разъ представляется написанное въ Метрикѣ.

Теперь нужно сказать о томъ, что въ рѣчахъ Станислава Кишки изъ Литовской Метрики находятся въ концѣ два пункта, которыхъ нѣтъ въ Статей-

* Въ Литовской Метрикѣ въ одну книгу вмѣстѣ записывали посольства въ разныя страны.

Князь принялъ ихъ въ службу съ ихъ отчинами. Въ это же время была подана Александру складная грамота,[50] которая содержала слѣдующія слова: «Великій Князь Александръ по докончанью не правитъ: Великую Княгиню Елену, Князей и Пановъ Русскихъ къ Римскому Закону нудитъ; по этому Великій Князь Иванъ Васильевичъ складываетъ съ себя крестное цѣлованіе, и за Христіянство хочетъ стоять, сколько Богъ ему поможетъ.» Въ Литвѣ отвѣчали послу о Князьяхъ: «Отцы этѣхъ Князей измѣнники твоего Государя, и пришли они въ Литву, сдѣлавши извѣстно какое дѣло надъ Великимъ Княземъ, Василіемъ Васильевичемъ, и надъ самимъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Васильевичемъ; въ Литвѣ ихъ приняли, и дали имъ вотчины на прожитокъ, а они, измѣнники, по привычкѣ своихъ отцовъ, теперь измѣнили намъ, да и надъ вашимъ Государемъ также потомъ учинятъ измѣну; нашъ же Го-

---

номъ Спискѣ, а въ Статейномъ Спискѣ. въ отвѣтѣ на это посольство, есть пункты, которыхъ нѣтъ въ отвѣтѣ въ Метрикѣ. Этѣ пункты рѣчей Станислава Кишки хотя и не записаны въ Статейномъ Спискѣ, однако были говорены въ Москвѣ, по тому что лишніе пункты Статейнаго Списка есть отвѣтъ на этѣ пункты Метрики. Какъ же случилась такая разница записи въ Государственныя книги? На это можно сдѣлать то предположеніе, на основаніи общаго состава Статейныхъ Списковъ, что въ Москвѣ слышали этѣ пункты, но не записали въ книги, въ то же время отвѣтъ на нихъ приготовили, можетъ быть, даже и говорили, но въ спискѣ, данномъ Литовскому послу, этѣхъ пунктовъ не помѣстили, а по тому ихъ въ Литовской Метрикѣ, нѣтъ (впрочемъ, если Москвичи и дали Литовцамъ полный отвѣтъ, то Литовцы, по небрежности, которая весьма видна изъ состава Метрики, могли записать въ книги отвѣтъ не сполна). Подобный обычай у Москвичей часто употреблялся. При этомъ нужно замѣтить, что разница въ редакціяхъ Метрики и Статейныхъ Списковъ рѣзко бросается въ глаза, и если нужно было печатать дипломатическую часть Метрики, то можно дѣлать такъ, какъ и сдѣлали въ одномъ мѣстѣ издатели Актовъ Западной Россіи, напечатавъ подъ № 192 Статейный Списокъ, сличая его съ Метрикой (какъ бы и слѣдовало издавать всегда такія бумаги); они въ нѣсколькихъ мѣстахъ указали на эту разницу редакцій.

[50] Въ лѣтописи сказано, что Телешовъ поѣхалъ съ отказомъ о Князьяхъ, а съ складной грамотой посланъ Афонасъ Шеенка Вязмитинъ. Въ лѣтописи этѣ событія совершенно сходно разсказываются съ правительственными дукументами. Содержаніе складной грамоты взято изъ Голицынской выписки (стр. 54 — 55), въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Д. П, № 2.

сударь знаетъ только свои отчины, ихъ же отчинъ не вѣдаетъ.»[51] Послѣ такихъ, по видимому, обидныхъ словъ, отвѣтъ Литовцевъ все таки кончался слѣдующимъ образомъ: «А что ты говорилъ Государю нашему объ иныхъ большихъ дѣлахъ, то объ этомъ нашъ Государь шлетъ своего посла вашему Государю.» Подъ этѣми большими дѣлами Литовцы, какъ видно, разумѣли складную грамоту. Воевать они не хотѣли, но война уже началась, и было поздно ее останавливать.

Этѣ отношенія Москвы къ Литвѣ, за послѣднее время, отразились и на ихъ отношеніяхъ къ Молдавіи и Степнякамъ. Еще Иванъ Васильевичъ не успѣлъ извѣстить о своихъ послѣднихъ дѣлахъ съ Литвою ни въ Крымъ, ни въ Молдавію, какъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1500 года,[52] пріѣхалъ отъ Стефана Ѳедько Исаевичъ, Намѣстникъ Хотинскій, и Дьякъ Шандра. Изъ ихъ рѣчей оказывается, что Александръ уже извѣщалъ Стефана о своихъ дурныхъ отношеніяхъ къ тестю; по этому теперь Стефанъ предлагалъ своему свату, Ивану Васильевичу, взять миръ съ своимъ зятемъ, Александромъ. Въ Москвѣ на это объяснили, что нерады враждѣ, но Александръ не правитъ по докончанью: имя своего тестя пишетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и въ то же время, противъ докончанья, свою Великую Княгиню и всѣхъ Русскихъ нудитъ къ Римскому Закону. Этѣ рѣчи кончались тѣмъ, что если съ Александромъ не станется миръ, то объ этомъ пришлютъ къ Стефану посла, а онъ бы, по докончальнымъ грамотамъ и крестному цѣлованію, помогалъ и на Литовскаго наступалъ.[53] Этотъ посолъ дѣйствительно пріѣхалъ къ Стефану, но уже въ началѣ 1501 года.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправляя въ Крымъ пословъ Менгли-Гирея, Иванъ Васильевичъ отпустилъ съ ними своего посла, Князя Ивана Семеновича Кубенскаго, которому было наказано говорить Царю: «Мы, по твоему слову. посылали къ Александру и

---

[51] Ак. З. Р. т. 1, № 180. Этотъ актъ изъ Литовской Метрики не имѣетъ въ себѣ складной грамоты.

[52] Лѣтописи: Никоновская, Софійская и Воскресенская подъ 1500 годомъ.

[53] Ак. З. Р. т. 1, №№ 161 и 162 содержатъ Молдавскія посольства. Они напе-

говорили, какого ты миру хочешь съ нимъ, а онъ намъ приказалъ, что его люди, при его отцѣ и дѣдахъ, никогда вашими даньщиками не бывали; объ этомъ онъ обѣщалъ прислать еще пословъ, но они долго не ѣхали, а теперь пріѣхали и говорятъ, что ихъ Государь такого миру не хочетъ, и коли онъ съ тобою, моимъ братомъ, миру не хочетъ, то и я съ нимъ миру не хочу. Да которые у него были Ордынскіе послы, и онъ ихъ отпустилъ въ Орду, приказавъ сказать Ахматовымъ дѣтямъ, чтобы они шли на насъ...» и т. д. Кубенскому[54] также было наказано говорить:

чатаны изъ Литовской Метрики и относятся не къ 1498, или 99, году, какъ обозначили издатели, а несравненно позднѣе:

Во первыхъ, по упоминаемымъ въ посольствахъ лицамъ и событіямъ, къ первой половинѣ 1501 года. Послѣ Өедьки Исаевича, который былъ въ Москвѣ въ Апрѣлѣ 1500 года (см. Лѣтопись подъ 1500 годомъ), назначался ѣхать въ Москву Дьякъ Костантинъ, но, прежде отправленія его, говорится въ посольствѣ Стефана къ Александру, былъ у Стефана Московскій посолъ съ объясненіемъ причинъ войны. Изъ Крымскихъ Дѣлъ мы узнаемъ, что, вмѣстѣ съ Иваномъ Мамоновымъ, ѣхалъ черезъ Крымъ къ Стефану Земскій Дьякъ Никита (объ немъ, вѣроятно, и говорится въ началѣ посольства Стефана къ Александру). Мамоновъ и Никита выѣхали изъ Москвы 11 Августа, 1500 года, и попали въ Крымъ къ Рождеству Христову. Далѣе въ посольствахъ (№№ 161 и 162) говорится, что Стефанъ отправилъ къ Менгли-Гирею посла о дѣлѣ Александра, и когда онъ воротится, то о послѣдствіяхъ его посольства Стефанъ извѣститъ. Изъ Крымскихъ Дѣлъ узнаемъ, что подобный гонецъ пріѣзжалъ отъ Стефана въ Крымъ, послѣ пріѣзда туда Мамонова, одновременно съ гонцемъ Александра, на второй недѣлѣ послѣ Пасхи 1501 года. И такъ этѣ посольства можно отнести къ первой половинѣ 1501 года, когда въ борьбу Москвы съ Литвою втягивались, кромѣ Степняковъ, Молдавія и другіе народы. Здѣсь нужно замѣтить, что № 161 есть дополненіе къ № 162, какъ слѣдуетъ по смыслу.

Во вторыхъ, по мѣсту нахожденія этѣхъ посольствъ въ Литовской Метрикѣ. Въ этомъ мѣстѣ Метрики держались при запискѣ Государственныхъ бумагъ лѣточислительнаго порядка. Впереди посольствъ въ Молдавію находится посольство къ Менгли-Гирею, отъ 27 Ноября, 1500 г.; оно напечатано въ Актахъ Западной Россіи подъ № 183. Послѣ этого идутъ посольства къ Шихъ-Ахмату, отрывки изъ которыхъ напечатаны подъ № 184, и послѣ этого уже посольство въ Молдавію. Этѣ мои слова можно провѣрить по обозначенію листовъ Метрики подъ посольствами въ Актахъ Западной Россіи.

[54] Князь Кубенскій поѣхалъ въ Крымъ 13 Апрѣля; см., на примѣръ, Никоновскую лѣтопись; но когда пріѣхали въ Москву Литовскіе послы, Станиславъ Петрашковичъ и Өедько Григорьевичъ, то объ этомъ къ Кубенскому была послана грамота съ наказомъ.

«Мой Государь нынѣ въ размирьѣ съ Литовскимъ, а размирье между ними и отъ того, что пріѣхалъ Князь Семенъ Бѣльской съ отчиною, и Государь его принялъ, да еще велѣлъ засѣсть иные города и волости Литовскіе; да Государь безъ твоего вѣдома не будетъ мириться съ Литовскимъ.» Князь Кубенскій везъ съ собою въ Крымъ поминки и ѣхалъ степью; здѣсь уже три мѣсяца дожидались Азовскіе Татары, не поѣдутъ ли послы; они напали на Кубенскаго и всѣ поминки и деньги пограбили; самому Кубенскому удалось ускакать отъ Татаръ, при чемъ онъ, изъ предосторожности, всѣ бумаги, которыя съ нимъ были, бросилъ въ воду. Этотъ случай очень огорчилъ Менгли-Гирея; онъ завелъ сношенія съ Кафинскимъ Султаномъ, которому принадлежалъ Азовъ, чтобы тотъ досталъ разбойниковъ и взялъ бы у нихъ казну Кубенскаго. Послѣ къ Ивану Васильевичу писалъ Менгли-Гирей: «чтобы были мы съ тобою здоровы, а казна у насъ будетъ.» Князь Кубенскій пріѣхалъ въ Крымъ весьма ко времени.[55] По видимому, Иванъ Васильевичъ начиналъ теперь войну при тѣхъ же отношеніямъ къ Степнякамъ, какъ въ началѣ девяностыхъ годовъ, но уже то, что въ степяхъ показалось много Азовскихъ Татаръ или Казаковъ, этѣхъ обломковъ Золотой Орды, предвѣщало, что между Степняками началось какое-то движеніе; а Александръ дѣйствительно вызывалъ изъ за Дона Ахматовыхъ дѣтей, чтобы они поискали, какъ ихъ предки, дороги на Русь и сказнили своего холопа.

---

[55] Дѣла Крымскія, № 2, посольство Кубенскаго.

ГЛАВА III.

Война.

Ведрошская битва и ея слѣдствія.—Набѣги Крымцевъ на Литовскія владѣнія.—Сношенія Литовцевъ съ Шихъ-Ахматомъ; Нагайцы.—Посольства: Венгерское, Польское и Литовское въ Москвѣ, въ началѣ 1501 года; переписка Якова Захарьевича съ Яномъ Забережскимъ.—Отношенія Ивана III къ Ливонскимъ Нѣмцамъ и союзъ послѣднихъ съ Литвою. — Война 1501 года: Степняки, битва подъ Мстиславлемъ, Ливонія. Письмо Якова Захарьевича къ Яну Забережскому въ началѣ 1502 года; уничтоженіе Золотой Орды; набѣги Крымцевъ на Литовскія владѣнія; вражда Стефана Молдавскаго къ Польшѣ; война около Пскова и осада Смоленска.

I.

Война въ сущности началась ранѣе, чѣмъ послана была въ Литву разметная грамота. Съ помощію Князей было подготовлено все для того, чтобы только явились Московскія войска и занимали одинъ городъ за другимъ. Съ различныхъ сторонъ должны были войти Московскія войска въ Литовскія владѣнія. 3-го Мая былъ посланъ къ Князьямъ Яковъ Захарьевичъ, и онъ, приводя ихъ къ присягѣ, въ то же время, съ ихъ помощію, занималъ города. Послѣ этого къ Іюлю мѣсяцу, Князья Шемячичъ и Можайскій, потомъ Князья-отъѣзчики изъ Литвы начала девяностыхъ годовъ, бывшіе Тверскіе служебные Князья, наконецъ служебные Московскіе Татары, всѣ они, вмѣстѣ съ Московскими Князьями и Боярами, подъ предводительствомъ Князя Данила Щеняти, около Дорогобужа, у рѣки Ведроши, на Митьковомъ полѣ, 14 Іюля (т. е., того же числа, когда была Шелонская битва), сошлись съ Литовскими войсками, предводимыми Великимъ Гетманомъ Литовскимъ, Княземъ Константиномъ Острожскимъ, [58] 17-го Іюля прискакалъ

---

[58] Разрядныя Книги Арх. Мин. Ин. Д., № 1-й, 1500 годъ.

отъ войскъ въ Москву Михайло Андреевичъ Плещеевъ и объявилъ Государю, что, Божіею помощію, Московскія войска побили Литовскія; радость въ Москвѣ была велія. Самъ Князь Константинъ Острожскій, со многими знатными Литовскими Панами, попалъ въ плѣнъ Москвичамъ. Знаменитая побѣда была одержана соединенными въ однихъ рукахъ средствами всей удѣльной системы; послѣдняя передъ тѣмъ, какъ ей сойти со сцены исторіи, выставила теперь огромное число талантовъ. Эта знаменитая побѣда дала въ настоящее время возможность, во первыхъ, укрѣпить за Москвою все занятое до Іюля, и во вторыхъ, продолжать дальнѣйшія завоеванія. Литовскихъ владѣній. 17 Августа Иванъ Васильевичъ, отправляя въ Крымъ съ посольствомъ Ивана Мамонова, велѣлъ ему пересчитать передъ Царемъ пріобрѣтенія отъ Литвы за лѣто 1500 года (до Августа) такъ: «Князь Семенъ Ивановичъ Можайской пріѣхалъ съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, а Василій Ивановичъ Шемячичъ съ Новымъ Городкомъ Сѣверскимъ и многими волостями; Князья Трубчевскіе съ Трубчевскомъ и волостями, Мосальскіе съ Мосальскомъ и съ волостями, Князь Семенъ Ивановичъ Бѣльской съ своею отчиною. Да иные города наши Воеводы взяли, Пановъ и Намѣстниковъ поимали и къ намъ прислали, а на тѣхъ городахъ нашихъ Намѣстниковъ посажали, а города взятые: Брянскъ, Серпейскъ, Дорогобужъ, Опаковъ, Радогощъ и иные;» но кромѣ этого были еще взяты Путивль и Торопецъ. Иванъ Васильевичъ писалъ Менгли-Гирею, что онъ собиралъ рати и намѣревался по первому снѣгу отпустить ихъ къ Смоленску, но снѣга выпали большіе, и конскаго корма около Смоленска было мало. Князья-отъѣзчики изъ Литвы, старые и новые, спѣшили воспользоваться обстоятельствами, чтобы захватить сколько можно поболѣе волостей въ свою пользу. Пространства всѣхъ пріобрѣтеній Ивана Васильевича были таковы, что онъ, чрезъ пословъ своихъ въ Крыму, говорилъ Царю, чтобы тотъ шелъ одноличио на Литовскую землю ратью, и шелъ бы къ Слуцку, Турову и Минску того дѣля, что по сей сторонѣ Днѣпра, милосердіемъ Божіимъ, почти всѣ земли наши. Послѣ Ведрошской побѣды Александръ хотѣлъ остановить Московскія завоеванія тѣмъ, что намѣревался начать переговоры; для этого онъ прислалъ въ Москву посла просить опасной грамоты для пріѣзда своихъ

пословъ. [57] Но эти послы явились не скоро, а Александру пришлось еще отбиваться отъ Татаръ.

Въ относительно спокойныхъ передъ этою войною Ордахъ вдругъ показались какія-то судорожныя движенія. Безъ всякаго возбужденія со стороны Москвичей, еще до пріѣзда Князя Кубенскаго въ Крымъ, нѣсколько Царевичей вышли изъ Перекопа и начали грабежи Литовскихъ (Туровскія мѣста) и Польскихъ украйнъ. Они воротились съ своихъ подвиговъ 24 Іюля, а немного ранѣе воротились съ грабежей трое Мурзъ Ширинскихъ, которые воевали земли Князя Острожскаго и захватили однихъ плѣнныхъ 5000 головъ. Менгли-Гирей, когда къ нему пріѣхалъ Князь Кубенскій, собралъ орды 15,000 человѣкъ, и послалъ ее съ Царевичами на Литовскія владѣнія, а самъ собирался со всею Ордою къ Кіеву и желалъ, чтобы туда же послана была рать Ивана Васильевича. Послѣдній, однако, отъ этого требованія отписывался тѣмъ, что къ Кіеву всѣ дороги ограблены и выжжены, и по этому рати посылать нельзя. Орда, посланная съ Царевичами, дѣлала въ Литовскихъ владѣніяхъ слѣдующее: въ 1501 году Московскіе послы въ Крыму прислали Государю такой списокъ: [58] «Лѣта 7008 (1500) посылалъ Царь Менгли-Гирей своихъ Царевичей воевать Литовскую землю, и воевали Хмельникъ и посадъ сожгли, да Вишневецъ, да Кременецъ, да Березынь на Стырѣ рѣкѣ; да въ Лятской землѣ взяли городъ Рубешовъ и сожгли, да городъ Люй на Бугѣ рѣкѣ, да городокъ Бѣлзу, да Львовъ, до Бойской на Сокалѣ рѣкѣ, да Холмъ, да Люблинъ, да Красной Ставъ, посадъ сожгли; да въ Литовской землѣ воевали Берестъ и посадъ сожгли, а съ города окупъ взяли, да воевали Каменецъ Литовской, Володимерецъ, Луческъ, Бряславль; а полону взяли въ Лядской землѣ, сказываютъ, съ 50,000 душъ; а пришли Царевичи по Николинѣ дни, люди многіе по Рождествѣ.» Съ одной стороны побѣды и захваты Москвичей, а съ другой эти набѣги Крымцевъ, повели къ тому, что въ то время, какъ пошли Царевичи воевать, пріѣхалъ гонецъ изъ Литвы въ Крымъ, на Успеньевъ день, и привезъ гра-

[57] Д. II. № 2, стр. 53; ѣздившій за опасною грамотою былъ Дворянинъ Мацько Кунцовичъ. Ак. З. Р. т. 1, № 186.

[58] Напечатанъ, изъ Крым. Дѣлъ № 2, у Карамзина т. 6, прим. 496.

мотy къ Менгли-Гирею отъ Александра; послѣдній предлагалъ завести переговоры, и на первый разъ обѣщалъ всю дань, которая не была заплачена со времени отца Менгли-Гиреева. Менгли-Гирей послалъ эту грамоту въ Москву; въ грамотѣ была немалая брань противъ Ивана Васильевича; эта брань была послѣ еще подробнѣе написана въ посольствѣ, приготовленномъ Александромъ въ Крымъ. О присылкѣ этого гонца Менгли-Гирей выражался такъ: «Самъ знаю, что Александръ лихо чинитъ, а теперь съ пустыми рѣчами посылаетъ», по тому что теперь же отправилъ посла въ Орду Ахматовыхъ дѣтей Не смотря на это убѣжденіе, Менгли-Гирей хотя не воротилъ Царевичей, но, однако, самъ не пошелъ со всею Ордою на Литовскія земли и отпустилъ Литовскаго гонца (1-го Октября) къ Александру, вмѣстѣ съ своимъ человѣкомъ, и приказалъ сказать, чтобы Литовскіе послы пріѣзжали къ нему; далъ на нихъ опасъ и послалъ также гонца къ Польсколу Королю. Литовскіе послы не пріѣхали въ Крымъ, а былъ присланъ только гонецъ, который пріѣхалъ на другой недѣлѣ послѣ Пасхи 1501 года. Онъ пріѣхалъ въ одно время съ Молдавскимъ гонцомъ, который, отъ имени Стефана, предлагалъ Менгли-Гирею примириться съ Александромъ. [59]

Отъ Татаръ страдали не однѣ Литовскія украйны, но и Московскія. Этѣ послѣдніе грабежи производили Азовскіе Казаки. Князь Кубенскій писалъ къ Ивану Васильевичу, послѣ своего пріѣзда въ Крымъ: «Говорятъ, что Азовскихъ Казаковъ, человѣкъ съ 800, пошло подъ Русь, только не извѣстно, подъ твою ли, или подъ Литовскую». Слухъ оказался дѣйствительностію, и къ Великому Князю изъ Мценска пришла вѣсть отъ Князя Ивана Бѣльскаго, что на Полѣ показались многіе люди, Татарове, и на ихъ отчину, Бѣлевскіе мѣста, приходили, но не въ большомъ числѣ. Этѣ Азовскіе Казаки главное мѣшали частымъ пересылкамъ между Москвою и Крымскою Ордою, которая вдругъ стала оказывать весьма во время дѣятельную помощь первой. Ивану Васильевичу необходимо было послать другаго посла въ Крымъ съ извѣстіемъ о своихъ успѣхахъ противъ Литвы. Этѣмъ посломъ былъ Иванъ Мамоновъ; онъ, доѣхавши до Калуги, долженъ былъ остановиться и

---

[59] А. З. Р. т. 1, № 162.

дожидаться удобнаго случая, когда можно будетъ проѣхать по степи; въ слѣдствіе этого, по мѣрѣ того, какъ шли событія, у него не разъ перемѣняли рѣчи и наказы; послѣдніе, впрочемъ, говорятъ одно, что ему съ Кубенскимъ стараться не допускать мириться Менгли-Гирею съ Александромъ. Мамонову удалосъ счастливо проѣхать въ Крымъ только къ Рождеству Христову 1500 года.

Для Александра Казимировича ни чего не значили его непрошенные помощники, Азовскіе Казаки; для него нужно было призвать въ степи, по сю сторону Дона, Орду Ахматовыхъ дѣтей, чтобы отвлечь Крымцевъ отъ южныхъ границъ своихъ владѣній. Ахматовы дѣти кочевали между Дономъ, Волгою и Кавказскими горами, а на лѣто 1500 года сбирались кочевать между Дономъ и Днѣромъ. Главный изъ нихъ, Царь Шихъ-Ахматъ, отправилъ къ Кафинскому Султану спросить дозволенія подкочевать къ Днѣпру, по тому что на прежнихъ кочевьяхъ Нагаи и Черкасы сильно безпокоятъ. Кафинскій Султанъ отвѣчалъ: «Тѣ земли вольнаго человѣка, Менгли-Гирея, и будешь ты съ нимъ въ дружбѣ, то тогда и я тебѣ другъ, а теперь не позволю тебѣ кочевать къ Днѣпру». Внутреннее состояніе Золотой Орды такъ характеризуетъ Князь Кубенскій: «Сказываютъ, что Орда голодна и безконна, а Цари съ своею братіею не мирны». Къ этой Ордѣ Александръ, около Декабря, 1500 года, отправилъ посломъ Халецкаго; посолъ долженъ былъ объяснить Шихъ-Ахмату, какъ Иванъ Васильевичъ, на миру и докончаньѣ, началъ забирать волости Литовскія, и еще призвалъ къ себѣ на помощь Менгли-Гирея, «и ты бы, братъ, по твоему съ нами слову, своего холопа сказнилъ; самъ ты вѣдаешь, какъ Московскій свою присягу держитъ: онъ намъ, своему зятю, какихъ убытковъ надѣлалъ? Онъ, твой холопъ, сколько лѣтъ грубивши и великіе измѣны дѣлавши, что дѣлалъ со отцомъ твоимъ и съ тобою, своимъ Государемъ? Да, впрочемъ, гдѣ слыхано, между великими Государями, чтобы Государю своему холопъ добра хотѣлъ? Ты его льстивымъ словамъ, въ теперешнее его невремя, не вѣрилъ бы, и тебѣ бы годилось, брату нашему, старые дѣла вспомнить и по прежднему поискать дороги на его землю. А ты, братъ нашъ, когда подкочуешь къ намъ, то наши земли постерегъ бы отъ нашихъ непріятелей, да и своимъ людямъ не давалъ

бы наши украйны грабить». [60] Шихъ-Ахматъ обѣщалъ Александру, что по синему льду перейдетъ черезъ Донъ. Выгоды грабежа и ненависть къ Крыму соединили Ахматовыхъ дѣтей Шихъ-Ахматъ оставилъ у себя Халецкаго, чтобы тотъ видѣлъ, какъ Орда пойдетъ на Менгли-Гирея. Шихъ-Ахматъ теперь послалъ за спросомъ о перемѣнѣ кочевья не въ Кафу, но уже въ Константинополь; Шихъ-Ахматъ просилъ у Султана дозволенія кочевать въ Бѣлгородчинѣ. Въ Константинополѣ, какъ писалъ Менгли-Гирей въ Москву, Ордынскаго посла приняли дурно и просимаго дѣлать не дозволили; но Шихъ-Ахматъ все таки думалъ ити за Донъ.

Обо всѣхъ этѣхъ сборахъ и пересылкахъ знали хорошо въ Крыму, во первыхъ, отъ измѣнившаго Шихъ-Ахмату писца, который писалъ грамоты къ Александру, а во вторыхъ, отъ бродившихъ по степямъ и проживавшихъ то въ Ордѣ, то въ Крыму, Татаръ, и наконецъ, отъ многочисленныхъ между степняками родственниковъ Менгли-Гирея. Когда пріѣхалъ Мамоновъ въ Крымъ, то въ это время пришли къ Менгли-Гирею вѣсти обо всѣхъ выше изложенныхъ дѣлахъ изъ Орды. Обѣщанное изъ Литвы посольство не являлось, и Менгли-Гирей созвалъ вельможъ на совѣтъ. На этомъ совѣтѣ Мамоновъ говорилъ рѣчь объ успѣхахъ своего Государя и объ опасности ему и Менгли-Гирею отъ Литвы и Орды. Менгли-Гирей, по общей думѣ, отдалъ приказъ по Крыму: «Всѣ должны садиться на конь, каждый долженъ имѣть по три коня на человѣка, между пяти человѣкъ телѣга, доспѣху и корму брали бы много; дома имѣетъ право оставаться только тотъ, кто моложе 15 лѣтъ, а кто не пойдетъ, тотъ ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, не слуга; срокъ выступать назначается чрезъ 15 дней, готовиться воевать съ Ордою; по тому что то — пущіе наши недруги, а Литовской землѣ отъ насъ не откочевать.» Мамоновъ долженъ быть ѣхать съ Царемъ, чтобы видѣть его дѣйствія.

---

[60] Ак. З. Р. т. I, № 184. Здѣсь считаю долгомъ замѣтить, что въ Акт. Зап. Рос. подъ №184, смѣшаны два посольства къ Шихъ-Ахмату, хотя, можетъ быть, одновременныя; первые 5 печатныхъ пунктовъ (въ рукописи Метрики 7 пунктовъ) составляютъ въ Метрикѣ первое посольство и написаны отъ 218 по 219 листъ. Далѣе идетъ повтореніе посольства къ Менгли-Гирею, и потомъ посольство, на листѣ 221 и 222, къ Шихъ-Ахмату, и оно составляетъ остальные пункты напечатаннаго подъ № 814

И такъ казалось въ 1501 году двѣ Орды должны были сойтись между собою. Движеніе происходило не только въ этѣхъ Ордахъ, но и въ Нагайской, такъ что отношенія Москвы и Литвы къ Нагайцамъ получаютъ значеніе въ ихъ борьбѣ. Нагайскіе Мурзы иногда присылали пословъ въ Москву, но здѣсь съ ними не очень церемонились и за грабежи пославшихъ задерживали пословъ. Нагайскіе Мурзы были родственники Ордынскихъ Царей и также хотѣли, съ дозволенія Московскаго Государя, вступить въ родство съ Казанскими Царями; но, не обращая на это вниманіе, Нагайцы часто ссорились съ Казанцами. Шихъ-Ахматъ совѣтовалъ Александру вступить въ сношеніе съ Нагайцами; по этому Александръ въ посольствѣ съ Халецкимъ приказывалъ Шихъ-Ахмату: «Такъ какъ онъ объявляетъ Нагайцевъ себѣ пріятелями, то хорошо бы сдѣлалъ, если бы привелъ ихъ въ дружбу съ нимъ, Александромъ, и они бы потянули на Москву съ одной стороны, а Шихъ-Ахматъ съ другой.» Но еще ранѣе, лѣтомъ 1500 года, Нагайскіе Мурзы пришли подъ Казань со многими людьми, но Воеводы Великаго Князя, Князь Михайло Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, съ малыми людьми, вмѣстѣ съ Казанскими Татарами, отстояли городъ.[61]

II.

Александръ присылалъ въ Москву, послѣ Ведрошской битвы, за опасной грамотой для пословъ, за тѣмъ что онъ дѣйствительно намѣревался вести переговоры о мирѣ. При этѣхъ переговорахъ явилось нѣсколько посредниковъ. Естественными союзниками и посредниками были братья Александра, Владиславъ Король Чешскій и Угорскій, и Альбрехтъ, Король Польскій. Къ нимъ Александръ обратился, какъ только началась у него война съ тестемъ.[62] Короли-братья приготовили посольства въ Москву, но туда же

[61] Д. Крым. № 2, по стр. 827: посольства Семена и Өедора Ромадоновскихъ, Кубенскаго и Мамонова, доношенія ихъ въ Москву и грамоты Менгли-Гирея; Д. Нагайскія № 1; Ак. З. Р. т. 1, № 184; П. С. Р. Л. т. 8, стр 240.

[62] См. Datum вѣрющей грамоты Угорскаго посла: «въ среду, по Воздвиженіи Св. Креста, лѣта Господня 1500.»

должно было явиться, уже въ послѣдствіи и затѣмъ же дѣломъ, посольство отъ Папы, Александра VI; но оно явилось только ко времени заключенія перемирія. Первымъ пріѣхалъ въ Москву Угорскій и Чешскій посолъ, 9-го Генваря, 1501 года. 14-го посолъ былъ у Великаго Князя и говорилъ ему рѣчь отъ брата и свата, что «крѣпкій миръ, который теперь разрушенъ, нужно возстановить, по тому, что такому размирью только поганые радуются.» Въ концѣ рѣчи посолъ прибавлялъ, что если Великій Князь съ своимъ зятемъ мира не возметъ, то Владиславъ «своему брату. Александру хочетъ быть совѣтникомъ и пособникомъ.» На эту рѣчь Бояре, отъ имени Великаго Князя, изложивъ всѣ причины, заставившія начать войну, говорили, что «Великій Князь такому размирью нерадъ, но хочетъ съ своимъ зятемъ мира какъ пригоже; а что Владиславъ хочетъ своему брату помогать, то онъ будетъ помогать неправому; Великій же Князь, уповая на Бога, за свою правду, хочетъ противъ своего недруга стоять.» Угорскій посолъ еще просилъ, чтобы плѣнныхъ, Владислава для, Великій Князь выпустилъ на присягѣ и порукѣ. На это былъ данъ отвѣтъ, что такого обычая въ Москвѣ нѣтъ, а плѣннымъ ни какой нужды тоже нѣтъ. Угорскаго посла принимали съ честію и отпустили сказавши, что Иванъ Васильевичъ съ Королемъ Владиславомъ хочетъ имѣть ссылку.

22-го Генваря Угорскій посолъ поѣхалъ изъ Москвы, а въ это время тамъ уже находился посланный отъ Александра (пріѣхалъ 13 Генваря) и говорилъ, что Литовскій посолъ находится въ Смоленскѣ и дожидается Польскаго посла, который замѣшкалъ за нѣкоторыми дѣлами, и они прибудутъ вмѣстѣ.[63] Эти

---

[63] Ак. З. Р. т. 1, № 186. Это Статейный Списокъ и есть начало Статейнаго Списка, помѣщеннаго подъ № 192. Издатели Актовъ Западной Россіи въ примѣчаніи говорятъ, что эти акты «изъ Литовской Метрики.» Въ смутное время, когда Поляки забрали многія дѣла изъ Царскаго Архива, то взяли нѣсколько Статейныхъ Списковъ, въ томъ числѣ и этотъ. Они при этомъ переплели вмѣстѣ со Статейными Списками и другія Московскія дѣла, какъ, на примѣръ, вмѣстѣ съ этимъ Шведскій Статейный Списокъ временъ Шуйскаго, двѣ приходорасходныя книги конца XVI вѣка, посольство Годунова къ Императору Римскому, перепись вещей, оставшихся послѣ Князя Василія и какія остались у Князя Димитрія. Все это вмѣстѣ озаглавили: «Acta Mag. Ducat. Litu.» 303—307. Листовъ въ этомъ

послы пріѣхали и 21 Февраля были у Великаго Князя. Польскій посолъ, зная уже отвѣтъ, данный Угорскому послу, предлагалъ главное Ивану Васильевичу, чтобы онъ, въ своей ссорѣ съ зятемъ, положился на разбирательство Королей-братьевъ. Литовскій же посолъ говорилъ отъ Александра, что размирье стало не отъ него, что онъ ни чего противъ докончанья не дѣлалъ, къ Римскому Закону ни кого не нудилъ, а это разсказываютъ лихіе люди, измѣнники; что въ Золотую Орду не посылалъ на лихо своего тестя и т. д., а если что въ самомъ дѣлѣ сдѣлано противъ докончанья, то онъ готовъ исправить, «а ты бы, братъ и тесть, тоже всѣ шкоды, тобой сдѣланные, исправилъ.» На этѣ рѣчи данъ отвѣтъ, сначала Польскому послу. Отвѣтъ, по смыслу, былъ схожъ съ отвѣтомъ послу Угорскому и кончался тѣми же словами, что Альбрехтъ будетъ помогать неправому, а Великій Князь за свою правду готовъ стоять. Литовскому же послу пересчитаны были всѣ неисправленья Александра предъ тестемъ, и даже прибавлены обличенія; такъ: «Александръ говоритъ, что онъ писалъ титулъ Ивана Васильевича такъ, какъ писалъ его Король Казимиръ; такъ съ Казимиромъ у Ивана Васильевича докончанья не было; принужденіе Православныхъ къ Римскому Закону было, и это говорятъ даже Литовскіе люди, которые теперь въ плѣну; въ Золотую Орду Александръ посылалъ на лихо Московскаго Государя, и которыхъ людей посылалъ, и тѣ его люди у насъ.» и т. д. Но главное въ отвѣтѣ было слѣдующее: «Говорили вы, что намъ въ отчину Александра не вступаться, а города и волости, которые наши люди поимали, то ихъ поступиться, то эти города волости и земли изъ старины наша отчина.»

На дальнѣйшіе переговоры объ условіяхъ мира послы не были уполномочены, и, послѣ выслушанія отвѣта, Польскій посолъ повторилъ предложеніе посредничества Королей Польскаго и Угорскаго. Это предложеніе было принято; тогда послы стали гово-

---

составленномъ Поляками, сборникѣ 314, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Поляки этѣ, захваченныя ими, бумаги читали и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлали даже свои замѣчанія. Подъ № 187, въ Ак. З. Р., т. 1, напечатаны рѣчи пословъ Угорскаго и Польскаго изъ Литовской Метрики; это что-то въ родѣ проекта ихъ рѣчей.

рить, что какъ Королевство Угорское, такъ и Польское, далеко, и оттуда скоро посламъ прибыть трудно; по этому Великій Князь приказалъ бы своимъ украйникамъ, до прибытія пословъ, зацѣпокъ не дѣлать ни какихъ. И на это было дано согласіе съ условіемъ, что если и Литовскимъ украйникамъ будетъ данъ такой же приказъ, то тогда Шемячичъ, Можайскій, Бѣльскій и другіе Князья не будутъ дѣлать набѣговъ на Литовскія земли.

Второстепеннымъ предметомъ переговоровъ были переговоры о плѣнныхъ. Мы видѣли, что отвѣчали Бояре Угорскому послу относительно выпуска плѣнныхъ на порукѣ и присягѣ: тоже отвѣчали они Литовскому и Польскому посламъ. Тогда послы попросили, чтобы имъ дозволили видѣться съ плѣнными. На это было дано разрѣшеніе, и пословъ водили по темницамъ, гдѣ сидѣли Гетманъ съ товарищами.[64]

Но здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что весьма бросается въ глаза при этѣхъ переговорахъ (объ этомъ уже было выше замѣчено), именно: Литовцы своими оправданіями, что ни кого изъ Православныхъ въ Литвѣ не нудятъ къ Римской Вѣрѣ, такъ сказать, признавали за Московскимъ Государемъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Литвы; распространяли право, данное ими относительно одной Елены Ивановны, на всѣхъ подданныхъ Литовскаго Государя.

Литовцы, кромѣ этѣхъ правительственныхъ переговоровъ, завязали, на всякій случай, полуправительственные, точно такіе же, какіе были передъ заключеніемъ мира въ 1494 году. По прежнему, знакомый намъ, Панъ Янъ Забережскій, повелъ это дѣло. Послѣ первыхъ рѣчей Литовскій посолъ прислалъ къ Якову Захарьевичу съ своимъ человѣкомъ грамоту отъ Яна Забережскаго, содержаніе ея было слѣдующее: «Вспомяни, брате, какъ ты былъ на Новгородѣ, а я на Полоцкѣ, и какъ, черезъ наши труды, началось доброе дѣло между Государями и устроилось. А теперь опять вашъ Государь, не вѣдаю съ чьего лихаго совѣта, земли нашего Государя началъ воевать; а нашъ Государь ни въ чемъ не порушилъ крестнаго

---

[64] Не ходили послы только къ Лютавору.

цѣлованія: такъ хорошо ли такъ дѣлать? На чьей душѣ будетъ этотъ грѣхъ? Самъ ты знаешь, что ни Литва Москвѣ, ни Москва Литвѣ, никогда не были подчинены. Такъ ты, братъ, вспомяни Литовскій хлѣбъ и веди своего Государя на то, чтобы опять между Государствами былъ покой.» На другой день послѣ присылки грамоты Литовскій посолъ самъ явился къ Якову Захарьевичу, и говорилъ ему о томъ же отъ Пана Яна. Наканунѣ отъѣзда посолъ опять былъ у Якова Захарьича; послѣдній говорилъ ему, что Бояре хлопочутъ о мирѣ, такъ и Паны хлопотали бы о томъ же. Послы уѣхали 3 Марта, а 4-го Яковъ Захарьевичъ отправилъ своего человѣка, Коростелева, съ грамотою, къ Яну Забережскому. Коростелевъ долженъ былъ догнать Литовскаго посла и ѣхать съ нимъ въ Вильну. Въ грамотѣ Яковъ Захарьевичъ, въ противуположность Яну Забережскому, всю причину войны складывалъ на Литовцевъ. Когда Коростелевъ воротился въ Москву, то съ нимъ пріѣхалъ человѣкъ Забережскаго съ отвѣтной грамотой; здѣсь опять выставлялось, какъ и въ рѣчахъ пословъ, что виною всему дѣлу были лихіе люди, измѣнники и особенно Бѣльскій и т. д. Въ письмѣ была прибавка о плѣнныхъ Панахъ, что въ Литвѣ ходятъ слухи, что ихъ держатъ въ большой нуждѣ, а они люди, привыкшіе къ хорошему житью, и по этому имъ особенно тяжело переносить нужду, и если ужь нельзя ихъ отпустить, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ бы Яковъ Захарьевичъ одолженіе, взялъ бы ихъ къ себѣ на поруки, и пускали бы ихъ въ церковь ходить; а въ томъ, что никто изъ нихъ не убѣжитъ, Янъ Забережскій ручался: «а гиблому и упадшему человѣку годится завсегда помогать.» Этѣми словами кончалъ свое письмо Янъ Юрьевичъ.

Разнохарактерные и взаимные упреки въ причинѣ войны были уже совсѣмъ исчерпаны въ посольствахъ и письмахъ, и Яковъ Захарьевичъ въ отвѣтъ писалъ то же, что прежде было писано и говорено; этотъ послѣдній отвѣтъ поѣхалъ изъ Москвы 13 Мая; на это письмо не только не послѣдовало отвѣта, но Коростелевъ даже не былъ отпущенъ назадъ въ Москву. [65] Такимъ образомъ и

---

[65] Ак. З. Р. т. 1, № 192, до стран. 244. По поводу задержанія Коростелева въ Москвѣ издателиакто въ замѣчаютъ (въ примѣч. стр. 244), что въ пробѣлѣ при-

это средство къ переговорамъ прекратилось. Война съ лѣта должна была снова начаться. Литовцы очень хорошо знали, что въ Москвѣ, послѣ Ведрошской побѣды, ни за что не помирятся на старыхъ доконченьяхъ, и они захотѣли еще разъ отвѣдать военнаго счастія.

III.

Александръ, готовясь ко второму году войны, хотѣлъ отъ своихъ союзниковъ получить болѣе дѣятельную помощь, чѣмъ онъ получилъ въ первый годъ. Отъ Стефана Молдавскаго, какъ Иванъ Васильевичъ требовалъ помощи по доконченью, такъ и Александръ хотѣлъ тоже что ни будь получить. Онъ отправилъ въ Молдавію посольство (должно быть въ началѣ 1501 года); въ рѣчахъ къ Стефану отъ Александра была благодарность за предложеніе имъ посредничества, и потомъ, указавши на то, что изъ этого посредничества ни чего не вышло, Александръ просилъ помощи и совѣта на своего непріятеля. При этомъ, чтобы вооружить Стефана на Ивана Васильевича, рѣчи Литовскихъ пословъ кончались такъ: «А дочку твою и внука твоего въ какой почести твой сватъ держитъ, твои послы (должно быть тѣ. что были въ Москвѣ) тебѣ ширѣ повѣдаютъ». На это посольство Стефанъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: онъ, въ посольствѣ къ Александру, изложилъ всѣ причины, какія выставляютъ Москвичи, начатой ими войны: «то если Ваша Милость такъ чинили, то дѣлайте, какъ знаете; мы рады учинить между вами любовь и доконченье, и съ этою цѣлію посылаемъ своего посла въ Москву, вмѣстѣ съ Московскимъ, который у насъ былъ, и вы ихъ пропустите черезъ свои земли.» Не знаемъ, пропустилъ ли Александръ этѣхъ пословъ въ Москву, но знаемъ содержаніе посольства Стефанова къ Ивану Васильевичу: оно было составлено на общую тему, что между Христіанскими Государями долженъ быть миръ, для общаго союза противъ Турокъ.

писано другою рукою, но почеркомъ современнымъ: «и Михаль тамъ помотчалъ.» Эта приписка сдѣлана, должно быть, державшимъ справку. Въ Голицынской выпискѣ изъ Польскихъ Дѣлъ сказано (стр. 61): «Михалко въ Литвѣ задержанъ.»

Стефанъ предлагалъ Александру посредничество; [66] не болѣе того доставили и братья Александровы, хотя изъ Литвы ихъ сильно умоляли о помощи, не только ради родства, но и для святой Вѣры Христіянской. [67] Но за то Александръ нашелъ болѣе дѣятельную помощь, въ общемъ врагѣ всѣхъ Славянъ, Нѣмцахъ. Когда Король Максимиліянъ захотѣлъ хорошенько разузнать, какое состояніе дѣлъ въ новомъ для него Русскомъ Государствѣ, находящемся на востокѣ, то Орденцы, объясняя, что на востокъ отъ Ливоніи живутъ Невѣрные, враги Христіянства, отвѣчали Максимиліяну, что въ Россіи царствуетъ старый Государь, который съ своимъ внукомъ держитъ всю власть надъ всею страною; сыновей своихъ ни къ управленію, ни къ удѣламъ, не допускаетъ, и подобное положеніе дѣлъ Ливонскимъ рыцарямъ тяжело и невыгодно, потому что Орденъ, противъ такого могущества, соединеннаго въ однихъ рукахъ, стоять не можетъ. [68] Ливонцы, слѣдовательно, были враги Русскихъ; но, кромѣ Ливоніи, еще въ Пруссіи была другая передовая колонна Нѣмецкаго движенія на востокъ, съ намѣреніемъ тамъ образовать «Новую Германію.» Эту Новую Германію Прусскіе Нѣмцы намѣрены были основать на счетъ Польши. Иванъ Васильевичъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ XV столѣтія, заключая безполезный союзъ съ Максимиліяномъ противъ Казимира и его дѣтей, услышалъ отъ Максимиліянова посла слѣдующія слова о всѣхъ этѣхъ Нѣмцахъ: «Найсвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій Король Римской, братъ твой, хочетъ, чтобы всѣ его дѣла, хотя и тайные, были ясны предъ Твоимъ Величествомъ: въ прошедшіе годы Король Польскій изневолилъ Чинъ Пресвятыя Богородицы: Данескъ, Торнъ и иные города, что давали приходъ Магистру Прускому, беретъ себѣ. И тѣ города, изневоленные со всѣхъ сторонъ, просили Короля Максимиліяна принять ихъ подъ Цезарство, и держать ихъ, какъ и прочіе Нѣмецкіе города. Найсвѣтлѣйшій Король Римской приказалъ по этому Бискупу Колыванскому, чтобъ ѣхалъ онъ къ Магистру Прускому, не только о тѣхъ городахъ, но и о вооруженіи противъ Короля Польскаго, къ

---

[66] Ак. З. Р. т. 1, № 162.

[67] Ак. З. Р. т. 1, № 188.

[68] Sup. ad Hist. Rus. Mon. №№ CXX и CXXI.

которому бы крестное цѣлованіе они въ крѣпость не держали, по тому что цѣловали по нуждѣ и безъ Цесарскаго вѣдома; да также велѣно мнѣ говорить тебѣ, чтобы принялъ ты Магистровъ Прускаго и Ливонскаго подъ свое соблюденье.» [70]

Иванъ Васильевичъ принялъ подъ свое соблюденье только Пруссію; онъ, отправляя своего посла къ Конраду Мазовецкому, по случаю сватовства послѣдняго къ его дочери, наказалъ, при проѣздѣ черезъ Пруссію, поступать такимъ образомъ: «Будетъ какое слово отъ Магистра Прускаго о томъ: «Казимиръ Король былъ намъ непріятель, отнялъ у насъ Торнъ, Гданескъ и иные города, и мы хотимъ тѣхъ своихъ городовъ доставать, и только пошлемъ къ вашему Государю, чтобы онъ за насъ сталъ, то вашъ Государь станетъ ли за насъ?» на это отвѣчать: «Напередъ сего Максимиліанъ, Цесаревъ сынъ, приказывалъ съ своимъ посломъ, чтобы нашъ Государь принялъ Магистровъ Прускаго и Ливонскаго въ свое соблюденье, и Государь нашъ Максимиліану такъ отвѣчалъ: «Коли вы пришлете къ Государю нашему о томъ своихъ пословъ, то онъ хочетъ стоять за васъ и васъ блюсти; но отъ васъ не было присылки, и если пришлете, то надѣемся, что обороною нашего Государя достанете своихъ городовъ.» При этомъ послу было еще наказано: «Не будетъ отъ самаго Магистра о томъ рѣчи, то въ разговорѣ съ кѣмъ ни будь изъ людей Магистровыхъ узнать: хочетъ ли Магистръ тѣхъ городовъ доставать? и тогда сказать, что послалъ бы Магистръ къ нашему Государю, а нашъ Государь, надѣемся на Бога, станетъ за Магистра и оборонитъ гео.» [71] Былъ ли подобный разговоръ, мы не знаемъ, но покуда Прусаки говорили, что вступать въ союзъ съ Славянами есть измѣна Нѣмецкому дѣлу; а когда Ливонцы были принуждены вступить въ союзъ съ одною изъ враждующихъ сторонъ, то Прусаки хотя и помогали имъ, но все таки упрекали Ливонцевъ за этотъ союзъ; тогда послѣдніе отвѣчали на такія замѣчанія, что такъ, или иначе, необходимо отбиваться отъ враговъ, по тому что отъ Нѣмецкой Имперіи и Бароновъ, хотя на словахъ и много обѣщано, но на дѣлѣ ничего нѣтъ. [72]

---

69 П. Д. Сп. т. 1, стр. 73—78.

70 Дѣл. Польск., связка № 1.

71 Sup. ad. Hist. Rus. Mon. № CXXVIII.

Ливонцы въ началѣ XVI столѣтія вступили въ союзъ съ Литовцами противъ Москвы, по тому что Иванъ Васильевичъ никогда не принималъ ихъ въ свое соблюденье. Со времени окончательнаго подчиненія Новгорода Москвѣ, Ливонія необходимо должна была вступить въ близкія столкновенія съ Москвой, наслѣдовавшей съ этой стороны всѣ Новгородскія отношенія. Въ 1482 году съ Нѣмцами было заключено перемиріе на десять лѣтъ, въ 1493 году оно было возобновлено; границы и торговыя отношенія при этомъ опредѣлялись по старинѣ, при чемъ, для поддержанія старины, Ливонцы должны были заключать перемирія съ Новгородскими Намѣстниками. Въ слѣдующемъ году Иванъ Васильевичъ заключилъ союзъ съ Датскимъ Королемъ противъ Стуровъ въ Швеціи и противъ Литовскаго Великаго Князя; Датскій Король уступалъ Московскому Государю часть Финляндіи, а Иванъ Васильевичъ обязывался дѣйствовать враждебно противъ непріятелей Датскаго Короля, Ганзейскихъ купцовъ. Лѣтопись разсказываетъ, что въ 1495 году Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ схватить Нѣмецкихъ купцовъ съ ихъ товарами и привести въ Москву. Причиною такихъ поступковъ выставлялось, что Ревельцы многія обиды чинили, нѣкоторыхъ людей Великаго Князя безъ обсылки казнили и въ котлахъ варили, да и за то, что посламъ Великаго Князя, ходившимъ въ другія земли черезъ Ревель, многія поруганія дѣлали и т. д. За все это Великій Князь положилъ на Нѣмцевъ свой гнѣвъ, велѣлъ у нихъ отнять дворы въ Новгородѣ и Божницу. Московскія дружины въ слѣдствіе того, что войны съ Литвою не было, а со стороны степей былъ покой, готовились двинуться какъ на Ливонію, такъ и въ Финляндію. Псковичи должны были помогать Московскимъ войскамъ. Но ходатаемъ за Ганзу, Ливонію и Швецію явился, какъ мы видѣли, Александръ. Иванъ Васильевичъ отпустилъ Ганзейскихъ купцовъ, но походы въ Финляндію происходили.

Когда въ 1500 году началась война у Литвы съ Москвою, то естественно было западнымъ сосѣдямъ послѣдней вступить въ союзъ съ Литвою. Въ 1500 году Псковскія войска, вмѣстѣ съ Московскими, принимали участіе въ походахъ на Литву изъ Новогородскихъ областей. Псковичи пробыли на Государевой службѣ Іюль, Августъ и Сентябрь, а къ Октябрю пріѣхали домой всѣ

здоровы. Плодомъ дѣятельности Псковичей, вмѣстѣ съ Московскими дружинами, было занятіе Тороица и другихъ Литовскихъ волостей; при чемъ и здѣсь жители, какъ и на востокъ отъ Днѣпра, приводились къ крестному цѣлованію на имя Великаго Князя. Но въ слѣдующемъ 1501 году, Псковичамъ пришлось имѣть дѣло съ своими западными сосѣдями, Ливонцами, которые рѣшились теперь принять дѣятельное участіе въ борьбѣ Литвы противъ Москвы. До насъ дошло посольство Александра къ Князю Магистру Ливонскому и ко всей Радѣ Закону Матки Божіей, которымъ онъ приглашалъ ихъ къ союзу противъ Москвы и исчислялъ своихъ союзниковъ. Согласіе на это, какъ увидимъ изъ дѣйствій, было дано.[72] Своими союзниками Литовцы считали также и Стуровъ, какъ Иванъ Васильевичъ Короля Датскаго, хотя во время войны мы не видимъ ихъ участія въ ней.[73]

IV.

Иванъ Васильевичъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное посламъ, ведшимъ переговоры въ Москвѣ въ началѣ 1501 года. Онъ послалъ сказать украинскимъ служебнымъ Князьямъ, что пока будутъ послы Александровы въ Москвѣ, то они жили бы бережно, да и неоплошали бы. Но когда послы уѣхали и потомъ былъ задержанъ Михайло Коростелевъ въ Литвѣ, то Князьямъ не для чего было жить мирно, и они принялись за нападенія. Имъ удалось захватить нѣсколько Литовскихъ волостей и даже одинъ городъ, Кричевъ. Александръ хотѣлъ вести войну, но Ведрошской битвой Литвѣ былъ нанесенъ сильный ударъ, и Государство не могло выставить скоро большаго войска. Александръ, ища всюду союзниковъ, въ то же время посылалъ на Западъ нанимать войска. Иванъ же Васильевичъ хотѣлъ, по прошлогоднему, послать боль-

---

72 Литовская Метрика, пятая книга записей, л. 226—227. Это посольство безъ года, но записано въ слѣдъ за Молдавскими посольствами, что напечат. въ Ак. З. Р. т. 1, №№ 161 — 162.

73 П. С. Р. Л. т. 4, стр. 164—173; т. 8, стр. 228—229; Ник. Лѣт. ч. 6, стр. 141—142; С. Г. Г. и Д. т. 5, № 110; Ак. З. Р. т. 1, №№ 112, 144, 192, стр. 285—287; Разряды.

шую рать въ Литовскія владѣнія, но это намѣреніе не исполнилось, по тому что война теперь должна была сосредоточиваться на двухъ противуположныхъ границахъ Московскихъ владѣній,—со стороны степей и Ливоніи.

Начнемъ съ степныхъ дѣлъ. 11 Марта, 1501 года, Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Крымъ посломъ Князя Ѳедора Ромодановскаго. Онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею о томъ, что зимою Александръ присылалъ пословъ о мирѣ, но Великій Князь отвергъ предложенія. Ромодановскому не скоро удалось попасть въ Крымъ; въ началѣ Мая прискакалъ въ владѣнія Шемячича одинъ изъ провожавшихъ Ромодановскаго и объявилъ, что на Орелѣ на нихъ напали Татары (Азовскіе Казаки) и всѣхъ разогнали, ему удалось спастись, а Князя Ѳедора поймали. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого прискакалъ уже въ Москву другой изъ провожавшихъ Ромодановскаго и объявилъ, что Татары поймали Князя Ѳедора и онъ живъ. 30 Мая Иванъ Васильевичъ отправилъ Татаръ въ Крымъ съ грамотами, въ которыхъ, какъ и въ посольствѣ Ромодановскаго, изложилъ свои дѣла. Въ то же время приказывалось Мамонову говорить Царю, чтобы тотъ какъ ни будь выручилъ Ромодановскаго. Но до пріѣзда этѣхъ Татаръ въ Крымъ и самъ Ромодановскій явился къ Менгли-Гирею. Азовскіе Казаки привезли Ромодановскаго съ товарищами въ Азовъ и намѣревались продать плѣнныхъ въ рабство, но на его счастье случился въ Азовѣ посолъ Кафинскаго Султана, ѣхавшій въ Москву; онъ выкупилъ Ромодановскаго и отправилъ въ Кафу; здѣсь послѣднему удалось достать лошадь, и онъ поѣхалъ къ Менгли-Гирею. Ромодановскій не нашелъ Менгли-Гирея въ Крыму и долженъ былъ искать его въ степяхъ за Перекопомъ, куда вышла Орда. 19-го Іюня Ромодановскій явился къ Царю и правилъ ему посольство отъ своего Государя. Теперь въ Крымской Ордѣ было двое Московскихъ пословъ, Ромодановскій и Мамоновъ, Кубенскій же умеръ. Пересылки между послами и Москвою въ настоящее время сдѣлались затруднительны, по тому что не только Азовскіе Казаки были опасны для ѣздившихъ по степямъ, но и вся Золотая Орда намѣревалась перейти въ степи на западъ отъ Дона; только изрѣдка служивые Татары успѣвали пробираться по степямъ между своими собратіями.

Вѣроятно, не обращая вниманіе на запрещеніе Турецкаго Султана, Орда сыновей Ахматовыхъ начала подвигаться отъ Кавказа къ Дону. Мы выше видѣли, какой приказъ отдалъ Менгли-Гирей по своей Ордѣ, теперь она была уже за Перекопомъ. Литовскій гонецъ, пріѣхавшій къ Менгли-Гирею весною, [74] въ слѣдствіе хлопотъ Мамонова, былъ схваченъ, а Молдавскому гонцу Менгли-Гирей, выходя изъ Перекопа въ степи, сказалъ; «Самъ ты можешь видѣть, какой я дружбы хочу съ Литовскимъ». Получивши вѣсть (на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи) о томъ, что Золотая Орда кочуетъ къ Дону, Менгли-Гирей говорилъ Мамонову: «Если пойдетъ Орда на насъ, то и мы пойдемъ на нее, а если воротится, то пойдемъ на Литовскую землю». Для развѣдыванья объ Ордѣ было послано Царемъ впередъ 50 человѣкъ; этѣ люди къ концу Іюня пріѣхали назадъ, изловивши языка и объявили, что Орда находится теперь на берегахъ Дона, и что Шихъ-Ахматъ хочетъ на острову рѣки сдѣлать крѣпость, по тому что о движеніяхъ Крымской Орды имѣетъ вѣсти. Узнавши это, Менгли-Гирей самъ рѣшился противъ Шихъ-Ахматовой крѣпости тоже сдѣлать крѣпость и такимъ образомъ загородить Ордѣ дорогу. Обо всемъ этомъ Менгли-Гирей послалъ извѣстить въ Москву, и въ то же время просилъ прислать Московскихъ людей въ степи для того, чтобы пострашать Шихъ-Ахмата. Этѣ вѣсти заставили Ивана Васильевича позаботиться объ охраненіи южныхъ границъ своихъ владѣній; а на просьбу Менгли-Гирею онъ отвѣчалъ, что послалъ въ степи Русскую рать да Царя Магметъ-Аминя и Нуръ-Даулетовыхъ улановъ и казаковъ съ приказомъ грабить улусы Ахматовыхъ дѣтей и быть у нихъ «на хребтѣ.» Крымской Орды за Перекопомъ, по счету нашихъ пословъ, было тысячъ съ 15-ть; но Менгли-Гирей надѣялся на успѣхъ, думая, что какъ только онъ приблизится къ Шихъ-Ахматовой Ордѣ, то оттуда къ нему перебѣжитъ много людей, а Ахматовы дѣти перессорятся между собою. Послѣднее дѣйствительно случилось, и одинъ изъ нихъ, еще не доходя Дона, повернулъ къ Астрахани. Но при приближеніи къ Ордѣ Менгли-Гирей услышалъ, что къ остальнымъ Ахматовымъ дѣтямъ идетъ помощь отъ Нагайскихъ Мурзъ. Послѣдній слухъ все болѣе подтверждался, а при этомъ

---

[74] См. выше прим. о Молдавскихъ посольствахъ.

къ серединѣ Іюля въ степяхъ оказалось мало корма для лошадей, и Менгли-Гирей говорилъ Мамонову, чтобы онъ писалъ къ своему Государю о присылкѣ помощи. Наконецъ, когда Крымская Орда дошла до устья Сосны, то повернула домой, по тому что «кони истомились и голодны, а Шихъ-Ахмату помощь идетъ.» Хлопоты Мамонова не могли остановить Царя, и онъ къ 15 Августу былъ уже въ Крыму. Плодомъ этѣхъ движеній Крымской Орды было только то, что когда Менгли-Гирей подошелъ къ Дону, то Шихъ-Ахматъ заперся въ построеномъ имъ острогѣ, и Ордынцы только разъ «пострávились.»

Когда Менгли-Гирей повернулъ назадъ, то Шихъ-Ахматъ перешелъ за Донъ; ему не нужно было, какъ его отцу, чтобы раззорять Московскія владѣнія, ити къ Окѣ, или Угрѣ; теперь вновь пріобрѣтенная отъ Литвы часть Московскихъ владѣній была не закрыта со стороны степей рѣками, и на этѣ-то владѣнія Шемячича и Можайскаго вели Орду Литовскіе послы. Въ Августѣ Шихъ-Ахматъ началъ здѣсь производить грабежи, но противъ него и на защиту Князей явились въ Сѣверу Московскіе Воеводы; Шихъ-Ахматъ отошелъ въ степи. Теперь его Орда была только тѣнью, даже сравнительно съ Ордою его отца, и наступающія осень и зима, или то, что Александръ, какъ и его отецъ, во время не помогалъ Татарамъ, повело къ тому, что Шихъ-Ахматъ, отступя въ степь въ серединѣ зимы, отправилъ къ Ивану Васильевичу своего посла о мирѣ и любви, обѣщая отстать отъ Литовскаго Великаго Князя. Иванъ Васильевичъ принялъ посла, и отправилъ съ нимъ къ Шихъ-Ахмату своего, тоже о любви. Менгли-Гирей, ничего не сдѣлавши лѣтомъ 1501 года, задумалъ сдѣлать озорство надъ Ордою Шихъ-Ахмата; онъ, когда узналъ, что Шихъ-Ахматъ будетъ зимовать на рѣкѣ Семи, велѣлъ тамъ съ осени произвести степной пожаръ, чтобы не чѣмъ было кормить лошадей, а зимою, или весною, сбирался ити со всею Ордою на Шихъ-Ахмата. Для этого осенью онъ ѣздилъ въ Кафу и выпросилъ у тамошняго Султана десять человѣкъ, «которые изъ пушекъ стрѣляютъ, а пушки тамъ же взялъ со всею приправою.» Переговоры Шихъ-Ахмата съ Иваномъ Васильевичемъ имѣли вліяніе и на то, что союзники Шихъ-Ахматовы, нѣкоторые Мурзы Нагайскіе, прислали въ Москву пословъ о мирѣ и шерть

дали, чтобъ быть мирными Государству Великаго Князя и Царству Казанскому и лиха ни какого не чинить. Въ это же время Иванъ Васильевичъ перемѣнилъ Царя въ Казани, прежняго Абдыллетифа, «за его неправду,» велѣлъ схватить и послалъ въ заточеніе, а Магметъ-Аминя, бывшаго Царемъ предъ Абдыллетифомъ, снова пожаловалъ на Казанской престолъ. [75]

Этѣ отношенія къ Степнякамъ къ концу 1501 года дали возможность Ивану Васильевичу сосредоточить войска на границахъ Литовскихъ владѣній, сначала для обереганія владѣній Князей отъ Степняковъ, а потомъ уже и противъ самихъ Литовцевъ. Лѣтопись разсказываетъ, [76] что послалъ Великій Князь съ Князьями, Семеномъ Ивановичемъ Можайскимъ и Василіемъ Ивановичемъ Шемячичемъ, Воеводъ своихъ Литовскія земли воевать. 4-го Ноября они пришли къ Мстиславлю, изъ города вышли къ нимъ на встрѣчу Князь Михайло Ижеславскій и Воеводы Великаго Князя Александра съ дворомъ Великаго Князя и жолнерами. Полки сошлись вмѣстѣ, и Божіею помощію Московскіе полки побили Литовскіе; Литовцевъ было перебито тысячъ съ семь, а иные многіе изъ нихъ въ плѣнъ попались вмѣстѣ съ знаменами; военачальникъ же едва успѣлъ въ городъ убѣжать. Послѣ этого Князья и Воеводы, постоявъ подъ городомъ и учинивъ землю пусту, возвратились въ Москву со многимъ плѣномъ. Такимъ образомъ и 1501 годъ кончился для Литвы страшнымъ пораженіемъ. Теперь обратимся къ разсказу о военныхъ дѣлахъ, бывшихъ на крайнемъ западѣ Московскихъ владѣній.

Въ Мартѣ 1502 года Московскій посолъ въ Крыму долженъ былъ говорить Менгли-Гирею о томъ, что требуемая имъ помощь въ степи не посылалась по тому, что «це другъ нашъ Литовскій соединился съ Нѣмцами и стоитъ противъ насъ; осенью мы посылали своихъ Воеводъ Литовскую и Нѣмецкую землю воевать, многіе бои были, и наши Воеводы вездѣ побили, много городовъ поимали и теперь воюютъ.» Но Московскія войска не вездѣ по-

---

[75] Д. Крым. № 2 стр. 781 — 879; Д. Нагайск. № 1; лѣтопись подъ 1501 и 1502 годами.

[76] См. также и Разряды.

бѣждали Нѣмцевъ; дѣло же было слѣдующимъ образомъ. На лѣто 1501 года Московскія войска были сосредоточены, какъ со стороны степей, тамъ и въ Новгородскихъ областяхъ. Враждебныя дѣйствія Нѣмцевъ противъ Псковитянъ начались тѣмъ, что они стали задерживать Псковскихъ пословъ и купцовъ. Псковичи послали къ Великимъ Князьямъ просить защиты. Къ Августу, по приказу Великихъ Князей, пришелъ въ Псковъ Князь Василій Васильевичъ Шуйскій съ своими людьми, съ Князьями и помѣщиками Новгородскими; потомъ пришелъ Князь Данило Пенка съ Тверичами. Они остановились въ Псковѣ, дожидаясь Государева приказа. Тогда Псковитяне послали къ Великимъ Князьямъ сказать, что «Нѣмцы жгутъ и грабятъ, головы сѣкутъ и живыхъ въ плѣнъ ведутъ.» Въ слѣдствіе этой просьбы, Воеводамъ былъ данъ приказъ воевать Нѣмецкую землю вмѣстѣ съ Псковитянами. Одна рать добровольная ѣздила въ ушкуяхъ по озерамъ, но ни чего не сдѣлала. Тѣ же, которые пошли сухимъ путемъ, наѣхали, 27 Августа, Нѣмецкую силу въ 10 верстахъ за Изборскомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Нѣмцы напустили вѣтеръ изъ пушекъ и пищалей на Псковитянъ и Москвичей; помощи Божіей не было, и первые побѣжали Псковитяне, а потомъ Москвичи. Въ слѣдствіе этого пораженія въ Псковѣ былъ плачъ и рыданіе, но Нѣмцы не гнались за бѣгущими, а пошли подъ Изборскъ. Изборяне сами сожгли посадъ подъ городомъ, самому же городу Нѣмецкія пушки ни чего не сдѣлали. Нѣмцы простояли подъ городомъ день да ночь и потомъ пошли къ рѣкѣ Великой, грабя и разоряя Псковскую землю. Псковитяне не много бились на берегахъ рѣки съ Нѣмцами, которые и повернули къ Острову. Здѣсь имъ опять оказала услугу артиллерія; 7-го Сентября они начали стрѣлять по городу, зажгли его, и 8 числа взяли. Псковитяне не помогли ни чѣмъ Островитянамъ и, отъѣхавъ версты на три, видѣли, какъ Нѣмцы «огневые стрѣлы» пускали въ городъ. При взятіи Острова погибло около 4-хъ тысячъ его жителей, а городъ былъ выжженъ. По взятіи Острова, Нѣмцы отошли опять къ Изборску и ночевали подъ городомъ, а по утру отступили и сдѣлали засады. Изборяне пришли въ станъ, гдѣ ночевали Нѣмцы, но тѣ напали изъ засадъ и гнали Изборянъ до самыхъ стѣнъ города, при чемъ послѣднихъ погибло 130 человѣкъ. Въ то время, когда между Нѣмцами и Псковитянами происходили этѣ дѣла, Ли-

товцы, подъ начальствомъ Пана Черняка и Станислава Глѣбовича, [77] шли къ своимъ союзникамъ на помощь; на дорогѣ они стали осаждать Опочку и едва не взяли. Нѣмцы не могли долго дожидаться Литовцевъ и повернули домой; между ихъ войсками распространились болѣзни, а Московскія войска, къ которымъ пришла помощь, начали наступленіе. По приказу Великихъ Князей, Воеводы пошли воевать Нѣмецкую землю съ 24-го Сентября. Москвитяне пошли ближе къ озерамъ, а Псковитяне далѣе въ глубь Ливонской земли. Услышавъ, гдѣ стоятъ Юрьевскія войска, Москвитяне съ Татарами напали на нихъ и отмстили за свое пораженіе 27-го Августа; побѣда была полная: десять верстъ Нѣмцы были гонимы, и Лѣтописецъ говоритъ, что они всѣ были перебиты, такъ, что не осталось имъ и вѣстоноши, при чемъ Москвитяне и Татары били ихъ не саблями, а шестоперами, какъ свиней. Псковскія войска узнали объ этомъ боѣ, когда наѣхали на мѣсто сраженія (на трупъ). Послѣ этой побѣды Псковитяне, Москвичи и Татары, опустошая, прошли по Ливонской землѣ, кругомъ Чудскаго озера, и вышли здоровы на Иваньгородъ. [78]

V.

Такъ кончились военныя дѣйствія въ 1501 году; какъ въ Сѣверскихъ земляхъ, такъ и въ Псковскихъ, гдѣ Литовцы, не давши во время помощи своимъ союзникамъ, дали возможность Москвичамъ ихъ разбить. Такіе успѣхи могли дать надежду Москвичамъ, что Литовцы будутъ болѣе склонны къ миру; между тѣмъ какъ Иванъ Васильевичъ не только не могъ быть увѣренъ, что на слѣдующее лѣто обстоятельства будутъ также благопріятны для него и Литовцы будутъ дѣлать промахи, но и то, что война на обширномъ театрѣ дѣйствій становилась тяжела для Московскаго Государства. Въ Москвѣ было рѣшено задрать Литовцевъ о мирѣ. Яковъ Захарьевичъ, человѣкъ котораго весною былъ задержанъ въ Литвѣ, началъ это дѣло. Онъ 4-го Декабря, 1501 года отправилъ

---

[77] Ак. Зап. Рос. т. 1, № 192, стр. 273.

[78] П. С. Р. Л. т. 4 стр. 273.

одного изъ Литовскихъ плѣнныхъ съ письмомъ къ Яну Забережскому. Содержаніе письма было слѣдующее: «Я отвѣчалъ тебѣ на письмо, что мы, Рада Государя нашего, дяди и наша братья, хотимъ, чтобы между Государями былъ миръ и любовь, и ты писалъ мнѣ, что вы, Рада Государя вашего, того же хотите. Ты знаешь, что нашъ Государь сказалъ послу вашего Государя: «Пришлетъ Князь Великій Александръ своихъ великихъ пословъ о мирѣ, и мы съ нимъ миру хотимъ.» Но вашего Государя послы до сихъ поръ не бывали, и въ это время крови Христіянской много пролилось. А что послалъ я къ тебѣ своего человѣка, и ты его задержалъ, ты его, Пане, отпусти, по тому что ты самъ знаешь: рати ходятъ, а посламъ и гостямъ зацѣпки нѣтъ.» [79] Но отвѣта на это письмо не послѣдовало. Александру было не до переговоровъ: въ это время онъ добывалъ себѣ цѣлое царство на Западѣ: Король Польскій Янъ, Альбрехтъ, скончался, и Александръ хлопоталъ о выборахъ, коронаціи, разсылкѣ пословъ съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на Польскій престолъ и т. д. Въ Москвѣ должны были готовиться къ продолженію войны съ усилившимся врагомъ.

Разсказъ о военныхъ событіяхъ этого года мы по прежнему начнемъ со Степныхъ дѣлъ. Шихъ-Ахматъ въ слѣдствіе степнаго пожара, сдѣланнаго по приказу Менгли-Гирея, отошелъ для зимованья отъ рѣки Семи и всталъ у устья Десны, не далеко отъ Кіева. Между нимъ и Литовцами начались ссоры: они его не пускали за Днѣпръ, а между тѣмъ зима въ степяхъ была чрезвычайно холодная; отъ этого Орда охудѣла. Менгли-Гирею теперь легко было воевать съ Золотой Ордой. Но Турецкій Султанъ хотѣлъ примирить враговъ: онъ прислалъ посла въ Крымъ съ предложеніемъ примириться съ Шихъ-Ахматомъ, съ тѣмъ же предложеніемъ явился посолъ и въ Орду, приказывая при этомъ, чтобы Шихъ-Ахматъ не переходилъ за Днѣпръ. Примирить враговъ было трудно, и Турецкій посолъ былъ убитъ въ Ордѣ. Весною Менгли-Гирей вышелъ со всею своею Ордою изъ Перекопа, объявляя при этомъ, что нынѣшнѣе лѣто не должно такъ кончиться, какъ

---

[79] Ак. З. Р. т. 1, № 192 стр. 244 — 245.

прошлогоднее. По мѣрѣ того, какъ Крымцы приближались къ Золотой Ордѣ, къ нимъ начали переходить улусы Шихъ-Ахматовы; эта измѣна происходила въ слѣдствіе ссоръ предводителей Орды. Въ началѣ Іюня Менгли-Гирей и Шихъ-Ахматъ сошлись, и дѣло кончилось тѣмъ, что остальные улусы Шихъ-Ахмата или передались Крымцамъ, или были побраны въ плѣнъ. Побѣжденный Шихъ-Ахматъ бросился на востокъ и ускакалъ къ Волгѣ, къ устью Камы, а Менгли-Гирей съ торжествомъ гналъ плѣнныхъ въ Крымъ. Въ Москву изъ Крыма явилось посольство съ извѣстіемъ объ этой погибели Золотой Орды и также съ безчисленнымъ количествомъ запросовъ Царя, Царевичей и Вельможъ Крымскихъ: каждый изъ нихъ хвастался своими подвигами и просилъ вознаградить то, что потерялъ на войнѣ.

Нельзя было радоваться этой побѣдѣ Менгли-Гирея. Теперь Крымская Орда сдѣлалась особенно сильна, и ее покуда некѣмъ было сдерживать, по тому что братьевъ Шихъ-Ахмата, по ихъ безсилію, нельзя было считать важными врагами Крыма. Первымъ плодомъ погибели Золотой Орды было то, что остатки ея разсыпались по степямъ, увеличили число разбойниковъ въ родѣ Азовскихъ Казаковъ, и тѣмъ значительно засорили путь между Москвою и Крымомъ. Только разъ въ этомъ году отправились Татары изъ Москвы въ Крымъ съ грамотами, содержащими поздравленіе съ побѣдой, но и этѣ Татары были ограблены въ степяхъ. Менгли-Гирей послѣ побѣды воротился въ Крымъ и захотѣлъ исполнить обѣщаніе Москвичамъ относительно Литвы. Онъ отправилъ двухъ своихъ младшихъ сыновей воевать въ Литовскія земли и говорилъ, что будто съ ними пошло 90,000 человѣкъ. Поздравляя съ побѣдой Менгли-Гирея, Иванъ Васильевичъ писалъ, что онъ отправилъ своего сына, Дмитрія, подъ Смоленскъ; получивъ этѣ вѣсти, Менгли-Гирей приказалъ сыновьямъ, чтобы они шли съ одной стороны подъ Кіевъ, а съ другой подъ Луцкъ и разоряли бы до Вильны. Въ Крымѣ были вѣсти, что Александръ Казимировичъ стоитъ въ Львовѣ съ 30,000 человѣкъ войска и потомъ передвинулся къ Луцку. Царевичи, вышедшіе изъ Крыма, остановились, по тому что мѣсяцъ Августъ казался имъ лихъ, но въ Сентябрѣ вторглись въ Литовскія владѣнія. Орда, которая пошла на западъ, разоряла мѣста около Луцка, Львова, Люблина

и доходила даже до Кракова; другая же Орда грабила около Кіева. Царевичи не ходили только по такимъ мѣстамъ, гдѣ было много лѣсовъ, а полону привели въ Крымъ «добре много,» говоритъ Московскій посолъ о слѣдствіяхъ этого набѣга. Послѣ возвращенія однихъ Царевичей, изъ Крыма пошли другіе на промыселъ, и возвратились съ такимъ же успѣхомъ, какъ и первые.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Менгли-Гирей прислалъ грамоту въ Москву, и въ ней говорилъ, что «какъ послалъ я рать на Литовскую землю, то у меня была такая дума: рать у насъ пошла многая подъ Русь, и услышитъ это Ахметъ Царь, то, взявъ Нагайскую рать на помощь, пойдетъ на насъ, и что я буду тогда дѣлать?» Подъ вліяніемъ этой думы онъ хотѣлъ вернуть Царевичей, но тѣ ушли далеко. «Но я теперь здоровъ,» продолжаетъ Менгли-Гирей, «и услышавъ, что всѣ на тебя пошли, самъ сѣлъ на конь и своимъ городамъ хребетъ показалъ, а рать свою на недруговъ послалъ. Да теперь Король Александръ прислалъ ко мнѣ своего толмача съ грамотой, а грамоту писалъ неумѣющій по Бесерменски человѣкъ, и мы ее едва прочли.» Эту грамоту Менгли-Гирей прислалъ въ Москву; она отличается отъ тѣхъ грамотъ, которыя прежде писаны изъ Литвы въ Орды; въ ней Александръ уже не называетъ Ивана Васильевича Татарскимъ холопомъ. Изъ этой грамоты мы узнаемъ, что передъ тѣмъ, какъ посылать Царевичей на Литву, Менгли-Гирей извѣстилъ и Александра о своей побѣдѣ надъ Шихъ-Ахматомъ. Теперь, во время страшныхъ опустошеній Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Александръ писалъ въ грамотѣ: «Я услышавъ, что ты взялъ большую Орду, обрадовался. Ты не думай, что я, привелъ Шихъ-Ахмата на тебя: можно ли это сдѣлать? Вѣдь я твой старой становитъ и братомъ тебѣ былъ. Все дѣло случилось такъ: я, чтобы быть въ дружбѣ съ Великимъ Княземъ Иваномъ, ему сыномъ учинился, да потомъ разсорились, и я привелъ Шихъ-Ахмата Великаго Князя воевать, а Великій Князь за это тебя мнѣ недругомъ сдѣлалъ. Ты теперь на меня рати не посылай, я къ тебѣ отправлю посломъ Кіевскаго Воеводу, Дмитрія Путятича, человѣка, знатнѣе котораго у меня людей мало; съ этѣхъ поръ твоимъ братьямъ, Царевичамъ, дѣтямъ и всѣмъ буду постоянно поминки посылать.» Получивъ такую грамоту, Менгли-Гирей обо всемъ этомъ, какъ сказано, по-

слалъ извѣстить въ Москву; Литовскаго посланца онъ задержалъ, но переговоры этѣмъ не прекратились. Когда Царевичи, послѣ набѣговъ, воротились изъ Литовскихъ владѣній, то Литовскій посланецъ былъ отпущенъ въ Генварѣ 1503 года. Когда же Московскій посолъ началъ говорить, чтобы Царь не заводилъ этѣмъ отпускомъ переговоровъ съ Литвою, то Менгли-Гирей отвѣчалъ: «За чѣмъ мнѣ его не отпускать? Ты самъ подумай, сколько они намъ добра даютъ.» [83]

---

[83] Д. Крым. № 2, стр. 854 — 1024. Грамота Александра къ Менгли-Гирею, писанная въ 1502 году, напечатана въ Ак. З. Р. т. 1, № 196. Въ примѣчаніи сказано слѣдующее: «Изъ Статейтаго списка Крымскихъ дѣлъ (№ 1, л. 935), хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Datum нѣтъ. Актъ этотъ примѣтно списанъ былъ Великорусскимъ переписчикомъ.» Изъ этого примѣчанія ясно узнаемъ, что издатели не только не читали, но и не видѣли Статейнаго Списка, по тому что, кромѣ словъ, что актъ взятъ изъ Крымскаго Статейнаго Списка, хранящагося въ такомъ-то архивѣ, остальное цѣликомъ ошибка. Первое, по чему актъ «примѣтно списанъ Великорусскимъ переписчикомъ?» Если бы издатели хорошо были знакомы съ Статейными Списками, то узнали бы, что и рѣчи Литовскихъ пословъ въ Москвѣ записывали, большею частію, своимъ нарѣчіемъ, а въ отношеніи этого ктаа иначе и быть не могло, такъ какъ Менгли-Гирей прислалъ его въ подлинникѣ. Въ Москвѣ этотъ листъ, вмѣстѣ съ Крымскими грамотами, перевели и записали въ Статейный Списокъ. Вторая ошибка, что листъ напечатанъ изъ Крымскаго Статейнаго Списка № 1, л. 935. Въ первомъ и второмъ нумерахъ Крымскихъ Статейныхъ Списковъ нумерація идетъ не по листамъ, а по страницамъ; а потомъ еще то, что въ 1-мъ № Крымскихъ Дѣлъ только 614 стр., и дѣла, въ немъ заключающіяся, доходятъ, по времени, до 1499 года. Здѣсь надо замѣтить, что до XIX столѣтія первой и второй Крымскіе Статейные Списки составляли одинъ №, но, кажется, Бантышъ-Каменскій ихъ раздѣлилъ на два, а нумерація идетъ по старому, т. е., во второмъ номерѣ первая страница есть 615; слѣдовательно, ошибка заключается въ томъ, что этотъ актъ нужно искать не въ первомъ, а во второмъ №. Но если искать по указаніямъ издателей Актовъ, принявъ ихъ листы за страницы, то все таки не отыщешь, по тому что актъ находится не на 935, а, если не ошибаюсь, на 982 или 983 страницѣ (см. Карамзина т. VI, пр. 531; Карамзинъ уже пользовался дѣлами съ исправленной нумераціей страницъ). Не должно думать, что все это опечатки, по тому что въ XVIII столѣтіи все это было вѣрно. Когда читалъ Статейные Списки Князь Щербатовъ, то два нумера считались за одинъ, а въ нумераціи была ошибка почти на 50 страницъ, и эту ошибку въ началѣ XIX вѣка поправили, а старую невѣрную зачеркнули. У Щербатова этотъ листъ напечатанъ въ Приложеніяхъ къ его исторіи, а издатели Актовъ Западной Россіи, въ 1846 году, если от-

У Великаго Князя Литовскаго, Александра Казимировича, когда онъ сдѣлался и Королемъ Польскимъ, кромѣ Москвы и Татаръ, явился еще врагъ, для котораго соединеніе Литвы и Польши было всего опаснѣе: то былъ Стефанъ Молдавскій. Мы видѣли, что онъ предлагалъ Ивану Васильевичу примириться съ зятемъ, а послѣдній, чтобы привлечь Стефана на свою сторону, указывалъ ему на то, какую онъ терпитъ обиду, въ лицѣ своей дочери, Елены, и внука, Дмитрія Ивановича. Александръ, какъ мы видѣли, въ своихъ посольствахъ объ этомъ дѣлѣ говорилъ такими намеками, которые были очень ясны. Такъ какъ по случаю войны сношенія Москвы съ Молдавіей прекратились, то Стефанъ написалъ къ Менгли-Гирею слѣдующее: «Отпиши мнѣ: живы ли моя дочка и внукъ?» Менгли-Гирей позвалъ къ себѣ Московскаго посла и потребовалъ объясненія: «Слава Богу, здоровы,» отвѣчалъ тотъ. Но этого для Стефана было мало, по тому что изъ Литвы ему объяснили дѣло подробно. Онъ снова написалъ къ Менгли-Гирею: «Послы ѣздятъ и гонцы гоняютъ между тобою и Великимъ Княземъ, такъ ты узнай для меня: отнялъ ли Великій Князь у моего внука Великое Княженіе Московское, и далъ ли его своему сыну, Василію?» Одинъ изъ гонцовъ разсказывалъ въ Крыму, какъ было дѣло въ дѣйствительности. Но Московской посолъ хотѣлъ это поправить и говорилъ Царю: «Тебѣ Арвана (имя гонца) разсказывая, ошибся (омякнулся): Государь далъ своему сыну Великое Княженіе, но на Новгородъ.» Самъ же Иванъ Васильевичъ по этому поводу приказывалъ говорить послу, что если спросятъ: «Кого пожаловалъ Великій Князь подъ собою Великимъ Княженіемъ?» то молвить: «Пожаловалъ сына своего, Василья, подъ собою Государствами, также какъ и самъ на Государствахъ.» А вспроситъ кто про внука, то говорить: «Государь пожаловалъ было его Великимъ Княженіемъ, а онъ, да и его мать, Великая Княгиня, Елена, проступились, не по пригожу учинили, и Государь за ту проступу взялъ у внука Великое Княженіе и отдалъ его своему сыну, Василію.» Но поправить такимъ образомъ своего

туда перепечатали, снабдили своимъ выше приведеннымъ примѣчаніемъ; но если взяли издатели у Щербатова, то на это не сослались и, вмѣсто страницы, какъ у него значится, напечатали листъ. Слогъ акта издателями исправленъ, а актъ кажется и Щербатовымъ напечатанъ не весь.

посла Ивану Васильевичу не скоро удалось, по тому что посламъ и гонцамъ нельзя было проѣхать въ Крымъ по степямъ, и Стефанъ, въ слѣдствіе этого, остался при первомъ объясненіи и вскорѣ послѣ этого, умеръ (въ 1504 году). Теперь, въ 1502 году, когда Менгли-Гирей побѣдилъ Шихъ-Ахмата и намѣревался дѣлать набѣги на владѣнія Александра, то и Стефанъ началъ собирать свою рать. Причиною своихъ враждебныхъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ Стефанъ выставлялъ то, что когда Александръ сдѣлался Королемъ Польскимъ, то назначили срокъ съѣзда пословъ на границахъ, на Михайловъ день (8-го Ноября), но послы не пріѣхали.[84] Въ то время, когда Царевичи пошли опустошать южные предѣлы Польши и Литвы, Стефанъ также вторгнулся во владѣнія Александра и началъ захватывать земли, на верхнемъ теченіи Прута и Днѣстра (Снятынь, Покутье и др.), и на тѣхъ мѣстахъ посажалъ своихъ людей. Тогда Александръ прислалъ сказать Стефану: «Ты мнѣ недружбу чинишь и дѣлаешь пользу Великому Князю, а онъ твою дочь поималъ и у внука Великое Княженіе отнялъ.» Стефанъ еще разъ обратился къ Менгли-Гирею съ тѣмъ, чтобы тотъ хорошенько разузналъ, въ чемъ же все дѣло состоитъ, и если то правда, что говоритъ Александръ, то онъ, Стефанъ, съумѣетъ Великому Князю сдѣлать непріятность, по тому что теперь въ Молдавіи находятся Московскіе послы изъ Италіи съ нанятыми мастерами, и онъ ихъ не отпуститъ. Менгли-Гирей хотѣлъ Московскаго посла даже къ присягѣ привести въ достовѣрности его словъ, но тотъ прямо утверждалъ, что все это дѣло есть Литовская ложь. Увѣрившись въ словахъ посла, Менгли-Гирей написалъ къ Стефану: «Охота тебѣ вѣрить словамъ недруга. Если бы это все было правда, то я тебѣ самъ бы объ этомъ написалъ; а ты лучше пришли ко мнѣ своего человѣка; я его отправлю въ Москву, и онъ увидитъ твою дочь и внука.»[85]

Всѣ этѣ обстоятельства, набѣги Татаръ и занятіе Стефаномъ многихъ земель, принесли значительную пользу Москвичамъ, по тому что отвлекали силы Александра на югъ. Но еще ранѣе,

---

[84] Литовская Метрика, пятая книга записей, л. 269 — 271.

[85] Д. Крым. № 2 стр. 952 — 1024.

вскорѣ послѣ побѣды Менгли-Гирея надъ Шихъ-Ахматомъ, въ виду Татарскаго нашествія, Александръ рѣшился начать переговоры съ Москвою о мирѣ. Но теперь мы обратимся къ тому, что дѣлалось на сѣверѣ.

Часть Московскихъ войскъ, подъ начальствомъ почти тѣхъ же Воеводъ, что и прошлымъ годомъ, была сосредоточена въ Новгородскихъ областяхъ. 17-го Марта Нѣмцы вторглись въ Псковскія земли, къ Красному Городку, начали опустошенія, захваты людей въ плѣнъ и осадили Городокъ; Псковская рать двинулась къ Красному Городку, но Нѣмцы побѣжали прочь. Въ Сентябрѣ (2-го) самъ Магистръ, Вальтеръ Плетенбергъ, подступилъ къ Изборску и началъ приступъ, но города не взялъ. Простоявъ здѣсь одну ночь, онъ двинулся къ Пскову, куда явился черезъ шесть дней. Нѣмецкая артиллерія начала стрѣлять по городу, но Псковитяне сами сожгли посадъ за рѣкою Великой и потомъ вышли въ Завеличье биться съ Нѣмцами. Нѣмецкая артиллерія много стрѣляла по городу, такъ что едва не разрушила дѣтинца. На другой день Нѣмцы съ Завеличья пошли на броды, къ Выбуду; Псковитяне долго бились на бродахъ, но Нѣмцы перешли броды и подошли къ Полонищу, начали приступать къ городу и лѣзти на стѣны. Простоявъ два дни на Полонищѣ, Нѣмцы пошли обратно тѣмъ же путемъ, которымъ пришли. Псковитяне во время осады ждали рати Великаго Князя: Князья Щеня и Шуйскій явились, но уже тогда, когда Нѣмцы ушли отъ города. Нѣмцы отступали, жгли за собою мосты на рѣкахъ и шли такими мѣстами, по которымъ прежде никогда не ходили. Воеводы Великаго Князя и Псковитяне погнались за ними и догнали у озера Смолина. Нѣмцы поставили свой кошъ и говорили между собою: «Если Русь ударится на кошъ, то мы выйдемъ изъ Псковской земли; а если Русь нападетъ на насъ, то намъ придется здѣсь головы сложить.» Дѣйствительно, сначала Псковитяне, а потомъ Москвичи, бросались на обозъ, перебили Чудь Кошевую и въ заключеніе начали драться между собою за добычу. Во время погони и грабежа обоза войска разстроили свой строй. Воеводы ѣздили по полкамъ и хотѣли привести ихъ въ порядокъ: Псковскій Князь ѣздилъ и загонялъ Псковитянъ, разбредшихся розно, чтобы они были въ строю, но за это занятіе своего Князя, Псковитяне изъ за

кустовъ обзывали его разными прозвищами. Все это повело къ тому, что между Нѣмцами и Русскими была сѣча, но не велика и кончилась тѣмъ, что первые благополучно воротились домой.[80] Вообще всѣ этѣ походы 1502 года Плетенбергъ предпринималъ по тому, что надѣялся на помощь Литовскихъ войскъ, которыя въ нынѣшнемъ году по договору должны были напасть на Москвичей одновременно съ Нѣмцами. Но этѣ Литовскія войска безъ дѣла простояли въ Полоцкѣ.[81]

Этѣмъ война около Пскова кончилась и въ слѣдующемъ году было заключено перемиріе. Изъ не состоявшагося посольства въ Крымъ[82] узнаемъ, что Иванъ Васильевичъ объ этѣхъ военныхъ событіяхъ такъ наказывалъ говорить: въ Псковѣ находились не многіе люди Государевы, и на томъ бою Нѣмцы убили одного, или двухъ человѣкъ, а Воеводы Великаго Князя Нѣмцевъ побили. Въ рукописи этого посольства далѣе слѣдуетъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ о томъ, что Нѣмцы приходили въ Псковскую землю, а у Воеводъ не всѣ люди были вмѣстѣ.

Въ Москвѣ на 1502 годъ приготовлялись къ болѣе важному предпріятію, чѣмъ то, которое было въ Псковскихъ земляхъ. Въ прошломъ году Нѣмцы и Литовцы хотѣли осаждать Псковъ; въ нынѣшнемъ же году Литовцамъ было не до Пскова, въ слѣдствіе тѣхъ дѣлъ, которыя были на ихъ границахъ съ степями, Нѣмцы и Литовцы желали взять Псковъ, за то Москвичи теперь захотѣли взять Смоленскъ. Какъ только въ Москвѣ услыхали о побѣдѣ Менгли-Гирея надъ Шихъ-Ахматомъ, то двинули рать къ Смоленску. Во главѣ этого войска стоялъ сынъ Ивана Васильевича, Дмитрій, по прозванію Жилка; вмѣстѣ съ нимъ были Князь Василій Холмскій и Яковъ Захарьевичь. 14-го Іюля, въ день Шелонской и Ведрошской битвъ, выступила рать для осады Смоленска. Но осада была неудачна, приступы къ городу были отбиты Литовцами. Какое впечатлѣніе должны были производить на Москвитянъ постоянные ихъ успѣхи, свѣдѣтельствуетъ то, что

---

80 П. С. Р. Л. т. 4, стр. 275 — 276; въ другихъ лѣтописяхъ подъ 1502 годомъ.

81 Лит. Метр. 5-ая кн. записей, лист. 241 — 243.

82 Посольство Берсеня, въ Наказѣ, Дѣл. Крымск. № 2.

послѣ трехъ лѣтъ тяжелой войны они рѣшились осаждать такую сильную крѣпость, какъ Смоленскъ, и въ сущности выслать подъ нее послѣднія свои силы. За то постоянныя неудачи Литовцевъ и ихъ союзниковъ дѣлали то, что когда началась осада Смоленска, то 3-го Августа въ Минскѣ было написано письмо отъ Епископа Виленскаго, Войтѣха, и всей Рады Великаго Князя Литовскаго, Александра, къ братьямъ своимъ и пріятелямъ, Князьямъ и Панамъ Рады Великаго Князя, Ивана Васильевича, Государя всея Руси. Въ письмѣ говорилось, что прошлымъ годомъ уже начались переговоры о мирѣ, а нынѣшнею зимою Яковъ Захарьевичъ писалъ къ Яну Юрьевичу о томъ, чтобы переговоры продолжать: «Да у насъ случилось то, что, Божіею волею, Король Польскій Альбрехтъ скончался, и за выборомъ его брата, Великаго Князя Александра, въ Короли, некогда было начать переговоры; теперь же Радамъ Государей слѣдовало ихъ вести къ миру между собою; по этому Великій Князь выслалъ бы опасныя грамоты на пословъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго.» Это письмо было послано Литовцами въ Московскій станъ подъ Смоленскъ и отсюда переслано въ Москву (получено въ Москвѣ 23 Августа). 27 Августа отправленъ былъ отвѣтъ отъ имени Бояръ Московскихъ; въ письмѣ, по обычаю, вину начатія войны складывали на Литовцевъ. Вмѣстѣ съ этѣмъ письмомъ была отправлена и опасная грамота на пословъ Великаго Князя Литовскаго. Отправляя этѣ бумаги черезъ свой станъ подъ Смоленскомъ, Иванъ Васильевичъ наказалъ сказать сыну, чтобы онъ, отпуская отъ себя Войтѣхова человѣка, не дозволялъ ему входить въ Смоленскъ, для того, чтобы тамъ не знали, что дана опасная грамота на пословъ: «Да и вы бы за тѣмъ дѣла не откладывали, а, уповая на Бога, Живоначальную Троицу, на Пречистую Божію Матерь, на Святыхъ Чудотворцевъ и родительскую молитву, города Смоленска доставали, посмотря по дѣлу, какъ Богъ васъ вразумитъ.» Далѣе въ этѣхъ рѣчахъ Ивана Васильевича къ сыну есть замѣчательная прибавка: «Нѣчто Великій Князь Александръ пойдетъ къ Смоленску на помощь, или людей пошлетъ, то ты бы меня объ томъ безъ вѣсти не держалъ. Я здѣсь нарядилъ сына своего, Василія, со многими людьми, и его, да и Царевичей, которые къ намъ нынѣ пріѣхали, да и Казанскую рать часа того.» Этѣ слова имѣютъ особенный смыслъ: Иванъ

Васильевичъ употреблялъ послѣднія свои средства въ борьбѣ съ Литвою, и это письмо показываетъ, какъ они были уже незначительны, и въ то же время какъ употребленіе ихъ было опасно для Государства. Онъ хочетъ послать Царевичей, которые пріѣхали: то были братаничи Шихъ-Ахматовы. Самъ Шихъ-Ахматъ, когда разогнали его Орду, убѣжалъ только съ 400 человѣкъ, или немного больше; по этому нельзя предполагать, чтобы у его двоюродныхъ братьевъ осталось народу многимъ больше, чѣмъ у него самаго. Что же касается Казанской рати, то хотя въ ней, положимъ, и больше было народу, чѣмъ у Царевичей, но, тронувши ее съ мѣста, значило совершенно очистить восточные предѣлы Московскаго Государства и подчиненную ему Казань, у которой при томъ были не совсѣмъ спокойные сосѣди, Нагайцы. [83]

Дмитрій Ивановичъ не могъ взять Смоленска, но пошелъ отъ него не домой, а началъ опустошать тѣ мѣста, гдѣ еще не бывали Московскія войска. Былъ взятъ городъ Орша и отсюда начались опустошенія на юго-востокъ, между Сожью и Днѣпромъ, т. е., на западъ отъ Мстиславля; потомъ край между Днѣпромъ и Двиной, даже до Березины, былъ тоже опустошенъ; у Витебска былъ сожженъ посадъ, подходили даже къ Полоцку. При этомъ съ сѣвера помогали этѣмъ набѣгамъ войска, находившіяся въ Новгородскихъ областяхъ. [84] 23 Октября Дмитрій Ивановичъ возвратился изъ своего похода. Но обѣщанное посольство изъ Литвы, для переговоровъ о мирѣ, еще не являлось въ Москву; въ Литвѣ какъ бы дожидались исхода всѣхъ событій этого года, и только съ половины Декабря начались переговоры. Войска, посланныя Александромъ на помощь къ Смоленску, простояли безъ дѣла около Минска.

Изложивъ событія этой войны, кажется, не имѣемъ права сдѣлать такой выводъ, что «война продолжалась четыре года, но военныя дѣйствія шли медленно: иногда по цѣлому году не было движенія ни съ той, ни съ другой стороны». [85] Кромѣ Ведрошской

---

[83] Ак. З. Р. т. 1, № 192, стран. 245 — 249.

[84] Дѣла Крым.: не состоявшееся посольство Берсеня.

[85] Ист. Рос. т. 5, изд. 2, стр. 191; ошибочность этого вывода объясняется ошибкой, сдѣланной издателями Ак. З. Р.; см. выше ч. II, прим. 49.

битвы, каждый годъ ознаменовался какимъ ни будь важнымъ событіемъ. Но здѣсь должно замѣтить другое, что, кромѣ перваго года войны, въ остальные два (по тому что война шла только три года) всѣ важныя дѣйствія Московскихъ войскъ совершались осенью. Это объясняется вліяніемъ Степныхъ дѣлъ. Что касается до завоеваній Москвичей, то они всѣ были сдѣланы главное въ первый годъ, при помощи Князей; далѣе завоеванія нельзя было продолжать, не взявши Смоленска, и это дѣло уже совершилъ сынъ Ивана III.

ГЛАВА IV.

Перемиріе.

Посольства въ Москвѣ: отъ Папы и Угорскаго Короля, изъ Польши и Литвы, и Ливоніи. — Письма Елены Ивановны въ Москву, характеръ ихъ и переговоры о Греческомъ Законѣ. — Требованіе возвращенія всей Руси Москвѣ, какъ главное условіе вѣчнаго мира; переговоры при посредничествѣ Папскаго посла; заключеніе перемирія. — Обхожденіе Москвичей съ Нѣмецкими послами; подтвержденіе союзниками Ливонцевъ Московскихъ требованій относительно веденія переговоровъ съ Ливонцами. — Задержка Московскихъ пословъ въ Литвѣ и подтвержденіе Александромъ Казимировичемъ договорной грамоты. — Признаніе со стороны Польши за Московскимъ Государемъ титула «Государя всея Руси.» — Надежды враговъ Россіи при извѣстіи о смерти Ивана Васильевича и разочарованіе ихъ въ этомъ, потому что Василій Ивановичъ слѣдуетъ политикѣ своего отца. — Желаніе со стороны Василія Ивановича вступить на Литовскій престолъ послѣ смерти Александра Казимировича и враждебныя его сношенія съ Сигизмундомъ Казимировичемъ. — Отношенія Московскаго и Литовскаго Правительствъ, къ Крыму, Казани и Ливоніи въ началѣ государствованій Василія Ивановича въ Москвѣ и Сигизмунда Казимировича въ Литвѣ.

I.

Александръ рѣшился наконецъ вступить въ переговоры о мирѣ съ Москвою, и главному своему союзнику, Магистру Ливонскому, объяснялъ причину такихъ своихъ дѣйствій тѣмъ, что союзникъ его, Царь Заволжскій, пришелъ было къ нему на помощь, но Менгли-Гирей, Царь Перекопскій, согналъ его съ Поля; а онъ Александръ, по этому долженъ былъ объяснять Перекопскому, что Шихъ-Ахмата приводилъ не на него, а на Московскаго; кромѣ этого еще то, что Александру приходится защищаться не только отъ Московскаго и Перекопскаго, но Литовскимъ и Польскимъ границамъ еще грозятъ своимъ нападеніемъ Турки; наконецъ, хотя, по условію, Литовскія войска, въ нынѣшнемъ 1502 году, должны были помочь Ливонскимъ войскамъ, но они подъ начальствомъ

Пана Черника простояли въ Полоцкѣ и не шли, по тому что денегъ не было. Въ слѣдствіе этѣхъ и другихъ причинъ, Александръ объявлялъ, что хочетъ мириться съ Московскимъ Великимъ Княземъ и приглашалъ къ этому же Магистра. На это Магистръ отвѣтилъ упреками, что Литовцы не помогли во время; теперь же онъ не можетъ дать положительнаго отвѣта о всемъ дѣлѣ, по тому что нѣтъ при немъ всѣхъ совѣтниковъ, но вообще благодаритъ за то, что безъ него Король не хочетъ одинъ мириться. [16] Всѣ этѣ пересылки кончились, однако, тѣмъ, что согласіе на заключеніе мира съ Москвою и со стороны Магистра было дано. Въ половинѣ Декабря Рада Литовскаго Великаго Княжества прислала къ Московскимъ Боярамъ грамоту, въ которой объяснялось, что Паны Рада просили прислать опасный листъ на Великихъ пословъ Литовскихъ и Польскихъ, а въ Москвѣ дали только на пословъ Литовскаго Великаго Князя, Александра. При этомъ Паны Рада просили, чтобы также данъ былъ опасный листъ на пословъ Ливонскаго Магистра и извѣщали Бояръ, что ѣдетъ въ Москву Сигизмундъ Сантай, посолъ отъ Папы и Короля Угорскаго. Этотъ посолъ пріѣхалъ въ Москву 29-го Декабря; 1-го Генваря былъ у Великаго Князя и правилъ отъ Папы благословеніе и поздравленіе, а отъ Короля Владислава поздравленіе. Въ грамотѣ отъ Папы, Александра VI, объяснялось «любимому сыну», что Христіянскимъ Государямъ нужно соединиться для борьбы съ невѣрными Турками, и что Папа, Александръ, «посреди своихъ иныхъ спасительныхъ попеченій,» устроеніе этого союза поручилъ Кардиналу Регнусу. Посолъ также подалъ грамоты и отъ этого Кардинала Регнуса, съ изложеніемъ тѣхъ же дѣлъ. Такимъ образомъ явился еще посредникъ, въ борьбѣ Москвы съ Литвою, Папа, и это посредничество въ Москвѣ приняли. На другой день посолъ долженъ былъ явиться къ Великому Князю съ рѣчами отъ Короля Владислава, но, въ слѣдствіе обычнаго Московскаго угощенія, посолъ «тоѣ ночи пьянъ разшибся, да, за немочью, съ Королевыми рѣчами не былъ», а былъ за него толмачъ, который и подалъ списки съ этѣхъ рѣчей. Такъ какъ рѣчи отъ Угорскаго Короля имѣли тотъ же смыслъ, что и два года назадъ, то и от-

---

[16] Литов. Метр. 5-я кн. записей, л. 241—242; Suppl. ad. Hist. Rus. Mon. №№ CXXVI и CXXVII.

вѣтъ соотвѣтствовалъ прежнему. При этомъ, въ отвѣтъ на рѣчи Папы, была изложена главная причина войны: принужденіе Православныхъ къ Католичеству, а что противъ Невѣрныхъ Москвичи всегда стояли и хотятъ стоять. Впрочемъ, теперь все дѣло Сигизмунда Сантая заключалось въ томъ, чтобы изъ Москвы даны были опасныя грамоты на пословъ Польскихъ и Литовскихъ. Этѣ грамоты были даны и, вмѣстѣ съ ними, дана была опасная грамота отъ «Царя всея Руси» для Нѣмцевъ, которые «били челомъ» Александру, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, что хотятъ прислать своихъ пословъ къ Царю всея Руси «бить челомъ». Литовскій посланецъ поѣхалъ изъ Москвы 18 Генваря, а Угорскій и Папинъ посолъ остался въ Москвѣ дожидаться Александровыхъ и Ливонскихъ пословъ.

4-го Марта этѣ послы (Петръ Мышковскій отъ Польши, Станиславъ Глѣбовичъ отъ Литвы, и Ивашка Гильдорпъ отъ Нѣмцевъ) прибыли въ Москву и 7-го были у Великаго Князя. Александровы послы въ рѣчахъ говорили, чтобы постановить миръ на прежнемъ докончаньѣ и всѣхъ плѣнныхъ выпустить на обѣ стороны.[87] Во время этого перваго представленія пословъ были поданы письма Елены Ивановны, чрезъ ея Канцлера, Сапѣгу, къ отцу, матери и братьямъ, Василію и Юрію. На этѣ письма мы обратимъ несравненно болѣе вниманія, чѣмъ на самыя рѣчи пословъ, такъ какъ этѣ письма есть вопль о несостоятельности Польско-Австрійской брачной системы, программа того, что надѣялись получить Ягайловцы посредствомъ брака, и въ то же время этѣ письма были, такъ сказать, соломинка, за которую хватались погибающіе. Весь умъ, который создалъ знаменитую брачную политику, такъ сказать, вылился въ этѣхъ письмахъ, и все, что прежде было разбросано въ посольствахъ, повторилось теперь здѣсь всецѣло. «Отецъ мой, Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостію, Государь всея Руси, Самодержецъ Царства Казанскаго и иныхъ»: такой титулъ давала Елена Ивановна своему отцу въ то самое время.

---

[87] Подъ № 197 въ Ак. З. Р. т. 1, изъ Литовской Метрики напечатаны рѣчи Угорскаго посла, списокъ которыхъ ему должны были дать Александровы послы по ихъ пріѣздѣ въ Москву. Въ Метрикѣ сказано, что онъ ихъ говорилъ. Издатели Актовъ отнесли этѣ рѣчи къ 7-му Марту, но изъ Статейнаго Списка не видно, чтобы все, помѣщенное въ этѣхъ рѣчахъ, говорилъ Сантай.

когда ея мужъ не употреблялъ и титула «Государя всея Руси» — «Дочь твоя тебѣ челомъ бьетъ... Государь мой мужъ посылъ къ тебѣ великихъ пословъ о тѣхъ обидныхъ дѣлахъ, которыя отъ твоихъ людей, съ Божія попущенія, начались. Многая кровь Христіянская проливается, женъ и дѣтей ведутъ въ неволю, вѣра Христіянская гибнетъ, церкви Божія пустѣютъ, и все это отъ докончанья, крестнаго цѣлованья и кровнаго связанья между вами, Христіянскими Государями». Смыслъ этѣхъ словъ мы уже видѣли отчасти и въ посольскихъ рѣчахъ Литовцевъ; въ этомъ письмѣ, точно такъ же, какъ и въ посольствахъ, все дѣло сводилось къ тому, что нѣсколько человѣкъ произвели войну: «отцы ихъ, измѣнники, прежде тамъ въ Москвѣ, а дѣти ихъ теперь въ Литвѣ, и дай имъ Богъ, измѣнникамъ, то, что было родителю нашему отъ ихъ отцовъ; они промежъ васъ, Государей, мутятъ, а сами по шею въ крови ходятъ,» и т. д. О самой же Еленѣ Ивановнѣ говорилось: «Вся вселенная вопіетъ, и ни на кого, какъ только на меня, что будто я къ тебѣ, Государю, пишу, приводя тебя на то дѣло, и говорятъ, какой отецъ бываетъ врагъ своимъ дѣтямъ?» Надежды, которыя питали Литовцы при заключеніи Александрова брака, высказаны въ письмѣ такъ: «Господинъ, Государь батюшка, вспомни, что я есть служебница и дѣвка твоя, и далъ ты меня за такого же брата своего, какъ и ты; а вѣдаешь ты самъ, что ты далъ ему за мной, и что потомъ я ему съ собой принесла; однако жь, Государь мой держалъ меня въ чести и жалованьѣ..... Государь мужъ мой, его мать, братья его, Короли, зятья и сестры, Паны Рада и вся земля его, всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, кровная любовь, дружба и помощь на Поганство; но теперь видятъ, что со мною пришло всевозможное зло... а я сама разумѣю и какъ вижу, что дѣлается въ миру, что всякой заботится о своихъ дѣтяхъ и всякимъ ихъ добромъ промышляетъ, и только одну меня, по моимъ грѣхамъ, Богъ забылъ. Господинъ Батюшка! Слуги наши будучи и не по ихъ силѣ и не возможно вѣрить, какую казну даютъ за своими дочерями, да еще и потомъ каждый мѣсяцъ дарятъ и тѣшатъ; да это дѣлаютъ и не одни Паны, но всѣ такъ о своихъ дѣтяхъ заботятся, только на одну меня Господь Богъ прогнѣвался, что пришло твое нежалованье». Высказавъ упрекъ въ томъ, что Московскій Государь, во первыхъ, такъ непочтительно относится къ мнѣнію о немъ та-

кихъ важныхъ особъ, какъ мать Александра, его братья Короли и Паны Рада, а во вторыхъ, не считаетъ интересы Государства такъ, какъ считаютъ свои личные интересы Польскіе Паны; далѣе въ письмѣ говорится объ условіяхъ, на которыхъ Литовцы хотѣли бы теперь по нуждѣ помириться: «писала бы къ тебѣ Государю отцу моему объ этомъ и больше, да, ради великой бѣды и сердечной жалости, не могу ни чего умомъ придумать, и только съ горькими и великими слезами и плачемъ тебѣ, Государю и отцу, челомъ бью: вспомни, Бога ради, и меня, служебницу и кровь свою, оставь гнѣвъ безвинный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ, а первую любовь и дружбу, которую вы съ нимъ заключили, соблюди, чтобы, ради того нежитья и нелюбви вашей, еще больше кровь Христіянская не проливалась, а Поганство не смѣялось и измѣнники не радовались.... а теперь мужъ мой послалъ къ тебѣ пословъ, и если въ чемъ онъ выступилъ, то въ томъ исправитъ, а если выступу не было, то смилуйся надо мною, возьми старую любовь и дружбу!..»,Наконецъ, Литовцы, чтобъ быть послѣдовательными и приводить всякія дѣла къ личнымъ отношеніямъ, въ письмѣ говорили, что если на этѣхъ условіяхъ не будетъ заключенъ миръ, «тогда ужь сама уразумѣю, что не къ Государю моему мужу нелюбовь твоя, а ко мнѣ, что не хочешь ты меня видѣть въ любви и чести у мужа, свекрови, братьевъ и подданныхъ....» Въ письмѣ также много говорилось о Греческомъ Законѣ; такъ, на примѣръ, что если вышеупомянутый миръ будетъ заключенъ: «то Святымъ Божіимъ церквамъ и Святителямъ Греческаго Закона мирное совокупленіе, а мнѣ въ Греческой Вѣрѣ утвержденіе». Относительно же принужденій Елены Ивановны къ Римскому Закону все отвергалось. Въ письмахъ Елены Ивановны къ Софьѣ Ѳоминичнѣ и братьямъ повторялось то же, что и въ письмахъ къ отцу, съ прибавленіемъ просьбы ходатайства о мирѣ у отца. Вообще, этѣ слова писемъ принадлежали столько же самой Еленѣ Ивановнѣ, сколько ей принадлежало все устроеніе ея судьбы; ее лично несравненно болѣе интересовалъ не вопросъ о значеніи титула Государя всея Руси, а, какъ увидимъ ниже, соболья мѣха и тому подобныя вещи. Иванъ же Васильевичъ по достоинству оцѣнилъ всѣ этѣ письма. Отпуская пословъ, онъ самъ говорилъ противъ рѣчей и письма дочери къ ея Канцлеру, Сапѣгѣ: «Привезъ ты намъ грамоту отъ дочери, да и словомъ намъ отъ нее говорилъ; но въ той грамотѣ она иное не

по дѣлу писала, и не пригоже было ей къ намъ такъ писать». При этомъ Иванъ Васильевичъ повторилъ то, что обыкновенно говорилось объ извѣстности принужденій Православныхъ въ Литвѣ къ Римскому Закону, и кончилъ также извѣстными словами: «Ты, дочка, къ Римскому Закону не приступай, и хотя бы тебѣ за то до крови пострадать, и ты бы пострадала, а того бы не учинила. А нечто поползнешься и къ Римскому Закону приступишь, своею волею, или неволею, то отъ Бога погибнешь, а мнѣ и твоей матери тебя не благословити, а съ зятемъ нашимъ у насъ изъ за этого будетъ безпрестанная рать». Согласно съ этой рѣчью былъ написанъ и отвѣтъ Еленѣ Ивановнѣ. [88] Этѣ послѣднія слова были вызваны частію и тѣмъ, что когда Иванъ Васильевичъ цѣловалъ крестъ на договорной грамотѣ, то при цѣлованіи сказалъ посламъ, что и прежде требовалъ, чтобы принужденія въ Вѣрѣ Еленѣ Ивановнѣ не было; чтобы ей была построена Православная церковь на сѣняхъ во дворцѣ, прислуга была бы изъ Православныхъ, а «почнетъ братъ нашъ ее къ Римскому Закону нудить, то было бы ему вѣдомо, что намъ того не оставить, и за то стоять, сколько намъ Богъ поможетъ». Такъ какъ Литовцамъ было извѣстно, что значитъ это стоянье, то они, услышавъ знакомыя слова, сказали: «Пожалуй, Государь, ослободи намъ выйти въ сѣни поговорить между собою, по тому что у насъ есть къ тебѣ объ томъ слово». Переговоривъ между собою, послы сказали: «Король Александръ приказалъ намъ сказать тебѣ, Государь, что онъ никогда не принуждалъ твоей дочери въ Вѣрѣ и принуждать не хочетъ; но когда былъ онъ на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, то присылалъ къ нему святой отецъ, Папа, чтобы онъ велѣлъ своей Княгинѣ быть послушной Римской Церкви и въ костелъ ходить, но Государь нашъ объ томъ ей ни слова не говорилъ. А какъ взяли нашего Государя на Польское Королевство, то Папа опять прислалъ посла о томъ же, тотъ посолъ и теперь у нашего Государя, и ему еще не дано отвѣта, и если хочешь, Государь, отправить своего посла

---

[88] Ак. Арх. Эк. т. 1, № 138. Подъ этѣмъ номеромъ напечатаны письма Елены Ивановны и отвѣтъ на нихъ. Они взяты изъ Статейнаго Списка, напечатаннаго послѣ въ Актахъ Западной Россіи и, какъ отрывокъ, могутъ производить на читающаго совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ какое естественно должно явиться, когда прочтешь письма въ связи со всѣми дѣлами, съ ними связанными.

къ Папѣ, то нашъ Государь съ твоимъ посломъ своего пошлетъ, или если хочешь съ его посломъ что приказать, ино твоя воля. А Папа того не хочетъ, чтобы твоя дочь оставила Греческій Законъ и къ Римскому приступила, а только бы была въ послушаньѣ по осмому Вселенскому Флорентійскому Собору». [89]

II.

Мы видѣли, что Послы уже въ первыхъ рѣчахъ прямо высказали, что они пріѣхами подкрѣпить миръ на условіяхъ предшествующаго мирнаго договора. [90] Бояре на первомъ съ ними го-

---

[89] Въ слѣдъ за этѣми рѣчами въ Статейномъ Спискѣ находится приклеенная страница, писанная Бѣлорусскимъ почеркомъ, содержащая тѣ же рѣчи по смыслу, но съ прибавками, на примѣръ: оправданіе, что не посылалъ Александръ къ Еленѣ Ивановнѣ чернецовъ Бернардиновъ и т. д., потомъ, что Еленѣ Ивановнѣ не нужно снова креститься, для того чтобы быть послушной Римскому Закону. Если бы этѣ рѣчи были говорены въ Москвѣ, то и былъ бы соотвѣтствующій отвѣтъ имъ, или наконецъ когда ни будь было бы упомянуто объ особенности (что не нужно крестить) ихъ, а между тѣмъ все таки замѣчательно что изложенныя въ текстѣ рѣчи пословъ и отвѣтъ относятся ко 2 Апрѣля, 4-го же послы были отпущены; объ 3-мъ Апрѣлѣ въ Статейномъ Спискѣ ни чего, не упомянуто и даже 4-е Апрѣля въ рукописи ни чѣмъ не отдѣлено отъ 2-го, такъ что ясно бросается въ глаза, что есть какой нибудь пропускъ въ Статейномъ Спискѣ, а между тѣмъ приклейка съ рѣчами, написанная Бѣлорусскимъ почеркомъ, относить себя къ 3-му Апрѣля.

[90] Приступая къ изложенію дальнѣйшихъ переговоровъ, считаю долгомъ упомянуть, что до насъ дошелъ Наказъ Литовскимъ посламъ, которые должны были вести этѣ переговоры (Ак. З. Р. т. 1, № 200); но этотъ Наказъ мы можемъ считать скорѣе проектомъ Наказа, и это по ниже слѣдующимъ причинамъ. По этому Наказу послы должны были говорить о томъ, что Еленѣ Ивановнѣ не было никогда принужденья въ Вѣрѣ, но Папа желалъ бы ея послушества Апостольскому престолу по осмому Вселенскому Собору, и для этого Ея Милость и всю Русь не требуется снова крестить. Объ этомъ, какъ мы видѣли, не все было сказано; впрочемъ, это дозволялъ и Наказъ, и въ немъ говорилось, что если всѣ другія дѣла будутъ хорошо устроены, то рѣчь объ этомъ можетъ быть отложена. Въ Наказѣ говорится, что если заговорятъ о слугахъ Елены Ивановны и церкви Греческаго Закона, то отвѣчать, что если бы все это было прежде говорено, то слѣдовало бы занести это въ договоръ, а такого договора Александръ Казимировичъ никогда бы не утвердилъ. Въ такомъ тонѣ, какъ мы видѣли, послы не говорили; они, то же въ такомъ тонѣ (впрочемъ, и Москвичи не подали къ этому повода) не говорили объ общемъ принужденіи всѣхъ Православныхъ къ Рим-

ворѣ (10 Марта), по обычаю и довольно подробно, обвиняли въ причинахъ войны Литовцевъ, и въ заключеніе сказали: «Все то уже минуло, да и отчина вашихъ Государей, Лядская и Литовская земля, и если вашъ Государь хочетъ миру съ нашимъ Государемъ, то онъ поступился бы всей отчины нашего Государя; Русской земли». Послы замѣтили, что они не видятъ, въ чемъ же ихъ Государь выступилъ изъ докончанья. Бояре на это повторили старое: о начальномъ дѣлѣ,—объ имени Государя, и заключили все тѣмъ же требованіемъ всей Русской земли. Послѣ этого послы разошлись съ Боярами, объявивъ, что ихъ Государь приказалъ имъ только подтвердить старое докончанье. Черезъ день послѣ этого (12 Марта) послы рѣшились начать переговоры; они присылали къ Князю Василію Даниловичу Холмскому своихъ Приставовъ, чтобъ имъ видѣться съ Боярами. Великій Князь приказалъ посламъ быть на дворѣ и выслалъ къ нимъ Бояръ. На во-

---

скому Закону, что Король не мѣшается въ то, какъ Московскій Государь относится къ Вѣрѣ своихъ подданныхъ, такъ и онъ не мѣшался бы въ то, какъ отѣ дѣла идутъ въ Литвѣ. Впрочемъ, все это не такъ важно, чтобы заподозрить подлинность Наказа, болѣе важно слѣдующее:

Во первыхъ: въ Наказѣ чрезвычайно мало сказано объ условіяхъ мира, или перемирія, особенно о послѣднемъ. Въ Наказѣ сказано о перемиріи почти только, что если придется его заключать, то утвердить его на три года, и послѣ этого Паны Радные, съѣхавшись на границахъ, заключили бы вѣчный миръ. Сами издатели Ак. З. Р. замѣтили, что это Наказъ не полный и въ дошедшемъ до насъ есть пропускъ.

Во вторыхъ: изъ Наказа видно, что онъ былъ давно составленъ (времени его составленія въ Метрикѣ не обозначено) до снаряженія посольства, пріѣхавшаго теперь въ Москву, но тому что въ немъ о Ливонскихъ послахъ сказано, что если ихъ «Магистръ не пошлетъ;» а, какъ мы видѣли, что переговоры у Александра съ Магистромъ шли и кончились тѣмъ, что Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву вмѣстѣ съ Польскими и Литовскими, то, по этимъ соображеніямъ, можно предположить, что этотъ Наказъ не вполнѣ служилъ руководствомъ для пословъ и они, очень можетъ быть, имѣли другой.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что въ Наказѣ есть интересныя мѣста, на примѣръ, о титулѣ: «Государь всея Руси.» Послы должны были требовать, чтобы Иванъ Васильевичъ не употреблялъ его совсѣмъ, и если послы этого не отстоятъ, то пусть этотъ титулъ не употребляется въ отношеніяхъ къ Польшѣ, такъ какъ за Польшею значительная часть Руси. Какъ увидимъ ниже, Москвичи повели дѣло несравненно шире, и не пришлось объ этомъ, кажется, много говорить, да при томъ намъ не извѣстны теперешніе споры «объ имени.»

просъ Бояръ, что посламъ нужно, послѣдніе подали вѣрющую грамоту Боярамъ отъ Пановъ Рады Польскихъ и, на основаніи ея говорили рѣчь о томъ, что «Государства Польское и Литовское давно и крѣпко между собою соединены, и ихъ Государю во всей вселенной не было бы отказано въ невѣстѣ, а теперь случилось то, что всему Христіянству удивительно, что онъ, взявши себѣ супругу у вашего Государя, и какъ будто бы ее взялъ для такой вражды? Да также удивительно, что мы, совѣтники Государей, допускаемъ ихъ до такой вражды.» На эту же старую тему, въ слѣдъ за этой рѣчью, была говорена другая отъ Пановъ Рады Литовскихъ. Бояре выслушали рѣчи и потомъ спросили пословъ: «Есть ли у нихъ какія иныя рѣчи?» Послы отвѣчали: «которые города и земли Государь вашъ взялъ у нашего Государя, и онъ бы то ему отдалъ; да чтобы миръ былъ по докончанью». Бояре сказали опять прежнее: «то докончанье порушилось, нельзя теперь такъ статься; а Государь нашъ проситъ у вашего всей своей отчины, Русской земли». Въ слѣдствіе всего этого начались между Боярами и послами спорныя рѣчи объ имени и отчинѣ, и въ заключеніе послы сказали, что они обо всемъ поговорятъ съ Угорскимъ посломъ, а Бояре поговорили бы съ своими товарищами, чтобы дѣло Государей пришло къ доброму концу.

Призванный въ посредники Угорскій посолъ былъ (15-го Марта) у Великаго Князя и подалъ запись, въ которой говорилось, что «послы были у него и говорили, что Бояре не склоняются ни мало, и не только докончанье откладываютъ, но еще и всей Русской земли требуютъ, а послы крѣпко стоятъ на докончаньѣ. Но Ваше бы Пресвѣтлое Величество благоволили объ этомъ подумать иначе, по тому что миръ нуженъ для союза противъ Турокъ, и при томъ такимъ упорствомъ можно воздвигнуть къ себѣ ненависть всѣхъ своихъ братій, Христіянскихъ Государей. Святѣйшій отецъ, Папа, всегда думалъ хорошо о вашемъ благовѣріи и смотрѣлъ на васъ, какъ на защитника Христіянства; теперь же, когда я донесу Кардиналу Регнусу, а онъ Папѣ, то что послѣдній подумаетъ объ васъ? И что онъ прикажетъ дѣлать Кардиналу противъ тѣхъ, которые рушатъ собраніе противъ Невѣрныхъ?» и т. д. На это былъ данъ отвѣтъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Александръ сдѣлался недругомъ, не для чего отступаться отъ

своего, и по чему же не хотѣть намъ всей своей отчины, Русской земли? Какъ прежде съ послами Александровыми, такъ теперь и съ посредникомъ завязался споръ, и Сигизмундъ Сантай говорилъ, что объ имени и о дочери Великаго Князя ни чего нѣтъ въ докончаньѣ. Послѣ этого посредникъ представилъ новую запись: «Вижу, что вашему Государству жалко отдать все взятое, то, по крайней мѣрѣ, половину взятаго возвратите своему зятю, плѣнныхъ же выпустите; до того же времени, когда устроится полный миръ, при помощи посредниковъ, заключите перемиріе». На слѣдующій день послѣ этого (16 Марта) Угорскій посолъ былъ приглашенъ для переговоровъ, и ему Бояре сказали, что отступаться отъ своей отчины, Русской земли, нельзя. Сигизмундъ на это ни чего не говорилъ, и ему приказано ѣхать на подворье. Въ этотъ же день Литовскіе и Польскіе послы прислали сказать, чтобы имъ быть на дворѣ Великаго Князя. Они были по этому приглашены на слѣдующій день и сказали Боярамъ: «Коли нѣтъ между Государями добраго конца, то между ними теперь учинилось бы перемиріе». Бояре на это отвѣчали только, что скажутъ объ этомъ Государю. Когда черезъ два дни (20 Марта) послы были на дворѣ Великаго Князя и просили отвѣта рѣчамъ и отпуска, то Угорскій посолъ подалъ запись, въ которой объяснялъ тоже, что если Государь не хочетъ взять мира и перемирья, то отпустилъ бы пословъ къ ихъ Государямъ. На это было сказано Боярами, что если Король Александръ не хочетъ прочнаго мира, то отъ чего же не взять и перемирье, какъ пригоже.

Паны предложили, чтобы перемирье было постановлено на шесть лѣтъ и потомъ различныя опредѣленія относительно владѣній. [91] Рѣшено же было такъ, что во время перемирья пусть каждый владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ во время войны. Бояре предложили составить по этому случаю образцовыя грамоты, и когда они прочли ихъ предъ послами, то послѣдніе (22 Марта),

---

[91] Выше было замѣчено относительно записи Бѣлорусскимъ почеркомъ, что въ Статейномъ Спискѣ существуетъ пропускъ; такой же пропускъ, какъ видно, находится и между 20 и 22 числами Марта, по тому что послѣдующіе переговоры упоминаютъ о рѣчахъ, которыя подъ 20 Мартомъ не записаны. Обыкновенно почти каждый день переговоровъ въ Статейномъ Спискѣ кончается тѣмъ что послы поѣхали, или отпущены, на подворье, а этого подъ 20 Марта нѣтъ.

выслушавъ грамоты, и еще разъ сами прочитавши ихъ для себя, сдѣлали замѣчаніе, что въ нихъ писаны нѣкоторыя волости, которыя во время войны не были во владѣніи Москвичей. По поданному послами списку такихъ волостей, Великій Князь велѣлъ хорошенько о нихъ разузнать. Послѣ справокъ (24 Марта) Бояре представили посламъ свой списокъ, и въ немъ были указаны незанятыми Москвичами и такія волости, которыя Паны считали занятыми, также въ числѣ занятыхъ такія, которыя находились съ спискѣ пословъ, какъ управляемыя теперь Литовцами. О послѣднихъ волостяхъ послы прямо сказали: «Милые Панове! Поговорите съ своею братіею, да и до своего Государя донесите, чтобы онъ тѣхъ волостей поступился, по тому что безъ нихъ городамъ, къ которымъ они тянутъ, нельзя быть, а не поступится онъ тѣхъ волостей, то намъ безъ того нельзя дѣла дѣлать; да также приказалъ бы Великій Князь Литовскія украйныя города и волости писать въ перемирныя грамоты». Бояре тоже прямо отвѣчали: «Мы объ этомъ поговоримъ съ своею братіею, и если понадобится, то и до Государя донесемъ; только вы Панове намъ скажите: всѣ ли ваши рѣчи, и о иномъ (т. е., о волостяхъ) ни о чемъ не будетъ слова?» Послы: «Только то спустите, то можно и перемирныя грамоты писать». Иванъ Васильевичъ исполнилъ просьбу пословъ, для своего свойства съ Литовскимъ Государемъ. Послѣ этого былъ разговоръ о плѣнныхъ, но такъ какъ плѣнныхъ было больше въ рукахъ Москвичей, то, вѣроятно, по этому Иванъ Васильевичъ это дѣло рѣшилъ такъ, что до заключенія мира оставить ихъ на обѣ стороны.

25-го Марта, 1503 года, начали писать договорныя грамоты, и, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о формѣ писанія грамотъ, Бояре съ послами взаимно рѣшили это дѣло. Главный вопросъ былъ тотъ, что Кіевъ и другіе города писать не отчинами, а землями. Срокъ перемирья назначено считать по Благовѣщеньѣ 1509 года. Теперь граница Московскихъ владѣній отъ Литвы шла по Семи и Деснѣ до Чернигова, отъ Чернигова на сѣверо-западъ близко Днѣпра къ рѣкѣ Сожѣ и въ верхъ по ней мимо Мстиславля, и потомъ, огибая Смоленскъ, черезъ Западную Двину, мимо Велижа (который оставался въ Московскихъ владѣніяхъ) и, пересѣкая теперешнюю Витебскую Губернію, на сѣверо-западъ мимо Себежа (въ Литовскихъ владѣніяхъ) къ Опочкѣ. Условія перемирія были,

какъ въ обыкновенныхъ перемирныхъ грамотахъ, а главныя особенности тѣ, что выше изложены.

Грамоты дописали 28 Марта. Писарь Сапѣга, бывшій при писаніи грамотъ, объявилъ, чтобы Великій Князь велѣлъ Боярамъ говорить съ Нѣмцами о перемирьѣ, а безъ этого Паны не запечатаютъ грамотъ. Когда Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву, вмѣстѣ съ Александровыми послами, то ихъ приняли. Въ первый день они, вмѣстѣ съ другими послами, ѣли у Великаго Князя, но послѣ стола подчивать ихъ виномъ никто къ нимъ на подворье не ѣздилъ. Начиная переговоры, Иванъ Васильевичъ приказалъ всѣмъ посламъ быть на дворѣ, но Нѣмцевъ не звали. Когда дѣло дошло до переговоровъ о перемирьѣ, то Угорскій посолъ напомнилъ о послахъ Князя Магистра, что и за ними слѣдуетъ послать, но на это не дано было отвѣта. Послѣ словъ Сапѣги, Великій Князь приказалъ Нѣмцамъ быть на дворѣ, и Казначей, Дмитрій Володимировичъ, началъ съ ними разговоръ. Но Нѣмцы о перемирьѣ говорили не по пригожу. (Мы не имѣемъ записаннымъ этого разговора) На другой день (30 Марта) Великій Князь велѣлъ быть на дворѣ всѣмъ посламъ, и Нѣмецкимъ съ ними. Когда послы явились, то Угорскій посолъ подалъ запись о томъ, что «перемирье на шесть лѣтъ говорено и на Магистра Ливонскаго, но его послы, послѣ вчерашнихъ переговоровъ, сказывали ему (Угорскому послу), что Бояре въ разговорѣ съ ними ихъ Государя и ихъ самихъ соромили и многія неприличныя слова говорили: я, Государь, дивлюсь, чтобы такія дѣла были съ твоего дозволенія; по этому, Государь прикажите, чтобы тому дѣлу (переговорамъ) былъ конецъ учиненъ, по тому что послы Короля и Великаго Князя Александра ни какого дѣла не сдѣлаютъ безъ Ливонскихъ». На это былъ данъ отвѣтъ, что «Государь взялъ перемирье съ Королемъ, но такъ какъ послы говорятъ, чтобы взять перемирье на шесть лѣтъ и съ Ливонскими Нѣмцами, то у Нѣмецкихъ пословъ рѣчи выслушаны и для свойства съ Александромъ Королемъ, сказано Нѣмцамъ, что Намѣстникамъ Великаго Новгорода и Пскова приказано взять съ ними перемирье по старинѣ. Вы послушайте, что на это говорятъ Нѣмцы: что они пріѣхали не бить челомъ о перемирьѣ, а сказываютъ, что просилъ Магистра Александръ Король о томъ, чтобы онъ съ нами пере-

мирье взялъ, и теперь они хотятъ взять перемирье съ нами, а не съ нашими Намѣстниками и отчинами. Такъ вотъ вамъ грамоты, какъ прежде присылали Магистръ и вся Ливонская земля бить челомъ о перемирьѣ къ нашимъ Намѣстникамъ и отчинамъ, и вы сами посмотрите, гораздо ли они такъ говорятъ?» Посламъ были принесены грамоты, и они ихъ вычли; Нѣмецкіе послы присутствовали при этомъ. Послы сказали, что Нѣмцы вчера говорили не гораздо, и грамотамъ пригоже быть такимъ, какія были прежде, и заключать перемирье Нѣмцамъ слѣдуетъ въ Новгородѣ. Послы только и сказали, чтобы велѣли написать образцовый списокъ перемирнымъ грамотамъ съ Нѣмцами. Когда это было исполнено, то послы сказали, что теперь Нѣмецкое дѣло уже въ конецъ положено, и слѣдуетъ самое большое дѣло тоже въ конецъ учинить. На это тоже было дано согласіе.

На сколько выгодно было перемиріе для Литовцевъ, то лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ они сами, и это ихъ сужденіе увидимъ на самомъ дѣлѣ, когда Александръ будетъ утверждать договоръ; теперь же должно сказать о томъ, что обстоятельства соединили Нѣмцевъ съ Литовцами противъ Москвы, которая никогда не хотѣла принять Ливонцевъ подъ свое соблюденье. Москвичи теперь дозволили Ливонскимъ посламъ пріѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Литовско-Польскими послами, но только бить челомъ о мирѣ, а до переговоровъ вмѣстѣ съ Литовцами не допустили, и, отдѣляя Нѣмцевъ отъ Литовцевъ, Москвичи, на основаніи старины, заставили представителей всѣхъ Ягайловцевъ подтвердить свои требованія относительно Ливонцевъ. Поляки и Литовцы теперь выдали Нѣмцевъ; скоро увидимъ, что и Нѣмцы будутъ точно также выдавать ихъ Москвѣ. Только тяжелыя обстоятельства, и то въ послѣдствіи, соединятъ всѣ этѣ Дворянскія страны въ одинъ союзъ для борьбы съ той же мужицкой Москвой.

Нѣмецкое дѣло было для Ягайловскихъ пословъ небольшое дѣло: большимъ дѣломъ они считали утвержденіе своихъ перемирныхъ грамотъ. Послы (по приглашенію Бояръ) привѣсили къ грамотамъ печати, а Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ, Великіе Князья, цѣловали на грамотахъ крестъ. Послѣ рѣчей о Греческомъ Законѣ, которыя выше изложены, посламъ подали медъ въ золотыхъ сосудахъ, и потомъ Великіе Князья отпустили

ихъ, приказавъ къ ихъ Государямъ поклоны; Угорскому послу, кромѣ того, приказано было отъ Ивана Васильевича сказать его Государю, чтобы «Владиславъ, братъ и сватъ, по своему родству и дружбѣ, дѣлалъ бы такъ, чтобы послы между нами ходили и здоровье наше видѣли.»

Послы поѣхали съ Москвы 6-го Апрѣля, а 6 Мая [92] отправились изъ Москвы послы отъ Ивана Васильевича, Бояринъ Петръ Плещеевъ съ товарищами, для присутствія при Александровомъ крестномъ цѣлованіи на договорной грамотѣ. Въ рѣчахъ къ Еленѣ Ивановнѣ послы должны были говорить, что «Божья воля сталась: матери вашей, а нашей Государыни, Великія Княгини Софьи, въ животѣ не стало, и она, отходя отъ сего свѣта, приказала тебѣ благословеніе и прощеніе; а только ты поколеблешься въ Греческомъ Законѣ и похочешь приступить къ Римскому, то мати твоя приказала тебѣ, что она тебя про то не благословляетъ.»

Послы ѣхали въ Литву медленно: отъ Москвы до Дорогобужа ихъ путешествіе продолжалось слишко три недѣли. Это разсердило Ивана Васильевича, и онъ послалъ къ нимъ грамоты, чтобы они ѣхали быстрѣе. Когда они въѣхали въ Литву, то не присылали о себѣ ни какого извѣстія, и вотъ 20 Іюля прислалъ въ Москву Князь Семенъ Бѣльскій грамоту, въ которой говорилось, что будто Александръ задержалъ Московскихъ пословъ и отослалъ ихъ въ Троки. Въ слѣдствіе этой вѣсти Иванъ Васильевичъ отправилъ (24 Іюля) грамоту къ своимъ посламъ: упрекалъ ихъ, что они дурно дѣлаютъ, что ни чего не отпишутъ въ Москву о дѣлахъ, и при этомъ приказывалъ, чтобы посланнаго съ этой грамотой они отпустили такъ, чтобы онъ воротился въ Москву къ Успеньеву дню (15 Августа), и только онъ не пріѣдетъ къ этому сроку, «ино послы Угорской, Польскіе и Литовскіе говорили отъ своихъ Государей неправду и намъ лгали, а Князь Великій Александръ намъ ратенъ.» Посланный къ назначенному сроку не явился, а 26 Августа пріѣхалъ человѣкъ отъ Александра о томъ, что украйники Московскіе не могли отстать отъ своего давняго обычая и начали обижать Литовскихъ подданныхъ,

---

[92] Въ Ак. З. Р. т. 1, № 192, на стр. 296, по ошибкѣ напечатано 7-го Марта.

по этому пословъ позадержали, чтобы дать подробное извѣстіе о тѣхъ обидахъ. На это былъ отвѣтъ, что обидныхъ дѣлъ со стороны Московскихъ поданныхъ не знаютъ, а знаютъ только обиды со стороны Литовцевъ, да и Литовскій гонецъ не привезъ списка этѣхъ обидъ, но того не слыхано, чтобы, ради обидныхъ пограничныхъ дѣлъ, задерживались послы.» Своимъ же посламъ Иванъ Васильевичъ приказалъ, чтобы они непремѣнно дали знать о себѣ къ Воздвиженьеву дню (14 Сентября); если же не будетъ къ этому сроку извѣстія, то значитъ, Александръ, какъ прежде съ послами, такъ и теперь, приказывалъ неправду и не хочетъ ни котораго добраго дѣла.

Александру, какъ видно, тяжело было подтвердить невыгодный для Литвы договоръ; онъ задерживалъ Московскихъ пословъ, и даже, отправляя послѣднюю грамоту къ Ивану Васильевичу, онъ не далъ еще крестнаго цѣлованія на перемирныхъ грамотахъ, а между тѣмъ Московскіе послы жили въ удаленіи отъ двора, въ селѣ. Только 27 Августа Александръ привѣсилъ къ перемирной грамотѣ свои печати и поцѣловалъ крестъ. Отпуская Бояръ, Александръ говорилъ имъ: «Молвите отъ меня брату моему и тестю, что которыя наши земли онъ поималъ за себя, и онъ бы намъ тѣ земли отдалъ, а которыхъ людей поималъ, и онъ ихъ отпустилъ, чтобъ изъ за того между нами братство и любовь не рушились.»

III.

Еще въ то время, какъ Александръ отправлялъ пословъ въ Москву для заключенія договора, то, по дошедшему до насъ Наказу посламъ, Литовцы, въ случаѣ смерти завоевателя, хотѣли увеличить свои требованія. Послѣ заключенія перемирія старый Московскій Государь жилъ не долго: ему уже было 65-ть лѣтъ. Договаривающіяся стороны условились, чтобы въ теченіи перемирія ѣздили послы между Государями для того, чтобы привести ихъ къ миру. Но первая посылка въ Литву изъ Москвы была не объ этомъ. Въ Ноябрѣ 1503 года поѣхалъ въ Литву Никита Семеновъ Губа-Моклоковъ; посольство къ Александру было о проѣзжей грамотѣ чрезъ его владѣнія для Датскаго

посла и по другимъ дѣламъ. Одновременно съ его отъѣздомъ изъ Москвы пріѣхалъ туда изъ Литвы гонецъ о дѣлахъ пограничныхъ. Получивъ на дорогѣ извѣстіе объ этой присылкѣ, Моклоковъ поѣхалъ къ Александру. Онъ относительно проѣзжей грамоты получилъ отвѣтъ, что Король и Великій Князь Александръ, «помня свое слово и перемирную грамоту, какъ и прежде никогда не выступалъ ни въ чемъ предъ своимъ братомъ», посла Датскаго пропуститъ чрезъ свои владѣнія и грамоты дастъ. Моклоковъ привезъ этѣ грамоты, но въ проѣзжей грамотѣ чрезъ Польскія владѣнія, которая была писана по Латыни, титулъ: «Государь Всея Руси» былъ пропущенъ. Выше мы видѣли, что въ проектѣ Наказа посламъ Правительство Александра хотѣло, чтобы этотъ титулъ, по крайней мѣрѣ, не былъ употребляемъ въ отношеніяхъ къ Польшѣ. Это дѣло не было поднято во время переговоровъ, и его пришлось оставить до другаго времени, но и теперь оно не рѣшилось въ пользу Александра. Моклоковъ воротился въ Москву 7 Февраля, а 26 пріѣхали Александровы послы для переговоровъ о мирѣ (впрочемъ, это было не главною цѣлію посольства). Въ рѣчахъ пословъ говорилось: «Для братства и дружбы, ты бы намъ нашу отчину вернулъ, по тому что самъ можешь разумѣть, что каждому своя отчина мила и каждому своего жаль; мы надѣемся, что ты, братъ нашъ и тесть, въ чувство придешь, лакомство на наши земли оставишь, лихихъ людей не будешь слушать и вмѣсто насъ непріязнь обратишь на враговъ имени Христа.» Отвѣтомъ на это было обращеніе Польскихъ остротъ на ихъ авторовъ: «Братъ нашъ намъ правду говоритъ, что каждому своя отчина мила и каждому своего жаль; а брату нашему и зятю вѣдомо, что Русская земля, Кіевъ, Смоленскъ и иные города, изъ старины наша отчина, и намъ нынѣ своей отчины жаль». По вопросъ о титулѣ повелъ къ дальнѣйшимъ спорамъ, Бояре говорили: «Король Александръ, какъ прежде не правилъ по договорнымъ грамотамъ, такъ и теперь не правитъ: въ проѣзжей Русской грамотѣ чрезъ Литву имя Государя написано по перемирной грамотѣ, а въ проѣзжей Латинской грамотѣ чрезъ Польшу Государево имя писано не какъ слѣдуетъ». Послы на это начали говорить, что ихъ Государь въ докончальной грамотѣ написалъ титулъ «Государь всея Руси», свойства ради, по тому, что вашему Государю этотъ титулъ нравится. «Чѣмъ это вашъ Государь даритъ нашего свой-

ства ради»? отвѣчали Бояре и начали показывать докончальныя и посыльныя грамоты другихъ Государей, какъ доказательство настоящаго титула Ивана Васильевича. Александрово Правительство поспѣшило поправить дѣло о титулѣ слѣдующимъ образомъ. Въ концѣ 1504 года пріѣхалъ въ Москву отъ Александра гонецъ: онъ привезъ грамоты для пословъ съ требуемымъ титуломъ и объяснялъ отъ имени Александра это дѣло такъ: «Писарь Великаго Княжества Литовскаго знаетъ наши титулы, а Писарь Короны Польской, который мало знакомъ съ докончальными и перемирными нашими грамотами, не удивительно, что ошибся и такъ твое имя написалъ».

Признаніе и Поляками титула «Государя всея Руси» за Московскими Государями было послѣднимъ важнымъ дѣломъ Ивана Васильевича, въ его отношеніяхъ къ Правительству Александра. Сношенія Москвы съ Литвою шли до самой смерти Ивана Васильевича: они были о дѣлахъ пограничныхъ и также объ отъѣзчикахъ. [93]

Въ концѣ 1505 года, посланный отъ Александра къ тестю о пограничныхъ дѣлахъ пріѣхалъ въ Москву и правилъ посольство Василію Ивановичу, по тому что его отецъ, 27 Октября, 1505 года, скончался. [94] Вѣсть о смерти завоевателя была получена въ Литвѣ, и Александръ обратился съ этѣмъ извѣстіемъ въ Ливонію. Прежде, когда было заключено перемирье, то Александръ утѣшалъ Магистра тѣмъ, что Татары могутъ напасть на Московскія владѣнія, и этѣмъ обстоятельствомъ можно воспользоваться. [95] Теперь же Александръ говорилъ Магистру чрезъ посла, что въ такой часъ потребный, когда Московскій Государь умеръ, слѣдуетъ, взявши Бога на помощь, поправить свои дѣла по старому, и что для этой цѣли онъ собираетъ сеймъ въ Вильнѣ. [96] Александръ

---

[93] Ак. З. Р. т. 1, № 192: этотъ Статейный Списокъ былъ захваченъ Поляками въ смутное время; они его переплели вмѣстѣ съ расходною Московскою книгою и озаглавили «Acta Mag. Duc. Lithu.»

[94] Д. II. № 2, стр. 78—79.

[95] Лит. Метр., 5-ая книга записей, лист. 244—246. Посольство безъ года.

[96] Ак. З. Р. т. 1, № 220.

отправилъ также и посольство въ Москву, по тому что по договорной грамотѣ послы, для приведенія Государей къ миру, должны ѣздить между ними. Послы пріѣхали въ Москву 15 Февраля, 1506 года [97] и говорили о прочномъ мирѣ, какъ было прежде сего, а которые города и волости забраны, и тѣмъ бы Великій Князь поступился, людей же ихъ изъ плѣна выпустилъ, а обиды оправилъ. Молодой Государь отвѣчалъ, что доброй смолвы желаетъ, какъ будетъ пригоже, чужихъ же городовъ и волостей не держитъ, а держитъ только свои. [98] Должно быть, подъ вліяніемъ этого неробкаго отвѣта, въ Маѣ 1506 года, Александръ говорилъ Магистровымъ посламъ, что хотя ихъ непріятель никогда своихъ обѣщаній не держалъ, но имъ слѣдуетъ держать перемиріе до конца и безъ великой помощи противъ такого важнаго непріятеля дѣла не начинать; особенно нужно смотрѣть и дожидаться какъ молодые Княжата будутъ управлять въ своемъ Панствѣ, и если между ними будутъ какія ни будь ссоры, то тогда можно все поправить по старому; да также Князья пограничные, которые всегда отъ предковъ Короля ласку имѣли, могутъ, вмѣстѣ съ младшими братьями Великаго Князя, обратиться къ Королю, и тогда, съ помощію Бога и Магистра, можно все потерянное вернуть. [99]

У Александра, кромѣ Магистра, явился болѣе дѣятельный союзникъ: это Магметъ-Аминь Казанскій. Онъ отправилъ въ Литву посольство, въ которомъ извѣщалъ, что захватилъ Москвичей у себя, а посланное войско Великаго Князя, подъ начальствомъ, Князя Дмитрія, разбилъ и тотъ бѣжалъ; въ заключеніе Магметъ-Аминь приглашаетъ Александра къ союзу. Но этѣ послы явились въ Литву уже послѣ смерти Александра и обратились съ рѣчами къ Сигизмунду. [100] Впрочемъ, Александру невозможно было воспользоваться предложеніями Казанскаго Царя, такъ какъ ему въ концѣ жизни должно было заняться дѣлами со стороны степей, потому что Крымцы дѣлали на владѣнія его набѣги, а въ то же время

---

[97] Лѣтопись подъ 1506 годомъ.

[98] Д. П. № 2, Стр. 79—81.

[99] Ак. З. Р. т. 1, № 225. Издатели исправили слогъ и произвольно разставили пункты.

[100] Лит Метр., 5-ая книга записей, л. 13—17; Сбор. Князя Оболенскаго стр. 37—39.

изъ Москвы говорили въ прежнемъ тонѣ. Василій Ивановичъ, извѣщая Александра о своемъ вступленіи на престолъ, говорилъ чрезъ пословъ, чтобы Король правилъ по докончанью: своей жены, а Великаго Князя сестры, къ Римскому Закону не нудилъ. На этѣ старыя рѣчи отвѣчали, что никого къ Римскому Закону не нудятъ. [101]

Какъ только пришла вѣсть въ Москву о смерти Александра, то Великій Князь послалъ навѣстить сестру и приказалъ ей говорить: «чтобы она похотѣла и говорила бы Бискупу и Панамъ, всей Радѣ и земскимъ людямъ, чтобъ похотѣли его Государства служить;» если же начнутъ опасаться за Вѣру, то Государь имъ въ томъ ни въ чемъ не порушитъ, какъ было при Королѣ, а жаловать хочетъ и свыше того. Да приказалъ Великій Князь Королевѣ челобитье. Ко Князю Войтѣху, Бискупу Виленскому, Пану Радивилу и всей Радѣ приказалъ Великій Князь о томъ же, чтобы они похотѣли его на Государство». Какъ прежде брачная система, такъ теперь избирательная, не приложимыя къ Государствамъ, подобнымъ Московскому, съ перваго раза осталась безъ послѣдствій, и Елена Ивановна дала отвѣтъ, что Король Александръ поступился Государствомъ своимъ брату своему, Королевичу Жигимонду. Сигизмундъ же, еще Королевичъ, прислалъ къ Василію Ивановичу сказать, что хочетъ слать къ нему пословъ о многихъ дѣлахъ, а Короля Александра въ животѣ не стало. [102] Этѣ Послы явились въ Москву въ концѣ Марта, 1507 года, [103] и говорили Василію Ивановичу отъ его свата и брата, что онъ сѣлъ на своихъ отчиныхъ столахъ, Литовскомъ и Польскомъ, и что теперь слѣдуетъ возстановить вѣчный миръ, а захваченныя земли, отцомъ Василія Ивановича, возвратить. Жалобы на прежнія обиды кончались словами: «Мы имѣемъ упованіе отъ Бога, что судъ и правда Божія не отступятъ отъ того, кто въ правдѣ стоитъ и страхъ Божій въ сердцѣ держитъ». На вызовъ послѣдовалъ вызовъ: Василій Ивановичъ отвѣчалъ, что онъ держитъ свою отчину, чѣмъ пожаловалъ его и благословилъ отецъ и далъ Богъ отъ прароди-

---

[101] Д. П. № 2, стр. 81.

[102] Тамъ же, стр. 82—84.

[103] Лѣтопись подъ этѣмъ годомъ.

телей, да и вся Русская земля наша отчина. Такъ какъ послы жаловались на захваты земель во время перемирія, то на это было сказано, что перемирье было только съ Королемъ Александромъ, и тогда все исправляли, а съ Жигимондомъ Королемъ перемирья не было, впрочемъ, Великій Князь миру съ нимъ хочетъ, какъ пригоже.» Отпуская пословъ Василій Ивановичъ приказалъ имъ передать Королю, чтобы онъ Елену Ивановну держалъ въ чести и къ Римскому Закону не нудилъ. [104]

Сношенія между Государствами прекратились.

IV.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что причины успѣховъ Московскаго Государства въ отношеніяхъ къ Литвѣ враги полагали, во первыхъ, въ счастливыхъ обстоятельствахъ, а во вторыхъ, въ личныхъ талантахъ Ивана Васильевича. Александръ, какъ видно, призналъ этѣ таланты и за сыномъ Ивана Васильевича и ждалъ для себя выгодъ отъ перемѣны обстоятельствъ. Сигизмундъ надѣялся на то же, и обстоятельства, по видимому, благопріятствовали ему. Въ Сѣверной Россіи все было спокойно: молодыя Княжата жили мирно, служебные Князья тоже не поднимали ни какой смуты. Но со стороны Степняковъ было совсѣмъ другое. Въ половинѣ лѣта 1503 года Ших-Ахматъ кочевалъ съ Мурзами за Медвѣдицами; людей у него было мало. Шихъ-Ахматъ просилъ, чтобы Иванъ Васильевичъ досталъ ему Астрахани, а онъ ему прямымъ другомъ учинился и отъ недруговъ Московскихъ отсталъ, а что онъ отправилъ посла въ Литву, то это за тѣмъ, чтобы оттуда отпустили его пословъ, которые съ прошлаго лѣта тамъ остались. [105] Но въ Литвѣ въ это время разсуждали отпустить, или задержать, Шихъ-Ахматовыхъ и Нагайскихъ пословъ; если задержать, то содержаніе ихъ только лишній расходъ, по тому что они много съѣдятъ, да и

---

[104] Ак. З. Р. т. 2, № 16. Въ Литовской Метрикѣ это посольство записано безъ обозначенія года и мѣсяца.

[105] Ак. З. Р. т. 1, № 192, стр., 310—311.

одежду, что имъ дана, издерутъ.[106] Между Степняками была рознь, и Менгли-Гирей требовалъ отъ Мурзъ, чтобы они перевезлись за Волгу, а Шихъ-Ахмата отъ себя отослали. Шихъ-Ахмату было дурно такъ жить; Иванъ Васильевичъ обѣщалъ, что когда у него будетъ конь потенъ, то онъ шелъ бы въ Москву, гдѣ его пожалуютъ и мѣсто дадутъ въ своихъ земляхъ. Но Шихъ-Ахматъ пошелъ къ Кіеву, потомъ въ Бѣлгородчину, отсюда, гоняемый Бѣлгородчанами, онъ прибѣжалъ въ Кіевъ. Дмитрій Путятичь схватилъ Царя и отослалъ его къ своему Государю. Здѣсь рѣшили, что прежняго своего союзника слѣдуетъ задержать.

Со времени побѣды надъ Шихъ-Ахматомъ Крымская Орда могла покуда не бояться враговъ. Въ Крымѣ жилъ Московскій посолъ Заболотской; онъ не получалъ изъ Москвы ни какихъ вѣстей и въ то же время не имѣлъ денегъ. Заключивши перемиріе съ Александромъ, Иванъ Васильевичъ, но обычаю, не извѣщалъ объ этомъ Менгли-Гирея. Въ Іюлѣ 1503 года пришли изъ Крыма Татары съ грамотами, въ которыхъ Менгли-Гирей изъявлялъ сожалѣніе, что, отправленный въ концѣ прошлаго года къ нему, посолъ изъ Москвы былъ ограбленъ на Полѣ и предлагалъ присылать къ Путивлю своихъ Татаръ для сопровожденія пословъ. Но Иванъ Васильевичъ назначилъ посла въ Крымъ только тогда, когда въ Литвѣ были задержаны Московскіе послы. Августѣ (22), въ грамотѣ съ Татарами, Иванъ Васильевичъ писалъ къ Менгли-Гирею: «съ чѣмъ присылали ко мнѣ недруги, Угорской и Литовской, объ томъ я посылалъ къ тебѣ Боярина, и онъ не дошелъ до тебя; самъ знаешь, что съ нимъ случилось на Полѣ. Я къ Литовскому послалъ, что если хочетъ онъ со мною мира, то взялъ бы миръ съ братомъ моимъ, Менгли-Гиреемъ, и Литовской до сихъ мѣстъ моихъ пословъ не отпустилъ, а по этому я съ нимъ хочу начать свое дѣло дѣлать, и посылаю на него своихъ дѣтей, да и ты бы послалъ также. Я нынѣ послалъ къ тебѣ своего Боярина Ощерина, и наказалъ ему о всѣхъ дѣлахъ; ему велѣно лежать въ Путивлѣ и ждать отъ тебя вѣсти, кого ты по него пришлешь. А что ты тратилъ на моихъ пословъ, за то я тебѣ челомъ бью и велю уплатить». Татаръ, поѣхавшихъ съ этѣми грамотами, разогнали на Полѣ, и одинъ изъ

---

[106] Ак.З. Р. т. 1, № 206.

никъ воротился въ Москву только 11-го Октября; Ощеринъ находился въ Путивлѣ; изъ Крыма получили вѣсти въ Москвѣ только въ Августѣ 1504 года. А между тѣмъ въ началѣ осени 1503 года Шемячичъ и Можайскій прислали въ Москву извѣстіе, что пришли къ ихъ землямъ Крымскіе Татары и просили жителей указать имъ путь за Днѣпръ въ Литовскія земли; при этомъ они обѣщали отдать взятое въ плѣнъ въ Черниговскихъ земляхъ, которыя они грабили по ошибкѣ, думая, что это Литовскія земли. Жители этому повѣрили, не стали беречься, и Татары произвели грабежъ. Не много спустя послѣ этого Менгли-Гиреевъ сынъ, Бурнашъ, пришелъ на Московскія украйны и тоже началъ грабить. Но изъ этѣхъ грабителей много было побито и взято въ плѣнъ.

Когда Шихъ-Ахматъ попался въ руки Александра, то послѣдній писалъ къ Менгли-Гирею, что онъ изловилъ общаго недруга, и съ нимъ нечего дѣлать иного, какъ представить предъ Царя, или его самаго, или его и его братьевъ, головы. Александръ при этомъ по прежнему предлагалъ Менгли-Гирею прислать за посломъ, Дмитріемъ Путятичемъ. Уланы и Князья приступали къ Царю, чтобы онъ это сдѣлалъ. Но Менгли-Гирею слова Александровы показались угрозою, и онъ прислалъ (въ Августѣ, 1504 года) Татаръ въ Москву съ грамотами. Въ нихъ, объявляя о своихъ дѣлахъ, Царь писалъ, что прежде посылать въ Москву было нельзя, по тому что Поле было не чисто отъ Азовскихъ Казаковъ. Менгли-Гирей также просилъ о выпускѣ попавшихся въ плѣнъ Крымцевъ. Отпуская Татаръ въ Крымъ, Иванъ Васильевичъ писалъ къ Царю: «Александръ хочетъ съ тобою ссылаться и поставить предъ тобою твоихъ недруговъ. Шихъ-Ахмата Литовцы схватили и объявили, что это ему за то, что онъ приходилъ на ихъ украйны; но ты самъ вѣдаешь, что Шихъ Ахматъ приходилъ ради ихъ же и они его звали. Ты самъ теперь посмотри Литовской правды и съ Королемъ не мирись, по тому что ему Шихъ-Ахмата не отпустить, не убить и не стать съ нимъ противъ тебя и меня; да если и поставитъ Шихъ-Ахмата противъ насъ, то вѣдома намъ Литовская сила и намъ можно противъ Короля стоять». Когда Иванъ Васильевичъ такъ писалъ, онъ въ то же время послу, ѣздившему отъ него въ Литву, наказывалъ говорить, если можно, самому Царю Шихъ-Ахмату, или человѣку, который ему вѣренъ: «Нынѣ мнѣ ска-

зывали, что ты пріѣхалъ въ Литву, и если хочешь къ намъ прямаго братства и дружбы, то домыслился бы самъ, какъ тебѣ выѣхать изъ Литовской земли; да поѣхалъ бы ты къ намъ, и какъ пріѣдешь, то я твою истому подниму и людей твоихъ пожалую, а тебѣ мѣсто въ своихъ земляхъ городы дамъ». Но Шихъ-Ахмата Ивану Васильевичу не удалось добыть въ свои руки и приходилось своими средствами управляться съ Крымскою Ордою. Когда наконецъ Ощеринъ отправился въ Крымъ, то главная его забота должна была состоять, по обычаю, въ томъ, чтобы Менгли-Гирей не помирился съ Александромъ, и объявлять Царю, что Великій Князь взялъ съ Литовскимъ перемирье, по тому что послѣдній обѣщался взять перемирье и съ нимъ. Что же касается обѣщанной Литовцами дани по старинѣ, то говорить, что она не такъ велика, чтобы могла удовлетворить всѣхъ Крымцевъ, по тому что когда Крымскіе люди воюютъ Литовскую и Лядскую землю, то они тѣмъ богатѣютъ, а встрѣчи имъ въ Литовской и Лядской землѣ нѣтъ, такъ по этому и не для чего мириться съ Королемъ. [107]

Подъ вліяніемъ того, что Крымцамъ не было встрѣчи во владѣніяхъ Александра, они начали дѣлать на нихъ постоянные набѣги. Наконецъ и здѣсь была выставлена встрѣча со стороны Князя Михайла Львовича Глинскаго. Давши отпоръ Крымцамъ, Александръ завелъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ и вскорѣ послѣ этого умеръ. Менгли-Гирей захотѣлъ мириться съ Литовцами; онъ прислалъ къ Александру посольство, но это посольство уже принималъ Сигизмундъ. Менгли-Гирей требовалъ, чтобы Шихъ-Ахмата, его братьевъ, слугъ и Нагайскихъ пословъ въ Литвѣ крѣпко держали и разсажали по разнымъ городамъ. Кромѣ того, Менгли-Гирей просилъ отъ Литвы дани и разсказывалъ, сколько прежде доили ее въ Крымъ. Этому посольству въ Литвѣ обрадовались, тѣмъ болѣе, что Менгли-Гирей обѣщалъ, что теперь, вмѣсто Литвы, онъ будетъ воевать Московскія земли, за то, что Великій Князь Василій безъ его спроса послалъ войско на Казанскаго Царя. Сигизмундъ отвѣчалъ на это посольство, что Александръ забылъ страшныя нападенія Менгли-Гирея и его дѣтей и хотѣлъ съ нимъ жить, какъ было при предкахъ, а онъ, Сигизмундъ, хочетъ того же;

---

107 Д. Крым. № 2, стр. 1024—1170; Ак. З. Р. т. 1, № 192, стр. 334.

по этому, обѣщая дань, приглашаетъ къ союзу на общаго врага Московского. [108] Этѣ сношенія Сигизмунда съ Менгли-Гиреемъ повели къ тому, что послѣдній далъ шерть, и въ то же время пожаловалъ Сигизмунда Русскими землями, не только находящимися во владѣніяхъ Сигизмунда, но Псковомъ и Новгородомъ. [109] Это послѣднее пожалованье случилось позднѣе Августа, 1507 года.

Менгли-Гирей объявлялъ, что заключаетъ союзъ съ Литовскимъ Государемъ на Московскаго по тому, что послѣдній обижаетъ Царя Казанскаго. Въ то время, когда Крымцы дѣлали набѣги на Литовскія владѣнія, Магметъ-Аминь Казанскій сдѣлалъ слѣдующее. Онъ, Московскій посаженникъ на мѣсто своего брата, Абдыллетифа, еще при жизни Ивана Васильевича, весною 1505 года, прислалъ къ Великому Князю о нѣкоторыхъ дѣлахъ, и Великій Князь, по своему крѣпкому слову, послалъ къ нему о тѣхъ дѣлахъ въ Казань своего посла, чтобы онъ тѣмъ рѣчамъ всѣмъ не потакалъ. Но въ Іюнѣ мѣсяцѣ Царь Магметъ-Аминь схватилъ Московскаго посла, Михайла Кляпика, торговыхъ Русскихъ людей нѣкоторыхъ схватилъ, другихъ перебилъ, а иныхъ сослалъ въ Нагаи. Въ Сентябрѣ онъ приходилъ ратью къ Нижнему Новгороду, но ни чего не сдѣлалъ и Москвичи много его людей побили. Василій Ивановичъ, послѣ смерти своего отца, рѣшился наказать Казанцевъ за измѣну, и въ Апрѣлѣ, 1506 года, Московскія войска пошли подъ Казань. Магметъ-Аминь описываетъ событія этой войны слѣдующимъ преувеличеннымъ образомъ: «Великій Князь Иванъ прислалъ къ намъ свое войско, и мы то войско побили и десять тысячъ въ нашихъ рукахъ померло. Великій Князь Василій послалъ на насъ своего брата, Димитрія, водою съ пятьюдесятью тысячами людей, да другаго брата сухимъ путемъ съ шестьюдесятью тысячами людей. Намъ Богъ помогъ: которое къ намъ войско пришло водою и тѣхъ мы побили, а послѣ того шестьдесятъ тысячъ конной рати пришло на насъ, и мы, побивши челновую рать, вышли противъ конной, бились и побили; главныхъ Князей-Бояръ

---

[108] Сб. Кн. Оболенскаго, стр. 20—37; Лит. Метр., 7-я книга записей, л. 10—17.

[109] Ак. З. Р. т. 2, № 6. Этотъ ярлыкъ есть отрывокъ изъ многихъ посольствъ; въ Литовской Метрикѣ онъ записанъ безъ года, но послѣ посольствъ отъ 8 Августа, 1507 года.

поимали, а тотъ братъ Великаго Князя, что на конѣ пріѣхалъ, не могъ на томъ конѣ утечь, а утекъ въ челну». Но такъ какъ пасынокъ Менгли-Гирея дѣлалъ этѣ дѣла одновременно съ набѣгами Крымцевъ на Литву, то одновременно же съ своимъ вотчимымъ отправилъ свое посольство къ Александру. Въ немъ говорилось что прежде «пересылокъ съ Литвою не было, по тому что онъ, Царь, съ Московскимъ былъ въ пріязни и присягу имѣлъ; но Великій Князь Иванъ свою присягу забылъ и началъ черезъ мѣру нѣкоторыя дѣла чинить, и мы, его къ давней мѣрѣ приводя, войско его и сына побили; а теперь слыша, что братъ нашъ, Царь Менгли-Гирей, часто обсылается съ тобою и въ пріязнь входитъ, и мы по этому хотимъ съ тобою пріязни, какъ за предковъ бывало». Магметъ-Аминь приглашалъ Александра къ союзу и предлагалъ, чтобы весною 1507 года одновременно напасть на Московскаго Государя. Но это посольство, какъ и первое посольство Менгли-Гирея, не застало Александра въ живыхъ. Сигизмундъ принялъ предложеніе союза и уговаривалъ Магметъ-Аминя мстить Московскому. [110]

Въ слѣдствіе такихъ своихъ отношеній къ Татарамъ, Сигизмундъ, какъ только завязались этѣ сношенія, отправилъ посольство къ Магистру Ливонскому. Въ посольствѣ говорилось: «По милости Божіей, Царь Перекопской прислалъ къ намъ говорить, что хочетъ съ нами быть на каждаго непріятеля, и особенно на Великаго Князя Московскаго, и думаетъ съ весны двинуться со многими людьми на Московскія украйны. Съ послами Царя Перекопскаго были у насъ и послы Царя Казанскаго, который четыре раза побѣдилъ войска Московскія, и теперь постоянно побѣждаетъ нашего непріятеля. Царь Казанскій далъ намъ присягу быть съ нами за одинъ на нашего непріятеля. Въ слѣдствіе этого мы приказали всѣмъ нашимъ подданнымъ быть на готовѣ къ войнѣ къ Свѣтлому Празднику. Лучше теперешняго времени воевать съ Московскимъ Великимъ Княземъ не можетъ быть.» [111] Сигизмундъ такъ обращался къ Магистру Ливонскому, по тому, что тотъ былъ прежде въ союзѣ съ покойнымъ Королемъ. Но, съ одной стороны, отношенія Прусскихъ Нѣмцевъ въ Польшѣ заста-

[110] Лит. Метр., 7-я книга записей, л. 10—17; Сб. Кн. Оболенскаго, стр. 37 и 43.
[111] Ак. З. Р. т. 2, № 15.

вляли Ливонцевъ устраняться отъ союза съ Сигизмундомъ, а съ другой стороны они, выданные Ягайловцами при заключеніи последняго перемирія, теперь обратились за ходатайствомъ о своихъ дѣлахъ предъ Московскимъ Государемъ къ Императору Максимиліяну и сыну его, Королю Филиппу. Въ Москвѣ отвѣчали на это ходатайство, что если Магистръ и вся Ливонская земля пришлютъ бить челомъ, то ихъ пожалуютъ. Магистръ и Ливонская земля не приняли участія въ предлагаемой Сигизмундомъ войнѣ съ Московскимъ Государемъ, а ко времени истеченія перемирія прислали къ Великому Князю бить челомъ за свою вину. Великій Князь пожаловалъ ихъ, велѣлъ своимъ Намѣстникамъ Новгородскимъ и Псковскимъ взять съ ними перемиріе какъ пригоже, а плѣнники Нѣмецкіе изъ поиманья были выпущены. [112]

Нѣмцы не помогли Сигизмунду, то же вышло и съ Казанью. Какъ только Магметъ-Аминь учинился Великому Князю ратенъ, а Великаго Князя Ивана въ животѣ не стало, то послалъ Великій Князь, Василій Ивановичъ, въ Нагаи своихъ Татаръ къ Мурзамъ съ грамотами. Къ одному изъ этѣхъ Мурзъ было писано слѣдующее: «Вѣдаешь самъ, сколько отецъ, да и мы, Царю Магметъ-Аминю дѣлали, и какъ его на Казани учинили, и онъ, забывъ Бога, намъ недругомъ учинился. И пришлетъ къ вамъ Магметъ-Аминь о помочи, и вы бы ему се не чинили, а были бы съ нами другу другомъ, а недругу недругомъ.» Въ Августѣ 1506 года посланный въ Нагаи вернулся въ Москву и сказалъ, что былъ у одного Мурзы, который его къ другимъ не пустилъ. Этотъ Мурза писалъ къ Великому Князю: «Съ Казанскимъ Царемъ учнешь мириться, и я усердствовати радъ, и тогда въ правомъ братствѣ будемъ.» Но и безъ посредничества Нагайцевъ дѣло съ Казанцами устроилось: Магметъ-Аминь завелъ сношенія не только съ Литвой, но и съ Москвой. Весною 1507 года онъ отправилъ посла къ Великому Князю съ грамотами бить челомъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, проступу его ему отдалъ, а съ нимъ бы взялъ миръ. Сигизмундовы послы, сдѣлавшіе вызовъ Василію Ивановичу, пріѣхали въ Москву 21-го Марта, а 25-го Марта Василій Ивановичъ

---

112 Н. Диш. Сн. т. 1, стр. 126 — 158.

отпустилъ Магметъ-Аминева посла и своего человѣка и приказалъ говорить Царю, чтобы онъ Михайла Кляпика отпустилъ и тѣхъ, что пойманы, вмѣстѣ съ посломъ. Магметъ-Аминь изъявилъ на это согласіе, только бы Великій Князь взялъ съ нимъ миръ, какъ было при Иванѣ Васильевичѣ. Великій Князь, ради Христіянскихъ душъ, что въ руки Бесерменскія попали, далъ на это согласіе. Все дѣло съ Казанью пошло такъ, что союзъ ея съ Литвою сталъ безвреденъ для Москвы. Союзъ Сигизмунда съ Казанью весьма похожъ на союзъ, почти въ это же время, Московскаго Государя съ Нагайцами противъ Литвы. Въ 1508 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, послалъ Василій Ивановичъ въ Нагаи къ Мурзамъ съ слѣдующими грамотами: «Шихъ-Ахматъ, зять вашъ, понадѣявшись на Литовскую правду, пришелъ въ ихъ земли, Литовскій его поималъ и хочетъ убить; и намъ Литовскій учинился недругомъ, и вы бы съ нами были на всякаго недруга за одинъ, а мы ему свою недружбу чинимъ отсюда.» Посланный съ грамотами извѣщалъ съ дороги, что Нагайцевъ нѣтъ на сей сторонѣ Волги, онъ же перевезся на ту сторону, тамъ его взялъ одинъ Царевичъ и хочетъ доставить къ дядямъ. [113]

Но совсѣмъ другія отношенія были у Василія Ивановича къ Крымской Ордѣ. Онъ, послѣ вступленія своего на престолъ, какъ разсказываетъ лѣтопись, посмотря въ шертныя грамоты Царя Менгли-Гирея, что были съ отцомъ его, Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, о дружбѣ и братствѣ, а писано въ нихъ и на дѣтей, приговорилъ, съ своею братіею и съ Боярами, и послалъ въ Крымъ ближняго своего человѣка, Василія Наумова, возвѣстить Царю отца своего преставленіе, да и о дружбѣ и братствѣ по шертнымъ грамотамъ. Василій Наумовъ подвергся въ Крыму разнообразнымъ обидамъ со стороны многочисленныхъ Царевичей: они требовали у посла поминокъ, и когда тотъ давалъ ихъ только по записямъ (т. е., то, что кому назначено), то Ца-

---

[113] Лѣтопись подъ 1507 годомъ; Д. Наг. № 1, л. 35 — 65. Грамота, слова которой сейчасъ приведены, напечатана въ С. Г. Г. и Д. т. 5, № 48. Тѣ, которые печатали этотъ томъ грамотъ, не извѣстно, по чему, отнесли ее къ 1505 году, хотя въ дѣлахъ Нагайскихъ она находится подъ 7016 годомъ, 13 Апрѣля, и потомъ оттуда напечатана она у Карамзина, въ т. 7, прим. 38, подъ тѣмъ же 1508 годомъ.

ревичи грабили самаго посла и сопровождавшихъ его. Грабленія и оскорбленія были таковы, что долго послѣ этого ихъ выставляли Крымцамъ, какъ образецъ ихъ обхожденія съ послами. Почти въ то время, какъ послѣ набѣговъ на Литву Крымцы прислали къ Александру посольство, пріѣхалъ въ Москву (1 Августа, 1506 года) Василій Наумовъ изъ Крыма съ посломъ Менгли-Гирея и привезли шертныя грамоты, но не таковы, каковы надобны были Великому Князю. Великій Князь велѣлъ написать грамоты, каковы ему надобны, а Царевъ посолъ съ товарищами приложилъ къ грамотамъ руки и шерть дали, что имъ у Царя таковыя грамоты взять. Въ Декабрѣ того же 1506 года отпустилъ Великій Князь Крымскихъ пословъ, да съ ними отпустилъ своего посла, Константина Заболотскаго. Заболотской пробылъ въ Крыму цѣлый годъ; здѣсь онъ подвергся точно такимъ же оскорбленіямъ, какъ и Наумовъ, по тому что точно также не удовлетворялъ жадности Крымцевъ къ поминкамъ. Но въ теченіи этого года совершилось много важныхъ дѣлъ.

Съ начала весны 1507 года Московскія войска должны были готовиться воевать съ Казанью, но Магметъ-Аминь предупредилъ войну мирными предложеніями. За то пришла вѣсть къ Великому Князю, что идутъ многіе люди Татарове по Полю, и что ожидаютъ ихъ прихода на Украйну, на Бѣлевскія, Одоевскія и Козельскія мѣста. Тогда Князь Великій послалъ своихъ Воеводъ и вмѣстѣ съ ними должны были ждать Татаръ Князья служебные: Одоевскій, Воротынскій и Козельскій. Воеводы находились въ Воротынскѣ, какъ пришла къ нимъ вѣсть, что Татаре приходили на Украйну и, захвативъ много полону, пошли прочь. Воеводы бросились за ними въ погоню и догнали ихъ на Окѣ: имъ удалось побить Татаръ, иныхъ живыми изловить, а полонъ весь назадъ возвратить; Татаръ гоняли до рѣки Рыбницы. Это событіе было 9-го Августа.

ГЛАВА V.

Бунтъ Глинскаго.

Приготовленія Сигизмунда къ войнѣ и ссора Глинскаго съ Панами.—Сношенія Глинскаго съ Менгли-Гиреемъ и Московскимъ Правительствомъ.—Загоны Глинскаго въ Литвѣ.—Сношенія Литовскаго Правительства съ Московскимъ Великимъ Княземъ и Менгли-Гиреемъ по поводу бунта Глинскаго.—Военныя дѣйствія; пребываніе Глинскаго въ Москвѣ въ Августѣ 1508 года.—Вѣчный миръ между Московскимъ Правительствомъ и Польско-Литовскимъ.—Характеристика Глинскаго и клеветы Литовцевъ на него.—Кончина Елены Ивановны; Глинскій объявляетъ, что ее отравили Литовскіе Паны.—Глинскій за измѣну попадаетъ въ Московскія темницы и принимаетъ Православіе.—Личныя объясненія Елены Ивановны, отъ кого именно она терпитъ попреки за свой Греческій Законъ.—Характеристика Елены Ивановны.

I.

Со стороны Сигизмунда былъ сдѣланъ вызовъ Василію Ивановичу, но война не была объявлена. Для того, чтобы произвести извѣстнаго рода впечатлѣніе на Московскаго Государя, въ Февралѣ 1507 года, на Виленскомъ Сеймѣ, было поставлено, чтобы всѣ владѣльцы переписали въ своихъ имѣніяхъ людей и подали бы списки для того, чтобы знать, какъ кто можетъ служить съ своихъ имѣній. Кромѣ того, владѣльцы имѣній должны выѣхать на войну къ опредѣленному сроку, на назначенное мѣсто; кто не исполнитъ этѣхъ приказаній въ точности, тотъ подвергается штрафу и даже казни. Срокъ былъ назначенъ Свѣтлый Праздникъ, для того такъ скоро, сказано въ постановленіи Сейма, чтобы непріятель Государскій, услышавши то, что Государь хочетъ съ нимъ валку начать и своего подъ нимъ доставать, не предупредилъ бы и не вторгнулся въ Литовскія земли. Кромѣ того, духовенство и всѣ бывшіе на Сеймѣ постановили собрать на войну особую подать,—Серебщизну. [111] Этѣ постановленія Сейма не произ-

[111] Ак. З. Р. т. 2, № 12.

вели желаемаго впечатлѣнія на Василія Ивановича: какъ мы видѣли, на вызовъ Сигизмунда отвѣтъ былъ стараго характера, а, съ другой стороны, Василій Ивановичъ и не начиналъ войны съ Литвою. Но одно дѣло повело къ тому, что во второй половинѣ 1507 года война началась. Это дѣло заключалось въ томъ, что Паны Рада Великаго Княжества Литовскаго перессорились между собою. Когда вступилъ на Литовскій престолъ Сигизмундъ, то, знакомый намъ по участію въ дѣлахъ сватовства Александра Казимировича къ Еленѣ Ивановнѣ, Панъ Янъ Забережскій съ товарищами началъ говорить, что Князь Михайло Львовичъ Глинскій, заправлявшій Литовскими дѣлами при Александрѣ, хочетъ занять Литовскій Велико-Княжескій престолъ. Жалобы Глинскаго на Пановъ по этому поводу Сигизмундъ оставилъ безъ всякаго рѣшенія. Потомъ Король уѣхалъ въ Польшу, Паны Рада разъѣхались по своимъ имѣніямъ, дѣло Глинскаго, какъ видно, считали не важнымъ, а Москвичи не начинали войны. Но Глинскій не успокоился; онъ съ своими единомышленниками бросился на имѣніе Яна Забережскаго и убилъ Пана. Послѣ этого Глинскій началъ настоящій бунтъ: онъ направился въ свои имѣнія, находившіяся въ теперешней Малороссіи. [115] На дѣло Глинскаго сначала мало обратилъ вниманіе Сигизмундъ, за то въ Москвѣ увидали, что для нихъ оно очень знакомо. И вотъ, еще до Сентября, 1507 года, начали Московскія войска двигаться къ Литовскимъ границамъ, къ сѣверу къ Князьямъ, а потомъ туда же, къ Мстиславлю, 14 Сентября, послалъ Великій Князь Воеводъ своихъ, Князя Василія Даниловича Холмскаго и Якова Захарьевича, Литовской земли воевать. [116] Не знаемъ, подъ вліяніемъ этѣхъ движеній, или чего ни будь другаго, но Сигизмундъ осенью 1507 года приготовилъ посольство въ Москву, и послалъ туда просить опасной грамоты для проѣзда пословъ, своихъ и Менгли-Гиреевыхъ. Послѣднее было сдѣлано по тому, что Сигизмундъ, передъ этѣмъ всту-

---

[115] Ак. З. Р. т. 1, № 33.

[116] Разряды и Лѣтопись подъ 7016 годомъ. Въ Ист. Р. т. 5, въ пр. 313, на основаніи Типографской Лѣтописи говорится, что военныя дѣйствія начались весною 1507 года. Но въ Типографской Лѣтописи событія перепутаны. Составитель Лѣтописи пропустилъ событія 7015 г., а событія 7016 г. одну половину написалъ подъ 7015, а другую подъ 7016 годомъ.

пивши въ союзъ съ Крымскимъ Царемъ, захотѣлъ, при помощи его посредничества, заставить Москвичей уступить безъ войны все захваченное ими. Просимая опасная грамота была дана, но Сигизмундовы и Менгли-Гиреевы послы не пріѣхали теперь въ Москву. [117] Начиная испытывать отъ Глинскаго то, что происходитъ въ Государствѣ въ слѣдствіе бунта, въ Литвѣ хотѣли, чтобы и въ Москвѣ происходило то же. Тамъ, одновременно съ посольствомъ къ Василію Ивановичу, приготовили посольство къ его брату, Юрію Ивановичу. Въ явныхъ рѣчахъ къ послѣднему послы должны были изложить просьбу Сигизмунда къ брату и свату о посредничествѣ въ переговорахъ, а тайно слѣдующее: «Поразумѣли мы о тебѣ отъ многихъ вашихъ и нашихъ людей, что, милостію Божіею, въ своемъ дѣлѣ гораздо управляешься, и что многіе Князья и Бояре, отступивши отъ брата твоего, Великаго Князя Василія Ивановича, къ тебѣ пристали. Мы хотѣли съ твоимъ братомъ, Василіемъ Ивановичемъ, быть въ братствѣ, любви и докончаньѣ, но онъ, обрадовавшись нашимъ граничнымъ городамъ и землямъ, съ нами мириться не захотѣлъ. Мы хотимъ съ тобою быть другу другомъ, а недругу недругомъ, и для того, чтобы за твое дѣло стоять, сами хотимъ сѣсть на конь.» [118] Такъ какъ посольство къ Василію Ивановичу теперь не пріѣхало въ Москву, то и не знаемъ, говорено ли когда ни будь посольство и къ Юрію Ивановичу; оно было только проектъ намѣреній Литовцевъ.

Всѣ надежды Сигизмунда на Ливонію и Казань оказались ничтожными. Но когда начался бунтъ Глинскаго, то и надежды на Менгли-Гирея тоже пали. Глинскій, послѣ убійства Яна Забережскаго, бросился на Ковно и хотѣлъ добыть оттуда Шихъ-Ахмата. Это дѣло ему не удалось, но онъ завелъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ и извѣщалъ его (впрочемъ, объ этомъ говоритъ посольство Сигизмунда), что въ его рукахъ находится Шихъ-Ахматъ. Менгли-Гирей принялъ участіе въ дѣлѣ Глинскаго, предлагалъ

---

117 Д. II. № 2, стр. 87. Посольство, напечатанное въ Ак. З. Р. т. 2, подъ № 18, находится въ Метрикѣ послѣ посольствъ отъ 8 Августа и послѣдующихъ за ними безъ года. Рядомъ съ этѣмъ посольствомъ находится посольство, что напечатано въ Ак. З. Р. т. 2, № 19.

118 Ак. З. Р. т. 2, № 19.

послѣднему поддаться Крыму и обѣщалъ посадить его на Кіевъ. Въ то же время Менгли-Гирей началъ ходатайствовать о Глинскомъ передъ Сигизмундомъ, объявляя, что все дѣло произошло отъ того, что Сигизмундъ не далъ Глинскому Маршальства. Изъ Литвы были отправлены нѣсколько посольствъ въ Крымъ по поводу бунта Глинскаго и съ просьбой не только не помогать и не ходатайствовать объ измѣнникѣ Глинскомъ, но и дать помощь на Москву, начавшую помогать послѣднему. [119]

Прося у Василія Ивановича опасную грамоту на пословъ, Сигизмундъ просилъ также, чтобы, пока его послы пріѣдутъ въ Москву, то въ это бы время военнныя дѣйствія не происходили. Но въ то время, какъ Глинскій сносился съ Менгли-Гиреемъ, въ это же время пришелъ къ Глинскимъ отъ Великаго Князя Василія Ивановича Дьякъ Никита Губа Моклоковъ, съ приглашеніемъ вступить въ Московскую службу съ вотчинами. Глинскіе объявили, что они на это не могутъ положительно рѣшиться, по тому что дожидаются отъ Короля отвѣта о своихъ дѣлахъ. Въ Литвѣ, какъ видно, наконецъ обратили вниманіе на то, что дѣйствія Глинскаго похожи на дѣйствія прежнихъ отъѣзчиковъ, и по этому, когда Глинскій съ товарищами уѣхалъ въ свои имѣнія, тогда Король прислалъ къ нимъ посла, зовя ихъ къ себѣ, чтобы они никуда не отъѣзжали. Теперь Король обѣщалъ Глинскому съ товарищами дать управу на Пановъ, и это обѣщаніе велѣлъ посланному подтвердить крестнымъ цѣлованіемъ. Глинскіе требовали прямой управы надъ Панами и назначили срокъ пріѣзда къ нимъ Королевскаго посла къ Сборному Воскресенію 1508 года, до этого же времени обѣщали не отъѣзжать ни къ которому Королевскому недругу. На назначенный срокъ Королевскій посолъ не пріѣхалъ, и по этому Глинскіе отпустили присланнаго изъ Москвы и, вмѣстѣ съ нимъ, своего повѣреннаго съ грамотами, чтобы Великій Князь ихъ пожаловалъ, принялъ бы ихъ въ службу и за ихъ отчины стоялъ. Рѣшившись на это, Глинскіе пошли къ Мозырю и взяли городъ. Сюда пріѣхалъ опять Губа Моклоковъ съ тѣмъ, что Великій Князь хочетъ жаловать Глинскихъ, принимаетъ

---

[119] Лит. Мет. 7 кн. зап., л. 56 и далѣе: два посольства въ Крымъ отъ 21 Февраля 1508 года и 30 Апрѣля. Ак. З. Р. т. 2, № 33.

ихъ въ службу и будетъ беречь ихъ отъ Короля. Великій Князь приказалъ сказать Глинскимъ, что шлетъ имъ на встрѣчу своихъ Князей служебныхъ и многихъ Воеводъ, а они бы дѣлали свое дѣло не мѣшкая.

На основаніи этого обѣщанія Глинскій оставилъ своихъ братьевъ въ Мозырѣ, самъ же съ остальными товарищами пошелъ къ Глушску, чтобы сойтись съ Воеводами Великаго Князя, которые дѣйствительно двинулись съ весны въ Литовскія владѣнія разными дорогами на встрѣчу Глинскому. Ближе всѣхъ къ нему были Князья Можайскій и Шемячичь съ товарищами; отъ Смоленска долженъ былъ идти Яковъ Захарьевичъ, а съ Лукъ Великихъ Князь Данило Щеня. Глинскій пришелъ къ Глушску къ пятой недѣлѣ Великаго Поста. Здѣсь Глинскій долженъ былъ остановиться. Сюда къ нему пришелъ посланный отъ Великаго Князя, Иванъ Юрьевичъ Поджогинъ; онъ говорилъ отъ Государя, чтобы Князь Михайло Львовичъ съ людьми, которыхъ къ нему пришлютъ на помощь, дѣлалъ дѣла только около своихъ городовъ, доколѣ не придутъ къ нему Воеводы Великаго Князя. Это Глинскому было непріятно, по тому что онъ еще прежде писалъ въ Москву, что удобнѣе теперешняго времени для войны не можетъ быть, по тому что въ Литвѣ нѣтъ ни какого собранія воинскихъ людей. Но Воеводы все таки не шли: они имѣли небольшія стычки съ Литовцами, а къ Глинскому явились на помощь только Шемячичъ, Можайскій и другіе мелкіе служебные Князья. Глинскому приказано было дѣйствовать только около своихъ городовъ; онъ нашелъ, что Слуцкъ находится близко его городовъ, и послалъ туда своего брата, а самъ, вмѣстѣ съ Московскими служебными Князьями, пошелъ къ Бобруйску, оттуда къ Минску. У Бобруйска Князья были около Троицына дня, и когда оттуда двинулись, то пустили загоны по Литовской землѣ для того, чтобы замѣшка въ землѣ стала и собранье войска было расторгнуто и испорчено. Отправившимся въ загоны велѣно было сбираться къ Минску. Эти загоны были, какъ говоритъ Глинскій, въ восьми миляхъ отъ Вильны, нѣкоторые въ четырехъ миляхъ отъ Новогородка, а загоны, пошедшіе отъ Слуцка, были подъ Слонимомъ. Свободно разъѣзжали по Литвѣ загонщики, вездѣ жгли, шкоды чинили и полону набрали множество. Божіею милостію и Госу-

дарскимъ здоровьемъ всѣ люди поздорову собрались къ Минску. Сколько они ни ходили по Литвѣ, но собранья войска не слыхали, а только дошли до нихъ слухи, что Паны Рада были въ Лидѣ, да поѣхали къ Новогородку, а Король изъ Ляховъ выѣхалъ къ Берестью. Загоны ходили по Литвѣ двадцать дней, а когда собрались подъ Минскомъ, то стояли подъ городомъ двѣ недѣли и хотѣли взять городъ, но Княжескія дружины этого сдѣлать не могли. Глинскій, описывая этѣ происшествія, говорилъ, что, когда пришли подъ Минскъ, то захватили нѣкоторыхъ людей, а другіе сами пришли изъ города и сказали, что въ городѣ прибылыхъ людей нѣтъ, но что Князья безъ Государскаго приказа брать городъ не рѣшались. Когда Князья находились подъ Минскомъ, то къ нимъ пріѣхалъ отъ Великаго Князя Юрій Замятинъ, съ приказомъ ити на встрѣчу къ Воеводамъ Великаго Князя и сходиться подъ Оршею. Князья двинулись къ Борисову.

Это послѣднее было около Петрова дня (29 Іюня) 1508 года, и къ этому времени въ Минскъ пришелъ съ войсками самъ Король. Ходить по Литвѣ и грабить ее въ теченіи времени отъ начала Великаго Поста до Петрова дня, при помощи только однихъ служебныхъ Князей, при всѣхъ талантахъ Князя Михайла Львовича, было опасно. Глинскій въ посольствѣ къ Великому Князю описывалъ свои успѣхи, но кончалъ этотъ разсказъ слѣдующими словами: «Я, Государь, къ Воеводѣ вашему, Якову Захарьевичу, и къ инымъ Воеводамъ, послалъ своего пріятеля, что если есть вашъ приказъ, то они бы къ дѣлу поспѣшили. А Вашей Милости, Государю, низко челомъ бью, учините милость, по своему обѣщанію, защитите насъ: сдѣлайте это не только ради моего челомбитья, но и для своего (т. е., Православнаго) добраго и отъ того погибающаго Христіанства (Глинскій, какъ Католикъ, говоритъ: «вашего Христіянства),» которые, вмѣстѣ со мною, надежду на Бога и на Вашу Милость положили; прикажите воеводамъ ити на встрѣчу непріятелю, чтобы, видя то братья мои и пріятели и все Христіянство, которые на меня понадѣялись, въ отчаяніе не впали.» Глинскій, руководитель всего возстанія, ободряя товарищей, самъ приходилъ въ отчаяніе, чтобъ его Москвичи, тѣмъ или другимъ образомъ, не выдали ихъ Литовцамъ. Этѣ опасенія могли возбудиться

тѣмъ, что въ это время въ Москвѣ были Литовскіе послы и вели переговоры. [120]

Король, который стращалъ Московскаго Государя войною еще въ началѣ весны 1507 года, приготовился къ ней только къ серединѣ лѣта 1508 года, и теперь угрожалъ, во первыхъ, Глинскому. Даже выше изложенное посольство Глинскаго къ Василію Ивановичу не попало, какъ видно, въ Москву, и его Литовцы перехватили, и по этому мы знаемъ его по Литовскимъ Государственнымъ бумагамъ, въ которыхъ оно записано. Сигизмундъ долго готовился къ войнѣ, но когда осенью Москвичи хотѣли начать войну, то онъ это остановилъ присылкой въ Москву за опасной грамотой. Но такъ какъ Литовскіе послы все таки не явились, а возстаніе Глинскаго и переговоры съ нимъ обѣщали много выгодъ, то съ ранней весны снова двинулись Московскія войска къ Литовскимъ границамъ; служебные Князья, какъ мы видѣли, явились на помощь Глинскому. Но у Воеводъ не было большихъ военныхъ столкновеній съ Литовцами, должно быть, по тому же, по чему и осенью прошлаго года. Изъ Дорогобужа прислалъ Намѣстникъ въ Москву извѣстіе (ранѣе Іюня мѣсяца), что писалъ къ нему Смоленскій Владыка, Іосифъ, о томъ, что идутъ къ Государю Королевскіе послы по опасной грамотѣ, а съ тѣми послами купцы Литовскіе, и по этому Государь велѣлъ бы дать опасную грамоту на этѣхъ купцовъ. Опасная грамота была дана. Приготовленное съ осени посольство въ Москву наконецъ явилось. Этѣ послы пріѣхали вмѣстѣ съ послами Менгли-Герея и предлагали примиреніе на условіяхъ возвращенія завоеваннаго. Они привезли о томъ же грамоту къ Боярамъ отъ Пановъ Рады. Отвѣтъ на это посольство былъ обыкновенный, что Государь мира хочетъ, а чу-

---

[120] Это посольство изъ Литовской Метрики напечатано въ Ак. З. Р. т. 2, подъ № 20, и отнесено издателями къ Апрѣлю 1507 года. Такъ какъ оно схоже, въ расказѣ событій, почти вполнѣ съ описаніемъ ихъ въ Русской лѣтописи (Рус. Вр. ч. 2., стр. 214—219), въ которой всѣ этѣ событія отнесены къ 1508 году, то и я отношу его къ 1508 году. Съ другой стороны, и по Литовской Метрикѣ, слѣдовало отнести это посольство не къ 1507 году, по тому что хотя оно и безъ года, но записано въ Метрикѣ послѣ посольствъ отъ конца Августа, 1508 года. Послѣднее всякой можетъ прослѣдить по нумераціи страницъ Метрики подъ посольствами, что обозначено въ. Ак. З. Р.

жихъ городовъ и волостей не держитъ и т. д. Но эти послы не были большіе послы, и черезъ три дня послѣ ихъ пріѣзда пріѣхалъ въ Москву отъ Короля Писарь Юшко съ грамотами, чтобы данъ былъ опасъ на большихъ пословъ Опасная грамота была дана. Вмѣстѣ съ этѣмъ посломъ пріѣхалъ человѣкъ Королевы Елены Ивановны. Приказывая Великому Князу челобитье, Елена Ивановна писала, чтобы Государь съ Королемъ Жигимондомъ былъ въ мірѣ и братствѣ. [121] Какъ прежде къ отцу, такъ теперь къ брату, въ письмѣ Елены Ивановны говорилось, что вся размирица происходитъ отъ лихихъ людей, которыми теперь являются Глинскіе, а Князь Михайло Глинскій (какъ прежде Бѣльскій), забывши милости Короля Александра, который его изъ смерда сдѣлалъ Паномъ, посягнулъ на здоровье своего Государя и былъ причиною его смерти. [122] На это письмо былъ данъ отвѣтъ, въ которомъ сначала излагались причины прежней войны съ Александромъ, т. е., гоненіе на Православныхъ, а теперь, когда Сигизмундъ сѣлъ на мѣсто Александра, то онъ, послѣ присылки своихъ пословъ, «началъ Бесерменство наводить, да посылалъ своихъ Воеводъ на нашихъ Князей, но его Воеводы были отбиты. А что касается Князя Михайла Глинскаго, то присылалъ бить челомъ и проситься въ Московскую службу не одинъ Князь Михайло Глинскій, но многіе Русскіе Князья, которые держатъ Греческій Законъ и сказываютъ, что пришла великая нужда о Греческомъ Законѣ, и они, не хотя приступить къ Римскому Закону, били намъ челомъ въ службу. Да, кромѣ того намъ кажется, что и тебѣ, сестра, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ твой мужъ, тоже есть неволя, по тому что хотя отъ Жигимонда у насъ не разъ бывали послы, а отъ тебя не бывало ни какой вѣсти. Такъ если на Русь такая нужда пришла, то мы хотимъ ее боронить, а ты бы, сестра, памятовала Бога, свою душу и наказъ родительскій, не нанесла бы нашему Греческому Закону укоризны и къ Римскому Закону ни чѣмъ не приступала.» Всѣми этѣми переговорами и пересылками Сигизмундъ протянулъ время такъ, что послѣдній отвѣтъ Василія Ивановича

---

[121] Д. П. № 2, стр. 87—89; Ак. З. Р. т. 2, № 39.

[122] Ак. З. Р. т. 2, № 49.

былъ отъ Іюня 1508 года. [123] Этѣ-то переговоры необходимо должны были наводить страхъ на Глинскаго.

Всѣ указы о сборѣ войскъ мало дѣйствовали въ Литвѣ, а Глинскій этому еще болѣе мѣшалъ. Каково было озлобленіе на него, служитъ доказательствомъ то, что въ Литвѣ сочинили слѣдующее письмо въ Москву, которое, впрочемъ, не видимъ, чтобы было послано по назначенію. Сигизмундъ въ началѣ писалъ къ Василію Ивановичу то же, что уже было прежде изложено въ письмѣ Елены Ивановны къ брату, что Глинскій былъ виновникъ смерти Александра, и представлялись тому доказательства, показанія будто бы сообщниковъ Глинскаго. Къ этому прибавлялось (впрочемъ, можетъ быть, это было сказано и въ письмѣ Елены Ивановны), что Глинскій, «при жизни брата нашего, Александра, съ отцомъ твоимъ его въ великое нежитье ввелъ, невѣсткѣ же нашей, а сестрѣ твоей, много непріятностей сдѣлалъ. о чемъ и посламъ вашимъ, которые у брата нашего бывали, хорошо извѣстно. А теперь, убивши Пана Забережскаго, началъ бунтовать, объявляя, что ты посылаешь ему въ послугу Князя Данила Щеня и Якова Захарьевича; да прежде къ нему приходили Шеняпчичъ и другіе твои Воеводы». Этѣ рѣчи кончаются слѣдующими словами: «Намъ конечно, нѣтъ ни какого дѣла, какъ ты чествуешь своихъ Князей и Воеводъ, что нашимъ смердамъ, паробкамъ и измѣнникамъ въ послугу даешь, а мы будемъ защищать отчины наши.» [124] Для того чтобы высказать эту свою досаду, Сигизмундъ хотѣлъ воспользоваться тѣмъ случаемъ, что его послы и купцы еще во второй половинѣ Іюня не возвращались назадъ. Наконецъ послы пріѣхали: Сигиз-

[123] Ак. З. Р. т. 2, № 22. Издатели это письмо Василія Ивановича къ сестрѣ отнесли на цѣлый годъ назадъ. По Голицынской выпискѣ изъ Польскихъ дѣлъ оно относится 7016 году. Но кромѣ того хотя издатели и напечатали, что будто въ Литовской Метрикѣ написано подъ письмомъ «7015 годъ Іюнь,» — но я видѣлъ 7 и 8 книги записей Литовской Метрики, откуда печатали это письмо издатели Актовъ, и тамъ написано совсѣмъ не то, а слѣдующее: въ 7 книгѣ, «лѣта ҂з҃є Іюня», а въ 8 книгѣ «лѣта ҂з҃г Іюня». И такъ это показываетъ, съ одной стороны, какъ записывались Государственныя бумаги въ Литовской Метрикѣ, а съ другой, какъ произвольно обозначали года издатели Актовъ.

[124] Ак. З. Р. т. 2, № 36.

мундъ долженъ былъ прочесть отвѣтъ на письмо Елены Ивановны и остановиться посылкой своего письма; однако, онъ отправилъ еще гонца въ Москву (5 Августа) о томъ, что опасная грамота на большихъ пословъ дана не такая, какую слѣдовало дать, и что купцы, пріѣхавшіе, по опасной грамотѣ, задержаны. Въ этомъ состоявшемся посольствѣ о Глинскомъ говорилось такъ: «Ты черезъ свои опасные листы нашихъ пословъ задержалъ въ Москвѣ на долгій срокъ по просьбѣ нашего измѣнника, Глинскаго, а въ тотъ срокъ къ тому измѣннику послалъ на помощь своихъ воеводъ; когда же ты и отпустилъ нашихъ пословъ изъ Москвы, то они еще были, по твоему приказу, задержаны твоими Намѣстниками на Бѣлой.» Въ Москвѣ, давши простой отвѣтъ на атѣ слова Сигизмунда, дали требуемую опасную грамоту. [125]

Получивши опасную грамоту на великихъ пословъ, Сигизмундъ долженъ былъ послать ихъ, но въ Литвѣ рѣшили попытать военнаго счастія, и военныя дѣйствія уже начались. Въ этомъ отношеніи особенно досадно было Литовцамъ на Менгли-Гирея: онъ предлагалъ имъ прислать въ помощь своихъ людей къ Кіеву и Вильнѣ. На это предложеніе Сигизмундъ отвѣчалъ, что въ помощи Царевыхъ людей въ этѣхъ мѣстахъ совсѣмъ не нуждаются и сами ихъ защитятъ, а слалъ бы онъ своихъ людей къ Московскимъ украйнамъ. Но помощь Татарская не явилась, а Менгли-Гирей только ходатайствовалъ о Глинскомъ. Здѣсь Сигизмундъ уже не стѣснялся говорить; онъ писалъ къ Царю: «Ты пишешь, что Глинской такой молодецъ, какого въ Литвѣ не бывало—это правда, что такого измѣнника и злаго человѣка въ Литвѣ никогда не бывало. Да не только въ Литвѣ, но и въ Ордѣ извѣстно, что Глинскіе прежде и теперь у нашихъ слугъ служатъ, а самъ Глинской не по отечеству былъ славенъ, а ласкою нашего милаго брата, которому онъ за это отплатилъ тѣмъ, что помогъ умереть». А объ обѣщанной Менгли-Гиреемъ помощи Сигизмундъ говорилъ такъ: «Ты намъ ярлыки подавалъ на города, что были за нашими предками, то ты самъ посмотри, какой намъ прибытокъ отъ твоихъ ярлыковъ, коли тѣ города и земли Московской держитъ въ своихъ рукахъ и сбираетъ съ нихъ дани, а мы откуда

[125] Ак. З. Р. т. 2, № 39.

же возьмемъ по этому денегъ и поминки для тебя и твоихъ людей?»[126]

Когда былъ полученъ приказъ Великаго Князя, что Воеводамъ итти въ Литовскую землю и сходиться въ Оршѣ, то Глинскій съ Князьями направился къ Друцку. Князья Друцкіе сдались съ городомъ и цѣловали крестъ, что служить имъ Великому Князю. Отъ Друцка Князья повернули къ Оршѣ, гдѣ и сошлись съ Воеводами Великаго Князя. До прихода Князей пришелъ къ Оршѣ Князь Данило Щеня съ Новгородскими войсками. Князья и Воеводы начали осаду города. Король въ концѣ Іюня находился уже въ Минскѣ, а къ началу Августа въ Смоленскѣ, и оттуда посылалъ въ послѣдній разъ въ Москву за опасною грамотой для великихъ пословъ. Осада Орши была безъ выгодъ для Москвичей, и когда пришла вѣсть, что Король идетъ на помощь къ городу, Московскіе Воеводы и Князья пошли на восточную сторону Днѣпра. Король пришелъ и всталъ противъ Воеводъ на другой сторонѣ рѣки. Но изъ этого ни чего не вышло: Воеводы отошли къ Дубровнѣ, Король пошелъ за ними; здѣсь опять стали другъ противъ друга чрезъ рѣку, и такъ стояли семь дней. Отсюда Воеводы пошли, кто къ Дорогобужу, кто въ Вязьмѣ, иные къ Мстиславлю и, такимъ образомъ, всѣ вышли изъ Литовской земли, въ которой, по обычаю, все разоряли. Шемячичъ же пошелъ въ свои города. Король, оставленный Москвичами, воротился къ Смоленску! Въ это время пришли слухи въ Москву, что Король отпускаетъ своихъ людей изъ Смоленска къ Торопцу, Бѣлой и Дорогобужу. Въ слѣдствіе этѣхъ вѣстей, Великій Князь приказалъ Воеводамъ итти къ Вязьмѣ. При этомъ Князю Щенятѣ велѣно было итти къ Торопцу, по тому что изъ Торопца пришли подлинныя вѣсти, что Королевскіе люди туда пришли и приводятъ людей къ крестному цѣлованію на Короля. При появленіи у Торопца Князя Щенятн, цѣловавшіе крестъ на Короля разбѣжались. Не болѣе имѣли успѣха Литовцы и подъ Дорогобужемъ: Станиславъ Кишка его занялъ, но когда услышалъ, что идутъ туда Московскіе Воеводы, то бѣжалъ въ Смоленскъ. Подъ Бѣлой Литовцамъ удалось столько же,— они сожгли городъ.

---

[126] Ак. З. Р. т. 2, № № 33 и 41.

Въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ прошелъ конецъ Іюля (по тому что съ конца Іюня до конца Іюля Воеводы и Князья безпрепятственно со стороны Литовцевъ сходились), Августъ и начало Сентября, 1508 года. Когда Воеводы пошли къ Вязьмѣ, то Князь Михайло Львовичъ Глинскій поѣхалъ на подводахъ въ Москву, куда прибылъ 10 Августа. Въ тотъ же день Глинскій — Нѣмецъ, какъ его назвали въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своими пріятелями, пировалъ у Великаго Князя. Великій Князь Глинскаго съ товарищами дарилъ на пиру, и далъ ему на пріѣздъ два города: Малой Ярославецъ и Медынь. Провеселившись девять дней въ Москвѣ, Глинскій отправился въ свои города, Мозырь и Туровъ. [127] Глинскій пріѣхалъ въ Москву не только за тѣмъ, чтобы пировать и лично ударить челомъ Великому Князю, но и за другими дѣлами; такъ онъ говорилъ Великому Князю, что «Максимиліанъ Король мыслитъ доставать своего отечества, Угорскаго Королевства, по тому что Владиславъ Король болѣнъ, а сынъ его малъ. Владиславъ хочетъ, чтобы сына его взяли на Угры, а Паны Угорскіе хотятъ взять на Угры своего же Угрина, Максимиліанъ же хочетъ посадить на Угры изъ своей руки, по этому надо помочь ему на Польскаго Короля, чтобы онъ ему не мѣшалъ въ томъ дѣлѣ: и будетъ тебѣ, Государю, для своей чести, пригоже послать къ Максимиліану Цесарю о томъ грамоту, чтобы онъ былъ съ тобою въ братствѣ и любви, и на Польскаго за одинъ, и если нельзя твоему человѣку до него донести, то прикажи мнѣ, и я съ своимъ человѣкомъ доставлю ее къ Максимиліану Цесарю; въ тѣхъ земляхъ обычай таковъ, что Великіе Государи ссылаются межъ собою грамотами, и такимъ образомъ ихъ дѣла дѣлаются; а пригоже, или не пригоже, вамъ такъ, Государь, дѣлать, то ты вѣдаешь.» Когда Глинскій уѣхалъ изъ Москвы, то здѣсь нашли, что пригоже къ Максимиліану послать грамоту, по тому что Король Максимиліанъ былъ съ отцомъ Великаго Князя въ любви и братствѣ, а въ договорной грамотѣ написано именно: быть за одинъ на Казимира Короля и на его дѣтей. По этому, въ слѣдъ за Глинскимъ, была послана, вмѣстѣ съ его пріятелемъ, грамота для передачи ея Максимиліану; грамота была о томъ, что Великій

---

[127] Русск. Врем. ч. 2, стр. 219 — 220; Разряды.

Князь началъ добывать своей отчины, города Кіева, а Максимиліянъ по договору помогъ бы ему въ этомъ. Князю Михайлу Львовичу было наказано, чтобы онъ ту грамоту препроводилъ къ Максимиліяну, и если самъ хочетъ какую грамоту послать къ Максимиліяну, то присылалъ бы съ нея списокъ. [128] Какъ отношеніями Московскаго Государя къ Императору, такъ точно и его отношеніями къ Даніи, Глинскій тоже пользовался. Отправляясь въ свои владѣнія, гдѣ сидѣли его братья, Глинскій просилъ у Великаго Князя людей въ свои города. Великій Князь исполнилъ просьбу: онъ далъ Глинскимъ людей Русскихъ и Татаръ Городецкихъ (Касимовскихъ). Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла въ Москвѣ, Глинскій теперь очутился у Сигизмунда въ тылу.

Изъ выше изложенныхъ военныхъ дѣйствій мы можемъ видѣть, что хотя Литовцы и наступали, но дѣйствовали не совсѣмъ удачно. Москвичи хотя и отбивали ихъ, но не давали сильнаго отпора, по тому что значительная часть войскъ должна была оберегать украйны, вѣроятно, изъ опасеній предъ набѣгомъ Татаръ. [129] Эти обстоятельства, неудачная война, наступленіе осени и появленіе Глинскаго въ Мозырѣ, повели къ тому, что 19 Сентября, по опасной грамотѣ, данной въ Августѣ, пріѣхали въ Москву послы отъ Короля Сигизмунда и говорили объ мирѣ. Сначала они потребовали возвращенія городовъ, которые издавна принадлежали Литвѣ, но, получивъ, обыкновенно даваемый на эти требованія, отвѣтъ, объявили, что Король поступается тѣми городами и волостями, что были въ перемирье съ Александромъ Королемъ, но тѣ, которые Великій Князь поималъ послѣ, слѣдуетъ возвратить; да также еще возвратить Черниговъ, Любечъ, Дорогобужъ, Торопецъ. Послѣ долгихъ спорныхъ рѣчей послы сказали, что Король поступается и этѣхъ городовъ, но просили, чтобы Великій Князь поступился Смоленскихъ волостей. Послѣ спорныхъ рѣчей, и по этому поводу Великій Князь велѣлъ сдѣлать уступку нѣкоторыхъ волостей, и договаривающіеся на томъ порѣшили, что учинить вѣчный миръ, который былъ утвержденъ 8-го

---

[128] Пам. Дип. Сн. т. 1, стр. 151—154.

[129] Разряды.

Октября. Плѣнныхъ постановлено выпустить съ обоихъ сторонъ.[130] Владѣнія служебныхъ Князей, Шемячича, Можайскаго, Бѣльскихъ съ товарищами, остались за Москвою. Василій Ивановичъ, принимая Глинскаго въ службу, обѣщалъ стоять за его отчины, и по тому дозволялось Глинскому съ братіею воевать Литовскую землю, за свою обиду, а которые города они возмуть, то на нихъ сидѣть Глинскимъ, а Великому Князю въ нихъ не вступаться. Но это обѣщаніе при заключеніи мира не было исполнено: всѣ земли Глинскихъ остались за Литвою, и Глинскимъ съ товарищами отданъ былъ приказъ ѣхать въ Москву. Кромѣ вѣчнаго мира между Государями, заключенъ былъ союзъ на всѣхъ непріятелей и на Татаръ; но въ этомъ послѣднемъ отношеніи былъ исключенъ только одинъ Менгли-Гирей, который такъ мало вредилъ Москвѣ въ послѣднюю войну и такъ плохо помогалъ Литвѣ, такъ что въ настоящее время, почти какъ и всегда, оба Государя въ сущности не могли сказать, въ какомъ они отношеніи находятся къ Крыму.

II.

Никто не зналъ такъ хорошо тѣхъ болѣзней, которыми страдало Литовско-Польское Государство, и никто лучше не усвоилъ системы Польскихъ дѣйствій въ отношеніи къ Москвѣ, какъ Князь Михайло Львовичъ Глинскій. Управляя Литвою при Александрѣ, онъ зналъ хорошо ея дѣла, и съ его именемъ связано самое важное дѣло того времени. Когда Иванъ Васильевичъ объявилъ, что начинаетъ войну съ Литвою, по тому что тамъ принуждаютъ Православныхъ принять Римскую Вѣру, то Князь Михайло Львовичъ долженъ былъ ѣхать въ Угрію къ Владиславу Казимировичу и просить помощи на Московскаго Государя. Здѣсь онъ долженъ былъ говорить: «Ваша Королевская Милость оказала бы помощь нашему Государю, не только ради вашего кровнаго связанья, но для святой Вѣры Христіянской, которая водворена трудами дѣда вашего, Короля Владислава (Ягайла). Отъ тѣхъ временъ до нынѣшнихъ Русь хочетъ сдѣлать, чтобы Святая Вѣра изчезла въ Литвѣ. Не только Москва, но и нѣкоторые Княжата

---

[130] Д. П. № 2, стр. 90 — 92; Ак. З. Р. т. 2, № 43.

возстали на отца вашего, Короля Казимира, не для иного чего, но только противъ Святой Вѣры, и ради этого же они и теперь возстаютъ на Вашу Милость, сыновей Короля Казимира; братъ вашъ нѣкоторыхъ изъ нихъ казнилъ, а другіе отъ этого убѣжали къ Московскому Государю. Этотъ несправедливый Князь началъ войну по тому, что нѣкоторые Русской Вѣры принуждены были приступить къ Церкви Римской, и объ этой причинѣ войны самъ Московскій Князь гордо приказалъ къ своему зятю.» [131] Мы не имѣемъ права сказать того, что одинъ изъ руководителей дѣла и на котораго возложено было говорить сейчасъ приведенныя слова не сочувствовалъ имъ. Но, съ другой стороны, насъ можетъ поразить то, что гонитель Православныхъ въ то же время поддерживался партіей, состоящей только изъ Русскихъ, съ которыми и началъ свое знаменитое возстаніе. Михайло Львовичъ Глинскій Русской Князь, Католическаго Исповѣданія, Татарскаго происхожденія (какъ это видно изъ его родословной), [132] получившій образованіе въ Западной Европѣ, въ эпоху Папы Александра VI, принадлежалъ къ числу тѣхъ талантливыхъ Государственныхъ людей, предъ которыми имѣютъ право благоговѣть всѣ поклонники правилъ политики современника Глинскаго, Маккіавелли, но по исторіи Глинскаго могутъ они судить, какова бываетъ судьба людей. руководящихся подобными правилами. Лучшей оцѣнкой талантовъ Глинскаго служитъ то, что о Князѣ Бѣльскомъ и другихъ отъѣзчикахъ въ Литвѣ скоро забыли, но о Князѣ Глинскомъ никто не забывалъ. Пока существовалъ Глинскій, Литовцы не могли думать, что онъ не будетъ имъ мстить за свою обиду. Сигизмундовы послы, заключившіе вѣчный миръ, когда доѣхали до Смоленска, то прислали Королевскаго человѣка съ грамотами о томъ, что прибѣжали слуги Королевскаго измѣнника и говорили, что у него такая мысль: «Только Государь съ Королемъ помирится, то онъ съ своими пойдетъ въ степь и будетъ владѣніямъ обоихъ Государей шкоды чинить;» по этому Король, обыскавъ это дѣло, приказалъ заставить имъ дорогу въ Полѣ. Василій Ивановичъ отвѣчалъ: чтобы Король своихъ людей не посылалъ на Князя

---

[131] Ак. З. Р. т. 1, № 188.

[132] Тамъ же пр. 60.

Михаила съ братіею, а если послалъ, то воротилъ бы и велѣлъ бы пропустить безъ всякой зацѣпки. Къ Князю же Глинскому была послана грамота, чтобъ ѣхалъ онъ въ Москву, гдѣ его съ братіею вознаградятъ за потерянное. Когда Глинскій не оправдалъ надеждъ Литовцевъ и поѣхалъ въ Москву, то изъ Литвы была снова прислана грамота, что Князь Михайло только хочетъ проводить свою братію въ Москву, а Государю служить не хочетъ и пойдетъ въ Поле, и то бы Государю было вѣдомо. Доносамъ не вѣрили, и когда Глинскій уже пріѣхалъ въ Москву, то изъ Литвы начали уже прямо требовать его казни за то, что онъ уморилъ Короля Александра. Этѣ требованія кончались слѣдующими словами: «Если ты, братъ, такъ сдѣлаешь, то мы отъ сего времени со всѣми, которые тебѣ сгрубивши, кто бы они ни были, побѣгутъ къ намъ, будемъ точно такимъ же образомъ поступать.» На это данъ былъ отвѣтъ, что такъ сдѣлать нельзя, по тому что Глинскій билъ челомъ въ службу Государю, когда была валка съ Королемъ. Для того, чтобы добиться своего, Литовцы отыскали и дѣла, на которыя трудно было отвѣчать. Литовскій посолъ говорилъ отъ Короля: «Король Датской прислалъ къ намъ листъ, который прислалъ къ нему нашъ измѣнникъ Глинскій. Мы тебѣ этотъ листъ представляемъ, и ты самъ посмотри, горазно ли то дѣлается, что нашъ измѣнникъ, а твой слуга, пишетъ на насъ къ Христіянскимъ Государямъ неправые слова? За такіе дѣла ты казни его, чтобы онъ впередъ того не починалъ.» Москвичи на это не отвѣчали.

У Литовцевъ жалобы на Глинскаго были истощены, но для Глинскаго былъ неистощимъ вопросъ объ Еленѣ Ивановнѣ. Еще прежде послѣдней жалобы Литовцевъ на Глинскаго, Василій Ивановичъ обращался къ сестрѣ: «Король изъ докончанья выступаетъ, ее, Государеву сестру, не во чти держитъ.» На этѣ слова мы не знаемъ отвѣта. Но черезъ нѣсколько времени Василій Ивановичъ опять наказываетъ сестрѣ: «Чтобы она отказала свою мысль, какъ ее прожитокъ, и нѣтъ ли которой нечести отъ Короля и отъ Пановъ, и какъ къ ней впередъ Государю посылать людей своихъ?» Отвѣта на это мы тоже не знаемъ. Кромѣ этого, почти каждый посолъ изъ Москвы въ Литву обращался къ Еленѣ Ивановнѣ съ вопросомъ отъ брата объ ея житьѣ-бытьѣ. Наконецъ одинъ изъ этѣхъ

пословъ, Константинъ Замыцкой, пріѣхавши изъ Литвы, объявилъ: «Сказывала ему Королева и Великая Княгиня Елена Ивановна: хотѣла она изъ Вильны ѣхать въ свое имѣніе, въ Бреславль, и напередъ себя послала людей своихъ, но Воевода Виленской и Воевода Троцкой съ товарищами ее, Королеву, въ Бреславль не пустили и говорили, что дѣлаютъ это по тому, что она ѣдетъ къ Москвѣ, а напередъ себя казну посылаетъ; да взяли Воеводы Королеву за рукава и изъ Пречистой вывели и, посадя въ сани, повезли въ Троки, а изъ Трокъ отвезли въ ея село, Биршаны, потомъ изъ Биршанъ въ Стекляшки; людей же отъ нея всѣхъ разогнали.» Въ слѣдствіе этого отправилось въ Литву посольство, въ которомъ, изложивъ всѣ выше сказанныя обстоятельства, послы, отъ имени Василія Ивановича, говорили Сигизмунду: «Сколько разъ мы приказывали къ тебѣ съ своими послами и твоими Панами, чтобы нашей сестрѣ отъ тебя и твоихъ Пановъ ни какой нечести не было и къ Римскому Закону ее не нудили бы; а теперь такую нечесть и нужду ей учинили Паны: съ твоего ли это вѣдома, или не съ твоего?» Изъ нашихъ Государственныхъ бумагъ не видно, чтобы Король далъ на этѣ вопросы отвѣтъ, но изъ Литовскихъ узнаемъ, что, по крайней мѣрѣ, былъ приготовленъ такой отвѣтъ: «Намъ хорошо извѣстно, что Паны у нашей невѣстки казны не отнимали, въ Троки и Биршаны не возили, не чести ей ни какой не чинили, но только сказали, съ нашего вѣдома, чтобы Ея Милость въ Бреславль не ѣхала, по небезопасности пограничныхъ мѣстъ, а пребывала бы по другимъ своимъ городамъ и дворамъ. Мы нашу невѣстку никогда къ Римскому Закону не нудили и не будемъ нудить, всегда ее въ чести держали, а къ городамъ, что подавалъ ей нашъ братъ, а ея мужъ, еще придали города, и впередъ хотимъ жаловать. Для большей правды, ѣхалъ бы ты (посолъ) къ невѣсткѣ нашей и обо всемъ ее опыталъ; мы же дивимся, что братъ нашъ, не довѣдавшись подлинно, а по извѣстіямъ, полученнымъ отъ лихихъ людей, говоритъ намъ о такихъ дѣлахъ, которые у насъ и въ мысли не были» [138] Этѣ обиды Еленѣ Ивановнѣ были одной изъ причинъ войны, начатой Василіемъ Ивановичемъ съ Сигизмудомъ и стоившей Литвѣ Смо-

[138] Д. П. № 2, стр. 91 — 110; Ак. З. Р. т. 2, №№ 49, 57, 80.

ленска. Но Литовцевъ обвиняли не въ однихъ обидахъ сестрѣ Московскаго Государя; въ числѣ неисправленій Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ мы находимъ слѣдующее: что «когда Королевѣ нечесть отъ Пановъ учинилась, то она изъ Биршанъ посылала къ Королю жаловаться, но Король ей управы и отвѣта не учинилъ; а Паны, научивши троихъ людей, дали имъ зелье, отправили ихъ къ Королевѣ, и они то зелье дали ей испить въ меду, и какъ она испила, то въ тотъ же день ее и не стало. Съ тою вѣстью пригналъ къ Панамъ въ Вильну ключникъ Королевинъ: его принялъ Виленскій Воевода, да имѣніе далъ.»[134] Елена Ивановна скончалась въ 1512 году. Но кто же былъ причиною того, что въ концѣ ея жизни запросы о томъ, нѣтъ ли ей обидъ отъ Короля и Пановъ, такъ учащаются и принимаютъ со всѣмъ другой характеръ, чѣмъ прежде? Отъ кого въ Москвѣ получали подробныя извѣстія о такихъ дѣлахъ, которыя обыкновенно дѣлаются въ глубокой тайнѣ? Глинскаго обвиняли Литовцы въ смерти Короля Александра, и Глинскій отплатилъ имъ тою же монетою. Изъ описи Царскаго Архива[135] мы узнаемъ, что была въ немъ запись, которую подавалъ Князь Михайло Львовичъ Глинскій о томъ, какъ сестрѣ Государевой зелье давали.

Знаменитый Государственный человѣкъ, изъ школы Цезаря Борджіо, хотѣлъ кончить въ Москвѣ свое дѣло такъ же, какъ кончилъ его въ Литвѣ. Убѣдившись тамъ, что личный талантъ можетъ сдѣлать многое, онъ отчасти на себѣ убѣдился спачала въ томъ же и въ Москвѣ: Глинскій подтолкнулъ дѣло къ тому, что между Государствами произошелъ разрывъ: онъ доставилъ средства взять Смоленскъ. Но дѣло кончилось тѣмъ, что, недовольный порядками, водворившимися въ Сѣверной Россіи, Глинскій задумалъ было измѣну, и попалъ за это въ Московскія темницы. Чтобы выручить себя изъ такой бѣды, Глинскій объявилъ, что желаетъ принять Вѣру своихъ отцовъ—Православную. Кромѣ того, хода-

---

[134] Лит. Мет. № 2, л. 20—29, въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Съ этѣми правительственными извѣстіями поражаетъ сходствомъ лѣтописное извѣстіе о смерти Дмитрія Юрьевича Шемяки, гдѣ говорится: «Умеръ напрасно въ Новгородѣ, а пригонялъ съ тою вѣстію подъячій Василій Бѣда, а оттолѣ бысть Дьякъ.»

[135] Ак. Арх. Эк. т. 1, № 289, стр. 337.

таемъ за него предъ Московскимъ Государемъ явился Максимиліянъ; его посолъ, Герберштейнъ (19-го Ноября, 1517 г.), говорилъ: «Цезарь думаетъ, что Глинскій довольно наказанъ за свою вину заключеніемъ, проситъ Государя объ немъ, такъ какъ онъ воспитывался съ младыхъ лѣтъ при его Дворѣ, отпустить въ другія страны; при этомъ Цезарь хочетъ Глинскаго присягою связать, чтобы онъ противъ Московскаго Государя никогда не служилъ.» На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Мы Глинскаго жаловали еще когда онъ былъ у Жигимонда Короля, а когда къ намъ пріѣхалъ, то учинили его въ Воеводахъ, и онъ, забывъ наше жалованье, учалъ наводить Жигимондовыхъ людей на нашихъ, и навелъ. За это онъ достоинъ былъ великой казни, и мы велѣли его казнить, но онъ вспомнилъ, что отецъ и матерь его были Греческаго Закона, а онъ въ ученьѣ, въ Италіянскихъ странахъ, своею молодостію, присталъ къ Римскому Закону, похотѣлъ опять приступить къ Греческому Закону и билъ о томъ челомъ отцу нашему, Варлааму, Митрополиту всея Руси, и тотъ у насъ Глинскаго отъ казни взялъ и пытаетъ его, что онъ не неволею ли приступаетъ къ Вѣрѣ своихъ отцовъ.» Послѣ этого Герберштейнъ попросилъ только, чтобы Глинскаго выпустили на свободу.[136] Таковъ былъ Глинскій, человѣкъ, для котораго всѣ средства были дозволительны, только бы имѣть возможность дѣйствовать и играть важную роль.

Про этого-то человѣка Сигизмундъ говорилъ, что Еленѣ Ивановнѣ было много непріятностей отъ него. На сколько правды въ этѣхъ словахъ, трудно рѣшить. Относительно принужденія въ Вѣрѣ Елены Ивановны мы знаемъ слова Александровыхъ пословъ, которые прямо говорили Ивану Васильевичу, что Александръ никогда не нудилъ своей жены къ Римскому Закону, но Папа постоянно наказывалъ ему чрезъ пословъ, чтобы онъ заставилъ жену быть послушной Апостольскому престолу по осьмому Флорентійскому Собору. Къ этѣмъ словамъ пословъ мы имѣемъ еще средство прибавить слова самой Елены Ивановны, объясняющія, кто не могъ равнодушно видѣть, что супруга Короля Польскаго

---

[136] Пам. Дип. Сн. т. 1, стр. 310 — 314.

и Великаго Князя Литовскаго не Католичка. Послѣ того, какъ, передъ заключеніемъ перемирія съ Александромъ, Канцлеръ Елены Ивановны подалъ отъ нея знаменитое письмо, тотъ же Канцлеръ, не правительственнымъ образомъ, говорилъ Ивану Васильевичу отъ его дочери: «Она, по наказу отца, въ Греческомъ Законѣ крѣпко стоитъ, и отъ мужа принужденія въ томъ мало, но чрезвычайно много укоризнъ терпитъ она за Греческой Законъ отъ Архіепископа Краковскаго, да отъ Бискупа Виленскаго и отъ Пановъ Литовскихъ: говорятъ они прямо ей, что она не крещена и другія многія укоризны Греческому Закону; да они же и къ Папѣ приказывали, чтобы тотъ послалъ къ Великому Князю и приказывалъ бы привести ее въ послушество Римской Церкви и Папѣ.» Къ этому Елена Ивановна еще прибавляла, что «покуда ея мужъ живъ и здоровъ, то она ни какого принужденія въ Греческомъ Законѣ не боится; а если, по грѣхамъ, ея мужа въ животѣ не станетъ, то Арцибискупъ, Бискупы и Панове, пожалуй, какое ни будь насиліе учинятъ.» По этому Елена Ивановна просила, чтобы отецъ потребовалъ отъ ея мужа новой утвержденной грамоты о Греческомъ Законѣ, за его печатью, да чтобы къ этой грамотѣ привѣсили свои печати и руку приложили Арцибискупъ Краковскій да Бискупъ Виленскій. Иванъ Васильевичъ похвалилъ свою дочь за то, что она дѣлаетъ это гораздо, свою душу бережетъ и наказъ отцовской помнитъ. Въ слѣдствіе этого извѣщенія Елены Ивановны, Иванъ Васильевичъ приказалъ своимъ посламъ, которые ѣхали въ Литву, присутствовать при присягѣ Александра на перемирной грамотѣ, просить такой грамоты, о какой наказывала Елена Ивановна, и объяснить причину просьбы, что прежняя грамота поотстала. Такъ какъ въ Литвѣ перемирную грамоту, какъ мы видѣли, долго не утверждали, то нельзя полагать, чтобы дали новую грамоту о Греческомъ Законѣ, и въ разсказѣ о томъ, что послы дѣлали въ Литвѣ, нѣтъ и намека на дѣятельность ихъ по этой части. Этѣми указаніями Елены Ивановны, что главные ея враги, какъ Православной, есть Католическое духовенство и Паны, намъ отчасти объясняется то, что со времени пріѣзда Глинскаго въ Москву Василій Ивановичъ началъ спрашивать сестру, нѣтъ ли ей нечести отъ Пановъ. Дѣло, какъ мы видѣли, кончилось тѣмъ, что Елена Ивановна обвинила Пановъ въ обидахъ себѣ, а Глинскій въ томъ, что они отравили вдовствующую Королеву. Но не одни

Паны и Бискупы съ ненавистію смотрѣли на Православіе Елены Ивановны, а были еще и другія лица, о которыхъ она упомянула по слѣдующему поводу: Иванъ Васильевичъ обратился къ Еленѣ Ивановнѣ съ просьбой, чтобы она разузнала о дочеряхъ у различныхъ Государей, а это нужно по тому, что сыновья Ивана Васильевича уже на возрастѣ и ихъ пора женить. Когда Елена Ивановна пересчитала дочерей различныхъ Государей, то Московскій посолъ сказалъ ей: «Ты, Госпоже, пошли опытать объ нихъ и узнай, гдѣ твоему брату, Великому Князю Василію, пригоже жениться, а я до тѣхъ поръ здѣсь подожду.» Елена Ивановна отвѣчала: «Что ты говоришь? Какъ мнѣ посылать? Если бы отецъ мой съ Королемъ былъ въ миру, тогда бы другое дѣло; да Государь отецъ самъ можетъ лучше разузнать. Да за такого Великаго Государя кто бы не захотѣлъ своей дочери отдать? Только у нихъ въ Латыни такъ крѣпко, что безъ Папина вѣдома ни кого не отдадутъ въ Греческой Законъ, а насъ постоянно укоряютъ, зовутъ некрестями.» Къ этой общей характеристикѣ Елена Ивановна прибавила: «Да ты Государю отцу молви, что если онъ къ Марграбію Брандебурскому будетъ посылать, то таился бы старой Королевы, по тому что она пуще всѣхъ укоряетъ Греческой Законъ.»

Въ такомъ обществѣ приходилось жить Еленѣ Ивановнѣ, и она, не пускаясь въ дѣла политическаго міра, хлопотала только о своихъ личныхъ. Какъ только выдали ее замужъ, то она начала постоянно переписываться съ Московскими родственниками, и эта переписка держалась въ секретѣ отъ Литовцевъ. Сначала эта переписка велась при помощи Московскихъ Бояръ, которые жили у Елены Ивановны; при нихъ находился даже Подъячій, по фамиліи Котовъ, обязанность котораго была та, что если Еленѣ Ивановнѣ будетъ нужно писать въ Москву тайную грамоту, то такую грамоту писалъ бы онъ. Иванъ Васильевичъ этѣмъ Боярамъ наказывалъ, «чтобы они писали Государю что пригоже, да иное и словами бы наказывали; да что дочь наша будетъ намъ писать, и того бы никто не зналъ; а то пригоже ли такъ дѣлается: что наша дочь къ намъ пишетъ, что вы пишите и что она съ вами говоритъ, то у васъ ребята знаютъ; такъ впередъ бы этого не было». Въ Литвѣ на этѣхъ Бояръ смотрѣли, какъ на соглядателей и

старались поскорѣй ихъ сбыть съ рукъ. Но не о политическихъ дѣлахъ писала и приказывала въ Москву Елена Иванова. Такъ, когда сказано было Боярамъ, жившимъ у Елены Ивановны, ѣхать въ Москву, то Попу Ѳомѣ велѣно было остаться вмѣстѣ съ Крестовыми Дьяками.[137] Но Елена Ивановна была за что-то недовольна Ѳомою, и объ этомъ наказывала въ Москву; потомъ жаловалась на старую Боярыню. Иванъ Васильевичъ требовалъ по этому случаю объясненій, и приказывалъ ей жаловать слугъ. На это Елена Ивановна отвѣчала посланному: «Мнѣ отецъ приказываетъ жаловать нашихъ слугъ, но вѣдь онъ мнѣ ни чего не далъ,[138] чѣмъ ихъ жаловать? Онъ двухъ, трехъ пожаловалъ, а остальныхъ я сама жалую. Попъ Ѳома не по мнѣ, а со мною есть другой Попъ изъ Вильны, и онъ добре добръ; выбрать же мнѣ Попа изъ Московскихъ нельзя, по тому что самъ ты знаешъ, кого я видала въ Москвѣ. А Московскую Боярыню какъ мнѣ держать, какъ ей съ здѣшнимъ сидѣть? Мужъ мой меня жалуетъ, и объ комъ я помяну, того награждаетъ. Вотъ была у меня Боярыня нехорошая, но теперь тишаетъ.» Иванъ Васильевичъ официяльно и неофиціяльно твердилъ дочери о Греческомъ Законѣ, даже приказывалъ своимъ посламъ разузнавать, ходитъ ли она къ Церковной службѣ. Елена же Ивановна, вскорѣ же послѣ брака, заговорила не о Греческомъ Законѣ, а о томъ, что за прежними Великими Княгинями Литовскими были имѣнія, а ей они еще не даны, по тому что отецъ съ ея мужемъ ссорится. Наконецъ она получила желанныя имѣнія и начала въ нихъ хозяйничать. А когда объяснила отцу, отъ кого ей идутъ главныя обиды за Греческую Вѣру, то приказывала сказать отцу: «Свекровь моя стара, а въ Лядской землѣ есть города, которые изъ старины находятся за Королевами; такъ отецъ приказалъ бы сказать мужу, что когда свекрови не станетъ, то тѣ бы города были ей отданы». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «Дай Богъ, былъ бы я здоровъ, да сынъ мой, Василій, и мои дѣти, да былъ бы здоровъ твой мужъ и ты, а мы, когда будетъ при-

---

[137] Въ Литовской запискѣ о бракѣ Елены Ивановны сказано, что остался при ней Капеланъ Свѣтской съ Дьякономъ и 24 пѣвчими; въ Московскихъ Государственныхъ бумагахъ сказано, что остался Попъ Ѳома съ двумя крестовыми Дьяками.

[138] Въ Литовской запискѣ говорится объ огромномъ приданомъ.

гоже, прикажемъ объ этомъ твоему мужу». Этѣмъ хозяйственнымъ наклонностямъ своей дочери Иванъ Васильевичъ вообще очень сочуствовалъ и готовъ былъ обучать ее и своего зятя своимъ пріемамъ. Такъ, услыхавши, что Ягайловцы хотятъ дать одному неиспомѣщенному своему брату, Сигизмунду, удѣлъ въ Литвѣ, то Иванъ Васильевичъ, среди своихъ враждебныхъ сношеній съ зятемъ, приказывалъ дочери, чтобы она говорила мужу отъ себя, Сигизмунду не давать удѣла, по тому что это ведетъ къ нестроеніямъ. Оставшись вдовой, Елена Ивановна только, какъ видно, тѣмъ и занималась, что въ имѣніяхъ, данныхъ ей Александромъ и Сигизмундомъ, хозяйничала, разъѣзжала изъ одного своего города въ другой, издавала грамоты объ управленіи этѣми имѣніями, копила деньги, которыхъ, видно, имѣла довольно много, по тому что Паны испугались, какъ бы она съ ними не уѣхала въ Москву. Главное содержаніе всѣхъ ея посольствъ въ Москву было то, чтобы ей прислали кречетовъ, рыбы сухой, бѣлки Сибирской, собольихъ мѣховъ; да нельзя ли и такихъ мѣховъ достать, чтобы соболь былъ черный съ ногами передними и задними и съ ногтями и т. д. Среди-то этѣхъ хозяйственныхъ занятій Елена Ивановна скончалась. Долгое время послѣ ея смерти Василій Ивановичъ, такой же хозяинъ, какъ его отецъ и его сестрица, добивался получить казну Елены Ивановны, да также и ея имѣнія. [139]

Иванъ Васильевичъ прямо высказывалъ, что вся сила, на которую онъ опирается въ борьбѣ съ Литовско-Польскимъ Государствомъ, это то, что онъ Государь Русскій и при томъ Православный. Онъ поддерживалъ Православіе всюду, гдѣ можно, до того, что, на примѣръ, Еленѣ Ивановнѣ онъ наказывалъ заботиться о томъ, чтобы ея Православные люди въ Литвѣ у Латынъ не женились и дочерей своихъ за нихъ не давали. Но Литовцамъ чрезвычайно дорого обошлось Православіе Московскаго Государя: въ ихъ глазахъ, не говоря объ удѣлахъ, по видимому, ради Православія,

---

[139] Д. II. № 1; Ак. З. Р. т., № 192. Различныя грамоты, содержащія распоряженія Елены Ивановны, напечатаны во 2 томѣ Ак. З. Р.

былъ подчиненъ Москвѣ Новгородъ и крѣпко къ ней привинченъ; сама Литва лишилась огромныхъ областей: земли ея были разорены Московскими войсками, разграблены служебными Князьями, внутри Государства явился страшный бунтъ, съ юга всѣ Русско-Литовскія области опустошены и выжжены Татарами, и все это было изъ за Православія Ивана Васильевича. Жалованныя грамоты, огромныя льготы жителямъ разоренныхъ областей, были для Литовцевъ только временнымъ облегченіемъ,—и у нихъ явилась мысль усилиться, для отпора Москвѣ. Но они хотѣли усилиться тѣмъ, что было въ сущности главною причиною всѣхъ ихъ несчастій, а именно: кромѣ обращенія главныхъ союзниковъ Москвы, всѣхъ Православныхъ, въ Католичество, еще болѣе крѣпкимъ политическимъ соединеніемъ Литовскаго Великаго Княжества съ Королевствомъ Польскимъ.......

Изложивъ описаніе начала борьбы Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, я позволяю себѣ вывести изъ всего вышесказаннаго слѣдующія общія положенія:

1. Собираніе Руси около Москвы ко времени Ивана III состояло главное въ уничтоженіи крупныхъ Удѣловъ и превращеніи Удѣльныхъ Князей въ служебныхъ. Но такъ какъ служебныхъ Князей было значительное количество на службѣ Московскихъ Государей, а со времени подчиненія Москвѣ остальныхъ Удѣловъ Сѣверной Россіи это количество еще болѣе увеличилось, то необходимо было, для пользы Государства, чтобы руководить этой массой Князей, дать имъ занятіе, соотвѣтственно ихъ наклонностямъ и способностямъ. Иванъ III, заканчивая завѣщанные ему отъ предковъ счеты съ сосѣдями Москвы, счеты, которые можно было рѣшить только войною, даетъ Князьямъ этѣми войнами занятіе, и въ то же время начинаетъ еще новыя Государственныя войны. Такими войнами были войны съ Польско-Литовскимъ Государствомъ.

2. Столкновеніе Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ исходило изъ того, что всѣ Удѣльные Князья, которые теряли свои владѣнія въ пользу Москвы, обыкновенно были союзниками и искали себѣ защиты и поддержки у представителей ста-

рыхъ Средневѣковыхъ порядковъ, Литовско-Польскихъ Государей. Но главное, чего не могли видѣть равнодушно въ Литовско-Польскомъ Государствѣ, это подчиненіе Москвѣ Новгорода.

3. Новгородъ по своей общественной жизни (представителемъ которой въ позднѣйшее время въ Восточной Европѣ остались Казаки), по крайнему развитію въ немъ личной свободы гражданъ, по одностороннему направленію ихъ дѣятельности, и при отсутствіи способности къ дальнѣйшему развитію общественнаго устройства, не могъ существовать независимымъ, рядомъ съ развивающимся Московскимъ Государствомъ. Новгороду отъ Московскаго Государства тѣмъ болѣе грозила опасность, что онъ, по старому преданію, искалъ у него себѣ опоры, и въ то же время постоянно затрогивалъ его интересы. Князья Сѣверной Россіи давно приняли на себя обязанность уничтожать порядки, подобные Новогородскимъ, и Иванъ III закончилъ дѣло своихъ предшественниковъ.

4. Князья и Новгородъ искали себѣ защиты у Литовско-Польскаго Государя, и онъ на помощь имъ приводилъ на Московское Государство Степняковъ. Старая роль Степняковъ, какъ самостоятельныхъ бичей Божіихъ для Европейскихъ народовъ, прекращается со времени образованія Государствъ, и они теперь получаютъ значеніе въ борьбѣ Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, какъ орудіе, которымъ хотѣли управлять оба Государства.

5. Такъ какъ Степняками хотѣли управлять оба Государства, то отъ ихъ набѣговъ не выходило ни какого рѣшительнаго послѣдствія, и по этому оба Государства могли рѣшить свою борьбу только собственными средствами.

6. Литовско-Польскій Государь, какъ Государь съ крайне ограниченною властію, не имѣлъ возможности дѣйствовать средствами своихъ народовъ, и хотя выказывалъ свое неудовольствіе на завоеванія Московскаго Государя, но въ то же время, по способности Польскаго народа, которому онъ главное принадлежалъ, готовъ былъ примиряться съ этѣми завоеваніями, предполагая, что они, наконецъ, удовлетворятъ завоевателя.

7. Литовско-Польскій Государь, какъ Государь многихъ самостоятельныхъ народовъ, не могъ руководить разнообразными ихъ интересами, по этому предоставлялъ своимъ народамъ самимъ заботиться о себѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что Литовскіе служебные Князья, Русскіе по происхожденію и Вѣрѣ, втянули Литовско-Польское Государство въ борьбу съ Московскимъ.

8. Московскіе Государи, давно взявшіе на себя обязанность быть руководителями Русскаго народа въ Сѣверной Россіи, и имѣя много причинъ считать своими врагами Литовско-Польскихъ Государей, взяли на себя такъ же обязанность быть руководителями и части Русскаго народа, жившаго въ Литовско-Польскихъ владѣніяхъ. Заявленіемъ того, что Московскіе Государи берутъ на себя такую обязанность, отъ которой отказались Литовско-Польскіе Государи, было принятіе Иваномъ III титула «Государь всея Руси».

9. Принятіемъ Иваномъ III такого титула открывается новая исторія политическихъ отношеній Московскаго Государства къ Польско-Литовскому. Но такъ какъ принятіемъ такого титула высказывалось, что Московское Государство рѣшилось начать наступательное движеніе на Польско-Литовское, то оттуда хотѣли остановить наступленіе посредствомъ брачной политики—сватовствомъ Александра Казимировича къ дочери Ивана III.

10. Брачная политика, это Средневѣковое оружіе, главная собственность Австріи и Польши, была неприложима къ Московскому Государству, а Литовцы, въ надеждѣ на нее, согласились на многія невыгодныя для себя условія, изъ коихъ главныя: признаніе за Московскими Государями титула «Государя всея Руси» и права слѣдить за чистотою Православія супруги Литовско-Польскаго Государя.

11. Неисполненіе того и другаго условія со стороны Литовцевъ повело, во первыхъ, къ невыгодно кончившейся для Литовцевъ войнѣ, а во вторыхъ, къ тому, что Московскій Государь, для выраженія полноты обязанностей руководителя Русскаго народа, принялъ на себя роль защитника Православныхъ, которыхъ въ Литвѣ хотѣли обратить въ Католичество, съ тою цѣлію, чтобы лишить Московскаго Государя главныхъ его союзниковъ.

12. Главнымъ источникомъ для изложенія исторіи борьбы Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, за время отъ 1462 по 1508 годъ, служатъ Московскія и Литовскія Государственныя бумаги. Не смотря на то, что въ позднѣйшее время Литовской Метрикѣ въ изданіи оказано предпочтеніе предъ Русскими Государственными дипломатическими бумагами, во всякомъ случаѣ Литовская Метрика, въ сравненіи съ Статейными Списками, не имѣетъ ни какого права равняться съ ними по достоинству: она отличается ничтожностію сообщаемыхъ ею извѣстій и чрезвычайно дурной редакціей. Литовская Метрика, при существованіи Статейныхъ Списковъ, можетъ служить только нѣкоторымъ, но весьма незначительнымъ, дополненіемъ къ нимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Стран.

ЧАСТЬ II.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вышеприведенныя выписки, взятыя изъ Французскихъ и другихъ иноземныхъ писателей, свѣдѣтельствуютъ, какъ неправильно Французы приписываютъ себѣ при Бородинѣ побѣду, въ тѣсномъ военномъ значеніи этого слова, какъ оно истолковано въ особой статьѣ, въ слѣдъ за «Вступленіемъ.»

Наши отечественные исторіографы, болѣе или менѣе, почти всѣ, увлеченные обаяніемъ фразъ, разцвѣтляющихъ разсказъ нашихъ непріятелей, не взяли еще на себя самостоятельнаго труда прояснить глубокой критикой всѣ сказанія, до сего предмета касающіяся, чтобы положительно опредѣлить степень славы, падающей на каждую изъ армій, состязавшихся на поляхъ Бородинскихъ, гдѣ, конечно, по выраженію самихъ Французовъ, какъ замѣчено выше, оборонявшіеся достойны были нападающихъ, или нападавшіе достойны были оборонявшихся. Но достаточно ли этого, чтобы изгладить слово побѣда, въ продолженіе уже полувѣка вездѣ прилагаемое къ нападавшимъ, не успѣвшимъ не только сломить нашу армію, но и пріобрѣсти какіе либо трофеи? Геній-полководца Государя, приковавшаго, какъ было уже замѣчено, къ колесницѣ своей весь материкъ Европы, увлекъ оный въ войну на Россію. Испытанные, въ продолженіе двадцати лѣтъ, побѣдители столькихъ народовъ, подъ предводительствомъ опытныхъ и искусныхъ вождей, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при своей численности, превышавшей Русскую армію, съ величайшими пожертвованіями крови, возбуждавшіеся къ побѣдѣ угрожавшей имъ голодною смертью, что же сдѣлали они подъ Бородинымъ? Напавъ

почти всѣми силами своими на нашъ лѣвый флангъ, [1] они успѣли его оттѣснить, но онъ вновь овладѣлъ своею позиціей; вновь вытѣсненный, опять занялъ оную, и, уступивъ несоразмѣрной численности, отошелъ за нѣсколько сотъ шаговъ на вторую позицію, громимую, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, изъ полутысячи орудій, и не колебался, вызывая къ себѣ врага. Но врагъ, по собственному сознанію своему, какъ видно было, не отважился напасть на «эту грозную еще линію,» оставшуюся въ связи со всею арміею. Съ остальной части, во всѣхъ пунктахъ, непріятель, неоднократно бросавшійся на нее, былъ отбитъ, и мы еще своимъ правымъ флангомъ съ успѣхомъ атаковали его лѣвое крыло, дѣлая распоряженія, въ свою очередь, на другой день атаковать его всѣми силами. Наполеонъ, находя, что поле битвы нашего лѣваго фланга оспариваемо еще «не только ядрами, но и пулями,» недовольный этѣмъ, прекращаетъ битву первый, не пріобрѣтя ни какихъ трофеевъ: нѣсколько пушекъ въ редутахъ, около тысячи плѣнныхъ, взятыхъ по одиначкѣ, ни одного знамени, не смотря на громадное количество конницы и безпрерывныхъ ея атакъ; потеря въ людяхъ почти равная: Французовъ около сорока тысячь и около пятидесяти тысячъ Русскихъ. Первые потеряли сорокъ девять Генераловъ, у насъ менѣе половины. Армія наша остается на мѣстѣ около двѣнадцати часовъ (а аррієргардъ шестьнадцать часовъ занималъ позицію при Горкахъ) и, отступивъ, по выраженью самаго непріятеля, «медленно, въ совершенномъ порядкѣ къ Можайску, не о-«ставила за собой ни какихъ слѣдовъ, могущихъ породить «хотя бы одинъ помыслъ, что она потерпѣла какое либо пораженіе.» Непріятель послѣ битвы стягиваетъ свои войска назадъ, занимая малою частью только Семеновскія флеши. Наша конница, ночью, на слѣдующее утро, производитъ на разныя

---

[1] Полковникъ Ахшарумовъ (стр. 116), говоритъ: «Любопытно еще замѣтить, что «почти во всѣхъ большихъ „сраженіяхъ, кои давалъ Наполеонъ, обращалъ онъ «главное нападеніе на лѣвый флангъ своего непріятеля. Эйлау, Фридландъ, Бо-«родино — тому свѣдѣтелями. Происходило ли это отъ случайнаго положенія «мѣстъ, или особенно отъ какого правила и расчета, или отъ одной, можетъ быть, «привычки, съ большой ловкостью дѣлать распоряженія въ правую свою сторону «и заниматься правымъ своимъ флангомъ, который противостоитъ лѣвому не-«пріятеля?»

пункты его арміи, родъ нападенія, и тревога достигаетъ до самой ставки Императора, поставившаго оную среди карре баталіона старой гвардіи. На слѣдующее, послѣ битвы, утро Платовъ атакуетъ аванпосты Французовъ, и въ десять часовъ начинаетъ стягиваться за арміей къ Можайску. Мюрату посылаютъ приказаніе итти за нашимъ арріергардомъ, и онъ начинаетъ свое движеніе около полудня. Въ тотъ же день арріергардъ этотъ «въ жаркомъ,» «очень жаркомъ» и «очень живомъ» бою отбиваетъ всѣ усилія Мюрата, и экипажи Наполеона, направленные въ Можайскъ, для предполагаемаго ночлега, возвращаются въ маленькую деревеньку, и послѣ всего этого и многаго другого, Французы одержали побѣду!! Не отнимая у нихъ всѣхъ доблестей, выказанныхъ ими на Бородинскихъ поляхъ, побѣда, повторяю, въ тѣсномъ, въ военномъ смыслѣ, не принадлежитъ имъ.

Генералъ-Маіоръ Богдановичъ (т. II, стр. 229) приводитъ, изъ книги Принца Евгенія Виртембергскаго (S. 96), слѣдующее: «Послѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ осталось сочиненіе, «въ которомъ содержится много замѣчательнаго о Бородинской «битвѣ. Оно оканчивается сими словами: «Говоря по совѣсти, не «было причины ни Кутузову доносить о побѣдѣ Императору Александру, ни Наполеону извѣщать о томъ Марію-Луизу. Если бы «мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ «повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ правды, «конечно, признали бы насъ братьями.»

Какъ слова этѣ ни кажутся справедливыми, но они не совершенно, или не положительно, опредѣляютъ долю доблестей каждой изъ армій, сражавшихся въ этой битвѣ.

Г.-М. Богдановичъ (т. II, стр. 229) разсматриваетъ этотъ предметъ, указывая отчасти на причины истолкованья донесенія Кутузова, который писалъ объ одержанной имъ подъ Бородиномъ побѣдѣ; но главное: слѣдовало разсмотрѣть и опредѣлить, кто изъ нихъ: Кутузовъ, или Наполеонъ, имѣлъ болѣе права на это притязанье; иначе вопросъ этотъ остается нерѣшеннымъ.

Сколько мнѣ извѣстно, одинъ изъ первыхъ, передавшихъ это, былъ докторъ О'Меара, которому Наполеонъ, на Островѣ Св. Елены, сказалъ (t. I, p. 192): «Я ихъ разбилъ въ большой

«битвѣ подъ Москвой; я атаковалъ съ девяносто тысячами че-«ловѣкъ Русскую армію въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ, у-«крѣпившихся до нельзя (jusqu'aux dénts), и совершенно раз-«билъ ее. Семьдесятъ тысячъ Русскихъ остались на полѣ «битвы, и они объявили, что выиграли сраженіе, хотя я пошелъ «на Москву. Два дня (?) спустя, я былъ среди прекраснаго го-«рода» и проч.

Въ приведенномъ здѣсь нѣтъ ни слова истины: во 1-хъ, онъ убавилъ свою армію около пятидесяти тысячъ; во 2-хъ, Русскую увеличилъ болѣе чѣмъ вдвое; въ 3-хъ, укрѣпленія были не такъ страшны, какъ онъ ихъ изображаетъ, что свѣдѣтельствуется иноземными писателями и, исключая укрѣпленія оконечности праваго фланга, всѣ остальныя, гдѣ происходила битва, не были даже окончены, не говорю уже о палисадахъ, но не на всѣхъ были туры и фашины, что также свѣдѣтельствуется; въ 4-хъ, онъ не только что не разбилъ насъ совершенно, но и просто не разбилъ, а, какъ замѣчено выше, заставилъ только лѣвый флангъ осадить на нѣсколько сотъ шаговъ и занять грозную, по словамъ его повѣствователей, позицію, которую онъ не осмѣлился атаковать, и первый прекратилъ дѣло; въ 5-хъ, не только Русскихъ не осталось семидесяти тысячъ на полѣ битвы, но и съ ранеными было около пятнадцати тысячъ менѣе; въ 6-хъ, Бородинская битва происходила 26-го Августа, а онъ подошелъ къ Москвѣ 2-го Сентебря, въѣхалъ же въ оную только 3-го, слѣдовательно, не чрезъ два дня послѣ битвы, а чрезъ семь, или восемь, дней; развѣ послѣ Шевардина, или деревушки Кривуши, гдѣ онъ переночевалъ послѣднюю ночь. Можайскъ показался прекраснымъ городомъ, ибо туда онъ дѣйствительно въѣхалъ чрезъ два дня. Слѣдовательно, изъ всей этой басни справедливо только то, что Наполеонъ былъ въ Москвѣ.

Сарразенъ, въ 1815 году, разбирая 18-й бюллетень, верхъ лжи, [2] находитъ (p. 130 — 133): «хвастливое донесеніе Кутузова «правдивѣе бюллетеня.»

---

[2] Въ послѣднее время въ особенности не было ни какого довѣрія къ бюллетенямъ. Герцогъ Ровиго (Савари), въ Запискахъ своихъ (t. V, p. 305) говоритъ: «Когда «18-й бюллетень былъ полученъ въ Парижѣ, артиллерія Инвалиднаго Дома сдѣ-

Фенъ украсилъ это фразами; онъ (t. II, p. 43) говоритъ: «Между тѣмъ какъ побѣдитель въ своемъ шатрѣ получаетъ доне-«сенія и отдаетъ приказанія, побѣжденный (т. е., Кутузовъ) про-«водитъ ночь въ отправленіи во всѣ концы курьеровъ, которые «обманутъ на счетъ его разбитія.» Подобно этому выражались и многіе другіе, которые хотѣли безусловно приписать себѣ побѣду. Выше же сказано, что происходило въ шатрѣ побѣдителя, поставленнаго въ карре старой гвардіи, не разъ бравшейся за оружіе при тревогахъ, производимыхъ нашими легкими войсками въ ночь и въ послѣдующее утро, между тѣмъ какъ мнимо побѣжденный Кутузовъ провелъ эту ночь предъ мнимымъ побѣдителемъ, на мызѣ Татариновой, безъ всякой стражи.

Генералъ Баронъ Кроссаръ (t. IV, p. 356) пишетъ: «Повто-«ряю со всѣми свѣдѣтелями этой кровопролитной битвы, повто-«ряю со всѣми писателями о дѣяніяхъ Бонапарта, что правый «флангъ Русскихъ (и большая часть праваго фланга центра) ни-«когда не были сбиты, и что они устояли противъ всѣхъ нападе-«ній. На семъ-то основаніи Кутузовъ и не поколебался утвер-«ждать, что онъ не былъ побѣжденъ, и что армія его не думала «быть обязанной уступать Французамъ сознаніе въ неодолимомъ «преимуществѣ.»

Противъ этой истины не можетъ быть ни какихъ возраженій и, конечно, Кутузовъ скорѣй могъ себя назвать побѣдителемъ, чѣмъ Наполеонъ, который атаковалъ Русскихъ, не сбилъ ихъ съ позиціи, исключая лѣваго фланга, подавшагося на нѣсколько сотъ шаговъ назадъ, на вторую позицію, съ которой оспаривалъ еще поле битвы не только ядрами, но и пулями. Эту вторую позицію лѣваго фланга, въ общей связи съ арміей, Французы находили еще грозной, не отваживались атаковать ее и первые прекратили битву. Армія наша оставалась на мѣстѣ въ продолженіи двѣнадцати (а арріергардъ въ продолженіе шестнадцати) часовъ, и по томъ уже отступили въ

«лала сто выстрѣловъ; пѣли молебны во всѣхъ церквахъ; радость была общая; «но это не разсѣяло безпокойства, которымъ были всѣ поражены.» Такъ вѣрили всему тому, что включалъ въ себѣ бюллетень.

совершенномъ порядкѣ, какъ всѣ историки-очевидцы свѣдѣтельствуютъ, не оставивъ за собой ни колеса на дорогѣ въ Можайскъ. [3] Въ одно и то же время мы спугнули и его лѣвый флангъ до такой степени, что Вице-Король Италіянскій долженъ былъ искать спасенія въ карре 84-го полка, и Наполеоновскія палатки, стоявшія за Бородиномъ, внезапно были сняты: тревога распространилась до Колоцкаго монастыря и далѣе. Кто же послѣ всего этого былъ болѣе въ правѣ называть себя одержавшимъ верхъ? Умалчиваю о нравственномъ состояніи обѣихъ армій послѣ этой битвы: этотъ предметъ разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ. Такое состояніе духа въ той и другой арміяхъ безмолвно опредѣляетъ дѣйствительное ихъ положеніе.

Въ заключеніе приведу мнѣніе извѣстнаго сподвижника въ Отечественную войну, Ѳ. Н. Глинки, который чрезвычайно вѣрно, какъ никто, изобразилъ характеръ Бородинской битвы и исходъ ея. Вотъ что онъ (ч. II, стр. 27) говоритъ: «Со стороны «Французовъ порывы и сила, со стороны Русскихъ стойкость «и мужество. Объ этой битвѣ можно сказать почти то же, что «Веллингтонъ позже сказалъ о битвѣ при Ватерлоо: «Наполеонъ «шелъ просто по старинному, и разбитъ просто по старин«ному.» Мы только должны поставить, вмѣсто слова: «разбитъ,» «другое: «отбитъ,» и будетъ вѣрно.» [4]

И такъ, изъ всего того, что Французскія и Нѣмецкія повѣствованія, очищенныя отъ фразъ самохвальства, говорятъ о Бородинской битвѣ, явствуетъ, что побѣда, въ военномъ смы-

---

[3] О'Меара (t. II, p. 283, 284) пишетъ, что Наполеонъ говорилъ ему объ Эселингской (или Эйлауской) битвѣ, и замѣтилъ, что «объ нихъ можно говорить съ «обѣихъ сторонъ: Онъ (Наполеонъ) сохранилъ поле битвы, но ночью отступилъ, «и можно было подумать, что это отступленіе могло быть принято за потерянное имъ сраженіе.» Здѣсь Наполеонъ самъ признаетъ, что отступленіе не всегда бываетъ доказательствомъ проигрыша битвы.

[4] «О Кутузовѣ (присовокупляетъ авторъ) можно сказать то, что древніе говорили «о своемъ Зевесѣ: «Разбросавъ всѣ свои громы въ сраженіи съ Тита«нами, онъ отражалъ непріятеля терпѣніемъ.» О Наполеонѣ должно ска«зать его же собственными словами: «Роковое опредѣленіе судебъ увлекало

слѣ слова, ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ имъ: она должна оставаться, какъ видно было выше, на нашей сторонѣ.

Окончивъ изложеніе собственно этой гигантской битвы, не нахожу неумѣстнымъ сказать нѣсколько словъ вообще и объ исходѣ всей войны, съ нѣкоторыми ея эпизодами, излагаемыми иностранными же историками этой кампаніи. Слѣдуя только за однѣми ихъ фразами, окажется, какъ я уже замѣтилъ, что Французы отъ Нѣмана до Москвы, и отъ Москвы до Парижа, послѣдовательно одерживали побѣды. На примѣръ: уходя изъ Москвы, Французы думали имѣть (хотя и безъ прочнаго основанія, какъ это будетъ видно далѣе) одинъ лучъ надежды къ своему полуспасенью, пробравшись къ Калугѣ, или на Медынь, потомъ продолжать отступленіе или, какъ нѣкоторые изъ нихъ называютъ, «mouvement rétrograde,» въ Смоленскъ, по мѣстамъ, еще не разореннымъ войной. На пути, въ Малоярославцѣ, они встрѣтили корпусъ Дохтурова, пытались прорваться, но онъ держался столько времени, что далъ возможность къ вечеру стянуться всей нашей арміи. Наполеонъ придвинулся также, бой былъ однимъ изъ самыхъ упорныхъ: Наполеонъ, потерявъ восемь дней времени, не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, и нашелся вынужденнымъ отступать по тому роковому пути, который привелъ его въ Москву. Между тѣмъ, битву при Малоярославцѣ Французы называютъ побѣдой! Это еще забавнѣе побѣды, одержанной ими при Бородинѣ: тамъ, по крайней мѣрѣ, они пошли впередъ за добровольно отступившей нашей арміей, а изъ подъ Малоярославца побѣжали назадъ! [5]

«его.» Вообще книга Ѳ. Н. Глинки чрезвычайно любопытна тѣмъ уже однимъ, что писана столь просвѣщеннымъ участникомъ. Онъ говоритъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ.

[5] Говоря собственно о 1812 годѣ относительно главной арміи, Французы, во второй половинѣ кампаніи, имѣютъ полное право приписывать себѣ успѣхъ, а, пожалуй, и побѣды, подъ Вязьмой, при Красномъ и въ Студянкѣ на Березинѣ. Здѣсь они безспорно, хотя и съ значительными потерями, восторжествовали надъ предпріятіями Русскихъ, а по тому въ чисто военномъ смыслѣ побѣды имъ принадлежатъ; но отнюдь онѣ не принадлежатъ имъ ни въ Смоленскѣ и Лубинѣ, ни въ Бородинѣ и Малоярославцѣ, и не принадлежатъ имъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ намъ не принадлежатъ при Вязьмѣ, Красномъ и Студянкѣ: во всѣхъ шести случаяхъ предпринимавшій не успѣвалъ въ своихъ намѣреніяхъ, или предпріятіяхъ. А въ строгомъ смыслѣ, начиная отъ отбитія Французовъ въ

Большая часть Французскихъ писателей, въ особенности Нѣмецкихъ (отчасти и нашихъ Западниковъ), приписываютъ главную причину неудачамъ Наполеона, въ 1812 году, морозу, и это мнѣніе до сихъ поръ господствуетъ, не смотря на то, что Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, Генералъ Маркизъ Шамбре, Баронъ Жомини и нѣкоторые другіе изъ первостепенныхъ повѣствователей, положительно, какъ видно будетъ далѣе, и безусловно отвергаютъ эту причину.

Здѣсь я брошу краткій взглядъ вообще на состояніе Французской арміи отъ Бородинской битвы до окончательнаго очищенія нашихъ предѣловъ, и также ограничусь показаніями однихъ только иноземныхъ повѣствователей, когда они изображаютъ событія, какъ историки, не прикрашивая фразами своихъ заключеній, противорѣчащихъ разсказываемому ими же самими.

Такъ, на примѣръ, Лабомъ, въ «Исторіи паденія Имперіи Наполеона,» говоря о приготовленіяхъ къ войнѣ 1813 года, вопреки многому, сказанному имъ въ описаніи кампаніи 1812 года, составляетъ слѣдующую фразу (t. I, p. 6): «Катастрофа на«шей арміи (въ 1812 году), справедливо приписываемая сту«жѣ, не уменьшала обоянія преданности къ своему повелителю, «и если легіоны разсѣваются тамъ, гдѣ уже нѣтъ его, то «тамъ, гдѣ онъ находится, образуются другіе.»

Малоярославцѣ до Нѣмана, побѣда на ихъ сторонѣ, ибо они успѣли въ своемъ предпріятіи, правда, съ неимовѣрными потерями, но во всякомъ случаѣ могутъ сказать по Русской пословицѣ: «Хоть рыло въ крови, да наша взяла.» Боссе, Префектъ Дворца, участникъ во второй половинѣ кампаніи, въ Запискахъ своихъ, хоть и наполненныхъ множествомъ болтовни, часто безсмысленной, довольно удачно опредѣлилъ характеръ отступленія Французовъ и наше преслѣдованіе; онъ (t. II, p. 188) говоритъ: «Медленность, осторожность и воздержность «въ преслѣдованіи насъ можетъ объясняться только вліяніемъ магическаго имени «Наполеона. Если бы на мѣстѣ Русскихъ были мы, то я вполнѣ убѣжденъ, что «ни одинъ человѣкъ не перешелъ бы за Березину. Всѣ безъ исключенія нашлись «бы въ необходимости принять уничижительныя капитуляціи.» Далѣе (p. 189) «восклицаетъ: «А по тому не Русскимъ слѣдуетъ пѣть благодарственные молебны, «а намъ, не за побѣды, а за крайнюю обязательность ихъ преслѣдованія (l'ex«trême obligeance de leurs poursuite).»

О стужѣ, справедливо признаваемой причиной катастрофы 1812 года, буду говорить далѣе; но можно ли до такой степени дать волю желанію блеснуть послѣдней фразой? Авторъ самъ говорилъ, вмѣстѣ со всѣми другими, что «легіоны Наполеона начали постепенно распадаться почти съ самаго начала вступленія его въ наши предѣлы;» въ Литвѣ это распаденіе содѣлалось уже довольно чувствительнымъ. Констанъ, первый камердинеръ Наполеона, въ Запискахъ своихъ (t. V, p. 76), свѣдѣтельствуетъ, что, будучи еще въ Дриссѣ, «солдаты опустошали рѣд«кія поселенія и разбросанные въ нихъ господскіе домы (chatea«ux), не взирая на строгія приказанія Наполеона противъ маро«деровъ и грабителей; приказанія этѣ не могли быть выполняе«мы. Офицеры большею частію существовали только тѣмъ, что «добывали солдаты, которые и дѣлились съ ними.» Это свѣдѣтельствуется безъ изъятія всѣми повѣствователями и самимъ Полковникомъ Лабомомъ.[6] Боссе, Префектъ Дворца, прибывшій къ Наполеону на канунѣ Бородинской битвы, описывая путь свой (t. II, p. 90), говоритъ: «Приближаясь къ арміи, тылъ ея былъ за«громожденъ чиновниками и бродягами.» Такой порядокъ продолжался до Москвы, а на третій день послѣ Малоярославца, за двѣнадцать дней до морозовъ, начали бросать оружіе, смыкаться въ блуждающія толпы, безъ дисциплины и т. п., какъ будетъ видно. Это распаденіе приняло огромные размѣры, увеличивавшіеся до совершеннаго разрушенія всякой взаимной связи между частями, не внимавшими гласу начальниковъ. Въ такомъ положеніи давно уже была бывшая Французская армія, когда Наполеонъ бросилъ ее и почти тайно уѣхалъ изъ Сморгонъ. Самъ Лабомъ, повторяю, изображаетъ это положеніе въ описаніи войны 1812 года, а здѣсь, въ книгѣ, изданной въ одно время (1820) говоритъ: «тамъ, гдѣ Наполеона уже нѣтъ, легіоны разсѣваются» (1). Не уже ли авторъ хотѣлъ этѣмъ дать понять, что въ 1812 году легіоны разсѣялись тогда только, когда Наполеонъ уѣхалъ?[7]

---

[6] Въ изданной мною 1855 года книгѣ: «Дѣйствительныя причины гибели Наполе«оновыхъ полчищъ въ 1812 году,» приведены всѣ иноземныя данныя объ этомъ предметѣ.

[7] Если бы Полковникъ Лабомъ не дѣлалъ этой кампаніи, то къ нему можно было

Нѣтъ, авторъ самъ пишетъ въ первой книгѣ, что, при отъѣздѣ Наполеона, давно уже не было арміи. Относительно же того, что легіоны «образуются тамъ, гдѣ онъ находится,» разумѣя тутъ собранные имъ въ 1813 году, то это очень просто; ибо, какъ Императоръ, онъ имѣлъ всю къ тому возможность, перенеся сись во Францію. Потерявъ и этѣ легіоны, онъ, въ 1814 году, опять собралъ новые, — и этѣмъ была неудача: въ его присутствіи, корпусъ за корпусомъ отпадали отъ него. Гораздо справедливѣе, а по тому и правильнѣе, было бы сказано: когда легіоны распались, Наполеонъ уѣхалъ образовать другіе.

Обращаюсь къ стужѣ, которой, такъ справедливо, по сказанію Г. Лабома, приписываютъ катастрофу 1812 года, и начну краткимъ очеркомъ дисциплины, со дня занятія Москвы, потомъ въ совокупности съ мнимою стужей до Дорогобужа, гдѣ начались средніе морозы, продолжавшіеся только пять, а по нѣкоторымъ описаніямъ, лишь три дня, и потомъ оттепель до самой Березины.

Равстройство Французской арміи описывается съ большею, или меньшею, подробностію, съ самаго начала вступленія ея въ наши предѣлы, даже нѣкоторымъ образомъ и прежде. Въ Гжатскѣ, за пять дней до Бородинской битвы, Сентъ-Илеръ (t. III, p. 625), приводитъ повелѣніе Наполеона къ Бертье, отъ 2-го Сентября (новаго счисленія), въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Главный Штабъ мнѣ ни мало не содѣйствуетъ, ни Главный Начальникъ полевыхъ жандармовъ арміи (grand-prévôt), ни Гене-«ралъ-Вагенмейстеръ, ни Офицеры Главнаго Штаба, не служатъ «такъ, какъ бы слѣдовало,» и заключаетъ (p. 626) словами: «невоз-«можно встрѣтить большаго безпорядка, который существуетъ въ «арміи.» На другой день Наполеонъ пишетъ о множествѣ мародеровъ, о долгомъ отсутствіи фуражировъ и пр., и предписываетъ противъ этого строжайшія мѣры.

Генералъ Фезензакъ (p. 53) разсказываетъ, что, принявъ въ Можайскѣ полкъ, въ корпусѣ Нея, бывшемъ при переправѣ чрезъ Нѣманъ, въ числѣ двадцати пяти тысячъ, здѣсь же

бы приложить слова, сказанныя Наполеономъ въ своихъ Запискахъ: «Исторія— «не метафизика; ее писать нельзя изъ воображенія и сочинять произвольно.

подъ ружьемъ имѣлъ только восемь тысячъ, а его полкъ (4-й), включавшій въ себѣ двѣ тысячи восемь сотъ человѣкъ на Рейнѣ, уменьшился до девяти сотъ человѣкъ, восклицаетъ: «Никогда не имѣли мы такихъ огромныхъ потерь: никогда также «нравственность не была такъ сильно поражена! Я не нашелъ «уже (продолжаетъ сочинитель) прежней веселости въ солдатахъ; «угрюмое безмолвіе заступило мѣсто пѣсенъ и шутливыхъ разсказовъ, которые прежде того заставляли ихъ позабывать всю у«сталость большихъ переходовъ. Сами Офицеры казались тревож«ными: они служили только по обязанности и по требованію че«сти. Это уныніе, естественное въ арміи побѣжденной, было за«мѣчательно послѣ рѣшительнаго дѣла, послѣ побѣды, кото«рая открывала намъ врата Москвы!» Это уже фразы, а дѣло въ томъ, что, послѣ этой «рѣшительной побѣды,» Французская армія, по словамъ Шамбре, Сегюра и др., была поражена остолбенѣніемъ; Русскіе же, почитая себя, по справедливости, непобѣжденными, напротивъ, сохранили въ совершенствѣ свои моральныя силы, и если Французы послѣ этой битвы перестали пѣть, то наши солдаты не прекращали своихъ пѣсенъ: всѣ остающіеся еще въ живыхъ дѣятели засвѣдѣтельствуютъ, что ротный плясунъ или, какъ его называли, балагуръ, во время марша, точно также въ сторонѣ отъ роты продолжалъ выплясывать, смѣшить ее своими шутками, коверканьями, какъ и прежде. Обѣ арміи чувствовали, что та и другая сдѣлали въ Бородинѣ, а по этому въ каждой и проявлялся соотвѣтственный событію духъ.

Въ такомъ состояніи армія приближалась къ Москвѣ, гдѣ Наполеонъ предполагалъ возстановить физическія и нравственныя ея силы. Увидѣвъ съ Поклонной Горы огромную и великолѣпную столицу нашу, представлявшую награды за страданія, вынесенныя въ тяжкомъ, долгомъ и орошенномъ кровію, пути, войска непріятеля пришли въ восторгъ. Восторгъ этотъ усилился, когда узнали, что Москва оставляется нами безъ боя: все обѣщало Наполеону полный успѣхъ во всѣхъ его предположеніяхъ. [8] Но

---

8 Всѣ историки свѣдѣтельствуютъ, съ какимъ нетерпѣніемъ Наполеонъ у Дорогомиловской заставы ожидалъ депутаціи изъ Москвы, съ поднесеніемъ ему ключеій, и наконецъ, послѣ многихъ, посланныхъ для сего въ Москву, «Польскіе Офицеры

вышло противное. Выслушаемъ отъ самихъ Французовъ, что они говорятъ о пребываніи своемъ въ Москвѣ:

Капфигъ пишетъ (t. XVII, p. 141 édit. de Bruxelles): «Въ день вступленія въ Москву, переходъ отъ лишеній къ роскош-«ному обилію долженъ былъ возбудить справедливыя опасенія, «а по тому Наполеонъ предписалъ соблюденіе строжайшей дис-«циплины.»

Графъ Сегюръ, (t. I, p. 3) говоритъ, что прежде вступленія въ Москву, 2/14 Сентября, у Дорогомиловской заставы, Наполеонъ, назначивъ Военнымъ Губернаторомъ столицы Маршала Мортье, сказалъ ему:.... «въ особенности, чтобы не было грабежа! «Вы мнѣ отвѣчаете головой. Защищайте Москву противъ всѣхъ!» Посмотримъ, какъ соблюдались этѣ строгія приказанія.

Капфигъ продолжаетъ: «но все было тщетно: первая «ночь, 2/14 Сентября, составляла сплошную оргію, нѣкоторые Офи-«церы учавствовали въ ней, и гласъ начальника не могъ пресѣчь «безпорядковъ.»

Генералъ Фезензакъ, какъ видно было нѣсколько выше, сказавъ, что солдаты, одержавшіе рѣшительную побѣду при Бородинѣ, погружены были, однако, въ безмолвіе. Здѣсь, чрезъ нѣсколько дней, представляетъ (p. 62) всѣ ужасы грабежа, которому предавались побѣдители. Занимая подмосковное имѣніе Графа Шереметьева, онъ присовокупляетъ: «это великолѣпное помѣщеніе было разграблено точно также, какъ и другія.» [9]

«привели ему пять, или шесть, человѣкъ изъ простонародья.» Форъ, очевидецъ (p. 52), восклицаетъ: «Нечѣмъ было польстить самолюбію побѣдителя!»

[9] Вотъ, между прочимъ, что онъ разсказываетъ еще: Одинъ Французскій Офицеръ нашелъ Русскаго, спрятавшагося въ одномъ домѣ, взялъ его подъ свое покровительство и повелъ къ себѣ, но, проходя съ нимъ по улицѣ, былъ посланъ по службѣ въ другую сторону. Встрѣтивъ Офицера со взводомъ, онъ передалъ ему Русскаго, сказавъ: «Je vous recommande, monsieur.» Этотъ Офицеръ, не понявъ смысла и въ особенности тона, съ которымъ этѣ слова произнесены были, принялъ несчастнаго за поджигателя и приказалъ его разстрѣлять.» (!). Какое простодушное сказаніе: не спросивъ, не уличивъ и не судивъ, каждый взводный Офицеръ могъ разстрѣливать, кого хотѣлъ!! По видимому, Офицеръ, пере-

Полковникъ Лоссбергъ, въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ, очевидецъ (S. 189), пишетъ: «4/16 Сентября, всѣ грабятъ «въ Москвѣ; 5/17 грабежъ продолжается» и т. д.

Лемазюрье, врачъ и очевидецъ (S. 34), говоритъ: «Тотчасъ «по занятіи Москвы грабежъ; дисциплина упала.»

Буржуа, очевидецъ (р. 55), говоритъ: «Не взирая на желаніе сохранить порядокъ при занятіи Москвы и на строжайшія «повелѣнія, отданныя по сему предмету, солдаты вошли въ оста«вленные жителями домы, искали съѣстныхъ припасовъ, разсѣя«лись повсюду и начали грабить.»

Вольдендорфъ и Варадейнъ (t. III, S. 165) свѣдѣтельствуютъ: «Въ это время водворилось въ арміи распутство всякаго «рода и упадокъ дисциплины.»

Графъ Солтыкъ, извѣстный поборникъ Наполеона, не скрываетъ тѣхъ безпорядковъ, которые происходили въ Москвѣ. Онъ говоритъ, что грабежъ начался съ перваго вечера занятія Москвы, и присовокупляетъ (р. 303): «Несчастная привычка нашихъ «солдатъ жить мародерствомъ, а по тому грабить всякое имуще«ство, была преградой Наполеону къ исполненію его предначер«таній и введенію порядка. Солдаты оставляли знамена, открыва«ли лавочки, заводили торгъ» и т. д. Входя въ подробности безпорядковъ, послѣдовавшихъ съ перваго вечера (р. 277), приводитъ, что онъ и Генералъ Соколинскій, со всѣмъ своимъ штабомъ, заняли домъ Мусинъ-Пушкиной, въ которомъ найдены были не только всѣ запасы въ изобиліи, но оставалась и вся прислуга съ компаньонкой владѣтельницы дома и гувернанткою, Француженками. «Въ одиннадцать часовъ вечера (въ первый «день вступленія) я былъ разбуженъ этѣми двумя дамами; онѣ «въ ужасѣ вбѣжали ко мнѣ въ комнату и объявили, что домъ «грабятъ. Я вскочилъ, надѣлъ мундиръ, взялъ саблю и спустился «внизъ. Гвардейскіе солдаты начали уже грабить погребъ; я по-

давшій несчастнаго Русскаго другому, также не былъ спрошенъ. Послѣ этого сомнительно, чтобъ существовали суды надъ подозрѣвавшимися въ поджогахъ. Объ этомъ далѣе.

«спѣшилъ къ нимъ; но ни мундиръ, ни обнаженная сабля не мог-«ли ихъ укротить. Они бросились на меня со штыками, и я дол-«женъ былъ зарядить пистолеты и запереться въ комнатѣ, къ «которой они приступили. Къ счастію, человѣкъ мой прибѣжалъ, «и солдаты удалились.»

Маркизъ Шамбре, также очевидецъ (t. II, p. 118), говорить: «Только до ночи могли удерживать порядокъ между вой-«сками послѣ же не было возможности, и Офицеры подавали «примѣръ неподчиненности. На другой же день, когда начались «пожары, трудно изобразить картину царствовавшей тогда демо-«рализаціи.» Этотъ же Шамбре (p. 123) присовокупляетъ: «Всѣ «грабили, и корысть не одинъ разъ соединяла въ одномъ мѣстѣ «шитый мундиръ Генерала и скромную одежду солдата.» [10]

Въ книгѣ: «Разрушеніе Москвы,» сочинители-очевидцы (p. 87) говорятъ: «Величайшее неповиновеніе проявилось во Фран-«цузской арміи, пожаръ Московскій не увеличивалъ его,» и (p. 88) присовокупляютъ: «Всѣ усилія ограничились только тѣмъ, что «солдаты, во время службы, не выходили изъ повиновенія Офи-«церамъ, но внѣ оной, они не хотѣли слушаться ни какого на-«чальства, въ Польскихъ же войскахъ вовсе не было чинопо-«читанія.» [11]

Графъ Дюма (t. III, p. 453), Герцогъ Ровиго (Савари, t. VI, p. 43), Ларрей (p. 73), О'Меара (t. I, p. 194), Ласъ-Казасъ (t. VII, p. 177), Роосъ и многіе другіе подтверждаютъ это состояніе дисциплины во Французской арміи.

Заключу этѣ выписки показаніемъ Католическаго Священника, Сюррюга, остававшагося въ Москвѣ во все время пребыванія въ ней Французовъ. Описавъ расхищеніе хлѣбныхъ магазиновъ и погребовъ, онъ (p. 19) присовокупляетъ: «однимъ словомъ, го-

---

[10] Почему Г.-М. Богдановичъ выпустилъ это, между тѣмъ какъ Русскихъ, жегшихъ Москву, называетъ: «бродягами,» «бездомными,» «грабителями,» и пр.?

[11] Лордъ Каткартъ, въ депешѣ своей, отъ $^{1}/_{13}$ Октября, 1812 года, изъ Петербурга въ Лондонъ, между прочимъ, говоритъ: «Дисциплина во Французскихъ вой-«скахъ была потрясена въ основаніи, и неповиновеніе можетъ быть прекращаемо «только частыми казнями.»

«родъ сдѣлался добычею бѣдствія гораздо ужаснѣе пожара: об-«щее расхищеніе, насильства. Разбивали магазины, грабили са-«харъ, кофе, чай, кожи, мѣха» и пр.; (p. 20): «Для раздраженнаго «солдата не было ни какого различія между Французомъ и Рус-«скимъ, иностранцемъ и своимъ: всѣхъ обдирали самымъ недо-«стойнымъ образомъ»... «8/20 Сентября (p. 28): «никто еще не «смѣлъ явно выходить изъ своего дома, изъ опасенія быть огра-«бленнымъ;» (p. 29): «На второй недѣлѣ пребыванія Французовъ, «они не вселяли еще въ себѣ довѣрчивости... Они не уважали ни «стыдливости женскаго пола, ни невинности дѣтей, ни сѣдыхъ «волосъ старости и пр...;» (p. 31): «Всѣ церкви были разграбле-«ны: въ нихъ учреждали бойни, конюшни и т. п.;» (p. 32): «Фран-«цузскіе Офицеры сознавались, что, со временъ ихъ революціи, «они не видали подобнаго безпорядка въ арміи и приписывали «оный составу ея изъ разноплеменныхъ народовъ... Всѣ улицы «завалены были трупами людей, лошадей и т. п. Наполеонъ от-«давалъ строжайшія повелѣнія противъ всѣхъ этѣхъ безпорядковъ, «преступленіе было наказываемо, но наказаніе не прекращало «разбоевъ.» [12]

Изъ этого краткаго очерка видно, въ какомъ положеніи находились легіоны Наполеона, подъ личнымъ его предводительствомъ. Теперь прослѣжу, также кратко, эти легіоны по выступленіи ихъ изъ Москвы, съ присоединеніемъ показаній о состояніи атмосферы, и начну съ повѣствованія самаго Лабома. Онъ (p. 218) говоритъ: «Кто не видалъ Французской арміи, вы-«ступающей изъ Москвы, тотъ не можетъ имѣть и слабаго поня-«тія о Греческой и Римской арміяхъ, когда они оставляли раз-«валины Трои и Карѳагена. Всѣ свѣдѣтели нашего отступленія «видѣли повтореніе тѣхъ же сценъ, которыми Виргилій и Титъ-«Ливій не престаютъ волновать насъ.»

---

[12] Священникъ этотъ присовокупляетъ: «Французы вовсе не имѣли религіи. Въ «Москвѣ была только одна Католическая церковь; въ городѣ умерли многія ты-«сячи: ихъ хоронили сами, гдѣ попадалось, безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ; «исповѣдывались только четыре, или пять, человѣкъ, но крестить всегда пригла-«шали Священника.» А это, конечно, уже не по чувству религіозному, но изъ необходимости, для сохраненія гражданскаго права.

Но здѣсь Полковникъ Лабомъ какъ бы мѣняется фразами, уничтожая одну другою. Далѣе говоритъ опредѣлительнѣе, а между тѣмъ приведу нѣсколько засвѣдѣтельствованій его соотечественниковъ, тоже очевидцевъ:

Графъ Сегюръ, описывая безпорядокъ, господствовавшій при выступленіи изъ Москвы (t. II, p. 78), присовокупляетъ, «что хвостъ арміи походилъ на Татарскую Орду, совершившую «счастливый набѣгъ.»

Баронъ Денье (p. 107) говоритъ: «Когда армія, 7/19 Октяб-«ря, выступила въ порядкѣ изъ Москвы, движеніе ея затрудня-«лось безчисленнымъ множествомъ обозовъ. Болѣе сорока ты-«сячъ повозокъ разнаго рода загромоздили дорогу.»

Графъ Солтыкъ (p. 342) свѣдѣтельствуетъ такъ: «Видъ на-«шей арміи, при выступленіи изъ Москвы, былъ самый необы-«кновенный: среди длинныхъ колонъ тянулось болѣе десяти ты-«сячъ каретъ, повозокъ и фургоновъ. Никогда такой многочи-«сленный обозъ, каковой Римляне называли «impedimenta» (тя-«гости), не сопровождалъ армію новѣйшихъ временъ; онъ неот-«мѣнно долженъ былъ отягощать и обременять наши движенія. «Въ это время армія представляла болѣе кочующій народъ, оты-«скивающій себѣ мѣсто, на которомъ бы могъ остановиться, не-«жели регулярное войско, идущее на непріятеля.» По засвѣдѣтельствованію и другихъ очевидцевъ, здѣсь можно было видѣть простыхъ солдатъ въ богатыхъ каретахъ, обгоняющихъ своихъ пѣшихъ Офицеровъ: всѣ молчали; никто не смѣлъ возвысить голоса противъ давно уже распущенной дисциплины.

Баронъ Фенъ (t. II, p. 161) говоритъ, что «выступленіе изъ «Москвы представляло особенное зрѣлище» и т. д.

Буржуа (p. 84): «При выступленіи изъ Москвы тысячи по-«возокъ сопровождали армію. Не было Офицера, который не «имѣлъ бы экипажа; Генералы имѣли огромное число оныхъ.» Описывая потомъ безпорядокъ въ этомъ слѣдованіи, присовокупляетъ, что порядокъ существовалъ только тамъ (p. 85), «гдѣ вез-«ли снаряды и продовольствіе.»

То же говоритъ и Тьеръ (p. 462): «За шестью стами «пушекъ, съ изобиліемъ снабженныхъ снарядами, слѣдовали мас«сы такихъ обозовъ, коимъ подобныхъ не видали со временъ «варварскихъ вѣковъ, когда на всемъ пространствѣ Европы цѣ«лые народы передвигались, отыскивая пространства для но«выхъ себѣ поселеній.» И далѣе изображаетъ представляющуюся картину.

Въ окрестностяхъ Малоярославца. Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, разсуждая о дѣйствіяхъ при Малоярославцѣ (t. III, p. 277), присовокупляетъ: «Во всякомъ случаѣ, кажется, что нрав«ственое и физическое состояніе арміи побудило Наполеона из«бѣгать битвы при Малоярославцѣ.» Изъ одного этого засвѣдѣтельствованія ясно видно, что въ Москвѣ, гораздо прежде еще морозовъ, нравственное состояніе арміи было разстроено.

Баронъ Фенъ (t. II, p. 247) говоритъ: «Событія этого дня «(Малоярославецкаго) заставили Наполеона призадуматься: онъ «погрузился въ глубокія размышленія.»

По засвѣдѣтельствованію Бошана (p. 42): «Наполеонъ не «ожидалъ битвы при Малоярославцѣ; онъ не полагалъ, чтобы «Русскіе осмѣлились вступить съ нимъ въ бой.» [13]

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 19) говоритъ: «Замѣтили, что «въ послѣдствіе Малоярославецкаго дѣла духъ Наполеона сдѣлался «гнѣвнымъ. Впрочемъ (присовокупляетъ), это была операція по«слѣдней важности, ибо она понудила армію, уже распадшую«ся и страдавшую, отступить по опустошенному пути. Можно «сказать, что приказаніе отступать на Верею для Французской «арміи было ударомъ колокола, возвѣщающаго смерть, и это не «ускользнуло отъ вниманія Наполеона.»

Графъ Сегюръ (t. II, p. 88) свѣдѣтельствуетъ, что когда Бесьеръ, посланный Наполеономъ осмотрѣть позицію нашу при

[13] Говоря о необходимости Наполеона усиливать поспѣшность бѣгства изъ страны, въ которой все принимало грозный видъ, Бошанъ присовокупляетъ (p. 49): «Онъ, на крыльяхъ побѣды, дерзновенно проникъ въ Россію, и на крыльяхъ «страха поспѣшилъ изъ оной!»

Малоярославцѣ (за Нѣмцовскимъ оврагомъ), донесъ объ ея неприступности, Наполеонъ воскликнулъ: «О небо!» сложилъ руки съ «видомъ оцѣпенѣнія, опустилъ голову и оставался погруженнымъ «въ глубокія размышленія..... Теряясь въ этой безднѣ грустныхъ «мыслей, онъ впадаетъ въ столь сильное оцѣпенѣніе ума, что ни«кто изъ его окружающихъ не могъ отъ него добиться слова, и «съ трудомъ только, по мѣрѣ докучливости, могли исторгать отъ «него знаки головой. Всю эту ночь Наполеонъ провелъ въ силь«номъ волненіи. Когда же Мюратъ предложилъ атаковать Куту«зова на этой позиціи, Наполеонъ сказалъ ему (р. 91): «Довольно «объ отвагѣ.... Уже много прибѣгали къ ней для славы, теперь «пришло время помышлять, какъ спасти остатки арміи.» Этотъ же авторъ, участникъ похода, относясь къ памяти своихъ соратниковъ, видѣвшихъ событія при Малоярославцѣ, восклицаетъ (р. 93): «Это роковое поле, на которомъ остановилось покореніе «міра, на которомъ рушились побѣды, продолжавшіяся двадцать «лѣтъ, гдѣ началось великое разрушеніе нашего счастія.»

Буржуа (2 part., р. 89), говоря о рѣшеніи Наполеона отступить изъ Малоярославца, присовокупляетъ: «Многіе думали так«же, что Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы устрашить Русскихъ «своимъ маневромъ на Малоярославецъ, самъ былъ устрашенъ «ими, и что наконецъ, признавъ невозможность продолжать свое «боковое движеніе, чтобы достигнуть до зимнихъ квартиръ, и, на«ходясь вынужденнымъ къ отступленію, взялъ для сего дру«гой путь.»

Мишо (р. 136) говоритъ: «Послѣ Малоярославца Наполеонъ «не смѣлъ напасть на Кутузова, до того овладѣла имъ робость. «Смущенью его содѣйствовало еще болѣе то, что онъ сдѣсь едва «не попался въ руки Казакамъ.»

Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, р. 280) свѣдѣтельствуетъ: «Видъ «безпокойства, который показалъ Наполеонъ послѣ неудачи «при Малоярославцѣ, происходилъ отъ необходимости на об«ратномъ пути слѣдовать тою же дорогой, которая привела его «въ Москву. Этѣмъ онъ самъ разрушилъ то очарованіе, которымъ «дѣйствовалъ на свое войско: предъ непріятелемъ онъ обнару«жилъ свою слабость, сознавая, что не признаетъ себя болѣе въ

«состояніи поддержать борьбу. Духъ Русскихъ усилился, а у Фран-«цузовъ упалъ; послѣдніе стали видѣть вездѣ только опасности, «имъ угрожавшія, а пораженное воображеніе еще болѣе ихъ «увеличило.»

Мортонваль (t. II, p. 347) полагаетъ, что «Наполеонъ, увидѣвъ упорство, оказанное Русскими въ битвѣ при Малоярославцѣ, боялся мысли дать сраженіе Кутузову, опасаясь послѣдствій.»

Графъ Солтыкъ, разсуждая о Малоярославцѣ и минутѣ, въ которую Наполеонъ долженъ былъ рѣшиться дать сраженіе Кутузову, или обратиться по прежней дорогѣ къ Смоленску (p. 365), присовокупляетъ: «День $^{14}/_{26}$ Октября долженъ былъ быть рѣши-«тельнымъ, роковымъ для Наполеона.»

Генералъ Баронъ Ронья (p. 219) говоритъ: «Каково было «удивленіе арміи, когда она, ожидая битвы, [14] получила приказа-«ніе отступить! Ее направили на Можайскъ, гдѣ, съ грустью, она «пошла по прежнему разоренному пути: малодушная рѣшимость «гибельнѣе проиграннаго сраженія. Съ этой минуты все было «истощено, разстроено, потеряно.»

Нельзя пройти здѣсь молчаньемъ разсказъ Г. Боссе, Префекта Дворца, находившагося въ то время также при Наполеонѣ и издавшаго свои Записки, во многихъ отношеніяхъ любопытныя. Онъ одинъ, вопреки всѣмъ повѣствователямъ, усиливается доказать, что появленіе Наполеона въ Малоярославцѣ было не чѣмъ инымъ, какъ только одной военной хитростью, но что Наполеонъ никогда не имѣлъ намѣренія избирать для своего отступленія путь на Калугу и на Медынь, а сдѣлалъ всѣ распоряженія къ отступленію по той же дорогѣ, которая его привела въ Москву. Какъ ни хвастливо и часто даже безсмысленно все то, что авторъ говоритъ объ этомъ, но я почитаю не излишнимъ сдѣлать краткій разборъ его сказанію, хотя бы для того только, чтобы

---

[14] Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ замѣчаетъ, что «Наполеонъ никогда не нахо-«дился въ обстоятельствахъ, которыя требовали бы болѣе необходимости дать «генеральную битву, какъ въ Малоярославцѣ, но онъ (присовокупляетъ Маршалъ) «не отважился предпринять оной,» и т. д.

показать, какое вниманіе обращаютъ на себя многіе изъ Французскихъ писателей о кампаніи 1812 года. [15]

Вотъ, что Г. Боссе говорилъ о Малоярославцѣ (t. II, p. 136): «Русскіе приняли Малоярославецкое сраженіе: оно было блистательнымъ и почетнымъ для 4-го корпуса, который выгналъ «Русскихъ изъ всѣхъ позицій, ими занимавшихся. Слѣдуя «обычаю, они (полно, мы ли?) приписали себѣ побѣду, возымѣвъ «притязаніе на то, что заставили Наполеона перемѣнить свой «путь отступленія и вообразили, будто бы онъ хотѣлъ возвратиться въ Литву чрезъ Калугу, по странѣ, еще не страдавшей отъ «войны. Нѣтъ! (восклицаетъ Префектъ Дворца), Русскіе обманываются (!); думаю, что Наполеонъ никогда не имѣлъ этого намѣренія.» [16]

Сказавъ это, вопреки всѣмъ повѣствователямъ, какъ замѣчено выше, также находившимся въ то время при Наполеонѣ и подробно описавшимъ событія при Малоярославцѣ, Г. Боссе на этомъ не останавливается, а ищетъ еще доказывать свои слова фактами. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ говоритъ, что Наполеонъ послалъ приказаніе всѣмъ корпусамъ арміи, бывшимъ въ тылу на Двинѣ, въ Могилевѣ и Полоцкѣ, чтобы они въ опредѣленное время были на Березинѣ близъ Борисова, и, выступая изъ Москвы, Императоръ приказалъ Мортье, чтобы онъ, взорвавъ Кремль и опорожнивъ Можайскіе госпитали, соединился съ нимъ въ Вереѣ и пр. Этѣмъ авторъ хочетъ доказать, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе итти по прежней дорогѣ.

Но изъ самаго этого доказательства видна вся его неосновательность: во первыхъ, помимо всѣхъ засвѣдѣтельствованій, съ какою цѣлью Наполеонъ шелъ изъ Москвы въ Малоярославецъ,

---

[15] Въ третьемъ Отдѣленіи, въ концѣ 1-й главы: «Отступленіе,» я привелъ нѣсколько изъ этѣхъ историковъ, болѣе другихъ отличающихся хвастливостію, невѣжествомъ и искаженіемъ истины.

[16] По этому не одни Русскіе обманываются, но и всѣ безъ изъятія историки Французскіе, Нѣмецкіе и другіе, бывшіе, сверхъ того, дѣятелями въ описываемыхъ событіяхъ. Одинъ только Г. Боссе разгадалъ тайну намѣреній Наполеона, которому и не приходило даже въ голову упомянуть объ этомъ въ бюллетеняхъ.

зная, что Русская армія стоитъ не на этомъ пунктѣ, а въ Тарутинѣ, и по тому здѣсь не можетъ быть и рѣчи, что онъ направился на Малоярославецъ, съ тѣмъ, чтобы, разбивъ тамъ Кутузова, отбросить его на Калугу, а самому вернуться на Можайскъ и слѣдовать далѣе, выигравъ, такимъ образомъ, нѣсколько маршей. Во вторыхъ, предписаніе корпусамъ быть у Борисова ни какъ не измѣняетъ предначертанія Наполеона, который въ предположеніи, что Кутузовъ не усмотритъ его движенія, направясь на Малоярославецъ, онъ, пройдя къ Калугѣ, или хотя чрезъ Медынь, но все таки (чрезъ Ельню) въ Смоленскъ, какъ въ ближайшій къ арміи главный магазинъ, и движеніе Бараге д'Илльe изъ Смоленска въ Ельню, ему на встрѣчу, подтверждаетъ это; слѣдовательно, обезпеченіе переправы черезъ Березину, гдѣ Наполеонъ хотѣлъ сосредоточить помянутыя силы, было ему необходимо, если бы онъ и пошелъ въ Смоленскъ чрезъ Медынь, или даже чрезъ Калугу. Но автору нужно было, во что бы то ни стало, высказать, что въ движеніи на Малоярославецъ, со стороны Наполеона, была только одна военная хитрость; что онъ вовсе не думалъ о движеніи на Калугу, или Медынь, а что ему надобно было только разбить Русскихъ, отбросить и прогнать ихъ. [17]

«Отступленіе Русскихъ отъ Малоярославца (продолжаетъ Боссе) дало Французамъ возможность выиграть нѣсколько дней для «совершенія собственно своего отступленія; и дѣйствительно, до «Березины не было ни какихъ дѣлъ, исключая арріергардныхъ «съ Русскимъ авангардомъ: главная Русская армія никогда не «могла настигнуть насъ.» (II)

Есть ли во всемъ вышесказанномъ какой либо смыслъ? Не есть ли это верхъ невѣжества съ своими спутниками, съ цѣлью, какимъ бы то ни было наборомъ словъ, затмѣвать истину? Пусть большая часть Французскихъ писателей и приписываютъ себѣ побѣду при Малоярославцѣ, хотя всѣ они и убѣждены въ противномъ, ибо не скрываютъ, что тотчасъ, въ слѣдъ за этой побѣ-

---

[17] Въ другомъ мѣстѣ (р. 185), онъ говоритъ: «Армія Кутузова была разбита въ «Малоярославцѣ и отброшена на Калугу,» и что этѣмъ самымъ Французы выиграли нѣсколько маршей» и пр.

дой, армія обратилась въ бѣгство и начала распадаться, не сдѣлавъ и трехъ маршей; пусть, повторяю, они, по фразамъ своимъ, и одержали побѣду, но ни одинъ изъ этѣхъ авторовъ не отвергаетъ намѣренія Наполеона проскользнуть на Калугу, или Медынь, Ельню, въ Смоленскъ, и не скрываютъ также, что, послѣ Малоярославецкой битвы, Наполеонъ вынужденъ былъ отказаться отъ своего предпріятія и съ горестью повернуть армію назадъ на путь, по которому онъ пришелъ. Ни одному изъ историковъ не приходило въ голову приписывать движеніе на Калугу хитрости, съ намѣреніемъ «разбить нашу армію при Мало«ярославцѣ (которой тамъ тогда не было), отбросить ее на Ка«лугу, единственно для того только, чтобы выиграть нѣсколь«ко маршей для предначертаннаго уже отступленія на Можайскъ» и т. д.

Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же Наполеонъ тащилъ за собой въ Малоярославецъ нѣсколько десятковъ тысячъ разнаго рода повозокъ, которыми армія, по засвѣдѣтельствованію всѣхъ историковъ, какъ видѣли выше, была отягощена при самомъ уже выступленіи изъ Москвы? За чѣмъ онъ не отправилъ ихъ прямо, чрезъ Можайскъ, къ корпусу Жюно, когда задумывалъ хитрить движеніемъ своимъ на Малоярославецъ?

Никому, повторяю, не могла прійти въ голову такая нелѣпость. Кутузовъ стоялъ не въ Малоярославцѣ, когда Наполеонъ направился на этотъ городъ. Русская армія находилась въ Тарутинѣ, слѣдовательно, около тридцати верстъ далѣе отъ пути изъ Москвы, чрезъ Можайскъ и Вязьму, нежели отъ Малоярославца, а по тому, когда бы Наполеонъ безъ всякой, приписываемой ему Г. Боссе, хитрости, пошелъ изъ Москвы прямо по этой дорогѣ, тогда онъ дѣйствительно выигралъ бы предъ Кутузовымъ много маршей, какъ это будетъ доказано далѣе. Относительно же того, что наша армія, будто бы, по причинѣ употребленной Наполеономъ помянутой хитрости, не могла до Березины настигнуть Французской арміи, то здѣсь Г. Боссе, кажется, шутитъ надъ читателями. Наша армія, не смотря на то, что сдѣлала переходъ назадъ, чтобы быть готовой встрѣтить Наполеона въ Медыни, въ окрестностяхъ которой показался непріятель, имѣя въ виду, что Наполеонъ, послѣ неудачи въ Малоярославцѣ, могъ бросить-

ся на этотъ пунктъ, все таки скоро стали на одну высоту съ отступающими Французами, и мы слѣдовали съ ними параллельно, въ разстояніи иногда не болѣе десяти верстъ. Такъ подъ Вязьмой, на примѣръ, авангардъ былъ подкрѣпленъ кирасирами, которые, конечно, въ составѣ авангарда въ то время года быть не могли, а въ соображеніе нашего Главнокомандующаго не входило вводить въ битву главную армію, которую слѣдовало сохранять, а предоставлялось арміямъ Чичагова и Витгенштейна, менѣе уставшимъ, встрѣтить бѣгущихъ на Березинѣ.

Въ Малоярославцѣ, геній своего времени, полководецъ-Государь, послѣ шестнадцатилѣтняго предводительствованія арміями, которыя онъ водилъ отъ побѣдъ къ побѣдамъ, былъ остановленъ Русской грудью. Послѣ Малоярославца Наполеонъ не дѣлалъ уже шага впередъ для завоеваній. [18]

Здѣсь позволяю себѣ бросить краткій взглядъ на самое предпріятіе Наполеона, открыть отступленіе изъ Москвы на Калугу. Предметъ этотъ, кажется, не былъ еще никѣмъ затронутъ. Какъ дѣятель въ эту эпоху и свѣдѣтель расположенія умовъ и духа народнаго и состоянія обѣихъ армій, я ограничусь только изображеніемъ современнаго положенія. Пусть болѣе опытные, болѣе знакомые съ эпохой того времени, болѣе освоенные съ военными науками, разсмотрятъ предметъ, о которомъ я намѣренъ сказать нѣсколько словъ.

Что касается собственно до меня, то сознаюсь, что я рѣшительно неудомѣваю: какимъ образомъ Наполеонъ, просидѣвъ тридцать пять дней въ Москвѣ, могъ колебаться въ избраніи пути для своего отступленія? Всѣ случайности большаго противъ всѣхъ другихъ успѣха въ своемъ предпріятіи, въ ту эпоху, сосредоточивались на пути, приведшемъ его въ Москву. [19] Графъ Лобау,

---

[18] Движеніе его въ 1813 году послѣ Люценскаго и Бауценскаго сраженій было временное, и исходъ ихъ нашелъ конецъ въ Лейпцигѣ.

[19] Не уже ли онъ самъ обманывалъ себя тѣмъ, что, начавъ свое движеніе прямо изъ Москвы на Можайскъ и далѣе, по дорогѣ, по которой пришелъ, онъ подалъ бы поводъ думать, что отступаетъ по необходимости, между тѣмъ какъ, идя на Калугу, онъ забавлялъ бы себя мыслію, что это не отступленіе и будетъ при-

послѣ того, что Наполеонъ, не успѣвъ одолѣть Русскихъ въ Малоярославцѣ, на вопросъ его: «Что предпринять и какую избрать дорогу къ отправленію?» сказалъ: «Самую кратчайшую и какъ «можно поспѣшнѣе.» Наполеонъ послушался, но было уже поздно. Если бы это было сдѣлано не изъ Городни, а изъ Москвы, то Наполеонъ имѣлъ бы семь, или восемь, маршей предъ нами, и наша пѣхота, находившаяся тогда въ Тарутинѣ, никогда бы не могла настигнуть, да едва ли и наша регулярная конница, безъ совершеннаго изнуренія, не нашлась бы въ томъ же положеніи. [20] Можетъ быть, пострадалъ бы одинъ только Мюратъ съ слабымъ своимъ арріергардомъ.

Движеніемъ же своимъ на Малоярослевецъ Наполеонъ притягивалъ къ себѣ Русскую армію, какъ это и случилось, и отступленіе его становилось болѣе затруднительнымъ. Тогда какъ выступивъ изъ Москвы тѣми же тремя направленіями до Бородина, какъ онъ это сдѣлалъ при передовомъ своемъ движеніи, и, снабженный продовольствіемъ на пятьнадцать, а по нѣкоторымъ на двадцать, дней, онъ, по крайней мѣрѣ, до Бородина, не будучи обремененъ на одномъ пути огромнымъ обозомъ, могъ бы итти быстрѣе. Сверхъ того, независимо отъ нѣкоторыхъ припасовъ на каждомъ этапѣ, онъ имѣлъ на этомъ пути второстепенные магазины: въ Можайскѣ и Колоцкомъ монастырѣ, въ Гжатскѣ, въ Вязьмѣ и въ Дорогобужѣ, и встрѣтилъ бы транспорты, высы-

---

нято за mouvement rétrograde? Но вѣдь онъ все же вышелъ бы въ Смоленскъ. Капфигъ (t. IX, p. 359) думаетъ, что Наполеонъ опасался, что это движеніе сдѣлаетъ неблагопріятное для него впечатлѣніе въ Европѣ.

20 Наполеонъ, начавъ свое движеніе изъ Москвы $^{3}/_{15}$ Октября, самъ, съ старой гвардіей, выступилъ $^{7}/_{19}$ Октября, по тому же направленію на Калугу (но такъ что изъ Боровска и Вереи онъ могъ обратиться и на Можайскъ, только послѣ Тарутинскаго, или Чернишны, онъ рѣшительно двинулъ уже войска на Малоярославецъ), а мы узнали о семъ въ Тарутинѣ только $^{11}/_{23}$ Октября, рано утромъ, т. е., чрезъ восемь дней послѣ начала движенія, и чрезъ четыре дня по выѣздѣ самаго Наполеона, когда онъ былъ уже въ Боровскѣ, и узнали это совершенно случайно. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы итти на Боровскъ и Малоярославецъ, Наполеонъ направился бы изъ Москвы прямо на Можайскъ, Вязьму и т. д., и мы могли бы узнать о семъ еще гораздо позже, а по тому и были бы отъ него далеко отставшими.

лавшіеся къ арміи изъ Смоленска. Французская армія достигла бы послѣдняго города, по крайней мѣрѣ, восемью днями прежде, чѣмъ это совершилось въ послѣдствіи; слѣдовательно, армія была бы уже въ Смоленскѣ за четыре дня до наступленія временной стужи, которая захватила ее въ Дорогобужѣ. Вице-Король равномѣрно прибылъ бы въ Витебскъ до этой стужи, и тамъ, какъ и армія въ Смоленскѣ, нашелъ бы все необходимое къ поддержанію матеріяльныхъ и физическихъ силъ войскъ своихъ. Не будучи же преслѣдованы ни пѣхотой, ни регулярной конницей, а только частью Казаковъ и, можетъ быть, слабымъ отрядомъ Винценгероде, Французская армія не пришла бы въ тотъ безпорядокъ, до котораго она была доведена, предпринявъ движеніе не прямо изъ Москвы, а отъ Малоярославца. Не стужа и не голодъ, котораго, при соблюденіи порядка, быть не могло, разстроили армію, а натиски нашихъ войскъ всѣхъ родовъ и извѣстность близкаго присутствія главныхъ Русскихъ силъ, вотъ что было первой причиной разстройства арміи Наполеона.

Въ Смоленскѣ, освѣживъ армію, Наполеонъ могъ оставить этотъ городъ за три, или за четыре, дня до наступленія временной стужи, которая застала бы его тогда, когда онъ находился бы уже въ Бѣлоруссіи, гдѣ армія нашла бы себѣ пріюты въ неразоренныхъ селеніяхъ, невраждебный пріемъ жителей и магазины, начиная отъ Орши и т. д. Во всякомъ случаѣ, армія не понесла бы тѣхъ огромныхъ потерь, или правильнѣй, совершеннаго своего разрушенія, чему она подверглась, потерявъ восемь дней и притянувъ на себя всю Русскую армію, въ глазахъ которой начала свое отступленіе.

Относительно же надеждъ Наполеона, что на предполагавшемся имъ пути, по направленію на Калугу, или Медынь, и оттуда на Ельню въ Смоленскъ, по мѣстамъ, еще не пострадавшимъ, онъ найдетъ продовольствіе, это не имѣетъ ни какого основанія и изумляетъ, какимъ образомъ такая мысль могла зародиться въ головѣ столь геніяльной и послѣ опытовъ, пріобрѣтенныхъ въ эту кампанію.

Во первыхъ: хотя путь, по которому Наполеонъ предполагалъ достигнуть Смоленска, и не былъ разоренъ войной, но по

заселенію своему онъ ни какъ не могъ доставить существованіе стотысячной арміи, влекущей за собой около шести сотъ пушекъ, съ огромными парками, военными обозами, добычей, удовлетворявшей кичливости Наполеона, и нѣсколькими десятками тысячъ разнаго рода повозокъ, въ особенности тогда, когда арміи должно было отступать быстро, преслѣдуемой по пятамъ и обезпокоиваемой съ фланговъ, и даже предшествуемой нашими легкими войсками, какъ это было въ послѣдствіи, въ этомъ же 1812 году, и послѣ Лейпцигскаго сраженія, въ 1813. Въ такомъ положеніи отступающая армія, лишенная при томъ достаточнаго числа даже и изнуренной конницы, каковою въ то время были остатки Французской, не могла занимать по сторонамъ дороги того пространства, которое способами своими могло бы облегчать ее относительно продовольствія, что, впрочемъ, было бы неисполнимо и въ самыхъ заселенныхъ странахъ Германіи, гдѣ поселяне гораздо богаче своими запасами.[21] Останавливаться на дневки, въ намѣреніи обезпечивать себя фуражировкой, независимо отъ того, какъ уже замѣчено выше, наши легкія войска крайне затруднили бы подобныя отклоненія отъ большой дороги, но и не достигалась главная цѣль отступленія — быстрота. Къ тому должно еще присоединить, что дорога, по которой двигалась бы армія, какъ проселочная, далеко не представлала бы даже и тѣхъ удобствъ относительно ширины, гатей, мостовъ и т. п., которыя представляла большая дорога изъ Москвы, чрезъ Можайскъ, Гжатскъ, Вязьму, Дорогобужъ, въ Смоленскъ, на каковомъ протяженіи находились уже этапы, состоящіе каждый изъ ста человѣкъ, укрѣпившихся въ зданіяхъ, окруженныхъ палисадами, и въ Вязьмѣ (какъ Французы называютъ Голицыно), Можайскѣ, Колоцкомъ монастырѣ, Гжатскѣ, Вязьмѣ и Дорогобужѣ, были болѣе или менѣе числительные гарнизоны. Словомъ, путь этотъ былъ проложенъ и извѣстенъ всей арміи, тогда какъ путь на Калугу, или на Медынь, чрезъ Ельню, былъ вовсе незнакомъ Французской арміи, и движеніе ея массъ, отягощенныхъ столь-

---

[21] Необходимо принять въ соображеніе и то, что безпорядокъ въ распоряженіи продовольствіемъ въ Москвѣ, происшедшій отъ всеобщаго безпорядка администраціи, она едва ли бы могла распорядиться въ этомъ быстромъ отступленіи, лучше чѣмъ это было дѣлаемо въ Москвѣ, какъ увидимъ далѣе.

кими тяжестями, даже и не въ военное время, при предстоящихъ условіяхъ, должно было ити чрезвычайно медленно, а это дало бы возможность нашей арміи, если бы она находилась даже еще и въ Тарутинѣ, на этомъ ближайшемъ отъ нея пути скоро настигнуть Французскую армію, тогда какъ прежній путь, т. е., на Вязьму, былъ отъ нея дальше. Наполеонъ имѣлъ еще достаточно времени обратиться на этотъ путь даже и изъ Боровска, когда получилъ извѣстіе, что наша пѣхота (Дохтуровъ) стала уже на перерѣзъ Вице-Королю въ Малоярославцѣ, и это отступленіе, препринятое тремя, или четырьмя, днями прежде, не было бы для него столь гибельнымъ, какъ оно сдѣлалось послѣ Малоярославца, куда успѣла стянуться вся наша армія.

Во вторыхъ: могъ ли Наполеонъ думать послѣ всего того, что совершилось и что онъ такъ горько испыталъ, чтобы населенія на пути, который онъ было предприняль, не послѣдовали общему настроенію тогда умовъ народа? Не было ни какого сомнѣнія, и безразсудно было бы отвергать, чтобы передовыя войска Наполеона не находили одинъ пепелъ, вмѣсто бывшихъ селеній, и не встрѣчали бы жителей, ожесточенныхъ противъ нашествія, что, какъ извѣстно, народъ и проявилъ при первомъ его шагѣ въ Смоленскую Губернію, предавая селенія пламени и сожигая даже хлѣба на корнѣ. И такъ, не подлежало ни какому сомнѣнію, что народъ и на этомъ пространствѣ послѣдовалъ бы общему движенію, усиливавшемуся еще болѣе тѣмъ, что въ это время всѣ были пока убѣждены, что Москва предана огню врагомъ, что онъ разграбилъ и осквернилъ храмы, разбросалъ мощи Святыхъ Угодниковъ, и что послѣ всѣхъ этѣхъ святотатствъ, съ награбленной добычей, съ крестомъ Ивана Великаго и другими предметами народной чтимости, бѣжитъ изъ Россіи. Независимо отъ всѣхъ этѣхъ двигателей, къ нимъ, естественно, присоединилось бы столь же сильное желаніе наживы. На этомъ пространствѣ, конечно, нашлась бы не одна Старостиха Василиса, не одинъ Священникъ, отставныя, военныя и гражданскія, лица всѣхъ чиновъ, Старосты, Управляющіе и другіе поселяне, которые образовали бы изъ крестьянъ партіи, подобно тому, какъ это было въ мѣстахъ, по которымъ уже Французы прошли.[22] Наши партизаны и мелкіе Казачьи от-

[22] Въ книгѣ: «Пораженіе Французовъ на Сѣверѣ» и пр. Москва, 1814 г.,

ряды не замедлили бы очутиться среди нашихъ поселянъ и также, какъ и въ послѣдствіи, руководить ими. Здѣсь народъ былъ свѣжѣе, мѣстность удобнѣе и гидра народной войны разыгралась бы еще неистовѣе. Такія отступленія, и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, на малыхъ пространствахъ и въ меньшей числительности, влекутъ за собой несчастія; на пространствѣ же около четырехъ сотъ верстъ съ безчисленнымъ множествомъ, не считая артиллеріи и парковъ, повозокъ, на совершенно изнуренныхъ лошадяхъ, при потерѣ дисциплины, такія отступленія гибельны. Все это не могло, кажется, ускользнуть отъ проницательнаго ума Наполеона, который, съ самаго вступленія своего въ Смоленскую Губернію, былъ предувѣдомленъ событіями, ожидавшими его въ этомъ отношеніи. Надежда увидѣть Москву невредимой заставляла его думать, что въ ней онъ найдетъ предѣлъ тѣмъ страданіямъ, которымъ армія его подвергалась, и найдетъ собственно для себя успокоеніе. Онъ жестоко обманулся, какъ и всѣ, окружавшіе его: событія должны были ему открыть то положеніе, въ которомъ онъ находился. При такомъ состояніи дѣлъ невольно должно изумляться, что разъ рѣшившись отступить, онъ избралъ для сего тотъ путь, который долженъ былъ еще увеличить его бѣдствія, проникая въ страну, болѣе изрѣзанную и лѣсистую, гдѣ народъ еще не изнуренъ, свѣжъ, распаленъ мщеніемъ и другими страстями, и встрѣтилъ бы съ силой и самоотверженіемъ войска его, съ крѣпко потрясенной уже дисциплиной. Между тѣмъ какъ путь, приведшій его въ Москву, былъ кратчайшимъ, пролегалъ по мѣстамъ болѣе открытымъ, дороги въ исправности и уже знакомы арміи, на которомъ болѣе или менѣе армія находила бы и заготовленія, и укрѣпленные этапы, и гарнизоны, и встрѣчала бы подвозы, и когда имѣли нѣсколько маршей впереди, дисциплина могла бы сохраниться, или, по крайней мѣрѣ, не пасть до степени деморализаціи. Жители на этомъ пространствѣ, разоренные и скитавшіеся около двухъ мѣсяцевъ по лѣсамъ и окрестнымъ селамъ, не могли сохранить той силы, которая необходима для

заслуживающей вниманіе однимъ только тѣмъ, что въ нее внесены, съ показаніемъ Уѣзда и волостей, въ которыхъ разнаго званія лица, поименно, подвизались для защиты Отечества, въ народной войнѣ, съ прописаніемъ подвиговъ, ими совершенныхъ.

борьбы и т. д. Словомъ, повторяю, по крайней мѣрѣ, для меня, необъяснимо избраніе пути по направленію чрезъ Малоярославецъ. Это можно отнести развѣ только къ тому душевному состоянію Наполеона въ Москвѣ, которое такъ ярко описывается свѣдѣтелями, изображающими тогдашнее его волненіе, и какъ онъ переходилъ отъ однихъ предположеній къ другимъ, и обратно: расчитываетъ на неотмѣнное заключеніе мира, который поспѣшитъ предложить ему Императоръ Александръ 1-й, но, послѣ тщетныхъ ожиданій, самъ дѣлаетъ первый шагъ, говоритъ о семъ Тутолмину, потомъ пишетъ Государю и отправляетъ письмо съ Яковлевымъ. Глубокое молчаніе поражаетъ Наполеона, онъ отправляетъ Лористона къ Кутузову въ Тарутино, даетъ вторичное письмо и, въ ожиданіи отвѣта, сидитъ въ этомъ самообольщеніи тридцать пять дней въ Москвѣ: то думаетъ ити прямо въ Петебургъ искать этого мира, то направиться въ Великія Луки, куда хочетъ призвать корпуса, дѣйствующіе на Двинѣ и такъ продолжать движеніе, то сбирается разбить Кутузова въ Тарутинѣ, то хочетъ направиться въ Тулу, оттуда на зимнія квартиры, то въ Галицію, то въ Польшу, то въ Вильну, или расположиться между Днѣпромъ и Двиной. Думаетъ укрѣпить Кремль и зимовать въ Москвѣ, приказываетъ устроить театръ, притягиваетъ къ Смоленску одинъ изъ корпусовъ, дѣйствующихъ противъ Витгенштейна, и опять возвращаетъ. Снова задумываетъ ити на Калугу, а оттуда по мѣстамъ, еще не пострадавшимъ отъ войны, чрезъ Ельню въ Смоленскъ. Не останавливается ни на одномъ соображеніи, не рѣшается положительно ни на какую мѣру. Предъ вступленіемъ въ Москву называетъ Карла XII глупцомъ, а въ Москвѣ — Исторія Короля постоянно лежитъ у него на ночномъ столикѣ. Душевное волненіе Наполеона проявляется во всѣхъ его дѣйствіяхъ, какъ это будетъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ. [23]

Можетъ быть, что среди этого колебанія, внезапная вѣсть о разбитіи Мюрата на Чернишнѣ, 6/18 Октября, заставила Наполеона окончательно рѣшиться взять путь на Калугу, предполагая, что Кутузовъ, заявившій себя помянутымъ дѣломъ, въ полномъ

---

[23] Администраторы его совершенно теряютъ голову. Распоряженія ихъ къ сохраненію арміи изумительны по всѣмъ отраслямъ управленія.

своемъ составѣ въ Тарутинѣ, откроетъ наступательное дѣйствіе на Москву, и что Французская армія въ это время проскользнетъ чрезъ Малоярославецъ на Калугу, или на Медынь, а оттуда на Ельню въ Смоленскъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы уже дѣйствовать быстрѣе, а не тащиться такъ, какъ дѣлалъ это Наполеонъ. [24] Во всякомъ случаѣ весь этотъ эпизодъ чрезвычайно загадоченъ и заслуживалъ бы, повторяю, опытнаго пера. Обращаюсь къ предмету. Вотъ что говорятъ сами Французы объ отступленіи отъ Малоярославца.

Полковникъ Комбъ, издавшій свои Записки только въ 1853 году, подтверждая все, что было писано его предшественниками, также учавствовавшими въ этой войнѣ, относительно состоянія арміи, между прочимъ (p. 141), говоритъ: «Атака на Малоярославецъ не удалась, и мы принуждены были возвращаться по «прежнему пути,» и присовокупляетъ, что тотчасъ послѣ этого сраженія «эгоизмъ началъ одолѣвать всѣми: каждый тщательно «берегъ то, что доставалъ. Не было уже болѣе товарищества, не «было довѣрія. Упадокъ духа изображался на всѣхъ лицахъ.» На

[24] Замѣчательно, что Наполеонъ, по полученіи извѣстія о разбитіи Мюрата на Чернишнѣ, 6/18 Октября, тотчасъ рѣшается оставить Москву, и того же числа посылаетъ къ Бертье свои распоряженія, между коими сказано: «Напишите Мортье, что я выступаю завтра преслѣдовать Русскихъ (!).» Капфигъ же (t. IX, 362) говоритъ: «Наполеонъ рѣшился преслѣдовать Кутузова, до крайности, по дорогѣ въ Калугу.» Но Наполеонъ не йдетъ на Кутузова, находившагося въ Тарутинѣ, а беретъ совсѣмъ другое направленіе, на Боровскъ и на Малоярославецъ, съ цѣлію миновать Кутузова, а не разбить его; а какъ неожиданное появленіе Русскаго Корпуса въ Малоярославцѣ было для него событіемъ очень непріятнымъ, въ особенности же, когда къ вечеру Кутузовъ пришелъ со всею арміей, то Наполеонъ заблагоразсудилъ отказаться отъ разгромленія Русской арміи.» Странное дѣло!.. Капфигъ (p. 408) пишетъ, что «Наполеонъ уже, по дорогѣ къ Малоярославцу, серіозно говорилъ, что онъ уничтожитъ Кутузова (а самъ ищетъ миновать его) и пойдетъ чрезъ Тулу въ Галицію!» Генералъ Сарразенъ, разбирая 25-й бюллетень, извѣщавшій объ оставленіи Москвы, между прочимъ (p. 182) говоритъ: «Географическія разъясненія, которыя Наполеонъ дѣлаетъ, подъ предлогомъ, что положеніе Москвы не составляетъ военнаго пункта, существовали прежде, нежели онъ занялъ ее. Этѣмъ онъ осуждаетъ себя, желая оправдаться, и произноситъ похвалу Русскимъ завѣреніемъ «своимъ, что они сознали политическое значеніе Москвы, превративъ ее въ груду развалинъ.»

пространствѣ отъ Малоярославца еще только до Можайска, вотъ что онъ (p. 142) говоритъ: «Кавалеристы всякаго рода оружія, «безъ лошадей, соединялись съ пѣхотинцами всѣхъ полковъ. Вся«кая подчиненность, всякая дисциплина, становилась невозможной. «Одинъ арріергардъ стоялъ твердо и противился непріятелю.»

Тьеръ (p. 490) говоритъ, что съ перваго дня отступленія послышались взрывы; начали покидать повозки, сбрасывать съ нихъ раненыхъ, замѣчая (p 484): «когда смущеніе одолѣваетъ «умами, даже самыми отважными, то никогда не бываетъ въ по«ловину.» Этотъ безпорядокъ, по мѣрѣ движенія, усиливался: око«ло Гжатска (p. 499) безпрерывные взрывы слышались повсюду: «по мѣрѣ того, какъ увеличивалось безпокойство, усиливался эго«измъ и съ повозокъ сбрасывали раненыхъ въ поле.» Наполеонъ (p. 500), въ Малоярославцѣ приказалъ «перенумеровать повозки, «на которыхъ были распредѣлены раненые, но чрезъ два марша, «мѣра эта оказалась недѣйствительной: раненыхъ сбрасывали на «каждомъ шагу.»

Графъ Сегюръ (t. II, p. 106), сказавъ, что Наполеонъ, столкнувшись съ Кутузовымъ, приказываетъ отступать и на маршѣ своемъ къ Можайску все предавать огню (p. 111), присовокупляетъ: «все измѣнилось: дороги, лица, мужество. Армія сдѣла«лась угрюмой, движеніе затруднительнымъ. Оцѣпененіе началось.» При переправѣ черезъ Колочу безпорядокъ былъ такъ великъ, что, «казалось, каждый корпусъ шелъ самъ по себѣ, ничто ихъ «не связывало.»

Два очевидца (p. 193) говорятъ: «Особенно замѣчательно въ «этомъ отступленіи было то, что кавалеристы шли пѣшкомъ, а «между тѣмъ множество пѣхотинцевъ ѣхали верхомъ.»[25]

Они же (p. 179) говорятъ: «Когда 14/26 Окрября главная «квартира вышла изъ Боровска и направилась на Можайскъ, оцѣ«пенѣніе объяло армію при вѣсти, что она должна отступать по

[25] То было чистое подражаніе Янычарамъ, тогда еще существовавшимъ, которые, будучи обращены въ бѣгство, бросались на Спаговъ, отнимали у нихъ лошадей, чтобы укрыться отъ опасности.

«разоренной дорогѣ на Смоленскъ. При одной этой мысли ужасъ «поразилъ всѣхъ.» При такихъ условіяхъ неповиновеніе породило еще болѣе бродягъ. Явились разноцвѣтныя толпы грабителей, и великая армія распалась еще до морозовъ. Шестнадцатилѣтній навыкъ предводителей начальствовать надъ этѣми войсками здѣсь не могъ уже совладать съ ними.

То же замѣчаетъ и одинъ изъ нашихъ соотественниковъ:[26] «Отъ Малоярославца началось своеволіе, отлучки и нравственная «болѣзнь, грусть и уныніе.»

«Съ перваго перехода отъ Малоярославца (говоритъ Капфигъ, «t. XVIII, p. 2) строгая дисциплина не была уже соблюдаема.»

Баронъ Деньс (p. 114) пишетъ: «Отступленіе отъ Малоярославца усилило разстройство нравственныхъ силъ солдата, уныніе быстро стало развиваться.» А Генералъ Раппъ говоритъ: «Еще въ Можайскѣ пробилъ часъ бѣдствій.»

Генералъ Фезензакъ (p. 76) свѣдѣтельствуетъ: «Съ первыхъ дней (отъ Малоярославца) это отступленіе походило на бѣгство. Императоръ продолжалъ свое мщеніе на домахъ: все «жгли» и пр.' Но вскорѣ мщеніе его достигло высшихъ размѣровъ.

Констанъ (t. V, p. 109) говоритъ, что во время этого отступленія къ Бородину: «отъ времени до времени ужасные взрывы «заставляли насъ ворочаться, чтобы видѣть, что дѣлается сзади: «это были ящики, которые взрывали, чтобы облегчить наше «движеніе.»

Между тѣмъ многіе положительно утверждаютъ, конечно, только фразами, что Французы одержали въ Малоярославцѣ славную побѣду.[27]

Мишо (p. 173) свѣдѣтельствуетъ, что Бородинское поле, по которому Французы должны были проходить, и зрѣлище непре-

---

[26] В. Глинка, въ книжкѣ: «Малоярославецъ въ 1812 году.» Спб. 1842.

[27] Сентъ-Илеръ (t. II, p. 234) говоритъ: «На битву эту должно смотрѣть, какъ «на одинъ изъ самыхъ блистательныхъ подвиговъ, совершившихся въ 1812 году, «относительно неравенства силъ разбитой арміи и арміи, ее побѣдившей;» (p.

данныхъ землѣ труповъ, а можетъ быть и грустное воспоминаніе, имѣли сильное вліяніе на солдатъ; потомъ ужасное зрѣлище въ Колоцкомъ монастырѣ, и наконецъ раненые, выброшенные изъ маркитантскихъ повозокъ въ поле, довершили уныніе.[28]

Тьеръ (t. XIV, p. 513), сказавъ, что всѣ раненые были оставлены безъ вниманія, присовокупляетъ: «союзные солдаты, «которыхъ національности мы не назовемъ и которымъ по-«ручены были плѣнные, чтобы избавиться хлопотъ, перестрѣля-«ли ихъ въ голову.»

Что Французскихъ раненыхъ сбрасывали съ повозокъ, это единогласно свѣдѣтельствуется всѣми историками-очевидцами. Касательно же перебитія нашихъ плѣнныхъ хотя столь же единогласно говорится, но тутъ, однако же, встрѣчаются нѣкоторыя несогласія въ частностяхъ. Безчеловѣчный поступокъ съ своими ранеными исключительно принадлежитъ народному свойству Французовъ, обнаруживающемуся въ обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ они тогда находились, какъ это свѣдѣтельствуется ихъ же писателями. Сбрасыванье съ повозокъ своихъ раненыхъ и больныхъ совершалось вопреки распоряженіямъ главнаго тогда ихъ полководца; относительно же избіенія Русскихъ — совсѣмъ другое дѣло.

До сихъ поръ печальное событіе это не разсмотрѣно критически, и всѣ повѣствованія объ ономъ не сведены для взаимнаго согласованія; ибо хотя историки-участники въ этой войнѣ согласны между собою въ томъ, что Русскіе плѣнные были перестрѣляны, но исполнителей-варваровъ называютъ различно: одни

---

254):... «Такимъ образомъ Французская армія, хотя и побѣдительница, пред-«приняла отступленіе;» (присовокупляетъ): «До тѣхъ поръ, пока шли на непрія-«теля, солдаты сохраняли воинственный видъ.» (И вдругъ, съ перваго перехода, теряютъ духъ!): «На пути Французы увидѣли, въ чемъ заключалась печальная «достопамятная Малоярославецкая побѣда.» Въ слѣдъ за этой блистательной побѣдой (описываетъ, какъ и всѣ другіе) ужасы этого бѣгства. Не привожу еще многихъ, подобныхъ уже до безстыдства, фразъ.

[28] Такимъ образомъ Французы сохраняли своихъ раненыхъ, о чемъ, какъ видѣли выше, въ главѣ: «Отступленіе,» Генералъ Пеле такъ ораторствуетъ.

обозначаютъ ихъ общимъ именемъ «солдатъ Рейнскаго Союза,» иные называютъ «Баденцевъ, Гессенцевъ, Дармштадтцевъ, Вестфальцевъ,» другіе приписываютъ это «Испанцамъ, Португальцамъ и Полякамъ,» или взваливаютъ все на одныхъ «Испанцевъ;» есть и такіе, которые приписываютъ оное «молодой гвардіи,» т. е., самимъ Французамъ и т. д. Тьеръ просто «Союзнымъ войскамъ!» Нѣкоторые изъ историковъ-свѣдѣтелей относятъ этѣ убійства къ «самопроизволу конвойныхъ,» другіе говорятъ, что все это производилось по приказанію «самаго Наполеона,» котораго, въ свою очередь, защищаютъ его сторонники.

Г. Тьеръ, по всему вѣроятію, имѣвшій возможность пояснить этотъ варварскій поступокъ, отказывается отъ сего, можетъ быть, по причинамъ, что ближайшее разсмотрѣніе этого эпизода обнаружило бы главнымъ виновникомъ тому тогдашняго Повелителя какъ солдатъ Французскихъ, такъ и Союзныхъ имъ. Молчаніемъ своимъ Г. Тьеръ ставитъ своихъ читателей еще въ большее неудомѣніе. Если тогдашній Повелитель Франціи дѣйствительно не былъ главнымъ виновникомъ этой ужасной мѣры, то слѣдовало бы разъяснить неосновательность повѣствованія нѣкоторыхъ и уничтожить и самую тѣнь подозрѣнія, корое исторіографъ своею сдержанностью еще болѣе усиливаетъ. Не уже ли у историка той знаменитости, на которую Г. Тьеръ вдвинутъ, можетъ быть лицепріязнь къ тѣмъ, или другимъ, національностямъ, къ тѣмъ, или другимъ, личностямъ, которая могла бы заставить его измѣнить истинѣ? Событія 1812 года вошли уже въ колесо исторіи. Многотомный же трудъ Г. Тьера включаетъ въ себѣ большее число самыхъ ужасныхъ эпизодовъ, и онъ, однако же, не затрудняется называть, съ приложеніемъ еще эпитетовъ и собственнаго своего издѣлія, и національность, и имена главныхъ дѣятелей, а здѣсь уклоняется не только опровергнуть тѣхъ, которые писали объ этомъ, отягощая обвиненіемъ самого Наполеона, но даже не хочетъ и высказать своего мнѣнія. Знаменательно!

Приведу все, что повѣствователи говорятъ объ этомъ избіеніи.

Генералъ Фезензакъ, описывая отступленіе отъ Малоярославца (р. 77), присовокупляетъ, что въ окрестностяхъ еще

Можайска: «колонна Русскихъ плѣнныхъ, конвоируемая войсками «Рейнскаго Союза, шла впереди насъ. Конвойные солдаты уби«вали отстававшихъ. Мы находили на дорогѣ ихъ трупы: у всѣхъ «ихъ были размозжены головы.[30]

Роосъ, описывая отступленіе къ Гжатску, между прочимъ (p. 186, 187, 188) говоритъ: «Слѣдуя съ товарищами за Напо«леономъ, шедшимъ къ Гжатску съ своею гвардіей, мы находили «посреди дороги лежащихъ по одиночкѣ, на нѣкоторое разстоя«ніе одинъ отъ другого, трупы Русскихъ солдатъ, и ясно видѣли, «что они, не задолго предъ тѣмъ, были убиты выстрѣломъ въ «голову. Одинъ изъ этѣхъ труповъ былъ найденъ нами даже «еще теплымъ. Мы не могли объяснить себѣ этого страннаго «явленія, но въ Гжатскѣ узнали, что при обозѣ Императора на«ходилась часть плѣнныхъ;[31] какъ этѣхъ, такъ и обозъ конвоиро«вали Баденскіе гренадеры, коимъ отдано было строжайшее варвар«ское приказаніе: если кто изъ плѣнныхъ утомится и не будетъ «въ силахъ идти далѣе, такого тотчасъ пристрѣливать... На томъ «разстояніи, которое мы прошли до вечера, нашли около осьми «такихъ труповъ... Баденскіе гренадеры дѣйствительно сопровожда«ли обозъ, кассу и кухню Наполеона до самой Березины. Но «вотъ еще ближайшее свѣдѣніе, которое я получилъ въ Борисовѣ «на Березинѣ отъ двухъ Унтеръ-Офицеровъ этѣхъ самыхъ Ба«денскихъ гренадеръ, которые, будучи, какъ и я, плѣнными, мнѣ «прислуживали. Они часто разсказывали мнѣ объ этомъ обстоя«тельствѣ. Наполеонъ самъ, говорили они, отдалъ это прика«заніе. Офицеры его Штаба были частью за, частью противъ

---

[30] Авторъ «Исторіи войны 1812 г.» (т. III, стр. 59) говоритъ: «Когда плѣнные па«дали отъ усталости, непріятели добивали ихъ прикладами.» Здѣсь ссылка (№ 60), въ которой упоминаетъ вскользь Сегюра, Гурго и Фезензака, переводя то, что выше, и слово fracassé переводитъ проломленными головами, и уже отъ себя прибавляетъ — прикладами, тогда какъ изъ всѣхъ безъ изъятія показаній видно, что ихъ пристрѣливали въ голову. Історіографъ, по видимому, большой сторонникъ прикладывать выраженіе — приклады: такъ онъ заставляетъ Французовъ подъ Бородинымъ бить прикладами Генерала Лихачева, и также сдѣлалъ объ этомъ цитату, въ которой нѣтъ и помину, какъ у Фезензака, о прикладахъ.

[31] Изъ сего ясно видно, что плѣнные слѣдовали не всѣ вмѣстѣ.

«этой мѣры; между послѣдними они называли Бертье и еще другаго, которые даже шепнули гренадерамъ доставлять возможность этѣмъ плѣннымъ ускользать мало по малу въ ночное время. Оба Унтеръ-Офицера давали плѣннымъ знаки и намеки, въ особенности при огнѣ, ночью, и для того посылали ихъ съ посудой за водой въ лѣсъ, но они всегда возвращались и были слишкомъ робки и нерѣшительны на побѣгъ. Умерщвленіе это прекратилось, однако же, на другой день.» [32]

Графъ Сегюръ (t. II, p. 115, 116), описавъ ужасы, встрѣченные въ Колоцкомъ монастырѣ, при которомъ Наполеонъ останавливался на нѣкоторое время, присовокупляетъ: «Вечеромъ, въ этотъ переходъ Императорская колонна подходила къ Гжатску; она была удивлена тѣмъ, что находила на дорогѣ Русскихъ, недавно убитыхъ, и замѣтила, что у всѣхъ ихъ головы были разбиты одинаковымъ образомъ и окровавленные мозги были разбросаны около ихъ. Знали, что двѣ тысячи Русскихъ плѣнныхъ, конвоируемые Испанцами, Португальцами и Поляками, шли впереди. Каждый изъ насъ, сообразно своему характеру, находилъ это или правильнымъ, или неправильнымъ, или же, наконецъ, былъ равнодушнымъ. Всѣ этѣ различныя впечатлѣнія оставались около Императора безмолвными. Разразился Коленкуръ. Онъ вскричалъ, что это ужасное безчеловѣчье! Такое-то смягченіе нравовъ вносили мы въ Россію! [33] Какое впечатлѣніе такое варварство сдѣлаетъ на непріятеля? Не оста-

---

[32] «Повѣствованіе Графа Сегюра (присовокупляетъ Роосъ) объ этомъ обстоятельствѣ очень уклоняется отъ истины: «Убійство произошло по приказанію» и т. д. Но Гурго, въ возраженіяхъ Сегюру, приписываетъ ему тоже мнѣніе, что убійства происходили по повелѣнію Наполеона.

[33] Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, seconde part., p. 24), говоря о помянутомъ пристрѣливаньи плѣнныхъ, присовокупляетъ: «Такимъ образомъ продолжительная «послѣдовательность бѣдствій содѣлываетъ людей эгоистами, варварами и равно«душными къ бѣдствіямъ, которыя они производятъ, по тому что этѣ бѣдствія «едва могутъ равняться съ тѣми, которыя они и сами претерпѣваютъ, какъ богословы говорятъ о злыхъ духахъ, что они подвигаемы бываютъ на свои зло«желательныя дѣйствія противъ человѣка по чувству тайнаго сознанія собственнаго своего отверженія.»

«вляемъ ли мы ему нашихъ раненыхъ и огромнаго числа плѣн-«ныхъ? Будетъ ли у него недостатокъ для произведенія ужаснѣй-шаго возмездія?

«Наполеонъ сохранялъ мрачное молчаніе, но на другой день «этѣ убійства прекратились. Довольствовались только тѣмъ, «что оставляли этѣхъ несчастныхъ умирать съ голоду, загоняя «ихъ на ночь въ загороды, какъ это дѣлаютъ со скотомъ. Конечно, «и это было варварство; но что другое могли сдѣлать? Размѣнять «ихъ? Русскіе отказывались. Освободить? Они обнажили бы общія «наши лишенія и скоро, соединенно съ другими, возвратились «бы, чтобы съ остервенѣніемъ броситься на нашъ слѣдъ. Въ этой «войнѣ на смерть, дать имъ жизнь значило бы пожертвовать са-«мими собою: были жестоки по необходимости. Впрочемъ (присо-«вокупляетъ сочинитель), при отправленіи нашихъ плѣнныхъ внутрь «Россіи, съ Французскими солдатами обходились столь же безче-«ловѣчно, а тамъ, однако же, не было той повелѣвающей необхо-«димости, которая могла бы извинить это.»

Французъ не можетъ обойтись безъ фразъ. Если бы онъ сказалъ, что съ плѣнными, попадавшимися крестьянамъ, обходились не очень вѣжливо, то это еще бы ничего не значило; но находить извиненія своему варварству въ томъ, что и съ Французскими солдатами, отправленными въ средину Россіи, обходились безчеловѣчно, это въ высшей степени ложь, которой и опровергать не стоитъ.» [34]

Замѣчательная логика! Сочинитель говоритъ, что освобожденные могли огласить всѣ бѣдствія и лишенія, въ которыхъ находилась Французская армія. Наши плѣнные, по положенію своему, далеко

[34] Нѣкоторые изъ Французовъ, а также и Поляковъ, большею частію не бывшихъ въ плѣну, составляли какъ бы поэмы о пребываніи въ Россіи плѣнныхъ, создавая для сего въ воображеніи своемъ все, что недоброжелательство могло только имъ внушать, и, конечно, для этого они хотѣли своими страшными разсказами заинтересовать публику, враждебную нашему отечеству, и получить выгоды отъ изданій подобныхъ памфлетовъ. Но то, что пишутъ собственно плѣнные, находившіеся у насъ въ разныхъ Губерніяхъ, то, исключая нѣкоторыхъ неудобствъ на пути до ихъ назначенія, болѣе справедливо. Впрочемъ, сколько ихъ осталось у насъ добровольно? Сколько изъ нихъ разбогатѣло даже до высшихъ цифръ и т. д.! Но не много изъ нашихъ осталось во Франціи.

не могли бы намъ сообщить того, что мы на каждомъ шагу видѣли и узнавали отъ ежедневно забираемыхъ Французовъ и ихъ союзниковъ, которые положительно разсказывали все то, чему подвергались отступающіе, или, правильнѣе сказать, бѣгущіе: состояніе Французской арміи не было для насъ тайной. Но если Графъ Сегюръ, Цельнеръ и нѣкоторые другіе такъ опасались освобожденія нашихъ плѣнныхъ, то, не все ли равно, если бы ихъ и размѣняли: развѣ тогда они бы иначе изобразили положеніе Французской арміи? Что за смыслъ!

Цельнеръ (S. 154, 155) говоритъ во всемъ одинаково съ Сегюромъ, и тоже называетъ Испанцевъ, Португальцевъ и Поляковъ.

Генералъ Гурго, находившійся въ это время также при Наполеонѣ, въ возраженіяхъ своихъ на сочиненіе Графа Сегюра, между прочимъ (p. 200) говоритъ: «Касательно труповъ Русскихъ «плѣнныхъ, найденныхъ лежавшими по дорогѣ, повѣствуемое Графомъ Сегюромъ невѣрно; вотъ что происходило: Императоръ, «въ головѣ своего Штаба, ѣхалъ по правой сторонѣ Смоленской «дороги. Замѣтивъ трупы двухъ, или трехъ, солдатъ, лежащіе «въ недальнемъ разстояніи отъ этой дороги, подозвавъ ординарца «(это былъ авторъ, Гурго), ѣхавшаго передъ нимъ, приказалъ «ему посмотрѣть, что это такое? Ординарецъ возвратился и доложилъ ему, что это Русскіе. Императоръ казался очень удивленнымъ и сказалъ: «Какъ! Русскіе! Впереди насъ?!» Ординарецъ «отвѣчалъ: «Государь! Я узналъ, что Испанцы и Португальцы, на коихъ возложено конвоированье плѣнныхъ, перестрѣляли «многихъ, которые не хотѣли итти.» [35] Физіономія Императора «приняла видъ грозный: «Какъ!» сказалъ онъ съ живостью; «избиваютъ плѣнныхъ? Бертье, что это значитъ?» Бертье отвѣчалъ, что «онъ ничего не знаетъ и тотчасъ освѣдомится. Произведено было «слѣдствіе. Испанцы утверждали, что колонна Русскихъ плѣнныхъ, отыскавъ въ одномъ изъ брошенныхъ на дорогѣ фургоновъ водку, напилась сверхъ мѣры, и что многіе, будучи пьяными, хотѣли обезоружить конвойныхъ солдатъ, которые и стрѣ-

---

[35] Это была истина, сказанная на мѣстѣ, а далѣе — составленная басня, будто бы открытая слѣдствіемъ!

«яли въ нихъ. Предписаны были мѣры для отклоненія на буду-
«щее время подобныхъ безпорядковъ.» [36]

За симъ Гурго, возражая Сегюру противъ словъ: «Наполе-
«онъ сохранилъ мрачное молчаніе, и на другой день убій-
«ства прекратились,» говоритъ: «Изъ сихъ словъ можно пони-
«мать только то, что Императоръ былъ самъ виновникомъ, или
«участникомъ, этѣхъ убійствъ. Это незаслуженное оскорбленіе,
«сдѣланное возвышенному характеру Наполеона, возбуждаетъ
«только негодованіе. Даже политика Императора была заинтере-
«сована не терпѣть такихъ жестокостей, ибо Русскіе находились
«въ возможности прибѣгнуть къ возмездію, и въ несравненно боль-
«шихъ размѣрахъ.»

Гурго продолжаетъ: «Графъ Сегюръ утверждаетъ, что до-
«вольствовались только тѣмъ, что оставили этѣхъ несча-
«стныхъ умирать съ голода,» присовокупляя далѣе: «но что
«могли сдѣлать съ ними?»—«То, что сдѣлали,» возражаетъ на это
«Гурго: Русскіе плѣнные солдаты существовали точно такъ, какъ
«наши солдаты, большею частью, кониною. Были въ необходи-
«мости быть жестокими! Три, или четыре, тысячи безоруж-
«ныхъ Русскихъ (продолжаетъ Гурго), на свободѣ, или плѣнными,
«ничего бы не прибавили ни къ нашимъ страданіямъ, ни къ на-
«шему благосостоянію. Этѣ плѣнные оставались непрерывно назади
«и были подобраны своими соотечественниками.»

Первое справедливо, но послѣднее быть не могло.

Замѣчательно здѣсь, что Гурго, возражая Сегюру, одина-
ково говоритъ объ Испанцахъ и Португальцахъ, конвоиро-
вавшихъ плѣнныхъ, не упоминая о Полякахъ и не опровергая,
однако же, въ этомъ Сегюра, чего не упустилъ бы сдѣлать, если

---

[36] Можно ли этому повѣрить? Оставленный фургонъ съ водкой, конечно, не могъ попасть въ руки плѣнныхъ прежде конвойныхъ и другихъ войскъ, тутъ слѣдовавшихъ. Взбунтовавшіеся же плѣнные, если бы и были перестрѣляны, то, конечно, не лежали бы по одиночкѣ на протяженіи дороги. Гурго плохой адвокатъ. Далѣе видно будетъ, какія мѣры принимались для ихъ конвоированія; это отымаетъ всякую мысль о возможности того, что пишетъ Гурго.

бы конвоировали другія войска. Далѣе, попытаю согласовать разногласія въ происхожденіи, даваемомъ конвойнымъ.

Графъ Солтыкъ, также находившійся при Наполеонѣ (p. 384) говоритъ: «Подаваясь съ товарищами впередъ, среди огромнаго сборища людей безъ начальства, которые толпились около частей войскъ, сохранившихъ оружіе и шедшихъ еще въ довольно хорошемъ порядкѣ, мы услышали впереди насъ выстрѣлы, часто повторявшіеся, но съ большими промежутками. Въ началѣ мы думали, что это схватка съ Казаками, насъ опередившими, но, по мѣрѣ того, какъ подавались впередъ, мы находили на большой дорогѣ трупы Русскихъ солдатъ, и съ ужасомъ узнали, что этѣ выстрѣлы были дѣлаемы Испанцами, которые, такимъ образомъ, убивали плѣнныхъ, ими конвоируемыхъ. Несчастные плѣнные, выбившіеся изъ силъ отъ голода и усталости, не имѣя возможности итти, отставали; Испанскіе солдаты тщетно подгоняли ихъ прикладами, но плѣнные оканчивали тѣмъ, что падали отъ изнеможенія, и тогда, чтобы покончить съ ними, этѣ варвары стрѣляли имъ въ ухо.» Сочинитель присовокупляетъ: «Наполеонъ, узнавъ объ этѣхъ экзекуціяхъ, изъявилъ величайшие неудовольствіе и тотчасъ прекратилъ оныя.»

И это также неосновательно, какъ и то, что говорилъ Сегюръ; ни одинъ изъ плѣнныхъ не перешелъ за Дорогобужъ, а Наполеонъ шелъ тогда впереди, и по тому не могъ уже встрѣчать труповъ. Замѣчательно здѣсь, что Солтыкъ точно также, какъ Сегюръ и Гурго, находился при Наполеонѣ, и говоритъ одинаково объ Испанцахъ.

Но вотъ что пишетъ Маркизъ Шамбре (t. II, p. 385). Изображая бѣдствія арміи, приближающейся къ Дорогобужу, уже за Вязьмой, присовокупляетъ: «Изъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ битвахъ въ Малоярославцѣ и Вязьмѣ, пристрѣливали тѣхъ, которые не могли итти.» [37]

Здѣсь очень ясно, во первыхъ, что плѣнные, о которыхъ говорятъ Роосъ, Сегюръ, Гурго и Солтыкъ, пристрѣливаемые до

[37] О плѣнныхъ въ Вязьмѣ упоминается нѣкоторыми историками, какъ находившихся при войскахъ, тутъ сражавшихся.

Гжатска, шли въ особой колоннѣ, и въ ней плѣнныхъ, взятыхъ въ Вязьмѣ, быть не могло, ибо Вязьма находилась еще далеко впереди. Въ вторыхъ, что, по повѣствованію помянутыхъ четырехъ писателей-очевидцевъ, будто бы на другой день послѣ того, что Наполеонъ увидѣлъ, это пристрѣливанье прекратилось, неосновательно. Отъ Гжатска Наполеонъ поспѣшилъ впередъ, слѣдовательно, очень ясно, что, оставивъ плѣнныхъ назади, Сегюръ, Гурго, Солтыкъ и другіе, сопровождавшіе его, не могли уже находить на дорогѣ труповъ этѣхъ несчастныхъ. Шамбре же, оставшись съ арміей, продолжалъ находить пристрѣленныхъ до Дорогобужа. Фезензакъ также не говоритъ о прекращеніи этѣхъ убійствъ ни на другой день, ни въ послѣдствіи. Наконецъ, въ третьихъ, мѣра эта пристрѣливать тѣхъ, которые отъ изнеможенія не могли слѣдовать, была мѣрой общей, предписанной гораздо прежде даже помысла объ отступленіи, а именно: прежде половины Сентября, что видно будетъ въ слѣдъ за симъ.

Полковникъ 3-го Вестфальскаго полка, Лосбергъ, въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ, бросаетъ (S. 106, 112, 115 и 123) нѣкоторый свѣтъ на эту ужасную драму.

Изъ Можайска, отъ 3-го Октября, [38] онъ пишетъ:

«Въ теченіе пяти дней, проведенныхъ мною на дорогѣ отъ «Москвы сюда, я узналъ бѣдствіе людское въ отвратительнѣйшемъ «его видѣ, и благодарю Всевышняго, что этѣ пять дней уже «за мной.

«Около шести часовъ утра, изъ строенія, находящагося не «вдалекѣ отъ Можайской дороги, мнѣ передали тысячу пять-

---

[38] Обстоятельство, чрезвычайно важное для разъясненія этого предмета: 3-е Октября новаго счисленія соотвѣтствуетъ 21-му ч. Сентября стараго, слѣдовательно, если предположить даже, что Лосбергъ писалъ въ самый день прибытія въ Можайскъ, 21 Сентября, и какъ онъ употребилъ пять дней для перехода, то и выходитъ, что онъ вышелъ изъ Москвы 15-го, или 16-го, Сентября, т. е., около двухъ недѣль послѣ занятія Москвы. Но изъ всего должно заключить, что Лосбергъ вышелъ гораздо ранѣе, ибо далѣе, какъ увидимъ, онъ извѣщаетъ, что 2-й егерскій баталіонъ, выступившій изъ Москвы $^{14}/_{26}$ Сентября съ тысячью плѣнными, прибылъ въ Можайскъ благополучно.

«сотъ (а не двѣ тысячи, какъ на канунѣ меня увѣдомили) плѣн-«ныхъ, въ томъ числѣ сорокъ Офицеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что продовольствія для нихъ нѣтъ даже и на одинъ «день, [39] и что ихъ должно доставить въ Можайскъ до другой «смѣны конвоя, а если нужно, то и далѣе. При этомъ Полковникъ «Бернаръ, поручившій мнѣ плѣнныхъ, далъ мнѣ письменное пред-«писаніе: «пристрѣливать всѣхъ отсталыхъ.»

«Признаюсь, что отъ такого приказанія возмутились всѣ мои «чувства. Я также понималъ опасность провести по вооружив-«шейся странѣ тысячу пятьсотъ человѣкъ, доведенныхъ до отчая-«нія, подъ прикрытіемъ только осьмисотъ человѣкъ, состояв-«шихъ въ полку вмѣстѣ съ артиллеріей; но я не могъ ничего воз-«разить Французскому Полковнику, который говорилъ: «Такъ какъ «всѣ бѣдствія произошли отъ способа веденія Русскими войны, «то и плѣннымъ слѣдуетъ первымъ испытать оный.» [40]

«Счастіе для насъ, что въ числѣ окружавшихъ насъ Русскихъ «(говорили, присовокупляетъ сочинитель, что кромѣ Казаковъ, «они для партіи употребляли и регулярную конницу) не было «смѣлаго партизана. Ему бы, не смотря ни на какія предосто-«рожности и при упорнѣйшей съ нашей стороны оборонѣ, не «трудно было бы освободить плѣнныхъ и поставить полкъ (сколь-«ко бы осталось въ живыхъ) въ ихъ положеніе. Чтобы по воз-«можности обезпечить себя отъ всякаго несчастія, мы шли въ слѣ-«дующемъ порядкѣ: плѣнные въ двухъ отдѣленіяхъ. Я распредѣ-«лилъ конвой такимъ образомъ: изъ трехъ отрядовъ, каждый въ «сто двадцать человѣкъ, одинъ долженъ былъ итти въ головѣ, «другой въ срединѣ, а третій на хвостѣ колонны плѣнныхъ. «Остальное число дѣлалось свободнымъ для всякаго употребленія

---

[39] «Этѣ плѣнные давно не получали ни какой другой пищи, кромѣ павшихъ лоша-«дей, отъ чего изъ двухъ тысячъ, ихъ и оказалось только тысяча пятьсотъ. Слѣдовательно, въ нѣсколько дней пребыванія еще въ Москвѣ пятьсотъ погибли отъ голода. Гуманно! Въ особенности тогда, когда продовольствіе еще было.

[40] И послѣ этого Французы называютъ насъ варварами! Впрочемъ, не одинъ Полковникъ Бернаръ былъ проникнутъ этѣмъ великодушіемъ. Мы увидимъ далѣе, что это восходило до крайней точки.

«и изъ котораго въ то же время, такая же часть, раздѣленная «на два отдѣленія, шла по сторонамъ на одной высотѣ, въ разстояніи отъ десяти до двадцати шаговъ, такъ что между ними «не было плѣнныхъ; дорога отъ Москвы до Смоленска дозволяла «это. Плѣнные слѣдовали въ шесть рядовъ, возлѣ нихъ, на разстояніи отъ шести до десяти шаговъ, шли отдѣльные солдаты, «въ пяти шагахъ одинъ за другимъ. Сверхъ того, были еще небольшіе авангардъ и арріергардъ, боковые отряды и патрули, «имѣвшіе приказаніе, при слѣдованіи лѣсомъ, растягиваться въ «стороны для того, чтобы намъ не попасть на непріятельскую «засаду, на открытой же мѣстности приближаться къ колоннѣ, «разъединяться и смотрѣть въ оба. Наконецъ, имъ было приказано, если нѣтъ въ виду непріятеля, подкрѣплять тѣхъ, которые «конвоируютъ плѣнныхъ. Полковая артиллерія шла въ головѣ колонны для того, чтобы могла дѣйствовать противъ плѣнныхъ «безъ заѣзда.“[41]

«Для внутренняго порядка между плѣнными, ихъ раздѣлили «на отдѣленія по сту и по двѣсти человѣкъ, подъ начальствомъ «изъ среды ихъ преимущественно знавшихъ Нѣмецкій языкъ. Этѣ «передали имъ приказаніе: коль скоро только раздадутся выстрѣлы, то они немедленно должны ложиться и конвою сейчасъ же «стрѣлять по тѣмъ, которые сего не исполнятъ. Подъ опасеніемъ «тѣлеснаго наказанія, воспрещено было говорить громко; согласно «съ этѣмъ и конвой получилъ приказаніе о соблюденіи вышесказаннаго. Всѣмъ окружающимъ отрядамъ строго было воспрещено стрѣлять по отдѣльно приближающемуся непріятелю. Но имъ «было приказано, по приближеніи болѣе значительной партіи, «подавать сигналъ вниманія, посредствомъ находящихся при нихъ «горнистовъ и барабанщиковъ.

[41] Какъ этѣ предосторожности, такъ и послѣдующія, конечно, были общими, и я привелъ ихъ здѣсь съ тѣмъ, чтобы показать всю несбыточность повѣствованія Гурго, будто плѣнные разбили фургонъ съ водкой и перепились. Что бы дѣлали конвойные въ то время, пока тѣ разбивали и пили? Противъ тѣхъ же плѣнныхъ, которые слѣдовали при Главной Квартирѣ Наполеона, несомнѣнно принимались еще болѣе строгія мѣры.

«Сорокъ человѣкъ Французскаго конно-егерскаго полка на-«ходились при конвоирующемъ полкѣ. Изъ нихъ двадцать чело-«вѣкъ были назначены для караула при Русскихъ Офицерахъ, «бывшихъ на четверть часа впереди, гдѣ всегда былъ и Пол-«ковникъ; [42] все остальное распоряженіе продоставлено было мнѣ. «Другіе двадцать конныхъ егерей составляли его конвой, съ ко-«торымъ онъ въ послѣдніи часъ перехода, отправлялся впередъ «занимать квартиры для полка и для плѣнныхъ. [43]

«Мы имѣли четыре ночлега и на пятый пришли въ Можайскъ, «гдѣ, сдавъ плѣнныхъ корпусному начальнику, расположились по «квартирамъ.

«На первомъ ночлегѣ, въ Перхушкинѣ, мы нашли Капитана «Фонъ Борделебена въ превосходномъ оборонительномъ положе-«женіи противъ окружавшихъ его Русскихъ. Плѣнные получили «четыре коровы, я приказалъ раздѣлить ихъ по ровну на всѣхъ «чрезъ ихъ собственныхъ вожатыхъ. Случаемъ, что намъ удалось «унять ихъ голодъ, мы обязаны Борделебену, который на фура-«жировкѣ въ окрестностяхъ захватилъ стадо, и тѣмъ значительно «увеличилъ полковую провизію. Но на другихъ ночлегахъ, въ Го-«лицынѣ (Вязема), Кубовскомъ и Щелковѣ, я не могъ ничего дать «плѣннымъ, кромѣ палыхъ лошадей, которыхъ велѣлъ отыскивать «и дѣлить между ними, позволилъ также нѣкоторымъ изъ плѣн-«ныхъ заняться приготовленіемъ этой пищи, на сколько кухонная «посуда это позволяла. По большой части они предпочитали мя-«со сырое.

«Въ Голицынѣ для плѣнныхъ помѣщенія недоставало, но на «двухъ послѣднихъ ночлегахъ, при почтовыхъ станціяхъ были «большія конюшни, гдѣ всѣ они и помѣщались.

---

[42] Должно полагать, что вышеназванный Французскій Полковникъ, Бернаръ. На Нѣмцевъ, какъ видно въ другихъ главахъ, не очень полагались: они всегда были подъ надзоромъ. Жалкая роль!

[43] «Полковникъ предоставилъ мнѣ всѣ этѣ распоряженія по конвоированію, вѣро-«ятно, по тому, что надѣялся на мое человѣколюбіе, не рѣшаясь отмѣнить при-«казаніе на счетъ пристрѣливанія плѣнныхъ. Мы съ нимъ объ этомъ не го-«ворили.»

«Хотя выставленные въ этѣхъ мѣстахъ, при наступленіи ар-«міи, отряды очень облегчали присмотръ за плѣнными, но при «всемъ томъ стараніе обезпечить себя отъ всякаго случая, въ «особенности, когда плѣнные располагались биваками, утомляло «въ высшей степени всѣхъ до послѣдняго человѣка въ полку. Въ «послѣднемъ случаѣ необходимо было имѣть внутреннюю цѣпь «около плѣнныхъ и внѣшнюю противъ окружающаго насъ непрія-«теля съ необходимыми вспомогательными постами. Если же они «ночевали въ строеніяхъ, двери и окна запирались крѣпко за-«движками и замками, а у входовъ ставили сильные караулы, а «полкъ оставался при оружіи, такъ что могъ стать въ ружье въ «каждое мгновеніе.

«Плѣнные Офицеры получали ту же пищу, какъ и полко-«вые. Когда солдаты становились биваками, Офицерамъ отыски-«вали домъ, или ригу, и подстилку для ночлега. Это распростра-«нили бы охотно и на плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, но необходи-«мость сохраненія своихъ и заботы о будущемъ того не позво-«ляли. Мнѣ очень было больно, что я долженъ былъ въ Щел-«ковѣ возвратить четыре коровы, назначенныя плѣннымъ, Офи-«церу, ведшему большое стадо, принадлежавшее Французамъ. «Оказалось, что коровы, пойманныя нашимъ боковымъ отрядомъ, «ушли отъ него, и Полковникъ, къ которому Офицеръ обратился «на ночлегѣ съ просьбой о томъ, рѣшилъ справедливо въ его «пользу.

«Приказаніе пристрѣливать отсталыхъ я измѣнилъ слѣ-«дующимъ образомъ: арріергарду приказалъ, по истощеніи всѣхъ «средствъ заставить идти далѣе, дѣлать нѣсколько выстрѣловъ на «воздухъ, а плѣннымъ объявлять, что этѣми выстрѣлами пристрѣ-«лены отсталые; въ сущности же отсталыхъ оставлять въ безпа-«мятномъ положеніи на дорогѣ. [44] Конечно, они скоро попадались «къ своимъ землякамъ, но въ такомъ положеніи, что, вѣроятно, «долго не могли стать въ ряды нашихъ противниковъ. Этѣмъ до-«стигалась и настоящая цѣль Императорскаго приказанія.»

---

[44] Сомнительно! Полковникъ Лосбергъ зналъ, что Наполеонъ въ Москвѣ, тогда еще въ апогеѣ своей славы и могущества; что на частыхъ этапахъ были комендаnты съ гарнизонами; что по этой дорогѣ въ первое время, когда Лосбергъ шелъ по оной, проѣзжали безпрерывно курьеры изъ Москвы и въ Москву, не-

«Только разъ желѣзная необходимость заставила разстрѣлять «плѣннаго, который, въ лѣсу, недалеко отъ Кубовскаго, на треть-«емъ переходѣ, попытался бѣжать. Одинъ изъ выстрѣловъ кон-«воя пробилъ ему спину на вылетъ. Онъ былъ схваченъ и, по «приказу Полковника на почтѣ, разстрѣлянъ передъ всѣми плѣн-«ными. И въ отношеніи военномъ и по чувству человѣчества, это «было мѣрой весьма справедливой. Мы находились въ такомъ по-«ложеніи, гдѣ только одно исполненіе приказанія плѣнными могло «спасти насъ отъ большихъ несчастій; помянутые выстрѣлы произ-«вели тревогу и въ полку и у плѣнныхъ. Нѣкоторые изъ послѣд-«нихъ не исполнили приказанія ложиться при выстрѣлахъ, отъ чего «могла бы произойти бойня, не происшедшая по тому только, что «я случайно находился вблизи. Для оправданія правильности при-«говора можно сказать еще и то, что онъ только сократилъ стра-«данія трудно раненаго.

«Сегодня плѣнныхъ отправили далѣе (значитъ, 21 Сентября = 3 «Октября); Жюно употребилъ для сего гвардейскихъ гренадеръ, «что не очень лестно для нашего Короля. Еще считаю нужнымъ «упомянуть, что отъ Москвы до Можайска мы были постоянно «окружены партіями Казаковъ, часто въ двѣсти и триста лоша-«дей. Внѣ выстрѣла на открытой мѣстности они переходили съ «одной стороны дороги на другую. Нѣсколько убитыхъ и изуро-«дованныхъ Французовъ по сторонамъ дороги, показывало, чего «должно ожидать тѣмъ, которые попадутъ въ руки крестьянъ. 2-й «легкій баталіонъ (егерскій), выступившій изъ Москвы $^{14}/_{26}$ Сен-«тября, съ тысячью плѣнныхъ, прибылъ въ Можайскъ благо-«получно. [45]

зависимо отъ мелкихъ отрядовъ, и что, наконецъ, при колоннѣ Полковника Лосберга находился Французскій Полковникъ. При такихъ условіяхъ, сомнительно, повторяю, чтобы Лосбергъ, имѣя письменное приказаніе отъ имени Наполеона, могъ не выполнить его. Тѣмъ болѣе это неправдоподобно, что Нѣмцы въ то время буквально исполняли приказанія повелителя Запада, и едва ли не съ большимъ рвеніемъ и усердіемъ, нежели самые Французы. Отчасти мы видѣли это выше, въ разныхъ мѣстахъ этой книги, а къ тому еще Лосбергъ принадлежалъ къ Вестфальцамъ, надъ которыми царилъ братъ Наполеона — Іеронимъ.

[45] Изъ этого видно, что Лосбергъ выступилъ изъ Москвы гораздо прежде $^{14}/_{26}$ Сентября, а передъ нимъ мы видѣли, что была еще партія плѣнныхъ, на Мо-

Во время пребыванія нашего въ Борисовѣ, возвратились «гвардейскіе гренадеры, сдавшіе плѣнныхъ Французскому Коменданту, въ Вязьмѣ. Этотъ походъ былъ еще ужаснѣе. Плѣнные «постоянно кормились только падалью. Въ Гжатскѣ,[46] гдѣ ихъ «заперли въ большой конюшнѣ, они пытались бѣжать и пробили «уже отверзтіе въ наружной стѣнѣ, но это было замѣчено ка-«рауломъ, который началъ стрѣлять въ строеніе и убилъ нѣсколь-«кихъ плѣнныхъ. Изъ тысячи четырехъ сотъ плѣнныхъ, сданныхъ «нами въ Можайскѣ, доставлено въ Вязьму только семьсотъ че-«ловѣкъ.»

Изъ этого оказывается, что изъ тысячи пятисотъ плѣнныхъ, вышедшихъ изъ Москвы въ одной этой колоннѣ, дошло до Можайска только тысяча четыреста; значитъ, что на этомъ пространствѣ (110 верстъ) сто человѣкъ были пристрѣлены, т. е., слишкомъ по двадцати на каждомъ переходѣ. Изъ тысячи же четырехъ сотъ, выведенныхъ изъ Можайска, дошла до Вязьмы только половина, т. е., семьсотъ человѣкъ, а прочіе семьсотъ были пристрѣлены, ибо другой убыли и быть не могло.

Сколько мнѣ извѣстно, одинъ Графъ Толь, въ Запискахъ своихъ, нѣсколько распространился объ этомъ предметѣ съ критической точки зрѣнія, и хотя онъ и не былъ личнымъ свѣдѣтелемъ сѣхъ убійствъ, но въ то время занималъ значительное мѣсто въ нашей арміи. Разсматривая это событіе (t. II, S. 268, 269, 270) и основываясь на показаніяхъ тѣхъ, которые говорятъ, что плѣнные были конвоируемы войсками Рейнскаго Союза, и въ особенности, по показанію Рооса, Баденцами, на которыхъ Графъ Толь и останавливается, отвергая показанія тѣхъ, которые приписываютъ это Испанцамъ, Португальцамъ и Полякамъ,[47] онъ (S. 270) говоритъ: «Молодая гвардія, подъ предво-

---

жайскъ же направленныхъ, изъ чего и слѣдуетъ, что тотчасъ, по занятіи Москвы, пристрѣливаніе плѣнныхъ было изречено, какъ это далѣе и будетъ видно.

[46] А въ Гжатскѣ былъ магазинъ, который въ послѣдствіи былъ разбитъ и пр.

[47] Вотъ что оказывается изъ приведенныхъ выше историковъ-очевидцевъ, называющихъ конвой, пристрѣливавшій плѣнныхъ:

«дительствомъ Мортье, вела и сторожила плѣнныхъ, а съ нею не «было ни Испанцевъ, ни Португальцевъ; немногіе баталіоны «Иберійскаго полуострова, увлеченные въ Москву, были распре-«дѣлены по корпусамъ Даву и Нея и находились далеко сзади.»

Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Мортье выступилъ изъ Москвы послѣдній и, по засвѣдѣтельствованію Лабома, велъ съ собою плѣнныхъ, до соединенія ли только съ арміей, или продолжалъ ихъ конвоированье и далѣе. И вотъ, какъ Лабомъ описываетъ положеніе нашихъ плѣнныхъ въ окрестностяхъ Колоцкаго монастыря, еще до Гжатска (р. 274): «Три тысячи «плѣнныхъ, выведенныхъ изъ Москвы, которымъ на пути ни-«чего не могли давать; ихъ загоняли въ загороди; изъ этой тѣ-«сной окружности не позволялось имъ выходить подъ какимъ бы «то ни было предлогомъ. Безъ огня и умирая отъ стужи, они «лежали на обледенѣлой землѣ и, чтобы удовлетворить голоду, «съ жадностію бросались на конину, которую имъ раздавали. Не «имѣя средствъ и времени, они пожирали ее сырою. Удостовѣ-«ряютъ, но я не смѣю вѣрить, что, когда не раздавали имъ ко-«нины, то многіе изъ этѣхъ плѣнныхъ пожирали своихъ товари-«щей, павшихъ отъ несчастій.» Въ слѣдъ за симъ Полковникъ Лабомъ восклицаетъ: «Отвратимъ глаза отъ этой раздирающей кар-«тины!» Хотя сочинитель и не произноситъ слова «пристрѣливанье, но слишкомъ ясно даетъ послѣдними словами своими понимать то, о чемъ говорятъ всѣ другіе. Здѣсь главное то, какъ изъ разсказа его видно, что плѣнные, о которыхъ онъ говоритъ,

---

Тьеръ — Союзные солдаты.
Генералъ Фезензакъ — войска Рейнскаго Союза.
Маркизъ Шамбре говоритъ, что плѣнныхъ пристрѣливали, но кто, не называетъ.
Докторъ Роосъ — Баденскіе гренадеры.
Графъ Сегюръ — Испанцы, Португальцы и Поляки.
Участникъ Цельнеръ — Испанцы, Португальцы и Поляки.
Генералъ Гурго — Испанцы и Португальцы.
Графъ Солтыкъ — Испанцы.
Генералъ Лосбергъ — Вестфальцы.

Это разногласіе объясняется въ своемъ мѣстѣ тѣмъ, что и тѣ и другіе могли принимать въ этомъ участіе.

были не тѣ, о коихъ упоминаютъ Роосъ, Сегюръ, Гурго и другіе, шедшими при главной квартирѣ Наполеона, которая была впереди и о которыхъ была рѣчь, подходя къ Гжатску. Лабомъ былъ въ корпусѣ Вице-Короля, шедшаго сзади Наполеона, а притомъ авторъ говоритъ здѣсь ясно, что этѣ три тысячи плѣнныхъ были выведены изъ Москвы Маршаломъ Мортье. Онъ соединился въ Можайскѣ съ арміей и могъ передать часть плѣнныхъ въ корпусъ Вице-Короля и пр. Во всякомъ случаѣ, этѣ плѣнные не тѣ, о которыхъ было говорено при вступленіи Наполеона въ Гжатскъ.

Не возможно же отвергать показаній Сегюра, Гурго, Солтыка и нѣкоторыхъ другихъ, находившихся при Наполеонѣ, которые объ Испанцахъ, какъ о конвоировавшихъ плѣнныхъ, говорятъ положительно. Это еще болѣе подкрѣпляется тѣмъ, что Гурго въ опроверженіяхъ своихъ на сочиненіе Графа Сегюра, которому, такъ сказать, не прощаетъ ни одной запятой, не упустилъ бы замѣтить этого важнаго обстоятельства и уличить Графа Сегюра, но Гурго, напротивъ, называя также Испанцевъ, распространяется объ нихъ еще болѣе, какъ это было видно. Повторяю, онъ не упустилъ бы при этомъ случаѣ назвать не Испанцевъ, а тѣхъ, кто именно на послѣднемъ переходѣ къ Гжатску конвоировалъ плѣнныхъ.

Не подлежитъ также ни какому сомнѣнію, какъ это видѣли выше, что были плѣнные и при другихъ частяхъ войскъ, шедшихъ сзади, и этѣ плѣнные могли быть дѣйствительно, какъ Генералъ Фезензакъ свѣдѣтельствуетъ и на котораго Графъ Толь ссылается, препровождаемы войсками Рейнскаго Союза, и что, наконецъ, конвой этотъ могъ смѣняться, какъ это явствуетъ изъ повѣствованія Лосберга. Гессенъ-Дармштадтцы, и въ особенности Баденцы, о которыхъ Роосъ говоритъ положительно, могли заступить мѣсто Испанцевъ, Гессенъ-Дармштадтцевъ и Гессенъ-Кассельцевъ, особенно Испанцевъ и Португальцевъ, потерпѣвшихъ, при наступленіи чувствительной стужи, болѣе тѣхъ, которые свычнѣе съ нею, и по тому ослабѣли въ рядахъ своихъ, для надежнаго конвоированья. Что касается до пристрѣливанія плѣнныхъ, то это была мѣра общая. Буржуа, участникъ въ войнѣ (р. 80), пишетъ: «Нельзя повторить безъ ужаса, но по-

«ложительно то, что имѣли приказаніе пристрѣливать плѣн«ныхъ, когда они, обезсиленные, не могли слѣдовать далѣе.» Сочинитель говоритъ это при самомъ началѣ вступленія въ Москву, когда ловили поджигателей, изъ коихъ разстрѣляли пять сотъ человѣкъ, а остальныхъ, захваченныхъ до двухъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, какъ военноплѣнныхъ, отправили назадъ. Вальтеръ-Скоттъ (p. 216) приводитъ предписаніе Наполеона къ Бертье, которымъ приказываетъ сообщить Мортье: «Велите пристрѣли«вать всякаго Русскаго солдата, котораго найдете на улицахъ.» Шамбре же (t. II, p. 118, 120 и т. д.), подтверждая все это, (p. 126) присовокупляетъ: «Безжалостно умерщвляли всѣхъ тѣхъ, «которые приближались только къ домамъ, занимаемымъ Фран«цузами» и т. д. Что мѣра пристрѣливанье была общей не только въ арміи, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, но и въ другихъ частяхъ войскъ, это свѣдѣтельствуетъ въ Запискахъ своихъ Поручикъ Генеральнаго Штаба, Коцебу, взятый въ плѣнъ въ корпусѣ Графа Витгенштейна, близъ Полоцка. Отправленный въ партіи въ Вильну, при столкновеніи его съ конвоировавшимъ плѣнныхъ Офицеромъ, Пинеди, этотъ объявилъ ему, что онъ имѣетъ право разстрѣлять, кого ему заблагоразсудится, не отдавая въ томъ никому отчета. А это было до занятія Москвы, къ которой обращаюсь.

Полковникъ Лосбергъ, въ Сентябрѣ, чрезъ нѣсколько дней по занятіи Москвы, получилъ, какъ видно было выше, инструкцію пристрѣливать ослабѣвающихъ. Но этѣ плѣнные и тѣ, которыхъ изъ Москвы, въ Сентябрѣ же, до отступленія, велъ Гессенскій егерскій баталіонъ, были уже далеко за Вязьмой, когда Французы начали отступать отъ Малоярославца. Генералъ Фезензакъ пишетъ не объ этѣхъ плѣнныхъ. Плѣнные же, бывшіе съ Мортье, могли быть частію тѣ, о которыхъ говорятъ Сегюръ, Гурго и Солтыкъ, когда подходили къ Гжатску и были конвоируемы Испанцами. Можетъ быть, что съ ними, для усиленія конвоя, были и Баденскіе гренадеры. Можетъ быть, они провожали другую партію плѣнныхъ; [48] можетъ быть, что въ

---

[48] Это тѣмъ вѣроподобнѣе, что Роосъ, описывая этотъ эпизодъ послѣдняго перехода въ Гжатскъ, говоритъ, что онъ ѣхалъ въ промежуткѣ между Наполеономъ,

Гжатскѣ Испанскій конвой былъ замѣненъ ими, но что пристрѣливанье продолжалось до Дорогобужа, то свѣдѣтельствуетъ Шамбре, говоря именно о плѣнныхъ, взятыхъ въ Малоярославцѣ и Вязьмѣ, а эта послѣдняя, какъ замѣчено, далеко за Гжатскомъ.

Графъ Толь отвергаетъ участіе Испанцевъ въ пристрѣливаньи плѣнныхъ только тѣмъ, что они были далеко назади, въ корпусахъ Нея и Даву. Я говорилъ уже, что плѣнные всѣ шли не въ одной колоннѣ, а при разныхъ частяхъ войскъ; но если Испанцы были и дѣйствительно назади, нѣтъ повода думать, чтобы они не конвоировали плѣнныхъ, хотя бы только и нѣкоторое время. Мысль же, что Испанцы пристрѣливали плѣнныхъ, повторяю, не могла же родиться въ головахъ трехъ повѣствователей-очевидцевъ, каковы: Сегюръ, Гурго и Солтыкъ. Правда, на это могутъ возразить, что пусть Испанцы пристрѣливали плѣнныхъ въ другихъ мѣстахъ, но что тутъ дѣло идетъ о послѣднемъ переходѣ Наполеона въ Гжатскъ, а здѣсь, какъ пишетъ Графъ Толь, Испанцевъ при молодой гвардіи не было, а они были далеко сзади въ корпусахъ Нея и Даву. Посмотримъ же, дѣйствительно ли это такъ.

Точно, въ первомъ корпусѣ, Даву, во 2-й дивизіи, 48-й линейный полкъ, въ два баталіона, составленъ былъ изъ Испанцевъ. Въ 3 корпусѣ, Нея, въ 10-й дивизіи, 129 линейный полкъ, также въ два баталіона, состоялъ изъ Португальцевъ, а въ 25-й дивизіи, 4-й, 18-й и 93-й линейные полки составлены были изъ Португальцевъ и Иллирійцевъ. Но независимо отъ этѣхъ корпусовъ, указываемыхъ Г. Толемъ, какъ только включавшихъ въ составѣ своемъ жителей Иберійскаго полуострова, они находились еще въ 4 корпусѣ Вице-Короля Италіянскаго, въ 14 й дивизіи, два баталіона Испанцевъ, и наконецъ въ составѣ корпуса молодой гвардіи три эскадрона Португальскихъ

который былъ впереди въ Гжатскѣ, а сзади Рооса былъ обозъ. Слѣдовательно, плѣнные, бывшіе впереди, могли быть конвоируемы Испанцами, а тѣ, которые были при обозѣ, Баденцами, находившимися въ прикрытіи обоза. Впрочемъ, Сегюръ, Гурго и Солтыкъ писали вскорѣ послѣ событія, а Роосъ долго спустя; записокъ же онъ имѣть не могъ, ибо былъ на Березинѣ взятъ въ плѣнъ.

конныхъ егерей и баталіонъ Испанскихъ піонеровъ.[49] Слѣдовательно, не въ однихъ корпусахъ Даву и Нея находились жители Ибирійскаго полуострова, но они были и въ корпусѣ Вице-Короля и даже въ молодой гвардіи, а по тому и могли быть дѣятелями на послѣднемъ переходѣ въ Гжатскъ.

Сверхъ того, Капфигъ (t. IX, p. 363, 364) приводитъ повелѣніе къ Бертье, которое самъ Наполеонъ диктовалъ Дарю, на другой день по выступленіи изъ Москвы, отъ $^{8}/_{20}$ Октября. Въ предписаніи этомъ, которое Капфигъ называетъ роковымъ, по тому что въ немъ приказывается Мортье предъ оставленіемъ Москвы, взорвать Кремль, предать огню все, что въ немъ и въ городѣ находится, и слѣдовать по направленію къ Можайску, также предавая все пламени и истребленію, между прочимъ говорится: «По прибытіи въ Голицыно (Вязему), два перехода отъ «Москвы, онъ возметъ съ собой находящихся тамъ Испанцевъ «и Баварцевъ, взорветъ всѣ ящики и пр., а по прибытіи въ «Можайскъ, получитъ дальнѣйшія приказанія» и т. д.[50] Слѣдовательно, Испанцы и находились съ молодой гвардіей, и могли конвоировать нашихъ плѣнныхъ, а по тому и повѣствованіе Сегюра, Гурго и Солтыка справедливо, въ чемъ нельзя было и сомнѣваться. Можетъ быть, Испанцы, какъ замѣчено выше, раздѣлили эту обязанность съ Баденцами, или наконецъ поочередно съ ними, и что Испанцамъ могла выпасть эта очередь въ день вступленія въ Гжатскъ; но главное въ томъ, что они на-

---

[49] Жители Иберійскаго полуострова были и въ другихъ корпусахъ; такъ, на примѣръ, во второмъ корпусѣ герцога Реджіо, дѣйствовавшаго противъ Графа Витгенштейна, въ 6-й дивизіи, 128 линейный полкъ составленъ былъ изъ Португальцевъ, и еще Португальцы слѣдовали къ арміи въ составѣ войскъ Генерала Карра-Сенъ-Сира и т. д.

[50] Французъ, на какой бы степени просвѣщенія ни стоялъ, не можетъ обойтись безъ фразъ; такъ и здѣсь Капфигъ присовокупляетъ: «Роковой автографъ, кото-«рый можетъ объяснять мщеніе Европы въ 1814 году надъ нашими Француз-«скими городами.» Но какое бы дѣло Европѣ мстить за Кремль? Въ особенности, когда она въ этомъ нашествіи участвовала въ арміи Наполеона? Ужь лучше замѣнилъ бы слово Европа Россіею. Гдѣ же и надъ какимъ городомъ выказалось наше мщеніе? Но довольно объ этомъ: всѣхъ подобныхъ пустомелей во Франціи не оберешься.

ходились тутъ, а не тамъ, гдѣ Графъ Толь помѣщаетъ ихъ въ это время.

Что же касается до того, будто бы такое пристрѣливанье плѣнныхъ было самопроизволомъ войскъ, ихъ конвоировавшихъ, какъ нѣкоторые хотятъ увѣрить, это не имѣетъ и самой тѣни вѣроятія. Такой произволъ могъ случиться, но онъ не былъ бы терпимъ, если бы на это не было отдано положительныхъ приказаній. Это было (какъ видно выше изъ засвѣдѣтельствованій очевидцевъ-иноземныхъ писателей, и какъ увидимъ еще далѣе) общимъ распоряженіемъ и, конечно, порождено пожаромъ Москвы, такъ ожесточившимъ главу лиги.

Мѣра эта, въ высшей степени безчеловѣчная, пожалуй, могла бы въ мнѣніи нѣсколько еще смягчаться, если бы къ ней прибѣгли тогда только, когда отступленіе Французовъ приняло нестройный видъ, когда дисциплина въ ихъ арміи исчезла и общая деморализація начала развиваться быстрыми шагами. Въ такомъ положеніи отчаяніе конвойныхъ могло ожесточить ихъ, или возбудить мщеніе, страсть, часто безотчетную въ людяхъ всѣхъ состояній, или же просто, съ цѣлью, избавиться отъ обязанности, могло подвигнуть конвой къ такому варварскому поступку; наконецъ, пусть высшая власть арміи прибѣгла къ этой жестокости, по тому что находила обременительнымъ тащить за собой плѣнныхъ; пусть даже она прибѣгла къ истребленію ихъ, и на томъ воображаемомъ основаніи, что освобожденіе ихъ могло открыть состояніе Французской арміи. Словомъ, все это могло случиться только начиная отъ Дорогобужа, гдѣ настала первая стужа и гдѣ армія уже окончательно сдѣлалась совершенно глухою ко всѣмъ условіямъ дисциплины, и, какъ это было видно въ своемъ мѣстѣ, солдатъ не слушалъ своихъ начальниковъ, Офицеры не заботились о своихъ подчиненныхъ. Эгоизмъ въ полномъ смыслѣ слова, начиная отъ главнаго повелителя до послѣдняго маркитанта, овладѣлъ всѣми.

Но мы видимъ, что къ этой мѣрѣ приступлено было тотчасъ по занятіи Москвы, гдѣ набрано было не столько плѣнныхъ, попавшихся на полѣ битвъ (ибо, по сознанію самихъ Французовъ,

ихъ было очень мало), сколько лицъ разнаго званія, схваченныхъ на улицахъ въ Москвѣ и можетъ быть отсталыхъ.

Меергеймъ, Саксонскій Офицеръ, свѣдѣтель и участникъ въ событіи, описывая Московскій пожаръ, между прочимъ (S. 196 — 197) говоритъ: «Шефель, Маіоръ Саксонскихъ войскъ, былъ по«сланъ изъ Петровскаго Дворца (когда находился въ немъ Напо«леонъ), въ Москву; туда и обратно онъ былъ сопровождаемъ «шестью человѣками рядовыхъ и однимъ Унтеръ-Офицеромъ. Кон«вой этотъ изъ Императорской гвардіи шелъ со взведенными кур«ками; два человѣка впереди, два сзади, остальные два гренадера «и Унтеръ-Офицеръ около Шефеля, по тому что всякому идущему «одному угрожала опасность быть застрѣленнымъ, или убитымъ, «спрятавшимися въ погребахъ и въ другихъ мѣстахъ Русскими. «Многіе изъ этѣхъ несчастныхъ не оставляли города, другихъ за«ставила нужда возвратиться ночью и скрываться подъ развали«нами своего достоянія. Многіе, изнуряемые страхомъ и голодомъ, «нашли тутъ жалкую кончину. Другихъ, отчаяніе выгоняло въ «ночное время изъ своихъ убѣжищъ на поиски средствъ для свое«го и семействъ своихъ существованія. При этомъ они часто «встрѣчались въ садахъ и огородахъ (гдѣ были еще картофель и «капуста) съ грабившими Французами. Какъ дикіе звѣри, броса«сались они въ борьбу, жертвуя жизнью для поддержанія оной. «Послѣ этого находили Русскихъ убитыми, повѣшенными на «деревьяхъ, заборахъ, и мѣстами землю, упитанную кровью по«бѣжденныхъ и побѣдителей. Такъ, каждый день восходящее солн«це освѣщало новыя груды труповъ, которыя увеличивались «еще тѣмъ, что Русскіе, изъ своихъ подземныхъ засадъ, кроваво «мстили, даже днемъ, своимъ высокомѣрнымъ и гордымъ побѣди«телямъ... Конвой Шефеля дѣйствительно два раза долженъ былъ «стрѣлять въ разныя отверзтія подваловъ, чтобы отгонять вы«глядывающія изъ оныхъ непріязненныя лица.»[51] Это любопытное описаніе показываетъ духъ нашего народа. Бретонъ де ла Мартиньеръ (Camp de Nap.), разсказывая, какъ въ Москвѣ никто не соглашался вступать въ учреждаемый Наполеономъ Муниципалитетъ,

---

[51] Замѣчательная претензія! Конечно, автору желательно было бы видѣть лица, благопріятно взирающія на враговъ.

отговариваясь тѣмъ, что присягали своему Государю, и что ни какія угрозы не могли ихъ поколебать въ принятой ими рѣшимости (p. 56, 57): «Поставленные предъ взводами гренадеровъ, «предназначенныхъ разстрѣливать ихъ, Русскіе брали въ руки «священное изображеніе Спасителя, съ жаромъ лобызали оное, «поручая Богу душу свою, и этою твердостію иногда обезоруживали палачей своихъ. Ихъ не разстрѣливали, а держали плѣн«ными.»[52]

Вильсонъ (p. 172) говоритъ, что около двухъ, или трехъ, сотъ поджигателей были растрѣляны, но это не остановило другихъ. Тьессе (t. II, p. 145) говоритъ, что (будто бы) схваченныхъ поджигателей судили, и они объявили, что имъ приказано жечь Москву: «ихъ разстрѣляли по тому, что они не менѣе были «виновны.»[53] Въ «Запискахъ Офицера Французскаго Гене«ральнаго Штаба» (t. I, p. 200) сказано: «Большое число поджи«гателей было захвачено на мѣстѣ; многіе тутъ же немедленно бы«ли наказаны: триста человѣкъ были растрѣляны. Всѣ объявили, «что они получили на это приказаніе отъ Оберъ-Полицеймейстера «Ивашкина.» Въ «Исторіи Наполеона,» составленной обществомъ литераторовъ, подтверждается все сказанное о вѣрности и самоотверженьи нашего народа (t. III, p. 387) и присовокуплено: «Захвачено было нѣсколько несчастныхъ поджигателей, которыхъ «растрѣляли, но казнь эта не останавливала другихъ... Полагаютъ, «что поджигателей было около трехъ тысячъ человѣкъ, но раз«стрѣляли только пятьсотъ, остальныхъ оставили военноплѣн-

---

[53] Виновные! Но вѣдь они повиновались законному своему Правительству.

[52] Капфигъ, замѣчая, что Наполеонъ устраивалъ въ Москвѣ Муниципальное правленіе, къ которому оставшіеся жители показывали отвращеніе, присовокупляетъ (t. X, p. 344): «Такъ Императоръ искалъ самообманывать себя, чтобы «лучше обмануть ужасныя ожиданія другихъ. Каждый день онъ думалъ видѣть «парламентера съ предложеніемъ перемирія, и наступалъ вечеръ безъ всякаго о «томъ извѣстія.» Продолжительно было бы говорить здѣсь все, что пишутъ иноземные повѣствователи-свѣдѣтели о распускавшихся Наполеономъ нелѣпыхъ слухахъ, какъ между войсками, такъ и между оставшимися простолюдинами въ Москвѣ: чего не было сказываемо! Такъ, на пр. (Hist. de Nap., t. III, p. 391): Магдональдъ занялъ Петербургъ и сжегъ его; что самъ Наполеонъ ведетъ армію на зимнія квиртиры, что отъ Вильны до Смоленска дорога покрыта повозками, и пр., и пр.

«ными. Отдано было приказаніе, при отправленіи ихъ, «пристрѣливать тѣхъ, которыхъ силы истощатся. Дороги «устланы были ихъ трупами.»

Буржуа, также свѣдѣтель (1 part., p. 64): «Каждый день хва-«тали поджигателей, которые отнюдь не пугались этого и пере-«бѣгали изъ одного квартала въ другой, съ ужасной цѣлью разру-«шенія Москвы. Число этѣхъ поджигателей восходило до трехъ «тысячъ человѣкъ, изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ бы-«ли растрѣляны. Остальные отправлены были, какъ военноплѣн-«ные, назадъ арміи.» Шамбре (t. II, p. 118) говоритъ, что «на «другой день открывшагося пожара захвачено въ плѣнъ болѣе «десяти тысячъ человѣкъ.»

Изъ этѣхъ-то плѣннымъ, конечно, и были составлены тѣ партіи, которыя велъ Полковникъ Лосбергъ и 2-й егерскій Вестфальскій баталіонъ до Можайска, еще въ Сентябрѣ, и въ Сентябрѣ же отправленныя изъ Можайска въ Вязьму, подъ конвоемъ Вестфальскихъ же гренадеръ. Буржуа, описывая (p. 69) пространство между городами, на которомъ было видно одно опустошеніе огнемъ, и гдѣ трупы лошадей и людей заваливали дороги (p. 80), присовокупляетъ: «Трупы пристрѣленныхъ поджигателей «Москвы лежали по дорогѣ на разныхъ разстояніяхъ» и пр.

Составленныя въ Москвѣ партіи изъ различнаго сословія плѣнныхъ, прежде половины Сентября мѣсяца нашего счисленія (Москва же была занята 2/14 Сентября), отправлялись въ Можайскъ, и начальникамъ конвоя давалось уже письменное приказаніе пристрѣливать истомленныхъ путемъ и голодомъ. Выше же видно было, что Французскій Полковникъ, Бернаръ, сдавая плѣнныхъ Полковнику Лосбергу, присовокупилъ: «Такъ какъ Русскіе пер-«вые начали этотъ истребительный родъ войны, то имъ первымъ «должно и почувствовать оный.» Мы видѣли также, что изъ тысячи пяти сотъ плѣнныхъ, принятыхъ Полковникомъ Лосбергомъ въ Москвѣ, для препровожденія въ Можайскъ, откуда они, 3-го Октября (21-го Сентября), выступили въ Вязьму, въ которую достигло только семьсотъ, значитъ, на этомъ краткомъ пути, на основаніи повелѣнія, были пристрѣлены восемьсотъ, и пристрѣлены за двадцать дней до Малоярославецкаго сраженія,

въ то время, когда Французская армія въ Москвѣ не терпѣла голода (или, лучше сказать, не должна была терпѣть онаго), [53] не было стужи; словомъ, она далеко не была еще въ томъ положеніи, въ которомъ нашлась въ Дорогобужѣ, гдѣ, какъ я замѣтилъ, эта мѣра могла бы еще находить защитниковъ, но она, повторяю, была принята гораздо прежде того времени, въ которое армія Наполеона подверглась ожидавшимъ ее бѣдствіямъ. Мы видимъ, что Генералъ Фезензакъ говоритъ объ этой же мѣрѣ тотчасъ послѣ Малоярославецкаго сраженія, слѣдовательно, до Гжатска и за двѣнадцать дней до стужи. Шамбре говоритъ то же о пристрѣливаньи плѣнныхъ, взятыхъ въ Вязьмѣ, [54] а по тому послѣ Лосберга и Фезензака, у которыхъ идетъ рѣчь о другихъ плѣнныхъ.

Убійства, совершенныя, по повѣствованію Рооса, Сегюра, Цельнера, Гурго и Графа Солтыка, на послѣднемъ переходѣ къ Гжатску, могли постигнуть часть плѣнныхъ, взятыхъ въ Малоярославцѣ, и тѣхъ, которыхъ могъ собрать Мортье, оставляя Москву. Но въ этомъ убійствѣ не могло быть плѣнныхъ,

---

[53] Жизненныхъ припасовъ было не только что достаточно, но многіе предметы были, при оставленіи Москвы, истреблены огнемъ и нѣкоторые оставлены; безпорядочная администрація одна виной, если не всѣ части войскъ Французскихъ не обезпечивались отъ недостатка. Мы видѣли, съ какимъ огромнымъ запасомъ она выступила изъ Москвы въ Малоярославецъ, недоставало только фуража, но и это происходило отъ тѣхъ же причинъ; ибо если бы дѣйствительно было отсутствіе онаго, то какимъ образомъ десятки тысячъ лошадей, впряженныхъ въ частныя повозки, отягощенныя добычей, могли бы выступить изъ Москвы чрезъ Малоярославецъ, обратиться опять на роковой путь, приведшій ихъ въ Москву, и на этомъ пути проникнуть не только что до Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска, Краснаго, гдѣ мы тысячами брали повозки, но они достигли даже до Березины, гдѣ многія тысячи были брошены, по невозможности переправиться во время, и наконецъ только на Понарскихъ высотахъ пробравшіяся повозки исчезли изъ Французской арміи, но и то преимущественно по тому только, что лошади не имѣли зимнихъ подковъ. Слѣдовательно, только недостатокъ администраціи былъ виной претерпѣнія голода и тѣ свойства Французскихъ армій, что, при малѣйшемъ отступленіи всякій порядокъ въ нихъ исчезаетъ, что подробно разсмотрѣно, на основаніи иноземныхъ писателей, въ книгѣ: «О настоящихъ «причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. Спб. 1855 г.»

[54] О плѣнныхъ же въ Вязьмѣ упоминается нѣкоторыми изъ Нѣмецкихъ писателей-очевидцевъ.

которыхъ конвоировали Лосбергъ и потомъ до Вязьмы Вестфальскіе гренадеры. Другая партія, въ тысячу человѣкъ плѣнныхъ, изъ Москвы, въ одно почти время съ Лосбергомъ, конвоируема была 2 егерскимъ Вестфальскимъ полкомъ. Всѣ этѣ партіи плѣнныхъ, какъ видѣли выше, были далеко впереди и имѣли тѣ же инструкціи пристрѣливать. Слѣдовательно, объ этѣхъ плѣнныхъ не можетъ быть и рѣчи въ событіи, о которомъ пишетъ Шамбре, т. е., о плѣнныхъ, взятыхъ въ Вязьмѣ, ибо Вязьма была далѣе Гжатска. И по тому изъ всего этого видно, что всѣ тѣ, на коихъ возлагалось препровожденіе плѣнныхъ, имѣли одинаковую инструкцію о пристрѣливаніи. Повторительныя же этѣ приказанія не могли происходить иначе, какъ отъ верховной власти, отъ самаго Наполеона, на коего нѣкоторые изъ авторовъ и указываютъ прямо, что видно даже и изъ повѣствованій самаго Графа Сегюра. Генералъ Гурго такъ и понялъ это.

Желая опровергнуть этотъ послѣдній упрекъ, дѣлаемый Наполеону, Генералъ Гурго не достигаетъ своего намѣренія. Возставая въ своемъ сочиненіи противъ книги Графа Сегюра вообще и въ частности, иногда въ обстоятельствахъ, не заслуживающихъ ни какого вниманія, въ этомъ случаѣ видимо почувствовалъ недостатокъ фактовъ и прибѣгаетъ къ голословію, которому противорѣчатъ, съ одной стороны, событія и повѣствованія другихъ, съ другой же часто и самый смыслъ. Во первыхъ, онъ говоритъ, что пристрѣленныхъ было только два, или три, человѣка (выше онъ сказалъ: многихъ), что совершенно опровергается всѣми другими, которые описываютъ этотъ эпизодъ послѣдняго перехода въ Гжатскъ: онъ могъ бы сказать, что Наполеонъ замѣтилъ двухъ, или трехъ, что могло случиться. Во вторыхъ, онъ не возражаетъ ничего на приведенный Графомъ Сегюромъ возгласъ Коленкура и глубокое на оный молчаніе Наполеона. Слѣдовательно, возгласъ этотъ былъ произнесенъ, а онъ чрезвычайно знаменателенъ въ этомъ эпизодѣ. Въ третьихъ, Генералъ Гурго, такъ расточительный въ своемъ сочиненіи на имена, служащія къ опроверженію повѣствуемаго Графомъ Сегюромъ, здѣсь, говоря о самой сущности предмета, слѣдствія, умалчиваетъ, кѣмъ оно было произведено, а сочиняетъ басню, утверждающую, будто бы Испанцы

не пристрѣливали плѣнныхъ, но убили нѣсколькихъ изъ нихъ по тому, что они, разбивъ, будто бы, брошенный на дорогѣ фургонъ съ водкой, перепились [55] и предприняли обезоружить конвой, а этотъ вынужденъ былъ стрѣлять! Въ четвертыхъ, Генералъ Гурго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, говоритъ: «На другой день этѣ убійства прекратились.» Во всемъ, что говоритъ Гурго объ этомъ эпизодѣ, независимо отъ противорѣчія самому себѣ, нѣтъ ни какого смысла. [56] Если конвой дѣйствительно не пристрѣливалъ плѣнныхъ, то Наполеону не было бы ни какого и повода отдавать приказанія о прекращеніи этого варварства. Но если повѣрить сказкѣ Гурго, то Наполеонъ не могъ воспрещать конвою укрощать возмутившихся плѣнныхъ, бросающихся на оный съ цѣлью обезоружить его, въ особенности еще плѣнныхъ, слѣдующихъ при его Главной Квартирѣ. Подобныя фразы, приводимыя Генераломъ Гурго, можно разсказывать только Французамъ, желающимъ видѣть, въ оправданіе тогдашняго ихъ повелителя, хотя бы самый безсмысленный наборъ фразъ, которыми ихъ тщеславіе довольствуется болѣе, чѣмъ истиною. Но какъ бы то ни было, а пристрѣливанье, начавшееся за мѣсяцъ до Гжатска, продолжалось и послѣ, по повѣствованію Французовъ, до Дорогобужа. Далѣе этого города, плѣнные, шедшіе съ главной арміей, уже не переходили: или всѣ они были постепенно пристрѣлены, или, какъ въ то время носилась молва, въ Дорогобужѣ порѣшили ихъ однимъ разомъ. Относительно же собственно того, будто бы на другой день убійства прекратились, то, повторяю, здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе, что Роосъ, Сегюръ, Гурго и Солтыкъ разсказываютъ этотъ эпизодъ подъ Гжатскомъ, а они находились при Императорской Главной Квартирѣ, и Наполеонъ изъ Гжатска пошелъ впередъ со старой гвардіей; слѣдовательно, ни онъ, ни помянутые сочинители, какъ уже было замѣчено, не могли видѣть на дорогѣ пристрѣливанья плѣнныхъ,

---

[55] Выше видно было, какія мѣры предпринимались для конвоированія плѣнныхъ. Этого достаточно, чтобы видѣть всю натянутость защиты, употребляемой Генераломъ Гурго.

[56] Но на мѣстѣ, вѣдь, Гурго донесъ Наполеону истину, какъ въ своемъ мѣстѣ сказано, что Испанцы и Португальцы пристрѣливали многихъ плѣнныхъ за то, что не хотѣли, т. е., не могли идти; а здѣсь видима сочиняемая басня!

которые остались назади. Маркизъ же Шамбре очень ясно говоритъ, что плѣнные, взятые въ Вязьмѣ, были перебиты. Наконецъ, въ пятыхъ, главнымъ опроверженіемъ для Генерала Гурго служитъ ссылка его на возвышенный характеръ Наполеона.

Графъ Толь (t. I, S. 268) преимущественно разбираетъ это послѣднее и говоритъ: «Гурго возстаетъ противъ того, что думали и говорили, будто всѣ убійства совершались по точному повелѣнію самаго Наполеона, и полагаетъ, что преступно было бы «думать о чемъ либо подобномъ, зная благородный характеръ Наполеона. Однако же (продолжаетъ Графъ Толь), такія блестящія «выраженія не могутъ истреблять фактовъ: развѣ въ происшествіи «съ Герцогомъ Ангіенскимъ, въ безсовѣстныхъ интригахъ Байонскихъ, видѣнъ возвышенный характеръ Наполеона? Развѣ характеръ этотъ воспротивился приказанію изрубить плѣнныхъ Турокъ «въ Яффѣ? [57] Онъ находилъ это сообразно съ его цѣлью. Здѣсь «же повѣствованіе говоритъ очень ясно:... «отпустить ихъ обратно въ Москву не могли рѣшиться; освободить же ихъ «теперь было опасно, по тому что въ послѣдствіи, по ихъ «разсказамъ, положеніе Французскаго войска должно «было сдѣлаться извѣстнымъ; вести же ихъ съ собой и «кормить, это увеличило бы только собственный недоста-

---

[57] Графъ Толь не замѣтилъ еще убійства въ Каирѣ. Относительно же перебитія въ Яффѣ четырехъ тысячъ плѣнныхъ, вотъ что говорятъ объ этомъ очевидцы: (Hist. de Nap. par une société etc., t. I, part. 2, p. 104 et suivt): «Плѣннымъ объявлено было при сдачѣ помилованіе; восемь дней ихъ продовольствовали и вдругъ собрали, повели къ озеру, построили въ одну шеренгу отдѣленіями, и потомъ, на разстояніи четырехъ шаговъ, начали пристрѣливать. Когда же недостало патроновъ, доканчивали убійство штыками и саблями. Все это продолжалось два часа.» Историки утверждаютъ, что къ этому варварскому поступку не было ни какого повода: въ продовольствіи былъ избытокъ, а для возвращенія ихъ путь былъ незначителенъ. Это кровопролитіе было засвѣдѣтельствовано, сверхъ очевидцевъ, двумя путешественниками, Виттманомъ и Вильсономъ, скоро послѣ посѣтившими Яффу и слышавшими объ ономъ отъ туземцевъ. Въ этѣхъ же мѣстахъ Ричардъ-Львиное-Сердце умертвилъ пять тысячъ Мусульманъ. Историки присовокупляютъ (p. 90), что Наполеонъ приказалъ разстрѣлять, безъ суда, трехъ человѣкъ 32-й полубригады (по ничтожному дѣлу, и только по подозрѣнію), на другой день, но потомъ приказалъ это исполнить тотчасъ. По совершеніи казни обнаружилось, что они были невинны.

«токъ, собственную нужду, и уменьшило бы средства къ «собственному спасенію. Что же оставалось дѣлать?»—Въ «особенности же (продолжаетъ Графъ Толь), когда, не обращая «вниманія на правое и неправое, имѣли въ виду одно только по-«лезное, что, впрочемъ, согласовалось и съ свойствомъ Наполео-«на. Война не сентиментальность, а Наполеонъ менѣе всякаго «былъ подверженъ сей послѣдней.»

Далѣе (S. 269): «Гурго усиливается представить это событіе «сколь можно слабѣе.» Здѣсь, прописавъ сокращенно, что выше было говорено о фургонѣ съ водкой и о слѣдствіи, потомъ приводитъ изъ Фезензака, что плѣнные, шедшіе предъ нимъ, были конвоируемы войсками Рейнскаго Союза. Въ слѣдъ за симъ предлагаетъ краткую выписку изъ Лосберга, который получилъ предписаніе: «разумѣется, именемъ верховной власти, арміи при-«стрѣливать каждаго плѣннаго, который не будетъ въ со-«стояніи слѣдовать далѣе,» и думаетъ, что невѣроятно, чтобы въ Ноябрѣ, при возрастающей опасности, стали обращаться съ плѣнными снисходительнѣе прежняго, когда обстоятельства были болѣе благопріятны... «И могли ли эти повторяемыя приказанія (гово-«ритъ Графъ Толь S. 190) происходить отъ кого другого, какъ «не отъ самаго Наполеона? Французы могутъ это изслѣдовать.»

«Замѣчательно при томъ (S. 270), съ какой наглостью всѣ «Французскіе писатели, одинаково, какъ тѣ, которые признаютъ «Наполеона виновникомъ этого событія, такъ и тѣ, которые уси-«ливаются отклонить его участіе въ ономъ, стараются снять подо-«зрѣніе съ Французовъ и сбросить эти убійства на союзныя вой-«ска, какъ будто бы когда ни будь тиранія во Франціи имѣла не-«достатокъ въ орудіяхъ, которыя употреблялъ Карлъ IX, Націо-«нальный Конвентъ, или преемникъ революціи!»

Разсуждая потомъ, кто были исполнителями варварскаго избіенія плѣнныхъ, и основываясь на томъ, что Генералъ Фезензакъ назвалъ войска, пристрѣливавшія плѣнныхъ, шедшихъ предъ нимъ, принадлежащими къ Рейнскому Союзу (S. 270), говоритъ: «Это могли быть только Гессенъ-Дармштадтцы (четыре «баталіона) и Баденцы (одинъ баталіонъ), [14] которые были при-

---

[14] Графъ Толь, на основаніи повѣствованія Рооса, останавливается на Баденцахъ

«соединены къ Французской гвардіи и составляли карауль Главной Квартиры, а Гессенцы (т. е., собственно Кассельцы) до «сего времени было употреблены въ тылу арміи гарнизонами на «этапахъ и примкнули къ ней только подъ Вязьмой. Они были «присоединены къ молодой гвардіи. Очень можетъ быть, что плѣнные были переданы имъ въ тотъ же самый день и что, вмѣстѣ «съ тѣмъ, они получили это непріятное приказаніе на перебитіе «ихъ. Впрочемъ, замѣчаетъ сочинитель, Французы беспорно имѣли обыкновеніе обходиться неуважительно съ своими союзниками [59] и употреблять ихъ на постыдныя дѣла.»

Изъ всего вышесказаннаго ясно то, что плѣнныхъ начали отправлять тотчасъ по занятіи Москвы, когда Французы почитали себя еще побѣдителями, [60] и не были въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ какомъ очутились чрезъ мѣсяцъ, а между тѣмъ первый конвой, вышедшій изъ Москвы чрезъ нѣсколько дней по занятіи ея, получилъ уже инструкцію пристрѣливать тѣхъ, которые, отъ истощенія силъ, не могли слѣдовать. Тѣ же повѣствователи извѣщаютъ насъ и о продовольствіи этѣхъ несчастныхъ, слѣдовательно, не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что всѣ плѣнные, большею частію, подобранные по одиночкѣ и, какъ замѣчено выше, на улицахъ Москвы, разныя лица, взятыя послѣ занятія этой столицы, въ числѣ которыхъ было очень мало захваченныхъ на поляхъ битвъ, изводились голодомъ, убійствомъ и огнемъ, что мѣра эта была общей, и въ Дорогобужѣ всѣ оставшіеся еще плѣнные, которыхъ, конечно, находилось уже очень не много, были истреблены однимъ разомъ.

(S. 189, 190). Но не одни Баденцы препровождали плѣнныхъ; мы видѣли выше, что, по повѣствованію Лосберга, котораго называетъ и Графъ Толь, Гессенцевъ, точно также ихъ пристрѣливавшихъ, и наконецъ Испанцы, Португальцы, а по повѣствованію Сегюра, и Поляки препровождали ихъ. Мѣра пристрѣливанія была общей.

59 Офицеръ Нѣмецкихъ войскъ, дѣлавшій эту кампанію (Merkw. Tage etc., S. 18) свѣдѣтельствуетъ: «У Французовъ въ обращеніи съ Нѣмцами вкелись въ употребленіе слова: «Spitzbub, allemande, bête» и другіе подобнаго рода эпитеты, упоминаемые Нѣмецкими историками, но у насъ неловкими для печати.

60 Впрочемъ, они и по окончаніи кампаніи почитали себя непобѣдимыми. По ихъ словамъ, они насъ били отъ Нѣмана до Москвы и отъ Москвы до Парижа.

Вотъ что оказывается изъ приведенныхъ данныхъ Генералами: Маркизомъ Шамбре, Фезензакомъ, Лосбергомъ, Графомъ Сегюромъ, Гурго, Графомъ Солтыкомъ, Полковникомъ Лабомомъ, Буржуа, Роосомъ, Обществомъ военныхъ литераторовъ, написавшихъ военную жизнь Наполеона, Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба, описавшимъ кампанію 1812 года, и другими, какъ участниками въ событіяхъ.[61] Наконецъ Серъ Робертъ Вильсонъ (Генералъ, бывшій при нашей главной арміи), Капфигъ, Валтеръ-Скоттъ, Бретонъ де ла Мартиньеръ, Тьессе, да и самъ Тьеръ, имѣвшіе въ рукахъ и необнародованные матеріялы, и всю возможность слышать изустныя повѣствованія отъ участниковъ въ событіяхъ, всѣ они единогласно утверждаютъ о пристрѣливаньи нашихъ плѣнныхъ, въ разныя эпохи, на разныхъ пространствахъ и разными частями войскъ; такъ, на примѣръ: Шамбре, Буржуа, Меергеймъ, Шефель, Общество военныхъ литераторовъ, Офицеръ Французскаго Генеральнаго Штаба, Бретонъ де ла Мартиньеръ, Тьессе, Капфигъ, Вальтеръ-Скоттъ, свѣдѣтельствуютъ, что пристрѣливанье нашихъ плѣнныхъ началось въ Москвѣ, на другой день по занятіи оной, слѣдовательно, съ 3/15 Сентября. Въ слѣдъ за симъ до половины Сентября (ст. сч.) начали уже ихъ отправлять изъ Москвы на Можайскъ и Вязьму, съ предписаніемъ пристрѣливать истощенныхъ ранами и голодомъ и, какъ свѣдѣтельствуетъ Генералъ Лосбергъ, что изъ одной партіи въ тысячу пятьсотъ человѣкъ, тогда выведенныхъ изъ Москвы, до Вязьмы только, пристрѣлено восемьсотъ, что, конечно, продолжалось и далѣе, до совершеннаго истребленія партіи. Генералъ Фезензакъ говоритъ о пристрѣливаньи плѣнныхъ между Малоярославцемъ и Можайскомъ, когда начали отступать, значитъ, между 14/26 и 16/28 числами Октября, и это на другомъ пространствѣ и въ другихъ частяхъ войскъ. Полковникъ Лабомъ говоритъ о нашихъ плѣнныхъ при Колоцкомъ монастырѣ, значитъ 16/28 Октября. Роосъ, Сегюръ, Цельнеръ, Гурго и Солтыкъ говорятъ, какъ очевидцы, о таковомъ же пристрѣливаньи на послѣднемъ переходѣ Наполеона въ Гжатскъ, слѣдовательно, 17/29 Октяб-

[61] Одинаково и Коцебу, находившійся въ плѣну изъ отдѣльнаго корпуса Графа Виттенштейна.

ря, и опять на другомъ пространствѣ и другими частями войскъ; Маркизъ Шамбре говоритъ, что плѣнные, взятые въ битвѣ подъ Вязьмой, были пристрѣливаемы до Дорогобужа, битва въ Вязьмѣ происходила 22-го Октября (ст. сч.), а Французская армія прибѣжала въ Дорогобужъ 25 Октября (7 Ноября) (Наполеонъ былъ уже впереди), а по тому плѣнные эти, вмѣстѣ съ оставшимися еще изъ взятыхъ въ Малоярославцѣ, были пристрѣлены между 22-мъ и 25-мъ числами Октября и т. д. Изъ повѣствованія Маркиза Шамбре можно основательно прійти къ заключенію, что плѣнные, выведенные Маршаломъ Мортье изъ Москвы, были до Вязьмы уже всѣ истреблены; ибо Маркизъ обозначаетъ именно только плѣнныхъ, взятыхъ въ Вязьмѣ и Малоярославцѣ. Генералъ же Фезензакъ, тоже, какъ свѣдѣтель, положительно говоритъ, что плѣнныхъ, взятыхъ въ Малоярославцѣ, начали пристрѣливать тотчасъ. Слѣдовательно, ихъ не могло достигнуть до Вязьмы много, тѣмъ болѣе, что всѣ они, большей частью (и въ незначительномъ числѣ), были раненые, захватывавшіеся въ городѣ, переходившемъ изъ рукъ въ руки. Все вышеприведенное не оставляетъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что мѣра истребленія нашихъ плѣнныхъ была мѣрой общей. Впрочемъ, должно ли удивляться дѣйствію тогдашняго военачальника Французовъ послѣ убійствъ въ Яффѣ, Каирѣ, разстрѣляніи Герцога Ангіенскаго, продѣлокъ въ Байонѣ, вообще въ Испаніи, Португаліи и другихъ странахъ, и, какъ видѣли въ разныхъ мѣстахъ этой книги, чѣмъ сопровождалось вступленіе его въ Смоленскую Губернію, [82] пребываніе въ Москвѣ, гдѣ, предъ его глазами, всякій патрульный Офицеръ имѣлъ безнаказанное право убивать каждаго встрѣчнаго, а часовые при домахъ, Французами занимавшихся, стрѣлять въ любаго, приближающагося къ онымъ и т. д.!

Наконецъ, нельзя согласиться съ выводами Графа Толя, чтобы одни Баденскіе гренадеры, а можетъ быть и Гессенъ-Дармштадтцы и молодая гвардія, были единственными убійцами плѣнныхъ. Изъ имѣющихся данныхъ положительно видно, что плѣнные, въ разныя эпохи, по занятіи Москвы, и съ разныхъ

[82] Нужно ли говорить о недавнемъ еще истребленіи дымомъ цѣлыхъ племенъ въ пещерахъ въ Африкѣ?

пунктовъ были конвоированы различными національностями: Гессенъ-Кассельцами, Баденцами, Испанцами, Португальцами, Поляками, а по заключеніямъ Графа Толя, они могли быть конвоируемы и Гессенъ-Дармштадтцами, наконецъ и молодой гвардіей. На всѣ этѣ части арміи Наполеона указывается повѣствователями, какъ на части, конвоировавшія плѣнныхъ въ ту, или другую, эпоху, на томъ, или другомъ, пространствѣ. Мы встрѣчаемъ даже передачу ихъ отъ однихъ другимъ, и можно допустить съ полною вѣроятностію, что въ этомъ случаѣ, всѣ, безъ изъятія, войска, составлявшія армію Наполеона, могли принимать участіе, пусть и на самое короткое время, хотя бы для доставленія ихъ только съ поля битвы, съ пути, до главныхъ депо, до Вагенбурга и т. п.; можетъ быть, одна только старая гвардія, какъ не бывшая въ дѣлахъ, не имѣла къ тому случая; что же относится до молодой гвардіи, то, безспорно, она вела съ собой плѣнныхъ, подобранныхъ при окончательномъ выступленіи изъ Москвы. Пусть она вела ихъ только два перехода, до Голицына (Вяземы), гдѣ Мортье могъ ихъ сдать Испанцамъ, или Баварцамъ, которыхъ тутъ присоединилъ къ себѣ.

Но не подлежитъ уже ни какому сомнѣнію то, что пристрѣливанье плѣнныхъ было мѣрой общей, принятой тотчасъ по занятіи Москвы. Исполненіе оной мы видѣли выше, на разныхъ пунктахъ и въ разное время. Слѣдовательно, всѣ части войскъ, какой бы онѣ національности ни были, должны были руководствоваться этѣмъ общимъ распоряженіемъ, начиная съ Мортье и его молодой гвардіи до послѣдняго иноземнаго легіона. Мѣра эта не откуда не могла истекать, какъ только отъ одной верховной власти арміи, которая изрекла оную, ожесточенная Московскимъ пожаромъ. Это мщеніе проявлялось въ разныхъ видахъ во все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ и вообще въ Россіи. Такъ, на примѣръ, независимо отъ всего того, что въ разныхъ мѣстахъ этой книги было уже сказано, Вильсонъ (р. 216) приводитъ приказъ Наполеона отъ 6/18 Октября, которымъ предписывалось разстрѣлять десять человѣкъ Русскихъ, будто бы какъ поджигателей, [63] взятыхъ въ подвалѣ. Сочинитель при-

---

[63] Слѣдуетъ замѣтить, что это было болѣе нежели черезъ мѣсяцъ по прекращеніи

совокупляетъ, что они были больные и уже помилованные Бертье. «Чтобы это было исполнено завтра, въ четыре часа утра, безъ «огласки,» говоритъ Капфигъ (t. IX, p. 355), и замѣчаетъ: «Здѣсь «встрѣчаемъ жестокій и неумолимый характеръ Государя; онъ хо«четъ, чтобы чувство ужаса связывалось съ его пребываніемъ въ «Москвѣ.» Такимъ образомъ этѣ несчастные, не смотря даже на помилованіе послѣ Императора первымъ лицемъ въ арміи (и помилованы они, конечно, по тому, что оказывались невинными), были истреблены не только безъ уликъ и суда, какъ это водится, для примѣра и острастки, но, какъ видѣли, тайно, «безъ огласки.» Здѣсь замѣчательно еще и то, что повелѣніе это послѣдовало на канунѣ выступленія Наполеона изъ Москвы, по полученіи извѣстія о разбитіи Мюрата на Чернишнѣ: кровь этѣхъ десяти жертвъ должна была утолить жажду Наполеона и удовлетворить мщенію. Но убійствомъ этѣмъ ни то, ни другое не удовлетворилось; ибо, при оставленіи Москвы, оно было заявлено предписаніемъ, даннымъ Маршалу Мортье, ужаснувшимъ самихъ Французовъ. Оно и послѣ сего не преставало: Генералъ Фезензакъ, описывая начало отступленія отъ Малоярославца (p. 76), говоритъ: «Наполе«онъ продолжалъ свое мщеніе истребленіемъ и огнемъ.» А по тому нѣтъ повода думать, чтобы Наполеонъ, выступивъ къ Малоярославцу, откуда, вынужденный къ отступленію, съ каждымъ шагомъ становившемуся болѣе и болѣе гибельнымъ, смягчился при ужасныхъ эпизодахъ, которыхъ онъ былъ свѣдѣтелемъ, чѣмъ когда онъ былъ въ Царскихъ палатахъ Кремля. Варварская мѣра пристрѣливанія плѣнныхъ, истощавшихся отъ голода, изречена тамъ. Ей должны были повиноваться всѣ. А изъ этого выходитъ, что исполнители, кто бъ они ни были, Французы, Нѣмцы, Испанцы, Поляки и иные, исполнили только то, что было имъ приказано вождемъ арміи, которому ослушаніе они знали, къ чему могло ихъ привести. Въ этомъ случаѣ одни Французы могли выказать болѣе великодушія. На всѣхъ же прочихъ (можетъ быть, за исключеніемъ однихъ Поляковъ), [64] не только бы обрушилась отвѣтственность за

пожара, въ продолженіе коего всѣ взятые, какъ замѣчено выше, были давно уже истреблены, частію на мѣстѣ, а частію на пути.

[64] Графъ Солтыкъ сильно возстаетъ противъ этой варварской мѣры. Но что бы

неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, но и пало бы тяжкое подозрѣніе въ доброжелательствѣ Русскимъ и въ измѣнѣ.

Кромѣ Г.-Л. Лосберга, который вошелъ въ нѣкоторыя подробности по предмету конвоированія порученныхъ ему плѣнныхъ, не знаю другихъ повѣствованій, въ такой степени подробныхъ. Изъ показаній же Лосберга видно было, что изъ тысячи пяти сотъ плѣнныхъ, взятыхъ имъ изъ Москвы, достигло до Вязьмы только семьсотъ человѣкъ, а большая половина, на столь маломъ пространствѣ, была пристрѣлена, и въ такое еще время, когда стужи вовсе не было и продовольствіе имѣлось въ Москвѣ и на пути, но котораго имъ, однако же, не отпускалось, Можно себѣ представить, что послѣдавало тогда, когда настала стужа, когда отъ безпорядка, господствовавшаго въ Французскомъ управленіи, и войско стало питаться палыми лошадьми, собаками, часто находимыми въ истребленныхъ селеніяхъ. Человѣчье мясо, вскрытіе череповъ павшихъ товарищей, даже куски мяса, отваливавшіеся отъ ранъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ было видно, не останавливали голодныхъ прибѣгать къ этому: въ какомъ же состояніи должны были быть въ то время наши плѣнные! Но до послѣдняго эпизода содроганій — стужи, не достигли: Графъ Сегюръ и другіе, сказавъ, что Наполеонъ, въ Гжатскѣ, приказалъ, будто бы, прекратить пристрѣливаніе, присовокупляютъ: «Довольствовались тѣмъ, что вымаривали ихъ голодомъ.» Генералъ же Вильсонъ[65] свѣдѣтельствуетъ: «Пока Французы брали «плѣнныхъ, обыкновенно растрѣливали тѣхъ изъ нихъ, которые, «за ранами, не могли продолжать путь, а при оставленіи горо- «довъ, когда настигали Русскіе, большою частію запирали плѣн- «ныхъ въ церковь, или въ какое либо строеніе, которое потомъ «и предавали огню. Я такъ часто это видалъ, присовокупляетъ «Серъ Р. Вильсонъ, что уже пересталъ чувствовать тотъ ужасъ, «который мнѣ это внушало.» Дорогобужъ, по видимому, былъ послѣднимъ рубежемъ страданій нашихъ плѣнныхъ. Немногіе, при

онъ сдѣлалъ, если бы, движимый возвышенными чувствами, и получилъ порученіе конвоировать плѣнныхъ съ такой же инструкціей?

[65] Посмертное изданіе Записокъ Генерала Серъ Роберта Вильсона о 1812 годѣ въ Лондонѣ 1860 — 1861 г. (перевед. въ «Русск. Вѣстн.» 1862, стр. 190).

тогдашнихъ условіяхъ, могли достигнуть онаго; но тѣ, которые сохранили силы, можетъ быть, на нѣсколько переходовъ, были тутъ окончательно избиты, и въ этомъ отношеніи такая мѣра, хотя и варварская, но она, съ тѣмъ вмѣстѣ, была и человѣколюбивой, ибо только прекращала страданія. Послѣ Дорогобужа нѣтъ и помина о нашихъ плѣнныхъ.

Изъ всѣхъ выше приведенныхъ данныхъ, которыя я, какъ частный человѣкъ, могъ собрать, видно, что несомнительный перевѣсъ убѣжденія на сторонѣ общей мѣры, предписанной высшей властью арміи, а по тому, если это такъ, и Г. Тьеру, по своимъ расчетамъ, не хотѣлось пояснить обстоятельство, о коромъ идетъ рѣчь, то лучше было бы ужь вовсе не упоминать объ ономъ, по тому что исключеніе трехъ строчекъ изъ его многотомнаго сочиненія не лишило бы его того уваженія, которымъ онъ пользуется въ литературномъ отношеніи. Упомянувъ же объ этомъ событіи такъ, какъ это сдѣлано имъ, онъ какъ бы ищетъ скрыть настоящаго виновника, сбросивъ все на союзниковъ, избѣгая назвать національность. По чему же было не знать національности? Въ арміи Наполеона, въ 1812 году, исключая Англичанъ, Шведовъ и Турокъ, были всѣ Европейскія національности: «Двадесять «языкъ!» Назвавъ же одну изъ нихъ, онъ могъ вызвать возраженія, и тогда бы высказалась истина, которой, въ этомъ случаѣ, сочинитель, видимо, не желаетъ. Національность, на которую бы онъ указалъ, или отвѣчала бы, что не на нее возлагалось конвоированіе плѣнныхъ, или отозвалась бы, да, пожалуй, приложила бы и документъ, что исполнила приказаніе высшей власти, которой ослушаться, особенно въ военное время, не могла, и справедливо.

Конечно, въ строгомъ смыслѣ, не Французамъ разъяснять эпизодъ этотъ, во всякомъ случаѣ служащій пятномъ, хотя и не прямо имъ, ибо они обязаны были, по военной дисциплинѣ, повиноваться; но оно, по крайней мѣрѣ, бросило бы густую тѣнь на тогдашняго ихъ военачальника. Пусть они нашли бы и возможность, по обыкновенію, наборомъ фразъ затмить то, что приказаніе это проистекало прямо отъ него, но уже ни какъ не могли бы затмить терпимость подобнаго варварства, и какъ сказано о Гжатскѣ, гдѣ будто бы онъ принялъ видъ неудоволь-

ствія, встрѣтивъ нѣсколько пристрѣленныхъ труповъ, и на другой день этѣ убійства прекратились. Все это, какъ замѣчено выше, не имѣетъ ни какой исторической истины, ибо такое пристрѣливаніе началось за полтора мѣсяца прежде и продолжалось и послѣ Гжатска на разныхъ пунктахъ; словомъ, вездѣ, гдѣ были наши плѣнные, и Наполеонъ не могъ не знать этого: онъ зналъ все, что происходило даже въ кружкахъ солдатъ, собирающихся около костровъ. Во всякомъ случаѣ, повторяю, не Французамъ слѣдовало заняться разработкою и разъясненіемъ этого обстоятетьства. Они, вѣроятно, очень довольны, что другіе молчатъ о томъ.

Разъясненіе онаго лежитъ на обязанности нашихъ военныхъ историковъ. Оно покажетъ, кто имѣетъ болѣе права упрекать другъ друга въ варварствѣ: Французы ли насъ, или мы ихъ. Если они встрѣтили неласковый пріемъ со стороны нашего народа, это очень естественно: онъ не хотѣлъ подчиняться иноплеменному и иновѣрческому игу. Не вторгнись Французы въ наше отечество, они не испытали бы силы и энергіи патріотизма Русскихъ; впрочемъ, и самое ожесточеніе его, столь законное при защитѣ своего отечества, далеко не равнялось съ тою звѣрскою кровожадностію, которая господствуетъ между самими Французами во время ихъ революціонныхъ смутъ, гдѣ все дѣло шло иногда о той, или другой, формѣ, или цвѣтѣ кокарды. Что же касается до нашей арміи того времени, то никто и не помышлялъ не отдавать ей той справедливости, которую она заслужила, и такія засвѣдѣтельствованія не разъ видны въ главахъ этой книги. Особенная забота въ Вильнѣ, даже лично самаго Государя и Великаго Князя, посѣщавшихъ зараженные тифомъ Французскіе госпитали и вообще попеченіе о раненыхъ плѣнныхъ, одинаково засвѣдѣтельствовано самими Французами. Нѣтъ! Арміи нашей никто не можетъ сдѣлать ни одного упрека въ преступленіи правилъ, принятыхъ человѣколюбіемъ, тогда какъ въ это же самое время Французская армія моритъ голодомъ нашихъ плѣнныхъ, при возможности снабжать ихъ хотя нѣкоторою только частію продовольствія, изъ магазиновъ полныхъ, по засвѣдѣтельствованію самихъ Французовъ, а потомъ на пути пристрѣливаетъ ослабѣвшихъ, наконецъ, загнанныхъ въ какое либо зданіе, сожи-

гаетъ!.. Морить и пристрѣливать за что же? За то, что ихъ собраты, народъ, возстали противъ врага! Здѣсь мщеніе уже не прямое тѣмъ, которые были виновниками бѣдствій, а мщеніе изощреннаго ехидства.[66]

Вотъ параллель, которую наши военные историки должны были провести между обѣими арміями, дѣйствовавшими въ 1812 году одна противъ другой, разсмотрѣвъ все, что только могло касаться до предмета; а то, до сихъ поръ, ни одинъ иноземецъ не возметъ въ руки пера, чтобы не укорить насъ въ варварствѣ. И мы молчимъ! А они все бьютъ да бьютъ насъ своими фразами; хотя бы въ этомъ случаѣ, при нашемъ молчаніи, придержались Русской пословицы: «Лежачаго не бьютъ.»

Французы вообще очень недовольны защитою нашею въ 1812 году; имъ хотѣлось порѣшить съ нами также легко, какъ они это дѣлали въ другихъ странахъ (исключая Испанію, къ которой, однако же, подоспѣла на помощь Англія); такъ, на примѣръ: Генералъ Бертезенъ (р. 61) очень негодуетъ на Графа Ростопчина, что онъ возбуждалъ народъ къ сопротивленію Французамъ, критикуетъ даже его слогъ, доказывающій малые успѣхи Русскихъ въ цивилизаціи, и приводитъ письмо Адлерфельда, заключающее въ себѣ походъ Карла XII, что и тогда было то же невѣжество и т. п. Но какой бы у Ростопчина слогъ ни былъ, а народъ понялъ его, между тѣмъ цивилизированнаго слога, употреблявшагося Наполеономъ въ 1814 и 1815 годахъ, чтобы поднять народъ, не смотря на огромныя суммы, предоставленныя мѣстнымъ властямъ къ возбужденію этого движенія, народъ не понялъ. Впрочемъ, не Французамъ насъ укорять въ родомонтадствѣ, какъ это дѣлаетъ Генералъ Бертезенъ. Пусть прочитаетъ онъ книгу (между множествомъ подобныхъ), вышедшую въ Парижѣ въ 1812 году, при исходѣ войны, подъ заглавіемъ: «Океанократы,» сочиненіе Тидемана, которая не иначе могла видѣть свѣтъ, какъ по цензурѣ Савари, а вѣроятнѣе еще и по

[66] Французы, по ихъ словамъ, всегда били нашихъ солдатъ. За что же было мстить имъ? Между тѣмъ они поплатились, а народу досталось въ удѣлъ одно только временное разореніе.

его заказу составленная. Содержаніе этой книги необъяснимо: оно превосходитъ всякое воображеніе пошлостію выраженій, наглой ложью, невѣжествомъ, гнуснымъ толкованіемъ и т. п. Такъ, на примѣръ (р. 70), въ ней сказаны, что Германія должна почитать предпринятую противъ Россіи войну своей національной, какъ даръ небесъ, по тому что она обезпечиваетъ Германію отъ ига Россіи. Собственно о Русскихъ чего тутъ не встрѣчаемъ! Вотъ видите: у нашего народа нѣтъ патріотизма (и это при окончаніи кампаніи)! Крестьяне возстанутъ противъ помѣщиковъ, по тому что (р. 120) на Русскомъ языкѣ слово Наполеонъ означаетъ: «Acie primus»—«первый въ правильной битвѣ» (bataille rangé). Откуда этотъ переводъ, знаютъ только Тидеманъ и Савари. [67] Не мѣсто говорить здѣсь обо всемъ томъ, что книга эта заключаетъ и что далеко оставляетъ за собой и письмо Адлерфельда, и афиши Ростопчина, которыми укоряетъ насъ Генералъ Бертезенъ. Но, чтобы имѣть малѣйшее понятіе объ этомъ знаменитомъ произведеніи прогресса, возьму на выдержку одну изъ пошлостей, такъ торжественно доказывающихъ невѣжество великой передовой націи на пути просвѣщенія. Нападая даже на пищу, употребляемую Русскими, между прочимъ, встрѣчаемъ (р. 114): «Le plus grand «régal est l'eau de vie.» Пусть бы тѣмъ и кончилъ; но нѣтъ: сочинитель, желая выказать свои глубокія познанія о Россіи, хочетъ пояснить своимъ любознательнымъ соотечественникамъ, какъ нектаръ этотъ называется по Русски, а по тому, въ слѣдъ за словомъ eau de vie, въ скобкахъ поставилъ (quas)! [68] Но доволь-

---

[67] Какимъ бы это образомъ слово Наполеонъ означаетъ — «bataille rangé, да еще первый! Онъ можетъ быть на полѣ и по многимъ другимъ причинамъ, совершенно противоположнымъ битвѣ, да еще — rangé! У насъ, въ 1805 году, послѣ того, какъ Князь Багратіонъ пробился съ своимъ авангардомъ чрезъ Французскую армію, Державинъ написалъ:

«О какъ великъ На-поле-онъ,
«И храбръ, и твердъ, и быстръ во брани;
«Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
«Къ нему съ штыкомъ Бог-рати-онъ!»

Это игра словъ; но у Савари и Тидемана совсѣмъ другое.

[68] Мы видѣли въ другихъ главахъ всю любознательность Французовъ; такъ, на при-

но объ этомъ цивилизированномъ произведеніи. Мы не можемъ похвастать, какъ Французы, и въ войну 1853—1856 годовъ, бездною брошюръ самаго безсмысленнаго содаржанія, и въ особенности игранною безостановочно на Парижскомъ Театрѣ одною изъ глупѣйшихъ піесъ, подъ названіемъ «Казаки,» отъ которой не одна чернь, но и высшее Общество, были въ восторгѣ. Посчитаться съ Французами въ подобныхъ выходкахъ нѣтъ возможности: они всегда останутся въ большомъ противъ насъ барышѣ. Намъ ненужны возбудительныя средства, подобныя тѣмъ, которыя употребляютъ Французы, чтобы дурачить публику, чѣмъ только страсти ея и возжигаются. У насъ принципъ основный, и необходимые двигатели Французовъ у насъ немыслимы.

Сочинитель «Исторіи Отечественной войны 1812 года», безспорно, имѣлъ всю возможность собрать свѣдѣнія объ эпизодѣ перебитія плѣнныхъ, и, однако же, замѣтилъ о немъ только вскользь, не обративъ даже вниманія на точный смыслъ перевода нѣсколькихъ словъ изъ Фезензака. То же равнодушіе онъ выказалъ и по предмету ввоза фальшивыхъ ассигнацій, замѣтивъ, что объ этомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, а онѣ изобилуютъ![69] Этѣ два обстоятельства достаточно характеризовали бы тогдашняго врага нашего; а говорятъ, что Исторія служитъ мѣриломъ для будущихъ событій; ясно въ ней изложенныя, могутъ рано, или поздно, повториться, по тому что главныя черты характера въ народахъ неизмѣнимы.

мѣръ, Полковникъ Комбъ, участникъ въ событіяхъ, описывая происшествія въ Малоярославцѣ, знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ этѣмъ городомъ, лежащимъ на Окѣ и носящимъ названіе города Розъ, что Малоярославецъ на Русскомъ языкѣ и означаетъ: «la ville de Roses;» это то же въ родѣ «quas.» Бездна такихъ ученыхъ розысканій, которыя, при удобномъ случаѣ, я соединю.

[69] Не говоря уже о неоспоримыхъ доказательствахъ, имѣющихся у насъ, но и самые, такъ сказать, рьяные Французы, участники въ войнѣ, не скрываютъ этого. Не уже ли почтенный исторіографъ нашъ не замѣтилъ параграфа въ соч. Шамбре, котораго онъ избралъ за образецъ, отдавая ему преимущество противъ всѣхъ другихъ повѣствователей Французскихъ? Не уже ли онъ не просмотрѣлъ Бошана и др.? Если наши данныя и данныя непріятеля неосновательны, то слѣдовало ихъ опровергнуть, но этотъ важный фактъ отнюдь не долженъ былъ остаться подъ голословнымъ приговоромъ.

Я могу во многомъ ошибаться касательно значенія помянутыхъ двухъ предметовъ, даже въ политическомъ отношеніи, но говорю по убѣжденію, пусть можетъ быть и пристрастно, по тому что я дѣлалъ эту кампанію (а насъ остается очень не много), уже не такъ, какъ новобранецъ, но занималъ мѣсто, требовавшее разсужденія, потомъ, до сихъ поръ, въ продолженіе полувѣка, читалъ, въ свое время, все, что выходило о войнѣ 1812 года, дѣлалъ сводъ, сравненія и т. д. Не уже ли въ настоящее время, когда изложеніе Отечественной исторіи получило такой просторъ къ обсужденію оной, молодые наши ученые остановятся въ изложеніи многихъ событій 1812 года? Не уже ли побоятся, на основаніи фактовъ, выставить истину, хотя бы только объ истребленіи нашихъ плѣнныхъ, голодомъ, пристрѣливаніемъ и огнемъ, и о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, о которыхъ имѣется несравненно болѣе данныхъ, нежели о самомъ пристрѣливаніи, и тогда, когда насъ безпощадно, на каждомъ шагу, упрекаютъ въ варварствѣ и вѣроломствѣ? Пусть же и Русскіе читаютъ правду и видятъ результатъ цивилизаціи человѣческаго сердца въ настоящемъ его свѣтѣ! Обращаюсь къ предмету.

Нравственное состояніе арміи Наполеона послѣ Малоярославецкаго сраженія, слабость, выказанная имъ самимъ при совѣщаніи съ главными лицами арміи, объ избраніи пути къ отступленію, дѣлаемые имъ вопросы, и наконецъ преклоненіе слуха къ мнѣнію другихъ, вопреки своему обыкновенію; словомъ, колебаніе, оказанное имъ при этомъ случаѣ, чего прежде въ немъ не замѣчалось, не могло не имѣть сильнаго вліянія на потрясенный уже духъ его арміи, и здѣсь Савари (t. VI, p. 50), справедливо замѣчаетъ: «Наполеонъ не успѣлъ одолѣть Русскихъ въ Малоярославцѣ, и несчастія начались.»

Баронъ Денье (p. 121) говоритъ, въ Гжатскѣ, 17/29 Октября, чрезъ пять дней послѣ Малоярославца и чрезъ три послѣ начала отступленія: «Уныніе овладѣло уже многими.»

Тьеръ (p. 500), что въ корпусѣ Даву, изъ двадцати осьми тысячъ, при началѣ отступленія, оставалось въ Гжатскѣ только двадцать тысячъ. Толпы бросившихъ оружіе постоянно увеличивались еще до сего города.

Графъ Сегюръ (t. II, p. 112) пишетъ: «Подходя къ Гжат-«ску, отступленіе превращалось въ бѣгство.»

Вольдендорфъ и Варадейнъ (t. III, S. 204) удостовѣряютъ: «Въ Гжатскѣ безпорядки требовали всего хладнокровія и «благоразумія начальниковъ, чтобы предупредить послѣдствія.»

Въ Запискахъ для Исторіи этой войны, писанныхъ Офицеромъ Генеральнаго Штаба Французской арміи (t. I, p. 260), находимъ: «Гжатскъ 19/31 Октября. Положеніе арміи становится кри-«тическимъ, и необходима вся твердость характера начальниковъ «и преданность подчиненныхъ, чтобы потери, которыя она не-«сла ежедневно, не увеличились въ быстрыхъ размѣрахъ и не «произвели общаго распаденія.»[70]

Баронъ Денье (p. 123) говоритъ, что «въ это время, 20 «Октября (1 Ноября), дисциплина была потеряна. Большая часть «солдатъ бросили свои ряды, и Русское ура сдѣлалось ужасомъ «для бросившихъ оружіе.» Это обстоятельство, о которомъ говорятъ почти всѣ, было сильнѣй мороза, если бы онъ дѣйствительно и былъ на этомъ пространствѣ.

Графъ Сегюръ (t. II, p. 134) приводитъ, что Полковникъ Дальбиньякъ, отправленный Неемъ къ Наполеону, съ личнымъ донесеніемъ, между прочимъ, говоритъ: «Первое отступательное «движеніе отъ Малоярославца для солдатъ, которые никогда не «отступали (Французы не умѣютъ отступать безъ потери поряд-«ка), смутило армію,»[71] и описываетъ живыми красками ея положеніе при Вязьмѣ. Слѣдовательно, и здѣсь видно, что окончательное разстройство начинается совершенно, по всѣмъ даннымъ, отъ Малоярославца.

Тьессе (t. II, p. 154), говоритъ, что послѣ Малоярославца, «не смотря на всѣ завѣренія, увидѣли въ дѣйствительности, что

---

[70] Покуда замѣчу мимоходомъ, что все это было за недѣлю до морозовъ.

[71] Тьессе (t. II, p. 147, 148) однако же, говоритъ, что уже въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ всѣ пиры и пѣсни прекратились, и что (p. 153) отъ «Москвы, очевидно, мы были въ отступленіи, хотя офиціяльныя извѣстія не из-«мѣняли своего тона и продолжали сохранять духъ народа непобѣдимаго.»

«мы бѣжимъ. Побѣда при этомъ городѣ была далека отъ того, «чтобы поселить въ войскахъ нашихъ какую либо надежду; бит-«ва эта усилила только потерю духа. Ожесточеніе, съ которымъ «сражались Русскіе, было явнымъ доказательствомъ ихъ намѣреній «на предпріятія, болѣе серіозныя.»

Мартонваль (t. II, p. 357) говоритъ: «За успѣхъ подъ Вязь-«мой мы заплатили дорого: много отсталыхъ досталось въ руки «непріятелей.»

Графъ Солтыкъ (p. 379) свѣдѣтельствуетъ: «Отъ Вязьмы, «солдаты шли въ молчаніи; физическія и нравственныя ихъ силы «были одинаково поражены; казалось, что предвидѣли еще боль-«шія бѣдствія» и пр. Далѣе (p. 383): «Отчаяніе (все отъ Вязьмы) «овладѣвало нѣкоторыми, а это лишало нравственныхъ силъ, иные «посягали на свою жизнь, чтобъ однимъ ударомъ прекратить и «ее и страданія.» И, продолжая описывать это положеніе (p. 402), заключаетъ: «И такъ, зародышъ инсубординаціи въ Мо-«сквѣ быстро развился и угрожалъ арміи совершеннымъ распа-«деніемъ.» Что и совершилось.

Принцъ Евгеній Виртембергскій (S. 126 — 147) свѣдѣтель-свуетъ, что «Французская армія была деморализирована до Вя-«земскаго сраженія.» Значитъ, еще до наступленія стужи.

Морицъ Фонъ Миллеръ положительно говоритъ, «что де-морализація и паденіе дисциплицы начались прежде насту-пленія морозовъ.»

Барро-Руллонъ, въ книгѣ своей, написанной въ 1854 году, когда страсти къ славѣ полчищъ Наполеона, въ 1812 году, нѣ-сколько утихли (p. 178), говоритъ: «Французы тщетно оспари-«ваютъ у Кутузова Малоярославецъ, и должно было вернуться по «разоренной дорогѣ.» А далѣе, какъ увидимъ, онъ скажетъ, что деморализація началась до наступленія морозовъ.»

Баронъ Денье (p. 137) приводитъ слѣдующее: «Наполеонъ «пытался возстановить порядокъ въ войскѣ, начавшемъ бросать «свое оружіе, но усилія его были тщетны.» Капфигъ, говоря о Вязьмѣ (t. XVIII, p. 19), присовокупляетъ: «Здѣсь обнаружился

«великій бичъ, который сокрушилъ колонны болѣе, чѣмъ стужа.
«Я говорю (продолжаетъ сочинитель) о распаденіи арміи.»

Генералъ Фезензакъ (p. 83). Въ Вязьмѣ: «Великое множе-«ство людей шло разсыпавшись, преимущественно безъ ружей,» присовокупляя, что изъ 1 и 4 корпусовъ почти одна только Италіянская гвардія шла еще въ порядкѣ.

Тьессе (p. 742) пишетъ, «что за Вязьмой солдаты бросили оружіе, не слушались Офицеровъ, а Офицеры болѣе не занимались ими.»

Норвенъ (p. 335), что «до Вязьмы, съ Бредихина, въ арміи распространился безпорядокъ,» и присовокупляетъ: «Даже ночью «не имѣли покоя отъ Казаковъ.»

Вотъ настоящая причина бѣгства, а не морозъ, котораго еще не было, и не недостатокъ продовольствія, которое еще было, не смотря на то, что множество повозокъ съ онымъ было брошено, и изъ нихъ выпрягали лошадей, чтобы впрягать въ повозки, отягощенныя добычею.

По засвѣдѣтельствованію Рооса (p. 193): «Послѣ Вяземска-«го сраженія, въ нѣкоторыхъ полкахъ начали снимать съ древокъ «знамена и прятать на себя.»

Сэръ Робертъ Керъ-Портеръ (p. 301) говоритъ, что «еще «20 Октября вся армія была въ бѣгствѣ, ибо нельзя здѣсь упо-«требить другаго выраженія, для обозначенія этого отступленія.» Это происходило за семь дней до морозовъ и на столько же послѣ Малоярославца.

Баронъ Фенъ говоритъ, что разстройство арміи начинается еще 21 Октября, и (p. 278) присовокупляетъ: «Когда дѣло дохо-«дило до битвы, солдаты, которыхъ почитали упавшими духомъ, «возвращали всю свою живость.» То же говоритъ и Раппъ (p. 189): «Подходя къ Вязьмѣ и увидѣвъ Русскихъ, солдаты собрали «остатокъ энергіи и вступили въ бой.» Великое множество и чуть ли (около Вязьмы) не болѣе трети арміи, бросило свое оружіе, что какъ то не согласуется съ тѣмъ духомъ при видѣ Русскихъ, который придается Французскимъ солдатамъ Гг. Феномъ

и Рапномъ. Это скорѣй доказываетъ только отчаяніе и инстинктъ самосохраненія, разсудокъ и здѣсь былъ въ сторонѣ.

Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, разсуждая о Вяземскомъ сраженіи (до Дорогобужа, гдѣ началась зима), (p. 283) говоритъ: «Наполеонъ продолжалъ отступленіе, но оно составляло уже не военную операцію, а рядъ безпримѣрныхъ злополучій.»

Въ сочиненіи «Beautés, vict. etc.» (p. 190) сказано: «Изъ Вязьмы, послѣ сраженія, армія продолжала отступленіе, но такъ «была ослаблена лишеніями всякаго рода, что, не смотря на богатство, ее окружавшее, походила болѣе на побѣжденныя толпы, «чѣмъ на побѣдоносные легіоны.»[72]

Буржуа (p. 102) говоритъ объ окрестностяхъ Вязьмы: «Армія вскорѣ распалась; солдаты начали бросать оружіе; составились толпы болѣе или менѣе многочисленныя, и все угрожало «скорою и всеобщею деморализаціею.»

Шамбре, сказавъ о сраженіи подъ Вязьмой (p. 374), присовокупляетъ, что Ней, въ донесеніи своемъ объ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, пишетъ: «Самое непріятное обстоятельство этого дня «заключается въ томъ, что мои войска были свѣдѣтелями безпорядковъ 1-го курпуса: это пагубный примѣръ, потрясающій нравственность солдата»... Вотъ что Ней пишетъ еще къ Бертье, отъ 22 Октября (p. 377); изложивъ отступленіе отъ Вязьмы:..... «дорога была покрыта, безъ преувеличенія, четырьмя тысячами «человѣкъ, изъ всѣхъ полковъ большой арміи, которыхъ не возможно было заставить слѣдовать вмѣстѣ..... При малѣйшемъ нападеніи, они обращаются въ бѣгство и могутъ разстроить колонны,» и т. д.

По словамъ Барона Денье (p. 121), когда Наполеонъ былъ, 20 Октября, въ Семлевѣ, «дисциплина была уже потрясена; «большая часть солдатъ оставила свои ряды» и пр. И это только чрезъ семь дней послѣ сраженія при Малоярославцѣ! Здѣсь

---

[72] Нужно много смѣлости, чтобы назвать бѣгущую, на каждомъ шагу распадающуюся, армію побѣдоносными легіонами! Впрочемъ, къ этѣмъ выходкамъ Французовъ такъ привыкли, что онѣ и не замѣчаются!

же, въ Семлевѣ, Наполеонъ приказалъ Генералу Дюронелю, съ избранными жандармами, собирать бродягъ, но это ни къ чему не повело, ибо ружья были ими уже брошены. Въ Семлевѣ же, когда Наполеонъ думалъ остановиться и выждать битвы, Ней (р. 124) сказалъ ему: «Вы хотите сразиться, а у Васъ нѣтъ арміи.» Это все происходило еще до 26 Октября, когда, по словамъ самихъ Французовъ, началась зима.

Въ описаніи: «Отступленіе Французовъ» (S. 14, 15), сказано, что зима началась послѣ Вязьмы: «Французскія войска раздѣлились на толпы и начали бросать оружіе; порядокъ и дисциплина исчезли; солдаты не смотрѣли на Офицеровъ, а эти, въ свою очередь, не заботились о своихъ подчиненныхъ. Каждый изъ нихъ былъ такъ занятъ собой, что не обращалъ вниманія на другихъ, и никто не хотѣлъ ни повелѣвать, ни подчиняться. Почти всѣ полки были перемѣшаны между собою, а корпуса отличались одинъ отъ другаго только своими багажными колоніями, заботясь прикрывать ихъ фланги отъ Казаковъ.» Въ Дорогобужѣ же, гдѣ началась зима, «1-й, 3-й 4-й корпуса бросили почти всю артиллерію; (присовокупляя:) безпечность, при самомъ началѣ отступленія, была такъ велика, что не подумали даже о ковкѣ лошадей, на случай морозовъ,» и пр.

О деморализаціи арміи говорятъ всѣ повѣствователи. Здѣсь приведу еще слова Г. Монтиньи, участника войны, издавшаго свои «Воспоминанія» только въ 1853 году. Онъ разсказываетъ одинъ эпизодъ. Два Маршала спорили между собой, при сочинителѣ, кому изъ нихъ прикрывать отступленіе? И послѣ взаимнаго другъ другу представленія причинъ, которыя почитали умѣстными относительно предмета, ихъ занимавшаго, дошли до упрековъ, брани, наконецъ до оскорбленій. «Да! (восклицаетъ сочинитель) до оскорбленій!» И присовокупляетъ (р. 219): «Всѣ историки, писавшіе о достопамятной войнѣ въ Россіи, признаютъ совершенную деморализацію, до которой армія достигла, особенно во время своего отступленія, но никто не сорвалъ вполнѣ покрова, который скрываетъ страшный эпилогъ этой великой трагедіи. Генералы, Офицеры, солдаты и всѣ, имѣли одну только мысль, одну цѣль: собственное свое сохраненіе, и для достиженія цѣли всѣ средства приводились въ дѣйствіе; не имѣли

«энергіи и, такъ сказать, чести... Я слышалъ собственными сво-
«ими ушами (около Смоленска) двухъ знаменитыхъ Маршаловъ,
«славу нашей Франціи, спорящихъ, при третьемъ лицѣ, о томъ,
«кому изъ нихъ бѣжать первому!»

Для полноты картины тогдашняго состоянія Французской арміи, не лишнимъ нахожу сказать нѣсколько словъ о главномъ ея предводителѣ. Въ разныхъ мѣстахъ выше видно было, что, съ самаго начала предпринятой Наполеономъ войны противъ Россіи, онъ казался не въ нормальномъ своемъ положеніи. Онъ не походилъ на того великаго человѣка, какимъ онъ казался прежде, о чемъ всѣ повѣствователи свѣдѣтельствуютъ почти единогласно; даже образъ его обращенія въ Дрезденѣ, когда онъ отправлялся въ армію, доказывалъ его внутреннее волненіе, борьбу различныхъ его предначертаній, строгости и кичливости.[73] Констанъ, первый его камердинеръ, который былъ уже нами приводимъ, въ чрезвычайно любопытныхъ Запискахъ своихъ, передаетъ, между прочимъ, наблюденія свои о душевномъ состояніи Наполеона, внѣ офиціяльныхъ его заботъ, о которыхъ было уже упоминаемо.

Вотъ что говоритъ Констанъ (t. V, p. 74): «Предъ самымъ
«вступленіемъ въ Россію, Его Величество уже не имѣлъ своего
«обычнаго спокойнаго вида, или, по крайней мѣрѣ (присовоку-
«пляетъ сочинитель), я имѣлъ случай замѣтить въ тѣ часы, въ
«которые имѣли честь приближаться къ нему, что онъ былъ про-
«тивъ обыкновенія молчаливѣе... Нѣсколько разъ я видѣлъ его
«выходящимъ изъ терпѣнія, что не находилъ Русскихъ, чтобы сра-
«зиться съ ними.

«Предъ Генералами своими Императоръ принималъ наруж-
«ное спокойствіе (p. 76), которое не всегда было у него на ду-

[73] Капфигъ говоритъ, что «Наполеонъ (t. IX, p. 344), выѣзжая изъ Дрездена, «опредѣлилъ кампанію положительными словами:» Большая битва; занятіе «Москвы; Александръ у ногъ его, просящій мира.» Сочинитель замѣ-«чаетъ: Большая битва была дана; Москва занята, но отъ Александра онъ не «получаетъ ни какого извѣстія. Выждавъ восемь дней, онъ самъ дѣлаетъ пер-«вый шагъ къ переговорамъ, отправивъ Лористона.» Но это не было первымъ шагомъ. Еще въ Смоленскѣ онъ, чрезъ Генерала Тучкова 3-го, ищетъ войти въ переговоры, а при занятіи Москвы говоритъ объ этомъ съ Тутолминымъ, и потомъ отправляетъ съ письмомъ Яковлева.

«шѣ. Изъ нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ имъ въ такихъ «обстоятельствахъ, я полагаю себя вправѣ думать, что Импера-«торъ (это было въ Витебскѣ) желалъ такъ пламенно битвы «только въ той надеждѣ, что послѣ оной Императоръ Александръ «вновь предложитъ вступить въ переговоры о мирѣ.

«Очень часто также Императоръ говорилъ (р. 77) съ при-«творнымъ презрѣніемъ о непріятелѣ, съ которымъ долженъ былъ «сразиться, но въ дѣйствительности онъ этого не сознавалъ; цѣль «его въ этомъ была та, чтобы возвысить нравственныя силы «Офицеровъ и солдатъ, изъ коихъ многіе не скрывали своего «унынія.» [74]

Во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, встрѣчаемъ у Констана слѣдующее (р. 97): «Въ Москвѣ у Императора было нѣ-«сколько концертовъ. Онъ былъ очень скученъ. Салонная музыка «уже не производила впечатлѣнія на его страждущую душу.»

«Въ продолженіе этой эпохи (говоритъ Констанъ, р. 102) я «замѣтилъ, что Императоръ на своемъ ночномъ столикѣ имѣлъ «обыкновенно Исторію Карла XII, сочиненную Вольтеромъ.»

Относительно Исторіи Карла XII, въ рукахъ Наполеона, въ Москвѣ, Генералъ Маркизъ Шамбре, въ предисловіи къ третьему изданію (въ 1839 году) своей «Исторіи войны 1812 года,»

---

[74] Констанъ (р. 76) присовокупляетъ, что когда Русскіе оставили укрѣпле-нія Дриссы, въ эту эпоху онъ слышалъ отъ многихъ Генераловъ, что большая битва въ то время была бы событіемъ, спасительнымъ для Французской арміи, въ которую начало уже проникать уныніе. Капфигъ (t. IX, р. 210) говоритъ, что еще въ Вильнѣ «духъ арміи не имѣлъ уже обычной веселости: останавли-«ваются на предвѣщаніяхъ; при малѣйшей неудачѣ тысячи голосовъ возвыша-«лись, чтобы обвинять Наполеона» и пр. Такое состояніе арміи не прекраща-лось. Тотъ же сочинитель говоритъ (р. 250): «Когда Французская армія, по «очищеніи нами Смоленска, вступила въ городъ, грусть проникла во всѣ сердца, «она выражалась на всѣхъ лицахъ. Никогда, ни въ одной кампаніи, не испыты-«вали такого смущенія, какъ въ тотъ день, когда армія ставила свои орлы надъ «покореннымъ городомъ. Смоленская битва (р. 252) была только роковымъ из-«біеніемъ: спѣшили хоронить трупы Французовъ, оставляя на виду только Рус-«скіе.» Все это отражалось на Наполеонѣ, и мы видѣли выше (Вступленіе), въ какомъ состояніи душевнаго расположенія онъ находился.

говоритъ, между прочимъ (p. 145, not. 9): «Однажды, до вступленія въ Москву, Наполеонъ увидѣвъ Графа Нарбонна, читающаго книгу, спросилъ его, что онъ читаетъ? «Государь! отвѣчалъ «Нарбоннъ, Исторію Карла XII.» — «Это былъ большой глупецъ, «возразилъ Наполеонъ.» — «Ваше Величество! по крайней мѣрѣ, со«гласитесь, что онъ былъ очень храбръ.» — «Такая храбрость то «же, что храбрость Радзивила!» Наполеонъ сравнивалъ храбрость Карла XII съ отвагой этого Князя, по тому что она часто доходила до безумія.

Боссе, Префектъ Дворца, неотлучно бывшій при Наполеонѣ (t. II, p. 183), говоритъ: «Императоръ во время пребыванія «своего въ Москвѣ читалъ нѣсколько разъ Вольтерову исторію «Карла XII; книга эта постоянно находилась на его бюро и даже «на ночномъ столикѣ.»

Что Исторія Карла XII была въ рукахъ лицъ, окружавшихъ Наполеона, до вступленія еще въ Москву, могло быть очень естественнымъ; ибо, предпринимая походъ въ Россію, они хотѣли ознакомиться съ этѣмъ событіемъ; но замѣчательно то, что Наполеонъ, отозвавшись Нарбонну такъ презрительно о Карлѣ XII, чрезъ нѣсколько дней послѣ того, въ Москвѣ, былъ неразлученъ съ ней, и Исторія этого Короля не сходила съ его ночнаго столика.

«Послѣднее время пребыванія его въ Москвѣ (продолжаетъ «Констанъ, p. 103) было самое грустное, которое я когда либо «видѣлъ. Въ самыхъ обыкновенныхъ сношеніяхъ съ своими друзь«ями и совѣтниками Наполеонъ выказывалъ большую холодность, «наконецъ она дошла до молчаливости; проходило по нѣскольку часовъ, что никто изъ присутствовавшихъ не начиналъ разговора. «Императоръ, который обыкновенно сидѣлъ за обѣдомъ недол«го, протягивалъ теперь это время до невѣроятности. Нѣсколько «разъ, въ продолженіе дня, онъ бросался на канапе съ романомъ «въ рукѣ: читалъ ли онъ, или нѣтъ, неизвѣстно, но казался по«груженнымъ въ глубокія думы.»

Этотъ же Префектъ Дворца, Боссе (t. II, p. 126), разсказываетъ, что, когда Адъютантъ Мюрата привезъ ему извѣстіе о

разбитіи авангарда на Чернишнѣ, 6/18 Октября, «Наполеонъ хотя «и не былъ испуганъ, но не менѣе того впалъ въ сильное фи«зическое волненіе. Въ продолженіе всего утра, доколѣ не сдѣ«лалъ послѣднихъ распоряженій о выступленіи арміи, что и на«чалось того же вечера, онъ безпрерывно отворялъ дверь нашей «дежурной комнаты, звалъ то одного, то другого, говорилъ скоро «и не могъ минуты оставаться на мѣстѣ: едва садился завтракать, «и вдругъ вставалъ. Словомъ, онъ былъ такъ подавляемъ своими «мыслями и всѣми своими предположеніями, что мнѣ нетрудно бы«ло замѣтить, что въ этотъ день онъ созналъ всю свою ошибку, «оставаясь такъ долго въ Москвѣ,»[16] и присовокупляетъ (р. 127), что когда 7/19 Октября выступили изъ Москвы, будто бы, Наполеонъ принялъ опять тотъ видъ спокойствія, въ какомъ онъ его видѣлъ въ продолженіе всего отступленія. Но это послѣднее засвѣдѣтельствованіе встрѣчаетъ болѣе или менѣе противорѣчія во всѣхъ очевидцахъ-писателяхъ: Констанъ говоритъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что только по возвращеніи Наполеона изъ Россіи въ Парижъ, онъ принялъ свой спокойный видъ. Маршалъ же Мармонъ, какъ видѣли выше, говоритъ, что и въ 1813 году онъ оставался во многомъ тѣмъ же, какимъ онъ былъ въ 1812 году, во время кампаніи.

Секретарь Двора Наполеона, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ (t. II, p. 107) говоритъ: «Въ кампаніи 1812 года, чаще чѣмъ во всѣхъ «другихъ, Наполеонъ вставалъ ночью, надѣвалъ халатъ и рабо«талъ въ кабинетѣ. Очень часто страдалъ безсонницею, которой «не могъ одолѣть. И тогда немедленно оставлялъ невыносимую «постель, бралъ книгу, читалъ, ходя взадъ и впередъ; почувство«вавъ голову нѣсколько освѣжившеюся, опять ложился. Очень «рѣдко случалось, чтобы онъ проспалъ двѣ ночи сряду, не про«сыпаясь. Часто онъ оставался отъ безсонницы въ своемъ каби«нетѣ до того времени, въ которое долженъ былъ одѣваться. «Императоръ переносилъ стужу съ большимъ терпѣніемъ, однако «же замѣчали, что она имѣла вліяніе на его физическія свойства.»

---

[16] Наполеонъ въ этомъ случаѣ какъ бы послѣдовалъ Русской пословицѣ: «Пока «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.»

Капфигъ, говоря о пребываніи Наполеона въ Москвѣ, объ его мелочныхъ занятіяхъ (р. 351), присовокупляетъ: «Это свидѣ-«тельствовало о необходимости показывать наружное спокойствіе... «Онъ зналъ свои язвы, и сила души его хотѣла скрывать ихъ; «спокойствіе въ великихъ людяхъ не должно приписывать равно-«душію: они удерживаютъ безпокойство для себя, спокойно тер-«пятъ терзанія своего благороднаго сердца, а въ наружу выка-«зываютъ только довѣріе и безстрашіе... Развлеченія Наполеона «(р. 353) не препятствовали ему глубоко разсматривать свое по-«ложеніе, становившееся болѣе и болѣе опаснымъ. Въ это вре-«мя военныя предписанія умножаются; Наполеонъ совѣтуется, ко-«леблется; ни что не исполняется съ тою энергіей, какъ во дни «большихъ битвъ.»

Предъ выступленіемъ изъ Москвы, Наполеонъ приказываетъ сжечь магазины съ водкой и другими предметами; это понятно; но, въ озлобленіи своемъ, приказываетъ сжечь оба дома Графа Ростопчина, домъ Графа Разумовскаго, словомъ, все, исключая Воспитательнаго Дома, взорвать Кремлевскія башни и Дворецъ. Капфигъ присовокупляетъ: «Могло ли взорваніе Кремля облег-«чить отступленіе его, и не доказывало ли подобное дѣйствіе «неуспѣха въ его предпріятіи на владычество и покореніе? Это «горсть праха, которую Юліянъ Отступникъ бросилъ къ небу, «воскликнувъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» [76]

Еще до Смоленска, на возвратномъ пути, неудовольствіе Наполеона начало проявляться при видѣ нестройныхъ толпъ, бросившихъ оружіе, и обвинявшихъ его въ бѣдствіяхъ, ими претерпѣваемыхъ; Капфигъ (р. 423) присовокупляетъ: «Наполеонъ не «выходитъ болѣе изъ карре старой гвардіи; недовольный «солдатъ можетъ покончить съ нимъ; онъ показывается мало;

---

[76] Этотъ послѣдній эпизодъ, съ разсужденіемъ Капфига, вызваннымъ, какъ видно было выше, приказаніемъ Мортье, писаннымъ къ Дарю, со словъ Наполеона, и наконецъ тайное разстрѣляніе десяти Русскихъ, найденныхъ въ подвалѣ, о чемъ авторъ такъ сильно разразился, можетъ ли согласоваться съ возвышенными чувствами, съ благороднымъ сердцемъ, съ значеніемъ великаго человѣка и т. п., которыми одинъ и тотъ же авторъ попеременно величаетъ одно и то же лице?!

«перемѣняетъ костюмъ, сколько для того, чтобы его не узнали, «столько и для того, чтобы одѣться теплѣе.» [77]

Констанъ (p. 123) пишетъ, что когда, въ окрестностяхъ Борисова, Маршалъ Викторъ съ своимъ войскомъ показался отступавшей большой арміи, всѣ приняли войско Маршала за Русскихъ, отрѣзавшихъ отступленіе, и присовокупляетъ: «Я видѣлъ, что Им«ператоръ поблѣднѣлъ.»

Далѣе (p. 127) говоритъ: «Покуда ночью строили мостъ чрезъ «Березину, Наполеонъ ожидалъ разсвѣта въ ветхой хижинѣ. Онъ «сказалъ Князю Невшательскому: «Eh bien, Berthier, comment «sortir de la?» Наполеонъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, крупныя «слезы тихо текли по его, болѣе чѣмъ обыкновенно, блѣдному «лицу.» Еще далѣе (p. 147) первый камердинеръ замѣчаетъ, что въ войнѣ 1812 года Наполеонъ часто вставалъ ночью, страдая безсонницею.

Всѣ этѣ проявленія не были обычны въ Наполеонѣ: они были порождены предпринятой имъ войною, которая озабочива-

---

[77] Далѣе (p. 441) авторъ говоритъ: «Дѣйствительно, Наполеонъ подвергался опас«ности не только отъ непредвидимыхъ нападеній Казаковъ, но не одинъ разъ «зоркій глазъ солдата обращался на того, кого онъ почиталъ виновникомъ всѣхъ «своихъ бѣдствій; были стачки Офицеровъ, простиравшіяся гораздо далѣе; гвар«дія и священный эскадронъ охраняли Императора.» Буржуа, участникъ похода, свидѣтельствуя объ этомъ раздраженіи (2 part., p. 188), говоритъ, что одинъ чиновникъ администраціи, лежавшій на дорогѣ съ переломленною ногой (за Смоленскомъ), увидѣвъ Наполеона, шедшаго въ головѣ старой гвардіи, собравъ послѣднія свои силы, приподнялся и осыпалъ его ругательствами. «Вотъ, говорилъ «онъ, этотъ жалкій кривляка (misérable pantin), который водитъ насъ въ продол«женіе десяти лѣтъ, какъ куколъ! Товарищи! онъ спятилъ съ ума (fou); остере«гайтесь его, онъ сдѣлался людоѣдомъ: чудовище сожретъ васъ всѣхъ.» Наполе«онъ прошелъ, не обращая вниманія, и умирающій продолжалъ.» Далѣе, описывая неожиданный отъѣздъ Наполеона изъ Сморгонъ (p. 195), присовокупляетъ: «Спустя около часа, какъ онъ оставилъ армію, я приблизился къ биваку гвардіи, «гдѣ находились многіе Офицеры высшихъ чиновъ. Вскорѣ подошелъ баталіон«ный начальникъ гренадеръ и, относясь къ одному изъ помянутыхъ лицъ, сказалъ «громко: «И такъ разбойникъ (brigand) уѣхалъ?»—«Онъ сію минуту проѣхалъ,» «отвѣчалъ тотъ; «Онъ съ нами поступаетъ, какъ въ Египтѣ,» Удивленный (при«совокупляетъ авторъ) словомъ разбойникъ, и не зная, къ кому оно относи-

ла его, конечно, болѣе всѣхъ предшествовавшихъ, и даже тѣхъ, которыя онъ выдерживалъ въ послѣдствіи, ибо въ описаніяхъ всѣхъ этѣхъ войнъ, и даже въ войнѣ 1815 г., мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго тому, что замѣчалось въ Наполеонѣ въ кампанію 1812 года. Констанъ (p. 161) говоритъ: «Когда онъ, чрезъ «нѣсколько дней, возвратился изъ Россіи въ Парижъ, то нашелъ «Наполеона совершенно такимъ, какимъ онъ былъ до войны 1812 «года: то же спокойствіе изображалось на его лицѣ.»

Не продолжаю выписокъ объ этомъ періодѣ, ибо всѣ единогласно свѣдѣтельствуютъ, что деморализація арміи началась до наступленія временной зимы, съ 25 Октября въ Дорогобужѣ, когда армія была уже въ полномъ бѣгствѣ, начиная отъ Малоярославца. Теперь же посмотримъ, что говорятъ сами Французы о погодѣ, начиная отъ выступленія изъ Москвы къ Малоярославцу и оттуда до Дорогобужа. Изъ этѣхъ данныхъ, и изъ того, что говоритъ и самъ Полковникъ Лабомъ, описывая эту войну, онъ увидитъ, что общее засвѣдѣтельствованіе всѣхъ иноземныхъ писателей вмѣстѣ съ нимъ, ясно доказываетъ, что армія обратилась въ бѣгство за двѣнадцать дней до наступленія стужи, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана причиной катастрофы, постигшей Наполеоновы полчища, какъ это сочинитель сказалъ въ своей другой книгѣ. Вотъ этѣ краткія выписки:

За нѣсколько дней до выступленія Наполеона изъ Москвы, въ 23 бюллетенѣ, отъ 27 Сентября, [78] онъ говоритъ: «Въ продол«женіе осьми дней солнце теплѣе, нежели въ Парижѣ; мы «не замѣчаемъ, что находимся на Сѣверѣ.»

Въ 24-мъ, изъ Москвы же, 2 Октября: «Погода еще хорошая; первый снѣгъ выпалъ 1 Октября.» Боссе, находившійся при Наполеонѣ (t. II, p. 185), говоритъ тоже: «$^{7}/_{19}$ Октября, когда мы «выступили изъ Москвы, погода была прекрасная.»

«лось, я началъ прислушиваться къ разговору еще болѣе, и удивился, когда у«зналъ, что дѣло шло о Наполеонѣ!»

[78] Здѣсь и далѣе буду выставлять числа, у насъ принятыя, т. е., стараго счисленія.

Снѣгъ, о которомъ здѣсь говоритъ Наполеонъ, не покрывалъ земли, какъ увидимъ далѣе; онъ показался только въ воздухѣ.

Въ 25-мъ изъ Троицка (на пути изъ Москвы въ Малоярославецъ), отъ 8 Октября: «Погода очень хорошая, какъ въ Октябрѣ «во Франціи, можетъ быть еще не много теплѣе; но въ пер«выхъ числахъ Ноября будутъ холода.»

Генералъ Раппъ приводитъ (р. 181): когда онъ догналъ Наполеона на первомъ переходѣ изъ Москвы къ Малоярославцу, и сказалъ ему, что туземцы предсказываютъ жестокую зиму, Императоръ воскликнулъ; «Bah! bah! съ вашими туземцами. Сегодня «7 Октября, а посмотрите, какая прекрасная погода! Развѣ вы «не признаете моей звѣзды?»

«Въ 26-мъ изъ Боровска, 11 Октября (на канунѣ Малоярославецкаго сраженія): «Русскіе не перестаютъ удивляться погодѣ, «которая стоитъ въ продолженіе двадцати дней. Это солнце и «прекрасные дни прогулокъ въ Фонтенебло »

Въ 27-мъ изъ Вереи, 15 Октября (на третій день послѣ помянутаго сраженія): «Погода прекрасная, дороги хорошія; это «конецъ осени; такая погода продлится еще восемь дней, и къ «этому времени мы придемъ на наши новыя позиціи.»

Шамбре (t. II, р. 354) говоритъ, 15 Октября, въ Вереѣ: «День этотъ замѣчателенъ появленіемъ холода; термометръ въ «продолженіе ночи опустился на четыре градуса мороза:[79] впро«чемъ, погода была прекрасная и солнце имѣло еще свою «силу такъ, что всѣмъ нравилось, пока были въ движеніи, но «ночи были чувствительны.» Значитъ, что только отъ четырехъ градусовъ, да пожалуй еще по термометру Цельсія! 19 Октября, говоря, что было холодно (р 357), присовокупляетъ: «но погода «все была очень хорошая.»

Графъ Солтыкъ (р. 345) пишетъ: Во все время движенія Наполеона къ Малоярославцу, «время было прекрасное, темпера-

---

[79] Не сказано, по какому термометру. О семъ будетъ говорено далѣе. Бейтцке, однако же (S. 292), опредѣляетъ морозъ въ 4° по R°, присовокупляя, что днемъ было ясно, солнце имѣло свою силу и т. д.

«тура легкая по времени года и дороги въ хорошемъ состояніи.» (p. 346): «9 Октября пошелъ было мелкій холодный дождь, на«пугавшій насъ, но онъ прекратился ночью.»

Роосъ (p. 177) свѣдѣтельствуетъ: «15 Октября, въ Боровскѣ, погода была прекрасная.» А Буркерсрода (S. 30) говоритъ, что 15/27 Октября, около Вереи, выпалъ снѣгъ.»

Но при этой прекрасной погодѣ и на хорошихъ дорогахъ, армія его, какъ видно было, начала распадаться, бросать оружіе, сходиться толпами и пр.

По засвѣдѣтельствованію Барона Фена, Наполеонъ, недовольный Маршаломъ Даву, который часто останавливался на позиціи противъ Казаковъ (t. II, p. 278) пишетъ ему, «что онъ «опускаетъ дни хорошей погоды безъ маршей.» Ясное опровerженіе той стужи, о которой Полковникъ Лабомъ говоритъ въ другомъ своемъ сочиненіи.

Въ подтвержденіе сему можетъ служить и 28-й бюллетень, уже изъ Смоленска, отъ 30 Октября: «До 25 Октября погода «была очень хорошая, но 26 Октября началась зима.»

Графъ Монтолонъ (t. II, p. 103) приводитъ слова Наполеона, подтверждаемыя и Графомъ Ласъ-Казасомъ (t. IX, p. 393), а отчасти и О'Меарою (t. I, p. 190): «Еще три дня хорошей по«годы, и армія совершила бы отступленіе въ устройствѣ.» Положимъ, что въ три дня изъ Дорогобужа онъ могъ легко быть въ Смоленскѣ. Но здѣсь главное то: во первыхъ, гораздо прежде чѣмъ успѣли достигнуть Дорогобужа, по хорошей, прекрасной погодѣ, армія уже начала распадаться въ основаніи своемъ, а во вторыхъ, что Смоленскъ не былъ такъ достаточно снабженъ, чтобы могъ обезпечить пребываніе арміи, предполагавшей тамъ остановиться, да и помѣщеній для огражденія отъ морозовъ, хотя тогда и незначительныхъ, не было. Если же бы расположились въ окрестныхъ мѣстахъ, то части этѣ не были бы обезпечены отъ нашихъ нападеній одними даже легкими войсками: у Французовъ конницы давно уже не было. Но обращаюсь отъ мечтаній знаменитаго узника къ положительному.

Баронъ Фенъ, въ Вязьмѣ, 21 Октября (t. II, p, 261): «Погода прекрасная, но ночи становятся холодными; должно спѣшить воспользоваться хорошими днями.»

Боссе (p. 142) говоритъ то же: «Въ Вязьмѣ 19/31 Октября, «первый холодъ.» Значитъ, только въ Вязьмѣ начались холодныя ночи, а дни были хорошіе. Въ Михалевкѣ (p. 285) говоритъ: «Въ эту пагубную ночь, съ 25 на 26 Октября, настигла насъ зима, которой мы такъ опасались.» Ясно, что именно здѣсь, чрезъ четырнадцать дней послѣ Малоярославецкаго сраженія, въ которые Французская армія бѣжала около трехъ сотъ верстъ, распадаясь съ перваго дня ея отступленія отъ Малоярославца.

Капфигъ (t. XVII, p. 183) пишетъ: «Когда армія, нѣкогда «побѣдоносная, оставила Москву или правильнѣе, обгорѣвшія ея «развалины, погода была прекрасная: легкій морозъ придавалъ «тѣлу силу; сіяло превосходное осеннее солнце.»

Боссе (p. 142) говоритъ, что 4 Ноября (н. сч.), въ Славковѣ, разница въ температурѣ 13, первый снѣгъ предъ Дорогобужемъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что сочинитель шелъ съ Наполеономъ впереди арміи.

Лабомъ (p. 296) говоритъ: «25 Октября спѣшили въ Смо«ленскъ, до котораго оставалось 20 лье (80 верстъ). Вдругъ око«ло Дорогобужа, атмосфера, дотолѣ столь ясная, измѣнилась: «пошелъ снѣгъ и настали морозы.»

Тьеръ (p. 464) пишетъ, что при выступленіи изъ Москвы «небо все еще было совершенно яснымъ...» «8/20 Октября прекра«сная погода продолжается. Въ Можайскѣ (p. 492), ночью, пого«да, хотя и холодная, днемъ по прежнему была прекрасная. «(p. 496): 9/21, въ Гжатскѣ, ночь была одной изъ болѣе холод«ныхъ: съ этого времени начали терпѣть отъ температуры.» Но это противно показаніямъ большой части участниковъ; (p. 512): «Въ Дорогобужѣ зима.»

А въ эту-то столь ясную погоду, свѣдѣтельствуемую самимъ Полковникомъ Лабомомъ, армія уже распадалась, и начало зимы въ Дорогобужѣ увеличило только ея бѣдствія.

Всѣ вообще историки показываютъ единогласно, что во все движеніе Французской арміи изъ Москвы, чрезъ Малоярославецъ, до Дорогобужа, погода была прекрасная, небо ясное; по ночамъ иногда легкіе заморозки, но днемъ солнце отогрѣвало оные, и что только съ 25 на 26 Октября, въ Дорогобужѣ началась зима,[80] тогда, когда армія совершила уже около трехъ сотъ верстъ пути въ полномъ разстройствѣ, значительною частію въ толпахъ, побросавшихъ оружіе.

На основаніи всѣхъ данныхъ, обратное движеніе Наполеона изъ Москвы естественно дѣлится на четыре періода, или эпохи:

Первая: прекрасной погоды. Продолжалась со 2 Октября, когда предпринято было движеніе изъ Москвы, чрезъ Малоярославецъ, до Дорогобужа, гдѣ началась временная зима. Эпоха

---

[80] Сверхъ вышеприведенныхъ авторовъ, свѣдѣтельствуютъ то же самое: Сегюръ (t. II, p. 108, 112, 127); Гурго (p. 361); Мишо (p. 138); въ Запискахъ исторіи войны 1812 г. (t. I, p. 260, 267); въ Картинѣ революціонныхъ войнъ (p. 435); Лавалле (t. IV, p. 548); въ Трофеяхъ Франц. арміи (t. IV, p. 191); въ Beautés, vict. (t. V, p. 257); Жиге (t. II, p. 275); въ Жизнеопис. Нея (p. 16); Графъ Дюма (t. III, p. 461); Г-жа Фюзиль (p. 24); Биньйонъ (p. 49); Сентъ-Илеръ (t. III, p. 601); Мортонваль (t. II, p. 357); Буржуа (p. 85, 96); Миллеръ (t. II, S. 18); въ Skizzen etc. (S. 385); Kurze Darst. (S. 22); Вольдендорфъ и Babрадейнъ (t. III, S. 150); Бейтцке (S. 292 etc.); въ Milit. Brieff. (t. I, S. 425); Рёдеръ (S. 257); Либенштейнъ (t. II, S. 216); Вентурини, Опис. Франц. войны 1812 и 1813 г. (S. 216); Лемазюрье (S. 43); Козегартенъ, Барро-Руллонъ (p. 179); Генералъ Фезензакъ (p. 86); Галлуа (II part., p. 449), и на стр. 450 опять повторяетъ то же: «до 6-го Ноября (н. сч.), армія была такъ прекрасна» и пр.; но армія была уже разстроена до 6-го ч., что будетъ видно. Гюго (p. 392); Норвенъ (t. III, p. 335); у Сентъ-Илера (Hist. de la camp. de 1812) нѣсколько разъ идетъ первый снѣгъ (p. 267); 19/31 Октября, въ Вязьмѣ, — «первый снѣгъ, но погода продолжалась прекрасная (p. 283); 4-го Ноября (н. «сч.) выпалъ снѣгъ въ первый разъ (и присовокупляетъ), правда, въ маломъ «количествѣ.... но это было предъявленіемъ большой стужи».... До сего времени войска питались кониной. Замѣчательно также свѣдѣтельство одного изъ камергеровъ Наполеона (L'Empire ou dix ans sous Napoleon, t. IV, p. 18): «2-го «Ноября (н. сч.) сильная стужа даетъ себя чувствовать въ первый разъ,» и присовокупляетъ: «но всѣ утверждаютъ, что 6-го настала стужа, и 29-й бюллетень говоритъ то же,» и т. д. За чѣмъ же онъ обозначаетъ 2-й?!

эта включаетъ въ себѣ двадцать четыре дня и пространства болѣе трехъ сотъ верстъ.

Вторая эпоха: временной зимы, начиная отъ Дорогобужа, 26 Октября, продолжается десять дней, по 4 Ноября, до Краснаго, на пространствѣ около ста двадцати верстъ. Въ эту эпоху, изъ показаній самихъ непріятелей, морозъ до осьми градусовъ по Реомюру, а по другимъ, не называющимъ термометра, отъ двѣнадцати до семнадцати градусовъ, продолжался не болѣе трехъ, а по Гурго, пятеро сутокъ. [81]

---

[81] Вотъ показанія и степени стужи въ эту вторую эпоху: Шамбре (p. 426) опредѣляетъ, 26-го Октября — 12°; 31-го Октяб., 1-го Нояб. — 17°; 2-го Ноября, слабѣе; 6-го, оттепель, и присовокупляетъ, что самая жестокая стужа продолжалась отъ 28-го Октября до 1-го Ноября, т. е., между Дорогобужемъ и Смоленскомъ, и, однако же, говоритъ, что въ этотъ промежутокъ, — сильныхъ морозовъ,— Вице-Король переходилъ Вопь, по которой шелъ еще ледъ. Рёдеръ (S. 257): Въ Вязьмѣ хорошая погода; 1-го Ноября (н. сч.), ночью — 3°, 4-го, ночью — 5° по R°; (S. 290), на переправѣ чрезъ Днѣпръ, 7-го Ноября (н. сч.)— 15°, но переправлялись на паромѣ. Баронъ Фенъ (p. 229): 2-го Ноября, въ день выѣзда Наполеона изъ Смоленска, было — 19 и 20°. Гюго (p. 393) говоритъ то же. Констанъ (t. V, p. 113) опредѣляетъ прямо — 20°. Въ Skiz. einer Gesch. (S. 385), около Дорогобужа,— начало зимы и стужи. Буркерсрода (S. 37) 11-го Ноября (н. сч.), въ Смоленскѣ — 10, 12°. Лосбергъ (S. 243): «4-го Ноября (н. сч.) Наполеонъ въ Дорогобужѣ; сегодня, въ первый разъ, выпалъ снѣгъ.» Либенштейнъ (S. 219): отъ Дорогобужа до Смоленска, отъ 8-ми до 10°, а въ Смоленскѣ, 2-го Ноября, отъ 15 до 18°. Лабомъ (p. 332): 1-го Ноября, въ Смоленскѣ — 20°. Буржуа (p. 100): около Смоленска отъ 15 до 20°. Kurz. Darstel. etc. (S. 22): съ 26-го Октября, въ продолженіе осьми дней, морозы достигали отъ 16 до 18°. Дю-Касъ (p. 230), отъ 15 до 18°. Лемазюрье, Лѣкарь (S. 48): во время слѣдованія изъ Смоленска въ Красный, стужа достигала до 12 и 16°, и присовокупляетъ, что здѣсь началось отмороживаніе членовъ. Пюнбюскъ (p. 122, 136): 29-го Октября, въ Смоленскѣ 16, а 3-го Ноября 25°. Война Франц. 1812 и 1813 годовъ, на Нѣмецкомъ языкѣ (S. 223): «Около Смоленска зима сдѣлалась сильнѣе: 12, 14, 16, 18 и болѣе градусовъ.» Графъ Солтыкъ (p. 371), 27-го Октября, 12°; Генералъ Ронья (p. 223), стужа до Смоленска не была чрезмѣрная, ибо термометръ Реомюра никогда не опускался ниже 8°. Вольдендорфъ иВаррадейнъ (t. III, S. 211): Въ Дорогобужѣ, 25-го Октября, отъ 8 до 10° по R° и т. д. Изъ вышеприведенныхъ показаній видна вся неопредѣлительность точнаго показанія, исключая тѣхъ, которые означаютъ термометръ. Не одинаковое обозначеніе градусовъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ по невѣдомымъ термометрамъ представляетъ

Третья эпоха: оттепелей, отъ окрестостностей Краснаго до переправы чрезъ Березину, которая, какъ извѣстно, еще не замерзала, и нѣкоторыя части Французскихъ войскъ могли переправиться въ бродъ, а именно, съ 4 до 19 Ноября, включаетъ въ себѣ пятьнадцать сутокъ, на пространствѣ около двухъ сотъ верстъ.

Въ Молодечнѣ и Сморгонахъ начинается четвертая эпоха: крѣпкой зимы, постоянно уже, въ продолженіе девяти дней, сопровождавшей ничтожные остатки Французской арміи за Нѣманъ, на пространствѣ около ста пятидесяти верстъ.

О первой эпохѣ: прекрасной погоды, уже говорено; вторая же эпоха, временной зимы, отъ Дорогобужа до Краснаго, въ промежутокъ отъ 26 Октября до 2 или 4 Ноября, когда былъ сильнѣйшій морозъ; въ это время, а именно, отъ двѣнадцати до семнадцати градусовъ (по нѣкоторымъ же, будто и болѣе 20), а по Жомини и нѣкоторымъ другимъ, по термометру Реомюра, только восемь (по Тьеру 9 и 10); онъ продолжался не болѣе трехъ сутокъ, даже и по словамъ Наполеона, сказавшаго въ своихъ Запискахъ: «Еще три дня хорошей погоды, и армія «совершила бы отступленіе свое въ устройствѣ,» т. е., достигла бы Смоленска; по словамъ же Гурго, стужа продолжалась пятеро сутокъ. Здѣсь должно замѣтить, что разница въ показаніи градусовъ могла произойти не только отъ качества термометровъ

еще путаницу въ томъ, что, называя мѣсто, не указывается число, тогда какъ Французская армія до Смоленска и оттуда до Краснаго растянута была на три перехода; слѣдовательно, и нѣтъ возможности сблизить. Впрочемъ, тѣ, которые держались термометра Реомюра, показываютъ, согласно съ Генераломъ Жомини, что морозъ въ это время, т. е., отъ Дорогобужа до Краснаго, не восходилъ болѣе 8° по R°, Тьеръ (p. 512, 518), то же по R° опредѣляетъ отъ 9 до 10°— до Смоленска; но въ этомъ послѣднемъ, въ день выѣзда (p. 556) Наполеона 2/14 Ноября, въ 21° по R°, что кажется преувеличено, тѣмъ болѣе, что авторъ ссылается на термометръ, носимый въ петлицѣ Докторомъ Ларреемъ, а по тому исправность или точность онаго сомнительна. Бейцке (S. 292, 293) говоритъ: «Когда Наполеонъ, 19/31 Октября былъ въ Вязьмѣ, ночью былъ морозъ въ 8° по R°.» Но это онъ говоритъ одинъ. Морозамъ же отъ Дорогобужа до Смоленска онъ даетъ отъ 15 до 18°. Вообще всѣ показанія разнорѣчивы, и должно придерживаться въ этомъ случаѣ Жомини и показаніямъ другихъ, говорящихъ объ этомъ съ основательностію и безъ противорѣчій самимъ себѣ.

и ихъ различныхъ раздѣленій, но и отъ времени наблюденій. Не всѣ, какъ видно было выше, называютъ термометры, служившіе для ихъ наблюденій; тѣ же, которые опредѣляли температуру по R., даютъ оной въ эту кратковременную зиму не болѣе осьми градусовъ.

Послѣ сего наступила оттепель, начавшаяся между 4 и 6 Ноября и продолжавшаяся почти постоянно до Березины, а по переправѣ чрезъ оную, отъ Молодечна до Нѣмана, уже установились постоянно крѣпкіе морозы. Въ оттепели и въ морозахъ согласны всѣ, писавшіе о войнѣ 1812 года, о чемъ не нахожу нужнымъ здѣсь болѣе распространяться.

И такъ, изъ всего вышеписаннаго оказывается, что вліяніе стужи, во второй эпохѣ, т. е., отъ Дорогобужа до Краснаго, на пространствѣ около ста двадцати верстъ, не могло, или, лучше сказать, не должно было быть велико на армію, если бы она вступила въ эту эпоху изъ первой прекрасной погоды, не будучи уже разстроенной. Три дня мороза (хотя бы и дѣйствительно, какъ свѣдѣтельствуютъ нѣкоторые Французы, отъ двѣнадцати до семьнадцати градусовъ, а Жомини, Ронья, Вольдердорфъ, Варрадейнъ и др., только отъ трехъ до осьми градусовъ, послѣдніе трое означаютъ и термометръ, чего другіе не дѣлаютъ; но пусть даже и семьнадцать градусовъ), при существованіи дисциплины и воинскаго духа, не могли довести армію до того положенія, въ какомъ она находилась, а выше видно было изъ показаній самихъ Французовъ, что въ арміи ихъ дисциплина была потрясена до занятія еще Москвы. Здѣсь началось разстройство, а отъ Малоярославца, послѣ безуспѣшныхъ предпріятій, поколебалось въ основаніи и постепенно распадалось до Дорогобужа, гдѣ начались не сильные и не продолжительные морозы, и тутъ, въ полномъ уже значеніи слова, развилась деморализація. Французская армія до этото періода, или второй эпохи, не могла болѣе почитаться арміею въ смыслѣ военномъ. Она уже была въ разстройствѣ, большею частію бросила оружіе, безъ дисциплины, а по тому не способна была къ стройнымъ движеніямъ и битвамъ; стужа, которая застала ее въ Дорогобужѣ, продолжавшаяся только три дня, не могла имѣть, безъ помянутыхъ условій, столь гибельнаго вліянія. Этѣ же са-

мые Французы, при соблюденіи дисциплины и нравственной силы и не упавшіе духомъ, переносили холода несравненно продолжительнѣйшіе и сильнѣйшіе, безъ всякаго измѣненія одежды и обуви. Я не буду говорить о переходѣ ихъ чрезъ Альпы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, гдѣ, такъ сказать, они переносили на плечахъ артиллерію въ глубокихъ снѣгахъ, подъ мятелью. По ихъ собственному свѣдѣтельству, стужа, продолжавшаяся три дня между Дорогобужемъ и Краснымъ, была слабѣе и не столь продолжительна, какъ въ 1795 году, когда сѣверная Французская армія перешла по льду Вааль и овладѣла Голландскимъ флотомъ въ Зейдерзеѣ; она была гораздо умѣреннѣе той (по словамъ даже самого Генерала Гурго), которая была во время кампаніи въ Пруссіи и Польшѣ въ 1807 году, когда огромныя массы конницы съ артиллеріею, неоднократными атаками сшибались на покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ озерахъ и болотахъ; когда рѣки были покрыты столь твердымъ льдомъ, что могли поднимать цѣлую армію, съ ея артиллеріею. Между тѣмъ, во время отступленія Французовъ, отъ Дорогобужа, гдѣ началась зима, до Березины включительно, рѣки не замерзали, и они не могли переходить оныя по льду, исключая бѣгство Нея, едва перебравшагося по одиначкѣ съ нѣсколькими пѣхотинцами чрезъ Днѣпръ, замерзавшій на сутки у Сорока Рѣкъ. Наконецъ, даже въ Испаніи, среди Кастильскихъ горъ, въ теченіе всей зимней кампаніи 1808 года, подъ предводительствомъ самаго Наполеона, стужа, гораздо сильнѣйшая, скользила, какъ замѣчаетъ Д. В. Давыдовъ, по поверхности Французской арміи, не проникая въ средину ея, не разрушивъ ни единства, ни устройства. Какимъ же образомъ, повторяю, морозъ, хотя бы онъ и былъ гораздо крѣпче бывшаго въ 1812 году, въ продолженіе трехъ дней, могъ разстроить армію, или, какъ Полковникъ Лабомъ говоритъ, легіоны, до того, что они въ этѣ три дня упали духомъ, покинули ряды, бросили оружіе и слились въ одну, такъ сказать, толпу, составившуюся изъ сволочи, скитавшейся безъ начальства, не внимавшей болѣе подчиненности?

Понятно, что все это, при нѣкоторыхъ, впрочемъ, условіяхъ, могло постигнуть Французскую армію отъ Молодечна и Сморгонъ, когда она вступила въ четвертую эпоху крѣпкихъ мо-

розовъ, какъ не свычная съ температурой, которая точно могла быть для Французовъ губительною.[82] Но и этѣ морозы начались въ то время, когда остатки Французской арміи совершили уже до осьми сотъ верстъ, при погодѣ прекрасной и благопріятной для маршей и при трехдневномъ морозѣ, отъ трехъ до осьми градусовъ, и имъ оставалось до Нѣмана только полтораста верстъ.

Не останавливаюсь болѣе на указаніяхъ вліянія мороза, а приведу нѣсколько общихъ заключеній, сдѣланныхъ на отступленіе Наполеоновой арміи. Мнѣнія этѣ тѣмъ замѣчательны, что высказаны самими иностранцами, большею частію участниками похода, которые безпристрастіемъ своимъ не хотѣли жертвовать молвѣ, основанной на фразахъ самохвальства и другихъ личныхъ отношеніяхъ.

Капфигъ (t. XVIII, p. 21, 22) говоритъ: «Масса, которую «называли арміей противъ Россіи, распалась, какъ гигантъ рас«пался бы отъ истлѣнія. Здѣсь представляется важный вопросъ: «въ Исторіи я люблю положительныя данныя, я твердо иду про-

---

[82] Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Французы вообще очень легко переносятъ морозы, даже при неудобствахъ жизни. Въ зимнюю кампанію, при завоеваніи Финляндіи, въ 1808 году, я былъ съ Капитанами л.-гв. егерскаго полка, Графомъ Шанъ де Растиньякомъ и Шевалье де ла Гардомъ, которые несли всю боевую жизнь и переходы въ снѣгахъ, подобно товарищамъ своимъ, Сибирякамъ, безъ всякихъ особенныхъ усилій и изнуреній. Полковникъ Ансельмъ де Жиборн, дѣлавшій при 28° по R° мороза обходъ по заливу Торнео, тотчасъ отправленъ былъ для переговоровъ съ непріятелемъ въ Каликсъ, куда я ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ два раза; и онъ, и я, и большая часть изъ нашихъ, не имѣли другой теплой одежды, кромѣ шинелей, подбитыхъ байкой, и Лапонскихъ сапоговъ, которыми нѣкоторые запаслись въ Улеаборгѣ. Подпоручикъ Понсетъ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ) дѣлалъ эту кампанію еще съ меньшими запасами, какъ равно и Сѣвскаго полка Подпоручикъ Графъ Оливейра, съ которыми я былъ неразлученъ въ эту войну. Кто помнитъ Графа Ланжерона, Графа Ламберта, Графа Сенъ-При, Графа Мишо и множество другихъ Французовъ и даже Италіянцевъ, служившихъ въ нашихъ войскахъ, и кои почти всѣ дѣлали кампанію 1812 г., конечно, ни одинъ изъ насъ не скажетъ, чтобъ они не переносили трудовъ во время стужи и морозовъ равно съ нами. Вообще же должно замѣтить, что жители юга Европы переносятъ сѣверный климатъ гораздо легче, чѣмъ сѣверные жители южный.

«тивъ предразсудковъ и разбираю ихъ. Какъ должно думать о «мнѣніи, вообще распространенномъ, что безмѣрная стужа была «причиной главной катастрофы въ Россіи? Я разбираю этотъ пред«метъ на основаніи актовъ Военнаго Министерства. По офиціяль«нымъ донесеніямъ видно, что погода, которая была хорошей «до Вязьмы, начала свои суровые дни 7 Ноября (по нашему счи«сленію, 26 Октября), она продолжалась до 6/18 Ноября. Отъ 10 «Ноября (по нашему 29 Октября) до 2/14 Ноября армія оставалась «въ Смоленскѣ; въ это время (т. е., въ три дня), стужа была силь«ная, термометръ упалъ до семьнадцати градусовъ; это, конечно, «много, но уже въ это время, что оставалось изъ арміи въ лю«дяхъ и лошадяхъ? Стужа эта могла дѣйствовать только на тѣхъ, «которые были еще на ногахъ: павшіе были внѣ ея вліянія. Изъ «данныхъ Министерства оказывается,[83] что въ наступательномъ «движеніи арміи 85 тыс. кавалерійскихъ лошадей перешло Нѣ«манъ; въ Витебскѣ ихъ было уже только 65 тыс.; въ Москвѣ «менѣе 45 тыс. Главнѣйшая потеря понесена въ этомъ городѣ, и «должно замѣтить, что во все это время погода была постоян«но хорошая, а не смотря на то, конница была уже вся раз«строена. 7 Ноября (26 Октября), когда началась стужа, оста«валось едва 12 тыс. лошадей, считая и артиллерію; слѣдова«тельно, стужа могла дѣйствовать только на это число, ибо 68 «тыс. лошадей уже не существовало.[84] А по тому не стужа бы«ла причиной этого великаго уничтоженія, а недостатокъ фу«ража, худой присмотръ и плохая администрація. Для людей «тотъ же расчетъ: болѣе 400 тыс. человѣкъ перешло Нѣманъ;[85] «въ Москвѣ, включая и отдѣльные корпуса, считали уже едва «половину. Когда отступленіе изъ Москвы начинается во «время лучшей въ мірѣ погоды, то едва 100 тыс. чело«вѣкъ выходятъ изъ обращенной въ пепелъ столицы; въ Вязьмѣ

---

[83] Всѣ цифры, которыя приводитъ Канфинъ, согласны съ приведенными въ «Journal des sciences milit. Paris. 1849, № 28, p. 89.»

По расчету выходитъ, что не существовало уже 78 т. лошадей.

[85] Унгеръ (Journal des sciences mil. Paris. 1829. № 28) говоритъ (p. 90): «Большая часть этѣхъ войскъ не видѣла Москвы и не существовала уже болѣе, «когда разразилась катастрофа, въ которой погибли остатки ихъ соратниковъ.»

«остается не болѣе 58 тыс., и это только четыре дня послѣ того, «какъ стужа начала проявляться, — обстоятельство важное для за«мѣчанія.[86] И такъ не снѣгъ, этотъ предметъ ужаса, но, повто«ряю, причиной тому былъ недостатокъ администраціи, ошиб«ки, скудость продовольствія,[87] побѣги, отсутствіе всяка«го единства, потомъ смятеніе и безпорядокъ, проникнув«шіе въ эту массу; армія распалась сама собой; это сборище раз«брелось: одни ищутъ крова даже въ рядахъ непріятельскихъ, дру«гіе бѣгутъ какъ потерянные» и т. д. Наконецъ сочинитель заключаетъ (p. 23): «Армія погибла прежде, чѣмъ погода при«няла суровый видъ.»

Бурьенъ, Государственный Министръ Наполеона, въ Запискахъ своихъ (t. V, стр. 126), между прочимъ, объясняетъ, что «Наполеонъ неосновательно приписываетъ истребленіе своей арміи въ 1812 году морозу.»

Вальтеръ-Скоттъ, описывая кампанію 1812 года, доказываетъ (t. VII, p. 123 — 132), что разстройство Французской арміи началось гораздо прежде наступленія морозовъ, которые были умѣренные во время слѣдованія ея до переправы чрезъ Березину, и что даже паденіе снѣга, сопровождаемое сильнымъ морозомъ, недостаточно само собой для того, чтобы разрушить отступающую армію до основанія, что въ этомъ случаѣ должны погибнуть только солдаты самые слабые,[88] но что цѣлой арміи удобнѣй производить движеніе зимой, нежели въ дождливую погоду, присовокупляя къ тому, что суровость погоды (т. е., отъ Березины уже) значительно умножала бѣдствія и потери арміи, наконецъ: «Морозы не были первой и ни съ какой «точки зрѣнія главнѣйшей причиной этѣхъ бѣдствій, и во

---

[86] Оно еще важнѣе по тому, что и въ Вязьмѣ, по общему засвѣдѣтельствованію, погода была превосходная, только по ночамъ было нѣсколько свѣжо, какъ это видно выше.

[87] Самый недостатокъ продовольствія происходилъ не отъ того, чтобы его не было при отступленіи, но по тому, что господствовалъ безпорядокъ, отупѣніе распорядителей: повозки съ продовольствіемъ бросались, магазины разграблялись и т. п.

[88] Маркизъ Шамбре, какъ видно будетъ далѣе, полагаетъ противное.

«время похода Наполеона по дружелюбной ему странѣ, Литвѣ, «онъ не былъ еще пораженъ ни разу, а потерялъ 10 тыс. лошадей и 100 тыс. человѣкъ. Развѣ эта потеря (продолжаетъ сочинитель), случившаяся въ Іюнѣ и Іюлѣ, была причинена раннимъ «снѣгомъ, какимъ называютъ снѣгъ, выпавшій 25 Октября? (6 «Ноября)?» Онъ заключаетъ разсужденіе свое о вліяніи морозовъ на Французскую армію, слѣдующими словами: «Такимъ образомъ «почти три четверти арміи, которую Наполеонъ привелъ въ Россію, было разрушено, а остальная четвертая часть приведена въ «жалкій безпорядокъ еще до выпаденія снѣга, которому Наполеонъ потомъ заблагоразсудилъ приписать свою неудачу.... Конечно, когда наступила чрезмѣрная стужа, тогда нужды и потери Французской арміи еще умножились; но зима была только «союзницей Русскихъ, а не единственной, какъ тогда думали, «защитницей ея: отступленіе Наполеоновой арміи совершилось «подъ остреемъ Казацкихъ пикъ прежде, нежели морозы Сѣвера понудили ее къ отступленію.»

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, между прочимъ (t. III, p. 231) говоритъ: «Нѣсколько дней послѣ выступленія изъ Москвы, «когда солдаты имѣли еще продовольствіе для поддержанія «своихъ силъ, они находили тогдашній морозъ уже весьма жестокимъ, между тѣмъ, какъ онъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, «который постигъ ихъ за Березиной, достигая до двадцати осьми «градусовъ.» Наконецъ, разбирая сдѣланныя Французами въ эту войну ошибки, онъ ставитъ въ число ихъ и недостатокъ свѣдѣній о климатѣ Россіи, присовокупляя (p. 236): «Когда я говорю «о Русскомъ климатѣ, то не разумѣю тутъ только чрезвычайные «холода, постигшіе насъ около конца экспедиціи (т. е., отъ «Березины), по тому что климатъ дѣйствуетъ на насъ, хотя съ «меньшею силой, и лѣтомъ также, какъ зимой.»

Генералъ Маркизъ Шамбре, въ предисловіи къ третьему изданію своего сочиненія (p. XV), говоритъ: «Относительно ужасныхъ бѣдствій, обрушившихся на Французскую армію, во время «ея отступленія, бѣдствій, которыя Наполеонъ приписываетъ единственно морозу, Сенъ-Сиръ (присовокупляетъ сочинитель) отвергаетъ такъ, какъ и я: это завѣреніе теперь всѣ знаютъ,

«говоритъ Маршалъ (t. III, p. 238), что, когда большіе морозы «начались по переправѣ чрезъ Березину, семь осьмыхъ нашей ар-«міи уже не существовало.»

Баронъ Жомини, опредѣливъ, какъ видно было выше, начало зимы 26 Октября (р. 245 — 256), присовокупляетъ: «Морозъ этотъ не былъ преждевременнымъ, но, напротивъ, онъ «начался позже обыкновеннаго; онъ не былъ чрезвычайнымъ, «ибо до Краснаго измѣнялся отъ 3 до 8 градусовъ,[89] а съ 8 «Ноября наступила оттепель, продолжавшаяся до Березины; одинъ «только день ледъ на Днѣпрѣ могъ подымать пѣхоту, а къ ве-«черу оттеплѣло; самая сильная стужа, во время этѣхъ морозовъ, «продолжалась только три дня, отъ Дорогобужа до Смоленска, «и по этому она не превосходила мороза въ продолженіе Эйлау-«ской кампаніи, во время которой Березина замерзла, а въ на-«стоящее время нѣтъ, но тогда въ арміи былъ удержанъ поря-«докъ, а по тому морозъ 1812 года (продолжаетъ этотъ же со-«читель) не могъ имѣть такого вліянія на армію, ибо до «Березины онъ былъ очень сносенъ, сдѣлался же крѣп-«кимъ только отъ Сморгонъ.»

Кохъ, также отвергая причину бѣдствій отъ морозовъ, до переправы чрезъ Березину, присовокупляетъ: «Причины отѣ, какъ «кажется, состоятъ въ недостаткѣ распорядительности отно-«сительно продовольствія.» Съ тѣмъ, что не было распорядительности, бывшей главной причиной упадка духа и деморализаціи, должно вполнѣ согласиться: это истина; относительно же продовольствія сказать того нельзя: продовольствіе было, но именно нераспорядительность и потеря духа были виной этого голода.

Принцъ Евгеній Виртембергскій (S. 126) говоритъ: «Многіе Французскіе писатели усиливаются приписывать деморали-«зацію своей арміи стужѣ, будто бы начавшейся съ первыхъ «переходовъ, тѣмъ и ищутъ прикрыть свои неудачи въ разныхъ «битвахъ. Но это несправедливо, ибо ночи были только нѣсколько

[89] Что подтверждаютъ, какъ видѣли выше, и многіе другіе участники отступленія, опредѣляя эту стужу до 8° по R°.

«свѣжи, а температура была вообще благорастворенная и легкая.» «Далѣе (р. 147): «До Вязьмы имѣли хорошую погоду, 23 Октяб-«ря выпало немного снѣга, и 25 началась зима, но температура «была легче, чѣмъ въ 1807 году, во время Эйлауской кампаніи, «когда Французы, съ силой Геркулеса, противостояли суровости «этого элемента. Историческіе факты доказываютъ, что числи-«тельность непріятельской арміи, послѣ сраженія при Вязьмѣ, «когда термометръ R не показывалъ и нуля, не превышала уже «и сорока тысячъ способныхъ къ бою.... (S. 150), 24-го Октября «между Вязьмой и Дорогобужемъ мы увидѣли признаки состоянія «непріятельской арміи уже гораздо въ высшей степени. Насъ «удивляло болѣе то, что въ числѣ мертвыхъ мы находили людей «вовсе не раненыхъ, между тѣмъ какъ погода была еще легкая.»

Маркизъ Шамбре, тоже участвовавшій въ этомъ походѣ, разсуждая объ истребленіи арміи, не приписываетъ это прямо морозу, какъ причинѣ первостепенной. Онъ (t. III, р. 197) говоритъ: «Не одна стужа разстроила и истребила армію, по «тому что 2 и 9 корпуса,[90] сохранили совершенный порядокъ, «не смотря на то, что испытали такую же стужу, какъ и главная «армія. Стужа сухая и умѣренная, сопровождавшая войско «отъ Москвы до перваго снѣга (т. е., до Дорогобужа, триста «верстъ), была болѣе благопріятна, нежели гибельна.» Далѣе, онъ приписываетъ главную причину разстройства арміи голоду, безпрерывнымъ переходамъ и, какъ выражается, кочевью.[91]

Послѣ помянутыхъ двухъ причинъ, Шамбре продолжаетъ: «и наконецъ уже стужа, когда она достигала до чрезвычай-«ности, т. е., отъ Молодечна до Нѣмана, или когда она была «сопровождаема снѣгомъ.» Здѣсь Г. Шамбре является не знато-

---

[90] Герцоговъ: Реджіо (Удино) и Белунскаго (Виктора), дѣйствовавшихъ противъ Графа Виттенштейна и придвинувшихся къ Березинѣ, когда Наполеонъ подошелъ къ ней.

[91] Если бы администраторы и главные начальники не потеряли головы, то голода не могло бы быть: ибо продовольствіе было, только не доставало фуража. Упоминая же о безпрерывныхъ переходахъ и кочевьяхъ, Г. Шамбре этѣмъ самымъ не хотя высказываетъ истину, что наши Казаки и другая легкая

комъ зимы, ибо снѣгъ умѣряетъ морозъ; конечно, онъ хотѣлъ тутъ выразить мятель.

Нельзя не замѣтить здѣсь странной выходки Г. Шамбре, доказывающаго, что морозъ былъ благопріятнѣй для Французовъ, чѣмъ для насъ!... Вотъ какъ онъ витійствуетъ (p. 143): «Морозъ, съ 23 Ноября, былъ гибельнѣе для Французовъ, чѣмъ «для Русскихъ. Но съ военной точки зрѣнія, онъ былъ благо-«пріятенъ Наполеону, и дѣйствительно, если морозъ истребилъ «огромное число солдатъ во Французской арміи, то большая «часть погибла бы позже, или досталась бы въ руки Русской «арміи (оригинальная Французская логика, достойная Англичанъ!). «Въ Русской арміи, напротивъ, морозъ постигалъ только солдатъ, «совершенно крѣпкихъ и здоровыхъ (по чему?!), что заставляло «Кутузова останавливаться, а это спасло остатки Французской «арміи. Замедленіе Кутузова было самымъ счастливымъ событіемъ «для Наполеона, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ «тогда находился, ибо Германія призывала своими желаніями «Русскихъ» и т. д. Наполеонъ, однако же, не раздѣлялъ мнѣнія своего Маркиза; ибо, въ 29 бюллетенѣ изъ Молодечна, отъ 21 Ноября, онъ приписываетъ «всѣ бѣдствія морозу.»

Наконецъ, вотъ что говоритъ и самъ Тьеръ (p. 159, 160): «Историки, съ упорствомъ оправдывавшіе войну въ Россіи тѣмъ, «что приписывали разрушеніе двинувшейся изъ Москвы арміи «большой стужѣ, сопутствовавшей этому отступленію и лишеніямъ, «которымъ она подвергалась на протяженіи 250 льё ея слѣдова-«нія и пр.; это ошибка, сдѣланная писателями, не разсма-«тривавшими близко подлинныхъ документовъ. Переписка «Генераловъ, Министровъ, даже Префектовъ, доказываетъ, что «причины этѣхъ великихъ бѣдствій существовали гораздо

конница, а за ними часто и наша пѣхота, натисками своими не давали непріятелю ни покоя, ни времени останавливаться бивакамп. Слѣдовательно, безпрерывные переходы Французскихъ войскъ были вынуждаемы нашими войсками, а кочевье происходило отъ того, что, для пріобрѣтенія соломы и дровъ, нельзя было сворачивать съ дороги, изъ опасенія потерять фуражировъ, приходилось спать на голой землѣ и часто безъ дровъ, что даже и не въ холодное время не можетъ быть благопріятно для арміи. Въ 1834 году дивизія Леонидаса въ Добручѣ убѣдилась въ этомъ.

ранѣе и были болѣе глубокія. Дѣйствительно, къ разрушенію арміи содѣйствовали безконечныя войны, которымъ должно было удовлетворять поспѣшными наборами солдатъ, дѣтей храбрыхъ, но слабыхъ, въ союзѣ съ иноземцами, худо расположенными, и съ тяжестями, которыя не могли выдерживать такихъ разстояній. Этѣ причины начали разрушать армію гораздо прежде, чѣмъ пришли въ Москву, и отступленіе изъ сего города только довершило оное. [92] Недостатокъ продовольствія, падежъ лошадей, превратившій часть конницы въ пѣшихъ, создали издавна гибельную привычку къ бродяжничеству, которое потомъ, въ эту роковую кампанію, развилось, когда причины, произведшія оное, достигли до послѣдней степени ихъ силы. Вотъ начало, которое мы заявляемъ здѣсь, на основаніи безпрекословныхъ доказательствъ, тщательно собранныхъ. Нашъ трудъ былъ совершенъ на тѣхъ самыхъ данныхъ, которыя представляемы были Наполеону отдѣльными начальниками, и на которыхъ онъ основывалъ свои соображенія.» Г. Тьеръ, конечно, не упустилъ бы приписать стужѣ бѣдствія, постигшія въ 1812 году войско Наполеона, если бы это было такъ.

Изъ вышеписаннаго ясно видна вся неосновательность фразы Полковника Лабома, приписывающаго стужѣ причину катастрофы Французской арміи въ 1812 году. При этомъ въ одно и то же время многіе присоединяютъ къ стужѣ и недостатокъ продовольствія, думая, что если бы армія не терпѣла голода, то́ вліяніе стужи не было бы для нея такъ поразительно.

Но столь же неправильно приписывать этѣ бѣдствія недостатку продовольствія, сколько правильно то, что Французская

---

[92] Къ этой истинѣ Г-ну Тьеру слѣдовало бы прибавить и то, что Наполеонъ натиснулся на такого непріятеля, какъ Русскіе. То положеніе, въ которомъ, по словамъ автора, находилась Французская армія при началѣ войны съ нами, было бы очень достаточнымъ еще, чтобы разгромить всѣ соединенныя силы материка Европы, исключая Русскихъ, тогда чуждыхъ политическихъ впечатлѣній и не впадающихъ въ уныніе. Я знаю по опыту, что въ этѣхъ послѣднихъ случаяхъ, вмѣсто унынія, потери духа, ослабленія дисциплины, какъ это бываетъ въ другихъ арміяхъ, у насъ, напротивъ, усиливается энергія: это доказано болѣе всего въ томъ же 1812 году и наконецъ въ послѣднюю войну, въ Севастополѣ.

армія въ то время дѣйствительно и очень часто терпѣла голодъ, иногда восходившій до высшей степени, заставляющей содрогаться отъ одной мысли.

Разсматривая со вниманіемъ подробности описаній всѣхъ историковъ, говорившихъ о войнѣ 1812 года, ни какъ нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы Французская армія, во время своего отступленія, терпѣла голодъ по причинѣ дѣйствительнаго недостатка въ продовольствіи; бѣдствіе это должно относить единственно къ деморализаціи арміи, къ отсутствію дисциплины, буйству солдатъ, къ отупѣнію администраторовъ и къ безпорядкамъ, господствовавшимъ вообще вездѣ.

Предметъ этотъ долженъ дѣлиться на три главные періода: 1, движеніе арміи къ Москвѣ; 2, пребываніе ея въ Москвѣ, и 3, отступленіе.

Первый: дѣйствительнаго голода, когда армія двигалась еще къ Москвѣ. На этомъ пространствѣ, начиная отъ Нѣмана, она уже претерпѣвала недостатки, возраставшіе до самой Москвы, такъ что съ береговъ Двины конина начала появляться на бивачныхъ кострахъ, а отъ Днѣпра она вошла уже въ общее употребленіе. Послѣдствія этѣхъ лишеній были гибельчѣе, нежели на возвратномъ пути. Въ первомъ случаѣ армія лишилась несравненно болѣе людей и лошадей, чѣмъ во второмъ. Если тогда общія послѣдствія не были такъ ужасны и одинаковы, то по тому, что она шла впередъ; надежда на добычу въ Москвѣ одушевляла ее; время года благопріятствовало ея составу, и наконецъ въ ней еще существовала дисциплина, хотя уже и ослабленная; слѣдовательно, духъ ея не былъ совершенно потрясенъ и деморализація не была общею.

Второй: безпорядка, или пребыванія въ Москвѣ. Здѣсь относительно продовольствія, положеніе арміи, какъ изъ данныхъ видно, поправилось, но нравственныя ея силы вдругъ, съ заревомъ Москвы, ослабли; найденные въ ней въ изобиліи способы безпорядочно захватывались, истреблялись своевольемъ массы [93] и т. д. Наконецъ.

---

[93] Ласъ-Казасъ, Монтолонъ (t. IX, p. 191), О'Меара (t. I, p. 193, Mém.

Третій: отступленіе, съ обезпеченнымъ продовольствіемъ, названный лишеніями, голодомъ, представляетъ совершенно противоположное первому періоду, по тому что въ это обратное движеніе армія имѣла съ собой большіе запасы, что свѣдѣтельствуется всѣми историками, и независимо отъ того, что она на пути до Смоленска имѣла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ магазины, разграблявшіеся передовыми войсками, что встрѣчала транспорты, но и при выступленіи изъ Москвы, она везла и несла съ собой продовольствіе на пятьнадцать, по другимъ на двадцать, дней, а это обезпечивало ея существованіе, по крайней мѣрѣ, до Смоленска; но потеря дисциплины, эгоизмъ, паническій страхъ, деморализація, начавшаяся въ большихъ размѣрахъ отъ самаго Малоярославца, буйство, отупѣніе властей и распорядителей, было уже безсильно къ правильному удовлетворенію нуждъ арміи. Историки не разъ приводятъ примѣры такихъ без-

---

de Napoleon etc.), Дюма, Ген.-Инт. (t. III, p. 446, 453), Пюибюскъ (p. 116); Сентъ-Илеръ (t. III, p. 272), Сюррюгъ (p. 19, 35, 22,, 133); Денье (p. 319), Гюго (p. 389), Мортонваль (t. II, p. 301, 322, 324, 330), Шамбре (t. II, p. 132, 135, 154, 162, 166, 208, 209), Графъ Солтыкъ (p. 304, 307, 319), Лабомъ (p. 223), Раппъ (p. 172), Истор. истреб. Москвы, очев. (p. 72, 93, 104, 147, 148, 155), Бошанъ изъ Ларрея (p. 60, 63, 65, 66, 68, 71, 72, 73, 74), Лавалле (p. 541), Вольдендорфъ и Варрадейнъ (t. II, S. 163, 165, 166), Война Франц. 1812 г. (S. 166), Два очевидца Моск. пожара (p. 157, 159, 160, 174, 189), Фенъ (t. II, p. 151, 154, 208, 213), Карт. револ. Войнъ (p. 431), Ронья (p. 211), Роосъ (S. 146, 147), Мишо (p. 135) и Сегюръ (t. II, p. 71), присовокупляютъ, что Генералъ-Интендантъ Дарю предлагалъ Наполеону прозимовать въ Москвѣ, посоливъ лошадиное мясо, прибавляя, что «въ хлѣбѣ и соли недостатка не будетъ.» Бюллетени одинаково свѣдѣтельствуютъ о значительномъ количествѣ всякихъ жизненныхъ припасовъ, найденныхъ въ Москвѣ, и всѣ одинаково говорятъ, что одинъ господствовавшій тамъ безпорядокъ былъ виной, что одни имѣли продовольствіе изобильное, и даже роскошное, оставивъ при выступленіи знатное его количество, другіе же претерпѣвали нужду, т. е., только тѣ, которые находились въ отдаленіи отъ Москвы. Одинъ недостатокъ въ фуражѣ былъ часто ощущаемъ. Боссе, говоря о пребываніи въ Москвѣ и о предположеніи зимовать въ ней, присовокупляетъ (t. II, p. 129): «Если бы дѣйствительно это состоялось, то, конечно, ничего бы не случилось хуже того, что мы испытали въ послѣдствіи. Въ Москвѣ «(говоритъ онъ) армія была бы укрыта, удобно размѣщена, возстановила бы свои «силы, между тѣмъ какъ Русскіе, подвергаясь всей жестокости температуры, не «предпринимали бы ничего очень враждебнаго.» Фраза!

порядковъ, насилій, въ слѣдствіе которыхъ все расхищалось, разбрасывалось, водка текла по улицамъ. [94]

---

[94] Графъ Мантолонъ (p. 113), Баронъ Фенъ (t. II, p. 161), Графъ Солтыкъ (p. 343) и др., говорятъ, что Наполеонъ, выступая изъ Москвы, везъ съ собой для арміи на двадцать дней продовольствія, и съ нимъ онъ могъ достигнуть до Смоленска. Графъ Сегюръ (t. II, p. 79, 82, 110), что только на пятьнадцать дней; Мортонваль (t. II, p. 32) не думаетъ, чтобы взято было на двадцать дней. Однако, всѣ же писатели утверждаютъ, хотя и не обозначая количества, что изъ Москвы было взято продовольствіе, которое и везлось на многочисленныхъ, казенныхъ и частныхъ, повозкахъ. Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 277, 278), что въ Москвѣ армія снабжена была продовольствіемъ. Жомини (t. II, p. 239), Роосъ (S. 166, 168), Лавалле (p. 547), Буржуа (p. 84, 85), Карт. рев. войнъ (p. 431) и т. д., подтверждаютъ это. Всѣ безъ изъятія очевидцы свѣдѣтельствуютъ, что и частные экипажи были завалены съѣстными припасами, а количество этѣхъ повозокъ уподобляется очевидцами переселенію варварскихъ народовъ. Генералъ Фезензакъ, командовавшій тогда полкомъ (p. 68), говоритъ, что, при выступленіи изъ Москвы, онъ наполнилъ всѣ повозки полка (а по засвѣдѣтельствованью его, — p. 70, — и многихъ другихъ; каждая рота имѣла по нѣскольку повозокъ, независимо отъ множества частныхъ, кромѣ казенныхъ фуръ) продовольствіемъ, и что, за всѣмъ тѣмъ, онъ долженъ былъ оставить въ своей Штабъ-квартирѣ муку, которой не могъ взять съ собою. Проходя, при выступленіи изъ Москвы (p. 71), мимо Симонова монастыря, онъ видѣлъ, какъ въономъ жгли оставляемое продовольствіе, котораго съ собой поднять не могли, и восклицаетъ: «И по небреженью, достойно«му того времени, не извѣстили о томъ Полковниковъ. Оставалось мѣсто во мно«гихъ фурахъ (отъ чего же онъ самъ бросилъ муку?); и такъ мы были зрите«лями, какъ предъ нашими глазами сожигали съѣстные припасы, которые, «можетъ быть, спасли бы намъ жизнь» и т. д. Вентурини (t. I, S. 372) одинаково свѣдѣтельствуетъ о сожженіи магазиновъ съ съѣстными припасами въ Симоновомъ монастырѣ; впрочемъ, это свѣдѣтельствуется многими очевидцами, Французами и Нѣмцами, и не объ однихъ магазинахъ сего монастыря. По направленію къ Малоярославцу, два очевидца Московскаго пожара (p. 178), говорятъ, что взятое изъ Москвы продовольствіе умножилось стадомъ, случайно бросившимся въ средину арміи. Роосъ (S. 177) свѣдѣтельствуетъ, что въ Боровскѣ нашли овощи, а на огородахъ капусту. Шамбре (t. II, p. 364) присовокупляетъ, что до Можайска представлялись средства даже въ фуражѣ. Два очевидца Московскаго пожара (p. 178, 179) говорятъ объ изобиліи фуража въ Можайскѣ, что многіе запасы скоро должно было бросить на дорогѣ. Цельнеръ (S. 151) свѣдѣтельствуетъ, что съ перваго дня отступленія отъ Малоярославца начали бросать повозки съ продовольствіемъ. Денье говоритъ (p. 108), что многіе запасы скоро должно было бросить на дорогѣ. Генералъ Фезензакъ (p. 76), что, отступая отъ Можайска, должно

Многіе изъ иноземныхъ и нашихъ писателей хотятъ увѣрить, будто бы Наполеонъ, отъ Москвы до Смоленска, гдѣ былъ пер-

---

было прибѣгнуть къ запасамъ, сдѣланнымъ въ Москвѣ, и присовокупляетъ: «Но такъ какъ они были собраны грабежемъ, то и распредѣленіе таковыхъ «было неровное, такъ что въ однихъ полкахъ былъ скотъ, а не было хлѣба, «въ другихъ же былъ хлѣбъ, но не было мяса. То же самое было и въ ротахъ «одного и того же полка: однѣ роты умирали съ голоду, тогда какъ другія находились въ изобиліи. Начальники приказывали дѣлиться, но эгоизмъ употреблялъ «всѣ средства, чтобы обмануть надзоръ и избѣгнуть ихъ власти....» — «Люди, «сворачивавшіе съ дороги, попадали въ руки Казаковъ, или поселянъ» и т. д. Буржуа говоритъ (p. 92): Когда въ Можайскѣ соединились съ войсками, шедшими изъ Москвы прямо, то у нихъ было уже брошено множество повозокъ съ съѣстными припасами и фуражемъ. Хранили только золото, серебро и другія драгоцѣнности.» Въ Войнѣ Франц. въ 1812 г. (S. 211) видимъ, что по дорогѣ отъ Малоярославца еще только къ Можайску, въ одинъ разъ брошено сто повозокъ съ продовольствіемъ. Роосъ (S. 183) свѣдѣтельствуетъ, что въ Колоцкомъ монастырѣ нашли магазинъ съ разными съѣстными припасами, и что (S. 185) «здѣсь раздавали муку и соль.» Шамбре (t. II, p. 365) говоритъ, что за Можайскомъ, къ Гжатску, при арміи былъ еще скотъ. Солтыкъ (p. 368) пишетъ, что отъ Москвы до Смоленска всѣ этапы были снабжены съѣстными припасами. Въ Вязьмѣ былъ магазинъ. Фенъ говоритъ, что изъ онаго гвардія и другія части арміи, шедшія впереди, получили продовольствіе. Буржуа (p. 99) присовокупляетъ, что этѣ передовыя войска разбили магазины въ Вязьмѣ. Сегюръ (t. II, p. 121) свѣдѣтельствуетъ, что въ Вязьмѣ недостатка пищи въ войскахъ не было. Солтыкъ (p. 370): «До Вязьмы вообще армія мало терпѣла, по тому что имѣла свое про- «довольствіе.» Видно также, что былъ и фуражъ, только уже на исходѣ. Жомини (t. II, p. 213): «Пройдя Вязьму, взятое изъ Москвы продовольствіе «истощается.» Лавалле (t. IV, p. 741) описываетъ, какъ Казаки, еще до Вязьмы, безпокоили ихъ и отбивали обозы. Констанъ (t. V, p. 115), говоря о толпахъ, бросившихъ оружіе, присовокупляетъ: «иногда этѣ несчастные, «съ намѣреніемъ распространяли безпорядокъ, чтобы вырвать у своихъ товари- «щей, лучше ихъ снабженныхъ, либо плащъ, либо съѣстные припасы: «Вотъ «Казаки!» былъ кликъ тревоги.» Лабомъ (p. 301) говоритъ, что существовавшіе магазины въ Дорогобужѣ были разграблены. Очевидецъ Либенштейнъ (S. 221) говоритъ, что водка текла по улицамъ Дорогобужа. Мортонваль (p. 358) пишетъ, что около Дорогобужа бросили нѣсколько повозокъ съ оставшимся продовольствіемъ. Шамбре (p. 382) свѣдѣтельствуетъ, что многіе полки имѣли еще скотъ до Дорогобужа, гдѣ началась временная зима, и присовокупляетъ, что Маршалы, Генералы и всѣ тѣ, которые сохранили экипажи, жили въ изобиліи. Буркерсрода (S. 34) свѣдѣтельствуетъ, что до Дорогобужа они имѣли водку и сухари. Лоссбергъ (S. 235) говоритъ, что полкъ его (Вестфальскій) 16/28 Октября имѣлъ еще продовольствія на четыр-

вый на пути главный магазинъ, не могъ везти съ собой двад-

надцать дней, и присовокупляетъ (S. 242), что въ Дорогобужѣ получили сухари и муку (полкъ шелъ изъ первыхъ); въ этомъ городѣ были съѣдены послѣднія шесть коровъ, бывшихъ съ полкомъ. Въ Войнѣ Франц. въ 1812 г. (S. 216): «Въ Дорогобужѣ доѣдаютъ послѣдній хлѣбъ, взятый въ «Москвѣ.» Отъ Дорогобужа же до Смоленска оставалось только три перехода. Многіе транспорты изъ Смоленска идутъ на встрѣчу арміи. Солтыкъ (p. 374) говоритъ, что первый транспортъ пришелъ 27 Окт. (8 Нояб.), слѣдовательно, около Дорогобужа. Сегюръ (t. II, p, 136) пишетъ, что Шарпантье изъ Смоленска высылаетъ продовольствіе на встрѣчу арміи. Это подверждаетъ Шамбре (p. 386). Пюибюскъ, Интендантъ въ Смоленскѣ (p. 119), говоритъ о двухъ большихъ транспортахъ, отправленныхъ изъ Смоленска къ отступающей арміи, и обѣщаетъ, что въ слѣдъ за ними послѣдуютъ другіе. Сегюръ (t. II, p. 148) говоритъ, что нѣкоторые транспорты были перехвачены. Шамбре, (p. 419) свѣдѣтельствуетъ то же. Въ Skizzen etc. (S. 375) говорится о перехваченномъ Русскими партизанами, около Вязьмы, транспортѣ изъ 140-ка воловъ и 41-й большой фуры съ сухарями. Нѣкоторые же транспорты достигаютъ, какъ это видно изъ повѣствователей. Вице-Король, направившійся на Витебскъ, при переправкѣ чрезъ Вопь, по словамъ Мортонвали (t. II, p. 360), потерялъ тысячу повозокъ съ имуществомъ и продовольствіемъ. Вентурини (t. I, S. 433) говоритъ, что, независимо отъ потерь при Дорогобужѣ, Вице-Король на Вопѣ потерялъ всю свою артиллерію, болѣе ста пушекъ, множество плѣнныхъ и обозы съ остававшимся продовольствіемъ. Тиссо (p. 745) подтверждаетъ, что тутъ брошено сто пушекъ, съ остатками продовольствія. Норвенъ (t. III, p. 337) говоритъ то же объ обозѣ, но что брошено только шестьдесятъ пушекъ, безъ упряжи. Солтыкъ (p. 277) пишетъ, что только отъ Вязьмы къ Смоленску фуражъ становился ежедневно рѣже, а подходя къ этому послѣднему городу (p. 382), съ большимъ трудомъ добывали солому. Въ Смоленскѣ первыя войска и гвардія могли еще получить правильное продовольствіе. Буркерсроде (S. 37) говоритъ, что 11 Ноября (н. сч.) они получили въ Смоленскѣ сухари и водку, но въ маломъ количествѣ. Пюибюскъ (p. 116), свѣдѣтельствуетъ, что день и ночь пекли хлѣбъ. Послѣдовавшіе безпорядки въ присутствіи Наполеона начали увеличиваться: «многіе чиновники (p. 131) бѣжали, магазины съ водкой «были разбиты.» Боссе (t. II, p. 145) говоритъ, что магазины были полны «всѣмъ, но разграблены. Буржуа (p. 106) пишетъ: «Въ Смоленскѣ магазины были «разграблены. Сожирали въ одно мгновенье все, что могло бы прокормить въ «продолженіе нѣсколькихъ дней; расточали, или жгли, то, чего не могли взять «съ собой.» Мортонваль (t. II, p. 380) и вообще всѣ писатели свѣдѣтельствуютъ объ этѣхъ безпорядкахъ. За Краснымъ, отъ Дубровны и Орши, Французы вступили въ край не разоренный. Они находили у жителей койкакую пищу и сверхъ того въ каждомъ мѣстечкѣ были магазины; но тотъ же безпорядокъ, общая уже деморализація, не позволяли ничѣмъ пользоваться. Въ Вильнѣ, снабженной всѣмъ необходимымъ, по засвѣдѣтельствованію Французскаго кирасир-

цати-дневнаго продовольствія, по тому именно, что на этомъ пространствѣ не было корма для лошадей.

Это ложь въ полномъ смыслѣ слова, ложь по тому, что, независимо отъ количества артиллеріи, превышавшей въ четверо численность арміи Наполеона, военные обозы и еще десятки тысячъ экипажей слѣдовали за арміей, съ частнымъ и захваченнымъ имуществомъ, съ предметами кичливости самого Императора, и слѣдовали не только до Смоленска, но до Краснаго, до самой Березины и даже до Вильны. [95] На всемъ этомъ пространствѣ у Французской арміи отбивали, и она сама бросала, тысячами различныя повозки. Причиной тому не столько былъ недостатокъ фуража, который, конечно, очень часто было весьма трудно добывать, ибо Французская армія была окружена нашими легкими войсками и жителями, не позволявшими далеко отходить въ сторону, но главное, что Французская администрація не обратила вниманія на ковку лошадей, которыя, имѣя подковы безъ шиповъ, падали при всякой неровной мѣстности. Поднимать ихъ не всегда было время, ибо «Казаки!» были громовымъ восклицаніемъ для непріятеля. Слѣдовательно, если и допустить до истины повѣствованіе нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, а также и нашихъ, что отъ Москвы до Смоленска и далѣе не было корма для лошадей, то здѣсь представляется вопросъ: какимъ же образомъ такое огромное количество повозокъ могло еще переваливаться даже только за Вязьму, за Смоленскъ? Между тѣмъ мы ихъ брали, повторяю, не сотнями, а тысячами подъ Краснымъ, на Березинѣ, гдѣ, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, брошено нѣсколько тысячъ разнаго рода экипажей, отъ велико-

---

скаго Офицера (Souvenir de Pologne, p. 370, 371), «въ Вильнѣ, гдѣ солдаты «умирали съ голоду, между тѣмъ какъ магазины были полны и съ прибытіемъ «толпы, безъ ружей, были разграблены. Ни за какія деньги (присовокупляетъ «сочинитель) нельзя было достать куска хлѣба.» Изъ всего выше сказаннаго ясно, что армія не могла бы терпѣть голода, если бы сохраненъ былъ порядокъ и не была бы поражена паникою, эгоизмомъ и въ высшей степени деморализаціей.

[95] Генералъ Сарразенъ, говоря о выступленіи изъ Москвы, присовокупляетъ (p. 180), что Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы тащить за собой раненыхъ, сдѣлалъ бы лучше, поручивъ ихъ великодушію Русскихъ и «dedaignant des tro«phés, qu'ils n' avoit point conquis.»

лѣпныхъ каретъ до самыхъ простыхъ телѣгъ, бричекъ и фуръ, нагруженныхъ фарфоромъ, хрусталемъ, драгоцѣнными тканями, мѣхами, серебромъ и даже рухлядью, которая не стоила ни какого вниманія. Умѣли же Французы сохранить отъ Москвы до Березины лошадей, влекшихъ эту добычу, [96] тогда какъ, не говоря уже объ артиллеріи и ея принадлежностяхъ, бросали повозки, нагруженныя съѣстными припасами на каждомъ почти переходѣ, и съ такою поспѣшностію, что, не смотря на положеніе свое, не заботились разбирать, что могло бы поддержать ихъ силы. А бывали случаи, что солдаты выпрягали лошадей изъ повозокъ съ продовольствіемъ, и даже изъ подъ артиллеріи, чтобы впрягать въ свои повозки, обремененныя добычею. Множество повозокъ успѣли перебраться даже чрезъ Березину и достигнуть Вильны, но Понарскія высоты положили послѣдній здѣсь предѣлъ алчности Французовъ. [97] Четвертая, или даже пятая, часть повозокъ, нагруженныхъ добычею однихъ частныхъ лицъ, слѣдовавшихъ за арміею изъ Москвы, была бы достаточна для того, чтобъ везти продовольствіе за арміею до Смоленска; далѣе, по сказаніямъ самихъ Французовъ, въ особенности отъ Орши недостатокъ уже не былъ такъ ощутителенъ. [98] Конечно, для этого нужна была

[96] Извѣстно, что Наполеонъ не разъ приказывалъ жечь повозки, и $^{13}/_{25}$ Ноября, не доходя восемь верстъ до Боровска, онъ самъ при томъ присутствовалъ; но бродяги нашли возможность (Боссе, t. II, p. 159) уклониться отъ сего. Въ послѣдствіи сожжены были и орлы арміи. Констанъ (t. V, p. 122) замѣчаетъ, что послѣднее было исполнено, а первое не вполнѣ и т. д.

[97] Буржуа (p. 196) разсказываетъ, что когда на высотахъ этѣхъ были разграблены экипажи Наполеона, то, будто бы, одинъ Казакъ падѣлъ на себя Императорскую пурпуровую мантію, усѣянную вышитыми золотомъ пчелами, съ скипетромъ въ рукахъ и съ короною на головѣ, и въ такомъ нарядѣ въѣхалъ въ Вильну. Тутъ, конечно, есть и примѣсь поэзіи.

[98] Графъ Солтыкъ, сказавъ, что отъ Орши (p. 416) «страна не была столь опустошена, по тому что въ ней находили коекакія средства,» приводитъ слѣдующее: Въѣхавъ въ одинъ изъ домовъ въ Оршѣ, онъ нашелъ нѣсколько солдатъ, варящихъ себѣ супъ. Условившись съ ними за шесть франковъ хлебнуть десять ложекъ, отвѣдалъ онаго, но, найдя его отвратительнымъ, узналъ, что супъ приготовляется изъ человѣчьяго мяса. Изобрѣтатели этого блюда присовокупили, что печень, находящаяся еще въ горшкѣ, очень вкусна. Можно себѣ вообразить ужасъ, объявшій сочинителя: онъ спѣшилъ удалиться. Сочинитель книги,

предусмотрительная распорядительность, которая хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и проявлялась, но мѣры ея были уже поздны: въ войскѣ не существовало той связи, которая одна составляетъ его необходимость, дисциплина была потрясена при занятіи Москвы, а начиная отъ Малоярославца въ арміи болѣе или менѣе начали господствовать деморализація, безотчетный паническій страхъ, жажда сохранить то, что набрали въ Москвѣ и тѣмъ отяготили безчисленное множество повозокъ всякаго рода, которыхъ, повторяю, четвертая часть была бы достаточна для перевозки за собой необходимаго продовольствія, которое, безъ всякихъ другихъ вспомогательныхъ средствъ, находимыхъ и встрѣчаемыхъ на пути, могло бы съ избыткомъ обезпечивать армію не только до Смоленска и Бѣлорусскихъ селеній, но и до самой Вильны; ибо, переваливавшись на два перехода за Красное, Французы нашли, независимо отъ продовольствія у жителей, даже частые снабженные магазины. А по тому, ни въ какомъ случаѣ, нельзя безусловно признать совершенное отсутствіе фуража на пространствѣ отъ Москвы до Смоленска и Краснаго; ибо, если

подъ заглавіемъ: «Souvenir de Pologne» (p. 423), разсказываетъ, что одинъ изъ однополчанъ его, кирасирскій Офицеръ, подъ Краснымъ «нашелся въ необ«ходимости ѣсть человѣчье мясо, жирныя лядвеи одного гренадера, только что «упавшаго и убившагося до смерти.» По мнѣнію Графа Салтыка, подобное положеніе происходило отъ того, что безоружнымъ не отпускали продовольствія, а въ Оршѣ находились магазины. Относительно человѣчьяго мяса, употреблявшагося въ пищу Французами, можно замѣтить, что едва ли есть другой народъ въ мірѣ, который бы не только въ изступленіи своемъ, но и безъ того, былъ въ полномъ значеніи столь кровожаденъ и отнюдь не брезгливъ употреблять человѣчье мясо. Докторъ 1-го кавалерійскаго корпуса Французской арміи, Форъ, взятый нами въ плѣнъ въ Тарутинѣ (p. 86), разсказываетъ, что когда наши провожали большую партію плѣнныхъ Французовъ, которые въ Рославлѣ оставались нѣсколько дней на бивакахъ, гдѣ отъ холода и голода множество ихъ умирало, то многіе трупы найдены початыми. Французская революція доказываетъ эту жажду крови, употребленіемъ ея. Въ знаменитомъ процесѣ объ убійствѣ Фюальдеса, въ 1817 году, Жосьонъ и Бастидъ заставляютъ Г-жу Мансонъ, случайно содѣлавшуюся свидѣтельницей этого убійства въ сосѣдней комнатѣ, пить, вмѣстѣ съ убійцами, кровь Фюальдеса. Должно ли послѣ этого удивляться, что, томимые голодомъ, они безъ отвращенія прибѣгаютъ къ человѣчьему мясу, избирая еще лакомые куски, печень, вскрытіе черепа, чтобы достать не остывшій пока мозгъ и т. п.?

была возможность везти добычу, то была бы возможность везти и продовольсквіе. [99]

Нельзя пройти молчаніемъ, въ заключеніе книги, и не сказать нѣсколько словъ о тѣхъ фразахъ самохвальства, которыя характеризуютъ вообще всѣ военныя повѣствованія Французовъ, и въ особенности тѣ, которыя съ такимъ изобиліемъ распространены въ описаніи ихъ отступленія. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что въ общемъ военномъ смыслѣ они успѣли въ своемъ предпріятіи; слѣдовательно, успѣхъ, съ какими бы то потерями ни было, все равно, увѣнчалъ ихъ. Но здѣсь слѣдовало бы разсмотрѣть съ тѣмъ вмѣстѣ: не входило ли въ соображеніе нашего Главнокомандующаго не порѣшить съ ними, независимо отъ нѣкоторыхъ пунктовъ на пути, но въ Вязьмѣ, Красномъ и наконецъ на Березинѣ? Не имѣлъ ли намѣренія Кутузовъ, въ первыхъ двухъ только, какъ говорится, ихъ затрогивать, давать острастку, сберегая главную армію, не вводя ее въ дѣло полнымъ составомъ и предоставляя довершеніе непріятеля арміямъ Витгенштейна и Чичагова, которыя не столько потерпѣли, какъ главная армія отъ дальняго преслѣдованія, всегда имѣли болѣе полное продовольствіе и менѣе претерпѣвали на бивакахъ стужу? Помянутыя двѣ арміи долженствовали преградить бѣгущему непріятелю переправу чрезъ Березину. Все это надлежитъ разсмотрѣть безпристрастно, взвѣсить и сблизить во взаимныхъ столкновеніяхъ обѣихъ воюющихъ и пишущихъ сторонъ. Пусть найдутъ съ нашей стороны ошибки, пусть даже что ни будь и болѣе, но строгій критическій разборъ этого событія требуетъ, повторяю, безпристрастія, а не однѣхъ фразъ самохвальства, рядомъ съ данными, которыя невольно срываютъ улыбку, въ особенности у участниковъ.

Конечно, если мы и находимъ, что во время этого бѣгства, Французы вступали иногда въ жаркій бой съ нашими войсками

---

[99] Предметъ этотъ пространно изложенъ, на основаніи самихъ иноземныхъ писателей, въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. Спб. 1855, въ 8-ку,» удостоенной посвященія Государю Императору.

и были достойны славы прежнихъ своихъ подвиговъ, то здѣсь они не были уже движимы качествами благоустроенной арміи. Здѣсь паническій страхъ, которымъ они были поражены, смѣнялся ожесточеннымъ дикимъ чувствомъ, инстинктомъ самосохраненія, гдѣ разсудокъ не имѣлъ уже мѣста; они или остервененные бросались на части, искавшія преграждать имъ путь, или тысячами сдавались сотнѣ Казаковъ. [100]

Ни одна изъ войнъ не предпринималась съ такими зловѣщими предзнаменованіями, какъ кампанія 1812 года. Предчувствіе многихъ сбылось, и сбылось, можетъ быть, въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ сами Французы могли это предвидѣть. [101] Прусскій Посланникъ, находившійся, въ продолженіи кампаніи 1812 года, вмѣстѣ со всѣмъ Дипломатическимъ корпусомъ, въ Вильнѣ, гдѣ былъ и Министръ Иностранныхъ дѣлъ Наполеона, Маретъ (Герцогъ Бассано), писалъ изъ сего города въ Берлинъ письмо, въ которомъ изображалъ положеніе отступившей арміи, и, между прочимъ говорилъ (Капфигъ, t. IX, p. 448): «Бѣгущіе, которые прибываютъ

---

[100] Этѣ двѣ крайности болѣе или менѣе свойственны всѣмъ народамъ. Мнѣ случалось видѣть сотни Турокъ, пораженныхъ паническимъ страхомъ, стремглавъ спасающихся при видѣ отдаленной мнимой еще опасности отъ полусотни Казаковъ; но когда одинъ, или нѣсколько изъ нихъ, будучи настигнуты и окружены, то они, при явной уже опасности, съ остервененіемъ бросаются съ оружіемъ въ рукахъ, отвергая сдаться, повергнуться на землю, ищутъ еще зубами вредить непріятелю, а иногда этѣ же самые Турки, при нѣкоторыхъ условіяхъ, столь же неосновательныхъ, сдаются тамъ, гдѣ бы отвагой своей могли одержать верхъ. Не то ли же самое мы видимъ и у животныхъ: маленькая собачка, съ визгомъ страха, ищетъ спасенія отъ преслѣдующаго ее огромнаго бульдога, и когда этотъ, настигнувъ свою жертву, готовъ пастью своею ее разорвать, въ это мгновеніе собачка оборачивается и бросается сама на сильнаго врага своего — и погибаетъ.

[101] И дѣйствительно. Исторія не представляетъ примѣра, чтобы полумиліонная армія какого либо Государства, вторгнувшись въ другое, отдѣленное отъ него нѣсколькими еще Государствами, и проникнувъ въ средину, заняла столицу, а потомъ, преслѣдуемая по пятамъ, громимая и менѣе нежели чрезъ полтора года кровавымъ путемъ довела до своей столицы и сдала ее, вмѣстѣ съ властію, въ руки отчужденной отъ престола, въ продолженіе двадцати лѣтъ, родной династіи! Гигантъ палъ. Съ материка Средней Европы сняты были постыдныя цѣпи, и народы получили новую жизнь.

«къ намъ каждую минуту, представляютъ печальное зрѣлище, хо«тя бѣдствія ихъ не что иное, какъ справедливая кара за ихъ «преступленіе. Генералы приходятъ къ намъ переодѣтыми въ «крестьянъ, въ Жидовъ. Высшіе сановники пріѣзжаютъ въ саняхъ «полумертвыми отъ голода и стужи. Принцъ Адамъ Виртембергскій прибылъ, буквально, въ рубищѣ: на немъ была рубашка, «которую онъ носилъ въ продолженіе пяти недѣль, и во все это «время онъ ни разу не отдохнулъ въ постелѣ. Онъ спалъ подъ «открытымъ небомъ все время, когда находился съ арміей, и въ «продолженіе трехъ недѣль питался кониною. Одна особа, кото«рая вчера посѣтила Г. М. (Марета), сказала ему, что и она, «безъ всякой другой пищи, существовала кониной, и видѣла ра«неныхъ, которые, умирая съ голоду, обгрызали куски мяса, «отваливающагося отъ язвъ раненыхъ ихъ товарищей. Солдаты «не берутъ труда убивать лошадей: они сперва пробиваютъ ихъ «штыками, или саблями, и высасываютъ кровь для утоленія жаж«ды, и потомъ разрываютъ ихъ на куски и пожираютъ сыры«ми. Я думаю, что этѣ подробности дадутъ Вамъ достаточное «понятіе о положеніи, въ которомъ находится великая армія.»

Получавшіеся въ Парижѣ бюллетени о мнимыхъ успѣхахъ Наполеона вызывали торжество, но безпокойство было общее: «Всѣ питали надежду (говоритъ Герцогъ Ровиго (Савари), (t. V, «p. 305), но не удивились бы, получивъ извѣстіе и о несчаст«номъ событіи.» Тайный корреспондентъ, Баронъ Фьеве, въ одной изъ депешъ своихъ, писанной, когда не было еще положительно извѣстно точки направленія Наполеона, изображая господствующее безпокойство относительно этой кампаніи, между прочимъ (t. III, p. 230), говоритъ: «Которая изъ двухъ Русскихъ «столицъ будетъ избрана для предписанія изъ нея мира, какъ до «сихъ поръ мы это дѣлали изъ другихъ столицъ Сѣверной Евро«пы? Но если овладѣніе только одною изъ нихъ не покажется «Московской аристократіи достаточнымъ, чтобы вступить въ со«глашеніе, то какимъ образомъ разрѣшится это затрудненіе? Всѣ «этѣ вопросы (присовокупляетъ сочинитель), столь же великіе, «какъ и самое предпріятіе, возводятъ общественное мнѣніе на «самую высшую степень безпокойства.»

Извѣстіе о занятіи Москвы, говоритъ Савари, было въ Парижѣ отпраздновано молебнами во всѣхъ церквахъ и пушечною пальбой съ Инвалиднаго Дома; но этого не было достаточно, чтобы разсѣять мрачныя мысли. [102] Когда же было получено извѣстіе о Московскомъ пожарѣ, Фьеве даетъ Наполеону отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Парижѣ этѣмъ событіемъ (р. 239): «Невозможно выразить (говоритъ онъ) оцѣпенѣнія и ужа-«са, произведенныхъ въ Парижѣ извѣстіемъ о Московскомъ по-«жарѣ: народы давно уже потеряли мысль о возможности про-«стирать войну до подобнаго отчаянія (и присовокупляетъ): ко-«нечно, нашему вѣку предопредѣлено истощать и доводить все до «чрезмѣрности, и несомнѣнно, что отъ сего событія прекрасный «идеалъ военной славы получитъ большую утрату... (Далѣе про-«должаетъ): Съ тѣхъ поръ, какъ бюллетень извѣстилъ Парижъ о «пожарѣ, впечатлѣніе, имъ произведенное, не уменьшилось. Это «одно (присовокупляетъ Фьеве) изъ такихъ событій, коихъ по-«слѣдствія неисчислимы и которыя, по мѣрѣ обсужденія всего, «относящагося къ нему, возбуждаютъ новыя... Первое чувство, «послѣ состраданія къ несчастнымъ жителямъ Москвы, было об-«ращено къ нашей арміи, которая вдругъ лишалась всего»... Продолжая разсуждать объ этомъ предметѣ, онъ выражаетъ (р. 240) мысль, конечно, господствовавшую тогда, что: «неосторожно было «такъ далеко углубляться.» И потомъ (р. 243) говоритъ о надеждѣ, которую питали на возможное окончаніе борьбы, въ слѣдующихъ словахъ: «Съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что ни одна офи-«ціяльная статья не обвиняетъ Императора Александра въ Мо-«сковскомъ пожарѣ, а изъ этого заключаютъ, что Императоръ «Наполеонъ не теряетъ надежды заключить миръ. Слѣдовательно, «(думаетъ сочинитель), до сихъ поръ истребленіе столицы мо-«жетъ быть приписываемо порыву націи, рѣшившейся скорѣй ис-«требить себя, чѣмъ подпасть подъ иго побѣдителя, чувство, быв-«шее нѣкогда общимъ у всѣхъ свободныхъ народовъ, и удивляют-«ся, встрѣчая оное въ странѣ, такъ мало просвѣщенной».... Оцѣ-

[102] Пюибюскъ, говоря о занятіи Москвы (р. 97) замѣчаетъ: «Никогда побѣди-«тель не вступалъ съ меньшимъ торжествомъ, которое сопровождалось бы съ «болѣе зловѣщими признаками.»

нивая это событіе въ своей депешѣ (p. 244), присовокупляетъ: «Это героическое отчаяніе, коего всѣ частности внушаютъ столь-«ко сострадані; это общее переселеніе столь многочисленнаго «населенія сдѣлало впечатлѣніе на разсуждающихъ Французовъ. «Мягкіе нравы Европейцевъ (говоритъ онъ) подготовили порабо-«щеніе Европы, содѣлавъ господство легкимъ; но нельзя же не «уважать того народа, который, при покореніи своемъ, оказы-«ваетъ болѣе или менѣе сопротивленіе; безъ этого распредѣли-«тельнаго правосудія что было бы со славой?» Онъ заключаетъ свою депешу слѣдующими замѣчательными словами: «Если Рус-«скіе, независимо отъ настоящихъ пожертвованій, поставятъ себя «въ положеніе когда либо сказать: «Мы были побѣждены; это «судьба оружія; но мы никогда не были покорены. Ни-«кто изъ насъ не давалъ присяги побѣдителю, никогда «съ насъ не была собираема самими Русскими подать его «именемъ,» — Россія останется сильною въ будущемъ своею не-«зависимостью» и пр.

Этѣ слова были писаны еще при заревѣ Москвы: они сбылись болѣе, чѣмъ сказалъ сочинитель: ибо мы не были побѣждены, какъ слово это понимается въ военномъ смыслѣ. [103]

И такъ, изъ сущности всего того, что говорятъ сами Французы о нашествіи своемъ на Россію, видно, что армія ихъ, до выступленія еще въ предѣлы наши, не была уже сдерживаема тою строгой дисциплиной, которая одна составляетъ душу всѣхъ воинскихъ предпріятій. Одна вѣсть о приготовленіи къ этой гигантской войнѣ электрически поразила всѣ умы, и къ ней приступили недовѣрчиво. Событія, сопутствовавшія Наполеону на движеніи его къ Смоленску, ему благопріятствовали. Твердость характера нашего Вѣнценосца, искуство и опытность Полководцевъ и упорство Русскихъ, вездѣ, гдѣ они вступали въ борьбу съ непобѣдимыми легіонами, показало этѣмъ послѣднимъ, что они, въ продолженіе двадцатилѣтнихъ своихъ завоеваній, не па-

---

[103] Должно полагать, что истины, высказывавшіяся Барономъ Фьеве отголоскомъ общаго мнѣнія, не понравились Наполеону, ибо вскорѣ за симъ онъ просилъ Императора уволить его отъ этой корреспонденціи.

ходили еще противниковъ, встрѣчавшихъ ихъ столь мужественно. Бородинская битва, въ которой увѣряли ихъ, что они одержали побѣду, не удовлетворяла самолюбія Французовъ: они видѣли яснѣе то, что было въ дѣйствительности.[104] Оставленіе Москвы и пожаръ ея отняли всѣ надежды тѣхъ, которые могли видѣть будущее лучше другихъ. Отступленіе, признанное самими Французами бѣгствомъ, заставило самолюбіе ихъ приписать всѣ претерпѣнныя ими бѣдствія морозу и голоду, которые развили въ рядахъ ихъ деморализацію, и тѣмъ лишили ихъ возможности дальнѣйшихъ побѣдъ, хотя, впрочемъ, по ихъ словамъ, они и въ томъ положеніи, въ которомъ находились, били насъ вездѣ. Они забыли, что бѣгство ихъ началось тогда, какъ, по выраженію самихъ повѣствователей, мѣшки ихъ были полны и за двѣнадцать дней до начатія временной зимы (продолжавшейся пять дней, а по инымъ только три дня), и армія, по ихъ же засвѣдѣтельствованію, вступила въ этотъ періодъ уже совершенно разстроенной, изъ періода прекрасной погоды, по которой они совершили триста верстъ. Малоярославецъ былъ крайнимъ рубежемъ движенія ихъ арміи впередъ. Не успѣвъ въ предпріятіи своемъ, армія Наполеона, снабженная достаточнымъ продовольствіемъ, чтобы достигнуть Смоленска, и за двѣнадцать дней до наступленія временной зимы, разстроилась и обратилась въ бѣгство, приписавъ, въ послѣдствіи, всю гибель свою морозу и недостатку въ продовольствіи. Но голодъ этотъ происходилъ не отъ недостатка продовольствія, которое бросалось ими на каждомъ переходѣ: нѣкоторыя части, какъ видно было выше, сохраняли скотъ до Дорогобужа, гдѣ началась помянутая зима, заставшая армію уже въ полномъ разстройствѣ и бѣгствѣ.

Истинною причиной деморализаціи Французской арміи было то, что она, въ продолженіе всей войны, видѣла Русскихъ, а не Нѣмцевъ, или Италіянцевъ, съ которыми она такъ легко справля-

---

[104] Капфигъ (t. IX, p. 307) говоритъ: «Когда полученъ былъ бюллетень о Бородинской битвѣ, всѣ очень хорошо поняли, что дана была большая битва, день «до крайности упорный. Но какой ужасный итогъ! Напрасно раздавался громъ «пушекъ съ Ивалиднаго Дома, чтобы торжествовать этотъ успѣхъ Императора: «народъ, съ обычнымъ инстинктомъ, усмотрѣлъ страшныя потери.»

лась; упорныя битвы, возрастающее мужество, магическое для нея слово: «Казакъ!» энергія народа до вступленія еще ея въ Москву, разрушили въ ней порядокъ, потрясли дисциплину и развили деморализацію, которая не ограничивалась одною массой солдатъ. Изъ приведенныхъ нами выписокъ видна вся истина, которая не могла быть затемнѣна изобиліемъ фразъ, коими Французскіе писатели испещряютъ собственныя свои засвѣдѣтельствованія. Никто не будетъ оспаривать храбрости у Французскихъ войскъ, когда благопріятныя событія ихъ сопровождаютъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, за чѣмъ же отнимать у Русскихъ доблести, которыя они одинаково и въ томъ и въ другомъ случаѣ проявляли въ 1812 году, какъ и всегда?

АЗБУЧНЫЙ СПИСОКЪ

СОЧИНИТЕЛЯМЪ И СОЧИНЕНІЯМЪ, СЛУЖИВШИМЪ МАТЕРІЯЛОМЪ ЭТОЙ КНИГИ.

Barault-Roullon (de Loiret). Origine, progrés et état actuel de la puissance Russe etc. Paris. 1854, in 8.

Bausset. Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques évènemens de l'Empire depuis 1805 jusqu'au 1 Mai 1814. Pour servir à l'Histoire de Napoleon, par L. F. J. de Bausset, ancien Préfet du palais Impérial, avec 25 facsimili. Bruxelles. 1827, in 12, 5 vol.

Beauchamp. Critique historique avec des observations sur l'ouvrage du Général Comte de Segur, intitulée: Histoire de Napoleon et de la grande armée pendant l'année 1812, accompagnée d'éclaircissements et de notes, par Alphonce de Beauchamp etc. Paris. 1825, in 8.

Beautés, victoires et combats mémorables des armées françaises, depuis 1792 jusqu'en 1815. Par M-r. L***. Paris. 1819, in 12, 2 vol.

Beitzke. Geschichte des Russischen Krieg im Jahr 1812, von Heinrich Beitzke, Major a. D., mit einer Uebersichtskarte und zwei Planen. Berlin. 1856, in 8.

Bernhardi. Voyez: Toll.

Berthezene. Souvenir militaires de la Republique et de l'Empire, par le Baron Berthezene, Lieut.-Général, Pair de France, grand croix de la Légion d'honneur etc. Publié par son fils et dedié à S. M. l'Empereur Napoleon III. Paris. 1855, in 8, 2 vol.

Bignon. Histoire de France, depuis le commencement de la guerre de Russie jusqu'à la deuxième Restauration etc. Bruxelles. 1846 gros in 8.

Bismark. Die Kriege von 1792 bis 1815 in Europa und Aegypten etc. Karlsruhe und Freiburg. 1841, in 4.

Idem. Extrait des mémoires de M-r. le Lieutenant-Général C-te de Bismark, Ministre du Roi de Würtemberg près les cours de Prusse, de Saxe, de Hanovre et de Bade (dans le Spect. milit. 1847, t. XLI).

Bomsdorff. Mittheilungen aus dem Russischen Feldzuge, von einem Officier des Generalstabes, v. Röder v. Bomsdorff, Königl.-Preussische Major und brigade-Adiutanten. Mit eine Schlachtplane. Leipzig. 1818, in, 12, 2 vol.

Bourgeois (René). Tableau de la campagne de Moscou en 1812. Témoin occulaire. Paris. 1814, in 12.

Bourienne. Записки Бурьена. Перевелъ съ Французскаго де Шаплетъ. С.-Петербургъ. 1838, въ 8, 10 т.

Breton de la Martinière. Voycz: Campagnes de Napoleon en 1812 etc.

Brettschneider. Четырехлѣтняя война Союзныхъ Державъ противъ Наполеона Бонапарте. Пер. съ Нѣм. А. Бартоломей. С.-Петербургъ. 1820, въ 8, 4 т.

Buch (das) vom Jahre 1812 oder Napoleon in Rußland. Dargestellt von einem Augenzeugen. Leipzig. 1844, in 8.

Bulletins officiels de la grande armée etc. Paris. 1824, in 8.

Burginet (A. de) Chronique Impériale. Bruxelles. 1833, in 12.

Burkersroda. Die Sachsen in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des Russischen Feldzugs im Jahre 1812, etc. Aus dem Nachlasse des Königl-Preus. Major v. Burkersroda, etc. etc., Adjutanten des General Freiherrn von Thielmann. Hamburg. 1846, in 8.

Campagnes de Buonaparte en 1812, 1813 et 1814, jusqu'à son abdication, d'après les Bulletin officiels des alliées et des Français. Trad. de l'Allemand et augmenté d'un grand nombre de pièces et document, tirés des mémoires de ses derniers temps. Par M-r. Breton de la Martinière etc. Paris. 1814, in 8.

Capefigue. L'Europe pendant le Consulat et l'Empire de Napoleon. Paris. 1840, in 8, 12 v.

Idem. Ed. de Bruxelles. 1841, in 16, 24 v.

Casse (Du). Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1812 en Russie, suivie des lettres de Napoleon au Roi de Westphalie, pendant la campagne de 1813. Par Albert du Casse, Capitaine d'État-Major. Paris. 1852, in 8.

Castelverd. Mémorial militaire des Français, par E. de Castelverd, Capitaine de cavalerie, chev. de la Légion d'honneur. Paris. 1846, gros in 8.

Celner. Geschichte des Feldzugs in Russland im Jahre 1812. Nach grösseren Werken im Auszug bearbeitet von L. Celner. Reutlingen. 1839, in 12.

Chambray. Histoire de l'expédition de Russie, par le Marquis de Chambray, Colonel d'artillerie. Deuxième édit. Paris. 1825, in 8, 2 v.

Idem. Philosophie de la guerre, par M-r. le Marq. de Chambray, Maréchal de camp. d'artil., membre-correspondent de l'Academie Royale der sciences et belles lettres de Prusse etc. 3-me édit. Paris. 1839, in 8.

Chapuis. La bataille de la Moscowa, par le Colonel Chapuis (Bibliot. hist. et militair. 1853, t. VII).

Chrzanowsky. Quelques considerations sur la campagne de 1812. Par le Lieut.-Général Chrzanowsky. Paris. 1857, in 8.

Clausewitz (General. Carl von). Der Feldzug von 1812 in Russland etc. Berlin. 1835, in 8.

Idem. De la guerre, par le Général Charles de Clausewitz, publication posthume. Trad. de l'Allemand, par le Major d'artillerie Nuens. Paris. 1851, in 8, 3 v.

Combe. Mémoires du Colonel Combe, sur la campagne de Russie 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815. Paris. 1853, in 8.

Constant. Mémoires de Constant, premier valet de chambre de l'Empereur, sur la vie privée de Napoleon, sa famille et sa cour. Paris. 1830, in 8, 6 v.

Correspondance inedite officielle et confidentielle de Napoleon-Bonaparte avec les cours étrangers, les Princes, les Ministres et les Généraux Français et étrangers etc. Paris. 1820, in 8, 7 v.

Crossard. Mémoires militaires et historiques, pour servir à l'histoire de la guerre depuis 1792 jusqu'en 1815 inclusivement, par M-r le Baron de Crossard, Maréchal de camp. etc. Paris. 1829, in 8, 6 v.

Denkwurdigkeiten fur die Kriegskunst und Kriegsgeschichten, von einigen Officieren des Königl.-Preussischen Generalstab. Berlin. 1818, in 8.

Denniée. Itinéraire de l'Empereur Napoleon pendant la campagne de 1812, par le Baron Denniée, ancien Inspecteur aux revue de la grande armée et Intendant en chef de l'expédition d'Afrique. Paris. 1842, in 12.

Details abrégés sur la campagne de Moscou en 1812. En reponse à toutes les brochures, qui ont paru sous ce titre, jusqu' à ce jour; par un Français, Secrétaire particulier de l'État-Major d'une des Divisions de l'armée de Russie. Paris. 1814, in 12.

Duchateau. Considerations sur le mouvemens strategiques des armées Françaises dans quelques unes des campagnes de Napoleon-Bonaparte, et particulièrement dans ses quatre dernières etc. etc, Par L. C. Duchateau, Lieut.-Colon. d'État-Major. etc. Paris. 1822, in 8.

Dumas. Souvenirs du Lieutenant-Général, Comte Mathieux Dumas de 1770 à 1836. Publiée par son fils. Paris. 1849, in 8, 3 v.

Durdent. Campagne de Moscou en 1812, ouvrage composé d'apres la collection des pièces officielles sur cette campagne mémorable, où plus de trois cent mille braves Français furent victimes de l'ambition et de l'aveuglement de leurs chef; par R. J. Durdent. Sixième édit., revue, corrigé et de beaucoup augmenté. Paris. 1814, in 8.

Empire (L') ou dix ans sous Napoleon. Souvenirs d'un ancien Chambelan. 2 édit. Paris. 1837, in 8, 4 vol.

Esneaux. Analyse de l'histoire de Napoleon et de la grande armée, pendant l'année 1812, par M-r le Général Comte de Segur (Journal des sciences milit. etc. 1826. t. V, p. 189).

Eugèn (Herzog von Würtemberg). Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland. Als Commentar zu meehreren vorausgegangenen, diesen Gegenstand betreffenden, Schriften, mit 5 erläuternden Planen. Breslau. 1846, in 8.

Eugène (Vice-Roi d'Italie). Mémoires et correspondance politique et militaire, publiées, annotés et mis en ordre par A. du Casse, auteur de mémoires du Roi Joseph. Paris. 1860, in 8, 10 vol.

Fain. Manuscrit de mil-huit-cent-douze. Contenant le précis des évènemens de cette année pour arriver à l'histoire de l'Empereur Napoleon. Par le Baron Fain, son Secrétaire-archiviste à cette Epoque. Paris. 1827, in 8, 2 vol.

Faure. Souvenir du Nord ou la guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage, par M. B. Faure, Docteur en medicin du 1-r corps de cavalerie pendant la campagne de 1812. Paris. 1821, in 8.

Feldzuge (die) der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813; aus dem bewährsteten Quellen gezogen und dargestellt von einem Stabsofficiere des Kö-

nigl.-Sächsischen Generalstabes. Mit 4 Charten und Planen. Dresden. 1821, gros in 8.

Fesensac. Journal de la campagne de Russie, par M-r de Fesensac, Lieútenant-Général. Tour. 1849, in 8.

— Souvenirs militaires de 1804 à 1814, par le Duc de Fesensac, Général de Division. Paris. 1863, in 8, 3 v.

Fievé. Correspondance et relations de J. Fievé avec Bonaparte, premier Consul et Empereur, pendant onze années (1802—1813). Publiées par l'auteur. Paris. 1836, in 8, 3 v.

Fragment sur la campagne de Russie. Paris. 1814, in 8.

Fusil. L'incendie de Moscou, passage de la Beresina et retraite de Napoleon jusqu' à Wilna, par M-me Fusil, témoin occulaire. 3-me édit. Paris. 1818, in 8.

Gallois. Histoire de Napoleon, deuxième édit., revue, augmenté et orné de deux portraits. Paris. 1825, in 8.

Idem. Histoire de Joachim Murat, par M-r. Leonard Gallois, auteur de l'histoire de Napoleon, de l'inquisition d'Espagne, etc. Paris. 1828, in 8.

Giquet. Histoire militaire de la France. Par P. Giquet etc. 1849, in 8, 2 v.

Gourgaud. Napoleon et la grand armée en Russie ou examen critique de l'ouvrage de M-r. le C-te de Segur. Par M-r le Général Gourgaud, ancien premier Officier d'ordonance et aide de camp de l'Empereur Napoleon. Bruxelles. 1825, in 8.

Histoire de Napoleon Buonaparte, depuis sa naissance, en 1769, jusqu'à sa translation à l'ile de Sainte-Hélène, en 1815. Par une societé de gens des lettres. Paris. 1818, in 8, 4 v.

Hoffmann. Tagebuch des 2-ten Russischen corps in den Feldzugen von 1812, 1813, 1814. Herausgegeben von Hoffmann, Königl.-Preuss. General-Major, vormals Oberster in Kaiserl.-Russischen Diensten, Oberquartiermeister des 2-e corps 1813 und 1814. Münster. 1830, in 12.

Idem. Die Schlacht von Borodino, mit einer Uebersicht des Feldzugs von 1812. Von dem General von Hoffmann. Koblenz. 1846, in 8.

Hugo. Histoire de l'Empereur Napoleon, par A. Hugo, ornée de 31 vignettes, dessinées par Charlet, gravées par Brown. Paris. 1836, 1837, in 8.

Jomini. Vie politique et militaire de Napoleon, raconté par lui même au tribunal de Cesar, d'Alexandre et de Frederic, par le Baron Jomini etc. Bruxelles. 1842, grand in 8, 2 v. Atlas etc.

Ker-Porter. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812, contenant des details, puisées dans des sources officielles, ou provenant de recits Français, interceptés et inconnus jusqu'à ce jour; par Sir Robert Ker-Porter etc. Trad. de l'angl. sur la sixième édit. Par. M******, avec des nottes explicatives et critiques, tirées des differens ouvrages, qui ont parue en France sur cette campagne célèbre. Paris, gros in 8.

Kosegarten (D-r. Bernard Georg). Darstellung des Französisch-Russischen Vernichtungskrieges im Jahre 1812 etc. S-t. Petersburg. 1814, gros in 8.

Kotzebue. Der Russische Kriegsgefangen unter der Franzosen, von Moritz v. Kotzebue, Russisch-Kaiserl. Lietenant in Generalstabe, etc. Herausgegeben von dessen Vater A. V. Kotzebue. Leipzig. 1815, in 12.

Krieg (Der) Franzosen und ihrer alliirten gegen Russland 1812 und 1813, von R. Zweite, ganz umgearbeitete und sehr vermehrte Auflage. Leipzig. 1814, in 8.

Kurze Darstellung der Märsche, Bewegungen, Schlachten und Hauptgefechte der Französischen und Russischen Heere vom Ausbruch der Kriege den 22 Juni 1812 an bis zum 10 Marz 1813. Zur Erklerung der neuen Karte des Kriegs-Schauplatzes. Nürnberg. 1813, in 12.

Labaum. Relation complète de la campagne de Russie en 1812. Par Eugène Labaum, chef de bataillon au corps royal d'État-Major, chevalier de la Légion d'honneur etc. Sixième édit., corrigée et augmentée des operations de chaque corps d'armée. Paris. 1820, gros in 8.

Idem. Histoire de la chute de l'Empire de Napoleon, ornée de huit plans ou cartes, pour servir aux recit des principal batailles, livrées en 1813 et 1814. Par Eugène Labaum, etc. Paris. 1820, in 8, 2 v.

Larrey. Mémoires de chirurgie militaire en campagne etc. Paris, in 8, 4 vol.

Las-Cases. Mémorial de S-te. Hélène ou journal, on se trouve consigné, jour par jour ce, qu'a dit et fait Napoleon pendant dix-huit mois. Par le Comte de Las-Cases. Paris. 1823, in 8, 2 v.

Lavallée. Histoire des Français depuis le temps des Gaulois jusqu'en 1830. Par M-r. Théophile Lavallée. Paris. 1840, gros in 8, 4 v.

Lessing. Marsche, Kriegs-Ereignisse, etc. Königl.-Sächs. Dragoner-Officiers bei der Französischen Armee auf dem Zuge nach Moskau im Jahre 1812. Von W. L. Lessing, Königl.-Sächsischen Lieutenant ausser Dienst. Budissin. 1828, in 8.

Lemazurier. Medicinische Geschichte des Russischen Feldzuges von 1812. Von M. J. Lemazurier, etc. Jena. 1823, in 8.

Liebenstein. Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812 und 1813. Dargestellt von L. A. F. von Liebenstein, Grossherzogl.-Badischen Oberamtmann zu Lahr. Frankfurt am Main. 1819, in 8, 2 v.

Lossberg. Briefe in der Heimath, geschrieben während des Feldzuges 1812 in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte dieses Feldzuges vom General-Lieutenant von Lossberg. Cassel. 1844, grand in 8.

Marmont. Mémoires du Marechal Marmont, duc de Raguse, de 1792 à 1842, imprimées sur le manuscrit original de l'auteur, etc. Paris. 1857, in 8, 8 v.

Maximes de guerre de Napoleon. 3-me édit., augmentée et suivi d'une table. Paris. 1846, in 16.

Meerheim. Erlebnisse eines Veteranen der grossen Armee während des Feldzuges in Russland 1812. Herausgegeben von dessen Sohne Richard von Meerheim, Hauptmann der Königl.-Sachs. Brigadekronprinz. Dresden. 1860, in 8.

Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812, avec un atlas militaire, par un Officier de l'État-Major de l'armée Française. Paris. 1817, in 4, 2 v.

Mémoires pour servir à l'histoire de France sous le règne de Napoleon, écrits à S-te Hélène, sous sa dictée par les Généraux, qui ont partagé sa captivité. Deuxième édit., disposée dans un nouvel ordre et augmentée des chapitres inedits etc. Paris. 1830, in 8.

Meneval. Napoleon et Marie-Louise, souvenirs historiques de M-r le Baron Meneval, ancien Secrétaire de Napoleon, etc. Paris. 1843, in 8, 2 v.

Merkwürdige Sage meines Lebens. Feldzug und Kriegs-Gefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines Deutschen Officiers, mit 18 Kupfern. Stuttgart. 1817, in 12.

Michaud. Vie politique et privé de Napoleon Bonaparte. Par L. G. Michaud, ancien Capitaine d'État-Major, principal redacteur de la biographie universelle. Paris. 1844, in 8.

Militärische Briefe eines Verstorbenen an seine noch lebenden Freunde. Zur unterhaltenden Belehrung für Eingeweihte und Laien im Kriegswesen. Herausgegeben von Pz. Neueste Ausgabe. Stuttgart und Tübingen. 1854, grand in 8, 2 v.

Miller. Darstellung der Feldzugs des Französischen verbündeten Armee gegen die Russen im Jahr 1812. Mit besonderer Rücksicht auf die Theilnahme der Königlich-Würtembergischen Truppen, mit Benutzung aller verhandenen und mehrerer bis jetzt unbekannt gebliebenen Quellen, von Moriz von Miller, Major in Königl-Würtemberg. Generalsquartiermeister-Staab. etc. Stuttgart und Tübingen. 1822, in 4, 2 vol.

Montigni. Souvenir d'un Officier de la grande armée, par M. L. Montigni. Paris. 1833, in 8.

Montolon. Mémoires pour servir a l'histoire de France sous Napoleon. écrits à Sainte-Hélène par les Généraux, qui ont partage sa captivité, et publiées sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoleon, écrits par le Général Comte de Montholon. Paris. 1823, in 8, 6 vol.

Mortonval. Histoire de la guerre de Russie en 1812. Ornée de portraits, plans et cartes. Paris. 1823, in 8, 6 v.

Moscou avant et aprés l'incendie ou notice, contenant la destruction de cette capitale etc. Par deux témoins occulaires. 2-me édit. considerablement augmenté. Paris. 1818, in 8.

Napoleon. Voyez: Mémoires, écrits sous sa dictée, etc.

Norvins. Histoire de Napoleon. Septième édit. Paris. 1837, in 8, 4 vol.

O'Meara, Napoleon en exil, ou l'écho de S-te. Hélène etc. Recueillis par Barry E. O'Meara, son dernier chirurgien. Brüxelles. 1824, in 8, 3 vol.

Oeuvres de Napoleon Bonaparte. Paris. 1822, gros in 8.

Pelet. Bataille de Moscowa. Extrait des mémoires inedits du Général Pelet, sur la guerre de Russie en 1812 (Spectateur militaire. 1829, t. VIII).

Pradt. Histoire de l'ambassade dans le grand-duche de Varsovie en 1812. Par M. Pradt. archevêque de Malines, alors ambassadeur à Varsovie. Septième édit., revue et corrigé. Paris. 1816, in 8.

Puibusque. Lettres sur la guerre de Russie en 1812 etc. Par L. Vet-de Puibusque etc. 2-me édit., augmentée et corrigé. Paris. 1817, in 8.

Rapp. Mémoires du Général Rapp, aidé de camp de Napoleon; écrits par lui même et publiées par sa famille. Édition original. Paris. 1823, in 8.

Röder. Der Kriegzug Napoleons gegen Russland im Jahr 1812. Nach Quellen und seinen eignen Tagebüchern, dargestellt nach der Zeitfolge der Begebenheiten. Von Franz Röder, Grossherzoglich-Hessischem Obersten des Generalstabs. Nach der Verfasser Tode herausgegeben von dessen Sohn Karl Röder, Professor des Rechts zu Heidelberg, etc. Leipzig. 1848, gr. in 8.

Rogniat. Considerations sur l'art de la guerre, par le Baron Rogniat Lieut.-Général. 3-me éd., revue par l'auteur. Paris. 1820, in 8.

Idem. Reponse aux notes critiques de Napoleon, sur l'ouvrage intitulé: «Consideration sur l'art de la guerre» (par le Général Rogniat). Paris. 1823. in 8.

Roos. Ein Jahr aus meinen Leben oder Reise von den westlichen Ufern der Donau an die Nara, von Moskwa und zurück an die Beresina mit der grossen armée Napoleons im Jahre 1812 etc. S-t.-Petersburg 1832, gros in 8.

Rovigo. Mémoires du Duc de Rovigo (Savary), pour servir à l'histoire de l'Empereur Napoleon. 2-me éd. Paris. 1829, in 8, 10 vol.

Rückzug der Franzosen. St.-Petersburg. 1813, in 16.

Saint-Cyr. Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Par le Maréchal Gouvion-Saint-Cyr. Paris. 1831, in 8, 3 v.

Saint-Hilaire. Histoire de la campagne de Russie, pendant l'année 1812, et de la captivité des prisoniers français en Siberie et dans les autres provinces de l'Empire; precedé d'un resumé de l'histoire de Russie. Par Emile-Marco de Saint-Hilaire. Dessins de R. de Moraine. Paris, grand in 8, 2 v.

Idem. Histoire populaire, anecdotique et pittoresque de Napoleon et de sa grande armée. Par E. M. de Saint-Hilaire. Bruxelles. 1843, in 12, 3 v.

Sarrasin. Histoire de la guerre de Russie et d'Allemagne, depuis le passage de Niemen, juin 1812, jusqu'au passage du Rhin, novembre 1813. Par M-r. Sarrasin, Maréchal de camp des armées du Roi et l'un des Commandants de la Légion d'honneur, etc. Paris. 1815, in 8.

Savary. Voyez: Rovigo.

Schlippenbach. Beiträge zur Geschichte des Krieges zwischen Russland und Frankreich in den Jahren 1812 und 1813. Von Ulrich Baron von Schlippenbach etc. Mitau. 1813, in 12.

Schneidawind. Die Feldzuge in den Jahren 1812, 1813, 1814 und 1815 unter Napoleons persönlicher Anführung etc. etc. Der Russische Feldzug. Hamburg. 1826, in 12, 2 Heft.

Schnitzler. La Russie en 1812. Rostoptchin et Koutousoff. Tableau de moeurs et essai de critique historique. Par M. J. H. Schitzler. Nouvelle édit. Paris. 1863, gros in 8.

Schreckenstein. Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa (von den Russen: Schlacht bei Borodino genannt) am 7 September 1812. Nebst einigen ausfürlicheren Nachrichten über den Leistungen des 4-te Kavalerie Corps unter der Anführung des General Latour-Mauburg. Vom General-Leutenant Freiherrn Röth von Schreckenstein. Münster. 1855, in 8.

Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée, pendant l'année 1812. Par M-r. le Général Comte de Segur. 8-me édit. Paris 1826, in 8, 2 v.

Skizzen zur einer Geschichte des Russisch-Französischen Krieges im Jahr 1812. Leipzig. 1814, in 12.

Smitt (Friedrich von). Zur wahren Aufklärung über den Krieg von 1812. Nach archivarischen Quellen. Mit eines lithographierten Karte. Leipzig und Heidelberg. 1860, in 12.

Soltyk. Napoleon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie; par le Comte Roman Soltyk, exrégimentaire Général de Brigade d'Artillerie Polonaise, Officier superieur à l'État-Major de Napoleon. Paris. 1836, in 8.

Souvenirs de la vie de Napoleon etc. Par un ancien Secrétaire un palais Impérial etc. Paris. 1840, in 12, 2 v.

Souvenirs de Pologne et scènes militaires de la campagne de 1812. Par A. de S***, ancien Officier de cuirassier. Paris. 1833, in 8.

Surrugue. Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville au père Bouvet de la compagnie de Jesus, par l'ábbé Surrugue, témoin occulaire et curé de l'église de Saint-Louis à Moscou. Paris. 1823, in 12.

Tableau des guerres de la révolution de 1792 à 1815. Par P. G., ancien élève de l'école politechnique etc. Paris. 1820, in 8, 6 v.

Thibaudeau. Napoleon Bonaparte, dargestellt in einer umfassenden Geschichte seines offentlichen und privat Lebens, seiner politischen und militarischen Laufbahn, seiner Regierung und seiner Administration. Vom Staatsrath Thibaudeau. Stuttgart und Tübingen. 1828, in 8, 10 v.

Thier. Histoire du Consulat et de l'Empire; faisant suite a l'histoire de la republique Française. Par M. A. Thier. Paris. 1856 (in. 8, v. XIV).

Thiessé. Manuel des braves ou victoires des armées Françaises etc. Dédié aux membres de la Légion d'honneur, par M-rs Leon Thiessé, Eugène B***. et plusieurs militaires etc. etc. Paris. 1817, in 12, 4 vol.

Tissot. Précis ou histoire abregée des guerres de la Révolution Française, depuis 1792 jusqu'à 1815. Par une société de militaires, sous la direction de M. Tissot, professeur de poésie Latine au Collége de France. etc. Paris. 1821, in 8, 2 v.

Toll. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Kaiserl.Russ.-Generals von der Infanterie Carl-Friedrich Grafen von Toll. Von Teodor von Bernhardi. Leipzig. in 8, 4 v.

Trophées des armées Françaises, depuis 1792 jusqu'en 1815. Paris. 1820, in 8, 6 v.

Uebersicht der Russischen Kriegs-Operationen und tabellarische Verzeichniss des Verlustes der Französischen combinirten armée, von den 19 Jüni bis den 31 December im Jahre 1812. S-t.-Petersburg. 1813, in 12.

Unger. Histoire critique des exploits et des vicissitudes de la cavalerie pendant les guerres de la Révolution et de l'Empire, par Unger. Expédition de Russie. Livre V (Journal des sciences militaires. 1849, № 28).

Vaudoncourt. Histoire politique et militaire du Prince Eugène Napoleon, Vice-Roi d'Italie, par le Général de Vaudoncourt, auteur de l'histoire des campagnes de 1812 en Russie, de 1813 en Allemagne, de 1813 et 1814 en Italie, et de 1814 et 1815 en France etc., Membre de l'Académie royale des sciences militaires de Suède et de plusieurs autres sociétés savantes. Paris. 1828, in 8, 2 v.

Venturini. Russland und Deutschlands Befreiungskriege von der Franzosen Herrschaft unter Napoleon Buonaparte in den Jahren 1812—1815. Von D. Carl Venturini. Leipzig und Altenburg. 1816, gros in 8, 4 v.

Versuch einer Darstellung der Verbrennung und Plünderung Moskwas durch die Franzosen im September 1812. Von einem Augenzeugen; mit Kupfern und einem kleinem Plane. S-t. Petersburg. 1813, in 8.

Victoires, conquètes, désastrés, revers et guerres civiles des Français de 1792 à 1815. Par une société des militaires et des gens des lettres. Paris. 1820, in 8, 8 v.

Vie du Maréchal Ney, Duc d'Elchingen, Prince de la Moskowa, comprenant le récit de toutes ses campagnes en Suissés, en Autriche, en Prusse, en Espagne, en Portugal, en Russie etc., sa vie privée, l'histoire de son procès et un grande nombre d'anecdotes inédites; suiv. de pièces justificatives. Paris. 1816, in 8.

Voldendorff. Observations sur l'ouvrage de M-r. le Comte Ph. de Segur, intitulé: Histoire de Napoleon et de la grand armée pendant l'année 1812. Par M-r. le Baron de Voldendorff, Major à l'État-Maior, Général de S. M. le Roi de Bavière. München. 1826, in 8.

Voldendorff und Warradein. Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilien — Joseph etc. Von ed. Freyherr Voldendorff und Warradein etc. München. 1826, gros in 8, 3 v.

Walter Scott. Vie de Napoleon Buonaparte, l'Empereur des Français, précedé d'un tableau préliminaire de la Révolution Française. Par Sir Walter Scott. Paris. 1827, gros in 8, 10 v.

Warradein. Voyez: Voldendorff.

Widemann. Les Oceanocrates et leurs partisans ou la guerre avec la Russie en 1812. Par M-r. Widemann (de Vienne en Autriche). Paris. 1812, in 12.

Wilson. Tableau de la puissance militaire et politique de la Russie en 1817. Par Sir Robert Wilson. Trad. de l'Anglais, sur la 2-me édit. Augmenté de plusieurs pièces importantes etc. Paris. 1817, in 8.

Idem. Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and the retreat of the French army 1812. By General Sir Robert Wilson K. M. T. etc. British commissioner of the Headquarters of the Russian army. London. 1860, gr. in 8.

Wolzogen. Memoiren des Königlich-Preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherrn von Wolzogen. Aus dessen Nachlass unter Beifügung officieller militäricher Denkschriften mitgetheilt von Alfred Freiherrn von Wolzogen. Leipzig. 1851, gros in 8.

Астафьевъ. О современномъ военномъ искуствѣ. Полк. Генер. Штаба Астафьева. Спб. 1857—1861, въ 8-ку, 2 ч.

Ахшарумовъ (Дмитрій). Описаніе войны 1812 года. Спб. 1819 въ 8 ку.

Богдановичъ (Г.-М.). Исторія Отечественной войны 1812 года. По Высочайшему повелѣнію. Спб. 1860, въ 8-ку, 3 т.

Бутурлинъ. Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812 году. Переводъ съ Франц. Г.-М. Хатова. Спб. въ 8-ку, 2 т.

Военный энциклопедическій Лексиконъ. Изданіе второе. 1852—1854, въ 8-ку.

Глинка (Ѳ. Н.). Очерки Бородинскаго сраженія (Воспоминанія о 1812 годѣ). Москва. 1839, въ 8-ку, 2 т.

Глинка (В.). Малоярославецъ въ 1812 году, гдѣ рѣшилась судьба большой арміи Наполеона. Спб. 1842, въ 8-ку.

Гречъ (Н. И.). Сѣверн. Пчела, 1857 года.

Давыдовъ. Соч. Д. В. Давыдова. Спб. 1848, въ 8-ку.

Карцовъ (Г.-М.). Тактика. 3-е изд., исправленное. Спб. 1859, въ 8-ку, 2 т.

Липранди (И. П.). Нѣкоторыя замѣчанія о военной наукѣ. 1834 г., напечатанныя въ Моск. Наблюд., перепечатанныя въ Русс. Инвалидѣ, съ оттисками.

Его же. Нѣкоторыя замѣчанія по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ подъ заглавіемъ: «Малая Война». Спб. 1851, въ 8 ку.

Его же. Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году, удостоенныя посвященія Государю Императору. Спб. 1855, въ 8-ку.

Его же. Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ, вышедшихъ въ 1856 и 1857 годахъ въ Парижѣ. Сѣв. Пчела. 1858, №№: 151, 152, 154 и 155, съ оттисками.

Его же. Возраженіе на статью Г.-М. Богдановича, помѣщенную въ 1-мъ нумерѣ Воен. Сборника 1858 г., подъ заглавіемъ: «Слѣдуетъ ли называть «укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи, батареей Раевскаго?» Сѣв. Пч. 1858. Май. Съ оттисками.

Его же. Возраженіе (отповѣдь) на статью, помѣщенную въ 64 № Русск. Инв., 21 Марта, 1858. Сѣв. Пч. 1858, № 80. Съ оттисками.

Его же. Краткое обозрѣніе эпизода Отеч. Войны (изъ соч. Михайловскаго-Данилевскаго), съ прибытія Князя Смоленскаго къ арміи 17 Августа до оставленія Москвы 2 Сентября. Сѣв. Пч. 1855. Съ оттисками.

Его же. Разборъ статьи, помѣщенной въ Русск. Инв. въ 1858 году, подъ заглавіемъ: «Третья Война Императора Александра съ Наполеономъ, 1812 года. И. Бутовскаго.» Сѣверная Пчела. 1859, №№ 14 и 20. Съ оттисками.

Его же. Матеріялы для исторіи Отечественной войны 1812 года: «Бородинское сраженіе: Заключеніе съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію этой войны. Соч. Г.-М. Богдановича.» Спб. 1861, въ 8-ку.

Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны 1812 года. По Высочайшему повелѣнію. Спб. 2-е изданіе. 1840, въ 8-ку, 4 т.

Нѣловъ. Опытъ описанія Бородинскаго сраженія. Москва. 1839, въ 12.

Полевой (П. А.). Повѣсть о великой битвѣ Бородинской, бывшей 29 Августа, 1812 года. Спб. 1844, въ 4-ку.

Пораженіе Французовъ на Сѣверѣ и пр. Москва. 1814, въ 8-ку.

С.... (А.). Анекдоты Наполеона, съ очеркомъ его жизни, коронаціи, погребенія, духовнаго завѣщанія и пр. Москва. 1847, 3-е изд., въ 8-ку.

И многія, на разныхъ языкахъ, другія брошюры и отдѣльныя статьи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

МАТЕРІЯЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ СИБИРИ.

СОСТОЯНІЕ УКРѢПЛЕНІЙ И ВОЙСКЪ.

Вѣдомость Сибирскаго гарнизоннаго драгунскаго полка о Полковникѣ Яковѣ Павлуцкомъ, коя сочинена сего 748 года, Декабря 25 дня.

1) Служитъ Ея Императорскому Величеству съ прошлаго 715 г., а опредѣленъ изъ Дворянъ въ Капитаны въ Сибирскій гарнизонный драгунскій полкъ, въ которомъ и понынѣ служитъ, и бывалъ во многихъ партіяхъ и на брахъ противъ непріятелей, тогда оказуемыхъ Киргизъ-Кайсаковъ и воровъ Башкирцевъ, а особливо въ 720 году, съ бывшимъ Полковникомъ Парѳентьевымъ ходили въ партію на Киргизъ-Кайсацкіе улусы, и во оныхъ тѣхъ Кайсаковъ побили и въ полонъ взяли немалое число, при чемъ и лучшаго ихъ Паханъ-Шамаменя Мурзы улусы разбили, и сына его, Самъ-Мурзу, въ полонъ взяли. И отъ того полку съ порученными ему командами и въ другихъ многихъ командированіяхъ со онаго 715 г. бывалъ.

2) Въ прошломъ 728 г., въ Іюнѣ мѣсяцѣ, былъ въ лѣтней партіи за непріятели Киргизъ-Кайсаками, а въ 759 г. въ Мартѣ и Апрѣлѣ былъ въ зимнемъ походѣ съ Полковникомъ Арсеньевымъ на Киргизскіе кочевные улусы. И въ обѣихъ тѣхъ партіяхъ побили и въ полонъ взяли оныхъ Кайсаковъ немалое число. Въ 732 произведенъ въ Секундъ-Маіоры, въ 733 въ Премьеръ-Маіоры, а въ 735 опредѣленъ у смотрѣнія надъ подушнымъ сборомъ по вѣчнымъ квартирамъ, гдѣ былъ болѣе двухъ лѣтъ и ѣздилъ на своемъ коштѣ чрезъ дальнее разстояніе по тѣмъ вѣчнымъ квартирамъ въ Тобольской и Исетской

провинціяхъ. И по силѣ данной отъ Военной Коллегіи инструкціи и указовъ, во установленіи на полковыхъ дворѣхъ добраго анштальту и въ сборѣ подушныхъ денегъ и во взысканіи немалой доимки (которой болѣе 20,000 рубл.) взыскалъ, также и вновь взыскалъ на полковыхъ дворѣхъ съ прописныхъ душъ 7000 р., и во всемъ томъ порученномъ дѣлѣ имѣлъ прилежное стараніе.

3) Въ 736 г. въ Генварѣ отправленъ былъ изъ Тобольска съ пѣхотною командою, съ драгуны и съ солдаты, въ 400 человѣкахъ, наскоро на Башкирскую границу, для выручки атакованнаго тогда внутрь Башкиріи отъ бунтующихъ воровъ Башкирцевъ провіанта, который везенъ былъ на Верхоянскую пристань, но потомъ оный вышелъ въ Течинскую съ Маіоромъ Шкаферомъ благополучно. Въ 736 г. былъ въ зимнемъ походѣ съ Полковникомъ Арсеньевымъ, для искорененія бунтующихъ тогда воровъ Башкирцевъ, и въ томъ походѣ былъ командированъ съ порученными ему командами въ разныя партіи, и ихъ воровскихъ жилищъ разорили и пожгли деревень больше 100, въ полонъ взяли мужеска и женска полу съ 200, побили больше 300 ч. Да того жъ 736 г. командированъ былъ легкою партіею обще съ Подполковникомъ Миклашевскимъ за ворами Башкирцами, кои немалымъ собраніемъ приходили подъ Царевъ Курганъ, и оныхъ догнавъ верстахъ во 100, чинили сильное сраженіе, при которомъ ихъ воровъ побили и лошадей изъ подъ тѣхъ воровъ отбили немалое число. Да въ 736 же году съ 1400 ч. командированъ для препровожденія отъ Течинской слободы провіанта во вновь построенную Чебаркульскую крѣпость, и для строенія по Оренбургской дорогѣ вновь крѣпостей, которыхъ и построилъ того лѣта 2 земляныя, одну при Міасѣ, другую при Чебаркулѣ оз., третью при Міасѣ жъ, достроили Челябинскую деревянную крѣпость. Да пришедшихъ съ повинною бунтующихъ воровъ Башкирцевъ при Чебаркульской крѣпости привелъ онъ къ Курану 1626 ч., да главныхъ воровъ и возмутителей къ бунту, Юсупа и Сабана, при Чебаркулѣ жъ, призвавъ ихъ, поймалъ, которые и представлены отъ него Полковнику Тевкелеву и посланы въ Екатеринбургъ къ Т. Сов. Татищеву. Да въ 737 г. командированъ онъ отъ Міаской крѣпости съ 500 ч. въ партію, и наѣхалъ онъ воровъ Башкирцевъ съ 500 человѣкъ, идущихъ съ Россійскимъ полономъ и со скотомъ, которые разорили Окуневскаго острогу 3 деревни, и со оными чинили сильное сраженіе, при

чемъ тотъ Россійскій полонъ, скотъ и шкарпъ у нихъ отбили и ихъ воровъ немалое число побили и въ полонъ взяли 2 да лошадей 80. Да въ 737 г. съ Полковникомъ Арсеньевымъ построили вновь, во отдаленіи отъ границы, при озерѣ Эткулѣ, земляную крѣпость, и отъ той крѣпости командированъ онъ, Павлуцкой, былъ для охраненія Россійскихъ пограничныхъ мѣстъ и вѣрныхъ Башкирцевъ, при чемъ тогда многихъ вѣрныхъ Башкирцевъ защищали и къ сообщенію съ ворами не допустили. И тѣ Башкирцы и по нынѣ въ вѣрности состоятъ. Въ томъ же 737 г. командированъ онъ, Павлуцкой, съ 1300 человѣкъ въ партію для поиску и искорененія въ воровствѣ Башкирцевъ, кочующихъ тогда въ дальныхъ степныхъ мѣстахъ и въ горахъ; и за ними шли денно и нощно съ скорѣйшимъ поспѣшеніемъ, съ немалымъ трудомъ, и нашедъ оныхъ, Сентября 25, на степи, разбили кочевныхъ юртъ со 100, и тутъ побили воровъ мужскаго и женскаго пола, кои противились, больше 400 человѣкъ, въ полонъ взяли 150, лошадей болѣе 500 и нѣсколько верблюдовъ и скота; и изъ тѣхъ лошадей годныя опредѣлены въ полки подъ драгунъ, а прочіе употреблены бывшимъ въ партіи въ роздачу.

4) Въ томъ же 737 г. пожалованъ онъ въ Подполковники. Въ 738 г. въ лѣтнее время былъ въ походѣ по Оренбургской линіи съ Полковникомъ Арсеньевымъ, и построили 2 земляныя крѣпости, Верхояицкую и Уклыкарагайскую. И командированъ былъ въ партію за Уралъ въ горы, обще съ Подполковникомъ Бахметевымъ, въ 2000 человѣкъ для поиску и искорененія воровъ Башкирцевъ; и оные, усмотря партію нашу съ горъ и въ немаломъ собраніи, на примѣръ, болѣе 2000 человѣкъ, повстрѣчали въ горахъ за р. Бѣлой, и были со оными ворами три сильныя сраженія, и ихъ воровъ съ немалымъ урономъ въ горы обратили, отъ чего въ то же время, склонясь, оные Башкирцы, пришли Ея И. В. съ повинною. И потомъ, по силѣ Генералитетскихъ ордеровъ, онъ ихъ воровъ при тѣхъ же новопостроенныхъ крѣпостяхъ къ присягѣ 1000 человѣкъ приводилъ, со взятьемъ съ нихъ штрафныхъ подъ драгунъ годныхъ лошадей. А въ 739 г. посланъ для переписи Башкирцевъ, живущихъ по сю сторону Урала, а нѣкоторыхъ Башкирцевъ по рѣкѣ Бѣлой. Описывалъ 22 волости, въ нихъ 330 деревень, въ коихъ 16,017 душъ. И описывалъ съ немалымъ трудомъ, понеже тогда оные еще не твердо въ вѣрности состояли и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣшанія были; и въ

горы за ними за Уралъ по кочевьямъ ихъ ѣздилъ, и до возмущенія къ бунту многихъ всякими мѣрами не допустилъ, и въ вѣрности состоять утверждалъ. И сочиня о тѣхъ переписныхъ Башкирцахъ книги, подалъ въ Исетскую Провинціяльную Канцелярію. 738 г., Марта 6, правленіе полку Сибирскаго поручено ему.

5) Въ 740 г. былъ онъ, Павлуцкой, съ 1519 человѣкъ командированъ для прекращенія вновь начатаго тогда, по возмущенію вора Карасакала, Башкирскаго бунта. И ходили за Уралъ въ горы легкими партіями, и чинили надъ оными бунтующими немалые поиски, и были въ той зимней партіи Марта съ 10 Апрѣля по 21. И за вешнимъ распутіемъ и за глубокими тогда снѣгами и безкормицею лошадямъ, имѣли немалой трудъ. Да вторично отъ Верхояицкой ходилъ онъ Мая отъ 22 въ легкую партію для поиску и искорененія вора Карасакала и его сообщниковъ. А Подполковникъ Князь Путятинъ съ оставшею командою шелъ за ними. И во оной партіи имѣли съ ворами три сильныя сраженія, первое у Озера Чебаркуля, гдѣ было больше 1000 кибитокъ (Мая 25); второе Мая 28 при рѣкѣ Яикѣ, и третье Іюня 4 за Тоболомъ рѣкой, на степи, близъ Киргизскихъ кочевныхъ улусовъ. Также между Яикомъ и Тоболомъ сраженія съ ними были частыя, гдѣ ихъ воровъ побито и въ плѣнъ взято мужскаго и женскаго пола, а изъ пойманныхъ и казнено немалое число. А разстояніемъ до повороту ими за ворами въ степь денно и нощно, на пр., близъ 1000 верстъ. Онъ же, Павлуцкой, оставя при Тоболѣ съ Секундъ-Маіоромъ Беклемишевымъ команды на усталыхъ лошадяхъ съ 900 человѣкъ, а самъ по ревности своей, отважа себя, выбралъ людей на лучшихъ лошадяхъ до 800 человѣкъ и ходилъ за ворами самымъ скорымъ ходомъ за рѣку Тоболъ, на пр., больше 100 верстъ; и чинили надъ ворами сильные поиски, и имѣли съ ними сраженіе, и побили ихъ воровъ больше 300, а въ полонъ взято более 200; и были близъ Киргизъ-Кайсацкихъ жилищъ, и оттоль онъ, Павлуцкой, поворотилъ къ оставшей командѣ при Тоболѣ, понеже зашли весьма далеко въ степь съ малымъ провіантомъ, и у команды лошади почти всѣ стали, и за неимѣніемъ провіанта принуждены были въ тогдашній Петровъ постъ ѣсть мясо. И обратно отъ Тобола до крѣпости Верхояицкой степью шли 10 дней, и въ Верхояицкой получа провіантъ на команду и исправясь надлежащимъ, по секретнымъ ордерамъ Генералитетскимъ, ходилъ въ третичную въ

горы, съ 22 Іюня по 10 Іюля, партію; и шли черезъ камни, и горы, и топи, и лѣса непроходимые, по ихъ воровскимъ трактамъ, съ немалымъ трудомъ болѣе 600 в. И съ Подполковникомъ Княземъ Путятинымъ пошли отъ Яику на разные тракты, и надъ ворами, крыющимися тогда въ Уральскихъ горахъ, поиски учинили изрядные, и къ убѣгу въ степь оставшаго ихъ воровскаго собранія не допустили, которые, видя себѣ отъ Россійскихъ войскъ погубленіе, явились къ нему, Павлуцкому, въ горахъ, а потомъ при Верхояицкой крѣпости (немалое жъ число) съ повинною Ея Императорскому Величеству 5326 душъ, и ружье свое положили, какое у кого имѣлось, кои и посланы, по силѣ ордеровъ Генерала Лейтенанта Князя Урусова, отъ Верхояицкой крѣпости съ Полковникомъ Пальчиковымъ, съ женами и съ дѣтьми и со скотомъ, Іюля 18 числа, въ Оренбургъ. А сверхъ того побито командою Павлуцкаго въ помянутыхъ трехъ, тако жъ и въ другихъ легкихъ партіяхъ, 1630 человѣкъ, да въ полонъ взято 1455 человѣкъ, изъ того числа, на страхъ прочимъ ворамъ, повѣшено 183 человѣка; отбито лошадей, коровъ и овецъ довольное число, и немалое число деревень сожено воровскихъ разныхъ волостей 82, въ нихъ 689 дворовъ. Между тѣмъ же и другія легкія партіи были командированы отъ него, Павлуцкаго. Въ 740 году оставленъ онъ, Павлуцкой, былъ съ командою въ самой пограничной крѣпости Верхояицкой, для искорененія крыющихся въ горахъ воровъ Башкирцевъ и для охраненія отъ непріятельскихъ людей вѣрныхъ иновѣрцовъ; и ихъ посланными отъ него, Павлуцкаго, партіями выискано и переловлено немалое число.

6) Въ 740 г. назначенъ находиться по Башкирской границѣ, по Тобольнымъ и Міяскимъ форпостамъ, при томъ и разныя заграничныя дѣла ему поручены были, и находился здѣсь Марта по 17 числа, 743 года. И въ 740 да 741 выискано и побито посыланными партіями, и пойманныхъ казнено и въ ссылку сослано въ Росею и въ Рогорвикъ и во флотъ въ матросы послано, тако жъ и казнено и въ раздачу желающимъ роздано немалое число. Того жъ 740 г. произведенъ онъ, Павлуцкой, на мѣсто отставленнаго отъ службы Полковника Арсеньева, въ Полковники.

7) Въ 742 г., Мая 25, велѣно ему, для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса, прибыть съ Сибирскаго полку съ пятисотнымъ числомъ драгунъ, изъ Течинской слободы въ Орскую

крѣпость. И обрѣтался въ Орской крѣпости по 6 Сентября. Въ то жъ время имѣлись тутъ пріѣзды Киргизъ-Кайсацкихъ владѣльцевъ, Абулхай-Хана и Салтана съ старшинами и батырями и прочими Кайсаки, кои Его Превосходительствомъ, т. е., Неплюевымъ, къ присягѣ приведены. Между тѣмъ же, по ордеру Его Превосходительства, т. е., Неплюева, ѣздилъ изъ Орской къ нему на встрѣчу, для нѣкоторыхъ консилій, до Берской крѣпости. И въ бытность въ Орску опредѣленъ къ смотрѣнію строющагося новаго Преображенскаго замка и правилъ Бригадирскую должность. По возвращеніи изъ Орской къ Сибирскимъ границамъ, по ордеру Неплюева, всѣ крѣпости осмотрѣлъ и надлежащія диспозиціи учинилъ, и командующимъ въ крѣпостяхъ Офицерамъ предложилъ достаточныя наставленія. 10 Марта по 17 число Сибирскую сторону надъ регулярными и нерегулярными войски осматривалъ по инспекторской должности.

8) Въ Мартѣ 743 опредѣленъ по прежнему по Сибирской границѣ вѣдомства Сибирской Губерніи въ Тобольные форпосты, для охраненія пограничныхъ мѣстъ отъ набѣговъ непріятельскихъ людей. По которымъ Тобольнымъ всѣмъ форпостамъ военныя команды отъ него распредѣлены и учреждены по степи отъѣзжіе караулы и повседневные разъѣзды, и командующіе Офицеры снабжены пристойными инструкціями. И по Ея Императорскаго Величества изъ Сибирской Губ. Канцеляріи секретнымъ указамъ, все въ тѣхъ Тобольныхъ форпостахъ ввѣрено и поручено ему, яко пограничному командиру, въ полное управленіе. А для лучшаго охраненія Тобольной границы, по осмотру его, Павлуцкаго, удобныхъ мѣстъ, построено Сибирскимъ полкомъ и нерегулярными, состоящими въ командѣ его, Павлуцкаго, въ 743 г., со степной стороны по за Тоболу, на 200 верстахъ 11 редутовъ, въ томъ числѣ Лебяжій, на жилой сторонѣ Тобола, по за всѣмъ обывательскимъ пашнямъ и сѣннымъ покосамъ, отъ прежнихъ Тобольныхъ форпостовъ верстахъ въ 20, и 30-ти, и въ 50-ти, и опредѣлены при нихъ пристойныя команды съ Оберъ и Унтеръ-Офицеры. А 744 г. уже и роты были выведены къ тѣмъ защитамъ въ компаменты, и имѣли отъѣзжіе караулы и повседневные разъѣзды. А потомъ ему, Павлуцкому, опредѣлено, по должности инспекторской, осмотрѣть 8 полковъ, а имянно: Сибирскаго гарнизона, драгунскіе— Сибирскій и Новоучрежденный, пѣхотные Тобольскій и Енисейскій и батальонъ пѣхотный, да обрѣтающійся на Китайской границѣ

Якутскій полки; токмо оный Якутскій полкъ за дальностью смотрѣть ему отмѣнено, а опредѣлено смотрѣть Оренбургской Губерніи полки. И всѣ тѣ полки онъ смотрѣлъ и мунстровалъ. А въ Октябрѣ 744 года секретнымъ Указомъ, по немаловажнѣйшимъ тогда объявленнымъ экстрамъ, велѣно ему, съ Сибирскимъ и Новоучрежденнымъ драгунскимъ и изъ Томска съ командированнымъ пѣхотнымъ полками, и съ нерегулярными городовыми служивыми, слѣдовать въ Верхъиртышскія крѣпости, въ самоскорѣйшемъ времени, денно и нощно. И слѣдовали денно и нощно до города Тары, и за неспособнымъ и труднымъ тогда путемъ, за безснѣжіемъ, съ немалымъ трудомъ. И въ городѣ Тарѣ получилъ изъ Сибирской Губернской Канцеляріи отъ 12 и 25 Декабря Указы, по которымъ опредѣлено ему, по благополучнымъ изъ Ямышевской крѣпости извѣстіямъ Ноября отъ 25, 26 и 28 ч., и за умаленіемъ въ Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ провіанта и фуража, Сибирскій и Новоучрежденный полки и 2-й пѣхотный батальонъ и нерегулярныхъ Тюменскихъ и Верхотурскихъ Казаковъ, расположить до Указу на винтеръ-квартиры въ городѣ Тарѣ и вѣдомства онаго въ Уѣздахъ и въ Омской крѣпости, а ему, Павлуцкому, съ 1 батальономъ и съ Тобольскими Казаками, съ 270 человѣкъ, слѣдовать въ Верхъиртышскія крѣпости, и тамъ имѣть главную команду. И по принятіи команды и канцеляріи отъ Г. Полковника Зорина, имѣлъ онъ, Павлуцкой, въ снабдѣваніи оныхъ крѣпостей артиллеріей, порохомъ, свинцомъ, желѣзомъ, провіантомъ, фуражемъ, и при строеніи во оныхъ крѣпостяхъ и форпостахъ вновь провіантскихъ магазейновъ и цехаусовъ и пороховыхъ погребовъ и казармъ, бастіоновъ, надолбовъ и рогатокъ и прочаго, и очищеніемъ рвовъ и въ приготовленіи довольнаго числа лѣсовъ и прочихъ надобностей, и въ поставкѣ довольнаго числа сѣнъ, и въ расположеніи хлѣбопашества, и между крѣпостьми въ строеніи форпостовъ и станцовъ, коихъ и построено въ 745, 6 и 7 годахъ, наченши отъ Омской даже до Устькаменогорской и къ Колыванскому заводу, форпостовъ 10, станцовъ 23, также и между оными маяковъ въ каждомъ мѣстѣ по 1 и по 2, для безопасности стоящимъ командамъ и лучшей комуникаціи и чиненія разъѣздовъ и для добраго ночлегу слѣдующимъ разнымъ командамъ, и въ томъ во всемъ къ лучшей пользѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса и безопасности границы всеприлежнѣйшее стараніе имѣлъ. И притомъ секретныя и заграничныя и прочія дѣла съ прилежностью отправ-

лялъ, и во установленіи въ 5-ти крѣпостяхъ добраго анштальту и въ сочиненіи шнурованныхъ книгъ прилагалъ надлежащіе труды и стараніе, и нынѣ имѣетъ неусыпное попеченіе.

9) Паки для осмотра разныхъ полковъ.... слѣдованія имѣлъ съ 3000 воиновъ и по возвращеніи въ Ямышевъ, паки команду по Иртышской и Кузнецкой линіямъ, Канцелярію и разныя дѣла принялъ, и имѣлъ, и понынѣ имѣетъ, онъ всеприлежнѣйшее стараніе по разнымъ дѣламъ, яко-то приходу и расходу суммъ, по артиллеріи, также по добычѣ соли и отправленію въ Тобольскъ на судахъ немалой суммы, коей и сего года и въ прошедшее лѣто добыто до 16,000 пудовъ. И стараніемъ его жъ, Павлуцкаго, обыскано, кромѣ Ямышева, другое соленое озеро близъ Коряковскаго форпоста, на которомъ въ садкѣ имѣется соли болѣе Ямышева озера и соль въ пищу годная. И произвожденіе хлѣбопашества и укомплектованіе командъ ружьемъ, мундиромъ и аммуниціей, и исправленіе въ крѣпостяхъ строеній и гостинныхъ дворовъ, и отправленіе дѣлъ съ иностранными людьми, и съ Россійскаго купечества взяты пошлины, и прочія порученныя ему дѣла имѣются, которыя происходятъ съ лучшею пользою и приращеніемъ интереса, и во всемъ томъ неусыпное стараніе и всеприлежные труды прилагаетъ, о чемъ извѣстно въ походной Его Превосходительства Г.-М. Киндермана и въ Сибирской Губернской Канцеляріи. И сію Вѣдомость оный Полковникъ, и во свидѣтельство того Сибирскаго гарнизоннаго (т. е., полка) Штабъ Офицеры подписуемся.

Полковникъ Іаковъ Павлуцкій.

Секундъ-Маіоръ Григорей Васильевъ.

О числѣ находившихся въ разныхъ мѣстахъ нерегулярныхъ войскъ.

Въ Августѣ 1745 Генералъ-Маіоръ Киндерманъ требовалъ отъ подвѣдомственныхъ ему начальствъ Вѣдомостей о числѣ и состояніи нерегулярныхъ войскъ. Въ присланныхъ ему Вѣдомостяхъ значится, что:

Въ Томскѣ, по росписанію Сибирскаго Приказа 1737 года, по штату опредѣлено и состояло Дворянъ 20, Дѣтей Боярскихъ 80, кон-

ныхъ Казаковъ 219, Чацкихъ Мурзъ 52, Яуштинскихъ Татаръ 9, выѣзжихъ бѣлыхъ Калмыковъ 16, всей конницы 396. Пѣшего полку 146 человѣкъ, всего же конницы и пѣхоты 542. Изъ нихъ умерло и бѣжало Дворянъ 7, Дѣтей Боярскихъ 28, Казакъ бѣглый 1, всего 36. Да изъ наличныхъ Дворянъ въ расходѣ въ Кузнецкѣ, для охраненія отъ непріятелей, 4, усмотрѣнія надъ подводными станціями 2, у сбора подушныхъ денегъ 1, у крѣпостныхъ дѣлъ 1, въ Чеускомъ и Сосновскомъ острогахъ на приказѣхъ 2. Дѣтей Боярскихъ у пріему казеннаго провіанта въ Томскѣ 1, въ Кузнецкѣ 20, въ Колывановоскресенскихъ заводахъ 10, въ Томскѣ у продажи казеннаго горока и коноплянаго сѣмени 2, посланъ въ Иркутскъ за ясашною рухлядью 1, въ разныхъ острогахъ заставщиками и прикащиками 7, въ Томскѣ у сбора съ разныхъ статей канцелярскихъ оброчныхъ денегъ 2, въ Барабинскомъ Каргацкомъ форпостѣ командиромъ 1, у раздачи ясашнымъ казеннаго корму и питья 1, по Указу изъ Губерніи отлучать никуда не велѣно 1, содержится въ Томской Канцеляріи подъ карауломъ въ утраченномъ у Томскихъ служилыхъ людей жалованьѣ 1. Изъ служилыхъ людей въ расходѣ: въ Барабѣ на службѣ 183, въ Кузнецкѣ 25, въ Колывановоскресенскомъ заводѣ 32, послано за разными дѣлами въ Иркутскъ, Тобольскъ, Енисейскъ, Ачинскъ 17; въ Томской Канцеляріи рядовыхъ для письменной работы 3, въ сторожахъ 1, расходчиками 3, у казенной мельницы мельникъ 1, у полковыхъ дѣлъ въ пищикахъ и слѣсаряхъ 2, въ деньщикахъ и барабанщикахъ 7, строятъ таможню 6, на караулѣ у ревизіи и полковыхъ дѣлъ 7. Изъ пѣшаго полка: въ Тобольскѣ 8, въ Иркутскѣ за казною 4, въ Енисейскѣ за колодниками 4, въ Кузнецкѣ 26, въ Красноярскѣ за колодниками 9, у раздачи жалованья 1, у казенныхъ мельницъ въ цѣловальникахъ 1, за покупкой провіанта 1, въ Колыванскомъ зав. для отдачи провіанта 1, въ Чеускомъ острогѣ на заставѣ, для смотрѣнія воровской продажной соли 1, въ Томскѣ въ бронникахъ и кузнецахъ 2, при Воеводскомъ дворѣ въ ходокахъ 3, въ городовыхъ плотникахъ 3, въ Томской Канцеляріи въ сторожахъ и на караулѣ 11, въ городовомъ замкѣ на караулѣ 15, у ревизіонныхъ дѣлъ на караулѣ 15, въ другихъ караулахъ 11, больныхъ 5. За тѣмъ въ Томскѣ ни у какихъ дѣлъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ 6, Полковниковъ 2, нижнихъ чиновъ 29.

Въ Кузнецкѣ по штату состоитъ Дворянъ 5, Дѣтей Боярскихъ 25, конныхъ Казаковъ 219, пѣшихъ 146, Абинскихъ служилыхъ

Татаръ 20, всего 415 человѣкъ. Въ расходѣ между прочимъ значится: у винной и пивной продажи въ откупщикахъ, изъ Дворянъ 1, во обученіи слесарскомъ 1, въ заплечныхъ мастерахъ 1, для вожденія часовъ (?) 1. Всѣмъ Дворянамъ, Дѣтямъ Боярскимъ и Казакамъ выдано казеннаго пороху по 1 фунту и свинцу по 1 фунту. У конныхъ Казаковъ, у всѣхъ 219 человѣкъ, свои лошади и конской уборъ, какой у кого по своей возможности случится. А платье у всего войска свое, какое у кого по своей возможности случится.

Въ Тюмени состоитъ Дворянъ 1, Дѣтей Боярскихъ 11, конныхъ Казаковъ 92, пѣшихъ 104, служилыхъ Татаръ 97, всего 305 человѣкъ.

Въ Тарѣ по штату состоитъ Русскихъ Казаковъ 472. Имъ дается жалованья денежнаго въ годъ по 6 руб. 16½ коп., хлѣбнаго коннымъ 111 человѣкамъ ржи по 3 четверти 5½ четвериковъ, овса по 2 четверти и 3½ четверика; пѣшимъ 166 человѣкамъ ржи по 3 четверти и 1½ четверика, овса по 2 четверти по 3½ четверика. А за тѣмъ, коннымъ 87, пѣшихъ 108, всего 195, за хлѣбное жалованье служатъ съ пашенъ. Въ Тарѣ у разныхъ дѣлъ 74 человѣка, между прочимъ часовщикомъ 1, переписчикомъ 1, фельдшеромъ 1, у торговой бани 2, за Городничаго 1, Лѣкаремъ 1 и т. д. Кромѣ того въ расходѣ въ форпостахъ въ Устьтартаскомъ 25, Кутурлинскомъ 53, Ейскомъ 37, Нехоловскомъ 35, Большерѣцкомъ 40 Айбиренскомъ 52, Бетеинскомъ 40. Командировано въ кормщики 46, для управленія на казенныхъ мѣстахъ командующими 2 и т. д.,

Въ Тобольскѣ по штату 725 года Дворянъ 40, Дѣтей Боярскихъ 77, служилыхъ 583, служилыхъ Татаръ 228. Денежные оклады были Дворянину 17 рубл., Сыну Боярскому 8, рядовому 6 р. 16 ½ копѣекъ.

Въ Туринскѣ Дѣтей Боярскихъ 2, служилыхъ 35; первые получали по 7 руб. 4 к., вторые 3 р. 52 к.

Въ Верхотурьѣ Дѣтей Боярскихъ 5, служилыхъ 71; жалованье то же.

Въ Пелымѣ Дѣтей Боярскихъ 5, служилыхъ 42; жалованье то же.

Въ Березовѣ Дѣтей Боярскихъ 6, служилыхъ 165; первые получали по 7 р. 4 к., вторые по 6 р. 16 к.

Въ Сургутѣ служилыхъ 126.

Въ Енисейскѣ Дворянъ 10, Дѣтей Боярскихъ 20, конныхъ Казаковъ 72, пѣшихъ 147; первые получали по 8 р. 81 к., вторые по 7 р. 4 к., третьи по 6 р. 16 к., четвертые по 4 р. 40 к.

Въ Красноярскѣ Дѣтей Боярскихъ 30, Казаковъ конныхъ 219, пѣшихъ 276.

Въ Мангазеѣ Дѣтей Боярскихъ 4, рядовыхъ 96.

Въ Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ—489 человѣкъ, въ томъ числѣ въ Омскѣ 197, въ Желѣзинской крѣпости 55.

Въ Нарымѣ и Кецкомъ Дворянъ 1, Дѣтей Боярскихъ 5, служилыхъ 57.

Вѣдомость о числѣ податныхъ душъ Кузнецкаго Вѣдомства по переписи 723 г.

Въ городѣ Кузнецкѣ и вѣдомства его острогахъ и слободахъ разночинцовъ и крестьянъ и посадскихъ людей по переписямъ 719 и 723 г. написано 7154. Изъ того числа выключено Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и служилыхъ 580, подъячихъ 4, выведенныхъ на прежнія жилища 19, вдвое написанныхъ 39, ясачныхъ 9, приписано къ заводамъ 1702, всего 2353. Осталось на окладѣ 4801; изъ нихъ бѣжало 173, померло 1458, сгорѣло 124, отдано въ рекруты 459, по дѣламъ сослано въ ссылку 7, выведено въ Колыванскіе заводы 4, поверстано въ Казаки, солдаты и драгуны, за которыхъ подушныя деньги платятся раскладкою 16, всего выбыло 2241; осталось 2560. Послѣ генеральной переписи вновь явилось и записано въ подушный окладъ 383 человѣка, изъ которыхъ 4 выслано на прежнія жилища, 18 бѣжало, 46 умерло, взято въ рекруты 5. Всего, за всѣми выключеніями, остается податныхъ душъ 2870.

Опись назначеннымъ на картѣ Барабинской степи построеннымъ зимовьямъ, почтовымъ станцамъ и деревнямъ.

Деревня Артынска Подволожна, отъ нея до зимовья Буто-

рина, гдѣ и почтовый станецъ, 31 верста, до зимовья Резина 27 верстъ, до почтоваго станца Новоселова 17 верстъ, до зимовья Назарова (не означено верстъ), до зимовья Хохлова 16 верстъ, до зимовья Брязгова 20 верстъ, до форпоста Устьтыртаскаго (при немъ слобода, въ которой жительства имѣютъ Тарскіе служилые и отставные Казаки и разночинцы; со онаго форпоста служилые Казаки сняты и артиллерія перевезена на новую линію) 22 версты, до станца Турумы 20 верстъ, до зимовья Ичинскаго 18 верстъ, до зимовья Антонова 25 верстъ, до зимовья Булаткова 22 версты, до форпоста, Каинскаго (въ слободѣ, при немъ живутъ Томскіе служилые Казаки, разночинцы и новопоселенные крестьяне; около онаго форпоста какъ вверьхъ по р. Оми, такъ и внизъ, строятся деревни для населенія) 27 в., до зим. Осиновы Колки 38 в., до зим. Калмыкова 27, до з. Убинскаго 30, до з. Каргайскаго 27, до форпоста Каргатскаго (по Указу Сибирской Губ. Канцеляріи почтовую гоньбу здѣсь отправляютъ Томскіе служилые Казаки, съ прошлаго 747 г., вмѣсто Чеускихъ крестьянъ) 28 в., до з. Тарышкина 26, до з. Иткульскаго 26 в., до з. Сетковскаго 26, до з. Овчинникова 18, до з. Крутые Логà 26, до дер. Подвологиной 20, до Чеускаго острога 30 в. Всего же отъ дер. Артынской, чрезъ Барабинскую линію, до Чеускаго остр. 581 в.

Сверхъ того имѣется по Барабинской степи 7 волостей кочевыхъ Барабинскихъ Татаръ: Теретинская, Чейская, Каргалинская, Барабинская, Кулебкинская, Любейская, Тунуйская. Жители оныхъ звѣриные промыслы имѣютъ за линіею даже до Иртышскихъ крѣпостей и по всей Барабинской степи. Что же касается по Барабѣ давно поселенныхъ деревень Томскихъ обывателей, какъ внутри, такъ и за линіею, коликое число въ нихъ мужска полу душъ къ поселенію отъ Томской Воеводской Канцеляріи опредѣлено, о томъ не извѣстно.

Высокородному и Высокопревосходительному и проч. Генералъ-Маіору Киндерману.

Доносятъ г., Тобольска служилые люди, а вмѣсто ихъ выбранные челобитчики, Ст. Свашевскій и Кирило Емелевъ:

1) Минувшаго 744 г. по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, посланы были мы; нижайшіе, изъ Тобольска 100 ч., въ Ишимскіе форпосты въ команду Полковнику Деграве, и обрѣтались во оныхъ прошедшее лѣто въ караулахъ и разъѣздахъ неотлучно.

2) И того же 744 г., въ Декабрѣ, изъ упомянутыхъ форпостовъ командированы были мы Полковникомъ Павлуцкимъ до Омской кр., изъ которой и распредѣлены во всѣ Верхъиртышскія крѣпости, и въ тѣхъ обрѣтаемся въ безсмѣнныхъ караулахъ и работахъ.

3) И во оныхъ одеждою весьма обносилися и обувью, а у прочихъ отъ воли Божіей померло нашихъ собственныхъ лошадей 22, потомужъ и въ другихъ крѣпостяхъ знатно, что не безъ того жъ; и для того во всемъ вышеписанномъ имѣемъ всекрайнюю нужду.

4) А денежнаго жалованья получали мы отъ Сибирской Губерской Канцеляріи сего 745 г. на одну половину года, котораго получаемъ въ годъ по 6 р. $16^1/_2$ к.

5) И того ради Ваше Высокопревосходительство покорно просимъ, дабы повелѣно было насъ нижайшихъ выборныхъ челобитчиковъ съ принадлежащей оказіей, для прошенія вышеозначеннаго денежнаго жалованья въ Сибирской Губернской Канцеляріи, отпустить и о пропускѣ дать пашпортъ (1745 г., Іюня 7).

Ему же, Киндерману, покорное доношеніе.

Понеже съ прошлыхъ равнихъ лѣтъ, по Указамъ Его Императорскаго Величества Петра I, отцы наши и дѣды служили при Татмыцкой слободѣ въ бѣломѣстныхъ Казакахъ, всего по списку 200 человѣкъ, безъ денежнаго жалованья, токмо изъ земли и изъ травы. А въ 724 г. на генеральной переписи положены въ подушный оладъ и съ дѣтьми своими, и платимъ тѣ подушныя деньги бездоимочно, такожъ и за взятыхъ въ солдаты и рекруты и за умершихъ на ротекую раскладку. И съ 739 г. по Указу изъ Тарской Воеводской Канцеляріи опредѣлены мы въ выписные Казаки, для караулу и охраненія границъ отъ приходу непріятельскихъ людей при оной Татмыцкой слободѣ бѣломѣстные Казаки опредѣлены въ подводную гонь-

бу безъ прогонныхъ и поверстныхъ денегъ и въ прочія всякія посылки. Также обще съ Тарскими конными Казаками за непріятельскими людьми завсегда бываемъ въ походахъ и партіяхъ, и содержимъ конвой въ двѣ стороны до Омской крѣпости 208 в., до г. Тары 75 в. И за имѣющеюся нынѣ нашею скудостью, что мы гоняемъ въ двѣ стороны подводную гоньбу и завсегда бываемъ въ караулахъ и въ разныхъ посылкахъ, и подушныхъ денегъ и прочихъ казенныхъ поборовъ и раскладокъ платить противъ своей братьи не въ состояніи.

Того ради В. П. просимъ насъ отъ подводной гоньуы и дальнихъ отлучекъ уволить, дабы намъ не прійти въ крайнее разореніе. Иванъ Шипицынъ, Максимъ Соломейскій, Михайло Гуровъ съ товарыщи, 44 человѣки. (Мая 29, 1745 г.)

Рапортъ Премьеръ-Маіора Сташкѣева Киндерману, отъ 29-го Сентября, 1745 г.

По ордеру Вашего Превосходительства осматривалъ и описывалъ новую линію отъ Тобола до Ишима и изслѣдовалъ, можно ли провести ее прямѣе. Доношу: противъ назначенной Вами съ Поручикомъ Шишковымъ новой линіи лучшихъ мѣстъ не найдется; можно и прямѣе назначить линію, точію безводныя и безлѣсныя мѣста пришли, въ правую же сторону отъ Ишима Киризъ-Кайсаки кочевье свое имѣютъ въ близости, и когда я слѣдовалъ съ командою, оные Киргизы видимы были, и для разсматриванья въ сторону ѣздить было опасно, и опасно жъ было, чтобъ отъ того осмотру оные Киргизы не пришли въ конфузію какую. По той линіи, которую мы вели, будетъ ближе примѣрно на 100 верстъ. Но такъ какъ здѣсь ни какой дороги нѣтъ, то и удобныя мѣста различать трудно. Отъ Тобола до Ишима и отъ Ишима до Иртыша вправо и влѣво къ поселенію мѣста осматриваны; были вправо отъ Тобола степныя и безлѣсныя мѣста, а влѣво великіе лѣса пришли и низменныя мѣста, а отъ Ишима до Иртыша вправо одна открытая голая степь и безводица, а влѣво лѣса непроходимые и мокрыя низменныя мѣста; а гдѣ линія ведена, отъ самого почти Ишима одна рѣка Камышловка, вода, лѣдъ и къ поселенію весьма удобныя мѣста; и по всей назначенной

линіи отъ Тобола до Ишима и отъ Ишима до Иртыша дорога весьма сухая, и лучше этѣхъ мѣстъ не найти. А черезъ рѣку Ишимъ бродъ Копчинскій, отъ Коркиной слободы, сказывано, верстъ съ 250.

Реестръ, при какихъ мѣстахъ опредѣлены Киндерманомъ почтовые дворы, защиты, маяки и прочіе построить.

1) Урочище Варовская рѣчка: выбрано мѣсто подъ редутъ, и его строятъ 50 Казаковъ. 2) Деревня Большіе Кулачи, назначенъ редутъ; 3) Кр. Омская, между Омскомъ и Узкозаостровскимъ назначенъ маякъ; 4) Станція Ускозаостровская, назначенъ редутъ; 5) между послѣдней и форпостомъ Ачаирскимъ назначенъ маякъ; между послѣднимъ и станціей Изылбашской назначенъ маякъ; 6) Изылбашская, назначенъ редутъ и почтовый станецъ, за тѣмъ по дорогѣ маякъ; 7) Урочище Соленый Поворотъ, почтовый дворъ; маякъ; * 8) Форпостъ Черлаковскій перенесли на другое мѣсто, ниже по Иртышу, за 3 версты, маякъ; 9) Урочище Татарка, редутъ, маякъ; 10) Урочище Урлютюпъ, почтовой дворъ и форпостъ, маякъ; 11) Крѣп. Желѣзинская, маякъ; 12) Урочище Пятой Рыжко, почтовый дворъ и редутъ, маякъ; 13) Осьмой Рыжко, форпостъ, маякъ; 14) Урочище Песчаное Озеро, редутъ и почтовый дворъ, маякъ; 15) Форпостъ Черноорѣцкой, назначены новыя казармы, маякъ; 16) Урочище Черноярское, форпостъ и почтовый дворъ, маякъ; 17) Форпостъ Коряковскій, казармы, маякъ; 18) Подстепная, почтовый дворъ, маякъ; 19) Крѣп. Ямышевская; 20) Урочище Черная рѣчка, редутъ и почтовый дворъ; 21) Лебяжье Озеро, редутъ и почтовый дворъ; 22) Урочище Копёелъ, маякъ; 23) Урочище Спускъ, маякъ, защита и почтовый дворъ; 24) Урочище Кривое Озеро, редутъ и почтовый дворъ; 25) Семіярскій станецъ, форпостъ и перенести на другое мѣсто; 26) Урочище Грачи, маякъ; 27) Урочище Черемхова Забока, почтовый дворъ; 28) Урочище Долоинъ Карагалъ, защита и почтовый дворъ; 29) Урочище Бѣлый Камень, редутъ и почтовый дворъ; 30) Урочище Глухая Старица, при маякѣ изба съ надолбами и

---

* Всѣ маяки назначены были посреди дороги, между укрѣпленіями.

рогатками; 31) Кр. Семипалатная; 32) Урочище Озерки, почтовый дворъ и маякъ; 33) Урочище Талица, защита и почтовый дворъ; 34) Урочище Табачное, маякъ и изба съ надолбами и рогатками; 35) Шульбинскій заводъ, маякъ; 36) Урочище Ударково, маякъ и почтовый дворъ; 37) Убинская застава, строеніемъ умножить; 38) Урочище Барашково, маякъ и изба съ надолбами и рогатками; 39) Урочище Красный Яръ, защита и почтовый дворъ; 40) Урочище Уварово, маякъ и изба съ рогатками; 41) Кр. Устькаменогорская, близъ нея назначенъ маякъ. Примѣчаніе: во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначены редуты, замѣчено: «а на первый случай построить почтовый дворъ;» тамъ же, гдѣ назначены почтовые дворы, значатся прежде тутъ построенными «станцы и избушки для перевозу писемъ.»

Рапортъ Павлуцкаго Киндерману, 27-го Марта, 1745 г.

Цѣлью основанія новыхъ укрѣпленій здѣсь поставляются: 1) охраненіе границы и пресѣченіе перелазовъ непріятельскихъ; 2) частные и повсядневные разъѣзды, коими усмотрѣть воровскіе тракты будетъ можно; 3) людямъ и лошадямъ будетъ облегченіе, коммуникація благонадежнѣе, и разъѣзды продолжать не такъ будетъ трудно.

Рапортъ Зорина Киндерману, 29-го Генваря.

О сдѣланіи здѣсь по примѣру Украинской линіи маяковъ, по мнѣнію моему, при здѣшней степной сторонѣ, за обширностію мѣста, оные маяки и шиши каждый разстояніемъ по 5 верстъ, у которыхъ и находится для предосторожности по 5 человѣкъ, а между 20-ю верстами имѣются форпосты и крѣпости и частое Россійское населеніе и многолюдное войско, и чрезъ тѣ маяки сдѣланъ немалый земляный изъ дерна валъ, и оное все обширностью не такъ, какъ въ здѣшней странѣ, и здѣсь оныхъ маяковъ противъ Украинской Линіи весьма будетъ много, и если ставить на каждый по 5 человѣкъ, то не токмо оныхъ въ полномъ комплектѣ у тѣхъ маяковъ не будетъ, но и по крѣпостямъ за тѣмъ распредѣленіемъ находиться будетъ малое число; тако жь къ сдѣланію землянаго вала здѣшняя земля весьма неспособна, да и кѣмъ оное исполнить, таковыхъ способныхъ (яко-то крестьянъ) въ близости ничего не имѣется.

Доношеніе Павлуцкаго Киндерману, 26-го Генваря.

Форпосты въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ имѣются по Оби въ трехъ мѣстахъ, да въ Колыванскомъ заводѣ. Бикатунскій форпостъ, въ немъ войска 147 человѣкъ, да изъ крестьянъ Казаковъ 50 человѣкъ. Бѣлоярская крѣпость, въ ней рядовыхъ 56, изъ крестьянъ Казаковъ 50; въ Малышевской слободѣ рядовыхъ 43, Казаковъ 50, въ Колыванскомъ заводѣ рядовыхъ 56.

Рапортъ Капитана Кн. Девлетъ-Колдѣева, 9-го Февраля.

Убинская застава строена была Семипалатной крѣпости солдатами и Казаками, которая и обнесена палисадомъ и рвомъ, надолбами и рогатками. А въ ономъ палисадѣ построены 2 казармы и конюшни. И на оной заставѣ имѣлись для караулу Семипалатинскіе солдаты и Казаки, но потомъ они смѣнены 30-ю человѣками конницы изъ Устькаменогорска, а зимой 714 г. 15 человѣкъ конницы взято обратно, а прислано 15 человѣкъ пѣхоты.

Экстрактъ о числѣ форпостовъ, крѣпостей, людей въ нихъ и артиллеріи, 25-го Августа, 1744 года.

Тобольные форпосты, въ коихъ стоитъ Сибирскій драгунскій полкъ, подъ командою Павлуцкаго: 1) Царево Городище, войска 951 человѣкъ, пушекъ съ припасы. 28. 2) Форпостъ Утяцкій, въ немъ 131 человѣкъ, 5 пушекъ. 3) Форпостъ Иковскій, 48 человѣкъ, 2 пушки. 4) Форпостъ Верхъхуерскій 53 человѣка, 2 пушки. 5) Емуртинскій, 87 человѣкъ, 1 пушка. 6) Форпостъ въ Устьсуерской слободѣ, 81 человѣкъ, артиллеріи нѣтъ. Да для нынѣшняго лѣтняго времени въ степныхъ опасныхъ мѣстахъ при защитахъ имѣется войска: 7) У Лебяжьего озера 35 человѣкъ. 8) У Нижне-Черковской рѣчки 148 человѣкъ. 9) У Верхнечерковской рѣчки 71 человѣкъ. 10) У рѣчки Верхній Утякъ 70 человѣкъ. 11) У Маркова озера 74 человѣка. 12) У Максимова озера 71 человѣкъ.

13) У Моревскаго озера 67 человѣкъ. 14) Въ деревнѣ Верхълагульской 46 человѣкъ. 15) Въ слободѣ Суерской 60 человѣкъ. 16) Въ деревнѣ Устьмалокызацкой 135 человѣкъ. 17) Въ деревнѣ Маинской 26 человѣкъ.

Ишимскіе форпосты: 1) Форпостъ въ слободѣ Коркиной, 287 человѣкъ, 19 пушекъ. 2) Форпостъ въ Безруковой деревнѣ, 92 человѣка. 3) Форпостъ въ деревнѣ Кошкаргайской, 78 человѣкъ. 4) Въ Фирсовой деревнѣ форпостъ, 80 человѣкъ. 5) Форпостъ въ Абацкой слободѣ, 113 человѣкъ, 2 пушки. 6) Форпостъ въ деревнѣ Правской, 129 человѣкъ. 7) Форпостъ въ деревнѣ Усламинской, 77 человѣкъ, 2 пушки. 8) Форпостъ въ деревнѣ Омутной, 76 человѣкъ.

Тарскаго Вѣдомства: 1) Форпостъ въ деревнѣ Зудиловской, 36 Казаковъ. 2) Форпостъ Юсскій, 72 Казака, 1 пушка. 3) Форпостъ Устьтартирскій, 50 Казаковъ, 1 пушка. 4) Форпостъ Большерѣцкой, 70 Казаковъ, 1 пушка. 5) Пустынскій, 22 Казака. 6) Форпостъ Бетеинскій, 72 Казака.

Верхъиртышскіе: 1) Крѣпость Ямышевская, 303 человѣкъ, 12 пушекъ, 2) Семипалатная крѣпость, 204 человѣка, 8 пушекъ. 3) Крѣпость Устькаменогорская, 141 человѣкъ, 9 орудій. 4) Крѣпость Желѣзинская, 72 человѣка, 6 пушекъ. 5) Крѣпость Омская, 267 человѣкъ, 20 пушекъ. 6) Форпостъ Коряковскій, 48 человѣкъ. 7) Форпостъ Чернорѣцкій, 59 человѣкъ. 8) Форпостъ Селліярскій, 51 человѣкъ. 9) Форпостъ Новопостроенный на рѣкѣ Убѣ, 50 человѣкъ. 10) Форпостъ Осморыжскій, 52 человѣка. 11) Форпостъ Ачаирскій, 54 человѣка. 12) Форпостъ Черлаковскій, 55 человѣкъ. Во всѣхъ этѣхъ форпостахъ артиллеріи не было.

Томскаго Вѣдомства: 1) Форпостъ Калискій, 152 человѣкѣ, 2 пушки. 2) Форпостъ на рѣкѣ Курганѣ, 51 человѣкъ.

Кузнецкаго Вѣдомства: 1) Въ Колывановоскресенскихъ заводахъ 270 человѣкъ. 2) Бикатунская крѣпость, 74 человѣка. 3) Форпостъ Бѣлоярскій, 109 человѣкъ, 2 пушки. 4) Въ Малышевой слободѣ 92 человѣка, 2 пушки. 5) Берскій острогъ, 50 человѣкъ,

2 пушки. 6) Бійская слобода, 253 человѣка, 6 пушекъ. 7) Деревня Кузедѣева, 31 человѣкъ. 8) Кузнецкъ, 160 человѣкъ, 7 пушекъ.

Красноярскаго Вѣдомства: 1) Форпостъ въ Абаканскомъ острогѣ, 102 человѣка, 5 пушекъ. 2) Форпостъ въ Саянскомъ острогѣ, 60 человѣкъ, 6 пушекъ. 3) Форпостъ въ Карасульскомъ острогѣ, 17 человѣкъ, 2 пушки. 4) Въ Убинскомъ острогѣ, 21 человѣкъ. 5) Въ Канскомъ острогѣ, 15 человѣкъ. Всего же во всѣхъ названныхъ укрѣпленіяхъ войска человѣка, пушекъ.

По Вѣдомости 26-го Генваря, 1745 года, артиллеріи было въ крѣпостяхъ: 1) Ямышевской 18 орудій, 2) Семипалатной 9 орудій. 3) Устькаменогорской 5 орудіи. 4) Желѣзинской 6 орудій. 7) Омской 19 орудій.

Письмо Неплюева, отъ 16-го Генваря, 1746 года.

Неплюевъ думаетъ провести линію отъ Звѣриной Головы прямо къ назначенному на ландкартѣ Сташкѣева редуту подъ № 11, при Камышинскомъ озерѣ, а отъ него черезъ Ишимъ на редуты подъ № 9 и 10. при Песчаномъ и Травяномъ озерахъ, а отсюда прямо на Омскъ При учрежденіи новой линіи, старые форпосты содержать будетъ излишне, а строить, по предложенію Сташкѣева, земляную линію, по мнѣнію Неплюева, затруднительно; Оренбургская линія форпостовъ и редутовъ достаточна противъ степныхъ народовъ. О содержаніи предположенной линіи у Неплюева было разсужденіе съ Сухаревымъ, и положено было вывести на нее служилыхъ людей внутреннихъ остроговъ и форпостовъ: новоучрежденный драгунскій полкъ расположить между Иртышемъ и Ишимомъ, а между Тоболомъ и Ишимомъ старый Сибирскій драгунскій полкъ. Для назначенія же линіи отъ Иртыша къ Телецкому озеру Сенатъ хотѣлъ послать инженера, но Джунгарскія дѣла остановили это предпріятіе. Около Звѣриной Головы можно построить крѣпость и 2 редута, и въ оные перевести гарнизонъ изъ крѣпостей Байканской и Куртамышской, куда можно поселить крестьянъ. Оренбургская линія состоитъ изъ крѣпостей, состоящихъ одна отъ другой на 40 верстъ. Между ними редуты. Крѣпости этѣ выстроены, безъ всякаго для казны расхода,

людьми, которые и гарнизоны въ нихъ содержатъ, кромѣ Оренбурга. Только изъ казны отпускались для церквей иконы, книги, сосуды, колокола и жалованье священнослужителямъ. Да солдатамъ для обзаводства выдано было желѣзо, топоры и косы, заработной же платы не было; вмѣсто того они довольствовались Остзейскимъ жалованьемъ.

Письмо Неплюева, отъ 11 Марта, 1746 года.

Пишетъ, что линіи, проведенныя на ландкартахъ Кутузова и Сташкѣева, не вѣрны; у Сташтѣева линія проведена ниже, чѣмъ та же линія на другой его ландкартѣ. Ландкарта Кутузова имѣетъ также свои ошибки, а по тому весной нужно осмотрѣть новыя мѣста, предположенную же Кутузовымъ земляную линію, для проведенія которой, по его разсчету, нужно 9,900 человѣкъ, Неплюевъ считаетъ излишнею и убыточною.

Указъ Сената Сухареву, отъ 15-го Мая, 1746 года.

Г.-М. Киндерманъ находитъ линію, назначенную Подполковникомъ Кутузовымъ, отъ форпоста Утяцкаго, черезъ слободу Коркину, до Чернолуцкой, неудобной; ибо многія угодья, сѣнокосье, хлѣбопахатныя мѣста, звѣриныя и хмѣлевые промыслы, будутъ находиться внѣ линіи; при томъ же эта линія ведена криво; линія же Сташкѣева ближе, угодья остаются внутри ея, на содержаніе ея потребно менѣе людей, мѣста сухія. Кутузовъ же, слѣдуя мѣстами, гдѣ проходилъ Сташкѣевъ, не нашелъ прѣсной воды и вообще сомнѣвается въ достаточности ея по всей линіи. А такъ какъ Сташкѣевъ остается при своемъ мнѣніи, то Сенатъ и рѣшилъ самому Киндерману осмотрѣть этѣ мѣста съ геодезистами и инженерами, и мнѣніе свое, гдѣ прямѣе и способнѣе можно провести линію и ландкарту, вновь сдѣланную съ назначеніемъ линіи, прислать въ Правительствующій Сенатъ.

Письмо Неплюева, отъ 3-го Сентября.

О новой линіи и о томъ, что Неплюевъ согласенъ съ предположеніемъ Киндермана и послалъ въ Сенатъ слѣдующее донесеніе. Сего Августа 26-го получилъ я отъ Г.-М. Киндермана планъ по его собственному осмотру назначенной новой Сибирской Линіи, и при томъ копіи съ представленій, каковы отъ него о той Новой Линіи въ Сенатъ отправлены; и понеже все̂ оное расположеніе, елико мнѣ ситуація тамошнихъ мѣстъ вѣдома есть, такъ кажется назначено, какъ того Ея Императорскаго Величества высокій интересъ требуетъ; того ради я къ тому съ своей стороны прибавить ни чего не имѣю, какъ токмо съ онымъ его, Г.-М. Киндермана, расположеніемъ согласуюсь. И когда на все сіе отъ Правительствующаго Сената резолюція воспослѣдуетъ, то останется въ должности моей построенныя на Уйской линіи крайнія къ Сибирскимъ жиламъ 2 крѣпости, Куртамышскую и Бакланскую, испразднить, по силѣ прежнихъ моихъ нижайшихъ представленій, а вмѣсто ихъ вновь 1 построить при урочищѣ Звѣриной Головы, гдѣ обѣ линіи, то есть, здѣшняя Уйская и новая Сибирская, тако жъ и форпосты, способно совокупятся.

Рапортъ Киндерману Полковника Крафта, отъ 3-го Февраля, 1747 года, съ приложеніемъ рапорта Капитана Буланина объ осмотрѣ Ишимскихъ форпостовъ.

Между Тарскимъ и Устьлагатскимъ форпостами находится изба почтовая, безъ защиты отъ непріятеля; при Устьлагатскомъ форпостѣ 2 пушки, выписные Казаки многіе малолѣтніе и оружіемъ не исправлены. При Чалдатскомъ форпостѣ 1 пушка и выписные крестьяне. Между Чалдатскимъ и Провскимъ изба почтовая, не обнесенная. Провскій форпостъ 2 пушки, выписные Казаки, нѣкоторые съ ружьемъ, другіе съ копьями. Абацкій форпостъ 2 пушки, близъ него защита Кукуйская. Близъ форпоста Фирсовскаго Оташевская защита, изба, конюшня, вокругъ рогатки. Фирсовскій форпостъ 2 пушки; Казаки неисправны. Кашкарагальскій форпостъ, Коркинскій форпостъ, 5 пушекъ. Близъ него защита Карасья. Безруковскій форпостъ, 2 пушки. Близъ него

защита при урочищѣ Черный Колокъ, Уелашинскій форпостъ, 2 пушки. Ошутный форпостъ, 2 пушки.

Указъ Сената Киндерману, 26 Марта, 1752 года.

Такъ какъ хотя и были посланы для съемки мѣстъ подъ линію Капитанъ Новоселовъ, Подпоручикъ Кутузовъ и Майоръ Сташкѣевъ, но Вы, Г.-М. Киндерманъ, нашли ее кривою, и послѣ своего проѣзда, сами назначили линію, то и построить на ней «къ лучшему защищенію Сибирской стороны отъ набѣговъ Киргизъ-Кайсацкихъ и для обузданія тѣхъ ордъ, кочующихъ къ Сибирской сторонѣ, отъ ихъ своевольностей, и чтобъ оный народъ содержанъ былъ въ подданической должности, отъ Омской крѣпости до урочища Звѣриной Головы, 1) двѣ шестиугольныхъ крѣпости, девять четыреугольныхъ, 33 редута, 42 маяка. 2) Нарядить изъ тамошнихъ войскъ 1,290 человѣкъ регулярнаго, 2,352 нерегулярнаго, всего 3.642 человѣка, которымъ людямъ тѣ крѣпости строить безъ заплаты изъ казны Ея Императорскаго Величества заработныхъ денегъ. 3) Инструменты, заготовленные на Екатеринбургскихъ заводахъ и желѣзо отправить на Новую Линію заблаговременно. 4) Для прикрытія работъ отъ набѣговъ Киргизовъ выставить на Новую Линію 1 изъ Сибирскихъ армейскихъ полковъ. 5) Озаботиться о снабженіи Новой Линіи провіантомъ. 6) Для заготовленія провіанта на мѣстѣ, согласно представленію Киндермана, заселить новыя мѣста поселянами изъ охотниковъ обывателей Сибирскихъ городовъ, также отставныхъ солдатъ, драгунъ и Казаковъ, въ каждую крѣпость по 50, въ редутъ по 20 человѣкъ. «Однако въ такомъ случаѣ поступать обще съ согласія съ Сибирскимъ Губернаторомъ, весьма съ осмотрѣніемъ, чтобы изъ того принужденнаго переселенія (кромѣ охотниковъ), народу не могло послѣдовать крайняго изнеможенія и убытка, и для того переселять изъ вышеупомянутыхъ однихъ желающихъ.»

14-го Генваря, 1745 года.

Къ Инженеръ Прапорщику Долбасову за Кодезиста былъ посланъ Тобольскій Дворянинъ Макшѣевъ. Прогоны ему до Устькаменогорска даны изъ Тобольской Рентереи, изъ асигнованной на исправленіе Верхъиртышскихъ крѣпостей пятитысячной суммы, 7 руб. 30 коп.

Доношеніе Павлуцкаго Киндерману, 2-го Іюля, 1745 года.

Изъ рапортовъ Кузнецкаго Воеводы, Маіора Шапочникова, видно, что въ 4 Кузнецкихъ форпостахъ имѣется всего 47 пушекъ, и такъ тѣми пушками быть въ тамошнихъ мѣстахъ довольно. Секундъ Маіору Беклемишеву и Капитану Мурзину опредѣлено отъ меня при Убинской заставѣ строенія примножить, а именно: стѣны или полигоны сдѣлать по 40 саженъ, Офицерскую свѣтлицу съ черною избой и сѣньми 1, казармъ съ сѣньми 8, анбаръ и конюшню. Объ урочищѣ Космалахъ Ямышевской крѣпости Казакъ Иванъ Шульгинъ и Тарскіе разночинцы Безсоновъ и Скуратовъ объявили, что оная Космалинская деревня Кузнецкаго вѣдомства, при рѣчкѣ Космалѣ, впадающей въ Обь, а отъ Оби верстъ съ 6, до которой Космалинской деревни верстъ за 60 имѣется деревня Барнаулъ, и кромѣ оной въ проѣздѣ отъ Семипалатной деревень не имѣется. Отъ оной же Космалинской по правую сторону, ѣдучи отъ Семипалатной, обстоитъ Колыванскій заводъ. А между имъ и Космалинской верстъ 200 и между ними деревни Алейская и Лютевка и другихъ деревень кругомъ довольно, а оная обстоитъ внутрь тѣхъ деревень, въ которую для преѣздовъ Зюнгорскихъ Калмыкъ и Бухарцовъ съ торгомъ присылаются изъ Кузнецкой Воеводской Канцеляріи изъ Дворянъ и таможенные служители, гдѣ собирается съ Россійскихъ купцовъ пошлина.

Изъ Колывановоскресенской Канцеляріи Полковнику Лориху, отъ 24 Іюня, 1757 года.

Такъ какъ необходимо было исправить городскую стѣну, а у завода лѣсовъ мало, и если крѣпостное строеніе сдѣлать дере-

вянное, то лѣса могутъ вырубиться и заводамъ может сущая остановка учиниться, и состоящій при рудникахъ интересъ Ея Императорскаго Величества втуне напрасно остаться; а по тому рѣшено: обнести Колыванскій заводъ землянымъ валомъ со рвомъ, а вмѣсто предположенныхъ казармъ размѣстить солдатъ по собственнымъ домамъ солдатъ же (такихъ домовъ въ заводѣ 132) и Казаковъ также, семьи по двѣ; тогда и новыхъ казармъ строить не нужно.

Письмо Неплюева, 25-го Октября, 1746 года.

О прибытіи изъ Сибири Яицкой тысячной команды, подъ начальствомъ Походнаго Атамана Митрясова. Они, въ бытность свою въ Сибири, получали жалованья по 12 руб., а Старшины нѣсколько болѣе, но за какое время, не извѣстно. При нихъ нѣтъ и аттестатовъ о томъ, какъ они свою службу исправляли. Доставить этѣ свѣдѣнія Неплюевъ проситъ Киндермана.

Рапортъ Павлуцкаго, отъ 17 Іюня, 1747 года.

За отводомъ съ Иртышской линіи Сибирскаго драгунскаго полка, въ Верхъиртышскія крѣпости, опредѣленъ изъ Кузнецка новоучрежденный полкъ. Павлуцкій распредѣляетъ его въ 5 крѣпостяхъ, 11 форпостахъ и 21 станцѣ. Съ нерегулярными въ 4 форпостахъ было по 60, въ 7 по 50, а на станцахъ по 25 человѣкъ. Казаки въ разныхъ многихъ трудностяхъ, яко-то: въ форпостахъ и станцахъ, въ караулахъ и разъѣздахъ, а паче у хлѣбопашества и въ посылкахъ въ Тобольскъ на досчаникахъ съ солью, и въ добычѣ соли, и въ крѣпостныя работы употребляются. Вмѣсто новоучрежденнаго полка отъ Бикатунской крѣпости до Шульбинскаго завода выслать изъ Кузнецка 50 Казаковъ, да присоединить къ нимъ 50 выписныхъ Казаковъ изъ крестьянъ съ исправнымъ ружьемъ и на добрыхъ лошадяхъ. При этомъ приложена Промеморія Кузнецкой Канцеляріи о невозможности выслать на Бикатунскую линію даже 50 Казаковъ, и Вѣдомость людей. По росписанію Сибирскаго Приказа слѣдуетъ быть въ Кузнецкѣ 415 человѣкъ, и хоть состоитъ 462 человѣка, но изъ нихъ, за расходомъ въ Кузнецкѣ, остается только 118 человѣкъ.

Изъ приложенной къ рапорту Карачинцова (1747 г.) Вѣдомости видно, что крѣпостные Казаки получали жалованья въ годъ 3 руб. 52¼ к., а служилые Русскіе и Татары по 12, 7, 6, 5, и 4 рубли.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи 1748 года.

По сношенію Тобольскаго Губернатора Сухарева съ Генераломъ Киндерманомъ и Генераломъ Беeромъ, опредѣлено послать на Колывановскресенскіе заводы Казаковъ изъ разныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ изъ Сургута 65, изъ Березова 56. Березовская Воеводская Канцелярія на это доноситъ, что въ Березовѣ состоитъ 165 Казаковъ, но изъ этого числа раскомандировано: у содержанія остроговъ для охраненія ясашныхъ Остяковъ отъ воровской Самояди—въ Обдорскѣ 16, въ Казымской 4, въ Ляпинской и Сосвинской волостяхъ 6 человѣкъ, послано въ Тобольскъ 3, у содержанія арестантовъ 2, за сборомъ ясаку 16, въ Обдорской волости при новокрещенномъ Князцѣ Васильѣ Тайгаинѣ, для охраненія его и духовныхъ дѣлъ, Закащика Протопопа Максимова, 8, въ городѣ у разныхъ дѣлъ 40. За тѣмъ остается 70 человѣкъ, изъ которыхъ явилось старыхъ и дряхлыхъ и больныхъ 15. И если откомандировать 56, то останется 14 негодныхъ къ службѣ людей, и охранять Березовъ будетъ некому. А городъ Березовъ стоитъ въ отдаленіи отъ другихъ Россійскихъ городовъ, внутри ясашныхъ Остяковъ и Самояди жилищъ и весьма оными окруженъ. И не безуповательно есть по нынѣ видимому Березовскаго Уѣзда Низовской стороны отъ ясашныхъ Самоядцевъ Тыжды Енисеева съ товарищи болѣе 200 человѣкъ въ неплатежѣ ясака съ 4 года непокорству, въ грабительствѣ, въ смертныхъ убивствахъ и прочихъ воровствахъ виннаго, и имѣетъ, де, Березовская Воеводская Канцелярія немалое отъ того опасеніе; ибо оные, видя, что при Березовѣ, за разными командированіями, служилыхъ людей въ остаткѣ малое число, не учинили бы какого нагло на градъ нападенія, а паче Обдорской волости на ясачныхъ Остяковъ, кои платятъ ясакъ повсягодно безъ доимки. Понеже, де, и въ прошлыхъ годахъ, назадъ тому лѣтъ съ 15, отъ той воровской Самояды Евы Ледова съ товарищи, близъ Березова многимъ ясачнымъ иноземцамъ разграбленіе чинили и съ превеликимъ поруганіемъ подгородной волости Князца

Никифора Чурова до смерти убили и грудь вспороли, и прочія непотребности чинили; да Кунаватской волости ясачнаго Остяка до смерти жъ убили. Самоѣдъ Тыжда Енисеевъ съ своими сообщниками, не доѣхавъ 80 верстъ до Обдорена и простоявъ тутъ 4 дня, возвратился, и на обратномъ пути чинилъ грабительства, о чемъ 23 Генваря, 1748 года, подробно донесено и представлено, чтобы съ 1 Марта ѣхать Березовскимъ Казакамъ къ Самоѣдамъ, для котораго походу они и изготовились, по чему Березовская Канцелярія проситъ объ отмѣнѣ командировки 56 человѣкъ изъ Березова. Сургутская Канцелярія доноситъ, что въ Сургутѣ состоитъ 126 Казаковъ, изъ нихъ больныхъ 21. Изъ остающихся 105 въ расходѣ 62 человѣка; остается 43, изъ которыхъ надлежитъ, по прежнимъ примѣрамъ, будущей весной послать за провіантомъ, виномъ, солью и ясакомъ 30 человѣкъ. Останется 13, и такимъ малымъ числомъ не токмо въ нужномъ случаѣ городъ охранить, но и карауловъ содержать не возможно. А у оного г. Сургута кочуетъ иноземцевъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, да сверхъ того по вся зимы пріѣзжаютъ близъ Сургута дикой Самоѣды многочисленное число, чего, де, ради всѣ тамошніе Сургутскіе Казаки стоятъ на караулахъ беземѣнно, для того, что въ 729 году Остяки хотѣли было городъ Сургутъ разорить, изъ которыхъ по слѣдствію нѣсколько человѣкъ разыскано, которые и винились, а по объявленію, де, тамошнихъ обывателей всегда надлежитъ опасаться въ Масляную и въ Свѣтлую Недѣлю и около Троицы, ибо весною, по вскрытіи воды, пріѣзжаютъ тѣ иноземцы въ Сургутъ съ ясакомъ по 1,000 человѣкъ. А въ 746 г. отъ пріѣзжающихъ отъ посланныхъ воровъ и разбойниковъ былъ великій страхъ, которые бѣжали съ дощаниковъ отъ Капитана Хрущева и поручика Бѣлявина А Остяки кочуютъ по Оби, а какъ оная рѣка льдомъ покроется, тогда и Остяки отъ той рѣки со своими женами и дѣтьми отъѣвжаютъ въ дальныя мѣста. Кромѣ того, если бы и можно было отрядить нѣсколько Казаковъ, то, по сказкамъ обывателей, теперь до самаго Нарыму дороги нѣтъ и зимнимъ временемъ никто не проѣзжаетъ. Для повѣрки было послано изъ Сургута 3 человѣка, которые и показали, что не токмо коннымъ, но и пѣшимъ, за великою пустотою, тако жъ за снѣгами и морозами, пройти не возможно, что по дорогѣ ни провіянта, ни фуража не возможно достать, о чемъ и предъявили подписки, взятыя по дорогѣ

съ тамошнихъ жителей, и съ проѣзжающихъ и съ иноземцовъ. Въ прошлую зиму посланная съ Красноярскихъ заводовъ мѣдь замерала отъ Сургута верстахъ во 100. Для осмотру ея были посланы служилые люди, изъ которыхъ одинъ ознобилъ ноги, а другой утонулъ; понеже оная рѣка такая опасная, что во многихъ мѣстахъ имѣетъ полыньи, которыя сверьху снѣгомъ занесены. За неимѣніемъ дороги итти изъ Сургута служилымъ нельзя, да къ тому жъ лошадей въ Сургутѣ всѣхъ 40, и изъ нихъ къ службѣ годныхъ только 10, а ружей годныхъ только 22 да негодныхъ 15. А по справкѣ въ Сибирской Губернской Канцеляріи оказалось: въ Березовъ былъ посланъ Указъ для сыску и поимки Самоядина Тыжды Енисеева, и о посылкѣ для того Березовскихъ Казаковъ, но Березовская Военная Канцелярія, отъ 12 Февраля, 748 года, донесла, что она имѣетъ объ этомъ такое разсужденіе: такъ какъ Тыжда Енисеевъ, вѣдая себя въ трехлѣтнемъ неплатежѣ и во многихъ грабительствахъ винна, держитъ себя въ крѣпкомъ предостерегательствѣ, и по тому для поимки его слѣдуетъ послать не менѣе 150 человѣкъ хорошо вооруженныхъ, а въ Березовѣ (17 Ноября, 747 года), Казаковъ въ наличности имѣется 42, и ежели оное малое число послать въ ихъ тундряныя степныя мѣста, то имъ поймать будетъ тѣхъ Самоѣдовъ не возможно, а они будутъ противиться, стрѣлять и могутъ убѣжать на оленяхъ. Потому былъ посланъ секретно въ Обдорскъ пятидесятникъ Полѣновъ, которому велѣно, если туда Енисеевъ для платежа ясака прибудетъ, то секретно потребовавъ отъ годовщика Первова тамъ обрѣтающихся 50 служилыхъ людей, и поймавъ Тыжду съ сообщниками, привесть скованными въ ручныхъ и ножныхъ смыкахъ въ Березовъ. А нынѣ изъ Обдорска въ Березовъ донесено, что Полѣновъ навѣдался отъ одного Самоѣда, что Енисеевъ стоитъ отъ Обдорска въ 80 верстахъ. Будучи посланъ сборщикомъ ясака Лихачевымъ, упомянутый Самоѣдъ ѣздилъ къ Енисееву, для развѣдки, будетъ ли онъ въ Березовъ для отдачи ясаку, и донесъ, что Тыжда Енисеевъ бѣжалъ съ того мѣста обратно. Лихачевъ послалъ за ними, для уговариванья къ уплатѣ ясака, Атамана Лопотникова, переводчика Праздникова и Самоѣда Сезянова, но они ихъ не нашли. Возвратившись изъ Обдорска Полѣновъ предложилъ Березовской Канцеляріи послать въ Мартѣ 100 Казаковъ, когда Самоѣды для своихъ промысловъ жительства имѣютъ въ разницы, тогда какъ осенью и зимою всѣ вкупѣ, къ тому жь, въ то вешнее время всѣ

ихъ олени телятся. Предвидя со стороны ихъ сопротивленіе, онъ проситъ позволенія и съ ними поступать, какъ съ народными злодѣи, стрѣляніемъ изъ ружей. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Сибирская Губернская Канцелярія проситъ Военно-походную Канцелярію Киндермана, изъ Березова и Сургута Казаковъ въ Барнаульскіе заводы не посылать.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, 14-го Марта, 1748 года.

Объ отправленіи на подводахъ, командированныхъ изъ Верхъиртышскихъ крѣпостей въ Иркутскую провинцію, вмѣсто назначенныхъ оттуда въ Якутскъ, для защиты отъ немирныхъ Чукочъ. Командировано всего съ Офицерами, писарями и деньщиками, 136 человѣкъ.

Рапортъ Полковника Омелина къ Киндерману, 31 Марта, 1748 года.

О готовности къ выступленію 812 человѣкъ Нашебургскаго полка на мѣсто людей, выбывшихъ изъ Верхъиртышскихъ крѣпостей въ Колыванскіе заводы.

Донесеніе Павлуцкаго, 9-го Марта, 1748 года.

О томъ, что Генералъ-Маіоръ Бееръ требуетъ отъ него постояннаго сообщенія свѣдѣній о числѣ войскъ на Иртышѣ, о числѣ торгующихъ, о сборѣ съ Калмыковъ ясаку, по тому что всѣ этѣ свѣдѣнія, необходимыя для соображеній по охраненію серебряныхъ заводовъ отъ непріятельскаго вторженія, съ какою цѣлью и повелѣно сдѣлать крѣпости на Убѣ, Алеѣ, Чанырскомъ рудникѣ, Ануѣ, Катуни, Біѣ, Шульбѣ и Змѣиной Горѣ, а при Колывановоскресенскомъ заводѣ построить на горѣ три батареи, по тому что «хотя на нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ покойнаго Демидова и сдѣланы крѣпостцы» и умножены Киндерманомъ, но ихъ недостаточно.

Указъ Сената Киндерману, отъ 13 Іюня, 1748 г.

Генваря 1747 г. выборные челобитчики отъ всѣхъ крестьянъ Ялуторовскаго и Ишимскаго дистриктовъ Иванъ Бородинъ да Василій Бѣлыхъ, просили отпуска въ Петербургъ, чтобы подать въ Сенатъ просьбу объ отмѣнѣ назначенія крестьянъ въ выписные Казаки, «понеже, де, крестьяне не токмо платья, но и денежнаго жалованья ни сколько за тое свою не получаютъ, и обрѣтаются всегда на форпостахъ и служатъ съ 732 года своимъ коштомъ и со своимъ ружьемъ и со всѣми къ тому принадлежащими припасы; да они же крестьяне съ прочими военными командами имѣются, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, на караулахъ, и употребляются въ партіяхъ и разъѣздахъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ и со своимъ припасомъ; да косятъ въ лѣтнее время на драгунскихъ лошадей сѣна обще съ драгунами, а для, де, осторожности отъ непріятельскихъ людей, имѣютъ тѣ выборные изъ крестьянъ Казаки собственное свое ружье и покупаютъ на своя деньги изъ казны Ея Императорскаго Величества порохъ и свинецъ, и платятъ подушныя деньги, какъ за себя, такъ за умершихъ отцовъ и братей и за взятыхъ въ рекруты и въ полонъ Киргизами и ворами Башкирцами; а нѣкоторые изъ нихъ же Казаковъ пашутъ Ея Императорскаго Величества десятинную пашню, отъ чего, де, они пришли во всеконечное разореніе и нищету.» Киндерманъ спрашивается, на какомъ содержаніи находятся этѣ крестьяне, получаютъ ли они фуражъ, жалованье, аммуницію, нужны ли они впредь и для чего? А пока будетъ это дѣло разсматриваться въ Сенатѣ, съ выписныхъ Казаковъ подушныхъ не брать; если же обратить ихъ въ Государственные крестьяне, то можно ли вмѣсто нихъ набрать столько же изъ не помнящихъ родства и не положенныхъ въ окладъ?

Рапортъ Павлуцкаго, 1744 года.

Проситъ размѣстить по станцамъ вѣдомства Омской крѣпости состоящихъ въ вѣдѣніи Омской Управительской Канцеляріи и Черноluцкой слободы, никуда не употребляемыхъ, 100 выписныхъ Казаковъ.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, 6 Апрѣля 1754 года.

По росписанію Генералъ-Маіора Киндермана состоитъ въ Сибири выписныхъ Казаковъ, кромѣ Ялотуровскаго и Ишимскаго дистриктовъ, въ Тобольскѣ 1000, въ Томскѣ 647, въ Верхотурьѣ 484, Туринскѣ 380, Пелымѣ 100, Тарѣ 669, Кузнецкѣ 1000, Томскѣ 1000, Красноярскѣ 253, Енисейскѣ 1000, Краснослободскѣ 1000, Березовѣ 16, Нарымѣ 119, Сургутѣ 28, Самаровѣ 6, всего 7702 человѣка. Изъ нихъ посылалось по 500 человѣкъ на работу при постройкѣ Ишимской линіи, со своими оружіемъ, порохомъ и свинцомъ, и получали только солдатскую дачу провіанта. Смѣнили ихъ только въ 1754 году; они вовсе разорились. При новомъ нарядѣ заботились, чтобы управители въ отправку людей не вмѣшивались, взятокъ не брали, и чтобъ для отвода выписныхъ Казаковъ на линію были назначены хорошіе отводцы, которые не допустили бы ихъ разбѣжаться.

Въ 1757 году выписнымъ Казакамъ выдавалось жалованье за овесъ, въ мѣсяцъ Сотнику 75 к., Пятидесятнику 60, рядовому 44½ коп.

Въ томъ же году выписные крестьяне слободы Орлово Городище отказались итти на службу на новую линію; послали команду изъ 1 Офицера и 30 рядовыхъ съ инструкціей: старшинъ казачьихъ 6 человѣкъ поймавъ, заковать въ ручные и ножные кандалы и выслать въ Сибирскую Губернскую Канцелярію. Ишимской Управительской Канцеляріи велѣно выбрать, вмѣсто этѣхъ старшинъ, другихъ. Пятидесятники и Десятники были выбраны другіе, а старшиною Осинцовъ. Онъ повелъ 149 выписныхъ Казаковъ въ Коркину для полученія жалованья, но съ дороги 52 человѣкъ убѣжало. Между тѣмъ Ишимская Управительская Канцелярія, по предложенію Военно-походной Канцеляріи, вновь назначила 188 человѣкъ и велѣла ихъ выслать черезъ 24 часа, не принимая ни какихъ въ отговору резоновъ.

Г.-М. Веймарну донесеніе Омскихъ выписныхъ Казаковъ 105 человѣкъ.

Присланнымъ изъ Сибирской Губернской Канцеляріи строжайшимъ Указомъ велѣно, чтобъ выписные Казаки къ выступленію въ походъ состояли въ ежечасной готовности... «и состоимъ въ ежечасной готовности, для чего у которыхъ за упадкомъ лошадей не было, та займывая у прочихъ, а нѣкоторые и рогатаго скота продавали, и для того внезапнаго походу покупали лошадей и исправляли конской уборъ. Да служили еще изъ насъ въ Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ для конвоя выписныхъ въ подданство Ея Императорскаго Величества Зенгорскихъ Калмыковъ между Омской и Св. Петра крѣпостью. Да черезъ все лѣто находились для смотрѣнія и караулу, дабы потаеннаго провоза соли не было на вновь отысканныхъ Ишимскихъ озерахъ. Да съ прочими, находящимися въ Тарскомъ Уѣздѣ крестьянами и разночинцами состоящіе въ выписныхъ Казакахъ опредѣлены на казенную десятинную пашню и опредѣлено на каждаго дѣйствительнаго работника въ трехъ поляхъ по 1 десятинѣ, и по новости той земли, что оная не роспашная, велѣно въ прошедшую осень каждому дѣйствительному работнику поднять по одной ¼ десятины, а нынѣшнею весной той земли поднять же подъ яровой хлѣбъ, а паче подъ овесъ, на всякаго работника по 1 десятинѣ. И нынѣшнею весною Омская Управительская Канцелярія всѣхъ выписныхъ Казаковъ безъ остатку выслала на службу. А понеже намъ противъ прочихъ крестьянъ и разночинцевъ, которые не состоятъ въ выписныхъ Казакахъ, въ той опредѣленной не малой пашнѣ слѣдуетъ крайнее отягощеніе, а ежели иногда куда востребуемся къ внезапному походу, то уже и для себя и пропитанія женъ и малолѣтнихъ дѣтей, за отлучкою отъ домовъ своихъ, и собственной своей пашни принуждены будемъ отстать, а въ казну Ея Императорскаго Величества подушныя деньги и прочія казенныя подати неминуемо должны платить, отъ чего уже можемъ придти во всеконечное раззореніе и нищету да и впредь на службѣ Ея Императорскаго Величества неисправными быть.» Просятъ о сложеніи съ нихъ пашни (Апрѣля 28, 1760 г.)

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, 11 Генваря, 1745 г.

О довольствіи Казаковъ и драгунъ, расположенныхъ по тракту отъ Тары до Ялотуровскаго дистрикта, отъ Ялотуровска до Тюмени, отъ Тюмени до Тобольска, и отъ Туринска до Тюмени, на каждомъ почтовомъ стану по 2 человѣка и по 2 лошади.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, 23 Генваря, 1745 г.

Экстрактъ, что Генераломъ Киндерманомъ одиннадцатью пунктами требовалось, и что на оные въ Сибирской Губернской Канцеляріи по справкѣ явилось.

Требованіе.

По присланному приговору, отъ 11 Декабря, отъ Полковника Павлуцкаго въ Сибирскую Губернскую Канцелярію, въ которомъ представлено о недостаткѣ въ пяти крѣпостяхъ, тако жъ, въ Тарѣ, провіанта и фуража, и о опасеніи въ провіантѣ недостатка, чтобъ не такъ послѣдовало, какъ то было въ прежнемъ Оренбургѣ, что нынѣ Омская крѣпость, въ 734 и 735 г., за неимѣніемъ провіянта и фуража, померло людей и лошадей не малое число, а особливо:

1) По рапорту Полковника Зорина имѣется во всѣхъ крѣпостяхъ муки только 2050 четвертей, и только можетъ достать на тамошнюю команду, а овса нисколько нѣтъ.

Справка: Для довольства Сибирскаго корпуса отправлены дворяне закупить провіантъ въ Тюменскомъ, Ялотуровскомъ и Краснослободскомъ Уѣздахъ.

2) Тарская Воеводская Канцеляція объявила Павлуцкому, что въ Тарѣ покупной ржи 563 четверти, овса 306 четвертей, ячменя, 49 д. въ Аевской и Татмыцкой слободахъ оброчнаго хлѣба ржи 131 чета верть, овса 131 четверть; съ десятинной же пашни въ Омской и Черполуцкой крѣпостяхъ хлѣба въ умолотѣ за недородомъ весьма

мало. Въ Уѣздѣ же Тарскомъ расположены два драгунскихъ и одинъ пѣхотный полкъ.

Справка. Оные полки будутъ довольствоваться изъ мѣстныхъ магазиновъ. На покупку же провіанта въ Тару и Ишимъ послано по 5,000 р.

3) Въ Ялутуровскомъ дистриктѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Яицкая команда, провіанта и фуража достанетъ только на мѣсяцъ.

Справка: Въ Ялотуровскую Канцелярію писано, чтобъ недостающій провіантъ покупать отъ окружныхъ жителей, расходуя на это деньги изъ четырехгривеннаго сбора; овесъ же брать у нихъ подъ квитанціи; кромѣ того, велѣно перевезти изъ Краснослободска 3000 четвертей.

4) Вологодскій полкъ, расположенный въ Тюмени, въ Уѣздѣ которой не болѣе 7000 душъ, чувствуетъ недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ.

Справка: На покупку провіанта послано въ Тюмень 2969 р., 13¾ коп.

5) Въ Туринскомъ Уѣздѣ, гдѣ стоитъ Луцкій полкъ, провіанта довольно—1852 четверти, овса же привезутъ изъ Верхотурья 4268 четвертей, но сѣна мало.

Справка: Сѣно велѣно брать у жителей, но не неволя и тотчасъ выдавать имъ деньги; подъ квитанціи же брать воспрещено Сенатомъ.

6) Въ Краснослободскомъ дистриктѣ, гдѣ стоитъ Олонецкій полкъ, провіанта и фуража довольно. Ширванскій полкъ будетъ расположенъ въ Тобольскѣ, а Нашебургскій въ Тобольскомъ подгородномъ дистриктѣ.

7) По недостатку провіанта въ Тарѣ и Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ, нужно заготовить его зимой, чтобы ставить на судахъ по первой водѣ вверхъ.

Справка: Сдѣлано распоряженіе о подвозѣ провіанта изъ Краснослободска.

8) Полки Сибирскій и Новоучрежденный наставили сѣна по форпостамъ, но куда оно поступило, не извѣстно.

Справка: Въ 17-ти форпостахъ и защитахъ осталось отъ нихъ сѣна 37,500 копенъ, каковыя и опредѣлены на Уфимскую и Оренбургскую команды, стоящія нынѣ въ тѣхъ защитахъ. Въ Тару же велѣно везти сѣна изъ Ялотуровска и Ишима.

9) Въ тѣхъ Форпостахъ какіе нынѣ караулы и кто командиры?

Справка: Въ Тобольныхъ и Ишимскихъ форпостахъ, гдѣ стояли Сибирскій и Новоучрежденный полки, расположенъ присланный изъ Оренбурга съ драгунскимъ полкомъ Премьеръ-Маіоръ Пекарскій, и къ нему опредѣлены тѣхъ дистриктовъ выписные изъ крестьянъ Казаки.

10) На имѣющееся войско на каждый мѣсяцъ слѣдуетъ ржи 4876 четвертей, крупъ 208 четвертей, овса 8583 четвертей, сѣна 112,890 пудовъ, а въ сообщеніи Сибирской Губернской Канцеляріи объявлено провіянта только 14,139 четвертей, крупъ 78, а сѣна 30,400 пудовъ.

Справка: Велѣно, съ цѣлью закупа у жителей провіянта, переписать у нихъ весь хлѣбъ и посланы для того Дворяне. Да Яковъ Александровъ получилъ 1000 рублей для закупа провіянта въ Тобольскомъ дистриктѣ.

Доношеніе въ Сенатъ, 29 Генваря, 1751 г.

При Тобольскѣ состоитъ служилыхъ Татаръ 281 человѣкъ, изъ которыхъ 100 человѣкъ съ перемѣною ежегодно посылаются въ Верхъиртышскія крѣпости. Окладъ имъ съ давнихъ лѣтъ назначался не равный, однимъ по 16 рублей, другимъ по 3 рубли въ годъ, а службу несутъ всѣ въ равенствѣ. «Къ тому жъ всѣ большеокладные Татары умерли;» потому Татары просятъ ихъ въ жалованьи сравнять. На всѣхъ же Татаръ жалованья шло 1775 рублей.

По вѣдомости 24 Октября, 1745 года:

Въ Тобольскѣ состояло служилыхъ Татаръ къ службѣ негодныхъ по старости и болѣзнямъ 9 человѣкъ. Болѣзни обозначены: скорбь животомъ, боль въ поясницѣ, руки скорчены, Французская болѣзнь, ревматизмъ, «великая хрипота», одышка.

Въ Сибирскомъ гарнизонномъ полку числилось 1330 человѣкъ, въ Енисейскомъ 869, Новоучрежденномъ 425, Сибирскомъ драгунскомъ 1169, въ Новоучрежденномъ драгунскомъ 1184.

Рапортъ Павлуцкаго, 9 Февраля, 1745 г.

Отъ имѣющей въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ драгунской команды Капитанъ Соколовъ мнѣ доноситъ, что команды его драгуны и другіе чины нижняго мундира не получали за прошлые 742, 43 и 44 года, а верхняго мундиру и епанечь, также и на казенныхъ лошадей попонъ во всемъ томъ полку не имѣется, и полковые служители безъ того мундиру, а казенныя лошади безъ попонъ, имѣютъ великую нужду.

Рапортъ Капитана Половинкина, 8 Марта, 1745 г.

Рапортуетъ Киндерману о полученіи ордена, которымъ приказывалось исправить и починить артиллерію, и быть при пушкахъ за пушкарей Казакамъ и разночинцамъ.

Рапортъ Маіора Нелюбова, 16 Марта, 1745 г.

О полученіи ордера «о выборѣ изъ имѣющихся въ вѣдѣніи моемъ изъ драгунъ, или солдатъ, или изъ нерегулярныхъ, добрыхъ въ Омскую крѣпость 50 человѣкъ, а на форпосты по 5 человѣкъ для обученія артиллерійской наукѣ.»

Рапортъ Павлуцкаго, Марта, 1745 г.

«На служилыхъ Тобольскихъ на Русскихъ на первую сего года половину денежное жалованье, на 102 человѣка, отъ Губернской Канцеляріи прислано, а на Татаръ 172 человѣка нѣтъ, о чемъ мною въ Канцелярію и представлено съ нарочными пріемщиками, а о Тюменскихъ Русскихъ 43, о 70 Татарахъ и Верхотурскихъ 18, опредѣлено отъ меня о присылкѣ жалованья хлопотать Подполковнику де Граве. Здѣшніе же крѣпостные Казаки противъ Тобольскихъ и Тюменскихъ служилыхъ жалованья менѣе получаютъ, только по 3 р. 52 к. и провіянтъ противъ солдатскихъ дачъ, а Тобольскіе и Тюменскіе получаютъ по 6, 7 и болѣе рублей. Того ради, не соизволите ль, Ваше Превосходительство, объ ономъ куда заблагоусмотрѣть соизволите, о прибавкѣ имъ денежнаго жалованья представить и трактаментъ учинить равный, хотя по 6 рублей, дабы они отъ того въ исправность къ полевой службѣ приведены быть могли. Для лучшей же ревности и прилежности въ полевой службѣ Сотникамъ и Пятидесятникамъ не соизволите ль онымъ окладъ прибавить и учинить имъ трактаментъ хотя по 10 рублей, что они себѣ за авантажъ имѣть будутъ и въ службѣ ревностнѣе простираться могутъ.»

Рапортъ его же, отъ 20 Марта.

О томъ, что присланное на крѣпостныхъ Казаковъ жалованье на 1745 годъ, по рапортамъ Офицеровъ, имъ выдано для покупки лошадей. «А въ Омской и Желѣзинской крѣпостяхъ оное жалованье отъ меня опредѣлено для такихъ же резоновъ, понеже онымъ лошадей вновь покупать было не на что, а лошадямъ сей зимой не малые упадки были, и нынѣ валятся, отъ чего приходятъ отъ ихъ недостатка въ крайнюю скудость, понеже жалованье имъ производится небольшое, 3 р. 52 к. въ годъ. И во всѣ крѣпости съ командующимъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ о исправленіи и покупкѣ онымъ служилымъ людямъ лошадей съ крѣпкимъ подтвержденіемъ предложено, дабы командующіе въ томъ все-

мѣрно прилежали, у всѣхъ безконныхъ служилыхъ, вмѣсто ихъ упалыхъ, искуплены были бы другія лошади.»

Донесеніе Павлуцкаго Киндерману, 1745 г.

«Въ присланномъ мнѣ отъ Вашего Превосходительства секретномъ ордерѣ предложено мнѣ, чтобы увѣдомить, какъ скоро можно надѣяться, по нынѣшнимъ малымъ снѣгамъ, что лошадей въ степи имѣющимися подъ снѣгомъ травами довольствовать можно, чтобъ, де, малѣйшаго время опустить не можно; ибо, де, не токмо Яицкіе Казаки, но и знатныя команды сюда отправлены были имѣютъ. А за дальнимъ разстояніемъ между крѣпостьми по рѣкѣ Иртышу и за малоимѣющими форпостами намѣрены, де, Ваше Превосходительство между крѣпостей по 2 главныхъ форпоста сдѣлать, и къ тому еще на обѣ стороны по 2 малыхъ заставы сдѣлать же, для лучшей коммуникаціи и разъѣздовъ; сверхъ же того у главныхъ форпостовъ по 1 пушкѣ опредѣлить, чтобъ по нужнымъ случаямъ сигналы и въ краткіе часы объ осторожности извѣстія о наступленіи непріятельскомъ давать можно. Также, чтобы сыскать секретно у здѣшнихъ жителей, или которые знаютъ, или бывали въ степи между отъ Семипалатной, или Устькаменогорской, какія рощи и вершины, или какія рѣки и удобныя мѣста къ рѣкѣ Ую, или Яику, и какъ, де, примѣромъ дальнее разстояніе отъ Иртышу до оныхъ рѣкъ, о чемъ Вашему Превосходительству весьма, де, потребно и желательно вѣдать. И на то покорно доношу, что снѣгъ здѣсь, по объявленію знающихъ, ежели коей весны климатъ не отмѣнится, то въ половинѣ Апрѣля сходитъ, и нынѣ снѣговъ здѣсь не довольно и не глубоки, токмо нынѣ подкрѣпило случившимися морозами Марта 16 и 26 чиселъ; однако, ежели климатъ теплый будетъ, то Апрѣля въ послѣдней половинѣ лошадямъ въ полѣ ходить и кормомъ въ день довольствоваться можно будетъ, а совершенный кормъ бываетъ Мая съ первыхъ чиселъ, а по нуждѣ, гдѣ на форпостахъ и станцахъ сѣнъ не довольно, тутъ и въ первой половинѣ Апрѣля лошадей пущать будутъ за сторожею въ поле, а къ ночи на кормъ въ форпосты загонять. А что же о форпостахъ между крѣпостей соизволите, Ваше Превосходительство, предлагать, что надлежитъ вновь построить, на то покорнѣйше доношу: между

всѣхъ 5 крѣпостей и имѣющихъ форпостовъ, также и отъ Омской крѣпости и отъ Чернолуцкой слободы отъ Иртыша степью къ Ишиму, а отъ Ишиму къ Тоболу, разсмотря удобныя мѣста и угодья, для многихъ резоновъ, въ прибавокъ къ прежде построеннымъ крѣпостямъ и форпостамъ, еще нѣсколько, а въ другихъ мѣстахъ между оными и редутовъ построить весьма надлежатъ. Они служить могутъ: 1) для скорой и удобной коммуникаціи, такъ какъ на дальномъ разстояніи весьма оную продолжать трудно и не возможно, и въ перевозкѣ фуражу немалый трудъ людямъ и лошадямъ происходитъ, а паче зимою. 2) Для проходящихъ войскъ и переѣзжающихъ съ припасами обозовъ не малый способъ быть можетъ. 3) И для пріуготовленія по тому тракту фуража весьма построить надлежитъ на первый случай хотя небольшія деревянныя крѣпостцы и форпосты, въ которыхъ были бъ стѣны или полигоны саженъ по 40, а другіе, яко редуты, по 25 саженъ палисадомъ, надолбами и рогатками укрѣпить, а буде возможно, то и рвы выкопать и по нѣскольку въ нихъ казармъ сдѣлать, и пушкамъ быть по 2, для лучшаго отъ непріятеля охраненія, также для сигналу, понеже для пребывающихъ не въ дальности у работъ для добычи лѣсовъ и въ сѣнокосное время и прочихъ нуждъ оныя быть потребны, какъ то учреждено по Уйской и Оренбургской Линіи, тако жъ и по Тобольской Линіи отъ Верхняго Утяцкаго форпоста по за Тоболу рѣкѣ, по степи, на 200 верстъ 11 защитъ, для охраненія границы и для безопасности команды построены, между коими разстоянія верстъ по 30 и 25 и менѣе. А между оныхъ Верхъиртышскихъ крѣпостей и форпостовъ какое разстояніе и гдѣ сколько построить по мнѣнію моему, на первый случай форпостовъ и редутовъ, по объявленію знающихъ и по собственному моему наблюденію, о томъ покорнѣйше при семъ сообщаю. Нынѣ, слѣдуя къ Ямышевской, могъ я усмотрѣть, что къ охраненію границы и къ пресѣченію перелазовъ непріятельскихъ и къ усмотрѣнію трактовъ ихъ воровскихъ, весьма надлежитъ частымъ и повсядневнымъ разъѣздамъ быть, токмо частыхъ разъѣздовъ было не учреждено, за дальнимъ разстояніемъ крѣпостей и форпостовъ и за малолюдствомъ конныхъ, а паче за худобою лошадей драгунскихъ и Казачьихъ, многіе и безконные Казаки имѣются, за упадкомъ у нихъ лошадей, другіе жъ опредѣлены по Указу Губернской Канцеляріи у разныхъ дѣлъ въ цѣловальникахъ. А понеже когда чаще будутъ форпосты построены и между крѣпостей и форпостовъ раз-

стояніе ближе будетъ и команды конныя поумножатся, тогда разъѣзды повсядневные содержать за возможное и за способное признавается. Того ради весьма нужно конной команды въ здѣшнія крѣпости прибавить, а для возки лѣсу и вспоможенія въ работѣ не соизволите ль, Ваше Превосходительство, изъ крестьянъ съ лошадями, колесами и топорами нѣсколько опредѣлить прислать, и на содержаніе оной прибавочной команды надлежитъ нѣсколько завезть сюда провіанта, понеже онаго въ здѣшнихъ крѣпостяхъ на обрѣтающіяся здѣсь команды не болѣе будетъ, какъ на 4 мѣсяца; при оныхъ же прибавочныхъ сюда командахъ должно имѣть патроновъ съ пули съ удовольствіемъ, ибо въ крѣпостяхъ Верхъиртышскихъ пороху и свинцу не весьма довольно. Мнѣ отъ прежде командовавшаго въ Омской крѣпости Капитана Быкова рапортовано, что отъ Омской разъѣздъ посылался черезъ недѣлю внизъ по Иртышу до Бетеинскаго форпоста, коей подъ вѣдѣніемъ Татарской Воеводской Канцеляріи и состоятъ тутъ 80 Татарскихъ служилыхъ; разстоянія отъ онаго до Омской по степной сторонѣ Иртыша 95 верстъ; и для того Омскимъ и Бетеинскимъ опредѣлилъ я разъѣзды имѣть чаще и съѣзжаться на половинѣ, на рч. Воровской, гдѣ и напередъ сего, въ 723 года, бывалъ съѣздъ оныхъ Казаковъ. И нынѣ отъ меня опредѣлено ордеромъ осмотрѣть тутъ удобныя мѣста Маіору Нелюбову съ Оберъ-Офицеры, какія при той рч. Воровской имѣются удобности, и объ оной рѣчкѣ объявлено отъ Капитана Быкова и отъ знающихъ, Казачья Сотника Дорохова съ прочими Казаками, сказкою, что при означенной рѣчкѣ весьма форпосту быть мѣсто удобное и отъ непріятеля безопасное. И ежели въ томъ мѣстѣ форпостъ повелится сдѣлать, то оный содержать надлежитъ, до большаго усмотрѣнія, по способности Тарскими Казаками, изъ которыхъ напередъ сего по Указамъ Губернской Канцеляріи посыланы были погодно въ Железинскую крѣпость по 25 человѣкъ, а нынѣ къ Железинской и Омской крѣпости опредѣлено изъ Тобольскихъ служилыхъ 50 человѣкъ, а Тарскихъ въ Железинской крѣпости нынѣшней зимой было 8 человѣкъ, и тѣ, за долговременнымъ неполученіемъ провіанта, выведены въ Мартѣ въ Омскую. Къ онымъ же Тарскимъ Казакамъ въ тотъ построющійся при Воровской должно нѣсколько служилыхъ прибавить изъ Омской крѣпости, также солдатъ съ Оберъ-Офицеромъ надлежащее число. А понеже, по общему опредѣленію Превосходительныхъ Господъ, Неплюева и Сухарева, учиненному при съѣздѣ въ Шадринску въ 743 году,

посыланъ былъ отъ Сибирской Губернской Канцеляріи въ лѣтнее время нарочный для осмотру и описанія подъ крѣпости и редуты удобныхъ мѣстъ, Капитанъ Новоселовъ, и съ нимъ за геодезиста Тобольскій Дворянинъ Макшѣевъ, который и осматривалъ удобности мѣстъ, гдѣ застроить надлежащую Сибирскому и Новоучрежденному драгунскимъ полкомъ Линію, а именно, Сибирскому полку отъ верхняго Тобольскаго Утяцкаго форпоста по за Таболу степью, наченьши отъ Лебяжьей защиты даже до Ишимскаго Коркинскаго форпоста, а отсюда Новоучрежденному полку по за Ишиму степью жъ прямо къ Иртышу до Чернолуцкой слободы, кои мѣста описали и ландкарту сочинили. Ежели все это состоится, то граница будетъ въ безопасности, ибо слободы Ялотуровскаго и Ишимскаго дистриктовъ, Тарскаго и Томскаго вѣдомства и Барабинскіе Татары останутся отъ Киргизъ-Кайсаковъ и отъ прочихъ степныхъ народовъ въ закрытіи, то есть, внутрь Линіи. Къ тому жь имѣющіеся въ Тарскомъ вѣдомствѣ 6 форпостовъ останутся внутри же Линіи, изъ которыхъ служилые люди могутъ тогда на оную же учрежденную Линію выведены быть, также во удовольствіе тѣхъ Уѣздовъ обывателямъ нѣсколько удобныхъ мѣстъ къ пропитанію внутри же Линіи будетъ, яко-то: рыбныя озера и горные и звѣриные промыслы, отъ коихъ оные обыватели довольствоваться пищею и на платежъ подушныхъ денегъ доставать могутъ, и въ тѣхъ ихъ промыслахъ отъ непріятелей помѣшательства, какъ прежде чинилось, быть уже не уповается. Что же Ваше Превосходительство изволите упоминать между Семипалатной и Устькаменогорской крѣпостями, какія удобныя мѣста къ рѣкѣ Ую, или Яику, и какъ, де, примѣромъ дальное разстояніе отъ Иртышу до оныхъ рѣкъ, на то доношу: о вышеписанномъ имѣлъ я крѣпкое стараніе и съ крайнимъ моимъ прилежаніемъ знающихъ объ ономъ сыскивалъ, токмо таковыхъ людей, что отъ Ямышевской и Семипалатной и Устькаменогорской и отъ прочихъ крѣпостей, прямо чрезъ степь и рѣку Ишимъ бываютъ къ рѣкамъ Тоболу, Ую и Яику, такихъ точно знающихъ не сыскалось и удобныхъ всѣхъ мѣстъ точно никто не знаетъ; также между тѣми крѣпостьми рѣкъ, впадающихъ въ Иртышъ со степной западной стороны и напротиву того въ близости Иртыша, чтобъ вершины рѣкъ, текущихъ изъ оныхъ къ рѣкѣ Ишиму, которыя бы для коммуникаціи служили, или способны были къ рѣкамъ Ую, Тоболу и Яику, никто не знаетъ же, а на примѣръ признаваютъ Сотникъ Ерофѣевъ, Казакъ Бердюгинъ, разно-

чинецъ Булычевъ и нѣкоторые старые Сибирскаго полку драгуны, отъ Ямышевской крѣпости до рѣки Ишиму повыше Коркинскаго форпосту верстъ за 100 на Красный Яръ степью, оставя Камышловыя Займища (впадающія ниже Омской крѣпости въ Иртышъ) въ правой рукѣ, Айтыкъ-Камень высокій въ лѣвой рукѣ, а потомъ вверьхъ того Камышлова Займища, перешедши его, ити на Красный Яръ, на нижнее Ишимское Хмѣлевье, и уповаютъ дойти верховымъ ходомъ до Краснаго Яру, или до Нижняго Хмѣлевья, недѣли въ $2^1/_2$, или въ 3, а отъ Ишиму на устье рѣки Уя, гдѣ въ 744 году построена Усть-уйская крѣпость, ити мимо Предеинскихъ и Бороваго озеръ съ недѣлю; отъ Ишиму же, отъ Верхняго Хмѣлевья, къ Ую рѣкѣ степью, уповаемо, что знаютъ Сибирскаго драгунскаго полку старые драгуны: Барашевъ, Букинъ, Катанаевъ, Водениковъ, слесарь Шкоцкой и др.; токмо отъ Ишиму къ Тоболу и Ую имѣются степи сухія и высокія и кромѣ озеръ, рѣчекъ удобныхъ къ коммуникаціи не имѣется, а кои и есть впадающія въ Тоболъ, и тѣ вершинами близки отъ устья. Отъ Уйской крѣпости по Линіи вверхъ по рѣкѣ Ую до крѣпости Верхъяицкой 340 верстъ, и тутъ на верховыхъ лошадяхъ перейти можно дней въ 5. За Ишимомъ же по степи рѣчки имѣются въ разныхъ мѣстахъ, токмо они къ коммуникаціи и къ Ишиму теченіе способное имѣютъ ли, точно объ нихъ не знаютъ Я же уповаю, что таковые знающіе есть изъ промышленныхъ мужиковъ, или изъ Казаковъ, въ Омской крѣпости и въ Чернолуцкой слободѣ, также и въ городѣ Тарѣ изъ служилыхъ, бывающихъ въ лѣтнихъ и зимнихъ партіяхъ, также надѣятельно и въ Ишимскомъ дистриктѣ такіе знающіе мужики сыщутся, а отъ Коркиной и Абацкой до Чернолуцкой слободы и до Омской крѣпости важивали въ прошлыхъ годахъ провіянтъ и припасы, и тутъ недальнее разстояніе степью отъ Коркиной на Иртышъ до Чернолуцкой, на примѣръ, верстъ 300, а отъ Абацкой съ небольшимъ 200. И не соизволите ли, Ваше Превосходительство, изъ оныхъ Тарскихъ и Ишимскихъ къ себѣ призвать, а въ Омскую крѣпость Маіору Нелюбову предложено отъ меня, что въ Омской и въ Чернолуцкой секретно навѣдаться, кто именно изъ Казаковъ и крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ бывалъ, и кто таковы буде сыщутся, то лучшихъ человѣка два велѣно послать немедля, для представленія Вашему Превосходительству.»

Донесеніе Павлуцкаго, 2 Апрѣля.

О томъ, что Генералъ Беeръ проситъ построить два судна, которыя поднимали бы по 3 и 4 тысячи пудовъ. А по сказкѣ Ямышевскаго служилаго Меньшикова, и Тобольскаго посадскаго Прѣснецова, суда этѣ, для поднятія такого грузу, должны быть 7 саженей долиною, 3 шириной, 1 вышиной Лѣсъ для нихъ велѣно заготовить въ крѣпости Семипалатной, но для вывозу его Казачьихъ лошадей употребить не возможно, ибо и безъ того они съ трудомъ исполняютъ свою службу; къ тому же у Семипалатныхъ Казаковъ, отъ частыхъ разъѣздовъ, многотрудныхъ лишеній и посѣщеніемъ Божіимъ, безконныхъ имѣется довольно, а денежное жалованье получаютъ они весьма малое, только по руб. 52 коп. въ годъ.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, 17 Ноября, 1760 г.

Въ Указѣ Государственной Военной Коммиссіи отъ 12 Іюня написано, что Генералъ-Маіоръ Киндерманъ представилъ въ Коллегію ходатайство Генерала Беера о назначеніи на Колывановоскресенскую линію двухъ полковъ Яицкихъ, или Донскихъ, Казаковъ, Чугуевскихъ Калмыковъ и до 1000 человѣкъ Сербскаго Гусарскаго полка; ибо хотя на Колыванской Линіи и состоитъ 1577 человѣкъ, но имъ, Беeромъ, усмотрѣны къ оборонѣ хуже тамошнихъ крестьянъ, и изъ нихъ годныхъ и доброконныхъ не наберется и половины, а которые и выберутся, но къ отпору отъ нихъ храбрости быть ненадежно, и кромѣ того, какъ въ работу горную, или къ хлѣбопашеству, ни куда не годятся. И за нужду при случаѣ къ войнѣ и отпору отъ непріятелей негодны; «ибо, де, по нынѣшней ихъ храбрости, ежели послать противъ непріятеля однихъ, то истинно, де, ихъ развѣ отдать на погибель, отъ чего Государству будетъ безславіе; а непріятелю авантажъ.» Но такъ какъ Беeру отъ Киндермана было сообщено, что 3 драгунскихъ полка имѣютъ выступить до разлитія рѣкъ въ Ишимскіе, Тобольскіе и Иртышскіе форпосты, и что отъ Неплюева получено извѣстіе о готовности къ выступленію подвѣдомственныхъ ему 3-хъ драгунскихъ полковъ и тысячной Яицкой команды, то требованія Беера удовлетворить не возможно, тѣмъ бо-

лѣе, что онъ, не служивъ въ военной службѣ, не знаетъ, сколько будетъ стоить переводъ этихъ войскъ.

Вѣдомость о числѣ по крѣпостямъ регулярнаго войска, 22-го Марта, 1755 года.

Луцкаго полка 930 человѣкъ, Олонецкаго 6, Сибирскаго драгунскаго 815, Новоучрежденнаго 113, Тобольскаго 89, Енисейскаго 62, пѣхотнаго батальона 5, артиллеристовъ 79.

Рапортъ Кузнецкаго Воеводы Шапочникова, Іюня, 1745 года.

О томъ, что въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ состоитъ Новоучрежденнаго полка 280 человѣкъ, Тобольскаго 32, Енисейскаго 27, пѣхотнаго батальона 69, всего 408 человѣкъ. При драгунахъ 259 лошадей, изъ нихъ 49 казенныхъ и 210 собственныхъ.

Рапортъ Павлуцкаго, Іюля, 1745 года.

Съ приложеніемъ инструкціи Премьеръ-Маіору Кенеману, сдѣланному начальникомъ войскъ въ Колывановоскресенскихъ заводахъ и въ пяти Кузнецкихъ форпостахъ, куда было опредѣлено послать весь Новоучрежденный драгунскій полкъ, 300 человѣкъ пѣхоты и 200 Яицкихъ Казаковъ.

Инструкція: 1) Взявъ команды изъ Шульбинскаго завода и Устькаменогорской крѣпости, итти черезъ Змѣевскій рудникъ въ Колывань. 2) Назначить мѣста, между Шульбинскимъ заводомъ и Змѣевскимъ рудникомъ, для постройки на 84 верстахъ двухъ защитъ и почтовыхъ дворовъ; да отъ Колывани до Бикатунской, на 237 верстахъ, назначить мѣста для постройки 3-хъ редутовъ и выстроить почтовые дворы. Акимовъ доносилъ Павлуцкому, что почтовыхъ дворовъ тамъ нигдѣ нѣтъ, да и пограничныя деревни ни чѣмъ не укрѣплены. Редуты эти и почтовые дворы должно строить съ бастіонами по угламъ. 3 и 4) Исправить старыя укрѣпленія и вообще старать-

ся, «дабы всѣ причинные мѣста закрыты остались, и вся бы тамошняя граница военными людьми была укрѣплена и въ безопасное состояніе приведена.» 5) Штабъ свой составить изъ приличныхъ персонъ. 6) Если придутъ Зенгорскія войска, то «искусныхъ людей высылать спросить объ ихъ намѣреніи, и если они скажутъ, что намѣрены отобрать Верхъиртышскія крѣпости и Колыванскіе заводы, то отвѣчать, что вы будете рапортовать Ея Императорскому Величеству и представить, что пристойнѣе, и лучше въ договоръ вступить, нежели миръ нарушить. 7) При разъѣздахъ и поискахъ за непріятелемъ не велѣно первыми вступать въ бой, чтобъ не произошло подобнаго же несчастливаго нападенія, какое было сдѣлано въ 743 году изъ Омской крѣпости, «для одного только лакомства и добычи.» Если Зенгорцы будутъ пріѣзжать съ письмами, или съ торгомъ, то принимать учтиво, а не подавать повода къ ссорѣ. 8) Разъѣздамъ съѣзжаться на срединѣ, гдѣ, давъ отдыхъ лошадямъ въ пригонахъ съ крышами и покормивъ кошеною травою, отправляться назадъ 9. Въ случаѣ опасности, дать знать и съ сильнѣйшимъ непріятелемъ въ бой не вступать. 10) Въ форпостахъ и защитахъ на каланчѣ имѣть часовыхъ, конныхъ вѣстовыхъ и отъѣзжіе караулы, которые къ ночи ближе сводить. 11) На срединѣ, между форпостами и защитами, поставить маяки о 3-хъ портаментахъ «и чтобъ оболочены были сухимъ хворостомъ, и верхній снопъ былъ бы не малый мелкаго хвороста, и при маякѣ имѣть хвороста на три перемѣны въ запасъ; и ежели откроется непріятель, то маяки жечь и изъ пушекъ стрѣлять холостымъ залпомъ. По одиночкѣ и безъ ружей людей не отпускать, и за травой ѣздить компаніей.»

Рапортъ Быкова, Марта, 1746 года.

Киндерманъ предписывалъ посѣять во всѣхъ Иртышскихъ крѣпостяхъ и форпостахъ ржи, овса и ячменю. Быковъ спрашивалъ, какими людьми? Киндерманъ предписалъ, чтобы Казаки имѣли бороны и сохи въ готовности и сѣяли хлѣбъ. Быковъ рапортуетъ, что Казаки постоянно въ разъѣздахъ, а малое число остающихся во канонерской наукѣ; при томъ, многіе изъ нихъ не имѣютъ лошадей, жалованье получаютъ небольшое (3 р. 52 к.), а по тому пришли въ конечное разореніе, да и къ пашнямъ непривычны, ибо всегда занимаются

службой; а если и есть изъ нихъ пашущіе, то это дѣти Казаковъ, находящіеся въ разночинцахъ и въ платежѣ подушныхъ денегъ.

Рапортъ въ Сенатъ, 1750 года.

По росписанію Сибирскаго Приказа 737 г., положено городовымъ Казакамъ денежнаго жалованья по 6 р. 16 к., ржи по 3 четверти, овса по 2 четверти на годъ, а въ Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ крѣпостнымъ Казакамъ жалованья дается по 3 р. 52¼ к., ржи 3 четверти, овса 2 четверти въ годъ; но въ Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ, за отдаленіемъ отъ жилья, харчь и одежда весьма дорогою цѣною покупаются, къ тому жь оные Казаки содержатъ почты отъ Устькаменогорской до Омской, въ каждомъ станцѣ по 6 человѣкъ, всего 210 человѣкъ, тако жъ въ партіи и разъѣзды, на провіянтскихъ досчаникахъ для возки провіянта, и хлѣбопашества, и заготовленія соли употребляются. А въ городовыхъ Казаки живутъ въ своихъ домахъ внутри, гдѣ харчь и одежда дешевле, и употребляются для сбору ясаку и прочихъ посылокъ отъ Воеводскихъ Канцелярій, отъ которыхъ посылокъ, еще сверхъ жалованья, могутъ имѣть себѣ пропитаніе. «Чего для въ Сибирскую Губернскую Канцелярію неоднократно мною сообщено было и требовано, чтобы о томъ разсмотрѣніе учинено и куда надлежитъ представлено было, о чемъ и отъ оной Канцеляріи въ Сибирскій Приказъ представлено было, но токмо на то резолюціи не послѣдовало. И чтобъ оные крѣпостные Казаки, по многимъ ихъ излишнимъ трудамъ, противъ городовыхъ Казаковъ обижены не были и въ доброе состояніе и въ исправность приходить могли, то не изволено ли будетъ и онымъ Казакамъ равномѣрное жалованье приказать давать, а именно: городовымъ по 5 р. 32½ к., и тако отъ оной убавки и крѣпостнымъ Казакамъ по оной же дачѣ достаточно будетъ, а въ казнѣ Ея Императорскаго Величества ни какого ущербу не будетъ, да оные Казаки безобидно все равномѣрное жалованье получать будутъ.»

Рапортъ его же въ Сенатъ, Ноября, 1750 года.

«Въ Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ изъ крѣпостныхъ Казаковъ въ Ямышевѣ, Семипалатной и Устькаменогорской, болѣе 30 человѣкъ ежегодно въ бурмистры, ларешники, цѣловальники и отчетчики къ таможеннымъ и питейнымъ сборамъ опредѣляются, отъ чего оные крѣпостные Казаки всемѣрно въ разореніе приходятъ, ибо оные Казаки безграмотные и къ таможеннымъ правленіямъ необычайны, и которые Комиссары къ тѣмъ дѣламъ хотя и опредѣляются, токмо по окончаніи года ихъ не считаютъ, а считаютъ оныхъ Казаковъ. И сверхъ того взятые изъ крѣпостей Казаки жительствуютъ за счетами въ Тобольску года по 2 и болѣе, ибо за слабымъ смотрѣніемъ тѣхъ опредѣленныхъ изъ Дворянъ въ Комиссары, какія утраты и упущенія и недоборы послѣдуютъ, то не токмо на тѣхъ выборныхъ Казакахъ, но и на всѣхъ той крѣпости Казаковъ, коихъ тамъ и не много состоитъ, оные утраты, упущенія и недоборы взыскиваются вычетомъ изъ ихъ жалованья, отъ чего уже и при бытности моей въ Устькаменогорской послѣдовало, что за такимъ вычетомъ Казаки цѣлый годъ жалованья не получали.»

Въ 1757 году на Тобольскую и Ишимскую Линію выслано городовыхъ Казаковъ Тюменскихъ 7, Верхотурскихъ 10, Туринскихъ 8, выписныхъ Ишимскихъ 139, Ялотуровскихъ 150.

Въ томъ же году изъ крѣпости Лебяжей бѣжало 10 выписныхъ Казаковъ; одинъ былъ пойманъ и при допросѣ показалъ, что хотѣлъ возвратиться на свою родину, въ Абацкую слободу, и жить тамъ тайно; о строгости же наказанія за побѣгъ не зналъ и подтвержденія о небѣганіи отъ начальниковъ не слышалъ, но подъ плетьми показалъ, что слышалъ. Въ Іюнѣ изъ разныхъ крѣпостей Ишимской Линіи бѣжало всего 44 выписныхъ Казака. Въ Августѣ изъ Лебяжей бѣжало 2 человѣка въ лѣсъ, въ жилую сторону. Изъ Прѣсногорьковской станицы бѣжало 5 выписныхъ Казаковъ. 17 Сентября бѣжалъ еще 1, снесъ шубу баранью, зипунъ сѣраго сукна, шапку бѣлчинную. Изъ ст. Пяторыжской бѣжало Тарскихъ выписныхъ Казаковъ 8 человѣкъ, которые, по распоряженію Тарской Канцеляріи, сысканы въ Знаменскомъ погостѣ, высѣчены плетьми и отправлены назадъ.

Въ Ишимскомъ дистриктѣ, по распоряженію Киндермана, было назначено 900 человѣкъ выписныхъ Казаковъ, съ тѣмъ, чтобъ они были всегда готовы въ 24 часа къ выступленію на добрыхъ лошадяхъ, съ ружьемъ, порохомъ и свинцомъ. Изъ этѣхъ 900 человѣкъ на Тобольской Линіи на дѣйствительной службѣ прежде было до 300 человѣкъ, а въ 1757—147 человѣкъ. Кромѣ того, изъ Тарской Воеводской Канцеляріи потребовано 200 выписныхъ Казаковъ. По рапорту изъ Кузнецка (1757 г.), Кузнецкіе выписные Казаки находятся у расчищенія черни и весьма отягощены работою. Въ Кузнецкѣ назначено ихъ по списку 411 человѣкъ, изъ нихъ 150 въ Бійскѣ, бѣжало 3, 90 оставлено за болѣзнью и неспособностью. Кузнецкая Воеводская Канцелярія проситъ прислать находящихся въ Бійскѣ Казаковъ, по минованіи въ нихъ надобности, для платежа подушныхъ денегъ и исправленія ихъ домашнихъ работъ.

Съ 21 по 31 Іюля съ Ишимской Линіи бѣжало выписныхъ Казаковъ 11.

По Высочайшему Указу 12 Мая, 1747 года, велѣно давать, по требованію Колывановоскресенской Канцеляріи, для горныхъ работъ 1210 солдатъ, съ дачею имъ заработныхъ денегъ, и въ томъ только случаѣ, если Линіи не угрожаетъ опасность отъ непріятеля. Павлуцкій, для усиленія Линій, предлагаетъ освободить отъ горныхъ работъ 600 солдатъ, а тѣ работы производить приписными къ заводамъ крестьянами.

Во время опасности отъ Китайскихъ войскъ, упомянутые 1200 человѣкъ были потребованы изъ заводовъ Начальникомъ пограничной Линіи, Риддеромъ; но Колывановоскресенская Канцелярія увѣдомила (25 Сентября, 1757 года), что такого числа на заводахъ никогда не бывало, а какіе были, давно уже съ Змѣевскаго и Чакырскаго рудниковъ «спущены,» а болѣе нѣтъ.

Въ 1757 году на Колывановоскресенской Линіи было 221 кузнецкихъ выписныхъ Казаковъ.

Прогоны командированнымъ съ дѣлами Казакамъ на 1 лошадь: отъ Тобольска до деревни Пустынной, на 682 верстахъ, по 3 коп. на 10 верстъ, 2 рубл. 4$^{1}/_{2}$ коп. Отъ деревни Пустынной до Омска, на 157 верстъ, на 1 обывательскую лошадь, 78$^{1}/_{2}$ коп.

Число жителей по Колыванскимъ форпостамъ и ихъ окрестностямъ въ 1758 году.

О деревняхъ Усяцкой и Угреневой и Устьнянскаго форпоста свѣдѣній не получено.

Въ Барнаульскомъ заводѣ мастеровыхъ, посадскихъ, цеховыхъ, разночинцевъ и обывателей 592 человѣка. Приписныхъ къ заводамъ въ Бѣлоярской слободѣ 1189, въ Бердскомъ острогѣ 1434, въ Малышевской слободѣ 1900, въ Чеускомъ острогѣ 156, въ Сосновскомъ 234. Они, по словамъ Заводской Канцеляріи, находятся при заводахъ и рудникахъ всегда, день и ночь безотлучно, и увольняются только 2 раза въ лѣто, для пахоты и посѣва хлѣба съ 1 Мая по 1 Іюня, и для поставки сѣна и снятія съ полей хлѣба съ 10 Іюля по 1 Сентября.

Въ Новиковскомъ форпостѣ отставный Казакъ 1; въ Бійской крѣпости разночинцевъ 11, Катунской крѣпости отставной Казакъ 1, разночинцевъ 2, Акуйской разночинцевъ 4, въ Колыванскомъ заводѣ мастеровыхъ и учениковъ 131, посадскихъ, цеховыхъ и разночинцевъ 19, обывателей 33, всѣхъ же 183 человѣка. Въ Шульбинскомъ заводѣ обывателей 49, въ Змѣевскомъ рудникѣ мастеровыхъ и учениковъ 182, Чакырскомъ мастеровыхъ 11, Чарышской сотнѣ, крестьянъ населенныхъ по Чарышу и Алею, 170, Алейской сотнѣ крестьянъ 604 человѣка.

Численность крѣпостныхъ Казаковъ въ 1758 году.

Станецъ Подстепный	Ямышевскихъ Казаковъ для возки курьеровъ и писемъ	3
Форпостъ Коряковскій.	. . . . .	4
Станецъ Черноярскій	Ямышевскихъ	4
Форпостъ Чернорѣцкій	Ямышевскихъ	3
Станецъ Песчаный	Крѣпостныхъ .	1
« «	Татаръ городовыхъ.	3
Форпостъ Осьморыжскій	Крѣпостныхъ	3

Станецъ Пяторыжскій	—	Крѣпостныхъ	4
Крѣпость Желѣзинская	—	» Русскихъ . .	50
		» Татаръ . . .	14
Станецъ Урлютюпскій	—	. . . .	4
Станецъ Татарскій		. . . .	4
Форпостъ Черлаковскій	—	Омскихъ . . . . (въ томъ числѣ 14 хлѣбопахотныхъ и 3 почтовыхъ). . .	19
Стан. Соляной Поворотъ	—	Омскихъ . . . . (въ томъ числѣ хлѣбопахатныхъ 7, Татаръ 3).	15
Станецъ Изыльбашскій	—	. . . . (въ томъ числѣ хлѣбопах. 15).	21
Форпостъ Ачаирскій	—	Крѣпостныхъ.	26
		Городовыхъ Русскихъ . .	1
		— Татаръ. .	1
Станецъ Устьзаостровскій	—	Крѣпостныхъ. . .	11
		Городовыхъ Татаръ.	4

Списокъ отставныхъ драгунъ, солдатъ и Казаковъ въ Омской крѣпости, въ форпостахъ и деревняхъ ея вѣдомства:

	муж. пола	жен. пола	лошадей	коровъ	овецъ
Въ дер. Харинской драгунъ	1	1	—	1	—
» кр. Омской солдатъ. . . .	3	5	1	2	—
» селѣ Горно-Кулачевскомъ солдатъ.	5	4	—	2	7
» дер. Новой	1	3	3	6	3
» фор. Ачаирскомъ солдатъ	1	4	1	1	—
» кр. Омской Казаковъ. * .	99	50	36	50	—
» дер. Зотиной Казаковъ.	1	1	2	1	—
» дер. Здорной Казаковъ.	2	1	10	10	10
» дер. Новой Казаковъ. . .	3	—	—	—	—
» ст. Устьзаостровскомъ Каз. .	14	8	8	12	—

* Одинъ изъ сыновей у Казаковъ записывался въ Казачью службу, остальные въ подушный окладъ.

Въ ф. Ачаирскомъ Казаковъ	14	9	7	8	4
» стан. Изылыбашской . .	14	8	4	4	—
» от. Солявомъ Поворотѣ.	1	—	—	—	—
» форпостѣ Черлаковскомъ. .	12	5	15	25	26
Всего:	171	99	87	122	50

Рапортъ Полковника Дегаррига Веймарну, Апрѣля, 1760 года.

«Февраля 20-го Вашего Превосходительства ордеромъ повелѣно ежели есть у состоящихъ на здѣшнихъ Кузнецкой и Колыванской Линіяхъ ундеръ-офицеровъ, капраловъ и прочихъ чиновъ молодыхъ читать и писать гораздо умѣющихъ и часть Ариѳметики знающихъ изъ Офицерскихъ дѣтей, и кто къ такой наукѣ охотники окажутся выбравъ, сколько таковыхъ найдется, присдать въ Омскую крѣпость при рапортѣ немедленно, которые де, тамъ инженерными Офицерами и обучаемы быть имѣютъ. Объ этомъ было предложено во всѣ роты, но, читать и писать гораздо умѣющихъ и часть Ариѳметики знающихъ и желающихъ къ той наукѣ, никого не оказалось.»

4-го Апрѣля, 1760 года, Веймарнъ предписывалъ Тарской Воеводской Канцеляріи всѣхъ живущихъ въ Тарскомъ Вѣдомствѣ отставныхъ драгуновъ, солдатъ и Казаковъ съ ихъ семействами выслать въ Омскъ «къ поселенію при Линіяхъ, для охраненія при нужныхъ случаяхъ

Въ Іюнѣ Пелымская Воеводская Канцелярія представила Веймарну списокъ отставныхъ солдатъ, Казаковъ и драгуновъ. Оказалось въ Пелымскомъ Вѣдомствѣ 11 человѣкъ семейныхъ. Такіе же списки Веймарнъ требовалъ и отъ другихъ Канцелярій. Тюменская Канцелярія сообщила, что въ Тюменскомъ Уѣздѣ и г. Тюмени, отставныхъ съ 752 года считается 21 человѣкъ, изъ нихъ 13 женатыхъ, изъ которыхъ у 8 человѣкъ есть дѣти мужскаго пола. Въ Уѣздѣ города Верхотурья отставныхъ было 12, изъ нихъ 9 женатыхъ, изъ которыхъ у 6 были дѣти мужскаго пола. Въ Ишимскомъ дистриктѣ отставныхъ было 23, изъ нихъ 16 женатыхъ, изъ которыхъ у 11 дѣти мужскаго пола. Въ Березовскомъ Уѣздѣ отставныхъ

12, изъ нихъ 10 женатыхъ, изъ которыхъ у 4 дѣти мужскаго пола. Въ Туринскомъ Уѣздѣ отставныхъ 4, всѣ женаты, но дѣти мужскаго пола только у 1. Въ Ялотуровскомъ дистриктѣ отставныхъ 59 человѣкъ, изъ нихъ 47 женатыхъ, изъ которыхъ у 17 дѣти мужскаго пола. Всѣ они имѣютъ лѣтъ по 40 — 70. Въ службѣ были по 25 и 50 лѣтъ. Живутъ всѣ на пропитаніи у родственниковъ своихъ, всѣ дряхлы: у большей части зубовъ нѣтъ, ломота въ костяхъ, слѣпота, руками, или ногами, не владѣютъ, раны, чахотка.

Въ 1760 году прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ на дистанцію Устькаменогорской крѣпости Яицкихъ Казаковъ было 161 человѣкъ, у нихъ было 319 лошадей.

Военно-походная Канцелярія Веймарна сообщаетъ Сибирской Губернской Канцеляріи, что «на тамошнихъ Линіяхъ воинскихъ судовъ и слѣдствій весьма умножилось, такъ что для производства оныхъ, по малоимѣнію въ наличности Оберъ-Офицеровъ, и опредѣлять некого.

Въ 1760 году съ Кузнецкой и Колыванской Линій было назначено въ нѣкоторое секретное дѣло Казаковъ 511 человѣкъ, изъ нихъ 213 женатыхъ, изъ которыхъ у 147 или вовсе не было, или не было дѣтей мужскаго пола.

Луцкаго полка Поручикъ Ребровскій былъ командированъ, для поимки бѣглыхъ Казаковъ Ямышевской крѣпости, Ѳедора съ товарищи и заводскихъ бѣглыхъ. Пойманы Казаки Волковъ и Нагибинъ и заводскій мастеръ Лобинъ. При нихъ взято лошадей 10, винтовокъ 3, рогатины 2, топоровъ 4, шубъ 5, яга 1, кафтанъ 1, шапокъ 5, рубахъ 6, портъ 6, сѣделъ 3, хомутовъ 2, сумъ 3, сковородъ 2, уздъ 6, долотъ 1, трубки 1, опасокъ 3.

11-го Августа, 1758 года, черезъ Ачаирскій форпостъ слѣдовала Яицкая тысячная команда, при чемъ у живущихъ въ форпостѣ Казаковъ вытасканы съ поля весь горохъ и рѣпа безъ остатка, а у Казака Грызова двухъ его борововъ копьями закололи и увезли ихъ въ торокахъ. Бывшіе при томъ разночинецъ Дороховъ и Казакъ Грызовъ объявили: «чего ради они такое разореніе чинятъ?» Но они, не глядя на ихъ запрещеніе, а желая по своему намѣренію ту рѣпу и горохъ въ мѣшки покласть, стращали изъ торокъ по Грызову стрѣ-

лять; однако онъ, не убоясь того, за ними поѣхалъ въ ихъ Казачій лагерь и о удовольствіи просилъ ихъ Яицкаго Атамана. Атаманъ потребовалъ, чтобъ онъ показалъ виноватыхъ, и Грызовъ опознал 4-хъ человѣкъ, а прочихъ, за многолюдствомъ, опознать не могъ. Кромѣ того у другаго Казака они же украли на пашнѣ 2 хомута, возжи, топоръ. Атаманъ послалъ въ форпостъ Есауловъ освидѣтельствовать борова и поле, съ котораго вытасканы горохъ и рѣпа; борова они смотрѣли, а на поле не поѣхали.

Рапортъ Фрауендорфа Веймарну, Апрѣля, 1760 года.

«Полковникъ Лестокъ рапортуетъ мнѣ, что Премьеръ-Маіоръ Линеманъ донесъ ему: «Состоящій въ Покровской крѣпости Донскаго войска Хорунжій Линевъ чинитъ ослушанія противъ ордеровъ Вашего Превосходительства и, сверхъ того, онъ же Хорунжій Линевъ, Поручику Пашкевичу учинилъ предобижденіе невѣжливымъ образомъ, равняя себя Оберъ-Офицеру, и посреди крѣпости, публично, при всѣхъ, въ то время находящихся, военныхъ чинахъ, въ слухъ ему Пашкевичу сказалъ: «Ты, де, Поручикъ, а я Прапорщикъ, твой братъ, Офицеръ такой же.» И онаго безъ слѣдствія оставить не возможно; но токмо, какъ Вашему Превосходительству довольно извѣстно, что оныхъ слѣдствій и кригсрехтовъ и безъ того довольно состоитъ, и такъ за всѣ его Линева противности, по мнѣнію моему, надлежитъ учинить ему наказаніе, предъ ихъ Казачьею командою, въ страхъ другимъ, а ему въ воздержаніе: высѣчь его плетьми нещадно; и болѣе предаю на разсмотрѣніе Вашему Превосходительству.»

Промеморія изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, отъ Апрѣля 7-го, 1741 года.

Сколько въ Сибири надлежитъ собрать рекрутъ, драгунскихъ и подъемныхъ лошадей.

	Рекрутъ	Драгунск. лошадей.	Подъемныхъ лошадей.
Въ Тобольскомъ дистриктѣ съ го-			
» родомъ и монастырями.	120	25	8
» Тарѣ и ея округѣ. . .	37	7	2

Въ Верхнеиртышскихъ 5-ти крѣпостяхъ.	9	2	1
» Томскѣ и его округѣ. . . .	142	29	8
» Въ Колывановоскресенскихъ и Шульбинскихъ заводахъ.	145	28	8
» Енисейскѣ.	105	21	7
» Красноярскѣ.	69	13	4
» Мангазеѣ. .	5	1	—
» Березовѣ.	2	—	—
» Сургутѣ. .	3	1	—
» Нарымѣ. . . .	9	2	1
» Краснослободскѣ.	91	18	5
» Ишимскомъ дистриктѣ. . .	73	14	4
» Пелымѣ. .	9	2	1
Всего	895	176	52

Въ Тюмени, Ялотуровскомъ дистриктѣ, Туринскѣ, Верхотурьи числа общаго жителей еще не извѣстно, а по тому число рекрутовъ не означено, до полученія свѣдѣній.

ПОГРАНИЧНЫЯ ДѢЛА И ПОЛОЖЕНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ.

Показаніе Барабинскихъ волостей Есаула Кучука Мольбердѣева, Мая 1746 года.

Барабинскихъ волостей состоитъ 7; Галданъ-Чирину даютъ алману столько жъ, какъ и Ея Императорскому Величеству; платятъ лисицами, или орловыми перьями и юфтами, для сбору которыхъ пріѣзжаетъ каждогодно до 20 Калмыкъ. За 1746 годъ алману еще не брали.

По требованію Военно-походной Канцеляріи Киндермана, въ Тарской Канцеляріи сдѣлана справка, и оказалось, что число Барабинскихъ юртъ не извѣстно, а число душъ переписано въ 1741 году; съ тѣхъ поръ переписи не дѣлано; сборщики, по просьбѣ Барабинцевъ, не ѣздятъ въ Барабу, Барабинцы сами привозятъ въ Тару ясакъ лисицами, корсаками, горностаями, бѣлками, лосиными кожами; кромѣ медвѣжинъ и Русскихъ товаровъ, Барабинская волость доставляетъ ясака на 156 рубл., Чейская на 44 рубл., Теренинская на 30 рубл., Тунуская на 65 рубл., Туражская на 57 рубл. 50 коп., Любанская на 27 рубл. 50 коп., и Карагалинская на 24 рубл. Всего же съ семи волостей на 404 рубля.

Реестръ Ясашнымъ людямъ:

	ПЛАТЕЖНЫХЪ.		Малолѣтниковъ, написанныхъ въ ясакъ въ 1741 г.	НЕПЛАТЕЖНЫХЪ.		И того.
	Которые платятъ по 1 руб.	Платятъ по 5 коп.		Малолѣтковъ ниже 18 лѣтъ.	Престарѣлыхъ и больныхъ.	
Барабинской волости	156	—	4	97	11	268
Кулебинской . . .	57	1	2	10	2	72
Тунуской. . .	65	—	2	24	4	95
Теренинской	30	—	2	16	4	52
Чайской. . . .	44	—	2	25	5	76
Любанской. . .	27	1	—	2	—	30
Карагалинской. .	24	—	2	13	5	44
И того	403	2	14	187	31	637

Рапортъ Крофта, Іюля, 1747 года.

О томъ, что получилъ извѣстіе отъ Павлуцкаго объ отгонѣ отъ Устькаменогорской крѣпости казенныхъ и частныхъ 67 лошадей. Дано знать объ этомъ Командирамъ полковъ Луцкаго и Вологодскаго, Командиру Тобольскихъ форпостовъ и Казачьему головѣ Сереброву. При отгонѣ этѣхъ лошадей Калмыки ранили двухъ солдатъ стрѣлами чуть не до смерти.

Рапортъ Бобрищева Пушкина, Іюня, 1747 года.

Прибывшій изъ Тобольска Дворянинъ Самойловъ объявилъ въ Каинскомъ форпостѣ: «Слышалъ, де, отъ разночинца Почекуева, что выше крѣпости Ямышевской побито Русскихъ 60 человѣкъ, да угнано 160 лошадей. А по тому и дано для предосторожности знать объ этомъ въ Каинскъ, Каргацкій форпостъ, въ остроги Чеускій, Верхотомскій, Уртамскій, Мелескій и Ачинскій.

Донесеніе Павлуцкаго.

Въ Августѣ, въ Убинской заставѣ одинъ крестьянинъ былъ убитъ, а другой увезенъ непріятельскими людьми, и хотя ѣздили за ними въ погоню на 30 верстъ по Чаръ-Гурбану, куда ихъ трактъ пошелъ, но они пустили по степи огонь и нагнать ихъ было не возможно.

Промеморія Главнаго Правленія Сибирскихъ и Колыванскихъ заводовъ, Марта, 1748 г.

Богороцкаго села Сотникъ Зеленинъ донесъ въ Пермскую Контору, что 21 и 22 Февраля Татары Верхъирейской четверти собирались на сборищѣ въ Верхъирейской заставѣ у Татаръ въ избахъ, а 29 числа собираются всѣ поголовно на Тулву, яко бы лосей гонять. Изъ производимаго же въ Пермской Конторѣ дѣла видно, что Баш-

кирецъ Кусямовъ въ допросѣ показалъ, что Татары Верхъирейской четверти соглашались приготовить оружіе и итти разорять крестьянъ Кунгурскаго Уѣзда.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, Ноября, 1749 г.

19 Ноября въ Сургутъ пришелъ ясашный иноземецъ Юганской волости, Герасимъ Сайготинъ, и объявилъ, что 16 Ноября приходилъ къ нему Пимской волости ясачный иноземецъ Тагичевъ и объявилъ, что пришли въ ихъ Пимскую волость Самоядь и намѣрены побить Пимскую и Юганскую волости. Сургутская Воеводская Канцелярія проситъ о присылкѣ людей, по тому что въ Сургутѣ, за высылкою въ Барнаулъ, осталось 96 человѣкъ; проситъ также прислать палашей, которыхъ у Казаковъ не имѣется. Для провѣрки этѣхъ свѣдѣній посланъ въ Сургутъ Прапорщикъ Князь Чегодѣевъ.

Промеморія Митрополита Сильвестра Киндерману, Іюня, 1751 г.

Одинъ Барабинецъ, принявшій Православіе и имѣющій въ Барабѣ родственниковъ идолатровъ, проѣзжая Барабинскими улусами, слышалъ, что многіе желали бы принять Православіе, если бы ихъ освободили отъ платежа ясака Джунгарскому Владѣльцу. А большую, де, изъ нихъ Барабинцевъ половину, пріѣзжая къ нимъ въ улусы изъ гор. Тары, Татарскій Ахунъ или Мулла Селтовъ изъ идололаторства совращая, приводитъ ихъ въ свою Магометанскую вѣру, и, совративши, обрѣзываетъ въ тотъ Магометанскій законъ, который, де, уже иные изъ нихъ, Барабинцевъ, и содержать, а иные многіе изъ нихъ, не хотя того Магометанскаго закона принять, противятся ему, Ахуну, спорятъ и говорятъ: «Лучше, де, намъ, креститься и быть крещенымъ, а нежели въ Магометанскомъ законѣ.» Означенные же изъ Барабинцевъ, совращенные въ Магометанство, собираютъ съ каждаго улуса рублей по 10, да и по 20, и отдаютъ оному Ахуну за скверную, приносимую имъ Магомету, молитву, повсягодно. Сильвестръ проситъ: отъ въѣзда въ Барабинскія жилища Татарскимъ Абызамъ, для прельщенія и обрѣзованія Барабинцевъ, какимъ либо пристойнымъ образомъ приказать удержаться.

Промеморія Сильвестра, Генваря, 1752 года.

Драгунъ Давыдовъ былъ въ Верьхкуманской волости, гдѣ Башлыки Акучай Итегечевъ и Кунегешъ говорили ему, что между Татарами слухи носятся, что ихъ хотятъ крестить, и по тому они собираются удалиться въ чужую сторону. Сильвестръ объявляетъ, что ни какого подобнаго намѣренія не было.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, Генваря, 1752 года.

Тунгусы Чапогары убили Есаула Жалдуя и при немъ Тунгуса Увачу. Енисейской Провинціяльной Канцеляріи посланъ Указъ, чтобъ она не торопилась посылать туда отряда, чѣмъ можно тѣхъ Чапогаровъ отъ платежа ясака отогнать, а прежде слѣдуетъ изслѣдовать дѣло, не сбиралъ ли Есаулъ лишняго противъ положеннаго.

Рапортъ Подполковника Кенемана, 30 Декабря, 1751 года.

Татарскіе старшины Кондомской волости, Бошгинъ и Нижней команды Акучай Итигечевъ, объявили ему: «Слышали они, что Русское Начальство намѣрено своихъ вѣрноподданныхъ, около Кузнецка живущихъ, Татаръ, крестить, отъ чего они двоеданцы имѣютъ великое смятеніе и многіе удалились не извѣстно куда;» по этому Старшины просятъ отъ крещенія народъ ихъ освободить.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, Апрѣля, 1752 года.

Въ Енисейскую Провинціяльную Канцелярію были присланы нѣсколько инородцевъ, Чапогаровъ и Путугоровъ, которые объявили, что видѣли убійцу, Есаула Корякочу Калбунеева, съ товарищами, когда они выходили для платежа ясака.

Донесеніе Тарской Воеводской Канцеляріи, Генваря, 1756 года.

Въ Каинскомъ форпостѣ Барабинецъ Кутесъ съ товарищами объявили, что они, 10 человѣкъ, были на промыслѣ на Соленомъ Озерѣ и были ограблены Киргизами, которые отняли у нихъ 10 лисицъ и 2 топора.

Рапортъ Маіора Шмалева, Декабря, 1755 года.

Возмущенія инородцевъ Сѣверо-Восточной Сибири Шмалевъ приписываетъ безпорядкамъ Якутской Канцеляріи, которая, по безпечности, не заботилась о равномѣрномъ распредѣленіи земской тягости между инородцами. Шмалевъ получилъ отъ инородцевъ нѣсколько прошеній по этому поводу. Онъ опасается, чтобы ближніе инородцы не сдѣлали того же, что Коряки въ Анадырскѣ и Охотскѣ; «ибо уже Ламутки не въ одно время, за единое къ нимъ досадительное слово, отъ платежа ясаковъ уходятъ въ отдаленныя мѣста и часто бываетъ, что ясакъ отдаютъ черезъ копья, имѣя въ рукахъ своихъ луки и стрѣлы готовыя; къ тому же не безызвѣстно, что оные иновѣрцы повсегда на звѣриныхъ промыслахъ бываютъ вмѣстѣ съ бунтующими Коряками и Юкагирами. Служилые люди вообще неисправны; «Такіе случаи есть, что, не довезя до Анадырска, оставивъ провіянтъ на дорогѣ, они съ прогонными деньгами возвращаются въ Якутскъ; по проискамъ ихъ Якутская Канцелярія, не сочтя ихъ въ провіянтѣ, а особливо въ прогонахъ и безъ объявленія квитанцій, опредѣляетъ ихъ, ради сбору ясака, въ другія мѣста, въ коемъ случаѣ въ Анадырску команды, за неимѣніемъ въ присылкѣ провіянта, несутъ крайній голодъ, а другіе уже померли и помираютъ.»

По рапорту Тарской Воеводской Канцеляріи.

Отъ 20 Ноября 1755 г. алманныхъ сборщиковъ не бывало въ Барабинскихъ волостяхъ съ 1753 г.

Въ Декабрѣ, 1757 г. у четырехъ крестьянъ Малышевой слободы, бывшихъ на промыслу противъ станца Черемховой Затоки, Кир-

гизы отобрали 11 лошадей, 300 бѣлокъ, 7 лисицъ, 1 волка и 1 сохотину.

Въ 1758 г. въ слободѣ Черночуцкой зимовало нѣсколько Калмыковъ въ избахъ; для варенья кашъ имъ были построены изъ соломы кибитки, въ которыхъ они до позднa сидѣли съ огнемъ, и въ избахъ также долго засиживались съ огнемъ, и по слободѣ ходили съ головнями, и не слушали приказовъ не ходить. Кромѣ того, они занимались кражей: у одного крестьянина украли 20 горстей конопля, платъ бѣлый холщевый и въ двухъ мѣшечкахъ льняное сѣмя.

Доношеніе Тарскаго Юртовскаго Бухаретина, Алима Шихова, 1 Мая, 1760 года.

Въ 1751 году, по выбору Тарскихъ Юртовскихъ Бухарцевъ и Татаръ, Алимъ Шиховъ былъ посланъ въ Петербургъ, для жалобы на насильное крещеніе Татаръ бывшимъ Митрополитомъ Сильвестромъ. По незнанію грамоты, Шиховъ взялъ съ собою, для переводовъ и записки приходу и расходу Тарскаго Юртовскаго Бухаретина, Веніямина Хансентова; для расходу же при чиненномъ по той бывши въ Петербургѣ просьбѣ ходатайствѣ, Алексѣю Шихову дано было отъ народа 800 рублей. Но такъ какъ ихъ оказалось недостаточно на издержки, то Шиховъ выпросилъ у народа вѣрющее письмо на издержки изъ собственныхъ средствъ до 5000 рублей. Онъ повезъ съ собою въ Петербургъ Зенгорскихъ товаровъ на 4,000 рублей. Во время его ходатайства въ Сенатѣ и Синодѣ, Шиховъ издержалъ, сверхъ данныхъ ему народомъ 800 рубл., 500 рубл. собственныхъ. Въ Сенатѣ было опредѣлено составить въ Тобольскѣ Комиссію для изслѣдованія этого дѣла. Получивъ изъ дому письмо, что оставленный имъ дома сынъ, по причинѣ чиненнаго ему притѣсненія, бѣжалъ, Шиховъ просилъ отпускъ домой, и былъ изъ Петербурга уволенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Сената былъ посланъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію Указъ, чтобы, до начатія слѣдственной Комиссіи, Бухарцевъ и Татаръ, находящихся въ Тобольскѣ, Тарѣ и Тюмени, не притѣснять. Прибывъ въ Тару, Шиховъ объявилъ народу объ издержанныхъ имъ собственныхъ 500 рубляхъ; народъ обѣщался уплатить деньги. Черезъ годъ Шиховъ получилъ письмо отъ

Тобольскаго Татарскаго Головы, Сабанакова, что оставшійся въ Петербургѣ Сеитовъ совсѣмъ издержался и требуетъ, для потребныхъ въ Петербургѣ издержекъ, послать къ нему денегъ, или вмѣсто его назначить другаго челобитчика. Тарскіе Татары и разночинцы взяли у Шихова еще 500 рубл. и послали съ ними въ Тобольскъ, для соглашенія съ тамошними лучшими Татарами, сына Алимова Мурзалея и Бухаретина Тюлюкъ-Багу Тюлюкъ-Мэметева. Алиму же Шихову Татары и Бухарцы дали вексель въ 1000 рублей. Посланные, однако жь, не могли получить согласія о новой посылкѣ челобитчиковъ ни отъ Сабанакова, ни отъ лучшихъ Татаръ, и съ деньгами возвратились назадъ. Теперь Шиховъ догадывается, что издержанныхъ имъ собственныхъ его денегъ ему возвратить не хотятъ, по тому что подписавшійся подъ векселемъ, Бухаретинъ Кучукъ Абреимовъ, въ Тарскую Воеводскую Канцелярію подалъ челобитную, въ которой прописалъ, что будто бы издержанные имъ, Шиховымъ, 500 р. издержаны не на ихъ народскіе расходы и написаны въ векселѣ напрасно, по чему онъ, Абреимовъ, подписавшійся подъ тѣмъ векселемъ, имѣетъ опасеніе, дабы ему отъ того векселя не прійти въ крайнее разореніе. Шиховъ проситъ производство слѣдствія объ этѣхъ деньгахъ пріостановить до возвращенія его изъ поѣздки по степи.

Рапортъ Полковника Грана, Генваря, 1755 г.

Близъ Кузнецкой Линіи, за Телескимъ озеромъ, стоитъ Мунгальскаго войска 70,000, и ожидаютъ тутъ лѣтняго времени; они требуютъ отъ Телескихъ Татаръ подданства; но Телесцы отвѣчаютъ Китайскимъ посланнымъ, что они не Зенгорскіе, а Русскіе подданные. Телесцы осаждены Китайцами, и у нихъ Мунгальскіе люди взяли въ плѣнъ 104 человѣка, со всѣми юртами, багажемъ и скотомъ.

Рапортъ Полковника Дегарринга, Генваря, 1755 г.

31 Декабря, 1754 г., идущій сверху рѣки Кондомы въ городъ Кузнецкъ, Вергетской волости Татаринъ, Башлыкъ Тыштей Чиглековъ, объявилъ въ Туведѣевскомъ форпостѣ Каптенармусу Гоголеву, что

отъ Телескаго озера, сверьхъ рѣки Тонды, Мунгальцы угнали 4 улуса, въ которыхъ считается 104 души, со скотомъ и всѣми пожитками. Для развѣдокъ объ этомъ Гоголевъ послалъ въ Тондомскія волости драгуна Мендикѣева, который возвратился 7 Генваря и объявилъ, что былъ въ волостяхъ Шорской и Октешевой и слышалъ отъ Башлыковъ, Туюка и Октема, что за Телескимъ озеромъ стоитъ 70,000 Китайскаго войска. Когда Телесцы отвѣтили Китайцамъ, что они Русскіе, а не Зенгорскіе подданные, то Китайцы потребовали отъ нихъ, чтобы они съ этѣмъ объявленіемъ послали трехъ человѣкъ къ Амулѣ-Хану, и тогда отъ него послѣдуетъ рѣшеніе — плѣнить ихъ, или освободить. Но Телесцы на это не рѣшились, а послали Кергенской волости Татарина съ извѣстіемъ объ этомъ въ Кузнецкъ и съ просьбою оборонить ихъ отъ Китайцевъ, но тотъ Татаринъ въ Кузнецкъ не пошелъ. Самъ же Мендикѣевъ слышалъ, что прошлаго лѣта Китайцы Зенгорскаго владѣнія Желтыхъ Саянъ всѣхъ безъ остатку въ плѣнъ взяли, молодыхъ увели, а старыхъ изрубили.

Рапортъ Дегаррига, Февраля, 1756 г.

Къ Чагырской крѣпости прибылъ Бухарецъ Абраимовъ, который объявилъ, что въ Канскія волости прибыли Китайскіе посланцы къ Аблай - Салтану, всего 30 человѣкъ, просить у него согласія, чтобъ впредь ни какихъ ссоръ и междоусобій не было; при посланцахъ имѣется 30 верблюдовъ, навьюченныхъ Китайскими вещами для подарковъ. Посланцы объявили, что за ними идетъ 3,000 человѣкъ взять въ Китайское подданство Телеутскія и Саянскія волости.

Рапортъ Зорина, 28-го Февраля, 1747 г.

О томъ, что Калмыки, прибывшіе для сбора алмана съ Барабы, 18 Декабря, 1746 года, пропущены черезъ Семипалатинскъ, по силѣ ордера Киндермана отъ 30 Ноября.

Показаніе Барабинскаго Татарина, 21-го Іюня, 1747 г.

Зовутъ его Шулунбаемъ Пойдокъ; онъ взятъ былъ въ плѣнъ Киргизами, и потомъ отнятъ у нихъ Контайшинскими Калмыками; потомъ вывезенъ ими въ Барабу, вмѣстѣ съ 4 другими Татарами и 1 бабою. Въ плѣну пробылъ 24 года Въ Джунгаріи осталось еще 50 семей Барабинцевъ. Три другихъ Татарина показали то же.

Рапортъ Павлуцкаго, Іюня, 1747 г.

На Чарышѣ пойманы два человѣка, Тургей и Цой Хотоновъ, которые назвали себя Киргизъ-Калмыками. При рапортѣ приложено ихъ показаніе: «Природы они Киргизъ-Калмыцкой, нынѣ владѣнія Зенгорскаго Владѣльца, а въ прошлыхъ давнихъ лѣтахъ отцы ихъ кочевали на Сагайской степи, между Кузнецкаго и Красноярскаго городовъ, а тогда, де, ясакъ платили Ихъ Императорскимъ Величествамъ, а Владѣльцу Зенгорскому платили, или нѣтъ, того не знаютъ. А нынѣ въ помянутой Сагайской волости кочуютъ ихъ два дяди родные, и находятся въ подданствѣ, и ясакъ платятъ Ея Императорскому Величеству. А когда отецъ ихъ сошелъ въ Зенгорскую землицу, не знаютъ; и жили они въ томъ владѣніи внизъ по рѣкѣ Или, на урочищѣ Шарабѣ, у Ноёна Зенго Бутуя въ холопствѣ. Въ 746 году отецъ ихъ Хотоцъ (который сюда, ѣдучи, умеръ въ Алейскомъ станцѣ), видя себѣ отъ онаго Ноёна Бутуя многія обиды, пошелъ, вмѣстѣ съ ними, въ зимнее время явиться въ Россійскія мѣста, дабы приняты были по прежнему въ подданство Ея Императорскаго Величества. Воевали они близъ крайнихъ Зенгорскихъ улусовъ въ горахъ, а лѣтомъ явились въ Устькаменогорской крѣпости Секундъ-Маіору Беклемишеву, гдѣ и содержаны были 8 мѣсяцевъ подъ карауломъ и потомъ отпущены въ степь. И по отпуску жили они втроемъ по рѣкѣ Ульбѣ въ горахъ два мѣсяца, и паки пріѣзжали въ Устькаменогорскую крѣпость, и просились, дабы ихъ принять кочевать близъ той крѣпости; токмо сказано имъ было, чтобъ обратно шли въ степь. И послѣ того мѣсяца два жили они паки по рѣкѣ Ульбѣ, и отголь пошли степью, чтобъ перейти къ Кузнецку, или

Красноярску, кочевать съ прочими иновѣрцами; но между крѣпостями Бикатускою и Колыванскимъ заводомъ отецъ ихъ умеръ, и жили тутъ съ недѣлю, и Русскіе, наѣхавъ, ихъ поймали.»

Рапортъ Киндерману изъ Тарской Канцеляріи, Декабря, 1748 г.

Посыланный въ Барабинскія волости Казачій Пятидесятникъ Безсоновъ, возвратившись, донесъ, что «видѣлъ тамъ Зенгорскихъ албанныхъ сборщиковъ, Кидака и Баяра, которые ему сказали, что посланы они отъ самаго Владѣльца, изъ его собственнаго отоку, выѣхали они въ Іюлѣ мѣсяцѣ, переѣхали черезъ Иртышъ въ своихъ улусахъ, повыше Бухтармы и Нарыма, въ урочищѣ подъ камнемъ Чаръ, и прошли въ Канъ-Карагай, гдѣ жили 2 мѣсяца, для отдыху лошадей; оттуда прошли межъ Колываномъ и Устькаменогорскою крѣпостью, подлѣ рѣки Алея; отъ Алея поворотили влѣво къ Шульбинскому бору, и въ 40 верстахъ отъ Шульбинскаго заводу проѣхали въ Барабинскую степь. Здѣсь они пробудутъ до Мая 1749 года; сбираютъ они ясаку съ каждаго человѣка по корсаку, или по полулисицѣ, или же по полукрасной кожѣ; а сколько велѣно всего собрать, не знаютъ, по тому что листы Владѣльческіе отобраны у нихъ въ Томскѣ.»

Промеморія Киндерману изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, Февраля, 1745 г.

По опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи посланъ въ Тарскую Канцелярію Указъ Ея Императорскаго Величества, по которому «велѣно всякими пристойными образы навѣдываться секретно чрезъ добрыхъ и надежныхъ и знающихъ людей, количое число нынѣ изъ Зенгорской землицы отъ Галданъ-Чирина въ Барабѣ имѣется для сбора на онаго Владѣльца албана Калмыкъ, и кто у нихъ Начальники или Башлыки имѣются, и когда оные прибыли въ Барабу, и нѣтъ ли у тѣхъ Зенгорскихъ Калмыкъ съ Барабинскими Татарами непріятельскому нападенію на Россійскія жилища какого общаго согласія къ возмущенію. И для того во всѣ тѣ Барабинскія волости

послать нарочныхъ людей самыхъ добрыхъ и къ тому дѣлу искусныхъ, и что по тому навѣдыванью явится, о томъ въ Сибирскую Губернскую и въ Военно-походную Канцеляріи рапортовать.»

Рапортъ Маіора Бобровскаго Киндерману.

По Указу Сибирской Губернской Канцеляріи Бобровскимъ посланы были въ Барабу Тарской Воеводской Канцеляріи Копіистъ Лебедкинъ и Татарскій толмачъ Данила Рудовъ, которые, возвратясь въ Тару, 27 Марта, подали слѣдующую вѣдомость:

«Трунуской волости деревни Угуйской ясашные Татары, Тойга Абышаковъ да Кулметъ Кабаевъ, между прочимъ, въ разговорахъ объявили: «Въ прошломъ, де, 744 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, изъ Зенгорской землицы Галданъ-Чирина пріѣхало въ ихъ Барабинскія волости, для сбору на онаго Галданъ-Чирина алману, Калмыковъ 22 человѣка, при которыхъ имѣются главными два человѣка, Дебедень да Баяръ, который, де, Баяръ напередь сего повсягодно пріѣзжалъ для того алману, и имѣетъ, де, онъ у себя въ Барабинской большой волости жену Барабинской природы и домъ. И по пріѣздѣ, оные Калмыки разъѣхались и живутъ у нихъ по разнымъ ихъ деревнямъ, и требуютъ съ нихъ алманъ, и нѣкоторые, де, уже и уплатили, а другіе, за скудостью, еще не отдали; а того, де, алману платятъ они повсягодно съ каждаго человѣка по 1 лисицѣ, а буде лисицы нѣтъ, то по 1 бобру, или по полукожѣ красныхъ, а буде и того не имѣется, то по 20 стрѣлъ безъ перьевъ и къ нимъ по 5 крыловъ орлиныхъ. И оные Калмыки изъ Барабинскихъ волостей намѣрены выѣхать въ Зенгорскую землицу сего году въ Маѣ мѣсяцѣ, какъ проростетъ трава. А чтобъ оные Барабинцы съ Зенгорскими Калмыками какое согласіе и возмущеніе къ злому намѣренію имѣли, того изъ ихъ разговоровъ не признавается и не присмотрѣно.»

Той же Любейской волости Алдаровой деревни Татаринъ Итбакмасъ Андаровъ, Кулебинской волости Бурнатъ Макинъ, Барабинской Чекула Иркинъ, Есаулъ Вулатъ Кулматаевъ, Чайской волости Алексѣй Кумышевъ, Буруль Уктеевъ, въ разговорахъ о пріѣздѣ въ ихъ Барабинскія волости, тако жъ и о выѣздѣ обратно въ Зенгорскую землицу упомянутыхъ Калмыковъ и о платежѣ алману, объ-

явили, между разговорами, точно жъ такъ, какъ и преднаписанные Тунуской волости Татары объявили.

«А согласія, де, и возмущенія ко злому намѣренію съ помянутыми Калмыками отъ нихъ, Барабинцевъ, какъ по разговорамъ ихъ видно и по всѣмъ минамъ познать бы можно, не признавается.»

Тереннинской волости Есаулъ Агыдотъ Каратаевъ, между прочимъ, въ разговорахъ, объявилъ: «Въ прошломъ, де, 744 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, изъ Зенгорской землицы отъ Галданъ-Чирина прибыли въ ихъ Барабинскія волости, для сбору на онаго ихъ Галданъ-Чирина алману, Калмыковъ 22 человѣка. И нынѣ, де, объявленные Калмыки поступаютъ съ ними, Барабинцами, со всякою ласкою, а напередъ, де, сего чинили имъ всякія обиды и требовали на зарѣзъ скотину и лошадямъ кормъ. Да при томъ, оный Есаулъ Каратаевъ толмачу Рудову говорилъ: «не имѣется ли, де, такого съ вами Указу, чтобъ имъ, Барабинцамъ, платить уже одинъ ясакъ Ея Императорскому Величеству, а Галданъ бы Чирину алману уже не платить?» на что оный толмачъ Рудовъ ему сказалъ, что «такого, де, Указу у него не имѣется, и какъ, де, прежде вы платили, такъ и нынѣ платите.» А чтобъ оные Барабинцы съ Зенгорскими Калмыками какое согласіе и возмущеніе къ злому намѣренію имѣли, того изъ разговоровъ не признавается и не присмотрѣно.

Да и окромѣ оныхъ Татаръ о ихъ Барабинскомъ возмущеніи черезъ другихъ надежныхъ Русскихъ людей, которые находятся при форпостахъ провѣдывано, токмо ничего того не оказалось.»

Рапортъ Павлуцкаго Киндерману, Марта, 1745 г.

О полученіи ордера отъ 1 Марта. «И въ силу того Вашего Превосходительства ордера предложено отъ меня въ Тарскую и Кузнецкую Канцеляріи, въ Колываноскресенскіе заводы, Г. Бригадиру Беeру, да и въ Омскую крѣпость, Маіору Нелюбову, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ каждомъ выбравъ изъ Казаковъ, или изъ обывателей Русскихъ (а не Татаръ) надежныхъ и совѣстныхъ людей по 2 человѣка, знающихъ Татарскіе разговоры, и изъ нихъ чтобъ были по одному умѣющихъ по Русски въ грамотѣ, дабы нужное къ вѣдѣнію

записать могли, и отправить ихъ къ Барабу въ самоскорѣйшемъ времени, токмо велѣть имъ о себѣ объявлять, какъ Русскимъ, а паче иновѣрцемъ, что отпущены за своею нуждою для покупки, или продажи, чего, или нѣчто потерянное сыскивать, и для того дать имъ пашпортъ, и приказать имъ для того взять съ собой своего, или у постороннихъ кого, возможное число товару, а между тѣмъ имъ о вышеозначенномъ обращеніи навѣдываться искусно, чрезъ посторонніе разговоры, между партикулярными рѣчами, а именно: 1) Сколько тѣхъ Зенгорскихъ Калмыкъ нынѣ въ Барабѣ имѣется, и кто именно при нихъ начальники? 2) Какъ давно они изъ землицы своей пріѣхали, и когда намѣрены обратно ѣхать? 3) Всѣ ль поѣдутъ, или нѣсколько еще зачѣмъ до котораго времени имѣютъ тутъ остаться? 4) Всего сколько тѣ Барабинскіе Татары онаго алману платятъ и какимъ звѣремъ, или товарами и деньгами, и по чему съ волости, или съ каждой мужской души? 6) Въ сборѣ того алману тѣ Калмыки справедливо ли съ Барабинцами поступаютъ, или какія излишества чинятъ, и въ бытность свою тутъ сами и лошадей своихъ довольствуютъ отъ плательщиковъ Барабинцевъ покупкою, или безъ всякаго платежа? 7) Напротивъ того тѣ Татары въ сборѣ и въ отдачѣ упоминаемаго алману какъ охотны и старательны являются и тѣми Зенгорскими сборщики довольны ль? 8) И о всемъ ономъ происхожденіи съ обѣихъ ихъ сторонъ по прежнему ль поступается, или въ чемъ есть нынѣ какая отмѣна, о томъ съ крайнимъ прилежаніемъ развѣдать? 9) Нѣтъ ли у часто упоминаемыхъ Барабинцевъ согласія съ Зенгорцами къ какимъ злымъ намѣреніямъ противу Россіи, то есть, къ непріятельскимъ поступкамъ, или особливой коммуникаціи и писемъ? 10) Буде же тѣ, бывшіе за алманомъ Калмыки, по сборѣ онаго, уже возвратились, то съ ними не уѣхало ль сколько Барабинцевъ въ Зенгорію, и буде уѣхали, то кто имяны и изъ знатныхъ, или изъ простыхъ, людей, и для чего именно и на долго ль? И оное все развѣдываніе тѣмъ посланнымъ велѣть чинить по разнымъ мѣстамъ, переѣзжая изъ деревни въ деревню, а въ одной деревнѣ всего отнюдь не выспрашивать, дабы Барабинцы не могли о томъ, что они за развѣдываньемъ ѣздятъ, дознаться, паче жь, чтобъ чрезъ ихъ объ ономъ къ Зенгорцамъ въ слышность не вошло, чего ради должно онымъ при всемъ томъ догадливые и искусные поступки употреблять. Да при семъ же Вашему Превосходительству покорно до-

ному. По справкѣ въ Ямышевской Канцеляріи, въ присланномъ въ оную, Іюля 29, прошлаго 744 года, изъ Семипалатной крѣпости отъ Капитана Карачинцова въ рапортѣ написано, что 19 Іюля переправились близъ Семіарскаго станцу черезъ Иртышъ на салахъ Зенгорскаго владѣнія Калмыкъ 30 человѣкъ, Башлыкъ при нихъ Тебендей, и пошли черезъ степь къ Барабѣ, а о себѣ объявили имѣющему на томъ станцѣ капралу, что посланы они отъ Владѣльца своего, Галданъ-Чирина, въ Барабу для сбора алману, и чрезъ оное, де, мѣсто они ежегодно ходятъ, а обратно въ свою землицу изъ Барабы оные Калмыки проѣхали ль, неизвѣстно.»

Доношеніе Киндерману Маіора Бобровскаго.

«По рапорту Устьтатарскаго форпоста Пятидесятника Савочкова показано, что Барабинскіе Татары, Тогурткинъ и Изенбековъ, были въ Ургѣ Зенгорскаго Владѣльца Галданъ-Чирина, и выѣхали, де въ Барабинскія волости; и нынѣ оные Татары, по посланному къ оному Савочкову Указу, сысканы и сюда присланы, которые и посылаются къ Вашему Превосходительству.»

Рапортъ Подполковника Самойлова, Августа, 1752 г.

«3-го Августа прибыли въ Октяшеву волость изъ Зенгорской землицы Тархай Чюхай Часмановъ, съ нимъ 47 Калмыкъ, 3 Турка, 6 сайдаковъ, 38 лошадей. Они черезъ своего толмача по Татарски объявили, что посланы прошлаго лѣта изъ Урги для сбора алмана и зимовали въ Каракалѣ. Нынѣшняго лѣта сбирали алманъ съ Бельтирской волости и въ Охрейскихъ пяти мѣстахъ, и въ волостяхъ Шерской, Каларской, Елейской, а нынѣ за тѣмъ же въ Октяшевъ улусъ пришли. Тархай объявилъ жалобу, что Мраской волости Башлыкъ Ебога съ своей волости алману за 7 лѣтъ не отдавалъ и бѣгаетъ отъ нихъ со своею волостью. Канской волости Башлыкъ Копышакъ не отдавалъ на нынѣшній 752 годъ за 30 головъ, и отъ того платежа бѣжалъ. 11 Августа, по сборѣ алмана, Калмыки возвратились въ свою землицу.»

Рапортъ Киндерману Кузнецкаго Воеводы Шапочникова, Августа, 1745 г.

«По справкѣ въ Кузнецкой Воеводской Канцеляріи оказалось: «Напредь сего Кондомскихъ волостей ясашные Татары Зенгорскому Владѣльцу алманъ давали желѣзными таганами и котлами; однако жь нынѣ, по силѣ Вашего Превосходительства ордера, въ тѣ Кондомскія волости ко отправленному изъ Кузнецка сборщику посланъ Ея Императорскаго Величества Указъ, по которому велѣно ему ясашнымъ Башлыкомъ объявить, чтобъ они Зенгорскому Владѣльцу алманъ давали звѣремъ, или чѣмъ инымъ, кромѣ желѣзныхъ котловъ и тагановъ, а желѣзо яко бы потребно въ Кузнецкъ на котлы, таганы и къ печамъ на связи и на прочее употребленіе ко вновь начинающимъ въ Кузнецкѣ строиться виннымъ и пивнымъ не малымъ заводамъ, чтобъ въ строеніи оныхъ, за неимѣніемъ въ Кузнецкѣ желѣза, не послѣдовало остановки, ибо они ясашные и сами знаютъ, что въ Кузнецкъ желѣза на продажу ни откуда не вывозятъ И при томъ же велѣно ихъ обнадежить, что оное у нихъ для той надобности примется въ казну Ея Императорскому Величеству по цѣнѣ въ ясакъ. А въ Кумандинскія ясашныя волости посланъ отсель нарочный, и велѣно ему секретно въ тѣхъ волостяхъ справиться, чѣмъ съ тѣхъ волостей Зенгорскій сборщикъ нынѣшній годъ алманъ собиралъ, и что окажется, Вашему Превосходительству донесу.»

Промеморія изъ Красноярской въ Кузнецкую Канцелярію.

Сего 1745 г., Іюля 5 дня, въ присланномъ въ Красноярскую Воеводскую Канцелярію отъ пограничныхъ дозорщиковъ, Ивана Азарутова и товарища его, Якова Саламатова, доношеніи написано: «Сего, де, 745 года, по присланнымъ изъ Красноярской Канцеляріи секретнымъ Указамъ, велѣно имѣть отъ Зенгорскаго Владѣльца, Галданъ-Чирина, крѣпкую предосторожность и частые разъѣзды. И по силѣ данной инструкціи отъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи бывшему дозорщику, Кирилу Худоногову, который, де, нынѣ имѣется въ Енисейской Провинціяльной Канцеляріи подъ карауломъ, и велѣно, де, ему быть пограничнымъ дозорщикомъ, и по данному, де, Указу отъ Енисейской Канцеляріи, такожде и Якову Саламатову обще съ нимъ разъѣзды чинить между Россійскою и Китайскою Имперіями, начи-

вая отъ Кузнецкаго вѣдомства, отъ Контайшина владѣнія, отъ перваго граневаго маяка, гдѣ поставленъ знакъ на хребтѣ Шабина Дабага; также и къ Иркутскому вѣдомству опредѣленные на устьѣ рѣкъ Чабашу и Чаганъ Махана, противъ вышеписаннаго знака Красноярскихъ служилыхъ и Кузнецкаго вѣдомства ясашныхъ иноземцевъ Сагайскаго и Бельтирскаго двухъ родовъ караульные Есаулы Иптышь Аюжаковъ съ товарищи (слово пропущено)... и по осмотру, де, ихъ въ нынѣшнемъ 745 г., Іюня 21 дня, вышепоказанный знакъ, при помощи Божіей, состоитъ ненарушимо, и на означенномъ караулѣ все благополучно, и отъ Китайской стороны, также и отъ Зенгорской войскъ, и отъ прочихъ непріятельскихъ людей нападеній и непорядочныхъ поступокъ, ни какихъ не явилось. Токмо, де, сего 745 года, Іюня дня, по объявленію вышепоказанныхъ Бельтирскихъ Татаръ отъ Башлыка Маюгаша Меолокова и отъ Есаула Иптыша Аюжакова, также и отъ прочихъ Бельтирскихъ Татаръ, по показанію явилось: съ прошлыхъ, де, лѣтъ платятъ они Калмыцкому Владѣльцу Галданъ-Чирину, по соболю съ человѣка ежегодно, за которымъ, де, ясакомъ пріѣзжали сборщики и, собравши ясакъ, имъ ни какихъ большихъ обидъ не дѣлывали. А съ прошлаго, де, 742 года присылаются ясашные сборщики отъ вышепоказаннаго Галданъ-Чирина, а именно: Кутукъ Катакуловъ сверхъ ясаку на себя обиралъ сильно 10 соболей, которые, де, и взялъ; да взялъ, де, съ собою въ подводы 8 лошадей и не возвратилъ, а подводчиковъ отпустилъ пѣшихъ, также и многихъ Бельтиръ мучилъ всякими нападками и вязалъ иныхъ къ юртѣ съ пикой назадъ, и къ колу, де, арканомъ, и бралъ по соболю и коньми. А въ 743 и 744 г. пріѣзжалъ другой сборщикъ, Мамантъ Катакуловъ, и взялъ же съ оныхъ Татаръ въ два года 22 кони, которыхъ, де, и угонилъ съ собою, да сверхъ ясаку взялъ съ нихъ 20 соболей, да также и кромѣ того своими нападками бралъ по коню и мучилъ всякими муками, также и прочими звѣрями бралъ. Кутукъ Катакуловъ съ Есаула Иптыша взялъ коня и съ брата его Иптыша коня же, тако жь и другой сборщикъ, Мамантъ у Тахмочи кобылу, да шубу камчатую, да зипунъ синій суконный, да 2 соболя, да у Табурчина соболя да выдру, отъ Башлыка Маслакова соболя, у Колженяева кожу красную да выдру, съ жены Иптыша Аюжакова соболя да выдру, у Чапгарака угонилъ 8 лошадей да взялъ 4 выдры, отъ чего, де, пришли во всеконечное разореніе и отъ ихъ ясаку на онаго Галданъ-Чирина, что, де, оные иноземцы показали,

и въ казну, де, Ея Императорскаго Величества ясакъ, де, платятъ съ великою нуждою, отъ ихъ разоренія звѣрьми. И сего, де, 1745 года вышепоказанные Бельтиры объявили, что, де, оные сборщики и по вышеписанное число не бывали, отъ чего, де, они отъ нихъ грабежа опасны; а ежели показанные сборщики будутъ впредь для сбору ясаку съ помянутыхъ Бельтиръ, повелѣно ли, де, имъ давать, или запретить, и чтобы, де, ихъ до разоренія не допустить? А по силѣ, де, присланныхъ Ея Императорскаго Величества секретныхъ Указовъ, находится немалая опасность отъ такихъ вышепоказанныхъ сборщиковъ, и по усмотрѣнію ихъ, Азарутова и Саламатова, надлежитъ быть караулу, которой дорогой оные сборщики пріѣзжаютъ, а именно въ урочищѣ сверхъ по рѣкѣ Таптышу, на усть рѣчки Иси, служилыхъ людей 5 человѣкъ съ довольнымъ оружіемъ, запасомъ и на добрыхъ коняхъ (назначить), также по пристойному числу пороху, чтобъ у каждаго служилаго было по двѣ добрыхъ лошади для разъѣзду по оной рѣчкѣ Исѣ, для смотрѣнія воровскихъ людей. Также въ оныхъ секретныхъ Указахъ велѣно отъ нападенія непріятельскаго имѣть вооруженною рукою отпоръ и поимки, а на выше показанномъ, де, караулѣ у служилыхъ людей пороху не имѣется, также и на Обѣ рѣкѣ у караульныхъ 3 человѣкъ пороху не имѣется, токмо, де они съ однимъ оружіемъ, съ винтовками, и просили, дабы Красноярская Канцелярія благоволила прислать на оные караулы пороху въ скорости, чтобы, де, безъ пороху какой причины не учинилося, а имъ бы не пришлось въ неосмотрѣніе. А по справкѣ въ Красноярской Канцеляріи, вышеписанные Бельтирскіе иноземцы вѣдомства Кузнецкой, а не Красноярской, Канцеляріи, и (тѣ) мѣста, на которыя требуетъ онъ Азарутовъ служилыхъ къ караулу, вѣдомства Кузнецкаго. И понеже оные Бельтирскіе Татары вѣдомства Кузнецкаго, а не Красноярскаго, то дабы соблаговолила оная Кузнецкая Воеводская Канцелярія на показанный караулъ на Исю рѣку изъ Кузнецкихъ служилыхъ со оружіемъ опредѣлить.»

Письмо къ Галданъ-Чирину, Генваря 10, сего 1744 года.

Въ Сибирскую Канцелярію изъ Колывановоскресенской Заводской Конторы писали: «Сентября, де, 5, прошлаго 743 года, состоящіе подъ командою вашего Зайсана Омбы Калмыки, Келишъ да Чадыръ съ товарищи, на Чарышѣ рѣкѣ убили Русскихъ людей 3 человѣка, и украдено Калмыками на Чагырскомъ рудникѣ, и изъ того сыскано и имѣется у того Зайсана Омбы подъ охраненіемъ, а именно: 3 лошади, 3 котла, 2 кафтана, 1 рыболовная сѣть, двѣ казенныхъ желѣзныхъ лопаты, 1 коса. А изъ товарищей его Келишевыхъ, Чадыра съ товарищи, оный Зайсанъ Омбо сыскивалъ, и по посланному отсюда Указу, велѣно означенному Омбѣ изъ того Колывановоскресенскаго завода писать, чтобы онъ трехъ Калмыкъ, Чадыра и прочихъ, которые приличились по объявленнымъ смертнымъ убійствамъ и въ грабительствѣ скота и пожитковъ, и велѣлъ сыскивать всякими сыски накрѣпко, и отыскавъ, прислать ихъ въ Колывановоскресенскіе заводы для учиненія слѣдствія. Да той же Конторѣ велѣно требовать отъ показаннаго Зайсана Омбы пограбленное у Русскихъ людей, и къ тому ему, Зайсану, объявить, что показалъ по допросу означенный Калмыкъ Келишей о слышаніи имъ отъ Калмыкъ въ Кану, что въ томъ же году Калмыки Качай съ товарищи убили Русскихъ купцовъ 6 человѣкъ, которые, де, шли для купечества въ Ургу, по ту сторону рѣки Иртыша, да (сказывалъ) объ убитіи Русскихъ же людей Малжакомъ съ товарищи на рѣкѣ Еланге 3-хъ человѣкъ, да объ отгонѣ Калмыками же Дотой съ товарищи у Русскихъ людей 12 лошадей: и чтобъ онъ, Зайсанъ Омба, тѣхъ воровъ отыскавъ, къ слѣдствію въ Колывановоскресенскіе заводы выслалъ. И на оный посланный Указъ, въ присланномъ сюда Мая 20 изъ Колывановоскресенской Конторы доношеніи написано, что, де, по объявленному Указу посыланный въ мѣстечко Канъ къ Зайсану Омбо Сержантъ Рѣскинъ въ той Конторѣ доѣздомъ объявилъ: оный, де, Омбо, обще съ Зайсаномъ же Менку, сказали ему: покраденное, де, Чадыромъ съ товарищи отдадутъ, изъ которыхъ ему, Сержанту, и отдали одно желѣзное веретено, 1 лопату, а за прочее отдали 1 соболій хвостъ да Иркетскую Хамскую бязь, да изъ пограбленныхъ пожитковъ 2 тренога, 2 кафтана, 5 лошадей; а въ прочихъ, де, увезенныхъ Калмыками инструментахъ и въ убійствѣ заперлись; да

оный же де, Сержантъ, означенному Зайсану предлагалъ о взысканіи съ Калмыковъ, приличившихся въ воровствахъ, издержанныхъ изъ Заводской Конторы суммъ во время воровскихъ подбѣговъ и за тѣмъ въ посылкахъ и на корму содержащихся команды его Калмыкахъ, 23 р. 29 копѣекъ съ денежкой, которыхъ, де, денегъ ему, Сержанту, не отдано.

И ради того, Вы, Зенгорскій Владѣлецъ, Галданъ-Чиринъ, прикажите вышеписанное пограбленное Калмыками и издержанные на воровъ деньги, для отдачи обидимымъ, отдать посланнымъ къ Вамъ съ симъ листомъ, Прапорщику Подзорову и при немъ будущимъ, неудержно. И о томъ, тако жъ и въ убійствѣ Руоскихъ людей, какъ о томъ выше сего показано, произвесть слѣдствіе, и за то ворамъ Указъ учинить, и впредь того чинить запретить. Тобольскъ, Октября 5, 1744 года. Губернаторъ Сухаревъ.»

Рапортъ Кузнецкаго Воеводы Шапочникова, Іюля, 1745 г.

Іюня 10, пришедъ въ Кузнецкую Канцелярію, Кондомской Борсояцкой волости ясашный Татаринъ Шодаевъ, чрезъ толмача Максюкова, секретно объявилъ: «Былъ, де, онъ съ посланными изъ Кузнецка въ ясашныя волости отставными Казаками, Шороховымъ и Пойловымъ, въ проводникахъ до Кумандинской ясашной волости, и при переправѣ черезъ Бію рѣку, пріѣхали къ той Біѣ Канскихъ Зенгорскихъ волостей Калмыковъ 24 человѣка, и означеннымъ, Шорохову и Пойлову, объявили, что они намѣрены ити въ Кондомскую Итиберскую волость для торгу, и подумавъ, де, едва ль изъ нихъ кто не поѣдетъ ли въ городъ Кузнецкъ, и товару, де, при себѣ объявляли— соболи, волки, шубы и войлоки да лошадей со 100. И при томъ же, де, тѣ Калмыки у Шорохова и Пойлова спросили, куда они идутъ? на что, де, они объявили, что они посланы въ Канскія волости, для взятья съ Таутелеутскихъ пограничныхъ Татаръ въ казну долмачнаго ясаку; и они, де, Калмыки ему сказали: ежели у васъ есть письма, поѣзжайте—ясакъ, де, вамъ отдадутъ. Еще жъ они, Калмыки, въ разговорахъ своихъ сказывали: скоро, де, изъ Зенгорской землицы въ Канскія волости будутъ Канскіе и Каракальскіе Калмыки, Онбо, Кутукъ и Мамьекъ, которые въ Угру уѣхали уже другой годъ.

И того жъ числа, для развѣдыванія оныхъ Калмыкъ, для чего они въ тѣ волости подлинно пріѣхали, и не для ль присмотровъ по здѣшней границѣ происхожденій, посланы были до той Кумандинской волости Капралъ Бызовъ, толмачь да 4 драгуна. А 11 Іюня, пришедъ въ Кузнецкую Канцелярію, ясашный Татаринъ Бакчараковъ объявилъ: «Изъ Кумандинской, де, волости прибыли въ Итиберскую волость Зенгорскіе Калмыки 4 человѣка, которые, де, вышли въ Кумандинскую въ 24-хъ человѣкахъ, а въ Итиберскую волость вышли они для торгу, а тавару, де, при нихъ войлоки, да лосины, да лошади, а мѣняютъ, де, они ихъ на козлины да на желѣза.» Да по сказкамъ пріѣхавшаго съ ними ясашнаго Татарина Кызлакова, къ Кумандинской же волости пріѣхало, кромѣ прежнихъ, еще 5 человѣкъ для торгу; да изъ тѣхъ же Канскихъ волостей прошло въ Комлямскую волость 10 человѣкъ. А 17 Іюня вышереченный Капралъ Бызовъ съ командою въ Кузнецкъ возвратился и объявилъ: «До Итиберской, де, и Кумандинской волости онъ, Бызовъ, ѣздилъ, и тѣхъ волостей у Башлыковъ о вышедшихъ изъ Канскихъ волостей Калмыкахъ спрашивалъ, и тѣ Башлыки ему сказали: оные, де, Калмыки для торгу лошадьми, собольми и войлоками были, и уѣхали въ Канскія волости обратно.»

Рапортъ Павлуцкому Поручика Поливанова изъ Колывани, Ноября 1747 года.

Драгуны, ѣхавшіе съ Чагырскаго рудника, на рч. Суетѣ встрѣтили двухъ Калмыкъ, которые показали, что отпущены они изъ Ханъ-Сары отъ Зайсана Омба, назадъ тому съ мѣсяцъ; ѣздятъ для звѣринаго промыслу и по слѣдамъ звѣринымъ, и изъ степи пригнались къ Колыванскому заводу, и что увидя, что уѣхали не по степи, одумались, по тому что отъ Омбы насъ было наказано къ Россійскимъ жилищамъ, не явясь Россійскимъ командирамъ, не ѣздить. Они тогда же были отпущены.

Рапортъ Павлуцкаго Киндерману, 8 Сентября, 1745 года.

«Въ присланномъ ко мнѣ отъ Вашего Превосходительства ордерѣ написано о посылкѣ въ Зенгорскіе крайніе улусы, подъ видомъ купца съ довольнымъ товаромъ, для секретнаго о тамошнихъ обращеніяхъ разведыванія, Вахмистра Соболева, придавъ ему способныхъ людей. И на оные Вашему Превосходительству покорно доношу: Для сопровожденія обратно ѣдущихъ въ Зенгорію съ Россійскими товарами Бухарцевъ посланъ, верстъ за 50, Капралъ Ситниковъ съ пристойнымъ письменнымъ наставленіемъ, что въ бытность свою тамъ въ разговорахъ объ обращеніяхъ ихъ землицы разведывать. А между тѣмъ для надобнаго о тамошнихъ обращеніяхъ секретнаго разведыванія, посланъ отъ меня до крайнихъ Киргизъ-Кайсацкихъ кочевьевъ, изъ прежде посыланныхъ туда, Имышевскій Казачій Капралъ, Савва Волковъ, съ однимъ Тобольскимъ служилымъ Татариномъ, кои оба грамотѣ и писать умѣютъ. А Вахтмистръ Савва Соболевъ, и при немъ для толмачества Тарскій разночинецъ, Герасимъ Зенковъ, по желанію его (ибо онъ нѣсколько при себѣ товаровъ имѣетъ) отправлены отсель до крайнихъ Зенгорскихъ улусовъ нынѣшняго мѣсяца 7 числа, и ему, Соболеву, для вышепоказаннаго купеческаго вида, дано отсель изъ казенной солдатскаго пѣхотнаго батальона суммы, разныхъ товаровъ на 50 рубл., съ обыкновеннымъ купеческимъ пашпортомъ, а что ему поручено о тамошнихъ обстоятельствахъ секретно разведать, о томъ снабженъ онъ пристойною Инструкціей. А прежде посланный отсель въ Зенгорскую землицу Поручикъ Аблязовъ еще не возвратился, и гдѣ нынѣ обрѣтается, неизвѣстно.»

По Указу Ея Императорскаго Величества, Инструкція Вахтмистру Саввѣ Соболеву.

Посылаешься ты, Соболевъ, за границу до крайнихъ Зенгорскихъ улусовъ, подъ видомъ купца, для секретныхъ разведываній о тамошнихъ обращеніяхъ; чего ради и ѣхать тебѣ въ тѣ улусы чрезъ Семипалатинскую крѣпость, и прибывъ туда, чрезъ всякіе искусные поступки, секретно примѣчать и разведывать слѣдующее:

1) Зенгорскій Владѣлецъ Галданъ-Чиринъ, и его владѣнія Нойоны-Зайсены и другіе знатные люди въ какомъ намѣреніи нынѣ находятся, а паче къ Россійской сторонѣ съ доброжелательствомъ ли обращаются?

2) Зенгорскія войска гдѣ нынѣ обрѣтаются, и въ какомъ числѣ людей, и обратно изъ Абдулкаримскаго походу прибыли ль; и буде возвратились, то не распущены ль по улусамъ, яко въ дома, или расположены по ихъ границамъ и въ которую сторону болѣе, по чаемой ими опасности, тѣхъ войскъ состоитъ? Буде же то ихъ войско изъ походу еще не возвратилось, то чего ради, о томъ вамъ всеприлежно навѣдаться.

3) Нынѣ у Зенгорцевъ съ какими землицами война имѣется, и нѣтъ ли пришедшихъ какихъ отъ Персидской, или отъ Абдулкаримской стороны войскъ, а буде есть, то сколько ихъ прибыло, и давно ли, и въ коихъ мѣстахъ нынѣ оныя состоятъ, и какія дѣйствія чинятъ?

4) Также развѣдывать, что Киргизъ-Кайсацкіе владѣльцы, Абулхай-Ханъ и Абуль-Маметъ-Ханъ, Албай-Салтанъ и Баракъ-Салтанъ и прочіе Владѣльцы, въ какомъ же намѣреніи состоятъ и одинаково ли намѣренье быть у Ея Императорскаго Величества въ непремѣнномъ подданствѣ, или которое имѣютъ особливое разсужденіе, а паче, не склонны ль кто изъ нихъ къ Зенгорскому Владѣльцу, и отъ нихъ, также и отъ Каракалпаковъ, не отправлено ль сколько людей въ прибавокъ къ Зенгорскому войску: и живущій въ Кайсакахъ, бывшій въ Башкиріи возмутитель воръ Карасакалъ гдѣ именно и въ какомъ состояніи нынѣ находится? ибо объ немъ, по прежнимъ извѣстіямъ, значилось, что названъ онъ Караханъ? и будто состоитъ съ нѣсколько тысячами Киргизъ-Кайсаки подъ протекціей Зенгорскаго Владѣльца, а по другимъ извѣстіямъ, что онъ кочуетъ близъ Кайсацкаго Баракъ Салтана.

5) Отъ Киргизъ-Кайсацкихъ или Каракалпацкихъ Владѣльцевъ дѣти, или другіе нарочитые люди, не отданы ль сколько человѣкъ въ аманаты къ Зенгорскому Владѣльцу, какъ прежде между ними чинилось; а буде отданы, то для чего, для того ли, чтобъ имъ на Зенгорцевъ набѣговъ не чинить, или въ знакъ ихъ невольной склонности, или сами желаютъ у него, Галданъ-Чирина находиться въ протекціи для своихъ какихъ либо легкомысленныхъ пользъ?

6) При томъ же, и на ихъ поступкахъ недреманнымъ окомъ тебѣ примѣчать, какъ будутъ къ вамъ склонны и вновь что къ военнымъ случаямъ не заготовляется ль, и о прочихъ тамошнихъ обстоятельствахъ, елико возможно, вамъ смотрѣть и развѣдывать черезъ всякіе посторонніе разговоры, а паче оное вымогать, подъ искусным приласканіемъ, отъ имѣющихъ тамъ разныхъ землицъ плѣнниковъ, также и ихъ народу отъ подлыхъ людей, скрытно отъ прочихъ однако. И у тѣхъ людей во первыхъ, точно ни о чемъ не выспрашивать, но, разсмотря прежде изъ побочныхъ разговоровъ состояніе его, и буде словоохотно начнетъ что о тамошнемъ разговаривать, тогда уже, хотя чѣмъ и подарить, токмо при томъ накрѣпко наблюдать и оныхъ людей утверждать, дабы о семъ прочіе Зенгорцы, а особливо знатные, не увѣдали и вамъ несчастья отъ того не причинили. Подарки же оные позволяется вамъ давать весьма не напрасно, дабы можно было чрезъ то что ни будь къ вѣдѣнію Россійскому вывѣдать. И при всемъономъ развѣдываніи поступать вамъ съ великою осторожностью и съ крайнимъ прилежаніемъ, употребляя къ тому всевозможные способы и разъѣзжая изъ улуса въ улусъ, а въ одномъ мѣстѣ долго не жить, дабы о васъ что, за чѣмъ именно ѣздите, дознаться не могли. А ежели увѣдаете о движеніи ихъ войскъ къ Россійской границѣ, или хотя о таковомъ владѣніи, то вамъ, не мѣшкавъ тамъ, ѣхать обратно въ крѣпости въ самой крайней скорости, и по тому жъ объявить секретно и искусно.

7) Для вышеписанныхъ нуждъ посылаетесь вы подъ видомъ купцовъ, чего ради и дано здѣсь тебѣ потребнаго на ихъ Татарскій обычай товару изъ казеннаго сукна, бобровъ и юфтей. Изъ оныхъ же товаровъ на 5, или на 4, рубл. можешь ты употребить на упомянутые тамошнимъ людямъ подарки. И что вы посланы для развѣдыванія, о томъ не точію иностранные, но и Русскіе люди не могли бы знать. А въ конвой велѣно тебѣ изъ Семипалатной крѣпости дать 3 Казаковъ и изъ казенныхъ крѣпостныхъ 3 лошадей, съ исправными сѣдлами и войлоками.

8) Вамъ же, бывъ тамъ, обидъ никому и непорядочныхъ поступковъ отнюдь не чинить и казенныхъ лошадей беречь, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.

9) Прилежно же вамъ примѣчать и развѣдывать, какая нынѣ осторожность на ихъ границѣ отъ Россійской стороны употребляет-

ся и противъ прежняго есть ли прибавочные караулы. И вамъ между разговорами представлять Зайсанамъ и прочимъ знатнымъ учтиво въ разсужденіе, чтобъ они отъ Россійской стороны ни мало опасенія не имѣли и пустымъ разглашеніямъ всемѣрно не вѣрили. Прежде же посланный отсюда Поручикъ Аблязовъ гдѣ и въ какомъ состояніи обрѣтается, о томъ вамъ развѣдать же.

10) Разглашать тамъ, что въ Россіи продолжается по прежнему тишина и о войнѣ ни какого слуху нѣтъ и быть оной не уповаемо.

11) Ежели Зенгорцы будутъ выспрашивать, чего ради Россійское войско въ Верхъиртышскія крѣпости прибываетъ, на то сказывать, что нѣкоторая часть пришли нынѣ для смѣны прежнихъ и давно имѣющихся тамъ командъ, изъ коихъ уже и престарѣлыхъ людей не мало есть, и оные смѣняются и отправляются на судахъ въ Тобольскъ и соль препровождаютъ; къ тому же нынѣ, какъ въ здѣшнихъ, такъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ, для осторожности отъ Киргизъ-Кайсаковъ войска имѣются. И нынѣ у Россійской Имперіи со Шведами, Турками, Персами и съ прочими Государствами миръ, и за тѣмъ на тамошнихъ границахъ въ довольныхъ войскахъ дальней нужды не имѣется, и для того нѣсколько командъ для довольствія провіантомъ и фуражемъ въ Сибири расположены.

12) О Его же Превосходительствѣ, Генералъ-Маіорѣ Киндерманѣ, объявлять, что слыхали мы въ разговорахъ отъ командировъ, что нынѣ повелѣно быть въ Сибири двумъ Генераламъ: одному, яко Губернатору, въ Тобольску недвижиму, надъ внутренними городами и слободами, а другой нынѣ, Г-нъ Генералъ-Маіоръ Киндерманъ, опредѣленъ командиромъ надъ пограничными мѣстами и войсками, и имѣетъ квартиру въ Тобольскѣ же.

13) О ихъ Зенгорскихъ посланныхъ сказать, что подлинно, гдѣ нынѣ обрѣтаются, не знаете. Тебѣ жъ, Соболеву, для отличности отъ служащаго чина, взять на себя отъ Семипалатной платье и ружье Казачье, а регулярнаго прибора, для предписаннаго приличества, ничего съ собой не брать, по тому же и будущимъ при васъ Казакамъ.

Полковникъ Іаковъ Павлуцкій.

Рапортъ Кузнецкаго Воеводы. Октября, 1745 года.

«Сентября 2 въ здѣшнюю Канцелярію отъ Красноярской Канцеляріи промеморіей представлено, чтобъ, для охраненія Кузнецкаго вѣдомства ясашныхъ Бельтировъ на рч. Исю, определить изъ Кузнецкихъ служилыхъ караулъ. А въ Кузнецкой Канцеляріи, по справкѣ, означенная волость имѣется подъ Кузнецкимъ вѣдомствомъ, въ которой имѣется ясашныхъ 48 человѣкъ; и оные въ казну Ея Императорскаго Величества платятъ ясаку въ годъ по 4 сорока, по 11 соболей, также они и Галданъ-Чирину албанъ даютъ; а чтобъ албанные Зенгорскіе сборщики имъ, ясашнымъ, обиду чинили, о томъ отъ нихъ отъ самихъ въ Кузнецкую Канцелярію письменнаго ни какого въ подачѣ извѣстія не было. А въ означенную Бельтирскую волость Зенгорскіе сборщики пріѣзжаютъ прямою дорогою, а Телеское озеро, они, ѣдучи, оставляютъ влѣвѣ. Въ той же Бельтирской волости напредь сего караулу не бывало, однако жь нынѣ, по мнѣнію моему, надлежитъ на объявленную рч. Исю опредѣлить съ командиромъ караулъ; а паче вышеписанное все предаю на разсужденіе Вашего, Г-на Генералъ-Маіоръ Киндерманъ, Превосходительства.

Донесеніе Павлуцкаго Киндерману, Ноября, 1745 года.

«Въ Семипалатинскъ прибыли изъ Джунгаріи Калмыки Курень съ товарищи 5 человѣкъ, которые слѣдуютъ отъ своего Владѣльца съ листомъ въ Россію. А сего Ноября 28 тѣ Калмыки сюда въ Ямышевъ прибыли и поставлены въ построенный близъ крѣпости особливой для пріѣздовъ ихъ домъ. И по прибытіи ихъ вскорѣ, оный главный Калмыкъ, Курень Кучинъ и при немъ 2 человѣка, призваны мною при Штабъ и Оберъ Офицерахъ въ обывательскій домъ и приняты съ пристойнымъ почтеніемъ и лаской, и между прочими разговорами мною искусно, о чемъ надобность требуетъ, спрашиванъ съ надлежащими резоны, и на то объявилъ, что ихъ Владѣлецъ, Галданъ-Чиринъ, въ минувшемъ Сентябрѣ умре, а по кончинѣ его все оное Зенгорское владѣніе содержитъ сынъ его, Цебень-Доджи, коему, де, отъ роду 13 лѣтъ; и желаетъ, де, тотъ ихъ новый Владѣлецъ пребыть къ Россіи въ склонности и ненарушимой тишинѣ, чего, де, ради онъ, Курень, съ тѣмъ объявленіемъ въ Россію и отправленъ, съ

листомъ до Превосходительныхъ Г-дъ Генералитетовъ. И оный листъ Курень мнѣ и показывалъ, писанный, по видимому, Калмыцкимъ письмомъ, и въ заключеніе того листа красная Владѣльческая печать приложена. И желаетъ оный Курень помянутый листъ командующему Генералитету подать самъ. И Вашему Превосходительству покорно доношу, что оные Калмыки сего жъ числа къ Вашему Превосходительству отсель отправятся, за конвоемъ Енисейского полка Сержанта Паклина. У помянутыхъ Калмыковъ 16 лошадей, токмо оные весьма плохи и сюда доѣхали они на оныхъ съ великою нуждою, чего для и отправлены они къ Вашему Превосходительству на четырехъ подводахъ, съ дачею за оныя до городу Тары прогонъ, по тому жь и на довольствіе ихъ въ пути выдано 2 р., всего съ прогонами 16 р. 4 к. Вышепоименованному же Сержанту Паклину о поступаніи въ пути дана, въ пристойной силѣ, секретная инструкція, которою опредѣлено отъ мѣста до мѣста брать конвоя 8 человѣкъ. Бывъ же въ пути, опредѣлено оныхъ Калмыкъ, для лучшаго ихъ приласканія и добраго ночлега, сводить въ состоящія на форпостахъ и почтовыхъ станціяхъ казармы, токмо до непристойныхъ и лишнихъ разговоровъ съ ними Русскихъ, а паче Татаръ, не допускать, дабы кто отъ безразсудности, или въ глупости своей, или (паче чаянія) умышленно, чего имъ не надобно и пользѣ Россійской противнаго, не могъ объявить. А напередь сего съ Вахтмистромъ Соболевымъ всѣмъ обрѣтающимся въ состоящихъ отсель внизъ по Иртышу крѣпостяхъ, форпостахъ и станціяхъ командирамъ, накрѣпко я о томъ же подтвердилъ, и при томъ объявлено, дабы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ къ прибытію оныхъ Калмыкъ потщились употребить особливую осторожность-яко то: часовыхъ въ пристойныхъ мѣстахъ умножить и туточнымъ военнымъ людямъ ходить на то время приборно и при шпагахъ, и малолюдно, а паче по одиночкѣ и безъ ружья, отъ крѣпостей отъѣзжать весьма не велѣть, дабы тѣ Калмыки, усмотря оное, могли вѣдать, какъ въ Россійскихъ границахъ осторожность и порядокъ употребляются; и ни какого бы озлобленія ниже имъ отнюдь нигдѣ ни чинили, но показывали бъ всюду, что иностраннымъ людямъ всякое благодѣяніе и ласку, и въ пищѣ бъ они недостатка и жалобъ не имѣли, и сверхъ той инструкціи означенному Сержанту о поступкахъ съ оными и словесно отъ меня съ довольнымъ наставленіемъ приказано. И о вышеписанномъ Вашему Превосходительству покорно доношу, о прибытіи жь оныхъ Калмыкъ и о выгодѣ на нихъ изъ Ямы-

шевской Таможни на довольствіе и на патроны казенныхъ денегъ, донесено отъ меня и въ Сибирскую Губернскую Канцелярію.»

Рапортъ Полковника Зорина, 5 Октября, 1746 года.

Киндерманъ спрашивалъ, кто такіе Киргизъ-Калмыки, выбѣжавшіе въ Сибирь, и къ какому племени они принадлежатъ. Они были распрашиваны и объявили: «Жительство, де, имѣли во владѣніи Тангынъ-Батыръ-Дамжи, въ здѣшнемъ Сибирскомъ краѣ, между Томскимъ и Енисейскимъ городами, противъ города Красноярска, въ степи, на рѣчкѣ Бѣломъ Уюсѣ, отъ котораго ихъ жилища до Красноярска разстояніемъ тихой ѣздой дни съ три; и платили ясакъ въ казну Ея Императорскаго Величества звѣрями съ прочими Калмыками, и нынѣ слышно, де, имъ, что изъ родственниковъ и прочихъ Киргизъ-Калмыковъ тамо въ томъ же ясакѣ Ея Императорскаго Величества состоятъ. И тому назадъ будегъ лѣтъ съ 50, или болѣе, а подлинно, де, объявить они не помнятъ, приходили, де, къ нимъ изъ землицы Контайши три Зайсана въ 3,500 человѣкъ; а стояли, де, они * особливымъ кочевьемъ, всего мужеска и женска пола тысячи съ три дымовъ; и захватили, де, оные Зайсаны войскомъ своимъ внезапно и увезли въ Зенгорскую землицу сильно, токмо безъ бою. И жили тамо въ Зенгорской землицѣ въ Большой Ургѣ, и платили, де, они Галданъ-Чирину алманъ.»

Рапортъ Павлуцкаго 1748 года.

Вахтмистръ Волковъ, возвратясь изъ Джунгаріи, подалъ рапортъ и письмо Омбы, которое подало поводъ къ нѣкоторымъ справкамъ объ обидахъ, причиненныхъ Русскими Калмыкамъ и изчисленныхъ въ упомянутомъ письмѣ. По справкѣ въ Колывановоскресенскомъ заводѣ оказалось: драгунъ Сѣнотрусовъ и другіе, 22 Іюля, 1746 года, находясь въ караулѣ, въ 8 верстахъ отъ Колывана, подверглись нападенію Калмыковъ, которые стрѣляли по нимъ изъ ружей; драгуны также начали стрѣльбу, но Калмыки набѣжали на выстрѣлы, и драгуны убѣжали въ главный караулъ; высланный для поисковъ Пра-

---

* То есть, не Зайсаны, а Киргизъ-Калмыки.

порщикъ Поповъ съ 40 человѣками догналъ Калмыковъ въ 60 верстахъ отъ Колывана, на рѣчкѣ Атей; было убито 1 Калмыкъ и 2 лошади, а другой пѣшій Калмыкъ съ туркою скрылся неизвѣстно куда. Скарбу оказалось: Русское желѣзное точильное веретено, двѣ козлиныя яги, кожанъ, 2 кожанные штаны, 2 сѣдла, 2 войлока, 1 турка и 2 лошади. Все это приложено въ церковь; но когда одна изъ лошадей оказалась Русскою казенною, ее отдали въ новоучрежденный полкъ. 3 Сентября, 1747 года, потерялось изъ подъ Иконниковой деревни 7 лошадей, Прапорщикъ Таракановскій ходилъ 70 верстъ, и нашелъ на рѣкѣ Каменкѣ, въ густомъ тальникѣ, 2 Калмыковъ, 3 дѣтей и 1 бабу, которые убѣжали, оставя 4 лошадей. Итакъ, 6 лошадей, 4 путъ, 1 собаки и 2 бабъ, по рапортамъ, нигдѣ не значится.

Письмо Зайсана Омбо.

«Омбо, вѣжливый Зайсанъ, отдалъ съ сѣдломъ коня, сайдакъ, двѣ сѣти, энкуши. Два человѣка осенью поймали въ урочищахъ Назунгатѣ, Эркеле-Хайсунѣ, изъ двухъ человѣкъ убили, другого взяли, 8 турки, 4 коня на промыслу; человѣкъ Хабанаевъ осенью голубаго коня взялъ, Зашитуринъ человѣкъ 6 лосинъ, 4 коня, вьючныхъ 1, добрую собаку взяли, 1 котелъ, 4 пута, степью (взяли) въ жило 2 бабы, одна съ парнемъ, одна старуха. Заячьяго году увезли назадъ тому 14 лошадей Тарскаго города Татаръ-Хотонъ-Тохтохули, человѣчье имя Недеръ, въ работѣ увезъ; отдать по этому письму. Въ Куричьемъ году уѣхалъ человѣкъ Тобольскій Татаринъ Номинъ, свидѣтель. Барсова году 16 лошадей, Гришка Киришь 7 человѣкъ взялъ. Во заводѣ у Михайла этого сиваго коня опозналъ я; того коня моего вышли! А и тѣхъ отыскавъ, выслать же! Нацаганамъ торговалъ, 2 бабы, 3 мужика взяли жъ, до крѣпости за ними гнались, ѣздили Самангуль, Абзисъ, гонялись.

Омбо, вѣжливый Зайсанъ, почту посылалъ Келешь-Дзюгулту. Отыщите, отдайте! Обидъ и ни какихъ ссоръ не чинить, добрымъ порядкомъ жить!

Алексѣй, Михайло двое, русой человѣкъ одинъ, другой черной. Мухуръ, трое главныхъ; онѣ знаютъ, провѣдаютъ. Пріѣдутъ, пріѣзжайте! Руку приложилъ я. По прежнему добрымъ порядкомъ жить!»

Рапортъ Волкова Павлуцкому, Мая, 1748 года.

«Сего 1748 года, Февраля 25, командированъ я Вашего Высокородія Зенгорскаго владѣнія къ Зайсану Омбѣ, для принятія и привозу сюда Россійскихъ плѣнныхъ 3 человѣкъ; тако жь при томъ данъ мнѣ, за рукою Вашего Высокородія, наказъ, въ которомъ изображено: по прибытіи въ ихъ улусы, черезъ подлыхъ тамошнихъ народовъ, подъ искуснымъ видомъ, о тамошнихъ обстоятельствахъ развѣдывать. И Апрѣля 13 прибылъ я въ ихъ крайнія Таутелеутскія волости, и тамо у нихъ, въ тѣхъ пограничныхъ мѣстахъ, карауловъ ни какихъ не оказалось; въ тѣхъ же мѣстахъ по рч. Семѣ пашни пашутъ противъ прежняго весьма съ удовольствіемъ; не токмо тутошніе обыватели, но изъ дальнихъ мѣстъ, на то мѣсто многіе пріѣзжаютъ. А 14 числа прибылъ я Зайсана Баколя къ Пятидесятнику Тукую, который насъ принялъ весьма пріятно и проводилъ Зайсана Омбы на прямую дорогу, и приказалъ въ окольныя волости, чтобъ намъ обиды и озлобленія не чинили. 17 числа присланъ былъ отъ зайсана Омбы, для встрѣчи, братъ его, который по всѣмъ же волостямъ приказывалъ, чтобъ обидъ намъ не чинили. 18 го прибылъ я къ Омбѣ, и послалъ толмача Давыдова о прибытіи пріѣзду своего объявить и требовать отъ него квартиры, и оный Зайсанъ, межъ прочимъ разговоромъ, ему сказалъ: «У васъ, де, все благополучно, а нынѣ, де, я черезъ своихъ людей увѣдомился, что, де, и сего года у васъ войско будетъ въ заводъ.» И того жь числа, какъ я прибылъ къ Зайсану Омбѣ, и посланное письмо въ конвертѣ отъ Вашего Высокородія ему съ почтеніемъ вручилъ, которое онъ тако жь съ почтеніемъ и принялъ, и послѣ того, между прочими разговоры, объявилъ, что Владѣлецъ ихъ, Цебень-Доджи Намжинъ, съ братьями своими во всякомъ благополучіи здравствуетъ, и съ окольными Государствами и съ прочими Ордами всякое благополучіе происходитъ, а особливо съ Россійскимъ и Китайскимъ сосѣдственная дружба ненарушима. Объ Абдакарымцахъ объявилъ, что, де, въ прошедшемъ году съ ними была война, и того жь году Ханъ ихъ умре, а дѣти, де, его, два сына, нашему Хану платятъ дань. Того же числа Омба приходилъ въ мою квартиру, и между разговорами объявилъ, что, де, имѣется въ Ургѣ у нашего Хана вашихъ Россійскихъ плѣнныхъ до 300 человѣкъ, а другіе, де, дѣлаютъ ружье и панцыри, и тѣхъ, де, повелѣно всѣхъ собрать и

выслать въ Семипалатинскую крѣпость, понеже, де, есть Указъ, таковъ, де, и ко мнѣ присланъ: какъ будетъ сыщикъ Дараддай, то, де, и намъ велѣно собрать плѣнныхъ Россійскихъ и двоеданцевъ къ его пріѣзду, для отсылки къ вамъ. Тако жь въ разные числа онъ же, Зайсанъ, объявилъ: «Нынѣ, де, Ноены и Дербеты живутъ вверхъ по Иртышу, на сей сторонѣ (?), а Ноенъ Дебачи живетъ на сей же сторонѣ Иртыша, по рѣкѣ Бухтармѣ (?!), и находится все благополучно.» А о заводахъ объявилъ: «Въ нашей, де, сторонѣ ни какихъ заводовъ не имѣется и ничего въ нашей землѣ не дѣлаютъ, а дѣлается, де, въ Наджіанскомъ Ханствѣ, золото, серебро и мѣдь и сливаютъ въ каны (?), а они, де, неподсудны никому, живутъ собою между нашимъ и Китайскимъ Государствами; тако жь дѣлаютъ и песочное золото и парчи дорогія, и то все къ намъ оттоль идетъ, а дѣлаютъ въ ихъ заводахъ не водою, по вашему, а все руками.» Того жь числа посыланъ былъ толмачъ Давыдовъ къ Зайсану, для провѣдыванья о написаніи письма, и онъ, Зайсанъ, объявилъ ему: «Нѣтъ ли, де, у вашего Государя богатыхъ людей, а нищаго обижаютъ: какъ, де, мои люди поѣдутъ на соболиный промыселъ, то, де, ихъ всегда около Колыванскихъ заводовъ грабятъ и обижаютъ; знаемъ, де, и мы про то, которое, де, дано добывать въ горахъ: мѣдь, золото и серебро, понеже, де, нашъ прежній Ханъ далъ вашему Государю письма; есть, де, въ нашей землѣ и не то, да не все, де, отымутъ.» И въ бытность нашу тамъ присланъ былъ, для удовольствія насъ, баранъ одинъ. 22 числа, какъ мы отправились отъ Омбы, посланъ былъ, для препровожденія насъ, писарь Калмыкъ, и между разговоры объявилъ: «Владѣлецъ, де, ихъ съ братьями въ прошедшее лѣто кочевалъ на Ишѣ рѣкѣ, по которой, де, и нынѣ кочуетъ въ одной Ургѣ съ братьями, а Чири-Дундуковы дѣти нынѣ, де, оба Бурханами, а владѣетъ тѣмъ владѣніемъ Ноенъ-Дебачи.» Да по отбытіи отъ Зайсана Омбы, словесно объявлялъ мнѣ толмачъ Давыдовъ, что въ вѣдѣніи его, Зайсана, противъ прежняго никого изъ молодыхъ не имѣется.»

Рапортъ того же тому же, 9 Мая.

Зайсанъ Омба объявилъ на требованіе объ отпускѣ людей, что онъ этихъ людей держалъ подъ карауломъ, ожидая отъ Русскихъ

пріемщиковъ, но, не дождавшись, отпустилъ ихъ изъ подъ караула для заработковъ, и они ушли въ другіе улусы. А по тому, теперь, безъ позволенія Хана, онъ отдать ихъ не можетъ, а проситъ, когда пріѣдетъ сыщикъ Дарылбай, «для исправленія всякихъ дѣлъ и сбору ясака,» пріѣхать вновь, и тогда можно будетъ не только этихъ трехъ Русскихъ получить, но и всѣхъ Татаръ и двоеданцевъ.

Рапортъ Крафта, 9 Сентября, 1750 года.

Прибывшій въ Бикатунскую крѣпость Бухарецъ Сундукъ объявилъ, что онъ прибылъ съ Русскими подданными, возвращаемыми изъ Зенгоріи, въ возмездіе за возвращеніе Зенгорскихъ подданныхъ. При томъ онъ говорилъ, что Омбо просилъ Командира Бикатунской крѣпости выѣхать съ военнымъ прикрытіемъ на рѣку Кереасу, куда прибудетъ и Омба, для совѣщаній о прекращеніи обоюднаго пограничнаго воровства.

Рапортъ его же, въ Августѣ.

Въ деревню Новикову 26 Августа прибѣжалъ Кумандинской волости Татаринъ. Урбекъ Урдоковъ, который и объявилъ: «Прибыли, де, въ ихъ улусъ албанщики изъ Урги, 10 человѣкъ, которые имѣютъ слѣдовать для сбора ясака вверхъ по Біѣ, въ Кумандинскую волость. При нихъ имѣются также камы и выбойки для мѣны. Башлыкъ у нихъ Тюрень; улусъ, въ который они прибыли, въ 40 вер. отъ деревни Новиковой.»

Рапортъ Полковника Сукотина, 20 Сентября, 1750 года.

Выбѣжавшій изъ Уранхаевъ, изъ Канской волости, плѣнный Барабинскій Татаринъ, 11 Іюля въ Колыванѣ объявилъ, что Зенгорскій Владѣлецъ Бициганъ будущимъ годомъ хочетъ воевать Россійскія жилища.

Рапортъ Крафта, Августа, 1750 года.

На Таловскій станецъ изъ за Алея рѣки прибыло 5 Августа 13 Калмыкъ, старшина Бурутъ Инигимовъ, 2 турки, 11 сайдаковъ, и 73 лошади; они, чрезъ толмача, объявили, что ѣдутъ въ Барабу, для сбору алмана, а посланы съ Или рѣки, отъ Зайсана Запа.

Рапортъ его же, Сентября, 1750 г.

Драгунъ Давыдовъ, посыланный въ Зенгорію, объявилъ, что на него среди степи нападали Калмыки, вознамѣривались зарѣзать ножемъ и, поймавъ его за волосы, два человѣка таскали его на лошадяхъ по степи, и при томъ, де, объявили, что онъ ѣздитъ къ нимъ для обману, а товаровъ ни какихъ не привозитъ; а Зайсанъ ихъ говорилъ: «Хотя бы на какое ни будь мѣсто около Бикатунской крѣпости позволили пріѣзжать съ товаромъ, быками, коровами и овцами;» въ Семипалатинскую, де, ѣздить не возможно, за высокими горами. Особливо двоеданцы просятъ объ этомъ; они ясакъ платятъ, а для покупки первыхъ потребностей въ крѣпости не допускаются. Всѣ они просятъ объ учрежденіи торжка при горахъ Кеспы и Тутджедебы, въ 30 верстахъ отъ крѣпости Бикатунской, между Біей и Катуньей.

Рапортъ Воеводѣ Шапочникову Казаковъ Шорохова и Пойлова, 1745 года.

«По силѣ Ея Императорскаго Величества Указу, Зенгорскаго Владѣльца въ Канскую Каракальскую волость ходили мы, и изъ той волости возвратились въ Кузнецкъ сего Іюля 5 дня; все благополучно, а что тамъ слышали, о томъ доносимъ нижеслѣдующее: 1) Изъ города Кузнецка поѣхали мы чрезъ Кондомскія ясашныя волости и прибыли въ Кумандинскую волость, гдѣ, при самой переправѣ за Бію рѣку, встрѣтились мы Канскихъ волостей съ Калмыками съ 24 человѣкъ, которые шли изъ тѣхъ Канскихъ Зенгорскихъ волостей въ ясашныя Ея Императорскаго Величества Кондомскія волости, для смѣны тулуповъ и войлоковъ на котлы и желѣзные абылы, чѣмъ

землю копаютъ, при которыхъ было при каждомъ лошадей по 3, 4 и по 5; и переправились они на сю сторону Біи и, переправясь, спросили насъ: «Куда мы ѣдемъ, и есть ли у насъ Указъ?» на что мы имъ сказали, что посланы по Указу Ея Императорскаго Величества изъ Кузнецка въ Канскія Зенгорскія волости, для сыску бѣглыхъ изъ Кондомскихъ волостей ясашныхъ Татаръ и взятья съ Таутелеутскихъ ясашныхъ Татаръ на сей 745 годъ доимочнаго ясаку. И они намъ сказали: «Когда, де, есть указъ, поѣзжайте!» 2) Прибывъ въ Таутелеутскую волость, сыскали мы бѣглыхъ Кондомскихъ Ея Императорскаго Величества ясашныхъ Татаръ 4 человѣка, которые отъ Таутелеутской волости живутъ въ бѣгахъ у двоеданцевъ, Таутелеутскихъ лучшихъ Татаръ, которыхъ до возвращенія нашего отдали тѣмъ Татарамъ на руки. И какъ мы, изъ Каракальской волости возвратясь, прибыли въ ту Таутелеутскую волость, и тѣхъ ясашныхъ 4 человѣкъ спросили, и намъ сказали, что, де, ихъ увезъ въ Кондомскія волости для отдачи Зенгорскій сборщикъ Дюренъ, однако жь, не утверждая на тѣ ихъ слова, паки мы у тѣхъ Татаръ тѣхъ людей просили на лицо, или за нихъ ясаку, на что они объ людяхъ объявили то же, что и прежде, токмо за одного человѣка Татаринъ Куруска отдалъ ясакъ. И ѣхавши обратно, о тѣхъ 4 человѣкахъ сборщика Дюреня спрашивали, который намъ сказалъ, что онъ тѣхъ людей не биралъ и въ Кондомскія волости не важивалъ; и такъ оныхъ 4 человѣка бѣглыхъ остались знатно у тѣхъ Татаръ. 3) Изъ той Таутелеутской волости поѣхали мы въ Канскую Каракальскую волость, и будучи въ пути, не доѣзжая до Каракальской волости, близъ рѣчки Ненги, на солонцахъ, наѣхали на насъ Зенгорскіе Каракальскіе Калмыки 4 человѣка, и, наѣхавши на насъ, взявши нашихъ лошадей, одинъ Калмыкъ взялъ за поводья и повелъ въ сторону, въ горы, а другой сзади тѣхъ лошадей погонялъ и насъ, сѣдящихъ на нихъ сзади, плетью билъ, а другіе два Калмыка ѣхали передъ нами напередъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ намъ: «Дайте, де, намъ китайку (которую мы возили тюкъ для мѣны), и какъ, де, китайку дадите, и мы васъ отпустимъ.» И видя мы себѣ тотъ страхъ и отъ нихъ побои, изъ имѣющейся при насъ китайки, дали имъ 7 концевъ да 50 иголокъ, и оттудова они насъ отпустили. 4) По прибытіи въ Каракальскую волость, явились мы начальному человѣку, Кутагулину, который у насъ спросилъ: «Для чего мы въ ту волость пріѣхали?» и на то мы сказали, что посланы для сыску бѣглыхъ

ясашныхъ Татаръ, живущихъ въ Канскихъ волостяхъ, и для взятья съ Таутелеутскихъ двоедановъ доимочнаго ясаку; и онъ намъ на то сказалъ: «Въ Кану, де, и Караколѣ главныхъ Зайсановъ нѣтъ, а имѣются въ Ургѣ, и оттуда еще не бывали, и мнѣ безъ нихъ тѣхъ бѣглыхъ отыскать негдѣ.» Въ Каракальской волости жили мы 4 дня и ходили по всѣмъ юртамъ, которыя стоятъ не въ одномъ мѣстѣ, и оныхъ юртъ будетъ съ 40. 5) Будучи въ той волости, на показанныхъ въ 3 пунктѣ Калмыкъ 4 чел., въ стеганіи насъ плетьми и во взятьи китайки 7 концовъ, мы просили, и Ноенъ, по нашей просьбѣ, собравши Калмыкъ и взявши нашего проводника, Татарина Коочака, для указанія тѣхъ Калмыкъ 4-хъ человѣкъ, ѣздилъ къ тѣмъ Калмыкамъ самъ, и съѣздилъ въ одну ночь, и пріѣхавъ оттуда возвратно, взятую отъ насъ китайку 6, а не 7 концовъ и 10 иголъ, привезъ съ собою, и сказалъ намъ, что тѣхъ 4 Калмыкъ билъ онъ плетьми. А той китайки Ноенъ до отъѣзду нашего не давалъ намъ, а при отъѣздѣ просили мы его отдать, и онъ далъ намъ только 2 конца, а 4 удержалъ у себя. 6) Будучи мы возвратно на пути, видѣли въ Кумандинской ясашной Ея Императорскаго Величества волости Зенгорскаго ясашнаго сборщика Дюреня, который ѣздитъ по тѣмъ волостямъ, по прежнему обычаю, для сбора на Зенгорскаго Владѣльца алману, и съ нимъ 36 человѣкъ Калмыкъ. 7) Будучи возвратно по Бiѣ рѣкѣ въ Кумандинскихъ волостяхъ, видѣлись мы съ Бійскимъ крестьяниномъ Быковымъ съ товарищи двумя человѣками, которые ходили въ рудоищикахъ съ рудоискателемъ Петромъ Шелигинымъ по рѣкѣ Чулышману, въ Зенгорское владѣніе, для пріиску, отъ порученной Ея Императорскаго Величества Бригадиру Бееру коммиссіи, рудъ. И Быковъ сказывалъ намъ: «Ходило, де, насъ рудоищиковъ 120 человѣкъ, для пріиску рудъ по Чулышману, и доходили близъ бугровъ, и въ томъ, де, мѣстѣ на встрѣчу имъ вышло Зенгорскихъ Калмыкъ съ 400 человѣкъ и сказали имъ: «Ежели вы станете бугры копать, то мы станемъ воеваться и по васъ стрѣлять.» И видя, де, то къ себѣ запрещеніе, поѣхали они оттудова по прежнему въ домы, и бугровъ не копали.»

Рапортъ Шапочникова, Іюля, 1745 года.

На рѣку Мрасу пріѣхалъ алманный сборщикъ Чахо для сбора алману, и обратно съ нихъ собрать, и велѣлъ имъ заготовить алману за 2 года таганами и котлами. А съ Кумандинскихъ волостей алманъ уже собранъ Дюренемъ. Съ Чахо пріѣхали 13 человѣкъ Калмыкъ, лошадей 50.

Рапортъ его же, 10 Августа.

По обѣ стороны Біи рѣки, надъ самою рѣкою, живутъ ясашные двоеданцы въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Волость Кумандинская, отъ Кузнецка 140 верстъ, дорога гориста и черналѣсна, и по тому переѣзжаютъ это разстояніе въ 3—4 сутки, изъ Бійска же въ 1 сутки; въ этой волости ясашныхъ 110 человѣкъ; въ годъ берется ясаку разною мягкою рухлядью противъ 7 сороковъ, 17 соболей. 2) Выше по Біѣ—вторая Кузенская волость, отъ Кумандинской въ 20 верстахъ; въ ней ясашныхъ 46 человѣкъ, ясаку въ годъ 1 сорокъ, 25 соболей. 3) Камляжская волость, въ 50 верстахъ; ясашныхъ 51 человѣкъ, ясаку въ годъ 4 сорока, 4 соболя; 4) Кергешская волость, отъ Камляжской въ 10 верстахъ, при самомъ Телескомъ озерѣ; ясашныхъ 43 человѣка, ясаку въ годъ 3 сорока, 12 соболей; отъ Кузнецка до Кергешской волости будутъ 220 верстъ, а ѣзды изъ Кузнецка 7, изъ Бійска 3 сутки. 5) Отъ Кергешской волости два дня ходу лодками до двоеданцевъ, живущихъ по ту сторону Телескаго озера, вмѣстѣ съ Зенгорскими Калмыками; именъ своихъ при платежѣ ясака не объявляютъ, ясаку въ годъ платятъ 60 соболей, и приносятъ ясашному сборщику, не объявляя, съ кого ясакъ собранъ; при томъ ихъ собирается до 100 человѣкъ и болѣе. 6) Отъ Кумандинской же волости 60 верстъ до Таутелеутской волости, которая кочуетъ по берегамъ Катуни и по Наймѣ, которая бѣжитъ изъ каменистыхъ горъ между Біей и Катуньей и впадаетъ въ послѣднюю. Ясашныхъ Татаръ здѣсь 51 человѣкъ, ясаку въ годъ 52 соболя. Отъ нихъ внизъ по Катуни, въ 80 верстахъ, на той сторонѣ рѣки, Русская пограничная деревня Иконникова. На здѣшней же сторонѣ Біи, по чернолѣсью, живутъ двоеданцы: 7) Итиберская волость:

34 человѣка, ясаку 2 сорока, 22 соболя; въ Итиберской же волости 50 человѣкъ платятъ 3 сорока, 35 соболей. 8) Елейская волость: 31 человѣкъ, ясаку 1 сорокъ, 38 соболей. 9) Карачерская волость: 75 человѣкъ, ясаку 6 сорокъ, 14 соболей. 10) Каргинская волость: 7 человѣкъ, ясаку 14 соболей. 11) Шелкалская волость: 46 человѣкъ, ясаку 3 сорока, 20 соболей; 12) Юсская волость: 11 человѣкъ, ясаку 30 соболей; до нихъ отъ Кузнецка ѣзды 2—5 сутокъ.

Рапортъ его же, 8 Декабря, съ приложеніемъ сказки Итиберской волости Башлыка Боугитина.

Сказка: «Назадъ тому съ мѣсяцъ приходилъ къ нему Таутелеутскій Зенгорскій Калмыкъ Ченка и сказывалъ: «Ѣдетъ, де, отъ Галданъ-Чирина Зайсанъ Баянъ съ 200 человѣкъ въ Канскія и Каракальскія волости, для высылки изъ тѣхъ волостей живущихъ въ нихъ Калмыковъ, называемыхъ Мучатовъ, съ женами дѣтьми, и домами, всего 300 человѣкъ. Мучаты же, изстари подданные Зенгорскаго Владѣльца, жили прежде въ самой Ургѣ, а въ Каракалъ переселились самовольно.»

Рапортъ Зорина, 17 Февраля, 1746 года.

Посыланный въ Канскія и Каракальскія Зенгорскія волости драгунъ Давыдовъ развѣдалъ, что Зенгорскій Зайсанъ Камка вывелъ изъ Кану въ Зенгорію 140 семей Мучатовъ.

Рапортъ де Граве, 1 Мая, 1747 года.

Отъ Зенгорскаго Владѣльца прибыли два Зайсана на житье, одинъ въ Каракалъ, къ Ноену Тунбѣ въ улусъ, другой въ Кондинскія вершины, въ Кондинскій улусъ. И отдали имъ приказъ, чтобъ они нынѣ жили не такъ, какъ прежде сего: «какъ, де, станутъ мясо ѣсть, тогда бы, де, ножей не было, а егда поѣдутъ на степь, чтобъ сайдаковъ не было.»

Сообщеніе Колыванской Заводской Конторы, 4 Октября, 1749 года.

Вахтмистръ Терскій, не доѣзжая 50 верстъ до кочевій Омбы, встрѣтилъ Таутелеутской волости двоеданца, Есаула Ренжена Тарханова, который въ казну Ея Императорскаго Величества платитъ по 1 соболю, а Зенгорскому Владѣльцу по 5 головъ разныхъ товаровъ.

Рапортъ изъ Енисейской Провинціяльной Канцеляріи, Мая, 1750 года.

Толмачъ Некрасовъ показалъ, что бывши въ кабакѣ въ Удинскѣ, онъ слышалъ отъ ясашнаго Татарина Дамаема, что «придутъ на Удинскій острогъ Контайшинцы, и по тому нужно укрѣпить его, иначе всѣхъ палками побьютъ, что Удинской острогъ не каменный, а они и каменные побиваютъ.» По точному изслѣдованію оказалось, что Дамашевъ говорилъ это пьяный и потомъ самъ забылъ.

Рапортъ Полковника Самойлова, Августа, 1752 года.

3 Августа прибыли въ Октяшеву волость изъ Зенгорской землицы Тархай-Чюхай Чеслоновъ и съ нимъ 17 Калмыкъ, которые черезъ своего толмача Арчеудая по Татарски объявили, что посланы прошлаго лѣта изъ Урги для сбора алмана и зимовали въ Каракалѣ. Нынѣшняго лѣта сбирали алманъ съ Бельтирской волости и въ Охрейскихъ пяти мѣстахъ, и въ волостяхъ Шерской, Каларской, Елейской, а нынѣ за тѣмъ же въ Октяшевъ улусъ пришли. Тархай объявилъ жалобу, что Мраской волости Башлыкъ Ебога съ своей волости алману за 7 лѣтъ не отдавалъ и бѣгаетъ отъ нихъ со своею волостью; Канской волости Башлыкъ Копышакъ не отдалъ алманъ на нынѣшній 1752 годъ на 30 головъ 4 шубы козлиныхъ да коня, и отъ того платежа бѣжалъ. 11 Августа, по сборѣ алмана, сборщикъ возвратился въ свою землицу.

Рапортъ Подпрапорщика Гайдукова, Апрѣля, 1757 года.

О благополучномъ доставленіи изъ Коркиной слободы въ Оренбургъ крещенныхъ Калмыковъ 54 человѣкъ. Каждому изъ нихъ во время пути выдавалось по 3 коп. кормовыхъ. Въ инструкціи, данной Гайдукову, предписывалось: «смотрѣть, чтобъ Калмыки утечки не сдѣлали; на верховыхъ лошадей не сажать, оружія и лошадей въ руки не давать; встрѣчи съ Киргизами избѣгать; а если встрѣтятся, то говорить, что то не плѣнные, а Тобольскіе старожилы и ѣдутъ, по желанію своему, въ Оренбургъ на поселеніе, вмѣстѣ съ своими родственниками.»

Рапортъ Каптенармуса Долбилова, Мая, 1757 года.

О томъ, что онъ благополучно препроводилъ въ крѣпость Орскую изъ Омска 40 новокрещенныхъ Калмыковъ; изъ Омска выѣхали 24 Апрѣля, прибыли въ Орскъ 20 Мая.

Калмычка, холопка одного старшины, донесла, что Калмыки провіантъ копятъ; въ слѣдствіе этого предписано по всѣмъ крѣпостямъ Колывавской и Иртышской Линіи сдѣлать въ Калмыцкихъ кошахъ обыскъ, провіантъ отобрать и записать. Но только въ Катунской крѣпости отобрано у 18 человѣкъ, кого 1, у кого 4 четверика; этотъ провіантъ отобранъ и записанъ на приходъ. Во всѣхъ другихъ крѣпостяхъ излишняго хлѣба не оказалось. Капитанъ же Сумароковъ, обыскивавшій Семипалатинскую крѣпость и форпосты ея вѣдѣнія, доноситъ, что у Калмыковъ не только излишняго хлѣба, но и выдаваемаго имъ, недостаетъ; если въ нѣкоторыхъ кибиткахъ онъ и находилъ по четверику, то это количество принадлежало человѣкамъ 12 и 15-ти, слѣдовательно, «тутъ не только лишку нѣтъ, но и до термину достать неуповательно; у другихъ же и по полугарнцу не имѣется, а питаются, у кого есть дичинное мясо, иные ходятъ по близости въ крѣпости, сбираютъ по міру милостыню, работаютъ у Русскихъ людей по ихъ умѣнью, и тѣми Русскими людьми бываютъ питаемы, и такъ до дачи провіянта пробавляются. О соединеніи же ихъ и уходѣ къ Амурсанѣ Сумароковъ самымъ искуснымъ дѣйствіемъ развѣдывалъ, но ничего не оказалось.

Рапортъ Маіора Фонъ Эндена, Іюня, 1751 года.

Онъ принялъ Калмыцкіе коши изъ крѣпостей Бійской, Катунской, Ануйской и Николаевской, для отвода въ Оренбургъ, откуда они должны были слѣдовать на Волгу, для соединенія съ Волжскими Калмыками. Оружейныя вещи: порохъ, свинецъ, селитра, стрѣлы, копья, луки и кольчуги у Калмыковъ отобраны и оставлены въ крѣпостяхъ. Конвой состоялъ изъ 305 человѣкъ съ 2 пушками. Калмыковъ принято мужскаго пола 258, женскаго пола 246; у нихъ скота лошадей 782, рогатаго 71, верблюдовъ 2, барановъ и козловъ 13.

Донесеніе Подполковника Колобового.

«Фонъ Энденъ выступилъ изъ Бійска 28 Іюня. Всего съ нимъ отправлено изъ крѣпостей и форпостовъ Кузнецкой и Колыванской Линіи, Бійской, Катунской, Ануйской, Николаевской, заводовъ Колыванскаго и Шульбинскаго, форпостовъ Убинскаго, Красноярскаго, Шеманаевскаго, Алейскаго, рудника Змѣевскаго, Кабаковской защиты: семей 566, людей мужскаго пола 1,106, женщинъ 1,178, всего 2,284. У нихъ верблюдовъ 76, лошадей 3,656, коровъ 157, барановъ и козговъ 31. Въ спискѣ высланныхъ поименованы Зайсаны: Бурутъ Чекугалинъ, Кимыкъ Ямanаковъ, Кутукъ Кутуйгулинъ, Церень Уруковъ и семейства умершихъ Зайсановъ Гулчугай и Омбы. Кромѣ того поименованы Калмыки вѣдомства Зайсана Буктуша, но ни его самого, ни его семейства, въ спискѣ нѣтъ. Итакъ, въ подданство вступило 7 волостей. Общее число не во всѣхъ волостяхъ было описано по волостямъ; такъ, въ форпостѣ Шульбинскомъ, Шеманаевскомъ, Казанскомъ и заводѣ Колыванскомъ, показано смѣшанно мужскаго пола 382, женскаго пола 616. За тѣмъ въ остальныхъ было:

	мужскаго пола.	женскаго пола.
Волости Омбы.	— 112 —	— 133 —
— Гулчугая.	— 166 —	— 174 —
— Бурута.	— 203 —	— 186 —
— Кимыка.	— 9 —	— 9 —
— Кутука.	— 65 —	— 84 —

Волости	Буктуша.	—	14	—	—	13	—
—	Церена.	—	56	—	—	55	—
—	Бока Демечина.	—	11	—	—	9	—
—	Дабачи.	—	1	—	—	2	—
—	Кокшика.	—	3	—	—	—	—
—	Телеутской. . . .	—	6	—	—	—	—
—	Урунхайской (?) .	—	78	—	—	90	—
	Киргизъ.	—	4	—	—	—	—

У Зайсановъ и другихъ Калмыкъ показано по нѣскольку холопей; такъ у семейства Омбы было 8 холопей.

---

26 Іюля изъ Омска съ Шестаковымъ было отправлено 107 Калмыковъ; у нихъ велѣно было отобрать ружья, подъ предлогомъ, что они кажутся неисправны, нужно починить, и такъ какъ они теперь вѣрноподданные, то ружья имъ починятъ даромъ. Но Калмыки объявили, что ихъ ружья исправны и они не хотятъ ихъ отдавать. Ружья, по этому, оставлены при нихъ.

Китайское Правительство требовало выдачи Омбы и сына его, Болота, вступившихъ въ Русское подданство, и еще прежде того вступившихъ въ Китайское подданство, и были по этому отъ Богдахана разными знаками жалованы. Русское Правительство рѣшило не отдавать ихъ, думая, что имъ будутъ сдѣланы «тиранскія мученія;» ихъ отправили въ Тару. Омбо умеръ 9 Февраля, 1757 года, Болотъ 23 Декабря, 1756 года, при матери вдовѣ остался младшій сынъ, Тюро.

Три Калмыка, вышедшіе изъ Зенгоріи, хотѣли изъ форпоста Убинскаго бѣжать въ Монголію, по тому что «имъ здѣсь жить худо.» Чтобъ они дѣйствительно не могли убраться «въ Мунгалы,» ихъ велѣно отправить подъ конвоемъ въ Омскъ, и тамъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ.

Фонъ Энденъ на пути изъ Бійска до Семипалатинска набралъ къ прежнимъ еще новыхъ Калмыковъ и вышелъ изъ Семипалатинска съ 3,179 человѣками. Послѣ выхода Фонъ Эндена изъ Семипалатинска къ Августу мѣсяцу накопилось вновь выбѣжавшихъ Калмыковъ 194 человѣка.

---

28 Августа, 1757 года, въ Устькаменогорскъ выбѣжалъ одинъ Калмыкъ, который показалъ: «17 человѣкъ Урунхайцевъ отправилось для отгона казеннаго табуна отъ Устькаменогорска. Но они были примѣчены, и посланная противъ нихъ команда прогнала ихъ; разбойники успѣли только увезти въ плѣнъ крестьянина съ пашни отъ деревни Прапорщиковой. За ними въ погоню была послана команда изъ 56 человѣкъ. Вскорѣ изъ нихъ возвратилось трое раненыхъ съ извѣстіемъ, что на ихъ команду напала шайка, человѣкъ по 20 на каждаго изъ ихъ Изъ Устькаменогорска послана вторая команда изъ 50 человѣкъ съ мортирой. Капралъ Мельчуговъ, начальствовавшій надъ первою партіей, показалъ, что при нападеніи на нихъ разбойниковъ, нѣсколько у Русскихъ было убито, остальные ранены. Бой происходилъ у мельницы на рѣкѣ Глубокой и продолжался два часа. Команда его обратилась въ бѣгство. Вторая партія не могла нагнать Урунхайцевъ.

Де Вильневъ, начальникъ Колывановоскресенской Линіи, по предложенію высшаго начальства, посылалъ чиновниковъ осмотрѣть близь Кузнецка, внутри границы, мѣста, удобныя для поселенія двоеданцевъ. Такихъ мѣстъ не оказалось. Де Вильневъ предлагаетъ двоеданцевъ не переселять, а оставить на прежнихъ мѣстахъ, построивъ для ихъ прикрытія крѣпость, а отыскать мѣсто подъ нее послать Геодезистовъ. Переселять же находитъ неудобнымъ по слѣдующимъ причинамъ: двоеданцы, по застарѣлому своему извычаю, къ зимнимъ временамъ для скота сѣнъ никогда не заготовляютъ, безъ чего оный и перепасть можетъ; къ тому жь, и способныхъ для звѣриныхъ промысловъ мѣстъ внутрь Россійской границы, таковыхъ, каковы у нихъ нынѣ есть, не сыщется; а особливо, что уже оные на тѣхъ своихъ прежнихъ мѣстахъ обжились, и ежели переселять, то, по новости мѣстъ и водъ, какъ то уже дѣйствительно видимо

было, приходящіе въ Россійское подданство Зенгорцы многіе померли, и онымъ послѣдовать можетъ таковый же тогда случай; а понеже хотя оные и за Россійскою границею жительствуютъ, но въ сборѣ съ нихъ ясаку въ доимкѣ не бываетъ. Всѣхъ двоеданцевъ Де Вильневъ считаетъ до 2,200 человѣкъ.

Въ Кузнецкѣ былъ устроенъ совѣтъ изъ Полковника Колабоваго, Воеводы Грязева и другихъ Дворянъ и Офицеровъ о переселеніи двоеданцевъ. При этомъ часто упоминается слѣдующая опись: «Въ прошломъ 744 году посланнымъ отъ Кузнецкой Канцеляріи Двоpяниномъ Мельниковымъ по урочищамъ, рѣкамъ и прочимъ признакамъ, гдѣ надлежитъ быть Россійскаго владѣнія границѣ Калмыцкаго Владѣнія Галданъ-Чирина съ пограничными волостями, по пограничнымъ ясашнымъ волостямъ и до Колывановоскресенскихъ заводовъ и до Устькаменогорской описаны звѣриные промыслы и со всѣми угодьями способныя мѣста.»

По мнѣнію де Гаррига (27 Іюля, 1757 года) вышедшихъ въ подданство двоеданцевъ держать при крѣпостяхъ не для чего. Таутелеутскихъ трехъ волостей, Телеутской одной, издавна платящихъ ясакъ, по Кузнецкимъ свѣдѣніямъ, Татаръ немноголюдно: большихъ и малыхъ мужскаго пола 223 человѣка. Де Гаррига пишетъ, что приличныхъ къ ихъ поселенію мѣстъ нѣтъ. Въ этомъ рапортѣ де Гаррига оправдывается, по чему онъ отпустилъ въ горы не только вышедшихъ, но и въ давномъ подданствѣ обращавшихся, двоеданцевъ, и ссылается на ордеры бывшаго Сибирскаго Губернатора Мятлева. Помощникъ Сибирскаго Губернатора Грабленовъ просилъ Фонъ Лориха, поступившаго на мѣсто де Граве, въ тонкости изслѣдовать это дѣло, ибо въ ордерахъ Мятлева и Раддера ничего нѣтъ о перешедшихъ изъ Зенгоріи двоеданцахъ, назначенныхъ на Волгу; напротивъ, велѣно было, чтобы они сомнѣнія въ переселеніи не имѣли, обнадеживать ихъ, что всѣ подвластные имъ люди (то есть, холопы) при нихъ неотъемлемы будутъ; да и самъ де Гаррига писалъ, что эти двоеданцы съ тѣмъ взяты изъ Камня, чтобъ всѣхъ, пришедшихъ въ подданство, Зенгорскихъ Калмыкъ удобнѣе было привесть къ крѣпостямъ, и что до отправленія послѣднихъ на Волгу, двоеданцамъ должно быть при Зенгорцахъ.

Совѣщавшіеся приговорили: «Дабы Россійская Имперія время отъ время на вѣкославіе Ея Императорскаго Величества чрезъ всевозможные способы распространиться могла, принявъ къ тому и слѣдующій случай, если уменьшеніе Россіи учинить въ силу Государственныхъ правъ, за немалую опасность о томъ предпочитается, понеже именованные двоеданцы съ давнихъ лѣтъ и съ самой природы, какъ опись Дворянина Мельникова состоитъ, жительствуютъ на тамошнихъ мѣстахъ, натурально, кои къ ихъ жительству и по Азіятской звычайности во всемъ угодны, и что они пропитаніе имѣютъ отъ промыслу звѣрей, и какъ они скоту сѣнъ къ зимнему времени не ставятъ, а довольствуется ихъ скотъ подножною травою въ лѣто и зиму, ибо къ тому всѣ тамошнія мѣста къ ихъ житію весьма угодны, понеже и справкою отъ Кузнецкой Канцеляріи оказалось, по окладной Камеръ-Коллежской книгѣ показано: Телецкихъ порубежныхъ: Башлыкъ Кулашъ Кутеремовъ съ товарищи платитъ вольный ясакъ по 4 сороку, по 26 соболей въ годъ, а сколько ихъ человѣкъ и кто по именамъ платитъ, не значится, кои въ Высочайшее подданство Ея Императорскаго Величества Имперіи приведены еще въ прошломъ 133 году (1625 года), всѣхъ тогда имѣлось ихъ 200 человѣкъ. а жительствомъ они показаны въ волостяхъ и улусахъ, въ которыхъ имѣется Князцомъ Коиндаркой Мандрачковъ; да во 160 году (1652) живущіе по Катунѣ рѣкѣ Верхніе Саянцы, Князецъ Ерунтей съ товарищи платилъ въ казну 7 пластинъ соболей. А по нынѣ учиненнымъ переписямъ Кузнецкими Дѣтьми Боярскими, Алексѣемъ Бутримовымъ, Иваномъ Максюковымъ, значится тѣхъ двоеданцевъ прежде платежныхъ въ казну ясака и вновь переписныхъ съ ними, обще до сущаго младенца, Телецкихъ 339 человѣкъ, Таутелеутскихъ, Канскихъ и Каракальскихъ 541 человѣкъ, да сверхъ оныхъ изъ древнихъ лѣтъ платежныхъ въ казну Ея Императорскаго Величества ясакъ, кои Кондонскихъ въ 10 волостяхъ староплатежныхъ и подростковъ мужскаго пола до 1,400 человѣкъ, всего оныхъ староплатежныхъ и по новымъ переписямъ имѣется до 2,220 человѣкъ, не въ защитѣ и ни какихъ около ихъ крѣпостей и форпостовъ, по прежде учиненной Кузнецкимъ Дворяниномъ Мельниковымъ описи, яко границѣ, не имѣется. Аизъ тѣхъ двоеданцевъ, яко то Таутелеуты и Телесцы имѣютъ промыслы близъ Канскихъ волостей, и оные промыслы противъ здѣшнихъ ясашныхъ добротою весьма лучше и дороже бываютъ; и за всѣми

вышепрописанными обстоятельствы, всѣмъ двоеданцамъ житель-ствовать по прежнему, какъ и до сего находились. А что же ни сколько они заграничные двоеданцы отъ стороны Россійской не защищены, и къ переводу, если же бы всемѣрно угодныя мѣста внутри Сибири изыскаться хотя и могли, на которыя оные двое-данцы къ переселенію и слѣдовали, изъ онаго разсуждается произой-тить немалому затрудненію, а паче интересу въ такомъ случаѣ приращенія ни какого быть не уповаемъ, и въ прибытокъ онаго интереса немалыя недоимки послѣдовать могутъ, за тѣмъ, что тамо въ платежу ясаку противу Кузнецкихъ самолучшіе; того ради един-ственно полагается, гдѣ отъ Кузнецка по описи Дворянина Мельни-кова, гдѣ двоеданскіе Татары жительствомъ распространяются, учи-нить, кѣмъ принадлежитъ, окрестное осмотрѣніе, и оный бы опредѣ-ленный къ осмотру могъ разсмотрѣть угодное мѣсто лѣсомъ и сѣн-ные покосы; а какъ довольно тамошнія мѣста каменисты, то бъ из-бравъ къ тому, какими мѣстами проѣздъ чинить будетъ свободно, и когда удобное мѣсто лѣсомъ и лугами предусмотрѣно будетъ, тогда, для защищенія тѣхъ двоеданцевъ, а наибольше для имѣвшаго высо-чайшаго Ея Императорскаго Величества интереса и прибытка, гдѣ принадлежать будетъ, отъ Россійской стороны къ защищенію и къ нимъ въ помянутыя волости непріятельскаго подбѣга и отъ нихъ вреда, а паче и они бъ, двоеданцы, по легкомыслію ихъ ухода и отвергательства отъ протекціи Ея Императорскаго Величества учи-нить не могли, построить, какъ изъ приложеннаго чертежа усмотрит-ся, вновь крѣпость, или жь како заблагоразсудится, и употребить военной команды въ такое заграничное мѣсто пристойное число; а бо-лѣе всего о всемъ выше прописанномъ ниже подписавшіеся полагают-ся въ волю главнаго разсмотрѣнія. Учинено 1754 года, Сентября 6. Въ городѣ Кузнецкѣ. Дворянинъ Левъ Мельниковъ, Ѳедоръ Мельниковъ, Секундъ-Маіоръ А. Поливановъ, Коллежскій Ассессоръ Иванъ Грязевъ, Подполковникъ Семенъ Коло-бовой.»

Въ Колывановоскресенскомъ заводѣ крещено Зенгорцевъ 109 человѣкъ. Предписано переписать всѣхъ крещеныхъ, находящихся въ покупкѣ для услуженія (у Русскихъ).

Въ Сентябрѣ 1757 года Поручикъ Келеръ конвоировалъ отъ Лебяжей до Ямышевской 260 человѣкъ новокрещенныхъ Калмыковъ.

---

30 Августа Калмычка, бывшая у Телеутовъ, объявила въ Катунской крѣпости, что теперь всѣ Телеуты находятся по разнымъ мѣстамъ для снискиванья себѣ на пропитаніе корня сараны.

---

10 Октября Сынъ Боярскій Максюковъ, находящійся при Кузнецкой Канцеляріи для сбора ясака съ двоеданскихъ Калмыковъ, объявилъ, что Зайсанъ Боохолъ со своими подвластными объявляетъ себя быть въ вѣчномъ Ея Императорскаго Величества подданствѣ, а жить бы обще съ двоеданскими Татарами и ясакъ платить противъ ихъ; теперь же въ горахъ скрываются отъ страха отъ Торгоутскаго Зайсана Научата и Регистратора Девятияровскаго, за тѣмъ, что они имъ угрожали и всякими побоями стращали, то жь и съ Торгоутскими Калмыками на Волгу взять для житья неотмѣнно хотѣли; Максюкову предписано стараться ласкательствомъ привлечь Боохола въ Бійскую крѣпость съ немногими старшинами.

Письмо Боохола, 1757 года.

«25 Сентября состоящіе въ горахъ Зайсанъ Боохолъ со своими подвластными объявляемъ себя быть въ вѣчномъ Ея Императорскаго Величества подданствѣ, и жить обще съ двоеданцами Татарами волостями, и ясакъ платить противъ ихъ неотмѣнно желаемъ, что жь и нынѣ отъ того яко бъ отвергаемся и въ горахъ укрываемся, то страха ради состоящаго въ Бійской крѣпости Торгоутскаго Зайсана Научата и Регистратора Девятияровскаго, за тѣмъ, что они намъ угрожали и всякими побоями стращали, тожь и съ Торгоутскими Калмыками на Волгу взять неотмѣнно хотѣли, а мы того не желаемъ и обще съ ними жить, по привычкѣ нашей, уже здѣсь, не хочемъ, отъ чего и побѣгъ въ горы учинили, да и предъс имъ бы, когда насъ Г. Полковникъ де Гаррига призывалъ, по его къ намъ склонности и оказанныя

милости, себя подвластными объявили, за тѣмъ что слышно намъ отъ двоеданскихъ старшинъ, Намки Малаева, Дарды Боочакова, Арильдея Мочакова, да вновь приписанныхъ въ ясакъ Зайсана, Кукшина Ямзынакова, съ подвластными его, яко бы онъ, де Гаррига, человѣкъ милостивый и благосклонный, и во всемъ они имъ довольны и всегда таковыхъ командировъ желаютъ, къ чему и я, ревнуя съ своими подвластными, и видя самъ отъ него, Г. Полковника, и милости, при томъ же, не слыхавъ ни какого къ себѣ угроженія и ни мало оздобленія, прошу учинить по сему милостивое разсмотрѣніе и дать на выходъ нашимъ изъ горъ обнадеженіе, понеже мы егда не будемъ защищены отъ помянутаго Торгоутскаго Зайсана, выходъ свой учинить, по вышеприписаннымъ его угрозамъ, опасны, а желаемъ подлинно принесть къ Г. Полковнику де Гаррига себя въ подданство Милостивой Государынѣ объявить, въ чемъ и подписуемся. Да ежели бъ и прежде онъ, Г. Полковникъ, былъ одинъ въ Бійской крѣпости, безъ его, Научата, то бъ мы уже давно приходъ свой усердно съ желаемости, по его къ намъ угощеніямъ, объявили; да вышеписанные Зайсанъ Научатъ и Регистраторъ Девятияровскій угрожали меня и Намку Малаева, чего ради безъ вѣдома нашего ѣздилъ въ г. Кузнецкъ, и за то меня хотѣли голову заширить и заковать въ желѣза и везти въ Торгоутскую землю, и убояся я, Малаевъ, того, дали имъ 4 соболя, которые стояли цѣною 40 руб., да корову съ теленкомъ, а прочіе, страха ради, разбѣгались отъ Научата и Девятияровскаго; а кто что бралъ насильно у кого, при семъ сообщенъ реестръ:

Реестръ.

У Зайсана Кукшина: Мунчукъ взялъ 2 жеребцовъ, цѣною 12 руб.; 15 овецъ, цѣною 8 руб.; еще на погонѣ отняли толмачъ Петръ Торгоутскій да Мунчукъ Басурманъ 32 коня, цѣною 100 руб.; они жъ взяли 2 коровы, цѣною 5 руб. У Емзынакова: они жъ взяли шубу, выдрой опушена, цѣною 6 руб. У Шеты Амина они жь взяли 6 лошадей, цѣна 30 руб.; 2 соболя, цѣна 8 руб.; 150 бѣлокъ, цѣна 4 р. 50 коп. У Келекея Сайдакова: они жь взяли 1 коня, цѣна 10 руб.; лукъ съ сайдакомъ и со стрѣлки, цѣна 3 руб. 60 к.; 100 бѣлокъ чистыхъ, цѣна 3 руб.; 1 бобра, цѣна 1 р. 20 коп.; 1 шубу козлину, цѣна 2 руб. У Тончи Обычинова они жь взяли 1 коня, цѣна 8 руб. У Кунды Кучина 40 бѣлокъ, цѣна 1 руб. 20 коп.; 1 соболя, цѣна 2 р. 20 коп. У Басарлы Танжина: 1

коня, цѣна 10 руб. У Шадалы Кобелеева 1 коня, цѣна 4 руб. У Бутая Чеганакова 1 кобылу, цѣна 3 руб. У Тарбалака Молодаваева: 2 коня, цѣна 11 руб. 50 коп.; 2 турки, цѣна 10 руб.; 3 котла желѣзныхъ, цѣна 3 руб. У Аючи Салтынакова: взялъ Зайсанъ Научатъ 1 корову съ теленкомъ, цѣна 5 руб.; 1 соболя, цѣна 10 руб. У Тандыгана Негуртеева онъ же взялъ 1 корову съ теленкомъ, цѣна 5 руб. У Исаны Чертачекова взялъ Бусурьжанъ 1 коня, цѣна 5 руб. У Бары Ширина взялъ Мунчюкъ 2 коня, цѣна 10 руб. У Бакты Адокчика 1 корову, цѣна 3 руб.; 1 шубу, крыту камкой, цѣна 4 р. У Телбека Ширина взялъ Петръ толмачъ 70 бѣлокъ, цѣна 2 руб. 10 коп.; 1 овцу, цѣна 50 коп. У Бичирги Тарлакова взялъ Брутъ 1 корову, цѣна 4 руб.; 1 коня цѣна 5 р. У Табасы Бакаева взялъ Мунчюкъ 1 коня, цѣна 4 руб. У Ебалги Батлева взялъ Брутъ дѣвку 8 лѣтъ да парня 17 лѣтъ (цѣны не означено). У Чемы Бурушкина взялъ Петръ Толмачь 4 коня, цѣна 20 руб.; 100 бѣлокъ, цѣна 3 р.; 1 выдру, цѣна 20 руб. 50 коп.; 27 лошадей, цѣна 100 руб.; 2 быка, цѣна 10 р.; 2 коровы, цѣна 15 руб.; 1 подставъ камки лазоревой, цѣна 10 руб.; 1 турку, цѣна 4 р. У Кидики Чукшчеева, у Буксюка Чуумчеева, у Чюкулы Машаева, у Болагаша Еботова Брутъ, Мунчюкъ, Петръ толмачъ взяли 40 лошадей, 8 коровъ, цѣна 170 р. У Аданки Чуумчеева 1 зипунъ, цѣна 5 руб.; лукъ съ сайдакомъ и со стрѣлки, цѣна 3 р. У Арсака Чекырова, у Откарагаша Чебешева, у Арбанака Егорлова Брутъ съ товарищи взяли: 20 лошадей, цѣна 100 руб.

Въ Ноябрѣ 1757 года выбѣжало въ Устькаменогорскъ Мингатовъ:

		Мужскаго пола.	Женскаго пола.
16 Ноября. . .		— 21 —	— 16 —
27	— Урунхайцевъ.	— 4 —	— 5 —
—	— Дербетскій Ноенъ.	— 1 —	— » —
—	— Подвластныхъ его.	— 9 —	— 7 —
30	— Мингатовъ.	— 2 —	— 2 —

Въ Семипалатинскую крѣпость выбѣжало 22 Ноября 1 Калмычка, въ Лебяжью крѣпость 5 Декабря Калмыкъ 1.

Показаніе Мингатовъ, вышедшихъ при старшинѣ Гого Ердоловѣ, Ноября, 1757 года.

«Мингаты жительство имѣли при рѣкѣ Таласѣ, въ вѣдѣніи Зайсана Еркету, у котораго было 2,700 кибитокъ. Назадъ тому два года, по разореніи Зенгорской землицы, нападали на нихъ Китайское войско, Киргизъ-Кайсаки и Буруты; многіе разбѣжались и были побиты; мы, собрався обще съ Телеутами и Киргизами (?), пошли на прежнія свои жилища въ Алтай. Въ прошломъ году опять напало Китайское войско, и нѣсколько Телеутовъ и Киргизъ ушло въ Россію, а Мингатовъ Мунгалы взяли въ плѣнъ, при Ноенѣ Дундукѣ, во 100 кибиткахъ, и держали при урочищѣ рѣкѣ Нарынѣ. Оттуда послали насъ въ урочище Хемыцыкъ, гдѣ мы и зимовали съ Мунгальскимъ войскомъ. Сего (1757) году, въ послѣднемъ вешнемъ мѣсяцѣ, мы съ того Хемыцыка, которое отъ Устькаменогорска ѣзды съ мѣсяцъ, въ числѣ 37 человѣкъ бѣжали до урочища Башкуша, гдѣ и кочевали до перваго осенняго мѣсяца, а въ Сентябрѣ, такъ какъ Телеуты и Киргизы вступили уже въ Россійское подданство, то и они пошли въ Россію. Назадъ тому 27 дней напали на нихъ Уранхайцы по ту сторону Бухтармы ночью и отбили всѣхъ лошадей; для сыску ихъ мы пошли черезъ пять дней пѣшіе, и ночью, при рѣкѣ Тусъ, нашли тѣхъ Уранхайцевъ и лошадей своихъ отбили. Уранхайцы бѣжали, а женъ и дѣтей своихъ оставили. Мингаты спрашивали у бабъ, «кто у нихъ старшина?» оказалось, что племянникъ Анжина, Хоохой, который съ Анжиномъ кочевье имѣетъ въ двухъ мѣстахъ за Иртышомъ, противъ Бухтармы; а гдѣ оный подлинно находится, въ какомъ урочищѣ, бабы не знаютъ, по тому что когда Уранхайцы съ мѣста на мѣсто перекочевываютъ, то объявляютъ такія урочища, на которыхъ не остановятся, чтобъ укрыться отъ воровскихъ шаекъ. Нынѣ при Анжинѣ имѣется не болѣе 30 кибитокъ, въ которыхъ до 60 человѣкъ мужскаго пола; и всѣ они вмѣстѣ съ Анжиномъ не стоятъ, а по разнымъ мѣстамъ, и кибитка отъ кибитки не въ близкомъ разстояніи, всегда находятся, для того, что иные Уранхайцы бываютъ пѣшіе и питаются сараною и Марьинымъ кореньемъ; которые же имѣютъ скотъ, тѣ стоятъ по мѣстамъ, гдѣ есть кормъ для скота и звѣриный промыселъ; когда же завидятъ многое число людей, то даютъ другъ другу знать, собираются въ одно мѣсто, и тогда Анжинъ идущихъ въ Россію малыми пар-

тіями Азіянъ разбиваетъ и грабитъ. Мингаты пошли отсюда въ Россію и на рѣку Салкиту, дней 7 назадъ, напали на нихъ Уранхайцы до 15 человѣкъ и отбили лошадей. Отъ Салкиту они шли 7 дней до урочища Печей, гдѣ и встрѣтились съ Россійскими людьми.»

Показаніе выбѣгшихъ Уранхайцевъ, Ноября, 1757 года.

«Жили они на рѣкѣ Бухтармѣ, въ вѣдомствѣ Зайсана Гулчагуя; въ прошломъ году въ лѣтнее время напало на нихъ Мунгальское войско и разбило, до 40 кибитокъ взяли въ плѣнъ, отправили въ свою землю, везли до озера Норъ-Зайсана, и отъ того озера они въ 5 человѣкъ мужскаго пола и 30 женскаго пола, бѣжали въ первомъ осеннемъ мѣсяцѣ; у Бухтармы стали переправляться на степную сторону Иртыша; при переправѣ встрѣтили Калмыченка, служившаго у Анжина; Анжинъ стоитъ противъ Бухтармы, на рѣкѣ Кокуголѣ, при немъ 20 кибитокъ Уранхайцевъ; на той сторонѣ Иртыша на нихъ напали Уранхайцы, отбили лошадей и двухъ бабъ; тутъ же они видѣли Хоохоя, который съ 7 кибитками переправился на правую сторону Иртыша, чтобъ зимовать на урочищѣ Ирень-Хабарги, по сю сторону Бухтармы.»

По дальнѣйшимъ показаніямъ, однако, оказалось, что Уранхайцы все это наврали и въ плѣну у Мунгаловъ они никогда не были.

При Анжинѣ имѣется 23 человѣка, 80 лошадей, рогатаго скота нѣтъ. У Хоохоя при 7 кибиткахъ 120 лошадей, 6 коровъ, верблюдовъ 3. Какъ Анжинъ, такъ и Хоохой, въ подданство къ Китайцамъ не пошли, а намѣрены по сю сторону Бухтармы пашню пахать, что и нынѣшнее лѣто производили.

Показаніе Уранхайцевъ, выбѣгшихъ въ Устькаменогорскъ, 19 Генваря, 1758 года.

Уранхайцы (3 человѣка) показали, что «они вѣдомства Анжина; назадъ тому 2 мѣсяца и 20 дней Мунгальцы убили Анжина и его жену, а Хоохой, его племенникъ, находится на рѣкѣ Аблакеткѣ, у

урочища Розсыпей; при немъ мужскаго пола 14 человѣкъ, женскаго пола по 13 человѣкъ, лошадей 80; лошади худы и слѣдуетъ немалый ихъ упадокъ.»

Другіе Уранхайцы показали: «Они вѣдомства Зайсана Гульжугая, жили при рѣкѣ Нарынѣ. Когда Зайсанъ пошелъ въ подданство, то часть Уранхайцевъ осталась для забранія посѣвнаго хлѣба; на нихъ напало Мунгальское войско, и только 10 человѣкъ изъ нихъ успѣли скрыться въ ущельяхъ около Нарыма. Изъ нихъ 4 умерло отъ горячки. Это было два года тому назадъ. Въ прошломъ году весной они переправились за Иртышъ и вышли противъ устья Бухтармы къ рѣкѣ Черной, гдѣ стоялъ старшина Хоохой въ трехъ кибиткахъ. Анжинъ стоялъ тутъ же въ близости. Назадъ тому 2 мѣсяца и 20 дней Анжинъ съ 4 человѣками ѣздилъ на Бугунъ-Чугулякъ, къ Мунгальскому войску, для воровства, и отогналъ 22 лошади. Мунгальцы тѣмъ же слѣдомъ наѣхали на Анжина и его убили, а жену его и сына увезли живыхъ. Хоохой перешелъ тогда на правую сторону Иртыша, а по уходѣ Мунгальцовъ съ рѣчки Черной, онъ паки перекочевалъ на западную сторону и дошелъ до рѣки Аблакетки, до урочищи Розсыпи, гдѣ и чинитъ звѣриные промыслы. У его Уранхайцевъ лошадей 80, быковъ 6, коровъ 4, верблюдовъ 2, оружіе огненное и холодное, кольчугъ 6. Хоохой говорилъ, что онъ хочетъ ити въ Русское подданство, но что такъ какъ онъ чинилъ въ Устькаменогорской крѣпости немалыя злодѣйства, то не лучше ль ему ити въ Семипалатную крѣпость, или Шульбинскій заводъ, гдѣ его злодѣйствъ не знаютъ.»

Въ Омскѣ у Секундъ-Маіора Челюкина находилось къ 1 Генваря, 1758 года, 747 человѣкъ крещенныхъ и некрещенныхъ выбѣгшихъ Калмыковъ.

---

14 Генваря въ Устьнинскій форпостъ вышелъ изъ за рѣки Біи ясашный Татаринъ Таутелеутской волости Чалаку отъ Зайсана Намки и демечей Тарды и Ерелдея съ письмомъ на Калмыцкомъ языкѣ, въ которомъ они просятъ о защитѣ отъ Мунгалъ и Боо-

хола. Чалаку объявилъ также, что къ Зайсану Намки присланъ съ рѣчки Семси Саянскій ясашный Татаринъ съ извѣстіемъ, что Боохолъ съ Мунгальскимъ войскомъ идетъ на двѣ дороги, чтобъ взять въ плѣнъ живущихъ въ Таутелеутскихъ волостяхъ ясашныхъ Татаръ.

Зайсанамъ Кукшину, Ивелю, Дандыгану и Далечамъ-Даадѣ и Дриндею Бійскій Комендантъ послалъ письмо, въ которомъ онъ приглашаетъ ихъ приблизиться къ Бійской крѣпости.

Показаніе двухъ выбѣгшихъ Мингатъ. 13 Генваря, 1758 года.

«Мингаты, въ числѣ 3000 кибитокъ, жили въ вѣдѣніи Зайсана Елату, при рѣкѣ Нарымѣ; назадъ тому три года на нихъ напали Мунгальцы до 10,000 человѣкъ, и нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ, другіе разбѣжались. Белзе съ сестрой, больные оспою, остались при рѣчкѣ Удени и жили съ мѣсяцъ. Выздоровѣвъ, они пошли внизъ по Иртышу къ Уранхайцамъ, и дойдя до рѣки Курчюма, переправились съ западной на восточную сторону Иртыша и были приняты Уранхайскимъ Зайсаномъ Гулжухаемъ, и жили выше рѣки Бухтармы, у горы Мегинъ-Шали. Нынѣшнимъ лѣтомъ при этой горѣ на нихъ напали Мунгальцы, отбили скотъ, убили нѣсколько женщинъ и дѣтей; Белзе бѣжалъ къ Анжину; дойдя до рѣки Толты, остановился на ней. 18 дней назадъ третично напали на него съ товарищи Мунгальцы, скотъ отбили и нѣсколько человѣкъ убили и полонили для языку, и спрашивали, гдѣ кочуетъ Анжинъ.»

Показаніе Мингатки Улюнжи.

«Мингатскаго отоку, вѣдомства Зайсана Золба. Прежде Мингаты кочевали въ 1,500 кибиткахъ на рѣкѣ Илѣ; три года назадъ, весною покочевали они въ Алтайскій камень, и во время перекочевки были взяты въ плѣнъ Киргизъ-Кайсаками.»

Находящійся въ Бійскѣ въ аманатахъ Зайсанъ Бурутъ подалъ 24 Генваря письмо на Калмыцкомъ языкѣ о томъ, что онъ за своего сына просваталъ дочь Зайсана Кутука и далъ послѣднему калымъ, но Кутукъ ни дочери своей, ни калыму не отдаетъ; а по ихъ обыкновенію, таковый калымъ, по умертвіи жениха, возвращается, или тое невѣсту отдаютъ. Кутукъ объявилъ, что, по недостаточности и разоренію, возвратить калыма онъ не можетъ. Бурутъ этимъ удовольствовался.

Бурутомъ дано Кутуку въ калымъ: 1 маленькая дѣвочка, 1 ружье, 56 коровъ, мериновъ 7, выдра 1, боберъ 1, кожъ красныхъ 4, бѣлокъ 50, чаю 2 кирпича, бязь 1, яргакъ, баранъ, волкъ, желтой камки 1 аршинъ, кобыла 1, лошадь 1, годовый быкъ, баранъ, тушъ бараньихъ 6, шуба Китайская, полукафтанье камчатное, китайки 2 конца, бѣлыхъ холстовъ 2 конца, сапоги, 2 аршина черной камки, бѣлыхъ мерлушекъ 10, чемоданъ юфтевый, ярганъ, постельныя бѣлыя кошмы.

Показаніе выбѣгшаго Калмыка Чечи, Февраля, 1758 года.

Чечи съ двумя товарищи былъ для звѣринаго промысла у крѣпости Чакырской, и здѣсь былъ пойманъ Русскимъ разъѣздомъ 13 Февраля. Онъ принадлежитъ къ вѣдомству Омбы; волость ихъ Канская, стоитъ въ вершинахъ Ануя, въ ней кибитокъ со 100, людей мужскаго и женскаго пола до 300. Зайсанъ Боохолъ съ отокомъ мѣсяца два назадъ ушелъ въ Мунгалы, въ подданство къ Китайскому Хану.

Показаніе Калмыка Яла, Февраля 17.

Вѣдомства Омбы, жилъ при немъ въ Канскомъ урочищѣ; при Омбѣ было 5 дючинъ, въ каждомъ дючинѣ по 40 кибитокъ и по демечею; два года назадъ, въ половинѣ лѣта, они съ Омбою вышли въ Россійскія крѣпости. Сначала для корму лошадей они были помѣщены на Чарышѣ, подъ деревней Карповой, а потомъ переведены на рѣку Бѣлую. По дорогѣ изъ нихъ 50 кибитокъ бѣжало отъ

извѣстія, что ихъ всѣхъ хотятъ отвести въ Торгоуты; объ этомъ имъ сказывалъ Зайсанъ Научатъ. Теперь Ялъ прибылъ отъ старшинъ Чокы и Шодоя, съ просьбою вновь принять ихъ въ подданство Россіи.

Показаніе Сына Боярскаго, Максюкова, Марта.

Въ бытность въ Каракальскихъ волостяхъ для сбора ясака въ Августѣ мѣсяцѣ, старшины: Кукшинъ, Намки, Дарды, Иреддей и др. просили объ удовлетвореніи ихъ за взятки Русскихъ чиновниковъ. Народъ находился въ собраніи, для сдачи ясаку въ урочищѣ Каюрлукѣ. Здѣсь на нихъ напалъ Боохолъ и отнялъ ясакъ; впрочемъ, ясашная казна была отыскана и только увезенъ 1 мѣшокъ, въ которомъ было 80 бѣлокъ, 3 волка, 1 лисица, 1 соболь, всего на 80 руб. 80 коп.

Барабинская Татарка Каробашъ, вышедшая изъ плѣна, объявила, что она жила въ волости Улеби. Назадъ тому 32 года, во время отлучки родителей на пашню, была взята въ плѣнъ наѣхавшими Киргизами.

Показаніе двоеданца Койбо, Мая.

Бѣжалъ отъ Мунгальскаго войска съ рѣки Мекешери, отъ Бійска въ 15 дняхъ ѣзды. При этой же рѣкѣ прежде кочевали Мунгальскіе платежные Желтые Саяны. Р. Мекешери теченіе имѣетъ на востокъ, а во оную впала рѣка Танчуръ, а вышли обѣ изъ каменю Атанчуръ, изъ озера. Да изъ каменю жь третья рѣка Чуя теченіе имѣетъ въ Катунь рѣку.

Выбѣгшимъ Калмыкамъ, кромѣ провіянта, выдавалось на мясо кормовыхъ денегъ, некрещенымъ большимъ по 1 коп., малымъ отъ 10 лѣтъ по 1 деньгѣ; крещенымъ большимъ и малымъ по 3 деньги;

Ноену Шерину по 20 к., прочимъ Ноенамъ по 10 коп., Зайсанамъ по 5 к., главному Ламѣ по 10 к., другому Ламѣ по 5 к.

Ноенъ Шеринъ отказался отдать оружіе, увѣряя, что въ его Торгоутахъ сомнѣваться нечего, что они подданные Ея Императорскаго Величества издавна и зашли въ Зенгорію только молиться великому Бурхану.

Въ кошѣ Шерина по описи оказалось 1156 кибитокъ, въ нихъ людей:

	мужскаго пола.	женскаго пола.
Большихъ.	— 2674 —	— 1963 —
Малыхъ (отъ 10-ти лѣтъ.)	— 364 —	— 222 —
		Всего 5,223 человѣка.

Лошадей и жеребятъ 7,800, верблюдовъ 3,124, коровъ и телятъ 533, быковъ 3, овецъ и барановъ 691, козъ 159; всего 12,310 головъ.

Показаніе Башлыка ясашныхъ Татаръ, Акучая, 30 Августа.

По зарѣцкой сторонѣ Біи, въ Камляжскія и Кузенскія волости, пришло Мунгальское войско, и ясашныхъ Татаръ тѣхъ волостей побрано въ полонъ. До тѣхъ волостей отъ форпоста Устьнянскаго ѣзды два дня.

Китайское войско захватило въ плѣнъ Башлыка Кимляжской волости Сербачи и Есаула Икыша, Башлыка Тележекой волости Куюкпала.

---

16 Сентября, 1758 года, Зайсанъ Кукшинъ поѣхалъ изъ своихъ кибитокъ въ Катунскую крѣпость, но, не допустя его до той крѣпости за 50 верстъ, напали на него Мунгальскія войска до 1000 человѣкъ, и увезли въ его кибитки, о чемъ Зайсанъ Менко прислалъ въ Бійскъ извѣстіе со своимъ сыномъ Насунъ. Зайсанъ Намки ѣздилъ развѣдывать о Мунгальскомъ войскѣ и искать ясашныхъ двоеданцевъ Татаръ до рѣчки Наймы, вверхъ по Біѣ, по зарѣчной сторонѣ, по рѣкѣ Сара-Кокчи Камляжской волости, и наѣхалъ на Есаула Чоко Килунчакова, который объявилъ: «было у нихъ 50 Мунгальцевъ за поисками Зенгорскихъ Калмыкъ, войско ихъ идетъ по за Кутуни рѣкѣ внизъ; ясашнымъ Татарамъ то войско обидъ и разоренія не чинило.»

Въ 1757 году, до Августа мѣсяца, въ Устькаменогорскѣ крещено 237 Калмыковъ; нѣкоторые по Св. Крещеніи снова обвѣнчались съ женами, другіе бросили прежнихъ женъ, «по молодости ихъ», и женились на другихъ; да новокрещеныхъ Калмычекъ выдано замужъ за Казака 1, за крестьянъ 2.

Въ 1757 году, во время слѣдованія отъ Бійска до Ямышева, съ 23 Іюля до 20 Сентября, умерло Калмыковъ мужскаго пола 132 человѣка, женскаго пола 142. Отъ Ямышева до Омска умерло мужскаго пола 100 человѣкъ, женскаго пола 114 человѣкъ.

Тарскому Воеводѣ было приказано: Калмыкамъ, восприемлющимъ Св. Крещеніе, давать по 3 деньги въ день да по четверику муки въ мѣсяцъ. Въ Устькаменогорскѣ велѣно давать: большимъ крещенымъ по четверику въ мѣсяцъ, а малолѣтнимъ «въ полы», а въ дорогѣ по 3 коп. въ день, а чтобъ отъ стужи изнуренія не было, давать одежду. Демечи Уржинъ представилъ, что хотя и выдано ячменю, но, за неимѣніемъ мяса и молока, а особенно соли, Калмыки претерпѣваютъ нужду, и отъ того опухли и впали въ болѣзнь, а купить и вымѣнять не на что, да и ячменю недостаетъ, и отъ того приходятъ въ слабость здоровья, и отъ претерпѣннаго гла-

ду поправиться не могутъ, и просятъ неотступно о прибавкѣ провіянта, о выдачѣ соли и мяса. Кромѣ того, не желающимъ креститься вовсе ничего не дается.

---

8 Сентября, 1758 года, выбѣжалъ десятилѣтній сынъ Зайсана Кукшина, Тетекъ, который объявилъ: «Двадцать дней назадъ напала на ихъ улусъ шайка Мунгальцевъ. Въ улусѣ было 7 кибитокъ и 10 человѣкъ; всѣхъ ихъ Мунгальцы связали и увезли, скотъ раздѣлили между собой. Отецъ этого мальчика, Зайсанъ Кукшинъ, убѣжалъ въ горы. Тетекъ съ матерью былъ также увезенъ Мунгальцами. На другой день Кукшинъ, собравъ своихъ Калмыковъ, напалъ на Мунгальцевъ и отбилъ Тетека съ матерью, а куда самъ дѣвался, неизвѣстно.»

Зайсанъ Намки ѣздилъ съ своими двоеданцами, въ 9 человѣкахъ, по рѣкѣ Катуни и на рѣку Камчилу Таутелеутской волости, Зайсана Кукшина, который объявилъ: «Мунгальское войско, 300 человѣкъ, при обратномъ шествіи отъ вершинъ Иртыша въ свои жилища, взяло его съ семействомъ и подвластными; но черезъ два дня Кукшинъ бѣжалъ, и, собравъ своихъ людей и людей брата, Толдая, погнались за тѣмъ войскомъ вверхъ по рѣчкѣ Семѣ, и въ вершинахъ ея, въ каменистой и лѣсной тѣснинѣ, отбили у Мунгаловъ жену, дѣтей, двухъ бабъ, нѣсколько лошадей, скота и барановъ, въ то время, какъ Мунгалы спали. Братъ Кукшина, Ивель, былъ на промыслу, на рѣкѣ Юло, и нѣкоторые изъ его спутниковъ также были взяты въ плѣнъ Мунгальскимъ войскомъ. Въ этомъ войскѣ до 300 человѣкъ, да изъ Алтая по Чуѣ слѣдуетъ 200; обѣ партіи соединились и ищутъ бѣжавшаго отъ нихъ сына Боохола, который, какъ слышно, скрывается въ Каракальскихъ урочищахъ, по рѣкѣ Кенгелю, въ лѣсахъ и камышахъ, а самъ Боохолъ умеръ.

Въ Сентябрѣ въ Керешскую волость пріѣзжали Китайскаго владѣнія Саянскіе люди, 7 человѣкъ, да Телеской волости двоеданцы, 60 человѣкъ, ни какихъ обидъ не чинили, а спрашивали дѣтей Боохоловыхъ; вскорѣ они уѣхали на свое становье, вверхъ по Катуни, въ

2 дняхъ ѣзды. Татаринъ Кергешской волости, посланный для развѣдыванія, нашелъ на ихъ становье, и они у него спрашивали, гдѣ кочуютъ старшины Дарда, Ерелдей и Намкей, которыхъ они хотятъ взять въ полонъ, а за что, не объявили. Намки кочуетъ въ 15-ти верстахъ отъ Устьнянскаго форпоста.

---

27 Августа, 1758 года, на рѣку Слюдянку прикочевало 14 кибитокъ Уранхайцевъ, въ которыхъ было мужскаго пола 17, женскаго пола 14, дѣтей 9, съ намѣреніемъ вступить въ подданство Россіи. Волости они Омбы; при нихъ 2 турки, луковъ 8, стрѣлъ 105, пороху 2 золотника, пуль чугунныхъ 16, лошадей 60, Россійскій сошникъ 1, выдръ 4, лисицъ 2, тюкавки 4, скребковъ 7, капоруль 11, ножницъ 11, ножей 3, топоровъ 4. Полковникъ де Вильневъ думалъ, что они подъѣхали къ крѣпостямъ для воровства, и что «еслибъ не запретительный ордеръ Фрауендорфа распросу таковыхъ съ пристрастіемъ не препятствовалъ, то бъ конечно, уповаю, о воровствѣ и истинномъ ихъ намѣреніи вывѣдать можно бы.»

Ордеръ Фрауендорфа, Октября, 1758 года.

Выбѣгающихъ Калмыкъ въ форпосты и крѣпости не впускать до спросу, что они за люди, и если не пожелаютъ креститься, то не принимать впредь до ордера, и отсылать отъ крѣпостей прочь, а ежели пожелаютъ креститься, то принимать, какой бы нацеи кто ни былъ.

---

29 Сентября изъ Ямышева въ Омскъ отправлено 69 крещеныхъ Калмыковъ.

---

22 Октября на Кузнецкую Линію вышелъ Уранхаецъ, который показалъ о себѣ, что онъ вѣдомства Омбы, былъ плѣненъ Мунгальцами на рѣкѣ Гараголѣ, бѣжалъ и на той же рѣчкѣ подвергся нападенію Мунгальцевъ, но спасся бѣгствомъ съ 8 кибитками, при

Десятникѣ Манхулаѣ, и скрывались по рѣкѣ Харахолѣ, въ степныхъ мѣстахъ. Нынѣшней весной стояли при рѣкѣ Чемкѣ, а теперь стоитъ на рѣкѣ Челюлѣ, и хотѣлъ перекочевать на рѣку Балмле, но зимовать тутъ едва ли будетъ, потому что тутъ бываютъ снѣги великіе, а уйдетъ въ Канъ, или на рѣку Елангу. Манхулай ѣздилъ на рѣку Чорышъ подъ Россійскія жилища и угналъ 20 лошадей.

---

19 Октября выбѣгшая въ Устькаменогорска Калмычка Шюля показала, что она Бурутка, жила въ Уранхайскихъ улусахъ, при урочищѣ Уйманъ, въ 120 кибиткахъ. Назадъ тому 3 года по разореніи Зенгоріи и уходѣ Зайсана Намжула въ Россію, осталось 8 кибитокъ со старшиною Телтей. Нынѣшней весной при рѣчкѣ Бирюль напало на нихъ до 5,000 кибитокъ Киргизъ-Кайсаковъ, всѣхъ мужчинъ побили, а женщинъ взяли въ плѣнъ.

---

27 Апрѣля, 1759 года, въ крѣпость Бійскую прибылъ ясашный старшина Кунегешъ Иргелековъ и объявилъ: «Къ живущимъ близъ озера Телескаго, не доходя до него 25 верстъ, волости Камляжской, къ ясашнымъ старшинамъ Сербачѣ Иванову, Икышу и Коярту, пріѣзжалъ одинъ Мунгалецъ, присланный отъ Китайскаго сборщика Кахты, который стоитъ за сборомъ ясака въ Телескихъ волостяхъ, съ приказаніемъ, чтобы эти старшины живущихъ между ними пришлыхъ Зенгорцевъ, коихъ будетъ юртъ до 50, отдали въ вѣдѣніе сборщика, на что старшины объявили, что они надъ тѣми Зенгорцами невластны, и живутъ они сами собою; а ежели, де, они Мунгальцамъ надобны, то бы взяли сами собою ихъ. Мунгалецъ на это отвѣтилъ рядовымъ Калмыкамъ: «Коли вы тѣхъ Мунгальцевъ не отдаете, то отдайте руками своихъ старшинъ!» Получивъ отказъ, Мунгалецъ требовалъ, чтобы они приготовили алману 30 лошадей, а если они алману не отдадутъ, то будутъ всѣ забраны въ Китайскую сторону.»

Показаніе выбѣгшаго Бухаретина Наруна, Августа, 1759 года.

Отъ роду 64 лѣтъ; въ малолѣтствѣ былъ взятъ въ плѣнъ Зенгорцами и жилъ у Калмыка Шарасина, который отдалъ его Ламѣ Лаврынъ, а отъ него Ламѣ Зундую въ холопство, и у него былъ онъ 34 года. Потомъ были они разбиты Ноеномъ Шериномъ и жили въ разныхъ камняхъ мѣсяцевъ 8, а потомъ пошли въ Россію, но на дорогѣ были разбиты Уранхайцами, Хоохоемъ съ товарищи, 1 изъ нихъ убили, а 3 взяли въ плѣнъ и привезли на рѣку Укыръ-Усунъ, въ прошедшемъ годѣ, въ Декабрѣ. И жилъ онъ въ холопствѣ у Уранхайца Убана 7 мѣсяцевъ; и отъ него, Убана, бѣжалъ, по худому у нихъ житью, а паче опасаясь, что они варятъ въ котлахъ подъ скрытомъ человѣчьи тѣла, а какія оныя тѣла, заподлинно хотя и не знаю, только, какъ не видя взятыхъ обще съ нимъ 2 бабъ, о которыхъ они объявили, яко бъ онѣ бѣжали, только тому статься нельзя, чтобъ бѣжали, ибо платье съ нихъ было у нихъ, а ихъ нѣтъ, по чему онъ надежно положился, что они убиты, и по претерпѣнію, по неимѣнію у нихъ пищи, крайняго голода, съѣдены; да и ему бъ такой напрасной смерти не принять, бѣжалъ и шелъ 10 дней черезъ рѣку Бухтарму и вышелъ въ крайнюю по Иртышу крѣпость. Въ слѣдованіи до упаду лошади питался сушенымъ мясомъ, которое имъ было украдено въ тулунѣ, когда они за 8 дней до побѣгу были на охотѣ за мораломъ. Этого мяса достало на двои сутки. Когда же пала лошадь, то, отрѣзавъ у нея ногу и высуша, питался ею до самой крѣпости. Въ Лабанерской Ламатъ Жисѣ старшаго Камы Зундуя было до 200 кибитокъ; жительство имѣли на сей сторонѣ Или, при устьѣ рѣки Талки. Съ Хоохоемъ Уранхайцевъ было до 20 кибитокъ, въ которыхъ бойцу людей до 20 жь. Холопей у нихъ было мужскаго пола 9, женокъ и малолѣтнихъ 19, турокъ 14, луковъ 10, колчугъ 4, тигилеевъ 2. На нихъ напали однажды Киргизы, но они залѣзли и изъ ружей отстрѣлялись; Киргизы угнали 30 лошадей; но въ Апрѣлѣ Уранхайцы поѣхали въ Киргизскіе улусы и отогнали 130 лошадей. Послѣ того дядя Хоохоя ѣздилъ подъ Россійскія, но пригналъ скота малое число. По возвращеніи его, напали на нихъ Мингаты 30 человѣкъ и отбили всѣхъ лошадей. Мингаты прежде были Зенгорскаго владѣнія, а по разореніи Зенгоріи ни въ какомъ вѣдомствѣ не состоятъ, а живутъ сами собою, числомъ до 60 кибитокъ. Въ началѣ Іюля они намѣрены сдѣ-

лать отгонъ отъ Русскихъ крѣпостей съ западной стороны, послѣ того сдѣлать отгонъ отъ Киргизъ, а къ зимѣ ити въ Канъ, въ ясашныя волости подъ Бійскъ, въ Русское подданство; но думая, что ясашные Татары могутъ ихъ, по знаемости, выдать Русскимъ, перемѣнили это намѣреніе и рѣшились выйти въ нижнія Иртышскія крѣпости, гдѣ о ихъ воровствахъ не извѣстно. Оные Уранхайцы кочевку имѣютъ такимъ образомъ: ежели всѣ бойцы въ кибиткахъ, то мѣстахъ въ двухъ, или въ трехъ. по разности, но близко другъ отъ друга; а какъ, де, куда на промыселъ, или для воровства лошадей, отправятся, то и совокупятся всѣ кибитки въ одно мѣсто, а какъ прибудутъ оные обратно, то, де, и паки разойдутся врознь.

Рапортъ Прапорщика Ширяева, Марта, 1760 года.

20 Февраля онъ выступилъ изъ Чакырской крѣпости со 150 человѣкъ вверхъ по Чарышу, для искорененія Калмыкъ, яко сущихъ непріятелей, 24, Февраля, на устьѣ рѣки Каргонъ, наѣхалъ онъ на двѣ кибитки, въ которыхъ было 9 человѣкъ. Ихъ подъ битьемъ плетьми спрашивали о другихъ Калмыкахъ; они сказали о 16 человѣкахъ, оставшихся сзади, но тамъ команда никого не нашла, кромѣ 3 ребятъ, остальные ушли на лыжахъ. Погнавшись по ихъ слѣдамъ, команда нашла ихъ на высокой сопкѣ, но они отстрѣлялись. Самъ Ширяевъ съ 24 челов. пошелъ за ушедшими въ Канъ Калмыками, но Калмыки, замѣтя его, навьючивъ лошадей, поднялись на высокую сопку, гдѣ они прежде отъ Мунгаловъ и Киргизовъ отлеживались; и выкладены у нихъ на верху самомъ сопки изъ камню защиты и бойницы. Ширяевъ выбилъ ихъ оттуда, убивъ 4 человѣка и полонивъ 8. 28 числа Ширяевъ взялъ въ плѣнъ еще 14 человѣкъ.

Показаніе Уранхайца Чеобу Хорина, Марта, 1760 года.

Въ подданство вступилъ въ 1756 году съ Зайсаномъ Омбо, но бѣжалъ отъ угрозъ Зайсана Наугата въ Канъ. Услышавъ о набѣгахъ Киргизовъ, онъ ушелъ оттуда на рѣку Бѣлую, гдѣ скрывался съ 30 человѣками, да на Катунѣ Уранхайцевъ Саянской волости при старшинѣ Долдоѣ 100 человѣкъ и по нынѣ стоятъ, лѣтнимъ временемъ кочевать приходятъ, обще съ ними на рѣку Ебоганъ и въ

Канъ, и зимою кочуютъ около озера Кеньге и на рѣчкѣ Кумрюку. За 30 верстъ отъ нихъ кочуетъ Зайсанъ Кувшинъ; зимою, а особливо лѣтомъ, они, съ подвластными Кувшина, часто видятся, на мѣну привозятъ хлѣбъ, табакъ, сѣру горючую, селитру и желѣзо, а у нихъ берутъ соболей, лисицъ, лосины и проч. Изъ той селитры и сѣры они ужь сами дѣлаютъ порохъ, а пули куютъ изъ желѣза. Въ Іюлѣ Чеобо съ Саянскимъ старшиной Долдоемъ въ 13 ч. подбѣгалъ подъ Чакырскую крѣпость, одного мужика убили на покосѣ, а бабу и дѣвку увезли въ логъ подъ маякомъ, гдѣ до закату солнца стояли, и при томъ надъ тѣми бабою и дѣвкою Долдеевыхъ 4 Калмыка скверно наругались; потомъ напали на 3 другихъ Русскихъ и, отбивъ лошадей, уѣхали въ Камень; завидя Русскую погоню, они бабу и дѣвку бросили, снявъ съ нихъ платье.

Показаніе Уранхайца, Тарки Букундеева.

Въ вѣдомствѣ Зайсана Омбы было 210 кибитокъ, жили при урочищѣ Канъ, пять лѣтъ назадъ вступили въ подданство Россіи. На пути къ Бійску началась съ ними смертность оспы. Демеча Чухулай присовѣтовалъ, для спасенія отъ смерти, возвратиться на старыя мѣста: «видно, что имъ въ Россійской сторонѣ воздухъ тяжелъ,» и 40 кибитокъ отъ Бійска ушло въ Канъ. Зимою пришло Мунгальское войско, и 20 кибитокъ увели въ плѣнъ и отдали въ вѣдѣніе Уранхайскаго Зайсана Чадаки. Но плѣнники оттуда бѣжали; до Кана шли 3 мѣсяца и многіе дорогой умерли, а въ Канъ вышло только 11 кибитокъ.

Показаніе Уранхайца, Шагмана, Апрѣля.

Вѣдомства Зайсановъ Хутука и Мамута, родомъ Теленгутъ, жилъ на рѣкѣ Катунѣ, при урочищѣ Бишь. Три мѣсяца назадъ напали на нихъ 20 человѣкъ Киргизовъ и взяли въ плѣнъ кибитокъ 20 да Уранхайцевъ немалое число; чтобъ не бѣжали, Киргизы мужчинъ держатъ скованныхъ въ желѣзахъ и связанныхъ арканами.

Рапортъ Кузнецкой Канцеляріи Генералу Ридеру, 1757 года.

По тракту Кузнецкими и Кондомскими волостями Зенгорскіе Калмыки, при Князцѣ Матурѣ, во многолюдствѣ многихъ подгороднымъ деревнямъ разореніе и людямъ убійство причинили и въ полонъ побрали на 8,070 рублей. Китайскаго владѣнія Соеты и Мунгалы, кромѣ выше показаннаго тракта, черезъ Сагайскія волости, гдѣ прежде жительство имѣли Зенгорскаго владѣнія Киргизы, въ 700 году подъ самый городъ Кузнецкъ во многолюдствѣ подходили и едва городъ не сожгли, подгородный Рождественскій монастырь и церковь сожгли, всего на 9,701 р. 98 коп.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ ПОГРАНИЧНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

Переводъ съ Зенгорскаго письма, привезеннаго изъ Урги Прапорщикомъ Подзоровымъ въ 1749 году.

«Тобольскому Генералу подать. Напредь сего отецъ мой Ноенъ (Князь или Владѣлецъ) посылалъ Ламу Дашу съ товарищи и Ея Императорскому Величеству доносилъ о построеніи нашими людьми на нашей землѣ крѣпостей, о нашихъ искахъ и происходимомъ намъ препятствіи въ собираніи ясака съ тѣхъ улусовъ, съ которыхъ мы оный издавна собираемъ, и когда о всемъ томъ было обстоятельно донесено, и на то отъ Ея Императорскаго Величества воспослѣдовалъ Указъ, что Ея Величество ничего инаго въ мысли своей не соизволитъ имѣть, кромѣ того, чтобъ находящіеся въ пограничныхъ мѣстахъ подданные Ея Императорскаго Величества съ нашими улусными людьми и съ прочими имъ сосѣдственными народы жили въ добромъ согласіи, дружбѣ и покоѣ, и что о землѣ надлежитъ разобраться добрымъ порядкомъ, безсорно, а о возвращеніи всѣхъ нашихъ людей, ежели сыщутся, крѣпкій Указъ данъ Губернатору Сибирскому, а о прочихъ нашихъ претензіяхъ, яко же и о препятствіи въ собираніи ясака, обстоятельная резолюція дана будетъ отправляющемуся оттуда къ намъ Посланнику; да при томъ же объявлено, чтобъ купцамъ нашимъ, за показанными отъ нихъ въ проѣздахъ внутрь Сибири обидами, торговать въ пограничныхъ Семипалатинской и Ямышевской крѣпостяхъ, а для покупки бъ необходимо потребныхъ вещей, посылать по небольшому числу купцовъ съ письмомъ, и сколько будетъ ихъ числомъ, тако жь сколько при нихъ лошадей и верблюдовъ и всякихъ товаровъ, о томъ бы, съ прописаніемъ всего того, давать имъ письма за печатью, и что такимъ образомъ купечество съ поль-

зою обѣихъ сторонъ и съ приращеніемъ, безъ всякаго препятствія отправляемо быть можетъ, и что Ея Императорское Величество для всего того, и для выслушанія обстоятельнаго доказательства на наши претензіи и для разобранія оныхъ обще съ нами, заблагоразсудить и повелѣть соизволила, отправить намъ немедленно своего Посланника.

Но по тому и донынѣ отвѣта не получено, а Семипалаты и Ямышевъ — наша земля; а по чему оная къ намъ принадлежитъ, о томъ напредь сего было донесено, но въ томъ и понынѣ еще несоглашеносъ; а между тѣмъ слышно, что ваши люди повсягодно на границу прибавляются и вверхъ по Иртышу и по Оби рѣкамъ уже за границею построили многія крѣпости. А понеже напредь сего, когда ваши люди на рѣкѣ Оби, пониже устья Черной Оми, построили крѣпость, и какъ тогда посыланнымъ нашимъ войскомъ оная крѣпость взята, то отъ того произошла и умножилась ссора, по чему отецъ мой Князь четырекратно посылалъ людей своихъ съ такимъ представленіемъ, что ссору имѣть неприлично, но и для того бъ вы людей своихъ оттуда свели, объявляя, что ему свою землю уступить трудно, а нынѣ и за тѣмъ на границахъ вашихъ люди умножаются и вновь строятъ крѣпости, и по тому и мнѣ оную землю уступить трудно. Того ради, по мнѣнію моему, весьма бъ было хорошо, ежели бъ о семъ Ея Императорскому Величеству было донесено, и ваши люди съ земли нашей сведены были добропорядочно и безсорно; ибо когда два Государства въ добромъ согласіи находятся, то весьма надлежитъ и пограничнымъ обѣихъ сторонъ людямъ ссоръ и задоровъ не чинить, а въ происшедшемъ разбираться по справедливости и быть въ добромъ согласіи. Но противно тому, когда я въ прошломъ году, учредя посланцами двухъ человѣкъ, Абдураама и Харьянду съ нѣсколькими людьми посылалъ на Ирбитскую ярмарку, для покупки тамо вещей, и имъ тогда объявлено было, что они пріѣхали въ многолюдствѣ, и сколько съ ними на продажу товаровъ было, тому они реестра не имѣли, а за тѣмъ ихъ и съ даннымъ отъ меня къ тебѣ письмомъ изъ Ямышевской крѣпости возвратили. Когда же два Государства въ добромъ согласіи состоятъ, то есть ли такое опредѣленіе, чтобъ въ какое время и до котораго мѣста, по многому или по малому числу купцовъ посылать? А я вѣдаю, что въ великихъ Государствахъ такого обыкновенія нѣтъ, чтобъ купцовъ счислять и время

имъ опредѣлять и мѣста имъ назначивать; что же съ вашей стороны постановлено, яко бы за тѣмъ, что наши купцы ѣздятъ многолюдствомъ и чинятъ обиды, и для того бы посылать по 10 человѣкъ, означа именно въ письмѣ, сколько при нихъ лошадей, верблюдовъ и товаровъ будетъ, и чтобъ оное письмо было за печатью.

И ежели бы я на оное согласился, то бы оное за учрежденный уставъ служить могло, и по тому я уповаю, что Ея Императорское Величество, не выслушавъ о томъ моего мнѣнія, такого установленія учинить не соизволитъ, и не чаю я, чтобъ наши купцы въ проѣздахъ своихъ внутри вашего Государства, чрезъ обыкновеніе какія обиды чинить стали, а ежели бы паче чаянія какую и обиду учинили, то каждый изъ насъ не можетъ ли въ томъ учинить несправедливость? Ибо в напредь съ обѣихъ сторонъ учиненныя обиды по сущей справедливости разбираемы были, и весьма бъ было хорошо, ежели бы и нынѣ отъ каждаго изъ насъ такія обиды чинить накрѣпко запрещено было.

Но что принадлежитъ до купечества, то хотя оно за нужное и необходимое и не почитаю, однако же, по мнѣнію моему, за полезное признаваю, такимъ образомъ и добропорядочно въ томъ поступать, какъ отъ временъ Великаго Бѣлаго Царя донынѣ, купцы наши въ пожелаемый ими городъ, не имѣя термину, свободно ѣздили, и съ обѣихъ сторонъ обидъ не происходило, но добропорядочно купечество отправлялось. А какія напредь сего нашимъ улусамъ отъ вашихъ людей причинены были обиды, о томъ отецъ мой Князь доносилъ Ея Императорскому Величеству.

А потомъ нашимъ улусамъ причинены обиды слѣдующія:

Въ драконовомъ году (1736 *) бывшіе въ Семипалатинской крѣпости ваши люди нашего Урунхайца Сурсуна съ двумя товарищи убили до смерти и взяли у нихъ 10 лошадей и багажъ ихъ. Въ лошадиномъ году (1738) Чунгу съ пятью кибитками, состоящими въ 24 душахъ, 170 лошадей взяли въ крѣпость, находящуюся на заводахъ. Въ песьемъ году (1742) Менку и Мергеня съ 2 кибитками, состоящими въ 6 человѣкахъ и 15 лошадей взяли въ городъ Кузнецкъ. Въ новомъ году (1739) Доуладу съ 3 лошадьми взяли въ крѣпость,

* Исчислено въ Иностранной Коллегіи.

находящуюся на заводахъ. Въ бобровомъ году (1746) пять человѣкъ съ 10 лошадьми взяли въ крѣпость, которая при мѣдныхъ заводахъ. Въ зайцовомъ году (1747) одну кибитку въ 4-хъ человѣкахъ, да еще 2 человѣкъ съ 5 лошадьми взяли въ городъ Кузнецкъ. Въ вепревомъ году (1743) Ергиля съ двумя товарищи и 5 лошадьми взяли въ крѣпость, находящуюся на заводахъ. Въ драконовомъ году (1736) Тюлбара съ 3 кибитками, состоящими въ 7 человѣкахъ и съ 55 лошадьми, взяли въ тое жь крѣпость и еще взяли Цуцулака съ 2 товарищи и съ 3 лошадьми; одному ясачному сборщику, ѣдущему для сбора ясака, руку прочь отстрѣлили.

Еще слышу, что людей нашихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они напредь сего звѣрей ловили, не пускаютъ и взяли отъ нихъ 23 лошади. Сверхъ того нашихъ Уранхайцевъ дву аймаковъ людей побили до смерти, а женамъ ихъ отрѣзали сосцы; а малыхъ дѣтей, взоткнувъ на колья, въ огнѣ сожгли, и всѣ пожитки ихъ взяли себѣ въ добычу.

Съ Ламой Дашею бывшаго нашего купца Халиндаря въ Тобольску заарестовали и, на дерево повѣся, умертвили. Въ прошломъ драконовомъ году (1748) купцовъ нашихъ Айдъ-Баку и Маръ-Хамку, бывшихъ для купечества съ 1000 рублями въ Томску, арестовали и отвезли въ городъ Тобольскъ.

Въ нынѣшнемъ году нашего посланца, ѣхавшаго въ Барабу для собранія ясака, ваши люди, находящіеся близъ Барабы, заарестовали и чрезъ 24 дня содержали его въ темной избѣ и потомъ отпустили. Да и кромѣ того ваши пограничные люди непристойностей много учинили. И оное все какимъ образомъ по справедливости окончать, состоитъ въ твоей волѣ.

Что же принадлежитъ до присланныхъ отъ тебя, Алексѣя и Верхотурскаго Ѳомы, для взысканія долговъ, и я ихъ должниковъ прикажу призвать и надлежащій судъ произвесть.

А что касается до желанія твоего, чтобъ вашихъ купцовъ, не пропуская въ другія мѣста, отпускать къ вамъ по прежнему, и у насъ издревле такое обыкновеніе есть, что мы ни какихъ купцовъ, чьи бъ они ни были, не принуждаемъ, чтобъ они ѣхали возвратно, или бъ у насъ жили, но они купцы каждый по своей волѣ и желанію у насъ живутъ и возвратно отъѣзжаютъ. А чтобъ мы при-

нудили ихъ силою возвратиться, или здѣсь жить, такого обыкновенія у насъ нѣтъ.

И поневе посланецъ мой съ письмомъ моимъ не допущенъ, и для того сіе послано чрезъ твоего посланца.

И ежели на сіе вскорѣ отвѣта не будетъ, то я буду мыслить, что о семъ Ея Императорскому Величеству не представлено. Года земляго змія, 8 мѣсяца, 20 дня.

Переводъ сдѣланъ въ Петербургѣ, въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Листъ къ Зенгорскому Владѣльцу, отправленный чрезъ Янышевъ изъ Тобольска, 29 Апрѣля, 1751 года.

Сіятельный Зенгорскій Владѣлецъ, Лама-Ирдене-Батуръ-Контаита!

Понеже отъ прошлаго 1749 г., Іюля отъ 23 числа, получено въ Тобольску, въ Сибирской Губернской Канцеляріи, отъ бывшаго Зенгорскаго Владѣльца, Цебекъ-Доржи-Намжи, письмо чрезъ Прапорщика Подзорова, которымъ онъ писалъ, яко бы отъ Россійскихъ подданныхъ Русскихъ и ясачныхъ Татаръ вашего владѣнія подданнымъ причинены обиды, грабежи и смертныя убійства, и о прочемъ, какъ о томъ значитъ имянно въ томъ письмѣ, которое получа и объ ономъ обо всемъ ко двору Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше отъ меня донесено, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества Указу на оное его, бывшаго Зенгорскаго Владѣльца, письмо въ отвѣтъ съ посланнымъ отъ меня Сержантомъ Филимоновымъ писано обо всемъ обстоятельно. А что принадлежало до его представленія, яко бы о учиненныхъ Россійскими людьми Вашего Сіятельства подданнымъ обидахъ, о томъ объявить тогда обстоятельно было не возможно, чего ради отъ меня тогда жъ къ Россійскимъ пограничнымъ Командирамъ писано и требовано, яко бы о взятіи у Зенгорскихъ подданныхъ юртъ, лошадей, жеребятъ и о прочемъ, имѣлись ли въ тѣхъ Канцеляріяхъ какія извѣстія, и было ль о томъ какое взысканіе, и возвращено ль тѣмъ Зенгорцамъ обратно, и что кому за то учинено, о чемъ накрѣпко приказано было, о томъ изслѣдовать и

справиться достовѣрно, и обѣщано отъ меня оному бывшему Зенгорскому Владѣльцу, по справкѣ съ тѣми пограничными Командирами и по надлежащемъ изслѣдованіи и разсмотрѣніи, въ такихъ происходящихъ обидахъ надлежащая справедливость вашей сторонѣ неотмѣнно показать, о чемъ и сообщить тому бывшему Зенгорскому Владѣльцу отъ меня обѣщано жь. Напротиву же того отъ него, Владѣльца, требовано, чтобъ и со стороны его, Владѣльца, подвластныхъ людей Россійскимъ подданнымъ пограничнымъ обывателямъ обидъ и грабительствъ ни какихъ не чинили, тако жъ, де, справедливость и управа во всемъ бы давана была и пограбленное возвращено бъ было обидимымъ.

И по тѣмъ посланнымъ отъ меня Указомъ пограничные Россійскіе Командиры отвѣтствовали ко мнѣ, что въ тѣхъ городахъ и мѣстахъ, по подлиннымъ ихъ справкамъ, противъ оныхъ претензій Зенгорскаго владѣнія подданнымъ обидъ и разоренія и смертныхъ убивствъ чинено ими не бывало, а происходили вашего владѣнія отъ Зенгорскихъ подданныхъ Калмыкъ Россійскимъ подданнымъ Русскимъ и ясачнымъ иноземцамъ великія разоренія, т. е., смертныя убивства, грабежи пожитковъ, сожженіе обывательскихъ дворовъ и насѣвныхъ хлѣбовъ, и особливо сожженіе одной святой церкви Кузнецкаго Уѣзду въ подгородномъ Рождественскомъ монастырѣ, да въ подгородныхъ же двухъ деревняхъ двухъ часовенъ, и взятье мужеска и женска пола въ полонъ, и прочія многія отъ вашихъ подданныхъ Зенгорцевъ учинены разоренія и отгонъ изъ Русскихъ селъ и деревень разнаго скота, а имянно: въ Кузнецку въ 179 году (1671) Зенгорскаго владѣнія Князцомъ Матуромъ-Таши съ Калмыки подъ Кузнецкимъ вѣдомствомъ въ Ошмариной деревнѣ 12 дворовъ и насѣвные хлѣбы на пашняхъ выжгли безъ остатку, и многихъ Русскихъ людей и ясачныхъ иноземцевъ побили и въ полонъ побрали, да отогнали скота 141 лошадь, 164 скотины рогатыхъ, 104 овцы, 65 свиней закололи, и того пограбили на 1797 рублей 30 коп. Въ 700 году Князцомъ Тангустаемъ съ Киргизцы подгородный Рождественскій монастырь, церковь съ образами, съ колоколами и со всею церковною утварью, сожгли, по цѣнѣ на 400 рублевъ, также и ограду монастырскую съ кельями и съ образами, и анбары съ хлѣбными и соляными и прочими припасы и съ платьемъ сожгли жь безъ остатку, по цѣнѣ на 300 рублевъ, да монастырскаго скота 38 скотинъ рогатыхъ, 42 овцы

на 100 рублевъ; въ подгородныхъ же деревняхъ у разныхъ чиновъ пожгли 20 дворовъ со всякимъ заводомъ и со скарбомъ, да всякаго хлѣба пожжено 560 четвертей, да на поляхъ жатой и нежатой хлѣбъ выжгли жь и скотомъ потравили безъ остатку, да отогнали 255 лошадей, рогатаго скота 1225, овецъ 99, свиней приколото 31, по цѣнѣ на 5520 рублевъ 50 коп.; у подгородныхъ же выѣзжихъ ясачныхъ бѣлыхъ Калмыкъ отогнали 577 лошадей, рогатаго скота 122, и юрты ихъ сожгли и улусы разорили безъ остатку, по цѣнѣ на 4071 рублей 48 коп., да въ полонъ оныхъ бѣлыхъ Калмыковъ взято 97 человѣкъ, изъ онаго числа отдано возвратно только 30 человѣкъ, а достальныхъ, тако жь отгоннаго скота, не отдано. Въ 709 году Князцомъ Бадаемъ съ товарищемъ во многолюдствѣ Калачеву, Бунгурскую, Шерапскую деревни сожгли, и на поляхъ людей во время жатва въ полонъ побрали, хлѣбы и сѣна пожгли безъ остатку, по цѣнѣ на 1000 рубл., да Кузнецкихъ служилыхъ людей они жь побили 4-хъ человѣкъ до смерти, да 7 человѣкъ ранили. Въ 710 году въ приходъ Князца Духара съ черными * и бѣлыми Калмыками въ четырехъ тысячахъ подгородныхъ 8 деревень, въ нихъ 94 двора, 2 часовни съ святыми образами сожгли, и тѣхъ деревень и у городскихъ обывателей по пашнямъ насѣвные хлѣбы пожгли жь безъ остатку и многихъ людей побили и въ полонъ побрали скота, отогнали 266 лошадей, 839 рогатыхъ, 949 овецъ, по цѣнѣ на 8070 рубл. Въ томъ же 710 году Бикатунская крѣпость Калмыками сожжена. Въ 736 г., Мая 15 дня, Кузнецкаго вѣдомства подгородный ясачный Татаринъ, Васки Елба, по прошенію его, по Таможенной выписи, для торговаго промыслу отпущенъ былъ Зенгорскаго владѣнія въ Канскую волость, который тамъ Зенгорцами ограбленъ на 900 рубл. Въ прошломъ же 742 году, Ноября 10 дня, Бикатунскаго вѣдомства, деревни Иконниковой, жители, Кирило Черемновъ, Яковъ, Никита Березоваковы объявили: будучи, де, они, Черемновъ съ товарищи, для звѣринаго промыслу за Обью рѣкою, вверхъ по рѣкѣ Каменкѣ, и съ того промыслу Калмыки 5 человѣкъ отогнали 3 лошадей Зенгорскаго владѣнія въ Камень. Да въ прошломъ 743 году, Сентября 18 дня, Бійскаго вѣдомства, деревни Иконниковой, крестьянинъ Елисей Манаевъ просилъ, что онъ, будучи съ братомъ

* Т. е., съ Джунгарами

своимъ, Иваномъ, да крестьяниномъ Яковомъ Иконниковымъ, въ степи, для звѣринаго промыслу, за Колывановоскресенскимъ заводомъ, набѣжали на нихъ Зенгорскаго владѣнія Калмыка 20 человѣкъ, изъ которыхъ убили до смерти Ивана Манаева, Якова Иконникова, а его, Елисея, ранили копьемъ въ правую руку, въ лѣвое плечо и въ бокъ, и отбили у нихъ 3 винтовки, пороху 1/2 фунта, 7 лошадей, изъ которыхъ, де, Калмыкъ одинъ по Русски говорилъ, что, де, ихъ трое, Сану-Уранхаевы дѣти, а потомъ означенные Калмыки напали на заводскихъ крестьянъ, которые ѣхали изъ заводу по Горновый Камень, и отбили у нихъ 61 лошадь, да ранили изъ тѣхъ крестьянъ одного, да съ онаго Елисея сняли кафтанъ, шубу, шапку да рукавицы. Въ 743 году, Февраля 21 дня, Канской волости Зайсана Омбы братъ Кача, Томскихъ купцовъ 5 человѣкъ, которые ѣхали по Указу изъ Москвы къ Зенгорскому Владѣльцу въ Ургу, на рѣкѣ Коксѣ побилъ до смерти и пожитки ихъ взялъ всѣ къ себѣ. Въ 727 году Зенгорскаго владѣнія Калмыки, отъ Колывановоскресенскаго заводу въ 15 верстахъ, на рѣкѣ Бѣлой, нѣсколько человѣкъ Томскаго Уѣзду Чеусскихъ крестьянъ побили до смерти, а другихъ ограбили и коней отогнали. Въ 728 году, Іюня, противъ 22 человѣкъ изъ подъ Колывановоскресенскаго завода, въ ночномъ времени, подъѣзжающими Зенгорскими Калмыками, отогнато у заводскихъ обывателей 255 лошадей. Въ 1738 году, при слѣдованіи изъ Томска въ Ургу Зенгорскихъ купцовъ, при караванномъ Башлыкѣ, знатномъ Зайсанѣ Юсупѣ Деркемовѣ, покрадено Зенгорцами, по приказу онаго Башлыка, у Россійскихъ промышленныхъ людей въ тотъ караванъ 4 лошади, изъ которыхъ по погонѣ одна хозяину возвращена, а достальныя угнаты подъ вьюками онаго Башлыка Деркемова и Россійскіе погоньщики отъ нихъ съ битьемъ отогнаны. 1743 года, Августа 30 и Сентября 13 чиселъ, вверхъ рѣки Чарыша, свинечный Чакырскій рудникъ, прибѣжавъ Канскихъ улусовъ Калмыковъ 8 человѣкъ, и отняли у караульныхъ служилыхъ Михайла Соколова съ товарищи, желѣзныхъ инструментовъ: балду, молотокъ, 2 каплы, керочку, рыболовную сѣть; да Сентября 7 дня, въ утреннемъ дневномъ разсвѣтѣ, на посланныхъ изъ Колыванскаго заводу солдата, Максима Трапезникова, съ заводскими жительми и работными людьми, всего 31 человѣками, при Горновомъ Камнѣ, внезапно набѣжавъ въ 20 человѣкахъ, чрезъ сильное нападеніе, съ ружейной стрѣльбы изъ тѣхъ возчиковъ ранили, въ томъ числѣ одного, поймавъ, все платье поснимавъ, отпустили, а

сами, отбивши 62 лошади и прочаго разнаго скарба, по цѣнѣ на 481 рубль 28 коп., убѣжали; до того жъ Сентября 5 человѣкъ, при Чарышской заимкѣ, заводскихъ жителей, Осипа да Ивана Харловыхъ, на рѣчкѣ Поперечной, при работѣ, вышеписанные жь Калмыки заводскаго Ивана Гусева, Томскаго обывателя Степана Суховыхъ, да работника Михайла Яковлева, убили до смерти и бросили въ помянутую рѣчку; при томъ же нападеніи пограблено и отогнано 3 лошади съ разнымъ скарбомъ по цѣнѣ на 41 рубл. 40 коп., которыхъ Калмыкъ было человѣкъ до 10 и пріѣзжали изъ Кану. Да по показательству отысканной на звѣриномъ промыслу и привезенной въ заводъ Калманки Конскихъ же улусовъ вѣдомства Зайсана Омбы, Чажагу, Намурашавой дочери Катановой, жены Бартаевой, Каранбакова утуку, и пойманныхъ и привезенныхъ Чакырскаго рудника Калмыковъ, перваго Калманкина мужа Катана, втораго Бартая Байдакова, третьяго сына его Биляка, и привезеннаго, отпущеннымъ изъ нихъ Калмыкомъ Билякомъ, Бартаковымъ сыномъ, отъ Зайсана Омбы, подъ карауломъ, настоящаго вора и смертоубійцу, той же Канской волости Келеша Буянтунова, при Чакырскомъ рудникѣ въ нападеніи на караульныхъ служилыхъ съ толмачемъ, да при Чарышской заимкѣ Харловыхъ, на Поперечной рѣкѣ, при работѣ, грабительство трехъ человѣкъ и смертное убивство, ѣздя за звѣринымъ промысломъ сами собою, имъ, Келешемъ, съ товарищи, той же волости съ Калмыками, въ 12 человѣкахъ, которыхъ звали именами: Чадыръ, Барбагашъ, Чанеси, Коби, Тарасъ Ганбай, Салажукъ, Дарбажи, Тарьягаръ, Тугегумъ, Тюлемзей; а пограбленныя лошади и прочее, что было ими гдѣ пограблено, какъ о томъ увѣдано, собрано въ содержаніе и храненіе къ Зайсану Омбѣ жъ; да сверхъ того онъ же, смертоубійца Келешъ, показалъ: того жь, де, лѣта изъ товарищевъ его Барбагашъ, Кобяй да Торганъ, у Чарышскихъ жителей воровски отогнали 7 быковъ; онъ же Келишъ слышалъ отъ Калмыковъ въ Кану, что Канской же волости Калмыки 12 человѣкъ, а зовутъ ихъ: Качай, который Зайсану Омбѣ братъ, съ сыномъ Тайдой, Курай, Даргай, Колочи съ братомъ Бояномъ, Келе, Ингежа съ сыномъ Куеромъ, Кобунъ да Долчи съ сыномъ Сурой, убили Русскихъ купцовъ 6 человѣкъ, которые шли для купечества въ Ургу, по здѣшнюю сторону Иртыша рѣки, въ урочищахъ по ихъ называемыхъ Шара Чамыгенъ, и изъ тѣхъ же, де, Калмыкъ называемый Мулжанъ съ товарищи на Елангаѣ рѣкѣ убили Русскихъ людей 3 человѣкъ; Калмыкъ

же Ботой съ товарищи осенью у Чарышскихъ Кабановой деревни жителей отогнали 24 лошади, а оное пограбленное чрезъ посланный листъ требовано было отъ Зайсановъ, токмо, де, ничего возвратно не отдано. Да въ 745 г., Генваря 7 дня, явилось при Чакырскомъ свинечномъ рудникѣ, построенная крѣпость и для житья работныхъ квартиры и прочее разное строеніе, кромѣ однѣхъ надолобъ и рогатокъ, которое цѣною на 375 р., выжжено Канскими Калмыками команды Зайсана Омбы. И тако отъ Россійскихъ подданныхъ имъ. Зенгорскимъ Калмыкамъ и Бухарцамъ, грабежей, смертныхъ убивствъ, какъ въ вышеписанномъ листѣ показано, по справкамъ и по слѣдствіямъ, не оказалось, и чинено того отъ Россійскихъ подданныхъ не бывало, токмо по подлиннымъ слѣдствіямъ же оказалось, небольшія причинимыя кражи и грабежъ, а именно, въ 1731 году, Октября 8 числа, у проѣзжихъ торговыхъ Бухарцовъ Башлыка Матвѣя Кечека, бывшіе въ работѣ Томскіе обыватели, Василій Вороновъ да Иванъ Масловъ, покрали въ пути изъ табора Еркецкихъ товаровъ только 3 кушака, да 5 выбоекъ и 1 зендень, которое отыскано и Башлыку отдано, и за такое ихъ воровство Вороновъ и Масловъ при немъ же Башлыкѣ, жестоко наказаны плетьми. Да въ 743 году при Колыванскомъ заводѣ у прибывшихъ Зенгорской Канской волости за торгомъ, Калмыкъ 6 человѣкъ, при отъѣздѣ ихъ, отъ называемаго Чекулая, покрадено 5 лошадей бывшими въ заводской работѣ, Малышевой слободы, деревни Марятной, крестьянскими дѣтьми, Ѳедоромъ Серебренниковымъ, Верхосузунской Афонасьемъ Портнягинымъ, Михайломъ Плотниковымъ, да пришлыми Тимофѣемъ Нехорошковымъ, Иваномъ Кокориновымъ, кои лошади у нихъ взяты и отданы, для отводу хозяину, присланнымъ отъ него просителемъ, Калмыкомъ же, Темиру Кожи, съ роспискою, а онымъ ворамъ, за такое ихъ воровство, учинено, наказаніе: при оныхъ же Калмыкахъ биты плетьми нещадно. Въ 745 году въ Красноярской пристани отыскано покраденыхъ же Еркецкихъ товаровъ 15 хамовъ, 3 выбойки, лукъ съ сайдаками, 2 турки, которыя покрадены были Малышевскимъ крестьяниномъ, Кириломъ Кандаровымъ, да заводскихъ деревень Касмалинской сотни Иваномъ Рябовымъ, Иваномъ Шубинымъ, которые жь отданы самимъ хозяевамъ, Бухарцамъ Набразкину да Етигару сполна, а крестьянину Кондыреву съ товарищи, за такое воровство, учинено наказаніе, битъ батожьемъ нещадно, и тако жь оные Зенгорскіе подданные вышеписаннымъ во всемъ удоволь-

ствованы и покраденное у нихъ все имъ возвращено И хотя о вышеписанныхъ учиненныхъ отъ подданныхъ вашего Зенгорскаго владѣнія Россійскимъ подданнымъ грабежахъ, и смертныхъ убивствахъ, и церковномъ и дворовыхъ пожогахъ, и о прочемъ многократно было къ бывшимъ Зенгорскимъ Владѣльцамъ писано листами, и чрезъ пословъ, и посланцовъ, и Зайсановъ приказывано, но токмо онаго пограбленнаго обидимымъ не возвращено, и ни какой въ томъ управы или сатисфакціи не учинено и по нынѣ, и тѣ пограбленные и обидимые Россійскіе подданные и по нынѣ остались безъ всякаго удовольствія, въ чемъ претерпѣваютъ отъ вашихъ подданныхъ Зенгорцевъ крайнее разореніе и убытки. Того ради Вашему Сіятельству о вышеписанномъ чрезъ сіе объявляю, что здѣсь, по претензіямъ показаннаго отъ бывшаго Зенгорскаго Владѣльца Цебекъ-Доржи-Намжи, касающагося подданнымъ бывшимъ Зенгорцамъ обидъ и грабежей, по подлиннымъ съ пограничными городами справкамъ, кромѣ учиненныхъ отъ оныхъ Зенгорцевъ Россійскимъ народамъ обидъ, не оказалось. А хотя въ означенныхъ мѣстахъ нѣкоторыя, и то самыя малыя, между собою кражи отъ Россійскихъ подданныхъ и были, и за оныя, какъ выше значитъ, учинены имъ, Россійскимъ подданнымъ, жестокія наказанія, по важности винъ ихъ, и обидимые ваши подданные Зенгорскіе удовольствованы, напротиву чего и отъ Вашего Сіятельства объ вышеписанномъ объявя, какъ на прежде посланные многіе, такъ и съ отправленнымъ Сержантомъ Филимоновымъ и по листамъ требую, чтобъ и съ вашей стороны подданнымъ Россійскимъ народамъ въ вышеобъявленныхъ многихъ причиненныхъ, имъ отъ вашихъ подданныхъ разореніяхъ и грабительствахъ учинена была справедливость, и пограбленное обидимымъ приказать отвратить и удовольствовать, и впредь бы управа давана и справедливость чинена была, и ни до какихъ ссоръ и грабительства, а особливо до смертнаго убивства, вашихъ подданныхъ къ Россійскимъ подданнымъ впредь не допускать; чего ради благоволите, Ваше Сіятельство, своимъ подданнымъ, начальнымъ и пограничнымъ управителямъ, всѣмъ о томъ накрѣпко приказать, и къ намъ о томъ письменно сообщить.

При заключеніи сего, я желаю Вашему Сіятельству добраго здравія и всякаго благополучія. Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, Генералъ-Маіоръ и Сибирской Губнераторъ Алексѣй Сухаревъ.»

Въ Устькаменогорскъ прибыло 12 человѣкъ, съ бабами и дѣтьми, которые назвались Киргизъ-Калмыками: они показали, что они первоначально около Краснаго Яру, близъ Астрахани, своею Киргизъ-Калмыцкою землицею, подъ вѣдѣніемъ Танбынъ-Батыря-Датжи; назадъ тому 40 лѣтъ, Контайша, отецъ Галданъ-Чирина, захватилъ ихъ всего 3000 съ Черными Зайсанами Салдыкомъ, Зухаремъ, Бинбелемъ и сыномъ прежняго Хана Танбы-Батыря-Датжи, Чайлышъ, которые и нынѣ живутъ въ Ургѣ. А бѣжали этѣ люди изъ Урги за тѣмъ, что были разорены алманомъ * и войной, которую велъ Галданъ-Чиринъ съ Аббакарымомъ, въ которой войскомъ командовали Септень и Хотола; война эта была неудачна, по тому что прежде прихода Калмыковъ подъ Абдакарымскій городъ, жители его были предупреждены объ опасности Калмыцкимъ переметчикомъ. На войну возили на верблюдахъ малыхъ чугунныхъ пушекъ 10. Нынѣ владѣетъ Зенгоріей младшій братъ Бичаганъ-Цаганъ 13 лѣтъ; старшій живетъ съ нимъ въ дружбѣ; для утвержденія его съѣзжались всѣ Нойоны и Зайсаны; теперь при немъ кочуютъ три Зайсана: Годжа, Утджа и Начинъ (который былъ его дядькой и вскормилъ его); войска при немъ нѣтъ. Зенгорское войско до 80,000 или 70,000, живетъ по домамъ.

Рапортъ Полковника Зорина Генералу Киндерману, отъ 5 Октября, 1746 года.

«Въ присланномъ отъ Вашего Превосходительства, отъ 20 числа Августа, ко мнѣ ордерѣ, предложено, что весьма, де, Вашему Превосходительству сумнительно, что какіе Киргизъ-Калмыки, чего нигдѣ нѣтъ, чтобъ Киргизъ-Калмыки прозывались; къ тому жъ около Астрахани, кромѣ Волжскихъ Бѣлыхъ Калмыкъ, не имѣется. И въ силу Вашего Превосходительства ордера въ Устькаменогорской крѣпости было предложено, чтобъ подлинно со всякимъ обстоятельствомъ спросить, не изъ тѣхъ ли они Волжскихъ и Бѣлыхъ Калмыкъ, и не въ то ли время взяты Контайшею, когда онъ на Ханской дочери женился. А сего Октября 4 дня въ рапортѣ отъ

---

* Ясакомъ.

Секундъ-Маера Беклемишева на предложеніе мое представлено, что жительство онъ имѣлъ съ прочими Киргизъ-Калмыками землицею во владѣніи Хана Тангынъ-Батыря-Датжи, въ здѣшнемъ Сибирскомъ краѣ, между Томскимъ и Енисейскимъ городами, противъ города Красноярска, въ степи, на рѣчкѣ, называемой Бѣломъ Уюсѣ, отъ котораго, де, ихъ жилища до помянутаго Красноярскаго города разстояніемъ тихой ѣздой дни съ три, а платили ясакъ въ казну Ея Императорскаго Величества звѣрями съ прочими Калмыками, и нынѣ слышно, де, имъ, что изъ ихъ родственниковъ и прочихъ Киргизъ-Калмыкъ тамо въ томъ же ясакѣ Ея Императорскаго Величества состоятъ. И тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ, или болѣе, а подлинно, де, объявить они не помнятъ, приходили, де, къ нимъ изъ землицы Контайши три Зайсана, Духаръ, Сандыкъ, Чинбиль, въ 3500 человѣкахъ; а стояли, де, они особливымъ кочевьемъ, всего мужеска и женска полу тысячи съ три дымовъ; и захватили, де, оные Зайсаны войскомъ своимъ незапно, увезли въ Зенгорскую землицу сильно, токмо безъ бою. И жили тамъ въ Зенгорской землицѣ въ Большой Ургѣ, и платили, де, они Галданъ-Чирину алманъ. А объ Астрахани, де, и о Красномъ Яру, который на Волгѣ, они не знаютъ, и тамъ, де, не бывалъ, а что, де, прежде сего объявили объ Красноярскѣ близъ Астрахани, не вытолковавъ черезъ толмача, дѣти его, Котоновы, понеже, де, онъ въ то время весьма былъ боленъ. А Контайша, де, женился на Волжской Ханской дочери до взятья ихъ подъ свое владѣніе.

Рапортъ Зорина, отъ 27 Марта, 1747 года.

По ордеру Киндермана, Киргизъ-Калмыки Маіоромъ Беклемишевымъ тайно съ ихъ пожитками изъ Семипалатинской крѣпости обратно, откуда пришли, отпущены, 21 Марта.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

АРХІЕПИСКОПІЯ ПЕРВОЙ ЮСТИНІАНЫ ОХРИДСКАЯ

И

ЕЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЕ ВЛІЯНІЕ НА ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ,

БОЛГАРЪ И СЕРБОВЪ.

(Посвящается О. М. Бодянскому.)

«Въ цѣлой Исторіи Южныхъ Славянъ этотъ пунктъ (Охрида и ея Архіепископія), быть можетъ, самый темный и, тѣмъ не менѣе, въ изслѣдованіи хода просвѣщенія Славянъ будетъ всегда предметомъ, отъ раскрытія котораго ожидать можно важныхъ поясненій....»

В. Григоровичъ. Очеркъ путеш. по Европ. Турціи. Казань 1848 г., стр. 114.

Патріархъ Великой Константинопольской Церкви, Самуилъ I (1764 — 1768), знаменитый Митрополитъ Дерконскій, родомъ изъ Константинополя и знатнаго происхожденія, свѣдущій въ Богословіи, Эллинской Словесности и другихъ наукахъ, правдивый и благочестивый, отличавшійся государственною мудростію и опытностію, хорошій администраторъ.... немедленно по вступленіи на престолъ сдѣлалъ слѣдующія достопамятныя распоряженія.... (исчисляются по пунктамъ).... 7) подчинилъ власти Великой Церкви бывшія до того самостоятельными (автокефальными) Архіепископіи Охридскую (Первой Юстиніяны) и Ипекскую (Патріярхію)

Изъ историческаго списка Патріярховъ Великой Константинопольской Церкви, изданнаго на Ново-Греческомъ языкѣ въ Навпліи въ 1837 году, Навплійскимъ Архидіякономъ Захаріею, а на Русскомъ въ «Христіянскомъ Чтеніи» 1862 года, и отдѣльною книжкою въ томъ же году. С.-Петербургъ, стр. 58—161.

Въ историческомъ обозрѣніи судебъ Охридской Архіепископіи представляется пять періодовъ: 1) отъ учрежденія Архіепископіи въ Первой Юстиніянѣ до перенесенія каѳедры въ Охриду, отъ VI до X вѣка. 2) Охридская Архіепископія въ предѣлахъ Болгарскаго Цар-

ства, отъ перенесенія Архіепископской каѳедры въ столицу Болгарскаго Царства, Охриду, до завоеванія Болгаріи Греками (отъ X вѣка до 1019 года), и просвѣтительное участіе Охриды въ судьбахъ Болгарской Церкви. 3) Охридская Архіепископія отъ покоренія Болгарскаго Царства Греками до присоединенія Охриды Сербскимъ Царемъ Стефаномъ Душаномъ къ Сербскому Царству, 4) Охридская Архіепископія въ предѣлахъ Сербскаго Царства, отъ присоединенія Охриды къ Сербіи (1340 г.) до покоренія Сербскаго Царства Турками (отъ 1340 — 1389), и просвѣтительное участіе Охриды въ судьбахъ Сербской Церкви. 5) Охридская Архіепископія отъ паденія Сербскаго Царства подъ власть Турокъ до ея конечнаго упраздненія, отъ 1389 до 1767 года.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ учрежденія самостоятельной и независимой Архіепископіи въ г. Первой Юстиніянѣ въ VI вѣкѣ до перенесенія каѳедры оной въ Охриду въ X вѣкѣ.

Вскорѣ послѣ основанія Константинополя (11 Мая, 330 года) послѣдовало новое правительственное раздѣленіе Имперіи на двѣ половины, Западную и Восточную. Восточная половина Имперіи, подобно Западной, была раздѣлена, въ административномъ отношеніи, на двѣ Префектуры: Иллирійскую и Восточную. Въ свою очередь Префектуры этѣ подраздѣлялись на Діецезіи (Dioeceses), а Діецезіи на Епархіи.

Иллирійская Префектура заключала въ себѣ двѣ Діецезіи: Дакію и Македонію съ Греціею и Критомъ, и подраздѣлялась на 12-ть Епархій. Къ первой Діецезіи (Дакіи) принадлежало 5-ть Епархій, а именно: Верхняя или Первая Мизія, Прибрежная Дакія, Средиземная Дакія, Дарданія, Превалія, а ко второй Діецезіи (Македоніи) принадлежало 6-ть Епархій: Первая Македонія, Вторая Македонія, Новый и Старый Епиръ, Ѳессалія, Ахаія или Греція и Критъ. [1]

---

[1] Общія границы этѣхъ Епархій были почти слѣдующія: на сѣверъ рѣка Сава и Дунай до Никополя; на востокъ рѣка Искеръ надъ Балканомъ и рѣка Карату подъ Балканомъ до Бѣлаго моря противъ острова Ѳассо, на западъ

Изъ этого дѣленія видно, что подъ управленіемъ Иллирійскаго Префекта были сосредоточены провинціи, населенныя, говоря языкомъ Грековъ, варварскими племенами, входившими въ составъ Восточной Имперіи, племенами, въ которыхъ позднѣйшіе писатели, послѣ многихъ изслѣдованій, должны были признать родоначальниковъ Славянъ, по сказанному Несторомъ: «Сѣли суть Словѣни по Дунаеви, «гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ «разыдошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ....

Центръ гражданскаго управленія былъ въ то же время и центромъ духовнаго управленія. Столицею Иллирійской Префектуры былъ вначалѣ городъ Сремъ (Sirmium) на Дунаѣ, [2] въ которомъ по тому и имѣли свое пребываніе: начальникъ гражданскаго управленія, Префектъ, и начальникъ духовнаго управленія, Митрополитъ Сремскій. Но въ 442 году Гунны, подъ предводительствомъ Царя своего, Аттилы, и брата его, Бледы, двинувшись изъ за Дуная (изъ нынѣшней Венгріи), завоевали всю Мизію и Иллирію, разорили многія крѣпости, обложили и взяли величайшія и многолюднѣйшія изъ Придунайскихъ городовъ, Ратіарій, [3] опустошили другой, столь же великій, городъ, Сингидунъ, [4] перешли черезъ рѣку Саву, овладѣли выше упомянутою столицею древняго Иллирика, Сремомъ, и, не встрѣчая себѣ сопротивленія, обратились на Ѳракію, разорили совершенно Нишъ,

---

рѣка Дрина и линія, которая черезъ гору Нишаву и черезъ Черную гору отходитъ на право къ югу и черезъ болото Скадарское, черезъ Скадаръ и по рѣкѣ Боянѣ доходитъ до Адріатическаго моря. Относительное положеніе упомянутыхъ Епархій между собою можно приблизительно означить такъ: Верхняя Мизія (нынѣшняя Сербія) и подъ нею Дарданія (часть южной Сербіи и Босніи), а подъ нею Превалитана лежала на западъ, и были сопредѣльны двѣ первыхъ со второю Панноніею (нынѣшнею Босніею и Славоніею), а третья съ Далматіею. Прибрежная Дакія на Дунаѣ отъ Смедерева до Никополя и подъ нею Средиземная или Внутренняя Дакія, а подъ нею Македонія, были на востокѣ сопредѣльны со Второю или Нижнею Мизіею (часть нынѣшней Болгаріи) и Ѳракіею.

[2] Этотъ городъ находился на западъ отъ Бѣлграда, въ 13 часахъ ѣзды отъ него.

[3] Былъ главный городъ Мизіи, называется теперь Арца.

[4] Нынѣшній Бѣлградъ, столица Сербскаго Княжества.

отечество Великаго Константина, плѣнили Средецъ [5] и обратили его въ прахъ и пепелъ. Въ это нашествіе Гунны дѣйствовали съ такою лютостію, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ, что, какъ говоритъ историкъ Прискъ, въ теченіи пяти лѣтъ вся опустошенная ими мѣстность до самаго Дуная была покрыта человѣческими костями. А какъ завоеванныя Гуннами области остались въ ихъ власти, то съ этого времени гражданское и духовное управленіе Иллирійской Префектуры было вынуждено перемѣститься изъ Срема въ Солунь.

Солунь оставался столицею Иллирійской Префектуры въ теченіи 93 лѣтъ, а именно до 535 года, въ которомъ Императоръ Юстиніянъ Великій, съ согласія Римскаго Папы, Вигилія, [6] далъ Иллирійской провинціи независимаго Архіепископа, назначивъ столицею гражданскаго и духовнаго управленія свой родной городъ.

Императоръ Юстиніянъ, родомъ изъ Греческихъ Славянъ, сынъ Истока, переименованный изъ Славянскаго имени Управда, того же значенія, Римскимъ Юстиніянъ, былъ родомъ изъ села Ведряни или, по Греческому выговору, Бедряни, Бедеряни. Это село, какъ свое отечество, желая отличить и возвысить, онъ оградилъ стѣнами въ формѣ четырехъугольника, съ башнями по угламъ, по чему село это и получило названіе «четырехстолпнаго.» А возлѣ села, также въ честь своему родному мѣсту, устроилъ знатный городъ, который назвалъ по Латыни Justiniana Prima — Первая Юстиніяна, [7] въ отличіе отъ другаго города того же имени, древней Улпіяны, возобновленнаго и украшеннаго тѣмъ же Императоромъ подъ именемъ Юстиніяны Второй. Новоустроенный городъ, Первая Юстиніяна, благодаря особеннымъ привилегіямъ, быстро распространялся и улучшался; по повелѣнію Императора онъ былъ снабженъ обильно водою и другими потребностями жизни, украсился многими церквами и хорошими зданіями, такъ что въ короткое время сдѣлался лучшимъ и знатнѣйшимъ изъ всѣхъ городовъ въ тѣхъ странахъ, и наконецъ Юстиніянъ, въ

---

[5] Софія.

[6] По тому что Иллирикъ, до устройства независимой Архіепископіи Первой Юстиніяны, зависѣлъ въ церковномъ отношеніи отъ Рима.

[7] Ниже мы увидимъ, что городъ этотъ находился въ Средиземной или Внутренней Дакіи, въ окрестностяхъ нынѣшняго города Моравы.

честь своего отечества, сдѣлалъ этотъ городъ столицею Иллирійской Префектуры. Современникъ Юстиніяна, Прокопій, описывая происхожденіе и состояніе Первой Юстиніяны, упоминаетъ и объ ея Архіепископѣ, говоря: «Первая Юстиніяна есть столица Архіепископа Иллирійскаго.[8] Этому-то Архіепископу Юстиніянъ далъ особыя права и преимущества, то есть, сдѣлалъ его независимымъ и самостоятельнымъ, какъ показываетъ его Окружное Посланіе или письмо, писанное по сему случаю къ тогдашнему Архіепископу Первой Юстиніяны, Кателліяну.

«Августѣйшій Императоръ Юстиніянъ,

Блаженнѣйшему Архіепископу Первыя Юстиніяны, Кателліяну.

Желая всемѣрно возвысить наше отечество, въ которомъ, по благости Божіей, мы впервые удостоились узрѣть сей, созданный отъ Него, свѣтъ, мы хотимъ, чтобы и въ отношеніи Архіерейской власти оно имѣло наибольшое преимущество, то есть, чтобы Святѣйшій Архіерей нашего отечества, Первой Юстиніяны, былъ не только Митрополитъ, но и Архіепископъ,[9] и да будутъ подъ его властію всѣ другіе Епархіи,[10] а именно: Средиземная Дакія,[11] Прибрежная Да-

---

[8] Procop. Въ Scriptores historiae Byzantinae.

[9] Въ объясненіе этого надобно замѣтить, что въ древней Церкви было только двѣ духовныя степени Архіерейскаго достоинства: Епископы и Архіепископы (отъ ἄρχων — начальникъ, слѣд., Архіепископъ значитъ: начальникъ Епископовъ). Митрополитами назывались Епископы главныхъ, столичныхъ городовъ, областей (Митрополитъ отъ μήτηρ, мать, и πόλις, городъ; μητρόπολις — мать городовъ, столица). Поелику же число Митрополитовъ тоже возрастало, то Архіепископы первопрестольныхъ столицъ Имперіи, для отличія ихъ сана и достоинства, получали имя Патріярховъ (отъ πατήρ, отецъ, и ἄρχων, начальникъ, то есть, начальникъ отцевъ, Епископовъ). Слѣд., выше приведенныя слова въ Указѣ Императора Юстиніяна означаютъ: «желаю, чтобы Архіерей моего отечества былъ не только Епископъ столичнаго областнаго города (Митрополитъ), но и начальникъ надъ другими областными Епископами — Архіепископъ.»

[10] Иллирійской Префектуры.

[11] Средиземная Дакія поставлена первой по тому, что въ ней, какъ увидимъ ниже, и находился городъ «Первая Юстиніяна.»

кія, Первая [12] Мизія, Дарданія, Превалитана, Вторая Македонія и часть Второй Паннонiи, гдѣ находится Баценской округъ. [13]

Поелику въ древнія времена Иллирійская Префектура была учреждена въ городѣ Сирміи (Сремѣ), [14] то въ этомъ городѣ и находилось все Иллирійское управленіе, какъ гражданское, такъ и церковное; когда же въ послѣдствіи, во времена Аттилы, мѣста этѣ были опустошены и Аппеній, Преторійскій Префектъ, удалился изъ Сирміи въ Солунь, тогда и Архіерейская честь послѣдовала за той Префектурой, и Солунскій Епископъ, не по своей личной власти, но подъ покровительствомъ Префектуры, удостоился нѣкотораго преимущества. [15] Но поелику нынѣ, съ Божіею помощію, наше Царство такъ увеличилось, что и оба Дунайскіе берега стерегутъ наши грады, и не только Виминицъ, [16] но и Рѣчидова и Литерата, [17] находящіеся по ту сторону

---

[12] Въ подлинникѣ написано: «Вторая Мизія (Mysia Secunda),» но это очевидно ошибка переписчиковъ; это показываетъ какъ самая сущность дѣла, такъ и то, что ниже, въ другомъ Юстиніяновомъ законѣ (Novella 131) написано правильно: «Первая Мизія (Mysiae Superioris). Нижняя же или Вторая Мизія (восточная часть нынѣшней Болгаріи) въ гражданскомъ дѣленіи не принадлежала къ Иллирійской Префектурѣ, а въ церковномъ отношеніи зависѣла отъ Цареградскихъ Патріярховъ, которые по сему справедливо отстаивали свои права на Болгарію противъ притязаній Папъ, тогда какъ Иллирикъ, до учрежденія въ немъ независимой и самостоятельной Архіепископіи, Первой Юстиніяны (535 г.), дѣйствительно, въ церковномъ отношеніи, зависѣлъ отъ Римскаго Престола.

[13] Baciensis civitas.

[14] Сирмія (Sirmium) или Сремъ лежалъ на рѣкѣ Савѣ тамъ, гдѣ вливается въ нее рѣка Босутъ во Второй Паннонiи, за предѣлами Верхней Мизіи. По этому-то и при учрежденіи Префектуры въ Первой Юстиніянѣ, въ память того, что она находилась прежде въ Сремѣ, осталась подъ ней часть второй Паннонiи — Баценскій округъ (вѣроятно, отъ упомянутой выше рѣки, Босутъ).

[15] Изъ этого видно, что когда Префектура перемѣстилась изъ Сирміи въ Солунь, болѣе не поставляли особаго Епископа въ Сирмію, но Солунскій Епископъ занималъ его мѣсто, и пользовался его правами, какъ старшаго изъ Иллирійскихъ Епископовъ.

[16] Этотъ городъ лежалъ на правомъ берегу Дуная, въ 30 верстахъ внизъ отъ Бѣлграда, и былъ въ послѣдствіи совершенно разоренъ.

[17] Этѣ города тоже не существуютъ нынѣ и находились за Дунаемъ, въ верхней Дакіи.

Дуная, снова поступили подъ нашу власть, то мы и рѣшили, что нужно, дабы та славнѣйшая Префектура, которая находилась въ Панноніи,[18] была перенесена въ наше блаженнѣйшее отечество, тѣмъ болѣе, что и Вторая Паннонія не весьма удалена отъ Средиземной Дакіи.[19] А поелику народныя смятенія не прекращаются, то мы и считаемъ неприличнымъ для нашего Царства, чтобы мѣстныя власти ходили черезъ такое разстояніе и съ такимъ трудомъ въ Первую Македонію,[20] а по сему признаемъ благопотребнымъ перенести означенную Префектуру въ горнія страны, дабы черезъ то облегчить сношеніе съ нею для всѣхъ Епархій, къ ней принадлежащихъ.

Того ради установляемъ, чтобы впредь Твое Блаженство и всѣ Святѣйшіе Архіереи Первой Юстиніяны имѣли преимущества (praerogativa) Архіепископа и всякую силу и свободу простирать свою Архіерейскую власть на другихъ, подвластныхъ Вамъ, Епископовъ, и да рукополагаете Вы ихъ, и во всѣхъ выше означенныхъ Епархіяхъ да принадлежитъ Вамъ первое достоинство, верховное священноначаліе, высочайшая степень, и да будутъ всѣ прочіе Епископы поставляемы Вами, и только одного Васъ да признаютъ своимъ Архіепископомъ, съ прекращеніемъ всякаго дальнѣйшаго отношенія къ Солунскому Епископу. Но ты самъ и всѣ Архіереи Первой Юстиніяны, какъ его судіи и посредники,[21] если бы случилась какая распря у кого либо съ нимъ, Вы да рѣшаете и разсуждаете оную, и Вы да рукополагаете какъ его, такъ и всѣхъ прочихъ Архіереевъ, и никто изъ нихъ да не относится ни къ кому иному, а одного Васъ да признаютъ за Архіепископа всѣхъ выше означенныхъ Епархій, и да исполняютъ всѣ Ваши распоряженія, и Вы своелично, или черезъ нарочно отъ Васъ

---

[18] Мы уже замѣтили выше, что Префектура эта была вначалѣ въ городѣ Сремѣ, во Второй Панноніи.

[19] Изъ этого слѣдуетъ прямое заключеніе, что отечество Юстиніяна находилось въ Средиземной Дакіи, которая по сему, какъ было замѣчено выше, и поставлена первой при исчисленіи Епархій, подчиненныхъ Первой Юстиніянѣ.

[20] То есть, въ Солунь, гдѣ находилась Иллирійская Префектура, отъ разоренія Срема до перенесенія столицы Префектуры въ Первую Юстиніяну.

[21] Замѣтимъ, что въ послѣдующемъ Указѣ Императора Юстиніяна касательно Архіепископіи Первой Юстиніяны, не только ничего не говорится о подчиненіи ему Солунскаго Епископа (Первой Македоніи), но и не значится въ его духовной области даже «Второй Македоніи», упомянутой въ первомъ.

посылаемыхъ клириковъ, да имѣете полную Архіерейскую власть и свободу окончательно рѣшать церковныя дѣла и возводить на церковныя степени. Равно и въ Аква, [22] какъ въ Епархіи Прибрежной Дакіи, да рукополагается Епископъ отъ твоей Святыни, и чтобы это мѣсто не было отселѣ подчинено Епископу, имѣющему каѳедру въ Южно Ѳракійскомъ городѣ, но южныя мѣста пусть относятся на югъ, съ прекращеніемъ отношенія къ Аквѣ, а Акваіской Епископъ да имѣетъ подъ собою выше помянутый городъ и всѣ его села, дабы могъ истребить Боносову Ересь [23] въ этомъ городѣ и въ его округѣ, и да обратитъ еретиковъ въ Православную вѣру.

А чтобы Твое Блаженство знало изъявленіе нашей воли, препровождаемъ настоящее узаконеніе твоему честному престолу, повелѣвая, чтобы одинъ экземпляръ онаго всегда хранился въ церкви (соборной) нашего отечества, во славу Всемогущаго Бога и въ вѣчную память нашего благоволенія. Когда же случится, что Правитель престола Вашего Блаженства преставится ко Господу, установляемъ, чтобы преемствующій ему Архіепископъ былъ рукополагаемъ честнымъ синодомъ своихъ собственныхъ Митрополитовъ, какъ подобаетъ быть возводимому (на престолъ) Архіепископу, почитаемому всею Церковію, безъ всякаго и въ этомъ послѣднемъ случаѣ отношенія къ Солунскому Епископу.

Твое Блаженство да не отлагаетъ времени привести въ исполненіе все, что слѣдуетъ по сему нашему узаконенію. Издадеся же.... консульствующу Свѣтлѣйшему Велисарію. [24]

Кромѣ сего Юстиніянъ, издавши 17 Марта, 541 года, свой 131 законъ (Novella Constitutio) «о церковныхъ титулахъ и преимущест-

---

[22] Городъ Аква (отъ слова aqua, вода), по всей вѣроятности, нынѣшняя Водена. Видится, что онъ не имѣлъ особаго Архіерея, но былъ подчиненъ неизвѣстно какому изъ Южно-Ѳракійскихъ Епископовъ, который не могъ издали наблюдать за духовнымъ состояніемъ своей паствы.

[23] Боносъ, Епископъ Македонскій, одинъ изъ ересіарховъ IV вѣка, отвергавшій Божество Господа нашего, Іисуса Христа, и изрекавшій хулы на Божію Матерь.

[24] Велисарій былъ Консуломъ и Ипатомъ въ 535 году, изъ чего и узнается лѣтосчисленіе этого Юстиніанова узаконенія, находящагося въ Corpus juris civilis, Tom. II. Cod. Just. Novella XI.

вахъ и иныя главы», во главѣ 3-й этѣхъ законовъ о Архіепископѣ Первой Юстиніяны пишетъ слѣдующее: «Повелѣваемъ, дабы Блаженнѣйшій Архіепископъ Первой Юстиніяны, нашего отечества, имѣлъ всегда подъ своею Архіерейскою властію (jurisdictio) Епископовъ Епархіи: Средиземной Дакіи, Прибрежной Дакіи, Превалитаны, Дарданіи, Верхней Мизіи и Панноніи; а онъ да рукополагается отъ своего собственнаго Синода и въ подвластныхъ ему Епархіяхъ да занимаетъ мѣсто Апостольскаго престола Римскаго, согласно тому, какъ опредѣлено отъ Папы Вигилія. Издадеся 15 Календы Априлія, въ Царьградѣ, въ царствованіе Юстиніяна Августа, въ консульство Василія.» [25]

Изъ этѣхъ двухъ актовъ временъ Императора Юстиніяна видимъ, что Архіепископы Первой Юстиніяны удостоились получить точно такія же права, какія имѣли и имѣютъ поынѣ первенствующія каѳедры, то есть, Цареградская, Александрійская, Антіохійская и Іерусалимская. По этѣмъ правамъ Архіепископъ Первой Юстиніяны получилъ независимость (автокефальность) и самостоятельность (автономію), которыя ни въ чемъ не отличались отъ независимости и самостоятельности четырехъ Патріярховъ.

А для того, чтобы это распоряженіе имѣло церковную величественность и силу, Императоръ пригласилъ, какъ свѣдѣтельствуетъ Бароній, [26] и Римскаго Папу, Вигилія, отъ котораго до этого времени зависѣла Иллирія въ церковномъ отношеніи, дать свое согласіе на учережденіе независимаго Архіепископства Первой Юстиніяны. А мы прибавимъ къ этому, что мудрый Императоръ потребовалъ этого согласія, съ цѣлію оградить на будущее время дарованныя имъ права Архіепископамъ Первой Юстиніяны отъ властолюбія Папъ, проявленія котораго начались уже и въ его царствованіе.

Это учрежденіе было также, какъ замѣчаетъ любознательный и святопочившій Никодимъ Святогорецъ въ своей Кормчей, [27] при-

---

[25] Василій былъ Консуломъ въ 541 году, чѣмъ и опредѣлится время этого узаконенія, находящагося въ Corpus juris т. II, Novella Const. CXXXI.

[26] Baron. ad. an. 535, T. VII, pag. 537. Christ. Orient. T. II, N XXV, pag. 283 et 284.

[27] Πηδάλιον, edit. 1800, pag. 112.

нано и утверждено на 5-мъ Вселенскомъ Соборѣ и сонмомъ Восточныхъ Епископовъ. И дѣйствительно, изъ дѣянія означеннаго Собора извѣстно, что когда собрались на Пятый Вселенскій Соборъ Епископы съ Востока, Запада и Африки, то, поелику Папа Вигилій, находившійся тогда въ Царьградѣ, не хотѣлъ ни самъ присутствовать на этомъ Соборѣ, ни послать на него своихъ намѣстниковъ, но отозвался, что онъ дастъ отъ себя Императору особое мнѣніе, что и сдѣлалъ, Восточные Патріархи, Митрополиты и Епископы, собравшіеся на Соборъ, послали звать Западныхъ, но тѣ отказались, говоря, что Итальянскіе и Африканскіе не могутъ прійти по тому, что не пришелъ Папа, а Иллирійскіе не могутъ присутствовать на Соборѣ безъ дозволенія Архіепископа Первой Юстиніяны. Тогда Соборъ оставилъ первыхъ, а касательно вторыхъ, то есть, Иллирійскихъ, заявилъ, что такъ какъ онъ имѣетъ мнѣніе ихъ Архіепископа, то и довольствуется симъ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что Соборъ признавалъ вполнѣ права Архіепископа Первой Юстиніяны, какъ независимаго и самостоятельнаго Іерарха. Учрежденіе Юстиніяна осталось неизмѣннымъ и послѣ смерти своего учредителя, какъ видно изъ письма Папы Григорія Великаго (590 — 604). Этотъ Святитель, получивъ обычное извѣщеніе Синода Первой Юстиніяны о томъ, что оный Синодъ, въ силу данной ему власти, избралъ и рукоположилъ въ Архіепископы Иллирійскіе Епископа Іоанна, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ ко всѣмъ Иллирійскимъ Епископамъ, одобряетъ это избраніе, поелику оно сдѣлано по ихъ единодушному согласію. Онъ, между прочимъ, пишетъ: «Такъ какъ Вы сохраняете порядокъ, указываемый древнимъ обычаемъ (подразумѣвается обычай самостоятельныхъ престоловъ, «чести ради» увѣдомлять другихъ Іерарховъ о избраніи и посвященіи на праздный престолъ), то и намъ доставило радость Ваше попеченіе о семъ.... И такъ, поелику мы узнали изъ письма Вашего, которое Вы прислали къ намъ, что Вы избрали Іоанна, нашего брата и соепископа, по единодушному согласію всѣхъ васъ и съ соизволенія Свѣтлѣйшаго Князя, [28] то мы премного возрадовались о томъ,

---

[28] Вѣроятно, здѣсь разумѣется Иллирійскій Префектъ, а можетъ быть и кто либо изъ мѣстныхъ Князей Славянскаго племени. См. у Кедрина Т. I, pag. 293.

что помощію Божіею возведенъ на степень священноначалія тотъ, кого общій Вашъ судъ нашелъ достойнымъ»... и далѣе продолжаетъ: «Признаемъ за нужное совѣтовать Вашему братству, да покаряетесь безпрекословно избранному Вами, какъ въ томъ, что относится до церковнаго чина и истиннаго ученія, такъ точно и во всемъ другомъ, что не противорѣчитъ каноническимъ правиламъ, и тогда самая Ваша покорность будетъ служить доказательствомъ, что Ваша любовь избрала его послѣ Вашего здраваго разсужденія.»[29]

То же самое повторилось и относительно другаго Архіепископа Первой Юстиніяны, Льва, то есть, когда соборъ Епископовъ Первой Юстиніяны избралъ изъ среды себя на Архіепископскій престолъ Епископа Льва и рукоположилъ его, то Папа Григорій, въ отвѣтъ на извѣстительную о семъ грамоту, писалъ Архіепископу Льву: «Получивъ извѣстіе отъ нашихъ братій и соепископовъ, что Вы призваны на священноначальническое мѣсто, по единодушному всего собора согласію и по волѣ Свѣтлѣйшаго Князя, мы съ великою радостію воздали благодареніе Богу, Создателю нашему, и какъ братство Твое и мы также во всемъ имъ сочувствуемъ и молимъ Всемогущаго Бога, дабы Онъ Самъ, какъ избралъ любовь Вашу по своей благодати, такъ и да покрываетъ Васъ во всемъ Своимъ покровомъ. Посылаю Вамъ, по обычаю, и омофоръ.»[30] Третье письмо того же Св. Папы, которое относится до Архіепископа Первой Юстиніяны, было писано на имя Феликса, Епископа Софійскаго (Сардикійскаго), въ Верхней Мизіи. Въ этомъ письмѣ Папа Григорій увѣщаваетъ Феликса, чтобы онъ покорился и не противился Архіепископу Первой Юстиніяны: «Извѣстились мы, пишетъ Григорій Феликсу, что братство твое не хочетъ покоряться брату нашему, Іоанну, Архіепископу Первой Юстиніяны, какъ требуетъ того обыкновеніе.... Ради того увѣщаваемъ, да отвергнешь высокоуміе, смиришь себя и да покоришься навсегда твоему распорядителю (ordinatori), упомянутому нашему брату и соепископу» и проч. (Epist. X).

Изъ этѣхъ писемъ Папы Григорія ясно видно, что и въ его время, то есть, въ концѣ VI вѣка, Епископы Первой Юстиніяны

---

[29] Epist. Papae Grig. Liber IV, Epist. VII.

[30] Lib. IV, Epist. VIII.

управляли независимо и самостоятельно во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя упоминаются въ Юстиніяновыхъ указахъ, и сохраняли тѣ права, которыя даровалъ имъ Юстиніянъ, а именно: имѣли подъ своимъ управленіемъ Епископовъ и рукополагали ихъ, а Соборъ сихъ Епископовъ, по изволенію мѣстнаго Правителя, или Князя, избиралъ Архіепископа и рукополагалъ его, безъ всякаго отношенія къ Патріярхамъ и Папѣ, кромѣ обычнаго извѣщенія. [31]

О послѣдующей судьбѣ Архіепископіи Первой Юстиніяны въ теченіи VII, VIII и первой половины IX вѣка, мы можемъ судить лишь по соображенію съ общимъ ходомъ церковныхъ и политическихъ дѣлъ этѣхъ темныхъ вѣковъ, или по отрывочнымъ извѣстіямъ, встрѣчающимся у позднѣйшихъ историковъ. Такъ, на примѣръ, Лекьенъ утверждаетъ, что Юстиніяновы права, дарованныя этой Архіепископіи, существовали въ ней до того самаго времени, когда Болгаре-

---

[31] Сношенія Архіепископовъ Первой Юстиніяны съ Папою Григоріемъ ни мало не противорѣчатъ независимымъ и самостоятельнымъ правамъ этѣхъ Архіепископовъ, ибо: 1) Соборъ Иллирійскихъ Епископовъ, съ согласія Князя — правителя, избралъ и рукоположилъ Архіепископовъ Льва и Іоанна, безъ всякаго предварительнаго письменнаго сношенія о томъ съ Римомъ, или Царьградомъ, а только извѣстилъ о семъ Папу Григорія (конечно, и прочихъ Патріярховъ), согласно «древнему обычаю,» какъ о семъ пишетъ и самъ Григорій, обычаю, сохраняемому неизмѣнно и доселѣ между предстоятелями независимыхъ и самостоятельныхъ каѳедръ. 2) Непосредственное сношеніе Архіепископовъ Первой Юстиніяны съ Папою Григоріемъ, кромѣ древняго обычая, могло основываться и на личномъ уваженіи къ особѣ этого Святителя, къ которому, какъ извѣстно, обращались съ довѣріемъ и другіе Восточные Іерархи, высоко цѣня его личную святость и духовную мудрость. 3) Григорій Великій, какъ всякій можетъ увѣриться изъ всѣхъ его писемъ, многимъ современнымъ ему Епископамъ, не только Западнымъ, но и Восточнымъ, посылалъ омоѳоры, лишь только получалъ извѣщеніе о новопосвященномъ Епископѣ, или Архіепископѣ, но это дѣлалось лишь «ex more,» по силѣ того духовнаго общенія, которое существовало между предстоятелями независимыхъ Церквей, до окончательнаго отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной. Одинъ изъ болѣе безпристрастныхъ писателей Западной Церкви, Аббатъ Флери, описывая, какъ далеко простиралось личное вліяніе Папы Григорія на современниковъ, дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «но мы не видимъ, чтобы онъ пользовался какимъ либо судебнымъ правомъ въ областяхъ Восточной Имперіи. Онъ былъ только въ письменномъ общеніи съ Восточными престолами, не входя, однако, въ частное управленіе сихъ Церквей» (Правда Всел. Церкви. С. Пет. 1849 г., стр. 900).

язычники, въ царствованіе Константина Погоната, въ 678 году, перейдя Дунай, распространились отъ Дунайскаго устья (Сулины) за границы Превалитанской области, и если не истребили совершенно, то угасили и стѣснили Христіянство. Въ это время, вѣроятно, пострадалъ и стольный градъ Архіепископіи Первой Юстиніяны, такъ что и до сихъ поръ, какъ увидимъ ниже, остается неизвѣстнымъ положительно, гдѣ именно находился этотъ древній и знаменитый городъ.

Итакъ, не прошло еще полнаго столѣтія со времени учрежденія Архіепископіи «Первой Юстиніяны,» какъ дальнѣйшая исторія ея (съ 604 г.) погружается въ тотъ таинственный сумракъ, который, по совершенному отсутствію, или по отрывочности, свѣдѣній, тяготѣетъ надъ всѣми историческими событіями въ теченіи, такъ называемыхъ, «Среднихъ вѣковъ.»

Въ X вѣкѣ эта Архіепископія снова является на сцену историческаго міра, и притомъ какъ средоточіе Христіянскаго просвѣщенія для Задунайскихъ Славянъ, — Болгаръ и Сербовъ. Но гдѣ же именно, подъ какимъ спудомъ, сохранялся тотъ сосудъ, въ которомъ, подъ горячимъ пепломъ, тлилась, до предопредѣленнаго свыше времени, священная искра Христіянства?

Историческія изысканія утвердили ту истину, что до открытаго принятія Христіянской Вѣры двумя, образовавшимися въ средѣ Восточной Римской Имперіи, Славянскими Царствами, Болгарскимъ и Сербскимъ, слѣды Христіянства, затертые, но не до конца истребленные, пришельцами язычниками, сохранились въ тѣхъ Славянскихъ племенахъ, которыя жили разбросанно по всему Балканскому полуострову отдѣльными общинами, не составляя одного цѣлаго, до своего окончательнаго покоренія пришельцами изъ за Дуная — Болгарами.

Позволяемъ себѣ выписать сокращенно то мѣсто изъ Шафарика, которое, заключая въ себѣ отвѣтъ на поставленный нами выше вопросъ, послужитъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и путеводною нитью для дальнѣйшихъ разысканій въ отношеніи къ избранному нами предмету: «Прежде всего надобно, говоритъ Шафарикъ, хорошо отличать обращеніе (въ Христіянство) Болгаръ (въ 860 — 870) отъ обращенія Славянъ, поселявшихся въ земляхъ Греческой Имперіи: одно съ

другимъ мало или вовсе ничего не имѣетъ общаго. По тому что Славяне, обитающіе въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи и Греціи, и находившіеся частію въ зависимости Грековъ, а частію подъ властію собственныхъ Князей, слѣдуя вѣрнымъ показаніямъ и извѣстіямъ, гораздо прежде Болгаръ обратились въ Христіянство, если не всѣ, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ. Греческіе духовные, въ одно и то же время съ Римскими, спѣшили, тотчасъ по утвержденіи Славянъ въ земляхъ, себѣ доступныхъ, то есть, хотя нѣсколько зависѣвшихъ отъ Греческаго правительства, распространять ученіе Христово между ними. Въ достовѣрныхъ Греческихъ лѣтописяхъ читаемъ, что Сербы и Хорваты были крещены уже въ VII вѣкѣ; то же самое, имѣя на то много важныхъ доказательствъ, можемъ и должны думать и о другихъ Славянахъ въ Греціи. Славяне, съ половины VI вѣка, находились въ военной и гражданской службѣ у Грековъ, даже при самомъ Императорскомъ Цареградскомъ Дворѣ, жили между Христіянами, имѣли сношеніе съ ними: [32] можно ли повѣрить, чтобы Христіянство, до половины IX вѣка, было недоступно имъ? На Цареградскомъ съѣздѣ, 869 года, Болгарскіе послы утверждали, что предки ихъ, покоривъ Мизію (678), нашли въ ней Греческихъ Священниковъ. Ивѣстно, что Мизія въ то время была заселена Славянами, зависѣвшими отъ Грековъ. [33] Отсюда нельзя не заключить, что этѣ духовные уже тогда распространяли Христіянскую вѣру въ Мизіи, которая, хотя потомъ и была нѣсколько пріостановлена и подавлена нашествіемъ Болгаръ, но все таки не могла быть истреблена совершенно. Извѣстно, что Болгарскій Князь Мортагонъ (съ 815 г.) старался насильственными мѣрами истребить Христіянство, распространившееся въ его Царствѣ, и строго каралъ проповѣдниковъ Христовой Вѣры, т. е., Христіянъ, переведенныхъ изъ Ѳракіи и Македоніи (ок. 836 г.). Большая часть этѣхъ переселенныхъ Христіянъ была, безъ сомнѣнія, родомъ Славяне, по тому что они происходили

---

[32] Мы уже упомянули, что и Императоръ Юстиніянъ былъ тоже родомъ Славяниinъ. Въ 554 и 592 г. предводительствовали Греческимъ войскомъ Славяне: Доброгостъ, Всегордъ и Татимиръ, а въ 575 г. является намъ въ Царьградѣ Патрицій Оногостъ и др. Въ 766 — 780 былъ Цареградскимъ Патріярхомъ Никита, природный Славянинъ.

[33] Guill. Bibl. Vita Hadr. ap. Assemani II, p. 190.

изъ Македоніи, въ то время заселенной почти только одними Славянами, между которыми находился также и будущій Императоръ, Василій, съ своими родными. Напослѣдокъ, всякое сомнѣніе въ этомъ уничтожаетъ извѣстное свѣдѣтельство Болгарскаго монаха Храбра, изъ котораго видно, что Славяне въ Греціи, задолго до Кирилла и Меѳодія, были крещены и употребляли Греческое письмо, точно также какъ Славяне Хорватскіе, Хорутанскіе и Чешскіе Латинское, обращенные тоже въ Христіянство еще до Меѳодіева апостольства. Сюда принадлежитъ и то также, что Константинъ Философъ, по самому достовѣрному свѣдѣтельству Храбра и Сербскихъ лѣтописей, составилъ Славянскую азбуку еще въ 855 году и началъ переводъ чтеній изъ Евангелія и посланій, между тѣмъ какъ обращеніе Болгаръ случилось лишь въ 861 году. Отсюда слѣдуетъ, что упомянутый благовѣстникъ при началѣ своего дѣла имѣлъ въ виду не Болгаръ, но Славянъ въ Греціи, все еще и тогда не совсѣмъ утвердившихся въ вѣрѣ, или, лучше сказать, нуждавшихся въ поддержаніи ея. Но Подунайскіе Славяне, какъ мы уже выше сказали, находившіеся подъ властію Болгаръ, могли быть крещены еще до вторженія ихъ, и, даже по отпаденіи своемъ отъ Грековъ (678 г.), не совсѣмъ оставили Христіянскую вѣру, не смотря на то, что въ это смутное время не дозволялось имъ открыто исповѣдывать ее. Кромѣ того, нѣкоторые изъ Славянскихъ народовъ, какъ-то: нижніе Моравцы, Верхне-Македонскіе Славяне и др., просто лишь зависѣли отъ Болгаръ и платили имъ дань, но отнюдь не были ихъ подданными въ полномъ смыслѣ слова, и управлялись собственными своими старшинами. Въ ихъ-то краѣ, кажется, Христіянство имѣло гораздо большій доступъ, нежели въ собственной Болгаріи, по тому что здѣсь прежде всего находимъ Архіепископа Агаѳона и Епископа Сергія.»[34]

Итакъ, вотъ та область, то мѣсто, гдѣ совершенно естественно (то есть, безъ всякаго понужденія и сопротивленія), возгорѣлась и просіяла, хранившаяся доселѣ подъ спудомъ языческаго стѣсненія,

[34] См. Слав. Древности Шафарика, перев. Проф. О. Бодянскаго, Т. II, кн. 1, стр. 292 — 296.— По новѣйшимъ изслѣдованіямъ годъ изобрѣтенія Славянской азбуки отодвинулся къ 861 — 862. См. «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, Проф. О. Бодянскаго. М. 1855 г.»

священная искра Православія, едва только проповѣдь одного изъ Славянскихъ Апостоловъ, Св. Меѳодія, обратила ко Христу языческаго владѣтеля Болгаріи, Князя Бориса (Михаила), и онъ, крестившись самъ, вступилъ въ рѣшительную борьбу съ ревнителями язычества, кончившуюся крещеніемъ всего Болгарскаго народа (съ 861 — 870) и принятіемъ верховнаго Іерарха не изъ Рима, а изъ Царьграда (Архіепископа Іосифа, потомъ Ѳеофилакта). [35]

Но прежде чѣмъ начнемъ изслѣдованіе, кто такой былъ Архіепископъ Агаѳонъ, и по чему онъ распоряжался «со властію» въ Западной части Болгаріи, считаю необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности о географическомъ положеніи выше упомянутой области, слѣдуя указаніямъ того же знатока Славянскихъ древностей, то есть, Шафарика: «Нижняя или Болгарская Морава, говоритъ онъ, первоначально и собственно, была область, лежавшая на рѣкѣ Сербской Моравѣ (у древнихъ Margus, у Никиты ок. 1190 г. Morawos, у Арнольда Marowa и т. д.), состоящей изъ двухъ соименныхъ рѣкъ, Болгарской и Сербской Моравы, соединяющихся при Сталатѣ, и впадающей близъ Кулита въ Дунай, Болгарская или Бинчъ-Морава, вытекаетъ не въ дальнемъ разстояніи отъ города Моравы, изъ одной части хребта Шаръ-планина (Scordus), и усиливается рѣками Враною, Топлицей, Тареномъ и Темпешкой; Сербская же Морава принимаетъ знаменитую рѣку Ибаръ. Область, лежащая между Ибромъ и Сербскою Моравою, а по соединеніи ихъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, теперь заселенная Сербами, принадлежала, по достовѣрнымъ историческимъ свѣдѣтельствамъ, въ IX — X вѣкѣ къ Болгарскому Царству, потомъ, по паденіи Болгаріи (1019) Грекамъ, и, наконецъ, по основаніи Сербскаго Государства въ Расѣ Великимъ Жупаномъ Неманей (1159 — 1195), досталась Сербамъ, основавшимъ здѣсь, въ послѣдствіи, главную свою столицу. Не могу сказать, принадлежали ли обитатели ея въ древнее время также и по своему языку къ Славянамъ Болгарскимъ: конечно, они могли говорить другимъ нарѣчіемъ, отличнымъ отъ нарѣчія Подгемскихъ Славянъ, [36] а Жупаны или Князья ихъ, подобно какъ прочихъ Славянъ, зависѣть отъ Болгарскихъ Го-

---

[35] См. «О времени происхожд. Славян. письменъ,» Проф. О. Бодянскаго, стр. 358.

[36] Жители края между Моравой, Дунаемъ и Тимокомъ и теперь еще во многомъ отличаются нарѣчіемъ своимъ отъ Западныхъ Сербовъ. То же слѣдуетъ сказать и объ языкѣ Темпешцевъ, Бинчъ-Моравцевъ и Топличанъ.

сударей. Вѣроятно, Болгары тотчасъ по прибытіи своемъ (678) овладѣли землей между Тимокомъ, Дунаемъ и Моравой, и далѣе отъ Моравы по Дрину, покорили себѣ въ послѣдствіи, во время вторженій своихъ въ Славянію и Македонію, на примѣръ, при Борисѣ-Михаилѣ. [37] По распространеніи предѣловъ Болгарскаго Царства къ самой Дравѣ (до 828 г.), всю эту страну стали называть Нижней Моравой, для отличія отъ Верхней (Вышней), въ которой повелѣвали Славянскіе Князья Моймиръ, Ростиславъ, Прибина, Святополкъ и др., частію независимые, а частію подъ властію Франковъ. Свѣдѣтельства, относящіяся къ этой Нижней или Малой Моравѣ суть слѣдующія: на Соборѣ, составленномъ Фотіемъ 879 года, нѣкто Агаѳонъ подписался Архіепископомъ Моравскимъ, вмѣстѣ съ двумя другими Болгарскими Епископами, Гавріиломъ Охридскимъ и Симеономъ Дебельтскимъ. [38] Подпись упомянутыхъ двухъ Епископовъ именно увѣряетъ насъ въ томъ, что это относится къ Болгарской, а не къ другой какой, Моравѣ. Баварскій землеписецъ такъ упоминаетъ объ этой Южной или Болгарской Моравіи: «Beheimare (т. е., Чехи), in qua sunt civitates XV. Marharii (сѣверные или нынѣшніе Моравцы) habent civitates XI. Vulgarii (Болгары) regio est immensa et populus multus, habent civitates V., eo quod multitudo magna ex eis sit et non sit eis opus civitates habere. Est populus, quem vocant Marehanos (Южные Моравцы), ipsi habent civitates XXX....» Потомъ тотчасъ говоритъ о Бодричахъ. Ясно, какъ день, что Мораване (Marehani), поставленные имъ подлѣ Болгаръ и Бодричей, и имѣющіе 30 городовъ, суть народъ, отличный Мораванъ, упомянутыхъ подлѣ Чеховъ, съ 15 городами, и что ихъ нигдѣ больше нельзя искать, какъ только въ этой Болгарской Моравіи, простиравшейся тогда (829 — 890) до самой Дравы. Въ этой Моравѣ находилось нѣсколько городовъ, имѣвшихъ одно съ нею имя. Самый древній изъ нихъ, близъ истоковъ Бинчъ-Моравы, нынѣ наз. Турками Gölhan, упоминается Кинамомъ 1018 г. подъ именемъ Morovisdos; въ это время ими владѣли еще Болгары. Цѣлый край, то

[37] Въ 869 г. Дарданія, то есть, край на Бинчъ-Моравѣ принадлежалъ Болгарамъ (замѣч. Шафарика). А по нашему замѣчанію (см. выше) край этотъ слѣдуетъ называть не Дарданіею, а Средиземною Дакіею, границею которой на западъ была рѣка Ибаръ.

[38] Assemani Kalend III, p. 138.

есть, окрестность рѣкъ того же имени, народъ по сю пору называетъ Моравой.»[39] Въ этой-то области, и именно въ гл. ея городѣ Моравѣ, находилась въ 870 годахъ каѳедра вышеупомянутаго Моравскаго Архіепископа Агаѳона, который въ 874 году ѣздилъ, по порученію Византійскаго Императора, Василія, посломъ въ Германію мирить Лудовика (Франкскаго) съ Борисомъ (Болгарскимъ) и Святополкомъ (Велико-Моравскимъ), въ 878 г. поставилъ Епископа Сергія въ Бѣлградъ (Сербскій), а въ 879 году присутствовалъ на Фотіевомъ Соборѣ въ Царьградѣ съ двумя Болгарскими Епископами, Охридскимъ Гавріиломъ и Дебельтскимъ Семеономъ. Это тотъ самый Архіепископъ Агаѳонъ, появленіе котораго съ такимъ значеніемъ и властію въ восточныхъ владѣніяхъ (зависимыхъ только) Болгаріи было камнемъ преткновенія для даровитаго Венелина, ибо дало ему поводъ отрицать вовсе посольство Св. Меѳодія и Кирилла въ «Вышнюю Моравію», и посвятить нѣсколько неудачныхъ страницъ для доказательства, что не Св. Меѳодій, а вышеупомянутый Архіепископъ, Агаѳонъ, былъ первымъ Архіепископомъ «Великой Моравіи».[40]

Дѣло же объясняется весьма просто: Христіянская вѣра въ Болгарской Моравіи сохранилась преимущественно передъ другими областями Болгарскаго Царства по тому, что въ главномъ городѣ этой серединной (по отношеніи къ Славянскому населенію Балканскаго полуострова) области, Моравѣ, была «Первая Юстиніяна,» столица древняго Архіепископства того же имени.

---

[39] Слав. Древн Шафарика т II, кн. 1, стр. 351 — 358.

[40] Задавшись мыслію, «что Кириллъ и Меѳодій ни въ нынѣшней Моравіи, ни въ Римѣ, никогда не бывали, и что весь кругъ ихъ дѣйствій, все неотлучное ихъ поприще, заключалось въ предѣлахъ могущественной и обширной тогда Болгарской державы,» Венелинъ, въ концѣ своего разсужденія о семъ, указывая на Архіепископа Агаѳона, подписавшагося на Соборѣ 879 г. Моравскимъ, по современному географическому названію своей, какъ мы видѣли, весьма обширной духовной области, и на поставленнаго симъ послѣднимъ въ Бѣлградъ Епископа Сергія, Венелинъ восклицаетъ: «Вотъ первые Архипастыри Моравіи (какой?), а не Кириллъ и Меѳодій!» Разсужденіе о семъ занимаетъ у Венелина 20 страницъ, и вся эта крупная ошибка произошла отъ смѣшенія двухъ областей: Вышней и Нижней Моравіи. См. Критич. изслѣд. объ Исторіи Болгаръ Ю. Венелина, Москва 1849 г., стр. 113 — 133.

Мѣсто древней Первой Юстиніяны (до перенесенія Архіепископской каѳедры въ Охридъ) было и до насъ разыскиваемо учеными изслѣдователями старины, но мнѣнія ихъ и доселѣ не сходятся въ точномъ опредѣленіи этого важнаго пункта. Они согласны лишь въ одномъ, что Первая Юстиніяна находилась въ древней Дарданіи. Но изъ приведеннаго нами въ началѣ этой статьи письма Императора Юстиніяна къ Епископу Каттеліяну, ясно видно, что Первая Юстиніяна находилась не въ Дарданіи, а въ сопредѣльной ей области — Средиземной или Внутренней Дакіи. Императоръ Юстиніянъ, говоря о причинахъ, побуждающихъ его перенести столицу Иллирійской Префектуры изъ временнаго ея пребыванія, Солуня, не въ прежнее мѣсто — городъ Семъ во Второй Панноніи, а въ свое отечество — Первую Юстиніяну, выражается о семъ такъ: «Мы заблагоразсудили, что надлежитъ, дабы та славнѣйшая Префектура (Иллирійская), которая была въ Панноніи, устроилась въ нашемъ блаженномъ отечествѣ, тѣмъ болѣе, что и Вторая Паннонія не весьма далеко отъ Средиземной Дакіи.» Въ исчисленіи Епархій, приписанныхъ имъ къ Архіепископіи Первой Юстиніяны, «Средиземная Дакія» также поставлена имъ на первомъ мѣстѣ. Изъ этого очевидно, что главный городъ Префектуры — Первая Юстиніяна, находился въ Средиземной Дакіи, которую всѣ позднѣйшіе писатели, по неизвѣстной намъ причинѣ, смѣшиваютъ съ сопредѣльною ей, срединною же областію — Дарданіей, включая ее въ предѣлы сей послѣдней. Такъ, на примѣръ, въ лучшемъ современномъ сочиненіи о древней Македоніи: «Géographie ancienne par Th. Desdevises», ученый авторъ, говоря о раздѣленіи областей во время Императоровъ, пишетъ: «la Dacie intérieure répondait au pays des Dardaniens». [41] Шафарикъ, по видимому, держится того же мнѣнія; ибо, не упоминая вовсе о Средиземной Дакіи, онъ о Дарданіи говоритъ: «Дарданіею называется область около Новаго Бръда и Лесковца, отъ Приштины по Нишъ, откуда вытекаютъ рѣки Болгарская и Сербская Морава и Ибаръ,» [42] тогда какъ съ достаточною вѣроятностію можно предположить, что граница между двумя серединными областями (Дарданіею и Внутреннею Дакіею) въ VI вѣкѣ была та же самая, которая въ IX вѣкѣ отдѣляла Болгар-

[41] Paris 1863, pag. 207.

[42] См. Слав. Древности Шафарика т. II, кн. 1. стр. 289.

скія владѣнія отъ Сербскихъ, то есть, проходила вдоль рѣки Ибара и Сербской Моравы, или что Внутренняя Дакія VI вѣка соотвѣтствовала той области, которая въ IX вѣкѣ была извѣстна въ тѣсномъ смыслѣ подъ именемъ Болгарской Моравы, тогда какъ Дарданія (часть нынѣшней южной Сербіи и Босніи) лежала къ западу отъ Дакіи. Замѣтивъ это, обратимся къ изслѣдованію мѣста «Первой Юстиніяны. Шафарикъ, очертивъ столь неопредѣленно границы Дарданіи (безъ разграниченія ея съ Внутренней Дакіею), за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго поясненія, относитъ мѣсто «Первой Юстиніяны въ нынѣшній Кюстендиль; Енгель полагаетъ ее въ Ипекѣ (Петь), другіе въ Скоплѣ; болѣе всѣхъ приблизился къ истиннѣ Мальтебрюнъ, говоря, что Первая Юстиніяна находилась въ Призренѣ, при чемъ замѣчаетъ, что преданіе о семъ городѣ и донынѣ сохранилось въ окрестностяхъ Призрена. [43] Мы же полагаемъ, что мѣсто Древней Юстиніяны надобно искать въ окрестностяхъ города Моравы (Турецкій Gölhan), лежащаго у истоковъ Болгарской Моравы, неподалеку отъ Приштины (на дорогѣ отъ Приштины во Врану), который былъ въ IX вѣкѣ главнымъ городомъ Болгарской Моравы. (Преданіе же, замѣченное Мальтебрюномъ, можетъ относиться къ находящимся въ горахъ между Призреномъ и Моравою развалинамъ Петрига или Петряни, откуда не далеко до Ведряни или Бедеряни — имени, которымъ называлось родное село Императора Юстиніяна.

Наше предположеніе, не выводя мѣста древней Первой Юстиніяны изъ предѣловъ, очерченныхъ для нея прежними изыскателями, то есть, изъ четвероугольника, заключающагося между городами: Призреномъ и Кюстендилемъ, Приштиною и Скоплемъ, въ то же время ведетъ къ разъясненію историческаго событія, путавшаго и такихъ даровитыхъ изслѣдователей, какъ Венелинъ: кто такой былъ Моравскій Архіепископъ Агаѳонъ, современникъ Св. Кирилла и Меѳодія, лице вліятельное, какъ видно изъ его посольства въ Германію, независимое по своимъ духовнымъ правамъ, какъ это видно изъ поставленія имъ въ Бѣлградъ (Сербскій) Епископа-Славянина Сергія,

---

[43] Малтебрюнъ говоритъ: «Des regions presque inconnus ou la ville de Prisren, patrie Justinien et la véritable Justiniana Prima, selon les indigénes, reste cacheé encore et inaccemble parmi les tribus Slaves et Albanaises» (Maltebrun, Géogr. Univers. t. IV, p. 333, Paris, 1841 an.)

лице самостоятельное, ибо на дѣйствія его жаловался Папа Іоаннъ VIII, какъ на оспаривавшаго его притязанія на Иллирикъ.

Все это, въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что Архіепископъ Агаѳонъ былъ современный обращенію Болгаріи въ Христіянство и спора о церковномъ преобладаніи надъ нею Рима и Царьграда — Архіепископъ древней Первой Юстиніяны, [44] престолъ которой былъ возстановленъ ранѣе просвѣщенія Христіянствомъ, собственно такъ называемой Болгаріи, у ея полунезависимыхъ подданныхъ Нижне-Моравскихъ Славянъ, среди которыхъ родился великій основатель этой каѳедры. Появляется же онъ на сцену историческихъ событій одновременно съ просвѣщеніемъ Христіянской Вѣрой собственно такъ называемой Болгаріи, по тому что лишь тогда только началъ разсѣяваться мракъ, заслонившій эту каѳедру съ VII по IX вѣкъ съ запада нашествіемъ Аваровъ, а съ востока — Болгаръ. Церковный споръ о Болгаріи касался непосредственно Архіепископа Агаѳона уже и по тому, что вся западная часть Болгарскаго Царства, [45] и вся нынѣшняя Сер-

---

[44] При семъ необходимо замѣтить, что, по тогдашнему значенію Архіепископскаго достоинства (въ IX вѣкѣ), въ Европейской части Восточной Имперіи было всего 4-ре Архіепископа: 1) Константинопольскій (имѣвшій титулъ Патріярха) съ 330 года; 2) Кипрскій съ 431; 3) Первой Юстиніяны (подписавшійся Моравскимъ по современному географическому названію своей духовной области) съ 535, и 4) Болгарской (Преславской) съ 870 года.

[45] Восточная или собственно такъ называемая Болгарія (Нижняя Мизія и дальняя Скиѳія (Добруча), какъ мы видѣли выше, принадлежали, по Церковному дѣленію, непосредственно къ духовной области Цареградскаго Патріярха; вотъ по чему и назначеніе въ столицу собственной Болгаріи, великую Преславу, Архіепископа Ѳеофилакта I, не имѣло прямаго отношенія къ Архіепископу Агаѳону и не нарушило ни въ чемъ его духовныхъ правъ, которыя, какъ увидимъ ниже, оставались неприкосновенными и по образованіи Преславскаго Патріяршества. Новѣйшіе Болгарскіе изслѣдователи (послѣ Венелина), не обращая вниманія на Церковное дѣленіе областей, удержавшихся въ Восточной Церкви до позднѣйшихъ временъ, безъ всякаго основанія, переносятъ права Архіепископовъ Первой Юстиніяны на первыхъ, такъ называемыхъ, «Болгарскихъ Преславскихъ Архіепископовъ» Не отвергая, что и первый (?) Болгарскій Архіепископъ Ѳеофилактъ, посланный къ Болгарскому Князю Михаилу изъ Царьграда въ 870 году, могъ получить права, равныя съ Архіепископами Первой Юстиніяны, мы отвергаемъ лишь, не имѣющее ни какихъ въ свою пользу доказательствъ, перенесеніе правъ Архіепископа Первой Юстиніяны на Болгарскихъ Архіепископовъ тотчасъ съ образованіемъ Болгарской Іерархіи.

бія принадлежали къ его Церковной области. Назначеніе Архіепископа Агаѳона отъ Византійскаго Императора, Василія, посломъ въ Германію, для примиренія Франкскаго Короля, Лудовика, съ Болгарскимъ Княземъ, Борисомъ, и Моравскимъ Святополкомъ, съ одной стороны, показываетъ личное значеніе Агаѳона, а съ другой и то, что онъ, какъ независимый, по церковнымъ правамъ, Архіепископъ, въ политическомъ отношеніи былъ на сторонѣ Византійскаго Императора, а въ духовномъ состоялъ въ тѣсномъ братскомъ общеніи съ Царьградскимъ Патріярхомъ, противодѣйствуя сообща съ ними Папскимъ притязаніямъ на Болгарію и Иллирикъ. Поставленіе Архіепископомъ Агаѳономъ въ Бѣлградъ Епископомъ Сергія есть дѣйствіе, вытекающее непосредственно изъ его церковныхъ правъ, какъ независимаго и самостоятельнаго Архіепископа Первой Юстиніяны. Папа Іоаннъ VIII жаловался на это Болгарскому Князю, Михаилу, продолжая оспаривать свои права на Болгарію, отвергнутыя окончательно рѣшеніемъ Цареградскаго собора 870 года. На Фотіевомъ соборѣ 878 года, (такъ названный VIII Вселенскій), на которомъ собралось въ Константинопольскомъ Софійскомъ храмѣ 383 Епископа, Архіепископъ Агаѳонъ является въ сопровожденіи одного изъ своихъ Епископовъ, а именно: Охридскаго Гавріила (другой, Симеонъ, Епископъ Девельтскій (нынѣ Загора близъ Чернаго моря), былъ очевидно представителемъ Болгарскаго (Преславскаго) Архіепископа), и защищаетъ дѣло Фотія съ понятною, по его положенію и церковнымъ интересамъ, ревностію. Нѣтъ сомнѣнія, что такое вліятельное лице, какимъ, и по отрывочнымъ извѣстіямъ, представляется Архіепископъ Агаѳонъ, для распространенія своего пастырскаго вліянія на свою Славянскую паству, не могъ обойтись безъ Славянскаго Богослуженія, и по тому съ достаточною вѣроятностію можно предположить, что въ его каѳедральномъ городѣ, Моравѣ, оно было введено ранѣе, нежели гдѣ либо, если не самимъ переводчикомъ Божественной Литургіи на этотъ языкъ, Св. Меѳодіемъ, въ его пребываніе въ Болгаріи, то симъ Преосвященнымъ Агаѳономъ, какъ современникомъ Св. Просвѣтителей Славянъ. Кто былъ родомъ Пр. Агаѳонъ? Хотя, для рѣшенія этого вопроса, и нѣтъ ни какихъ данныхъ, но, вникая въ черты его дѣятельности, церковной и политической, мы не можемъ не прійти къ заключенію, что онъ былъ изъ Славянъ. [46]

---

[46] Въ 766 — 780 г. былъ Цареградскимъ Патріяхомъ Никита, изъ природныхъ Славянъ.

такъ какъ вся его центральная церковная область (Болгарская Морава) искони была населена Славянами; къ тому же, по правамъ Архіепископовъ Первой Юстиніяны, они выбирались и рукополагались соборомъ своихъ мѣстныхъ Епископовъ, которые, по всей вѣроятности, были то же изъ Славянъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для опредѣленія дальнѣйшей дѣятельности самаго Агаѳона и его преемниковъ на столѣ Первой Юстиніяны, къ упроченію вліянія Православной Церкви въ Юго-Западныхъ предѣлахъ его областей у Сербовъ, Хорватовъ и Далматинцевъ, гдѣ, со времени собора 870 года и до окончательнаго раздѣленія Церкви на Восточную и Западную, продолжалась борьба между вліяніемъ Римскимъ и Цареградскимъ (въ лицѣ Православнаго Архіепископа Первой Юстиніяны), но по нѣкоторымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ можно судить, что Архіепископія эта, въ концѣ IX и въ первую половину X вѣка, не совсѣмъ безуспѣшно боролась съ Римскимъ вліяніемъ, дѣйствовавшимъ на Славянское населеніе Далматіи, Хорватіи и отчасти Сербіи, черезъ Далматскихъ Архипастырей, перемѣщавшихъ свою каѳедру, сообразно политическимъ событіямъ, изъ Солина [47] въ Сплѣтъ (Спалатро), и наконецъ утвердившихся въ Діоклеѣ. [48] Со временъ Сплѣтскаго собора, 925 года, Хорваты поддались исключительно вліянію Римскаго Престола, тогда какъ Сербы продолжали еще колебаться, до окончательнаго присоединенія къ Православной Церкви, въ лицѣ своего великаго жупана, Стефана Немани (въ XII вѣкѣ), обращенію котораго къ Православію не мало способствовала ревность Архіепископа Первой Юстиніяны, дѣйствовавшаго черезъ одного изъ Епископовъ своей области, Рашскаго или Расскаго (Леонтія). Но это было уже въ XII столѣтіи, по перенесеніи Архі-

---

[47] Салона, Слав. Солинъ, древній столичный городъ Далматіи, по разореніи котораго Митрополія была перенесена въ Сплѣтъ (Спалатро), но осталась съ титуломъ Солинской (Salonitana Ecclesia) Церкви.

[48] Діоклея — близъ Подгорицы, на границѣ Черногорской области Кучи и Албаніи, есть межа, которая называется Дукля, и здѣсь видны развалины. Эта древняя столица Римскаго Иллирика была, по сказанію Западныхъ лѣтописцевъ, разрушена до основанія Самуиломъ, Царемъ Болгарскимъ, въ X столѣтіи, послѣ чего Митрополія перенесена въ Дубровникъ (Рагузу). См. Шафарика, Славянскія Древности, въ Русск. перев. Проф. Бодянскаго, т. II, кн. 1, стр. 448 и слѣд.

епископской каѳедры изъ Болгарской Моравы далѣе на югъ, въ столицу втораго Болгарскаго Царства, Охридъ.

Намъ предлежитъ теперь опредѣлить, въ какомъ отношеніи находилась Архіепископія Первой Юстиніяны (бывшая, какъ мы уже замѣтили, въ области полунезависимой отъ перваго Болгарскаго Царства) къ собственно такъ называемой Болгаріи, точка опоры которой была въ низовьяхъ Дуная (въ Великой Преславѣ). Для этого мы должны бросить бѣглый взглядъ на принятіе и распространеніе Христіянской Вѣры въ собственно такъ называемой Болгаріи. Всѣ современные историки согласны въ томъ, что Болгарскаго Князя Борила или Бориса расположилъ къ принятію Христіянской Вѣры сперва плѣнный Греческій монахъ, Ѳеодоръ Куѳара, а потомъ сестра Князя, взятая еще въ юности въ плѣнъ Греками и воспитанная при Цареградскомъ дворѣ въ правилахъ Христіянской Вѣры, по возвращеніи ея на родину въ сопровожденіи духовника своего, Іеромонаха Меѳодія. По самому точному объясненію древнихъ свѣдѣтельствъ, открывается, что этотъ Меѳодій былъ извѣстный Славянскій Апостолъ, братъ Константина Философа, названнаго въ монашествѣ Кирилломъ. Меѳодій приготовилъ къ крещенію (а по другимъ и крестилъ) Бориса, въ 861 году, назвалъ его во Св. крещеніи Михаиломъ, въ честь воспріемника (заочнаго) Греческаго Императора, Михаила. Не смотря на то, что въ это время Болгарскій народъ былъ уже достаточно приготовленъ къ принятію Христіянской Вѣры общеніемъ и сліяніемъ съ Славянскими племенами, прежде ихъ жившими въ покоренныхъ ими въ VII вѣкѣ земляхъ, а равно и частыми сношеніями и столкновеніями съ Греками, дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Составилась сильная сторона противъ Князя въ средѣ недовольныхъ его нововведеніемъ Бояръ; но, ободренный вѣрою въ правоту своего дѣла, Князь Михаилъ мужественно противосталъ возмутителямъ, осадившимъ его въ его замкѣ, и усмирилъ возстаніе. Главные зачинщики были казнены, остальные покорились и приняли крещеніе. Но, возникшіе одновременно съ этѣмъ обращеніемъ, споры между Римомъ и Царьградомъ о духовномъ преобладаніи надъ новопросвѣщеннымъ народомъ, не мало замедлили дѣло мирнаго распространенія Вѣры. Св. Меѳодій, вскорѣ послѣ крещенія Князя, въ 862, или 863, году, долженъ былъ, по назначенію Императора и Патріарха, отправиться на дѣло проповѣди въ «Великую Моравію,» а Болгарія не замедлила населиться

Христіанскими проповѣдниками, изъ которыхъ одни спорили между собою о правахъ на проповѣдь, а другіе, пользуясь этѣмъ, разсѣвали среди, еще не утвердившагося въ вѣрѣ, народа различныя ереси.

Нельзя не сознать, что положеніе Бориса-Михаила было затруднительно, и чтобы выйти изъ него, онъ рѣшился сблизяться съ Римомъ. Этому не мало содѣйствовала мысль о первенствѣ Папы, громко проповѣдуемая Латинскими миссіонерами, а какъ бы въ подтвержденіе ея, служили горделивыя и самовольныя дѣйствія Папъ въ дѣлахъ Церкви, особенно въ осужденіи Цареградскаго Патріярха Фотія (863); кромѣ того, смятеніе, царствовавшее тогда въ Царьградѣ, и превратное направленіе тамошней духовной и свѣтской политики, а равно и давнія сношенія Болгаръ съ Франками, повелѣвавшими тогда Панноніею и западными Славянами. Но на первомъ планѣ, какъ надобно было полагать, стояло опасеніе, чтобы, черезъ тѣсное общеніе съ Царьградомъ, не подчиниться навсегда его духовному и политическому вліянію, тогда какъ постоянною отличительною чертою политики Болгарскихъ и Сербскихъ Государей, проходящею черезъ всю ихъ исторію, было желаніе стать въ уровень съ Византійскими Императорами, конечно, для того, чтобы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, занять ихъ мѣсто.

Какъ бы то ни было, а въ 866 году Князь Михаилъ снарядилъ посольство къ Франкскому Королю и Папѣ Николаю, прося принять Болгарію подъ свое покровительство. Но надежды, возлагаемыя на это общеніе Михаиломъ, не оправдали его ожиданія. Папа, ограничившись присылкою нѣсколькихъ Епископовъ съ благословенными грамотами, не только не согласился дать Болгаріи, какъ желалъ того Борисъ-Михаилъ, независимаго Патріярха (затѣя, всего менѣе соотвѣтствовавшая тайнымъ планамъ Папы), но и не спѣшилъ утвердить того изъ Епископовъ, на котораго указывалъ Михаилъ (Формоза), Архіепископомъ всея Болгаріи. Эта медленность и интриги Латинскаго духовенства, лишь только оно увидѣло, что Правительство склоняется на ихъ сторону, измѣнили мысли и расположеніе Михаила. Кстати, въ Царьградѣ собрался новый Соборъ (869 — 870) и, извѣщенный о семъ, Михаилъ отправилъ на оный своего родственника, Боярина Петра, съ тремя другими Боярами, гдѣ, въ присутствіи Папскихъ легатовъ, не смотря на ихъ жаркій протестъ, было рѣшено, что новообращенная Греческими проповѣдниками Болгарія и впредь должна имѣть от-

ношеніе по церковнымъ дѣламъ не къ Риму, а къ Царьграду; ибо сами Болгарскіе послы подтвердили на Соборѣ, что они (то есть, Болгары) заняли земли, принадлежавшія прежде Греческой Имперіи, и, при завоеваніи этѣхъ земель, застали у тамошнихъ Христіянъ не Римскихъ, а Греческихъ Священниковъ.

Князь Михаилъ охотно подчинился рѣшенію Собора, и радостно принялъ Архіепископомъ Болгарскаго народа, присланнаго ему (конечно, по его собственному желанію) Императоромъ Василіемъ и Патріярхомъ Игнатіемъ, Архіепископа Ѳеофилакта I. Удаленіе изъ Болгаріи Епископа Гримоальда и Латинскаго духовенства было естественнымъ послѣдствіемъ утвердившагося общенія съ Царьградомъ. Но какія права получилъ отъ Цареградскаго Патріяршества Болгарскій Архіепископъ? Внукъ Царя Василія Македонянина, Константинъ Багрянородный, описывая дѣла и заслуги своего дѣда въ отношеніи Православной Церкви, между прочимъ, говоритъ: «Василій увѣщевалъ Болгаръ (во время колебанія ихъ въ выборѣ между Римомъ и Царьградомъ) принять Архіепископа изъ Царьграда, съ правомъ посвящать Епископовъ внутри Болгаріи и имѣть у себя своихъ собственныхъ (то есть, туземныхъ, изъ природныхъ Болгаръ) Епископовъ.» Тотъ же царственный историкъ, описывая придворныя церемоніи, говоритъ: «Когда присутствуютъ нѣкоторые Восточные Патріярхи на священныхъ Царскихъ праздникахъ, то они предходятъ и послѣдуютъ другъ другу въ такомъ порядкѣ, какой каждый Патріярхъ занимаетъ въ Церкви, а непосредственно за ними слѣдуетъ Архіепископъ Болгарскій.»[9] Но изъ всего вышесказаннаго еще нельзя заключить, какъ хотятъ нѣкоторые, чтобы Архіепископы Болгарскіе съ разу стали въ совершенно независимыя отношенія къ Цареградскому Патріярху; ибо свѣдѣтельства, которыя приводятъ въ пользу этого мнѣнія изъ Нила Доксопатрія (см. ниже), писателя XI вѣка, очевидно относятся къ тому періоду Болгарской исторіи, когда во главѣ Болгарской Іерархіи сталъ Архіепископъ Первой Юстиніяны, имѣвшій уже права независимости (автокефальности) и самостоятельности (автономіи) еще со временъ Императора Юстиніяна (съ 535 года); а это случилось, какъ извѣстно, съ образованіемъ втораго Болгарскаго Царства, при Самуилѣ и его преемникахъ. Князь Борисъ-Михаилъ, присоединясь

---

[9] Константинъ Багрянородный въ Scriptores historiae Bysantinae.

окончательно къ Православной Восточной Церкви, и утвердившись самъ въ ея правилахъ стараніемъ знаменитаго Патріярха Цареградскаго, Фотія (878 — 889), послѣдніе годы своего царствованія посвятилъ заботѣ о упроченіи вѣры въ народѣ, ревностю содѣйствуя въ этомъ духовенству, которое, съ удаленіемъ изъ Болгаріи Латинскихъ миссіонеровъ, могло свободно заняться своими прямыми Пастырскими обязанностями. Прибытіе въ Болгарію въ 885 году учениковъ Св. Меѳодія, вытѣсненныхъ изъ Великой Моравіи, по кончинѣ своего учителя, Св. Меѳодія, Латинскимъ духовенствомъ, послужило на великую пользу Болгаріи, ибо они ревностно занялись распространеніемъ духовнаго просвѣщенія и утвердили зараждавшуюся духовную Славянскую письменность; о дѣятельности ихъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующемъ періодѣ Охридской Архіепископіи, а теперь продолжимъ обозрѣніе церковныхъ дѣлъ Болгаріи въ царствованіе сына Борисова, Симеона. Онъ, будучи воспитанъ при дворѣ Константинопольскомъ и усвоивъ себѣ Еллинское образованіе такъ, что получилъ названіе «Полугрека», усвоилъ въ то же время и современные Византійскіе взгляды изъ области ихъ гражданской и духовной политики, что и не замедлило отразиться въ его дѣйствіяхъ. Послѣ первой своей войны съ Греками, одержавши надъ ними блистательную побѣду при Анхіялѣ (917 г.), Симеонъ провозгласилъ себя Царемъ Болгарскимъ, а Архіепископа Болгарскаго (Преславскаго) Патріярхомъ Преславскимъ. Въ имени Царя, которое принялъ на себя Симеонъ, заключалось, какъ справедливо замѣчаютъ, нѣкоторымъ образомъ право на преемство Цезаря. [50] За титуломъ Царя необходимо слѣдовалъ и титулъ, который принадлежалъ Восточнымъ Царямъ, и Симеонъ не удержался принять на себя гордое имя «Самодержца Римскаго.» А чтобы узаконить и освятить въ глазахъ своего народа Царской ти-

---

[50] Шафарикъ замѣчаетъ: «Латинская рѣчь «βασιλεύς,» по отношенію къ Болгарскимъ Государямъ, обычно переводятъ словомъ rex, но въ самой придворной Болгарской Канцеляріи употреблялось слово «Императоръ,» какъ это ясно видно изъ письма Царя Кало-Іоанна къ Папѣ Иннокентію III, въ 1204 году писаннаго, въ которомъ онъ не только себя, но и предковъ своихъ, Петра и Самуила, именуетъ Императорами. Византійцы употребляли слово «Βασιλεύς» только въ смыслѣ Царь, напротивъ Королей звали ῥήξ и ῥηγᾶς (См. Разцвѣтъ Славянской письменности, Шафарика, въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1848, кн. 7, отд. III, стр. 54, прим. 20).

тулъ, было необходимо благословеніе изъ Рима, или изъ Цареграда — одной изъ столицъ Римскаго міра; находясь въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Византійскому Двору, Симеонъ обратился за этимъ къ Риму.[51] Папа, не оставлявшій своихъ притязаній на Болгарію, поспѣшилъ удовлетворить просьбу Симеона, пославъ новому Царю Болгарскому подтвержденіе Царскаго достоинства, а Архіепископу Болгарскому подтвержденіе Патріяршескаго титула. Какъ бы то ни было, но существованіе Преславскаго Патріяршества есть событіе, не подлежащее сомнѣнію. Въ Синодикѣ Царя Бориса,[52] найденномъ въ Терновѣ, значатся и самыя имена четырехъ Преславскихъ Патріярховъ, рядъ которыхъ кончился, вмѣстѣ съ паденіемъ перваго Болгарскаго Царства, въ 971 году. Ни изъ чего не видно, чтобы этѣ сношенія съ Римомъ Царя Симеона имѣли какое ни будь вліяніе на внутренній ходъ церковныхъ дѣлъ; ибо извѣстно, что при немъ Православіе болѣе и болѣе утверждалось въ Болгаріи, видимымъ доказательствомъ чего служитъ процвѣтаніе, подъ покровительствомъ его, церковной Славянской письменности въ строго Православномъ духѣ.

Непріязненныя отношенія Симеона къ Византійскому Двору не измѣнились до самой его кончины, послѣдовавшей въ 927 году. «Когда умеръ безпокойный Симеонъ, виновникъ многаго пролитія крови Христіянской, тогда власть надъ Болгарами принялъ Петръ, его сынъ, но не наслѣдникъ его славы, его кровожадности и свирѣпства, а напротивъ чистый отъ всего этого.» Такъ выражается одно Византійское сказаніе, и вѣрно опредѣляетъ характеръ 40-лѣтняго царствованія преемника Симеона, тогда какъ царствованіе сего послѣдняго справедливо считается «золотымъ вѣкомъ» Болгаріи, а самъ Симеонъ называется «Царемъ-отцемъ, родолюбцемъ.»

Петръ точно былъ чистъ отъ славы и свойствъ своего родителя, но за то и Болгарія его времени вовсе не походила на прежнюю

---

[51] См. позднѣйшія свѣдѣтельства о семъ Болгарскаго Царя Кало-Іоанна или Каломана, царствовавшаго въ XIII столѣтіи, который, въ письмѣ къ Папѣ Иннокентію III, писалъ: «Мы нашли въ нашихъ книгахъ, что наши предки, во первыхъ Симеонъ, во вторыхъ, Петръ въ третьихъ Самуилъ, обращались къ Престолу Св. Петра, и получали отъ него Царское и Патріяршеское достоинство.» (Epist. Pap. Innocent III, t. LXX et LXXI, p. 33 — 35).

[52] См. Болгар. Книжицы 1858 г., N 7 и 8.

Болгарію. Она быстро начала склоняться къ своему упадку, который наступилъ ранѣе, чѣмъ можно было полагать, по быстрому ея процвѣтанію при Симеонѣ. Мирный по характеру, Петръ спѣшилъ заключить миръ съ Византіею, и скрѣпилъ его брачнымъ союзомъ: онъ взялъ въ супружество за себя внуку Императора Романа, Марію, плѣнясь ея чудной красотой; свадьбу вѣнчалъ самъ Цареградскій Патріархъ, Стефанъ, въ Богородичной церкви Живоносннаго Источника, (8 Октября, 927 года). Дорожа миромъ все еще съ могущественнымъ по своему значенію Царемъ, и желая, въ церковномъ отношеніи, оградить Болгарію отъ Папскихъ притязаній, Византія поспѣшила признать за Болгарскимъ Государемъ титулъ Царя, и по его просьбѣ почтила титуломъ Патріярха Доростольскаго Епископа Даміяна.[54] Но Болгарское Патріяршество, и послѣ своего утвержденія Цареградскимъ Дворомъ и Церквію, продержалось не долго. Начавшаяся въ 967 году война Болгаръ съ Кіевскимъ Княземъ Святославомъ кончилась совершеннымъ разгромомъ Болгарскаго Царства. Наущенный,[53] какъ говорятъ современные лѣтописцы, Греческимъ Императоромъ, Никифоромъ Фокой, войнолюбивый Святославъ быстро покорилъ сѣверную часть Болгаріи по Дунай. Онъ овладѣлъ Дрестромъ (Силистріею), взялъ и другіе 80 городовъ по Дунаю (какъ говоритъ Несторъ) и остался княжить въ Переяславцѣ. Проведя здѣсь зиму, Святославъ возвратился на лѣто въ Кіевъ, не докончивъ завоеванія Болгаріи, но въ 969 году онъ снова явился въ Болгарію, и на этотъ разъ докончилъ ея покореніе: покорилъ столичный городъ, Преславъ, перешелъ черезъ Балканы и взялъ приступомъ послѣдній городъ Болгарскій на югѣ, Филиппополь, словомъ, прошелъ всю Болгарію какъ побѣдитель и готовился овладѣть Царьградомъ. Но предпріятіе это было несвоевременно. Послѣдовалъ миръ, по которому Святославъ долженъ былъ возвратиться во свояси, а Болгарія досталась Цимисхію. Наслѣдникъ Болгарскаго Престола, Борисъ, былъ вынужденъ торжественно отречься отъ Царскаго ти-

---

[53] Ассемани, разсуждая о Болгарскихъ Архіепископахъ, касательно Даміяна замѣчаетъ: «Независимый (автокефальный) Даміянъ, который управлялъ Болгарскою Церковію, жилъ въ Доростолѣ. Онъ провозглашенъ былъ Патріярхомъ отъ Императорскаго Синклита, по повелѣнію Императора Лакапена» (Calend. Eccles. Assem., t. III, pag. 143).

[54] «При семъ Никифори Цари плѣниша Русь Болгарскую землю по дважды въ двою лѣту, Цареви Никифору наведшу Святослава на нихъ.» (См. Чертнова, Описаніе Манассіиной лѣтописи, стр. 114).

тула и получилъ въ награду чинъ «Магистра.» Такъ кончилось первое Болгарское Царство, а съ нимъ и независимая Болгарская Іерархія въ 971 году!

Въ какомъ отношеніи Архіепископія Первой Юстиніяны находилась къ Преславскому Патріяршеству? Этѣ отношенія остались тѣ же, какими онѣ были и при назначеніи для новопросвѣщенной Болгаріи перваго (?) Архіепископа Өеофилакта (870 г.), церковная область котораго, какъ мы видѣли, составилась изъ мѣстъ, принадлежавшихъ по древнему церковному дѣленію (временъ Юстиніяна), къ духовной области Цареградскаго Патріярха (Нижней Мизіи и Нижней Скиѳіи); [35] притомъ, принятіе Болгарскими (Преславскими) Архіепископами, по волѣ своего Государя, Патріяршаго титула, имѣло, какъ было замѣчено, болѣе политическое, нежели церковное значеніе, съ цѣлію поставить Болгарскую Іерархію въ совершенно независимое положеніе относительно Цареградскаго Патріярха, а Архіепископы Первой Юстиніяны имѣли этѣ права издревле, слѣдовательно, отношенія ихъ къ новой Болгарской Патріярхіи могли оставаться тѣми же, какія были и къ Болгарскимъ Архіепископамъ, то есть, ограничивались дружественнымъ церковнымъ общеніемъ двухъ равныхъ, по своимъ правамъ, и независимыхъ другъ отъ друга, Іерарховъ, связанныхъ между собою союзомъ единовѣрія и единоплеменности, по тому что оба были изъ природныхъ Славянъ, какъ избираемые Соборомъ своихъ мѣстныхъ (Славянскаго племени) Епископовъ. Къ тому же дальность разстоянія (Преславы отъ Моравы) и настоятельная необходимость заботиться болѣе о утвержденіи вѣры въ своей паствѣ, нежели о распространеніи предѣловъ своей власти, устраняли поводы и

---

[35] Церковная область Болгарскихъ (Преславскихъ) Архіепископовъ, а потомъ Патріярховъ. состояла, какъ видно изъ Синодика Царя Бориса, изъ слѣдующихъ Епархій (Митрополій): Червенская (Рущукъ), Ловецкая, Срѣдецкая (нынѣ Софія), Овецкая (нынѣ Праводы), Дрестерская (нынѣ Силистрія); изъ чего видно, что между церковными областями Архіепископовъ Преславскаго и Первой Юстиніяны, проходила таже самая граница, которая, какъ мы видѣли выше, отдѣляла въ VI вѣкѣ Нижнюю Мизію отъ сопредѣльныхъ ей областей Иллирійской Префектуры: Прибрежной и Средиземной Дакіи, а слѣдовательно, и образованіе въ предѣлахъ Нижней Мизіи и Нижней Скиѳіи Болгарскаго Архіепископства не нарушило ни въ чемъ древнихъ границъ Архіепископства Первой Юстиніяны ни со стороны Цареградской Патріярхіи, ни со стороны Болгарскихъ Государей.

столкновенія между двумя равноправными Іерархами. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи Болгарія представляла не что либо новое; ибо до принятія Болгарами Христіянства, или, лучше сказать, до ихъ поселенія въ предѣлахъ Восточной Имперіи, она, какъ мы видѣли, была раздѣлена, въ гражданскомъ и церковномъ отношеніи, на двѣ части, коими въ церковномъ отношеніи управляли два независимые другъ отъ друга Іерарха: Цареградскій Патріярхъ и Архіепископъ Первой Юстиніяны. Притомъ, самостоятельность сей послѣдней Архіепископіи, въ настоящемъ періодѣ Болгарскаго Царства, поддерживалась и тѣмъ, что она имѣла свою каѳедру въ области почти независимой, или только подручной, въ отношеніи собственно такъ называемой Болгаріи.

Въ заключеніе намъ остается еще бросить бѣглый взглядъ на первоначальное вліяніе Архіепископіи Первой Юстиніяны въ этомъ періодѣ на Сербскія поселенія. Сербы, какъ извѣстно, въ это время не успѣли еще, подобно Болгарамъ, составить отдѣльное государственоое тѣло, но жили общинами (жупами), подъ управленіемъ своихъ собственныхъ владѣтелей (Жупановъ), признавая надъ собою не столько власть, сколько покровительство Византійскихъ Императоровъ, на земляхъ которыхъ они поселились не по завоеванію, какъ Болгаре, а по мирному соглашенію, при чемъ имъ пришлось сперва оспаривать оружіемъ этѣ земли у Обровъ (Аваровъ). По свѣдѣтельству Царственнаго историка, Константина Багрянороднаго, частъ Сербовъ, поселившихся въ нынѣшней Сербіи, около Бѣлграда, приняла крещеніе еще въ VII вѣкѣ, при Императорѣ Иракліѣ; но тотъ же историкъ свѣдѣтельствуетъ, [56] что окончательное просвѣщеніе всего Сербскаго народа свѣтомъ Христіянской Вѣры совершилось одновременно съ прочими Славянскими племенами (Болгарами и Моравами), и не удивительно, по тому что къ этому располагала и ихъ одна и та же могущественная причина, — проповѣдь слова Божія на Славянскомъ языкѣ и введеніе Славянскаго Богослуженія.

Нѣтъ ни какой причины отвергать Сербское преданіе, что просвѣтители Славянъ, Св. Кириллъ и Меѳодій при переходѣ изъ Болгаріи въ Вышнюю Мораву, огласили своею проповѣдью и лежащія на

---

[56] См. Scriptores hizstoriae Byantinae.

ихъ пути Сербскія племена; но, вникая въ то, кому досталось на долю напоять и возращать брошенныя ими на сердца Сербовъ сѣмена Православной Вѣры, мы встрѣчаемся опять съ тѣмъ же самымъ лицомъ, значеніе котораго въ дѣлѣ просвѣщенія Славянъ доселѣ не было еще изслѣдовано съ достаточною полнотою, а именно съ Архіепископомъ Агаѳономъ. Извѣстно, что онъ въ 870 годахъ поставилъ въ Бѣлградъ (Сербскій) Епископомъ Славянина, Сергія. Для кого же? Очевидно, для Сербовъ Христіянъ, поселившихся въ окрестностяхъ Бѣлграда еще въ VII вѣкѣ и, по замѣчанію Константина Багрянороднаго, тогда уже отчасти просвѣщенныя Св. Вѣрою. Итакъ, вотъ единственная, уцѣлѣвшая въ лѣтописяхъ, черта изъ дѣятельности Архіепископовъ Первой Юстиніяны по отношенію къ ихъ Сербской паствѣ (Верхняя Мизія, Дарданія и Превалитана, какъ мы видѣли, входили въ область Архіепископа Первой Юстиніяны съ 535 года); а что эта дѣятельность была обширна и благоплодна, свѣдѣтельствуетъ мирное и успѣшное распространеніе Православной Вѣры между Сербами въ теченіе IX, X и XI вѣковъ (до самаго образованія независимой Сербской Іерархіи въ XII вѣкѣ Св. Архіепископомъ Саввою 1222 года), въ которые Сербы Христіяне находились подъ церковнымъ священноначаліемъ Архіепископовъ Первой Юстиніяны.

Мы уже видѣли, что на самыхъ первыхъ порахъ этой дѣятельности, когда Архіепископъ Агаѳонъ поставилъ въ Бѣлградѣ Сербамъ Епископа Сергія, Папа Іоаннъ VIII жаловался на него Болгарскому Князю Михаилу (Бѣлградъ былъ тогда Болгарскою пограничною крѣпостью), оспоривая у Архіепископа Первой Юстиніяны право на Иллирикъ, огражденный, по видимому, навсегда отъ Папскихъ притязаній мудрымъ Юстиніяномъ тѣмъ, что учрежденіе независимой и самостоятельной Архіепископіи Первой Юстиніяны было сдѣлано съ согласія тогдашняго Римскаго Папы, Вигилія. Но мы знаемъ, что это историческое событіе не помѣшало Папамъ, до окончательнаго ихъ отдѣленія отъ единства Вселенской Церкви, предъявлять свои права, не только на древній Иллирикъ, но и на области, непосредственно принадлежавшія Цареградскому Патріяршеству съ самаго его учрежденія, разумѣю Нижнюю Мизію и Нижнюю Скиѳію, изъ которыхъ образовалась въ VII вѣкѣ собственно такъ называемая Болгарія.

Перенесеніе въ X столѣтіи Архіепископской каѳедры далѣе на югъ (изъ Болгарской Моравіи въ Охридъ) не измѣнило отношенія

Архіепископовъ Первой Юстиніяны къ своей Сербской паствѣ, а напротивъ, поставивши ихъ подъ непосредственное покровительство сильнѣйшаго изъ Болгарскихъ Государей, Симеона, дало большой просторъ ихъ дѣйствіямъ, по отношенію къ своей единоплеменной паствѣ. Но съ паденіемъ Боргарскаго Царства въ 1018 году, когда Архіепископія первой Юстиніяны подпала снова вліянію Византіи, вліяніе ея Архіепископовъ изъ природныхъ Грековъ на Православныхъ Южныхъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ, стало постепенно умаляться и ослабѣвать; естественнымъ послѣдствіемъ этого было постоянное стремленіе обоихъ народовъ, Болгаръ и Сербовъ, создать свою народную Іерархію, что и исполнилось въ теченіе этого періода (1019—1340), образованіемъ, сперва независимой и самостоятельной Архіепископіи Сербской (съ 1222 года), а потомъ Болгарскаго Терновновскаго Патріяршества (съ 1234). Но оба этѣ событія будутъ подробно разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ, а теперь обратимся ко второму періоду Архіепископіи Первой Юстиніяны, который, по тѣсной его связи съ Исторіею Болгарскаго Царства и Церкви, можетъ, по справедливости, назваться **Болгарскимъ** періодомъ этой Архіепископіи.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Отъ перенесенія Архіепископской каѳедры въ Охриду въ X столѣтіи до паденія Болгарскаго Царства въ 1018 году.

Въ 885 году, слѣдовательно, еще при жизни Болгарскаго Князя Бориса-Михаила (ум. 888), когда ученики Св. Меѳодія, вытѣсненные, по смерти его, изъ Вышней Моравы Латинскимъ духовенствомъ, вынуждены были оставить навсегда послѣднее поле духовныхъ подвиговъ своего учителя, они нашли себѣ у Болгарскаго Князя Михаила, духовнаго сына Меѳодіева, благосклонный пріемъ и новое поле для благотворной дѣятельности. Двое изъ нихъ, Св. Климентъ и Наумъ, пробывъ нѣсколько времени въ столицѣ Болгаріи, при Великокняжескомъ Дворѣ, конечно, съ соизволенія Князя, но, какъ мы полагаемъ, не столько по его побужденію, сколько по собственному влеченію, трудиться на поприщѣ скромномъ, менѣе подверженномъ

зависти и пререканіямъ человѣческимъ, избрали себѣ, для жительства и дѣятельности, Юго-Западный уголъ Болгаріи, въ горной области Охридской, называемой Болгарами Кутмицивица, которая наименѣе испытала на себѣ вліяніе Болгарской завоевательной стихіи и при томъ оставалась доселѣ въ сторонѣ, когда была борьба между Владѣтелями Болгаріи и Византіею. Цѣль ихъ прибытія въ Охридъ была не обращеніе жителей этой области въ Христіянство, какъ полагаютъ нѣкоторые: Христіянство уже было насаждено здѣсь ранѣе заботами Архіепископа Первой Юстиніяны, Агаѳона, который поставилъ въ Охриду и Епископа Гавріила, сопровождавшаго его на Соборъ 879 г.; но, какъ видится, ихъ особенно привлекло въ Охридъ уединенное, обособленное и обезпеченное положеніе этой области, какъ по всему благопріятствовавшее тѣмъ просвѣтительнымъ трудамъ, которымъ намѣревались посвятить себя всецѣло этѣ ближайшіе ученики Славянскихъ Просвѣтителей. Построивъ въ Охридѣ монастырь во имя Св. Пантелеймона Цѣлителя, они основали въ немъ духовную школу, для удовлетворенія главнѣйшей потребности новопросвѣщеннаго народа, приготовленія изъ среды его пастырей и учителей природнаго Славянскаго языка. И какъ плодотворна была эта дѣятельность, можно судить по свѣдѣтельству жизнеописателя Св. Климента, что въ короткое время было приготовлено имъ до 3500 человѣкъ, способныхъ къ занятію Священническихъ и другихъ мѣстъ въ церковномъ клирѣ. «Никогда не видали его празднымъ, говоритъ жизнеописатель; вмѣсто отдыха отъ занятій серьезныхъ со взрослыми, онъ обучалъ Славянской азбукѣ дѣтей, отъ переводовъ на родной языкъ, еще не переведенныхъ Богослужебныхъ книгъ и Писаній Св. Отцевъ Церкви, онъ переходилъ къ изустному проповѣдыванію, заимствованныхъ у нихъ и провѣренныхъ опытомъ собственной жизни, правилъ Христіянской жизни и нравственности.

Въ слѣдъ за Климентомъ и Наумомъ прибыли въ Болгарію и остальные ученики Св. Меѳодія: Гораздъ, Ангеларій и Савва. Гораздъ былъ, какъ извѣстно, преемникомъ Св. Меѳодія на Архіепископской каѳедрѣ Паннонніи; преданіе утверждаетъ, что и по возвращеніи въ Болгарію онъ занималъ Архіерейскую каѳедру, но гдѣ именно, не извѣстно: не былъ ли онъ преемникомъ Архіепископа Агаѳона на столѣ Первой Юстиніяны въ Болгарской Моравѣ, или въ Охридѣ? Наслѣд-

никъ Бориса-Михаила особенно расположился къ Св. Клименту, понудилъ его промѣнять монастырское уединеніе на Епископскую каѳедру, возвысивъ его на Епископство Велицкое. [57] Здѣсь Св. Климентъ также неутомимо продолжалъ трудиться на пользу духовнаго просвѣщенія до самой своей блаженной кончины, послѣдовавшей 27 Іюля, 916 года, погребенъ въ Охридѣ, въ своемъ монастырѣ; Св. мощи его и нынѣ почиваютъ въ одной изъ 8-ми городскихъ церквей, гдѣ находится и надгробный его камень съ Славянскою надписью:« Въ лѣто 6424 (916), месеца Іулиа, преставише се Св. Климентъ Охритъски.» Служба, составленная въ честь его, напечатана на Греческомъ языкѣ въ Москополѣ, въ Албаніи, подъ названіемъ «'Ακολουθία τοῦ ἁγίου Κλήμεντος» (1741 г., въ ¼ д.), а общая служба всѣмъ седмочисленнымъ Святителямъ напечатана тамъ же, въ 1741 и 1746 г., съ краткимъ жизнеописаніемъ Св. Климента.

Св. Наумъ, сотрудникъ Св. Климента, провелъ остатокъ своей жизни въ мѣстѣ, называемомъ по Гречески Διαβύα, лежащемъ на восточномъ берегу Охридскаго озера, въ срединѣ между Охридомъ и Дѣволомъ, въ трехъ миляхъ разстоянія отъ обоихъ. Тамъ находится древній, посвященный его имени, монастырь, въ которомъ почиваютъ его Св. мощи, а служба ему отправляется 20 Іюля. По вышеупомянутому Послѣдованію, Св. Наумъ трудился не только самъ, на пользу Славянской духовной письменности, но поощрялъ къ тому и другихъ, какъ упоминаетъ о семъ одинъ изъ учениковъ и послѣдователей Седмочисленниковъ, Болгарскій Епископъ Константинъ. Прочіе Седмочисленники извѣстны лишь по именамъ Дѣло, начатое ими, ревностно продолжалось въ Болгаріи до самаго паденія перваго Болгарскаго Царства, но извѣстны лишь письменные труды: Епископа Константина, Екзарха Іоанна, Пресвитеровъ Григорія и Козмы, монаховъ Ѳеодора Дукса и Храбра. [58].

Такимъ образомъ Охридъ, сдѣлавшись въ эпоху перваго Болгарскаго Царства средой духовнаго просвѣщенія для Болгарской Церкви, такъ сказать, приготовился къ тому, чтобы сдѣлаться на-

[57] Г. Велица, находившійся въ Верхней Македоніи, при впаденіи рѣки Велицы въ рѣку Струмицу, на мѣстѣ древняго Тиверіополя.

[58] См. статью Шафарика: «Разсвѣтъ Славянской письменности въ Болгаріи,» въ «Чтеніяхъ» 1848 г., кн. 7.

конецъ и каѳедральнымъ городомъ Архіепископа Первой Юстиніяны, Верховнаго Архипастыря «Болгаръ и Сербовъ,» какъ сталъ онъ титуловать себя съ того времени, когда Охридъ сдѣлался столицею Болгарскаго Царства при Самуилѣ и его преемникахъ (съ 976 года). Но когда именно послѣдовало перемѣщеніе Архіепископской каѳедры изъ Первой Юстиніяны (Моравы) въ Охридъ, и въ слѣдствіе какихъ причинъ, государственныхъ, или духовныхъ, по недостатку данныхъ, сказать не можемъ. Замѣтимъ только, что перемѣщеніе это случилось не ранѣе 916 года; ибо въ житіи Св. Климента сказано, что онъ, сверхъ монастыря, устроилъ въ Охридѣ церковь, которая въ послѣдствіи сдѣлалась каѳедральной Архіепископіи, а Св. Климентъ скончался, какъ извѣстно, въ 916 году; да если бы при жизни его Охридъ былъ столицею Архіепископа Первой Юстиніяны, то жизнеописатель Климента не преминулъ бы упомянуть о семъ по тому, или другому, случаю. Всего вѣроятнѣе, что перемѣщеніе это было дѣломъ Царя Симеона, который сдѣлалъ это для приданія Охриду, уже прославленному трудами учениковъ Св. Меѳодія, большаго значенія и дабы поддержать въ немъ дѣло, начатое Св. Климентомъ; любовь же Симеона къ духовной письменности и просвѣщеніе извѣстны. Случиться это могло въ 923 — 927 годахъ, послѣ войны его съ Сербами, или по смерти Архіепископа Первой Юстиніяны въ Моравѣ, Агаѳона. Симеонъ, воспользовавшись этѣмъ, упразднилъ Архіепископство въ Моравѣ и назначилъ его преемнику новое мѣстопребываніе въ Охридѣ. Какъ бы то ни было, но извѣстно положительно, что возстаніе Болгаръ, по смерти Цимисхія, въ 976 году, застало Охридъ каѳедральнымъ городомъ Архіепископа Первой Юстиніяны, о чемъ свѣдѣтельствуетъ Кедринъ,[59] и среда духовнаго просвѣщенія Болгаріи сдѣлалась средой возрожденія ея народности. Это случилось такъ: въ 976 году Іоаннъ Цимисхій умеръ. На Византійскомъ престолѣ остался 12-тилѣтній юноша, Василій, сынъ Романа. Болгаре возстали противъ Грековъ, подъ предводительствомъ четырехъ родныхъ братьевъ, Давида, Моисея, Аарона и Самуила. Возстаніе увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ: «Самуилъ, по словамъ Греческаго лѣтописца, Ѳеофана, пролетѣлъ съ своими дружинами по всему Западу, то есть, по цѣлому Балканскому полуострову, простирая свои

[59] Scriptores historiae Byzantinae.

набѣги не только на Ѳракію, Македонію и окрестности Солуня, но проникая даже въ Ѳессалію и Элладу (то есть, въ Ливадію и Пелопонисъ).» Главная столица Самуилова была въ Охридѣ, а вторая столица находилась недалеко отъ Охрида, въ Преспѣ. Въ Охридѣ былъ его дворецъ; тамъ, въ казнохранилищѣ Государя Болгарскаго, лежали вѣнцы, украшенные дорогими камнями, золототканныя одежды, деньги въ монетѣ и слитки дорогихъ металловъ. Въ послѣдствіи, когда продолжительная война уже исчерпала Болгарскую казну, тамъ нашли еще до ста кентинаріевъ золота (болѣе 600,000 червонцевъ).

Дѣйствуя, съ помощію народнаго сочувствія и народныхъ силъ, Самуилъ въ короткое время превзошелъ усилія такихъ завоевателей, каковы были Крали первой династіи, Крумъ и Симеонъ. Царство Болгарское простиралось отъ Дуная, черезъ Преславъ, до границы Ѳракіи, черезъ Охридъ до Адріятическаго моря, черезъ Меленикъ, Сѣръ и Веррію до Архипелага, черезъ Ларису до Ѳермопилъ. [60] Современный Самуилу, Архіепископъ Первой Юстиніяны Охридскій могъ довольствоваться и однимъ титуломъ «Архіепископа всея Болгаріи,» безъ подробнаго исчисленія названій областей своей древней каѳедры, ибо онѣ дѣйствительно всѣ, и даже съ излишкомъ, входили въ составъ Самуилова Царства. Изъ житія Св. Владимира Елбасанскаго, современника Самуилова, видно, что въ то время Архипастыремъ Охридскимъ былъ «святѣйшій и мудрѣйшій Архіепископъ Николай.» Изъ его преемниковъ извѣстны, по Лекьену и Кедрину, Филиппъ, Давидъ, и Іоаннъ, природные Болгары изъ Деборъ (Дебри, города въ сѣв. Албаніи). Извѣстно, что Самуилъ, какъ найжесточайшій врагъ Грековъ, во все время своего царствованія, не входилъ ни въ какіе договоры съ Царьградомъ, а по тому и преданіе о томъ, что онъ обращался къ Римскому Папѣ съ просьбою объ утвержденіи его въ Царскомъ достоинствѣ, не лишено достовѣрности. Сношенія этѣ не могли не отразиться и на дѣлахъ церковныхъ, и по тому нельзя отвергать вовсе и того, что, современный ему, Архіепископъ Первой Юстиніяны Охридской и всея Болгаріи, какъ природный Болгаринъ, могъ, по волѣ Царской, основанной на благословеніи Папы, титуловаться Патріярхомъ, какъ упоминаетъ о семъ Болгарскій Царь Кало-

---

[60] Cedr., p. 468: «Ἀχρίς,... μητρόπολις οὖσα τῆς πάσης Βουλγαρίας, ἐν ᾗ καὶ τα βασίλεια τῶν βασιλέων ἵδρυντο Βουλγαρίας.»

Іоаннъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Папѣ Иннокентію III, въ началѣ XIII вѣка.[61]

Церковь Болгарская при Самуилѣ была обуреваема ересью Богумиловъ, противъ которой, впрочемъ, явились и дѣятельные ратоборцы. Таковъ былъ Пресвитеръ Болгарскій Козма, жившій въ концѣ X вѣка, котораго Слова на Богумиловъ исполнены Божественной ревности и при своей простотѣ убѣдительны силою обличенія. Слова этѣ достаточно знакомятъ насъ съ сущностью этой ереси, которой отечество въ IX вѣкѣ было Арменія; будучи занесена въ Имперію переселенцами изъ Азіи, она особенно усилилась въ Болгаріи въ царствованіе слабаго Петра. Послѣдователи ея извѣстны доселѣ подъ именемъ Павликіянъ, которые, однако, давно уже перешли въ Латинскую Церковь. Нѣтъ сомнѣнія, что и современные Архипастыри Охридскіе и всея Болгаріи трудились надъ искорененіемъ плевелъ этой ереси, посѣянныхъ въ ихъ паствѣ; извѣстно, что Сицилійской монахъ, Петръ, который еще при Царѣ Василіѣ Македонянинѣ (868 г.) былъ въ качествѣ Царскаго посланника въ Арменскомъ городѣ Тибрикѣ, гдѣ жили Павликіяне, изучивъ особенности ихъ вѣроученія, посвятилъ свое сочиненіе Болгарскому Архіепископу.

Кровавая война съ Греками продолжалась черезъ все царствованіе Самуила; она кончилась вторичнымъ завоеваніемъ Болгаріи, доставившимъ ея побѣдителю, Императору Василію, титулъ Болгароубійцы. Самуилъ, видя приближающееся паденіе своего Царства, не былъ въ состояніи пережить послѣдняго пораженія: онъ умеръ внезапно въ 1014 году; сынъ его, Гавріилъ-Радомиръ, былъ убитъ своимъ двоюроднымъ братомъ, Іоанномъ-Владиславомъ, послѣднимъ Царемъ Самуиловой династіи, послѣ смерти котораго Болгарія была окончательно завоевана Греками (съ 1018 г.),[62] и съ этого года начинается новый періодъ Архіепископіи Первой Юстиніяны Охридской, кото-

---

[61] По замѣчанію Г. Григоровича, Охридскіе Болгары, говоря о бывшихъ Архіепископахъ Охридскихъ, и до сихъ поръ называютъ ихъ не иначе, какъ Патріярхами. (См. его Путеш. по Европ. Турціи, стр. 122).

[62] Въ это время Охридскимъ Архіепископомъ, по свѣдѣтельству Кедрина, былъ Давидъ, тщетно старавшійся своимъ посредничествомъ между Іоанномъ и Императоромъ предотвратить паденіе Болгарскаго Царства.

рый, продолжаясь черезъ три съ половиною столѣтія (до 1340 года), можетъ быть названъ *Греческимъ* періодомъ, по преобладанію въ немъ Греческихъ основъ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ паденія Болгарскаго Царства, въ 1018 году, до покоренія Охрида Сербскимъ Кралемъ, Стефаномъ Душаномъ въ 1340 году.

Изъ Лекьеновой росписи Болгарскихъ Архіепископовъ видно, что и послѣ покоренія Болгаріи Императоромъ Василіемъ нѣкоторое время Болгарскіе Охридскіе Архіепископы были избираемы изъ природныхъ Болгаръ, [63] и что первый Болгарскій Архіепископъ на престолѣ Охридскомъ изъ Грековъ былъ Архіепископъ *Левъ*, поставленный въ царствованіе Константина Мономаха (1042—1054) (Christ. Orient. t. II, pag. 292). А между тѣмъ въ теченіе этого времени, именно въ 1053 году, совершилось окончательное раздѣленіе между Восточною Православною и Западною Латинскою Церковію. Римскимъ Папою тогда былъ Левъ IX, а Патріархомъ Вселенскимъ Михаилъ Керулларій. Это окончательное раздѣленіе произошло по той причинѣ, что Папскіе легаты, пришедши въ этомъ году въ Царьградъ для того, чтобы такъ, или иначе, вынудить, или уговорить, Восточныхъ Іерарховъ признать Папу за верховнаго Церковнаго правителя, когда увидѣли, что вышеозначенный Патріархъ, и въ особенности Болгарскій Охридскій Архіепископъ, Левъ, согласно съ другими, нарочно для того собранными въ Царьградѣ, Архіереями, ни какъ не склоняются на ихъ славолюбивыя желанія, разгнѣвавшись, написали и положили на св. трапезу Софійскаго храма письмо, въ которомъ, проклиная, анаѳематствовали, причисляли къ еретикамъ и предавали діяволу и аггеламъ его, именно Патріарха Михаила, Болгарскаго Архіепископа Льва, Патріаршаго Сакелларія Никифора, вообще

---

[63] Послѣднимъ Архіепископомъ изъ Славянъ былъ Арх. Прохоръ. На надгробномъ камнѣ, лежавшемъ, какъ полагаютъ, на могилѣ Св. Климента, кромѣ надписи о кончинѣ сего Св., вырѣзано еще мелкими буквами: «Въ лѣто 6558 (1050) престависе Св. Архіепископъ Кvръ Прохоръ» (см. Пут. В. Григоровича, Казань, стр. 117).

всѣхъ, согласныхъ съ ними, Архіереевъ и пр. За таковую ихъ дерзость собравшіеся на соборъ Архіереи, по жалобѣ Греческому Императору, Константину Мономаху, съ его позволенія, въ свою очередь, прокляли и анаѳематствовали ихъ соборную грамоту и тѣхъ, кто ее писалъ, совѣтовалъ и подбрасывалъ. На этомъ соборѣ былъ Антіохійскій Патріархъ и Кипрскій Архіепископъ и многіе другіе Епископы Восточной Церкви." Послѣ Льва, Болгарскіе Охридскіе Архіепископы продолжали назначаться, по волѣ Императоровъ, изъ Грековъ, но безъ всякаго участія въ этомъ Цареградскаго Патріарха. Въ доказательство сего можно привести свѣдѣтельство Іоанна Скилицы: онъ не указываетъ ни на Патріарха, ни на Цареградскій Соборъ, а прямо говоритъ, что, по смерти Болгарскаго Архіепископа, Льва, Царица Ѳеодора возвела на его мѣсто *Ѳеодула*, который тогда былъ Игуменомъ въ монастырѣ Св. Велик. Мокія (Memoriae popul. t. II, pag 659.). Точно также (то есть, по волѣ Царской) были поставлены на Архіеп. Болгарское (а рукоположены черезъ соборъ своихъ мѣстныхъ Епископовъ) и преемники Ѳеодуловы, а именно: Іоаннъ II, Лампенскій инокъ и сподвижникъ Патріарха Ксифилина, въ царствованіе Константина Дуки (Memor. popul. t. II, pag. 666), и Іоаннъ III, называемый *Айносъ* или невинопійца, въ царствованіе Никифора Вотаніата (Memor. popul. t. II, pag 667).

Въ томъ же періодѣ, а именно въ царствованіе Греческаго Царя, Алексѣя Комнина (1081—1118) былъ въ Охридѣ, 14 числомъ,[65] Архіепископъ Болгарскій, Ѳеофилактъ II, родомъ Грекъ, одинъ изъ ученнѣйшихъ и благочестивѣйшихъ мужей своего времени. Онъ оставилъ по себѣ различныя сочиненія, и доселѣ уважаемыя Церковію, каковы: Толкованіе на Малыхъ Пророковъ, на четыре Евангелія, на Дѣянія Апостольскія и на Посланія Св. Апостола Павла, подражая въ нихъ совершенно Св. Іоанну Златоусту. Тотъ же Ѳеофилактъ оставилъ и много своихъ посланій, писанныхъ къ разнымъ лицамъ его времени, которыя напечатаны въ 3-мъ томѣ полнаго собранія его сочиненій, изданныхъ въ Венеціи въ 1758 году. Въ этѣхъ письмахъ

---

[64] См. Πρακτικὰ τῶν Συνωδῶν. Том. II, стр. 978 и 981. Церк. исторія Мелетія, т. II, стр. 400 — 403.

[65] См. Ducange. Fam. Byzant. c. XXVIII, p. 174. — Calend. Asseman. t. III, c. IV, p. 42; t. V, c. IV, p. 161.

разбросаны мѣстами нѣсколько замѣчательныхъ свѣдѣній о тогдашнемъ гражданскомъ и церковномъ состояніи мѣстъ, которыя зависѣли отъ Болгарской Охридской Архіепископіи. [66] Между этѣми письмами есть одно, которое ясно показываетъ, на сколько Охридская Архіепископія была независима и самостоятельна и въ то время, когда Болгарія находилась подъ властію Византіи, и сколько самъ Цареградскій Патріярхъ былъ далекъ отъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Вотъ дословный переводъ Θеофилактова посланія, писаннаго имъ къ члену Цареградскаго Патріяршаго Синода, Митрополиту Халкидонскому, Михаилу:

«Честнѣйшій Брате и Владыко! Покудова грабили у насъ лишь деньги и церковныя вещи, мы хотя и скорбѣли, но съ другой стороны, скорбь эта облегчалась тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, оставалось цѣло дѣло духовное. А теперь, когда разрушаютъ и это, все пропадаетъ.

Вотъ что случилось здѣсь противу каноновъ: есть въ нашей Архіепископіи одинъ отличный приходъ, по имени *Киттава*, въ которомъ нѣкоторый монахъ вздумалъ воздвигнуть молитвенный домъ (часовню), но мы его не допустили и возбранили, по тому что онъ предпринялъ это дѣло безъ нашего Архіерейскаго извѣщенія и позволенія и, слѣдовательно, дѣйствовалъ вопреки церковнымъ правиламъ и гражданскимъ законамъ. А онъ (въ свое оправданіе) говоритъ, что взялъ отъ Патріярха *ставропигіонъ*, [67] и по тому началъ работу. Согласно

---

[66] Такъ въ этѣхъ письмахъ упоминнается, что отъ Охридскаго Архіепископа зависѣли Епархіи Бъдинская (Видинская) и Софійская. Это видно изъ слѣд. письма его къ Скопльскому правителю: «Неприлично Вамъ мѣшаться въ великія и страшныя дѣла, равно какъ намъ не пристойно раздавать священныя мѣста въ видѣ милости; ибо изъ рукопокоженныхъ нами Епископовъ одни получили Епископство за служеніе здѣшней церкви, за ихъ благочестіе и подвиги, каковы Епископы Моравскій и Призренскій, другіе за то, что прославились въ Царьградѣ красноречіемъ и проповѣдью, каковы Епископы Касторійскій и Бѣлградскій, или за добродѣтельную жизнь въ общественныхъ монастыряхъ, каковъ Епископъ въ Тріадицѣ (нын. Софіи). Есть и нынѣ одно мѣсто въ Бъдинѣ (Видинѣ), на которое мы, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, еще не можемъ найти достойнаго мужа» (Theophil. Epist. XIII).

[67] Ставропигіонъ, то есть, крестоснованіе. По церковнымъ правиламъ (см. Апост. Прав. 31, IV собора, прав. 4 и пр.), ни какой, ни духовный, ни мірской,

съ церковными правилами, которыя Вамъ извѣстны, мы наложили на сего монаха епитимью, — отлученіемъ отъ св. Причащенія.

Но, съ другой стороны, когда увидѣли, что это дѣло не маловажное, писали о томъ, сколько то позволяли предѣлы письменныхъ отношеній, къ честнѣйшему Харкофилаксу, [68] Г-ну Петру, пишемъ и къ Вашей боголюбивой, а слѣдовательно и правдолюбивой, Честности, прося Васъ напомнить, и съ своей стороны, объ этомъ дѣлѣ сему мужу, который лучше всѣхъ другихъ знаетъ и то, что предписываютъ правила, и какъ называются ихъ разрушители; но не понимаю, какъ позволяютъ возникать подобнымъ дѣламъ, черезъ которыя изгоняются изъ Церкви всякой добрый порядокъ и миръ, словно кровь Христова, проліянная да умиритъ все, проліялась втунѣ.

Дѣйствительно: какое отношеніе имѣютъ Болгары къ Цареградскому Патріярху, который не имѣетъ ни права рукоположенія въ Болгаріи и не наслѣдовалъ ни какого иного преимущества надъ нею отъ своихъ предмѣстниковъ. Черезъ кого же, спрашивается, будутъ надзирать и исправлять злоупотребленія, могущія возникнуть въ монастырѣ, учережденномъ такимъ образомъ по его волѣ? Очевидно, черезъ того, который владѣетъ и управляетъ и другими, подчиненными ему, монахами, и который называется Екзархомъ.

Но кто, развѣ только вовсе выжившій изъ ума, потерпитъ присутствіе между Болгарами Цареградскаго Екзарха и станетъ смотрѣть на него и трактовать его иначе, какъ чуждопохитителя, показуя про-

---

человѣкъ не можетъ воздвигнуть монастырь, или молитвенный домъ, безъ позволенія мѣстнаго Епископа. А Вселенскіе Патріярхи, почитая своими всѣ тѣ Епархіи, Епископы которыхъ были подчинены имъ, издревле ввели обычай давать просящимъ крестъ, для положенія онаго въ основаніе какой либо новосозидаемой церкви, или монастыря, и тогда эта церковь, или монастырь, назывались Ставропигіяльными, и почитались какъ подчиненныя непосредственно Патріярху и зависѣвшія только отъ него одного, то есть, независимыя отъ мѣстнаго Епископа, по чему въ нихъ и поминались только одни Патріярхи.

[68] Хартофилаксъ назывался четвертый изъ 5-ти первокласныхъ сановниковъ Великой Церкви, который засѣдалъ въ Синодѣ съ Патріярхомъ. По свѣдѣтельству Георгія Кодина Куропалата, Хартофилаксъ завѣдывалъ церковными судебными дѣлами, и по тому былъ какъ бы правою рукою Патріярха. См. Codin. edit. Bonn., p. 4.

тивъ него, выражаясь словами Соломона, гнѣвъ, «исполненный ярости?»....

Скажите Хартофилаксу, что если сіе мое письмо и Ваше слово окончатъ это дѣло — прекрасно; если же онъ окажется глухимъ и не поступитъ какъ слѣдуетъ, тогда понадобится обратиться и къ общественному суду и заявить свою обиду не одному, а многимъ.» Θεοφυλ., ἐπιστ. 27, στασ. β', σελ. 662—663, τ. III).—Вотъ съ какой ревностію ратовалъ Архіепископъ Первой Юстиніяны Охридскій, «Болгаръ и Сербовъ», за древнія права своей Архіепископіи! Въ 1140 году управлялъ Охридской Архіепископію Іоаннъ IV, въ мірѣ Адріянъ, сынъ Исаака Комнина: онъ присутствовалъ на двухъ Цареградскихъ Соборахъ, которые собирались противъ Богумиловъ (Orient. Christ. t. II). На первомъ, въ 1146 году, во время Патріярха Льва, гдѣ были осуждены сочиненія Константина Хрисомаха, заразившагося ученіемъ Богумиловъ, а второй въ 1143 году, на коемъ были осуждены два Епископа, какъ послѣдователи той же ереси.

Въ 1222 году, когда Царьградъ находился во власти Крестоносцевъ, а Греческій Царь, Іоаннъ Дука Ватаци, и Вселенскій Патріярхъ (Германъ), пребывали въ Никеѣ, одинъ Греческій Князь, именемъ Θеодоръ Ангелъ или Комнинъ, [69] наслѣдовавшій отцу своему, Михаилу, въ Княжествахъ Епирѣ и Етоліи, которыми Михаилъ завладѣлъ еще до плѣненія Цареграда, пользуясь смутными обстоятельствами Имперіи, взялъ Солунь со всѣмъ Македонскимъ округомъ, и требовалъ отъ Солунскаго Митропотита, Константина, чтобы онъ помазалъ и вѣнчалъ его на Царство А какъ этотъ Митрополитъ, боясь настоящаго Греческаго Царя, Іонна Ватаци, отказался исполнить желаніе Θеодора Ангела, то онъ сослалъ его въ заточеніе, и обратился съ просьбою о семъ къ Охридскому Архіепископу, Димитрію, который принялъ благосклонно его прошеніе, вскорѣ помазалъ и вѣнчалъ его на Царство, а на запросъ Никейскаго Двора отвѣчалъ, что онъ, какъ независимый и самостоятельный Архіепископъ, не обязанъ давать никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и

---

[69] Θеодоръ Комнинъ владѣлъ Охридомъ съ 1216 года. (См. Histoire du Bas empire par Lebeau. Paris. T. XVII, p. 302); около 1230 владѣнія его перешли къ Болгарскому Кралю Асѣну, а около 1245 г. опять къ Грекамъ.

по тому имѣетъ власть вѣнчать на Царство кого, гдѣ и когда захочетъ (Georg. Acropol. c. 21, edit. Bonn., p. 36). Онъ пишетъ: «Димитрій, Архіепископъ Болгарскій, облекъ Өеодора во Царскую порфиру, по тому что Димитрій Архіепископъ самовластный (αὐτονόμος ὤν) и никому ни даетъ отчета въ своемъ управленіи, какъ онъ и самъ говоритъ о себѣ.

Вліяніе Охридскихъ Архіепископовъ на Славянъ: Болгаровъ и Сербовъ, въ этомъ періодѣ постепенно ослабѣвало и умалялось, по тому, что стоявшіе во главѣ этой паствы (со времени паденія Болгарскаго Царства) Архипастыри изъ Грековъ (вѣроятно, также и большинство Епископовъ), будучи чужды народу по языку и происхожденію, и болѣе господствуя надъ паствою, нежели служа ей, не могли ни сами сродниться съ нею, ни заслужить ея любви и довѣрія. Вотъ по чему въ концѣ XII вѣка, когда Болгарія снова возстала противъ ослабѣвшей Византіи, а отдѣльныя Сербскія общины (жупы) составили одно цѣлое, подъ управленіемъ своего великаго Жупана, Стефана Немани, первымъ дѣломъ возрожденія политическаго обѣихъ народностей было учрежденіе у себя собственной родной Іерархіи, чего они и достигли, при помощи благопріяствовавшихъ тому внѣшнихъ обстоятельствъ. Такъ какъ этѣ событія имѣютъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ судьбамъ Охридской Архіепископіи, то мы и разсмотримъ каждое изъ нихъ отдѣльно, начиная съ Болгарскаго возстанія и учрежденія Терновскаго Патріяршества.

Въ 1185 году, послѣ 167 лѣтняго подчиненія Болгарскаго Царства Византійской Имперіи, снова возгорѣлась война за независимость. Во главѣ возстанія явились два брата, Асѣнь и Петръ, которымъ преданіе приписываетъ происхожденіе отъ прежнихъ Болгарскихъ Царей (отъ Гавріила, сына Самуилова). Асѣнь, извѣстный въ народѣ подъ названіамъ «Асѣня Стараго», за одно съ братомъ своимъ, Петромъ, счастливо ведутъ войну съ Исаакомъ и Алексѣемъ Ангеловцами, которая кончается при третьемъ ихъ братѣ, Іоаннѣ, въ 1196 году, возстановленіемъ независимости Болгарскаго Царства. Въ борьбѣ съ Греками принимало дѣятельное участіе народное духовенство; на этотъ разъ средой возстанія былъ городъ Терновъ, занимающій, въ сравненіи съ прежними двумя столицами Болгарскаго Царства, Преславою и Охридомъ, болѣе серединное положеніе. Народное преданіе сохранило память объ этой борьбѣ въ слѣдующемъ

сказаніи, вписанномъ въ такъ называемомъ «Болгарскомъ Царственникѣ» (то же, что наша «Степенная Книга»): «Около 1170—1190 года жилъ Архіепископъ [70] Терновскій Св. Іоаннъ. Сей Святитель, видя великое озлобленіе, которое претерпѣвали Болгары отъ Грековъ, много плакался передъ Богомъ, моляся, да избавитъ онъ Болгарскій народъ отъ Греческаго рабства. И вотъ однажды, когда плакался такимъ образомъ сей святый мужъ, явился ему Св. Великомученикъ Димитрій (Селунскій) и сказалъ: «Вспомнилъ Богъ домъ и родъ Царей Болгарскихъ, и послалъ меня на помощь и обновленіе Болгарскаго Царства. А по сему надобно, дабы ты помазалъ на Царство Асѣня, и Богъ будетъ съ нимъ и воздвигнетъ скипетръ Болгарскій.» Согласно этому повелѣнію, Св. Іоаннъ вызвалъ изъ Влахіи Асѣня и его брата, Петра, которые происходятъ отъ Болгарскаго Царскаго рода, какъ потомки Гавріила, сына Самуилова. Послѣ сего тотъ Св. Архіепископъ приказалъ созидать въ Терновѣ великолѣпный храмъ, во имя Св. Великомученика Димитрія, и, по окончаніи онаго, позвалъ Епископовъ и народъ для его освященія; послѣ же освященія, взявъ Царскій вѣнецъ и багряницу (порфиру), вѣнчалъ Асѣня на Царство Болгарское, объявивъ народу, что такъ заповѣдано ему отъ Бога черезъ Св. Великомученика Димитрія. Народъ радостно взывалъ: «Асѣню, Царю Болгарскому, многая лѣта, и Іоанну, блаженнѣйшему Патріярху Терновскому и всея Болгаріи многая лѣта.» [71]

Такъ началось возрожденіе Болгарскаго Царства. Едва вступилъ на престолъ братъ Асѣня и Петра, Іоаннъ I Асѣнь (1196 — 1197) какъ, слѣдуя сохранившимся въ памяти и лѣтописныхъ сказаніяхъ, примѣрамъ Царей Болгарскихъ, Симеона и Самуила, пожелалъ утвердить свои права на Царское достоинство и возвысить церковную Іерархію возстановленіемъ Болгарскаго Патріярха. Но, находясь, подобно Симеону и Самуилу, въ непримиримой враждѣ съ Греками, отправилъ для этого посольство въ Римъ, сперва къ Папѣ Целе-

---

[70] Въ Царственникѣ онъ названъ Патріярхомъ, но это очевидно позднѣйшая вставка; ибо въ то время, когда Болгарія находилась подъ властію Грековъ, не было, и не могло быть, въ Терновѣ Патріярха; даже сомнѣваемся, чтобы Іоаннъ былъ и Архіепископъ, а вѣроятнѣе всего, Митрополитъ, подвѣдомственный Охридской Архіепископіи.

[71] Царственникъ Болгарскій, стр. 47.

стину, въ 1197 году. Напрасно Греческій Императоръ, Алексѣй IV Комнинъ, и Патріархъ Іоаннъ X Каматеръ, узнавъ о намѣреніяхъ Іоанна Асѣня, сперва задерживали его пословъ, а наконецъ предлагали ему свои услуги, обѣщая вѣнчать его на Царство и дать Болгарамъ Патріарха, горделивый Іоаннъ отвѣчалъ на это предложеніе презрительнымъ молчаніемъ, и въ 1203 году вторично отправилъ посольство въ Римъ къ Папѣ Иннокентію III. Слѣдствіемъ этого было то, что Папа Икнонентій, радуясь случаю прибрать такъ легко къ рукамъ Болгарскую Церковь, немедленно отправилъ къ Іоанну въ Терновъ Кардинала Льва, который и вѣнчалъ его на Царство, а Архіепископа Загорскаго, Василія, перемѣстилъ въ Терновъ съ титуломъ Примаса всей Болгаріи и Влахіи, [72] увѣривъ Царя, что Примасъ и Патріархъ значитъ одно и то же. Въ свою очередь, Василій назначилъ двухъ Митрополитовъ въ Преславу и Велесбудъ (Кюстендинъ, какъ предполагаетъ Григоровичъ) и пять Епископовъ, а именно: въ Скопле, Призрѣнъ, Бѣдинъ, Ловчу и Браничево, которые всѣ получили, черезъ Кардинала, въ даръ отъ Папы, палліумы. Такъ, не по цѣлямъ духовнымъ, а изъ политическихъ видовъ своего Государя, Болгарская Церковь вынуждена была временно подчиниться вліянію Папскаго престола, тогда какъ въ памяти народа еще живо было преданіе о безчинствахъ проходившихъ черезъ Болгарію Крестоносцевъ, этѣхъ покорныхъ орудій Папскаго властолюбія. А какъ это подчиненіе Болгарской Іерархіи Риму послѣдовало уже послѣ окончательнаго раздѣленія Церквей (1053 г.), то оно легко могло бы имѣть гибельныя послѣдствія для духовнаго роста Болгаріи, если бы духъ ея Св. Просвѣтителей не бодрствовалъ выну на Божественной стражѣ Православія, внушивъ сыну легковѣрнаго Іоанна I Асѣня, Іоанну II Асѣню, благую мысль отречься навсегда, за себя и за своихъ потомковъ, отъ церковнаго общенія съ Папствомъ.

Повторилось то же самое явленіе и въ тѣхъ же чертахъ, какъ было при сынѣ Симеоновѣ, Петрѣ. Іоаннъ II Асѣнь, царствовавшій отъ 1217 по 1241 годъ, будучи въ мирныхъ отношеніяхъ къ Византій-

---

[72] Въ Папской буллѣ онъ названъ: «Basilius Archiepiscopus Ternovianus Bulgarorum et Blachorum Primas.» Подъ Влахіею здѣсь разумѣется такъ называемая «Великая Влахія,» то есть, сѣверная часть Ѳессаліи, которая простиралась до Охрида и Родопской планины (хребта).

скому Императору, Іоанну Дукѣ Ватаци, и сознавая ошибку своего отца, спѣшилъ загладить ее отдаленіемъ отъ Латинъ и сближеніемъ съ Греческимъ Цареградскимъ Патріярхомъ, который (вмѣстѣ съ Императоромъ) пребывалъ въ то время въ Никеѣ (по случаю овладѣнія Цареграда Латинами). Выдавъ дочь свою, Елену, за сына Императора, Іоанна Дука Ватаци, [73] Өеодора Ласкаря, онъ просилъ Императора: «еже бы нерещи и даровати равную Восточнымъ Патріархамъ Патріаршую степень Церкви стольнаго града Тернова.» Для разсмотрѣнія этой просьбы, Царь Іоаннъ Ватаци собралъ въ Никеѣ Соборъ, подъ предсѣдательствомъ Цареградскаго Патріярха Германа (1221—1229), который «избравъ мужа благоговѣйна и свята, дѣлы и житіемъ постническимъ возсіявша, Іоакима, преждеосвященнаго Архіепископа, нарекоша его Патріарха. не токмо словомъ, но и рукописаніемъ Германа Патріярха и всѣхъ Епископовъ Восточныхъ, рукописаніе свое положивше, въ сигилли печатлѣвше, вдаше благочестивому Царю, и Патріярху новоосвященному тогда, Іоакиму, въ вѣчное поминаніе неотъемлемо.» [74] Таково было начало Православной Болгарской Терновской Патріярхіи, существовавшей съ 1226 по 1463 годъ, въ которомъ она присоединена къ области Цареградскаго Патріярха. Около того же времени, а именно при Императорѣ Өеодорѣ Ласкарѣ (ум. 1221 г.), который былъ въ родствѣ съ Сербскимъ Стефаномъ, [75] и Цареградскомъ Патріярхѣ (Мануилѣ?), [76] послѣдовало

---

[73] Іоаннъ Дука Ватаци вступилъ на престолъ по смерти Өеодора Ласкаря и царствовалъ 1221—1225 г., имѣя пребываніе въ Никеѣ (по случаю овладѣнія Царьграда Латинами (съ 1204 года).

[74] Синодикъ Царя Бориса, рукопись XIII вѣка, найденная въ Терновѣ, нынѣ принадлежитъ Г-ну Н. Х. Палаузову. Напечатана въ Болгарскихъ Книжицахъ 1858 года № 7 и 8. Объ этомъ свѣд. и Греч. лѣтоп. Acrop., pag. 55, ed. Bonn., и Nec. Cregor. t. 1, p. 29—30. Послѣдній, упомянувъ о бракѣ дочери Асѣня съ сыномъ Императора, юнымъ Ласкаремъ, прибавляетъ: «По сему случаю и Терновскій Епископъ, который до того времени находился подъ властію Архіепископа Первой Юстиніяны, получилъ самовластіе навсегда, въ силу ихъ племеннаго народнаго родства, то есть, сѣверныхъ (Балканскихъ) и южныхъ (Македонскихъ) Болгаръ.»

[75] Дочь Императора Өеодора Ласкаря была за мужемъ за Радославомъ, сыномъ и наслѣдникомъ Стефана, братомъ Св. Саввы, Архіепископа Сербскаго.

[76] Сербскіе писатели относятъ учрежденіе Архіепископства Сербскаго ко времени

и учрежденіе независимаго и самостоятельнаго Архіепископства Сербскаго. Внявъ представленію Хилендарскаго Архимандрита, Саввы, изъ Царственнаго дома Неманичей, Царь и Патріархъ рѣшились [77] дать его отечеству, Сербіи, независимую и народную Іерархію, для противодѣйствія, усиливавшимся съ каждымъ годомъ, притязаніямъ Римскаго Престола на Сербскую паству, уговоривъ самаго родолюбца Св. Савву, принять на себя бремя Архіепископства. Этому счастливому избранію Сербія на вѣки обязана сохраненіемъ доселѣ тѣснаго союза съ Православною Восточною Церквію, при всѣхъ испытаніяхъ.

Почти одновременное (въ 1221 и 1226) учрежденіе, съ согласія Византійскаго Императора и благословенія Вселенскаго Патріярха, двухъ независимыхъ Іерархій для Православныхъ Южныхъ Славянскихъ Царствъ, Сербскаго и Болгарскаго, было хотя нѣсколько позднею и, по тогдашнимъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ Имперіи, отчасти вынужденною, но все таки благоразумною и справедливою, уступкою исконнымъ стремленіямъ обоихъ племенъ имѣть свои народныя, вполнѣ независимыя и самостоятельныя, Іерархіи. Эта уступка по сему дѣлаетъ особую честь современнымъ Цареградскимъ Патріярхамъ (Самуилу и Герману) и по своему значенію можетъ равняться благоразумной политикѣ приснопамятнаго Патріярха Фотія, который не только не мѣшалъ, но и способствовалъ, введенію у новопросвѣщенныхъ Болгаръ и Сербовъ Богослуженія на Славянскомъ языкѣ, чѣмъ Православная Восточная Церковь и привлекла къ себѣ окончательно этѣ Славянскія племена, въ противуположность узкой

Вселенскаго Патріярха Германа II, но по Каталогу Цареград. Патріярховъ, Германъ патріяршествовалъ при преемникѣ Өеодора Ласкаря, Іоаннѣ Дукѣ Ватаци, котораго вѣнчалъ на Царство (въ 1221 году) еще Патріярхъ Мануилъ, предмѣстникъ Германа. Остается предположить, что Патріярхъ Германъ былъ двукратно на Патріяршемъ престолѣ, что случалось такъ часто съ Цареградскими Святителями.

[77] Вотъ какъ выражается о семъ одинъ изъ Сербскихъ лѣтописцевъ: «Савва же Архіепискупъ молить Царя и Патріарха, да дадутъ ему власть и по немъ сущимъ въ земли его, своими Епискупи освещати себе Архіепискупа, а къ Царьграду не ходити; Царь же и Патріархъ аще и тешко прошеніе, но не могоше его преслушати, и даша ему власть таковую...» «См. Повѣсть отъ бытія и ото Царевихъ васехъ родовъ. (Гласникъ Друштва Сербске Словесности. Св. X, г. 1853, стр. 259).

политикѣ Римскаго Престола, предавшаго проклятію Славянское Богослуженіе и письменность на Сплѣтскомъ Соборѣ въ 925 году.

Учрежденіе независимаго Сербскаго Архіепископства и Терновскаго Патріяршества не имѣло другаго вліянія на Охридскую Архіепископію, эту alma mater Православныхъ Славянскихъ Церквей, кромѣ сокращенія и округленія предѣловъ ея обширной духовной области. Изъ Епархій, принадлежавшихъ ей до 1221 года въ Сербіи, извѣстны лишь Епископство Бѣлградское и Рашское, но по всей вѣроятности было нѣсколько и другихъ. Св. же Савва, будучи поставленъ независимымъ Архіепископомъ Сербскаго народа, немедленно учередилъ [78] въ Сербіи, по сказанію ея лѣтописцевъ, 12 Епископій, а именно: 1) въ Захлуміи, 2) въ Діоклеи (близъ Дрина), 3) въ Дъбрьской (нынѣ Дъбра), 4) въ Будимлѣ на Морачѣ (выше Спужа, (нынѣ село Будино), 5) въ Расіи гдѣ была Неманичева столица Раса, нынѣ г. Новый Пазаръ), 6) въ Роснимѣ (нынѣ село Росита), 7) въ Призренѣ, 8) въ Грачаницѣ (на Косовомъ полѣ), 9) въ Браничевѣ (по обѣимъ сторонамъ р. Млавы, гдѣ она впадаетъ въ Дунай), 10) въ Бѣлградѣ, 11) въ Топлицѣ, 12) въ Моравицѣ (въ Рудницкомъ Округѣ село Моравци). Къ Терновскому Патріаршеству, во время Царя Іоанна II Асѣня (1217—1241) принадлежали, какъ видно изъ Синодика Царя Бориса, слѣдующія Епархіи: Митрополіи — Сѣрская (г. Серезъ), Пловдинская (Филиппополь), Месемврійская; Епископіи — Браничевская, Нишская, Вельбуджская (нынѣ Кюстендилъ), Бѣлградская. [79]

---

[78] Изъ этого, конечно, нельзя заключать, чтобы, до учрежденія независимой Сербской Архіепископіи, не было вовсе Епископій, или что всѣ поименованныя Епископіи учреждены вновь, а разумѣется общее устройство и раздѣленіе вновь учрежденной Архіепископіи.

[79] Относительно того, что Бѣлградская и Браничевская Епископіи значатся одновременно въ числѣ Болгарскихъ и Сербскихъ Епископій, надобно замѣтить, что Бѣлградъ, какъ старинная и сильная крѣпость на Дунаѣ, не разъ была оспариваема у Византійскихъ Императоровъ Болгарскими Царями, пока, наконецъ, сдѣлалась собственностью усилившагося Сербскаго Царства. Весьма вѣроятно, что Іоаннъ II Асѣнь, какъ сильнѣйшій изъ Болгарскихъ Кралей Асѣновцевъ, владѣлъ временно Бѣлградомъ; то же надобно разумѣть и о Браничевѣ, какъ округѣ, пограничномъ между Болгарскими и Сербскими владѣніями.

Но и за потерею значительной части своей духовной области, части уже болѣе къ ней не возращавшейся, у Охридской Архіепископіи остались еще окружныя мѣста въ Македоніи и Албаніи, которыя не могли возвратить себѣ назадъ отъ Грековъ Болгарскіе Крали третьяго Болгарскаго Царства, но что сдѣлалъ, вмѣсто нихъ, Сербскій Царь, Стефанъ Душанъ Сильный. Это событіе относится къ четвертому періоду Охридской Архіепископіи, который по сему мы и назовемъ Сербскимъ.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отъ присоединенія г. Охрида къ Сербскому Царству въ 1340 году до паденія Сербскаго Царства, въ концѣ XIV столѣтія.

Охридская Архіепископія, по своему срединному положенію между Болгарскимъ и Сербскимъ населеніемъ, не могла не имѣть непосредственнаго вліянія на Сербовъ, хотя вліяніе это долго и не совершенно безуспѣшно оспаривала у нея Латинская Церковь черезъ свою Далматійскую Іерархію, перешедшую изъ Солина сперва въ Сплѣтъ (Спалатро), а потомъ пріютившуюся въ сердцѣ приморской части древней Сербіи, въ г. Діоклеѣ (близъ Подгорицы). Болгарскій Царь Самуилъ разорилъ этотъ наблюдательный и военный пунктъ Римской пропаганды, и тѣмъ пресѣкъ на время преобладаніе въ этѣхъ краяхъ Латинскаго духовенства; но когда Сербскій владѣтель, Михаилъ Воиславичъ (отецъ Бодиновъ), по совѣту Дубровничанъ (Рагузцевъ), подчинился Папскому вліянію, Папа Александръ II (около 1062 года), возобновилъ Сербскую Іерархію подъ Діоклейскою Архіепископіею, придавъ ей въ область слѣдующія Епархіи: «Ecclesiae cum suis pertinentis: Diocliensis, Antibarensis, Eccatarensis, Palechensis, Suacensis, Scodrensis, Polatinensis, Serbiensis, Bosniensis, Tribuniensis. Monasteria quoque tam Latinorum, quam Graecorum sive

Slavorum etc. Crux etiam ante Te, sicuti ante praedecessores Tuos per Dalmatiam et Slavoniam ubique geratur.» [80]

Хотя въ дѣйствительности Діоклейская Латинская Архіепископія не владѣла и четвертой долей, присвоенныхъ ей de jure Папскою буллой мѣстъ, но тѣмъ не менѣе булла эта свѣдѣтельствуетъ о неопредѣленномъ положеніи, въ которомъ находилась Сербская Церковь въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, до временъ Св. Стефана Немани, этого собирателя Сербской земли. Родившись и крестившись въ предѣлахъ Латинской Діоклейской Архіепископіи (во время пребыванія родителей его въ изгнаніи въ Рыбницѣ (рѣчка въ Черногоріи у Подгорицы, близъ развалинъ Діоклеи, впадающая съ лѣва въ Морачу), Неманя, по возвращеніи отца его въ свой стольный городъ, Расу (около 1124 года), «паки сподобися второе крещеніе пріяти отъ руки Святителя и Архіерея (Православнаго), посредѣ Сербской земли, въ храмѣ Св. Апостолъ Петра и Павла». [81] Этотъ Православный Архіерей былъ Рашскій, Епископъ, Леонтій, принадлежавшій къ церковной области Архіепископа Первой Юстиніяны Охридскаго, а событіе это было началомъ рѣшительнаго обращенія Сербовъ къ Православной Восточной Церкви.

Стефанъ въ 1144 году добылъ свою дѣдину и утвердился въ Расіи, [82] въ 1159 году онъ сдѣлался Великимъ Жупаномъ, а въ 1195 году отказался отъ престола и постригся въ монашество (подъ именемъ Симеона), въ основанной имъ Студеницкой Лаврѣ, въ 1197 году удалился на св. Аѳонскую Гору, къ своему сыну, Аѳонскому иноку, Саввѣ, а въ 1200 году преставился въ устроенной имъ на Аѳонѣ Сербской обители, Хиландарѣ. Въ свое управленіе Сербіею онъ утвердилъ ея самостоятельность и укрѣпилъ въ ней навсегда преобладаніе Православной Восточной Церкви, упроченное окончательно черезъ, упомянутое нами выше, учрежденіе въ 1221 году

---

[80] См. Гласникъ Друштва Србске Словесности, св. VIII, г. 1856, стр. 119.

[81] См. Житіе Св. Стефана Немани въ «Памятникахъ древней Юго-Славянской письменности, изд. Шафарикомъ. Прага. 1851 года.»

[82] Расія (нынѣ Новый Пазаръ) — названіе области и города, гдѣ было родовое гнѣздо Неманичей — сердце старой Сербіи, мѣсто, отъ котораго она начала шириться во всѣ стороны.

независимой Сербской Архіепископіи, во главѣ которой сталъ сынъ его, Св. Савва, первый Архіепископъ Сербскаго народа.

Сынъ и преемникъ Стефана Немани, Стефанъ II, первовѣнчанный Краль Сербскій, успѣшно продолжалъ дѣло, начатое отцемъ. При его наслѣдникахъ Сербское Царство, постепенно укрѣпляясь внутренно, расширяло и внѣшніе свои предѣлы, особенно же распространилось оно при Стефанѣ Душанѣ, такъ называемомъ Сильномъ, который, владѣя всею нынѣшнею Сербіею, Болгаріею и Македоніею до Солуня, могъ уже безъ преувеличенія именовать себя въ своихъ грамотахъ: «Царемъ Сербскія, Греческія и Болгарскія земли». Онъ въ 1340 году овладѣлъ и Охридомъ, [83] въ слѣдствіе чего Охридская Архіепископія очутилась въ предѣлахъ Сербскихъ. Вскорѣ за симъ былъ собранъ Стефаномъ Душаномъ въ Скоплѣ церковный Соборъ, на которомъ, кромѣ Архіепископа Сербскаго, присутствовали два другихъ автокефальныхъ Іерарха: Архіепископъ Первой Юстиніяны Охридскій и Патріярхъ Терновскій (Болгарскій), въ качествѣ вѣрноподданныхъ Сербскаго Государя. На этомъ Соборѣ Сербскій Ахіепископъ Іоанникій (родомъ изъ Призрена, бывшій придворный Логоѳетъ), по волѣ Стефана, съ согласія Патріярха Терновскаго и Архіепископа Охридскаго и всего Освященнаго Собора Сербской земли, былъ провозглашенъ Патріярхомъ и вѣнчалъ Стефана, какъ Сербскаго Краля.

По кончинѣ Іоанникія, въ 1347 году, былъ созванъ новый Соборъ въ городѣ Серезѣ, для избранія ему преемника: избранъ и посвященъ въ Патріярхи Савва IV; новоизбранный же Патріярхъ торжественно вѣнчалъ Краля Стефана Душана вторично уже Царскимъ вѣнцемъ, послѣ чего онъ сталъ титуловаться Царемъ (Императоромъ), какъ свѣдѣтельствуютъ всѣ его хрисовулы, начиная съ 1347 года. Такъ въ одномъ изъ нихъ онъ подписался: «Божіею милостію Романіи, Славоніи и Албаніи Императоръ;» [84] въ другихъ: «Божіею милостію Стефанъ Душанъ Царь Србомъ, Гркомъ и Болгаромъ».

---

[83] При Стефанѣ Душанѣ правителемъ Охриды былъ Севастократоръ Бранкъ, а при сынѣ его, Стефанѣ Урошѣ, сыновья Бранка, Гюргъ (Юрій) и Вль̂къ, что очевидно изъ ихъ хрисовуловъ монастырей Аѳонской Горы.

[84] Исторія Сербовъ, Раича, ч. II, стр. 749.

Цѣль Стефана Душана, какъ нѣкогда Болгарскаго Царя Самуила, была очевидна: создать, если удастся, на обломкахъ Восточной Римской Имперіи свѣжую и могущественную Имперію Славянскую. Это сильно встревожило дряхлѣющую Византію; по своему Государственному безсилію, она поспѣшила прибѣгнуть къ громамъ Церковнымъ — оружію, котораго, къ чести Восточной Церкви, она почти никогда не употребляла для политическихъ цѣлей. Но на этотъ разъ не было мѣста благоразумію, ибо страсти были сильно раздражены съ обѣихъ сторонъ. Патріархъ Цареградскій считалъ себя лично оскорбленнымъ, какъ своевольнымъ, безъ его согласія и вѣдома, возвышеніемъ Сербскаго Архіепископа на степень Патріарха, такъ и въ особенности тѣмъ, что Стефанъ, по совѣту перваго Сербскаго Патріарха Іоанникія (какъ говорятъ Сербскіе лѣтописцы), изгналъ съ Архіерейскихъ каѳедръ и изъ предѣловъ Сербіи всѣхъ Архіереевъ изъ Грековъ, замѣнивъ ихъ природными Славянами. По волѣ Императора (Іоанна Кантакузина), Патріархъ Каллистъ отлучилъ отъ Церкви и анаѳематствовалъ Сербскаго Царя, Стефана Душана, Сербскаго Патріарха, Іоанникія, подвластное ему духовенство и весь Сербскій народъ. [85] На сколько это отлученіе или клятва обезпокоили Стефана, извѣстнаго своихъ благочестіемъ и преданностію Православной Вѣрѣ, какъ свидѣтельствуютъ его многочисленные хрисовулы монастырямъ и церквамъ, и принималъ ли онъ какія либо мѣры для примиренія съ Византійскимъ Дворомъ и Патріархомъ, положительно не извѣстно. Впрочемъ, нѣкоторые изъ позднѣйшихъ Сербскихъ лѣтописцевъ замѣчаютъ, что примиреніе это не состоялось, по тому что главнымъ условіемъ его со стороны Византіи было немедленное возвращеніе Грекамъ завоеванныхъ у нихъ Стефаномъ городовъ, на что Стефанъ не могъ, или не хотѣлъ, согласиться. Дѣло это, какъ бы преданное съ обѣихъ сторонъ забытію, возобновилось лишь при Сербскомъ Князѣ, Лазарѣ, въ 1374 году, ревностію частнаго лица. Вотъ какъ повѣствуетъ о семъ одинъ изъ Сербскихъ историковъ: «Мимошедшими по препоясаніи Лазаревѣ на Царство двома лѣтома, когда онъ во исправленіи запустѣлыхъ государственныхъ дѣлъ упраж-

---

[85] Между прочимъ, Патріархъ Каллистъ, какъ показываютъ протоколы Цареградской Патріархіи, запретилъ принимать на Св. Гору (Аѳонъ) Сербскихъ монаховъ, до возсоединенія Сербской Церкви съ Константинопольскою (См. Гласникъ Др. Серб. Словесности, св. VIII, 1856 года).

нялся, приступи къ нему нѣкто пречестный старецъ, Іеромонахъ Исаія, и воспомяну анаѳему и изверженіе, случившееся въ народѣ Сербскомъ во дни великаго Стефана Душана, перваго Царя Сербскаго, которая и до того времени неразрѣшенна пребывала, возвѣстивъ ему вся подробну, и елика дѣлати требѣ, научи. Лазарь же, ревностію возбужденъ, посылаетъ тако пречестнаго Старца къ Сербскому Патріярху, Саввѣ Второму, а сего имени Четвертому, повелѣвая пріити къ нему, иже абіе пришедъ, купно совѣтъ сотвориша, и помянутаго Исаію старца посылаютъ въ Константинополь ко Вселенскому Патріярху просить разрѣшенія бывшія анаѳемы, яко прежде усопшимъ, тако и нынѣ живущимъ въ народѣ Сербскомъ. Благоговѣйный же старецъ Исаія повелѣнію повинувся, веемъ отъ Князя Лазаря потребная довольна, отходитъ ко Аѳонской Горѣ, отонуду же веемъ съ собою пречестнаго мужа, Прота Святыя Горы (Киръ Ѳеофана), и два ученика, Сильвестра и Нифона, и съ ними Никодима преводчика, и достигше Царяграда, царствующу тогда второму Кало-Іоанну Палеологу, Вселенскому же Патріярху святительствующу, именемъ Ѳеофану, добродѣтельному и премудрому мужу. Святѣйшій Патріярхъ, увѣдавъ причину пришествія Исаіина, повелѣ его и сущыя съ нимъ съ честію пріяти. Самъ, повнегда съ Царемъ и цѣлымъ Соборомъ совѣщаша, единодушно прощаетъ прежде бывшія запрещенія на Стефанѣ Душанѣ, и Іоанникіѣ II, первомъ Патріярхѣ Сербскомъ, и на преставльшихся и живущихъ нынѣ. И всѣмъ, яко духовнаго, тако и мірскаго чина, въ общее свое сочетаніе и въ служеніе прощеніемъ пріемлютъ съ таковымъ уговоромъ, да прочее Сербскій народъ противъ народа Греческаго супостатствовати и брань творити престанетъ.[86] Его же ради дѣла соборно изложиша и вѣчно утвердиша, да отъ того времени Славено-Сербскій народъ не точію, яко Первоюстиніянска и Болгарска Церковь, своего самовластнаго Архіепископа имѣяше, но еще соборно изъяснено бысть, да Славено-Сербскаго народа Архіепископъ самовластенъ будетъ, яко же и прочіи Патріярси, и да Патріяршеское титло употребляетъ, ни кимъ же обладаемъ. Тако святому Собору узако-

---

[86] Это условіе у древнихъ Сербскихъ лѣтописцевъ выражено весьма не ясно: «яко аще укрѣпеть се Срьбле, и Грьчскые пакы страны пріимуть, Митрополитъ и помень тѣхь рекьше Патріарховѣхь да не пріиметь, якоже и съборьна повѣлевають правила.» (См. Гласн. Друшст. Серб. Слов., кн. XI, 1859 года, стр. 164).

нившу, писаніемъ дѣло утвердиша, и посланники Сербскія съ честію и любовію отпустиша, придавше имъ отъ своего Собора посланія, вѣроятельнѣйшаго ради извѣщенія, и еще два избранна мужа изъ Священниковъ, Матѳеа и Моисеа, иже, пришедше въ богохранимый градъ Призренъ съ посланники, внидоша въ Церковь, и оконченнѣй святѣй литургіи, пріобщительно соединеніе сотворяютъ, первѣе съ первоначальнымъ Архіереемъ Сербскимъ, потомъ со всѣмъ Освященнымъ и мірскимъ ликомъ, которыя прежде отлучени быша». [87] Описанное событіе, по свѣдѣтельству Сербскихъ лѣтописцевъ, относится къ 1376 году.

Вышеупомянутое участіе Охридскаго Архіепископа въ избраніи и поставленій Сербскаго (Ипекскаго или Петьскаго) Патріярха заставляетъ предполагать, что въ это время каѳедру этой Архіепископіи занималъ уже природный Славянинъ, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ изъ патріотическихъ побужденіи, съ опасностію подвергнуть себя опалѣ Цареградской Патріярхіи, безъ чего, по всей вѣроятности, и не обошлось, какъ заставляетъ предполагать извѣстная грамота Патріярха Каллиста къ Терновскому духовенству, по этому самому случаю.

Итакъ, Охридской Архіепископіи суждено было: вначалѣ соединить, подъ своимъ матернимъ попеченіемъ оба Славянскія племена, въ эпоху младенческаго возраста ихъ Христіянской жизни. Когда же они взошли въ мѣру возраста Христова, и для каждаго изъ сихъ племенъ наступило время самобытной народной жизни, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи, то Охридская Архіепископія, какъ чадолюбивая мать, безъ озлобленія и проклятія, но съ любовію и благословеніемъ, согласилась на ихъ отдѣленіе отъ себя, давъ каждому законную долю изъ своего родоваго имущества и сохранивъ до конца дружелюбное съ ними общеніе. Такъ-то благотворно и прочно было вліяніе на своихъ чадъ этой истинной матери Славянскихъ Церквей. Въ этомъ періодѣ область Охридской Архіепископіи состояла изъ Западной Македоніи до рѣки Бѣлой (Вардара) и всей собственной Албаніи, отъ верхняго полукруга Дрина до границъ Стараго Епира. Въ этѣхъ самыхъ предѣлахъ, по смерти Царя Душана Сильнаго, царствовалъ родной братъ его отъ другой матери,

---

[87] Исторія Сербовъ, Раича, часть III, стр. 18 — 20.

Синиша или «Симеонъ Палеологъ» (при Душанѣ Правитель Янины, Арты и окрестныхъ областей). Онъ, по примѣру Θеодора Комнина Епирскаго (въ XIII столѣтіи), былъ вѣнчанъ на Царство Охридскимъ Архіепископомъ, который находился въ это время подъ его покровительствомъ, перенесъ свою столицу въ Костуръ (Касторію), а въ послѣдствіи, когда овладѣлъ Θессаліею, Епиромъ, Акарнаніею и Етоліею, утвердилъ столицу свою въ Трикалѣ (въ Θессаліи), а Костуръ и Веррію отдалъ въ приданое за дочерью, Ангелиною, выданною замужъ за Тому (Θому) Прелюбовича (сына одного изъ великашей Душановыхъ). Царю Симеону, въ принадлежавшихъ ему областяхъ, наслѣдовалъ сынъ его, Михаилъ (а по другимъ Іоасафъ), который, послѣ Косовской битвы (1389 г.), тоже погибъ жертвою измѣны, а области, въ которыхъ царствовали Симеонъ и Михаилъ, были, въ 1390-хъ годахъ, отстошены и завоеваны войсками Султана Баязета (см. Гласн. Друш. Серб. Слов., св. XIII, стр. 322 — 357).

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

Отъ паденія Сербскаго Царства, въ концѣ XIV вѣка, до упраздненія Охридской самостоятельной Архіепископіи, черезъ присоединеніе ея къ Цареградскому Патріарху въ 1767 году.

Отъ послѣдняго періода Охридской Архіепископіи, хотя и извѣстно намъ лишь небольшое число актовъ, но достаточно и ихъ для того доказательства, что эта древняя Архіепископія до конца пользовалась своими древними правами, безъ всякаго ограниченія своей духовной власти въ предѣлахъ ея области. Эти акты суть письма Молдовлахійскаго Воеводы, Стефана, къ Архіепископу Охридскому, Дороθею, и отвѣтъ на него Преподобнаго Дороθея. Вотъ они:

«Милостію Божіею, Іоаннъ Стефанъ, Воевода, Господарь земли Молдовлахійской.

Блаженнѣйшему Архіепископу Первой Юстиніяны и всѣмъ Болгаремъ и Срьблемъ и Дакійскимъ землямъ обладателю, радоватисе о Господѣ.

Обаче буди ти вѣдомо, яко Митрополитъ нашъ, Киръ Виссаріонъ, успе, и не можемъ тамо послати инаго, да его рукоположишь, долготы ради путные и проч. Того ради молимъ Твое Блаженство, яко да послеши намъ твое благословеніе и человѣка, кой да намъ Митрополита устамени, и еще же молимъ не презрѣти моленія нашего и здравствовати ти лѣты многими. Аминь. Въ лѣто 6964 (1456), мѣсяца Априлія, Індикта 14.»

ОТВѢТЪ.

«Дороѳей, милостію Божіею, Архіепископъ Первой Юстиніяны, и всѣмъ Болгаромъ, и Срьблемъ и Сѣвернымъ странамъ и прочимъ. Благочестивому и Богомъ дарованному и Христолюбивому Господину, Іоанну Стефану, Воеводѣ всей земли Молдовлахійской, благодать, и милость и миръ отъ Бога Вседержителя и Господа нашего, Іисуса Христа, да будетъ съ тобою. Аминь. По семъ да есть знаніе твоему благочестію, понеже ми пріиде твое писаніе, и разбралъ, еже ми писалъ еси о преставленіи Митрополита Вашего, и хотѣлъ самъ пріити тамо, или моего человѣка послати; но къ добру ненавистникъ діаволъ и исконы запинатель роду Христіянскому, воздвиже нѣкую крамолу между Боляри нашего града и клироса церковнаго; Цару же Султанъ Мухамеду возвратившусе отъ земли Арбанешкые, повелѣ насъ преселити въ Константинъ градъ и съ нѣколко Боляри [89] и клирицы нашей Церкви. Того ради послахъ твоему благочестію писаніе нашего смѣренія, яко да изберете себѣ Митрополита по законнымъ правиламъ и по уставу Святыхъ Отецъ, и да рукоположите съ тамошными Епископи, призвавше къ себѣ и Митрополита Унгровлахійскаго, Киръ Макарія, занеже и ть область наша есть, дондеже обратитъ Богъ нашу скорбь въ радость; прочее да умножитъ Господь Богъ твое благочестіе въ обходѣ лѣтъ многихъ. Аминь. Въ лѣтѣ 6964 (1456), месяца Октомбріа, Индикта 5. [90]

---

[89] Нѣкоторые читаютъ «Болгары,» а не «Боляры,» и это кажется правильнѣе.

[90] Эти документы найдены въ рукописи въ Болгарскомъ Рыльскомъ монастырѣ Г. В. Григоровичемъ; см. его «Путешествіе по Славянскимъ землямъ,» 1844 — 1845; далѣе см. Болг. книжицы годъ I (1858), № 9, стр. 26 — 27. Гласникъ Др. Серб. Слов., св. VII, стр. 177 — 179.

Изъ этѣхъ актовъ ясно видно, что въ XV столѣтіи Митрополіи Молдовлахійская и Угровлахійская еще зависѣли отъ Охридской Архіепископіи, по тому что, вѣроятно, и возникли при ея непосредственномъ участіи въ XIII, или XIV, столѣтиі. Память объ этой связи ихъ съ Охридской Архіепископіей, какъ свѣдѣтельствуетъ Г. Григоровичъ, еще была жива въ Княжествахъ въ XVII вѣкѣ.

Въ 1536 году, въ Патріяршество Іереміи XXI (вторично отъ 1536 по 1545), Архіепископія Охридская лишилась еще одной изъ Епархій своей области, Веррійской (въ южной Македоніи), по слѣдующему случаю, разсказъ о которомъ заимствуемъ изъ извѣстнаго изданія актовъ Цареградской Патріярхіи: «Turco-Graeciae Liber II. Historia Ecclesiastica». «Патріяршествующу сему (Іереміи), пришелъ тогда въ Царьградъ Архіепископъ Первой Юстиніяны Охридской, именемъ Прохоръ, явился Дивану и показалъ Царскіе хрисовулы, которые гласили и установляли, что его Архіепископіи принадлежитъ Верія, которая есть одна изъ Епископій Солунской Митрополіи. И тогда же внесъ за нее сто червонцевъ харачу, и когда увидѣлъ Патріярхъ, что онъ далъ харачъ, пришелъ въ недоумѣніе, что ему дѣлать, чтобы не лишиться этого мѣста. И вотъ научили его, чтобы онъ пошелъ и взялъ фетву, а та фетва гласила, что кто владѣетъ какою либо собственностію и имѣетъ ее въ своемъ распоряженіи болѣе ста лѣтъ, другой не можетъ отобрать ее у него. Итакъ, придя въ Диванъ, показали ту фетву и представили свѣдѣтелей, что она (спорная Епархія) принадлежитъ болѣе 300 лѣтъ къ Цареградской Церкви. Видя это, Паши признали за нимъ право на владѣніе его, но съ тѣмъ, чтобы и онъ приплачивалъ сто червонцевъ, которыя придавалъ Прохоръ. Не зная, что больше дѣлать, Патріярхъ принялъ и это условіе. Итакъ, изгоняютъ онаго Прохора изъ Дивана.» [91]

---

[91] Въ Греч. каталогѣ Цареградской Патріярхіи Архидіякона Захарія Маѳы, это обстоятельство расказывается такъ: «Прибылъ въ Константинополь Охридскій Архіепископъ и, явившись къ Султану, предложилъ ему 100 золотыхъ ежегодной дани, если онъ возвратитъ Архіепископіи его Сербскую Епископію (Верріійскую), которая за три почти вѣка предъ тѣмъ была отторгнута отъ Охридской и подчинена Митрополіи Солунской. Но просьба Архіепископа была оставлена безъ движенія, по силѣ закона, по которому «имущество, остававшееся въ чьемъ бы то ни было владѣніи непрерывно въ продолженіи ста лѣтъ, не отчуждается.» Но чтобы Государственная казна не потерпѣла ущерба, отказавшись отъ обѣщаннаго взноса 100 червонцевъ, прибавили эту сумму къ той, которая взималась съ Патріярха, и послѣдняя черезъ то возрасла до 4,100 червонцевъ.»

Послѣ Прохора является въ 1564 году Архіепископъ Охридскій и всея Болгаріи, Паисій, который въ этомъ году присутствовалъ на Соборѣ, собравшемся въ Цареградѣ для низложенія Вселенскаго Цареградскаго Патріярха, Іоасафа (Choron. Philippi Cyprii, pag. 407 — 409. — Болгар. книж. 1860 г., бр. 6, стр. 220 — 221). Въ Зографскомъ монастырѣ сохранились три его грамоты 1566 года, писанныя на имя Митрополита Тимоѳея, Екзарха Православныхъ Христіянъ, жителей Италіи. Въ концѣ этѣхъ грамотъ Паисій пишетъ: «Дадеся въ нашей Патріярхіи Первой Юстиніяны Охридскія и приложися печать нашея Соборныя церкви, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, зеленаго воска, и подписася моею собственною рукою зелеными чернилами, по обычаю нашей Церкви.» Подписано: «Паисій, милостію Божіею, Архіепископъ Первыя Юстиніяны Охридскій и всея Болгаріи, Сербіи и прочихъ (καὶ τῶν λοιπῶν).» Послѣ Прохора и Паисія находимъ Архіепископа Охридскаго и всея Болгаріи Гавріила, изъ Босніи Славянина въ 1582 г., который подписывался: «Гавріилъ, Божіею милостію, Архіепископъ Первой Юстиніяны Охридскія и всея Болгаріи, Сербіи, Албаніи, Македоніи, Молдовлахіи, Унгровлахіи и проч.» (Christ. Orien. t. II, p. 299. — Chron. Philippi Cyprii. Appendi, pag. 407—409. — Болгарск. книж., годъ 1860, стр. 221 — 222).

Страдая съ своею паствою вмѣстѣ подъ игомъ Агарянскимъ, и нуждаясь, для поддержки своихъ древнихъ правъ, въ вещественныхъ средствахъ, для удовлетворенія алчности областныхъ правителей и властей, Славянскіе Архіепископы Первой Юстиніяны, подобно предстоятелямъ другихъ Восточныхъ Церквей, въ теченіи XVI и XVII столѣтій, не разъ обращались, за помощію, къ единовѣрной и единоплеменной Россіи, дѣйствуя и въ этомъ случаѣ непосредственно, какъ независимыя и самостоятельныя Іерархіи. Такъ, четверо изъ нихъ лично являлись въ Москву, а другіе посылали довѣренныхъ лицъ, снабжая ихъ отъ себя просительными грамотами на имя Царя и Московскаго Патріярха. Исторія нашихъ сношеній съ Востокомъ по церковнымъ дѣламъ, [92] сохранила намъ нѣсколько отрывочныхъ сказаній объ этомъ, которыми мы и воспользуемся, для дополненія

[92] Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. С.-Петербургъ, 1858 года, въ двухъ частяхъ.

скудныхъ свѣдѣніи о состояніи Охридской Архіепископіи въ послѣднемъ періодѣ ея существованія.

Въ 1586 году Черниговскіе Воеводы извѣстили Царя Θеодора Ивановича о пріѣздѣ верховнаго Архіепископа Болгарской, Молдавской и Мултянской земли, Гавріила Охридскаго и Первой Юстиніаніи; съ нимъ былъ Митрополитъ его, Софроній, Архимандритъ съ Архидіякономъ и 13 слугъ, которыхъ они задержали до Царскаго указа. На встрѣчу имъ былъ посланъ человѣкъ Царскій, Несвѣтай Огаревъ, и велѣно было Намѣстникамъ Черниговскимъ, съ честію отпустить ихъ къ Москвѣ, гдѣ они остановились въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Архіепископъ подалъ отъ себя грамоту на имя Государя, въ которой, преподавая ему миръ и благословеніе, говорилъ, что, поелику онъ есть единый Благовѣрный Царь во всемъ Христіянствѣ, всему народу благовѣрному и Православному похвала и надежда, то они, убогіе, пришли на рубежъ его Царства, чтобы сподобиться видѣть лѣпоту его Царствія, Царя благовѣрнаго и Христолюбиваго, ибо они обладаемы, за грѣхи свои и попущеніемъ Божіемъ, хульниками народа Христіянскаго и церквей Божіихъ, невѣрными Агарянами, къ нему же обращаются по чину Царскому, какъ заступающему мѣсто Божіе на землѣ.»

Въ грамотѣ своей Гавріилъ называетъ себя: «Божіею милостію, Архіепископъ Юстиніяны Первой, Охриды и всея Болгарскія и Сербскія земли, и Арваніи, и Волошскія, и Молдавскія и инымъ.»

При его грамотѣ, подалъ и свою, сопутствовавшій ему и подвластный ему, Митрополитъ Пелагонскій и Перлятскій [93] (Софроній), въ которой изъяснялъ, что, «грѣхъ ради ихъ, отъ Агарянъ невѣрныхъ многіе бываютъ имъ скорби, и не могутъ освободиться церкви ихъ отъ великой скорби, ибо имъ причинился убытокъ въ 40,000 асприй (400 рублей), и не находятъ, гдѣ главы преклонить, а по тому прибѣгаютъ къ Царю, кормящему многоалчныхъ, призирателю убогихъ и опростателю проданныхъ, и просятъ его милости, сколько ему Богъ на сердце положитъ.»

Архіепископъ Гавріилъ подалъ еще грамоту Государю, извѣщая его что, преподобный мнихъ Симеонъ и старецъ честнаго дома

[93] Перлятскій, Перленскій, Преленской, т. е., отъ города Прелѣпа.

Преподобномученицы Параскевы, которая въ Македоніи, близъ Албанской земли, впали въ великій долгъ, 60,000 асприй (600 рублей), заложивъ святые сосуды и ризы, и прибѣгають къ Царю, чтобы опросталъ ихъ и искупилъ изъ рукъ невѣрныхъ, и былъ бы новымъ соорудителемъ тому святому дому, какъ благовѣрный покровитель народа Христіянскаго, поелику ихъ самихъ умалилъ Господь, за ихъ грѣхи, паче всѣхъ языковъ.»

Принявъ съ честію и одаривъ щедрой милостынею Охридскаго Архіепископа Гавріила и его спутниковъ, Государь отпустилъ ихъ изъ Москвы, и велѣлъ проводить ихъ черезъ Литву.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, 1588 года, извѣстили Царя, что пріѣхалъ со Св. Горы Митрополитъ Авлонскій, Ѳеофанъ, и съ нимъ Архимандритъ Іосифъ, которые принесли грамоты отъ Архіепископа Ѳеодула Охридскаго, Сербскаго и Болгарскаго. Государь принималъ ихъ въ Генварѣ мѣсяцѣ, 1589 года: онъ принялъ благословеніе отъ Митрополита, сойдя три ступени со своего престола, а представлявшагося вмѣстѣ съ нимъ Епископа Сербскаго изъ города Софіи (Григорія) звалъ къ рукѣ; оба принесли св. мощи въ даръ Великому Государю, и явили свои грамоты; потомъ всѣ пошли въ Соборъ Успенскій, гдѣ уже Митрополитъ Іовъ, заступившій мѣсто Діонисія, готовился совершить литургію, и благословилъ ихъ. Царь Ѳедоръ Ивановичъ пришелъ также въ Соборъ, и всѣ соборно ходили на воду, а послѣ водоосвященія слушали обѣдню. Отпущены съ дарами въ концѣ Генваря черезъ Смоленскъ.

Въ 1592 году, при посылкѣ на Востокъ милостыни съ купцомъ Трифономъ Коробейниковымъ, изъ представленной имъ по возвращеніи подробной росписи оной, видно, что дано Охридскому Архіепископу Гавріилу (бывшему тогда въ Царьградѣ) 40 золотыхъ, при чемъ замѣчено, что «прежняго Іоакима, какъ сказывалъ Патріярхъ (Цареградскій), не стало.»

Извѣстно также, что въ 1606 (въ царствованіе Бориса Годунова) пріѣзжалъ въ Москву Охридскій Архіепископъ, Аѳанасій, и Пелагонійскій Митрополитъ, Іеремія, а въ 1624 году Архіепископъ Нектарій, но подробностей объ ихъ пребываніи въ Москвѣ и пріемѣ не сохранилось.

Въ 1625 году (въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича) пріѣзжалъ въ Москву, изъ области Охридскаго Архіепископа, Гревенскій Митрополитъ, Сергій, и при представленіи своемъ Патріярху, Филарету Никитичу, имѣлъ особую встрѣчу, въ сѣняхъ Патріяршихъ: высланъ былъ къ нему Игуменъ. Явленъ былъ Патріярху Посольскимъ Думнымъ Дьякомъ и, по принятіи отъ Патріярха благословенія, посаженъ на скамьѣ, посредѣ палаты.

Но прежде представленія, по обычаю, какъ и всѣ пріѣзжавшіе изъ за границы власти духовныя, Митрополитъ Сергій былъ распрашиванъ въ Посольскомъ Приказѣ о своемъ пути. Онъ отвѣчалъ, что ѣхалъ въ Россію бить челомъ о милостыни, а съ нимъ черный Попъ Пахомій и бѣлецъ изъ Сербовъ; уже 10 мѣсяцевъ, какъ выѣхалъ изъ своей Епархіи, которая отстоитъ на три дня хода отъ Солуни, а посвященъ онъ на Митрополію Гревенскую Архіепископомъ Охридскимъ, Нектаріемъ, Сербскія земли, уже девять лѣтъ тому назадъ; ѣхалъ онъ на Сербскую, Мултянскую, Волошскую землю, въ Литву, да Литвою и Бѣлоруссіею на Кіевъ.

Въ 1628 году прибылъ въ Москву города Корца Митрополитъ Неофитъ. Онъ привезъ Государю грамоту отъ Іосифа, Архіепископа Первой Юстиніяны Охридскаго и всей Болгарской, Сербской и Волошской земли, которою извѣщалъ онъ, что Митрополитъ Селафорскій и Корецкій Неофитъ впалъ въ великій долгъ отъ тяжкихъ и многихъ державцевъ, притѣсняющихъ Церковь Божію, такъ что едва не разорили ее въ конецъ. Онъ вынужденъ былъ заложить сосуды церковные и иныя необходимыя вещи сей Митрополіи, помощи же ни откуда ожидать не было. Такого же содержанія грамота была и къ Патріярху Филарету.

Въ 1629 году пріѣзжалъ въ Москву Охридскій Епископъ Косьма, съ Архимандритами, Архангельскаго монастыря Аверкіемъ, и Успенскаго, что въ городѣ Погояни, Нектаріемъ. О нихъ ходатайствовалъ Архіепископъ Первой Юстиніяны Охридскій и всей Болгаріи, Авраамъ, который писалъ о своемъ Епископѣ, что онъ впалъ въ тяжкій долгъ отъ насилія Турецкаго и, не имѣя чѣмъ заплатить его, рѣшился прибѣгнуть къ Государю. Старцы Успенскаго Погоянскаго монастыря просили также, черезъ своего Архимандрита Нектарія, о помощи, чтобы избавиться имъ отъ тяжкаго долга, и имъ была вы-

дана жалованная на проѣздъ въ Россію черезъ каждыя пять лѣтъ, а Епископу Косьмѣ, который поднесъ, при представленіи Государю, мощи Св. Мученицы Стефаниды, пожаловано, кромѣ обычныхъ подарковъ, 40 соболей въ 25 рублей и деньгами 30 рублей.

Въ 1632 году былъ въ Москвѣ Митрополитъ города Драча (Дирраxіона, Дураццо), Харитонъ, который, при распросѣ въ Посольскомъ Приказѣ, между прочимъ, сказалъ, что «ставилъ его въ Митрополиты, въ городѣ Охридѣ, Архіепископъ Аѳанасій въ городъ Дурраxіонъ, тому уже лѣтъ 17, и настоятельная грамота у него есть.» Ему дано милостыни 100 рублей: отъ Царя 60 и отъ Патріарха 40 рублей.

Въ 1634 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, пришла въ Москву вѣсть изъ Архангельска, что на Англійскомъ кораблѣ прибылъ туда Охридскій Архіепископъ, Авраамій, съ своимъ Архимандритомъ, Анѳимомъ, и показалъ на допросѣ, что онъ Сербской земли изъ города Ахридона, отъ соборной церкви Введенія Богоматери, и ѣдетъ съ листомъ отъ своей братіи (Епископовъ) и отъ всякихъ людей духовнаго чина бить челомъ Государю о милостыни. Указано было Воеводамъ допустить Архіепископа и его старцевъ въ Москву. Тамъ опять былъ сдѣланъ ему допросъ въ Посольскомъ Приказѣ уже въ Декабрѣ мѣсяцѣ: кто они, отколѣ и для чего ѣдутъ? за чѣмъ были въ Нѣмецкихъ Государствахъ? не были ли у Римскаго Папы и не причащались ли сакрамента (таинства), также что дѣлается въ тѣхъ Государствахъ, черезъ которыя ѣхали?

Архіепископъ показалъ, что «онъ былъ въ Сербской землѣ Патріархомъ, и что тѣ Митрополиты и Епископы, которые подъ его паствою, дали ему грамоту за своими руками ити на Русь, къ Царю и Великому Князю, Михаилу Ѳеодоровичу, и Патріарху Филарету Никитичу, бить челомъ о милостынѣ и о томъ, что имъ великое утѣсненіе отъ Турскаго Султана, Мурата, и Турскихъ людей, которые хотѣли превратить въ мечеть ихъ соборную церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы; чтобы спасти храмъ, заложили они все, что было у нихъ церковной утвари, и тѣмъ отъ Турокъ откупились.

Султанъ далъ Архіепископу грамоту, чтобъ впредь ему оставаться при той церкви, и обѣщалъ не отдавать ее Римлянамъ. Шелъ

онъ, Архіепископъ Авраамій, изъ Охридона въ Венецейскую землю, и оставался тамъ годъ, по тому что былъ моръ, и никого не пускали; а изъ Венеціи отправился во Францію и въ Англію, гдѣ зимовалъ, по тому что не засталъ кораблей; а когда на другой годъ пошли корабли на Русь, билъ онъ челомъ Англійскому Королю, чтобы велѣлъ своимъ торговымъ людямъ довезти его до Русской земли и дорогою поить и кормить. На Нѣмецкія же Государства шелъ по тому, что тамъ смирно и войны не было. У Римскаго Папы онъ не бывалъ, совѣта съ нимъ не держалъ и сакрамента не принималъ, и вѣстей ни какихъ не знаетъ, по тому что изъ корабля не выходилъ, хотя и ближе бы было черезъ Литву, но ради войны остерегся.»

Архимандритъ Анѳимъ сказалъ, что «онъ изъ монастыря Св. Наума, находящагося подъ паствою Архіепископа;» въ распросѣ повторилъ то же самое, равно какъ и всѣ его старцы. Въ грамотѣ къ Царю, привезенной Архіепископомъ, было написано: «Прибѣгаетъ къ державному твоему Царству блаженнѣйшій нашъ Архіепископъ Первой Юстиніяны Охридонскій и всея Болгарскія страны, Господинъ Авраамій, по совѣту, собору и хотѣнію той же области Архіереевъ, для благотворныя милостыни, по тому что область его пребываетъ въ великомъ долгу отъ обиды насилующихъ Агарянъ, 25,000 червонныхъ золотыхъ; не возмогъ онъ оплатиться отъ великаго долгу и заложилъ всѣ церковные сосуды, золотые и серебряные, и кресты и Евангелія, и кадильницы, и всѣ церковныя ризы, Архіерейскія и Іерейскія, и не имѣлъ, гдѣ головы приклонить; и такъ помыслили мы прибѣгнуть къ великому твоему державному Царствію, чтобы ты, Государь, насъ пожаловалъ своею милостынею, какъ сотворяешь всегда надъ нашимъ родомъ.» Грамота отъ 1631 г., Марта 6-го, подписана руками: смиреннаго Митрополита Кострицкаго [94] Харитона и Первопрестольника Ахридонскаго, Митрополита Воденскаго Даніила, Митрополита Коритскаго Митрофана, Митрополита Пелагонійскаго [95] Дамаскина, Митрополита Струминскаго Меѳодія, Митрополита Гревенскаго Митрофана, Митрополита Бѣлградскаго

[94] Касторійскаго, который до самаго 1860 г. титуловался: «Екзархомъ всея древнія Болгаріи.»

[95] Нынѣшній Битоль (отъ обитель), иначе Монастырь. Митрополитъ этого города имѣетъ титулъ «Пелагонійскаго и Екзарха всей древней Македоніи.»

(Бѣлграда Албанскаго) Пареенія, Епископа Молексинскаго Софронія, Епископа Преспинскаго Діонисія, Епископа горы Мокрой Каллистрата, Епископа Спатинскаго Іосифа, Епископа Дебринскаго Кипріяна. Того же содержанія и отъ тѣхъ же лицъ была грамота и къ Патріярху Филарету Никитичу. [92] Февраля 22-го представлялся Архіепископъ Государю, и Государь пожаловалъ ему: кубокъ серебряный золоченый въ двѣ гривны, камки двѣнадцать аршинъ, сорокъ соболей въ 25 рублей и денегъ 30 рублей. Указомъ Царскимъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, велѣно было Путивльскимъ Воеводамъ отпустить за рубежъ ѣхавшаго изъ Москвы Архіепископа Авраамія. Наконецъ, въ 1645 году, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ въ Москвѣ, за милостынею изъ г. Охриды, Архимандритъ Іеремія.

Въ томъ же году пріѣзжалъ изъ города Каріополя Архимандритъ Іаковъ отъ монастыря Димитріева, съ грамотой отъ Охридскаго Архіепископа Харитона.

Этѣмъ оканчиваются свѣдѣнія наши о сношеніи съ Россіей Архипастырей Первой Юстиніяны Охридскихъ въ теченіи XVI и XVII столѣтій. Особенно замѣчательна выше приведенная грамота Собора Епископовъ Охридской Архіепископіи, ибо знакомитъ насъ съ Епархіями, изъ которыхъ состояла духовная область этой Архіепископіи, по отдѣленіи отъ нея Патріяршествъ Болгарскаго (Терновскаго) и Сербскаго (Ипекскаго) въ XIII вѣкѣ. Въ этѣхъ предѣлахъ она оставалась до самого упраздненія ея въ 1767 году.

Послѣдніе Архіепископы Охридскіе, какъ бы предчувствуя ожидающую ихъ участь, для огражденія своихъ правъ, часто навѣщали, а иные и проживали, по долгу въ Константинополѣ. Такъ, на примѣръ, изъ протоколовъ Цареградской Патріярхіи относительно пред-

[92] Мы не видимъ здѣсь прежде упоминавшихся Епархій Дирраxійской, Авлонской, Погоянинской, Веррійской (которая въ XVI столѣтіи отошла къ Цареградской Патріярхіи) и Могленской. Относительно восточной границы области Охридской Архіепископіи можно замѣтить, что она, по отчисленіи къ Терновскому Патріяршеству Епархіи Софійской и двухъ Епархій Видинской и Варріійской, отошедшихъ къ Цареградскому Патріярху, осталась та же, что была и въ древности; на сѣверѣ Охридская Архіепископія граничила съ областію Сербскаго Ипекскаго Патріяршества; самыя Сѣверныя Епархіи: Дибрская, Пелагонійская и Струминская; самая Южная — Мокренская.

послѣдняго Архіепископа Охридскаго извѣстно слѣдующее: «Поелику Святѣйшая Митрополія Могленская и Кацанская, подчиненныя Святѣйшей Архіепископіи Охридской, по преставленіи Архіерея Іоакима, осталась безъ пастыря, то Владыка оной Митрополіи и Патріярхъ Болгарскій, Г. Кириллъ, пребывающій доселѣ здѣсь въ престольномъ градѣ, открываетъ законное избраніе и заботится, да будетъ оное учинено по церковнымъ правиламъ. И такъ, по объявленію и дозволенію Его Святѣйшества, собрались мы въ храмѣ Св. Священномученика Фоки въ Ортакіе и учинили законное избраніе.... 1762 г., Декабря. [97]

Черезъ пять лѣтъ послѣ сего, а именно, въ 1767 году, при Константинопольскомъ Патріярхѣ Самуилѣ и при Охридскомъ Архіепископѣ Арсеніѣ, послѣдовало подчиненіе этой древней Архіепископіи власти Цареградскаго Патріярха.

Въ историческомъ спискѣ Іерарховъ Константинопольской Церкви, изданномъ на Греческомъ языкѣ въ Навпліи, въ 1837 году, Архидіякономъ Захаріею Маѳой, ученый авторъ, говоря о Патріярхѣ Самуилѣ (1764—1768), называетъ его мужемъ высокопросвѣщеннымъ, правдивымъ и благочестивымъ, а исчисляя его заслуги, какъ отличнаго церковнаго правителя, говоритъ: «онъ подчинилъ власти Великой Церкви бывшія тогда самостоятельными (автокефальными) Архіепископіи Охридскую и Ипекскую (Патріярхіи); онъ сдѣлалъ это по двумъ причинамъ: во первымъ по тому, что люди, державшіеся Латинства и разнаго рода злоумышленныя лица, прокрадываясь въ этѣ Епископіи изъ предѣловъ Католической Европы, разсѣвали плевелы своихъ заблужденій, легко обманывая независимаго Архипастыря, который часто ничего не сообщалъ объ этомъ Великой Церкви; а во вторыхъ и для того, чтобы и этѣ двѣ Архіепископіи приняли участіе въ уплатѣ долга, и чтобы, такимъ образомъ, большему числу лицъ легче было поднять эту тяжелую ношу.» [98]

Но историкъ бывшаго Греческаго возстанія (этеріи) признается откровенно, что въ этомъ дѣлѣ великая Порта и Патріярхъ Самуилъ

---

[97] См. Гласникъ Друш. Серб. Слов., св. VII, г. 1855, стр. 172.

[98] На Русскомъ языкѣ изд. въ Петербур. 1862 года, стр. 159 — 160.

были лишь орудіемъ въ рукахъ тогдашняго Великаго Драгомана Порты, Ивана Ипсиланти, который, какъ извѣстно, составилъ и дѣятельно приводилъ въ исполненіе обширный планъ возстановленія Греческой Византійской Имперіи (такъ называемая «Великая идея»). Огреченіе Славянъ Балканскаго полуострова составляло часть этого плана, а для достиженія сего необходимо было сосредоточить духовную власть въ однѣхъ рукахъ, то есть, начать съ уничтоженія двухъ независимыхъ Славянскихъ Архіепископій, что и совершено совокупными усиліями самаго Ипсиланти (расположившаго къ этому Порту, подъ видомъ ревности объ ея интересахъ) и Патріарха Самуила, котораго Иванъ Филимонъ называетъ по сему «усерднымъ и способнымъ сотрудникомъ Ипсиланти». [99]

Началось съ присоединенія Сербской Ипекской Патріархіи. Это обстоятельство въ Протоколахъ Цареградской Патріархіи записано въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ: «Въ 1765 году осужденъ бѣдный Георгаки Спаѳари на жалостную смерть, [100] а имѣніе его конфисковано въ казну; и такъ онъ получилъ достойную казнь за дѣла, которыя совершилъ...... за тѣмъ, по прошествіи года, появилось нѣкоторое долговое обязательство на Архіепископію Ипекскую, которая задолжала означенному Георгаки Спаѳари; это дало немалый поводъ высокой Державѣ, а намъ доставило много хлопотъ, ради необходимости удовлетворить ее..... И въ награду нашихъ трудовъ, мы удостоились отъ Высокой Державы соединенія и подчиненія паствы Ипекской нашему св. Вселенскому престолу, имѣя на то согласіе Нишскаго Киръ Гавріила, Ужицкаго Митрофана, Скопльскаго Константія, Енипазарскаго...... Босанскаго Киръ Серафима, Самоковскаго Неофита, Кюстендильскаго Гавріила, Ерцеговинскаго Анѳима и Призренскаго Гавріила... 1766 г., Индикта 15, Семптемврія 11.»

---

[99] См. Болгар. книжицы 1860 г., брой 15. (Переводъ изъ «Историческаго опыта о Греч. возстаніи, соч. Ивана Филимона,» стр. 2 — 5), стр. 201 — 204.

[100] Георгаки, Спаѳаръ Валашскій, Капукехая, Грекъ, имѣвшій большое вліяніе на Порту; за передачу тайныхъ бумагъ врагамъ Порты, онъ былъ повѣшенъ на воротахъ своего дома. Hammer, Hist. de l'Empire Ottom. t. XVII, p. 139.

Послѣдній Ипекскій Сербскій Патріархъ, Калиникъ, родомъ Грекъ, лишенъ Патріаршескаго сана и престола, а на его мѣсто поставленъ, бывшій Амасійскій, Гавріилъ, и въ Кодексѣ (Протоколахъ) записано: «Отселѣ и навсегда имя Ипекской Архіепископіи исключается изъ Царскихъ таблицъ, такъ какъ бы ея никогда не существовало.» [101]

Въ слѣдующемъ 1767 году та же участь постигла и Охридскую Архіепископію: послѣднимъ ея независимымъ Архипастыремъ былъ Архіепископъ Арсеній, въ противоположность Патріярху Самуилу, мужъ неискусный въ правленіи и слабый духомъ. Онъ, не имѣя ни средствъ, ни умѣнья защищать свои права, отъ постепенно окружавшей и стѣснявшей его интриги, былъ вынужденъ подписать требуемую отъ него «отреченную грамоту», вѣроятно, надѣясь этою уступкою разомъ покончить со всѣми затрудненіями. Грамота эта также занесена въ Протоколъ Цареградской Патріярхіи, на память о событіи:

«Настоящимъ моимъ добровольнымъ отреченіемъ я, нижеподписавшійся, изъявляю, что, чувствуя себя не въ состояніи болѣе управлять Архіепископіею Охридскою, поелику, во время нашего управленія, появились немалые поводы къ злоупотребленію именемъ Архіепископіи, гоненію и нанесенію ущерба какъ Митрополіямъ, подчиненнымъ Архіепископіи, такъ и живущимъ въ нихъ раямъ, и не видится другихъ средствъ освободитъ паству и весь родъ Христіянскій изъ ихъ рукъ иначе, какъ черезъ упраздненіе Архіепископіи, по сему и даемъ отреченіе отъ Архіепископіи Охридской, за исключеніемъ прежней нашей Пелагонійской Епархіи, которую удерживаемъ за собою пожизненно, ради пропитанія и нуждныхъ потребъ. 1767 г., Януарія 15.» [102]

Но надежды Арсенія остаться на покоѣ въ Пелагонійской Епархіи не сбылись. Въ томъ же Протоколѣ читаемъ: «Охридскій (Архіепископъ) Арсеній 1767 года, Іунія 24, далъ отреченіе отъ Пелагонійской Епархіи, въ пользу Могленскаго Митрополита, Киръ Нафанаила.» [103]

---

[101] Гласникъ Друш. Серб. Слов., св. VII, стр. 173 — 174.

[102] Тамъ же, стр. 173.

[103] Тамъ же.

По преданію извѣстно, что Арсеній провелъ остатокъ дней своихъ на Св. Аѳонской Горѣ (куда удалился, безъ сомнѣнія, столь же добровольно, какъ и отрекся отъ Архіепископіи). Старцы Болгарскаго Зографскаго монастыря почтительно и радушно приняли послѣдняго Архіепископа «Болгаровъ и Сербовъ.» Они дали ему келлію въ своемъ Карейскомъ конакѣ (дворѣ), гдѣ онъ, проживъ года три, скончался и погребенъ. Въ 1818 году еще былъ въ живыхъ на Аѳонѣ 70 лѣтній старецъ Нефталимъ, который въ своемъ юношескомъ возрастѣ былъ за послушаніе келейникомъ у Архіепископа Арсенія, во время пребыванія его на Аѳонской Горѣ. Этотъ старецъ передавалъ своимъ ученикамъ о Арсеніѣ слѣдующее: «Я, братіе, когда еще былъ въ Зографѣ (въ послѣднее время онъ жилъ съ учениками на келліи) молодымъ монахомъ, то есть, когда мнѣ было лѣтъ 20-ть отъ роду, въ это время былъ присланъ въ заточеніе въ нашъ Зографскій монастырь Болгарскій Патріархъ [104] Арсеній. Наши старцы, почитая своего роднаго [105] Священноначальника и желая сколько можно облегчить его горестное положеніе, дали ему мѣсто въ нашемъ Карейскомъ конакѣ, гдѣ чистый и пріятный воздухъ и удобность имѣть необходимыя жизненныя потребности, могли хотя нѣсколько утѣшить его въ его невольномъ уединеніи. Въ то же время назначили и меня туда на послушаніе, приказавъ мнѣ служить у него, и я, исполняя заповѣдь старцевъ, безпрекословно служилъ ему до самой его кончины. Помню хорошо, что, года черезъ два послѣ этого, прибылъ въ заточеніе на Св. Гору и бывшій Цареградскій Патріархъ, Самуилъ, который то же помѣстился на жительство въ Кареѣ. Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, когда нашъ Патріархъ пошелъ прогуливаться на Серайскую келлію, [106] а я, въ ожиданіи его возвращенія, былъ въ огородѣ конака, вдругъ слышу, за оградой его, голосъ, и слышно что, говоритъ съ кѣмъ-то необычайно крупно. Выйдя за ворота посмотрѣть, съ кѣмъ это онъ говоритъ такъ, я увидѣлъ

[104] Какъ было выше упомянуто, Болгары и до сихъ поръ называютъ бывшихъ Охридскихъ Архіепископовъ не иначе, какъ «Болгарскими Патріархами.»

[105] Изъ этого надобно заключить, что Арсеній былъ изъ Славянъ, что подтверждаетъ и самое его назначеніе на житье въ Болгарскій Зографскій монастырь, и расположеніе къ нему Зографцевъ.

[106] Нынѣ Русской Скитъ Св. Андрея Первозваннаго.

двухъ Патріярховъ, вѣроятно, встрѣтившихся нечаянно во время прогулки; они, стоя другъ противъ друга, укоряли одинъ другого, и нашъ говорилъ: «Ты причиною моего сюда заточенія,» и пощитавшись порядкомъ, разошлись со скорбію. Послѣ этого нашъ Патріярхъ прожилъ менѣе года, и скончался на нашемъ Зографскомъ конакѣ, гдѣ наши старцы и погребли его честно.»[107]

Это преданіе о послѣднемъ Архіепископѣ Первой Юстиніяны Охридскомъ, переходя изъ устъ въ уста, сохранилось на Аѳонѣ и до сихъ поръ, особенно между иноками Болгарскаго Зографскаго монастыря, такъ какъ Болгары болѣе Сербовъ (имѣющихъ свою Іерархію) усвоиваютъ себѣ Охридскихъ Архіепископовъ, титуловавшихся до послѣдняго времени «Архіепископами Болгаръ, Сербовъ и Молдовлахійскія земли.» По упраздненіи Охридской Архіепископіи, почти всѣ Епархіи ея духовной области (также какъ и Ипекской) были постепенно замѣщены Архіереями изъ природныхъ Грековъ, что продолжается и по нынѣ. Митрополитъ Охридскій не имѣетъ ни какихъ особенныхъ правъ и ни какого особаго титула, напоминающаго древнее значеніе Охрида, но бывшій «Первопрестольникъ Охрида,» Митрополитъ Касторійскій, до самаго начала, такъ называемаго «Болгарскаго церковнаго вопроса,» то есть, до 1860 года, пользовался, въ церковныхъ сношеніяхъ, титуломъ «Екзарха всей древней Болгаріи.» Отъ подчиненія Охридской Архіепископіи Цереградскому Патріаршеству до настоящаго времени смѣнилось въ Охридѣ седмь Митрополитовъ, а именно: Григорій, Исаія, Кипріянъ, Калликъ (1800 — 1842), Іосифъ, Діонисій и Мелетій (1860).

Въ заключеніе приведемъ очеркъ настоящаго состоянія Охриды, который заимствуемъ сокращенно изъ соч. Г. Григоровича: «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи» (Казань, 1848 года) въ 1844 — 1845 годахъ, съ цѣлью познакомить нашихъ читателей съ остатками ея Христіянскихъ древностей: «Охрида (Ohrid), вѣроятно, на мѣстѣ древняго Лихнидона,[108] съ IX столѣтія получила историческое значеніе. Вмѣстѣ съ Преспою, она была столицею Болгарскихъ

[107] См. Болгарскія книжици 1860 года, брой 15, стр. 143 — 144.

[108] Это доказано положительно открытіемъ въ Охридѣ камней съ подписями Римскаго періода, относящимися къ Лихнидону.

Царей. Въ ней совершались Апостольскіе труды незабвенныхъ сподвижниковъ Кирилла и Меѳодія. Съ того, кажется, времени городу усвоено титло Первой Юстиніяны и назначено быть престольнымъ Епархіи, которой Архіепископъ пользовался Патріяршими правами, имѣя въ своемъ вѣдѣніи 10 Митрополитовъ и 7 Епископовъ. Съ паденіемъ первой династіи Болгарскихъ Царей, [109] съ властію Латиновъ и Деспотовъ Эпирскихъ, наконецъ съ преобладаніемъ Сербскимъ, городъ и Епархія мало по малу теряли свое значеніе.

Въ цѣлой исторіи Южныхъ Славянъ этотъ пунктъ, быть можетъ, самый темный, и тѣмъ не менѣе въ изслѣдованіи хода просвѣщенія Славянъ будетъ всегда предметомъ, отъ раскрытія котораго можно ожидать важныхъ поясненій. Мнѣ легко представлялась утрата всего освящающаго память объ этомъ городѣ, и по тому съ восторгомъ встрѣчалъ я все, что неожиданно отслоняло его почтенную древность. Войду въ нѣкоторыя подробности объ этомъ незабвенномъ для меня мѣстѣ, гдѣ я провелъ 6 сутокъ. 8 Мая (1845 г.) въѣхалъ я въ Охриду. Прекрасный снаружи городъ, поразилъ меня своимъ безпорядкомъ и нечистотою. Изрѣдка лишь выказывались опрятные дома, построенные уступами на двухъ холмахъ. На одномъ изъ нихъ возвышается Митрополія, на другомъ окруженный стѣною дворецъ Джеладедина, извѣстнаго сподвижника Али-Паши Янинскаго. Первому дано названіе варошъ (городъ), и здѣсь обитаютъ Болгаре; внизу его простираются части города, заселенныя Валахами, Турками и частію Албанцами.

Митрополія была нѣкогда монастыремъ, на мѣстѣ котораго стоитъ церковь и домъ Митрополита съ училищемъ. Церковь, во имя Успенія Богородицы [110] и Св. Климента Славянскаго, построена 1295 году, во время Императора Андроника Палеолога, съ древнею стѣнною живописью кисти, по сказанію, Панселина, и съ двумя, какъ на Св. Горѣ, папертями. Первымъ предметомъ моего въ ней благоговѣнія были мощи Св. Климента. Онѣ до недавняго времени сохранялись цѣлокупными, пока монахи монастыря Св. Антонія, что близъ

[109] Пропущено: преобладаніе Греческое, продолжавшееся съ 1018 по 1340 годъ.

[110] Это, вѣроятно, ошибка; ибо, какъ мы видѣли выше, въ грамотахъ Архіепископовъ Первой Юстиніяны Охридскихъ упоминается, что соборная ихъ церковь во имя Введенія Пресвятыя Богородицы во храмъ.»

Бера (Караферія), не унесли скрытно честную его главу. За тѣмъ обозрѣлъ я иконы, изъ которыхъ древнѣйшія, въ иконостасѣ, представляютъ Св. Климента въ Архіерейскомъ облаченіи съ крестами (крестовомъ) и Св. Наума въ монашескомъ. Примѣчательнымъ почитаю, что у лѣвыхъ вратъ иконостаса сзади соблюдается деревянная статуя святаго. Глава ея покрыта украшеніемъ изъ парчи, унизанной жемчугомъ. Туземцы относятъ ее ко временамъ Латиновъ. Во второй паперти стоитъ отвѣсно камень изъ сѣраго мрамора, лежавшій, какъ полагаютъ, на гробѣ Св. Климента. Славянская его надпись слѣдующая: «**Въ лѣто ҂ѕӯкд (916) мѣсяца Іулиа прѣставнше с.... стъ Климѣтъ ѡхритьски.**» Буквы надписи глубоко врѣзаны въ камень. Ниже еще два раза повторено то же, но мелкими нацарапанными буквами. Сверху камня, также мелкими буквами, вырѣзано слѣдующее: «**Въ лѣто ҂зфни (1050) прѣставнсе св. Архієпископъ Киръ Прохоръ.**» Если приведенная надпись современна смерти Св. Климента 6424, то есть, 916 г. по Р. Х., то она будетъ первымъ Славянскимъ (надгробнымъ) памятникомъ. Мнѣ, однако жь, кажется, что ее вырѣзали на камнѣ гораздо позже. Въ первой отъ входа паперти, у стѣны, построено въ полкругъ надгробіе. Здѣсь хранится прахъ сродника Марка Кралевича. Надпись его прочелъ я не вполнѣ, ибо отъ времени она стала стираться. Она слѣдующая: **Прѣставнсе рабъ Божїи Ѡстоїа Раїаковикь погоусломь Ѵгорѵнкъ и соуродникъ Кралїа Марка, ҁеть жоупана Ропе, лѣто ҂зѡпи (1380) мѣсаца октобра.....**» съ правой стороны церкви стоитъ ветхое зданіе, внутреннія стѣны котораго украшены живописью. По сказанію жителей, оно было прежде церквію Христіянъ Западнаго Исповѣданія.

На вопросъ: «есть ли книги въ церкви?» одни отвѣчали «нѣтъ,» другіе «да,» а добрый мой вожатый (изъ мѣстныхъ Болгаръ) нашелъ средство отпереть ветхій шкапъ, наполненный рукописями, въ числѣ которыхъ нашелъ я, извѣстное ученымъ, Житіе Св. Климента, писанное на пергаминѣ.

Послѣ обозрѣнія церкви, обратился я къ другимъ Христіянскимъ памятникамъ, и сперва къ разрушающимся уже ветхимъ зданіямъ, нѣкогда храмамъ. Они достигаютъ глубокой древности. На сѣверовостокъ отъ вароша, пониже дома Бега, возвышается огромное зданіе, которое до сихъ поръ носитъ «названіе Айя Софія» (Св. София). О построеніи сего храма сохранилось темное свидѣтельство

въ Спискѣ Архіепископовъ Болгарскихъ, сообщенномъ Дюканжемъ. Въ этомъ спискѣ построеніе Св. Софіи отнесено къ Льву, Архіепископу Болгаріи (Охридскому), жившему въ XI столѣтіи. На нечеткой надписи (Греческой), изображенной кирпичами сверху фасада этого храма, прочелъ я другое имя, именно: «Григорій..... сѣнь (храмъ) воздвигнувъ.... божественнымъ закономъ народы Мисовъ (Болгаровъ) поучаетъ премудро ͵афк.» (1312) (или ͵аѿк (1012).»[111] Этотъ храмъ обращенъ былъ въ мечеть, которая теперь, по ветхости зданія, рѣдко бываетъ посѣщаема Турками, и по тому мнѣ возможно было ближе его разсмотрѣть. Зданіе безъ купола, продолговато, въ 100 шаговъ длины и 58 ширины, представляетъ снаружи какъ бы три этажа, раздѣленные малыми колоннами; съ западной стороны башня, какъ бы остатокъ колокольни. Внутри 8 большихъ столбовъ поддерживаютъ своды; два ряда мраморныхъ колоннъ украшаютъ хоры. Съ восточной стороны, справа и съ лѣва верхней части храма, находятся два ниша или углубленія, изъ которыхъ правый заложенъ камнями. У жителей есть преданіе, что въ нихъ сохранялась ризница и книги. Немного западнѣе Св. Софіи, на возвышеніи, называемомъ Плаошникъ, красуются развалины мечети, которыя напоминаютъ собою Христіянское начало. Жители единогласно называютъ этѣ развалины бывшимъ монастыремъ Св. Пантелеймона, построеннымъ Св. Климентомъ, о чемъ дѣйствительно упоминается и въ найденномъ мною Житіи Святаго, слѣдовательно, это зданіе принадлежитъ къ X вѣку. По преданію, въ немъ находился гробъ Святаго. Теперь еще осталось нѣсколько колоннъ бѣлаго мрамора и небольшой придѣлъ, долженствовавшій служить скиніею гробу. На стремнистомъ берегу озера, на мѣстѣ «Канево,» также находится опустѣлый храмъ, внутреннія стѣны котораго покрыты живописью. По преданію, на этомъ мѣстѣ былъ монастырь во имя Св. Іоанна Богослова. Кромѣ того, есть еще развалины древней церкви во имя Богородицы Панданассы.

Вообще въ Охридѣ еще въ XVII столѣтіи, по письменнымъ свидѣтельствамъ, было 33 церкви и параклиса. Изъ этого числа оста-

---

[111] Мы полагаемъ первое вѣрнѣе, ибо въ 1012 году въ Охридѣ еще преобладало Славянское начало, и по тому не было повода изображать время построенія храма Греческою надписью, тогда какъ въ 1312 г. Охридская Архіепископія была въ рукахъ Грековъ.

лось теперь семь, которыя тщательно осматривалъ я, въ надеждѣ собрать свѣдѣнія о минувшемъ бытѣ Славянъ. Въ каждой нашлись остатки рукописей, но Греческихъ, и слѣды надписей. Вотъ названія церквей: 1) Св. врачей Козьмы и Даміана, 2) Св. Константина и Елены, съ Славянскою затертою надписью, 3) Богородицы Чельницы, 4) Св. Николая, съ иконою Ерасма (не Горазда ли?) и Наума. 5) Св. Климента Славянскаго. Эта построена, какъ гласитъ надпись, во время Краля Сербскаго, Стефана Уроша, въ 6886 (1378) году, 6) Пр. Богородицы, 7) Св. Николая на больница, 8) Митрополія. Городъ въ настоящее время заселенъ Болгарами, Валахами и Турками, отчасти также Греками и Албанцами. Первые многочисленнѣе. Турецкое раздѣленіе города мнѣ не извѣстно, да и жители не совсѣмъ съ нимъ знакомы. Обыкновенно раздѣляютъ его на приходы, которыхъ въ XVII столѣтіи было 7-мь, теперь 5-ть. Нѣкоторыя части города носятъ еще старыя названія, какъ то: Варошъ, Кошихта, Плаошникъ, Канево, Лобиново. Охридскіе Болгары отличаются образованіемъ и живостію характера. Я часто находилъ въ людяхъ, по видимому, простыхъ, пытливость и начитанность. Такому направленію способствуютъ порядочныя училища и обширныя торговыя связи. Но вліяніе Греческое сильно подавило природный ихъ языкъ, на которомъ Болгары съ трудомъ объясняются во внѣшнихъ сношеніяхъ. Онъ получаетъ лишь свои права въ тѣсномъ кругу, оживляемомъ присутствіемъ женщинъ; внѣ его Болгаре прибѣгаютъ къ Греческому, иногда къ Турецкому языку. Мнѣ не случалось встрѣтить въ Охридѣ кого либо, который могъ бы разбирать самое крупное Славянское письмо.» [112]

Но это было справедливо въ 1845 году, а съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ этомъ отношеніи къ лучшему. Есть извѣстіе, что въ Охридскихъ школахъ введено наконецъ преподаваніе Славянскаго языка, и что это не встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны нынѣшняго Митрополита. Мы надѣемся, что Охридскіе Болгары, храня у себя драгоцѣнный залогъ прошлаго, мощи Св. Климента, памятью его трудовъ на пользу духовнаго просвѣщенія и письменности Славянской, не перестанутъ оживлять свой духъ къ изученію роднаго Сла-

---

[112] Очеркъ пут. по Европейской Турціи В. Григоровича. Казань, 1848 года, стр. 113 — 121.

вянскаго слова, на которомъ, благодаря Св. Седмочисленникамъ, уже второе тысящелѣтіе славится Слово Божіе многомилліонною семьею Православныхъ Славянъ, пророча имъ великое будущее, если до конца будутъ хранить между собою «единеніе духа въ союзѣ мира.»

А. Л.

1866 г.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ДНЕВНИКЪ

ПОѢЗДКИ ВЪ МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ИГНАТІЯ ХРИСТОФОРА ГВАРІЕНТА,

ПОСЛА ИМПЕРАТОРА ЛЕОПОЛЬДА I

КЪ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ

ПЕТРУ ПЕРВОМУ,

ВЪ

1698 ГОДУ,

ВЕДЕННЫЙ СЕКРЕТАРЕМЪ ПОСОЛЬСТВА

ІОАННОМЪ ГЕОРГОМЪ КОРБОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

Б. Женева и М. Семевскаго.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКОВЪ.

Г. Корбъ (Johann Georg Korb), Секретарь Цесарскаго Посла, Игнатія Христофора де Гваріента и Ралля, отправленнаго Императоромъ Леопольдомъ I-мъ въ Московское Государство къ Царю Петру Алексѣевичу 10-го Генваря (н. сч.), 1698-го года, съ 11-го числа сего же мѣсяца по 27-е Сентября (н. сч.) слѣдующаго года, велъ, на Латинскомъ языкѣ, Дневникъ, куда тщательно заносилъ всѣ свои впечатлѣнія и замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ. 4-го Апрѣля Корбъ, вмѣстѣ съ Посломъ, прибылъ въ Смоленскъ, и съ это го дня замѣтки его, какъ относившіяся уже до Московскаго Царства, дѣлаются особенно занимательными. 29-го числа того же мѣсяца Посольство въѣхало въ Москву, куда, 4-го Сентября, 1698 г., возвратился, изъ своего перваго заграничнаго путешествія, Царь Петръ Алексѣевичъ. Въ виду Корба произведенъ былъ кровавый Стрѣлецкій розыскъ, въ виду Корба произведены были Царемъ первые рѣшительные шаги на пути преобразованій внутренняго быта Русскаго народа. Корбъ весьма часто пировалъ за однимъ столомъ съ Царемъ, слышалъ его въ высшей степени занимательныя сужденія о разныхъ предметахъ, видѣлъ весьма характеристичныя сцены, и въ то же время, въ разныхъ слояхъ окружающаго его общества, внимательно подмѣчалъ черты народ-

ныхъ нравовъ. Съ знаменитѣйшими сподвижниками первыхъ лѣтъ царствованія Петра Корбъ имѣлъ случай близко познакомиться: такъ онъ коротко зналъ Л. К. Нарышкина, Кн. Б. А. Голицына, Кн. А. Д. Меньшикова (тогда еще называвшагося просто Алексашкою), семейство Монсъ, Думнаго Дьяка С. И. Украинцова, Кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго, Ф. Я. Лефорта, Генерала де Гордона, Ѳ. М. Апраксина, А. С. Шеина и многихъ другихъ. Всѣ свои наблюденія Корбъ тщательно заносилъ въ Дневникъ. 23-го Іюля, 1699-го года, Посольство оставило Москву, а 27-го Сентября того же года оканчивается Дневникъ Корба. По возвращеніи своемъ въ Вѣну, Корбъ не замедлилъ напечатать свой трудъ: онъ появился въ свѣтъ въ концѣ 1700-го, или въ началѣ 1701-го года (годъ на изданіи не означенъ), на Латинскомъ же языкѣ, въ листъ (стр. 252), съ чертежами, картинами и съ приложеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ разсказовъ о Московскомъ Государствѣ.

Правдивость и безпристрастіе разсказа Корба и важность его сочиненія, какъ источника для Исторіи Петра въ первые годы его царствованія, и для знакомства вообще съ внутреннимъ бытомъ нашего отечества въ концѣ XVII-го столѣтія, вполнѣ признана лучшими историками Преобразователя Россіи и многими другими изслѣдователями того времени. Тѣмъ не менѣе сочиненіе это долго и долго было извѣстно только немногимъ библіографамъ, и до пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія весьма рѣдко встрѣчались ссылки на Дневникъ Корба не только у отечественныхъ, но и у иностранныхъ, писателей. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что книга Корба, въ самый годъ выхода ея въ свѣтъ, сдѣлалась библіографическою

рѣдкостью: продажа ея и печатаніе втораго изданія, по настоянію Московскаго Правительства, оскорбившагося нѣкоторыми отзывами и разсказами Корба, были воспрещены, непроданные же экземпляры сочиненія, какъ увѣряютъ, тогда же, въ 1701 году, уничтожены Австрійскимъ Правительствомъ.

На Русскомъ языкѣ въ послѣдніе годы, въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, напечатано нѣсколько весьма отрывочныхъ извлеченій изъ Дневника Корба, полный же переводъ его Дневника до сихъ поръ не былъ изданъ ни на одномъ языкѣ.

Нашъ переводъ является первымъ полнымъ переводомъ сочиненія Корба. Долгомъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней и внутренней сторонахъ нашего труда.

Прежде всего читателямъ бросится въ глаза высокопарность и тяжеловатость изложенія; не мало встрѣтятъ они оборотовъ не вполнѣ свойственныхъ Русскому языку; найдутъ наконецъ и совершенные Латинизмы; но въ этомъ мы ни какъ не виновны. Языкъ Корба до нельзя витіеватъ, мѣстами совершенно не кстати напыщенъ, теменъ и между мыслями его далеко не всегда видна совершенная последовательность. Съ нашей стороны ни чего не было бы легче, какъ изложить переводъ языкомъ легкимъ и вполнѣ литературнымъ. Но это не былъ бы переводъ: это была бы передѣлка, при производствѣ которой неминуемо былъ бы искаженъ не только духъ подлинника, но и самое его содержаніе; мы же именно имѣли въ виду возможно вѣрнѣе и ближе передать не только содержаніе сочиненія

Корба, но и самую особенность его изложенія, въ виду чего и не увлеклись гоньбой за легкостью и гладкостью слога. Въ какой степени мы достигли своей цѣли—судить не намъ.

Далѣе, въ самомъ началѣ, вслѣдъ за пышнымъ и длиннымъ заглавіемъ труда Корба и посвященіемъ Дневника Вице-Канцлеру Священно-Римской Имперіи, Графу Андрею Кауницу, мы опустили привилегію, выданную Корбу на его изданіе отъ Императора Леопольда. Она не имѣетъ для насъ значенія. Привилегія эта дана Корбу 8-го Октября, 1700-го года, на пять лѣтъ, со дня выхода въ свѣтъ книги, въ продолженіи которыхъ «строго воспрещалось всѣмъ и каждому изъ содержателей типографій, книгопродавцамъ и другимъ лицамъ, занимающимся книжнымъ дѣломъ, чтобы никто въ Священной Римской Имперіи и въ предѣлахъ ея (Австрійскихъ) наслѣдственныхъ Королевствъ и областей не осмѣлился издавать означеннаго Дневника на Нѣмецкомъ, или Латинскомъ, языкахъ» и проч.

Сочиненіе Корба не имѣетъ оглавленія; оно будетъ приведено нами въ концѣ книги; тамъ же приведемъ и азбучный указатель всѣхъ именъ лицъ, мужскаго и женскаго пола, о которыхъ упоминается въ сочиненіи Корба. Таковые указатели положительно необходимы при изданіяхъ подобнаго рода: они чрезвычайно облегчаютъ трудъ изслѣдователя при справкахъ въ такихъ книгахъ. Что же касается до самыхъ именъ и фамилій различныхъ лицъ, встрѣчающихся у Корба и крайне иногда искаженныхъ, то мы приводимъ противъ лицъ, какъ они названы въ подлинникѣ, дѣйствительныя ихъ фамиліи и имена.

Рисунки и чертежи, какіе помѣщены въ сочиненіи Корба, подробно описаны нами въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ перевода; впрочемъ, большая часть этѣхъ рисунковъ такъ занимательна, что слѣдовало бы ихъ вновь напечатать.

Что касается до примѣчаній, то мы дѣлаемъ только самыя необходимыя и при томъ возможно краткія; время, къ которому относится Дневникъ Корба, благодаря позднѣйшимъ трудамъ нашихъ историковъ и составителей историческихъ монографій, на столько уже разработано, что каждый изъ занимающихся отечественною исторіей довольно знакомъ съ онымъ; жизнь таковыхъ лицъ, каковы: Меньшиковъ, Лефортъ, Гордонъ, Ромодановскіе, Шеинъ, Долгорукіе, Салтыковы, Апраксинъ, Монсы и прочія, и прочія «персоны», о коихъ упоминаетъ Корбъ, на столько извѣстны читателямъ, что едва ли предстоитъ надобность приводить въ выноскахъ ихъ послужные списки, указывать на годы ихъ рожденія и смерти, выписывать изъ многочисленныхъ жизнеописаній этѣхъ лицъ ихъ характеристики и тому подобное. Все это составило бы только лишній обозъ примѣчаній, которыя затруднили бы самое чтеніе. Впрочемъ, важнѣйшіе промахи и ошибки Корба, ошибки, происходившія, однако, отнюдь не отъ недобросовѣстности, а единственно по тому, что онъ иногда излишне довѣрялъ слухамъ, оговариваются и исправляются нами въ примѣчаніяхъ.

Наконецъ, еще одно слово: Корбъ ведетъ счетъ чиселъ мѣсяца по Григоріянскому Календарю, противъ на-

шего, Юліянскаго, счисленія на десять дней (въ XVII стол.) впередъ: мы сохранили лѣтосчисленіе подлинника.

Б. Женевъ.
М. Семевскій.

С.-Петербургъ.
1866 г.

ДНЕВНИКЪ

ПОѢЗДКИ ВЪ МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ЗНАТНАГО И ВЕЛЬМОЖНАГО ГОСПОДИНА,

ИГНАТІЯ ХРИСТОФОРА,

БЛАГОРОДНАГО ГОСПОДИНА ГВАРІЕНТА И РАЛЛЯ,

СВЯТОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ И УГОРСКАГО КОРОЛЕВСТВА КАВАЛЕРА, СВЯЩЕННАГО ЦЕСАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОВѢТНИКА НАДВОРНО-ВОЕННАГО, ОТЪ АВГУСТѢЙШАГО И НЕПОБѢДИМѢЙШАГО РИМСКАГО

ИМПЕРАТОРА ЛЕОПОЛЬДА I,

КЪ ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ И ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ

КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ,

ПЕТРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ,

1698 г.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАГО ПОСЛА,

ВЕДЕННЫЙ ІОАННОМЪ ГЕОРГОМЪ КОРБОМЪ,

СЕКРЕТАРЕМЪ ЦЕСАРСКАГО ПОСОЛЬСТВА.

Это сочиненіе дополнено точнымъ и краткимъ описаніемъ возврата Его Царскаго Величества изъ Европейскихъ краевъ въ собственныя владѣнія, опаснаго мятежа Стрѣльцовъ, объявленнаго противъ нихъ приговора, послѣдовавшей за тѣмъ кровавой казни и главныхъ событій изъ внутренняго быта Москвитянъ и проч.

Съ привилегіей Священнаго Цесарскаго Величества.

Вѣна въ Австріи. Издано Леопольдомъ Фойгтомъ, Унив. Типогр.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ И ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ГОСПОДИНУ

ДОМИНИКУ АНДРЕЮ

СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ГРАФУ

ФОНЪ КАУНИЦУ,

ПОТОМСТВЕННОМУ

ОБЛАДАТЕЛЮ ВЛАДѢНІЙ СЛАВКОВА, УГОРСКАГО БРОДА, КРЖИЖАКОВА, МОРАВЫ ПРУССКОЙ, ВЕЛИКАГО ОРЖЕХОВА И ПАНОВА,

КАВАЛЕРУ

ЗОЛОТАГО РУНА,

СВЯЩЕННАГО ЦЕСАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАМЕРГЕРУ,

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Священной Римской Имперіи

ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ,

Милостивому Государю и моему Покровителю.

Ваше Сіятельство

и

Высокопревосходительство,

Милостивый Государь. *

Окажи мнѣ снисхожденіе, Превосходительнѣйшій Господинъ Графъ, дозволь посвятить твоему имени этотъ незначительный трудъ; ничтожный и недостойный печати, онъ, будучи украшенъ твоимъ достославнымъ именемъ, могъ бы быть публикованъ и получилъ бы значеніе. Трудъ мой, по всей справедливости, принадлежитъ тебѣ, какъ главному его виновнику, по тому что тебѣ одолженъ тотъ мужъ, достохвальныя дѣянія котораго на пользу Цесаря и отечества описалъ я въ этой книгѣ, своимъ назначеніемъ Чрезвычайнымъ Посломъ ко Двору Великаго Князя Московскаго; тебя же считаетъ онъ виновникомъ и тѣхъ милостей, которыя онъ удостоился получить отъ Императора. Твоему ходатайству обязанъ онъ въ настоящее время поѣздкой своей на Востокъ. Этѣмъ ты далъ ему возможность служить и при Оттоманской Портѣ съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ служилъ онъ при Дворѣ Московскомъ, и, оказавъ, подъ твоимъ покровительствомъ, при обоихъ Дворахъ большія заслуги, достигнуть тѣхъ даровъ счастія, которые ему назначило твое благоволеніе.

Кому не извѣстно, что всѣ увѣренные въ добротѣ твоей, прибѣгаютъ къ тебѣ, ни мало не сомнѣваясь, что, подъ сѣнію твоего великодушія, обрѣтутъ себѣ вѣрную помощь, и что ты ихъ примешь и, оказавъ имъ покровительство, привяжешь къ себѣ своими безконечными благодѣяніями. Къ людямъ часто влечетъ насъ сочувствіе: ты же побѣждаешь сердце и внушаешь къ себѣ удивленіе оружіемъ болѣе доблестнымъ — твоею добродѣтельною благотворностію. У меня недостало бы ни перьевъ, ни чернилъ, чтобы написать столь большую книгу, какая составилась бы, если

---

* Надъ этѣмъ обращеніемъ оттиснута виньетка, въ которой съ трудомъ можно разобрать льва, пьющаго изъ какого-то водоема, на заднемъ планѣ видна человѣческая фигура; послѣ титула, гораздо ниже, текстъ посвященія: первая буква его фигурная, самое же посвященіе напечатано курсивомъ. Первыя шесть страницъ сочиненія не нумерованы. Перев.

бы я вздумалъ повѣствовать порознь о всѣхъ облагодѣтельствованныхъ тобою особахъ. Ты въ этомъ отношеніи гораздо выше Французскаго Геркулеса, такъ какъ ты доблестнѣе дѣлами, чѣмъ краснорѣчіемъ, и по твоему изволенію короны и скипетры дѣлаются покорнымъ въ твоихъ рукахъ орудіемъ. По этому ты пользуешься величайшими милостями самаго великаго изъ Государей, Леопольда. Монархъ сей, желая по возможности оказать свое благоволеніе, пожаловалъ тебѣ знаки ордена Золотаго Руна, а чтобы приблизить къ своей особѣ, возвысилъ тебя въ званіе Дѣйствительнаго Тайнаго Государственнаго Совѣтника. Монархъ многократно имѣлъ случай удостовѣриться въ мудрости твоихъ совѣтовъ: онъ видѣлъ, что, при обсужденіи важнѣйшихъ Государственныхъ дѣлъ, каждое слово твое имѣло силу оракула. Свѣжо еще и никогда не изгладится у всего Христіанскаго міра воспоминаніе о Ризвицкомъ договорѣ, который ты, въ качествѣ Цесарскаго Полномочнаго Посла, такъ искусно заключилъ, что можно было подумать, будто ты заботился о благѣ всѣхъ сторонъ, заключавшихъ помянутый договоръ, между тѣмъ какъ ты имѣлъ въ виду лишь выгоды одной Римской Имперіи. Несомнѣнно, что, слѣдуя примѣру своихъ достопамятныхъ предковъ, ты ознаменовалъ свое славное служеніе великими успѣхами, доказывающими, что въ тебѣ одномъ соединилась вся возвышенность ума и сердца, принадлежавшая каждому изъ нихъ. Но оставляю перо, утомленное восхваленіемъ твоихъ знаменитыхъ дѣяній; страшусь, что, повѣствуя о твоихъ славныхъ дѣлахъ, нарушаю твою скромность. Страшусь и того, чтобы похвала моя не обидѣла тебя, такъ какъ краснорѣчіе мое ниже твоихъ славныхъ дѣлъ. Будетъ достойнѣе тебя и соотвѣтственнѣе моей посредственности, если я почтительнымъ молчаніемъ прейду то, что не могу выразить достойнымъ тебя краснорѣчіемъ. Умоляя тебя быть благосклоннымъ ко мнѣ, равно какъ и къ труду моему, пребываю вѣчно преданнымъ

Твоему Высокопревосходительству

Іоаннъ Георгъ Корбъ,

Секретарь Цесарскаго Посольства.

ДНЕВНИКЪ

ІОАННА ГЕОРГА КОРБА

ВО ВРЕМЯ ПОСОЛЬСТВА ЛЕОПОЛЬДА I

ВЪ МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Августѣйшему, Державнѣйшему и Непобѣдимому Монарху [1] и Владѣтелю, Государю Леопольду, избранному Императору Римскому, безпрерывно Августѣйшему Королю Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Далматскому, Хорватскому, Славонскому, Эрцгерцогу Австрійскому, Герцогу Бургундскому, Брабантскому, Штирскому, Хорутанскому, Карніольскому, Маркграфу Моравскому, Герцогу Люксенбургскому, Верхней и Нижней Силезіи, Виттенбергскому и Тѣшинскому, Князю Швабскому, Графу Габсбургскому, Тирольскому, Ферретскому, Кибургскому и Горицкому, Ландграфу Альзаскому, Маркграфу Священной Римской Имперіи, Бургскому, Верхнихъ и Нижнихъ Лужицъ, Обладателю Крайны Словинской, Наонскаго Порта и Соляныхъ Копей и пр., и пр. Всепресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Монархъ, Государь, Царь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новгород-

---

[1] Первая буква текста фигурная, а сверху страницы виньетка: одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями, въ лапѣ скипетръ, въ другой мечъ, надъ головой корона, на лентѣ у ногъ орла надпись: «Sub umbra alarum tuarum.» Надъ виньеткой означена стр. 1-я и отсюда идетъ помѣта страницъ; листы помѣчены внизу, чрезъ каждые 4-ре, буквами А, А, А; В, В и т. д. Внизу каждой страницы начало послѣдующаго слова. Приступъ къ Дневнику занимаетъ по 5-ю стр.

Прим. пер.

скій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, Государь и Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и прочихъ земель, Государь и Великій Князь Нижегородскій, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всей Сѣверной Страны Обладатель, Государь Иверскій, земель Карталинской и Грузинской (Grassensium), Царь Кабардинскій, Князей Черкаскихъ и Горскихъ, и многихъ прочихъ Восточныхъ, Западныхъ и Сѣверныхъ владѣній и областей Дѣдичъ и Отчичъ (paternus et avitus haeres), потомственный Государь и Обладатель, по заботѣ своей о благѣ Христіянскихъ земель, предложилъ наступательный союзъ противъ враговъ Святаго Креста. Его Священное Цесарское Величество, дорожа постоянною Его Царскаго Величества дружбою, и самъ также имѣя въ виду преимущественно пользу Христіянства, не только что заявилъ готовность, съ своей стороны, къ заключенію таковаго союза, но даже вошелъ по этому предмету въ соглашеніе, противъ тѣхъ же непріятелей, съ союзниками своими, доблестнѣйшимъ Польскимъ Королевствомъ и Всепресвѣтлѣйшею Венеціянскою Республикою. Вышеупомянутое Польское Королевство, не менѣе ревнуя о благѣ Христіянства, прислало къ Цесарскому Двору посланіе, въ которомъ изъявило согласіе на такой полезный союзъ. Венеціянская Республика тоже уполномочила своего Посла при Цесарскомъ дворѣ войти въ этотъ союзъ. Въ слѣдствіе сего Ихъ Сіятельства и Высокопревосходительства, Священнаго Императорскаго Величества Тайные Совѣтники: Господинъ Францискъ Удальрикъ Графъ Кинскій, Королевства Чешскаго Великій Канцлеръ, Кавалеръ Золотаго Руна; Господинъ Эрнестъ Ридигеръ Графъ фонъ Штаренбергъ, Генералъ-Фельдмаршалъ, Предсѣдатель Военнаго Совѣта, Золотаго Руна Кавалеръ; Господинъ Винибальдъ Севастіянъ Графъ фонъ Зейль (Zeyl), Вице-Предсѣдатель Надворнаго Императорскаго Совѣта, въ чрезвычайныхъ случаяхъ (pro tempore) въ должности Вице-Канцлера Священной Имперіи; уполномоченные по этому дѣлу, Его Высокопревосходительство вышеупомянутой Всепресвѣтлѣйшей Венеціянской Республики при Цесарскомъ Дворѣ обыкновенный (ordinarius) Посланникъ, Господинъ Карлъ Руцини Кавалеръ, и Его Высокородіе, Его Царскаго Величества Посланникъ при Цесарскомъ Дворѣ, Козьма Никитичъ Нефимоновъ, предъявивъ сначала уполномочиваю-

щія ихъ грамоты и обмѣнявъ взаимно списки съ оныхъ, согласились, по приказанію своихъ Государей и Довѣрителей, девятаго Генваря, 1697 года, въ слѣдующихъ статьяхъ трехлѣтняго союза:

1. Каждая союзная сторона обязывается и на морѣ и на сухомъ пути сколь возможно съ большими силами нападать на общаго непріятеля и поражать его своимъ оружіемъ.

2. Союзныя Державы обязаны взаимно сообщать свѣдѣнія о своихъ предположеніяхъ относительно войны, а во время переговоровъ о мирѣ каждый изъ союзниковъ долженъ стараться получить отъ непріятеля удовлетвореніе.

3. Ни одинъ изъ союзниковъ, безъ вѣдома другихъ, мирнаго договора заключить не можетъ. Безспорно, предложенія о мирѣ, согласныя съ честію, могутъ выслушиваться каждою изъ Державъ, но о нихъ онѣ взаимно поставляютъ другъ друга въ извѣстность. Всѣ Державы союзныя должны быть введены въ заключенный договоръ.

4. Въ случаѣ, когда общій непріятель вторгнется въ какія либо владѣнія, принадлежащія той или другой сторонѣ, то остальные союзники обязываются сдѣлать съ своей стороны движеніе въ пользу нападаемой стороны.

5. Настоящій договоръ имѣетъ силу въ теченіи трехъ лѣтъ, со дня его подписанія, что не препятствуетъ, однако, въ это время вести переговоры объ его продолженіи. По истеченіи означеннаго срока союзники сохраняютъ, впрочемъ, прежнюю дружбу и согласіе.

6. Настоящій договоръ отнюдь не измѣняетъ тотъ священный союзъ, который существуетъ между посвященнымъ Его Императорскимъ Величествомъ, достоуважаемымъ Королевствомъ Польскимъ и всепресвѣтлѣйшей Республикой Венеціянской.

7. Такимъ же образомъ сохраняется во всей силѣ прежній договоръ между Его Царскимъ Величествомъ и всепресвѣтлѣйшимъ Королемъ и Посполитой Рѣчью.

Утвердивъ вышеприведенный договоръ 25 Февраля того же года, Императоръ призналъ нужнымъ назначить ко двору Москов-

скому Посланника, чтобъ имѣть, при его посредствѣ, своевременныя и точныя извѣстія обо всѣхъ планахъ тамошняго Правительства.

По истинѣ, ни одно дѣло въ управленіи Государствомъ не требуетъ такой осмотрительности, какъ выборъ лицъ, назначаемыхъ въ Посольство къ иностраннымъ Государямъ, или народамъ. Посланныхъ въ иноземныя Государства можно сравнить съ жилами, находящимися въ нѣдрахъ земли, назначеніе которыхъ препровождать, сообразно съ слоями, чрезъ которые онѣ проходятъ, въ свою отчизну цѣлебные или вредные для ея состава соки. По тому-то и Его Священное Цесарское Величество милостивымъ окомъ, съ врожденнымъ ему Монаршимъ благодушіемъ, измѣрялъ силы тѣхъ, которые изъявляли желаніе возложить на себя сіе почетное бремя. Наконецъ Его Священное Цесарское Величество рѣшило избрать достозамѣчательнѣйшаго Господина Христофора Игнатія, Благороднаго Господина Гваріента-Ралля, С. Р. И. и К. У. Кавалера, Дѣйствительнаго Надворно-Военнаго Совѣтника Его Цесарскаго Величества. И дѣйствительно, не могло быть удачнѣе выбора. Дипломатъ этотъ, по многолѣтнему опыту, знаетъ основательно свѣтъ и умъ его изощренъ практикою въ Государственныхъ дѣлахъ. Монархъ имѣлъ также въ виду и его заслуги. Изъ любви къ отечеству Гваріентъ-Раллъ подвергался дважды опасностямъ путешествія въ Константинополь. При осадѣ Вѣны ежеминутно жертвовалъ онъ своею жизнію, на пользу всѣхъ Христіянъ. Съ большою смѣтливостію и самоотверженіемъ угадывалъ онъ въ станѣ Магометанъ всѣ Мусульманскія предначертанія и сообщалъ о нихъ въ письмахъ, пересылавшихся имъ ежедневно съ большею тщательностію въ столицу Августѣйшихъ Цесарей. Большое значеніе придаетъ сему мужу въ глазахъ Императора и то, что онъ весьма хорошо знаетъ нравы и духъ Московскаго народа, по тому что Гваріентъ еще прежде состоялъ при Цесарскомъ Посольствѣ въ Московіи. Г. Гваріентъ, получа милостивѣйшее Цесарево назначеніе стать во главѣ сего Посольства, приготовилъ все нужное, чтобы отправиться въ путь съ приличною, его новому назначенію, важностію. Но по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ его воли, встрѣтились препятствія, удержавшія Гваріента еще цѣлый годъ на мѣстѣ. Наконецъ, съ помощію Божію, устранивъ все, что могло его далѣе задерживать, онъ отправилъ впередъ слѣдующихъ съ нимъ и по-

житки, и десятаго Генваря, около полудня, благополучно началось давно предположенное путешествіе. Всего было 8 новозокъ, для людей и подъ вещи, лошадей же пятьдесятъ. Свита Посла выѣзжала изъ Вѣны въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Верхомъ, впереди всѣхъ, ѣхалъ Конюшій, за нимъ слѣдовали двое верховыхъ слугъ; они вели въ поводу лошадей отличныхъ статей; лошади были покрыты медвѣжьими шкурами. 2. Слѣдовалъ собственный Господина Посла экипажъ, запряженный шестерней карихъ лошадей отличной породы и накрытый, въ предохраненіе отъ дурной погоды, разными чехлами. 3. Слѣдовалъ первый экипажъ должностныхъ лицъ, который занимали три миссіонера. Экипажъ этотъ, равно какъ и экипажъ Г. Посла, отличались искусною отдѣлкою. 4. Второй экипажъ должностныхъ лицъ. 5. Дорожная телѣга съ кухонною посудою. 6. Громадная телѣга съ грузомъ разнаго рода, весьма неудобная для дороги. 7. Дорожный экипажъ, занятый офиціантами и курьерами. 8. За нимъ слѣдовали двѣ телѣги, нагруженныя виномъ и разными вещами; въ нихъ везли даже Англійскихъ собакъ, замѣчательныхъ по величинѣ и быстротѣ. Дунай уже разошелся, въ слѣдствіе преждевременнаго тепла, и намъ нужно было переправляться черезъ рѣку на судахъ. По распоряженію Предсѣдателя Палаты, покойнаго Графа Фонъ Брейнера, пріѣхалъ на берегъ Дуная верховой съ Графскимъ предписаніемъ къ Начальнику Водяныхъ Сообщеній, чтобы вещи Г. Посла были переправлены въ цѣлости, прежде всѣхъ находившихся тамъ лицъ. Предосторожность эта пришлась очень кстати, по тому что, при вскрытіи рѣки, снесло мостъ и собралось столько со всѣхъ сторонъ народа, желавшаго переправиться чрезъ рѣку, что не возможно было бы, въ продолженіе цѣлаго дня, перевезти всѣхъ присутствовавшихъ. Переправа была продолжительна, по тому что рѣка широка, да и плавающія повсюду льдины затрудняли перевозъ, такъ что мы только поздно вечеромъ достигли противуположнаго берега. Оттуда пріѣхали мы на ночлегъ въ Стамерсдорфъ. Едва успѣли перенести изъ повозокъ въ комнату требовавшіяся намъ вещи, какъ пріѣхали къ намъ двое нарочныхъ, присланныхъ Господиномъ Посломъ: одному поручено было отвести въ Вѣну Конюшаго, замѣшаннаго

въ какія-то неизвѣстныя мнѣ дѣла, а другой обязанъ былъ замѣнить его на время отсутствія. [2]

11. На слѣдующій же день были они уволены отъ своихъ порученій, по тому что одинъ увелъ назадъ съ собою Конюшаго, а другой былъ назначенъ въ нашу свиту и долженъ былъ продолжать съ нами путь. Погода была прекрасная, когда мы, проѣхавъ чрезъ Ейгенсбрунъ, прибыли къ полудню въ Волькдорфъ (Волькерсдорфъ), а къ вечеру пріѣхали мы въ Гаунерсдорфъ (3). Обычное у Католиковъ по Субботамъ Богослуженіе, напомнило намъ должное поклоненіе Богородицѣ. Одинъ изъ миссіонеровъ (три Священника этого ордена сопровождали насъ въ Москву) читалъ намъ Лоретанскія Литаніи, а мы за нимъ ихъ пѣли, и въ послѣдствіи мы свято наблюдали за тѣмъ, чтобы всегда отправлять сіе Богослуженіе.

12. На разсвѣтѣ (день былъ Воскресный), послѣ обѣдни, которую всѣ наши люди по очереди слушали, отправились мы въ дальнѣйшій путь, и во второмъ часу по полудни, миновавъ Шрикъ, пріѣхали въ Вульферсдорфъ, принадлежащій Князю Лихтенштейну, извѣстный Дворцемъ Княжескимъ. Съ лѣвой стороны примыкаетъ къ Королевской улицѣ холмъ, на которомъ устроены набожными жителями мѣста, напоминающія страданія нашаго Распятаго Спасителя; кромѣ прочихъ изображеній мѣстъ страданія Господня, садъ оливковый и гробъ Господень поддерживаютъ въ жителяхъ религіозныя чувства; тамъ же поставленъ памятникъ и Св. Розаліи. Оставивъ это мѣсто, пріѣхали мы къ вечеру въ Кефельсдорфъ (3).

13. Когда мы проснулись, солнце уже взошло, но было заволочено густыми тучами. Дурная погода съ сильнымъ вѣтромъ. Дорога, по которой пріѣхали мы въ Дразовы Дворы (Дресенгофъ), замѣчательна плодородіемъ сосѣднихъ холмовъ. Замокъ Фалькен-

---

[2] Отсюда начинается Дневникъ. Мѣстами въ скобкахъ отмѣчены Корбомъ мили. Тутъ же помѣщена въ подлинникѣ, на особомъ листкѣ, и Карта путешествія изъ Вѣны въ Москву 1698 г., на которой означены всѣ важнѣйшіе города и рѣки, чрезъ которыя проѣзжало Посольство. Перев.

штейнъ, который теперь необитаемъ, въ четверти часа ѣзды отсюда. Не подалеку и другой замокъ, которой получилъ отъ Дресецгофа свое названіе, или же ему оное сообщилъ, а вблизи возвышается храмъ во имя Св. Вита. Здѣсь находится граница между Австріею и Моравіею. Около полудня пріѣхали мы въ Микуловъ (Никольсбургъ), принадлежащій Князю Дитрихштейну. Въ Нижней Вистоницѣ (Вистрицѣ, Вистерницѣ) имѣли мы ночлегъ (3) и изъ предосторожности отъ огня, который, по причинѣ сильнаго вѣтра, могъ бы быть очень опасенъ, поставили стражу, поочередно смѣнявшуюся. На другой день назначена здѣсь большинствомъ голосовъ дневка, по той основательной причинѣ, чтобы дать лошадямъ отдохнуть и собраться съ силами для дальнѣйшаго пути.

14. Сегодня исправлено все, что было потеряно, или повреждено, какимъ либо другимъ образомъ. По случаю Воскресенья была обѣдня съ музыкою.

15. Все уладивъ хорошенько, на всходѣ солнца пустились мы съ свѣжими силами въ дорогу. Чиновникъ принявшій было на себя временно должность смотрителя надъ лошадьми, принужденъ былъ отправиться по собственнымъ дѣламъ въ Вѣну. Обстоятельство это не представилось ему неожиданно, онъ его предвидѣлъ. По отъѣздѣ его пришлось намъ сообща выполнять его обязанность. Скверная дорога припудила насъ, проѣхавъ мѣстечко Нѣмчице (Намшицъ, Нѣмчицъ), остановиться на ночлегъ въ Дельницѣ ($2^1/_2$); но день этотъ не обошелся безъ непріятности. Лошади, запряженныя подъ повозкой съ кухонною посудой, непривычныя къ своему кучеру, взбѣсившись, понесли по окраинамъ дороги и по пустырямъ, и остановились тогда только, когда опрокинули телѣгу; изъ двухъ поваровъ, сидѣвшихъ въ ней, одинъ былъ ушибенъ, но не особенно сильно, и по тому не нуждался въ продолжительномъ лѣченіи. То же самое случилось и дальше, но на этотъ разъ кучеръ былъ ловчѣе; лошади успѣли только свернуть съ дурной дороги и понести по закраинамъ.

16. Въ слѣдующій день, нѣсколько лучшею дорогою, чрезъ мѣстечко Русиновъ (Бауснице, Bausnitz), принадлежащее Его Сіятельству, Графу Кауницу, пріѣхали мы, до заката солнца, въ городъ Вишковъ (Вишау) (3). Ровъ обнесенъ частоколомъ, а городъ

стѣною, за городомъ монастырь отцевъ Капуциновъ. Въ числѣ прочихъ порядочныхъ построекъ заслуживаютъ вниманіе замокъ и приходская церковь съ часовнею. Городъ этотъ состоитъ подъ духовною и свѣтскою властію Епископа Оломуцкаго.

17. Наиболѣе нагруженныя повозки были отправлены на разсвѣтѣ впередъ. До полудня проѣхали мы половину дороги, и черезъ Бродекъ (Преглицъ, Предлицъ) прибыли въ Кралице (Кралицъ), за тѣмъ, черезъ Славонинъ (Шнаблинъ), около трехъ часовъ по полудни, пріѣхали мы въ Оломуцъ (4), и, какъ въ городѣ нельзя было скоро найти гостинницу довольно обширную для помѣщенія нашихъ лошадей и повозокъ, то, проѣхавъ это главное мѣстопребываніе Оломуцкаго Епископа въ стройномъ порядкѣ, остановились мы въ предмѣстьѣ, въ гостинницѣ подъ вывѣскою Золотой Лошади. Тамъ уже второй день ожидалъ нашего прибытія новый Конюшій, назначенный Господиномъ Посломъ на мѣсто уволеннаго, и немедленно, на основаніи приказа, имъ съ собою привезеннаго, былъ введенъ того дня же вечеромъ, приличнымъ образомъ, въ должность.

18. Тутъ должны мы были остаться въ городѣ цѣлый день для закупки подставочныхъ лошадей, такъ какъ въ смѣтѣ расхода, данной Императоромъ, предписывалась намъ по этому предмету возможная бережливость. Главный Начальникъ городской стражи, Г. Гаслингенъ, бывшій въ то время Оломуцкимъ Комендантомъ, оказалъ намъ во многихъ отношеніяхъ свою дружескую благосклонность.

19. Прошло уже 10-ть часовъ, прежде чѣмъ мы успѣли приспособить всѣхъ лошадей къ поднятію тяжестей (ad destinata onera cogerentur), Дорога, которою мы ѣхали чрезъ Доляны (Талейнъ, Далейнъ) и Ивову (Гибу, Гибау), показалась намъ очень тяжелой, но по пути въ Граничне (Петерсдорфъ), пришлось ѣхать еще сквернѣйшею дорогою, заваленною громадными сугробами снѣга, въ которомъ такъ глубоко вязли лошади, что не могли итти; тщетно выбивались онѣ изъ силъ; безъ самыхъ усиленныхъ стараній кучеровъ лошади не могли бы пройти этѣ суметы. Возлѣ самаго селенія находится на дорогѣ опасное для путешественниковъ мѣсто, большой оврагъ (fovea), прикрытый снѣгомъ. Когда мы къ нему подъѣхали, совершенно сте-

мнѣло, такъ какъ было уже восемь часовъ. По скату ухаба повозки наши такъ глубоко спустились, что мы не могли бы ихъ оттуда вытащить безъ помощи мѣстнаго Судьи, который, снисходя на основательность нашихъ просьбъ, позвалъ на помощь къ намъ всѣхъ своихъ поселянъ, спавшихъ уже по своимъ гнѣздамъ мертвымъ сномъ. Однако же мы пробились на этомъ мѣстѣ до самаго разсвѣта. Вся дальнѣйшая дорога была въ дурномъ состояніи; множество выбоинъ, овраги и большіе снѣговые сугробы мѣшали намъ ѣхать, такъ что мы не прежде полуночи доѣхали до Беруна (Берни) (3).

20. Сегодня дорога не лучше. Чрезъ Рейхартице (Ринкерсдорфъ, Райгерсдорфъ), Дворце (Гофъ), Вейбальдъ (Майвальдъ) и Бильчице (Гейденпильчъ; послѣдній получилъ названіе отъ плода Гейденкорнъ (Heidenkorn), котораго тамъ много), пріѣхали мы въ Лесковецъ (Швахендорфъ или Шпахендорфъ) (3).

21. Сегодня пріѣхали мы, черезъ Бенешовъ (Пинчъ), въ Лихтновъ (Лихтенъ), не встрѣтивъ большихъ затрудненій по дорогѣ. селеніе Лихтновъ, съ своими дачами и домами, тянется на цѣлую милю; здѣсь нашли мы квасъ (acidulas), и такъ какъ дорогой очень разгорячились, то, не разбирая много, пили его съ большимъ удовольствіемъ. Около 4 часовъ вечера пріѣхали мы въ Карнёвъ (Егерндорфъ) (3). Городъ этотъ, окруженный окопомъ, рвомъ и стѣною, состоитъ во владѣніи Князя Лихтенштейна. Здѣсь предъ отъѣздомъ слушали мы обѣдню у отцевъ Миноритовъ.

22. Сегодня проѣхали мы много деревень, какъ то: Дерннце (Термантице), Вратишовы (Прачъ, Braetsch), Мокре (Могенъ), Добешовы (Доберсдорфъ) и Майдельбергъ. По правой сторонѣ послѣдней находится замокъ, который выстроенъ на высокомъ холмѣ и принадлежитъ Графамъ Коловратамъ. Не ранѣе шести часовъ вечера пріѣхали мы въ Прудникъ (Нейштадтъ), по тому что пришлось перебираться чрезъ двѣ снѣжныя горы и, спустясь съ одной, тотчасъ подыматься на другую (3).

23. Небо ясно, дорога довольно хороша. Передъ вечеромъ, миновавъ Полькерсдорфъ, пріѣхали мы довольно рано въ Нису (Нейсе) (3). Городъ этотъ, укрѣпленный окопами и рвомъ со стѣною, заимствовалъ имя свое отъ рѣки Нисы, надъ которою по-

строенъ; принадлежитъ онъ къ владѣніямъ Вратиславскаго Епископа и украшается Коллегіумомъ Ордена Іисуса и приходскою церковью. Одинъ изъ Императорскихъ Миссіонеровъ отправился, по своимъ дѣламъ, на почтовыхъ лошадяхъ, въ селеніе Лейбсъ, обѣщая дождаться насъ въ Вратиславѣ. Мы получили письма отъ Господина Посла, касающіяся нѣкоторыхъ особъ нашего поѣзда, преимущественно же Конюшаго.

24. Переночевавъ въ Нисѣ, пріѣхали мы, со всѣми нашими пожитками, около четырехъ часовъ по полудни, на ночлегъ въ Городекъ (Гродкау, Гроткау). Дорога была отличная, день прекрасный (3).

25. Отправясь съ разсвѣтомъ въ дальнѣйшій путь и проѣхавъ Леттенбергъ, Зинту и Россовъ, пріѣхали мы поздно въ Олаву (4), названную этѣмъ именемъ по рѣкѣ, протекающей передъ городомъ. Мы въ немъ остановились, имѣя нужду перемѣнить подставочныхъ лошадей. Въѣзжая въ городскія ворота, встрѣтили мы пастора Аугсбурскаго Исповѣданія, сопровождавшаго тѣло покойника, котораго везли на саняхъ. Горожане—Аугсбургскаго Исповѣданія. Замокъ довольно хорошъ, въ немъ въ это время, жилъ Королевичъ Яковъ, со всепресвѣтлѣйшею своею супругою, Эрцгерцогинею Нейбургскою; принцъ этотъ старшій — сынъ покойнаго Польскаго Короля Іоанна. На крышѣ Сенатскаго дворца поставленъ мѣдный пѣтухъ, который, какъ только часы на колокольнѣ пробьютъ часъ, вращается кругомъ, посредствомъ нарочно устроеннаго механизма. Сегодня вечеромъ Конюшій уѣхалъ съ почтою впередъ въ Вратиславу (13), чтобы отыскать до нашего пріѣзда гостинницу, удобную для помѣщенія людей и лошадей.

26. Сегодня по утру слушали мы обѣдню въ Католической церкви вышеупомянутаго замка. Пользуясь отличной дорогой, проѣхали мы станцію довольно скоро (4) и до полудня прибыли въ Вратиславу (Вроцлавъ, Бреславъ). Остановясь въ предмѣстьѣ, извѣстили мы Конюшаго о нашемъ пріѣздѣ. Мы оставались тамъ до его прибытія, приводя между тѣмъ въ надлежащій порядокъ лошадей и повозки. Послѣ сего весь нашъ поѣздъ былъ введенъ имъ въ стройномъ видѣ въ Вратиславу, пребываніе Епископа.

27. Необходимо было имѣть здѣсь дневку, такъ какъ требовалось отыскать новыхъ подводчиковъ для дальнѣйшей пере-

возки нашей поклажи. Господинъ Посолъ просилъ письмомъ Барона Нейдгарта, Вице-Президента Силезской Палаты, оказать въ настоящемъ случаѣ помощь тѣмъ изъ чиновниковъ, которые были обязаны заботиться о семъ предметѣ.

28. И сегодня остались мы еще на мѣстѣ, занимаясь весь день перегрузкой вещей съ прежнихъ повозокъ на новыя, чтобы быть въ полной готовности къ отъѣзду въ слѣдующее утро.

29. На разсвѣтѣ всѣ мы собрались въ дорогу. Возлѣ городскихъ воротъ присоединился къ намъ и тотъ Императорскій миссіонеръ, о которомъ я сказалъ, что онъ, по своимъ дѣламъ, отъ насъ отлучился. Сегодня, проѣхавъ селенія Вейденъ, Гингенъ и Голау, остановились мы на ночлегъ въ деревнѣ Кляхѣ (3).

30. На разсвѣтѣ мы отправились далѣе по неровной, каменистой и гористой дорогѣ. Оставивъ за собою Торнастъ и Шейренъ, пріѣхали мы къ обѣду въ селеніе Тейчгаммеръ. Сдѣсь осматривали мы мѣдноплавильный заводъ. Протекающая мимо его рѣчка приводитъ въ движеніе, посредствомъ колеса, молотъ. Проѣхавъ потомъ сплошной лѣсъ, простирающійся на три мили, прибыли мы на ночлегъ въ мѣстечко, называемое Миличъ (5).

31. Въ полдень переѣхали мы границу Польши и прибыли въ первое ея мѣстечко Здуны (Sdonam), принадлежащее Генералу Польскихъ войскъ Лещинскому. Таможенный начальникъ, хотя и Нѣмецъ, не обращая вниманія на предъявленное нами свидѣтельство на свободный пропускъ нашего имущества, утверждалъ, что такихъ громадныхъ тюковъ безъ осмотра пропустить не льзя, и тогда только отступился отъ своего требованія, когда подводчикъ подтвердилъ присягой, что онъ, кромѣ привилегированныхъ (privilegiatas) вещей Господина Посла, болѣе ничего не везетъ. Пустое притязаніе этого чиновника подало намъ поводъ къ громкому и весьма основательному смѣху. Еще сегодня вечеромъ пріѣхали мы въ городъ Кротошинъ (Groteschinium) (3). Въ отсутствіе Старосты, Г. Галецкаго, Подстароста его, Г. Добровольскій, принялъ насъ хорошо, хотя и зналъ, что пріѣхалъ только одинъ поѣздъ Господина Посла. Были доставлены для людей пиво, водка и хлѣбъ, а для лошадей овесъ и сѣно; таковая присылка

особенно дорога при той бѣдности, въ какой находится въ настоящее время Польша. Жена Господина Галецкаго посѣтила путешественниковъ и щедро снабдила рыбою. Гости превозносили такое гостепріимство, такъ какъ до сего города не встрѣчали ничего подобнаго.

ФЕВРАЛЯ

1. На другой день путешественники были еще болѣе пріятно поражены ободительностію и вниманіемъ, которыя они здѣсь встрѣтили, когда возвратившійся Староста явился къ нимъ съ самыми любезными пожеланіями счастливой дороги. Господинъ Галецкій убѣдительнѣйше просилъ каждаго выпить его найлучшей водки и, провожая насъ изъ дому, обстоятелнѣйше разсказалъ, какъ и гдѣ безопаснѣе проѣхать. Таковое указаніе было особенно полезно, такъ какъ въ то время въ Польшѣ не стихла еще вражда партій. Многіе изъ нашихъ людей полагали, что, ради сильнаго мороза, они могутъ позволить себѣ выпить водки болѣе обыкновеннаго; этѣ люди среди зимы, когда даже и лучи солнца не грѣютъ, вообразили, что если лишнее выпьютъ, то согрѣются, какъ лѣтомъ. Но вся польза, которую они отъ того имѣли, состояла лишь въ томъ, что водка ихъ жгла, а морозъ щипалъ. Лошади, почувствовавъ, что ѣздоки ихъ дремлютъ, посбрасывали иныхъ изъ сѣделъ, другіе же попадали съ телѣгъ и барахтались въ снѣгу. Это было презабавное зрѣлище для тѣхъ, кто, сохранивъ мѣру, не потеряли разсудка. Въ полдень, чтобы дать роздыхъ лошадямъ, остановились мы на короткое время въ Козминѣ (Kosminii); тутъ со всѣхъ сторонъ послышались оханья, стоны и брань, но какъ не было повода опасаться худыхъ послѣдствій для нашихъ пьяныхъ, то сѣтованія ихъ служили только предметомъ шутокъ и насмѣшекъ. На ночлегъ прибыли мы въ Ярочинъ (Jaratschinium) (4).

Въ Польшѣ повсюду шатается неимовѣрное число воровъ, а кто этому не вѣритъ, или не соглашается съ этѣмъ, пусть самъ на свою бѣду испытаетъ. Мы же, придерживаясь мнѣнія, которое было для насъ безопаснѣе, приняли хорошія мѣры противъ ухищреній мошенниковъ.

2. Такъ какъ принятая нами прошедшую ночь предосторожность, состоявшая въ очередномъ караулѣ, оказалась безспорно полезною, то и рѣшено было, съ общаго согласія, продолжать тоже и впредь. Проѣхавъ селенія Шаршлоге (Scharschlohe) и Погоржельце (Pograseliz), провели мы сегодняшнюю ночь въ какомъ-то небольшомъ селеніи (которое, знакомый съ мѣстностію, подводчикъ называлъ Блинденфидлеръ) (5).

3. Былъ жестокій морозъ; но такъ какъ мы въ селеніи Скапляхъ (Skaplii) хорошо около печки обогрѣлись, то онъ насъ не такъ сильно безпокоилъ. Чрезъ Бовичъ (Boviz) пріѣхали мы сегодня вечеромъ въ Орховъ (Orchof) (4).

4. Морозъ сегодня немного полегче. На закатѣ солнца, чрезъ Ловичъ (Lowiz) и Марквичъ (Marckwitz), прибыли мы въ Иновроцлавъ (Vratislaviam minorem) и остановились въ предмѣстьѣ (4). Здѣсь насъ посѣтили многіе Поляки: всѣ они старались выставить предъ нами свою преданность новоизбранному Королю и сопровождали свои увѣренія неумѣстными тѣлодвиженіями. Мы втайнѣ смѣялись надъ чванствомъ этого хвастливаго народа.

5. Морозъ сдалъ, дорога была отличная, и мы еще до вечера пріѣхали въ Торунь (Turonium, Торнъ) (5). Этотъ городъ находится въ Королевской Пруссіи и пользуется преимуществами, подобными тѣмъ, которыя имѣютъ, такъ называемые, вольные города Римско-Нѣмецкой Имперіи. Нѣмецкій языкъ здѣсь въ большомъ употребленіи, но съ примѣсью Польскаго. Хотя большая часть жителей Аугсбургскаго Исповѣданія, тѣмъ не менѣе и Католики невозбранно исполняютъ обряды своей Религіи. На рынкѣ города, около приходской Католической церкви, сооружены красивые тріумфальные ворота, для достойнаго пріема новоизбраннаго Короля Польскаго.

6. Здѣсь, на другой день нашего пріѣзда, имѣли мы дневку собственно для нашихъ лошадей, изнуренныхъ безпрерывною дорогою. Отсутствіе Господина Посла было извѣстно; жители, показывая видъ, что ожидаютъ его пріѣзда, назначили депутатовъ привѣтствовать его въ то время, какъ онъ будетъ проѣзжать по почтѣ чрезъ городъ, Нѣмецкою рѣчью, которою они хотѣли вы-

разить ему пожеланія счастливаго пути, а также изъявить свое достодолжное почтеніе и свою нижайшую преданность Его Императорскому Величеству, равно и свою вѣрность и непоколебимое повиновеніе новоизбранному Польскому Королю.

7. Когда мы уже совсѣмъ собрались въ дорогу, подводчикъ извѣстилъ насъ, что ему отказываютъ въ проѣздѣ черезъ Вислу, пока не заплатитъ за принадлежащихъ ему подставныхъ лошадей обычной пошлины, называемой das Brücken-Geld (мостовое), но когда объяснили сборщику, что пошлина эта взымается только за перевозку собственной клади, и что по этой причинѣ подводчикъ не обязанъ платить за переѣздъ, то онъ отказался отъ своего требованія, и мы, проѣхавъ Лысоминице, Осташевъ (Ostascivum) и Гизиву (Giziwam), прибыли въ Епископскій городъ, Хелмно (Кульмъ) (3). Смотря на этотъ городъ, можно подумать, что всѣ адскія фуріи, покинувъ свои жилища, на него напали, ограбили и разорили его, онъ въ двухъ миляхъ разстоянія отъ Хелмно, и по тому называется Епископскимъ Хелмномъ. Великолѣпная церковь Каноников замѣчательна, какъ памятникъ вознагражденія за обиду, нанесенную Каноникамъ жителями Торуня не Католическаго Исповѣданія, во время крестнаго хода, совершаемаго Канониками въ Торунь. Въ наказаніе Торунцевъ и возмездіе Каноникамъ за поношеніе, имъ причиненное, обязаны были Торунцы построить эту церковь собственнымъ иждивеніемъ.

Этѣмъ временемъ Г-нъ Посолъ былъ допущенъ милостивѣйшимъ соизволеніемъ къ цѣлованію, съ должнымъ и покорнѣйшимъ высокопочитаніемъ, священнѣйшей руки Августѣйшаго Императора, Всепресвѣтлѣйшаго Короля Римскаго, и, по приведеніи къ обычной присягѣ Его Высокопревосходительствомъ, Господиномъ Фельдмаршаломъ и Предсѣдателемъ Надворнаго Военнаго Суда, Господиномъ Графомъ Штаренбергомъ, былъ внесенъ въ списокъ Надворно-Военныхъ Совѣтниковъ. Сдѣлавъ, по долгу уваженія, прощальныя посѣщенія важнѣйшимъ Министрамъ Его Императорскаго Величества, и принявъ напутственное благословеніе, во имя Всемогущаго Бога, отъ Его Свѣтлости, Кардинала Колонича, Г-нъ Посолъ отправился на почтовыхъ въ путь. Прибывъ на берегъ Дуная, въ сопровожденіи супруги, друзей и родныхъ, съ

ними тамъ распрощался и переѣхалъ Дунай, который вторично уже замерзъ.

8. Отправясь далѣе, пріѣхали мы, чрезъ Шоттенбрукъ, въ Грудзёндзъ (Крауденцъ) (5).

9. Сдѣсь монастырь дѣвицъ ордена Св. Клары, въ которомъ мы сегодня слушали обѣдню. Дальнѣйшее путешествіе наше весьма замедлялось скверными дорогами. Тяжело нагруженныя повозки съ трудомъ подвигались по холмистой мѣстности, занесенной снѣжными сугробами (4). Въ полдень пріѣхали мы въ Новое (Neuenburg, Neostadium), а на закатѣ солнца въ Песко (4).

10. Проѣхавъ Риндеслоге, въ одной верстѣ разстоянія отъ Штрасенбара, мѣста нашего ночлега, одна изъ повозокъ, по небрежности подводчика, опрокинулась съ окраины дороги, и намъ стоило усерднаго двухчасоваго труда, въ ночную пору, чтобъ поднять ее и встащить на дорогу. Конюшій поѣхалъ впередъ насъ въ Гданскъ (Данцигъ), чтобы отыскать тамъ, до нашего пріѣзда, удобную гостинницу, для помѣщенія насъ и лошадей нашихъ.

11. Слѣдуя за нимъ съ самаго утра, чрезъ Лонгенау и Шеверингъ, пріѣхали мы, около полудня, въ предмѣстье Гданска, откуда въѣхали въ самый городъ въ приличномъ порядкѣ. Гостинница, гдѣ мы остановились, называется Зеленый Лугъ.

12. Здѣсь должны мы были оставаться до полученія новаго, личнаго, или письменнаго, распоряженія Господина Посла. Послѣ обѣда пошли мы осмотрѣть тріумфальную арку, воздвигнутую Гданскимъ Магистратомъ для достойнаго пріема новоизбраннаго Короля Польскаго. Мы единодушно нашли, что она очень замѣчательна, блестяща, какъ по размѣрамъ и великолѣпной постройкѣ, такъ и по остроумію символовъ.

13. Главнѣйшая церковь сего города, Лютеранская, носитъ еще на себѣ слѣды религіи Католической. При входѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе, какъ величиною, такъ и изяществомъ отдѣлки, мѣдная купель для крещенія; но еще болѣе замѣчателенъ въ этой церкви образъ Страшнаго суда: на немъ

художникъ весьма живо изобразилъ тѣ чувства, которыя вызываетъ въ людяхъ это грозное событіе. Сорокъ лѣтъ провелъ Яковъ Гейкъ (Heick) изъ Амстердама надъ писаніемъ этого образа: образъ этотъ первоначально былъ предназначенъ въ Базилику Св. Петра, но корабль, на которомъ везли этотъ художественный памятникъ въ Римъ, потерпѣлъ крушеніе. Весь грузъ судна былъ поглощенъ моремъ, но водная стихія, какъ бы уважая святыню, принесла, на своихъ волнахъ, этотъ драгоцѣнный образъ къ Гданску, и образъ хранится между драгоцѣннѣйшими сокровищами здѣшней церкви. Такъ сказать, божественная кисть художника вѣрно выразила различную судьбу веселящихся праведниковъ и скорбящихъ грѣшниковъ; найменьшія фигуры нарисованы съ такимъ тщаніемъ, что на нихъ, какъ на живыхъ, видны всѣ движенія чувствъ и страстей. Слѣдуетъ при томъ замѣтить, что живописецъ былъ хорошій оптикъ, по тому что глазъ невольно обманывается, гляда на этотъ образъ, который представляется въ какомъ-то тройственномъ видѣ. [3] Главный престолъ церкви обложенъ листами литой латуни (aurichalco fuso); на лицевой сторонѣ его изображенъ хоръ Ангеловъ, на верхней доскѣ престола — вѣнчаніе Дѣвы Маріи. Другое изображеніе Богородицы, прекрасно сдѣланное изъ камня, хранится подъ ключемъ; разсказываютъ, что безумная чернь отбила у этой статуи одну руку. Осмотрѣвши помянутыя достопримѣчательности, мы отстояли обѣдню въ ближайшей часовнѣ. Намъ еще оставалось осмотрѣть крѣпость, называемую Мюнде; крѣпость эта построена для защиты пристани. Никто не имѣетъ права войти въ Мюнде безъ особаго на то пропуска, выданнаго отъ Магистрата. Позволеніе сіе было охотно дано намъ Главнымъ Начальникомъ Гданска, Шмидтомъ. Мы наняли, за умѣренную плату, столько саней, сколько могли найти, и отправились на нихъ по льду рѣки, къ той части ея, которая называется Мюнде. Мы прибыли туда весьма скоро. Мюнде, омывая наружныя стороны вала, защищаетъ крѣпость. Рѣка здѣсь тщательно очищена пешнями отъ льда (igonis auxilio). Перевозныя лодки находились на берегу крѣпости, подъ охраною сол-

[3] У Голикова (изд. 2-ое, М. 1838, ч. IV, стр. 257—258) приведенъ разсказъ Татищева о томъ, какъ Петръ 1-й пытался купить этотъ образъ въ 1716 г. за 50 тысячъ ефимковъ. Перев.

дата. Онъ объявилъ намъ, что пока Комендантъ не осмотритъ нашъ пашпортъ и не отдастъ приказанія пропустить, до тѣхъ поръ онъ не перевезетъ насъ. Пашпортъ былъ отданъ, и вскорѣ мы усѣлись въ судно, въ которомъ подплылъ къ намъ солдатъ; онъ перевезъ насъ къ крѣпости, куда мы и вошли чрезъ первыя ворота. Насъ встрѣтилъ здѣсь караулъ, стоявшій подъ ружьемъ. Поручикъ, въ слѣдствіе полученнаго имъ приказанія, принялъ насъ весьма привѣтливо и, проведя по внѣшнимъ укрѣпленіямъ, показалъ намъ все, что заслуживало вниманія посѣтителей; за тѣмъ мы были введены во внутренность крѣпости, гдѣ насъ встрѣтилъ новый караулъ и дожидался насъ другой Офицеръ. Послѣдній также показалъ намъ все, что еще было достойно вниманія. Множество орудій, вполнѣ удовлетворительное укрѣпленіе стѣнъ и окоповъ, наконецъ порядокъ, въ которомъ содержится крѣпость, заслуживаютъ удивленія. Тѣмъ порядкомъ, какимъ были мы введены въ крѣпость, такъ же насъ и вывели; при этомъ мы должны были вездѣ показывать свой пропускной видъ. Санная прогулка до того всѣмъ намъ понравилась, что мы хотѣли было проѣхать на саняхъ до самаго взморья, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ ледъ не простирался столь далеко, по этому мы усѣлись въ трехвесельное Голландское судно, стоявшее у окраинъ льда, и все осмотрѣли.

14. Въ воздухѣ туманъ, шелъ проливной дождь, заслонявшій солнце. Зима слабѣла, дуновеніе весенняго вѣтра умѣряло ея жестокость. Склизкость по улицамъ затрудняла пѣшеходовъ, и по тому невозможно было развлекаться продолжительными прогулками по городу. Однако жь, не смотря на это, мы ходили къ обѣднѣ въ монастырь отцевъ Кармелитовъ.

15. Сегодня получили мы отъ Посла нашего письмо, въ которомъ онъ насъ извѣщалъ, что находится уже въ дорогѣ и скоро пріѣдетъ. По полудни мы вздумали осмотрѣть Дворецъ Сенаторовъ (Patriciorum). По Средамъ и Субботамъ послѣ обѣда зданіе сіе наиболѣе посѣщается Сенаторами и купцами. Въ этѣ дни, по завѣщанію какого-то купца, городская музыка, за извѣстную плату, услаждаетъ слухъ посѣтителей прекрасно разыгрываемыми симфоніями. Залъ Сенаторовъ замѣчателенъ по своей живописи и, между прочимъ, къ достопримѣчательностямъ его отно-

сять и то, что простонародный шутъ, извѣстный подъ прозвищемъ Eulenspiegel (Совиздралъ), прислонясь къ большой печкѣ, дѣлаетъ кривлянія заговаривающимъ съ нимъ и показываетъ имъ заднюю часть тѣла, оставивъ осмѣянными тѣхъ, которые искали случая посмѣяться надъ нимъ. На потолкѣ зала видишь столь искусно изображенный кистью свѣтъ, что, глядя на него, присягнулъ бы, что онъ настоящій: до такой степени въ семъ случаѣ искуство поддѣлалось къ природѣ. Гербъ города Гданска—Олень, по тому стѣны этого зала разрисованы различными картинами изъ Исторіи и Миѳологіи, въ которыхъ, между прочими животными, фигурируетъ олень: тутъ Орфей привлекаетъ въ лѣсахъ звуками своей лютни различныхъ звѣрей, тамъ гибнетъ Актеонъ, растерзанный собственными собаками, далѣе опять какая-то охота.

16. Весь этотъ день былъ посвященъ нами Богослуженію у отцевъ Доминикановъ. Мы выслушали проповѣдь, обѣдню и разныя молебствія.

17. Частый дождь задержалъ насъ опять дома: только тѣ и выходили со двора, которые любили посѣщать винные погреба, или которымъ хотѣлось узнать точную цѣну товаровъ.

18. Пользуясь хорошею погодою и тѣмъ, что небо было совершенно безоблачно, мы отправились за городъ. Дорога къ монастырю Ордена Цистерсовъ (Cisterciensis Ordinis), находящагося недалеко отъ города, идетъ по весьма живописной мѣстности: сады, увеселительные дома, прекрасныя дачи, тѣнистые терновники, обильные ручьи, стекающіе съ холмовъ, живописно разбросанные сады, всюду глазъ встрѣчаетъ плѣнительное разнообразіе. У подошвы одной горы расположенъ монастырь ордена Цистерсовъ, именуемый Оливою; вся окрестность, въ четверти часа разстоянія отъ города, принадлежитъ сей обители. Границею ея владѣній, по направленію къ морю и Вислѣ, служитъ крѣпость Мюнде. Монастырь основанъ Судиславомъ, Княземъ Поморскимъ (Pomeraniae), въ память обращенія въ Католическую вѣру Настоятелемъ Холмскимъ (a Culmbacensi Abbate). Тотъ же Князь перевелъ сюда изъ другаго монастыря и монаховъ Ордена Цистерсовъ. Монастырская церковь великолѣпна; мы тамъ нашли много эпитафій; одну изъ нихъ

считаю нелишнимъ привести здѣсь: «Убѣжище сіе нашла подъ симъ утесомъ Олива. Да найдетъ она себѣ въ Бозѣ свѣтъ, жизнь и вѣрный покой.» Монастырь богатъ, имѣетъ свою Типографію и Аптеку. Всей Европѣ извѣстно, въ слѣдствіе какихъ побужденій проживалъ въ семъ монастырѣ Французскій Принцъ Конде, предлагавшій себя въ Короли Польскіе.

19. Четыре роты Саксонской кавалеріи пришли въ городъ для охраненія Короля, который сюда прибудетъ.

20. Прибыли двѣ роты тѣлохранителей Польскаго Короля и расположились на квартирахъ: одна въ предмѣстьѣ Стольценбергѣ, другая же въ Шотландскомъ предмѣстьѣ. Нѣкоторыя изъ насъ вышли за городъ посмотрѣть на вступающихъ солдатъ, другіе пошли на городскую башню осмотрѣть часы съ музыкой, очень искусно сдѣланныя.

21. Какой-то миссіонеръ служилъ сегодня обѣдню въ монастырѣ Бригитокъ. По духовному завѣщанію основателя монастыря, въ немъ должно бы помѣщаться 24 монаха и 60 монахинь; но Лютеране не нашли нужнымъ соблюсти волю завѣщателя и ограничили число отшельниковъ 8-ю, а число монахинь 30; доходы же, которые собираются для содержанія недостающаго числа монаховъ и монахинь, обращаются въ городскую казну. Сегодня, въ третьемъ часу по полудни, пріѣхалъ на почтовыхъ Посолъ въ двухъ экипажахъ. Ему, по распоряженію Магистрата, отведены найлучшія комнаты въ домѣ какого-то Сенатора, которыя онъ сейчасъ же и занялъ.

22. На другое утро двое Сенаторовъ явились къ пріѣзжему съ привѣтственною прекрасною рѣчью на Нѣмецкомъ языкѣ отъ лица всѣхъ своихъ товарищей. Сенаторы заявили при семъ искреннѣйшую и почтительнѣйшую преданность Его Величеству, Августѣйшему Императору. Господинъ Посолъ отвѣчалъ съ большою привѣтливостію, увѣряя Господъ Депутатовъ, что въ первомъ же своемъ вѣрноподданническомъ донесеніи представитъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ почетный пріемъ, сдѣланный ему Магистратомъ, и нижайшее онаго заявленіе искренней преданности Его Величеству, Августѣйшему Императору. Послу поднесены были

при этомъ случаѣ чрезвычайной величины рыба и 12-ть кружекъ съ винами, Рейнскимъ и Испанскимъ.

23. Посланы два верхомъ бирюча, чтобы возвратить слугъ, отправленныхъ отыскивать заблудшую собаку. Вечеромъ, пользуясь прекрасною погодою, обошли мы вокругъ города, перешедши по льду рѣки Вислу и Мотлаву (Мондловъ).

24. Наконецъ продолжительный нашъ отдыхъ кончился; ожидая къ этому времени Господина Посла, запаслись мы всѣмъ необходимымъ для дороги. Въ два часа послѣ обѣда оставили мы Гданскъ, и съ повозками, тяжело нагруженными, проѣхавъ счастливо какую-то гору и Вислу, до сихъ поръ еще замерзшую, прибыли мы, въ восемь часовъ ночи, въ Шёнбергъ (3).

25. Сегодня нужно намъ было переѣзжать Вислу, но не безъ опасности, такъ какъ солнце грѣло въ полдень уже сильнѣе прежняго, и по этому ледъ сдѣлался гораздо тоньше, однако, не смотря на это, намъ пришлось, до нашего пріѣзда на обѣдъ въ селеніе Ропахъ, вторично подвергаться той же опасности, проѣзжая чрезъ другую рѣку, называемую Ногатъ (Нагатъ) (4). До вечера еще въѣхали мы въ Эльблонгъ (Эльбингъ), городъ Королевской Пруссіи (2). Онъ имѣетъ большія предъ другими городами преимущества. Рѣка Ногатъ обтекаетъ Эльблонгъ; если же захотятъ жители, то они могутъ такъ устроить, что рѣка эта совершенно окружитъ Эльблонгъ и, такимъ образомъ, послужитъ защитою противъ непріятеля. Ногатъ, судоходная рѣка, способствуетъ торговлѣ. Эльблонгъ состоитъ подъ верховною властію Польскихъ Королей, пользуется обширными правами, въ родѣ тѣхъ льготъ, какія имѣютъ Имперскіе вольные города. Высшая власть въ Эльблонгѣ сосредочена въ рукахъ двухъ сановниковъ: Бургграфа и Предсѣдателя: перваго назначаетъ Король, а послѣдняго выбираетъ Сенатъ. Бургграфъ вѣдаетъ дѣла военныхъ и внѣшнихъ сношеній, Предсѣдателю же предоставлены дѣла гражданскія. Въ бытность нашу здѣсь въ городѣ сооружали тріумфальныя ворота, и власти готовили торжественный пріемъ своему новоизбранному Королю, который долженъ былъ пріѣхать сюда для принятія подданнической присяги. Всѣмъ извѣстно, что этотъ городъ долгое время находился во временномъ владѣніи Курфирста Бран-

денбургскаго, отданный ему въ залогъ, на основаніи Быдгощскаго договора. Курфирстъ имѣлъ даже здѣсь свой гарнизонъ. Извѣстно, что это случилось въ слѣдствіе того, что полюбовная сдѣлка двухъ владѣтелей не состоялась. Увѣряютъ, что Польское Правительство, это богатѣйшее украшеніе своей Короны, вновь отдаетъ въ залогъ за 400,000 флориновъ.

26. Снова продолжая дорогу, пріѣхали мы къ обѣду въ Католическое мѣстечко, подъ названіемъ Новая Церковь (Nova Ecclesia) (3); нужно было переѣзжать рѣку Преголу (Прегель). [5] Проѣхавъ далѣе Фрауенбергъ (Фрауенбургъ), прибыли мы на ночлегъ въ Браунсбергъ (Брунсбергъ) (2). Не доѣзжая до сего послѣдняго мѣста находится граница, отдѣляющая Королевскую Пруссію отъ Княжеской. Отцы Ордена Іисуса имѣютъ сдѣсь свой Коллегіумъ.

27. Выслушавъ обѣдню, отправились мы въ дорогу, проѣхали мѣстечко Сѣкерку Свенту (Гейлигенбейнъ) и обѣдали въ селѣ Федерау (2). Пока приготовляли обѣдъ, нѣкоторые изъ насъ, соблазненные прекрасною погодою и весьма пріятнымъ мѣстоположеніемъ, пошли гулять на сосѣдніе холмы и въ лѣсокъ (dumeta) терновника, иные занялись охотою за зайцами и мелкою дичью, и подверглись разнымъ приключеніямъ. Сдѣсь возвышается холмъ надъ скрытою рѣчкою; казалось, что ледъ, прикрытый толстымъ слоемъ снѣга, долженъ поднимать человѣка; однако же, кто только на него вступалъ, тотчасъ проваливался въ воду; но такъ какъ рѣчка не была ни глубока, ни быстра, то это приключеніе очень забавляло тѣхъ, которые покойно смотрѣли, какъ упавшій въ воду, съ небольшими усиліями: оттуда вылѣзалъ. Но Конюшему угрожала большая опасность; въ то время, какъ онъ стрѣлялъ по птицѣ, ружье его разорвало на части и осколкомъ ранило его руку. Богъ одинъ спасъ, что этотъ случай не кончился гораздо печальнѣе, такъ какъ Конюшій стрѣлялъ около окна комнаты, въ которой Господинъ Посланникъ преспокойно бесѣдовалъ съ нѣкоторыми особами изъ

---

[4] Объ этомъ см. замѣчаніе Петра 1-го, сдѣланное имъ въ 1715 г. Оно приведено Голиковымъ въ «Дѣяніяхъ» его (изд. М. 1838, ч., VI, стр. 324). Перев.

[5] Вѣроятно, Пасаргу, а Прегола далѣе, у Кралевца или Кёнигсберга. Перев.

своего поѣзда, ни сколько не думая, что можетъ случиться что либо подобное. Но это приключеніе очень встревожило его, и онъ тотчасъ далъ приказаніе осмотрѣть всѣ заряженныя ружья, и тѣ изъ нихъ, которыя окажутся сомнительными, разрядивъ, зарядить какъ слѣдуетъ, людямъ, понимающимъ это дѣло. Вечеромъ пріѣхали мы въ Бранденбургъ.

28. На слѣдующій день, въ одиннадцать часовъ, въѣхали мы въ Краловецъ (Крулевецъ, Regiomontium, Кёнигсбергъ) (2). Въ ожиданіи обѣда, пошли мы въ приходскую Католическую церковь, гдѣ служилъ обѣдню какой-то Миссіонерскій Священникъ. Сдѣсь есть Благочинный (Decanus). Курфистръ Бранденбургскій обязанъ платить ему годичное жалованье въ тысячу флориновъ; онъ содержитъ при себѣ трехъ Миссіонеровъ Езуитскаго Ордена, которые живутъ отъ подаяній, а по тому жаловались, что терпятъ во многомъ нужду. Краловецъ, столица Княжеской Пруссіи, находится подъ верховною властію Курфирста Бранденбургскаго. Намѣстникомъ его состоитъ одинъ изъ Герцоговъ Голштинскихъ, который въ то же время завѣдываетъ и главнымъ управленіемъ. Узнавъ о нашемъ прибытіи, Герцогъ тотчасъ же прислалъ своего Чиновника къ Послу съ привѣтствіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать завтрешній день на обѣдъ въ замокъ. Посолъ за такоо вниманіе, чрезъ своихъ Чиновниковъ выполнилъ взаимно долгъ вѣжливости, но отъ обѣда уклонился, вѣроятно, по политическимъ соображеніямъ. Тѣмъ не менѣе Намѣстникъ не преминулъ прислать къ Г. Послу музыку Курфирста и караулъ для охраненія нашихъ особъ и имущества.

МАРТА

1. Господинъ Посолъ намѣревался выѣхать изъ Краловца сегодня, но былъ задержанъ подводчиками. Вначалѣ они запросили съ каждой лошади до Вильны по 10 имперіяловъ, при дальнѣйшемъ же торгѣ каждый разъ повышали цѣну, сначала до 12 имперіяловъ съ лошади, а потомъ стали уже требовать по 12 имперіяловъ собственно не ходячихъ, а полновѣсныхъ. Люди этѣ, разсчитывая на необходимость найма, думали воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы сорвать съ путешественниковъ сколь воз-

можно болѣе. Посредничество въ этомъ случаѣ Консула города Любека и Войта Зандера не принесло ни какой пользы. По этому Господинъ Посланникъ вынужденъ былъ купить лошадей, называемыхъ Muschinli.

2. Изъ того имѣнія, гдѣ лошади были куплены, не могли ихъ привести ранѣе, какъ на слѣдующій день, по чему надо было еще промедлить въ Краловцѣ. Посолъ сегодня въ вечеру чрезъ Секретаря поблагодарилъ Герцога Голштинскаго за назначеніе караула. Отвѣтъ Герцога былъ очень вѣжливъ, и онъ извинялся, что до сихъ поръ не могъ еще бесѣдовать съ Посломъ.

3. Запасшись всѣмъ, что по времени года необходимо было для предстоявшей намъ дальнѣйшей дороги, продолжали мы вновь наше путешествіе; обѣдали въ селѣ Гёнратъ (Hoenrath) (1½). Было еще не поздно, когда мы прибыли въ Тапяву (Tapiau, Tapiaw) (1½); но такъ какъ по близости не находилось постоялаго двора, то мы тамъ и остановились. Съ нами были двѣ отличныя Англійскія охотничьи собаки, и мы, для своей забавы, купивъ борова, отдали его собакамъ въ жертву.

4. Городъ Прегола (Прегель) омывается рѣкою одинаковаго съ нимъ имени. Проѣхавъ городъ и рѣку, обѣдали мы въ полдень въ селеніи Піоттенъ (Piotten) (3), а вечеромъ пріѣхали въ городъ Инструцъ (Истербургъ, Инстербургъ) (4). Поѣздъ съ лошадьми ночевалъ въ предмѣстьѣ, Господинъ же Посланникъ съ нѣкорыми Чиновниками въ городѣ. Предмѣстье отъ города отдѣляется рѣкою Преголой, на которой устроенъ деревянный мостъ. Предмѣстье не состоитъ подъ управленіемъ Городскаго Магистрата, но зависитъ, въ силу какихъ-то правъ, непосредственно отъ Брандебургскаго Правительства. Одинъ человѣкъ изъ нашего поѣзда стрѣлялъ изъ пистолета на рынкѣ города, и хотя его предостерегали, что зарядъ слишкомъ великъ, но онъ изъ хвастовства, или по упрямству, не хотѣлъ уменьшить его на сколько слѣдовало; кончилось тѣмъ, что при выстрѣлѣ пистолетъ разарвало силой пороха въ мелкіе куски. Замокъ, находящійся въ этомъ городѣ, принадлежитъ Курфирсту Бранденбургскому, въ коемъ живетъ Курфирстскій Войтъ, который во всемъ, однако, выполняетъ постановленія и предписанія Магистрата.

5. Взявъ съ собою проводника, пріѣхали мы въ Калапину (Kalapinam) на обѣдъ (3). Подкрѣпивъ свои силы, поѣхали мы далѣе, но на дорогѣ сломалось у насъ дышло, и это обстоятельство немного насъ позадержало; починивъ дышло, доѣхали мы до Столупянъ (Stolupiany, Stalubinam) (4). До сего мѣста, говоря о Пруссіи, нѣтъ Евреевъ, но въ Польшѣ, особенно же въ Литвѣ, ихъ множество.

6. Повозки, тяжело нагруженныя, остановились на ночлегъ въ одной мили за нами, и по тому на завтра мы оставались, въ ожиданіи ихъ пріѣзда, до 9 часовъ на мѣстѣ. Въ Верболовѣ (Wurwal) какой-то Польскій Дворянинъ очень самонадѣянно присоединился къ намъ и о многомъ, касательно Польши, насъ распрашивалъ. Но Полякъ этотъ возвратился отъ насъ домой не съ обширнымъ запасомъ свѣдѣній, такъ какъ мы ему очень мало отвѣчали. Въ то время стояла тамъ, на зимнихъ квартирахъ, рота Кастеляна Дуроцкаго. Она, въ нашемъ присутствіи, входила сюда церемоніяльно, съ распущеннымъ знаменемъ. Рота выступила было съ цѣлью пресѣчь дорогу непріятелю, и нужды нѣтъ, что, сдѣлавъ 15 миль, не нашла его и слѣда, тѣмъ не менѣе, хотя и не одержала побѣды, но, по врожденному народу тщеславію, возвращалась побѣдительницей. Сдѣшніе жители не имѣютъ иныхъ непріятелей, кромѣ своихъ же согражданъ: всѣ они раздѣляются на двѣ враждебныя стороны. Во главѣ ихъ стоятъ Сапѣга и Огинскій. Приверженцы того и другого взаимно опустошаютъ владѣнія своихъ предводителей, нанося, такимъ образомъ, вредъ себѣ же самимъ. Вечеромъ прибыли мы въ деревню Вильковишки (Diefiskingen) (4): съ этого мѣста Евреи уже содержатъ питейные дома.

7. Мы въѣхали въ лѣсъ, называемый пущею (desertum); лѣсъ этотъ простирается на девять миль. Дорога такъ была дурна, что мы вынуждены были въ лѣсу оставаться (4). Сдѣсь изрѣдка попадается жилье, но нигдѣ не возможно добыть ни пищи для людей, ни сѣна и овса для лошадей, равно какъ ни хлѣба, ни пива. Посланные за припасомъ въ Ковно (Kaoviam), вернулись только въ полночь. Едва ли гдѣ ни будь вынесли мы столько лишеній и мученій, какъ въ этомъ лѣсу. Неподалеку отъ нашей стоянки была печь для выжиганія смолы: мы полюбопытствовали ее осмотрѣть. Ночью мы установили очередный караулъ возлѣ обоза

для поддержки огней, такъ какъ боялись воровъ, которыми наполненъ этотъ лѣсъ (4).

8. Съ разсвѣтомъ, проѣхавъ остальную часть лѣса, прибыли мы, въ два часа послѣ обѣда, въ городъ Ковно (5), но наши повозки съ кладью подоспѣли къ намъ не ранѣе семи часовъ вечера. Отцы Ордена Езуитовъ встрѣтили Господина Посланника привѣтствіемъ.

9. На другое утро, отслушавъ у нихъ обѣдню, Посолъ со всей свитой отправился въ ихъ трапезную. Сдѣсь ученики привѣтствовали его рацѣями въ стихахъ и прозѣ. Въ сдѣшнемъ Коллегіумѣ состоитъ 10 Езуитовъ, которые и занимаются преподаваніемъ певыхъ началъ ученія. Въ бытность въ городѣ Господина Посланника отцы Езуиты были озабочены постройкой новаго костела. Они не имѣютъ для своего существованія ни какого фундуша и зависятъ отъ Виленскаго Коллегіума. Послѣ обѣда Посолъ со свитою посѣтилъ Ковенскій женскій монастырь Св. Клары. Духовникъ монастыря, монахъ Францисканскаго Ордена, открылъ предъ нами двери обители и трапезной. Хору сестеръ при Богослуженіи вторили наши музыканты. Намъ была показана довольно знательная часть Креста Господня. Мы всѣ до одного приложились къ нему. Щедро одаривъ монахинь, Посолъ, въ сопровожденіи сдѣшняго Духовника, отправился въ сосѣдній монастырь Францисканововъ. При вступленіи нашемъ въ церковь монахи, при звонѣ колоколовъ, запѣли: «Тебе Бога» (Te Deum). Для сдѣшняго мѣста это очень хорошій монастырь. Одаривъ монаховъ подаяніемъ, мы вернулись домой. Какой-то Дворянинъ Польскій; назвавшійся Хоружимъ Генерала Огинскаго, добился свиданія съ Господиномъ Посломъ, но, какъ оказалось, для того только, чтобъ выпросить себѣ пособіе.

10. На другое утро Господинъ Посолъ слушалъ обѣдню въ женскомъ монастырѣ; сдѣсь его пригласили на завтракъ, устроенный сестрами, сообразно съ ихъ скудными средствами: такъ подавали на немъ медъ (т. е., mulsum), водку и нѣсколько банокъ варенья. Посолъ не только благосклонно принялъ угощеніе, но, по свойственной ему щедрости относительно монаховъ и бѣдныхъ, далъ пособіе. Послѣ завтрака мы тронулись въ путь. Снѣ-

гу такъ было много, что едва не завязли въ немъ двѣ нашихъ повозки, одна съ поклажей, а другая съ кухней. Съ большимъ трудомъ общими усиліями повозки этѣ были вытащены. Миновавъ красивый монастырь Бенедиктиновъ (1), мы заночевали въ Румшишкахъ (Rumzitzki) (2).

11. Около полудня доѣхали мы до села Жижморъ (Zizmari) (2) и имѣли ночлегъ въ Алембокѣ (Alembock).

12. Обѣдали мы въ Довятахъ (Deviaw), а ужинали въ Вакѣ (Twacka) (5).

13. Мы пріѣхали въ Вильну въ одиннадцать часовъ (3). Отцы Езуиты привѣтствовали Посла съ счастливымъ пріѣздомъ. Князь Сапѣга, Напольный Гетманъ Литовскій, узнавъ отъ нашихъ чиновниковъ, ѣхавшихъ впереди для найма подводчиковъ, что сзади ихъ ѣдетъ Посолъ, ежедневно сталъ навѣдываться, не пріѣхалъ ли онъ? Сапѣга увѣрялъ, что долженъ поговорить съ нимъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Но такъ какъ ѣзда наша, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, весьма замедлилась, Князь же Сапѣга долженъ былъ ѣхать въ Гродно, на сеймикъ Литовской шляхты, то онъ и не могъ насъ дождаться.

14. Профессоры и Студенты Виленской Академіи явились сегодня на квартиру Посла съ привѣтствіемъ. При этомъ Студентами Академіи сказаны были панегирики, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Обѣдня была отслушана нами у Езуитовъ, послѣ чего мы посѣтили ихъ Коллегіумъ. Сдѣсь въ особенности замѣчательна библіотека и аптека. Завѣдывающій послѣднею, по Польскому обыкновенію, подчивалъ насъ различнаго рода весьма вкусными водкою и наливками. Завѣдывающій аптекою принадлежитъ къ Ордену Езуитовъ, но прочіе подручные его, весьма полезные люди, суть свѣтскіе. Лучшій костелъ въ Вильнѣ Езуитскій: главный алтарь въ немъ отличается богатствомъ и искусною отдѣлкой. Въ семъ храмѣ находится мраморная часовня Св. Казимира, Короля Польскаго; [6] драгоцѣннѣйшее украшеніе этой часовни со-

---

[6] Св. Казимиръ, жившій въ XV-мъ столѣтіи, не былъ Королемъ, такъ какъ онъ умеръ еще при жизни отца своего, Казимира Ягайловца. Перев.

ставляетъ серебряный вызолоченный престолъ. Богатство обстановки какъ бы возвышаетъ еще святость сего мѣста. Тѣло Святаго почіетъ въ серебряномъ гробѣ, который на серебряныхъ цѣпяхъ виситъ надъ престоломъ. Голова Св. Казимира хранится во Флоренціи; городъ этотъ домогался сего на томъ основаніи, что въ честь Казиміра учредилъ рыцарскій Орденъ. Близъ костела возвышается башня; она, какъ увѣряютъ, составляетъ остатокъ замка, въ которомъ жилъ Казимиръ. Двери, чрезъ которыя Казимиръ входилъ въ храмъ, нынѣ задѣланы. Увѣряютъ, что задѣлали ихъ по тому, что люди, обремененные тяжкими грѣхами, будучи удерживаемы какою-то сверхъестественною силою, ни какъ не могли сквозь нихъ проходить. Въ Вильнѣ, столицѣ Литовскаго Княжества, находятся весьма порядочные монастыри Доминиканъ, Францисканъ, Братьевъ Милосердія и Св. Василія (Базиліянъ).

15. Товарищъ Виленскаго Воеводы, Господинъ Шумскій, Гродскій Судья Швыйковскій; и Гродскій Писарь Вольскій, представились нашему Послу отъ Напольнаго Гетмана Литовскаго Сапѣги и, между прочими привѣтствіями, заявили, что Князь Сапѣга весьма сожалѣетъ о томъ, что крайне спѣшныя дѣла не дозволили ему дождаться Господина Посла. Отвѣтъ Посла былъ сообразенъ съ сомнительнымъ положеніемъ обстоятельствъ и преисполненъ изысканной вѣжливости. Приготовясь вновь къ дорогѣ, продолжали мы наше путешествіе. Мы уѣхали сегодня четыре мили и остановились на ночлегъ въ мѣстечкѣ Мѣдникахъ (Miedneck) (4). Сдѣсь монахи Ордена Св. Августина имѣютъ монастырь, въ которомъ мы присутствовали при Богослуженіи.

16. Мы хотѣли ускорить нашу ѣзду, но встрѣтили препятствіе въ неимовѣрно глубокихъ снѣгахъ. Полозья, подъ телѣгою съ кухонною посудой, сломились, экипажъ Г. Посланника опрокинулся; и лошади, и люди сегодня очень утомились. Въ Ошмянахъ (Osmiana) (3), мѣстечкѣ, принадлежащемъ Сапѣгѣ, обрѣли мы конецъ нашимъ трудамъ, въ надеждѣ на завтра имѣть лучшую дорогу. Близъ двора, гдѣ мы остановились, былъ монастырь Доминикановъ; около четырехъ часовъ по полудни изъ него показалась процессія; такъ какъ это было въ Великій Постъ, то участники ея нещадно сѣкли себя плетками. Вмѣстѣ съ про-

чими и мы пропѣли молитву въ честь Пресвятой Дѣвѣ (Salve Regina!); затѣмъ въ монастырѣ сказана была на Польскомъ языкѣ проповѣдь, пропѣта пѣснь о Господнихъ страданіяхъ и, въ заключеніе, заиграли на органѣ (cymbalis). Подъ звуки сего инструмента народъ вновь сталъ бичевать себя.

17. Въ 12-мъ часу пріѣхали мы въ Боруны (Buronium) (3). Сдѣсь находится монастырь Ордена Уніятовъ Базиліянъ. Монастырь сей славится въ отдаленныхъ мѣстахъ чудотворною иконою Божіей Матери. Сюда стекаются несчетныя толпы богомольцевъ: Поляковъ, Литовцевъ, Греко-Уніятовъ и друг. Желая выказать сдѣсь нашу набожность, просили мы Отцевъ Миссіонеровъ отслужить въ этомъ храмѣ обѣдню; при звукахъ нашей музыки пѣли Лоретанскую литанію (молебствіе). Такъ какъ въ это время Базиліяне пріискивали средства на построеніе новаго храма, то нашъ Посланникъ, по свойственной ему щедрости, сдѣлалъ имъ пособіе на этотъ предметъ. Отправясь далѣе, пріѣхали мы вечеромъ въ Фабрицъ (Fabriz) (4).

18. Цѣлый день мы копались въ снѣгахъ; хотя и поставили въ Вильнѣ всѣ наши повозки на полозья, но это ни сколько не помогло намъ. Путь нашъ лежалъ по узкимъ дорожкамъ, по которымъ часто нельзя было пробраться, сквозь безпредѣльныхъ лѣсовъ, по безпроходнымъ тропинкамъ, заслоненнымъ деревьями съ перевисшими вѣтвями. Для прохода требовалось обсѣкать сучья и срубать многолѣтнія деревья. Какой-то Татаринъ, по имени Ризванъ (Riswan), имѣющій въ своемъ распоряженіи много другихъ Татаръ, былъ, вмѣстѣ съ ними, потребованъ въ Вильну для перевозки нашихъ вещей на небольшихъ саняхъ. Они-то, по просьбѣ и по приказанію, вытащили изъ снѣгу нашу телѣгу и прочія повозки, которыя такъ глубоко завязли въ снѣгу, что, казалось, не возможно было ихъ высвободить. Одинъ изъ Татаръ, погонявшій лошадей безъ всякой осмотрительности, хотя тѣ, уже совершенно выбившись изъ силъ, не могли двинуться съ мѣста, былъ ушибенъ въ ногу заупрямившейся, лошадью. Онъ ввѣренъ попеченіямъ нашего лѣкаря. Поздно ночью добрались мы до села Доры (Dovi) (3). Господинъ Посланникъ съ Миссіонерами и высшими Чиновниками провелъ ночь на какомъ-то хуторѣ Виленскаго Кастеляна Слушки (Sluska), всѣ же прочіе ночевали въ Жидовской корчмѣ.

19. Сегодня праздникъ Святаго Іосифа, Воспитателя нашего Спасителя. Казалось, что будетъ затруднительно отпраздновать этотъ день, такъ какъ въ городѣ другаго храма, кромѣ Русскаго, не было; однако же, нашлась деревенская часовня, которая и удовлетворила нашему стремленію къ молитвѣ. Миссіонеры отслужили въ ней сряду три обѣдни. Было уже около десяти часовъ, когда мы тронулись съ мѣста и, ѣдучи постоянно лѣсомъ, доѣхали до Ракова (Racoviam), но день не обошелся безъ непріятностей (3). Экипажъ, назначенный для собственнаго употребленія Г. Посланника, опрокинулся на одномъ изъ снѣжныхъ сугробовъ, въ другихъ же экипажахъ поломались дышла. Но имѣя сегодня ночлегъ въ болѣе удобномъ и пристойномъ, противъ прежнихъ, постояломъ дворѣ, мы забыли о вчерашнемъ днѣ и о всѣхъ нами испытанныхъ непріятностяхъ. Сдѣсь нашли мы два монастыря, одинъ Доминиканскій, другой Базиліянскій.

20. Дорогою, идущею по дремучимъ и безконечнымъ лѣсамъ, занесеннымъ снѣгами, добрались мы къ обѣду до деревни Старое Село (3). Мѣстный Староста, въ знакъ особеннаго уваженія, прислалъ Г. Послу рыбъ. Въ 4-мъ часу по полудни пріѣхали мы въ Минскъ (Minsko) (2).

21. Въ Минскѣ была дневка. Обѣдню мы отслужили у Езуитовъ. Намъ говорили, что сдѣшній Езуитскій Коллегіумъ не имѣетъ достаточныхъ фундушей, при всемъ томъ, однако же, въ немъ состоитъ 12 монаховъ. Базиліяне, Бернардины и Босые также живутъ бѣдно. Одинъ только костелъ Доминиканов убранъ получше другихъ. Минскъ, нѣкогда богатый и славный городъ, доведенъ, года три тому назадъ, сильнымъ пожаромъ до совершеннѣйшаго упадка. Въ немъ было прежде много купцовъ, нынѣ же не болѣе двухъ, да и тѣ съ трудомъ содержатъ себя и поддерживаютъ жалкую торговлю. На хорахъ Францисканскаго монастыря пѣли только два монаха, по этому можно судить объ ихъ малочисленности и бѣдности. Какой-то Капуцинъ, возвращаясь изъ Персіи, съ двумя монахами Ордена Босыхъ, сдѣсь заболѣлъ и лежитъ въ Коллегіумъ Езуитовъ. Господинъ Посланникъ, въ сопровожденіи только одного слуги, посѣтилъ его, вмѣстѣ съ Господиномъ Миссіонеромъ, Іоанномъ Берулою, и аптекаремъ, и узнавъ,

чѣмъ онъ боленъ, велѣлъ выслать изъ собственной аптеки нужныя ему лѣкарства.

22. Самыя тяжелыя наши телѣги, служившія для перевозки вещей и кухонной посуды, весьма неудобныя въ дорогѣ, были оставлены, на сохраненіе до нашего возвращенія изъ Московіи, или до новаго распоряженія Г. Посланника. По этой причинѣ кладь съ нихъ была переложена на небольшія сани. Отслушавъ обѣдню у отцовъ Доминикановъ, около одиннадцати часовъ, отправились мы благополучно въ путь съ 28 меньшими и 4 большими санями и, сдѣлавъ 8 миль, въ семь часовъ вечера пріѣхали въ Смолевичи (Schlozminium).

23. Такъ какъ тутъ постоялый дворъ содержался Евреемъ, то мы рѣшили праздновать сегодняшній воскресный день въ мѣстѣ нашего обѣда, въ городкѣ, называемомъ одними Жодиномъ (Sodin), другими Богуславомъ (Boguslau) (3). Но и тамъ содержатель постоялаго двора былъ Еврей, по этому и не было у насъ ни какого Богослуженія. Литовцы называютъ свои постоялые дворы кругами. Вечеромъ пріѣхали мы въ Борисовъ (3½). Городъ Борисовъ въ особенности извѣдалъ всѣ бѣдствія того страшнаго несчастія, которое въ это время тяготѣетъ надъ краемъ. Жители сего города жестоко страдали какъ отъ той, такъ и отъ другой, партіи, раздиравшихъ въ это время страну. То Снѣжинцы, то сторонники Огинскихъ, нещадно грабили Борисовцевъ. Дѣло не останавливалось на грабежѣ: тѣ, которые не давали денегъ, либо сопротивлялись злодѣямъ, были убиваемы, а очень многихъ приколачивали за языки къ стѣнамъ.

24. Обѣдали мы въ Лошницахъ (Letschnizl) (3), а ночевали въ Крупкахъ (Krupke) (5).

25. Сегодня первый переѣздъ нашъ былъ очень продолжителенъ; до полудня съ большимъ трудомъ доѣхали до села Словине Словяны (Slovine) (5), принадлежащаго Господину Словинскому. Отобѣдавъ, поѣхали мы дальше, но встрѣтили большое затрудненіе отъ неимовѣрной глубины снѣговъ. На дорогѣ нашей, не подалеку отъ села, была гора; покатость ея, склонясь къ долинѣ, образовала пространную равнину, куда, казалось, нарочно со всей

окрестности собранъ былъ снѣгъ. Сугробы были такъ глубоки, что даже порожнія сани, не обремененныя ни какой кладью, до того въ нихъ вязли, что ни людьми, ни лошадьми невозможно было ихъ вытащить. Въ этой трущобѣ должны мы были оставаться до вечера, трудясь безъ успѣха и даже безъ надежды. Кэдзеникъ (Kadzenick), деревушка Господина Словинскаго, была неподалеку оттуда (½), гдѣ мы и заночевали у помѣщика, случившагося тутъ. Экипажи же всю ночь оставались въ этѣхъ снѣжныхъ суметахъ подъ присмотромъ караульныхъ.

26. Мы были принуждены имѣть дневку. Лошади такъ сильно изнурились, хотя и прошли только около двадцати шаговъ, что для нихъ необходимы были и отдыхъ и кормъ. При томъ же, цѣлый день безостановочно была мятель, такъ что казалось весь снѣгъ, по Божіему соизволенію, устремился съ необычайною силою изъ воздуха на землю. Ради удобнѣйшей ѣзды по затрудняющимъ дорогу снѣгамъ запаслись мы новыми санями и лошадьми для перевоза колесъ, чемодановъ и другихъ разнородныхъ предметовъ, которыя могли бы быть помѣхою въ дорогѣ.

27. Какъ только тронулись мы съ мѣста, тутъ же, около постоялаго двора, встрѣтилъ насъ такой огромный суметъ снѣга, что приходилось, такъ сказать, не ѣхать чрезъ него, а насквозь пробиваться. Къ ночи добились мы до Друцка (Odrusco, Odrucko) (2½). Увѣряють, что въ прошломъ столѣтіи городъ этотъ былъ столь обширенъ, что имѣлъ 7-мь миль въ окружности; онъ славился, между прочимъ, тѣмъ, что имѣлъ до 200 церквей, но жестокость Москвитянъ, во время ихъ войны съ Поляками, превратила Друцкъ почти въ совершенную пустыню, такъ что о семъ городѣ можно нынѣ сказать то же самое, что нѣкогда воскликнулъ поэтъ, при взглядѣ на развалины Трои: «Гдѣ нѣкогда стоялъ Пергамъ, тамъ нынѣ волнуются колосья!»

28. Черезъ Староселье (Strasiele) доѣхали до Допса (Dopse, Копыса?) (3) къ обѣду; это мѣсто принадлежитъ Господину Огинскому. Послѣ обѣда, проѣхавъ остальную дорогу (3), мы прибыли въ Шкловъ (Scloviam). Это пограничная Литовская крѣпость, состоитъ въ вѣдѣніи Господина Сѣнявскаго (Genasski), отецъ котораго предводительствовалъ правымъ крыломъ Польской арміи во

время освобожденія Вѣны отъ осады Турокъ. Здѣсь есть монастырь и приходская церковь, которыя находятся подъ вѣдѣніемъ Доминикановъ. По случаю Страстной Пятницы былъ въ сумерки крестный ходъ, изображающій страданія Іисуса Христа.

29. Мы провели это святое время въ Богомоленіи у Доминикановъ. Вечеромъ посѣщали гробъ Христа и готовились къ Пасхальной исповѣди.

30. Сегодня почти весь поѣздъ пріобщался Св. Таинъ. Обѣдню служили при звукѣ трубъ, органовъ и полной музыки Господина Посланника. Такимъ образомъ отпраздновали мы сей послѣдній торжественный день Воскресенія Господня. Обѣдали мы у Ивана Модлока (Modlok), Губернатора крѣпости, родомъ изъ Гданска; онъ Лютеранинъ, но степенный и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма привѣтливый человѣкъ. Ему мы обязаны тѣмъ, что получили покойное помѣщеніе въ удобныхъ домахъ. Этѣ дома принадлежатъ Евреямъ, которые составляютъ въ городѣ богатѣйшее и вліятельнѣйшее сословіе людей. Сперва они не впускали насъ въ свои жилища, и только, по приказанію Губернатора, намъ ихъ отворили. Хотя мы пріѣхали въ Шкловъ поздно, но, не смотря на это, на другой же день послѣ нашего пріѣзда Губернаторъ посѣтилъ Господина Посланника; онъ не упустилъ изъ виду ничего, что требовалось самой изысканной вѣжливостію, и какъ только узналъ, что мы намѣрены исповѣдью и причастіемъ у отцовъ Доминикановъ отпраздновать торжественный день Пасхи, сталъ убѣдительнѣйше просить Господина Посланника пожаловать къ нему въ этотъ день на обѣдъ, и тогда только успокоился, когда Господинъ Посланникъ пообѣщалъ ему удовлетворить его желаніе. Обѣдъ, хотя и устроенный по Польскому обычаю, былъ довольно хорошъ. Лошадямъ нашимъ отпустилъ онъ сѣно и овесъ. Въ знакъ своей благодарности за это вниманіе, Господинъ Посланникъ послалъ съ Конюшимъ серебряный сосудъ женѣ Господина Модлока.

31. Около полудня переѣхали мы Днѣпръ, который обтекаетъ городъ. Переправа была опасная, однако жь мы всѣ благополучно достигли противоположнаго берега, при чемъ и пожитки наши остались неповрежденными. Солнце уже сильно пригрѣва-

ло; казалось, что ледъ такъ и подломится подъ каждымъ изъ насъ, и Господинъ Посланникъ былъ еще на рѣкѣ, когда, по близости къ нему, какой-то мужикъ провалился и упалъ въ рѣку; къ счастію, было множество народа, собравшагося посмотрѣть на наши вещи, и по тому многіе изъ нихъ поспѣшили на помощь, но только съ трудомъ вытащили крестьянина изъ воды. Въ этотъ день доѣхали мы до Городца (Haradiscam) (3), и нашли въ замкѣ этого города все, что только могло для насъ требоваться, благодаря предупредительности Шкловскаго Губернатора.

АПРѢЛЯ

1. Снѣгъ съ дождемъ заволакивали солнце; лошади, утомленныя вчерашнею дурною дорогой, нуждались въ отдыхѣ; по этой причинѣ и, въ ожиданіи лучшей погоды, имѣли мы сегодня дневку. Многократно упоминаемый Шкловскій Губернаторъ, которому также ввѣренъ и Городецкій замокъ, держитъ сдѣсь неимовѣрной величины медвѣдя, и мы часто съ большимъ удивленіемъ на него смотрѣли.

2. Вновь трогаясь съ мѣста, выслали мы нѣсколько впередъ лучшую запряжку лошадей. Конюхъ, при ней состоявшій, подвергнулся большой опасности. Пылкія, кровныя лошади промчали и протрепали его на порядочномъ разстояніи, такъ что его жизнь была бы въ опасности, если бы не прибылъ во время его товарищъ и не удержалъ лошадей. Около трехъ часовъ, послѣ обѣда, пріѣхали мы въ городъ Горки (Hortki), весьма длинный и заселенный Евреями (4). Ночевали мы у Евреевъ. Въ комнатахъ была еще коекакая чистота, но спавшіе въ сараяхъ нашли тамъ гадость, доводившую ихъ до дурноты; даже нашлись такіе шутники, которыхъ поймали въ томъ именно углѣ, гдѣ находилась голова спящаго Конюшаго.

3. Посолъ отправилъ Секретаря съ двумя конюхами въ Смоленскъ дать знать тамошнему Воеводѣ о своемъ приближеніи. За тѣмъ Посолъ, со всѣмъ поѣздомъ, остановился на ночлегъ въ Польскомъ порубежномъ городѣ Радзинѣ (Radzin) (5). Секретарь же ночевалъ въ Досуговѣ (Tosuhoff), пограничномъ городѣ Моско-

віи. Близъ Радзина небольшая рѣчка составляетъ границу Литвы и Московіи. Достойно вниманія, что 15-ть лѣтъ тому назадъ, при заключеніи мира между этѣми Государствами, уполномоченные съ обѣихъ сторонъ, собираясь на этой рѣчкѣ, всегда оставались каждая сторона на своей землѣ.

4. Секретарь еще на канунѣ послалъ за мѣстнымъ Старостой съ тѣмъ, чтобы тотъ приготовилъ Послу удобное помѣщеніе. Но какъ казалось, что вчерашній посланный не хорошо исполнилъ свое порученіе, то сегодня, чуть свѣтъ, Секретарь и послалъ за Старостою. Явясь наконецъ къ Секретарю, Староста сталъ увѣрять, что на канунѣ никто у него не былъ. Въ это время одинъ изъ слугъ Секретаря, знавшій Русскій языкъ, побилъ и обругалъ пришедшаго. Поступокъ этотъ совершенъ былъ, однако, помимо желанія и приказанія Секретаря. Между тѣмъ какъ Староста обошелъ уже много домовъ, съ цѣлью отыскать помѣщеніе, приличное для Посла, и мы приближались къ одному зданію съ тѣмъ же намѣреніемъ, хозяинъ дома, прибравъ къ себѣ многихъ Москвитянъ и сопровождаемый ими, тихо за нами слѣдовалъ, и какъ только увидѣлъ, что Секретарь дѣлаетъ намѣтку на его небольшомъ, но чистомъ, домѣ, въ знакъ того, что онъ отводится подъ помѣщеніе имѣющаго прибыть Господина Посла, тотчасъ схватилъ съ бѣшенствомъ дубину, которая нашлась у него подъ рукою, и съ ужаснымъ крикомъ, бросившись на Старосту, осыпалъ его ударами, принимаясь за него нѣсколько разъ. Секретарь, не зная языка, не понималъ, въ чемъ дѣло, изъ за кого этѣ удары, но наконецъ, послѣ многихъ вопросовъ, узналъ отъ своего слуги, что Старосту побили за то, что онъ всѣхъ ѣдущихъ изъ за границы постоянно помѣщаетъ въ домъ этого человѣка. Объявивъ крестьянину, что онъ, Секретарь, пожалуется на него въ Смоленскѣ и что виновный непремѣнно будетъ наказанъ, Секретарь отправился далѣе и вечеромъ прибылъ въ Смоленскъ. Сдѣсь хотя слуга, знающій Московскій языкъ, и изъяснилъ начальнику стражи, кто таковъ Секретарь и съ какою цѣлью прибылъ, но тѣмъ не менѣе все таки онъ долженъ былъ около часа прождать, пока пришелъ переводчикъ Латинскій (interpres Latinus) и разузналъ дѣло подробнѣе. Переводчикъ прежде всего спросилъ: есть ли письмо у Секретаря къ Воеводѣ? И когда этотъ отвѣтилъ,

что есть, онъ сталъ просить показать его тутъ же, предъ городскими воротами. На это Секретарь, безъ обиняковъ, объявилъ: «Я готовъ исполнить вашу просьбу, но только не сдѣсь, по тому что сдѣсь не мѣсто, да и письмо далеко спрятано подъ замкомъ, но я сейчасъ удовлетворю ваше желаніе, какъ вы мнѣ только покажете помѣстительный домъ, гдѣ было бы покойно мнѣ и удобно для вещей, въ особенности надо имѣть въ виду лошадей, изнуренныхъ продолжительною и постоянною дорогою на морозѣ.» Переводчикъ на замѣчаніе Секретаря обратилъ вниманіе, проводилъ его въ городъ до самаго дома, отведеннаго ему для ночлега. Осмотрѣвъ письмо, онъ поспѣшилъ къ Воеводѣ, куда скоро приглашенъ былъ и Секретарь. Воевода, окруженный Дворянами и Офицерами, богато одѣтыми, встрѣтилъ Секретаря у порога комнаты. Секретарь объяснилъ цѣль своего пріѣзда и съ надлежащимъ почтеніемъ вручилъ письмо отъ своего Начальника, которое Воевода принялъ съ неменьшею учтивостію; выпивъ потомъ, по народному обычаю, водки, а послѣ вина, за здоровье Посла, Воевода сказалъ, что онъ обо всемъ позаботится съ приличнымъ усердіемъ; дѣло шло о достойномъ пріемѣ Императорскаго Посла въ предѣлахъ Московіи и о доставленіи надлежащаго числа подводъ. Посолъ въ тотъ же день прибылъ со всѣмъ поѣздомъ въ Досугово (4), гдѣ и остановился, въ ожиданіи своего Секретаря и Московскаго Пристава (Commissarium).

5. Сегодня Секретарь, повторяя свои требованія, заявленныя имъ вчера Воеводѣ, узналъ, что уже высланы съ Приставомъ или Коммиссаромъ воины для достойнаго пріема Императорскаго Посла въ предѣлахъ Московіи, но что подводы, по обыкновенію, будутъ доставлены только въ Смоленскѣ. Увѣдомленіемъ о томъ, что подводы разрѣшены, заканчивался отвѣтъ, данный Секретарю, главное для того, чтобы дать понять ему, что Посолъ, обезпеченный въ предѣлахъ страны касательно перевозки своихъ вещей, долженъ отпустить нанятыхъ имъ подводчиковъ. Опираясь на это, Секретарь сталъ настоятельно требовать подводъ, и добился наконецъ того, что былъ посланъ нарочной для доставленія Послу нужнаго числа подводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланному Чиновнику приказано было заявить, что это распоряженіе сдѣлано Воеводою не по обязанности, но по его особенно хорошему рас-

положенію къ Г-ну Послу; послѣ чего Секретарь позднимъ вечеромъ, въ сопровожденіи Чиновника и двухъ своихъ слугъ, отправился изъ Смоленска, тѣмъ болѣе торопясь выѣздомъ, что предвидѣлъ безпокойство Г-на Посла, при видѣ воиновъ и Пристава безъ подводъ. Секретарь возвращался на саняхъ, имѣя впереди, въ нѣкоторомъ разстояніи, двухъ верховыхъ слугъ. Къ несчастію, встрѣтились они на тѣсной дорогѣ съ большимъ обозомъ Московскихъ купцовъ; слуги имѣли дерзость требовать, чтобы купцы съ своими возами, нагруженными товарами, очистили имъ дорогу, и одинъ изъ слугъ обнажилъ даже саблю и ударилъ плашмя одного купца по спинѣ. Москвитяне, съ своей стороны, приготовились къ дракѣ и защитѣ; но Секретарь, съ Чиновникомъ своимъ-проводникомъ, остановили ссору, и тѣмъ предупредили дурныя послѣдствія этого дѣла. Секретарь, сдѣлавъ восемь миль, прибылъ наконецъ, во второмъ часу по полуночи, въ Досугово, такъ какъ Господинъ Посланникъ оставался еще тамъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что Приставъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу только съ пятью воинами. Посолъ не скрылъ неудовольствія, когда Приставъ, привѣтствуя его отъ имени Воеводы, доложилъ ему, что имѣетъ приказаніе, для охраненія его особы, сопровождать его съ своими стрѣльцами до крѣпости Смоленска. Посланникъ коротко отвѣчалъ ему въ томъ смыслѣ, что не тронется съ мѣста до прибытія подводъ въ достаточномъ количествѣ и бо́льшаго прикрытія, что желаетъ, чтобы отправили къ Воеводѣ нарочнаго съ донесеніемъ объ его рѣшеніи, и что до возвращенія посланнаго онъ не выѣдетъ изъ города. Все это случилось до пріѣзда Секретаря.

6. На разсвѣтѣ Секретарь явился къ Послу съ подробнымъ отчетомъ въ исполненіи возложеннаго на него порученія; казалось, что Посланникъ остался доволенъ. Успокоенный тѣмъ, что будетъ доставлено надлежащее число подводъ, онъ отпустилъ нашего подрядчика, Татарина Мустафу Ризвана. Этотъ подрядчикъ доставилъ сюда пожитки посольства на 28 саняхъ и 29 лошадяхъ, при которыхъ былъ у него 21 погонщикъ. Между тѣмъ Капитанъ, присланный отъ Воеводы, въ качествѣ Пристава, вмѣстѣ со Старостою, озаботились сборомъ подводъ. Вечеромъ возвратился изъ Смоленска нарочный и увѣдомилъ, что прибудутъ еще пять стрѣльцовъ. Г. Посланникъ, услышавъ это, рѣшился

выѣхать и на слѣдующій день отправился въ путь съ Капитаномъ и стрѣльцами. Онъ умышленно медлилъ своимъ выѣздомъ, для того, чтобы идущіе къ нему стрѣльцы встрѣтили его уже на дорогѣ подальше отъ Смоленска. Капитану же не оказывалъ онъ той вѣжливости, съ которою, по обыкновенію, обходится съ прочими Коммиссарами, и оставлялъ его стоять предъ собою всегда съ открытою головой, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ этого. Причиной тому было то, что Капитанъ не упомянулъ о Царскомъ привѣтствіи, которое составляетъ самую важную часть официяльныхъ пріемовъ въ Московіи. Доѣхавъ до селенія Новоселки (Hovascola) (2), мы окончили нашъ дневный путь.

8. На второй день по нашемъ выѣздѣ изъ Досугова встрѣтили мы на дорогѣ пять стрѣльцовъ или конвойныхъ воиновъ. Около обѣда мы пріѣхали въ село Оригорцово (Aryhorcowa) (2), въ четырехъ миляхъ разстоянія отъ Смоленска. Сдѣсь уже другой день ждалъ Посланника переводчикъ. Сынъ его, съ мѣстнымъ Старостою, вышли на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью. По обычаю Москвитянъ, хлѣбъ-соль служитъ знакомъ гостепріимства и выражаетъ радушіе хозяевъ. При входѣ Посла на постоялый дворъ, переводчикъ встрѣтилъ его очень учтивымъ поклономъ. Онъ сказалъ, что пріѣхалъ сюда, по приказанію Воеводы, осмотрѣть вѣрительную грамоту Императора и подлинный пашпортъ Посла. Разсмотрѣвъ за тѣмъ со всѣхъ сторонъ переданную ему полномочную грамоту Императора, переводчикъ поцѣловалъ ее, потомъ отъ буквы до буквы прочелъ пашпортъ, и все это исполнивъ съ должнымъ почтеніемъ, онъ отправился въ путь, опережая насъ на дорогѣ къ Смоленску. За симъ переводчикомъ выѣхавши послѣ обѣда, въ вечеру мы прибыли въ Лубню (Lubnam) (2).

6. Около семи часовъ утра на дорогѣ привѣтствовалъ Посла, отъ лица Воеводы, какой-то новый Чиновникъ. Въ 10 часовъ утра, въ стройномъ порядкѣ, при трубномъ звукѣ нашихъ музыкантовъ, въѣхали мы въ крѣпость Смоленскую (4), и наши трубачи не умолкали, пока Посланникъ не вошелъ въ отведенный ему домъ. Сдѣшній Воевода оказалъ большія почести Императорскому Послу. На стѣнахъ поднято было знамя, окруженное воинами, а на воротахъ развѣвались еще два знамени: одно красное, другое голубое. По обѣимъ сторонамъ воротъ воины Смоленской стражи

выстроены были въ шеренгу, растянутую во всю длину города; со всѣхъ сторонъ несмѣтныя толпы народа стекались на встрѣчу Посольства. Петръ Самойловичъ Солтыковъ (Petrus Samuelidos Soltikow), Думный Бояринъ, нынѣ же Воевода Смоленскій, рѣдкое явленіе между Русскими относительно вѣжливости и привѣтливости. По окончаніи обрядовъ пріема, Солтыковъ прислалъ Послу самое любезное приглашеніе быть у него завтрешній день на обѣдѣ; но такъ какъ, во вниманіи къ «сану» Посла, Солтыкову слѣдовало бы явиться самому съ первымъ посѣщеніемъ, то Посолъ и принужденъ былъ отказаться отъ обѣда. Хотя, по Московскому обычаю, тотъ, кто опередилъ приглашеніемъ, не долженъ дѣлать первый посѣщеніе приглашаемому лицу, но Воевода отступилъ отъ этого народнаго обряда и, приглашая къ себѣ Посланника, чрезъ переводчика, объявилъ, что онъ пришелъ бы непремѣнно къ нему самъ, если бъ не удерживалъ его тяжелый недугъ, которымъ онъ страдаетъ. Вмѣстѣ съ симъ Воевода спрашивалъ: «какъ онъ долженъ отпускать содержаніе Господину Послу, натурою, или деньгами?» Посолъ отвѣчалъ, что, кромѣ дружескаго расположенія, ни чего не желаетъ отъ Воеводы, но при этомъ онъ просилъ, чтобъ ему было выставлено достаточное число подводъ и чтобы вообще отъѣздъ его не былъ замедленъ.

10. На другой день утромъ, Воевода, чрезъ Полковника, присланнаго къ нему съ переводчикомъ, вновь убѣдительнѣйше просилъ Посла повидаться съ нимъ при этомъ; жена Воеводы также изъявляла желаніе видѣть Господина Посла въ своемъ домѣ, и выражала надежду, что онъ не откажетъ сдѣлать женщинѣ честь, которую считаетъ излишнею относительно мужчины. Посолъ внялъ наконецъ столь любезнымъ приглашеніямъ Воеводы и отвѣчалъ, что готовъ у него быть, въ виду его недуга, но проситъ, чтобъ за нимъ присланъ былъ экипажъ, такъ какъ собственныя его лошади изнурены дорогой и ему хотѣлось бы дать имъ время отдохнуть. Воевода не замедлилъ присылкой экипажа. Послѣдній былъ запряженъ въ шесть лошадей, и его окружали 30 Боярскихъ слугъ, одѣтыхъ въ одноцвѣтное платье. Посла, въ его проѣздѣ до дому Воеводы, сопровождала почетная стража съ распущеннымъ знаменемъ, Самъ Воевода вышелъ встрѣтить гостя на крыльцо и спустился по лѣстницѣ; на ступеняхъ стояло много Дво-

ранъ и Чиновниковъ. Посолъ просилъ радушнаго Боярина, чтобъ онъ, какъ человѣкъ страждущій, не безпокоился оказывать столько почестей лицу частному: Посолъ дѣлалъ посѣщеніе Солтыкову не въ качествѣ лица Правительственнаго, а какъ человѣкъ частный, по чему и имѣлъ при себѣ только двухъ служителей. Воевода отвѣчалъ, что онъ знаетъ, какъ нужно принимать такого гостя. Во все время свиданія Бояринъ оказывалъ самое предупредительное вниманіе къ своему гостю: онъ вездѣ давалъ Послу первое мѣсто, поднесъ сталовой приборъ изъ Китайскаго фарфора, подарилъ лучшаго чаю и оказалъ Послу разныя другія учтивости; кромѣ того, въ помѣщеніе Посольства были присланы отъ Воеводы овесъ и пиво. Посолъ, съ своей стороны, подарилъ женѣ Воеводы прекрасное изваяніе Зентской Пресвятой Дѣвы Маріи, а восьмилѣтнему мальчику, Воеводиному сыну, далъ превосходныя конфекты. Замѣчательно и то обстоятельство, что Воевода Солтыковъ позволилъ Миссіонеру, Ивану Берулѣ, исповѣдать и причастить Святыхъ Тайнъ одного больнаго Поляка.

11 Апрѣля проведено было еще нами въ Смоленскѣ. Эта пограничная крѣпость Московскаго Государства не болѣе какъ 40 лѣтъ тому назадъ возвращена отъ Польши. Съ прекращеніемъ владычества Поляковъ, Католическое Исповѣданіе сдѣсь совершенно упало; [7] Езуиты, Доминикане, Францискане и Августины изгнаны изъ своихъ монастырей, коихъ замѣнили Русскіе иноки. Смоленской Митрополіей правитъ Архипастырь Симеонъ, какъ увѣряютъ сдѣшніе жители, почти столѣтній старецъ. Великому Императорскому Послу, Господину Жировскому (Zierowski), не было дозволено проѣхать въ Москву чрезъ Смоленскъ; вѣроятно,

[7] Тѣмъ не менѣе еще въ 1728 году Правительство наше нашло нужнымъ, для поддержанія Православія среди Смолянъ, издать слѣдующій Указъ: «Смоленской шляхтѣ дѣтей своихъ за рубежъ въ Литву и въ иныя страны, ради ученія, отнюдь не отдавать, а отдавать въ Смоленскія, или Московскія и Кіевскія, школы. А буде кто, по обученіи въ тѣхъ Россійскихъ школахъ, похочетъ ѣхать для чего въ иныя Государства, тѣхъ отпускать подъ присягой и, сверхъ того, брать поруки, именно: отцовъ, сродниковъ и прочихъ добрыхъ и знатныхъ людей, кому бы въ томъ можно было вѣрить, что тамъ отъѣзжающему за рубежъ не остаться, Вѣры Греческаго Исповѣданія не перемѣнить и противъ Россійской Имперіи въ службѣ нигдѣ ни у кого не быть. Смоленской же шляхтѣ въ домахъ своихъ, для обученія дѣтей и сродниковъ, Римскихъ учителей или инспекторовъ отнюдь

только во вниманіи къ тому, что нашъ Императоръ находится въ союзѣ съ Царемъ, намъ позволили проѣхать чрезъ этотъ городъ. Сегодня выставили намъ до шестидесяти подводъ.

12. Такъ какъ шелъ снѣгъ, то сочли нужнымъ телѣги и экипажи съ кладью вновь поставить на колеса. Мы опять въ дорогѣ. Днѣпръ, протекающій у Смоленска, переѣхали мы по деревянному мосту. Насъ сопровождали 10 стрѣльцовъ, Приставъ, какъ начальникъ стражи, Полковникъ Царской службы Вендъ, Аугсбургскаго Исповѣданія; онъ смѣнилъ Капитана Павла Иванова (Hansow), природнаго Русскаго, который провожалъ насъ отъ Досугова до Смоленска. Дорога очень дурная и грязная. Она проходитъ черезъ топкія, почти непроходимыя, болота; лошади часто проваливались такъ глубоко, что видна была одна лишь голова, остальная же часть тѣла чуть примѣтна. Съ трудомъ можно было ихъ вытаскивать. Кромѣ этого мы имѣли остановку въ дорогѣ по тому, что у насъ сломалась повозка, на которой находилась бочка съ виномъ; наконецъ подъ вечеръ доѣхали мы до Лавровы (Lawrowam) (3).

13. Пользуясь прекраснѣйшею погодою, мы обѣдали въ Цуриковѣ (Zuruckowae) (3), на открытомъ воздухѣ, хотя и была удобная комната. Вода, протекающая въ разныхъ направленіяхъ, образовала безчисленные ручьи, на которыхъ находятся вездѣ безъименные мосты и мостики: впрочемъ, вода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно глубока. Одинъ стрѣлецъ чуть было отъ своего удальства не потонулъ въ ней съ лошадью, и спасся только благодаря скорой помощи, ему поданной. Мы принуждены были провести ночь въ Киновѣ (Kinowae, Климовѣ?) (2), по тому что вблизи протекалъ Днѣпръ, который нужно было переѣзжать.

14. Проѣхавъ около полумили, мы прибыли на берегъ Днѣпра; переправа была очень опасна. Надо было разрубать ледъ

не держать, а имѣть инспекторовъ изъ Россійскихъ подданныхъ Вѣры Греческаго Исповѣданія; а буде такихъ сыскать не могутъ, то, по нуждѣ, и изъ за рубежа брать, только Православныя Вѣры Греческаго Исповѣданія и съ свидѣтельствомъ Архіерейскимъ. А когда Россійскихъ инспекторовъ будетъ довольно, тогда и оныхъ изъ за рубежа не брать, дабы, подъ видомъ Православныхъ, не было Римской Вѣры ксензовъ.» (Изъ современнаго собранія Указовъ). Перев.

на рѣкѣ. Для этого употребили не менѣе тридцати мужиковъ; потомъ нужно было проѣзжать на паромѣ между толстыми льдинами, шедшими по рѣкѣ; большая часть парома опустилась въ Днѣпръ и волны его заливали; лошади, застигнутыя водою, не находили болѣе себѣ опоры, слуги со страха не понимали, что съ ними и съ ихъ лошадьми дѣлается. И мы, во время переправы, потеряли бы нѣсколько нашихъ слугъ и съ ними шесть лошадей, находившихся на паромѣ, если бы Богъ, которому обязаны мы за всѣ удачи въ нашихъ предпріятіяхъ, не спассъ насъ особеннымъ образомъ. Двѣ лошади уже боролись съ волнами и, безъ всякаго сомнѣнія, были бы увлечены быстро несущеюся рѣкою, какъ подъ льдомъ, такъ и по его поверхности. Но это несчастіе предупредили находившіеся на берегу мужики, подоспѣвши на челнокахъ и при помощи перекладинъ вытащили на берегъ лошадей. Тѣ же лошади, которыхъ вода не унесла съ парома, счастливо, въ другомъ мѣстѣ, доплыли до берега. Господинъ Посланникъ, по своей достохвальной заботливости о подчиненныхъ, переправился послѣдній чрезъ рѣку и, когда онъ вышелъ на берегъ, два трубача, стоявшіе на самомъ высокомъ холмѣ противоположнаго берега, привѣтствовали его пріятными звуками своихъ инструментовъ. Мы обѣдали на этомъ холмѣ: обѣдъ былъ приготовленъ поваромъ, высланнымъ впередъ. Во время обѣда проѣзжалъ какой-то Царскій Офицеръ, знакомый нашему Приставу, и сообщилъ намъ нѣкоторыя вѣсти изъ Москвы. Это былъ Поручикъ и уже девятый день по выѣздѣ изъ столицы (Stoliza) (такъ Москвитяне называютъ Москву) находился въ дорогѣ. Мы проѣзжали лѣсъ, простирающійся на шесть миль; нашъ аптекарь очень его расхваливалъ, по тому что нашелъ въ немъ пахучую смолку (thus). Среди этого лѣса мы провели ночь (4).

15. Одинъ изъ подводчиковъ, за то, что, поссорясь съ стрѣльцомъ, ранилъ его, былъ наказанъ батогами (родъ орудія, употребляемаго для наказанія). Въ концѣ лѣса находится село Мартинкова (Martinkowa). Проѣхавъ его, мы обѣдали въ Усвятьѣ (Usivetgae) (5). Послѣ обѣда мы принуждены были часто останавливаться на дорогѣ, такъ какъ намъ приходилось исправлять попадавшіеся мосты, а по тому только поздно вечеромъ прибыли мы въ городъ Дорогобужъ (Dragabusam). Эта крѣпость нѣкогда была

подъ владычествомъ Поляковъ. Сдѣсь обыкновенно бываетъ первая перемѣна подводъ. Перемѣняютъ вообще подводы по двумъ причинамъ, во первыхъ, ради облегченія народа, а во вторыхъ, чтобы послѣ могли скорѣе ѣхать, имѣя свѣжихъ лошадей. Но только при перемѣнѣ подводъ надо быть очень внимательнымъ, чтобъ смѣняемые подводчики (большіе воры) не унесли чего изъ пожитковъ.

16. Мы счастливо переправились съ новыми подводами чрезъ Днѣпръ, сперва подъ выше упомянутымъ городомъ, а послѣ подъ селомъ Вилодуловымъ (ad Wiladulovam) (2), гдѣ мы остановились ночевать.

17 Проѣхавъ мимо Базиліянскаго монастыря въ Болдинѣ (Baldawinam), мы остановились обѣдать въ Щербинѣ (Scherbinae) (3) На рѣкѣ Острой (Ostree, Осмѣ?) мы сами должны были озаботиться починкой моста, который проѣхавъ, прибыли въ село Чоботово (Tschobotoselum) (2). Приставъ нашъ собственное небреженіе въ починкѣ моста постарался свалить на мѣстнаго Старосту. Онъ увѣрялъ, что вчера еще было сдѣлано имъ распоряженіе о починкѣ моста; для вящшаго же убѣжденія насъ въ своей предусмотрительности, онъ приказалъ тутъ же, у моста, отсчитать Старостѣ болѣе ста ударовъ батогами.

18. У насъ пропала одна лошадь, которую какой-то прохожій взялъ и заперъ въ стойло; но ее нашли, на бѣду ложнаго владѣльца, что стоило ему многочисленныхъ ударовъ батогами. Проѣхавъ Станицу (Stanischa, Зарубежье?), мы остановились обѣдать въ Семлевѣ (Semblowae) (4). Оттуда, по безпрерывнымъ лѣсамъ, мы доѣхали, къ десяти часамъ ночи, до рѣки Угры (Hugram) (5). Тамъ Господинъ Посланникъ принужденъ былъ провести ночь на сильномъ морозѣ, безъ ужина, по тому что всѣ возы, какъ съ кухонною посудою, такъ и съ другими вещами, остались назади, по причинѣ дурной дороги. Для многихъ водка замѣняла печку.

19. На другой день, когда мы готовы уже были переправиться чрезъ рѣку, какой-то человѣкъ затѣялъ горячій споръ, утверждая, что ему слѣдуетъ получить на водку (de cremato). Г Посланникъ очень обидѣлся этѣмъ нахальствомъ. Переправившись

чрезъ рѣку, мы пріѣхали въ Вязьму. Сдѣсь была вторая перемѣна подводъ. Вчера былъ высланъ впередъ Приставъ для того, чтобы сборомъ подводъ не задержать насъ въ городѣ, и онъ такъ хорошо распорядился, что перемѣня подводы, мы еще сегодня прибыли въ Юреново (Jurenovam) (5).

20. Мы отдыхали, около полудня, въ лѣсу, имѣющемъ восемь миль протяженія, изъ котораго наконецъ выбрались и ночевали въ Царевомъ Займищѣ (Seymestia Zarowa) (8).

21. Мы обѣдали въ Бубалицѣ (Bubaliza), а ужинали въ Шлодровскѣ (Schłodrosko) (5).

22. Лучшей погоды нельзя желать, и мы, пользуясь прекраснымъ временемъ, пріѣхали къ обѣду въ Барское (Barskein) (3), къ ужину же въ Можайскъ (Mosaisko) (3). Сдѣсь третья перемѣна подводъ.

23. Мы замѣтили, при праздновапіи дня Св. Георгія, что наше вино приходило къ концу. Для пополненія этого недостатка написано было письмо къ Г. Карбонари, чтобы онъ выслалъ намъ вина. Приставъ отослалъ письмо съ отправленнымъ въ Москву стрѣльцомъ, которому было также поручено извѣстить Правительство о нашемъ прибытіи. Мы перемѣнили послѣ обѣда подводы и къ вечеру пріѣхали въ Моденову (Madinowam) (3).

24. Мы проѣзжали въ лѣсу мимо одного креста, на которомъ многочисленныя надписи свѣдѣтельствовали объ ужасномъ убійствѣ, а именно: на этомъ самомъ мѣстѣ разбойники умертвили за одинъ разъ 30 человѣкъ. Въ Крымской Подволской (Kimska Podwodiscka) Бояринъ Ивановъ (Janof) имѣетъ прекрасную дачу: земля тутъ хорошо обработана, въ саду множество цвѣтниковъ, въ насаженной рощѣ искусно тамъ и сямъ насыпаны холмы. Удобный домъ соблазнилъ насъ сдѣлать въ немъ привалъ и пообѣдать (3). На пути, въ Крутицу (Kuwizam), мѣсту нашего ночлега (3), встрѣтилъ насъ Господинъ Отто Плейеръ. Онъ уже семь лѣтъ живетъ въ Москвѣ, куда присланъ, по повелѣнію нашего Августѣйшаго Императора, для изученія Русскаго языка.

25. Очень неровная дорога привела насъ къ Вяземѣ (Wesambam), селу Князя Голицына (4); пообѣдавъ сдѣсь, мы направили

нашъ путь къ Одинцову (Adinkowam) (3). Г. Посланникъ писалъ къ Г. Карбонари, Царскому врачу, что онъ везетъ его падчерицу. Тотъ, выѣхавъ къ намъ съ женою, встрѣтился съ нами въ полумили отъ вышеупомянутаго села и, взявъ свою падчерицу, повезъ съ собою въ Москву. Съ нимъ пріѣхало много другихъ лицъ, по побужденіямъ иного рода: они выѣхали къ намъ на встрѣчу, движимые вѣрноподданническими чувствами къ Императору и влекомые общительностію, свойственною Нѣмцамъ. Изъ пріѣзжихъ главнѣйшіе были: Полковникъ Императорской артиллеріи, Г. де Граге (Grage), присланный Императоромъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ числѣ прочихъ Офицеровъ, на службу къ Царю; Императорскій Миссіонеръ Г. Павелъ Ярошъ (Jarosch), Г. Подполковникъ Дюпре (Duprez), Маіоръ Менезіусъ (Menesius), сынъ покойнаго Генерала Менезіуса, и многіе другіе артиллерійскіе и саперные Офицеры. Встрѣча произошла на прекрасной и обширной равнинѣ. Послѣ привѣтствій и поздравленій съ счастливымъ прибытіемъ, появились бокалы. За тѣмъ мы всѣ вмѣстѣ отправились далѣе и остановились въ деревнѣ Одинцовѣ.

26. На другой день встрѣчники наши, простившись съ нами, отправились въ Москву, а мы до 1 Мая, по распоряженію Московскаго Правительства, должны были пробыть въ деревнѣ Мамоновой (Mammonaf), до времени нашего въѣзда въ столицу. Въ слѣдствіе сего Г. Плейеру было поручено Г. Посломъ хлопотать о разрѣшеніи скорѣйшаго въѣзда нашего въ Москву, а также просили его выслать необходимые намъ припасы. Мамонова небольшое сельцо, въ трехъ миляхъ отъ Москвы; дома крестьянскіе не совсѣмъ удобны. Господинъ Посолъ услышавъ, что въ окружностяхъ много куропатокъ, отправился вечеромъ на охоту, и принесъ нѣсколько штукъ домой.

27. Проведено было въ приготовленіяхъ къ приличному въѣзду. Приставъ нашъ подъ чужимъ именемъ уѣхалъ въ Москву. Господинъ Плейеръ прислалъ живность, палатку и вожделѣнную вѣсть, что намъ разрѣшено въѣхать въ столицу до наступленія первоначально опредѣленнаго срока.

28. Приставъ прибылъ съ извѣстіемъ, что скоро послѣдуетъ нашъ въѣздъ въ городъ. Послѣ обѣда возвратился Госп. Плейеръ съ Г. Цопотомъ (Zoppot). Въ скоромъ времени пріѣхалъ стрѣлецъ

съ увѣдомленіемъ отъ Правительства, чтобы завтра были готовы къ въѣзду, но оставались бы на мѣстѣ до новаго распоряженія. Послѣ этого пріѣхалъ какой-то Приказный, изъ Посольскаго Приказа, съ извѣстіемъ, что нашъ въѣздъ назначенъ двадцать девятаго Апрѣля, и что, по этому, мы должны быть готовы завтра по утру, но что намъ надо будетъ остановиться на нѣкоторое время въ одной милѣ отъ Москвы, пока Москвитяне все приготовятъ къ нашему пріему.

29. Около семи часовъ утра мы двинулись изъ Мамонова къ Москвѣ. Когда мы проѣхали двѣ мили, глазамъ нашимъ предсталъ Новодѣвичій монастырь, по лѣвой сторонѣ дороги. Здѣсь-то заточена Софья, за многократные заговоры противъ Всепресвѣтлѣйшаго Государя, своего брата; каждый день цѣлый полкъ сторожитъ содержащуюся въ заключеніи Царевну. Когда мы приблизились къ Москвѣ, на встрѣчу намъ выѣхало множество Москвитянъ и иностранцевъ, посмотрѣть на убранство какъ насъ, такъ и экипажей нашихъ. По странному, въ самомъ дѣлѣ, обыкновенію, чѣмъ болѣе мы приближались къ городу, тѣмъ чаще заставляли насъ дѣлать привалы и остановки, что самого даже Пристава весьма затрудняетъ. И точно, различные приказы то повременить, то поспѣшить, безпрестанно ставятъ бѣднягу Пристава въ недоумѣніе и очень его безпокоятъ. Возницѣ при этомъ также нужна нѣкоторая ловкость и умѣнье: онъ долженъ, при приближеніи Царской кареты и встрѣчѣ съ нею, удержать за собою правую сторону, между тѣмъ какъ Москвитяне всячески стараются оставить ее за собой. Конюшій нашего Посла заслужилъ не малую похвалу за то, что удачно держался постоянно правой стороны, не смотря на замѣчанія Пристава, толмача и многихъ другихъ Москвитянъ, что онъ долженъ свернуть въ лѣво; нашлись даже и такіе, которые не стыдились увѣрять, что на это былъ приказъ самаго Господина Посла. До сихъ поръ Послы при своемъ въѣздѣ не мало имѣли затрудненій, такъ какъ Москвитяне чрезвычайно дорожили самымъ пустымъ преимуществомъ. Дѣло иногда доходило до споровъ и брани, потому что ни одна сторона не хотѣла дать дороги, упорно отстаивая свое преимущество. Ничего, однако, подобнаго не случилось во время нашего въѣзда. Напротивъ того, Московскій Коммиссаръ,

воздерживаясь отъ всякаго спора о первенствѣ, первый вышелъ изъ своего экипажа встрѣтить Г. Посла. Онъ скромно уступилъ ему первенство, какъ относительно стороны дороги, такъ и относительно всего прочаго; вообще же съ его стороны не было показано, какъ то бывало въ прежнее время, ни малѣйшей надменности. Всѣ мы недоумѣвали, видя столь внезапную перемѣну въ народѣ; Господинъ же Посолъ не могъ не радоваться тому, что наконецъ притязанія, упорное отстаиванье которыхъ со стороны Москвитянъ всегда бывало для его предшественниковъ неисчерпаемымъ источникомъ всякого рода непріятностей, нынѣ, при немъ первомъ, были почти забыты. Я думаю, что доколѣ будетъ жить, нынѣ благополучно царствующій, Государь, дотолѣ этотъ народъ не возобновитъ прежнихъ, столь нелѣпыхъ, своихъ притязаній. Чиновникамъ Посольства лошади отпускаются съ Царской конюшни; сѣдла и чепраки на нихъ украшены золотомъ и унизаны жемчугомъ; къ каждой лошади приставленъ особый конюхъ, одѣтый въ красный кафтанъ. Что касается до нашего въѣзда, то онъ какъ нельзя болѣе былъ торжественъ и великолѣпенъ. 1) Впереди шли четыре сотни воиновъ, подъ предводительствомъ какого-то Чиновника Посольскаго Приказа. 2) За ними слѣдовалъ Конюшій Господина Посла съ четырьмя лошадьми, которыхъ за нимъ слуги вели въ поводу. Лошади были покрыты разноцвѣтными попонами, большая часть которыхъ вышита была шелкомъ. 3) Потомъ на Царскихъ лошадяхъ, въ одеждахъ, блиставшихъ золотомъ и серебромъ, и въ шляпахъ, богато убранныхъ разноцвѣтными перьями, ѣхали Чиновники Господина Посла. Къ нимъ присоединилось много Царскихъ Дворянъ. 4) Господинъ Посолъ съ Царскимъ Коммиссаромъ и толмачомъ ѣхали въ вызолоченной каретѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми. 5) Шесть красивыхъ карихъ лошадей везли собственную карету Посла, великолѣпно изукрашенную живописью, золотомъ и разноцвѣтными шелками. По обѣимъ сторонамъ ея шло восемь пѣшеходовъ, одѣтыхъ въ платье прекрасныхъ цвѣтовъ и весьма богато убранныхъ. 6) Первый экипажъ Чиновниковъ, отличавшійся соотвѣтственнымъ великолѣпіемъ. 7) Другой экипажъ Чиновниковъ, въ которомъ ѣхали три Миссіонера, былъ запряженъ въ шесть лошадей, равно какъ и экипажъ дорожный и всѣ прочіе. 8) За ними вели всѣхъ лошадей По-

сла, которыя совершили путь отъ самой Вѣны. 9) Поѣздъ замыкался четырьмя сотнями воиновъ, и наконецъ 10) въ заключеніе слѣдовало пятьдесятъ Московскихъ повозокъ съ нашимъ имуществомъ, которое везли къ самому дому, намъ отведенному. По обѣимъ сторонамъ въѣзда въ городъ стояло безчисленное множество народа. Когда насъ вели черезъ Каменный мостъ и Царскій замокъ, Кремль, изъ оконъ смотрѣли на насъ Царица и много Царевенъ. Я долженъ особенно замѣтить, что не всякому Послу дозволяется въѣзжать въ столицу Московіи чрезъ Каменный мостъ и Кремль. Такимъ образомъ и намъ первоначально назначена была другая дорога, а именно по Живому мосту, на Москвѣ рѣкѣ;[8] но Господинъ Посолъ сдѣлалъ по сему предмету представленіе, и онъ получилъ желаемое. Блескъ экипажей и щегольство Господина Посла и сопровождавшихъ его побудили Царицу, Царевича и многихъ Царевенъ посмотрѣть на нашъ въѣздъ. И такъ, главнымъ образомъ въ удовлетвореніе ихъ любопытства, была намъ открыта, для торжественнаго въѣзда въ Москву, дорога чрезъ самый Кремль, вопреки строго наблюдавшемуся до сихъ поръ обыкновенію. Нарушеніе стариннаго обычая казалось рѣшительнымъ чудомъ не только Министрамъ Московскимъ, но и Представителямъ другихъ Державъ, которые не могли сему надивиться. Лишь только прибыли мы въ домъ, назначенный для нашего помѣщенія, Приставъ ввелъ Господина Посла въ него и показалъ ему всѣ покои и кабинеты, ключъ же отъ нихъ вручилъ Подконюшій Царскій. Однако помѣщеніе это оказалось тѣснымъ и неудобнымъ для столькихъ лицъ и лошадей, почему Господинъ Посолъ представлялъ о необходимости отвести ему болѣе удобное помѣщеніе: онъ рѣшительно не зналъ, какъ быть въ столь тѣсномъ мѣстѣ съ своими людьми и лошадьми. Не смотря на то, что Приставъ обѣщалъ обо всемъ этомъ донести своему Начальству въ точности, Посолъ поручилъ еще Господину Плейеру[9] съ своей стороны довести о всемъ немедленно до свѣдѣнія перваго Министра, Льва Кирилловича На-

---

[8] О Живомъ мостѣ см. у Карамзина (Ист. Госуд. Россійск.) т. XI, стр. 212.

[9] Онъ прибылъ изъ Австріи въ Москву въ концѣ 1692 года и, будучи Императорскимъ Резидентомъ, прожилъ въ ней до конца 1718.

рышкина,[10] прибавивъ, что «подводы Посольскія до тѣхъ поръ не будутъ отпущены, пока онъ не получитъ для себя болѣе соотвѣтственнаго и просторнаго помѣщенія, такъ какъ въ столь тѣсномъ мѣстѣ нѣтъ возможности уберечь свои пожитки.» Хотя Нарышкинъ безъ обиняковъ отвѣчалъ, что «въ Москвѣ нѣтъ такого удобнаго помѣщенія, какъ въ Вѣнѣ; что и это было трудно найти; что Господинъ Посолъ очень можетъ быть имъ доволенъ, вспомнивъ, какъ недавно еще поступили съ Московскимъ Посломъ при Вѣнскомъ Дворѣ, Козьмой Никитичемъ Нефимоновымъ (Cosmas Nikitz Nephimonoff),[11] которому не было дозволено ввести въ Вѣну даже всѣхъ его лошадей. Толмачъ, Господинъ Шверенбергъ, имѣя въ виду скорѣе получить дозволеніе Посла отпустить подводы, обнадежилъ его, что скоро будетъ отведенъ болѣе обширный домъ для Посольства. Наступившее дождливое время не мало способствовало тому, что представленія Шверенберга были приняты, и, такимъ образомъ, вещи наши, столь долго страдавшія отъ всевозможныхъ перемѣнъ погоды, наконецъ были укрыты.[12]

30. На другой день послѣ нашего прибытія явился къ намъ Приставъ, для переговоровъ о казенномъ содержаніи. Весьма подробно и убѣдительно высказалъ ему вновь Господинъ Посолъ о невозможности дальнѣйшаго пребыванія въ отведенномъ намъ домѣ: десять особъ сбиты въ одну небольшую комнату, для лошадей нѣтъ конюшни, равно какъ во всемъ домѣ нѣтъ ни погребовъ, ни

---

[10] Братъ Царицы Наталіи Кирилловны, матери Петра 1-го. Онъ поступилъ, по низверженіи Князя В. В. Голицына, въ 1689 году, въ Начальники Посольскаго Приказа.

[11] Онъ заключилъ въ началѣ 1697 года союзъ Русскаго Государства съ Австрійскимъ противъ Турокъ.

[12] Противъ 29-го Апрѣля въ подлинникѣ (стр. 40) помѣщенъ, на особомъ листѣ, рисунокъ, изображающій въѣздъ Гваріента въ Москву: вверху множество церквей, окруженныхъ стѣной съ башнями: это Москва. Къ ней тянется поѣздъ: впереди конница, за ней всадники ведутъ въ поводу четыре лошади, потомъ всадники по парно; за ними карета Посла въ шесть лошадей цугомъ; она окружена толпой пѣшеходовъ; за ней отрядъ всадниковъ, потомъ четыре кареты, каждая въ шесть же лошадей цугомъ, потомъ опять конный отрядъ, и наконецъ повозки съ поклажей.

поварни, такъ что для столькихъ людей приходится ежедневно готовить кушанья на дворѣ, а самый домъ стропильный, стало быть, отъ малѣйшей искры можетъ произойти пожаръ. «Я не пріѣхалъ сюда искать себѣ счастья, говорилъ Посолъ, но явился только во исполненіе, съ найглубочайшею преданностью, Августѣйшей воли Императора; достоинства же какъ Августѣйшаго Императора, такъ и Его Царскаго Величества, требуютъ, чтобы я былъ окруженъ столь великолѣпною и многочисленною свитою; пышное содержаніе Посла не мало служитъ къ чести Государя. Событіе, случившееся съ бывшимъ Московскимъ Посломъ, на которое ссылается Нарышкинъ, вовсе не можетъ служить образцомъ того, какъ обходиться со мною. Въ самомъ дѣлѣ, если Нефимоновъ оставилъ въ Тарновицѣ (Tarnomontii) лошадей, впрочемъ, на содержаніи Императорскомъ, то къ этому его побудило не что другое, какъ собственное непомѣрное корыстолюбіе; приневоливать же его оставлять внѣ города лошадей никто и не думалъ. При томъ, Нефимоновъ Чиновникамъ своимъ давалъ ежедневно едва половину того, что я расходую на своихъ скороходовъ, а именно, по показанію самого же Нефимонова, по шести денаріевъ ежедневно на каждаго. Мнѣ самому изъ Императорской казны ежемѣсячно отпускается по 1000 имперіаловъ. Я никогда и ни чего не буду требовать для своего содержанія, ежели только будетъ постановлено договоромъ, что и ваши Послы, какой бы степени и достоинства они ни были, впредь отъ нынѣ также для себя ни чего не будутъ требовать въ Вѣнѣ. Я увѣренъ, что подобный договоръ былъ бы не только Всемилостивѣйше утвержденъ Императоромъ, но съ его стороны не было бы даже истребовано возмѣщенія тѣхъ расходовъ, которые бы у насъ еще производились. Вмѣстѣ съ симъ надо замѣтить, что Нефимоновъ, послѣдній Царскій Посолъ при Императорскомъ Дворѣ, никогда не отдавалъ вѣрныхъ отчетовъ Царскому Министерству о тѣхъ суммахъ, какія онъ ежедневно получалъ на свое содержаніе отъ Императорской Камеры; напротивъ того, значительно уменьшая въ своихъ донесеніяхъ этѣ суммы, онъ еще въ Вѣнѣ вынудилъ меня обнаружить правду: я ее раскрылъ, какъ личнымъ моимъ изъясненіемъ этого, такъ и показаніями домашнихъ Нефимонова, отобранными у нихъ судебнымъ порядкомъ. Нефимоновъ не малою потерей части Кремницкихъ червон-

ныхъ, всюду понаграбленныхъ имъ, принужденъ былъ поплатиться за свою безчестную ложь. Впрочемъ, легко можно было этому повѣрить, такъ какъ со стороны Московскихъ Пословъ дѣло весьма обыкновенное, по возвращеніи своемъ на родину, подавать неточные отчеты о томъ содержаніи и о тѣхъ почестяхъ, какія оказываются имъ иноземными Государями, и это дѣлается по тому, что Послы Московскіе разсказами и представленіями о дѣйствительномъ содержаніи, какое имъ производится при иноземныхъ Дворахъ, боятся возбудить въ своихъ соотечественникахъ зависть и жажду къ дѣлежу, что, разумѣется, было бы прежде всего для нихъ самихъ накладно.» Выслушавъ это, Приставъ потребовалъ отъ Господина Посла подлинный пашпортъ, на что было ему отвѣтствовано, что «отдача подлиннаго пашпорта противна обыкновенію: по обычаю, освященному давностью времени, подлинный пашпортъ предъявляется, при въѣздѣ въ Московскія владѣнія, Воеводѣ Смоленскому, или его Уполномоченному, причемъ тогда же вручается ему и точный списокъ съ того пашпорта. Все это сдѣлано и, безъ всякаго сомнѣнія, Воевода Смоленскій уже препроводилъ, исполняя свою обязанность, означенный документъ въ Приказъ. Впрочемъ, Господинъ Посолъ готовъ, съ своей стороны, оказать особенную учтивость, представить другой списокъ, хотя подобное представленіе и не входитъ въ кругъ его обязанностей.» Не смотря на это заявленіе, требованіе Пристава нашло поддержку въ дерзкомъ толмачѣ Латинскомъ, Лаврешкѣ (Lauresco). Этотъ человѣкъ, по происхожденію Полякъ, отступникъ своей Вѣры, бывшій монахъ Ордена Св. Доминика, обрусѣвшій, настаивалъ на томъ, что подлинный пашпортъ Господина Посла непремѣнно долженъ быть представленъ Московскому Правительству. «Это тѣмъ болѣе обязательно, говорилъ онъ, что еще весьма недавно Великій Посолъ Императора, Жировскій, не затруднялся въ подобной выдачѣ своего подлиннаго пашпорта.» Подивился Господинъ Посолъ безстыдству Лаврешки, и ясно ему доказалъ, что «онъ самъ, по приказанію Великаго Посла Императорскаго, Жировскаго, не что иное отдалъ ему, Лаврешкѣ, котораго до того еще времени онъ хорошо зналъ, какъ только одинъ списокъ съ пашпорта. При этомъ Господинъ Посолъ сказалъ, что онъ имѣетъ обстоятельныя замѣтки обо всѣхъ разсужденіяхъ, какія осмѣлился дозволить себѣ Лаврешко. 6 Іюня.

1684 года, по поводу Царевны Софіи». Выслушавъ это, Лаврешко поблѣднѣлъ; тогда Посолъ предостерегъ его, «чтобы онъ впредь не осмѣливался дозволять себѣ подобныя выдумки, и что было бы лучше, если бы онъ отнынѣ не показывался ему на глаза.» Въ послѣдствіи мы дѣйствительно уже болѣе не видали у себя Лаврешки. Хотя сильный румянецъ, разлившійся по лицу сего человѣка, и говорилъ о чрезвычайномъ внутреннемъ смущеніи его, но на словахъ онъ не отступался отъ своего первоначальнаго требованія. Тогда Господинъ Посолъ, желая положить конецъ его нахальству, сказалъ, что «онъ, пожалуй, не прочь представить свой подлинный пашпортъ, если только ему покажутъ тотъ, который, по ихъ увѣренію, былъ переданъ въ Приказъ Великимъ Посломъ Жировскимъ. И если отъ большаго совершенно понятенъ переходъ къ меньшему, то и со стороны Полномочнаго Посла совершенно понятно слѣдовать примѣру Великаго Посла, но что, однако, у него есть самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ томъ, что здѣсь происходило въ теченіи 50 лѣтъ; всѣ событія у него обстоятельно записаны; за сообщеніе ихъ онъ никому не обязанъ, и никого не слѣдуетъ въ этомъ подозрѣвать.» Тогда Приставъ и Лаврешко выступили съ предложеніемъ болѣе мягкимъ, т. е., чтобы Господинъ Посолъ соблаговолилъ передать въ Приказъ свой подлинный пашпортъ, для снятія съ него только списка. Но Господинъ Посолъ отвѣчалъ, что «они могли бы обратиться съ подобной просьбой къ кому либо попроще, а не къ нему;» тѣмъ не менѣе, однако, Посолъ былъ столь учтивъ, что позволилъ списать свой пашпортъ, но не иначе, какъ въ его домѣ, и тутъ же сличить списокъ съ подлиннымъ. Не меньшія затрудненія произошли также по поводу передачи Министерству вѣрительной грамоты. Въ этомъ отношеніи Господинъ Посолъ не слѣдовалъ примѣру Посланниковъ Польскаго и Датскаго, и руководствовался во всемъ, что слѣдовало дѣлать, или не дѣлать, единственно только Императорскимъ Наказомъ и Всемилостивѣйшимъ предписаніемъ.

МАЯ

1. Господинъ Посолъ обратился къ Думному Дьяку, Емельяну Игнатьевичу Украинцеву, чтобы онъ позволилъ Г. Ивану Шверенбергу, въ услугахъ котораго мы нуждались, заниматься

при нашемъ Посольствѣ, и это по тому, что ни одинъ толмачъ, безъ предварительнаго разрѣшенія своего Начальства, не можетъ здѣсь предлагать своихъ услугъ Посламъ иностранныхъ Государей. Въ скоромъ времени этотъ самый толмачъ былъ присланъ къ Господину Послу настаивать на выдачѣ подлиннаго паспорта, но настоянія этѣ были напрасны. Тогда Шверенбергъ, согласно приказаніямъ Министерства, обратился къ Господину Послу съ двумя вопросами: «Когда ему желательно представиться? ¿И намѣренъ ли онъ удержать при себѣ Миссіонеровъ?» На первое Господинъ Посолъ отвѣтствовалъ, что «до пріѣзда Его Царскаго Величества считаетъ онъ невозможнымъ получить какую-либо аудіенцію, но что, впрочемъ, хотѣлось бы ему вступить въ сношеніе съ достоуважаемымъ Министерствомъ, для заявленія оному своихъ намѣреній; при чемъ, если такое сношеніе Министерству угодно называть аудіенціей, то, хотя онъ, съ своей стороны, возражать противъ этого не станетъ, такъ какъ изъ этого произошелъ бы только пустой споръ о названіи, тѣмъ не менѣе все таки будетъ въ своихъ бумагахъ называть подобное совѣщаніе не аудіенціей, а конференціей.» Что же касается до другаго вопроса, то въ отвѣтъ на него было сказано, что «какъ скоро прежде присланные Миссіонеры получатъ позволеніе отправиться на родину, онъ тотчасъ же, съ согласія Министерства, отошлетъ прибывшихъ съ нимъ Миссіонеровъ въ Нѣмецкую Слободу» (in Slobodam, Нѣмецкое предмѣстье).

Въ сей же день Господинъ Польскій Посолъ прислалъ намъ въ подарокъ бочку пива.

2. Послѣ публичнаго и торжественнаго въѣзда не дозволяется тотчасъ иноземнымъ Посламъ, прежде нежели предстанутъ предъ Его Царское Величество, т. е., получатъ аудіенцію, посѣщать, или къ себѣ приглашать, находящихся въ Москвѣ Представителей другихъ Державъ. И хотя Его Царское Величество, по пріѣздѣ нашемъ, находился за границей, а именно въ южной части Бельгіи, тѣмъ не менѣе, слѣдуя здѣшнему обыкновенію, мы, до конференціи съ Посольскимъ Приказомъ, безъ особаго дозволенія его, воздержались отъ всякаго публичнаго о себѣ заявленія. По этому не прежде, какъ сего дня, получивъ на это дозволеніе отъ Приказа, Господинъ Посолъ заявилъ оффиціяльно, черезъ Секре-

таря Представителямъ Дворовъ Польскаго и Датскаго о своемъ прибытіи.

Г. Янъ Боцкій (Joannes Bocky), Польскій Посолъ, сильно жаловался на коварство и хитрость Посольскаго Приказа, и что, въ слѣдствіе сего, пашпортъ и вѣрительная грамота его находятся въ рукахъ онаго; Датскій Посолъ также скорбѣлъ о томъ, что онъ отдалъ свою вѣрительную грамоту тому же Приказу.

Въ сей же день нашъ Господинъ Посолъ, пользуясь случаемъ войти въ сношеніе съ Московскимъ Правительствомъ, препроводилъ, съ своимъ Секретаремъ, письмо, врученное ему Господиномъ Генераломъ Шереметевымъ (Scheremetow)[13] къ первому Министру, Льву Кирилловичу Нарышкину (Leo Kirilowiczius Nareskin). При этомъ тому же Секретарю, кромѣ обычныхъ учтивостей, приказано было заявить Господину Нарышкину, что онъ, Господинъ Посолъ, съ большимъ удовольствіемъ доставилъ бы настоящее письмо лично, если бы только не боялся обезпокоить его своимъ посѣщеніемъ: такъ какъ въ то время былъ праздникъ Пасхи; но какъ только позволитъ приличіе, онъ поспѣшитъ исполнить долгъ учтивости въ отношеніи къ Его Превосходительству (Excellentiam), теперь же считаетъ своею обязанностью засвѣдѣтельствовать живѣйшую благодарность за ту честь, какая была ему оказана особливою торжественностію его въѣзда, о чемъ онъ и не оставитъ, во всеподданнѣйшемъ донесеніи, довести до свѣдѣнія Августѣйшаго Императора; что онъ не мало скорбитъ о томъ, что тѣсное и жалкое помѣщеніе, какое отведено ему, вовсе не соотвѣтствуетъ величію почестей, ему оказанныхъ при въѣздѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, для его помѣщенія уже были назначены два дома далеко удобнѣе, и на нихъ уже выставлено было его имя, но, по неизвѣстнымъ ему причинамъ, опять стерто. Все это служитъ не мало къ униженію его чести; а по тому онъ хочетъ, чтобы его имя не было здѣсь никогда выставляемо. Всѣ этѣ скучныя заявленія для него крайне непріятны, и онъ бы никогда ихъ не дѣлалъ, если бы къ тому не былъ вынуждаемъ крайне неудоб-

[13] Борисъ Петровичъ, посланъ былъ къ Императору Леопольду съ письмомъ отъ Петра 1-го въ Іюнѣ 1697 года, гдѣ и встрѣтился съ Гваріентомъ.

нымъ и жалкимъ помѣщеніемъ, ему отведеннымъ. И тѣмъ болѣе удержался бы отъ всякихъ притязаній, что самая цѣль его прибытія въ Москву, въ качествѣ Полномочнаго Посла, есть та, чтобы братскую дружбу, по нынѣ существующую между Всемилостивѣйшемъ его Государемъ и Его Царскимъ Величествомъ, не только сохранить, но укрѣпить и увеличить. Это — главнѣйшая цѣль его пріѣзда, и она прямо выражена въ данномъ ему Наказѣ отъ его Монарха. Въ самомъ дѣлѣ, неимѣніе поварни и конюшни, ежеминутное опасеніе пожара и происходящее отъ того безпокойство даже во время отдохновенія ночью, все это непремѣнно требуетъ отвести ему болѣе удобное помѣщеніе. Онъ надѣется, что въ самое короткое время окажутъ ему удовлетвореніе съ этой стороны, въ противномъ же случаѣ онъ выпужденъ будетъ выбраться подъ открытое небо и раскинуть палатки.»

Отвѣтъ перваго Министра былъ таковъ: «Я весьма благодаренъ за такую любезность и за письмо, столь обязательно мнѣ переданное, и не замедлю дать случай и назначить время для переговоровъ. Заключеніе союза приведетъ къ болѣе тѣсной дружбѣ, и по тому я съ удовольствіемъ воспользовался возможностью оказать Господину Послу такія почести, какихъ никогда не оказывали никому изъ его предшественниковъ, какъ бы ни было высоко достоинство, которое они имѣли. Заботы о прінсканіи новаго помѣщенія, болѣе удобнаго, я беру на себя. Вовсе не приходится ставить въ вину то, что надпись имени Посла, прежде выставленная, потомъ была стерта; во первыхъ, тѣ два дома менѣе удобны, чѣмъ нынѣ занимаемый Посломъ, а во вторыхъ, въ тѣхъ домахъ живутъ ихъ хозяева, и выгнать ихъ, безъ явной несправедливости, не представляется возможнымъ; владѣлецъ же нынѣ отведеннаго дома находится въ отсутствіи: онъ, въ качествѣ Воеводы, по Царскому приказу, управляетъ отдаленною Областію, по чему Господинъ Посолъ вполнѣ можетъ, по своему благоусмотрѣнію, распоряжаться въ этомъ домѣ. Но ежели онъ пожелаетъ самъ выбрать для себя палаты, болѣе обширныя, то пусть только укажетъ на нихъ, и онѣ безспорно будутъ для него очищены.»

Въ скоромъ времени Дьякъ Козьма Никитичъ Нефимоновъ, Его Царскаго Величества послѣдній Посолъ при Императорскомъ

Дворѣ, по приказанію перваго Министра, сдѣлалъ тѣ же заявленія, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями. При этомъ же случаѣ Нефимоновъ, ссылаясь, въ своемъ требованіи, на подобный случай, вновь просилъ Господина Посла о выдачѣ подлиннаго пашпорта. На это послѣдній возразилъ, что и этотъ случай не можетъ служить для него образцомъ, что надлежитъ предоставить каждому Двору наблюдать его исконные обычаи, и что онъ наиболѣе по тому не намѣренъ выдать свой пашпортъ, что въ отчетахъ Представителей, бывшихъ при Московскомъ Дворѣ съ тѣмъ же достоинствомъ, онъ не усматриваетъ, чтобы отдача подлинныхъ пашпортовъ была здѣсь въ обыкновеніи, и что онъ не можетъ, съ своей стороны, дать первый тому примѣръ, который повлечетъ за собой самыя худыя послѣдствія: при томъ же и по Наказу Всемилостивѣйшаго Императора не дозволяется таковая выдача подлиннаго пашпорта.

3. Господинъ Польскій Посолъ оказалъ честь Господину Императорскому Послу, сдѣлавъ ему торжественное посѣщеніе. Онъ былъ встрѣченъ однимъ Чиновникомъ внизу, въ сѣняхъ Посольскаго дома, который проводилъ его на верхъ лѣстницы, самъ же Господинъ Посолъ съ своими Чиновниками, проведя гостя чрезъ двѣ переднія комнаты, ввелъ его въ третью. Съ такимъ же почетомъ проведенъ былъ Польскій Посолъ, по окончаніи посѣщенія, до своего экипажа.

Ночью, по сосѣдству, случился пожаръ, и мы, обитатели деревяннаго дома, были весьма обезпокоены этѣмъ несчастіемъ.

4. День Свѣтлаго Христова Воскресенія былъ отпразднованъ не только Русскими, но, изъ приличія, и всѣми Нѣмцами. Смотритель занимаемаго нами дома прислалъ къ намъ, съ Царскими воинами, поставленными у насъ для стражи, четыре блюда: одно съ хлѣбнымъ, другое съ коровьимъ масломъ, третье съ яйцами и четвертое съ жаренымъ гусемъ. Такой подарокъ объясняли намъ обычаемъ Пасхальнымъ, но все таки мы не получили вполнѣ надлежащаго разъясненія. Къ подобнаго рода обыкновеніямъ должно отнести слѣдующее явленіе: какой-то Попъ, войдя неожиданно въ покой Господина Посла и мѣшая въ таинственномъ пѣніи разные предметы, подалъ, какъ Господину Послу, такъ и всѣмъ, окружа-

ющимъ его, поцѣловать крестъ. Благодаря тонкому обонянію, особенно развившемуся послѣ поста, мы легко почувствовали сильнѣйшій запахъ водки и невыносимую вонь отъ рѣпы (рѣдьки?), изъ чего заключили, что посѣтитель нашъ успѣлъ уже, по обычаю Русскихъ, плотно позавтракать.

5. Господинъ Польскій Посолъ со всѣмъ своимъ дворомъ присутствовалъ у насъ при Богослуженіи. Отъ самой Пасхи до праздника Вознесенія Господня въ Россіи наблюдается слѣдующій обычай: встрѣчающіеся гдѣ бы то ни было, на перекресткахъ ли, на большихъ ли улицахъ и прочихъ мѣстахъ, привѣтствуютъ другъ друга восклицаніемъ: «Христосъ воскресе!» при чемъ всѣ обмѣниваются, какъ мужчины, такъ и женщины, яйцами и цѣлуются. Г. Менезіусъ (Menesius), Полковникъ и Начальникъ стражи, сынъ покойнаго Генерала Менезіуса, первый объяснилъ намъ этотъ обычай. При исполненіи сего обычая, т. е., при поздравленіи и взаимномъ цѣлованіи, не обращается ни какого вниманія на разницу въ сословіи, или состояніи; никто не долженъ помнить таковую разность: ни одинъ вельможа не откажетъ въ поцѣлуѣ самому простому мужику, лишь бы только тотъ поднесъ ему красное яйцо; цѣломудріе замужней женщины, или стыдливость дѣвичья, не могутъ тоже устранить исполненіе сего обычая: было бы уголовнымъ преступленіемъ отказаться отъ пріема предлагаемаго яйца, или уклониться отъ поцѣлуя; самые низшіе изъ черни люди теряютъ при этомъ признакъ своего сословія: ни какая боязнь не останавливаетъ смѣлости. Вмѣстѣ съ симъ, послѣ продолжительнаго и строго соблюдаемаго поста, дни Святой Пасхи проводятся въ непрестанномъ бражничаньѣ. При этомъ даже женщины не уступаютъ мужчинамъ въ невоздержаніи: весьма часто онѣ первыя, напившись черезъ чуръ, безобразничаютъ, и почти на каждой улицѣ можно встрѣтить этѣ блѣдножелтыя, полунагія, съ безстыдствомъ на челѣ, существа.

6. Господинъ Посолъ, черезъ своего Секретаря, поздравилъ перваго Министра съ самымъ дорогимъ для всѣхъ Христіанъ праздникомъ, и при этомъ случаѣ просилъ о совѣщаніи. Царскій Врачъ, Карбонари де Бизенегъ (Carbonarius de Bisenegg), [14] прислалъ въ

---

[14] Онъ присланъ въ Москву, по просьбѣ нашей, Императоромъ Леопольдомъ 1-мъ.

первый разъ изъ своего сада къ обѣду Господину Послу свѣжаго салату. Потомъ Господинъ Посолъ, получивъ дозволеніе оставлять, когда только захочетъ, свое жилище, отправился въ Нѣмецкую Слободу, вмѣстѣ съ Императорскими Миссіонерами и Царскимъ Врачемъ, Г. Цотомъ,[15] посмотрѣть, какъ тамъ живутъ. Тутъ принялъ его и угостилъ, по возможности, роскошнымъ ужиномъ, Господинъ Павелъ Іосифъ Ярошъ, Императорскій Миссіонеръ. Новый пожаръ, случившійся, въ слѣдствіе постояннаго пьянства черни, причинилъ намъ новое и сильнѣйшее безпокойство. Здѣсь чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ сильнѣе поводъ къ широкому пьянству. Смѣшно очень, что на гульбищахъ, вмѣстѣ съ молодежью, забавляются и старики, также празднуютъ главнѣйшіе свои праздники движеніемъ тѣла, а именно, раскачивая постоянно доску, при чемъ то сидятъ, то стоятъ на ея концахъ. Въ то же время, хотя ни въ одной церкви не совершается Богослуженіе, тѣмъ не менѣе цѣлой день въ храмахъ звонятъ во всѣ колокола, какъ будто, для ознаменованія празднества, достаточно одного біенія неодушевленнаго воздуха. Почти ежегодно празднованіе важнѣйшихъ праздниковъ сопровождается пожарами, которые тѣмъ болѣе причиняютъ народу бѣдствій, что случаются почти всегда ночью, и иногда превращаютъ въ пепелъ нѣсколько сотъ деревянныхъ домовъ. На послѣдній пожаръ, уничтожившій по этой сторонѣ рѣки Неглинной, 600 домовъ, прибѣжало было тушить огонь нѣсколько Нѣмцевъ. Русскіе, совершенно напрасно обвинивъ Нѣмцевъ въ воровствѣ, жестоко ихъ сперва избили, а послѣ бросили въ пламя и, такимъ образомъ, принесли жертву своей ярости и безпечности.

7 и 8. Первый Министръ обнадежилъ, черезъ Секретаря, посланнаго къ нему отъ Господина Посла, что онъ распорядится о назначеніи на завтра конференціи.

Господинъ Датскій Посолъ, со всѣми состоящими при немъ, посѣтилъ нашего Господина Посла.

9. По многократнымъ просьбамъ, переданнымъ черезъ посредство Секретаря, наконецъ первый Министръ согласился при-

---

въ началѣ 1689 года, попался было, при осадѣ Нарвы, въ 1700, въ плѣнъ, изъ котораго освободился въ 1704, уѣхалъ на родину 1714, гдѣ и умеръ въ 1725 г.

[15] Приглашенъ въ Москву Карбонари и скончался въ 1699 году.

гласить Посла сегодня на совѣщаніе (конференцію). Время объявлено было однимъ Чиновникомъ изъ Приказа, за коимъ прибылъ Приставъ, для сопровожденія на мѣсто Господина Посла. Такъ какъ Царь еще въ отсутствіи, то Посолъ отправился въ собственной каретѣ, запряженной двумя лошадьми и въ сопровожденіи шести скороходовъ и одного только своего Секретаря, изъ Чиновниковъ же никого не было. При выходѣ Господина Посла изъ экипажа, его встрѣтилъ привѣтствіемъ, переданнымъ черезъ толмача, какой-то Дьякъ Приказа, и черезъ четыре покоя, наполненные Приказными и служителями, провелъ въ покой, назначенный для совѣщанія. Когда отворили двери и Посолъ вступилъ въ залу, первый Министръ, окруженный блестящимъ вѣнцомъ множества Чиновниковъ и сопровождаемый Думными Дьяками: Никитой Моисеевичемъ (Michitin Moyssiowitz)[16] и Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ,[17] быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, проговоривъ, сколь можно привѣтливѣе, обычное въ сіи дни постоянное поздравленіе («Христосъ воскресе!»), поцѣловался съ Посломъ, исполняя такимъ образомъ во всей точности народный обычай. Когда, по данному знаку, Чиновники, наполнявшіе покой только для большаго великолѣпія, вышли, то первый Министръ, въ качествѣ Предсѣдателя конференціи, сѣлъ на первое мѣсто за столомъ, особо приготовленнымъ, и пригласилъ Господина Посла занять второе мѣсто, близъ коего сѣли названные выше Думные Дьяки (Dumnii), Секретарь же и толмачъ, на случай потребности, стали неподалеку отъ стола.

Когда всѣ такимъ образомъ заняли мѣста, первый Министръ открылъ конференцію: «Конечно, Господинъ Императорскій Посолъ прибылъ отъ Его Императорскаго Величества къ Его Царскому для того, чтобы братскую дружбу столь Великихъ Государей, какъ нельзя лучше утвержденную недавно заключеннымъ договоромъ объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ, всѣми

[16] Извѣстный учитель Петра 1-го, Никита Моисеевичъ Зотовъ, въ послѣдствіи Тайный Совѣтникъ, Графъ и знаменитый Князь-Папа.

[17] Подьячій при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Посольскаго Приказа, съ 1675 г. Дьякъ, съ 1681 Думный Дьякъ, а въ 1699 Чрезвычайный Посолъ въ Царьградъ. Скончался въ Угріи 1708 года.

силами еще болѣе укрѣпить?» На это Господинъ Посолъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, это самое составляетъ главную цѣль возложеннаго на меня порученія.» Исходя изъ этого положенія, послѣдній развилъ свою рѣчь. Я не считаю нужнымъ приводить ее здѣсь, по тому что она чрезвычайно длинна, да и самая конференція продолжалась не менѣе трехъ часовъ. Послѣ конференціи подавали весьма любимый Русскими напитокъ, корицевую воду (aqua cinnamomi);[18] за тѣмъ пили Флорентійское вино за здравіе Августѣйшаго Императора, также Его Царскаго Величества, и за счастливое процвѣтаніе только что заключеннаго союза. При отходѣ Господина Посла первый Министръ проводилъ его до порога залы, далѣе до дверей другаго покоя сопровождали оба Думные Дьяка, и наконецъ до послѣднихъ ступеней лѣстницы и самой кареты — вышепомянутый Дьякъ, съ Приставомъ и толмачемъ. По возвращеніи Господина Посла въ свой домъ, принесли ему богатые подарки отъ перваго Министра; то были: разныя вина и рѣдчайшія рыбы. У Русскихъ при этомъ есть обыкновеніе: изъ тщеславія ли, или разсчетливости, подарки, которые легко могли бы двое снесть, отправлять съ двѣнадцатью, или даже съ большимъ числомъ, слугъ. Это дѣлается какъ изъ стремленія къ внѣшнему блеску тщеславнѣйшаго въ свѣтѣ народа, такъ и изъ желанія дать заработокъ слугамъ. Зная это, Господинъ Посолъ, по врожденному благородству своему, ни одного изъ слугъ Нарышкина не отпустилъ безъ подарка, соразмѣряя оный съ должностью каждаго. Послѣ обѣда Господинъ Посолъ, съ блестящею свитою, въ трехъ экипажахъ, каждый въ 6 лошадей, отправился съ торжественнымъ посѣщеніемъ къ Польскому Послу.

10. Вчерашняя щедрота перваго Министра была отплачена взаимными подарками, посланными ему отъ насъ. Равнымъ же образомъ Господинъ Посолъ, исполняя долгъ вѣжливости въ отношеніи Датскаго Посла, недавно еще оффиціяльно посѣтившаго его, отвѣтилъ ему не менѣе торжественнымъ посѣщеніемъ. При этомъ Датскій Посолъ далъ замѣтить нѣкоторое съ его стороны неудовольствіе на то, что первое посѣщеніе сдѣлано было нашимъ Посломъ Представителю Польскаго Двора; но когда Господинъ Посолъ на это вѣжливо замѣтилъ, что это сдѣлано было

---

[18] Сбитень?

только по долгу самой строгой обязанности и не безъ важныхъ причинъ, то послѣ этого Представитель Датскаго Двора не дѣлалъ уже ни какихъ замѣчаній; въ особенности же онъ долженъ былъ успокоиться послѣ того, какъ сообщено было ему, что Польскій Посолъ еще до торжественнаго посѣщенія своего присылалъ Чиновника поздравить его съ благополучнымъ прибытіемъ, что, однако, со стороны Датскаго Посла было упущено изъ виду; притомъ Польскій Посолъ первый удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ, по чему ему и была оказана честь перваго визита. При этомъ нашъ Посолъ обратилъ вниманіе Датскаго и на ту особенную дружбу, которая изстари связываетъ нашего и Польскаго Государей, въ слѣдствіе чего и Представитель послѣдняго имѣетъ старѣйшія права на особенное вниманіе его.

11. Господа Императорскіе Миссіонеры, Францъ Эмиліани и Іоаннъ Берула, свѣтскіе приходскіе Священники Оломуцкой Епархіи, съ разрѣшенія Царскаго Министерства, перешли въ свой домъ въ Нѣмецкой Слободѣ, занять тамъ мѣсто добрыхъ пастырей, вмѣсто своихъ предшественниковъ, Всемилостивѣйше отозванныхъ на родину.

Къ Боярину и Его Царскаго Величества Оберегателю, Тихону Никитичу Стрѣшневу (Ticchon Mikitowiz Stresno),[19] посланъ былъ Секретарь съ обычнымъ оффиціальнымъ привѣтствіемъ.

12. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ[20] предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ деревню, весьма вѣжливо принялъ посланнаго къ нему Секретаря съ письмомъ. Князь знаетъ Латинскій языкъ и любитъ его употреблять. Первый Министръ также выѣхалъ въ деревню, чтобы, подальше отъ занятій, насладиться нѣсколько отдыхомъ.

13. Отправивъ нѣкоторые подарки Думному Дьяку Украинцеву, Господинъ Посолъ, съ нѣсколькими своими Чиновниками,

---

[19] Съ 1686 г. Бояринъ, съ 1701 Начальникъ Приказа военныхъ дѣлъ и Разряднаго, въ 1708 Губернаторъ Московскій, въ 1711 Сенаторъ и Тайный Совѣтникъ, умеръ въ началѣ 1719 года. Петръ называлъ его отцомъ.

[20] Бояринъ съ 1690, Судья Казанскаго Приказа 1683, скончался въ 1713 году инокомъ во Фролищевой пустыни близъ Гороховца Владимирской Губерніи. Онъ говорилъ по Гречески и по Латыни, былъ Дядькою Петра, въ которомъ истребилъ отвращеніе къ водѣ.

осматривалъ пустые покои въ Посольскомъ домѣ, съ цѣлію занять въ немъ нѣкоторыя комнаты, если окажутся къ тому способныя.

14. По распоряженію Приказа чистятъ кабинеты, подвалъ, поварню и конюшню, назначенныя подъ помѣщеніе Господина Посла

Отправленъ былъ къ Польскому Послу Секретарь съ сожалѣніемъ объ его болѣзни, о которой сообщилъ ему Господинъ Полковникъ Граге (Grage). [21]

Одинъ изъ разсыльныхъ Господина Датскаго Посла подъѣхалъ на лошади къ церкви Аугсбургскаго Исповѣданія; лошадь его обмочила мимошедшую жену какого-то Поручика. Та, съ свойственной женщинамъ запальчивостью, осыпала разсыльнаго ругательствами, и потомъ съ неменьшимъ бѣшенствомъ требовала отъ своего мужа мщенія. Будь здѣсь мужъ, онъ немедленно отмстилъ бы обиду, нанесенную и ему самому. Поручикъ, возбужденный жалобами и воплями своей жены, съ нѣсколькими соумышленниками напалъ изъ засады на разсыльнаго и до того жестоко избилъ его палками, что тотъ ни итти пѣшкомъ, ни ѣхать на лошади не могъ. Датскій Посолъ настоятельно и сильно жаловался на Поручика, утверждая, что въ лицѣ слуги нанесено оскорбленіе и ему самому.

15 и 16. По распоряженію Господина Посла, день блаженной памяти Іоанна Непомука былъ празднованъ съ особенною набожностью.

По полудни Госп. Посолъ посѣтилъ Думнаго Дьяка Украинцева; послѣдній былъ вообще весьма любезенъ, заявлялъ чувства найглубочайшаго своего почтенія къ священной особѣ Его Императорскаго Величества, и до того довелъ свою вѣжливость, что, при отъѣздѣ Посла, вопреки обычаю Русскихъ, не только проводилъ его до самой кареты, но и оставался тамъ, пока тотъ тронулся съ мѣста.

17 и 18. Въ послѣднее время въ Нѣмецкой Слободѣ выстроена первая Католическая церковь: она деревянная. Господинъ По-

---

[21] Австрійскій Полковникъ артиллеріи, вступившій къ намъ въ службу въ 1696 году.

солъ, по чувству благочестія, вчера пожертвовалъ въ эту церковь списокъ съ Чудотворной иконы Пётценской (Pötzensis) Пречистой Дѣвы Маріи. Мы отстояли въ этой церкви Богослуженіе. Музыка нашихъ артистовъ, сопровождавшая Богослуженіе, увеличила торжество и привлекла въ церковь немало Протестантовъ. Лишь только Господинъ Посолъ вошелъ въ храмъ, его встрѣтилъ у самаго входа Господинъ Павелъ Ярошъ со святою водою и провелъ къ мѣсту, соотвѣтствовавшему его сану. Сѣдалище было покрыто шелковымъ пологомъ краснаго цвѣта. Послѣ Богослуженія Господинъ Посолъ отправился на обѣдъ къ Артиллерійскому Полковнику Императорской службы де Граге, который пригласилъ его еще на канунѣ. Каждый разъ, какъ присутствовавшіе на пиршествѣ, движимые чувствомъ преданности къ Августѣйшимъ особамъ, провозглашали здоровье Августѣйшаго Императора, Августѣйшей Императрицы, Всепресвѣтлѣйшаго Римскаго Короля и Его Царскаго Величества, воздухъ потрясался стрѣльбой изъ мортиръ. Господинъ Посолъ, сдѣлавшись за чашей вина обходительнѣе, вступилъ въ разговоръ съ старшимъ изъ Офицеровъ, находившихся на этомъ обѣдѣ. Тотъ, между прочимъ, сообщилъ ему, что Москвитяне обезпокоены присутствіемъ здѣсь Господина Посла и недоумѣваютъ, по чему онъ хочетъ сопровождать Русское войско въ походъ.

19. Сегодня Москвитяне празднуютъ день Св. Николая, котораго они почитаютъ больше всѣхъ другихъ Святыхъ.

Датскій Посолъ посѣтилъ нашего Посла и, давъ бесѣдѣ своей видъ откровенности, сообщилъ ему, что Московское Министерство очень обезпокоивается требованіями его; ибо три раза уже собирался совѣтъ Министровъ разсуждать о томъ, какъ бы обстоятельно отвѣтить на его предложенія.

20. Въ Канцеляріяхъ, которыя Москвитяне называютъ Приказами (Pricas), старшій Писарь именуется Алый (Ali). На немъ лежитъ обязанность тщательно наблюдать, чтобы прочіе усердно занимались своимъ дѣломъ. Однажды такъ много скопилось работы, что не только по днямъ, но и по ночамъ, надлежало заниматься; между тѣмъ одинъ разъ Алый пошелъ домой отдохнуть, а за нимъ всѣ младшіе писцы также разошлись. На другой день Думные Дьяки, свѣдавъ

о дерзости писцовъ, приговорили Алаго, какъ подавшаго дурной примѣръ, къ наказанію батогами. Писцовъ же, словно преступниковъ, указали привязать къ своимъ мѣстамъ цѣпями и путами, съ тѣмъ, чтобы они пріучались писать безостановочно и днемъ и ночью.

21. Секретарь, по приказанію Господина Посла, посѣтилъ Польскаго Посла, который все еще болѣнъ и лежитъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Во время своего посѣщенія Секретарь узналъ отъ больнаго, что Король Польскій находится въ Варшавѣ; что шляхта, собранная на сеймикахъ, сильно стоитъ за войну и всѣ готовы мужественно отправиться въ походъ; что Сапѣга тоже согласился на все, что ему ни предложилъ Король чрезъ двухъ нарочныхъ, къ нему посланныхъ, уклоняясь лишь отъ согласія на предложеніе объ общихъ сеймикахъ. Вѣроятно, Сапѣга боится, чтобъ не вернулись времена Генриха Угорскаго, [22] при которомъ, по волѣ Рѣчи Посполитой, но безъ вѣдома Короля, было казнено 12-ть Сенаторовъ, и тѣла ихъ, брошенныя предъ престоломъ, напомнили Генриху о необходимости подтвердить права Республики.

22. Сегодня отправился въ Вѣну къ Императорскому Двору съ дорогими подарками, состоящими преимущественно изъ мѣховъ Царской казны, родственникъ бывшаго тамъ недавно Посломъ, Козьмы Никитича Нефимонова. Новый посланный отправленъ въ званіи Великаго Посла.

23. Хотя Его Царское Величество, нынѣ всемилостивѣйше царствующій Государь, и дозволилъ въ Государствѣ своемъ свободное отправленіе Богослуженія всѣмъ Вѣроисповѣданіямъ, какія только терпимы въ нашей Римско-Нѣмецкой Имперіи, тѣмъ не менѣе есть еще не мало Москвитянъ, которые считаютъ величайшею добродѣтелью принуждать иностранцевъ къ принятію своей Вѣры. Отъ подобныхъ насилій со стороны Москвитянъ двое Католиковъ просили сегодня покровительства Господина Посла. Получивъ новое увѣреніе отъ Пристава въ томъ, что завтра же присланъ будетъ отвѣтъ на всѣ представленія, Господинъ Посолъ от-

---

[22] Ни одинъ Король Угорскій этого имени не былъ на Польскомъ престолѣ. Правда, что одинъ изъ Угорскихъ Государей владѣлъ Польшею, но онъ назывался Людовикомъ.

правился въ Посольскій Приказъ лично убѣдиться, удобно ли будетъ приготовляемое для него тамъ помѣщеніе.

24. Около 12-ти часовъ пришелъ съ толмачомъ, Г. Швеіенбергомъ, и какимъ-то Приказнымъ, Дьякъ Борисъ Михайловичъ (Borisius Michalowiz), [23] тотъ самый, который, года три тому назадъ, былъ, въ теченіи пяти лѣтъ, Резидентомъ въ Варшавѣ. По обмѣнѣ взаимныхъ учтивостей и по весьма привѣтливомъ освѣдомленіи о здоровьѣ, Дьякъ сталъ читать, написанныя на листѣ, статьи рѣшенія Министерства почти ниже слѣдующаго содержанія: «Его Царское Величество братскую дружбу съ Римскими Императорами, наслѣдованную отъ своихъ предшественниковъ, всевозможно до нынѣ всегда усердно сохранялъ, и, какъ она никогда не была нарушена, такъ и впредь ее сохранять будетъ. Но какъ ни крѣпки узы дружбы, соединяющія издревле два Государства, тѣмъ не менѣе никогда еще она не была столь прочна и не достигала столь значительной степени, до какой возрасла въ послѣднее время, въ виду недавно заключеннаго договора. Его Царское Величество далъ уже многія доказательства своей братской пріязни къ Императору, и какъ нельзя лучше увѣренъ въ дружбѣ Его Императорскаго Величества, изъявленной въ запискѣ Посла его, въ чемъ и прежде убѣжденъ былъ, особливо по возращеніи изъ Вѣны послѣдняго Посла Московскаго, Козьмы Нефимонова. За тѣмъ Министерство хотя и думаетъ, что Господину Послу должно дозволить слѣдовать за Царскимъ войскомъ, однако оно, до пріѣзда Государя, выдачею такого позволенія, не рѣшается превысить власть, ему ввѣренную; если бы же оно захотѣло писать объ этомъ къ Его Царскому Величеству, то нечего и ждать отъ него отвѣта ранѣе восьми недѣль. Что же касается до военныхъ дѣйствій, то въ настоящее время отправлены уже два войска: одно изъ нихъ стоитъ при Азовѣ, подъ предводительствомъ Воеводы Салтыкова, [24] а другое на Днѣпрѣ, у Очакова, подъ начальствомъ Князя Долгорукаго и Гетмана Мазепы.

«Что до двухъ Цезарскихъ Миссіонеровъ, привезенныхъ Господиномъ Посломъ, то они могутъ безпрепятственно занять свой

---

[23] Борисъ Михайловичъ Михайловъ, Дьякъ Посольскаго Приказа.

[24] Бояринъ Алексѣй Петровичъ.

домъ въ Слободѣ; но тѣ двое, которые уже болѣе пяти лѣтъ исполняли свои обязанности въ предѣлахъ Государства Московскаго, ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть отпущены до полученія повелѣнія Его Царскаго Величества, къ коему уже писано о томъ, и ожидаются отъ него приказанія.

«Третій Священникъ, который получилъ предписаніе состоять, для исправленія духовныхъ требъ, при Венеціянскихъ корабельныхъ мастерахъ, какъ только сообщитъ Приказу потребныя вѣдомости о томъ, что дорога его не угрожаетъ ни какою опасностью, немедленно получитъ пашпортъ на отъѣздъ въ Воронежъ (Veronischam).» Въ слѣдъ за тѣмъ перешли къ разговору о содержаніи Посольства на казенный счетъ; но отъ содержанія сего Господинъ Посолъ отказался. Онъ отвѣчалъ, что, по волѣ своего Всемилостивѣйшаго Государя, онъ долженъ жить въ Москвѣ на свой счетъ, чтобы этѣмъ оставить примѣръ для своихъ преемниковъ, при чемъ ему дано право установить этотъ новый порядокъ содержанія Пословъ формальнымъ актомъ.

25, 26 и 27. Въ этѣ дни все наше имущество было перевезено въ Посольскій Дворецъ, гдѣ отведены компаты для пребыванія Господина Посла. Въ послѣдній день, когда мы совершенно уже перебрались въ означенный домъ, одинъ изъ слугъ нашихъ, не знаю, какимъ образомъ, обронилъ на улицѣ палашъ. Кто-то изъ Московскихъ мужичковъ поднялъ его и хотѣлъ утащить къ себѣ домой, но это было замѣчено другимъ слугой, который сталъ требовать палашъ назадъ. Похититель не спѣшилъ его отдать, отъ чего началась ссора и произошелъ сконъ. Нѣсколько минутъ спустя мы всѣ были заняты опасностью, какой подверглись наши слуги. Господинъ Посолъ, который всегда особенно старается устранять всякія столкновенія своихъ съ чужими людьми, на скоро одѣвшись, поспѣшилъ сѣсть на первую, попавшуюся ему, лошадь и отправился разузнать о случившемся. Все, однако, уже кончилось, безъ малѣйшаго для кого либо вреда.

28 и 29. Шесть Московскихъ слугъ изъ одного дома, умысливших на жизнь своего Господина и умертвившихъ его, были приговорены за это къ смертной казни, и имъ отрублены головы.

Дьякъ Борисъ Михайловичъ обѣщалъ было Господину Послу выхлопотать изъ Приказа пашпортъ Миссіонеру, назначенному состоять при корабельныхъ мастерахъ, для безопаснаго и свободнаго проѣзда его въ Воронежъ, но сегодня самъ отказался отъ своего ходатайства увѣряя, что было бы противно обычаю давать пашпортъ на вольный проѣздъ лицу, отправляющемуся во внутрь страны.

30. Русскіе праздновали день Св. Алексѣя, и въ этотъ день первый Министръ увезъ съ собой въ деревню на обѣдъ, для развлеченія, Думнаго Дьяка Украинцева.

31. Кромѣ посѣщенія Датскимъ Посломъ нашего Господина Посла ни чего въ сей день памятнаго не случилось.

ІЮНЯ

1. Почти на одинъ часъ разстоянія отъ Москвы, на берегу рѣки Яузы, стоитъ роща, куда, въ извѣстные дни, весной и лѣтомъ, сходятся живущіе въ Москвѣ Нѣмцы. Это мѣсто отъ частаго посѣщенія всякому Нѣмцу извѣстно и сдѣлалось, отъ долгаго пользованія, какъ бы собственностью ихъ, по тому что нѣтъ ни чего пріятнѣе для нихъ, какъ искать развлеченія души въ невинныхъ играхъ подъ сѣнію деревъ, среди пріятной зелени. Тутъ они разставляютъ столы, на которыхъ каждый по очереди на свой счетъ угощаетъ другихъ. Въ этотъ день была очередь Полковника Императорской артиллеріи де Граге, который любезно пригласилъ и насъ принять участіе въ этомъ народномъ отдохновеніи, на что мы охотно согласились.

2. По восьминедѣльномъ путешествіи прибылъ изъ Венеціи въ Москву одинъ изъ слугъ Боярина Шереметева и привезъ разныя письма.

Баронъ фонъ Бурхерсдорфъ, военный Инженеръ, присланный Его Царскому Величеству отъ Августѣйшаго Императора, [25] давалъ

---

[25] Въ 1696 году.

пиръ Генералиссимусу Царскаго войска, Князю Алексѣю Семеновичу Шеину (Alexium Simonowiz Schahin). [26] Ровель (Rovel), также военный Инженеръ, обвѣнчался съ одной изъ дочерей вдовы Монсъ (viduae Monsianae), [27] и праздновалъ въ сей день свою свадьбу. Господинъ Посолъ, присутствовавшій тутъ, доставилъ всѣмъ необыкновенное удовольствіе игрою своихъ трубачей.

3. На мѣсто военнаго Инженера Лаваля, [28] закованнаго въ цѣпи, отправился въ Азовъ Баронъ фонъ Бурхерсдорфъ съ тремя Чиновниками Датскаго Посла. Этѣмъ случаемъ воспользовался Миссіонеръ Казагранде (Casagrande) проѣхать въ Воронежъ. Господинъ Посолъ щедро снабдилъ его всѣми вещами, потребными въ дорогѣ. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, и по тому былъ растроганъ при прощаніи съ Г. Посломъ и Чиновниками до того, что даже не могъ найти словъ для выраженія своихъ чувствъ. Казагранде тѣмъ болѣе казался взволнованнымъ, что предчувствовалъ, какъ это часто́ бываетъ, свою близкую кончину и грустилъ о томъ, что смерть не дозволитъ ему уже повидаться ни съ Господиномъ Посломъ, ни съ прочими его спутниками. Предчувствіе его не обмануло; ниже я разскажу о кончинѣ этого человѣка.

4. Отъ Царскаго Министерства явился Дьякъ Борисъ Михайловичъ и, привѣтствовавъ Императорскаго Посла отъ лица перваго Министра, объявилъ приговоръ Боярскій о назначеніи количества припасовъ на содержаніе нашего Посольства, равнаго отпускаемому для Господина де Боттони (Bottoni). При этомъ онъ заявилъ недоумѣніе Министерства въ виду троекратнаго отказа Императорскаго Посла отъ означеннаго содержанія; онъ ссылался, между прочимъ, на то, что отпускъ такого содержанія производится на основаніи исконнаго и похвалъ достойнаго обычая, нѣсколько вѣковъ уже постоянно и свято соблюдавшагося при взаимныхъ сношеніяхъ Августѣйшаго Императора и Его Царскаго Величества.

---

[26] Покоритель Азова и Стрѣльцовъ. Умеръ въ 1700 г.

[27] О Монсахъ см. статью Семевскаго, помѣщенную въ «Время,» 1862 г.

[28] Онъ прибылъ съ Граге въ Москву въ 1696, участвовалъ отъ осадѣ Азова, послѣ взятія коего получилъ приказаніе укрѣпить его.

Но это былъ только предлогъ: они видѣли въ это время великое Царское Посольство, и знали, съ какою излишнею щедростью Императорская Камера содержала даже третьяго Уполномоченнаго въ продолженіе совѣщаній о союзѣ. Но Господинъ Посолъ предложилъ постановить отпускъ содержанія натурою, либо вовсе отмѣнить, либо же количество припасовъ точно опредѣлить, для производства Посламъ первыхъ двухъ разрядовъ; но это не понравилось Москвитянамъ, между прочимъ, по тому, что казалось имъ противнымъ исконнымъ ихъ обычаямъ.

5 и 6. Содержаніе натурою, дававшееся изъ казны иноземнымъ Посламъ, въ первый разъ переведено на деньги, и соотвѣтствующая сумма выдана нашему Господину Послу изъ Царскаго Министерства.

7. Господинъ Императорскій Миссіонеръ, Францъ Ксаверій Лёффлеръ (Löffler), вернулся въ полночь изъ Воронежа, гдѣ онъ исполнялъ духовныя требы для живущихъ тамъ Итальянцевъ. Его замѣнитъ тотъ Священникъ, о которомъ я сказалъ уже, что онъ поѣхалъ 3-го числа съ Барономъ фонъ Бурхерсдорфомъ.

Въ одной мили отъ Москвы Бояре держали военный Совѣтъ.

Исполняя желаніе перваго Министра, нашъ Посолъ отправилъ къ нему весьма удобную дорожную карету, въ шесть лошадей, съ полной сбруей; весь приборъ на лошадяхъ, т. е., попоны и чепраки, отличались замѣчательной работой и украшеніями. Посланникъ былъ совершенно убѣжденъ, что всему этому никогда уже болѣе не возвращаться въ его конюшню.

8. По отслушаніи Богослуженія въ Нѣмецкой Слободѣ, Господинъ Посолъ былъ угощаемъ пышнымъ обѣдомъ у Господина Гваскони, Флорентійскаго купца. Тутъ же были: Полковникъ Граге, Врачи: Карбонари и Цопотъ, а также четыре Императорскихъ Миссіонера.

9. Такъ какъ Господинъ Посолъ честь своего Августѣйшаго Государя блюдетъ болѣе, нежели собственный интересъ, то онъ, съ самаго дня торжественнаго въѣзда своего въ Москву, держитъ открытый столъ для всѣхъ тѣхъ, которые, по знатности ли

своего рода, или по высокому своему сану, могутъ удостоиваться чести быть въ его обществѣ. Сегодня обѣдали у насъ Царскій Врачъ, Г. Цопотъ, Полковникъ де Граге и многіе другіе. Служитель перваго, явившійся къ намъ по обязанности своей службы, былъ обманомъ завлеченъ нашими караульными въ ихъ избу, и тамъ жестоко избитъ. Господинъ Посолъ, разсердившись на столь дерзкій поступокъ караульныхъ, осмѣлившихся оскорблять его гостей, или ихъ слугъ, приказалъ немедленно взять того солдата, котораго слуга Г. Цопота призналъ главнымъ зачинщикомъ буйства, и за тѣмъ, черезъ Секретаря своего, довелъ о всемъ происшедшемъ до свѣдѣнія перваго Министра и Думнаго Дьяка Украинцева, заявляя при этомъ, что онъ самъ себя удовлетворитъ за нанесенное безчестіе, ежели Министерство вздумаетъ протянуть это дѣло. Въ виду, однако, явной справедливости нашей жалобы, мы на другое же утро получили полное удовлетвореніе. Виновный солдатъ по дѣломъ получилъ за свою дерзость сто ударовъ палками (то есть, батогами).

Близъ Католической церкви, въ Нѣмецкой Слободѣ, сгорѣло два дома. Сегодня же впервые разнеслась смутная молва о мятежѣ Стрѣльцовъ и возбудила всеобщій ужасъ.

10. Въ дни общественныхъ молитвъ съ крестными ходами (по ст. счисл.) Великіе Князья Московскіе предпринимаютъ торжественный походъ къ Троицѣ (Droizam), то есть, въ монастырь, посвященный Святой Троицѣ. Не доѣзжая за милю до монастыря, они выходятъ изъ своихъ экипажей и продолжаютъ остальной путь пѣшкомъ. Это дѣлается въ знакъ особеннаго благоговѣнія къ Сергію, уважаемому Святому Русской Церкви, мощи котораго тамъ покоятся. Желая соблюсти издревле то, чего требовали Вѣра и благочестіе, Царица, вмѣстѣ съ Царевичемъ (такъ называютъ здѣсь сыновей Царя), вельможами и многочисленнымъ отрядомъ воиновъ, изволила предпринять туда богоугодное странствованіе.

Нашего Посла посѣтилъ Представитель Датскаго Двора, и какъ онъ былъ ужь коротко знакомъ, то довольно роптадъ на то, что ему сдѣлано было торжественное посѣщеніе нашимъ Посломъ позже, нежели Послу Польскому. Онъ твердилъ, что, служа Представителемъ Короля, который, по самому происхожденію своему,

вѣнценосецъ и есть обладатель, по праву преемства, прадѣдовскаго скипетра, онъ имѣетъ болѣе права на первенство, нежели Посолъ Польскаго Короля, который только избраніемъ голосовъ достигаетъ Королевскаго сана. Посолъ Датскій до тѣхъ поръ продолжалъ настаивать на этомъ, пока Господинъ Императорскій Посолъ далъ ему почувствовать, что онъ слишкомъ уже увлекся.

11. Князю Өедору Юрьевичу Ромодановскому (Feudor Jurowiz Romadanowski), [29] Генералу выборныхъ полковъ, изъявлена, черезъ Секретаря, благодарность за то, что изволилъ наказать виновника буйства, бывшаго третьяго дня.

12. Какъ Католики, пребывающіе въ Московскомъ Царствѣ, такъ и Христіяне другихъ Исповѣданій, для большаго (какъ сказано уже выше) приличія, празднуютъ, вмѣстѣ съ Русскими, годичныя торжества по старому лѣточисленію, а по этому Вознесеніе Господне и мы праздновали сего дня.

Императорской артиллеріи Полковникъ де Граге позванъ въ Приказъ (Канцелярію) и получилъ предписаніе вооружить корабли мортирами.

13. День Св. Антонія Падуанскаго былъ отпразднованъ нами торжественнымъ Богослуженіемъ. Ночью вновь случился пожаръ, который истребилъ семнадцать домовъ.

14. Было второе совѣщаніе (конференція) въ домѣ Думнаго Дьяка Украинцева. Снова просили мы объ отпускѣ Гг. Миссіонеровъ, которые, по ихъ всенижайшей просьбѣ, получили отъ наше-

---

[29] Извѣстный своей вѣрностью и любовью къ правдѣ, Ромодановскій былъ особенно уважаемъ Петромъ І-мъ, который поручилъ ему въ управленіе страшный Преображенскій Приказъ, сдѣлалъ начальникомъ потѣшнаго и регулярнаго войска, наименовалъ Генералиссимусомъ и Княземъ-Кесаремъ съ титломъ Величества. Онъ производилъ Петра во всѣ чины и управлялъ еще двумя Приказами, Сибирскимъ и Аптекарскимъ, надзиралъ за литьемъ пушекъ и прочихъ военныхъ снарядовъ, отличался крутымъ нравомъ и самый его видъ, взоръ и голосъ, какъ говорятъ современники, вселялъ въ другихъ ужасъ; любилъ старые обычаи, по тому ходилъ въ Русскомъ платьѣ и отпускалъ большіе усы. Самъ Петръ часто не зналъ, что съ нимъ дѣлать, говоря: «Богъ знаетъ, что за человѣкъ!» Въ обществѣ всѣ стояли передъ Княземъ-Кесаремъ. Умеръ въ глубокой старости, въ Сентябрѣ 1717 года.

го Государя, послѣ пятилѣтнихъ ихъ трудовъ въ вертоградѣ Господнемъ, разрѣшеніе оставить его и вернуться на родину. Просьба, однако, отложена до возвращенія перваго Министра изъ деревни.

Оттоманская Порта, чрезъ посредство Англійскаго Посла, Г. Педжета (Paget), сообщила Императорскому Двору условія мира. Императорское Правительство, предъявивъ Королямъ Англійскому, Польскому, Генеральнымъ Штатамъ соединенныхъ провинцій Бельгіи копіи съ письма, какое писалъ, по выше означенному предмету, Графъ Кинскій къ Министру Англіи, поставило въ извѣстность о семъ же и Министерство Его Царскаго Величества. Послѣднее съ особеннымъ удовольствіемъ приняло это сообщеніе и выразило за то свою благодарность. Поступая такимъ образомъ, Императорскій Дворъ исполнялъ третью статью трехлѣтняго договора, на основаніи которой каждое изъ союзныхъ Государствъ можетъ выслушивать мирныя предложенія отъ Турціи, но только, чтобы этѣ предложенія были согласны съ правилами чести; за тѣмъ имѣетъ право разсуждать съ ней объ этомъ, но съ обязанностью немедленно сообщить о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ прочимъ союзнымъ Державамъ, которыя и должны быть введены въ заключаемый договоръ и полное получить извѣстіе о ходѣ дѣла, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, было бы трудно, или даже и совсѣмъ невозможно, когда либо заключить миръ.

Впрочемъ, Господину Послу на запросъ его о положеніи дѣлъ военныхъ, Московское Правительство доставило слѣдующія свѣдѣнія: Князь Долгорукій и Гетманъ Мазепа 25 Мая отступили отъ Бѣлгорода, и какъ сухопутьемъ, такъ и морскимъ путемъ, шли на встрѣчу непріятелю, который, съ своей стороны, былъ уже по эту сторону Очакова и опустошилъ тамъ всѣ окрестности. Что же касается до Воеводы Салтыкова, то онъ стоитъ станомъ за Азовомъ, у Ингульца (Ingulez), съ цѣлью удерживать непріятеля отъ вторженія и при случаѣ даже его разбить. Тотъ вдался бы въ грубыя ошибки, кто вздумалъ бы черпать свѣдѣнія свои обо всѣхъ подробностяхъ положенія дѣлъ изъ странныхъ разсказовъ Москвитянъ. Если вѣрить этѣмъ сообщеніямъ, то непріятель Москвитянъ вездѣ разбитъ, всюду войска Русскія торжествуютъ. Они умѣютъ выдумывать повѣсти о своихъ торжествахъ и пораженіи враговъ. Столь великіе воины Москвитяне, столь творческимъ воображеніемъ одарены они!

15. Господинъ Генералъ Гордонъ далъ пиръ всѣмъ Представителямъ иностранныхъ Государей.

16. Рано утромъ, въ седьмомъ, или въ восьмомъ, часу, гибельный пожаръ уничтожилъ множество строеній. На многолюднѣйшихъ улицахъ столицы найдены два Москвитянина, которымъ неистовые злодѣи отсѣкли головы. По ночамъ въ особенности невѣроятное множество рыщетъ по городу всякаго рода разбойниковъ.

17, 18 и 19. Въ сіи дни предаютъ погребенію тѣла всѣхъ погибшихъ насильственною смертію, отъ руки ли палача, по приговору властей, или отъ руки разбойниковъ, но этой чести лишены тѣ, которые, за оскорбленіе Величества, посажены на позорный колъ.

20. Ночью происходило совѣщаніе Бояръ о средствахъ къ усмиренію мятежа Стрѣльцовъ. [30]

21 и 22. На пиршествѣ у Польскаго Посла присутствовали: Представитель Императора, также Датскаго Короля, Генералъ Гордонъ (который, вставъ изъ застола, простился со всѣми, такъ какъ онъ долженъ былъ немедленно отправиться противъ мятежниковъ), Повѣренный Датскій, Полковники Блюмбергъ, Граге и многіе другіе.

23. Пришла вѣсть о томъ, что возмутившіеся приближаются къ столицѣ Государства Московскаго; Главный Воевода (Campi-Dux) Шеинъ (Schahinius) и Генералъ Гордонъ, съ 6 тысячъ конницы и 2 тысячами пѣхоты отправились противъ нихъ. [31]

24. Двое Москвитянъ, за убійство своего Господина, какого-то Нѣмецкаго Подполковника, съ цѣлію разграбить его имущество, подверглись позорной казни: они были повѣшены на большой дорогѣ близъ Нѣмецкой Слободы.

---

[30] Противъ этого мѣста въ подлинникѣ, на особомъ листѣ, помѣщенъ планъ мѣстности подъ Воскресенскимъ монастыремъ и расположеніе войскъ Гордона и Шеина противъ мятежныхъ Стрѣльцовъ.

[31] Въ Исторіи Петра Великаго, Устрялова (III, 167), сказано, что по подлиннымъ документамъ войска было только 3,700 человѣкъ.

25, 26 и 27. Такъ какъ мятежъ принимаетъ ежедневно все болѣе и болѣе грозные размѣры, то Царевичъ отправился въ монастырь Святыя Троицы, который находится въ 12 Нѣмецкихъ миляхъ отъ Москвы. Въ немъ, какъ въ самой надежной крѣпости, нашелъ себѣ безопасное убѣжище и нынѣ царствующій Государь, въ пору найопаснѣйшаго мятежа Стрѣльцовъ.

28. Первый Министръ нѣсколько дней роскошно угощалъ, въ своей деревнѣ, Царевича и его мать, Царицу, и устроилъ разныя дорогія увеселенія, достойныя Царскаго Принца.

29. Пришло радостное извѣстіе о пораженіи мятежниковъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, обыкновенно называемымъ Іерусалимъ.

30. Господинъ Посолъ былъ приглашенъ въ какой-то Дѣвичій монастырь въ городѣ, Игуменья котораго принадлежитъ къ роду Боярина Шереметева. Въ качествѣ сладостей, которыми обыкновенно угощаютъ гостей, подаваемы были орѣхи и огурцы. Впрочемъ, подано было и очень старое вино различныхъ сортовъ. Монахини съ уваженіемъ прислуживали сами гостю и весьма любезно приглашали Господина Посла почаще посѣщать ихъ.

ІЮЛЯ

1. Секретарь ѣздилъ къ первому Министру въ Преображенское, гдѣ онъ жилъ въ палаткахъ, просить объ увольненіи Императорскихъ Миссіонеровъ. Польскій Посолъ на обѣдѣ у него показывалъ письмо отъ своего Короля, въ коемъ послѣдній хвалилъ Императорскаго Посла и осуждалъ своего собственнаго за ту опрометчивость, съ которою тотъ отдалъ свою вѣрительную грамоту.

Такъ какъ Католическая церковь необыкновенно тѣсна, то Господинъ Посолъ приказалъ на свой счетъ передѣлать ее въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

2 и 3. День Тѣла Господня былъ отпразднованъ съ особеннымъ торжествомъ: въ крестномъ ходѣ обнесено было Sanctissimum и предъ четырьмя алтарями прочитано четыре Евангелія. Послы Императорскій и Польскій, каждый съ великолѣпной сви-

тою, присутствовали при божественной службѣ, при чемъ играла музыка.

4 и 5. Секретарь, по порученію Г. Посла, вновь обращался съ просьбою объ увольненіи Императорскихъ Миссіонеровъ, но первый Министръ отвѣчалъ, что безъ Государева Указа онъ не можетъ ихъ отпустить, иначе поплатится своей головой, но что, впрочемъ, онъ писалъ уже къ Царю и дней черезъ четырнадцать, вѣроятно, получитъ отъ него отвѣтъ. За тѣмъ первый Министръ говорилъ объ упрямствѣ, изъ за котораго, по его мнѣнію, Императорскій Посолъ не отдастъ вѣрительной грамоты, и въ награду всѣхъ хлопотъ Секретаря, обязательно вручилъ ему три лимона при отпускѣ его домой. Въ это же время Боярину сему представлялся извѣстный Курляндскій Баронъ фонъ Блюмбергъ, опустивъ, по Русскому обычаю, обѣ руки до самой земли.

6. Славный и достопочтенный братъ, Патеръ Петръ Павелъ Пальма д'Артуа, Архіепископъ Анкирскій, Апостольскій Викарій въ Царствахъ Великаго Могола, Голкондѣ и Идалканѣ, прибылъ въ Москву съ Пресвитерами, Венеціянскимъ Капитаномъ Г. Молиномъ (Molinos), Врачемъ, часовщикомъ и нѣсколькими другими лицами.

7 и 8. Г. Архіепископъ еще вчера присылалъ къ Г. Послу Капитана Молина съ увѣдомленіемъ о своемъ прибытіи. Посолъ, съ своей стороны, не замедлилъ, черезъ Секретаря, поздравить его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Въ бытность Царя въ Голландіи Господинъ Архіепископъ представлялъ ему о томъ, что онъ долженъ отправиться въ путь, и что путь сей лежитъ чрезъ его Царство, прося Государя повелѣть Намѣстнику Казанскому и Астраханскому, Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, по прибытіи Архіепископа въ Москву, не только принять его тамъ благосклонно, но и снабдить, во время путешествія по Московіи, обильно надлежащимъ содержаніемъ отъ казны и въ безопасности проводить до границъ Персіи. Исполняя Царское приказаніе, Голицынъ пригласилъ Архіепископа и спутниковъ его къ себѣ во дворецъ, и отвелъ имъ въономъ нѣсколько покоевъ на все время пребыванія въ Москвѣ.

9. Господинъ Посолъ намѣревался посѣтить Архіепископа со всѣми почестями, но потомъ, принявъ во вниманіе, будетъ ли это соотвѣтствовать мѣсту, времени и тѣснотѣ его помѣщенія, послалъ Секретаря спросить, какъ ему угодно, чтобъ посѣщеніе было сдѣлано? Хотя Архіепископъ предоставилъ это на волю Посла, но казалось, что онъ болѣе былъ склоненъ къ тому, чтобы, при свиданіи, не было излишней торжественности, а по тому посѣщеніе и было сдѣлано безъ особой обрядности.

10. Сегодня восьмой день послѣ праздника Божьяго Тѣла. Императорскій Посолъ лично обратился къ Архіепископу съ просьбой принять участіе въ Богослуженіи; тотъ сталъ было заявлять свое въ томъ затрудненіе. Но когда Посолъ представилъ ему, что участіе его въ службѣ придастъ ей болѣе торжественности, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставитъ истинное утѣшеніе всему Католическому обществу, и несомнительно привлечетъ многихъ, тогда Архіепископъ согласился на просьбу, и въ Архіерейскомъ облаченіи принялъ личное участіе въ церковномъ торжествѣ сего дня. Императорскій Посолъ, съ своей стороны, ничего не упустилъ для того, чтобы увеличить торжество этого дня и возвысить въ глазахъ не Католиковъ санъ Католическаго Епископа. Посолъ отправился поѣздомъ изъ трехъ экипажей, каждый въ шесть лошадей, и со всею своею свитою, въ нарядномъ платьѣ, къ дому Князя Голицына, гдѣ, взявъ Архіепископа, торжественно ѣхалъ съ нимъ чрезъ весь городъ и предмѣстье къ Католической церкви. Здѣсь Архіепископъ встрѣченъ былъ у церковныхъ дверей однимъ изъ Миссіонеровъ со святою водой, которую взявъ, поднесъ ее, сначала Послу, потомъ Чиновникамъ Посольства, и наконецъ всѣмъ присутствующимъ. Во время священнодѣйствія прислуживали два Посольскихъ Чиновника, изъ коихъ одинъ держалъ рукомойникъ, а другой полотенце. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ въ церкви, и когда Архіепископъ, при звукахъ литавръ и трубъ, обносилъ Святые Дары, тогда у каждаго изъ четырехъ алтарей читали столько же Евангелій.

По окончаніи службы Посолъ, какъ лицо главное въ семъ обществѣ, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Архіепископа съ его Священниками, также Польскаго Посла, Императорскихъ Миссіонеровъ и иныхъ особъ, имѣвшихъ право на подобное приглашеніе.

11 и 12. Датскій Посолъ не былъ еще съ посѣщеніемъ у Архіепископа, вѣроятно, по тому, что не хотѣлъ дать поводъ думать, что онъ признаетъ надъ собою верховную власть Римской Церкви. Г. Императорскій Посолъ, понявъ, чѣмъ былъ болѣнъ Представитель Даніи, нашелъ средство къ его излѣченію, а именно: онъ отыскалъ одно лицо, которое умѣло убѣдить Датчанина, что Архіепископъ, независимо отъ его духовнаго сана, облеченъ еще и другимъ, достойнымъ уваженія, значеніемъ, а по тому, ежели не ради перваго (что также должно быть почитаемо), то ради другихъ его достоинствъ, надлежитъ оказать ему все подобающее уваженіе. Убѣжденія этѣ привели къ желаемому послѣдствію: сомнѣнія Датскаго Посла разсѣялись, и онъ посѣтилъ Архіепископа.

13. Архіепископъ былъ сегодня на званомъ обѣдѣ у завѣдывающаго кораблями, Князя Александра Петровича. [32]

14. Императорскій Посолъ посѣтилъ Архіепископа, который, съ своей стороны, посѣтилъ Датскаго Посла.

15 и 16. Такъ какъ многія изъ живущихъ здѣсь и уже пожилыя лица Католическаго Исповѣданія не были еще конфирмованы, то найдено было весьма полезнымъ, чтобы Архіепископъ, къ вящшему утѣшенію всѣхъ вѣрующихъ и для ихъ духовной пользы, принялъ на себя это дѣло. Помощниками ему были при этомъ шесть Священниковъ, служащихъ въ разныхъ церквахъ. 50 особъ пріобщены были конфирмаціи. Императорскій Посолъ былъ крестнымъ отцомъ при означенномъ торжествѣ у Генералъ-Лейтенанта Царской службы, Гордона, и его супруги. Польскій Посолъ также не отказывалъ въ этомъ никому, кто просилъ его о томъ.

17, 18 и 19. Хоронили внука Генерала Гордона. Погребальную колесницу сопровождали, между прочими, Послы Императорскій и Польскій. Странное обыкновеніе повелось у Нѣмцевъ, проживающихъ въ Московскомъ Царствѣ, справлять похороны

---

[32] Упоминаемый Корбомъ Князь Александръ Петровичъ есть Окольничій Протасьевъ.

словно свадьбу. Въ питьѣ и ѣдѣ ищутъ они утѣшенія въ своей печали!

20 и 21. Установлено служить народныя молебствія въ Кремлѣ о томъ, дабы Благій Богъ отвратилъ отъ отечества угрожающія бѣдствія внутренней брани и сохранилъ спокойствіе.

22 Сегодня рожденіе Императрицы, и Господинъ Посолъ не пожалѣлъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобы отпраздновать этотъ день достойнымъ торжествомъ. Представители иностранныхъ Государей, первостатейные Царскаго Величества военные чины и всѣ тѣ, которыхъ званіе, либо Нѣмецкое происхожденіе, выдвигаютъ изъ толпы, были приглашены на праздникъ. Съѣхалось множество гостей мужескаго и женскаго пола, и всѣ они были приняты хозяиномъ съ большимъ радушіемъ. Всѣ восхищены были отлично приготовленными кушаньями, многіе не могли довольно прославить великолѣпіе пиршества и, разсыпаясь въ похвалахъ, въ которыхъ ясно слышалась зависть, говорили: «Только Посолъ Императора можетъ тратиться такъ на угощенья своихъ гостей.» На обѣдѣ присутствовали 24 особы. По общему обыкновенію, угощена была и прислуга явившихся на пиръ.

23. Нѣкоторые изъ служителей Императорскаго Посла затѣяли ссору съ Москвитянами; тогда явилось большое число солдатъ и отвели ихъ въ караульню; но караульные Офицеры изъ Нѣмцевъ, узнавъ, что это за люди, немедленно ихъ отпустили, кромѣ одного, котораго Русскіе единогласно назвали зачинщикомъ. Ночью, однако, Генералиссимусъ, Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, обходя сторожевыя мѣста, освободилъ и этого задержаннаго, приказавъ отправить его, для безопасности, подъ охраною солдатъ, въ Посольскій домъ.

24. Нѣкоторыя лица жаловались на то, будто бы во вчерашней ссорѣ слуги Императорскаго Посла обнажили оружіе. На самомъ же дѣлѣ ни чего подобнаго не было. Одинъ изъ Москвитянъ, ссылаясь на свѣдѣтелей, имъ задобренныхъ, указывалъ на раны, будто бы нанесенныя ему палашами. Но лживость его показанія была ясно обнаружена уликами другихъ свѣдѣтелей. Мы не можемъ вполнѣ надивиться всей испорченности нравовъ Русскаго

народа: ложь и клятвопреступленіе безнаказанны въ этомъ краѣ. Среди Русскихъ всегда и вездѣ найдешь людей, готовыхъ лжесвѣдѣтельствовать; понятія Московитянъ тамъ и симъ до того извращены, что искуство обманывать считается у нихъ признакомъ высокихъ умственныхъ способностей.

Жена одного Дьяка (какъ кажется, Приказнаго) проходила мимо висѣлицъ, воздвигнутыхъ передъ Кремлемъ во время послѣдняго бунта, и, увидя повѣшенныхъ, выказала къ нимъ сострадание, безъ особой, впрочемъ, цѣли, громко сказавъ: «Кто знаетъ, виноваты ли вы, или нѣтъ?» Кто-то свѣдалъ про этѣ слова и тотчасъ донесъ Боярамъ, давши словамъ женщины столь дурное толкованіе, какъ будто бы въ нихъ было что-то особенно худое. Состраданіе женщины къ осужденнымъ Государственнымъ преступникамъ показалось опаснымъ. Немедля приводятъ ее съ мужемъ къ допросу: открылось, что это было простое, свойственное женщинамъ, состраданіе къ несчастнымъ, безъ малѣйшихъ признаковъ злаго умысла. Тѣмъ не менѣе обоихъ, освободивъ отъ смертной казни, отправили въ ссылку. Такъ-то наказуется простая и неумышленная свобода слова тамъ, гдѣ подданные только однимъ страхомъ держатся въ повиновеніи. Подполковникъ Нарбековъ (Narbekoff), обвиненный по поводу недавняго мятежа, съ 25-ю крѣпостными (servis), заключенъ въ темницу и преданъ пыткѣ.

25 и 26. Господинъ Архіепископъ цѣлыхъ восемь дней усердно домогался свиданія съ Думнымъ Дьякомъ Украинцовымъ, на что послѣдній хотя и неохотно, но согласился таки наконецъ. Почти презрительный пріемъ ясно показалъ Архіепископу, что съ его стороны было не кстати дѣлать это посѣщеніе; такъ, на примѣръ, онъ не вышелъ къ нему, когда тотъ подъѣзжалъ къ дому, не встрѣтилъ его, когда приближался къ его покоямъ, наконецъ не только не посадилъ на первое мѣсто, но, ссылаясь на усталость, усѣлся на немъ самъ первый поспѣшно. Быть можетъ, Украинцевъ обошелся такимъ образомъ съ Архіепископомъ по ненависти къ своему сопернику, Голицыну, досадуя на него за то, что онъ, по пріѣздѣ своемъ, прежде чѣмъ обратиться въ Посольскій Приказъ, который вѣдаетъ всѣхъ иностранцевъ, въ особенности же пріѣзжающихъ съ какимъ либо знатнымъ саномъ, явился къ Князю Голицыну и, вмѣстѣ съ письмомъ Государя,

предъявилъ ему и свой пашпортъ. Между тѣмъ на обязанности Посольскаго Приказа лежатъ распоряженія о томъ, чтобы Воеводы и Намѣстники областей озабочивались принятіемъ мѣръ къ спокойному и безопасному проѣзду иноземцевъ чрезъ страну. Но Князь Голицынъ, Намѣстникъ (Vice-Rex) Казанскій и Астраханскій, не признаетъ надъ собою ни какой власти Посольскаго Приказа, и, такимъ образомъ, въ слѣдствіе соперничества двухъ честолюбивыхъ сановниковъ, нерѣдко страдаютъ люди, вовсе не причастные ихъ ссорѣ.

Послѣ обѣда Посолъ, съ большею частью своей свиты, сдѣлалъ торжественное посѣщеніе Князю Голицыну, желая дружески поговорить съ нимъ. Князь до того былъ любезенъ, что приказалъ своимъ музыкантамъ, природнымъ Полякамъ, для развлеченія гостей, разыгрывать различныя пьесы. При томъ убѣдительнѣйше просилъ Посла пріѣхать къ нему въ деревню, куда онъ думалъ пригласить и Господина Архіепископа развлечься предъ отъѣздомъ его въ Персію. Чтобы показать свои достатки, Князь Голицынъ велѣлъ подать вина различныхъ сортовъ. Вмѣстѣ съ симъ, съ цѣлію блеснуть своимъ гостепріимствомъ, онъ приказалъ двумъ своимъ сыновьямъ прислуживать Господину Архіепископу и Господину Послу; къ нимъ присоединилъ молодаго Черкесскаго Князя, недавно еще похищеннаго тайно у своихъ родителей, Князей Черкесскихъ, Татаръ, и окрещеннаго. Одна вдова, самая богатая изъ роду Голицыныхъ, сострадая юношѣ, разлученному съ родителями и лишенному такимъ образомъ отцовскаго достоянія, объявила его своимъ наслѣдникомъ. Учителемъ у этѣхъ молодыхъ людей Полякъ; они недавно стали обучаться у него языку Латинскому. Въ выраженіи лицъ Голицыныхъ видна скромность, но въ чертахъ Черкеса, напротивъ, благородство и твердость духа, обличающія воина по происхожденію. Наконецъ всѣхъ насъ привелъ въ ужасъ сильный гнѣвъ Князя Голицына на воспитателя, соединенный съ жестокими ругательствами и угрозами: «Какъ ты смѣешь, измѣнившій мнѣ и моему роду, открывать тайны моего дома и нарушать свою клятву хранить молчаніе? Развѣ ты не знаешь Голицына, который можетъ тебя повѣсить, и вотъ такъ (стиснувъ руки) раздавить!» Въ самомъ дѣлѣ, это весьма трудно, и въ своемъ домѣ быть тираномъ.

27. Архіепископъ совершенно снарядился въ свой дальній путь, но, выѣхавъ изъ Москвы, отправился сначала въ деревню Князя Голицына. Отъ Царскаго имени Архіепископу подарено рѣчное судно, снабженное всѣмъ необходимымъ; кромѣ того дано 100 руб. и три пары соболей, къ чему самъ Голицынъ, съ своей стороны, прибавилъ еще сто золотыхъ.

28. Князь Голицынъ третьяго дня просилъ Посла не откладывать поѣздки къ нему въ деревню. Желая показать, что весьма дорожитъ расположеніемъ Князя, Посолъ чуть свѣтъ выѣхалъ къ нему сегодня въ деревню Дубровицы (Dobroviza), которая находится отъ Москвы въ 30-ти верстахъ или въ шести Нѣмецкихъ миляхъ. Дорога лежитъ черезъ плодородную равнину, пріятна и хороша, по которой въ полдень мы и пріѣхали туда. Князь, поджидая насъ, взошелъ, съ Господиномъ Архіепископомъ, на верхъ колокольни великолѣпнаго храма, построеннаго имъ, съ котораго видна вся окрестность. Этотъ храмъ имѣетъ видъ короны и украшенъ извнѣ многими каменными фигурами, подобными тѣмъ, какія выдѣлываютъ Итальянскіе художники. Послѣ роскошнаго обѣда мы весьма хорошо провели время до самаго ужина, въ восхитительной бесѣдкѣ, устроенной въ прекраснѣйшемъ саду, разговаривая о разныхъ предметахъ.

29. На разсвѣтѣ, простившись съ Архіепископомъ и съ Княземъ, мы отправились домой. Архіепископъ остался еще погостить у Голицына, и оттуда онъ отправится въ Персію. Передъ отъѣздомъ Посолъ щедро одѣлилъ слугъ Князя, и тѣ горячо заявляли желаніе, чтобъ онъ почаще посѣщалъ ихъ Господина.

30 и 31. Въ день своего рожденія Посолъ принималъ поздравленія своихъ и обѣдалъ у Посла Датскаго. Здѣсь отъ безпрестаннаго жаренья и варенья на поварнѣ начался было пожаръ, но, къ счастію, былъ въ самомъ началѣ потушенъ слугами. Въ первомъ часу ночи наши музыканты, въ честь Господина Посла, играли на духовыхъ инструментахъ и бубнахъ. Усладительная симфонія подняла всѣхъ сосѣдей съ постелей; всѣ были пріятно поражены звуками музыки, заигравшей ночью, въ столь необыкновенное для Москвитянъ время.

АВГУСТА

1. Польскій Посолъ приказалъ солдатамъ, составляющимъ его караулъ, привести къ нему одного изъ Царскихъ толмачей, и жестоко избилъ его палками. Толмачъ, по словамъ Посла, заслужилъ наказаніе тѣмъ, что позволилъ себѣ сказать какую-то дерзость. Царское Министерство весьма оскорбилось поступкомъ Посла, и, не могши иначе отомстить за то, или не желая то сдѣлать, перестало съ этого времени отпускать деньги, выдававшіяся ему до сихъ поръ на содержаніе.

2, 3, 4 и 5. Одинъ изъ нашихъ конюховъ умеръ отъ горячки (Febris maligna). Предъ смертію его исповѣдали и причастили.

6. Въ Слободѣ (Нѣмецкомъ предмѣстьѣ) для всѣхъ иностранцевъ, безъ различія ихъ Вѣръ, имѣется одно только кладбище. Сюда привезли мы тѣло и нашего слуги; на кладбищѣ нѣтъ постоянныхъ могильщиковъ: сегодня погребаютъ одни, завтра другіе, которые своимъ примѣромъ другихъ обязуютъ сдѣлать себѣ такую же услугу въ подобныхъ обстоятельствахъ. Посолъ лично присутствовалъ при Богослуженіи.

Сегодня вдова Монсъ давала въ своемъ домѣ великолѣпный пиръ, на который былъ приглашенъ и Посолъ. Дочь Госпожи Монсъ просила Посла, чтобы онъ послалъ за всей своей музыкой. Посолъ не могъ отказать дѣвицѣ, и его музыканты до поздней ночи услаждали пирующихъ звуками своихъ инструментовъ.

7. Была панихида по нашемъ служителѣ, похороненномъ вчера; при этомъ, когда стали пѣть о вѣчномъ упокоеніи души, ясное небо покрылось тучами, полился дождь и разразилась гроза съ сильнымъ громомъ и молніею.

8 и 9. Посолъ, сблизившись съ Думнымъ Дьякомъ Украинцевымъ, посѣтилъ его въ качествѣ частнаго лица. Говорили о томъ, что Долгорукій [33] и Мазепа съ своими войсками двинулись по

---

[33] Славный Князь Яковъ Ѳедоровичъ.

лѣвому берегу Днѣпра къ Аслану и Перекопу. Съ другой стороны шестьдесятъ Турецкихъ кораблей, проплывъ Очаковъ, остановились въ устьѣ Днѣпра, чтобы отсюда защищать эту крѣпость, или же броситься на Тавань. Говорили, что въ быстрыхъ пучинахъ Днѣпра Москвитяне потеряли много своихъ припасовъ, т. е., все, что было доставлено изъ Кіева, Украйны и Россіи для продовольствія дѣйствующаго войска и снабженія острова Тавани, все это погибло при крушеніи судовъ. Воевода Салтыковъ (Campi-Dux), лишь только пришелъ къ Азовскому морю, приказалъ срыть Павловскую крѣпость, которую въ прошломъ году заложилъ военный инженеръ Лаваль, и, вмѣсто ея, построить другую, для обороны пристанища, при впаденіи рѣки Міуса (Myos) въ Азовское море.

10 и 11. Сегодня у Москвитянъ, слѣдующихъ старому Календарю, первое Августа. Водосвятіе на рѣкѣ Неглинной, протекающей чрезъ Москву, главное торжество этого дня. Въ крестномъ ходѣ наиболѣе Поповъ (Poppi), которые со всѣхъ сторонъ спѣшатъ къ нему. Впереди идутъ Земскіе (т. е., крѣпостные, употребляемые на разныя услуги въ поварняхъ) съ метлами, сзади ихъ солдаты съ бѣлыми палками: первые чтобъ очищать улицы отъ сору, а послѣдніе чтобъ отстранять отъ духовенства народъ, жадный до зрѣлищъ и тѣснящійся въ безпорядкѣ. Передъ крестомъ несутъ огромный фонарь съ тремя зажженными въ немъ свѣчами: нести крестъ безъ огня считаютъ неприличнымъ. На рѣкѣ устроена площадка, огороженная желѣзной рѣшеткою и образуетъ что-то въ родѣ бесѣдки надъ колодцемъ; сюда входитъ духовенство съ горящими восковыми свѣчами, занимаетъ всѣ углы площадки, за тѣмъ спускаются внизъ для совершенія соотвѣтственныхъ случаю молитвъ, послѣ освящаютъ воду благословеніемъ и троекратнымъ погруженіемъ горящей восковой свѣчи. Въ слѣдъ за симъ Патріярхъ кропитъ всѣхъ присутствующихъ кропиломъ, омочивъ его въ священной водѣ, чѣмъ и оканчивается торжество. Сегодня это совершалъ, по нездоровью Патріярха, Митрополитъ Крутицкій. Посолъ съ своими Чиновниками, смотрѣлъ на эту церемонію изъ оконъ Посольскаго Приказа. Какъ скоро все такимъ образомъ кончилось и духовенство обратно отправилось въ церковь обычнымъ порядкомъ, народъ обоего пола толпами

бросился въ рѣку, и каждый троекратно погрузилъ голову въ освященную воду, вѣруя, что такое погруженіе предохраняетъ отъ всякаго рода бѣдствій и освящаетъ все тѣло. Разумѣется, такъ думаетъ только простой народъ, который одинъ лишь преданъ суевѣрію. Съ этого дня начинается у Русскихъ постъ, извѣстный подъ названіемъ яблочнаго поста (Die Aepffel-Fasten), который продолжается до Успеньева дня.

12. Господинъ Гваскони показывалъ пачку писемъ, которыя онъ получилъ весьма страннымъ образомъ. Ночью какіе-то люди съ крикомъ стали ломиться въ его двери, сказываясь жильцами дома, гдѣ онъ имѣетъ пребываніе. Лишь только онъ отворилъ дверь, какъ къ нему бросили связку писемъ. Такъ какъ письма написаны безъ связи, безъ смысли, неправильно, безъ всякаго плана, то ясно, что составитель ихъ человѣкъ слабоумный и не имѣющій здраваго смысла. Въ Нѣмецкой Слободѣ такая дерзость не обошлась бы такъ легко проказникамъ.

13. Сегодня прибылъ сюда изъ Шотландіи, вмѣстѣ съ женою, самый старшій сынъ Генерала Гордона; онъ и жена его исповѣдаютъ Католическую Вѣру.

14. Такъ какъ жена Датскаго Посла на сносахъ, то Посолъ, озабочиваясь тѣмъ, чтобы при родахъ ея можно было послать за повивальной бабкой въ Нѣмецкую Слободу, просилъ Министерство, чтобы оно, во вниманіи къ такой нуждѣ, приказало не затворять городскія ворота, но Ромодановскій не уважилъ, Думный же Дьякъ Украинцевъ не хотѣлъ въ это дѣло вмѣшиваться.

15 и 16. У Русскихъ съ новою особенной торжественностью освящаемы были плоды земные.

17 и 18. Мимо нашего дома прошло погребальное шествіе: хоронили какого-то Боярина изъ Посольскаго Приказа. Женѣ и родственницамъ покойнаго, слѣдовавшимъ за гробомъ и плакавшимъ по умершемъ, усердно помогали многія наемныя плакальщицы.

19. Посолъ получилъ изъ Вѣны увѣдомленіе, что Великое Московское Посольство изъ тщеславія сообщило Императорскому Двору извѣстіе о знатной побѣдѣ надъ Татарами. Потребовавъ

подъ другимъ предлогомъ совѣщанія, Посолъ напомнилъ Министерству, что, по силѣ недавно заключеннаго договора, оба Государя обязались сообщать другъ другу свѣдѣнія о всѣхъ, какъ счастливыхъ, такъ и несчастныхъ, дѣлахъ. «Это даетъ мнѣ, говорилъ Посолъ, поводъ скорбѣть о моемъ несчастіи, видя, что оставляютъ меня въ совершенномъ невѣдѣніи о счастливыхъ успѣхахъ, увѣнчавшихъ Русское войско. Особенно когда стало извѣстно, что Татары разбиты и обращены въ бѣгство, оставивъ 40 тысячъ лошадей въ добычу своимъ побѣдителямъ.» Такое неожиданное сообщеніе до того поразило Министровъ и Канцлера, что они долго не находили что отвѣчать. Оправившись отъ смущенія, Думный Дьякъ сказалъ, что «означенную побѣду Богъ ниспослалъ Москвитянамъ еще до прибытія сюда Императорскаго Посла.» Какъ бы то ни было, только ни одинъ изъ воиновъ, бывшихъ въ то время въ походѣ, ни чего не зналъ и не могъ сказать объ этой побѣдѣ. Изъ сего я заключаю, что эта побѣда совершенно была незрима и таинственна.

20, 21 и 22. Хризостомъ Фёгелейнъ (Vögelein) получилъ мѣсто толмача въ Посольскомъ Приказѣ; Императорскій Миссіонеръ, Г. Эмиліяни, приводилъ его къ присягѣ. Сочли предзнаменованіемъ особыхъ событій то обстоятельство, что свѣча, зажженная предъ Русскимъ образомъ, два раза упала.

23, 24 и 25. Одинъ Нѣмецкій Прапорщикъ, исповѣдывавшій Лютеранскую Вѣру, перешелъ въ Католическую и былъ на исповѣди.

26. Въ городѣ сильный пожаръ, истребившій болѣе сотни домовъ.

27. Вѣсть о возвращеніи Государя (изъ за границы) поразила Бояръ, и они ежедневно по два раза собираются на совѣщаніе. Приказано купеческимъ сидѣльцамъ, чтобъ они явились въ Приказъ считать копѣйки: это мелкая и при томъ единственная Русская монета. Если изъ нихъ кто оказывался лѣнивъ, или менѣе старателенъ, такого наказывали батогами.

28 и 29. На сихъ дняхъ нѣкоторые Приказные писаря пировали съ своими женами у какого-то писца. Хозяину особенно

понравилась одна изъ гостей; задумавъ удовлетворить свою страсть, онъ сталъ спаивать всѣхъ виномъ, въ особенности же женщинъ. Гости проникли лукавый умыселъ хозяина и, съ своей стороны, тоже съ умысломъ, стали подчивать щедро виномъ хозяйку. Всѣ перепились до того, что падали на полъ; тогда хозяинъ, замѣтивъ, гдѣ лежала его красавица, подъ предлогомъ, чтобы женщины спали спокойнѣе, погасилъ огонь. За тѣмъ вызвалъ онъ мужей въ другую комнату, для новаго состязанія, кто кого перепьетъ. Послѣ того всѣ, совершенно пьяные, воротились въ покой, гдѣ спали женщины. Хозяинъ пробирается къ тому мѣсту, гдѣ расположилась его красавица, которая, по тому ли, что уже прежде замѣтила изъ глазъ его любовь, стало быть, легко угадывала замыслы его, или по тому, что была нравственнѣе, пожалуй, плутоватѣе, положила на свое мѣсто жену хозаина. Хозяинъ въ темнотѣ не могъ открыть обмана женщины и, полный прежнихъ помысловъ и ни чего не зная, осыпаетъ жену свою поцѣлуями, обнимаетъ, встрѣчаетъ взаимность, наконецъ, удовлетворивъ свою страсть и не вѣдая еще, что это была его жена, приглашаетъ прочихъ гостей къ тому же. Пьяные сотоварищи охотно принимаютъ его предложеніе. Когда обманъ былъ выданъ и совершенно обнаружился, хозяинъ первый же покатился со смѣху отъ того, какъ онъ, не только предложилъ гостямъ кушанья и питья, но еще пригласилъ ихъ и въ объятія своей жены. Такъ испорчены нравы Москвитянъ: доводятъ себя до прелюбодѣянія, и сами же потомъ смѣются надъ тѣмъ, что должны бы оплакивать.

30. Десять мятежниковъ рѣшились произвести возстаніе въ средѣ Донскихъ Казаковъ, намѣреваясь за тѣмъ пробраться къ Архангельской пристани и разграбить тамъ корабли, но Полковникъ Мейеръ схватилъ ихъ и связанными привелъ въ Москву. Преступники сознались въ своемъ замыслѣ и были казнены: двоихъ четвертовали, одному отрубили голову, семерыхъ повѣсили.

31. Польскій Посолъ получилъ извѣстіе изъ Литвы, что Г. Огинскій вызвалъ на поединокъ молодаго Князя Сапѣгу; вызовъ приняли на себя, вмѣсто Сапѣги, три Полковника: Поплавскій (Poplauky), Годлевскій (Godewsky) и Лучко (Luczko). Всѣ они погибли, а послѣдній изъ нихъ былъ изрубленъ въ куски. Князь Сапѣга, видя неудачу, отослалъ солдатъ своихъ на службу къ Королю.

СЕНТЯБРЯ

1. Начальникъ Азова поставилъ на одномъ изъ раскатовъ, окружающихъ крѣпость, орудіе и при немъ часоваго. Генералъ, начальствующій, вмѣстѣ съ Салтыковымъ, войсками, стоящими подъ Азовомъ, обходя сторожи, засталъ часоваго спящимъ; тогда, съ помощью своихъ солдатъ, онъ увезъ оружіе, и стукъ колесъ не пробудилъ часоваго. Свѣдавъ про такой поступокъ Генерала, Азовскій Воевода написалъ въ Москву, обвиняя Генерала въ воровствѣ. Объ этой жалобѣ разсказывалъ мнѣ Чиновникъ изъ Приказа, человѣкъ, достойный довѣрія. А какъ Воевода имѣетъ здѣсь своихъ покровителей, то по тому жалоба его признана была уважительною.

Посолъ послалъ Секретаря своего благодарить Думнаго Дьяка Украинцева за позволеніе, данное имъ на провозъ вина изъ Архангельска, и за обѣщаніе ускорить отправленіе Миссіонеровъ. Я думаю, однако, что послѣдней услугой со стороны Украинцева мы обязаны болѣе тому, что получено извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Государя.

2, 3 и 4. Одинъ Капитанъ, уличенный въ беззаконной связи съ восьмилѣтней дѣвочкой, казненъ.

Посолъ посѣтилъ Думнаго Дьяка (Украинцева), для совѣщаній; при этомъ благодарилъ его, какъ за позволеніе привезти изъ Архангельска вино и прочіе предметы, необходимые въ хозяйствѣ, такъ въ особенности за разрѣшеніе, данное наконецъ, послѣ такихъ проволочекъ, Миссіонерамъ оставить Московію, коимъ назначено 12 подводъ до границъ Московскихъ и Литовскихъ. Когда зашла рѣчь о военныхъ дѣйствіяхъ Думный Дьякъ сказалъ: «Долгорукій и Мазепа съ непріятельской земли двинулись къ Днѣпру, по сю сторону Очакова, противу Бѣлогородскихъ и Крымскихъ Татаръ, соединившихся съ Турками подъ начальствомъ Сераскиръ-Паши. 7-го Іюля Русскія войска сражались съ ними съ восхода солнца до самаго полудня; Татары и Турки не выдержали наконецъ огня и орудій большаго калибра и отступили. Въ догонъ за не-

пріятелемъ Воевода Долгорукій послалъ 12-титысячный отрядъ, подъ начальствомъ двухъ сыновей своихъ, Луки и Бориса. Это заставило Татаръ вернуться во свояси, для отраженія Русскихъ. Окрестности стана Князя Долгорукаго отъ частыхъ набѣговъ Татаръ всѣ опустошены и выжжены на огромное пространство.» Прошелъ было слухъ о прибытіи въ Москву какого-то Молдавскаго Посла, но Думный Дьякъ положительно опровергнулъ это, сообщивъ при этомъ, что «въ Москву дѣйствительно пріѣхалъ одинъ Молдаванинъ, но онъ Капитанъ, а не Посолъ, и находится здѣсь не для какихъ либо переговоровъ, а съ просьбой представить его Московскому Патріярху. Москвитяне, впрочемъ, никогда не довѣряли Молдаванамъ; такъ, на примѣръ, въ послѣднее время къ Князю Долгорукому явился съ оффиціяльнымъ привѣтствіемъ посолъ изъ Молдавіи въ самый станъ его, но былъ задержанъ и не будетъ выпущенъ до самаго окончанія похода. Также существуетъ Указъ Его Царскаго Величества, запрещающій Москвитянамъ сноситься съ Молдаванами, какъ съ людьми опасными; по оному же Указу Молдавскіе Священники не имѣютъ уже болѣе права пріѣзжать въ Россію; равнымъ образомъ и Русскимъ не дозволяется, по своему усмотрѣнію, ѣздить въ эту землю, отъ чего торговыя сношенія купцовъ Греческихъ совершенно прекратятся.»

Его Царское Величество, съ двумя своими Уполномоченными (Oratores), Генераломъ Лефортомъ и Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, [34] а также съ нѣкоторыми другими приближенными, вечеромъ прибылъ въ Москву. Всепресвѣтлѣйшій Король Польскій назначилъ сопутствовать Государю Начальника стражи, Генерала Карловича. Согласно желанію Царя, Карловичъ, вмѣстѣ съ молодымъ Полякомъ знатнаго происхожденія и находящимся въ большой милости у Короля, проводили его до самой столицы. По

---

34 Славный Русскій дипломатъ, сынъ Боярина и Тобольскаго Воеводы, Алексѣя Петровича (который первый размежевалъ Сибирь), въ послѣдствіи Президентъ Посольскаго Приказа (Канцлеръ), Фельдмаршалъ, Графъ (первый изъ Русскихъ) Римской Имперіи и первый Кавалеръ ордена Св. Андрея Первозваннаго; онъ же первый изъ Русскихъ Бояръ обрилъ бороду, оставивъ только усы, и завелъ изданіе газетъ и календарей; умеръ на пути въ Кіевъ, въ Глуховѣ, 2-го Августа, 1706 года.

прибытіи сюда, Государь не поѣхалъ въ свой замокъ, Кремль, обширнѣйшее пребываніе Царей, но посѣтивъ, съ Княжескою вѣжливостію, нѣкоторые дома тѣхъ, которыхъ отличилъ предъ прочими многими знаками своей милости, поспѣшилъ въ Преображенское (Bebraschenlsko) соснуть и отдохнуть, среди своихъ солдатъ, въ кирпичномъ домѣ.

5. Между тѣмъ вѣсть о прибытіи Царя облетѣла городъ. Бояре и Московская знать, во время, назначенное для представленія, поспѣшно явились туда, гдѣ отдыхалъ Царь. Стеченіе поздравляющихъ было большое, ибо каждый своей поспѣшностью хотѣлъ показать Государю, что пребылъ ему вѣрнымъ. Хотя первый Уполномоченный, Францъ Яковлевичъ Лефортъ, не принялъ никого изъ своихъ приверженцевъ, ссылаясь на усталость отъ столь продолжительной и почти безостановочной дороги, однако Его Царское Величество всѣхъ, являвшихся съ заявленіемъ вѣрноподданической преданности, принималъ съ такою готовностью, что, казалось, предупреждалъ приходившихъ. Всѣхъ тѣхъ, которые, по здѣшнему обычаю, для изъявленія почтенія, падали передъ Государемъ ницъ, семъ ласково и поспѣшно поднималъ и цѣловалъ ихъ, какъ самыхъ короткихъ своихъ друзей. Ежели Москвитяне могутъ забыть ту обиду, которая наносилась ножницами тутъ же, безъ разбора направленными на ихъ бороды, то они могли бы по истинѣ сей день причислить къ счастливѣйшимъ въ своей жизни. Воевода Князь Алексѣй Семеновичъ Шеинъ первый пожертвовалъ своею длинною бородой, подставивъ ее подъ ножницы. Въ самомъ дѣлѣ, для тѣхъ, кто считаетъ священнымъ долгомъ жертвовать жизнію по волѣ, или по приказанію, своего Государя, вовсе не было это безславіемъ, ежели самъ Царь ихъ былъ виновникомъ сего. Не приходилось и смѣяться другъ надъ другомъ, такъ какъ каждаго постигала одинаковая участь по его уже рожденію. Сохранили свои бороды только Патріархъ, святостію своего сана, [35] Князь (Михаилъ) Алегуковичъ Черкасскій (Lekugowiczius), уваженіемъ къ его преклоннымъ лѣтамъ, и Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, почетною должностью Царскаго Оберегателя. Всѣ прочіе должны были преклониться предъ иностранными нравами, когда ножницы уничтожали

---

[35] Бояринъ и Главный Воевода Тобольскій.

старинный ихъ обычай. Разсказывая объ иностранныхъ Государяхъ, которыхъ посѣщалъ за границей, Царь съ особенною похвалой отозвался о Польскомъ Королѣ. «Всѣ вы вмѣстѣ, и каждый изъ васъ отдѣльно (такъ сказалъ онъ предстоявшимъ предъ нимъ Боярамъ и Вельможамъ), для меня не стоите его одного, не по тому, что онъ Государь и, слѣдовательно, стоитъ выше васъ, но я уважаю его за то, что онъ нерѣдко привлекаетъ къ себѣ сердца частныхъ людей.» Такое вліяніе оставило по себѣ на Царя свободное обхожденіе другъ съ другомъ, во время трехдневнаго свиданія его съ Королемъ. Онъ обмѣнялся съ послѣднимъ саблями, и теперь имѣлъ при себѣ саблю Польскаго Короля. Петръ какъ бы желалъ сказать этѣмъ, что союзъ его съ Польскимъ Королемъ связанъ узломъ болѣе крѣпкимъ, нежели Гордіевъ узелъ, и что узелъ дружбы его съ нимъ не разсѣчетъ ни какой мечъ.

6. Царь сдѣлалъ ученье своимъ полкамъ и убѣдился, что многаго еще недостаетъ этѣмъ толпамъ, чтобъ можно было ихъ назвать воинами. Онъ лично показывалъ имъ, какъ нужно дѣлать движенія и обороты наклоненіемъ своего тѣла, какую нестройныя толпы должны имѣть выправку; наконецъ, соскучившись видомъ этого скопища необученныхъ, отправился, въ сопровожденіи Бояръ, на пирушку, которую, по желанію его, устроилъ Лефортъ. Пированье длилось до позднаго вечера, сопровождаясь веселыми кликами при заздравныхъ чашахъ и пальбою изъ орудій. Пользуясь тишиною ночи, Государь, съ немногими изъ близкихъ къ себѣ, отправился въ Кремль, повидаться съ Царевичемъ, сыномъ своимъ, весьма милымъ ребенкомъ. Давъ волю своему родительскому чувству и осыпая сына ласками, три раза поцѣловалъ его; за тѣмъ, избѣгая встрѣчи съ женою, которая давно уже ему опротивѣла, онъ возвратился въ свой Преображенскій кирпичный домъ.

Царское Министерство, чрезъ посредство нѣкоторыхъ лицъ, любезно дало понять Господину Послу, чтобы онъ, ради поддержанія того добраго мнѣнія, которое онъ составилъ уже о себѣ, слѣдуя здѣшнему обычаю, не показывался до времени въ общественныхъ собраніяхъ, да также запретилъ бы и своимъ слугамъ часто выходить изъ дому.

7 и 8. Говорили, будто Царь часа четыре провелъ въ тайной бесѣдѣ, въ чужомъ домѣ, съ Пресвѣтлѣйшею своею супругой,

но этотъ слухъ не вѣренъ. Люди, заслуживающіе большаго довѣрія, утверждаютъ, что Царь имѣлъ свиданіе съ любимою сестрой своей, Натальей.

Посолъ просилъ позволенія представиться.

9 и 10. Просьба о пріемѣ была повторена, и дано обѣщаніе, что Посолъ скоро будетъ принятъ.

11, а по лѣтосчисленію Стараго Календаря, 1-го Сентября. Русскіе начинаютъ Новый Годъ, такъ какъ они ведутъ свое счисленіе отъ сотворенія міра. Этотъ день Москвитяне, по старинному обычаю, праздновали самымъ торжественнымъ образомъ; такъ, на самой большой Кремлевской площади устроивали два престола весьма богато украшенные, одинъ для Царя, другой для Патріярха, который являлся туда въ Епископскомъ облаченіи, а Государь въ Царскомъ, для внушенія большаго уваженія къ верховному достоинству; народъ смотритъ на него, какъ на Божество, рѣдко показывающееся ему. Послѣ торжественнаго Патріяршаго благословенія, сейчасъ же Вельможи и прочія именитыя лица спѣшили къ Царю съ поздравленіями, и онъ наклоненіемъ головы и движеніемъ руки отвѣчалъ поздравляющимъ и желалъ имъ, съ своей стороны, всякаго благополучія. Этѣ обряды, по причинѣ отсутствія Царя, уже нѣсколько лѣтъ не совершались; возобновить ихъ, какъ устарѣвшіе, отжившіе свое время обычаи, не позволилъ духъ времени, стремящійся къ преобразованіямъ. Набожность предковъ, дозволявшая связывать Царское Величество столькими священными обрядами, казалась нынѣ уже слишкомъ религіозною. Впрочемъ, первый день Новаго Года проведенъ былъ весело въ пиршествѣ, устроенномъ, съ Царскою пышностью, Воеводой Шеинымъ, куда собралось невѣроятное почти множество Бояръ, гражданскихъ и военныхъ Чиновниковъ, а также явилось большое число матросовъ; къ нимъ чаще всего подходилъ Царь, одѣлялъ яблоками и, сверхъ того, каждаго изъ нихъ называлъ «братомъ.» Каждый заздравный кубокъ сопровождался выстрѣломъ изъ 25-ти орудій. Однако, и такая торжественность дня не помѣшала явиться несносному брадобрѣю. На этотъ разъ обязанность эту отправлялъ извѣстный при Царскомъ Дворѣ шутъ, [36] и къ кому только ни приближался

[36] Тургеневъ?

онъ съ ножницами, не позволялось спасать свою бороду, подъ страхомъ получить нѣсколько пощечинъ. Такимъ образомъ между шутками и стаканами весьма многіе, слушая дурака и потѣшника, должны были отказаться отъ древняго обычая.

12. Первый Министръ, Нарышкинъ, пригласилъ къ себѣ Посла, и объвилъ ему, что Его Царское Величество назначилъ ему пріемъ у себя завтра утромъ.

13. Въ 4-мъ часу по полудни мы отправились, съ блестящею свитой, на представленіе. Это было въ великолѣпномъ зданіи, выстроенномъ Государемъ и уступленномъ имъ Генералу и Адмиралу своему, Лефорту, для временнаго жительства. Царское Величество окружали, на подобіе вѣнка, Вельможи. Онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ ихъ изящнымъ величіемъ тѣла и духа, въ свѣдѣтельство сокровеннаго величества. Первый Министръ Нарышкинъ и Думный Дьякъ Украинцевъ, согласно ихъ должностямъ, занимали ближайшія мѣста при Государѣ. Когда мы поклонились Царю съ почтеніемъ, подобающимъ Высочайшему сану, онъ пріятнымъ мановеніемъ обѣщалъ намъ свой благосклонный пріемъ. Посолъ приказалъ нести передъ собою двѣ его вѣрительныя грамоты, для поднесенія Его Царскому Величеству: одну держалъ Секретарь, а другую Миссіонеръ, Господинъ Францъ Эмиліани, какъ писанную объ его дѣлѣ. Когда ихъ поднесли съ глубочайшимъ почтеніемъ, Царь принялъ обѣ съ подобающимъ уваженіемъ, послѣ чего допустилъ къ рукѣ Посла, его Чиновниковъ и бывшихъ тутъ Миссіонеровъ; за тѣмъ послѣдовали оффиціяльные вопросы о здоровьѣ Императора и самаго Посла, на что даны были, съ достодолжнымъ уваженіемъ, отвѣты, и этѣмъ кончился пріемъ.

14. По случаю благополучнаго возвращенія Царя, въ Католической церкви пропѣта была пѣснь: «Тебе Бога хвалимъ» (Te Deum laudamus), при звукахъ трубъ и кимваловъ.

Его Царское Величество велѣлъ пригласить всѣхъ Представителей иноземныхъ Державъ, также Бояръ и разныхъ лицъ чиновныхъ, или пользующихся его расположеніемъ, на большой пиръ, устроенный на его счетъ Генераломъ Лефортомъ. Датскій Посолъ, неосторожно выдавшій прежде Министерству свою вѣрительную грамоту, которое ее требовало, не смотря на свое хо-

датайство, не получилъ у Царя отпускной аудіенціи. Но онъ такъ вкрался къ Генералу Лефорту, что въ его же покояхъ, прежде нежели сѣли за столъ, былъ допущенъ къ цѣлованію Царской руки. Той же участи подвергся, за несвоевременную отдачу своей вѣрительной грамоты, и Польскій Посолъ: потерявъ всякую надежду получить у Царя аудіенцію, онъ умолялъ, по крайней мѣрѣ, допустить его къ цѣлованію руки, что и дозволено ему, но только въ небольшой комнатѣ, гдѣ хранились стаканы и рюмки. Датскій Посолъ много хвастался побѣдою своей отъ того, что прежде поцѣловалъ руку, и по тому требовалъ себѣ за столомъ высшее предъ Польскимъ Посломъ мѣсто. Поднялся несносный споръ о преимуществахъ, и такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить другому, то Царь вышелъ изъ терпѣнія и назвалъ обоихъ дураками (Duracko), весьма употребительнымъ у Русскихъ словомъ, означающимъ недостатокъ ума. Когда всѣ сѣли за столъ, Его Царское Величество такъ выразился о настоящемъ положеніи разоренной Польши: «Въ Вѣнѣ я отъ хорошаго корму потолстѣлъ было, но все взяла назадъ бѣдная Польша».—«Дивлюсь этому, Ваше Царское Величество, возразилъ ему Польскій Посолъ; я родился тамъ, воспитался и пріѣхалъ сюда, какъ видите, жирякомъ» (онъ былъ толстъ).—«Ты растолстѣлъ не тамъ, но въ Москвѣ,» сказалъ ему на это Царь, намекая на достаточное содержаніе, которое отпускается изъ казны. Еще не кончился обѣдъ, какъ Его Царское Величество, послѣ весьма оживленнаго спора съ Воеводой Шеинымъ, вышелъ въ ярости изъ за стола. Сначала никто не зналъ причины удаленія Государя, но потомъ оказалось, что онъ справлялся у солдатъ, сколько надѣлалъ Шеинъ Полковниковъ и прочихъ Офицеровъ не по заслугамъ, а за однѣ лишь деньги. Спустя нѣсколько времени онъ вернулся и, въ страшномъ гнѣвѣ, предъ глазами Воеводы Шеина, ударилъ обнаженнымъ мечемъ по столу и вскричалъ: «Такъ истреблю я твой полкъ!» Въ справедливомъ негодованіи Царь подошелъ за тѣмъ къ Князю Ромодановскому и къ Думному Дьяку Никитѣ Моисеевичу; [37] замѣтивъ, что, однако они оправдываютъ Воеводу, до того разгорячился, что махая обнаженнымъ мечемъ во всѣ стороны, привелъ тутъ всѣхъ пирующихъ въ ужасъ. Князь Ромодановскій легко раненъ въ палецъ, другой въ голову,

[37] Зотову.

а Никита Моисеевичъ, желая отвратить отъ себя ударъ Царскаго меча, поранилъ себѣ руку. Воеводѣ готовился было далеко опаснѣе ударъ, и онъ, безъ сомнѣнія, палъ бы отъ Царской десницы, обливаясь своею кровью, если бы только Генералъ Лефортъ (которому одному лишь это дозволялось) не сжалъ его въ объятіяхъ, и тѣмъ не отклонилъ руки отъ удара. Царь, возмущенный тѣмъ, что нашелся смѣльчакъ, дерзнувшій предупредить послѣдствія его справедливаго гнѣва, напрягалъ всѣ усилія вырваться изъ рукъ Лефорта, и, освободившись, крѣпко хватилъ его по спинѣ. Наконецъ, одинъ только человѣкъ, пользовавшійся наибольшею любовью Царя предъ всѣми Москвитянами, съумѣлъ поправить этомъ дѣло. Говорятъ, что этотъ человѣкъ [38] достигъ настоящаго завиднаго своего положенія, происходя изъ самаго низкаго сословія. Онъ такъ успѣлъ смягчить сердце Царя, что тотъ воздержался отъ убійства, а ограничился одиѣми только угрозами. За этой страшной грозой наступила прекрасная погода: Царь съ веселымъ видомъ присутствовалъ при пляскѣ и, въ доказательство особенной любезности, приказалъ музыкантамъ играть тѣ самыя піесы, подъ какія онъ плясалъ у своего, какъ онъ выразился, «любезнѣйшаго Господина Брата,» т. е., Царь вспоминалъ о томъ балѣ, какой данъ былъ Императоромъ въ честь его Всепресвѣтлѣйшихъ гостей. Двѣ горничныя дѣвушки пробрались было тихонько посмотрѣть, но Государь приказалъ солдатамъ ихъ вывести. И тутъ, при заздравныхъ чашахъ, палили изъ 25-ти орудій, и пирушка пріятно продолжалась до половины шестаго часа утра.

15 и 16. Посолъ посѣтилъ Думнаго Дьяка Украинцева, желая поговорить съ нимъ объ извѣстныхъ дѣлахъ; Миссіонеры Францъ Ксаверій Лёффлеръ и Павелъ Іосифъ Ярошъ, тоже явились къ нему съ благодарностью за исходатайствованіе увольненія, о которомъ столь долго они хлопотали.

17. Во второмъ часу (послѣ обѣда) пришелъ Приставъ въ собольей шубѣ, крытой зеленой шелковой матеріею, которую, при исполненіи подобныхъ обязанностей, получаютъ изъ Царской каз-

[38] Меньшиковъ.

ны, какъ бы изъ нѣкоего таинственнаго храма, съ тѣмъ, чтобъ возвратить ее послѣ назадъ. Его сопровождали помощники начальника Царской поварни и погреба, окруженные нѣсколькими писарями Посольскаго Приказа, за коими шли Земскіе (обыкновенно прислуживающіе на Царской поварнѣ) въ числѣ 12 человѣкъ, въ нарядахъ, украшенныхъ шелкомъ и съ перевязанными на нихъ полотенцами, за которыми тянулись длиннымъ хвостомъ 200 воиновъ, несшіе Царскія кушанья; кромѣ того несли напитки, разныя водки, вина, меды, пиво и квасъ (Guass). Они накрыли столъ весьма тонкою скатертью и поставили на нее золотую солонку, а подлѣ нея два сосуда изъ того же металла: одинъ съ перцемъ, а другой съ солью; въ сторонѣ, по близости стола красовался, на возвышеніи, приборъ съ Царскаго буфета. Кубки были различной величины, самый большой изъ нихъ вышиной въ локоть (ulna); кубки были такъ установлены, что возлѣ двухъ большихъ стояло два меньшихъ кубка, а поставецъ, покрытый большимъ числомъ серебряныхъ и вызолоченныхъ кубковъ, имѣлъ видъ органа. Около поставца, вдоль ближайшей стѣны, поставлены были лавки, а на нихъ огромные сосуды, одни оловянные, другіе серебряные позолоченные. Не далеко стоялъ двухведерный боченокъ съ квасомъ. Устроивъ все такимъ образомъ, Приставъ прочелъ привѣтствіе, отъ имени Его Царскаго Величества, написанное по установленной формѣ: «Его Царское Величество, Державнѣйшій нашъ Государь, высоко цѣня непрерывно сохранявшуюся братскую дружбу съ Его Императорскимъ Величествомъ, тебя, его Посла, привѣтствуетъ и, по особенной своей милости, жалуетъ своимъ столомъ.» Господинъ Посолъ отвѣчалъ: «Приношу глубочайшую благодарность Его Царскому Величеству за ту честь и милость, какую оказываетъ онъ мнѣ, жалуя своимъ столомъ. Я считаю его за величайшее благодѣяніе, и въ первомъ же нижайшемъ донесеніи Его Императорскому Величеству, моему милостивѣйшему Государю, съ благоговѣніемъ, соотвѣтственнымъ столь высокой милости, упомяну о томъ.» Послѣ того взятъ былъ агатовый сосудъ, наполненный превосходною водкой, которую Посолъ выпилъ, а Приставъ за здоровье его выпилъ изъ рубиноваго ковша на подобіе раковины; за тѣмъ сѣли за столъ. На первомъ мѣстѣ Посолъ, на второмъ Приставъ; кромѣ гостей, Господъ Карбонари, Плейера и четырехъ Миссіонеровъ, тутъ же

обѣдали еще всѣ Чиновники Посольства. Когда всѣ усѣлись, подана была имъ водка, послѣ чего стали подавать кушанья; въ числѣ разныхъ жаркихъ былъ также лебедь; всѣхъ было 108 разнаго рода кушаньевъ, но не многія изъ нихъ пришлись по вкусу Нѣмцамъ. Первую чашу предложилъ Приставъ за здоровье Священнаго Императорскаго Величества, за тѣмъ вторую за здоровье Его Царскаго Величества, наконецъ третью—вѣрныхъ Министровъ Августѣйшаго Императора и Всепресвѣтлѣйшаго Царя. Лукавый Приставъ вздумалъ было нарушить обычный порядокъ, предлагая Послу первому выпить за чье либо здоровье; но хитрость эта не удалась ему. Посолъ отвѣтилъ, что ему пить еще не хочется, и что ему, какъ гостю, не приходится провозглашать чье либо здоровье, а по тому пусть онъ самъ, угощая отъ имени Его Царскаго Величества, исполнитъ свою должность такъ, какъ ему угодно. При обѣдѣ присутствовало много Москвитянъ, для разныхъ услугъ и порученій. Всѣмъ имъ по старшинству Посолъ собственноручно поднесъ по чаркѣ вина. Такъ обыкновенно оканчиваются всѣ торжественныя угощенія.

18. Сегодня Императорскій Полковникъ де Граге далъ великолѣпный пиръ, который удостоилъ своимъ присутствіемъ самъ Царь, не смотря на зубную боль, отъ которой даже распухли было у него щеки. Въ то время, когда Царь неожиданно пріѣхалъ въ столицу, Господинъ Генералъ Гордонъ находился въ своемъ помѣстьѣ, почти въ тридцати миляхъ отъ Москвы. Узнавъ о прибытіи Царя, Гордонъ вернулся сегодня въ городъ заявить Царю свое почтеніе и пришелъ на эту пирушку. По обычаю, онъ дважды поклонился Государю въ ноги и просилъ прощенія въ томъ, что слишкомъ поздно явился засвѣдѣтельствовать ему свое глубочайшее почтеніе, при чемъ ссылался на непостоянную погоду и бури. Царь поднялъ его, поцѣловалъ и послѣдній хотѣлъ было упасть на колѣни, но тотъ протянулъ ему руку. Царь соизволилъ присутствовать Господину Послу не только на обѣдѣ, но и за ужиномъ, который Царь приказалъ себѣ приготовить. Къ этому ужину, кромѣ Посла, были приглашены только три Генерала: Лефортъ, Гордонъ и Карловичъ. Никогда еще Царь не выказывалъ болѣе непринужденной веселости, какъ здѣсь, быть можетъ, по тому, что тутъ не было ни одного Боярина, или другого какого

лица, которое могло бы возмутить чувство удовольствія своимъ непріятнымъ видомъ.

19 и 20. Представители Польши и Даніи жалованы Царскимъ столомъ. Польскій Посолъ получилъ 25 кушаній, а Датскій только 22, при чемъ каждому изъ нихъ прислано было по шести ведеръ разныхъ напитковъ. Видно, Министерство хотѣло этѣмъ способомъ рѣшить споръ о первенствѣ, поднятый Датскимъ Посломъ. Такъ какъ Посолъ Польскій имѣлъ болѣе правъ на это преимущество, то онъ и угощеніе получилъ первый, и кушанья прислано было ему больше. Датчанинъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что его поставили ниже Поляка, и онъ не могъ перенести горя, что разностью угощенія онъ такъ далеко отсталъ отъ другихъ.

Патріархъ, когда потребовали у него объясненія по чему до сихъ поръ не исполнено Царское повелѣніе, относительно заключенія Царицы въ монастырь, оправдывалъ себя тѣмъ, что нашлись лица, дерзнувшія не считать сіе повелѣніе справедливымъ. Царь пришелъ въ сильное негодованіе и велѣлъ своимъ солдатамъ посадить въ малыя извощичьи новозки (Sboseck) Архимандрита и четырехъ Поповъ (cum quatuor Poppis), которыхъ именно обвинялъ въ этомъ Патріархъ, и отвезти ихъ ночью въ Преображенское.

Одинъ изъ Императорскихъ саперовъ (ex cunicullariis), по фамиліи Урбанъ, къ своему несчастью, довольно подпивши, возвращался къ себѣ домой въ Нѣмецкое предмѣстье. Здѣсь встрѣтилъ его какой-то буянъ изъ Русскихъ и, оскорбивъ его сначала ругательствами, намѣревался было побить. Тотъ, обиженный таковымъ безчестьемъ, при томъ со стороны столь ничтожнаго человѣка, вздумалъ отразить силу силою и, пользуясь естественнымъ правомъ обороны отъ безрасуднаго обидчика, сталъ сильно защищаться пистолетомъ. Пуля слегка скользнула поверхъ головы нападавшаго. Рана не представляла ни какой опасности для его жизни: однако же, чтобы жалоба пораненнаго не надѣлала большаго шума и, дошедши до Царскаго Величества, не послужила поводомъ къ дѣлу, Урбанъ, по полюбовной съ нимъ сдѣлкѣ, далъ ему четыре рубля, съ тѣмъ, чтобы тотъ молчалъ о случившемся, котораго самъ былъ главнымъ виновникомъ. Не смотря на то,

Царю сдѣлалъ доносъ объ этомъ происшествіи: Урбанъ былъ задержанъ, какъ виновный въ уголовномъ преступленіи, такъ какъ нарушеніе закона вызываетъ необходимость публичнаго возмездія, которое не можетъ быть устранено соглашеніями частныхъ лицъ: ибо каждый, кто съ злымъ намѣреніемъ обнажитъ противъ кого либо мечъ, или ножъ, кто бросить копье, или съ какимъ либо смертоноснымъ орудіемъ нападетъ на другого, отвѣчаетъ предъ закономъ, хотя бы послѣ этого и не послѣдовала смерть. И пьянство, по мнѣнію Москвитянъ, не можетъ извинить преступника. Когда нѣкоторые справедливо замѣчали, что пьяное состояніе, въ какомъ находился виновный, уменьшаетъ его преступленіе, то Его Царское Величество сказалъ рѣшительно: «Sauffen — rauffen (т. е., напиться — подраться): это еще извинительно; но Sauffen — schiessen: (напиться—стрѣляться) не должно остаться безнаказаннымъ.» Вѣроятно, онъ хотѣлъ этимъ сказать, что можно извинить пьяныхъ, которые дерутся между собою руками, а не тѣхъ, которые дѣйствуютъ оружіемъ. Изъ этого я дѣлаю другой еще выводъ, что, по мнѣнію Москвитянъ, умѣренное пьянство заслуживаетъ извиненія, а крайнее надо унимать.

21 и 22. Несчастнаго Урбана, по ходатайству Господина Посла, освободили отъ смертной казни, но приговорили къ наказанію кнутомъ (жестокій родъ тѣлеснаго наказанія); однако же стараніями Посла Урбанъ былъ освобожденъ и отъ этого наказанія.

23. Господинъ Посолъ далъ великолѣпный обѣдъ, на который явились, по приглашенію: Датскій Посолъ, Генералъ Лефортъ съ своимъ родственникомъ, Генералъ Гордонъ съ Начальникомъ стражи Генераломъ Карловичемъ, Полковники де Граге и фонъ Блюмбергъ, Шведскій Повѣренный Книпперъ, Датскій Повѣренный Ваудеманъ и Подполковникъ Колонъ; былъ также и Өедоръ Матвѣевичъ (Feudor Madvaeowiz) Апраксинъ, какъ коротко знакомый съ Посломъ. Этотъ Бояринъ, въ награду за хорошее исполненіе своихъ обязанностей по управленію, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ назначенъ былъ Воеводой надъ Архангельскимъ портомъ.[39]

---

[39] Онъ былъ братъ супруги (1682) Царя Өедора Алексѣевича, Мареы Матвѣевны (ум. 1715 г.). Двинскимъ Воеводой назначенъ былъ въ 1693, Губернаторомъ Азова 1697, Генералъ-Адмираломъ и Президентомъ Адмиралтейства въ 1707,

Подъ вечеръ втерся въ домъ какой-то Москвитянинъ, гостямъ не извѣстный и, какъ можно было судить по одеждѣ и пріемамъ, не изъ благородныхъ. Онъ болталъ, что Царь долженъ уже находиться здѣсь, либо же скоро пожалуетъ, и по тому первый Министръ прислалъ его сюда разузнать объ этомъ. Слова его возбудили подозрѣніе въ томъ, не умышляетъ ли онъ что либо дурное. По этому Генералъ Лефортъ допрашивалъ этого человѣка, за чѣмъ и по чьему приказанію пришелъ онъ; когда тотъ замялся, говоря, что забылъ имя того, кто послалъ его сюда, тогда дали ему нѣсколько пощечинъ и велѣли солдатамъ отвести его въ Преображенское, съ тѣмъ, чтобы по утру подвергнуть его строжайшему розыску.

24. Какой-то Архимандритъ прислалъ Господину Послу въ даръ огромный 30-тифунтовой хлѣбъ, освященный, по народному обыкновенію; къ этому присоединилъ другой монахъ, имѣющій большое значеніе, съ своей стороны, водку и настойку на яблокахъ, орѣхахъ и вишняхъ.

Говорятъ, что Генералъ Шереметевъ, съ разрѣшенія Папы и Гроссмейстера Ордена Мальтійскихъ рыцарей, наименованъ кавалеромъ и получилъ крестъ сего Ордена; слухъ о семъ вызвалъ общую зависть и многіе подняли крикъ противъ Генерала.

25. Полкъ Гордона привелъ къ новому розыску мятежныхъ Стрѣльцовъ изъ разныхъ крѣпостей, находящихся въ окрестностяхъ Москвы.

Въ Тайномъ Совѣтѣ постановлено, чтобы каждый изъ приготовляющихъ лѣкарства былъ испытуемъ, чтобы свидѣтельства ихъ были разсмотрѣны, и чтобы признанные способными оста-

---

въ 1709 Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Графомъ, въ 1710 получилъ Орденъ Андрея Первозваннаго за покореніе Выборга, въ 1713—1714, съ Княземъ М. М. Голицынымъ, завоевалъ Финляндію и пр. Скончался въ Москвѣ въ 1728 г. и погребенъ въ Златоустовскомъ монастырѣ. Передъ кончиной онъ написалъ знаменитое Духовное завѣщаніе, которое напечатано въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1866 г., кн. IV, отд. V, стр. 58 и слѣд.

влялись въ Москвѣ, прочихъ же отправлять на корабли, не давно построенные.

26, 27 и 28. Θедоръ Алексѣевичъ Головинъ, бывшій недавно вторымъ полномочнымъ Посломъ при Императорскомъ Дворѣ,[40] далъ великолѣпный обѣдъ для Его Царскаго Величества. Для умноженія веселья стрѣляли изъ орудій большаго размѣра.

29. Одного Попа, замѣшаннаго въ мятежѣ, допрашивалъ самъ Царь; но онъ доселѣ ни въ чемъ не сознался, хотя его и стращали кобылкою (equuleus).

30. Царевичъ, съ любезнѣйшею сестрой Царя, Натальей, ѣздилъ къ Царю въ Преображенское.

ОКТЯБРЯ

1. 15-ть человѣкъ преступниковъ, недавно приведенныхъ (въ Москву) и обличенныхъ въ измѣнѣ, колесованы; за тѣмъ отрублены были головы тѣмъ, которые еще жили послѣ этого мученія.

2. Прислано отъ Министерства въ нашъ дворецъ 12-ть подводъ, для препровожденія Гг. Миссіонеровъ и ихъ вещей до границъ Московскаго Государства.

3. Царь ѣздилъ въ Новодѣвичій монастырь, для допроса сестры своей, Софіи, заключенной въ сей обители. Общая молва обвиняетъ ее въ томъ, что она была зачинщицей послѣднихъ смутъ. Говорятъ, что оба, при свиданіи, не могли удержаться отъ слезъ.[41]

Такъ какъ Попъ, о которомъ я уже упомянулъ,[42] увѣрялъ, что всѣ Попы, сколько ему извѣстно, молились Всевышнему лишь о счастливомъ возвращеніи Царскаго Величества, то его подвергли

---

[40] Бывшее съ Петромъ 1-мъ въ 1697 г. Первымъ Посломъ былъ Лефортъ, а третьимъ Возницынъ.

[41] Корбъ спуталъ имена Царевенъ: въ этотъ день Петръ допрашивалъ не Софію, а Царевну Марθу. Устрял. III, 214.

[42] Не Кобяковъ ли? См. Устрял. III, 214.

пыткамъ. Жестокія истязанія вынудили наконецъ его сознаться въ томъ, что онъ воодушевлялъ мятежниковъ, одобрялъ ихъ и благословилъ начало ихъ предпріятія.

4 и 5. Всѣ друзья (amici) Царицы, по подозрѣнію, призваны въ Москву. Лишь только по Москвѣ стали явно говорить объ удаленіи Царицы отъ ея супруга, всѣ приняли это извѣстіе за зловѣщее предзнаменованіе.

Мятежники упорно молчать, по чему ихъ подвергаютъ неслыханымъ пыткамъ: жестоко избитыхъ кнутами жарятъ на огнѣ, за тѣмъ вновь начинаютъ сѣчь, послѣ чего опять тащатъ къ огню. Такимъ порядкомъ производится Московская кобылка (equuleus). Царь до того не довѣряетъ Боярамъ и такъ убѣжденъ въ томъ, что они ни чего не въ состояніи сдѣлать добросовѣстно, что опасается допустить ихъ хотя малѣйше до участія въ производствѣ настоящаго слѣдствія. По этому самъ онъ составляетъ вопросы, самъ допрашиваетъ преступниковъ, вымогаетъ у нихъ сознаніе, тѣхъ же, которые продолжаютъ молчать, велитъ пытать на дыбкѣ (equuleus). По тому-то въ Преображенскомъ (гдѣ производится этотъ жесточайшій допросъ) ежедневно пылаетъ болѣе тридцати костровъ.

6 и 7. Императорскіе Миссіонеры, Францъ Ксаверій Лёффлеръ и Павелъ Іосифъ Ярошъ, получили подарки, состоящіе изъ лисьихъ мѣховъ, и отправились въ Вѣну на двѣнадцати подводахъ.

Подполковникъ Колпаковъ (Kagpakow), послѣ жесточайшихъ пытокъ, лишился возможности говорить. Его поручили попеченіямъ Царскаго Врача, съ тѣмъ, чтобы, по приведеніи его въ чувство, вновь подвергнуть пыткѣ.

Сегодня, по Царскому Указу, всѣ тѣ лица, которыхъ Воевода Шеинъ произвелъ за деньги въ разные чины, лишены оныхъ.

Вѣсть о жестокости ежедневно производимыхъ пытокъ дошла до Патріарха. Онъ нашелъ, что обязанность его требуетъ убѣдить разгнѣваннаго Монарха смягчиться. Лучшимъ для сего средствомъ считалъ онъ явиться къ Царю съ образомъ Пресвятой Богородицы; ликъ ея, думалъ онъ, пробудитъ въ почти ожесточившемся сердцѣ

человѣчество и чувство естественнаго состраданія. Но притворная обрядная набожность не могла имѣть вліянія на точные взгляды правосудія, коими Царь измѣрялъ великость такого преступленія; ибо теперь было такое время, что для блага всей Московіи не набожность, но жестокость, нужна была, и тотъ бы весьма погрѣшилъ, кто бы такой способъ принужденія считалъ тиранствомъ, ежели съ нимъ сопряжена справедливость, въ особенности когда члены Государственнаго тѣла до того поражены болѣзнію и подвержены неизлѣчимому гніенію, что, для сохраненія организма, ничего не остается, какъ желѣзомъ и огнемъ уничтожить этѣ члены. По этому слова, коими поразилъ Царь Патріарха, въ отвѣтъ на его убѣжденія, не были недостойны его величія: «За чѣмъ пришелъ ты сюда съ иконой? и по какому долгу твоего званія ты здѣсь явился? Убирайся отсюда живѣе, и отнеси икону туда, гдѣ должно ее хранить съ подобающей ей честью! Знай, что я чту Бога и почитаю Пресвятую Богородицу, быть можетъ, болѣе, чѣмъ ты. Но мой верховный санъ и долгъ предъ Богомъ повелѣваютъ мнѣ охранять народъ и карать въ глазахъ всѣхъ злодѣянія, клонящіяся къ его погибели.» [43]

Говорятъ, въ этотъ же самый день происходилъ розыскъ надъ однимъ Москвитяниномъ, какимъ-то Дьячкомъ, за то, что въ его домѣ и при его содѣйствіи сходилось четверо Стрѣльцовъ, виновныхъ въ Государственномъ преступленіи, для таинственныхъ переговоровъ. Дьячка, какъ вторично обвиненнаго въ Государственной измѣнѣ, самъ Царь, сопровождаемый Княземъ Ромодановскимъ и Генераломъ Автамономъ (Artemont), [44] повлекъ къ допросу.

---

[43] Разсказъ о семъ же событіи см. въ Достоп. повѣств. о Петрѣ Вел. Нартова. Москв. 1842 г., кн. IV, стр. 455.

[44] Автамонъ Михайловичъ Головинъ, двоюродный братъ Графа Ѳедора Алексѣевича, одинъ изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ Петра, въ 1695-мъ году былъ пожалованъ званіемъ перваго Полковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ чиномъ Генерала, попался въ плѣнъ подъ Нарвою, въ которомъ находился около 18 лѣтъ, и размѣненъ былъ, съ Княземъ И. Ю. Трубецкимъ (послѣ Генералъ-Фельдмаршаломъ, скonч. 1750 г.) на Шведскаго Фельдмаршала, Графа Реншильда; по возвращеніи получилъ Орденъ Андрея Первозваннаго, но, изнуренный долговременной неволей, умеръ въ половинѣ 1720 г.

Двѣ постельницы Всепресвѣтлѣйшихъ сестеръ Государя, Жукова (Schukowa) Царевны Мареы, и Өедора (Fiera) Софіи, [45] самымъ Государемъ были взяты въ Кремлѣ. Испуганныя угрозами и послѣ нѣсколькихъ ударовъ на пыткѣ, онѣ показали, что ненависть, какую питаютъ всѣ Москвитяне къ Генералу Лефорту и къ каждому Нѣмцу, была главнымъ поводомъ къ преступному замыслу. Большая часть Москвитянъ, по самой природѣ своей, имѣютъ столь варварскіе нравы, что не терпятъ благодѣяній, вносимыхъ въ ихъ отечество иностранцами.

9. Царь былъ воспріемникомъ первороднаго сына Датскаго Посла, и далъ ему имя Петра. Съ Государемъ принимали участіе въ крещеніи ребенка, изъ мужчинъ: Генералъ Лефортъ, Начальникъ стражи Генералъ Карловичъ и Датскій Повѣренный Бауденанъ, а изъ женскаго пола: вдова Генерала Менезіуса, Полковница фонъ Блюмбергъ и дѣвица Монсъ. Во все время обряда Его Царское Величество былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, цѣловалъ ребенка, когда тотъ, окропленный святою водой, сталъ было плакать. Датскій Посолъ поднесъ Царю табакерку (tabaci pixidem), которую онъ благосклонно принялъ и не погнушался обнять хозяина. Вечеромъ явился туда Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, котораго Царь, желая заявить свое удовольствіе по поводу прибытія гостя, поцѣловалъ, но въ то же время, увидѣвъ, что любимецъ его, Алексашка, [46] будучи при саблѣ, пляшетъ, напомнилъ ему пощечиной, что съ саблями не пляшутъ, отъ чего у того сильно кровь брызнула изъ носа. Та же комета задѣла бы и Полковника фонъ Блюмберга за то, что тотъ, невнимательный къ Царскому замѣчанію, медлилъ снять въ пляскѣ саблю. Полковникъ, однако, выпросилъ себѣ прощеніе, хотя съ большимъ трудомъ. Младшему Лефорту Царь велѣлъ сообщить Послу, что завтра совершена будетъ казнь преступниковъ.

10. Въ Преображенскомъ Царь, окруженный войскомъ, не допускавшимъ рѣшительно къ нему никого изъ постороннихъ, собственноручно отсѣкъ головы пяти преступникамъ. Другіе 230 че-

---

[45] Разсказъ Корба о розыскѣ постельницъ, Анны Жуковой и Өедоры Колужкиной, не вполнѣ согласенъ съ свѣдѣтельствами подлинныхъ документовъ. Слич. у Устрял. III, стр. 214 — 217.

[46] Меньшиковъ, Александръ Даниловичъ.

ловѣкъ поплатились смертью на висѣлицахъ за участіе въ мятежѣ. [47] Царь, Представители иноземныхъ Государей, Московскіе Бояре и большая толпа Нѣмцевъ, были зрителями сей ужасной трагедіи.

Одинъ изъ Стрѣльцовъ заявилъ, что Генералъ Лефортъ далъ поводъ къ мятежу; по этому Стрѣлецъ былъ спрашиваемъ самимъ Царемъ въ присутствіи Генерала: знаетъ ли онъ его, чѣмъ именно тотъ заслужилъ всеобщую ненависть, и считаетъ ли онъ самъ справедливыми тѣ обвиненія, которыя взводятъ на Генерала? Стрѣлецъ отвѣчалъ на это, что онъ не знаетъ Генерала, равно какъ не знаетъ навѣрно и того, дѣйствительно ли тотъ сдѣлалъ то, въ чемъ его вообще обвиняютъ. Онъ, Стрѣлецъ, вѣрилъ письмамъ, и что ему одному не приходилось разубѣждать всѣхъ, въ неосновательности ихъ толковъ о Генералѣ. Когда Царь потомъ спросилъ Стрѣльца, чтобы онъ сдѣлалъ въ томъ случаѣ, если бы предпріятіе ихъ удалось, и если бы Царь, или самъ Лефортъ, попались ему въ руки, то тотъ немедля отвѣчалъ: «За чѣмъ меня объ этомъ спрашиваешь? Самъ, чай, лучше можешь разсудить, что бы тогда было! Если бы счастіе не измѣнило намъ и мы взяли бы Москву, оставляя въ сторонѣ подобные допросы, какъ ненужные, занялись бы Боярами, да такъ, что всѣмъ было бы любо! Стрѣлецъ этотъ, по Царскому повелѣнію, колесованъ, главнымъ образомъ за то, что дерзнулъ увѣрять, будто Лефортъ уговорилъ Царя отправиться за границу.

Царь, въ сопровожденіи четырехъ молодыхъ Московскихъ Дворянъ, шелъ за гробомъ какого-то Нѣмецкаго Подполковника. При этомъ на Царѣ, въ знакъ общественной печали, была надѣта длинная шерстяная мантія.

11. По Русскимъ законамъ, каждый, кто найдетъ утерянную кѣмъ либо вещь, долженъ принести ее въ Приказъ, гдѣ записывается эта вещь и день, когда и кѣмъ она принесена. При этомъ вещи сберегаются въ Приказѣ, а животныя отводятся въ Царскія конюшни. Такимъ образомъ, кто потеряетъ вещь, тотъ обра-

---

[47] По подлиннымъ документамъ въ этотъ день казнено только 201 человѣкъ (Устрял. III, стр. 219), но, кромѣ того, въ тотъ же день 100 человѣкъ несовершеннолѣтныхъ, отъ 16 до 20 лѣтъ, по наказаніи кнутомъ, заклейменные въ правую щеку, сосланы въ дальные города (тамъ же).

щается съ розысками о ней въ Приказъ, въ случаѣ же пропажи животнаго, отправляется искать его въ Царскую конюшню; доказавъ же права свои на отысканный предметъ, владѣлецъ за легкую и необременительную плату, можетъ его выручить. Такъ у одного изъ нашихъ, нѣсколько дней тому назадъ, пропала было лошадь: она была возвращена Приказомъ, который взялъ выкупнаго за нее три рубля.

12. Выпало чрезвычайно много снѣгу и былъ сильнѣйшій морозъ.

13. 500 Стрѣльцовъ, во вниманіи къ ихъ возрасту и изъ сожалѣнія къ ихъ молодости, а также имѣя въ виду незрѣлость ихъ понятій, освобождены отъ смертной казни, но имъ вырѣзали ноздри, обрѣзали уши и сослали въ отдаленныя области съ неизгладимымъ клеймомъ, свѣдѣтельствующимъ объ ихъ преступленіи.

Ѳедора (Fiera), [48] постельница Царевны Софіи, наперсница всѣхъ ея тайнъ, допрашивана Царемъ и подвергнута пыткѣ. Когда ее раздѣли и стали бить кнутомъ, замѣтили, что она была беременна. На вопросъ Царя, кто былъ виновникомъ того, та показала на какого-то Дьячка (cantor), и за тѣмъ, сознавшись, какъ въ этой, такъ и въ другихъ винахъ, о которыхъ была допрашиваема, освобождена была отъ дальнѣйшихъ ударовъ.

14. Францъ Яковлевичъ Лефортъ праздновалъ свои именины великолѣпнымъ обѣдомъ, которому придало блеску присутствіе Царя и множества Бояръ. Думный Дьякъ, Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, не знаю, чѣмъ-то сильно прогнѣвалъ Царя, такъ что опасался за свою жизнь, и по тому въ уничиженіи раболѣпствовалъ предъ нимъ, моля о милосердіи. Сверхъ того, всѣ Бояре, какъ бы сговорившись, поочередно ревностно ходатайствовали за него. Но Царь былъ непреклоненъ. Наконецъ Лефортъ, отозвавъ его въ сторону, къ окну, съ своей стороны всячески пытался оправдать Думнаго, но Государь ни чѣмъ не обнаружилъ, что Думный опять у него въ милости.

15 и 16. Жесточайшія истязанія, четыре раза возобновлявшіяся, не могли преодолѣть упорнаго молчанія Васьки Зорина (Batska Girini), предводителя мятежа: наконецъ на очной ставкѣ

[48] Колужкина.

съ своимъ 20-тилѣтнимъ парнемъ, котораго захватилъ гдѣ-то на границахъ Московскихъ и приневолилъ къ себѣ въ услуженіе, Зоринъ разсказалъ всю исторію своихъ преступныхъ дѣйствій. Сегодня же вечеромъ прибылъ изъ Архангельска Вице-Адмиралъ Царскаго флота, родомъ Голландецъ. [49]

17. Говорятъ всюду, что сегодня Его Царское Величество вновь казнилъ нѣсколькихъ Государственныхъ преступниковъ. Подполковникъ Колпаковъ, послѣ длиннаго ряда истязаній, лишился языка и не въ состояніи даже пошевелиться, по чему вновь поручили его попеченію и искуству Царскаго Врача. Послѣдній неосторожно забылъ было въ темницѣ ножъ, которымъ приготовлялъ ему лѣкарство. Колпаковъ, негодуя на то, что лѣкарство возвращало ему, почти бездыханному, силы и жизнь только для того, чтобъ опять подвергнуть его жесточайшимъ пыткамъ, хватаетъ ножъ и подноситъ къ горлу, въ намѣреніи пресѣчь имъ свою жизнь, и тѣмъ освободиться отъ мученій; но недостало ему силъ на исполненіе его замысла; ибо отъ раны, которую себѣ нанесъ, Колпаковъ выздоровѣлъ, и сегодня снова повлеченъ къ пыткѣ. [50]

18. Царь обѣдалъ сегодня у Генерала Лефорта.

19. Полковникъ Шамберсъ устроилъ весьма богатый пиръ, на которомъ, кромѣ многихъ другихъ, находился самъ Царь. Не знаю, какой вихрь разстроилъ веселость до того, что Его Царское Величество, схвативъ Генерала Лефорта, бросилъ его на землю и попралъ ногами. Кто ближе къ огню, тотъ ближе и къ пожару.

20 и 21. Вновь повѣшено 230 преступниковъ; они развѣшаны вокругъ бѣлой стѣны, при городскихъ воротахъ. [51]

Царь рѣшилъ сегодня созвать по два человѣка отъ всѣхъ сословій своего народа, то есть, отъ Бояръ, Князей, Военныхъ Чиновъ, Стольниковъ, Приказныхъ (scribis), гражданъ, простонародья и отъ особыхъ общинъ, — въ общій совѣтъ всѣхъ чиновъ, и этому собранію дать приказаніе и полную власть допросить Софію,

---

[49] Корнелій Крюйсъ.

[50] Объ окончательной судьбѣ его см. Устрялова III, 215.

[51] По подлиннымъ извѣстіямъ въ этѣ дни вершено: 11-го Октября (ст. счисл.) 144 человѣка, 12-го Окт. 205, 13-го Окт. 141 человѣкъ.

обнаружить ея происки, угрожавшіе Государству, приговорить ее къ такого рода казни, какую она заслужила, и свое рѣшеніе объявить во всеобщее извѣстіе.

22 и 23. Генералъ Лефортъ прислалъ просить Г. Посла отправить къ нему кого либо изъ его Чиновниковъ, такъ какъ онъ (Лефортъ), по Царскому повелѣнію, имѣетъ сообщить нѣчто Г. Послу. Наряженъ былъ Секретарь, которому и сообщено было желаніе Царскаго Величества въ ближайшее Воскресенье обѣдать у Г. Посла, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы ни Польскій Посолъ, ни Полковникъ Императорской артиллеріи де Граге, не были приглашены къ столу.

Вновь нѣсколько сотъ мятежниковъ повѣшено вокругъ бѣлой стѣны города Москвы.

24 и 25. Въ этѣ дни приглашаемы были гости, и все необходимое, для достойнаго пріема Пресвѣтлѣйшаго гостя, приготовлено съ надлежащимъ великолѣпіемъ.

26. Въ 11-мъ часу Его Царское Величество пріѣхалъ въ дорожномъ возкѣ на пиръ, устроенный съ большими издержками. Кто были прочіе знатные гости, видѣть можно изъ слѣдующаго списка: Бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, Генералъ Лефортъ, Князь Голицынъ, Князь (?) Апраксинъ, Бояринъ Головинъ, Датскій Посолъ, Генералъ Гордонъ, Генералъ Карловичъ, Баронъ фонъ Блюмбергъ, родственникъ Генерала, Лефортъ, Полковникъ Шамберсъ, Полковникъ Гордонъ, сынъ Генерала Гордона, Адамъ Вейдъ, Повѣренный Шведскій Книпперъ, Датскій Повѣренный Бауденанъ, Подполковникъ Менезіусъ Эрхель, Царскіе Врачи Карбонари и Цопотъ, Вице-Адмиралъ, Полевой Священникъ (Poppa Campestris), Царскій любимецъ Алексашка и кромѣ того многіе изъ Московскихъ Дворянъ. Дамы: Госпожа де Монсъ, дѣвица де Монсъ, вдова Генерала Менезіуса съ дочерью, Генеральша Гордонъ, Полковница фонъ Блюмбергъ, Полковница Гордонъ съ дочерью, Полковница де Шамберсъ, Полковница де Дюитъ (de Duitte), Госпожа де Книпперъ, Госпожа де Бауденанъ, Госпожа Палкинъ (Domina Palckin), [52] Госпожа Коломбенъ (Colombin), Госпожа Вейдъ (uxor Adami Weyd), Госпожа Эрхелинъ, Баронесса фонъ

---

52 Балкъ?

Боргсдорфъ, Гваскони съ дочерью (Guasconiana cum filia), Госпожа де Руэль (uxor Domini de Rouel), двѣ дѣвицы де Бальтъ (de Baltes), дѣвица Келлерманъ, дѣвица де Гюльстъ (de Hülst). Этотъ пиръ отличался роскошно приготовленными кушаньями и прекрасными винами, которыми изобилуетъ погребъ Г. Посла: тутъ было Токайское, Будинское красное вино, Испанское очищенное, Рейнское, красное Французское, отличное отъ того, которое обыкновенно называется мушкатнымъ, разные меды, пива, наконецъ водка, которая у Москвитянъ напитокъ также не послѣдній. Бояринъ Головинъ чувствуетъ врожденное отвращеніе къ салату и уксусу. Полковникъ Шамберсъ, по Царскому повелѣнію, схватилъ сего Боярина и крѣпко держалъ, а Царь наполнялъ въ это время ноздри и ротъ Головина салатомъ и уксусомъ, пока тотъ не закашлялся такъ, что у него бросилась изъ носу кровь. Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ кушаньевъ у Царя вдругъ испортился желудокъ: во всѣхъ своихъ членахъ онъ почувствовалъ ознобъ; всѣ ужаснулись при мысли, что подъ этѣмъ кроится какое-то зло. Генералъ Лефортъ, который, вмѣстѣ съ прочими, былъ встревоженъ мыслію, что опасность угрожаетъ жизни Государя, приказалъ Царскому Врачу, Карбонари де Бизенегъ, пощупать у Государя пульсъ. Докторъ объявилъ, что это преходящій ознобъ отъ разслабленія организма, и потребовалъ на излѣченіе болѣзни самаго лучшаго, какое могло только находиться здѣсь, Токайскаго вина. Царю весьма понравился такой способъ лѣченія, онъ тотчасъ же принялъ столь полезное лѣкарство, и за тѣмъ обратился къ Врачу съ вопросомъ: «Отъ чего ты хочешь продать свою жену?» Тотъ улыбнулся и смѣло отвѣчалъ: «Отъ того, что Вы откладываете уплату мнѣ годоваго жалованья.» Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней предъ тѣмъ Карбонари, высказавъ Князю Ромодановскому, что нуждается въ деньгахъ, просилъ объ удовлетвореніи его жалованьемъ. Когда Государь сказалъ ему, чтобъ онъ занялъ денегъ, тотъ продолжалъ. «У меня нѣтъ другого залога, кромѣ жены, а по тому, если Государь позайметъ мнѣ денегъ, то я готовъ либо заложить ее, либо даже продать.» Въ продолженіи пира, по разъяснившемуся лицу его Царскаго Величества, можно было замѣтить, что онъ былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи.

27. Вышеупомянутыя двѣ постельницы закопаны живыми въ землю, если только слухъ о семъ справедливъ. Бояре и Вельможи,

находившіеся въ совѣтѣ, на которомъ рѣшена борьба съ мятежниками, сегодня приглашены были составить новое судилище: предъ каждымъ изъ нихъ поставили по одному преступнику; каждый изъ нихъ долженъ былъ произнести приговоръ стоявшему передъ нимъ преступнику и послѣ исполнить оный, обезглавивъ собственноручно виновнаго. Князь Ромодановскій, бывшій начальникомъ четырехъ Стрѣлецкихъ полковъ до возмущенія ихъ, принуждаемый Его Величествомъ, собственной рукой умертвилъ топоромъ четырехъ Стрѣльцовъ. Болѣе жестокимъ явился Алексашка, хвастаясь тѣмъ, что отрубилъ 20-ть головъ. Голицынъ былъ столь несчастливъ, что неловкими ударами значительно увеличилъ страданія осужденнаго. 330-ть человѣкъ, приведенныхъ въ одно время подъ страшную сѣкиру, обагрили обширную площадь кровью гражданъ, но гражданъ преступныхъ. Генералъ Лефортъ и Баронъ фонъ Блюмбергъ были также приглашаемы Царемъ взять на себя обязанность палачей, но они отговорились тѣмъ, что въ ихъ странѣ это не принято. Самъ Царь, сидя верхомъ на лошади, сухимъ глазомъ глядѣлъ на всю эту трагедію и на столь ужасную рѣзню такого множества людей; одно только сердило его, т. е., что у большой части Бояръ, не привыкшихъ къ должности, которую на нихъ возложилъ онъ, тряслись руки, когда они принимались за это дѣло; между тѣмъ какъ преступникъ, по мнѣнію его, есть жертва, какую можно лишь заклать Богу.[53]

28. Сегодня приняты были мѣры противъ Поповъ, т. е., тѣхъ, которые, имѣя намѣреніе вынести иконы Пресвятой Богородицы и Св. Николы, съ цѣлью побудить народъ перейти на сторону мятежниковъ, возносили къ Богу молитвы о благополучномъ исходѣ безбожнаго злоумышленія: одинъ Попъ былъ повѣшенъ предъ церковью Святой Троицы, а другой обезглавленъ и потомъ, для вящшаго позора, колесованъ.[54] Два брата Государственныхъ измѣнниковъ, когда палачъ перебилъ имъ внѣшніе члены, живьемъ еще были колесованы;[55] вокругъ ихъ лежало двадцать обез-

[53] По поданнымъ извѣстіямъ въ этотъ день казнено 109 Стрѣльцовъ. Устр. III, 236 и 406.

[54] То были распопы: Борисъ Леонтьевъ и Ефимъ Самсоновъ.

[55] То были два брата Калистратовы.

главленныхъ тѣлъ, плававшихъ въ собственной крови, среди коихъ лежалъ трупъ третьяго брата; съ завистью взирали на него колесованные, горько жалуясь на то, что скорая смерть разлучила ихъ съ человѣкомъ, съ которымъ соединяла ихъ сперва природа, а потомъ постыдное сочуствіе къ преступленію.

Вблизи Новодѣвичьяго монастыря поставлено было тридцать висѣлицъ четыреугольникомъ, на коихъ 230 Стрѣльцовъ, заслужившихъ болѣе жестокое наказаніе, повѣшены. Трое зачинщиковъ страшнаго мятежа, подавшихъ челобитную Царевнѣ Софіи о томъ, чтобы она приняла кормило правленія, повѣшены на стѣнѣ Новодѣвичьяго монастыря подъ самыми окнами Софьиной кельи. Тотъ изъ трехъ, кто висѣлъ въ срединѣ, держалъ, привязанную къ мертвымъ рукамъ, челобитную, конечно, для того, чтобъ усугубить мученія Софіи за совершенное ею. [56]

29. Военный инженеръ Лаваль, нѣсколько лѣтъ предъ симъ присланный Августѣйшимъ Императоромъ въ Московское Государство и произведенный Его Царскимъ Величествомъ въ Генералы, прибылъ нынѣ въ Москву, совершивъ этотъ путь пѣшкомъ изъ Азовскаго стана въ кандалахъ и цѣпяхъ. Лаваль приведенъ былъ въ Приказъ, гдѣ его отдали подъ стражу и, какъ человѣка, обвиняемаго въ Государственной измѣнѣ, вновь заключили въ темницу.

30. Двое Царскихъ Полномочныхъ, Генералъ Лефортъ и Бояринъ Головинъ, ѣздившіе въ послѣднее время Послами къ Императорскому Двору, въѣхали сегодня въ Москву съ тою же самою церемоніею, съ какою въѣзжали они въ Вѣну. Собрано столько каретъ, запряженныхъ шестериками, сколько можно было лишь найти, чтобы увеличить великолѣпіе поѣзда. Самъ Царь не считалъ для себя унизительнымъ присоединиться къ сопровождавшимъ Пословъ. Вся процессія направилась къ городскому дворцу Князь Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, на время сей церемоніи назна-

---

56 По подлиннымъ документамъ въ этотъ день значится казненныхъ смертью только 53 человѣка, изъ коихъ повѣшено подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ 47 Стрѣльцовъ; впрочемъ, съ повѣшенными въ прежніе дни подъ тѣмъ же монастыремъ, число висѣльниковъ тутъ простиралось до 195 человѣкъ. 28-го же Октября (по сч. ст. 18-го) казнено распоповъ 2, да биты кнутомъ на козлѣ, заклеймены въ правую щеку и сосланы въ Сибирь 193 человѣка.

ченнаго Царскимъ Намѣстникомъ. Младшій Лефортъ, въ должности Секретаря Посольства, несъ какую-то вѣрительную грамоту, которую и вручилъ Князю Ромодановскому съ насмѣшливою и мнимою важностью; та грамота, вѣроятно, была отъ Короля Утопіи, такъ какъ вся эта комедія заключилась насмѣшкою, когда, вмѣсто подарка, поднесли Князю обезьяну. Каждый изъ участвовавшихъ въ поѣздѣ обязанъ былъ быть въ Нѣмецкомъ платьѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы разсердить Князя непріятнымъ для него зрѣлищемъ. Нужно знать, что когда сказали Князю Ромодановскому, что Головинъ одѣлся въ Вѣнѣ по Нѣмецки, то онъ съ негодованіемъ замѣтилъ: «Я не думаю, чтобы Головинъ былъ такимъ безумнымъ и съумасшедшимъ, чтобъ презирать народное платье.»

31. Двухъ главныхъ предводителей мятежа, перебивъ имъ только руки и ноги, колесовали живыхъ, чтобы болѣе продолжительною смертію они понесли наказаніе, вполнѣ соотвѣтствующее ихъ преступленію. [57]

НОЯБРЯ

1. Посланникъ одного Сѣвернаго Государства, узнавъ, что Царь переспалъ одну изъ послѣднихъ ночей въ домѣ Датскаго Повѣреннаго, Бауденана, сталъ часто посѣщать послѣдняго, надѣясь чрезъ то пріобрѣсть у Царя большую предъ прочими

---

[57] Въ этотъ день, какъ значится въ подлинной вѣдомости, колесованы Стрѣльцы: Иванъ Колокольцовъ и Ал. Сучковъ. Устр. III, 407.

Въ подлинникѣ, противъ 10-го Октября, 1698 г., на особомъ листѣ помѣщенъ грубой, но весьма занимательный рисунокъ, изображающій Октябрскія казни Стрѣльцовъ въ Москвѣ. Содержаніе рисунка слѣдующее: на первомъ планѣ двѣ женщины врыты по грудь въ землю, вокругъ нихъ стоитъ трое часовыхъ съ копьями, и недалеко толпа народа; съ правой стороны изъ высокихъ каменныхъ воротъ выѣзжаетъ рядъ телѣгъ, одна за другою, каждая въ одну лошадь, на лошади сидитъ возница верхомъ, а въ телѣгахъ осужденные другъ противу друга, съ зажженными свѣчами, по два человѣка въ каждой, по бокамъ же бѣгутъ женщины и дѣти. Предъ передовою телѣгою стоитъ человѣкъ съ длиннымъ свиткомъ въ рукахъ: онъ, вѣроятно, читаетъ приговоръ. Близъ чтеца, верхомъ на лошади, Государь. Съ лѣвой стороны ѣдутъ кареты, каждая въ шесть лошадей цугомъ: это, конечно, ѣдутъ Представители иноземныхъ Державъ. Тамъ и здѣсь между каретами Пословъ и близъ телѣгъ осужденыхъ вид-

милость, въ чемъ ни мало не ошибся. Царь пригласилъ его съ собою гулять, показывалъ ему Ивана Великаго, огромнѣйшій въ свѣтѣ колоколъ; но Посланникъ едва не потерялъ въ одно мгновеніе то, что пріобрѣлъ было съ такимъ трудомъ. Первый Министръ, Левъ [58] давалъ пышный обѣдъ, на которомъ присутствовалъ Царь и Представители иностранныхъ Державъ: выше означенный Посланникъ сидѣлъ ближе всѣхъ къ Царю. Случилось, что преступники, на канунѣ колесованные, еще жили; выше упомянутый Посланникъ, съ Представителями прочихъ Державъ и Министрами Царя, просили Государя, чтобы онъ дозволилъ пристрѣлить ихъ, и тѣмъ прекратить ихъ муки. Царь долго отказывался, но наконецъ, склоненный ихъ просьбами, далъ приказаніе своему любимцу Гаврилѣ [59] исполнить ихъ желаніе. Гаврила, возвратясь, сказалъ, что одинъ изъ осужденныхъ жилъ еще нѣкоторое время

ны чины военные при шпагахъ и воины съ ружьями на плечахъ. Сзади означенныхъ фигуръ, во всю ширину картины, по обѣимъ сторонамъ высокой башни, подымающейся надъ какими-то воротами, длинныя висѣлицы: на каждой изъ нихъ повѣшено по десяти человѣкъ, на ногѣ у каждаго большая колодка, къ каждой висѣлицѣ приставлена большая лѣстница; висѣлицъ такихъ видно пять; сзади этого ряда, нѣсколько отступя, каменная стѣна съ двумя башнями надъ воротами. Изъ отверстій въ стѣнѣ торчатъ длинныя пушки, а можетъ быть бревна, подпертыя столбами; на каждомъ бревнѣ виситъ по парѣ Стрѣльцовъ, съ такими же, какъ и у первыхъ висѣльниковъ, колодками: въ рамкахъ картины насчитывается 14-ть паръ. За стѣной, на правой сторонѣ, устроена загородка: въ ней на землѣ, почти рядомъ, поставлены низкіе чурбаны-плахи. Стрѣльцы связанные, на колѣняхъ, положа головы на плахи, ждутъ смертнаго удара. Надъ каждымъ палачъ (вѣроятно, Бояринъ; см. самой Дневн. Корба) со взмахнутой сѣкирой. Тутъ же какой-то Чиновникъ, безъ сомнѣнія, блюдетъ за порядкомъ исполненія: по сторонамъ брошены обезглавленныя тѣла, невдалекѣ же небольшая толпа зрителей. Лѣвѣе возвышается восемь коловъ, на коихъ видны скорчившіяся тѣла: тутъ же на столбахъ утверждены горизонтально колеса; на нихъ взгромождены Стрѣльцы, вѣроятно, съ переломанными членами. Нѣсколько человѣкъ бѣжитъ къ этому мѣсту. Лѣвѣе четыреугольникъ изъ висѣлицъ, на каждой сторонѣ которыхъ по 5, 6 и 7 повѣшенныхъ. У будки часовой и нѣсколько зрителей. Въ самомъ углу картины, на лѣво въ верху, Новодѣвичій монастырь: вокругъ него заборъ, сзади же три повѣшенныя тѣла. Картина вѣнчается фантастическимъ видомъ Кремля, за коимъ виднѣются холмы.

[58] Нарышкинъ.

[59] Не Гаврила ли Меньшиковъ, одинъ изъ лучшихъ пособниковъ Петру 1-му въ строеніи кораблей, и по тому имъ весьма любимый?

послѣ того, какъ былъ пристрѣленъ пулею. Это подало поводъ Царю разсказать слѣдующую исторію: «Въ Польшѣ одинъ подводчикъ имѣлъ при себѣ ружье; случайно оно выстрѣлило, и пуля, попавъ ему въ ротъ, вышла въ затылокъ, но подводчикъ жилъ, однако же, еще девять дней.» Выше упомянутый Посланникъ, желая снискать себѣ чрезъ лесть заблаговременно въ этотъ день счастіе, утверждалъ, что происшествіе это необыкновенно, и чѣмъ сильнѣе высказывалъ онъ свое изумленіе, тѣмъ настойчивѣе подтверждалъ Петръ правдивость своего разсказа. Посланникъ, увлекшись наконецъ опаснымъ самолюбіемъ, сталъ обсуживать этотъ предметъ на основаніи физическихъ наукъ, и заключилъ тѣмъ, что ему трудно повѣрить истинѣ такого событія. Царь, затронутый тѣмъ, что Посланникъ такъ настойчиво отказывался вѣрить его словамъ, пригласилъ Генерала Карловича разсказать, какъ это случилось и пр., и когда Генералъ передалъ это происшествіе точно въ томъ же видѣ, какъ и Царь, то Государь сказалъ, съ нѣкоторымъ негодованіемъ, философу, при всѣхъ ему противорѣчившему: «Ну, а теперь вѣришь? Но если и теперь это кажется тебѣ неправдоподобнымъ, то я напишу Польскому Королю, чтобы онъ подтвердилъ справедливость моихъ словъ.» Другимъ камнемъ преткновенія для выше упомянутаго Посланника былъ разговоръ о различіи между нѣкоторыми землями; наименѣе выгодное мнѣніе было высказано на счетъ самаго близкаго къ Россіи края. На это Министръ этого Государства отвѣтилъ: «Я замѣтилъ также и въ Московіи много предосудительнаго.» Царь же возразилъ:« Если бы ты былъ мой подданный, то я бы послалъ тебя къ тѣмъ, что теперь качаются на висѣлицахъ, такъ какъ я хорошо понимаю, къ кому твои слова относятся.» Послѣ того, желая осмѣять Посла, Царь такъ устроилъ, что тотъ пошелъ плясать съ шутомъ, служившимъ посмѣшищемъ всего Царскаго Двора. Лишь только пустился Министръ съ своимъ товарищемъ въ плясъ, какъ раздался всеобщій смѣхъ: но онъ не понималъ, какъ жестоко осрамилъ себя, подавая поводъ къ такимъ обиднымъ для себя толкамъ, и продолжалъ плясать, пока наконецъ Императорскій Посолъ, совѣты котораго онъ всегда глубоко уважалъ, не нашелъ удобный случай напомнить ему, чрезъ одного изъ своихъ приближенныхъ, о достоинствѣ его званія. Эта же особа получала, въ видѣ шутки, Царскія пощечины, принимая

ихъ отъ священной руки, какъ знакъ особенной милости. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ни чего удивительнаго, такъ какъ поступки людей получаютъ свое названіе отъ ихъ понятія о вещахъ, такъ что одно и то же, сообразно съ временемъ и свойствами людей, считается милостію, или безчестіемъ.

Запрещено Указомъ принимать въ уплату имперіялы (imperiales solidos), а слѣдуетъ относить ихъ на Монетный Дворъ, для размѣна на копѣйки (Русскую монету). Царь получаетъ отъ этого большую прибыль, такъ какъ за имперіялъ, изъ котораго вычеканивается 100 копѣекъ, выдаютъ при размѣнѣ лишь 55 копѣекъ (Kopekis), въ чемъ мы теперь на самомъ дѣлѣ убѣдились.

2. Его Царское Величество, предъ своимъ выѣздомъ въ Воронежъ (Veronisham), приказалъ Генералу Лефорту дать обѣдъ и пригласить на этотъ пиръ Представителей всѣхъ Державъ и знатнѣйшихъ Бояръ. Вѣроятно, Царь былъ занятъ весьма важными дѣлами, по тому что пришелъ позднѣе обыкновеннаго, и даже за обѣдомъ, не смотря на присутствіе иностранныхъ Министровъ, обсуживалъ съ Боярами нѣкоторыя дѣла; но совѣщаніе походило на ссору. Та горячность, съ которую Бояре отстаивали свое мнѣніе предъ Его Царскимъ Величествомъ, была неумѣстна и вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ опасна; Бояре выказывали слишкомъ много упрямства, и это такъ не нравилось Государю, что онъ видѣлъ въ нихъ почти преступниковъ, и въ слѣдствіе этого далъ полную волю не только словамъ, но даже и рукамъ. Двое изъ Бояръ, занимая низшія должности, не принимали участія въ этомъ затруднительномъ прѣніи, но другимъ образомъ обнаружили свое невѣжество. Такъ они отличились слѣдующими весьма любезными шутками: бросали находившійся на столѣ хлѣбъ въ головы присутствующихъ; это считалось у нихъ чѣмъ-то весьма хорошимъ; всѣ они о томъ только и думали, чтобы выказать неоспоримое доказательство своего происхожденія.[60] Между Москвитянами находились также и такія лица, которыя своей скромностью въ разговорѣ съ Государемъ обнаруживали высшій умъ. Князь Алегуковичъ (Lehugowizius) Черкасскій отличался степенностію, приличною его пожилымъ лѣтамъ; зрѣлый умъ видѣнъ былъ въ совѣтахъ Боярина Головина. У Арта-

---

[60] Этотъ юморъ Корба довольно несокладенъ. Вотъ слова подлинника: «Laborabant quippe omnes genuina documenta dare verae suae originis.»

моновича (Artemonowizius) [61] проявлялась опытность въ Государственныхъ дѣлахъ; а такъ какъ этѣ достоинства встрѣчались рѣдко, то тѣмъ ярче онѣ сіяли. Артамоновичъ, негодуя на то, что при Царскомъ столѣ находилось такъ много разныхъ сумазбродныхъ чудаковъ, обратился къ Думному Дьяку Сибирскаго Приказа и сказалъ ему по Латыни: «Дураками полонъ свѣтъ,» и при томъ такъ громко, что могли слышать всѣ, понимающіе Латинскій языкъ. Послѣ обѣда началась пляска и отпускъ Польскаго Посла слѣдующимъ образомъ. Царь внезапно ушелъ изъ толпы пирующихъ, позвавъ съ собою Польскаго Посланника въ смежную комнату, въ которой хранились кубки, рюмки и разнородные напитки; туда же хлынули было и всѣ гости, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло. Еще не успѣли всѣ туда войти (ибо, желая попасть разомъ, только мѣшали другъ другу), какъ уже Царь, возвративъ Польскому Посланнику его вѣрительную грамоту, вышелъ изъ комнаты, и тѣмъ привелъ въ смущеніе тѣхъ, которые съ большимъ усиліемъ старались въ нее проникнуть. Два морскіе Капитана, родомъ Голландцы, были приговорены, за явное ослушаніе, военнымъ судомъ къ смертной казни, но, по ходатайству Генерала Лефорта, допущенные къ Царю, пали въ ноги и просили у него прощенія; Царь высказалъ при этомъ случаѣ большое великодушіе: онъ даровалъ имъ жизнь, возстановилъ ихъ въ прежнихъ достоинствахъ и должностяхъ и собственноручно возвратилъ имъ шпаги. Послѣ того Царь прощался со всѣми Боярами и Представителями иностранныхъ Дворовъ, цѣлуя ихъ; при этомъ наиболѣе благоволенія оказалъ онъ Господину Императорскому Послу. Польскій Посолъ не былъ удостоенъ этой Царской ласки, конечно, потому, что, получа обратно свою вѣрительную грамоту, уже тѣмъ самимъ отстранялся отъ настоящаго прощанія съ Царемъ. Около

---

[61] Сынъ знаменитаго Артамона Сергѣевича, раздѣлявшій съ нимъ заточеніе шесть лѣтъ въ Пустозерскѣ. По смерти отца (1682) отъ Стрѣльцовъ, Андрей Артамоновичъ спасенъ Нарышкиными, родственниками своими; въ 1691 г. пожалованъ въ Воеводы Двинскіе, чрезъ годъ Окольничимъ, въ 1693 уволенъ, въ 1699 Полномочный Посолъ въ Голландіи, въ 1707 въ Англіи, въ 1712 въ Австріи, гдѣ получилъ (1715) Графство Римской Имперіи, въ 1719 Сенаторъ и Президентъ Юстицъ-Коллегіи, въ 1726 Дѣйств. Тайный Совѣтникъ и пр.; ум. въ половинѣ Сентября въ Москвѣ 1728 г. и погребенъ подлѣ своего родителя, близъ церкви Николы въ Столпахъ, между Мясницкой и Покровкой. Князь Я. П. Шаховской въ своихъ «Запискахъ» называетъ его «мужемъ въ разумѣ и въ дѣлахъ достохвальнымъ.»

шести часовъ вечера Царь уѣхалъ въ Воронежъ. Кромѣ прочихъ Чиновниковъ, маловажныхъ по незначительности ихъ должностей, сопутствовали Царю: Г. Голландскій Вице-Адмиралъ, Начальникъ стражи Генералъ Карловичъ и Адамъ Вейдъ. [62] Карловичу опредѣлены тѣ же самыя почести и содержаніе, какими пользовался до него Польскій Посолъ, и по тому этотъ послѣдній того мнѣнія, что, вѣроятнѣе всего, по проискамъ Карловича онъ и отпущенъ такъ скоро и неожиданно.

3. Попъ, и съ нимъ двадцать четыре человѣка, вновь обвиненные въ томъ, что участвовали въ недавнемъ мятежѣ, возбуждая другихъ къ преступнымъ предпріятіямъ, отведены въ темницу для допроса.

4. Указомъ Правительства предписано всѣмъ, имѣющимъ лавки на улицѣ, смежной съ Кремлемъ, уничтожить оныя какъ можно поспѣшнѣе, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія и лишенія имущества. Утверждаютъ, что распоряженіе это сдѣлано съ цѣлію придать городу лучшій видъ и большій блескъ.

Господину Польскому Послу данъ Царскій обѣдъ, которымъ, согласно здѣшнему обычаю, угощаются удаляющіеся Представители иностранныхъ Державъ.

5. Въ слѣдствіе вчерашняго повелѣнія, уже сносятся лавки, смежныя съ Кремлемъ: такъ необходимо здѣсь повиновеніе!

Другимъ Царскимъ Указомъ повелѣно всѣхъ мальчиковъ крѣпкаго тѣлосложенія, достигшихъ уже отроческаго возраста, отсылать въ Воронежъ къ корабельнымъ мастерамъ, откуда сегодня первая

[62] или Вейде, родился въ Москвѣ отъ отца, выѣхавшаго въ 1661 г. Страсть къ военному ремеслу заставила его отказаться отъ аптекарскаго занятія, къ коему его предназначали. Сблизясь, черезъ Лефорта, съ Петромъ 1-мъ, онъ пріобрѣлъ вскорѣ расположеніе Государя: при взятіи Азова былъ уже Маіоромъ Преображенскаго полка (1696) и посланъ въ иностранныя Государства съ вѣстію о Великомъ Русскомъ Посольствѣ (1697); подъ Нарвой попалъ въ плѣнъ (1700), и только черезъ 10 лѣтъ размѣненъ былъ на Рижскаго Генералъ-Губернатора, Графа Штремберга; участвовалъ въ походѣ въ Турцію, отличился въ сраженіи при Ганго-Уддѣ (1714) и получилъ за то Андреевскій Орденъ. Умеръ въ половинѣ 1720 г. и погребенъ, по волѣ Государя, въ Невскомъ монастырѣ, хотя былъ иновѣрецъ. На томъ мѣстѣ поставлено знамя съ изображеніемъ его — почесть, оказанная только ему и Фельдмаршалу Шереметеву.

партія въ 200 человѣкъ отправлена въ Голландію. Два сына покойнаго Генерала Менезіуса только по малолѣтству оставлены дома.

6. Говорятъ, что Генералиссимусъ Шеинъ, при допросѣ военнаго Инженера Лаваля, показалъ ему письма, писанныя симъ послѣднимъ, но онъ отъ нихъ отпирался; однако же тотъ уличилъ его, сличивъ почеркъ его съ письмами.

Царскій Врачъ Цопотъ держитъ у себя какого-то Нѣмца, служащаго ему переводчикомъ. Князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, расчитывая, что человѣкъ этотъ можетъ быть во многихъ отношеніяхъ полезенъ ему и его сыну, пожелалъ, чтобы Нѣмецъ перешелъ къ нему; а какъ ни Врачь, ни Нѣмецъ его на это не соглашались, то онъ велѣлъ отвести послѣдняго силою въ свой домъ.

7. Морозъ былъ нѣсколько дней полегче, но сегодня вновь чрезвычайно усилился.

8. Въ слѣдствіе жалобы, принесенной Врачемъ Цопотомъ Генералу Лефорту, Ромодановскій принужденъ былъ сегодня отпуститьпере водчика.

Какой-то писарь изъ Царскаго Приказа принесъ къ этому же самому Врачу обезьяну, для оказанія ей Медицинскаго пособія, но Врачъ отговорился незнаніемъ Русскаго языка и указалъ на своего товарища, Карбонари, какъ на человѣка, болѣе способнаго къ тому, такъ какъ онъ хорошо знаетъ уже языкъ страны.

Тотъ Польскій Дворянинъ, который сопровождалъ въ Москву, вмѣстѣ съ Генераломъ Карловичемъ, Его Царское Величество, осыпанный милостями и щедротами Царскими, отправился сегодня обратно въ Польшу.

9, 10 и 11. Слѣдуя, сообразно обыкновенію проживающихъ здѣсь Нѣмцевъ, старому Календарю, присутствовали мы въ Римско-Католической церкви при обычномъ Богослуженіи и при вечернѣ за упокой душъ усопшихъ.

12. Министерство дало понять Польскому Послу, что онъ долженъ, въ теченіи трехъ недѣль, очистить покои, им занимаемые, и выѣхать изъ Москвы, по тому что помѣщеніе его назначено уже для Бранденбургскаго Посланника, который долженъ сюда прибыть.

Царевна Марѳа сослана въ отдаленный монастырь: она приговорена къ пожизненному заточенію.

13, 14, 15, 16 и 17. Генералъ Лефортъ далъ большой обѣдъ.

Этотъ Генералъ запретилъ всѣмъ цирульникамъ и фельдшерамъ носить сабли, по тому что они часто совершали смертоубійства.

18 и 19. Шведскій Повѣренный Книпперъ угощалъ великолѣпнымъ обѣдомъ многочисленныхъ гостей.

20. Нѣмецкіе Офицеры, пріѣхавшіе изъ стана, открыто высказывали свое негодованіе на то, что Долгорукій, въ продолженіе настоящаго похода, не ознаменовалъ себя ни какимъ достойнымъ подвигомъ, и что хотя ему было очень хорошо извѣстно, что во всемъ Крыму находится не болѣе 10,000 жителей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, однако, онъ, имѣя 60,000 войска, не рѣшился ни на какое предпріятіе. Сами же Крымскіе Татары и наказали вождя за его бездѣйствіе: они, съ стремительностію бури, вторгнулись въ предѣлы Московскіе и произвели страшное опустошеніе. Сжегши Валуйку, пограничный городъ Московскій, перешли рѣку Осколъ (Oscue) и на всемъ протяженіи до самаго Бѣлгорода наполнили окрестности заревомъ гибельныхъ пожаровъ и страшными опустошеніями деревень, селъ, мѣстечекъ и посадовъ, обративъ ихъ въ груды пепла. Шесть тысячъ человѣкъ, подобно скотамъ, отведены въ жесточайшее рабство; немногіе лишь успѣли скрыться въ лѣсахъ и логовищахъ дикихъ звѣрей. Сверхъ того въ собственномъ станѣ Русскаго войска посѣтилъ его врагъ опаснѣе самыхъ Татаръ. Князь Долгорукій, по какому-то злополучному соображенію, не приготовилъ для войска съѣстныхъ припасовъ; ни одинъ Офицеръ не получилъ жалованья и пятнадцать тысячъ воиновъ умерли съ голоду.

21, 22, 23, 24 и 25. По случаю именинъ нашего Августѣйшаго Императора, мы пѣли сначала на хорахъ, а послѣ у Господина Цесарскаго Посла былъ устроенъ пышный обѣдъ.

26. Хотя недавно были приняты самыя жестокія мѣры, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней безчеловѣчными и ужасными казнями, веревкою, желѣзомъ и колесомъ истреблены цѣлыя тысячи людей, принимавшихъ участіе въ мятежѣ, однако же Московія не очищена еще отъ измѣнничьей сволочи. Вѣсть о тайныхъ сбори-

щахъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ людей дошла до свѣдѣнія добрыхъ гражданъ и внушила имъ опасеніе, чтобы не возникъ новый мятежъ, тѣмъ болѣе, что Царь находился въ Воронежѣ. Не обнаруживая своего подозрѣнія, рѣшили они тайно извѣстить Его Царское Величество, чтобы онъ предпринялъ заблаговременно дѣйствительныя мѣры противъ зарождающагося зла, пока оно не успѣло еще усилиться. Одинъ гонецъ былъ отправленъ ночью въ Воронежъ къ Его Царскому Величеству съ письмами и драгоцѣнными вещами, но на Каменномъ мосту въ Москвѣ его схватили и обобрали. На разсвѣтѣ были найдены распечатанными письма, разбросанныя по мосту, а гонецъ и вещи пропали безъ вѣсти. Преступленіе это приписываютъ коварству заговорщиковъ и подозрѣваютъ, что гонецъ былъ опущенъ подъ ледъ протекающей тамъ рѣки Неглинной (Neglinae).

27. Одинъ Голландскій матросъ, поссорясь съ Царскимъ воиномъ, былъ отъ него пронзенъ копьемъ.

28, 29 и 30. Мы ѣздили на саняхъ [63] къ Новодѣвичьему монастырю осматривать поставленную тамъ предъ окномъ Софіи огромную четыреугольную висѣлицу и трехъ на ней висѣльниковъ.

ДЕКАБРЯ

1. По приказанію Царя, корабли, построенные на деньги вельможъ, спущены на воду, для испытанія знанія мастеровъ и годности къ употребленію. Корабль Патріарха, который менѣе другихъ былъ при этомъ сберегаемъ, по несчастному случаю, претерпѣлъ крушеніе. [64]

[63] Въ подлинникѣ есть и рисунокъ, изображающій это катанье: въ слѣдъ за восемью верховыми, двое коней мчатъ большія сани, въ которыхъ, на высокомъ сѣдалищѣ, сидитъ, какъ надо думать, Цесарскій Посолъ, а сзади его, на каждомъ изъ широкихъ полозьевъ, стоитъ по гайдуку; далѣе четыре верховыхъ и небольшія санки въ одну лошадь. Въ саняхъ двѣ фигуры, кучера нѣтъ, а сзади на полозьяхъ стоитъ лакей съ бичемъ, впереди же поѣзда мчатся два конника съ чѣмъ-то въ родѣ фонарей на длинныхъ палкахъ, передъ ними тоже два всадника съ копьями и лукомъ съ туломъ со стрѣлами за спиною. Рисунокъ важенъ для знакомства съ уборомъ лицъ и упряжью лошадей того времени.

[64] О строеніи въ это время кораблей смотр. въ Исторіи царствов. Петра Великаго, Устрялова, 1858 года, т. II и III.

2. Нашли на улицѣ двухъ мертвыхъ Голландцевъ, въ убіеніи коихъ подозрѣваютъ Москвитянъ. Говорятъ, что мятежники вновь появились и въ количествѣ семи тысячъ собрались въ трехъ стахъ верстахъ отъ Москвы.

3. Генералъ Карловичъ и Адамъ Вейдъ возвратились изъ Воронежа.

4. Поймали семьдесять злодѣевъ, производившихъ ночные разбои въ Москвѣ. Изъ нихъ два полицейскіе служителя (lictores), бывшіе прежде Попами, первые посажены на кобылку (equuleum subire coacti sunt).

5. Вина и прочіе нужные предметы, закупленные въ Архангельской пристани, провезены триста миль, подъ прикрытіемъ Царскихъ воиновъ, и благополучно доставлены въ Москву.

6. Сегодня мы были въ Царскомъ звѣринцѣ, гдѣ видѣли неимовѣрной величины бѣлаго медвѣдя, леопардовъ, рысей и многихъ другихъ звѣрей, которые содержатся здѣсь только для удовлетворенія любопытства.

Польскій Посолъ просилъ дозволенія ѣхать въ Воронежъ, гдѣ онъ хотѣлъ видѣться съ Царемъ; но такъ какъ онъ, будучи совершенно уже отпущенъ, потерялъ право имѣть какіе бы то ни было переговоры, то Министерство не согласилось на его просьбу.

7, 8 и 9. По ходатайству Господина Императорскаго Посла, Воевода Шеинъ освободилъ военнаго Инженера Лаваля изъ заключенія и велѣлъ снять съ него кандалы, съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ въ Нѣмецкомъ предмѣстьѣ, подъ присмотромъ трехъ воиновъ; ему было также позволено ходить въ Католическую церковь на Богослуженіе. Но какъ Инженеръ этотъ употребилъ въ зло данное ему позволеніе, то отведенъ былъ снова въ Приказъ и содержится тамъ подъ стражей.

10. Говорятъ, что Его Царское Величество уѣзжаетъ изъ Воронежа въ Бѣлгородъ (Аккерманъ), чтобы лучше изслѣдовать дѣйствія и распоряженія Воеводы Долгорукаго.

11 и 12. Генералъ Лефортъ велѣлъ отвезти въ свой погребъ триста оксовъ (oxow) разныхъ винъ, выписанныхъ купцами

изъ Архангельскаго порта. Всѣ предметы роскоши покупаетъ Генералъ на Царскія деньги. Купцы обыкновенно оплачиваютъ пошлины винами; за каждый оксофъ Испанскаго вина платится 60 имперіяловъ, за оксофъ Рейнскаго вина 40. Оксофъ содержитъ 4 кружки.

13, 14, 15 и 16. Одинъ морской Капитанъ, бывши съ женою въ гостяхъ у какого-то Боярина, поѣхалъ ночью съ хозяиномъ кататься на саняхъ; возвратясь въ домъ Боярина, Капитанъ нашелъ свою жену обезглавленною, и не могъ узнать ни чего положительнаго о томъ, кто былъ виновникомъ сего злодѣйства.

17 и 18. Господинъ Императорскій Посолъ обѣдалъ у Генерала Лефорта. Генералъ показывалъ ему портретъ Герцога Савойскаго (Sabaudiae), осыпанный жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, который онъ получилъ отъ этого Государя, и говорилъ, что Герцогъ прислалъ точно такой же подарокъ и брату его, Синдику Женевскому.

19, 20 и 21. Господинъ Польскій Посолъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколькихъ Русскихъ Князей. За обѣдомъ онъ очень много пилъ, и послѣ попойки сдѣлался слишкомъ щедръ, такъ что всѣ свои вещи предложилъ гостямъ; Русскіе же не отказались ихъ принять: одинъ просилъ подарить ему карету съ шестеркой лошадей, другой желалъ имѣть пару дорогихъ пистолетовъ, третій книгу, которая не была еще подарена, и Полякъ отдавалъ каждому все, что тотъ ни желалъ, приговаривая: «Пусть знаютъ Москвитяне, что я ни чего не увожу съ собою изъ Руси, принадлежащаго имъ!»

22. Былъ большой обѣдъ у Генерала Лефорта.

23, 24 и 25. Мать уговорилась съ дочерью убить своего мужа. Это уголовное преступленіе совершено ими посредствомъ двухъ нанятыхъ за 30 крейцеровъ разбойниковъ. Обѣ женщины понесли казнь, соразмѣрную ихъ преступленію; онѣ были закопаны живыя по шею въ землю. Мать переносила жестокій холодъ до третьяго дня, дочь же болѣе шести дней. Послѣ смерти, трупы ихъ были вытащены изъ ямы и повѣшены за ноги, внизъ головами, рядомъ съ помянутыми наемными убійцами. Такое на-

казаніе назначается только для женщинъ, убивающихъ мужей; мужчины же, виновные въ смерти своихъ женъ, менѣе строго наказываются, и очень часто подвергаются только денежной пенѣ.

26. Начальникъ стражи, Генералъ Карловичъ, просилъ Московское Правительство о безотлагательной отправкѣ двадцатитысячнаго отряда войскъ на границу Литвы, изъ опасенія смутъ въ этомъ краѣ. Польскій Посланникъ возсталъ противъ этой просьбы, приглашая Карловича сообразить, въ чью пользу производитъ онъ переговоры: въ пользу ли Поляковъ или Москвитянъ? Онъ говорилъ: «Невозможно и думать, чтобы Москвитяне, даже если порядокъ въ Литвѣ не будетъ нарушенъ, возвратились безъ грабежа и добычи; можно скорѣе полагать, что они, пользуясь случаемъ, нанесутъ Республикѣ неизлѣчимыя раны; а по тому было бы гораздо благоразумнѣе, если бы, въ виду могущихъ возникнуть смутъ, Московскій Резидентъ въ Варшавѣ потребовалъ отъ Республики, именемъ Его Царскаго Величества, объясненія въ ея оскорбительныхъ для Царя происках: Посполитая Рѣчь выказала бы пренебреженіе къ Государю Московскому, если бы вознамѣрилась избрать другаго Короля, помимо избраннаго и коронованнаго Монарха, о чемъ Царь уже получилъ оффиціяльное извѣстіе.

27. Въ Воронежъ отправлено 6000 крестьянъ и столько же воиновъ, для отраженія Татарскихъ набѣговъ, которыхъ опасаются.

28, 29 и 30. Его Царское Величество, по возвращеніи своемъ изъ Воронежа, былъ воспреемникомъ при Св. Крещеніи дочери Барона Полковника фонъ Блюмберга; въ этомъ Свят. обрядѣ участвовали еще 17 человѣкъ, такъ что имѣлись представители почти всѣхъ Вѣроисповѣданій. Значительнѣйшіе изъ нихъ были: Господинъ Императорскій Посолъ, Генералы Лефортъ и Карловичъ, Господинъ Адамъ Вейдъ. Между прочими разговорами Господинъ Императорскій Посолъ завелъ рѣчь о наказаніи женъ за убійство мужа и сказалъ, что во всеобщемъ обыкновеніи, если которая изъ этѣхъ несчастныхъ проживетъ въ ямѣ три дня, ее вынимаютъ и заключаютъ въ монастырь, гдѣ она должна вести труженическую жизнь. Царь, который что-то смутно изъ этого услышалъ, спросилъ, о чемъ говорятъ, и когда узналъ, что разговоръ шелъ

объ облегчающемъ наказаніе обычаѣ, сказалъ, между тѣмъ какъ всѣ слушали его съ большимъ любопытствомъ: «Въ доказательство, какъ мало это обыкновеніе соблюдается, я Вамъ скажу, что мнѣ самому извѣстно, что одна женщина была не такъ еще давно приговорена къ подобному наказанію, и не прежде, какъ по истеченіи двѣнадцати дней, умерла съ голоду и получила, такимъ образомъ, заслуженное возмездіе за свое преступленіе. А что она дѣйствительно безъ пищи такъ долго жила въ ямѣ, то въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ часовымъ, приставленнымъ къ осужденнымъ такого рода, запрещено, подъ опасеніемъ жесточайшаго тѣлеснаго наказанія, передавать имъ хлѣбъ, или воду, по тому что чрезъ это онѣ могли бы подкрѣплять свои силы, и мученія ихъ были бы отъ того продолжительнѣе.» Говорятъ, что самъ Царь ходилъ къ ней въ глубокую полночь и разспрашивалъ ее, думая, что, можетъ быть, найдетъ возможность простить ее: но преступленіе ея было такъ велико, что прощеніе могло бы послужить дурнымъ примѣромъ для другихъ. Говорили тоже, что Царь хотѣлъ, чтобы одинъ изъ часовыхъ пристрѣлилъ эту женщину изъ ружья, и тѣмъ освободилъ ее отъ дальнѣйшихъ мученій медленной смерти, но Генералъ Лефортъ былъ противнаго мнѣнія, сказавъ, что недостойно воина стрѣлять въ женщину и при томъ еще виновную въ смертоубійствѣ. Сими и подобными имъ словами произвелъ Лефортъ на Царя такое впечатлѣніе, что онъ оставилъ несчастную ожидать своей смерти.

31. На великолѣпномъ обѣдѣ, данномъ Генераломъ Лефортомъ, присутствовалъ Царь и двѣсти самыхъ знатнѣйшихъ лицъ. Въ обществѣ этомъ находились двѣ личности, которыя, завидуя одной особѣ, занимающей первое по Царѣ мѣсто, оклеветали ее самымъ гнуснымъ образомъ. Царь, очень сильно разсердясь, объявилъ на прямикъ, что тотъ изъ двухъ, который окажется болѣе виновнымъ, отдастъ подъ мечъ свою голову, и что ихъ соперничество такимъ образомъ прекратится. Для раскрытія этого дѣла назначенъ Князь Ромодановскій; Генералъ Лефортъ хотѣлъ было утишить гнѣвъ Царя, но Царь сильно оттолкнулъ его отъ себя кулакомъ.

V

СМѢСЪ

О
МОГИЛЬНЫХЪ НАСЫПЯХЪ
и
КАМЕННЫХЪ БАБАХЪ
ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ И ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

При археологическихъ изслѣдованіяхъ, которыя были производимы мною въ Екатеринославской Губерніи, въ 1852, 1853 и 1854 г., я пользовался случаемъ обозрѣвать не только могилы, но также самыя каменныя бабы, и объ этомъ было уже изложено въ прежнее время. [1] Такъ какъ послѣднія были описаны въ общихъ выраженіяхъ, то я почелъ необходимымъ дополнить свѣдѣніями о каждой отдѣльно, указывая ея мѣсто нахожденія и изображеніе.

Въ 1853 г., въ Октябрѣ мѣсяцѣ, я преимущественно обратилъ вниманіе на тѣ мѣста Екатеринославской Губерніи, въ коихъ наиболѣе оставалось каменныхъ бабъ. Иныя, однако, я могъ пропустить, даже замѣчательныя по чему либо, по той простой причинѣ, что онѣ заброшены въ глушь и скрылись отъ моего слуха.

Описаніе истукановъ излагается здѣсь такъ, какъ я видѣлъ ихъ еще въ 1853 и 1854 годахъ; съ того же времени могло измѣниться многое: или могилы, на коихъ они стояли, раскопаны уже, или не существуютъ въ указываемыхъ мѣстахъ самыя бабы.

---

[1] Въ статьѣ моей «Насыпи могильныя въ южной Россіи» и т. д., напечат. въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1853 г., въ Іюльской кн., стр. 1 — 69.

Археологическую работу началъ я съ Александропольскаго кургана [2] въ 1851 г., который, по величинѣ и высотѣ своей, единственный во всемъ Новороссійскомъ краѣ, представляетъ настоящую гору и насыпанъ на камняхъ, а по тому будетъ служить здѣсь исходной точкою обозрѣнія мѣстности его, за тѣмъ перейду къ окрестностямъ по разнымъ направленіямъ, и наконецъ положеніямъ бабъ и могилъ по Уѣздамъ.

Осмотрѣнныя мною въ Екатеринославской Губерніи мѣстности суть:

1. Въ Уѣздѣ Екатеринославскомъ:

а) Окрестность Александропольская, б) Нечаевскія могилы, в) Опышковскія могилы, г) каменная баба въ Крутенькахъ, д) каменная баба у Чертомлыка, е) Городище или древняя Томаковка (Сѣчь Запорожская), ж) Новая и Старая и Сѣчи (Запорожскихъ Козаковъ).

2. Въ Новомосковскомъ Уѣздѣ:

а) Орловскія, Знаменскія и Каменскія могилы и бабы, б) Елисаветовскія могилы и бабы въ Хорошевѣ, и в) Орлянскія насыпи.

3. Въ Павлоградскомъ Уѣздѣ:

а) Могилы отъ рѣчки Волчьей до селенія Богуслава, б) могилы и бабы Богуславскія, Богдановскія и Терновскія, и остатки отъ земляныхъ укрѣпленій, в) могилы и бабы Васюневскія и остатки укрѣпленій, г) могилы и бабы Петропавловскія, д) могилы и бабы въ Дмитріевкѣ, Николаевкѣ, Славянкѣ, Новопавловкѣ и Подгородномъ.

4. Въ Бахмутскомъ Уѣздѣ:

а) Каменныя бабы за Бахмутомъ, въ Зайцевомъ и въ хуторахъ Зайцевскихъ и Кодемскихъ, б) каменныя бабы въ Луганскомъ,

---

[2] Селеніе Государственныхъ крестьянъ Екатеринославскаго Уѣзда. Объ открытіи въ немъ драгоцѣнныхъ для науки вещей, было писано въ свое время.

Государевомъ байракѣ, Троицкомъ и Ясиноватомъ, в) каменныя бабы въ Землянкахъ, Скотоватомъ, Новобахмутовкѣ, Желѣзномъ, Корсунѣ, Солодавкѣ, Новоэкономическомъ, Михайловкѣ, Гришиномъ и Сергѣевкѣ.

5. Въ Славяносербскомъ Уѣздѣ:

а) въ Чернухинскомъ и Хващовкѣ каменная баба, нынѣ въ Строгановскомъ саду въ Петербургѣ.

6. Въ Мелитопольскомъ Уѣздѣ Таврической Губерніи:

а) Могилы въ Малой Знаменкѣ и Рогачевкѣ, и б) укрѣпленія въ Малой Знаменкѣ.

7. Мнѣніе о принадлежности каменныхъ бабъ разнымъ племенамъ.

1. Въ Екатеринославскомъ Уѣздѣ.

а) Окрестность Александропольская.

Въ селеніи Александропольскомъ Государственныхъ Имуществъ и на помѣщичьихъ земляхъ, расположенныхъ въ окружности того селенія, нигдѣ нѣтъ каменныхъ бабъ, и онѣ лишь появляются въ 30 вер. отъ той мѣстности, близъ рѣки Базавлука или Бузулука. Окрестность Александропольская гладкая, степная; на ней кой-гдѣ небольшіе могильные холмы, изъ коихъ иные, бывъ разрыты мною, обнаружили однѣ человѣческія кости. Въ могилѣ этого рода было найдено подлѣ покойника, лежавшаго на голой землѣ: огниво, кремень и осколки отъ пепельнаго цвѣта горшка, стоявшаго у головы погребеннаго. Въ горшкѣ находилась перетлѣвшая пшенная каша, которая обнаруживаетъ, что здѣсь, вѣроятно, былъ погребенъ Казакъ. Въ другой могилѣ былъ найденъ серебряный пятикопѣешникъ временъ Императрицы Елисаветы. Двѣ раскопанныя этѣ могилы, находящіяся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Александропольской, суть новѣйшаго образованія и принадлежатъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ Запорожскимъ.

б) Нечаевскія могилы.

Въ двухъ верстахъ отъ Александропольской могилы находятся, на земляхъ помѣщика Нечаева, [3] въ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга, три большаго объема могилы, но не высокія. Двѣ изъ нихъ какъ бы срослись, и ихъ можно назвать близнецами. Онѣ обросли травою и не тронуты. По направленію въ степь возвышаются въ глубинѣ ея два большихъ кургана, которые отстоятъ отъ Александрополя на 10 вер. и расположены на землѣ того же помѣщика, Нечаева. [4]

Первый курганъ имѣетъ окружность 115, въ вышину черезъ верхъ съ западной стороны 15, а съ восточной 16 саж. Вершина его въ поперечникѣ 6 саж. 2 арш. Сѣверная и восточная стороны довольно осѣли, а самый верхъ вогнулся внутрь. Не произошло ли это отъ обвалившагося въ срединѣ склепа? Съ восточной стороны той могилы лежитъ, въ 23 саж. отъ нея, другая меньшей величины, имѣющая окружность 67 саж., въ вышину черезъ верхъ 6½ саж., а вершина поперечника, такъ какъ она продолговатая, имѣетъ длины 5 саж. Кургановъ такого устройства мнѣ случалось встрѣчать мало.

Второй курганъ, отстоящій отъ перваго около 2 вер. и расположенный на юго-западъ, имѣетъ въ окружности 88, вышину черезъ верхъ съ западной стороны 13, съ восточной 10½, а вершину въ поперечникѣ 5 саж. Между этѣми курганами и далѣе разбросаны другіе небольшіе. Первые два и окружающіе ихъ курганы не раскопаны. У подошвы двухъ первыхъ были найдены мною куски бѣловатаго мрамора и валялся обломокъ отъ глинянаго кувшина, подобно отрытому мною въ Александропольской могилѣ. Находка камней доказываетъ, что курганы насыпаны на камняхъ.

---

[3] Глѣба Васильевича Нечаева, Екатеринославскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства.

[4] Степная эта мѣстность именуется въ простонародіи Орловской горою; не далеко отъ нея лежитъ балка Орлова.

При внимательномъ разсматриваніи перваго кургана, замѣтно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его вынята земля, снизу до верху, почти на 6 саж. въ вышину, и должно думать, что здѣсь выбирали камень, какъ это дѣлалось съ другими курганами; но ни первый, ни второй курганъ не прорыты и заросли густой травою. Этѣ могилы весьма важны по своему положенію и нахожденію ихъ въ такой же степи, какъ Александропольскій, отъ коего онѣ идутъ на югъ.

в) Опышковскія.

Въ 22 вер. отъ селенія Александропольскаго разсыпаны разной величины курганы, близъ р. Базалука или Бузулука, на земляхъ помѣщика А. М. Ероховича, въ имѣніи его Опышкѣ. Этѣ курганы тянутся почти на двѣ версты въ длину, по направленію отъ запада на востокъ, такъ что одна часть идетъ на востокъ къ Сурскимъ могиламъ, расположеннымъ по р. Сурѣ, а другая на югъ чрезъ степь, по направленію къ городу Никополю, и по этому послѣдніе названы мною Никопольскими. Въ этѣхъ мѣстахъ наиболѣе сгущаются могилы, и онѣ идутъ рядами. Опышковскія же замѣчательны тѣмъ, что основаны на камняхъ.

На пути отъ селенія Александропольскаго до села Чумаки, 12 вер., не встрѣчаются курганы. Лишь появляются за Чумаками довольно значительной величины, изъ коихъ иные направлены на города: Екатеринославъ, другіе на Никополь и Александровскъ.

г) Каменная баба въ Крутенькахъ.

Въ выселкахъ Крутеньки, въ 2 вер. отъ Чумаковъ, стоитъ у воротъ, вмѣсто приворотнаго столба, каменная баба, которая вышиною одна сажень. Эта статуя вся изуродована. На челѣ ея изображена повязка, а на головѣ продолговатая шапочка, въ родѣ колпака, съ какимъ-то украшеніемъ на верху. Изъ подъ повязки сзади плечъ низпадаютъ волоса, переплетенныя въ нѣсколько рядовъ. На шеѣ высѣчено ожерелье, съ закрытой грудью, но остальное представлено одѣтымъ въ платье, испещренное крапинами и струйчатыми полосами. Верхняя одежда перетянута поясомъ, ко-

его одинъ конецъ виситъ по срединѣ тѣла. Руки сложены не на животъ, а внизу его, и въ рукѣ нѣтъ ни какого сосуда, или вещи. Статуя изсѣчена изъ раковисто-ноздреватаго песчанника, темно-сѣраго цвѣта, и свезена съ могилы.

д) Каменная баба у Чертомлыка.

Между безъуѣзднымъ городомъ Никополемъ и р. Базалукомъ находится въ степи, въ 12 вер. отъ Чертомлыка, а въ 3 вер. отъ рѣки того имени, высокая конусообразная могила, которая стоитъ на землѣ помѣщика Генералъ-Маіора Зейферта. Она называется въ простонародіи товстою (толстою): на верху ея каменная баба, съ отбитой по шею головою. [5]

Товстая имѣетъ въ окружности 150 въ высоту, въ отвѣсъ 6 саженъ и, должно быть, насыпана на камняхъ, по тому что внизу валяются обломки отъ нихъ.

Напротивъ Товстой расположенъ на западъ другой курганъ, имѣющій продолговатый видъ гробницы, которая въ длину 17, въ вышину 3⅓, а въ окружности 80 саж. За ней раскинуты могилы разной величины. Вокругъ степь, вблизи нѣтъ воды, протекаетъ лишь весною ручеекъ Солоной (соленой), который, пробѣжавъ черезъ селеніе Шолоховое, впадаетъ въ Базалукъ, въ 18 вер. отъ Товстой. [6]

Стоящая на вершинѣ кургана обезглавленная статуя весьма замѣчательна. Она высѣчена изъ камня песчано-раковика и довольно красивой работы; высота 1 саж. 2 вершка, считая съ головою, которая валяется у подножія могилы. Изображеніе представляетъ мущину, обращеннаго лицемъ на востокъ, и лице, какъ

---

[5] Товстая по прямому направленію отъ Александрополя въ 30 вер. и имѣетъ одинаковую конусообразную форму съ Александропольской.

[6] Ручеекъ высыхаетъ лѣтомъ, и въ то время образуетъ сухой оврагъ. По тому ручью лежитъ на сѣверо-западъ селеніе Никольское, въ 7 верстахъ отъ могилы, и выстроенъ заѣзжій домъ Шишкина, въ 6 вер. отъ нея. На юго-востокъ, по р. Чертомлыку, хутора Чертомлыцкіе; ихъ же называютъ и Никопольскими, въ коихъ считается 60 дворовъ, отстоящихъ на 3 вер. отъ Товстой.

ни обезображено, имѣетъ болѣе Европейскую, нежели Азіятскую, наружность. Руки сложены на животѣ, которыя держатъ сосудъ. Если бы разрыли могилу, то она могла бы объяснить свое значеніе.

Въ народѣ носятся разные про эту бабу суевѣрные слухи. Говорятъ, что первый владѣлецъ этѣхъ степей, помѣщикъ Неплюевъ, пожелавъ снять ее съ вершины кургана, чтобы поставить на своемъ дворѣ, велѣлъ стащить. При большихъ усиліяхъ ее стащили и оставили у подошвы могилы до другаго дня, не успѣвъ перевезть. На утро прибывшіе люди увидѣли, къ ихъ изумленію, что она стоитъ на верху, на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Приписывая такое дѣйствіе нечистой силѣ, они, помолясь Богу, принялись снова тащить: стащили и начали было тянуть далѣе отъ могилы, но катившаяся статуя приподнялась, пошла вверхъ и стала крѣпче прежняго на своемъ мѣстѣ. Удивленный народъ крестился и бѣжалъ, произнося: «Нечистая сила! нечистая сила!» Съ тѣхъ поръ она стоитъ неподвижно, и никто не отваживается безпокоить ее.

Объ отбитой и валяющейся головѣ разсказываютъ, что когда здѣсь происходила битва двухъ злыхъ духовъ, тогда одинъ изъ нихъ, побѣжденный, скрылся внутрь статуи, но мгновенно грянулъ громъ и поразилъ чорта, который, вмѣстѣ съ головой, покатился внизъ. Ее не смѣютъ тронуть и, обходя, читаютъ молитву.

Во время лихорадокъ и бездождья собираются сюда молиться и приносятъ жертву, кто что можетъ: иные кладутъ ломоть хлѣба на плечо каменной бабы, другіе даютъ грошъ, а иные разсыпаютъ у ногъ ея зерновый хлѣбъ и т. п. Кланяясь въ ноги, говорятъ: «Помилуй насъ, бабо, бабусенько, бабусю; будемъ кланяться еще ниже, только помоги намъ и сохрани насъ отъ бѣды!» Кто же посмѣется надъ нею, горе тому! Нѣсколько духовныхъ лицъ, собравшись посмотрѣть на нее, смѣялись надъ ея уродливостію и безчувственностію, и одинъ изъ нихъ, осуждавшій болѣе всѣхъ, плюнулъ еще въ лице. Похохотавъ вдоволь надъ бабой, они спокойно начали сходить съ вершины могилы, но вскорѣ увидѣли, что издѣвавшійся не шелъ, а катился кубыремъ и ослѣпъ. Всѣ ужаснулись и не знали, чѣмъ и какъ помочь несчастному. Однако же придумали: взяли товарища и повели на верхъ; тотъ упалъ къ ногамъ бабы и два часа умолялъ ее со сле-

зами, чтобы она простила его, и она лишь тогда смилосердилась надъ нимъ, когда всѣ товарищи стали плакать, поклялись за него и за себя, что впредь никогда не будутъ издѣваться надъ нею.

e) Городище или древняя Томаковка. (Сѣчь Запорожская).

За безъуѣзднымъ городомъ Никополемъ, на сѣверъ отъ него въ 15 вер., лежитъ селеніе Красногригорьевское или иначе Чернышевка.[7] Въ двухъ верстахъ отъ селенія находятся остатки Городища, близъ устья рѣки Томаковки, сливающейся съ рѣчкою Ревуномъ.

Городище, такъ называемое нынѣ, состоитъ изъ острова, тянущагося въ длину на $1\frac{1}{2}$, а въ ширину на $\frac{3}{4}$ версты. Со всѣхъ сторонъ омывается водами: съ юга Рѣчищемъ, съ востока и запада рѣчкою Ревуномъ, а съ сѣвера частію рѣчки Томаковки, впадающей въ Днѣпръ, и Рѣчищемъ. Рѣчище, выходя изъ рѣки Бугая, вытекающаго изъ Днѣпра, проходитъ въ разныхъ направленіяхъ плавни и потомъ впадаетъ въ Днѣпръ. Ревунъ, обтекая Городище около пяти верстъ, впадаетъ въ Рѣчище. Томаковка, соединившись съ Ревуномъ и Рѣчищемъ, впадаетъ въ Днѣпръ.[8] Сверхъ того Городище окружено плавнями, т. е., островками съ мелкимъ лѣсомъ и травою, и представляетъ живописную картину. Съ возвышенности острова виднѣются предѣлы Крымскіе и могилы, разсѣянныя тамъ по косогорамъ и отлогостямъ,

Слѣды бывшаго здѣсь жилья покрылись известнякомъ, но болѣе всего черноземомъ. Мѣстность эта находится въ управленіи Государственныхъ Имуществъ, которое считаетъ ее неудобною и безплодною для хлѣбопашества. Но на этомъ безплодномъ уголкѣ косится прекрасная трава и собирается богатая жатва; тамъ же ростутъ, въ дикомъ состояніи, груши и тернъ, любимыя Запо-

---

[7] Послѣднее названіе произошло отъ владѣтеля Графа Чернышева, получившаго этотъ участокъ земли, по уничтоженіи Запорожской Сѣчи, въ 1775 г., Августа 5.

[8] Въ весенній разливъ селеніе отдѣляется отъ Городища Днѣпровскимъ лиманомъ, именуемымъ Чернышевскимъ. По спаденіи воды Городище отдѣляетъ одинъ Ревунъ, который рѣдко высыхаетъ лѣтомъ.

рожскія деревья, и если вѣрить разсказамъ, то это суть остатки отъ Козаческой вольницы.

По разнымъ направленіямъ Городища разбросаны могилы, на коихъ стояли каменные кресты, съ надписью на нихъ церковными буквами. За сорокъ лѣтъ предъ симъ (т. е., предъ 1853 г.) было ихъ очень много, даже гробницы; за девять лѣтъ предъ тѣмъ же временемъ видѣли четыре креста, а я нашелъ (въ 1853 г.) одни обломки отъ нихъ, и на одномъ едва можно было разобрать: «Подъ симъ крестомъ лежитъ......» Могилы состоятъ, большей частію, изъ насыпей, употребляемыхъ по нынѣ во всей Россіи; но есть двѣ нѣсколько значительныя: одна длиною 9, шириною 2½, а вышиною 1½, сажени. Этѣ могилы стоятъ рядомъ.

Южная сторона острова, гдѣ протекаетъ Рѣчище, обведена землянымъ валомъ, идущимъ четыреугольникомъ, коего бока загнуты съ запада подъ прямымъ угломъ и примыкаютъ на югѣ къ Ревуну.

Рѣчка Ревунъ очень глубокая и быстрая, берега крутые и высокіе, отъ 9 до 12 саж. Одинъ 86-лѣтній Священникъ, умершій въ 1850 г. и бывшій въ Чернышевкѣ Священникомъ слишкомъ 40 лѣтъ, зналъ владѣльца, Графа Чернышева, и передавалъ сыну своему, Петру, нынѣ Священнику того же селенія, что еще въ его время ходили слободно суда.

Съ запада на востокъ протянутъ валъ въ прямомъ направленіи, и здѣсь сохою пахаря (весною 1852 г.) найдено нѣсколько картечъ, и потомъ серебряныя деньги. Изъ картечъ достались мнѣ четыре, при моемъ осмотрѣ Городища, 23 Октября, 1853 г. Картечи круглыя, изъ коихъ три чугунныя, а четвертая желѣзная. Чугунная вѣсомъ 1½ фун., а желѣзная около фунта. Мнѣ разсказывали по преданію, что въ день Христова Воскресенія Запорожскіе Козаки христосовались картечами, на коихъ была надпись: «Христосъ воскресе.» Зарядивъ пушки картечами этого рода, стрѣляли ими по направленію къ противоположной сторонѣ укрѣпленія, у коего стояли курени (землянки), и Старшина Козацкая, на поздравленія отвѣчала залпомъ изъ своихъ мушкетовъ и гарматъ (орудій).

Найденныхъ тамъ монетъ не удалось мнѣ видѣть, но говорили, что онѣ были временъ Польскаго Короля, Сигизмунда III.

Въ шести верстахъ отъ Городища лежитъ пристань, называвшаяся въ старину Голая. Нынѣ она извѣстна подъ именемъ Грушевки и принадлежитъ Г. Ситенку. Названіе же Грушевка произошло отъ рѣки Грушевки, обтекающей эту мѣстность. [9]

Сообразивъ мѣстность острова, именуемаго теперь Городищемъ, съ его могильными остатками и слѣдами укрѣпленій, я убѣждаюсь, что это — древняя Сѣчь, Томаковка, что подтверждается сказаніемъ Князя Мышецкаго, бывшаго въ Запорожской Сѣчи по дѣламъ службы съ 1734 по 1740 г. и такъ же именующаго Томаковку Запорожской Сѣчью. Онъ говоритъ: «Рѣка Томаковка разстояніемъ отъ Грушевки 10 вер. На оной Томаковкѣ въ древніе годы имѣлась Запорожская Сѣчь, гдѣ и нынѣ тута знатное городище.» [10]

---

9 Г. Скальковскій, въ «Исторіи Новой Сѣчи,» ч. 3, стр. 44, изд. 1846 г., отнесъ эту Грушевку къ селенію, находящемуся гдѣ-то въ Херсонскомъ Уѣздѣ. Объ Грушевкѣ же, расположенной за р. Бузулукомъ и составляющей нынѣ собственность Барона Штиглица, сказано имъ вѣрно, что она находится въ Екатеринославскомъ Уѣздѣ, на границѣ этого Уѣзда и Херсонскаго.

10 Князь Мышецкій въ сочиненіи своемъ: «Исторія о Козакахъ Запорожскихъ,» стр. 69 (изд. Одес. 1852 г.). Тамъ же, на стран. 9, гдѣ было сказано Кн. Мышецкимъ, что въ Томаковкѣ была Запорожская Сѣчь, кто-то прибавилъ отъ себя къ его словамъ, въ примѣчаніи: «большое село Томаково Екатеринославской Губерніи и Уѣзда.» Правда, что Томаковка Екатеринославской Губ. и Уѣзда, но это не та, которая при рѣкѣ Томаковкѣ, т. е., древняя, а совсѣмъ другая, вновь и недавно выстроенная. Древняя Томаковка есть и понынѣ островъ, а новая не есть островъ, но селеніе большое, расположенное на сушѣ, и обѣ Томаковки отстоятъ другъ отъ друга, сколько могу припомнить, на 17 верстъ.

Г. Скальковскій, въ своей «Исторіи Запорожской Сѣчи,» ч. 1, стр. 56, принялъ все Красногригорьевское селеніе за древнюю Томаковку, но это ошибка; ибо собственно Сѣчь Запорожская стояла на островѣ или нынѣшнемъ Городищѣ.

Въ статьѣ моей: «Насыпи могильныя въ Южной Россіи,» и т. д., напечатанной въ Журн. Министер. Народ. Просвѣщ., въ книж. Іюльской 1853 г., стр. 18, было сказано о Никополѣ, что онъ назывался Микитинымъ и былъ Сѣчью. Кн. Мышецкій, въ «Исторіи о Козакахъ Запорожскихъ,» называетъ такъ же его Сѣчью.

Древняя Томаковка принадлежала къ числу Запорожскихъ паланокъ и, по своему положенію, составляла естественное укрѣпленіе. Она отстоитъ отъ Старой и Новой Сѣчи, если принять направленіе чрезъ Никополь, почти въ равномъ разстояніи, а именно: отъ первой въ 40, а отъ второй въ 43 верстахъ.

Нынѣ возродилось сомнѣніе: дѣйствительно ли Старая Сѣчь (нынѣ деревня Капыловка) основана во времена Польскаго Короля

Въ статьѣ той же о могильныхъ насыпяхъ, стр. 19, примѣч. 20, говорится, что «Томаковка нынѣ селеніе Государственныхъ Имуществъ, а Хортицы — поселеніе «Менонитовъ, оба Екатеринославскаго Уѣзда и были Запорожскими Сѣчами.» Объ этомъ уже замѣчено, что это не древняя Томаковка; что же касается до острова Хортицъ, то онъ дѣйствительно былъ Запорожской Сѣчью, и его избралъ своимъ мѣстопребываніемъ первый Кошевой Запорожскій, Евстаѳій Дашкевичъ, какъ должно полагать, между 1511 и 1516 г.

Превосходный переводчикъ Иродотовой или Геродотовой Исторіи, Ив. Мартыновъ, принимаетъ рѣку Токмакъ за Томаковку (см. примѣч. къ гл. LVI), по одному лишь созвучію. Онъ принимаетъ еще Токмакъ за Герросъ, и думаетъ, что онъ впадаетъ въ Молочныя Воды. Напротивъ, Токмакъ, выходя изъ степи, пробѣгаетъ 70 вер. и, не достигая Азовскаго моря, скрывается въ его пескахъ, между тѣмъ какъ Томаковка дѣйствительно впадаетъ въ Днѣпръ. См. Кн. Мышецкаго «Исторію о Запорожскихъ Козакахъ,» стр. 69, и карту земель или вольностей Войска Запорожскаго Низоваго, 1770 года, приложенную къ «Исторіи Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго, соч. Г. Скальковскаго,» изд. Одес. 1846 г. Г. Мартыновъ хотѣлъ Герросъ Геродотовскій обратить въ Токмакъ, но и это ошибочно. Герросъ есть нынѣшній Бузулукъ или Базавлукъ, который отстоитъ отъ селенія Томаковки или Новой Томаковки почти на 30 верстъ, и вся Томаковская мѣстность, по протяженію ея на Никополь и Екатеринославъ, усѣяна могилами и составляетъ Герроскую принадлежность. Герросъ есть Греческое названіе и означаетъ священную рѣку, каковою она и была у Скиѳовъ. Новороссійскій край, бывъ въ обладаніи многоразличныхъ народовъ и племенъ, какъ до Рождества Христова, такъ и послѣ, перешелъ потомъ къ Татарамъ, которые переименовали Герросъ въ Базавлукъ или Бузулукъ. Отъ чего такое дано названіе? На это трудно отвѣчать, и только можно прибѣгнуть къ филологическому истолкованію, которое, однако, не можетъ быть доказательнымъ. У Татаръ вьюкъ съ пшеномъ называется базавлукъ, а кожанные мѣшки или бузлуки, замѣняющіе ведра и боченки, доселѣ въ употребленіи у Татаръ, Киргизъ-Кайсаковъ и Калмыковъ, у Горскихъ же обитателей служатъ они для храненія вина. Буза у Татаръ составляетъ еще напитокъ, въ родѣ браги, а боза значитъ по Татарски ледъ. По созвучію базавлука съ бузлукомъ, можно производить значеніе рѣки отъ имени перваго по тому подобію, что она на своемъ бѣгѣ прячется въ мѣшкообразно продолговатой котловинѣ.

Стефана Баторія? Пока разрѣшится это недоумѣніе, Томаковка можетъ напомнить о древнемъ своемъ заселеніи.

Изъ событій Малороссійскихъ и частію Русскихъ, извѣстно, что Князь Дмитрій Вишневецкій, избранный въ Гетманы Малороссійскихъ Козаковъ, въ 1514 г., заботился о благосостояніи разоренныхъ городовъ, правосудіи городскихъ и земскихъ урядниковъ, земледѣльчествѣ и торговлѣ, за что былъ проименованъ «отцемъ народа;» что при подданствѣ его Царю Іоанну Грозному, въ 1556 г., укрѣпилъ въ одно время острова: Хортицу и Томаковку; значитъ, что тамъ и здѣсь были его Сѣчи (укрѣпленія); значитъ, что до него была Сѣчь на Томаковкѣ, которую только укрѣпилъ онъ. Но когда возродилась Томаковская Сѣчь, мы не имѣемъ достовѣрныхъ указаній.

Король Стефанъ Баторій, дозволивъ Козакамъ селиться по Днѣпру и за порогами, не препятствовалъ имъ въ выборѣ мѣста для своей Сѣчи. Король Владиславъ IV, построивъ крѣпость Новый Кайдакъ на Днѣпрѣ (въ 1637 г.), удерживалъ Запорожцевъ отъ набѣговъ на свои владѣнія, а между тѣмъ Козаки давно утвердили Томаковку, отстоявшую отъ Новаго Кайдака въ 40 верстахъ.

Писавшіе о Старой и Новой Сѣчахъ упустили изъ виду древнюю Томаковку, и самъ Г. Скальковскій прошелъ мимо ея.

ж) Новая и Старая Сѣчи.

Обозрѣвъ Томаковскую мѣстность, я отправился, чрезъ Никополь, въ Новую и Старую Сѣчь, [10] о заселеніи коихъ живетъ одно воспоминаніе, но слѣдовъ ни какихъ ни отъ построекъ, ни отъ знаменитой Покровской церкви, бывшей въ Новой Сѣчи. Только съ грустью осматривалъ я, въ Новой Сѣчи, кладбище Запорожское, на коемъ койгдѣ торчатъ каменные кресты Козацкіе и уцѣлѣла

---

[10] Первая нынѣ селеніе Покровское, а вторая деревня Капылева (или какъ называютъ еще: Копыловка, Капыловка и Капуловка), и оба принадлежатъ Барону Штиглицу.

лишь одна могила Кошеваго, Стефана Гладкого. Во вновь выстроенной Покровской церкви, но не на прежнемъ мѣстѣ, я нашелъ на хорахъ ея: рѣзной крытый золотомъ иконостасъ, паникадило, лампады, хоругви, нѣсколько старыхъ образовъ, уже поврежденныхъ временемъ, и запрестольный образъ Покровъ Божіей Матери, которая была постоянно покровительницею Козаковъ Запорожскихъ. Этотъ образъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, какъ говорятъ, приношеніе Кошеваго Петра Ивановича Кальнишевскаго, на коемъ онъ и Козаки коронованы въ своихъ народныхъ одеждахъ и съ препоясанными саблями, стоя на колѣнахъ съ благоговѣніемъ предъ ликомъ Божей Матери. [11] Сохранилась еще любопытная рукопись, Ирмолой, заключающая въ себѣ гимны съ нотами.

Мѣста жительства Козаковъ свидѣтельствуются остатками землянныхъ окоповъ, но не видно ни какихъ признаковъ отъ куреней, въ коихъ пребывали Кошевой, Атаманы Куренные и Козачество. [12]

Изъ Новой Сѣчи поѣхалъ я въ Старую, гдѣ еще менѣе нашелъ, что бы возвѣщало о славѣ Запорожской. Если бы не могилы знаменитаго воина нашего, Ивана Дмитріевича Сѣрка, которая заброшена и лежитъ въ захолустьи, Атамана Товстонога, Козака Тарана, и полуразвалившіяся каменныя гробницы, то нельзя было бы признать этого мѣста за Старую Сѣчь: до того она сравнялась съ землею.

Жаль, что богатый исторической мѣстности владѣлецъ не обращаетъ вниманія на сохраненіе Запорожской старины, особенно

---

[11] Послѣдній Кошевой П. И. Кальнишевскій, по уничтоженіи Новой Сѣчи (въ 1775 г., Августа 5), былъ сосланъ, но куда, никто не знаетъ. На вопросъ мой одной старушкѣ, слыхавшей о Кошевомъ отъ своей матери, отвѣчала она незнаніемъ, и только говорила, что про него сочинилъ народъ пѣсню:

«Ой полети, да полети, чорная галко, да на Донъ рыбу ѣсти!
Ой принеси, да принеси, чорная галко, одъ Кошового вѣсти!»

Значитъ, онъ былъ сосланъ на Донъ и, быть можетъ, тамъ померъ.

[12] Г. Скальковскій, въ «Исторіи Запорожской Сѣчи,» не только исчисляетъ, но и указываетъ даже мѣста куреней и ихъ расположеніе!

на могилу доблестнаго Сѣрка. Защитникъ родины и славы народной, почти забытъ! Скромная земляная насыпь и на ней каменный крестъ съ надписью, вотъ и все, что возвѣщаетъ объ имени его. Невольно пробуждается въ душѣ негодованіе, когда видишь, что прахъ Сѣрка попирается не только четвероногими животными, но и людьми, обязанными чтить память такого героя, который принадлежитъ къ чрезвычайнымъ явленіямъ. Близко время, когда самая могила совершенно изгладится. [13]

Желая осмотрѣть Скарбный Островъ, на коемъ Козаки хранили свою казну, я переправился черезъ рѣку на выдолбленной лодкѣ и, къ удивленію моему, увидѣлъ занесенный пескомъ островъ, безплодный и мрачный: все вѣяло запустѣніемъ и печальнымъ воспоминаніемъ о прошедшемъ. На этѣхъ мѣстахъ равно не было признака, говорившаго бы о народѣ, когда-то кипѣвшемъ отвагою и отличавшемся удальствомъ, предъ которымъ трепетали Польша, Крымъ и Царьградъ.

Около Копыловки не видно могилъ, называемыхъ Скиѳскими, а, проѣхавъ отъ нея почти четыре версты, показываются громадныя насыпи, которыя идутъ черезъ Никополь къ Екатеринославу; по тому не стану повторять о томъ, что было писано въ свое время, [14] а скажу, что, направивъ свою дорогу черезъ тѣ курганы, я поѣхалъ въ г. Екатеринославъ, а изъ него въ Новомосковскъ.

2. Въ Новомосковскомъ Уѣздѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ Новомосковска стоитъ Самарскій монастырь: это была лавра Запорожскихъ Козаковъ. Вокругъ монастыря не видно ни укрѣпленій, ни обыкновенныхъ окоповъ.

---

[13] Въ статьѣ: «Насыпи могильныя въ Южной Россіи» и т. д., стр. 17, сказано мною, въ примѣчаніи: «Изъ Кошевыхъ почіетъ здѣсь прахъ (въ Новой Сѣчи, нынѣ Покровскомъ селеніи) Атамана войска Запорожскаго, Ивана Сѣрка,» умершаго въ 1680 г., но это ошибочно: онъ погребенъ въ Старой Сѣчи, нынѣ деревня Копыловка или Капуловка.

[14] Въ статьѣ. «Насыпи могильныя въ Южной Россіи» и т. д., напечат. въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1853 г., въ Іюльской книжкѣ.

Самый лѣсъ, столь славный въ бывшемъ Запорожьи, теперь бѣдный и жалкій остатокъ нѣкогда дремучаго бора. Протекающая не далеко отъ монастыря рѣка Самара, величавшаяся быстротою, глубиною и изобиліемъ рыбы, пересыхаетъ лѣтомъ, а рыбы почти нѣтъ.

а) Орловскія, Знаменскія и Каменскія могилы и бабы.

Въ семи верстахъ отъ Новомосковска, за селеніемъ Орловскимъ или Орловщиною, разбросаны незначительные курганы, и такіе появляются въ четырехъ верстахъ предъ селеніемъ Знаменкою и отчасти предъ селеніемъ Каменкою. Самые высокіе 1½, а въ окружности около 20 саж. Изъ Знаменки, по направленію на селеніе Елисаветовку или Татаровку, у коей протекаетъ р. Татарка, не встрѣчаешь могилъ на пространствѣ 15 вер., и не доѣзжая 10 вер. до Елисаветовки рѣдѣютъ въ полѣ курганы. На одномъ изъ нихъ устроено Русское кладбище.

Въ селеніяхъ Государственныхъ Крестьянъ: Орловщинѣ, Знаменкѣ и Каменкѣ, стоятъ во дворахъ шестьнадцать каменныхъ бабъ, большею частію обезображенныя и съ отбитыми руками. Онѣ свезены съ могилъ, около 60 лѣтъ тому назадъ.

б) Елисаветовскія могилы и бабы въ Хорошевѣ.

За Елисаветовкой раскинуты курганы, и отсюда, проѣзжая имѣніе Барона Франка, называемое Хорошево, попадается на одной могилѣ каменная баба. Въ самомъ саду Барона поставлены четыре каменныя бабы, которыя были имъ сняты съ окрестныхъ могилъ. Статуи изображаютъ женщинъ; онѣ разставлены въ саду около дорожекъ, между кустами деревьевъ, и всѣ обезображены. На головѣ двухъ истукановъ высѣчены шапки, въ родѣ колпаковъ, изъ коихъ одинъ съ прорѣзомъ на лбу; на головѣ двухъ другихъ широкія шапки, на подобіе Киргизскихъ, или Финскихъ, малахаевъ, и съ широкими близъ ушей отворотами. Груди отвислыя и подъ животомъ въ рукахъ сосуды. На шеѣ одной статуи монисто, коей высота 1 арш. 14 вер., трехъ остальныхъ высота 1 арш. ¾ вершка. Руки всѣхъ сдѣланы довольно правильно, особенно пальцы; лица круглыя и не столь уродливыя, какъ у другихъ, видѣнныхъ

мною: очертаніе лицъ болѣе Европейское, съ нѣкоторой смѣсью Азіятскаго. Одна статуя вырублена изъ красноватаго гранита, а три изъ сѣроватаго мрамора.

Проѣхавъ четыре версты за Хорошево, по степной дорогѣ на Павлоградъ, виднѣются издали въ полѣ какъ бы значительныя насыпи, но по приближеніи къ нимъ мельчаютъ и исчезаютъ.

в) Орлянскія насыпи.

Въ 15 верстахъ отъ хутора Орлянскаго, снова появляются въ полѣ могилы, которыя отчасти запаханы, а отчасти сравнены пахаремъ съ землею.

3. Въ Павлоградскомъ Уѣздѣ.

а) Могилы отъ рѣчки Волчьей до селенія Богуслава.

Въ 4, или 5, верстахъ предъ г. Павлоградомъ, появляются курганы по теченію р. Волчьей и за нею въ степи. Въ этой окрестности стояла недавно каменная баба, и одно изъ здѣшнихъ мѣстъ доселѣ слыветъ въ народѣ: «На бабахъ.»

Въ 6 вер. отъ города, по направленію почтовой дороги, появляются могилы разной величины и высоты, и такимъ образомъ тянутся до селенія Богуславъ, на протяженіи 14 верстъ. Говорятъ, что на всѣхъ этѣхъ могилахъ стояли каменныя бабы, которыя давно сняты; теперь иныя уничтожены, а другія торчатъ на крестьянскихъ дворахъ.

б) Могилы и бабы Богуславскія, Богдановскія и Терновскія, и остатки отъ укрѣпленій.

Не доѣзжая 4 верстъ до Богуслава и двухъ, смежныхъ съ нимъ селеній, Богдановки и Терновки, находятся большія могилы, изъ коихъ около Богдановки доселѣ стоитъ на могилѣ статуя, изображающая женщину. Въ Терновкѣ, стоящей при рѣчкѣ Терновкѣ, находилось ихъ много, но онѣ всѣ сняты.

Въ книгѣ «Большой Чертежъ,» составленной слишкомъ за 250 лѣтъ до нашего времени, упоминается о мужескихъ и женскихъ истуканахъ, бывшихъ на рѣчкѣ Терновкѣ.

Предъ селеніемъ Богуславомъ, расположеннымъ по р. Самарѣ, есть одна очень высокая могила, которую я называю Богуславскою; на ней, какъ мнѣ разсказывали, стояла каменная баба. Курганъ Богуславскій имѣетъ окружность 124, высоту черезъ верхъ 20, а въ отвѣсѣ 7 саженъ. Вершина его нѣсколько прокопана и имѣетъ поперечникъ 6 саж. Въ основаніи не видно камней, но кажется, что такая громадная насыпь не могла быть возведена безъ камней. Говорили мнѣ, что искатели кладовъ раскапывали верхъ, и внутри его нашли части панцыря, конскую сбрую и каменный столбъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Богуслава виднѣются остатки отъ земляныхъ со рвами валовъ, имѣющихъ четыреугольную фигуру; около нихъ разбросаны насыпи.

в) Могилы и бабы Васюковскія и остатки укрѣпленій.

По дорогѣ на селеніе Васюковку или Васильевку, мелькаютъ на 30 верстномъ пространствѣ курганы разной величины. Въ 1½ верстѣ передъ Васюковкой расположены два четыреугольныхъ укрѣпленія, съ большими рвами и окопами; по срединѣ нѣсколько ямъ и небольшихъ могилъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ, кажется, не болѣе 20, двѣ большія, окруженныя валомъ, могилы, коихъ высота до 5 саж.; за ними, далѣе въ степь, два небольшихъ кургана, подъ названіемъ бабиныхъ, на коихъ стояли каменныя бабы. Во дворахъ крестьянъ Васюковскихъ было ихъ очень много, которыя теперь то разбиты, то изуродованы. Предъ воротами дома Священника я видѣлъ одну, изображающую женщину, которая вышиной 2½ аршина. Лице ея обезображено, но остальныя части хорошо сохранились. На головѣ остроконечная съ отворотами около ушей шапка, на шеѣ монисто; груди и животъ отвислые; надъ животомъ она держитъ въ рукахъ, крестообразно сложенныхъ, сосудъ, пальцы и локти высѣчены очень правильно; нижняя часть тѣла прикрыта передникомъ, ноги обнаженныя. Кто-то вздумалъ окрасить всю фигуру: шапку покрылъ темнокирпичнымъ и желтоватымъ цвѣтами, монисто красною, синею и блѣдно-желтою красками, тѣло красноватымъ цвѣтомъ, носъ, глаза и губы угольно-масляной краскою; на ногахъ выведены черные башмаки.

г) Могилы и бабы Петропавловскія.

Изъ селенія Васюковки, по дорогѣ въ мѣстечко Петропавловку, разметаны по степи курганы, а въ самомъ мѣстечкѣ, близъ Сельской Расправы, вкопано въ землю шесть каменныхъ бабъ, которыя стоятъ здѣсь 14 лѣтъ. Около 60 лѣтъ тому назадъ, онѣ были стащены съ окрестныхъ могилъ и находились первоначально у крестьянскихъ избъ.

Шесть каменныхъ бабъ изображаютъ: двѣ мущинъ, а четыре женщинъ. Мужскія головы покрыты остроконечными шапками, въ родѣ колпаковъ, а женскія повиты повязками, съ опущенными концами. Поверхъ повязокъ колпаки, какъ бы окаймленные опушкою. На шеяхъ истукановъ монисто, а на рукахъ одной браслеты. По спинѣ вьются косы: у мущинъ по три, перевязанныя узломъ на концѣ, у женщинъ по двѣ, распущенныя впереди. Женскія груди отвислыя, а передняя часть тѣла, пониже грудей, покрыта одеждою, которая испещрена разводами. На платьѣ одной выведены кружечки и украшенія, въ родѣ побрякушекъ. Въ рукахъ держатъ надъ животомъ сосуды. У одной женской статуи вдѣты въ уши серьги. Лица истукановъ отъ времени истерлись, но замѣтно очертаніе рта, губъ и носа. У одной женской фигуры хорошо вырѣзаны глаза, а у мужской усы. Послѣдняя вѣситъ 96 пудовъ и вышиною нѣсколько болѣе сажени; прочія вышиною около 2 аршинъ.

За Петропавловскою возвышается могила, подъ названіемъ расколонная, которая довольно разрыта. Кромѣ этого кургана находятся въ степи другіе разной величины.

д) Могилы и бабы въ Дмитріевкѣ, Николаевкѣ, Славянкѣ, Новопавловкѣ и Подгородномъ.

Въ отдаленности отъ селенія Дмитріевки находится курганъ, называемый гострымъ (острымъ), коего вышина до 6 саж. По дорогѣ, идущей на хутора Копани, Александровскаго Уѣзда, есть курганъ, бабы, вышиною 7½ саж. За 30 лѣтъ предъ симъ сто-

яла на немъ баба, которая, по словамъ видѣвшихъ ее, была обращена лицомъ на востокъ.

Внутри селенія Николаевки стоитъ одинъ курганъ, а другой, въ 4 верстахъ отъ него, уже разрытъ; въ окрестностяхъ того селенія разбросано до 20 кургановъ, еще не тронутыхъ раскопкою.

Въ селеніи Славянкѣ стоятъ, подлѣ Сельской Расправы, шесть каменныхъ бабъ. Изображенія ихъ женскія, головы покрыты высокими шапками, въ родѣ колпаковъ, на спинахъ по три плетеныя косы.

Въ селеніи Новопавловкѣ, отдѣляемомъ отъ селенія Подгороднаго рѣчкою Соленою, находятся у Сельской Расправы десять бабъ, довольно обезображенныхъ, и почти всѣ съ отбитыми головами. Изъ десяти только одна представляетъ мущину: лицо его круглое, голова покрыта остроконечною шапкою, на спинѣ его нѣсколько косъ; грудь полуобнаженная и прикрыта плащемъ; въ рукахъ надъ животомъ сосудъ; ноги не обдѣланы и остались въ камнѣ. Вышина мужскаго истукана $2\frac{1}{2}$ арш. Изъ 9 женскихъ фигуръ одна сохранила прежнее свое очертаніе: она вышиною $3\frac{1}{2}$ арш., имѣетъ на головѣ шапку остроконечную, въ родѣ тіары, или Папской короны. Всѣ этѣ бабы перевезены изъ окрестныхъ помѣщичьихъ имѣній Гг. Бодянскаго и Лонгинова. Онѣ стояли первоначально на могилахъ, потомъ на крестьянскихъ дворахъ, съ которыхъ свезли къ Расправѣ. Когда же я спрашивалъ у крестьянъ о времени ихъ снятія съ могилъ, то отвѣчали: «Еще при нашихъ дѣдахъ, около ста лѣтъ тому назадъ.»

Въ Подгородномъ шесть каменныхъ бабъ, которыя стоятъ у сарая одного мужика, и всѣ обезображенныя. Двѣ изъ нихъ представляютъ мущинъ, а остальныя женщинъ. На мужскихъ головахъ колпаки, а на женскихъ повязки; у первыхъ висятъ на спинѣ плетеныя косы, а у вторыхъ онѣ на груди. Этѣ истуканы стояли на могилахъ и стащены болѣе 50 лѣтъ тому назадъ. [15]

---

[15] Селенія Новопавловка и Подгородная, довольно обширныя: въ первомъ 1200 д., а во второмъ 1300 д. муж. п. Послѣднее было городомъ и заключаю въ себѣ

Бабы каменныя, видѣнныя мною въ Хорошевомъ, Васюковкѣ, Петропавловкѣ, Славянкѣ, Новопавловкѣ и Подгородномъ, представлены стоячими во весь ростъ, имѣютъ очертанія лицъ круглыя, болѣе Европейскія, нежели Азіятскія. [16] Замѣчательно, что повязки головныя сходствуютъ во многомъ съ остроконечными и высокими Киргизъ-Кайсацкими шапками, носимыми женщинами. Истуканы, разсмотрѣнные мною прежде въ Екатеринославскомъ и смежныхъ съ нимъ Уѣздахъ Таврической и Херсонской Губерній, имѣютъ одутловатыя лица, совершенно подобныя тѣмъ изображеніямъ, какія сложены при зданіи Одесскаго Музея.

4. Въ Бахмутскомъ Уѣздѣ.

а) Каменныя бабы за Бахмутомъ, въ Зайцевомъ и въ хуторахъ Зайцевскихъ и Коденскихъ.

Въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ Уѣздахъ находились прежде каменныя бабы въ большомъ числѣ.

На 9 верстъ отъ Бахмута, [17] стоятъ, при большой дорогѣ, шесть бабъ, представляющихъ женщинъ съ опущеными руками, но въ ихъ рукахъ нѣтъ ни какихъ вещей. Наружность Татарская; вышина двухъ истукановъ 2 арш. 10 верш., а четырехъ 2 арш. 4 верш. Двѣ изъ нихъ обращены лицомъ на западъ, три на сѣверъ, а одна на югъ; высѣчены изъ дикаго песчанника.

Въ селеніяхъ Государственныхъ Крестьянъ:

Въ Зайцевомъ или Никитовкѣ [18] находятся, во дворахъ крестьянскихъ, 11: изъ нихъ двѣ мужскія, а девять женскія; въ рукахъ держатъ подъ животомъ сосуды. Наружность статуй Калмыцкая

нынѣшній Павлоградскій Уѣздъ, но, по открытіи Павлограда, Подгородный обращенъ въ селеніе.

[16] Всѣ описанныя до сихъ поръ бабы изображены стоячими.

[17] Городъ основанъ въ 1702 г. и названіе произошло отъ владѣтельнаго Князя Татарскаго.

[18] Зайцево или Никитовка основано въ 1770 г. и названо по имени перваго поселенца, Трофима Зайцева, Никитовка отъ саловара Никитченка.

и вышина ихъ различная. Мужскіе вышиною: одна 2 арш. 7 вер., и на головѣ шапка, другая 2 арш. 9 верш., на головѣ такая же шапка, а позади коса. Женскія двѣ вышиною 2 арш. 8 вер. На головѣ одной накладка, въ родѣ чепца, а другая одѣта въ коротенькое платье, на подобіе рубашки; третья вышиною 2 арш. 9 верш., съ отбитыми ногами; на шеѣ ея ожерелье. Три слѣдующія обнаженныя и разной вышины: первая 3 арш. $4^1/_2$ верш., съ остроконечной на головѣ шапкою; вторая 2 арш. 7 вер,, съ накладкой на головѣ; третья 2 арш. 10 вер., съ накладкой на головѣ и ожерельемъ на шеѣ. Всѣ, т. е., мужскія и женскія, высѣчены изъ песчанника.

Въ хуторахъ Зайцевыхъ стоятъ, во дворахъ крестьянскихъ, двѣ бабы, изъ коихъ одна перевезена крестьяниномъ Кириченкомъ, въ 1803 г., изъ имѣнія помѣщика Губерта; онѣ представляютъ мущину и женщину, держатъ подъ животомъ сосудъ и имѣютъ наружность Татарскую. Представляющая женщину и имѣющая вышину 3 арш. 2 вер., сидитъ обнаженною, какъ бы въ креслахъ, а мущина изображенъ стоячимъ и вышиною 2 арш. 3 вер. Истуканы высѣчены изъ песчанника.

Въ хуторахъ Кодемскихъ [19] стоятъ во дворѣ крестьянина двѣ бабы, которыя были перевезены въ 1800 г. крестьяниномъ Литовченкомъ съ могилы при Кодемскомъ хуторѣ, называемой «Три бабы;» ибо на ней было три истукана. Онѣ изображаютъ мущину и женщину, держатъ подъ животомъ сосуды, имѣютъ наружность Татарскую и сидятъ обнаженныя на высѣченныхъ стульяхъ. Вышина мущины 3 арш. 4 верш., а женщины 2 арш. 3 вер.; сдѣланы изъ песчанника.

б) Бабы въ Луганскомъ, Государевомъ Байракѣ, Троицкомъ и Ясиноватомъ.

Въ селеніи Луганскомъ, иначе 15 рота, стоятъ около общественнаго магазина двѣ бабы, и по большой дорогѣ три, идущей отъ Луганскаго завода къ селенію Чернухино. Одинъ истуканъ

---

[19] Хуторъ основанъ въ 1778 г. и названъ отъ рѣчки Кодемки.

изображаетъ мущину, а остальныя женщинъ; всѣ онѣ держатъ въ рукахъ, подъ животомъ, сосуды. Лица статуй Кавказскаго племени, т. е., правильныя, Европейскія; вышина фигуръ отъ 1 арш. 15 вер. до 2 арш. 10 вер.; высѣчены изъ дикаго сѣраго камня.[20]

Въ селеніи Государевомъ Байракѣ,[21] стоитъ, во дворѣ крестьянскомъ, одна баба, которая изображаетъ женщину; она держитъ въ рукахъ, подъ животомъ, сосудъ; обликъ лица Европейскій; вышиною фигура 3 арш. 5 вер.; высѣчена изъ дикаго сѣраго камня.

Въ селеніи Троицкомъ, иначе 14 рота, стоитъ одна баба на улицѣ, которая изображаетъ мущину, держитъ въ рукахъ подъ животомъ сосудъ; обликъ Кавказскаго племени; вышина фигуры 3 арш.; высѣчена изъ дикаго сѣраго камня.[22]

Въ селеніи Ясиноватомъ[23] стоятъ, на крестьянскихъ дворахъ, шесть бабъ, изъ нихъ 2 мужскія, а 4 женскія изображенія; держатъ въ рукахъ подъ животомъ сосуды; имѣютъ обликъ лица Калмыцкій. Вышина мужской фигуры 3 арш. 2 вер., женской отъ 2 арш. 4 вер. до 3 арш. 2 вер. Головы мужскія и женскія покрыты шапками, въ родѣ малахаевъ. Шеи женскія обвиты ожерельями. Всѣ истуканы высѣчены изъ песчанника.

---

[20] Недалеко отъ села Луганскаго есть селеніе Серебрянка или Сребрянка, основанная въ 1759 г. Это названіе она получила, по словамъ старожиловъ, отъ бывшей тамъ разработки серебряныхъ рудъ. Селеніе Луганское основано въ 1771 г. и названо отъ рѣчки Лугани, а 15 ротою отъ поселенія 15 роты Гусарскаго Бахмутскаго полка.

[21] Государевымъ названо отъ пребыванія Государя Петра В., стоявшаго здѣсь своимъ станомъ, когда онъ возвращался изъ подъ Азова; байракомъ же отъ заселенія при байракѣ (оврагѣ). Селеніе основано въ 1766 г.

[22] Селеніе Троицкое основано въ 1770 г. и названіе получило отъ церкви Св. Троицы, построенной въ 1778 г.; прежде же именовалось 14 ротою, отъ заселенія Гусарскаго Бахмутскаго полка, какъ смежное съ нимъ селеніе Калиновское, именовавшееся прежде 13 ротою того же имени полка.

[23] Основано въ 1775 г., а наименовано отъ вблизи растущаго ясенаго лѣса, принадлежащаго нынѣ Донскому Войску.

в) Каменныя бабы въ Землянкахъ, Скотоватомъ, Новобахмутовкѣ, Желѣзномъ, Корсунѣ, Солодовкѣ, Новоэкономическомъ, Авдѣевкѣ, Михайловкѣ, Гришиномъ и Сергѣевкѣ.

Въ селеніи Землянкахъ [24] стоятъ, на крестьянскихъ дворахъ, десять бабъ, изъ нихъ 4 мужскія, а 6 женскія; держатъ въ рукахъ подъ животомъ сосуды. Статуи имѣютъ обликъ Калмыцкій. Мужскія фигуры вышиною отъ 2 арш. 4 вер. до 3 арш. 1 вер.; женскія отъ 2 арш. 13 вер. до 3 арш. 14 вер. Головы всѣхъ прикрыты шапками, приплюснутыми въ родѣ малахаевъ; на шеѣ одной женской статуи ожерелье, другая же фигура женская имѣетъ черезъ оба плеча ленты, въ родѣ помочей. Всѣ истуканы изсѣчены изъ песчанника.

Въ селеніи Скотоватомъ [25] стоятъ, на дворахъ крестьянскихъ, тридцать бабъ, въ числѣ коихъ одна была снята крестьяниномъ, Ермолаемъ Бычковымъ, въ 1828 году, съ небольшой могилы близъ вершины балки Калиновой

Изъ 13 бабъ: 3 изображаютъ мущинъ, 7 женщинъ, а 3 до того обезображены, что не возможно опредѣлить очертанія ихъ лицъ. Вышина мужскихъ болвановъ отъ 2 арш. и 4 вер. до 2 арш. 10 вер., а женскихъ отъ 1 арш. 12 вер. до 3 арш. 3½ вер.; въ рукахъ держатъ подъ животомъ сосуды; имѣютъ обликъ лица Калмыцкій. У одной мужской статуи сзади головы коса; на двухъ женскихъ головахъ шапочки, въ родѣ накладки; на третьей повязка. Одна женская фигура одѣта въ длинную кофту, а шея унизана ожерельемъ. Всѣ истуканы высѣчены изъ песчанника.

Въ селеніи Новобахмутовкѣ [26] стоятъ на дворахъ 4 бабы, изъ нихъ 2 мужскія и 2 женскія; первыя вышиною отъ 2 арш. 7 вер. до 2 арш. 9 вер., а вторыя отъ 2 арш. 8½ вер. до 3 арш. 9

---

[24] Селеніе основано въ 1770 г. и названо Землянки отъ жительства Козаковъ Запорожскихъ въ землянкахъ.

[25] Названо отъ рѣчки Скотоватой, протекающей въ концѣ селенія; основано въ 1787 г.

[26] Основано въ 1800 г. и названо отъ пустоши Новобахмутовки.

вер.; держатъ въ рукахъ подъ животомъ сосуды; обликъ лицъ Калмыцкій. Мужскія головы покрыты шапочками, а по спинѣ раскинуты косы; женскія головы какъ бы въ чепцахъ. Всѣ истуканы изсѣчены изъ песчанника.

Въ селеніи Желѣзномъ[27] стоятъ на дворахъ 6 бабъ, изображающихъ женщинъ; онѣ держатъ въ рукахъ подъ животомъ сосуды; пять изъ нихъ имѣютъ обликъ Калмыцкій, а шестая Европейскій; фигуры вышиною отъ 2 арш. 2 вер. до 3 арш. 10 вер. На головѣ первой повязка, а на шеѣ ея ожерелье. Голова второй покрыта платкомъ, въ родѣ повязки, а грудь застлана покрываломъ; голова третьей покрыта остроконечной шапкою, въ родѣ колпака, а на груди передникъ; головы четвертой и пятой покрыты шапочками. Фигура, имѣющая Европейское очертаніе, украшена косами, развивающимися по спинѣ. Пять истукановъ изсѣчены изъ песчанника, а шестой изъ красноватаго камня.

Не доѣзжая селенія Корсунъ[28] за 6 верстъ, стоитъ въ степи 1 баба, а въ самомъ селеніи, на крестьянскихъ дворахъ, 6. Изъ числа ихъ 2 мужскія, а 4 женскія фигуры; онѣ держатъ въ рукахъ подъ животомъ сосуды, имѣютъ обликъ Калмыцкій. Статуи вышиною: мужскія отъ 2 арш. 3 вер. до 3 арш.; на головѣ ихъ остроконечныя шапки; женскія вышиною отъ 2 до 3 арш.; на головѣ одной круглая накладка. Истуканы изсѣчены изъ сѣраго песчанника.

Въ селеніи Салодавкѣ,[29] переиначенномъ въ Селидовку, стоятъ, на крестьянскихъ дворахъ, 6 мужскихъ статуй. Онѣ держатъ въ рукахъ надъ животомъ сосуды, имѣютъ обликъ болѣе Европейскій; фигуры вышиною отъ 2 арш. 2 вер. до 3 арш 3 вер.; одинъ истуканъ покрытъ одеждою, въ родѣ кафтана длиннаго, а на спинѣ вьется коса; два одѣты въ рубашку; голова третьяго покрыта

---

[27] Основано въ 1770 г. и названо по имени перваго поселенца, Козака Желѣзняка.

[28] Основано въ 1822 и названо отъ рѣчки.

[29] Основано въ 1786 г. и названо Салодавкою отъ того, что межевавшимъ земли давали жители за трудъ, вмѣсто денегъ, сало свиное, употребляемое нынѣ въ кушанья.

шапочкою а три обнаженныя. Всѣ высѣчены изъ мягкаго песчанника.

Въ селеніи Новоекономическомъ, иначе Караковомъ, [30] стоитъ, во дворѣ крестьянскомъ, одна баба, изображающая женщину; она вышиною 2 арш. 4 вер.; держитъ въ рукахъ подъ животомъ сосудъ; обликъ поврежденъ. Баба высѣчена изъ бѣлаго мягкаго песчанника.

Близъ селенія Авдѣевки [31] стоятъ 4 бабы на мѣстѣ между землею того селенія и помѣщика Кн. Ливена, поставленныя здѣсь бывшимъ владѣльцемъ, Шидловскимъ. Фигуры женскія держатъ въ рукахъ подъ животомъ сосуды; обликъ Татарскій; вышиною отъ 2 до $2^3/_4$ арш. Высѣчены изъ бѣлаго камня.

Въ селеніи Михайловкѣ [32] стоятъ, при дворахъ крестьянскихъ, 6 бабъ, изъ коихъ 3 мужскія и 3 женскія; держатъ въ рукахъ подъ животами сосуды. Мужскія имѣютъ обликъ Татарскій, а женскія Калмыцкій; первыя вышиною отъ 3 арш. до 3 арш. 2 вер., а вторыя отъ 3 арш. до 3 арш. въ $^1/_2$ вер.

Мужскіе истуканы убраны: одинъ имѣетъ на головѣ остроконечную шапку, съ висячими позади кистями; тѣло одѣто въ кафтанъ, подпоясанный поясомъ. Другой, сидящій на стулѣ, имѣетъ голову, покрытую круглою шапкою, въ родѣ колпака, изъ подъ коего висятъ по спинѣ косы, а на груди распущены до самаго пояса ленты, изъ коихъ сдѣлано на концѣ какое-то крестообразное украшеніе; шея повязана платкомъ, въ родѣ галстука, а станъ опоясанъ поясомъ. Третій тоже сидитъ на стулѣ, а по спинѣ у него висятъ косы.

Женскіе истуканы убраны: одного голова прикрыта остроконечной шапкой, шея унизана ожерельемъ, а на все тѣло накинуто

---

[30] Основано въ 1780 г. переселенными изъ Великороссійскихъ Губерній Економическими крестьянами, а Караковымъ названо отъ того, что, до переселенія сюда тѣхъ крестьянъ, жили здѣсь хуторами Греки, изъ селенія Каракубы, Маріупольскаго Уѣзда.

[31] Основано въ 1787 г., названо отъ перваго поселенца, Авдѣева, вышедшаго изъ Курской Губерніи.

[32] Основано въ 1805 г., названо же Михайловкою самими поселенцами.

какъ бы покрывало. Другаго голова покрыта такой же шапкой и на шеѣ ожерелье. Третьяго голова въ шапкѣ, изъ подъ коей висятъ по плечамъ косы и онъ одѣтъ въ длинное платье. Пять бабъ высѣчены изъ песчанника, а шестая изъ раковистаго камня.

Въ селеніи Гришиномъ [33] стоятъ, на крестьянскихъ дворахъ, 6 бабъ; изъ нихъ 4 мужскія, а двѣ женскія, съ отбитыми головами; въ рукахъ ихъ подъ животомъ сосуды. Первыя вышиною отъ 1 арш. 3 верш. до 2 арш. 8 верш.; у одной обликъ Татарскій, остальной обезображенъ, на головахъ круглыя шапки и одна статуя одѣта въ родѣ чапана. Вторыя вышиною отъ 2 аршинъ 6 вер. до 3 арш. 2 вер. Одна одѣта въ длинную кофту, съ выемкою на спинѣ. Всѣ высѣчены изъ песчанника.

Въ селеніи Сергѣевкѣ [34] стоятъ, на крестьянскихъ дворахъ, 18 бабъ, изъ коихъ 11 мужскихъ и 7 женскихъ изображеній. Держатъ въ рукахъ подъ животомъ сосуды; обликъ имѣютъ Татарскій. Мужскія вышиною отъ 2 арш. 4 вер. до 3 арш. 3½ вер., а женскія отъ 2 арш. 5 вер. до 3 арш. 12 вер. Головы мужскія въ круглыхъ шапкахъ, одѣты въ коротенькіе кафтаны, которые спускаются до колѣна; на спинѣ лежатъ косы, кои у двухъ статуй переплетены тесьмами, или ленточками. Головы женскія повязаны платками, въ видѣ накладокъ; шеи нѣкоторыхъ увѣшаны ожерельемъ и всѣ одѣты въ кофты и полукафтанчики. Истуканы высѣчены изъ песчанника.

5. Въ Славяносербскомъ Уѣздѣ.

а) Каменныя бабы въ Чернухинскомъ и Хващовкѣ.

Въ Славяносербскомъ Уѣздѣ видѣлъ я въ двухъ селеніяхъ Государственныхъ Крестьянъ, въ Чернухинскомъ и Хващовкѣ, только три бабы.

Въ Чернухинскомъ [35] на дворѣ 2 бабы, изъ коихъ одна мужское изображеніе, а другая женское; въ рукахъ ихъ подъ живо-

---

[32] Основано въ 1751 г. и названо отъ перваго поселенца, Запорожца Гриши.

[33] Основано въ 1791 г. и названо отъ имени Храма Св. Сергія.

[34] Основано въ 1780 г. и названо по имени рѣчки.

томъ сосуды. Мужской истуканъ съ отбитой головою, а женскій имѣетъ обликъ Монгольскій; каждый вышиною 3 арш.; высѣчены изъ свѣтлосѣраго камня. Болваны перевезены крестьянами, мужской Барановымъ въ 1827 г., а женской Жеварелевымъ въ 1836 г., съ небольшихъ двухъ могилъ, расположенныхъ около селенія.

При большой проѣзжей дорогѣ, идущей на то селеніе, стояла могила вышиною до 5 саж., которую жители подвергали раскопкѣ; но что нашли въ ней, не могъ я доискаться.

Въ Хвацовкѣ[35] стоитъ, въ огородѣ крестьянскомъ, 1 женская баба, вышиною 3 арш.; въ рукахъ ея подъ животомъ сосудъ; обликъ Татарскій; на шеѣ въ три ряда ожерелье; высѣчена изъ сѣраго камня.

Изъ 144 поименованныхъ истукановъ[36] достойны вниманія своей колосальностію, вышиною и числомъ находящіяся въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ Уѣздахъ, и тѣмъ еще, что очертанія ихъ лицъ преимущественно Монгольскія; за тѣмъ появляются Татарскаго племени, весьма мало Кавказскаго, а и того меньше Скиѳо-Еллинскаго; послѣднія составляютъ весьма рѣдкое собраніе. Изъ всѣхъ этѣхъ глубокой древности памятниковъ, я выбралъ десять истукановъ, какъ самыхъ замѣчательныхъ по величинѣ и очертанію лицъ; они тогда же были доставлены мною въ г. Екатеринославъ и сложены, для сохраненія, въ бывшемъ Губернаторскомъ дворѣ.

Каменная баба въ Строгановскомъ садѣ (въ С.-Петербургѣ).

Любитель и покровитель древностей, Графъ А. А. Перовскій, коему Археологія многимъ обязана, поручилъ мнѣ отдать ихъ на сбереженіе мѣстному начальству, впредь до пересылки въ С.-Пе-

---

35 Основано въ 1780 г. переселенцами Орловской Губерніи, названо же отъ имени рѣки Хвацовки.

36 Въ числѣ ихъ 4 до того обезображены, что нельзя опредѣлить физіономія, 44 изображаютъ мужской полъ, а 96 женскій. Всѣ тѣ бабы, коихъ не объяснено положеніе, должно разумѣть представленными въ стоячемъ.

тербургъ; но многообразныя занятія Графа и наконецъ постигшая его смерть, прекратили исполненіе желаній просвѣщеннаго его ума.

Наступаетъ уже то время, что соотечественники наши начинаютъ дорожить остатками древностей, а по тому необходимо было бы перевезти ихъ въ столицу и передать на храненіе въ Академію Наукъ.

Югъ Россіи не удивилъ меня нахожденіемъ каменныхъ бабъ, по тому что я зналъ напередъ, что я ихъ ветрѣчу тамъ; но крайне я былъ изумленъ, когда однажды, прогуливаясь [37] въ саду Графа Строганова, расположенномъ между Малой Невкой и Черной рѣчкой (въ С.-Петербургѣ), увидѣлъ я на горкѣ обрубокъ каменной бабы, представляющій женщину; голова ея прикрыта шапкой Фригійскою, шея унизана ожерельемъ, груди отвислыя, въ рукахъ пониже живота сосудъ. Туловище обнаженное и лице изуродованное, на коемъ, вмѣсто глазъ, просверлены дирочки, а носъ отбитъ. Не взирая на обезображенный ликъ, онъ явно обнаруживаетъ Монгольскій.

Когда и откуда перевезенъ этомъ истуканъ, я не могъ ни отъ кого узнать.

6. Въ Мелитопольскомъ Уѣздѣ.

а) Могилы въ Малой Знаменкѣ и Рогачевкѣ, и укрѣпленія въ Малой Знаменкѣ.

Въ 1854 г., въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, я производилъ Археологическія разысканія въ селеніи Малой Знаменкѣ, Мелитопольскаго Уѣзда, Таврической Губерніи, въ которой были отысканы случайно золотыя вещи, составлявшія принадлежность Царственной особы.

На западъ Малой Знаменки расположенъ, за Днѣпровскимъ Лиманомъ, въ пяти вестахъ отъ нея, земляной валъ со рвомъ, который тянется на сѣверъ къ рѣкѣ Днѣпру, потомъ на западъ и югъ по Лиману Бѣлозерскому; отсюда идетъ чрезъ все селеніе на востокъ значительный окопъ, который примыкаетъ къ рѣкѣ

---

[37] Въ 1856 г., Августа 4.

Конкѣ. Жители называютъ весь этотъ валъ Турецкимъ укрѣпленіемъ, а курганы въ срединѣ ихъ и за ними, на восточной сторонѣ, могилами неизвѣстнаго имъ народа. Объемъ землянаго укрѣпленія, которое почти четыреугольное, около 6 верстъ. Должно думать, что тутъ былъ Турецкій городъ, именовавшійся у Запорожскихъ Козаковъ Каменнымъ Затономъ (укрѣпленіемъ), а иногда Мѣновымъ Базаромъ.

Каменнымъ Затономъ проименованъ отъ того, что на рѣкѣ Конкѣ, протекающей противу Дома Соляного Управленія, лежатъ въ водѣ каменные пороги огромной величины, служившіе естественной оградою отъ непріятеля. Напротивъ Затона возвышаются донынѣ большіе окопы, въ коихъ отрывали кирпичъ и камень. Нѣкоторые старики, и одинъ изъ нихъ 90-лѣтній, разсказывалъ мнѣ, что въ срединѣ крѣпости были дома, и что онъ, съ товарищами своего дѣтства, собиралъ тутъ по кучугурамъ (песчанымъ буграмъ) пригоршни мелкой серебряной монеты, которая, какъ онъ указалъ на найденную мною здѣсь серебряную копѣйку, временъ Царей Михайла и Алексѣя, была одинакого вида и величины; что онъ за одинъ разъ набиралъ по нѣсколько фунтовъ свинцу и олова; что онъ находилъ бляхи мѣдныя, серебряныя и красныя, какъ золото (не червоннаго ли золота?), пронизки, кольца, перстни простые и дорогіе, и много другихъ вещей, коихъ не знаетъ названія. Все это продавалось за весьма дешевую цѣну, такъ что вещи блестящія изъ краснаго металла, коими наполнялась его шапка, отдавалъ за три и даже два карбованца (серебряные рубли).

Мѣновымъ Базаромъ проименованъ отъ того, что здѣсь производили мѣновую торговлю: Турки, Татары и Козаки, и это мѣсто было пограничнымъ.

Протяженіе окоповъ на западъ прерывается разрѣзами, и отсюда растилается степь до сел. Большой Знаменки, до коей 4 вер.

Въ трехъ верстахъ за этѣмъ селеніемъ, по направленію на западъ, возвышается гора Мамай Сура, или Мамай Сурка, омываемая у самой подошвы р. Конкою; за нею бѣжитъ рѣчка Мельниха, впадающая въ первую; между ними разбросаны озера. На склонѣ горы насажены виноградники, доставляющіе вино для домашняго обихода. Виноградъ средней величины, синеватый и сладкій.

На вершинѣ горы насыпи, похожія болѣе на валъ, нежели на могилы, и онѣ идутъ въ одну линію на 200 саженъ; мѣстами пересѣкаются и имѣютъ вышину до 4, а ширину до 3 саж. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была произведена искателями кладовъ раскопка и, какъ говорятъ, ничего не было найдено. По обѣимъ сторонамъ предпологаемаго вала раскиданы незначительныя насыпи, изъ коихъ иныя прокопаны въ глубину.

. Разсказываютъ, что названіе горы Мамай произошло будто-бы отъ Мамая Хана, жившаго здѣсь городкомъ; что тамъ когда-то находили дорогія вещи и деньги Татарскія.

Отъ Мамай Сурки въ степь, по направленію на югъ, стоитъ, на землѣ Рогачевскихъ Государственныхъ Крестьянъ, высокій и большой курганъ, который отъ селенія Рогачекъ въ 5, а отъ Большой Знаменки въ 12 верстахъ. Курганъ этотъ, названный мною Рогачевскимъ, стоитъ въ полѣ на равнинѣ и имѣетъ фигуру опрокинутой чаши; верхушка его срѣзана, которая въ поперечникѣ отъ запада на востокъ 4, а отъ сѣвера на югъ 5 саженъ; высота могилы черезъ верхъ съ сѣверной стороны 20, а съ южной 21 саж., въ отвѣсѣ, по примѣрному измѣренію, 7½ саж. Сѣверная сторона довольно осѣла. Окружность всей насыпи, обросшей травою, 133 саж.; она обведена вокругъ валомъ на 192 саж., между валомъ и курганомъ промежутокъ на 5 саж., ширина вала отъ 4 до 6 саж., который значительно понизился, а мѣстами изгладился. Съ восточной стороны валъ какъ будто бы прорѣзанъ для въѣзда. Курганъ долженъ быть насыпанъ на камняхъ, ибо у подошвы его валяются известнякъ, песчанникъ и раковикъ; онъ еще не копанъ, кромѣ сдѣланнаго углубленія на вершинѣ его.

Около Рогачевскаго кургана расположены кучею небольшія насыпи: однѣ изъ нихъ идутъ на югъ, къ сел. Рогачекъ,[38] а другія на сѣверъ, къ Большой Знаменкѣ. Идущія на сѣверъ тянутся какъ бы по прямой линіи, а по сторонамъ ихъ виднѣются едва замѣтные бугры. Никто не помнитъ, чтобы отрывались въ нихъ какія либо вещи, не смотря на то, что нѣкоторыя прокопаны сверху.

---

[38] Имѣніе Барона Штиглица.

На западъ отъ Мамай Сурки въ степь, по направленію къ Рогачкамъ, раскиданы по полю курганы, мѣстами кучкою, а мѣстами въ одинъ рядъ. Высокихъ нѣтъ, и самый высшій, сколько можно было замѣтить, до 2 саж. Не доѣжая Рогачевскаго конскаго завода Барона Штиглица, встрѣчаются нѣкоторые разрытые курганы, но, какъ говорятъ, въ нихъ ничего не было найдено. Только случайно около моста нашелъ мальчикъ золотую монету, вымытую водою, около трехъ лѣтъ тому назадъ (считая до 1854 г.). Монета эта среднихъ вѣковъ, на коей на передней сторонѣ изображеніе Божіей Матери, стоящей на облакахъ, вокругъ ея звѣзды; на оборотной сторонѣ духовное лице, которое, сложивъ руки, стоитъ въ благоговѣніи предъ какимъ-то Святымъ. На обѣихъ сторонахъ полуистертая вокругъ надпись, и только можно было прочесть «regis iste regnum»..., а далѣе что-то похожее на «Nic....» Величина монеты съ червонецъ, и она чистаго золота. Чеканка грубая, особенно лицъ.

По Мелитопольскому Уѣзду я не встрѣчалъ каменныхъ бабъ, и не только по тому Уѣзду, но почти по всей Таврической Губерніи.

7. Мнѣніе о принадлежности каменныхъ бабъ разнымъ племенамъ.

Изложивъ свѣдѣнія о видѣнныхъ мною каменныхъ бабахъ, я держусь того мнѣнія, что онѣ произведенія не одного народа, а многихъ, что онѣ принадлежали не однимъ Куманамъ, ставившимъ ихъ, но и другимъ разноплеменникамъ, бывшимъ послѣ нихъ, [39] а по тому нахожу здѣсь необходимымъ, въ поясненіе этой статьи, сказать о времени появленія ихъ. [40]

На нашихъ Новороссійскихъ земляхъ до нынѣ торчатъ мрачныя бабы, кои соотвѣтствуютъ степной и мѣстами угрюмой мѣст-

[39] Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1853 г., книжка Майская, стр. 1—69, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Насыпи могильныя въ южной Россіи,» и т. д.

[40] Свѣдѣнія беру изъ напечатанной мною статьи о каменныхъ бабахъ, въ Сынѣ Отечест. 1856 г., № 39.

ности. Такихъ истукановъ видѣли, въ первыхъ вѣкахъ Христіанскаго лѣтосчисленія, многіе путешественники на обширной площади разноплеменныхъ ордъ, кочевавшихъ отъ западныхъ оконечностей Кавказа до Дагестана, отсюда по направленію на сѣверъ и востокъ, около морей Каспійскаго, Чернаго и Азовскаго, значитъ на равнинахъ по сю сторону Кавказа: въ Губерніи Астраханской, въ Земляхъ Черноморскихъ и Донскихъ Козаковъ, и въ мѣстахъ, принадлежавшихъ Польшѣ, замѣтили остатки каменныхъ бабъ.

Новороссійская мѣстность именовалась Скиѳіею, а по этому оставшіеся въ ней истуканы называются Скиѳскими. Но правильно ли это? Мы знаемъ, что они изображаютъ мущинъ, женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ всѣхъ возрастовъ. Кого же должно разумѣть подъ ними? Обоготворенныхъ ли въ послѣдствіи знаменитыхъ людей, или это память по усопшимъ, а можетъ быть первоначальная мысль Скиѳскихъ идолопоклонниковъ о всеобщемъ ихъ богѣ, Скетѣ? Отвѣчать положительно на все это трудно, или, лучше сказать, не возможно. Допустить же, что они напоминаютъ Скета, стоявшаго въ Рамасеѣ у стовратныхъ Ѳивъ, народа многочисленнаго и сильнаго, но нравами и обрядами слившагося съ Египтянами, покажется съ перваго взгляда мечтательнымъ; однако, предположеніе это едва ли не было бы правдоподобнымъ, по тому что на Азійскихъ берегахъ Чернаго моря ставились идолы за много столѣтій до Р. Х. Геродотъ же пишетъ, что въ Понтійскихъ странахъ кочевали Скиѳы, смѣсь разныхъ племенъ, большею частію неосѣдлыхъ и именовавшихся у Грековъ варварами. У него въ числѣ Скиѳовъ были, одноплеменники ихъ Сарматы и Савроматы и многочисленные виды другихъ, Азійскихъ происхожденій. Сарматы, перешедшіе въ послѣдствіи на Кавказъ, смѣшались тамъ со многими кочующими обитателями, кои двинулись потомъ къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, къ рѣкамъ Днѣстру, Днѣпру и Дону, и заняли всю эту полосу; но Готское Царство Орманарика стерло ихъ съ лица земли, Готовъ же уничтожили въ свое время Гунны, а ихъ Монголы. Гунны, лицемъ безобразные и отвратительные, не долго господствовали въ этѣхъ пустыняхъ и не ставили истукановъ ни на поляхъ, ни на могилахъ. Могилы, коихъ очеркъ лица сходствуетъ съ каменными бабами и идолами Буддійскаго происхожденія, напоминаютъ собою самыя принадлеж-

ности, какія вручались ихъ идоламъ: чаша или сосудъ священный, точно въ такомъ положеніи, какъ имѣютъ бабы каменныя. За всѣмъ тѣмъ, подобное поразительное сходство въ очертаніи лицъ и неотъемлемости вещей духовнаго значенія, не можетъ быть отнесено къ поклонникамъ Буддизма, по тому что идоловъ подобной величины они не ставили ни въ капищахъ, ни на могилахъ, а возили съ собою чучелы войлочныя и деревянныя, или отливали изъ металла весьма незначительной величины, каковы имѣющіяся въ нынѣшнихъ хурулахъ (храмахъ языческихъ), около трехъ вершковъ. Сверхъ того никто изъ древнихъ сочинителей не говоритъ о тесанныхъ изъ камня Монгольскихъ истуканахъ, и лишь одинъ Амміянъ Марцеллинъ, писатель IV вѣка, разсказывая о безобразіи Гунновъ, грабившихъ тогда Восточную Имперію и потомъ вторгшихся въ Юговосточную Россію, около 377 г. по Р. Х., слѣдовательно, за нѣсколько столѣтій до нашествія Монголовъ на отечество наше, такъ ихъ описываетъ: «Они (Гунны) наружностію отвратительны и ихъ можно принять за двуногихъ звѣрей, или за тѣ грубо обдѣланныя изображенія, какія торчатъ по закраинамъ Чернаго моря.»[41]

---

[41] «Hunnorum gens, monumentis veteribus leviter nota, ultra paludes Maeoticas glacialem oceanum accolens, omnem modum feritatis excedit. Ubi quoniam ab ipsis nascendi primitiis infantum ferro sulcantur altius genae, ut pilorum vigor tempestivus emergens corrugatis cicatricibus hebetetur, senescunt imberbes absque ulla venustate, spadonibus similes: compactis omnes firmisque membris, et opimis cervicibus, prodigiosae formae et pandi, ut bipedes existimes bestias, vel quales in commarginandis pontibus effigiati stipites dolantur incompte.» Ammiani Marcellini Rer. gest. pars 2, lib. 31, p. 244 — 245, edit. Biponti, 1786. Въ статьѣ моей: «Насыпи могильныя въ южной Россіи,» и т. д., стр. 31—38, было сказано: «Позднѣйшіе Греческіе и Римскіе писатели не упоминаютъ о каменныхъ бабахъ. Даже Діодоръ Сицилійскій, жившій во время Юлія Цезаря, и Амміянъ Марцеллинъ, жившій въ IV в. по Р. Х., ничего не говорятъ объ нихъ, хотя оба много разсказываютъ о Скиѳскихъ и другихъ народахъ.» Говоря объ Амміянѣ Марцеллинѣ, я разумѣлъ, что онъ не указываетъ прямо на Скиѳскія статуи, а тѣмъ самымъ поставилъ въ недоумѣніе, къ какому же племени отнести ихъ должно? Если Понтійскія мѣста были усѣяны при немъ Скиѳскими племенами, то, безъ сомнѣнія, упоминаемыя имъ грубо обдѣланныя изображенія, кои торчали по берегамъ Чернаго моря, суть памятники Скиѳскіе. Но какого же племени? Этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ раскопками: не найдутся ли въ могилахъ каменныя статуи, вмѣстѣ съ вещами? Г. Леонтьевъ говоритъ въ «Пропилеяхъ,» ч. IV, стр. 397 — 523, что въ курганахъ Земли Донскаго Войска выкапываются весьма часто каменныя бабы.

Ясно, что каменныя бабы не суть принадлежность Гунновъ, а тѣмъ болѣе Монголовъ.

Указаніемъ Амміяна Марцеллина уничтожаются доводы нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, будто бы этѣ истуканы составляютъ одну принадлежность Кумановъ, по тому только, что монахъ Рубруквисъ видѣлъ у нихъ однихъ.[42] Развѣ они не могли усвоить обычая предшествовавшихъ имъ народовъ? Не могли ли ставить на ихъ могилахъ Козары, Печенѣги, Половцы и Туркоманы? Такое предположеніе можно допустить по тому, что всѣ они, кочуя по однимъ и тѣмъ же степямъ, перенимали и усвоивали обряды одинъ у другаго. Мы видимъ и въ наше время, что на древнихъ курганахъ стоятъ Мусульманскія изображенія; на тѣхъ же могилахъ устроены Христіянскія кладбища и покрыты крестами. Между тѣмъ, при срытіи для новыхъ покойниковъ могилъ, часто попадались тамъ предметы различнаго происхожденія, какъ то: монеты и вещи Еллинскія, Римскія, Монголо-Татарскія, Турецкія, Польскія и Русскія.[43] Были примѣры, что одна и та же могила обнаруживала разное ея устройство: сначала откапывалась Запорожская, въ коей лежалъ Козакъ, а въ головѣ его стоялъ горшокъ съ пшенной кашею; потомъ, черезъ нѣсколько слоевъ, въ глубину на два, или на три, аршина, попадался перетлѣвшій остовъ человѣческій, а подлѣ деньги временъ Польскаго Короля, Сигизмунда III, или другихъ Королей; потомъ еще глубже, новыя кости, подлѣ металлическія вещи и по преимуществу золотыя. Къ такимъ могиламъ относятся многія, а можетъ быть большая часть Пантикапейскихъ.

Многіе курганы, разсѣянные около Керчи, суть чисто Скиѳской насыпи, хотя находились въ нихъ вещи превосходной Греческой работы. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Елли-

---

Мнѣ не случалось даже слыхать, чтобы ихъ отрывали въ могилахъ Екатеринославскаго Уѣзда, коихъ между тѣмъ необыкновенное тамъ множество.

[42] Рубруквисъ былъ отправленъ посломъ отъ Французскаго Короля, Людовика IX (въ 1253 г.), къ Менгу-Хану, съ цѣлію обратить Монголовъ въ Римско-Католическую вѣру.

[43] Таковыхъ вещей откапывали много въ бывшихъ Запорожскихъ Сѣчахъ, Древней и Новой, Екатеринославскаго Уѣзда.

ны, овладѣвъ землями Пантикапейскими, погребали въ готовыхъ насыпяхъ своихъ покойниковъ. [44] Случалось, что въ одномъ мѣстѣ попадались гробницы и вещи разныхъ эпохъ. Это ведетъ къ тому заключенію, что древніе могильные тамъ холмы, были Скиѳскіе; что на тѣхъ погребальныхъ буграхъ были, какъ разсказывали мнѣ старожилы, каменныя бабы, однообразно съ Новороссійскими Приднѣпровскими, разумѣя подъ послѣдними въ Губерніяхъ Полтавской и Кіевской.

По сличеніи видѣнныхъ истукановъ, вездѣ обнаруживается послѣдовательный, поколѣнно измѣнявшійся, ликъ. Такъ, на примѣръ: чисто Азіятско-Европейскій или Скиѳо-Еллинскій, можетъ быть первыхъ обитателей Тавриды, Тавровъ или Киммеріянъ, вытѣсненныхъ оттуда Скиѳами, за долго до Р. Х.

Какимъ же образомъ, спросятъ, сохранились памятники такой глубокой древности? А какимъ образомъ, спрошу я, сохранились Египетскіе сѳинксы? Послѣднимъ было труднѣе дойти до отдаленнаго потомства, ибо ихъ памятники обращали на себя всеобщее вниманіе: многіе изъ завоевателей разрушали ихъ, приверженцы другихъ вѣроисповѣданій и невѣжи не щадили ихъ, уничтожали, а иные перевозили въ новое отечество, какъ это дѣлала въ послѣдствіи и Европа, изъ любви къ наукамъ и сохраненія драгоцѣнной по чему либо рѣдкости. Первымъ было легче достигнуть будущихъ вѣковъ и оставаться нынѣ глашатаями о своей древности. Легче было по тому, что они не обращали на себя всеобщаго вниманія, ни по богатству, ни по художественной отдѣлкѣ, наконецъ по тому, что Скиѳская земля была земля мрака и почти не извѣстная въ то время образованному міру. Не надобно удивляться остаткамъ, хотя не многимъ каменнымъ бабамъ, когда мы знаемъ, что окаменѣлыя животныя, на примѣръ: рыбы, ящерицы, крокодилы, змѣи, птицы и даже зерновый хлѣбъ, дошли до насъ. Случай открылъ ихъ, такой же случай можетъ открыть и то, что

[44] Керчь или древняя Пантикапея, столица Воспорскаго Царства, основанная выходцами изъ Милета, за пять столѣтій до Р. Х., платила въ послѣдствіи дань Скиѳамъ; но когда Митридатъ В. перенесъ сюда столицу свою изъ Фанагоріи, почти за 100 лѣтъ до Р. Х., и вознамѣрился низпровергнуть Римскую Имперію, тогда онъ громилъ ее съ Скиѳами, Сарматами и другими народами.

въ могилѣ покойника найдутъ статую. Да, случай уже былъ. При раскапываніи одного кургана въ степи (въ 1763 г.), между Чернымъ лѣсомъ и Крѣпостью Св. Елисаветы, открыли подъ черноземомъ статую изъ камня песчанника, которая, по очерку груди, представляла женщину (каменную бабу), и потомъ нашли много дорогихъ вещей: золотыхъ, серебряныхъ и другихъ, которыя были препровождены въ нашу Академію Наукъ.[45] Говорили мнѣ, что въ Александровскомъ Уѣздѣ была тоже отрыта каменная баба, теперь уже тому около 14 лѣтъ назадъ.

Наружность нѣкоторыхъ истукановъ совпадаетъ съ Гунскими, Аварскими, Козарскими и Монгольскими; мы говоримъ совпадаетъ, но отнюдь не можемъ отнести навѣрное къ этѣмъ поколѣніямъ. Легко можетъ статься, что высѣкавшіе изображенія производили ихъ уродливо по своему неискуству. Если же и допустимъ, что истуканы этѣ принадлежатъ къ одному какому либо изъ этѣхъ поколѣній, то въ позднѣйшей эпохѣ, когда всѣ этѣ племена перемѣшались между собою, въ слѣдствіе ли сродства и родственнаго союза, или въ слѣдствіе завоеваній, нельзя, однако, въ точности сказать, кто отъ кого изъ нихъ заимствовалъ обрядъ высѣкать болвановъ и ставить ихъ на могилахъ. Тѣмъ болѣе, что мы встрѣчаемъ облики статуй или чисто Монгольскихъ, или Монгольско-Татарскихъ, Татарскихъ и Польскихъ въ послѣднемъ: убѣждаетъ насъ Польскій нарядъ. Замѣчательно, что нѣтъ ликъ Запорожскихъ Козаковъ, кои, вѣроятно, чуждались выставлять свои изображенія, называя ихъ Бесерменскими, погаными и марами (привидѣніями). Это имя осталось понынѣ въ простонародіи Малороссійскомъ.

Находившіяся въ Сибири статуи[46] представляютъ младенческое состояніе искуства, изъ котораго оно не выходило: это не статуи, а обрубки.

Въ Новороссійскомъ краѣ много уже истреблено каменныхъ бабъ, изъ коихъ иныя имѣли довольно правильную обдѣлку, даже

---

[45] Ежемѣсяч. Соч. и извѣст. объ учен. дѣлахъ, за 1764 г. Декабрь, стр. 499—515.

[46] Falk: Notices pour servir à la connaissance topographique de l'Empire Russe, c. 95, St.-Pétersbourg, 1785 г.; Георги и Палласъ, Шереръ: Loisirs du nord, ч. I; стр. 189, изд. Лейпц. 1776 г.

съ нѣкоторой изысканностію. Около 30 лѣтъ тому назадъ снимались бабы съ дорогъ, по распоряженію Начальства, и съ тѣхъ поръ начинается собственно уничтоженіе ихъ; находившіяся прежде во множествѣ, въ Павлоградскомъ, Бахмутскомъ и Славяносербскомъ Уѣздѣ, едва составляютъ теперь сотую часть; въ Екатеринославскомъ Уѣздѣ изрѣдка видно, и то большей частію свезенныя, въ помѣщичьихъ садахъ и дворахъ, у крестьянскихъ избъ, воротъ, заборовъ и въ огородахъ; въ Херсонской же и Таврической Губерніи, и особенно въ полѣ, уже рѣдкость.

По всѣмъ разнообразнымъ очеркамъ лицъ, видно, что статуи этѣ относятся къ разнымъ поколѣніямъ и вѣкамъ; что самыя древнѣйшія очертанія носятъ отпечатокъ Азіятскій и Скиѳо-Еллинскій; по этому послѣднія составляютъ дорогое собраніе каменныхъ бабъ и принадлежатъ къ памятникамъ Скиѳскихъ племенъ.

А. Терещенко.

С.-Петербургъ.
18 Октября, 1860 г.

ДИСКУРСЪ*

О

СПРАВЕДЛИВОЙ И ЗАКОННОЙ ВОЙНѢ СЪ МОСКВОЮ.

Rationes pro et contra.

(съ польскаго).

Въ слѣдствіе великихъ въ Землѣ Московской перемѣнъ и необыкновенныхъ тамъ смутъ, видимъ мы, какъ всеобщую, такъ и со стороны Короны, охоту къ войнѣ съ Москвою, но съ другой стороны найдется не мало и такихъ благоразумныхъ и набожныхъ людей, которые усомнятся въ пользѣ и справедливости этой войны, по той причинѣ, что Его Величество, Король и Государь нашъ, своимъ и Рѣчи Посполитой именемъ, учинивши съ Борисомъ Годуномъ (такъ!), Княземъ Московскимъ, въ 1602 г. перемиріе на 20 лѣтъ, клялся держать его и не нарушать. Какъ, прежде чѣмъ начинатъ важную войну, полезно и потребно имѣть убѣжденіе въ ея справедливости, ибо какъ на той, такъ и на другой, сторонѣ изъ давнихъ и позднѣйшихъ примѣровъ знаемъ мы великія послѣдствія (войны); такъ опять, съ другой стороны, чтобы избѣгнуть лишнихъ упрековъ, необходимо тщательно разыскать и разсмотрѣть, если то перемиріе Его Королевскимъ Величествомъ клятвенно утверждено, до какой степени оно уважительно, и повиненъ ли Его Королевское Величество и Рѣчи Посполитая долѣе держать его, и не нарушено и уничтожено ли оно скорѣе самимъ Борисомъ и послѣ него Москвою.

---

* Сеймовое разсужденіе, относящееся къ войнѣ Сигизмунда III съ Россіею въ царствованіе Василія Шуйскаго (1609 г.). Прим. переводчика.

Чтобы надлежащее сужденіе быть могло, должно напередъ изслѣдовать, что между людьми важнѣйшаго случилось, что Димитрія въ Польшѣ пребываніе, за тѣмъ возвращеніе его въ Москву и возведеніе на престолъ не есть и не можетъ быть противно перемирію, которое Его Королевское Величество клялся хранить, и не заключаетъ съ нашей стороны нарушенія.

Не напоминая, ради краткости, исторіи, вамъ извѣстной: какъ Димитрій пришелъ въ Польшу, какъ долго и гдѣ пребывалъ, довольно только припомнить, что онъ пришелъ въ это Государство добровольно, пребывалъ въ немъ приватно, пока желалъ, что, и каждому изъ насъ вольно, и тѣмъ не могло быть перемиріе нарушено; ибо и изъ нашихъ нѣкоторые, во время перемирія, передавались Москвѣ, а изъ Москвы часто къ намъ, чѣмъ перемиріе никогда не нарушалось. Какъ послѣ того тотъ Димитрій сказался правдивымъ потомкомъ Московскаго Князя Ивана Васильевича, какимъ образомъ удалось ему уйти изъ рукъ Бориса Годуна, и какъ за тѣмъ былъ у нѣкоторыхъ нашихъ въ уваженіи и къ Королю являлся съ поклономъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Его Величество Король ex foedere (какъ союзникъ) былъ повиненъ наказать его, или, приказавъ поймать, выдать его Борису. Ибо въ договорѣ того не стоитъ, и отъ Бориса о томъ къ Королю требованій не было, пока Димитрій находился въ Польшѣ (w Koronie). И не было бы то согласно съ достоинствомъ Его Величества, Короля, и Рѣчи Посполитой, напротивъ жестоко и не по Христіянски, находясь въ сомнѣніи, наказывать и выдавать человѣка, въ своихъ показаніяхъ не уличеннаго, на сторонѣ котораго было всякое правдоподобіе, такъ что онъ не только нашихъ, дѣлъ Московскихъ близко не знавшихъ, но и самую Москву въ сомнѣніе привелъ; ибо при одной только вѣсти пришли въ недоумѣніе, и наконецъ, какъ ниже будетъ сказано, повѣривъ повѣсти его, сами правдивымъ Димитріемъ его признали и къ себѣ призвали. Есть примѣры домашніе и сторонніе, когда таковыхъ людей, прибѣгавшихъ къ покровительству, подъ предлогомъ несправедливости въ своихъ Государствахъ, принимали и принимаютъ. Изъ Венгріи, изъ Чехіи случалось, что уходили въ Польшу Короли, или Королевскія дѣти, и не были никогда выдаваемы. Въ чужихъ краяхъ множество тому есть примѣровъ (что каж-

дый можетъ вычитать въ Исторіяхъ). Но свѣжо еще, какъ Густавъ, сынъ Эрика Шведскаго, дяди Государя нашего, когда, по вѣрнымъ и надлежащимъ причинамъ, не имѣлъ по отцѣ своемъ права на Шведское Королество, его, однако жь, дерзновенно возстановить хотѣли, и казалось, что, замышляя противъ Его Величества, Короля, ушелъ къ теперешнему Цесарю, которымъ принятый, немалое тамъ время на иждивеніи Цесарскомъ прожилъ и съ почестію былъ содержимъ. Однако жь то договора и обоюдной пріязни не нарушило. Того же Густава потомъ самъ же Борисъ Годуновъ принялъ въ Москвѣ и держалъ при себѣ, вѣроятно, не въ иныхъ видахъ, какъ для того, чтобы со временемъ, посредствомъ его, могъ затруднять въ Швеціи дѣла Его Королевскаго Величества, и хотя о томъ получалъ отъ Его Величества, Короля, намеки и напоминанія, выдать его, однако, и изъ своего Государства выслать, не хотѣлъ. А ежели это со стороны Его Королевскаго Величество не нарушило съ нимъ перемирія, по чему жь пребываніе Димитрія въ Королевствѣ могло его нарушить? Между тѣмъ обстоятельства дѣла того Густава, Эрикова сына, были разныя отъ дѣла Димитрія, ибо тамъ тотъ на Швецію, согласно всѣмъ извѣстіямъ, не имѣлъ ни какихъ правъ и предлоговъ, этотъ же (Димитрій) имѣлъ великую на своей сторонѣ вѣроятность. Всѣмъ, вѣдь, было извѣстно обстоятельство, что Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, по распоряженію и приказанію Бориса, имѣлъ быть убитъ въ Угличѣ; могло тогда случиться (чему есть въ Исторіяхъ примѣры), что, по вѣрности и расположенію добрыхъ слугъ, избѣгъ онъ этого удара. И развѣ тогда, при таковомъ правдоподобіи и въ дѣлѣ чрезвычайно сомнительномъ, прилично было бы Его Королевскому Величеству опрометчиво поступить и вдругъ его (Димитрія) въ темницу засадить? Не было ли бъ то дѣйствіемъ ни мудраго Монарха, ни благочестиваго Короля? Изъ этого заключаемъ то, что пребываніе Димитрія въ Польшѣ и выдаваніе себя за истиннаго Московскаго дѣдича, и невыдача его Борису, не нарушили и не могли нарушить, перемирія съ Борисомъ и съ Москвою.

Отъѣздъ его изъ Королевства въ Москву заключаетъ in specie болѣе затрудненія, такъ какъ ужь изъ за рубежа въ Государство Московское вступилъ съ оружіемъ въ рукахъ, и Его Величество, Король, его и людей своихъ къ сему допустилъ.

О чемъ можетъ быть весьма подробный (субтильный) дискурсъ. Ежели угнетенному Наслѣднику слѣдуетъ дать помощь противъ тирана, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ Борисъ, и который былъ виновникомъ смерти Θеодора, своего наслѣдственнаго (законнаго) Государя, и дѣтей его, а предъ тѣмъ брата его, Димитрія, въ Угличѣ, или умертвилъ, или умертвить хотѣлъ, и тѣми способами, овладѣвъ Столицею (престоломъ), чрезвычайно повредилъ основанію своихъ правъ, то самымъ тѣмъ договоромъ и перемиріемъ, казалось, предписывается оказать помощь законному Наслѣднику противъ того, кто, у него Государство похитивъ, тирански въ немъ, ex nullo iure, Государей своихъ умертвивъ, сталъ властвовать. Еще (прибавить должно), что Борисъ чрезъ то самое достигъ царствованія, что обманулъ народъ свой, увѣривъ его, что законныхъ Государей не стало, и по тому самъ утвердился у нихъ Государемъ. Когда же отыскался Государь законный, долженствовало также кончиться царствованіе Бориса, а за тѣмъ и договоръ съ нимъ, который учиненъ, этого (обстоятельства) не касаясь, также долженъ былъ возобновиться. Но, оставивъ въ сторонѣ этѣ мелочныя подробности, оказывается, что съ отъѣздомъ Димитрія изъ Польши въ Москву договоръ не могъ быть нарушенъ нами.

Ибо, во первыхъ (что составляетъ сущность всего), не былъ Димитрій введенъ въ Москву съ общаго одобренія (laudo publico) на Сеймѣ, съ согласія Чиновъ, каковъ есть законъ и обычай, Гетманомъ и войскомъ Коронымъ и иждивеніемъ Рѣчи Посполитой. А все это необходимо потребовалось бы, если бы Его Королевское Величество и Рѣчь Посполитая желали помогать Димитрію, и чрезъ то договоръ свой съ Москвою нарушить

Даже и частнымъ образомъ отъ самаго Короля, Его Величества, не имѣлъ онъ ни людьми, ни деньгами, какой ни будь извѣстной помощи. И вѣдомо то обстоятельство, что пока его сама Москва Государемъ своимъ окончательно не признала, Его Королевское Величество грамотъ, или посольствъ, отъ него не принималъ и своихъ къ нему не посылалъ, и ничѣмъ его за подлиннаго Димитрія и Московскаго Государя публично не признавалъ, о чемъ приказалъ выдать Универсалы свои, дабы никто съ нимъ изъ

Королевства въ Москву не выходилъ, а тѣмъ, которые съ нимъ вышли, воротиться приказалъ.

Слѣдовательно, по сему ни Его Королевское Величество, ни Рѣчь Посполитая, не могутъ быть обвиняемы въ томъ, что Димитрія въ Москву провожали и помогали ему, et per consequens договоръ нарушить могли; ибо въ Польшѣ, къ какому бы народу человѣкъ ни принадлежалъ, входъ и выходъ ему вольные: такъ и Димитрію тоже вольно было войти и выйти.

Что имѣлъ людей нашихъ, хотя бы и военныхъ, это ничто само по себѣ и въ томъ нѣтъ повода къ жалобѣ, ибо то противъ заказа Универсаломъ Его Королевскаго Величества учинить осмѣлились, да и въ самой же Москвѣ признавали его истиннымъ Димитріемъ, письма и посольства къ нему присылали, и пріѣзжали толпами, вызывая его въ Москву. Отъ Донскихъ Казаковъ имѣлъ къ себѣ посольство и проч. Все это нѣкоторые изъ нашихъ видя, должны были ему повѣрить, а за тѣмъ, какъ люди вольные и рыцарскіе, ѣхали къ нему и проводили въ Москву, какъ Московскаго Князя, Москвою признаннаго и вызваннаго, съ которыми вмѣстѣ и Москва звала, а на границѣ пріятели его ожидали.

Такой тогда отъѣздъ въ Москву нашихъ людей частнымъ образомъ не можетъ publice нарушить договора. И если служба и нахожденіе людей нашихъ въ войскѣ Христіанскомъ противъ Турокъ не нарушили съ Турками договора, тѣмъ болѣе онъ нарушенъ быть не можетъ тѣми, кто съ Московскимъ Княземъ (какъ они его разумѣли), препровождая его, отправились въ Москву. Особенно когда и за отъѣздомъ Димитрія за рубежъ въ Москву все это совершалось, не нашихъ людей силою и дѣйствіемъ, но самою Москвою, гдѣ онъ города бралъ, сраженія давалъ и наконецъ на Государствѣ тамъ сѣлъ; ибо за рубежемъ тотчасъ же привѣтствовала его Москва, какъ Государя своего. Города въ Сѣверской Землѣ сами собою сейчасъ же сдались: такъ это сдѣлали въ Мировскѣ (Моровскѣ), * Черниговѣ и Путивлѣ, а Князь Голицынъ прибылъ къ нему съ тысячью конницы и отъ всего Борисова войска посольство спра-

* Иначе Монастырево. Перевод.

вилъ, и, называя его своимъ зазоннымъ Государемъ, звалъ его къ себѣ, прося, чтобы далѣе, къ Столицѣ поспѣшилъ.

Тамъ же, въ Путивлѣ, для устраненія всякаго сомнѣнія, сама жь Москва приняла и всѣмъ представляла какого-то Гришку Отрепьева, какъ Борисъ называлъ Димитрія, и тѣмъ убѣдила еще болѣе своихъ и нашихъ, что разумѣла подъ нимъ настоящаго Димитрія.

Потомъ далѣе: Солтыковъ, Морозовы, Петръ Басмановъ, Князь Василій Голицынъ, Шереметевъ и другіе пріѣхали къ нему и съ радостію его признали. Также изъ иныхъ мѣстъ и городовъ шли и слали добровольно къ нему, крестъ цѣлуя ему и почести воздавая, и сами же дорогою разбивали людей Борисовыхъ, какъ измѣнниковъ, которые за одно стояли съ тираномъ противъ своего законнаго Государя. И когда за нимъ въ Орелъ, а потомъ подъ Тулу, послѣдовали, гдѣ все Борисово войско было, то всѣ признали его своимъ истиннымъ Государемъ и почести воздали.

Туда же, въ Тулу, пріѣхалъ къ Димитрію нынѣшній Московскій Князь, Шуйскій, съ братьями своими, и Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, Князь Воротынскій, а съ ними всякіе другіе знатные и передовые люди, признавая его истиннымъ Димитріемъ и наслѣдственнымъ своимъ Государемъ, а Бориса называя обманщикомъ и тираномъ. Послѣ же чудной смерти Бориса, а вѣрнѣе по Божьей карѣ, принесли одежды Государевы и всякія изъ Государевой казны сокровища къ нему, Димитрію, какъ къ Государю своему, гдѣ было уже до 100 тысячъ и болѣе всякаго Московскаго войска, а нашихъ только нѣсколько сотъ; ибо и Панъ Воевода Сендомирскій съ немалымъ отрядомъ людей нашихъ задолго передъ тѣмъ уѣхалъ въ Польшу.

Когда Димитрій въ столичный городъ Москву въѣхалъ, сама же Москва свергла и уничтожила Борисова сына, которому при жизни отцевой присягала и грамоту на то дала, и которому по отцѣ приходилось наслѣдіе, также и жену Борисову, при чемъ нашихъ не было, но все это дѣлала сама Москва.

И когда Димитрія въ Москву провожали, то всѣ города отворяли ворота, съ процессіями и попами своими выходили къ нему на встрѣчу и привѣтствовали его съ радостію, какъ своего прирожденнаго Государя.

При вѣнчаніи на Царство, къ чему сами же его побуждали, онъ не желалъ учинить того безъ своей матери, но послалъ за нею въ монастырь, гдѣ она пребывала, и пригласилъ ее самъ съ большою почестію, и она съ радостію признала его своимъ сыномъ, пріѣхала къ нему, и онъ былъ при ней торжественно вѣнчанъ, а за тѣмъ и вся Земля предъ нимъ преклонилась и отдалась ему въ подданство.

Изъ всего этого, происходившаго тогда, нельзя заключать, чтобы это произвели наши люди, то есть, Димитрія своею мочью посадили на Государство и договоръ нарушить могли, но сама Москва все то сдѣлала, черезъ нихъ все это дѣло происходило, такъ какъ всѣхъ нашихъ при вѣнчаніи на Царство Димитрія едва ли болѣе двухъ сотъ быть могло. И какъ же могли они тогда это совершить?

Показавши этѣмъ, что черезъ отъѣздъ Димитрія въ Москву и посажденіе его на Московское Государство Его Величество, Король, и Рѣчь Посполитая не нарушили договора, далѣе увидимъ, что самъ же Борисъ, еще при жизни своей, нарушилъ его, а по убіеніи Димитрія Москва окончательно уничтожила оный, и тѣмъ подала поводъ къ законной и справедливой войнѣ. Въ заключенномъ тогда съ Борисомъ договорѣ существенное условіе (essentialis conditio) состоитъ въ томъ, чтобы Комисары съ обѣихъ сторонъ, какъ отъ Его Королевскаго Величества, такъ и отъ Бориса, явились въ извѣстное время и мѣсто между Острогомъ и Черниговомъ, а такъ же между Велижемъ и Торопцемъ, т. е., 1-го Мая, 1602 года, и тамъ, узнавъ о какихъ либо несправедливостяхъ и недоразумѣніяхъ (diffirentie) съ обѣихъ сторонъ, сообща расчитались бы. Какъ тогда назначенное время пришло, Комисары наши отправились и явились на своихъ мѣстахъ, но Москва не поступила и не явилась соотвѣтственно тому, слѣдовательно и Борисъ не сдѣлалъ ничего согласно съ условіемъ договора (безъ чего договоръ не можетъ имѣть силы) и обѣщаніемъ своимъ.

А что еще хуже, тотъ же Борисъ, еще прежде послалъ Воеводъ своихъ изъ Чернигова и Путивля съ войскомъ и орудіями на Прилуки, городъ и замокъ Князей Вишневецкихъ (гдѣ до 600 семей населенія было), которые непріятельски наѣхавши на него, разорили и сожгли его, ни мало не щадя ни пола, ни лѣтъ, побили и посѣкли, а другихъ, по непріятельскому обычаю, въ неволю забрали. И развѣ этѣмъ не нарушилъ Борисъ явно договора?

Между же Велижемъ и Торопцемъ наши Комисары, Князь Соколинскій, Подкоморій Витебскій, Староста Усвятскій, и Панъ Гонсѣвскій, Староста Велижскій, не могши дождаться въ назначенное въ договорѣ время Московскихъ Комисаровъ, должны были возвратиться, и люди сіи, которые справедливости требовали, разъѣхались. Вскорѣ потомъ Москва явилась съ войскомъ, не съ Турецкаго рубежа, указаннаго въ договорѣ, но отъ Великихъ Лукъ: она ворвалась въ Землю Его Королевскаго Величества и пошла по владѣнію замка Велижскаго; когда она проникла уже восемь миль за рубежъ въ Государство Его Королевскаго Величества, именно къ Янишу, то наши, замѣтя это и опасаясь, чтобы того же самаго не надѣлала и въ Велижѣ, что въ Прилукахъ, напомнили Москвѣ, чтобы она далѣе въ страну Его Королевскаго Величества не двигалась. Но Москва, задумавъ итти въ замокъ Велижскій и напасть на него, бросилась на нашихъ, желая силою проникнуть далѣе, и когда убили Писаря Велижскаго, Пана Гаврила Гутора (Hutora), то наши, видя насиліе и опасность, должны были сопротивляться и не допустили ихъ слѣдовать далѣе. Стало быть, опять Москва подала тутъ поводъ къ кровопролитію, а по тому и договоръ нарушила.

Потомъ, Москва наѣхавши на имѣніе знатнаго шляхтича, Пана Александра Каминскаго, въ Старостве Велижскомъ, жестоко изрубила его, домъ сожгла, не мало умертвила обоего пола людей и имущество забрала. О чемъ тогда Паны Сенаторы, согласно обычаю, обослались съ Московскими Думными Боярами, жалуясь и требуя справедливости, но ничего не сдѣлали. А этѣмъ развѣ Москва не нарушила договора?

Сверхъ того, захвативъ земли у разныхъ особъ во владѣніяхъ Пана Канцлера Литовскаго, Ikaznie и Oswieia, немалый округъ,

именуемый Замостьемъ, населили его своими Стрѣльцами. Тоже, вопреки договору, насильно забрали земли у Пановъ Корсака, Рента и иныхъ обывателей Воеводства Полоцкаго, а перешедши рѣчку Połowe и рубежъ старый Озерскій и Усвятскій, захватили земли Dreczyłuckie и Hłodurwickie, и людямъ Его Королевскаго Величества, противно договору и миру, часто чинили непріятности и ущербъ.

Когда Его Королевское Величество посылалъ къ Борису гонца своего, Заблоцкаго, объ этомъ и иныхъ обидахъ жаловаться и справедливости требовать, то не только ничего не успѣлъ, но Борисъ велѣлъ еще схватить купца Его Королевскаго Величества изъ Замостья, Македонскаго Грека Димитрія, который, согласно обычаю, при гонцѣ съ товарами своими ѣхалъ, и, жестоко мучивъ, послалъ въ дальнее заточеніе, а товаровъ его на 10 тысячъ злотыхъ въ казну свою взялъ и до сего времени не возвращалъ.

Онъ же другихъ купцовъ Его Королевскаго Величества задержалъ въ Смоленскѣ, къ великому ихъ убытку, нѣкоторыхъ же голодомъ уморилъ и товары ихъ забралъ.

Несомнѣнно также и то, что Борисъ, во время мира съ Его Величсетвомъ, Королемъ, водился съ Татарами противъ Польши, подарками накликалъ ихъ на Государства Его Королевскаго Величества, въ чемъ признавались сами Татары, взятые въ полонъ.

Также сносился онъ съ Карломъ противъ Его Королевскаго Величества обоюдными послами и помощь ему доставлялъ, что прямо противъ договора, и тѣмъ самымъ, хотя бы ничего иного не было, договоръ и клятву свою нарушилъ. Учинивъ помянутые непорядки, очевидно и понятно, что Борисъ самъ нарушилъ и уничтожилъ съ Его Королевскимъ Величествомъ и Рѣчью Посполитой договоръ и клятву свою.

Когда, по смерти Бориса, вступилъ на Государство Димитрій и показывалъ себя Его Королевскому Величеству и Рѣчи Посполитой благопріятнымъ, то договоръ этотъ съ Москвою, бывшій in suspenso, возобновленъ былъ имъ и утвержденъ удовлетвореніемъ помянутыхъ обидъ, сдѣланныхъ при Борисѣ. Объ этомъ послы

Его Королевскаго Величества, которые на свадьбу Димитрія были отправлены, имѣли порученіе съ нимъ переговорить. Далѣе Димитрій, мать его и всѣ Бояре Московскіе, также духовенство ихъ, прислали къ Его Величеству, Королю, посольство просить, какъ позволенія выдать за него дочь Пана Воеводы Сендомирскаго, такъ и на свадьбу туда Его Королевскаго Величества, а потому множество нашихъ знатныхъ людей отправилось въ Москву съ Воеводой Сендомирскимъ и дочерью его, учтивость своей націи чиня, и съ охраннымъ листомъ Димитрія. Какъ они тамъ, во время сна, нечаянно и жестоко побиты были и до 4 тысячъ народу нашего умерщвлено, а иные въ тяжкій плѣнъ взяты и ограблены, то не намъ однимъ, но всему свѣту довольно извѣстно. Этѣмъ Москва не только что нарушила договоръ свой съ Его Королевскимъ Величествомъ и Рѣчью Посполитой, но, посягнувши на права народовъ, дала сама поводъ къ законной и справедливой войнѣ. Она пословъ Его Королевскаго Величества, вопреки всѣмъ народнымъ правамъ, держала три года въ неволѣ; послѣ того Его Королевское Величество отправилъ было новыхъ пословъ своихъ, требуя справедливаго удовлетворенія за такое великое оскорбленіе, и освобожденія пословъ и людей Его Королевскаго Величества изъ плѣна, но снова, вопреки народному праву, и сихъ пословъ она захватила и у себя въ неволѣ удержала, и конечно до сего времени не выпустила бы ихъ, если бы не заступились за нихъ нѣкоторые, кои, сжалившись надъ невинной кровію братьевъ своихъ и тяжкою ихъ неволей, употребили такую хитрость, что самихъ же ихъ (вѣроятно, не безъ явнаго Божьяго наказанія) (?) отпустили отъ себя, разумѣется, по принужденію, а не добровольно, надѣясь избавиться тѣмъ отъ всего. И хотя пословъ Его Королевскаго Величества выпустили, однако нынѣшній Князь ихъ, Шуйскій, имѣя ихъ въ неволѣ и темницѣ, принудилъ ихъ къ тому, что они невольно, силою и страхомъ побужденные, должны были учинить и заключить съ нимъ на нѣсколько лѣтъ договоръ. Но невольная клятва, по всѣмъ правамъ, значенія имѣть не можетъ, такъ какъ они тогда ни какого позволенія (facultatem) не имѣли на то отъ Его Величества, Короля, а всякой договоръ и клятва должны имѣть основаніе въ обычномъ правѣ Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой. Этого Его Королевское Величество и Рѣчь Посполитая не могутъ и не должны утверждать, какъ

дѣла вынужденннаго, а также и мы, какъ не порученнаго, весьма вреднаго и несправедливаго, къ стыду и безчестію Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой клонящагося.

И то должно взять себѣ въ соображеніе: съ кѣмъ же этотъ договоръ (если бы онъ могъ имѣть значеніе) Его Величество, Король, и Рѣчь Посполитая имѣли бы соблюдать? Если съ Шуйскимъ, то значительная часть самой же Москвы не признала его своимъ Господиномъ и Государемъ, и не только не пристала къ нему, но еще воевала съ нимъ, какъ насильно сѣвшимъ имъ на шею, безъ правъ наслѣдства, или вольнаго избранія. Если же, напротивъ, съ частію Москвы, ему противной, должно хранить договоръ, такъ оный съ нею Его Величествомъ, Королемъ, и Рѣчью Посполитой не постановленъ и не имѣетъ ни какой извѣстной формы, которая бы могла означать Монархію, или Республику (Dominium, abo Rempublicam); народное же собраніе, представляющее кое какой видъ Государственнаго тѣла (corpus), жаловалось само, что Шуйскій дѣлалъ ему насиліе, и оно за это съ нимъ борется. А по тому ни съ Шуйскимъ, какъ не истиннымъ и законнымъ Государемъ, ни съ безтолковымъ собраніемъ народа (pospolstwa), не можетъ и не обязанъ Его Величество, Король, соблюдать договоръ, который, какъ первоначально нарушенный Борисомъ и потомъ, по убіеніи Димитрія, окончательно уничтоженный, наконецъ недавно вынужденный тѣмъ, кто не имѣлъ на то права, по всѣмъ этѣмъ причинамъ, не можетъ быть дѣйствительнымъ, а Москва жестокимъ избіеніемъ невинныхъ людей Его Королевскаго Величества и удержаніемъ въ плѣну первыхъ и послѣдующихъ пословъ, равно многими важными и насильственными своими поступками, великіе и явные поводы подала къ справедливой войнѣ съ нею, которою Его Величество, Король, по совѣсти обязанъ защитить своихъ подданныхъ, отмстить за кровь, неправды и вредъ, нанесенные чести своей и Рѣчи Посполитой, и такое великое надъ послами и подданными своими поруганіе мимо себя не пущать, но за него взыскать.

Его Величество, Король, по совѣсти обязанъ возвратить утраченное, ибо онъ въ этомъ слѣдующими словами поклялся въ присягѣ своей: «Omnia illicite, a Regno Magnoque Ducatu Lituaniae et Dominiis eorundem, quocunque modo alienata, vel bello, vel quovis

alio modo distracta, ad proprietatem eiusdem Regni et Mag. Duc. Lith. aggregabo, terminosque Regni et Mag. Duc. Lith. non minuam, sed defendam et dilatabo.» А изъ дѣлъ вѣдомо, какихъ предательскимъ образомъ Москва, захвативши въ прошлыя времена земли Государствъ Его Величества, Короля, приблизительно миль на 200 отторгла и теперь несправедливо владѣетъ. Уже по этому поводу Его Величество, Король, можетъ, за нарушеніе ими договора, справедливою и законною війною на Москву подняться и возвратить утраченное.

Но не менѣе важно то, что и теперь Шуйскій сносится съ непріятелями Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой. Подымая Татаръ, сговариваясь съ Карломъ, давая ему денежное пособіе, принимая отъ него людей (войско) и въ Государство свое впуская, явно тѣмъ показалъ себя непріятелемъ Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой и не сохранилъ того даже соглашенія, которое вынудилъ отъ пословъ Его Королевскаго Величества. Не уже ли ждать, чтобы непріятели Рѣчи Посполитой окончательно напали на Государства Его Королевскаго Величества и сильнѣе насъ были, или упредить ихъ въ томъ (что благоразумнѣе) и не допустить имъ утвердиться, но, какъ С. Августинъ пишетъ: «Cui licentia iniquitatis eripitur, utiliter is vincitur?» По сему обязанность Его Королевскаго Величества заблаговременно то предупредить, что можетъ Рѣчи Посполитой повредить, когда будетъ упущено время.

Извѣстно, что немалая часть самой же Москвы, и между ними даже передовые люди, дали знать, что хотѣли бы соединиться съ Польшей и имѣть Государемъ надъ собою Его Величество, Короля, желая тѣмъ успокоиться и ввести лучшій порядокъ въ управленіи своего отечества, а себя освободить отъ тиранства и такого крови (Христіянской) пролитія, говоря, что Борисъ Годуновъ тирански, а нынѣшній Шуйскій насильственно сѣли имъ на шеи. По самой справедливости можно начать войну; ибо когда видишь людей утѣсненныхъ жестокимъ тиранствомъ, само человѣколюбіе требуетъ, чтобы имъ помочь. И Св. Амвросій такъ о томъ пишетъ: «Если правыя сила и власть защищаютъ войною отечество отъ поганыхъ, либо людей угнетенныхъ, кои сами себя

не могутъ освободить, либо же пріятелей отъ нашествія, то вполнѣ справедливо,» и пр.

Не упоминаемъ уже о славѣ и пользѣ отъ сего для Рѣчи Посполитой, не одной лишь Польши, но и всего Христіянства, что каждый легко можетъ видѣть и понять; въ противномъ случаѣ грозитъ близкая, великая и крайняя опасность отъ сего нашей Рѣчи Посполитой и Христіянству, чтобы такимъ великимъ Христіянскимъ Государствомъ, ослабленнымъ домашнею войною, не овладѣли Татары, или не досталось бы это Государство Карлу и какимъ либо самозванцамъ, къ вѣчному стыду и несказанному вреду нашей Посполитой Рѣчи.

Все это показываетъ, что съ нашей стороны, ни пребываніе Димитрія въ Польшѣ, ни отъѣздъ его въ Москву, ни воцареніе въ Столицѣ, не нарушили съ Москвою договора, и мы ни какой причины не подавали къ нарушенію его, а что все это сдѣлано самою же Москвою. Но Борисъ Годуновъ несдержаніемъ договора и условій его, сношеніемъ съ врагами Польщи и насильственными, рѣшительно непріятельскими, поступками своими нарушилъ клятву и договоръ свой, что потомъ Москва по его смерти невиннымъ и жестокимъ избіеніемъ обезпеченныхъ и призванныхъ людей нашихъ, взятіемъ пословъ Его Королевскаго Величества въ плѣнъ, заточеніемъ и оскорбленіемъ весьма вѣрныхъ людей и непріятельскимъ ограбленіемъ ихъ, не только явно тоже нарушила, но и подала важную причину къ законной и справедливой войнѣ: «Iniuriam vindicare et vim vi repellere est et necessarium et iustum.» Очевидно, что и вынужденное въ неволѣ Шуйскимъ отъ пословъ Его Королевскаго Величества заключеніе договора не есть и не можетъ быть дѣйствительно, и утверждать оный Его Величество, Король, и Рѣчь Посполитая не обязаны, тѣмъ болѣе, что и самъ Шуйскій не только не соблюдалъ его, но и съ непріятелемъ Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой дружбу водилъ.

Ясно, что при такомъ непорядочномъ образѣ правленія въ этомъ Государствѣ нѣтъ даже возможности съ кѣмъ либо соблюдать договоръ, если бы то и могло быть полезно.

Обязанность по тому Его Величества, Короля, поднять оружіе, наказать за несправедливости, нанесенныя ему и Рѣчи Посполитой, и возвратить утраченное, особенно, когда сама Москва о томъ проситъ. Король Христіянскій обязанъ дать защиту обиженному. Да наконецъ надобно помнить, съ одной стороны, наши и всего Христіянства интересы и соединеніе съ Польшею такого обширнаго Государства, а съ другой опасность, если тамъ утвердятся Невѣрные, или враги Рѣчи Посполитой. Сообразивъ все это, заключаемъ, что не раздумывая долго, съ доброю и чистою совѣстью (bona et tuta conscientia) можетъ Его Величество, Король, начать законную и справедливую войну съ Шуйскимъ и Москвою.

ВѢДОМОСТЬ,

ПРИСЛАННАЯ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ВИЛЬНУ.*

(съ польскаго).

Были здѣсь недавно купцы изъ стана, которые выѣхали на Ѳоминой недѣлѣ и сказывали, что за Волгою, за Ярославомъ, не мало городовъ измѣнили обманщику и снова передались Шуйскому. Керножицкій, который передъ тѣмъ отступилъ отъ Великаго Новгорода и бѣжалъ съ своимъ полкомъ, узнавъ, назадъ тому двѣ недѣли, въ Русѣ, что идетъ на него съ ратью Михайло Скопинъ-Шуйскій, поспѣшно отправился въ Москву къ стану, имѣя съ собою Москвитянъ и нашихъ 600 человѣкъ да шесть небольшихъ пушекъ. Но Шуйскій, настигнувши его, съ недѣлю тому, въ Каменцѣ, въ 28 миляхъ отъ Велижскаго рубежа, и видя его безъ стражи, ударилъ на него ночью, по тому что Казаки Керножицкаго были пьяны отъ водки, которой тамъ много нашли, разгромилъ и въ короткое время побилъ всѣхъ, такъ что едва спаслось человѣкъ 30. Они ушли лѣсами на Велижъ и сказываютъ, что этотъ Шуйскій имѣетъ при себѣ Нѣмцевъ, или Шведовъ, около двухъ полковъ, а съ Москвою будетъ до 10 т. войска, также есть при Шуйскомъ и нашихъ человѣкъ съ 700, т. е., рекрутъ, которые бѣжали отъ разныхъ начальниковъ изъ стана, собрались и выбрали себѣ Полковника, съ которымъ бродя, грабили мѣстечки и села Московскія; потомъ всѣ они передались Шуйскому, расположись недалеко отъ Великаго Новгорода и находились подъ начальствомъ Михайла Шуйскаго, пока онъ былъ въ Новгородѣ. Между тѣмъ наши люди изъ войска обманщика, которые отступили отъ Новгорода, сошлись съ ними и, заманивъ ихъ Полковника для переговоровъ, схватили его самъ-третей и отправили въ станъ, гдѣ тотчасъ посадили всѣхъ на колъ; одинъ жилъ на немъ цѣлые сутки, на другой день снятъ былъ по просьбѣ ксендзовъ, а на третій скончался. Раздраженная симъ толпа эта, тѣмъ крѣпче

* Относится ко времени царствованія Василія Шуйскаго.

стоитъ за Шуйскаго и разоряетъ края, поддавшіеся обманщику. Короче, въ этомъ войскѣ большое смятеніе, и если бы раздался голосъ въ ушахъ ихъ о прибытіи Его Королевскаго Величества, то побѣда несомнѣнна. Нужно только, чтобы Сеймовые головы и ловкіе проходимцы (praktiky) перестали вертѣть и затруднять: тогда самое войско и все посполитство перейдутъ къ Пану Сапѣгѣ, на сторону Его Королевскаго Величества, теперь же между ними много шуму. Съ рубежа и пр. 8 Іюня, 1609 года.

Другая вѣдомость, позднѣйшая.

Перенято письмо, писанное къ Псковичамъ Михайломъ Шуйскимъ, двоюроднымъ братомъ нынѣшняго Государя (который теперь великъ счастіемъ войска Шуйскаго въ Новгородѣ). Въ немъ въ началѣ пишетъ, что попущеніемъ Божіимъ, за грѣхи всего Христіянства, люди Его Величества, Короля, Государя нашего, Поляки и Литва, вошли въ Московское Государство и привели съ собою какого-то бродягу, Гришку Отрепьева, котораго назвали Димитріемъ, Царевичемъ Углицкимъ, который, извѣстно вамъ самимъ, убитъ въ Москвѣ, во время бунта; нынѣ же, вмѣсто его, другой бродяга, называясь Дмитріемъ, разбой чинитъ. А какъ Псковичи этѣмъ разбойникамъ отдались и присягнули служить, то подговариваетъ, чтобы они склонили Великаго Князя, Василія Шуйскаго, все имъ простить и отпустить. Припоминаетъ, какъ Король Стефанъ долгое время стоялъ съ войскомъ подъ Псковомъ, и ничего не сдѣлалъ имъ, по причинѣ мужества и неустрашимости ихъ. Извѣщаетъ, что пришелъ на помощь Шуйскому изъ Великаго Новгорода полководецъ Короля Шведскаго, Яковъ Понтусъ, съ товарищами своими, съ коими немало войска Нѣмецкаго, а за ними, говоритъ, идетъ помогать Шуйскому самъ Король Шведскій со многими чужеземными людьми. Потомъ извѣщаетъ, что посылалъ войска свои съ Семеномъ (Г) Оловинымъ и 7 т. Нѣмецкихъ и Московскихъ людей подъ Старую Русу, которые яко бы на голову разбили подъ Порховомъ людей нашихъ, передавшихся нынѣшнему Димитрію и стоявшихъ тамъ станомъ; за тѣмъ яко бы множество городовъ снова поддалось Шуйскому, именно: Ярославь, Кострома, Владимиръ, Суздаль, Угличъ, Кашинъ и пр., и яко бы надъ людьми нашими, стоящими подъ Москвою, далъ имъ Господь

Богъ великую побѣду. Пишетъ также, что ему дано знать изъ города Новаго Торга, яко бы многіе города имѣютъ желаніе снова покориться Шуйскому, ожидая только, говоритъ, на помощь Kimito Czotkowa (Корнила Чоглокова, или Чулкова Ѳеодора?) съ войскомъ Нѣмецкимъ, и извѣщаетъ, что и къ вамъ, въ Псковъ, приказалъ ити войску изъ подъ Порхова съ Княземъ Иваномъ Мещерскимъ, а Нѣмецкихъ войскъ для того туда не послалъ, чтобы не учинили опустошеній и пр.

Изъ Великихъ Лукъ и изъ Заволочья Воеводы и всякіе люди писали письма въ замокъ Его Королевскаго Величества, Полоцкъ, въ послѣднихъ дняхъ Іюня, въ коихъ извѣщаютъ, что нѣкоторые города, именно Торопецъ и Старая Руса, оступившись отъ того Димитрія, поддались Шуйскому, соединились съ находившимися въ Новгородѣ Великомъ и потянулись къ Великимъ Лукамъ, къ Нарбу и Заволочью, желая и ихъ привести къ повиновенію Шуйскому; за тѣмъ говорятъ о готовности своей противъ этѣхъ враговъ своихъ, просятъ о скорѣйшемъ пособіи нашими конными и пѣшими людьми, утверждая, что вы, молъ, Государю нашему, Димитрію, желаете добра и не отказываетесь помогать ему; при этомъ просятъ, чтобы имъ позволено было купить пороху и свинцу.

Изъ главнаго стана слышно, что наши, замѣтивъ измѣну и недоброжелательство находящихся съ ними подъ Москвою, осторожнѣе теперь стали прежняго и не довѣряютъ Москвѣ. Всѣ полки имѣютъ стянуться въ одно мѣсто къ Москвѣ, дабы попытаться овладѣть самою столицею и пр.

Изъ Орши Езуиты также писали ко Двору, давая знать, что 1-го Іюня приплыло нѣсколько труповъ водою къ Оршѣ, которыхъ они похоронили. На другой день приплыла одна лодка, на которой 200 труповъ было уложено стогомъ (кучью), третьяго же дня показался одинъ трупъ, у котораго отсѣчены руки и глаза выколоты. Очень вѣроятно, что это были наши люди, ибо на рукахъ и шеѣ знаки ихъ, т. е., на тѣлѣ у нихъ вырѣзано на образецъ воротниковъ и отворотовъ (wyłozek) нашихъ Польскихъ. Всѣхъ ихъ погребли въ полѣ за Оршею.

СОВѢЩАНІЕ ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ

ЛЮДЕЙ МОСКОВСКИХЪ СЪ СЕНАТОРАМИ, 1-ГО ФЕВРАЛЯ, 1610 ГОДА.

Въ очень длинныхъ и обширныхъ словахъ сказалъ слѣдующее: Какъ скоро не стало потомковъ ихъ Государей, въ чемъ ссылались на свидѣтельство Солтыкова, который постоянно жилъ при дѣтяхъ Государевыхъ, то первой ихъ мыслью было обратиться къ Королевскому роду, дабы оный надъ ними царствовалъ. Но этому сначала помѣшалъ властью своею Борисъ Годуновъ, который завладѣлъ Московскимъ Государствомъ, послѣ чего и они должны были терпѣть его правленіе. Потомъ, по причинѣ его тиранскаго правленія, явился вымышленный потомокъ Государей ихъ, Димитрій, который, именуясь потомкомъ Государей ихъ, съ помощью Поляковъ, возсѣлъ на престолѣ, коего тоже терпѣли они, полагая, что грѣхъ привелъ немилаго Государя. А когда одинъ Бояринъ отважился убить его, то мысль ихъ снова была та же: обратиться къ Его Королевскому Величеству, дабы онъ далъ имъ на царство своего сына. Но Шуйскій, злоумышленный и честолюбивый человѣкъ, не имѣвшій передъ ними ни какого преимущества (prerogatiwy) къ властвованію, рѣшился съ своими убійцами пролить кровь Поляковъ, бывшихъ при Димитріѣ, и овладѣлъ Государствомъ, но они не могли снести того и говорили ему въ глаза: «Дурно поступилъ ты, и не достоинъ быть Государемъ нашимъ,» за что онъ прежде всего разгнѣвался. Ѳедоръ Ивановичъ * тайно пускалъ письма по Столицѣ, въ коихъ говорилъ, что гнѣвъ Божій не прежде утолится и Государство придетъ въ порядокъ, пока изъ племени Короля Польскаго не изберутъ и не поставятъ Государя. Это продолжалось долго и не извѣстно было, кто распускалъ этѣ слухи, но наконецъ Шуйскій узналъ, схватилъ

* Мстиславскій?

его (Өедора), но не умертвилъ. Тимоѳей Кудрый былъ другимъ, который тоже, говорятъ, сказалъ Шуйскому въ глаза: «Ты недостоинъ властвовать надъ нами, по тому что пролитіемъ Польской крови навлекъ на Государство наше вѣчную опасность.» Онъ, говорятъ, былъ зарѣзанъ, и хотя съ этого времени и терпѣли они владычество Шуйскаго, но промышляли о себѣ и о своемъ Государствѣ. По тому, гнушаясь имъ, легко склонились въ пользу того Вора (Лжедмитрія II), какъ они сами зовутъ его, съ цѣлью выждать при немъ лучшаго времени и спокойствія. Вспоминали и о томъ, что, когда прибытіе Его Королевскаго Величества замедлилось, то они сносились съ бывшими въ Столицѣ и говорили другъ другу: «Уничтожьте вы своего Вора, то и мы, де, своего покинемъ и поищемъ рода Королевскаго.» Они и теперь стоятъ на томъ, говоря, что люди Московскіе, что въ Столицѣ, согласны будутъ на это. По сему-то вступленіе въ это Государство Его Королевскаго Величества легко, и давно могло бы привести ихъ къ тому, что они изъявили бы преданность свою Его Королевскому Величеству, но могущество и злость того Вора мѣшаютъ этому. Если бы послы Его Королевскаго Величества пришли съ войскомъ Польскимъ и грамотой Его Королевскаго Величества и Патріарха Филарета, то удобно привели бы всѣхъ ихъ къ подчиненію Его Королевскому Величеству. Они покинули бы Вора, котораго давно уже хотѣли бросить, если бы Поляки не охраняли его.

Теперь они открыто уже желаютъ воцаренія Королевской крови. А такъ какъ Его Королевское Величество владѣетъ и другими Королевствами и съ трудомъ могъ бы жить въ этомъ Государствѣ, и, кромѣ того, взявши для себя Государство это, долженъ будетъ пролить кровь, то они просятъ, дабы Его Королевское Величество соизволилъ посадить на престолѣ Московскомъ Королевича Владислава Зигмунтовича (какъ они говорятъ). При этомъ обѣщаютъ, что весь народъ приметъ сторону Его Королевскаго Величества, услышавъ, что надъ ними властвовать будетъ Королевичъ Польскій, о чемъ не разъ думали они и говорили явно.

Дабы это тѣмъ скорѣе и прочнѣе могло совершиться, хотятъ, совѣтуютъ и просятъ, чтобы Его Королевское Величество

изволилъ немедля двинуться съ своимъ войскомъ къ Столицѣ, говоря, что людямъ народа нашего нужна помощь, что они при главѣ будутъ сильнѣе, да и договоры съ тѣми, что въ Столицѣ, пойдутъ скорѣе; что всѣ, сочувствующіе имъ, тотчасъ выйдутъ и присоединятся къ Его Королевскому Величеству. А овладѣвши Столицей, уже легко овладѣть и другими городами, по тому что съ взятіемъ Шуйскаго и Смоленска, все остальное покорится.

Его Королевское Величество, учинивъ совѣщаніе, изволилъ такъ рѣшить столь трудныя съ перваго разу требованія (petita). На первый пунктъ касательно Королевича далъ такой отвѣтъ: Если то угодно будетъ Богу, и если послѣдуетъ на то общая воля во всемъ Московскомъ Государствѣ, совершенно успокоенномъ, то Его Королевское Величество не будетъ противиться воцаренію Королевича, но откладываетъ его по той причинѣ, дабы Его Королевское Величество имѣлъ время снестись объ этомъ съ Сословіями Царства, согласно рѣшенію, обявленному имъ въ Люблинѣ, Вильнѣ и на Сеймикахъ, не желая подать повода, чтобы говорили о немъ, что въ этомъ дѣлѣ ищетъ своихъ частныхъ выгодъ, а не общей пользы Рѣчи Посполитой.

На другой же пунктъ данъ былъ такой отвѣтъ: Его Королевское Величество изволилъ прійти сюда съ тою цѣлью (gwoli temu), чтобы успокоить это Государство, двинется же не прежде, какъ условившись съ ихъ народомъ и войскомъ Рыцарства Польскаго касательно извѣстныхъ просьбъ того войска, * но подкрѣпленіе вскорѣ пошлетъ впереди себя.

За тѣмъ Московскіе люди приступили къ изложенію на бумагѣ пунктовъ, о которыхъ должно было состояться новое совѣщаніе.

Извлекъ изъ Скуклостерскаго семейнаго Архива Графа Браге близъ Упсалы

Соревнователь Общества А. **Чуниковъ.**

---

* Такъ какъ эти переговоры относятся къ началу похода Сигизмунда, то можно думать, что здѣсь рѣчь идетъ о Полякахъ, поддерживавшихъ Лжедимитрія Втораго, которые весьма неохотно и медленно исполняли приказаніе Короля присоединиться къ его войску.

ДУХОВНАЯ

ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛА ГРАФА ѲЕДОРА АПРАКСИНА.

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО ДУХА, АМИНЬ.

Оставляю сіе, напоминая часъ смертный, исповѣдаючи Бога въ трехъ ѵпостасехъ, Единаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа, и вѣрую въ Него несомнѣнно, и Пречистую Его Богоматерь чту, и всѣхъ Святыхъ почитаю, какъ Восточная наша Церковь содержитъ, истинно сіе Завѣщаніе твердымъ моимъ разсужденіемъ въ семъ настоящемъ Октябрѣ мѣсяцѣ 1728 году.

Прошу рабски высокой милости у Его Императорскаго Величества, нашего всемилостивѣйшаго Государя, Петра Втораго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, и протчая и протчая, дабы, по превысокому своему милосердію, изволили повелѣть опредѣлить, по сему моему вольному Завѣщанію исполнить душеприкащикамъ моимъ, Его Сіятельству, милостивому моему благодѣтелю, Господину Генералу Фельдмаршалу и Кавалеру, Князю Михайлу Михайловичу Голицыну, и благодѣтелю моему, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру, Его Сіятельству, Князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому, да благодѣтелю же моему, Михайлу Ильичу Чирикову, чтобы, по скончаніи живота моего, сего вольнаго Завѣщанія како наслѣдники мои не рушили.

Рабски жъ Ваше Императорское Величество прошу превысокой своей милости, повелѣть всемилостивѣйше, въ память мою, принять, если угоденъ будетъ, ко Двору Вашего Величества Санпетербургской мой большой домъ на Невѣ рѣкѣ, со всѣми въ немъ уборы и со имѣщимися при немъ двумя дворами. А протчія мои дворы и

ближняя и дальныя вотчины и движимое имѣніе, что за симъ моимъ Завѣщаніемъ останется, пожаловать наслѣдникомъ моимъ, какъ Вашего Величества Указы повелѣваютъ.

Душеприкащикомъ моимъ повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать, въ память мою, имъ принять: Его Сіятельству, милостивому моему благодѣтелю, Господину Генералъ-Фельдмаршалу и Кавалеру, Князю Михайлу Михайловичу, четыре сулеи большихъ серебряныхъ, съ цѣпми, да на кафтанъ Нѣмецкой пуговицы золотые съ алмазомъ.

Благодѣтелю моему, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру, Князь Алексѣю Григорьевичу, передачу большую серебряную, которую я купилъ у брата его, Князя Александра Григорьевича. Да на кафтанъ Нѣмецкой пуговицы золотые съ алмазами, да отъ серебра два каридана большихъ и пятнадцать мѣстъ сервису конфектнаго, и двѣ сулеи съ цѣпми, да сервисъ, купленой у Хованскаго.

Благодѣтелю жъ моему, Михайлу Ильичу Чирикову, бокалъ съ крышкой серебряной позолоченой, который презентованъ мнѣ отъ Ревельскаго Шляхетства.

Тако жъ повели, Ваше Императорское Величество, въ память мою, принять:

Его Сіятельству, милостивому моему благодѣтелю, Господину Генералъ-Фельдмаршалу и Кавалеру, Князю Василью Володимировичу Долгорукому, полдюжины блюдъ серебряныхъ.

Его Сіятельству, милостивому моему благодѣтелю, Господину Канцлеру и Кавалеру, Графу Гаврилу Ивановичу Головину, полдюжины блюдъ серебряныхъ.

Благодѣтелю моему, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру, Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, полдюжины блюдъ серебряныхъ.

Благодѣтелю моему, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру, Андрею Ивановичу Остерману, полдюжины блюдъ серебряныхъ.

Благодѣтелю моему, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру, Князю Василью Лукичу Долгорукому, двѣ передачи серебряныя, которыя имѣются нынѣ у Графа Рагузинскаго.

Благодѣтелю моему, Оберъ-Камергеру и Кавалеру, Князю Ивану Алексѣевичу Долгорукому, четыре фляши серебряные съ цѣпми, которые куплены изъ дому дѣда ево, блаженныя памяти, Князь Григорья Федоровича, да отъ моего серебра два кувшина большихъ, три трубы музыканскихъ и одна пара волторнъ серебряныхъ.

Благодѣтелю же моему, Господину Адмиралу и Кавалеру, Петру Ивановичу Сиверсу, корабельной подносъ серебряной, да дворовое порозжее мѣсто, которое въ Кронштатѣ.

Наслѣднику моему недвижимаго имѣнія, брату Графу Андрею Матвѣевичу Апраксину, повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать Лебедянскую, Пензенскую и Новгородскую мои вотчины. Погостъ Михайловской съ присутствующими десятью погосты, также и съ двумя деревнями, Великомъ и Подгузовымъ, и со всѣми къ тѣмъ вотчинамъ принадлежащими мѣстами и землями, Санктъ-петербургскіе мои мызы, Осиновую рощу, Свинорѣцкую мызу, что нынѣ село Никольское, и приморскіе мѣста, Санктъ-Петербургскіе дворы на рѣчкѣ Мье и на рѣкѣ Фонтанкѣ, тако жъ и Московской загородной дворъ, въ вѣчное владѣніе на мужескую линію, до послѣдняго въ родѣ. Понеже онъ по линіи всему моему собранью учиненъ первый наслѣдникъ, а ежели у него наслѣдства мужеска полу не будетъ, то вышеписанными мои вотчины повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать въ родъ по линіи, кто по немъ восприиметъ родовое наслѣдство мужеска полу, дабы сіе наслѣдственное мнѣ награжденіе осталось въ родѣ нашемъ неподвижно. Да ему жъ повели, Ваше Императорское Виличество, пожаловать шпагу алмазную и стаканъ золотой, которымъ я пожалованъ за взятіе Выборха, да четыре кувшина серебряныхъ большихъ и пять сотъ червонныхъ золотыхъ. Да сыну его, Федору, пять сотъ червонныхъ золотыхъ и шесть чашъ меньшихъ съ покрышками серебряные, которые ставятся на столъ съ кушаньемъ, и одинъ гарнитуръ серебряной, которой употребляется на столѣ жъ, и къ нему ложки, ножи, вилки, на

двѣнадцать персонъ серебряные жъ; да на кафтанъ Нѣмецкой пуговицы золотые съ алмазами и одинъ конской верховой уборъ. А оставшія моя за симъ Завѣщаніемъ вотчины, а именно: Новгородскую, село Петрово, Подмосковную, село Никольское, съ присутствующими къ нимъ деревнями и со всѣми землями и угодьями, и Московской каменной домъ, также Ревельской загородный дворъ и мызы Ревельскіе по всѣмъ крѣпостямъ, повели, Ваше Императорское Величество, душеприкащикомъ моимъ, продать по вольною цѣною, и что взято будетъ денегъ, оные всѣ раздать неимущимъ въ милостыню, и на искупленіе плѣнныхъ, и на заплату должныхъ казенными долгами, и въ другіе нужные мѣста, а наслѣдникомъ моимъ въ ту продажу не вступать, и раздавать тѣ деньги душеприкащикомъ моимъ, или кому онѣ опредѣлятъ, также и въ оставшихъ моихъ пожиткахъ дѣла имъ нѣтъ, а взять только, что кому показано по сему моему Завѣщанію. И на служителяхъ моихъ, кому что было поручено, ничего прежняго не взыскивать, понеже я всѣхъ ихъ очистилъ.

Племяннику моему, движимаго имѣнія наслѣднику, Графу Алексѣю Петровичу Апраксину, повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать портретъ Его Царскаго Величества, обложенной алмазомъ, да кавалерію золотую, ордены Святаго Апостола Андрея, при которой пять камней, одинъ большой, четыре малыхъ. Да четыре сулеи большихъ съ цѣпми серебряными, и шесть чашь большихъ съ покрышками серебряныхъ, которые ставятся на столъ съ кушаньемъ, и одинъ гарнитуръ серебряной, которой употребляется на столѣ жъ, къ нему ложки, ножи, вилки, на двѣнадцать персонъ серебряные жъ; да пятнадцать тысячъ рублевъ денегъ, которые имѣются въ долгахъ по крѣпостнымъ моимъ письмамъ. Да на кафтанъ Нѣмецкой пуговицы золотые съ алмазами, и одинъ верховой уборъ. А болѣе жъ того изъ дома моего ничего не требовать, и на оставшихъ въ домѣ моемъ, кому что въ вѣдомство было поручено, отнюдь не взыскивать.

Племянникомъ моимъ и племянницамъ роднымъ, и внуку моему, Александру Львовичу, женѣ ево Еленѣ, повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать, душеприкащикомъ моимъ, по пяти сотъ червонныхъ золотыхъ, и того двѣ тысячи, да полдюжины тарелокъ серебряныхъ подъ моимъ гербомъ, и того четыре

дюжины; да на кафтаны Нѣмецкіи по пуговицамъ золотымъ съ алмазами. А чего въ домѣ моемъ оныхъ пуговицъ недостанетъ, то къ наличнымъ, противъ такой же мѣры, додѣлать; также пожаловать имъ по одному конскому верховому убору.

Благодѣтелю моему, Юрью Степановичу Нелединскому, пожаловать, душеприкащикомъ моимъ, въ память мою, пять сотъ рублевъ. Да благодѣтелю жъ моему, Василью Афанасьевичу Дмитріеву-Мамонову, пожаловать пять сотъ рублевъ же.

Свойственнику моему, отъ флота Капитану, Андрею Федорову, сыну и брату ево родному, Петру Хрущовымъ, да двоюродному ихъ, Капитану-Лейтенанту Семену Иванову сыну Хрущову жъ, пожаловать, душеприкащикомъ, для ихъ небогатства, по пяти сотъ рублевъ Россійской монеты.

Гвардіи Капитанъ-Лейтенанту, Степану Федорову сыну Апраксину, на оплату долговъ, которые онъ занималъ для платежа пошлинъ за купленую вотчину, пожаловать, душеприкащикомъ моимъ, пять сотъ рублевъ. Да благодѣтелю моему, отъ флота Капитану Ивану Михайловичу Кушелеву, триста рублевъ.

Въ Златоустовъ монастырь, гдѣ лежатъ кости родителей моихъ, да въ Спаской монастырь, которой въ городѣ Китаѣ, у иконныхъ рядовъ, завѣщеваю давать недвижимаго моего имѣнія наслѣднику, брату, Графу Андрею Матвѣевичу, дондеже онъ живъ будетъ и по немъ родовое наслѣдство воспріиметъ, во всякой годъ по сту рублевъ. Въ Златоустовъ монастырь, для поминовенія на гробахъ родительскихъ, а въ Спасовъ монастырь, для размноженія школъ и протчихъ монастырскихъ нуждъ, и того въ годъ по двѣсти рублевъ.

Въ Александроневскій монастырь, въ поминовеніе грѣшныя моя души, дать изъ дому моего, душеприкащикомъ моимъ, пять сотъ рублевъ. Да во всѣ Санктъ-Петербургскія церкви по двадцати рублевъ, да въ Рельскую соборную церковь сдѣлать серебряные сосуды во сто рублевъ.

По скончаніи живота моего, отправлять погребеніе тѣлу моему, племянникомъ моимъ, Ивану Петровичу Шереметеву, Князь Якову Алексѣевичу Голицыну, Князь Петру Борисовичу Черкас-

кому, да Секретарю моему, Андрею Пареного, и Повѣренному моему, Данилѣ Янкову, такимъ образомъ, какъ отправлено погребѣніе тѣлу брата моего, блаженныя памяти, Графа Петра Матвѣевича. А сорокоусты раздать на пятьдесятъ церквей, въ двѣ дачи, а духовнымъ чинамъ, которые при погребеніи будутъ, дачу учинить по тому примѣру, какъ по братѣ жъ моемъ раздавано, и въ отправленіи онаго помѣшательства имъ изъ наслѣдниковъ моихъ ни какого не чинить, и оное все отправлять изъ оставшихся денегъ и рухляди въ домѣ моемъ. А наслѣдникомъ моимъ, по сему моему росписанію показанное имъ имѣніе, принять въ то время, какъ отправлена будетъ четыредесятница, а прежде того времени отнюдь не требовать, и въ домъ мой до отправленія четыредесятницы ни во что не вступать.

Отцу моему духовному, Священнику Игнатію, пожаловать, душеприкащикомъ моимъ, сто рублевъ.

Штату моего которые при мнѣ служили:

Генералу-Адъютанту, Петру Лаврову, пожаловать двѣсти червонныхъ золотыхъ, да Флигель-Адъютанту, Якову Микулину, Афанасью Дохтурову, по двѣсти рублевъ ходячей манеты.

Походной моей Канцеляріи Секретарю, Андрею Пареного, повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать, душеприкащикомъ моимъ, изъ дому моего тысячу рублевъ, и донесть Вашему Императорскому Величеству, что останется въ походной моей Канцеляріи денегъ, и ежели не во гнѣвъ, повелѣтъ, душеприкащикомъ моимъ, построить на тѣ деньги въ Санктъ-Петербургѣ святую церковь въ Морской слободѣ, на которомъ мѣстѣ Ваше Величество соизволите, во имя Россійскаго Кавалерства патрона, Святаго Апостола Андрея, понеже о семъ блаженныя памяти, Его Императорское Величество, дѣдъ Вашего Величества, всемилостивѣйше говорить изволилъ. А оныя деньги собраны были моими трудами и разныхъ партикулярныхъ контрибуцей, также часть есть и отъ взятыхъ прейсовъ, и содержанье для походной моей Канцеляріи, ради всякихъ прежде сего нужнѣйшихъ дѣлъ и военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ походовъ и посылокъ разныхъ, и въ собственные мои расходы никогда не употреблялись. О Секретарѣ жъ моемъ рабски

прошу пожаловать, повелѣть перемѣнить ево чиномъ, понеже я ему то обѣщалъ.

Повѣренному моему, Данилѣ Янкову, повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать, душеприкащикомъ моимъ, тысячу рублевъ, да четыре четвертины и двѣ кружки серебряныхъ, и всемилостивѣйше пожаловать ему патентъ на чинъ Дворянской, понеже, по званью своему, того не имѣетъ.

Людямъ моимъ, которые управляли моя вотчины, будучи на приказахъ, вѣрно и меня довольствовали, Якиму Невердовскому, Григорью Медвѣдеву, и брату ево, Александру Медвѣдеву, да Егору Фентинберху, которой былъ при мнѣ безотлучно, да человѣку моему, Кузьмѣ Грибоѣдову, повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать, каждому по сту рублевъ и, по высокой своей ко мнѣ милости, дать имъ свободу, и дать пашпорты, которымъ отъ меня не дано, душеприкащикомъ моимъ.

Походной моей Канцеляріи Копеисту, Григорью Кутукову, пожаловать, душеприкащикомъ моимъ, сто рублевъ, да карлу моему, Ивану Рогову, и двумъ пажамъ, Ягану да Карлучу, по пятидесяти рублевъ; Лѣкарю Гелоту сто рублевъ, да Кухмистру моему, Яну Вартполю, годовый окладъ, какъ получалъ отъ меня жалованья.

А протчимъ моимъ людямъ повели, Ваше Императорское Величество, пожаловать въ награжденіе годовые оклады вдвое и, по высокой своей милости, учинить свободныхъ. А наслѣдникомъ моимъ никому до нихъ дѣла нѣтъ, и пожаловать имъ всѣмъ свободу, пашпорты, душеприкащикомъ моимъ, за своими руками.

Денщикамъ моимъ, которые при мнѣ служили, пожаловать изъ дому моего вознагражденіе, на цѣлый годъ по ихъ окладамъ жалованья, какъ брали изъ казны Вашего Императорскаго Величества, и всемилостивѣйше пожаловать, отослать ихъ въ Коллегію съ награжденіемъ чиномъ, понеже служили при мнѣ чрезъ немалыя лѣта.

А что за симъ моимъ Завѣщаніемъ, за раздачею всего вышеписаннаго, останется червонныхъ золотыхъ, разныхъ монетъ и

мелкихъ денегъ, и всякаго моего домоваго заводу, повели, Ваше Императорское Величество, оной всякой домовой заводъ, чрезъ племянниковъ моихъ, Ивана Петровича Шереметева, Князь Якова Алексѣевича Голицына, Князь Петра Борисовича Черкаскаго, Секретаря Андрея Пареного и Повѣреннаго моего, Данилу Янкова, съ публичнаго торгу продать, и сколько денегъ въ сборѣ будетъ, оные всѣ, также и оставшіе вышеписанные червонные, разные монеты и мелкія деньги, употребить въ раздачу по неимущимъ мѣстамъ въ милостыню, и на искупленіе плѣнныхъ, и на заплату должныхъ казенными долгами, и въ другія нужныя мѣста. Изъ сего жъ отдать прежде бывшаго при мнѣ Секретаря, Осипа Павлова, женѣ ево и дѣтемъ, въ образъ милостыни, пять сотъ рублевъ.

Также имѣются за мною Дворцовыя волости, Толмачевская, Дарская, Изборская да Сомерская, которые прежде сего были во владѣніи за сестрою моею, блаженные памяти, Великою Государынею, Царицею и Великой Княгинею, Марфою Матвѣевною, и по скончаніи ея, по превысокой ко мнѣ милости Его Императорскаго Величества, блаженныя и высокославныя памяти, дѣда Вашего Величества, всемилостивѣйшаго Нашего Государя, Петра Перваго, пожалованы мнѣ по мою жизнь, и для того рабски доношу, чтобы оные приняты были, куды Ваше Императорекое Величество всемилостивѣйше изволите повелѣть.

При окончаніяхъ его моего Завѣщанія, рабски прошу Ваше Императорское Величество, дабы всемилостивѣйше изволилъ напомнить, малыя моя предъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, а Вашего Величества дѣдомъ, Петромъ Великимъ, Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ, службы, которыя исполнялъ, по силѣ ума моего, радостнымъ сердцемъ и чистою совѣстію, повелѣть по сему моему вольному Завѣщанію, ненарушимо исполнить, и оставшихъ моихъ осиротѣлыхъ, брата и племянника, въ милости не оставить.

Учинено въ Москвѣ, Октября 26 числа, 1728 году.

Писалъ Секретарь Андрей Пареного.

У подлиннаго Завѣщанія по листамъ пишетъ тако:

«Генералъ-Адмиралъ, Графъ Федоръ Апраксинъ, къ сему вольному Завѣщанію руку приложилъ.»

Подъ тѣмъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

«Быть по сему. Петръ.»

ЗАПИСКИ ШТЕЛИНА

О

ПЕТРѢ ТРЕТЬЕМЪ, ИМПЕРАТОРѢ ВСЕРОССІЙСКОМЪ.

I.

КАРЛЪ ПЕТРЪ УЛЬРИХЪ,

ГЕРЦОГЪ ШЛЕЗВИГЪ-ГОЛШТИНСКІЙ.

Родился въ Килѣ 10/21 Февраля, 1728 г., отъ прелестнѣйшей женщины въ Государствѣ, Анны Петровны, [1] первой дочери Петра Великаго, Императора Всероссійскаго, на 21 году ея возраста.

Между прочими увеселеніями, по случаю этого рожденія, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ новорожденный Принцъ былъ окрещенъ Евангелическимъ Придворнымъ Пасторомъ, Докторомъ Хоземаномъ, сожженъ былъ передъ дворцомъ фейерверкъ. При этомъ загорѣлся пороховой ящикъ, отъ чего нѣсколько человѣкъ было убито, многіе ранены, и нашлись люди, которые объясняли этотъ случай при такомъ радостномъ событіи, какъ зловѣщее предзнаменованіе для новорожденнаго Принца. Вскорѣ случилось еще большее несчастіе. Герцогиня пожелала видѣть фейерверкъ и иллюминацію, встала съ постели и стала у открытаго окна, при сыромъ и холодномъ ночномъ воздухѣ. Нѣкоторыя изъ Придворныхъ дамъ хотѣли удержать ее, и убѣдительно просили ее

---

[1] Когда эта Принцесса съ своимъ новобрачнымъ прибыла въ Киль (1727 г.), на Императорскомъ Россійскомъ фрегатѣ, все Голштинское Дворянство обоего пола собралось для ихъ торжественной встрѣчи, и всѣ были поражены необыкновенною красотою Герцогини.

Была сочинена Французская пѣсня: «Sur la brunette et sur la blonde,» которая относилась къ этой Принцессѣ и сестрѣ ея, Елисаветѣ Петровнѣ.

закрыть окно и болѣе беречь себя въ настоящемъ положеніи. Но она засмѣялась и сказала: «Мы, Русскія, не такъ изнѣжены, какъ вы, и не знаемъ ничего подобнаго.» Между тѣмъ эта прелестная Принцесса простудилась, занемогла горячкою и скончалась на десятый день. Ея тѣло набальзамировали и на слѣдующее лѣто отвезли, для погребенія, въ Петербургъ, на томъ же Русскомъ фрегатѣ, на которомъ Герцогъ съ Герцогинею прибыли изъ Россіи. Тамъ погребено оно въ крѣпостной церкви Св. Петра и Павла, въ Императорскомъ склепѣ, съ правой стороны иконостаса или входа въ Святая Святыхъ.

Въ честь этой Принцессы, Герцогъ, супругъ ея, учредилъ Голштинскій кавалерскій орденъ Св. Анны. Вокругъ Орденской звѣзды начертано изреченіе: «Amanti bus justitiam, pietatem, fidem,» а на Орденскомъ крестѣ, который назначено было носить съ лѣвой стороны на правую, на блѣдно-пунцовой лентѣ съ желтою каемочкою, четыре начальныя буквы этого изреченія; на обратной эмальированной сторонѣ начертанъ именной шифръ Герцогини: «Anna Petrowna, Princeps Imperialis Russiae.» [1]

Когда Принцъ на седьмомъ году вышелъ изъ рукъ женщинъ, къ нему приставляемы были Гофмейстерами попеременно нѣкоторые Камеръ-Юнкеры и Камергеры: Адлерфельдъ (издавшій Исторію Карла XII), Вольфъ, Брёмзенъ и проч. Всѣ сіи Придвор-

---

[1] Послѣ смерти этой милой Принцессы, о которой Герцогъ никогда не могъ вспомнить безъ слезъ, начались со всѣхъ сторонъ разныя преслѣдованія, въ особенности со стороны ненавистной Герцогу Императрицы, Анны Ивановны, а въ угожденіе ей, и отъ Вѣнскаго Двора. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Герцогъ показалъ однажды на Принца, лежащаго въ колыбели, и сказалъ окружающимъ его: «Онъ выручитъ насъ изъ нужды и поправитъ наши дѣла.» Въ 1736 г., по наущенію Императрицы Анны, была прислана въ Киль Импер.-Рим. Коммиссія, чтобъ побудить Герцога къ отреченію отъ отнятаго у него владѣнія. Импер.-Римскимъ посланнымъ былъ Графъ Вратиславъ, бывшій прежде Импер.-Рим. Посланникомъ при Россійскомъ Дворѣ, и Русскій Баронъ Фонъ Бракель, Курляндецъ, и Русскій Посланникъ въ Берлинѣ. Герцогъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи ссылался на своего несовершеннолѣтняго сына, у котораго онъ ничего не можетъ отнять, и на собраніе Государственныхъ Сословій, объявляя, чтобъ они дѣлали то, въ чемъ могутъ дать отвѣтъ предъ Богомъ и свѣтомъ, и протестовалъ противъ всякаго насилія. Коммиссія разошлась безъ успѣха.

ные Кавалеры Герцога занимали Офицерскія мѣста въ Герцогской гвардіи. Въ прочихъ же маленькихъ корпусахъ было нѣсколько Офицеровъ, служившихъ нѣкогда въ Прусской арміи. По этому при Дворѣ только и говорили, что о службѣ. Самъ Наслѣдный Принцъ былъ названъ Унтеръ-Офицеромъ, учился ружью и маршировкѣ, ходилъ на дежурство съ другими Придворными молодыми людьми, и говорилъ съ ними только о внѣшнихъ формахъ этой военщины. Отъ этого онъ съ малолѣтства такъ къ этому пристрастился, что ни о чемъ другомъ не хотѣлъ и слышать. Когда производился маленькій парадъ передъ окнами его комнаты, тогда онъ оставлялъ книги и перья и бросался къ окну, отъ котораго нельзя было его оторвать, пока продолжался парадъ. И по тому иногда, въ наказаніе, за его дурное поведеніе, закрывали нижнюю половину его оконъ, оставляя свѣтъ только сверху, чтобъ Его Королевское Высочество не имѣлъ удовольствія смотрѣть на горсть Голштинскихъ солдатъ. Объ этомъ часто разсказывалъ мнѣ Принцъ, какъ о жестокомъ обхожденіи съ нимъ его начальниковъ, такъ же и о томъ, что онъ часто по получасу стоялъ на колѣняхъ на горохѣ, отъ чего колѣнки краснѣли и распухали.[3] Онъ приходилъ въ восторгъ, когда разсказывалъ о своей службѣ и хвалился ея строгостію. Замѣчательнѣйшій день въ его жизни былъ для него тотъ, 1738 г., въ который, на 9 году своего возраста, онъ произведенъ изъ Унтеръ-Офицеровъ въ Секундъ-Лейтенанты. Тогда при Дворѣ съ возможною пышностію праздновали день рожденія Герцога и былъ большой обѣдъ. Маленькій Принцъ въ чинѣ Сержанта стоялъ на часахъ вмѣстѣ съ другимъ взрослымъ Сержантомъ, у дверей въ столовую залу. Такъ какъ онъ на этотъ разъ долженъ былъ смотрѣть на обѣдъ, въ которомъ обыкновенно участвовалъ, то у него часто текли слюнки. Герцогъ глядѣлъ на него смѣясь и указывалъ на него нѣкоторымъ изъ сидѣвшихъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда подали второе блюдо, онъ велѣлъ смѣнить маленькаго Унтеръ-Офицера, поздравилъ его Лейтенантомъ и позволилъ ему занять мѣсто у стола, по его новому чину. Въ радости отъ такого неожиданнаго повышенія, онъ почти ничего не могъ ѣсть. Съ этого

---

[3] Это случалось большею частію во время опеки, послѣ смерти отца его, подъ надзоромъ Оберъ-Гофмейстера или Оберъ-Гофмаршала Брюммера и Оберъ-Камергера Берхгольца, которымъ поручено было воспитаніе Принца.

времени всѣ мысли его были заняты только военною службою, и его обхожденіе съ пустоголовыми его товарищами стало свободнѣе. Онъ говорилъ имъ всѣмъ «ты» и хотѣлъ, чтобы и они, какъ его братья и товарищи, также говорили ему «ты.» Но они этого не дѣлали, а называли его, какъ своего Наслѣднаго Принца, не иначе, какъ «Ваше Королевское Высочество.»

Добрый Герцогъ внутренно радовался, видя въ сынѣ такую преобладающую склонность къ военному дѣлу и, вѣроятно, представлялъ себѣ втораго Карла XII въ наслѣдникѣ этого героя.

Будучи самъ очень набоженъ и свѣдущъ въ Латинскомъ языкѣ, онъ хотѣлъ, чтобы и сынъ его былъ хорошо обученъ этому предмету. Герцогъ былъ воспитанъ, какъ Карлъ XII, зналъ хорошо Богословіе и Латинскій языкъ. Въ Петербургѣ охотно говорилъ по Латыни съ знатнѣйшими Русскими духовными особами. Докторъ Богословія и Придворный Пасторъ Хоземанъ, весьма достойный и ученый человѣкъ, училъ Принца Закону Божію.[1]

Примѣчаніе. Спустя нѣсколько времени послѣ смерти Ея Императорскаго Высочества Герцогини, обстоятельства Герцога стѣснялись все болѣе и болѣе, частію отъ преслѣдованій Князя Меньшикова, который совершенно отвратилъ отъ него Императрицу Екатерину и заставилъ его неожиданно выѣхать изъ Петербурга, частію отъ сильныхъ притязаній его многочисленныхъ кредиторовъ, которымъ на уплату процентовъ едва доставало доходовъ съ половины Государства и даже были отданы въ закладъ цѣлыя управленія (Ommet-futun), и потому Дворъ его принималъ часто печальный видъ, а за Герцогскимъ столомъ являлись истертыя и дырявыя скатерти и салфетки. Однажды Герцогъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ Придворныхъ, вздыхалъ о своемъ печальномъ положеніи, но вдругъ ободрившись, указалъ на колыбель, въ которой лежалъ сынъ его, и сказалъ окружающимъ: «Терпѣніе, друзья мои! Онъ исправитъ наши дѣла.»

Для обученія Латинскому языку, къ которому Принцъ имѣлъ мало охоты, былъ приставленъ высокій, длинный, худой педантъ, Г. Юль, Ректоръ Кильской Латинской школы, котораго наруж-

[1] Это было послѣ того, какъ Герцогиня Курляндская, Анна Ивановна, взошла на Россійскій престолъ и такъ устроила, что Голштинскій Домъ потерялъ всякую надежду на наслѣдство Россійскаго престола (противъ завѣщанія Императрицы Екатерины) и имѣлъ только виды на Шведскій престолъ. До этого времени Принцъ воспитывался въ Грекороссійскомъ вѣроисповѣданіи, и его училъ Зако-

ность и пріемы заставили Принца совершенно возненавидѣть Латынь.

Его Высочество, который имѣлъ способность замѣчать въ другихъ смѣшное и подражать ему въ насмѣшку, часто разсказывалъ мнѣ, какъ этотъ Латинистъ входилъ обыкновенно въ комнату для урока: сложивъ крестообразно руки на животъ, онъ, съ низкимъ поклономъ, глухимъ голосомъ, какъ оракулъ, произносилъ медленно, по складамъ слова: «Bonum diem, tibi, opto, Serenissime Princeps. Si vales, bene est.» Столько Латыни еще помнилъ Его Высочество, будучи Великимъ Княземъ, все же остальное постарался онъ забыть. Онъ такъ ненавидѣлъ Латынь, что въ 1746 году, когда была привезена изъ Киля въ Петербургъ Герцогская библіотека, онъ, поручая ее моему смотрѣнію, приказалъ мнѣ, чтобъ я для этой библіотеки велѣлъ сдѣлать красивые шкафы и поставилъ ихъ въ особенныхъ комнатахъ Дворца, но всѣ Латинскія книги взялъ бы себѣ, или дѣвалъ, куда хотѣлъ.

Будучи Императоромъ, Петръ III имѣлъ тоже отвращеніе отъ Латыни. У него была довольно большая библіотека лучшихъ и новѣйшихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ, книгъ. По его приказанію, должно было устроить полную библіотеку въ мезонинѣ новаго Зимняго Дворца, по моему плану, для чего Императоръ назначилъ ежегодную сумму въ нѣсколько тысячъ рублей, и строго приказалъ мнѣ, чтобы ни одной Латинской книги не попало въ его библіотеку.

Анекдотъ. При всѣхъ счастливыхъ успѣхахъ въ предпріятіяхъ страшной для всѣхъ, Императрицы Анны, сама она была въ постоянномъ страхѣ; она боялась частію Великой Княгини, Елисаветы Петровны, частію Голштинскаго Принца, Карла Петра Ульриха, отъ котораго охотно желала бы избавиться. Вспоминая

ну Божію Іеромонахъ Греческой Придворной церкви. Этотъ Іеромонахъ былъ приставленъ къ покойной Герцогинѣ, возвратился въ Россію чрезъ годъ послѣ прибытія туда же Великаго Князя (по тому что Русская Придворная церковь закрылась), и получилъ отъ Императрицы Елисаветы мѣсто Настоятеля въ монастырѣ въ Россіи.

о немъ, или разговаривая, она обыкновенно говорила: «Ч.....ка въ Голштиніи еще живетъ.»

Примѣчаніе. Ненависть Шведской Королевы Ульрики къ Голштинскому Дому, и къ Наслѣдному Принцу. Непріятное пребываніе Голштинскаго Посланника, Тайнаго Совѣтника Фонъ Пелина, при Шведскомъ Дворѣ.

1738. Герцогъ умеръ.

Принцъ поступилъ подъ опеку Администратора, Принца Адольфа Голштейнъ-Готторпскаго, Епископа Ейтинскаго (Eutin), въ послѣдствіи Шведскаго Короля.

Оберъ-Егермейстеръ, Фонъ Бредаль,[1] посланъ въ Петербургъ ко Двору Императрицы Анны съ объявленіемъ о кончинѣ Герцога. Онъ былъ тамъ дурно принятъ, но лучше у Великой Княгини, Елисаветы Петровны, которой онъ привезъ портретъ ея племянника, молодаго Герцога, нарисованный Деннеромъ въ Гамбургѣ масляными красками, и Трунихомъ въ Килѣ въ миніатюрѣ.

При Кильскомъ Дворѣ совершенно потеряли недежду на наслѣдіе Россійскаго престола, и по тому, имѣя въ виду права Принца на Шведскій престолъ, стали со всѣмъ стараніемъ учить его Шведскому языку и Лютеранскому Закону.

Изъ упражненій молодаго Герцога въ Шведскомъ языкѣ, хранится у меня его собственноручный Шведскій переводъ разныхъ газетныхъ статей того времени, и между прочими одной весьма замѣчательной о смерти Императрицы Анны, о наслѣдіи ей Принца Іоанна и объ ожидаемыхъ произойти отъ того безпокойствахъ.

1741. Въ Декабрѣ, вскорѣ по восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы, былъ присланъ въ Киль Имп.-Рос. Маіоръ Фонъ Корфъ (мужъ Графини Маріи Карловны Скавронской, двоюродной сестры Императрицы), и съ нимъ Г. Фонъ Корфъ Импер.-Россійскій Посланникъ при Датскомъ Дворѣ, чтобъ взять молодого Герцога въ Россію.

---

[1] Сынъ Вице-Адмирала, бывшій пажъ и Rilletsträger Герцога и прочія, шуринъ Петербургскаго купца Линдемана.

Спустя три дня по отъѣздѣ Герцога, узнали объ этомъ въ Килѣ; онъ путешествовалъ incognito, подъ именемъ молодаго Графа Дюкера; при немъ были вышеупомянутый Маіоръ, Графъ Фонъ Корфъ, Голштинскій Оберъ-Гофмаршалъ Фонъ Брюммеръ, Оберъ-Камергеръ Фонъ Берхгольцъ и Камеръ-Интендантъ Густавъ Крамеръ, лакей Румбергъ, егерь Бастіанъ.

На послѣдней станціи передъ Берлиномъ, они остановились и послали Камеръ-Интенданта къ тамошнему Россійскому Посланнику (Министру) Фонъ Бракелю, и стали ожидать его на почтовой станціи.

Но въ ночь, на канунѣ, Бракель умеръ въ Берлинѣ. Это ускорило ихъ дальнѣйшее путешествіе въ Петербургъ.

Въ Кёслинѣ, въ Помераніи, Почтмейстеръ узналъ молодаго Герцога. По этому они ѣхали всю ночь, чтобъ поскорѣе выѣхать изъ Прусскихъ границъ.

1742. Въ Генварѣ Герцогъ прибылъ въ Петербургъ, въ Зимній Дворецъ, къ неописанной радости Императрицы Елисаветы. Большое стеченіе народа, любопытствующаго видѣть внука Петра Великаго. Онъ блѣденъ и, по видимому, слабаго сложенія. Императрица, въ придворной церкви, отслужила благодарственный молебенъ, по случаю его благополучнаго прибытія.

Нѣсколько дней спустя, при Дворѣ большой пріемъ и поздравленія.

10 Февраля праздновали 14-й годъ его рожденія, при чемъ былъ великолѣпный фейерверкъ и иллюминація, съ аллегорическимъ намекомъ на число дважды семь.

28 Ея Императорское Величество отправилась съ нимъ въ Москву, для коронаціи.

Тамъ присутствовалъ онъ при коронаціи въ Успенскомъ Соборѣ (25 Апрѣля), на особо устроенномъ мѣстѣ, подлѣ Ея Величества.

Послѣ коронаціи онъ произведенъ въ Подполковники Преображенской гвардіи (и каждый день ходилъ въ мундирѣ этого

10

полка), также въ Полковники перваго лейбъ-кирасирскаго полка; и Фельдмаршалъ Ласси, какъ Подполковникъ того же полка, подаетъ ему ежемѣсячные рапорты.

Императрица, заботясь объ его воспитаніи, поручила своимъ Посланникамъ при Иностранныхъ Дворахъ прислать ей различные планы воспитанія, и составить нѣсколько подобныхъ здѣсь, одинъ изъ нихъ былъ составленъ Статскимъ Совѣтникомъ Фонъ Гольдбахомъ, бывшимъ наставникомъ Петра II, другой Профессоромъ Штелинымъ; послѣдній ей особенно понравился. (По чему? По тому что онъ specialissime соотвѣтствовалъ именно этому, а не какому другому, Принцу).

1 Іюня Профессоръ былъ представленъ молодому Герцогу, какъ его наставникъ, при чемъ Императрица выразилась: «Я вижу, что Его Высочество часто скучаетъ, и долженъ еще научиться многому хорошему, и по тому приставляю къ нему человѣка, который займетъ его полезно и пріятно.»

Занятія Его Высочества съ Профессоромъ, который долженъ былъ находиться при немъ все время, до и послѣ обѣда, шли сперва съ охотою и успѣхомъ. Молодой Герцогъ, кромѣ Французскаго, не учился ни чему; онъ началъ въ Килѣ учиться по Французски у старшаго учителя, но, имѣя мало упражненія, никогда не говорилъ хорошо на этомъ языкѣ и составлялъ свои слова. Сама Императрица удивлялась, что его ни чему не учили въ Голштиніи.

Профессоръ замѣтилъ его склонности и вкусъ, и по нимъ устроилъ свои первыя занятія. Онъ прочитывалъ съ нимъ книги съ картинками, въ особенности съ изображеніемъ крѣпостей, осадныхъ и инженерныхъ орудій; дѣлалъ разныя математическія модели въ маломъ видѣ, и на большомъ столѣ устроивалъ изъ нихъ полные опыты. Приносилъ по временамъ старинныя Русскія монеты и разсказывалъ при ихъ объясненіи древнюю Русскую Исторію, а по медалямъ Петра I-го новѣйшую Исторію Государства.

Два раза въ недѣлю читалъ ему газеты и незамѣтно объяснялъ ему основаніе Исторіи Европейскихъ Государствъ, при этомъ занималъ его ландкартами этѣхъ Государствъ и показывалъ ихъ положеніе на глобусѣ; знакомилъ его съ планами, чертежами и

проч., разсматривалъ планъ комнатъ Герцога и всего Дворца съ прочими строеніями, далѣе планъ Москвы вообще и Кремля въ особенности и проч.

Когда Принцъ не имѣлъ охоты сидѣть, онъ ходилъ съ нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ и занималъ его полезнымъ разговоромъ. Чрезъ это онъ пріобрѣлъ любовь и довѣренность Принца, который охотнѣе выслушивалъ отъ него нравственныя наставленія, чѣмъ отъ Оберъ-Гофмаршала Брюммера и Оберъ-Камергера Берхгольца.

И такъ первые полгода этѣхъ занятій, во время пребыванія въ Москвѣ, прошли болѣе въ приготовленіи къ ученію, чѣмъ въ настоящемъ ученіи. При томъ же, при разныхъ разсѣянностяхъ и почти ежедневныхъ помѣхахъ, нельзя было назначить постояннаго занятія и строгаго распредѣленія учебнаго времени. Не проходило недѣли безъ одного или нѣсколькихъ увеселеній, при которыхъ Принцъ долженъ былъ непремѣнно участвовалъ. Если была хорошая погода, то отправлялись гулять за городъ, или только покататься по обширной Москвѣ. Это случалось, когда было угодно Оберъ-Гофмаршалу Брюммеру, который любилъ показывать себя публично въ парадѣ.[6] Я сказалъ ему однажды, отправляясь съ нимъ вмѣстѣ, не показать ли Принцу какую ни будь фабрику, и не составить ли планъ этѣхъ прогулокъ, чтобы онѣ приносили ему пользу? Мое предложеніе похвалили, но не думали никогда исполнять его. Принца возили по всему городу, не выходя нигдѣ изъ экипажа, и возвращались во Дворецъ.

Если Брюммеръ былъ занятъ своею Шведскою корреспонденціею, то нельзя было и думать о прогулкѣ, какъ бы хороша ни была погода. Отъ этого происходили иногда, а въ послѣдствіи еще чаще, сильныя стычки между Принцемъ и деспотическимъ Оберъ-Гофмаршаломъ.

Къ разнымъ помѣшательствамъ въ урокахъ молодаго Герцога, съ наступленіемъ осени, присоединились уроки танцованія Фран-

---

[6] Графъ Брюммеръ ѣздилъ съ Великимъ Княземъ по городу больше для того, чтобы показать себя, чѣмъ показать что либо полезное молодому Принцу. Онъ дарилъ всѣхъ фрейлинъ изъ казны Великаго Князя.

цузскаго танцмейстера, Лоде (Laudé). Сама Императрица была отличная и прекраснѣйшая танцовщица изъ всего Двора. Всѣ старались хорошо танцовать, по этому и Принцъ долженъ былъ выправлять свои ноги, хотя онъ и не имѣлъ къ тому охоты. Четыре раза въ недѣлю мучилъ его этотъ Лоде, и если онъ послѣ обѣда являлся съ своимъ скрипачемъ, Гайя, то Его Высочество долженъ былъ бросить все и итти танцовать. Это доходило до балетовъ. Принцъ долженъ былъ съ фрейлинами танцовать на Придворныхъ маскерадахъ, хотя онъ къ этому не имѣлъ ни малѣйшей склонности.

Видѣть разводъ солдатъ, во время парада, доставляло ему гораздо больше удовольствія, чѣмъ всѣ балеты, какъ самъ онъ говорилъ мнѣ это при подобномъ случаѣ.

Анекдотъ о балетѣ «La belle Sultanne» на Царской мызѣ и во Дворцѣ ея, когда она была еще Принцессою, также о Фюссано, который при Императрицѣ Аннѣ вышелъ въ отставку, но опять вступилъ въ службу, когда она сдѣлалась Императрицею.

Кромѣ того, у Принца были еще другія развлеченія и игры съ оловянными солдатами, которыхъ онъ разставлялъ и командовалъ ими, съ лакеями, съ карликомъ Андреемъ, съ егеремъ Бастіаномъ, который игралъ ему на скрипкѣ и училъ его играть кое-какъ и проч.

Профессоръ, не имѣя возможности устранить эти разнообразныя и странныя упражненія внѣ учебныхъ занятій, чтобъ представить ихъ еще смѣшнѣе, составилъ имъ списокъ и, по прошествіи полугода, прочитавъ его Принцу, спросилъ его, что подумаетъ свѣтъ объ Его Высочествѣ, если прочтетъ этотъ списокъ его препровожденія времени? Это, однако жь, не устранило игрушекъ, и забавы продолжались по временамъ съ разными измѣненіями. Едва можно было спасти отъ нихъ утренніе и послѣобѣденные часы, назначенные для ученія. Оно шло попеременно, то съ охотою, то безъ охоты, то со вниманіемъ, то съ разсѣянностію. Уроки практической Математики, на примѣръ, Фортификаціи и проч., инженерныхъ укрѣпленій, шли еще правильнѣе прочихъ, по тому что отзывались военнымъ дѣломъ. При этомъ Его Высочество незамѣтно ознакомился съ сухими и скучными началами Геометріи.

Въ прочіе же дни когда преподавалась Исторія, Нравственность и Статистика, Его Высочество былъ гораздо невнимательнѣе, часто просилъ онъ, вмѣсто нихъ, дать урокъ изъ Математики; чтобы не отнять у него охоты, нерѣдко исполняли его желаніе.

Чтобы побудить его быть внимательнѣе, Профессоръ при началѣ урока клалъ на столъ журналъ преподаванія, въ которомъ ежедневно, въ присутствіи Его Высочества, по окончаніи урока, записывалось то, чѣмъ занимались и каковъ былъ при этомъ Его Высочество.

Его увѣряли, что это дѣлается по приказанію Ея Величества, что она смотритъ каждый мѣсяцъ, чѣмъ и какъ онъ занимается, и это часто побуждало его, хотя къ насильственной, внимательности.

Въ это же время приставили къ Его Высочеству духовнаго наставника, Іеромонаха Өедоровскаго (въ послѣдствіи Архіепископа Псковскаго и Ливонскаго, ум. въ Псковѣ 1758 г.; онъ мечталъ быть Папою), который занимался съ нимъ еженедѣльно 4 раза по утрамъ Русскимъ языкомъ и Закономъ Божіимъ. Когда молодой Герцогъ уже выучилъ Катихизисъ и пришло извѣстіе о смерти Шведскаго Короля, тогда стали спѣшить приготовленіями къ пріобщенію Герцога къ Православной Церкви.

Это совершилось съ большимъ торжествомъ, 17 Ноября, въ придворной церкви Лѣтняго Дворца; при этомъ наименовали его Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ престола Ея Императорскаго Величества. Герцогъ держалъ себя при этомъ довольно хорошо. Императрица была очень озабочена; показывала Принцу, какъ и когда должно креститься, и управляла всѣмъ торжествомъ съ величайшею набожностію. Она нѣсколько разъ цѣловала Принца, проливала слезы и съ нею вмѣстѣ всѣ Придворные Пкавалеры и дамы, присутствовавшія при торжествѣ. Передъ концомъ, когда пѣли заключительныя молитвы и концертъ, она отправилась въ комнаты Герцога или новаго Великаго Князя: велѣно вынести изъ нихъ все, что тамъ было, и украсить новою мебелью и великолѣпнымъ туалетомъ, на которомъ, между прочими вещами, стоялъ золотой бокалъ, и въ немъ лежала собственноручная записка

(assignation) Ея Величества къ Президенту падающихъ фондовъ, Тайному Совѣтнику Волкову, о выдачѣ Великому Князю суммы въ 300 тыс. руб. наличными деньгами. Оттуда эта нѣжная мать возвратилась опять въ церковь, повела Великаго Князя, въ сопровожденіи всего Двора, въ его новое украшенное жилище, а потомъ въ свои комнаты, гдѣ онъ обѣдалъ съ Ея Величествомъ за большимъ столомъ.[7]

Объ этомъ торжественномъ обрядѣ, совершенномъ внукомъ Петра Великаго, былъ изданъ печатный Манифестъ Ея Величества и обнародованъ во всемъ Государствѣ.

Въ продолженіи восьми дней были при дворѣ великія празднества.

Въ половинѣ Декабря прибыли изъ Швеціи въ Москву три Депутата отъ тамошнихъ Государственныхъ Чиновъ и привезли Великому Князю, какъ Наслѣднику Шведскаго престола, предложеніе принять корону Швеціи.

Но принять ее было уже поздно послѣ того, какъ Великій Князь перемѣнилъ Вѣру. И по тому, вмѣсто него, корону Швеціи предложили его дядѣ, Епископу Ейтинскому, Администратору Голштиніи.

1743. Въ концѣ года Дворъ отправился въ Петербургъ. Тамъ ученіе Великаго Князя пошло серіознѣе. Проходили по глобусу математическую Географію, учили прагматическую Исторію сосѣднихъ Государствъ; два раза въ недѣлю объяснялась подробно Хронологія и положеніе текущихъ Государственныхъ дѣлъ, по указанію Ея Величества (въ слѣдствіе частныхъ совѣщаній наставника съ Канцлеромъ, Графомъ Бестужевымъ), изучали любимые предметы Великаго Князя: Фортификацію и основанія Артиллеріи, съ обозрѣніемъ существующихъ укрѣпленій (по Force d'Europe), и

[7] Брюммеръ получилъ при этомъ титулъ Графа Римской Имперіи, такъ же Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій и Лестокъ. Брюммеръ распоряжался суммою, подаренною Великому Князю, и ея не стало на 2 года, хотя все содержаніе Двора Великаго Князя производилось на счетъ Императрицы.

положено начало, обѣщанному наставникомъ Великому Князю, фортификаціонному кабинету, въ которомъ, въ 24-хъ ящикахъ, находились всѣ роды и методы укрѣпленій, начиная съ древнихъ Римскихъ до современныхъ, en basrélief, въ дюймъ, съ подземными ходами, минами и проч., частію во всемъ протяженіи, частію въ многоугольникахъ; все это было сдѣлано очень красиво и по назначенному масштабу. [8]

Для узнанія укрѣпленій Русскаго Государства, Великій Князь получилъ отъ Фельдцейхмейстера, Принца Гессенъ-Гомбургскаго, съ дозволенія Императрицы (которая разъ навсегда приказала выдавать Великому Князю все, что потребуется для его ученія), большую тайную книгу (in imper. folio), подъ названіемъ «Сила Имперіи», въ которой были изображены всѣ укрѣпленія, принадлежащія къ Русскому Государству, отъ Риги до Турецкихъ, Персидскихъ и Китайскихъ границъ, въ планѣ и профеляхъ, съ обозначеніемъ ихъ положенія и окрестностей. Этою книгою въ разное время занимался Великій Князь, изъ комнаты котораго ее не брали болѣе полугода, и при каждомъ укрѣпленіи показаны были причины его основанія; при этомъ же случаѣ были специяльно пройдены Исторія и Географія Россіи.

Къ концу года Великій Князь зналъ твердо главныя основанія Русской Исторіи, могъ пересчитать по пальцамъ всѣхъ Государей отъ Рюрика до Петра I-го. Однажды за столомъ поправилъ онъ ошибку Фельдмаршала Долгорукаго и Полицеймейстера Графа Девіера касательно древней Русской Исторіи. При этомъ Императрица заплакала отъ радости, и на другой день велѣла поблагодарить его наставника, Штелина.

---

[8] Этотъ кабинетъ, въ двухъ сундукахъ, по 12 ящиковъ въ каждомъ, былъ оконченъ въ продолженіе 3 лѣтъ. Его работали, по указанію наставника, Капитанъ Горпиновъ и три столяра. Съ виду они были похожи на два Англійскіе комода или бюро, изъ краснаго дерева, съ позолоченою обивкою и скобками. Едва ли гдѣ можно было найти подобный полный кабинетъ. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ былъ отправленъ въ цейхаузъ въ Ораніенбаумъ, въ довольно испорченномъ видѣ, а куда онъ послѣ того дѣвался, я не знаю.

По вечерамъ, когда Великій Князь былъ отозванъ къ Государынѣ, или при Дворѣ не было обыкновенаго пріѣзда, наставникъ занималъ его большими сочиненіями изъ Академической Библіотеки, въ особенности такими, въ которыхъ были поучительныя картины, какъ, на пр., Théatre de l'Europe, Galerie agréable du monde (въ 24 фоліянтахъ), также разными математическими и физическими инструментами и моделями изъ Академической Кунсткамеры, естественными предметами изъ трехъ царствъ природы, съ объясненіемъ посредствомъ разговора. Однажды Великій Князь съ плана крѣпости долженъ былъ мѣломъ нарисовать ее на полу своей комнаты, обитомъ зеленымъ сукномъ, по данному масштабу, въ гораздо большемъ размѣрѣ, по 10 футовъ въ діаметрѣ. На это посвятили нѣсколько вечеровъ. Когда крѣпость была почти готова, въ комнату неожиданно вошла Императрица и увидѣла Великаго Князя съ его наставникомъ, съ планомъ и циркулемъ въ рукахъ, распоряжающаго двумя лакеями, которые, по его указанію, проводили по полу линіи. Ея Величество простояла нѣсколько времени за дверью комнаты и смотрѣли на это, не будучи замѣчена Великимъ Княземъ. Вдругъ она вошла, поцѣловала Его Высочество, похвалила его благородное занятіе и сказала почти со слезами радости: «Не могу выразить словами, какое чувствую удовольствіе, видя, что Ваше Высочество такъ хорошо употребляете свое время, и часто вспоминаю слова моего покойнаго родителя, который однажды сказалъ, со вздохомъ вашей матери и мнѣ, заставъ насъ за ученьемъ: «Ахъ, если бы меня въ юности учили такъ, какъ слѣдуетъ, я охотно отдалъ бы теперь палецъ съ руки моей!»

Этѣ занятія продолжались и слѣдующее лѣто въ Петергофѣ, гдѣ устраивались на полѣ разные многоугольники разныхъ способовъ укрѣпленій въ большомъ размѣрѣ и показаны были разныя инженерныя работы, устройство редутовъ, траншеевъ и проч.

Иногда для удовольствія Великаго Князя устраивали маленькую охоту. Онъ выучился при этомъ стрѣлять изъ ружья и дошелъ до того, что могъ, хотя больше изъ амбиціи, чѣмъ изъ удовольствія, застрѣлить на лету ласточку. Но онъ всегда чувствовалъ страхъ при стрѣльбѣ и охотѣ, особенно когда долженъ былъ подходить ближе. Его нельзя было принудить подойти

ближе другихъ къ медвѣдю, лежащему на цѣпи, которому каждый безъ опасности давалъ изъ рукъ хлѣба.

Его Оберъ-Гофмаршалъ Брюммеръ былъ все еще занятъ Шведскими дѣлами, возведеніемъ Епископа Ейтинскаго на престолъ Швеціи, и большою корреспонденціею, и, по своей врожденной гордости, показывалъ гораздо болѣе важности, чѣмъ сколько могъ сносить это Великій Князь и могли терпѣть знатнѣйшіе Русскіе вельможи. Съ Великимъ Княземъ обращался онъ большею частію презрительно и деспотически. Отъ этого часто между ними происходили сильныя стычки. Чрезъ это Великій Князь, защищая себя противъ его, иногда несправедливыхъ и неприличныхъ, выговоровъ, привыкъ къ искуству ловко возражать и къ вспыльчивости, отъ которой совершенно похудѣлъ. И если иногда заходила рѣчь о томъ, что Его Высочество не прибавляется въ тѣлѣ и въ силахъ, то я, шутя, говорилъ, что онъ для худобы ссорится съ своимъ Оберъ-Гофмаршаломъ.

Однажды произошла у него такая ссора съ этѣмъ надменнымъ и иногда слишкомъ унижающимся новымъ Графомъ, въ Петергофѣ, въ комнатѣ Великаго Князя, въ присутствіи Оберъ-Камергера Берхгольца и Профессора Штелина, и дошла до того, что Брюммеръ вскочилъ и сжалъ кулаки, бросился къ Великому Князю, чтобы его ударить. Профессоръ Штелинъ бросился между ними съ простертыми руками и отстранилъ ударъ, а Великій Князь упалъ на софу, но тотчасъ опять вскочилъ и побѣжалъ къ окну, чтобы позвать на помощь гренадеровъ гвардіи, стоящихъ на часахъ; отъ этого Профессоръ удержалъ его и представилъ Его Высочеству всѣ непріятности, которыя могутъ отъ этого произойти. Но Г. Оберъ-Гофмаршалу, который, въ своемъ бѣшенствѣ, стоялъ, совершенно пораженный, онъ сказалъ: «Поздравляю Ваше Сіятельство, что вы не нанесли удара Его Высочеству, и что крикъ его не раздался изъ окна. Я не желалъ бы быть свѣдѣтелемъ, какъ бьютъ Великаго Князя, объявленнаго Наслѣдникомъ Россійскаго престола.» Между тѣмъ Его Высочество убѣжалъ въ свою спальню, возвратился оттуда со шпагою въ рукѣ и сказалъ Оберъ-Гофмаршалу: «Эта ваша выходка должна быть послѣднею: въ первый разъ, какъ только вы осмѣлитесь поднять на меня руку, я васъ проколю насквозь вотъ этою шпагою. Замѣтьте это

себѣ, и скажите, если угодно, Ея Величеству, а не то — я самъ скажу ей.» Ни Графъ Брюммеръ, ни Оберъ-Камергеръ Берхгольцъ, не сказали ни слова. Профессоръ постарался успокоить Его Высочество, и получилъ отъ него обѣщаніе забыть все это происшествіе и никому объ немъ не говорить.

Съ этого времени Великій Князь ни съ однимъ изъ этѣхъ обоихъ своихъ наблюдателей не говорилъ ласковаго слова и обходился съ ними съ большою холодностію. Спустя нѣсколько недѣль послѣ этого,[8] ихъ вліяніе на него совершенно прекратилось, по тому что, къ большой радости Его Высочества, прибылъ въ Петергофъ Императорскій Посланникъ, Баронъ Герсдорфъ, съ Секретаремъ своимъ, Фонъ Пецольдомъ, и на особенной аудіенціи у Ея Императорскаго Величества представили Великому Князю, присланный отъ Его Величества, Короля Польскаго и Курфирста Саксонскаго, какъ Императорскаго Римскаго Викарія, дипломъ, доставляющій Великому Князю, какъ Герцогу Голштинскому, venia aetatis или маіоратство. Великій Князь, возвратясь съ этѣмъ дипломомъ въ свои покои, прочиталъ его весь громкимъ голосомъ съ своимъ наставникомъ и, обратясь къ своимъ Оберъ-Гофмейстерамъ, Брюммеру и Берхгольцу, которые еще предъ тѣмъ его поздравили, сказалъ имъ: «Вотъ, видите ли, Господа, наконецъ исполнилось то, чего я давно желалъ: я Владѣтельный Герцогъ, вашъ Государь; теперь моя очередь повелѣвать. Прощайте! Вы мнѣ болѣе не нужны, и я постараюсь возвратить васъ въ Голштинію!»[9]

Впрочемъ, оба они оставались еще болѣе года при Дворѣ, состоя по прежнему въ штатѣ Великаго Князя, пока, наконецъ, получили увольненіе, осенью 1745 года, послѣ бракосочетанія Его Императорскаго Высочества. Великій Князь обходился съ ними вѣжливо, но не удостоивалъ ихъ болѣе своей довѣренностію и,

---

[8] Великій Князь жилъ тогда въ Лѣтнемъ Дворцѣ Петра 1-го, а Императрица въ Новомъ Лѣтнемъ Дворцѣ. Великій Князь подарилъ ей на новосельѣ картину Корреджіо.

[9] Штелинъ въ ихъ присутствіи просилъ Великаго Князя, чтобъ онъ, какъ Герцогъ, забылъ оскорбленія, нанесенныя ему, какъ Принцу.

вмѣсто Графа Брюммера, обращался къ Канцлеру, Графу Бестужеву, или къ Вице-Канцлеру, Графу Воронцову, если нужно было испросить что либо у Императрицы и онъ самъ не хотѣлъ ее безпокоить.

1743 года.

Октябрь. Дни.	Часы.	УРОКИ.	Отмѣтки.	Пропуски.
1.	»	. . . .	. . . .	Покровъ Богор.
2.	»	. . . .	. . . .	Воскресенье. . .
☾ 3.	До обѣда. 11—12.	Началъ объяснять прагматическую Исторію и политическое состояніе Европ. Государствъ, по Введенію Пуффендорфа. . . .	Довольно внимателенъ. . . .	. . . .
	Послѣ обѣда. 3—4.	Фортификація о профиляхъ и противоположныхъ проспектахъ	Хорошо	. . . .
	4—4½	Упражненія въ счисленіи. . . .	Съ нетерпѣн.	. . . .
♂ 4.	До обѣда	Показывалъ въ примѣрахъ различіе между обыкновенною и прагматическою Исторіею и пользу послѣдней въ Министерствѣ и настоящихъ дѣлахъ......	Внимательно .	. . . .
	Послѣ обѣда.	О профиляхъ и проспектахъ.	Хорошо. . . .	. . . .
☿ 5.	До обѣда.	Съ полчаса занимались изложеніемъ основныхъ матеріяловъ прагматической Исторіи, по тому что (какъ весьма часто случается) Профессоръ Богословія, сверхъ своего назначеннаго часа, просидѣлъ до половины 12.	Порядочно . . .	. . . .
		Изъ Русской Исторіи начали періодъ Самозванцевъ; разсмотрѣли причины Государственной ошибки тогдашняго Правительства, съ присовокупленіемъ разныхъ политическихъ размышленіи.	Хорошо, но недолго	. . . .
♃ 6.	До обѣда.	. . . .	. . . .	По случаю поздняго начала и нѣкот. офиціал. аудіенц..
	Послѣ обѣда.	Составляли профиль по данной линіи на планѣ	Очень хорошо.	. . . .

☿ 7.	До обѣда.	Начали читать о Даніи (прагматически)	Съ нуждой. .	. . . .
	Послѣ обѣда.	Еще рисовали по Старо-Голландскому плану профили, чтобъ исправить прежнюю ошибку. .	Неутомимо. . .	. . . .
♄ 8.	До обѣда.	. . . .	. . . .	Слабило . . .
	Посл. об.	Продолжали Исторію Самозванцевъ, съ показаніемъ выгодъ, какія хотѣли себѣ извлечь изъ Россіи сосѣднія Державы, и частію извлекли. . . .	Совершенно легкомысленно.	. . . .
☉ 9.	До обѣд.	. . . .	. . . .	Воскресенье.
☾ 10.	До обѣд.	По случаю поздняго начатія, занимались съ полчаса Древнею Исторіею Даніи до Вольдемара III.	Безпокойно. (и Собств. значен.) нагло, дерзко. .	. . . .
	Посл. об.	Профиль съ плана по Цёгорну (Cochorn).	Прекрасно . .	. . . .

12. Замѣчена необыкновенная слабость въ Его Высочествѣ; по этому я распросилъ его и узналъ, что онъ не имѣетъ сна и почти аппетита и чувствуетъ часто наклонность къ обмороку. По пульсу я нашелъ, что это имѣетъ основаніе. Я объявилъ объ этомъ Оберъ-Гофмаршалу, Графу Брюммеру, который приписалъ это притворству и нежеланію учиться и сдѣлалъ выговоръ Великому Князю. На другой день я освободилъ Его Высочество отъ уроковъ и занималъ его эстампами, чертежами и моделями укрѣпленій. Это доставило ему удовольствіе. Между тѣмъ пріѣхалъ его Голштинскій Лейбъ-Медикъ, Статскій Совѣтникъ Струве, и прописалъ Его Высочеству капли, которыя назначилъ принимать по утру и послѣ обѣда. Спустя нѣсколько дней, во время занятій моихъ съ Его Высочествомъ, онъ совершенно ослабѣлъ и почти безъ чувствъ упалъ у стола на руки ко мнѣ и сказалъ: «Я право больше не могу.» Я сказалъ объ этомъ Придворному Врачу Императрицы, Боергаве, который немедленно, вмѣстѣ съ другимъ Придворнымъ Врачемъ, Суше (Souchez), пріѣхалъ къ Великому Князю и нашелъ его такимъ, какъ я сказалъ. Тутъ же пришла и Ея Величество и поручила обоимъ Врачамъ позаботиться объ Его

Высочествѣ (Докторъ Струве былъ устраненъ, огорчился этимъ, занемогъ горячкою и умеръ). Великій Князь долженъ былъ лечь, и тогда, доселѣ скрытная, лихорадка обратилась въ изнурительную. Оба врача должны были при Дворѣ дежурить, и Ея Величество приказала мнѣ изустно, чтобы я постоянно находился при Великомъ Князѣ. Я исполнялъ это съ ранняго утра до поздней ночи. Въ концѣ Октября Его Высочество не подавалъ ни какой надежды къ выздоровленію. Онъ слабѣлъ до крайности и потерялъ охоту ко всему, что нравилось ему во время болѣзни, даже къ музыкѣ, которую до этого любилъ слушать. Когда однажды, въ Субботу, послѣ обѣда, въ передней Его Высочества играла придворная музыка и кастратъ пѣлъ его любимую арію, то онъ сказалъ мнѣ едва слышнымъ голосомъ: «Скоро ли перестанутъ играть?» Это насъ испугало, и Докторъ Боергаве, которому я разсказалъ этотъ случай, воскликнулъ: «Ахъ, Господи! Это дурной знакъ!» Около вечера всѣ потеряли надежду. Великій Князь лежалъ съ полуугасшими глазами и едва хрипѣлъ. Ея Величество, которая нѣсколько дней была нездорова, скорѣе прибѣжала, чѣмъ пришла, къ нему при этомъ извѣстіи. Она такъ испугалась, видя положеніе Великаго Князя, что не могла произнести слова и залилась слезами. Ее съ трудомъ оттащили отъ постели Великаго Князя и увели въ Ея покои. Около полуночи, когда болѣе нечего было дѣлать и надѣяться, я отправился къ Боергаве, въ его квартиру, находившуюся по близости, гдѣ онъ просилъ меня остаться у него, пока къ утру придетъ извѣстіе о кризисѣ, или о смерти. Мы сидѣли передъ каминомъ и курили трубки, почти не говоря ни слова. Каждые полчаса приходилъ камеръ-лакей съ рапортомъ отъ Придворнаго Хирурга, Гюона (Gugon). Все извѣщали, что Великій Князь лежитъ по прежнему безъ движенія. Около 5 часовъ пришелъ онъ въ седьмой разъ и объявилъ, что на лбу Великаго Князя показался крупный потъ; при этомъ извѣстіи Боергаве вскочилъ со стула и сказалъ мнѣ:» «Taut aus Gott danken, de grootvirst sal gevesen!» и тотчасъ взялъ бутылку Бургонскаго, налилъ бокалъ и подалъ мнѣ, сказавъ: «Viont de grootvirst!» Такъ выпили мы нѣсколько бокаловъ и отправились, какъ будто ожившіе и не чувствуя ни какого сна, къ Великому Князю.

Ея Императорское Величество, которая легла не раздѣваясь и едва вздремнула отъ безутѣшной горести, пришла въ 6-ть ча-

совъ утра къ Великому Князю и услыхала отъ Боергаве радостное извѣстіе, что спасительный переломъ возобновилъ надежду на выздоровленіе. Оттуда Императрица отправилась прямо въ придворную церковь и отслужила молебенъ. Съ этого дня въ самомъ дѣлѣ началось выздоровленіе. Въ половинѣ Ноября Его Высочество всталъ въ первый разъ съ постели, но почти до половины Декабря не долженъ былъ выходить изъ комнаты. Ея Величество освободила Великаго Князя до Новаго Года отъ всякаго серьознаго ученья и приказала мнѣ развлекать Его Высочество какими ни будь пріятными занятіями.

Продолженіе ваканцій по случаю предстоящаго путешествія въ Москву.

Тамъ занятія идутъ медленно.

Personnelle Morale о Петрѣ I. Исторія и Dagnet, Insruction d'un Prince.

Охота въ Измайловѣ и прогулка верхомъ.

Прибытіе Принца Августа изъ Голштиніи въ Мартѣ мѣсяцѣ. Его Свѣтлость привезъ для Ея Величества портретъ Принцессы Цербской, написанный въ Берлинѣ живописцемъ Реше. Въ этомъ портретѣ почти нельзя было узнать кисти этого художника, по тому что онъ отъ старости потерялъ силу и прекрасный талантъ.

Его обхожденіе съ Великимъ Княземъ.

Живетъ при Дворѣ съ своими Адъютантами Полковниками, Фонъ Шильдомъ и Хагеромъ.

Императрица приказала взять изъ передней Великаго Князя животное (Haüuxodhul) и умертвить его. Ея наставленіе Великому Князю касательно жестокости и нечувствительности къ несчастію людей и мученія животныхъ (Примѣръ Императрицы Анны, у которой каждую недѣлю, раза по два, на дворѣ травили медвѣдей).

Прибытіе Княгини Ангальтъ-Цербской съ ея дочерью. Восторгъ Императрицы. Характеръ этой прекрасной и умной Кня-

гини. Императрица Елисавета первое время была ею совершенно очарована. Она подарила ей тогда драгоцѣнный перстень съ большимъ брильянтомъ и сказала: «Такъ какъ онъ былъ назначенъ ея прежнему жениху, Епископу Ейтинскому, брату Княгини, который умеръ до обрученія, то она даритъ его сестрѣ его, чтобъ еще разъ скрѣпить ихъ союзъ.»

Въ Ноябрѣ торжествовали обрученіе и наименованіе невѣсты Великою Княжною.

Ея Величество занемогла воспаленіемъ въ груди и лежитъ при смерти. Суше и Боергаве дежурятъ при Дворѣ.

Нарывъ въ легкихъ прорвался и она выздоравливаетъ; чудо отъ Св. воды изъ Троицко-Сергіевой Лавры, Настоятель которой щедро награжденъ подарками.

Болѣзнь доставила Великому Князю полную свободу къ праздности и фамиліярному обхожденію его съ своими служителями.

Путешествіе Двора лѣтомъ въ Кіевъ.

Великій Князь получилъ въ подарокъ Ораніенбаумъ.

Великій Князь занемогъ колотьемъ въ боку (pleurésie). Хирургъ Барре кинулъ ему кровь три раза въ продолженіе двѣнадцати часовъ.

Императрица посылаетъ свою Камеръ-Юнкферу разсказывать ему сказки изъ 1001-й ночи (. . . . . Абрамова, въ послѣдствіи Мельгунова).

1745 года, въ Февралѣ, Великій Князь въ Хотиловѣ; на половинѣ дороги отъ Москвы до Петербурга занемогъ настоящею оспою.

Въ Ноябрѣ 1744 года была у него въ Москвѣ вѣтреная оспа, которую докторъ Суше принималъ за настоящую, но Боергаве призналъ за вѣтреную, и въ доказательство предсказалъ настоящую чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Императрица, тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, отправилась назадъ въ Хотилово, сдѣлала тамъ всѣ нужныя приготовленія и осталась сама въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Великая Княжна съ Матерью находилась также при Ея Величествѣ.

Великаго Князя лечатъ по старой методѣ, въ теплой комнатѣ; весь домъ обитъ войлоками и досками, какъ футляръ.

Хотиловской ямщикъ, Патрикѣевичъ, сдѣланъ придворнымъ ямщикомъ, а по восшествіи Великаго Князя на престолъ произведенъ въ Титулярные Совѣтники въ Ямской Приказъ.

1845 года, въ Февралѣ, Дворъ благополучно возвратился и праздновалъ день рожденія Великаго Князя (10 Февраля) баломъ и аллегорическимъ фейерверкомъ. Императрица спѣшитъ бракосочетаніемъ Великаго Князя. Приготовленія продолжаются до 25 Августа, когда оно и было совершено (Врачи совѣтовали, чтобы оно было отсрочено, по крайней мѣрѣ, на годъ.

Ея Величество произвела наставника Великаго Князя въ Надворные Совѣтники и въ его библіотекари, съ непремѣннымъ приказаніемъ быть постоянно при Великомъ Князѣ, чтобы Его Высочество могъ пользоваться его наставленіями. Она приказала ему, чтобы онъ каждое утро присутствовалъ при вставаніи и одѣваніи Великаго Князя, чтобъ удержать дерзкихъ камердинеровъ и лакеевъ отъ непристойныхъ разговоровъ съ Его Высочествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были вдругъ отосланы, между прочими камердинеръ Румбергъ сосланъ въ крѣпость, а потомъ въ Оренбургъ, откуда возвратилъ его Петръ III въ 1762 г. (Сей послѣдній, по возвращеніи, разсказываетъ Императору чудеса объ уничтоженной имъ Тайной Канцеляріи).

25 Августа совершено бракосочетаніе съ великимъ торжествомъ.

Вскорѣ послѣ этого мать Великой Княгини возвратилась въ свое Княжество Ангальтъ-Цербстъ.

Она возбудила въ Канцлерѣ подозрѣніе своимъ Прусскимъ и Французскимъ образомъ мыслей, и по тому онъ хлопоталъ у Императрицы объ ускореніи отъѣзда и бракосочетанія, которое,

однако жь, по причинѣ оспы, совершилось только въ Августѣ слѣдующаго года. Такъ какъ она придерживалась болѣе партіи Лестока и Графа Брюммера, чѣмъ Канцлеръ, Графъ Бестужевъ, то ее лишили благосклонности и довѣрія Императрицы, которая, чтобъ удалить ее, спѣшила бракосочетаніемъ Великаго Князя, вопреки совѣтамъ Придворныхъ врачей. Великій Князь далъ отставку своему прежнему Оберъ-Гофмаршалу, Графу Брюммеру, и Оберъ-Камергеру Берхгольцу, предложивъ имъ должность въ Голштиніи. Но они, не довѣряя миру, отказались и получили отъ Императрицы, чрезъ Оберъ-Егермейстера, Графа Разумовскаго, ежегодную пенсію: первый въ 3,000 р., а второй въ 2,000 р., и избрали своимъ мѣстопребываніемъ Висмаръ, гдѣ Графъ Брюммеръ умеръ чрезъ нѣсколько лѣтъ, но Берхгольцъ жилъ до 177.. года.

1745. Въ безбрачномъ состояніи Великій Князь проводилъ время въ однихъ увеселеніяхъ.

Для ежедневнаго обхожденія находятся при Его Императорскомъ Высочествѣ его дядя, Принцъ Августъ Голштинскій, [10] Подполковникъ Шильдъ, Адъютантъ Принца Августа, Камеръ-Юнкеръ Вилльбуа и Чернышевъ, Голштинскій Каммергеръ Фонъ Дюккеръ [11] и проч.

Мѣсто Оберъ-Гофмейстера занялъ при немъ Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Репнинъ. [12] Для договора, касательно Голштинскихъ

---

[10] Штатгальтеръ Голштиніи. Онъ выписалъ для Великаго Князя модель города Киля, которая забавляла его болѣе, чѣмъ все Русское Государство, къ немалому огорченію Императрицы. Штелинъ показываетъ ему различіе между обоими. Императрица отсылаетъ всѣхъ Голштинцевъ назадъ.

[11] Послѣ обѣда вечеромъ, когда при Дворѣ не было пріѣзда, или какой либо другой помѣхи, просматривались произведенія искуствъ, модели и книги изъ Академической Библіотеки и составлялись модели, такъ же дѣлались физическіе эксперименты съ воздушнымъ насосомъ и другіе опыты.

[12] Чрезъ него, по предложенію и старанію Штелина, былъ отысканъ манускриптъ Фельдмаршала Миниха: «Refléction sur la construction des fortifications modernes et leur défence, avec un nouveau systéme,» и переписанъ имъ самимъ.

дѣлъ, Тайный Совѣтникъ Пелинъ (Фонъ Левенбахъ—Министръ, а Голштинскій Камергеръ Фонъ Бразенъ—Секретарь).

Штелинъ по утрамъ, во время одѣванія Его Императорскаго Высочества, читаетъ ему газеты и объясняетъ ихъ въ разговорѣ, но и это случается не каждый день; все употребляется на забавы, на пригонку Прусскихъ гренадерскихъ касокъ, на экзерцицію съ служителями и пажами, а вечеромъ на игру.

1746. Дворъ Великаго Князя провелъ лѣто въ Ораніенбаумѣ: тамъ, на лугу, была выстроена крѣпость и зала съ нѣсколькими отдѣленіями, гдѣ давались частыя празднества, какъ, на примѣръ: день обрученія съ иллюминаціей, пушечной пальбой и проч. Комендантъ крѣпости, Графъ Головинъ, Камергеръ и Гофмаршалъ Великаго Князя.

Тамъ въ первый разъ высказалась въ большомъ размѣрѣ страсть къ военному (militaire marotte) въ Его Высочествѣ устройствомъ роты изъ придворныхъ кавалеровъ и прочихъ, окружающихъ Великаго Князя. Онъ самъ—Капитанъ, Князь Репнинъ—его Адъютантъ.

Вечеромъ и утромъ стрѣльба съ вала крѣпости. . . . . . . сигналы; ежедневное ученье, маршировка, маневры съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, съ 4 часовъ послѣ обѣда до поздняго вечера.

Возвращеніе изъ Ораніенбаума въ Лѣтній Дворецъ. Экзерциціи съ служителями и пригонка аммуниціи продолжаются потомъ къ величайшему неудовольствію Императрицы. Ложный докладъ объ этомъ Ея Величеству Репнина былъ открытъ послѣ точнѣйшаго изслѣдованія. Чрезъ это онъ лишился довѣрія Императрицы и вскорѣ послѣ этого былъ посланъ, при вспомогательномъ войскѣ, къ союзной арміи въ Германію. Онъ дошелъ только до Бромберга, по тому что въ Ахенѣ былъ заключенъ миръ, и умеръ на обратномъ пути.

1747. Супруга Камергера Чеглокова, урожденная Графиня Гендрикова, сдѣлана Оберъ-Гофмейстершею Великой Княгини, а супругъ ея, воспитанникъ танцмейстера Лоде, поступилъ на мѣсто Репнина къ Великому Князю. Все перемѣняется при Дворѣ его, но къ лучшему. Штелинъ выходитъ въ отставку (съ пенсіею)

и сдаетъ библіотеку Его Высочества Придворнымъ служителямъ и подобнымъ людямъ.

1748. Великій Князь забываетъ все, что училъ, и проводилъ время въ забавахъ съ такими же невѣждами, какъ Чеглоковъ.

1749. Дворъ отправляется въ Москву. Великій Князь проводилъ время въ нововыстроенномъ увеселительномъ Дворцѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, а зиму въ маскарадахъ, балахъ, играхъ и другихъ увеселеніяхъ, съ Итальянцами, которые учатъ его играть на скрипкѣ.

Годы:

1750 }
1751 } Идутъ тѣмъ же порядкомъ.
1752 }

1753. Въ Москвѣ, гдѣ Чеглоковъ умираетъ.

1754. На его мѣсто поступаетъ къ Двору Великаго Князя Графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, по рекомендаціи любимца, Ивана Ивановича Шувалова.

Въ началѣ года Дворъ возвращается изъ Москвы въ Петербургъ. Великая Княжна беременна. Дворъ Великаго Князя совершенно оживаетъ, Его Высочеству все дозволяется.

Примѣчаніе. Переговоры Датскаго Министра, Графа Линара, касательно уступки Герцогства Голштинскаго за Графство Ольденбургъ и дальнѣйшая раздѣлка. Канцлеръ Графъ Бестужевъ и Голштинскій Министръ, Баронъ Пелинъ, уже уговорили Великаго Князя дать согласіе.

Императрица, которая не хотѣла имѣть дѣла съ Голштиніею, была на это согласна, чтобъ болѣе привязать Великаго Князя къ Россіи. Когда же дѣло дошло до размѣна бумагъ, Великій Князь вдругъ воспротивился. Графъ Линаръ, который уже увѣдомилъ свой Дворъ о согласіи, лишился ожидаемаго имъ мѣста и вскорѣ послѣ того сдѣлался Оберъ-Фогтомъ Графства Ольденбургскаго. Его мѣсто при Императорскомъ Дворѣ занялъ Баронъ Мальцанъ; умеръ въ Петербургѣ въ 1756 г.; его замѣнилъ Баронъ Остенъ.

Лѣтомъ вызвалъ Князь Великій изъ Голштиніи въ Ораніенбаумъ роту Голштинскихъ солдатъ съ ихъ Офицерами.[13]

---

[13] Лейтенантъ Цвейделъ, Штефенсъ и многіе другіе, его наставники въ Прусскомъ

Примѣчаніе. Такъ какъ прежде, вскорѣ по прибытіи Великаго Князя въ Россію, было строго запрещено, чтобы ни одинъ Голштинецъ безъ зова не смѣлъ пріѣзжать въ Россію съ Русскимъ паспортомъ (едва Камеръ-Юнкеръ Графъ Эвстъ и Адлерфельдъ прибыли въ Ригу въ 1743 году, какъ должны были воротиться), то Камергеръ, Графъ Брандорфъ, прибылъ на Любецкомъ кораблѣ, подъ видомъ торговца стекломъ (и съ виду показался красивѣе), и такъ пріютился, что сдѣлался Генераломъ и наконецъ Голштинскимъ Министромъ. Императрица Екатерина II не терпѣла его въ Россіи и лишила его еще въ Данцигѣ Камергерскаго ключа.

Тутъ онъ дѣлается совершенно военнымъ, куритъ табакъ, котораго прежде не могъ терпѣть. Велѣлъ Инженеръ Капитану Додонову построить въ Ораніенбаумѣ крѣпость большей величины. Генералъ Фельдцейхмейстеръ, Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, исходатайствовалъ на это у Императрицы позволеніе, какъ на невинное препровожденіе времени, и доставилъ ему пушки и порохъ.

Учрежденіе арсенала и крѣпости. Основаніемъ къ тому была превосходная оружейная зала бывшаго Оберъ-Гофмаршала, Графа Брюммера, которую купила Императрица и подарила Великому Князю.

Великій Князь снова призываетъ къ себѣ Надворнаго Совѣтника Штелина, поручаетъ ему перевезти его библіотеку въ Ораніенбаумъ и остаться при ней.

20 Сентября Великая Княгиня разрѣшилась отъ бремени Принцемъ. 1-го Ноября торжественное поздравленіе у родильной постели Ея Императоркаго Высочества. Съ этого времени, до Великаго Поста следующаго года, безпрерывныя празднества при Дворѣ и въ домахъ знатнѣйшихъ особъ (Великолѣпіе бала, даннаго Камергеромъ Шуваловымъ, въ его новомъ домѣ, также Генералъ-Фельдцейхмейстеромъ, Графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ). •

Императрица даритъ Великому Князю нѣсколько сотъ тысячъ рублей, для уплаты Гамбургу и для выкупа нѣкоторыхъ заложенныхъ Голштинскихъ имѣній.

военномъ дѣлѣ, Капитанъ Ферстеръ, далѣе Подполковникъ Котцау и проч., возбудили въ Великомъ Князѣ ненависть противъ Даніи и желаніе отмстить Датчанамъ за отнятіе Шлезвига. При этомъ было страшное хвастовство.

До втораго года Прусской войны 1757 года, Великій Князь присутствовалъ постоянно въ Совѣтѣ, учрежденномъ при Дворѣ съ самаго начала этой войны, а лѣтомъ, живя въ Петергофѣ, или въ своемъ увеселительномъ дворцѣ, въ Ораніенбаумѣ, велѣлъ Секретарю, Дмитрію Васильевичу Волкову, привозить къ нему еженедѣльно Протоколъ, прочитывалъ его, дѣлалъ часто шутливыя замѣчанія и подписывалъ его. Но въ послѣдствіи, находя въ Протоколахъ резолюціи Совѣта къ сильнѣйшему нападенію на Прусскаго Короля и къ точнѣйшимъ аудіенціямъ между Русскимъ, Австрійскимъ и Французскимъ Правительствомъ, сталъ онъ возставать противъ Протокола, говорилъ свободно, что Императрицу обманываютъ въ отношеніи къ Прусскому Королю, что Австрійцы насъ подкупаютъ, а Французы обманываютъ, и не хотѣлъ болѣе подписывать Протоколъ, но отсылалъ Секретаря Волкова назадъ, приказавъ ему сказать Совѣту отъ его имени, что мы со временемъ будемъ каяться, что вошли въ союзъ съ Австріею и Франціею.

Обо всемъ, что происходило на войнѣ, получалъ Его Высочество, не знаю откуда, очень подробныя извѣстія съ Прусской стороны, и если по временамъ въ Петербургскихъ газетахъ появлялись реляціи въ честь и пользу Русскому и Австрійскому оружію, то онъ обыкновенно смѣялся и говорилъ: «Все это ложь: мои извѣстія говорятъ совсѣмъ другое.»

О сраженіи при Торгау на Эльбѣ, между Прусскимъ Королемъ и Фельдмаршаломъ Дауномъ, прибылъ къ Графу Эстергази, въ 8 часовъ вечера, еще за свѣтло (въ Іюлѣ), курьеръ съ извѣстіемъ, что Пруссаки совершенно разбиты, и Австрійцы одержали рѣшительную побѣду надъ Прусскимъ Королемъ. Мы сидѣли въ этотъ вечеръ съ Великимъ Княземъ въ деревянномъ Зимнемъ Дворцѣ за ужиномъ. Императрица только что получила это извѣстіе отъ Австрійскаго Посланника, Графа Эстергази, и Камергеръ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, написалъ въ покояхъ Ея Величества къ Великому Князю краткое извѣстіе о томъ, что за часъ предъ тѣмъ сообщено Австрійскимъ курьеромъ, прибывшимъ съ поля сраженія.

Великій Князь, прочитавъ записку, удивился и велѣлъ камерпажу Императрицы сказать Камергеру, отъ его имени, что онъ

благодаритъ его за сообщенную новость, но еще не можетъ ей вѣрить, по тому что еще не пришли его собственныя извѣстія, но онъ надѣется, что завтра ихъ получитъ и сообщитъ тогда Камергеру правдивый разсказъ объ этомъ предполагаемомъ событіи. Мы удивились такому отзыву Великаго Князя Камергеру и сказали Его Высочеству, что вѣроятно то извѣстіе справедливо, которое прислано съ поля сраженія, отъ Главнокомандующаго ко Двору, находящемуся въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ его Дворомъ. «Очень рѣдко, отвѣчалъ Великій Князь; я давно знаю, что Австрійцы любятъ хвалиться и лгать, и всегда предупреждаютъ извѣстіями своего рода извѣстія ихъ противниковъ. Потерпите только до завтра, тогда я узнаю въ точности, какъ было дѣло.» На томъ и осталось, и объ этомъ болѣе не говорили. На другой день, утромъ, въ 9 часовъ, Его Высочество прислалъ за мною скорохода (гонца). Лишь только вошелъ я въ комнату, какъ Великій Князь встрѣтилъ меня словами: «Что я говорилъ вчера за ужиномъ? Не правъ ли я былъ, сказавъ, что не прежде повѣрю извѣстію о побѣдѣ Австрійцевъ надъ Прусскимъ Королемъ при Торгау, пока не получу другого съ Прусской стороны? Я получилъ его сегодня утромъ раненько, и оно говорило совсѣмъ другое, именно, что хотя вечеромъ въ день сраженія Прусская армія была въ дурномъ положеніи и побѣда была почти на Австрійской сторонѣ, но новое нападеніе Генерала Цитена, съ его храбрыми гусарами и Прусскою артиллеріею, дало дѣлу такой внезапный оборотъ, что Король не только одержалъ совершенную побѣду надъ Австрійскою арміею, но на преслѣдованіи потопталъ ихъ безчисленное множество въ Эльбѣ, а Фельдмаршалъ Даунъ, видя свое совершенное пораженіе, въ большемъ безпорядкѣ отступилъ со всею поспѣшностію къ Дрездену, оставивъ весь багажъ побѣдителямъ.» Это извѣстіе было привезено не только Прусскимъ курьеромъ, присланнымъ въ ту же ночь съ поля сраженія къ Его Высочеству, но и другимъ Австрійскимъ курьеромъ къ Австрійскому Посланнику, Графу Эзгергази.

———

ЗАПИСКИ ШТЕЛИНА.

II.

ПЕТРЪ ТРЕТІЙ, ИМПЕРАТОРЪ.

Когда, 25 Декабря, въ 4 часа вечеромъ, скончалась Императрица Елисавета, и Великій Князь, какъ Наслѣдникъ престола, принялъ поздравленіе отъ всѣхъ, призванныхъ къ Двору, Сенаторовъ, Генераловъ и прочихъ Чиновниковъ, тогда онъ велѣлъ гвардейскимъ полкамъ выстроиться на Дворцовой площади, объѣхалъ ихъ уже при наступленіи ночи, и принялъ отъ нихъ привѣтствіе и присягу. Полки выражали свою радость безпрерывнымъ ура своему новому Полковнику и Императору и говорили громко: «Слава Богу! Наконецъ, послѣ столькихъ женщинъ, которыя управляли Россіей, у насъ теперь опять мужчина Императоромъ!» Къ ужину удержалъ онъ при Дворѣ около 30 знатнѣйшихъ особъ.

При кончинѣ Императрицы, кромѣ многихъ знатныхъ духовныхъ особъ, присутствовали: духовникъ ея, Дубенскій, [14] и Архіепископъ Новгородскій, Дмитрій Сѣченовъ. [15] Сей послѣдній уче-

---

[14] Этотъ Дубенскій былъ нѣкогда простой Священникъ. Какъ духовникъ Императрицы, онъ скопилъ, всевозможными способами, большое богатство, на которое купилъ нѣсколько каменныхъ домовъ и разныхъ помѣстій. Одинъ изъ сыновей его былъ пажемъ при Великой Княгинѣ, потомъ Офицеромъ въ Преображенской гвардіи, но вскорѣ умеръ въ чахоткѣ. Другой сынъ былъ сперва Офицеромъ въ конной гвардіи, а потомъ Унтеръ-Егермейстеромъ. Дочь вышла за Князя Долгорукаго.

[15] Этотъ Архіепископъ, весьма ученый и краснорѣчивый мужъ, былъ нѣкогда Профессоромъ въ Кіевской Академіи. Какъ первенствующій Членъ Св. Синода, онъ много значилъ. Императрица Екатерина II очень дорожила имъ. Когда онъ однажды, года за два до своей кончины, опасно занемогъ каменною болѣзнію, она послала къ нему своего Лейбъ-Медика Шиллинга, которому приказала употребить всевозможное для его исцѣленія, ибо для нея много значило его выздоровленіе. Докторъ съ опасностію перешелъ чрезъ Неву (это было не задолго до Страстной Недѣли, 1765 г.) на Петербургскую Сторону и довелъ до того, что камень

ный мужъ и великій ораторъ, привѣтствовалъ Императора превосходною рѣчью, въ которой онъ, приведя слова Ангела изъ Евангелія того дня: «Се возвѣщаю вамъ великую радость» и проч., весьма остроумно выразилъ, вмѣстѣ съ духовною радостью, свѣтскую радость, именно въ Рождествѣ Спасителя и о восшествіи на престолъ Петра, внука и единственной отрасли Петра Великаго.

На другой день Императоръ назначилъ особую Коммиссію для устройства великолѣпнѣйшаго погребенія. Онъ приказалъ, чтобъ не жалѣли ничего для великолѣпія траурной парадной залы, похоронной процессіи и мѣста погребенія. На это Его Величество назначилъ тотчасъ 100 т. руб. наличными деньгами.

Въ этой Коммиссіи, которая собиралась ежедневно въ домѣ сосланнаго Графа Бестужева, бывшаго Канцлера, предсѣдательствовалъ Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, а членами ея были: Камергеръ Князь Куракинъ, Оберъ-Церемонимейстеръ Графъ Санти, Унтеръ-Церемонимейстеръ Баронъ Лефортъ, Статскіе Совѣтники Самаринъ, Волковъ и Штелинъ, которому поручено было составить планъ для аллегорической траурной парадной залы въ Дворцѣ и великолѣпнаго катафалка въ соборномъ храмѣ Петра и Павла, въ крѣпости, вмѣстѣ съ прочими орнаментами.

благополучно вышелъ. Онъ прописалъ Архіепископу бульонъ, но этотъ превосходный пастырь сказалъ ему: «Другъ мой! Я бы охотно, безъ всякихъ упрековъ совѣсти, сталъ это употреблять, но не смѣю этого сдѣлать по причинѣ окружающихъ меня, и если бъ даже стоило это мнѣ жизни, это не столько раздражило бы ихъ, но они сочли бы меня за величайшаго еретика.» Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Ив. Ив. Мелиснно, въ обществѣ друзей сказалъ объ этомъ Архіепископѣ, что это единственный, чуждый всякаго педанства и свободно мыслящій, пастырь во всемъ Синодѣ, и если бъ было тамъ хоть три члена, ему подобныхъ, то было бы легко уничтожить всѣ предразсудки Русскихъ и все суевѣріе, которое еще у нихъ господствуетъ. Къ величайшему огорченію Императрицы, онъ скончался въ Москвѣ, 1767 г., послѣ того, какъ, при его содѣйствіи, приведено было въ исполненіе, предположенное Петромъ I и III, распоряженіе объ отобраніи монастырскихъ помѣстій, которыхъ управленіе поручено, новоучрежденной въ Москвѣ, Экономической Коллегіи, съ назначеніемъ ежегоднаго оклада всему духовенству, отъ высшаго до низшаго. Это Экономическое Управленіе доставляетъ Императрицѣ сумму отъ 3 до 4 милліоновъ, изъ которой содержатся при всѣхъ монастыряхъ Семинаріи, разныя воспитательныя заведенія, каменные мосты, сооруженъ памятникъ Петру I и многія другія превосходныя заведенія.

За этѣмъ работали день и ночь, чтобы, по приказанію Императора, все было готово въ первыхъ числахъ Февраля, а самое погребеніе могло совершится 10 Февраля.

Во время этѣхъ приготовленій Императоръ заѣхалъ однажды въ крѣпость, осмотрѣлъ постройку катафалка и сказалъ, чтобы не жалѣли ничего для его великолѣпія, и если недостаточно будетъ назначенной суммы, то онъ прибавитъ еще. При этотъ случаѣ, находясь уже въ Петропавловской крѣпости, Императоръ захотѣлъ осмотрѣть тамошній Монетный Дворъ. Онъ обошелъ всѣ отдѣленія и, войдя въ то, гдѣ чеканятъ новые рубли, сказалъ, смѣясь: «Эта фабрика мнѣ нравится болѣе многихъ другихъ. Если бъ она прежде принадлежала мнѣ, то я умѣлъ бы ею воспользоваться.» Послѣ того посѣтилъ онъ живущаго въ крѣпости Оберъ-Коменданта, Генералъ-Лейтенанта Костурина, и завтракалъ у него.

Послѣ смерти Императрицы Елисаветы, когда еще не были омеблированы комнаты Зимняго Дворца, поселился онъ въ задней половинѣ деревяннаго Дворца, подлѣ, такъ называемаго, Зимняго моста на Невскомъ или Адмиралтейскомъ проспектѣ, гдѣ скончалась Императрица и лежала до дня погребенія на парадной кровати.

Каждое утро онъ вставалъ въ семь часовъ и, во время одѣванія, отдавалъ Генералъ и Флигель-Адъютантамъ свои повелѣнія на цѣлый день. Въ 8 часовъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и тогда къ нему являлись съ докладами, сперва Генералъ-Прокуроръ Сената (Александръ Ивановичь Глѣбовъ), и такъ, одинъ за другимъ, Президенты Адмиралтейской Военной Коллегіи: онъ разрѣшалъ и подписывалъ ихъ докладъ до 11 часовъ. Тогда отправлялся онъ на дворцовую площадь, на смотръ парада, при смѣнѣ гвардіи, а оттуда въ 1 къ обѣду.

Часто, почти каждый день, по утрамъ, приходила къ нему въ кабинетъ Императрица изъ своей половины, но къ обѣду никогда. При обѣденномъ столѣ его участвовали ежедневно, по его приказанію, то тотъ, то другой, Генералъ-Адмиралъ и другія лица меньшаго чина, съ которыми онъ хотѣлъ подробнѣе говорить.

Камергера И. И. Шувалова, послѣдняго любимца покойной Императрицы, у котораго однажды за Императорскимъ столомъ,

когда рѣчь зашла о ней, потекли по лицу слезы, утѣшилъ онъ словами: «Выбрось изъ головы, Иванъ Ивановичъ, чѣмъ была тебѣ Императрица, и будь увѣренъ, что ты, ради ея памяти, найдешь и во мнѣ друга!» Однажды, въ первые дни своего царствованія, сказалъ онъ за столомъ Штелину, котораго онъ произвелъ въ Статскіе Совѣтники и наименовалъ смотрителемъ своей библіотеки: «Штелинъ! Я очень хорошо знаю, что и въ вашу Академію Наукъ закралось много злоупотребленій и безпорядковъ. Ты видишь, что я занятъ теперь болѣе важными дѣлами, но, какъ только съ ними управлюсь, уничтожу всѣ безпорядки и поставлю ее на лучшую ногу.»

Самое замѣчательное дѣло, которое совершилъ онъ въ первые дни своего правленія, есть безспорно уничтоженіе Тайной Канцеляріи, судилища, подобнаго инквизиціи, только не въ духовныхъ дѣлахъ, и дарованіе Русскому Дворянству свободы служить, или не служить, выѣзжать изъ Государства и проч. Объ этѣхъ двухъ главныхъ предметахъ и о вѣротерпимости часто говорилъ онъ, еще будучи Великимъ Княземъ. Сенатъ былъ такъ этѣмъ обрадованъ, что не только прислалъ депутацію, для выраженія Императору своей благодарности, но хотѣлъ еще воздвигнуть Его Величеству статую, чтобъ увѣковѣчить это неожиданное и великое благодѣяніе.

Такъ какъ всѣ видѣли, какъ былъ неутомимъ этотъ молодой Монархъ въ самыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ быстро и заботливо онъ дѣйствовалъ съ утра и почти цѣлый день въ первые мѣсяцы своего правленія, до прибытія своего дяди, Принца Георгія, то возлагали великую надежду на его царствованіе и всѣ вообще полюбили его.

Только въ послѣдствіи, когда онъ сталъ упускать изъ виду внутреннее, занимаясь только внѣшнимъ, когда онъ уничтожилъ мундиры гвардейскихъ полковъ, существовавшіе со временъ Петра Великаго, и замѣнилъ ихъ короткими Русскими кафтанами, ввелъ бѣлыя узкія брюки и проч., тогда гвардейскіе солдаты и съ ними многіе Офицеры начали тайно роптать и дозволили подбить себя къ возмущенію.

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ ЗАПИСКАМЪ О ЦАРСТВОВАНІИ ПЕТРА III.

Его похвальные поступки въ первые три мѣсяца: каждое утро онъ проводитъ въ кабинетѣ съ Министрами, посѣщаетъ Сенатъ и всѣ Коллегіи, также и Синодъ; вездѣ его принимаютъ съ восторгомъ, а въ послѣднемъ Архіепископъ Новгородскій, Сѣченовъ, говоритъ ему привѣтственную рѣчь.

Каждый день приглашаетъ къ столу своему заслуженныхъ и значительныхъ людей; каждый полдень присутствуетъ на парадѣ гвардейцевъ, которые въ первыя четыре недѣли маршируютъ не хуже лучшихъ Прусскихъ. Фельдмаршалъ Минихъ такъ былъ удивленъ, что сказалъ: «Это для меня истинная новость; я никогда не могъ до этого достигнуть.»

Первое дѣяніе. Учрежденіе Коммиссіи для торжественнаго погребенія Императрицы Елисаветы (Приказъ о выбитіи похоронной медали).

Уничтоженіе Тайной Канцеляріи.

Свобода Дворянства служить, или не служить, путешествовать и проч.

Проектъ объ отобраніи монастырскихъ помѣстій и о назначеніи содержанія Епископамъ и прочему духовенству.

Учрежденіе новыхъ полковъ.

Перемѣна гвардейскихъ формъ (Слишкомъ рано).

Каждый Полковникъ можетъ дать своему полку особенную форму и назвать его своимъ именемъ (Все на Прусскій образецъ).

Меблируетъ новый каменный Дворецъ.

Отличаетъ родственниковъ покойной Императрицы при ея погребеніи.

Даритъ ея двоюродной сестрѣ, супругѣ Канцлера, Графинѣ Воронцовой, прекрасное помѣстье на Волгѣ (Кишора, прежнее помѣстье вдовствующей Царицы, близъ Твери, 4300 душъ). Обходится милостиво съ прежнимъ любимцемъ покойной Императрицы. Платитъ долги его супруги и его собственные.

Принца Петра Голштейнъ-Бокъ объявляетъ Фельдмаршаломъ и Губернаторомъ Петербурга. Помѣщаетъ Принцессу, дочь его, при Дворѣ. Дядѣ своему, Принцу Георгію Голштинскому, и его супругѣ, даетъ титулъ Высочества. Хочетъ воздвигнуть въ Килѣ монументъ своему покойному родителю, и поручаетъ Штелину сочинить для него рисунокъ и устройство.

Съ нѣкоторыми приближенными отправляется въ Шлиссельбургъ и посѣщаетъ тамъ несчастнаго Принца Іоанна.

Велитъ показать себѣ однажды, послѣ обѣда, въ Лѣтнемъ Дворцѣ, оставшійся гардеробъ покойной Императрицы Елисаветы, занимающій нѣсколько комнатъ и залъ, и находитъ 15,000 и нѣсколько сотъ платьевъ, частію одинъ разъ надѣванныхъ, частію совсѣмъ не ношенныхъ, 2 сундука шелковыхъ чулокъ, лентъ, башмаковъ и туфлей до нѣсколькихъ тысячъ и проч. Болѣе сотни не разрѣзанныхъ кусковъ богатыхъ Французскихъ матерій и проч.

Не обѣщаетъ Французамъ много хорошаго отъ своего царствованія.

Гуляетъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ саду Лѣтняго Дворца и приказываетъ отсчитать съ дюжину фухтелей одному безстыдному Французу, Пиктету,[16] за то, что онъ, проходя нѣсколько разъ

[16] Этотъ Пиктетъ (изъ Ганновера), авторъ перваго Французскаго сочиненія о революціи въ Петербургѣ, былъ въ послѣдствіи учителемъ у Графа Гр. Григ. Орлова,

мимо Императора и его свиты, не снялъ даже шляпы, и сказалъ при этомъ: «Такъ надо учить этѣхъ невѣждъ, Французовъ.»

Но тѣмъ болѣе благоволитъ Итальянцамъ и въ особенности музыкантамъ: своего бывшаго учителя на скрипкѣ, Піери, назначаетъ капельмейстеромъ и отказываетъ прежнему (Штарцеру изъ Вѣны). Самъ играетъ при Дворѣ первую скрипку подъ управленіемъ Піери и желаетъ, чтобы всѣ знатные диллетанты, которые нѣкогда играли въ его концертѣ, участвовали и въ Придворныхъ концертахъ, именно два брата Нарышкины (оба Андреевскіе кавалеры), Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Олсуфьевъ, Стат. Сов. Тепловъ и Штелинъ, нѣкоторые гвардейскіе Офицеры и прочіе. Имѣетъ запасъ отличныхъ скрипокъ, изъ которыхъ иныя стоятъ отъ 400 до 500 руб.

Хочетъ выписать изъ Падуи въ Петербургъ старика Тастини, къ школѣ котораго онъ причисляетъ и себя.

Возвращаетъ изъ Болоніи капельмейстера Гайи.

Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія Императрицы, отправляется въ Католическую церковь Францисканцевъ, гдѣ былъ построенъ катафалкъ и совершена была панихида съ музыкою по Императрицѣ Елисаветѣ, сочиненія Манфредини; завтракаетъ у Пасторовъ и подписываетъ планъ ихъ новой церкви.

Замышляетъ, по всегдашней ненависти къ Даніи, объявить ей войну, чтобъ возвратить Шлезвигъ. Громко говоритъ объ этомъ за ужиномъ на празднествѣ, которое давалъ для него Фельдмаршалъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, тогда какъ Датскій Посланникъ, Графъ Гакстгаузенъ, сидитъ противъ него, и грозитъ Датчанамъ словами: «Они довольно долго пользовались отъ моей Голштиніи, теперь я хочу отъ нихъ попользоваться.» Вскорѣ послѣ того Графъ Гакстгаузенъ послалъ своего нарочнаго къ своему Двору съ этимъ извѣстіемъ (Секретаря Шумахера).

и употребилъ во зло его милость: 1765 г. онъ попытался провезть изъ Парижа безъ пошлины 3 большіе сундука съ новѣйшими товарами (на 60,000 р.), но былъ пойманъ, и весь товаръ его конфискованъ, а самъ обманщикъ посаженъ въ Полицію.

Датчане въ самомъ дѣлѣ приготовились къ войнѣ и поручили главное начальство надъ войскомъ Генералу Сенъ-Жермену.

Навѣщаетъ Великаго Князя Павла Петровича, цѣлуетъ его и говоритъ: «Изъ него со временемъ выйдетъ хорошій малый. Пусть пока онъ останется подъ прежнимъ своимъ надзоромъ, но я скоро сдѣлаю другое распоряженіе и постараюсь, чтобъ онъ получилъ другое лучшее воспитаніе (военное), вмѣсто женскаго.»

Однажды утромъ, во время одѣванья, когда ему рапортовали, что Полиція открыла въ прошедшую ночь шайку разбойниковъ на Фонтанкѣ, въ деревнѣ Метеловкѣ, онъ сказалъ: «Пора опять приняться за висѣлицу. Это злоупотребленіе милости длилось слишкомъ долго и сдѣлало многихъ несчастными. Дѣдъ мой зналъ это лучше, и чтобъ искоренить все зло въ Россіи, должно устроить уголовные суды по его образцу.»

Каждое утро являются къ нему съ докладами: Генералъ-Прокуроръ Глѣбовъ изъ Сената, Адмиралъ изъ Адмиралтейской Коллегіи, Генералъ изъ Военной Коммиссіи и Членъ изъ Коммиссіи Иностранныхъ Дѣлъ; онъ разрѣшаетъ доклады и подписываетъ ихъ.

Въ первые дни своего царствованія даетъ повелѣніе освободить и возвратить всѣхъ, сосланныхъ Императрицею: Фельдмаршала Миниха изъ Пелыма, Герцога Курляндскаго изъ Переяславля, Графа Лестока изъ Углича и проч., кромѣ бывшаго Канцлера, Графа Бестужева. Онъ подозрѣваетъ его въ тайномъ соумышленіи съ его супругою противъ него, и ссылается въ этомъ на покойную Императрицу, которая предостерегала отъ него.

Прежде всѣхъ возвращается Герцогъ Курляндскій съ своимъ семействомъ и помѣщается у своего зятя, Барона Черкасова.

Императоръ, назначившій Герцогство Курляндское своему дядѣ, Принцу Георгію, при первомъ пріемѣ говоритъ Герцогу Бирону, который благодаритъ его, преклонивъ колѣна: «Утѣшьтесь и будьте увѣрены, что вы будете мною довольны. Если вы и не останетесь Герцогомъ Курляндскимъ, то все таки будете хорошо пристроены.»

Минихъ возвращается въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ и помѣщается въ квартирѣ, нанятой его внукомъ, Барономъ Фитенгофомъ, у Измайловскаго моста. Получаетъ много визитовъ. Видитъ баталіонъ гвардіи, идущей мимо его оконъ на часы и марширующій по новому образцу и, полный удивленія, говоритъ Штелину: «Ей Богу это для меня новость! Я никогда этого не могъ достигнуть!» При первомъ посѣщеніи дѣлаетъ Императору комплиментъ этѣмъ признаніемъ. Императоръ беретъ его съ собою въ парадъ, гдѣ онъ дивится еще болѣе.

Императоръ примиряетъ Герцога Курляндскаго съ Фельдмаршаломъ Минихомъ: при первомъ ихъ свиданіи при Дворѣ, они цѣлуются, пожимаютъ другъ другу руки и должны обѣщать Императору, что забудутъ и никогда не будутъ упоминать о томъ, что было прежде между ними.

Трудится надъ проектомъ Петра Великаго объ отобраніи монастырскихъ помѣстій и о назначеніи особенной Экономической Коллегіи для управленія ими. Генералъ-Прокуроръ, Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, сочиняетъ объ этомъ Манифестъ, въ которомъ, кромѣ другихъ доводовъ, приведены слова Спасителя: «Взгляните на лиліи въ полѣ: онѣ не сѣятъ, ни прядутъ, ни собираютъ въ свои житницы,» и проч. Онъ беретъ этотъ Манифестъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы еще разсмотрѣть его и дополнить замѣчаніями.

Разсматриваетъ всѣ сословія съ Государствѣ и имѣетъ намѣреніе поручить составить проектъ, какъ поднять мѣщанское сословіе въ городахъ Россіи, чтобъ оно было поставлено на Нѣмецкую ногу, и какъ поощрить ихъ промышленность. Ему нравится предложеніе Штелина, разослать Нѣмецкихъ ремесленниковъ по Русскимъ городамъ, чтобъ они, за умѣренную пенсію, обучали Русскихъ мальчиковъ и заставляли ихъ работать на Нѣмецкій образецъ, и по ихъ способностямъ и искуству давали имъ званія подмастерья, или мастера, далѣе послать нѣкоторыхъ въ ученіе за границу, также послать въ Германію, Голландію и Англію нѣсколько доровитыхъ купеческихъ сыновей въ тамошнія Коммерческія конторы, чтобъ изучить Бухгалтерію и Коммерцію и устроить Русскія конторы на иностранный образецъ.

Посѣщаетъ обойную фабрику à la Gobelins, устроенную Петромъ Великимъ, но пришедшую въ упадокъ послѣ его смерти и только вновь приведенную въ порядокъ Императрицею Елисаветою. Принимаетъ ее подъ свое особенное покровительство и назначаетъ ея Директоромъ, бывшаго своего Камердинера, Брессана. Заказываетъ два большіе куска haute lisse для двухъ стѣнъ передней въ Новомъ Зимнемъ Дворцѣ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ представлять восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы, а другой—его собственное (длина ихъ отъ 3 до 4 саженъ, вышина ½ сажени). Статскій Совѣтникъ Штелинъ долженъ былъ составить аллегорическій рисунокъ, Императоръ одобрилъ и поручилъ Директору Брессану заказать по немъ двѣ большія картины въ Парижѣ.

Празднуетъ, 10 Февраля, день своего рожденія прекраснымъ и великолѣпнымъ фейерверкомъ въ увеселительномъ Дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ. При этомъ случаѣ было много милостей и производствъ: оба брата Нарышкины сдѣланы, Александръ Александровичъ Оберъ-Гофмаршаломъ, Левъ Александровичъ Шталмейстеромъ, оба получили Андреевскій орденъ, а также Голштинскій Оберъ-Егермейстеръ Фонъ Бредаль, Генералъ-Лейтенантъ Виллъбуа произведенъ въ Генералъ-Фельдцейхмейстеры и пр. Этому послѣднему и Шталмейстеру Нарышкину Императоръ подарилъ по каменному дому.

Велитъ составить планъ фонду, изъ котораго должно выдавать большую пенсію тѣмъ, которые получали ее до того изъ его собственной суммы, и говоритъ при этомъ: «Они довольствовались до сихъ поръ изъ моей тощей Великокняжеской казны, теперь я дамъ имъ пенсію изъ моей толстой кассы. Господь Богъ щедро надѣлилъ меня, такъ и я хочу щедрѣе надѣлить ихъ, чѣмъ дѣлалъ это прежде.»

На Святой Недѣлѣ Императоръ переѣзжаетъ въ Новый Зимній Дворецъ, помѣщаетъ Императрицу на отдаленномъ концѣ его, а ближе къ себѣ, на антресоляхъ, свою любимицу, толстую фрейлину, Елисавету Романовну Воронцову; между переднею и отдѣленіемъ Императрицы Великій Князь, съ его Оберъ-Гофмейстеромъ, Графомъ Панинымъ.

При вступленіи его въ Новый Дворецъ, Главный Ординаторъ, Итальянецъ Графъ Растрелли, поднесъ ему большой планъ всего Дворцоваго строенія. Императоръ, принявъ его и взявъ его съ собою въ свои покои, сказалъ окружающимъ: «Я долженъ подарить что ни будь Растрелли. Но деньги мнѣ самому теперь нужны. Я знаю, что сдѣлаю, и это будетъ для него пріятнѣе денегъ. Я дамъ ему свой Голштинскій Орденъ. Онъ не бѣденъ и съ амбиціей, и приметъ это за особенную милость, и я раздѣлаюсь съ нимъ честно, не тратя денегъ.» Его Величество приказалъ принести орденскую ленту и звѣзду, призвалъ Графа, возложилъ на него орденъ и оставилъ къ ужину при Дворѣ. Когда Графъ послѣ ужина возвратился домой и жена его, весьма тщеславная Берлинская Француженка (урожденная изъ Валлиса), у которой въ это время ужиналъ придворный живописецъ, Графъ Ротенъ, увидѣла его съ этѣмъ Орденомъ, то, заплакавъ отъ радости, не могла ни слова сказать и едва не лишилась чувствъ.

Въ этомъ Новомъ Дворцѣ Императоръ помѣстилъ и молодую Принцесу Голштейнъ-Бокъ, дочь Фельдмаршала и Генералъ-Губернатора Эстляндіи, въ особенномъ флигелѣ, на дворѣ, вмѣстѣ съ ея гувернанткою, дѣвицею Мирабель, и позаботился объ ея воспитаніи. Она получила Орденъ Св. Екатерины, также и молодая вдова покойнаго ея сведеннаго брата, Принца Карла Голштейнъ-Бокъ, убитаго на сраженіи въ Прусской службѣ, урожденная Графиня Фонъ Дона, и еще супруга Принца Георгія. Остальныя Принцессы и родственницы Голштинскаго Дома, жившія тогда въ Кенигсбергѣ съ Герцогомъ Голштейнъ-Бокъ, бывшимъ супругомъ Графини Оржельской, должны были также получить пенсію, но это не исполнилось, по случаю его кратковременнаго царствованія. Съ тѣхъ, поръ какъ Императоръ переѣхалъ въ Новый Дворецъ, онъ хотя и занимался по прежнему, каждое утро, Государственными дѣлами, но все остальное время дня употреблялъ на военное дѣло, въ особенности на его внѣшнюю сторону: перемѣну формы гвардейскихъ и полевыхъ полковъ.

Прежняя, введенная Петромъ Великимъ, форма гвардіи была замѣнена въ короткіе Прусскіе кафтаны съ золотыми (называемыми Бранденбургскими) петлицами. Офицеры изъ вѣжливости показывали видъ, что они этѣмъ довольны, но нижніе чины, те-

рявшіе аршина по два отъ каждаго мундира, громко роптали на это нововведеніе. Это положило нѣсколько камней въ основаніе ихъ воспослѣдовавшаго отпаденія отъ Императора. Къ этому присоединился еще ропотъ, будто Императоръ хочетъ уничтожить гвардейскіе полки (онъ точно замышлялъ это исполнить и, по своей дурной привычкѣ, не могъ сохранить въ тайнѣ), раздѣлить парадъ между прочими полками и въ столицѣ, вмѣсто гвардіи, употреблять его лейбъ-кирасирскій полкъ, перемѣщая ежегодно полевые полки.

Еще будучи Великимъ Княземъ, называлъ онъ янычарами гвардейскихъ солдатъ, живущихъ на одномъ мѣстѣ въ казармахъ съ женами и дѣтьми, и говорилъ: «Они только блакируютъ резиденцію, неспособны ни къ какому труду, ни къ военнымъ экзерциціямъ, и всегда опасны для Правительства.»

Всѣ Офицеры ходили теперь въ новыхъ коротенькихъ мундирахъ, съ Испанскою тростію въ рукѣ и съ записною табличкою въ карманѣ

Каждое утро въ 11 часовъ былъ передъ Дворцомъ парадъ, на которомъ являлся Императоръ и все, что его окружало. Полевые полки получили другое названіе, по именамъ своихъ Полковниковъ, тогда какъ прежде назывались по городамъ и областямъ Государства. Каждый Полковникъ выдумывалъ свою форму, и по этому мундиры стали необыкновенно разнообразны, такъ что каждый полкъ былъ одѣтъ иначе, чѣмъ другой. Почти каждый Генералъ, даже Фельдмаршалы, получили каждый особый полкъ и ходили въ той формѣ. Фельдмаршалы и прочіе Генералы, которые были вмѣстѣ Полковниками, Подполковниками и Маіорами гвардейскихъ полковъ, должны были лично командовать своимъ полкомъ, когда при Дворѣ смѣнялась стража, и стоять передъ фронтомъ во время парада. Это исполняли: Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, Гетманъ Графъ Разумовскій и другіе, которые до этого, бывъ Подполковниками и Маіорами гвардейскихъ полковъ, не только не брали въ руки эспонтона, но и не учились новой экзерциціи. Чтобъ не подвергнуть себя публичному выговору отъ Императора и насмѣшкамъ Офицеровъ, каждый изъ нихъ держитъ у себя въ домѣ молодаго Офи-

цера, который знаетъ службу, и раза по три и четыре въ день беретъ у него уроки въ новой Прусской экзерциціи.

Такъ какъ Императоръ привыкъ выкуривать трубку кнастера послѣ обѣда и по утру передъ кофеемъ, а при другихъ внѣшнихъ солдатскихъ пріемахъ любилъ, чтобы и Офицеры курили трубку, то куреніе табаку, которое считалось гадкимъ при Императрицѣ Елисаветѣ и вообще почти неупотребительно между Русскими, сдѣлалось теперь общимъ.

Кто не куритъ табаку, тотъ почти не считался за хорошаго Офицера, и куда приглашали Императора въ гости, тамъ всегда лежали на столахъ кнастеръ, трубки и фидибусы. Каждый, въ угоду Императору, хотѣлъ курить, и иной господинъ, всю жизнь не курившій табаку (какъ, на примѣръ, Канцлеръ Графъ Воронцовъ), также бралъ трубку и курилъ, или дѣлалъ видъ, что куритъ съ большимъ удовольствіемъ. Даже дамы, хотя сами не курили, дѣлали видъ, что имъ пріятенъ табачный дымъ. [16]

Однажды за ужиномъ читали Императору списокъ Генераламъ и Полковникамъ, которыхъ должно было произвесть. Онъ при

---

[16] Императоръ Петръ III въ юности не могъ сносить табачнаго дыма. Еще будучи Великимъ Княземъ, онъ показывалъ къ нему такое же отвращеніе, какъ Императрица Елисавета, для которой ничто не было такъ противно, какъ запахъ табаку и чесноку. Если къ нему кто приближался, отъ котораго пахло табакомъ, онъ ему тотчасъ выговаривалъ, что онъ курилъ. Года за два до восшествія своего на престолъ, живя лѣтомъ лагеремъ въ Ораніенбаумѣ съ своими Голштинскими Офицерами и ежедневно упражняясь въ маршировкѣ, онъ научился курить отъ одного грубаго Голштинскаго Лейтенанта, Цвейфеля. Первое время это причиняло ему частыя дурноты, но, желая подражать Прусскимъ Офицерамъ во всякой внѣшности, какъ бы дурна ни была она, какъ, на примѣръ, брань и прочее, онъ продолжалъ это куреніе до тѣхъ поръ, пока привыкъ, и наконецъ получилъ къ оному охоту. Когда Штелинъ, увидавъ его въ первый разъ за трубкою на лугу, въ кругу своихъ Офицеровъ, и подлѣ него бутылку пива, выразилъ ему свое удивленіе при этомъ новомъ для него зрѣлищѣ, тогда Великій Князь отвѣчалъ ему: «Чему ты удивляешься, глупецъ? Не уже ли ты видѣлъ гдѣ честнаго, храбраго Офицера, который не курилъ бы трубки?» — «Это можетъ быть и такъ, Ваше Высочество, отвѣчалъ Штелинъ; я дивлюсь только тому, который нѣкогда не могъ терпѣть тѣхъ, отъ кого пахло табакомъ.»

каждомъ дѣлалъ свои основательныя замѣчанія, и когда дошла очередь до тогдашняго Генералъ-Маіора Орлова, онъ громко закричалъ: «Вычеркнуть! вычеркнуть! Я не хочу имѣть у себя въ службѣ Генерала, котораго били крестьяне. Если тетка моя, Императрица, произвела его въ Генералъ-Маіоры, то пусть онъ и носится съ этѣмъ чиномъ, но не говоритъ, что онъ при мнѣ сдѣлался Генераломъ!» При этомъ Его Величество приказалъ тотчасъ же дать ему отставку.

Примѣчаніе. Генералъ Орловъ, при Императрицѣ Елисаветѣ, былъ посланъ ею, въ чинѣ Полковника, съ полкомъ своимъ за Москву, противъ бунтующихъ крестьянъ, или лучше сказать противъ монастыря, къ которому они принадлежали. Собравшіеся крестьяне не хотѣли разойтись, и когда онъ велѣлъ выстрѣлить по нимъ холостымъ зарядомъ, они напали на его баталіонъ и обратили его въ бѣгство, а его самаго прибили до полусмерти и заперли въ тѣсный хлѣвъ. Онъ родомъ изъ старинной Нѣмецкой фамиліи, женился на Русской и при Императрицѣ Елисаветѣ принялъ Русскую Вѣру. Чѣмъ недовольнѣе былъ онъ Императоромъ, тѣмъ преданнѣе былъ Императрицѣ, которая произвела его въ Генералъ-Лейтенанты, а въ Турецкую войну въ Генералъ-Аншефы. Онъ умеръ въ 1771 году въ Георгіевѣ, послѣ вторичнаго взятія этой Турецкой крѣпости на Дунаѣ.

28 Іюня гвардія у Краснаго кабака хочетъ воротиться. Генералъ Волконскій уговорилъ Императрицу сѣсть въ Офицерскомъ мундирѣ на коня и самой вести ихъ.

Стеченіе народа въ городѣ. Предостереженія Полиціи.

29, въ 4 часа утромъ, Лейтенантъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ прибылъ въ Петергофъ съ гусарскимъ полкомъ Милорадовича и выстроилъ ихъ на плацу (одинъ гусарскій Лейтенантъ проситъ на водку у Ландрата, Графа Штейнбока, и отнимаетъ у него весь кошелекъ). Арестуетъ тамъ Голштинскихъ рекрутъ съ ихъ Офицерами. Полкъ спѣшитъ въ Ораніенбаумъ и обезоруживаетъ въ крѣпости Голштинскихъ солдатъ. Извергъ Сенаторъ Суворовъ кричитъ солдатамъ: «Рубите Прусаковъ!» и хочетъ, чтобы изрубили всѣхъ обезоруженныхъ солдатъ. Гусарскіе Офицеры ободряютъ ихъ и говорятъ: «Не бойтесь: мы вамъ ничего худаго не сдѣлаемъ; насъ обманули и сказали, что Императоръ умеръ.»

ХАРАКТЕРЪ ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА III.

Натуральный или физическій.

Съ малолѣтства слабаго сложенія, прибылъ (въ Декабрѣ 1741 года) въ Петербургъ ко Двору, очень блѣдный, слабый и нѣжнаго сложенія. Его бѣлорусые волосы причесаны на Италь-янскій манеръ.

Темпераментъ или характеръ.

Physic. i. e., constitutio natural.

Его Лейбъ-Медикъ, Докторъ Струве, хочетъ подкрѣпить его силы частыми пріемами лѣкарства, но это его скорѣе ослабляетъ, чѣмъ подкрѣпляетъ, и онъ осенью 1743 года впадаетъ въ совершенное истощеніе и получаетъ опасную febris continua lenta, отъ которой чуть не умеръ.

Оправляется отъ болѣзни въ Москвѣ, въ 1744 году, чрезъ моціонъ и лѣтнее путешествіе съ Императрицею въ Кіевъ; осенью занемогаетъ колотьемъ въ боку; зимою получаетъ вѣтреную оспу, а въ Февралѣ 1745 года, на половинѣ дороги въ Петербургъ, настоящую оспу.

Въ послѣдствіи упражненія съ Голштинскими солдатами укрѣпили его силы. Онъ постоянно пилъ вино съ водою, но когда угощалъ своихъ Генераловъ и Офицеровъ, то хотѣлъ по солдатски раздѣлять съ ними все, и пилъ иногда нѣсколько бокаловъ вина безъ воды.

Но это никогда не проходило ему даромъ, и на другой день онъ чувствовалъ себя дурно и оставался цѣлый день въ шлафоркѣ.

Intellectuel.

Ingenium. Довольно остроуменъ, въ особенности въ спорахъ, что развивалось и поддерживалось въ немъ съ юности сварливостію его Оберъ-Гофмаршала, Брюммера.

Любитъ музыку, живопись, фейерверкъ и проч.

Judicia. Отъ природы судитъ довольно хорошо, но привязанность къ чувственнымъ удовольствіямъ болѣе разстроивала, чѣмъ развивала, его сужденія, и по тому онъ не любилъ глубокаго размышленія.

Memoria. Отличная до крайнихъ мелочей. Охотно читалъ описанія путешествій и военныя книги. Какъ только выходилъ каталогъ новыхъ книгъ, онъ его прочитывалъ и отмѣчалъ для себя множество книгъ, которыя составили порядочную библіотеку.

Выписалъ изъ Киля библіотеку своего покойнаго родителя, и купилъ за тысячу рублей инженерную и военную библіотеку Меллинга.

Примѣчаніе. Будучи Великимъ Княземъ и не имѣя мѣста для библіотеки въ своемъ Петербургскомъ Дворцѣ, онъ велѣлъ перевезти ее въ Ораніенбаумъ и держалъ при ней библіотекаря. Сдѣлавшись Императоромъ, онъ поручилъ Статскому Совѣтнику Штелину, какъ своему главному библіотекарю, устроить библіотеку въ мезонинѣ его Новаго Зимняго Дворца въ Петербургѣ, для чего были назначены четыре большія комнаты и двѣ для самаго библіотекаря.

Для этого, на первый случай, назначилъ онъ 3000 рублей, а потомъ ежегодно 2 тысячи рублей, но требовалъ, чтобы въ нее не вошло ни одной Латинской книги, по тому что, отъ педагогическаго преподаванія и принужденія, Латынь опротивѣла ему съ малолѣтства.

Moralis. Не былъ ханжею, но и не любилъ ни какихъ шутокъ надъ Вѣрою и словомъ Божіимъ. Былъ нѣсколько невнимателенъ при внѣшнемъ Богослуженіи, часто позабывалъ при этомъ обыкновенные поклоны и кресты и разговаривалъ съ окружающими его фрейлинами и другими лицами.

Императрицѣ весьма не нравились подобные поступки. Она выразила свое огорченіе Канцлеру, Графу Бестужеву, который отъ ея имени, при подобныхъ и многихъ другихъ случаяхъ, поручалъ мнѣ дѣлать Великому Князю серьезныя наставленія. Это было исполняемо со всею внимательностію, обыкновенно въ Понедѣльникъ, касательно подобнаго неприличія его поступковъ, какъ въ церкви, такъ и при Дворѣ, или при другихъ публичныхъ собраці-

яхъ. Онъ не обижался подобными замѣчаніями, по тому что былъ убѣжденъ, что я желалъ ему добра и всегда ему совѣтывалъ, какъ можно болѣе угождать Ея Величеству и составить тѣмъ свое счастіе.

Чуждъ всякихъ предразсудковъ и суевѣрій. Помысломъ касательно Вѣры былъ болѣе Протестантъ, чѣмъ Русскій; по этому съ малолѣтства часто получалъ увѣщанія не выказывать подобныхъ мыслей и показывать болѣе вниманія и уваженія къ Богослуженію и къ обрядамъ Вѣры.

Примѣчаніе. Имѣлъ всегда при себѣ Нѣмецкую Библію и Кильскій Молитвенникъ, въ которомъ зналъ наизусть нѣкоторыя изъ лучшихъ духовныхъ пѣсней.

Боялся грозы.

На словахъ ни сколько не страшился смерти, но на дѣлѣ боялся всякой опасности. Часто хвалился, что онъ ни въ какомъ сраженіи не останется назади, и что если бъ его поразила пуля, то онъ былъ бы увѣренъ, что она была ему назначена.

Онъ часто разсказывалъ, что онъ, будучи Лейтенантомъ, съ отрядомъ Голштинцевъ разбилъ отрядъ Датчанъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Объ этомъ событіи не могъ разсказать мнѣ ни одинъ изъ Голштинцевъ, которые находились при немъ съ малолѣтства. Всѣ полагали, что онъ только для шутки разсказываетъ такія, слишкомъ неправдоподобныя, исторіи. Но часто разсказывая ихъ, въ особенности иностранцамъ, я самъ сталъ наконецъ имъ вѣрить и считать не за шутки. Между прочимъ, уже будучи Императоромъ, разсказывалъ онъ это однажды Императорскому Римскому Посланнику, Графу Мерси, который распрашивалъ меня о подробностяхъ этого случая и о времени, когда оно совершилось, но я отвѣчалъ ему: «Ваше Сіятельство, вѣроятно, ослышались. Императоръ разсказывалъ это, какъ сонъ, видѣнный имъ въ Голштиніи.»

Примѣчаніе. Употреблены были всѣ возможныя средства научить его скромности, на примѣръ, довѣряли ему какую ни будь тайну, и потомъ подсылали людей ее выпытывать.

ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА

УЧЕБНЫХЪ ЗАНЯТІЙ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ѲЕДОРОВИЧА, СЪ ІЮНЯ 1742 ГОДА ДО 1745 ГОДА. *

Послѣ того, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше одобрили планъ ученія, всѣ назначенныя лекціи Его Высочества были раздѣлены на 3 особые отдѣла, и по нимъ распредѣлены часы и особые дни для занятій.

Именно: 1) Historica et Geographica (Исторія и Географія).

2) Mathematica et Phisica (Математика и Физика).

3) Moralia et Politica (Мораль и Политика).

такъ, что каждый изъ этѣхъ 3 уроковъ бываетъ 2 раза въ недѣлю. И такъ

Изъ Исторіи.

Сначала прошли вкратцѣ Исторію Россіи, съ Рюрика до настоящаго времени. Чтобъ поддержать охоту, каждый разъ предлагалось изображеніе того Государя, о которомъ была рѣчь, въ картинѣ и оттискѣ изъ находящихся въ Академіи Кунсткамеры изображеній Царей въ зеленой яшмѣ, вырѣзанныхъ въ

---

* Извлеченъ и составленъ наскоро, по требованію Г. Оберъ-Гофмаршала, Графа Брюммера, который, вмѣстѣ съ Г. Оберъ-Камергеромъ, Фонъ Берхгольцомъ, былъ при этомъ (при урокахъ) всегдашнимъ свѣдѣтелемъ. Вѣроятно, этотъ Экстрактъ, кромѣ копіи съ журнала, былъ составленъ для Императрицы, которая желала видѣть вкратцѣ все, чему учился до сихъ поръ Великій Князь.

Нирнбергѣ извѣстнымъ.... для бывшаго Фельдцейхмейстера Графа Брюса. Изъ ближайшихъ временъ разсматривали старинныя Татарскія и Русскія монеты, изъ Петр. Миллерова Минцъ-Кабинета, также при случаѣ и другія древности этой земли, какія случалось мнѣ отыскать въ разныхъ мѣстахъ. Далѣе, читали Пуффендорфово Введеніе въ Исторію всѣхъ Европейскихъ Государствъ, съ краткими объясненіями, послѣ того съ большею подробностію Исторію сосѣднихъ Государствъ.

Scientif. et Praef^ce.

Исторія и Географія.

1742 г. Русской Имперіи вообще съ картинами, монетами и изображеніемъ Государей. Веденіе Пуффендорфа.

Spec. Hist. vicinorum:
Швеціи
Даніи
Польши
Турціи
Татаріи
Персіи
съ приложеніемъ къ Русской.
Далѣе: Англіи
Голландіи
Франціи
Италіи
Испаніи.

Исторія Россіи, Даніи, Швеціи, Голштиніи — Прагматич. съ Географич. и Генеалогич.

Географія.

Карта Россіи съ Академическими Извѣстіями. Глобусъ и Математ. Географ. съ карты на глобусѣ и наоборотъ, краткое понятіе о созвѣздіяхъ.

Физика и Математика.

Прошли en gros 3 царства природы; просматривали лучшихъ авторовъ съ картинами.

Показана ихъ польза въ жизни, торговлѣ, ремеслахъ, экономіи и медицынѣ.

Извлеченіе изъ экспериментальной Физики: объяснены физическіе феномены.

Изучены всѣ относящіеся къ тому инструменты и въ особенности барометръ, гигрометръ и магнитная стрѣлка.

Первые полгода занимались, играя, инструментами и планами, и изучили такимъ образомъ линію, уголъ и всѣ математическія фигуры.

Далѣе Ариѳметика съ приложеніемъ на casus geometr. demonstrat., при этомъ нѣсколько изъ Losch.

Артиллерія.

Архитектура, военная въ особенности, гражданская, всѣ съ чертежами и моделями.

Рисовали все это съ

Мораль и Политика.

Gen. Spec. Petron. Sus. nat. et gent. d^o.civil. Russ.
Offic. hominis
» principis
» personal.

Наставленія въ скромности и испытанія въ ней.

Въ особенности обращали вниманіе на Русское Государство, что въ немъ есть и что еще нужно въ немъ сдѣлать.

1744. Читали извлеченіе изъ сочиненія Abbé Dagnet, Instruction d'un Prince, первые полгода вообще, вторые спеціально, и наконецъ персонально, въ отношеніи къ Его Высочеству и всѣхъ обстоятельствъ, до него касающихся, на примѣръ, о необходимомъ и строгомъ согласованіи (accomodation) съ Вашимъ Величествомъ и Государствомъ.

Показаны выгоды, какія можно извлечь для своего образованія изъ благоразумныхъ разговоровъ съ людьми разнаго званія по наукамъ, опытности и прочее.

Всегда съ приложені-

чертежей въ большомъ размѣрѣ.

Основаніе Механики, Гидравлики, Оптики и прочія вкратцѣ съ ясными примѣрами.

емъ примѣровъ Петра I-го.

Политика.

Два раза въ недѣлю, при чтеніи газетъ, занимались Исторіею и Политикою, каждый разъ съ картою на столѣ. При каждомъ отдѣлѣ, имѣющемъ отношеніе къ Россіи, показаны выгоды Государства и причины, по получаемымъ мною по временамъ свѣдѣніямъ о текущихъ дѣлахъ отъ С..........

Показано, какъ должны думать Его Высочество и другіе Русскіе патріоты. Также при случаѣ прибытія иностраннаго Посланника объяснено......

По окончаніи главнаго отдѣла одного урока, чрезъ мѣсяцъ, или болѣе, повторено все пройденное въ два, или въ три, урока, а при началѣ урока повторялся предыдущей interrogando.

Кромѣ того, въ ежедневномъ обхожденіи, кромѣ уроковъ:

При всякомъ разговорѣ напоминалось слышанное.

Старались извлечь пользу изъ каждаго случая, какъ, на примѣръ, при посѣщеніи Кремля въ Москвѣ разсмотрѣли и вкратцѣ изучили его планъ, также и планъ Москвы (начали съ плана Дворца и комнатъ Его Высочества).

На охотѣ, по вечерамъ, для препровожденія времени, просматривали всѣ книги объ охотѣ съ картинками.

При музыкѣ объяснены всѣ роды ея, вкусы нынѣшней музыки и всѣ музыкальные инструменты.

Въ Петергофѣ, въ Монплезирской галереѣ, разсмотрѣли картины знаменитнѣйшихъ школъ, въ послѣдствіи ознакомились съ личностію замѣчательныхъ художниковъ. Просматривали эстампы Вѣнской галереи и изучили вкратцѣ ея художниковъ.

При плафонахъ и карнизахъ объяснены миѳологическія метаморфозы и басни, съ показаніемъ нравственной цѣли.

При комедіяхъ и операхъ показано различіе между комедіею и трагедіею и главнѣйшія ихъ правила.

При монетахъ ознакомились со всѣми ходячими монетами въ Европѣ, по моему собственному собранію, и разсчитали цѣнность каждой въ сравненіи съ рублемъ и копѣйкой. При этомъ разные курсы, коммерческой, ассигнаціонной, и проч.

При Минцъ-Кабинетѣ изъ Голштиніи объяснена вкратцѣ древняя Нумизматика, въ особенности Греческая и Римская. Также просматривали извѣстнѣйшихъ писателей о древнихъ монетахъ, на примѣръ: Шпангейма, Бейера и другихъ. Далѣе по вечерамъ перелистывали антикваріевъ, на примѣръ: L'antiquité, expliqué par Monfaucon etc. . . . . .

При посѣщеніи Академіи и Кунсткамеры показана цѣль Петра 1-го въ отношеніи къ народу. О ихъ пользѣ. О всѣхъ извѣстныхъ большихъ Библіотекахъ и Музеяхъ въ Европѣ.

При Кирхнирскихъ кукольныхъ машинахъ объясненъ механизмъ и всѣ уловки фокусниковъ. Трактатъ Ozanam. Также механическія преимущества такъ называемаго.....

При пожарѣ показаны всѣ орудія и ихъ композиціи; заказаны въ маломъ видѣ подобные инструменты въ артиллеріи.

Дѣйствіе пороха. Отъ одного зерна всѣ орудія до огромнѣйшихъ минъ.

На прогулкѣ по городу показано устройство Полиціи, въ особенности пожарной.

При Министерскихъ аудіенціяхъ объяснено Церемоніальное право Дворовъ.

ПИСАТЕЛИ, ПИСАВШІЕ О ПЕТРѢ III.

Первый, который писалъ о немъ, какъ Императорѣ, былъ Кабинетъ-Секретарь Дмитрій Васильевичъ Волковъ, написавшій Манифестъ о кончинѣ Императрицы Елисаветы и о восшествіи на престолъ Петра III.

Тогдашній Архіепископъ Новгородскій, Сѣченовъ, послѣ кончины Императрицы, поздравилъ его при Дворѣ съ восшествіемъ на престолъ краткою и умною рѣчью, которая была напечатана въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Другая, не менѣе замѣчательная, рѣчь, которую сказалъ Императору этотъ ученый и краснорѣчивый Архіепископъ, когда Его Величество, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, посѣщая всѣ Императорскія Коллегіи, прибылъ наконецъ въ Св. Синодъ и занялъ тамъ свое Императорское кресло, была также напечатана въ Вѣдомостяхъ №.... 1762 года

Указъ, обнародованный отъ Его Величества, къ вѣчной его славѣ, уничтожающій страшную инквизицію или Тайную Канцелярію и ужасное восклицаніе: «Слово и дѣло,»[17] былъ сочиненъ тогдашнимъ Генералъ-Прокуроромъ, Александромъ Ивановичемъ Глѣбовымъ, имъ же были сочинены и другіе два замѣчательные Указа о свободѣ Русскаго Дворянства и объ учрежденіи Экономической Коллегіи управленія монастырскими помѣстьями. Этотъ послѣдній былъ обнародованъ въ царствованіе Екатерины.

---

[17] Если кто либо хотѣлъ довести до свѣдѣнія Императора что либо, касающееся денегъ, или до Государства, то говорилъ: «Слово и дѣло;» тогда должно было его взять и немедленно подъ стражею отправить на казенный счетъ въ Тайную Канцелярію, къ мѣстопребыванію Двора, какъ бы далеко это ни было. Его никто не смѣлъ болѣе распрашивать, имѣетъ ли онъ что сказать противъ перваго, втораго, или третьяго, пунктовъ. Лишь только онъ былъ на мѣстѣ и доносилъ на кого ни будь, тогда и того немедленно брали къ допросу. Чрезъ это, введенное Петромъ I-мъ, учрежденіе происходило много злыхъ доносовъ на невинныхъ людей и разныя несчастія.

Послѣ паденія Императора стали появляться о немъ многія сочиненія, какъ здѣсь, такъ и за границею, частію къ осужденію, частію къ его защитѣ.

Первое, появившееся здѣсь, вскорѣ послѣ его паденія, было Французское письмо одного иностранца къ своему другу, которому онъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, это важное событіе и ругаетъ падшаго Императора. Но вскорѣ узнали, что это длинный худой и косой Женевецъ, по имени Пиктетъ, который не задолго передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Россію искать счастія.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой перемѣны гулялъ онъ однажды, послѣ обѣда, въ Императорскомъ саду Лѣтняго Дворца, когда пришелъ туда Императоръ, въ сопровожденіи своей свиты и Адъютантовъ. Пиктетъ прошелъ близко мимо Его Величества и его свиты, не снялъ шляпы и даже не посторонился. Императоръ, которому онъ смотрѣлъ нагло въ лицо, спросилъ окружающихъ, что это за человѣкъ? Никто не зналъ его. Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, Императоръ послалъ своего Флигель-Адъютанта остановить его и спросить, кто онъ таковъ? Когда тотъ, все еще не снимая шляпы, отвѣчалъ, что онъ Французъ, Императоръ сказалъ: «Вотъ какой негодный Французъ зашелъ къ намъ въ садъ!» и приказалъ своему Адъютанту влѣпить ему въ спину палашемъ 20 фуктелей и сказать: «Такъ Его Величество учитъ вѣжливости невоспитанныхъ Французовъ, и чтобъ онъ сейчасъ убирался изъ саду.»

Такъ этѣмъ-то своимъ письмомъ хотѣлъ этотъ негодяй отмстить несчастному Императору. Въ послѣдствіи онъ сдѣлался Французскимъ учителемъ у Графа Григорья Григорьевича Орлова, но велъ себя неприлично и недолго пробылъ у Его Сіятельства. Нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ былъ пойманъ въ контрабандѣ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по ремеслу. У нихъ были конфискованы 2 сундука, наполненные новѣйшими Французскими галантерейными товарами, которые были потомъ проданы съ публичнаго торга за 60,000 рублей.

Манифестъ объ отреченіи Императора и о восшествіи на престолъ его супруги былъ сочиненъ Ст. Сов. Тепловымъ.

Горячность, употребленная имъ въ выраженіяхъ, была, вѣроятно, слѣдствіемъ его мщенія, по тому что онъ въ первые дни царствованія Его Величества былъ посаженъ въ крѣпость, за нѣкоторыя неприличныя рѣчи объ Императрицѣ, но недѣли черезъ двѣ, по просьбѣ Графа Разумовскаго, былъ опять освобожденъ, съ предостереженіемъ быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ и рѣчахъ.

Въ 1764 году вышла гдѣ-то въ Германіи, на Французскомъ языкѣ «Histoire de Pierre III, Empereur de Russie, avec plusieurs anecdotes singulières et dignes de curiosité. Londres. 1764, въ 8ку, 142 стр., съ предисловіемъ на 6 страницахъ.»

Примѣчаніе. Эта исторія написана довольно подробно. Но нѣкоторыя обстоятельства частію совершенно ложны, частію не такъ разсказаны. Авторъ старался въ ней воздать должную похвалу Императрицѣ Екатеринѣ II и показать ее вполнѣ достойною престола, и, напротивъ, изобразить всѣ дурныя качества ея супруга, Петра III-го.

ДОНЕСЕНІЕ

АКАДЕМИКА-ПРОФЕССОРА ШТЕЛИНА ВЪ КОММИСІЮ.

Въ Высокоучрежденную Слѣдственную о Академіи Наукъ Коммиссію покорнѣйше доноситъ Штелинъ, Ординарный Профессоръ Элоквенціи и Поэзіи. *

По Указу Высокоучрежденной Слѣдственной о Академіи Наукъ Коммиссіи, покорнѣйше доношу, что я отъ Императорской Академіи Наукъ въ 1735 году выписанъ изъ Саксоніи, сперва Адъюнктомъ, а въ третьемъ году здѣсь оказанной мною вѣрной службы здѣланъ я тогда, на упалое мѣсто, Профессоромъ Элоквенціи и Поэзіи.

По силѣ моего, здѣсь приложеннаго, контракта, нахожусь я въ такомъ мнѣніи, что я по сіе время отправлялъ мою должность, какъ членъ Академіи Наукъ и вѣрнѣйшій рабъ Ея Императорскаго Величества, находящійся въ службѣ съ слѣдующимъ удовольствіемъ, а именно:

Чрезъ три года писалъ и въ печать отдавалъ я Вѣдомости.

Многія, такъ называемыя, Примѣчанія, которыя, по большой части содержатъ въ себѣ пространныя описанія особенныхъ матерій, по состоянію времени и обстоятельствъ, сочинялъ и въ печать отдавалъ, а именно:

При случаѣ первой при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ бывшей оперы, о началѣ, приращеніи и нынѣшнемъ состояніи оперы во всей Европѣ.

---

* Послѣ 1742 года.

О житіи и ученіи перваго, такъ называемаго, Философа Пифагора, еще въ секретѣ.

О бывшихъ обрядахъ свадебныхъ древнихъ Жидовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ.

О разности великаго, высокославнаго и славнаго человѣка, или кому свойственно сей титулъ приличествуетъ.

Любопытныя извѣстія о состояніи Турецкаго Государства и Двора.

И прочія многія.

При томъ же, Нѣмецкую Грамматику, для употребленія Россійскаго юношества, совсѣмъ выправилъ, умножилъ и въ совершенное состояніе привелъ вновь для напечатанія.

Особливо, какъ Профессоръ Поэзіи, сочинялъ, именемъ всей Академіи Наукъ, всякіе поздравительные стихи, въ ординарные и экстраординарные большіе праздники Ея Императорскому Величеству, а именно: при случаѣ Новаго Году, въ высокіе дни рожденія, коронованія, побѣдъ, мирнаго заключенія, восшествія на престолъ и прочая.

Сочинялъ и въ печати издавалъ описанія и изъясненія всѣхъ представленныхъ иллюминацій и фейерверковъ плановъ.

Виньеты или украшенія къ книгамъ, планамъ и ландкартамъ, которыя при Академіи вылили, дѣлалъ и рисовалъ.

По преставленіи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества, Анны Іоанновны, парадную залу съ эмблемами и съ надписями, также и всѣ украшенія катафалка въ соборной церкви Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, описалъ и въ печать издалъ.

Выдумывалъ и рисовалъ разныя медали, по Указу отъ Двора, изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣланы, а нѣкоторыя еще не сдѣланы, а именно:

На полученныя при случаѣ счастливыя побѣды надъ Турками и Татарами.

На заключеніе вѣчнаго мира.

При случаѣ преставленія Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны.

На благополучное восшествіе на Всероссійскій престолъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы, Елисаветы Петровны.

На высокіе дни коронованія Ея Императорскаго Величества.

Въ Академической Авдиторіи читалъ я, Русскимъ и Нѣмецкимъ Студентамъ, публичныя лекціи, а именно:

Литеральную Исторію о Элоквенціи и Ораторіи.

Реторику.

Критику, и при томъ, за неимѣніемъ Профессора, изъ Юриспруденціи читалъ о правахъ естественныхъ и нравоучительную науку.

Приватно училъ:

Сокращенной Вольфовой Логикѣ.

Первымъ началамъ собранной Философіи Готшеда и прочая.

Нѣмецкому штилю и прочая.

Но понеже мнѣ, по силѣ особливаго опредѣленія, Апрѣля 15 числа, 1740 году, отъ Академіи Наукъ, сверхъ ординарныхъ моихъ должностей, приказано было и экстраординарныя дѣла отправлять, а именно: при всякихъ случаяхъ трудиться въ Императорской Академической Библіотекѣ, того ради я, сверхъ ординарныхъ и вышеобъявленныхъ трудовъ, помалу привелъ въ надлежащей порядокъ Библіотеку, Русскія книги и рукописныя сочиненія, и здѣлалъ каталогъ онымъ, такъ какъ оной уже напечатанъ.

Сверхъ сего, и что я въ недѣльныя собранія и въ конференціи Профессоровъ ходилъ прилежно, и на послѣдокъ въ то время, когда Дворъ находился въ Москвѣ, отправ-

лялъ я со всякою ревностію и прилежаніемъ всякія, порученныя отъ Академіи мнѣ, дѣла при Дворѣ, также и въ Правительствующемъ Сенатѣ; при томъ же исполнялъ охотно всякіе именные Указы и коммиссіи о отправленіи другихъ дѣлъ, которыя на меня не отъ Академіи, но отъ Вышней власти, положены были, и того ради:

Бывалъ я на экзаменахъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, пересматривалъ въ соборной церкви Святыхъ Апостолъ Петра и Павла Архіепископскую Библіотеку, а именно:

Для Императорскаго Двора переводилъ я прежде экстракты коммедій и интермедій съ Итальянскаго языка на Нѣмецкій.

Всѣ до сего времени бывшія оперы съ Итальянскаго языка переводилъ я отчасти простымъ штилемъ, а отчасти виршами, и въ печать отдавалъ.

Многія другія дѣла для Двора Ея Императорскаго Величества переводилъ отчасти съ Итальянскаго на Нѣмецкой, а нѣкоторыя съ Нѣмецкаго на Итальянской языкъ.

Пересматривалъ картины въ Петергофѣ и здѣлалъ онымъ исправный реестръ.

Въ лѣтнемъ домѣ, въ большой каморѣ, въ которой находилось весьма много всякихъ старинныхъ диковинокъ и рѣзныхъ фигуръ, сочинилъ тамъ же онымъ роспись.

При случаѣ торжественнаго мирнаго заключенія велъ я исправный придворный журналъ, и оному описаніе на 26 листахъ, въ такъ называемыхъ Примѣчаніяхъ, въ печать издалъ.

Въ печальной Коммиссіи и при погребеніи въ церемоніи блаженныя памяти Ея Императорскаго Величества, Анны Іоанновны, былъ я ассистентомъ.

Съ самаго восшествія Ея Величества, Государыни Императрицы, Елисаветы Петровны, на Всероссійскій престолъ, принялъ на себя стараніе о приведеніи въ состояніе Императорскаго Придворнаго театра, также и того, что къ оному принадлежитъ.

Особливо же, по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества именному Указу, отправился я за Дворомъ въ Москву, и тамъ отправлялъ порученную мнѣ коммиссію о учрежденіи новаго опернаго дома, о представленіи великой оперы, и имѣлъ надсмотрѣніе надъ всѣмъ музыкантскимъ хоромъ, сочинялъ особливые прологи аллегорическіе Ея Императорскому Величеству, управлялъ сцены и украшенія и имѣлъ дирекцію надъ музыкою и прочая, оперы переводилъ и отданныя въ печать поправлялъ, сочинялъ эмблемы къ большому фейерверку и къ разнымъ иллюминаціямъ, прежде и во время высокаго дня коронованія Ея Императорскаго Величества, также и послѣ онаго, велъ исправной придворной журналъ всѣмъ случившимся торжественнымъ церемоніямъ и празднованіямъ, что явствуетъ изъ всѣхъ моихъ экстрактовъ и на почтѣ отправленныхъ извѣстій, которыя напечатанныя въ народъ вышли.

По окончаніи всего вышеписаннаго, имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, Всемилостивѣйше повелѣно мнѣ, отъ Ея Императорскаго Величества, по апробованному моему плану, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Всероссійскаго, обучать надлежащимъ наукамъ, и стараться паче всего о семъ, что я на каждой день со всеподданнѣйшею ревностію исполнялъ, и при томъ все то, что касается до Академіи, по возможности моей отправлялъ.

І. Штелинъ, Профессоръ Поэзіи.

ДОНЕСЕНІЕ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ДЛЯ МАЛОЛѢТНЫХЪ ДѢТЕЙ ПРИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗІИ.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ прошломъ Маѣ мѣсяцѣ Статскій Совѣтникъ Таубертъ публиковалъ чрезъ газеты, что при Гимназіи Академической дѣлается учрежденіе къ воспитанію малолѣтныхъ дѣтей, опредѣляемыхъ къ высокимъ наукамъ, и чтобъ желающіе всякаго чина, кромѣ крѣпостныхъ, приводили въ Канцелярію Академіи дѣтей своихъ не старѣе, какъ отъ пяти до шести лѣтъ. Ваше Императорское Величество, не имѣвъ ни каковаго о семъ свѣдѣнія, повелѣть мнѣ тогда соизволили, взять у Тауберта отвѣтъ, по какому Указу и на какомъ основаніи онъ то дѣлаетъ. На сіе онъ мнѣ сообщилъ тогда пространный Проектъ о новомъ учрежденіи Академіи Наукъ, который, какъ онъ мнѣ сказывалъ, по приказу Президентскому изготовленъ для поднесенія Вашему Величеству. А въ томъ Проектѣ приложено и помянутое учрежденіе о воспитаніи малолѣтныхъ. Того же времени я имѣлъ честь подносить все оное Вашему Императорскому Величеству; но понеже сообщеніе то состояло во многихъ тетрадяхъ, то Ваше Величество, по обыкновенному Вашему многодѣлію, повелѣть мнѣ соизволили, отложить все оное до окончанія Рижскаго дѣла. А вчерашняго числа, по Высочайшему повелѣнію Вашего Величества, ѣздилъ я въ Академію около полудня, и засталъ тамъ съ Таубертомъ вмѣстѣ Профессора Эпинуса, которые мнѣ показывали въ особливомъ при Академическомъ домѣ, въ которомъ и Гимназія находится, учрежденіе воспитываемыхъ малолѣт-

ныхъ дѣтей, о которомъ я до сего времени ничего не зналъ. Я оное нашелъ не только по объясненіямъ Тауберта и Эпинуса, но и въ самомъ дѣлѣ учреждено точно съ Высочайшимъ намѣреніемъ Вашего Величества сходно, по тому что живая копія снята, какъ по точному основанію о воспитываемыхъ младенцахъ при Академіи Художествъ, такъ въ столѣ, платьѣ, содержаніи и чистотѣ покоевъ того же учрежденія. Малолѣтныхъ дѣтей засталъ я всѣхъ на молитвѣ, которымъ Священникъ, вмѣсто Обѣдни воскресной, въ залѣ отправлялъ Часы, по окончаніи которыхъ въ другой они при мнѣ обѣдали, и всѣ чисто одѣты и прибраны, однимъ словомъ, все то наблюдено, что въ Академіи Художествъ. Между тѣмъ нашелъ ту только отмѣну, что дѣти въ первомъ трехъ лѣтъ классѣ воспитываются въ Нѣмецкомъ, а не во Французскомъ, языкѣ, и на сіе мнѣ Таубертъ и Эпинусъ объявили, что сіе отмѣнено съ намѣреніемъ таковымъ, что сіи младенцы къ высокимъ наукамъ будутъ приготовляться, а не къ художествамъ, которые, когда выйдутъ въ другой классъ чрезъ три года, то начнутъ обучаться неотмѣнно Латынскаго языка, и по сходству съ Латинскимъ, будутъ тогда учиться и Французскому удобнѣе. А Нѣмецкой, де, языкъ необходимо ученому человѣку надобенъ, найпаче въ Россіи, по тому что въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества цѣлыя провинціи Нѣмецкія находятся, въ которыхъ удобнѣе бы было къ дѣламъ употреблять со временемъ Россійскихъ ученыхъ съ совершеннымъ знаніемъ Нѣмецкаго языка. Но для чего о томъ прежде не поднесенъ Проектъ на Высочайшую апробацію Вашего Величества, о томъ Таубертъ мнѣ далъ, за своею рукою, письменное изъясненіе, которое при семъ подношу, такъ какъ и реестръ собраннымъ мальчикамъ,коликихъ каждый лѣтъ и чьи они дѣти, изъ котораго Ваше Величество усмотрѣть соизволите, что въ надеждѣ обученія высокихъ наукъ и хорошихъ отцовъ дѣти тутъ отданы.

Сіе донесши, повергаю себя къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества,

всенижайшій и всеподданѣйшій рабъ,

Григорій Тепловъ.

Августа 28 дня,
1765 г. СПБ.

2.

Краткое извѣстіе, по какимъ причинамъ учрежденіе нынѣ сдѣлано при Гимназіи Академической о воспитаніи малыхъ дѣтей, и на какомъ основаніи.

Для поправленія худаго состоянія Университета и Гимназіи, въ которыхъ прежде уже учреждено содержать Студентовъ 30, а Гимназистовъ 60 человѣкъ, Академіи Г-нъ Президентъ, въ данной, при отъѣздѣ своемъ въ чужіе краи, Академической Канцеляріи Инструкціи, въ 6-мъ пунктѣ предписалъ, чтобъ Университетъ и Гимназію, съ принадлежащими ко онымъ Профессорами, Учителями, Студентами и Учениками, учредить на такомъ основаніи, которое бы сходствовало съ Высочайшимъ намѣреніемъ Ея Императорскаго Величества о воспитаніи и обученіи Россійскаго юношества, т. е., по плану, уже о томъ изъ Сената въ народъ публикованному въ прошломъ году, о чемъ подтверждено имъ же, Г-мъ Президентомъ, письмомъ изъ Акена, отъ 28 Іюня, слѣдующими словами: «Особливо рекомендую покрѣпче приняться за Университетъ и Гимназію. Тотъ Департаментъ, будучи первѣйшая надежда Академіи, понынѣ слабо себя оказываетъ, а причина тому не иная, какъ та, которую воспитательнымъ училищемъ поправить можно.»

Въ слѣдствіе сего разсуждено Собраніемъ Академическимъ, вмѣсто выключенныхъ изъ Гимназіи, за неспособностію къ наукамъ и за негодными поступками, набрать въ комплетъ къ положеннымъ по штату на казенномъ содержаніи 60-ти Гимназистамъ, какъ въ силу Президентскихъ повелѣній, такъ и во исполненіе упомянутаго Ея Императорскимъ Величествомъ Высочайше предписаннаго плана о воспитаніи юношества, послѣдуя во всемъ апробованному Ея Величествомъ Регламенту Академіи Художествъ, безъ всякой отмѣны, поколику оный и для наукъ служить можетъ основаніемъ, * хорошей надежды молодыхъ людей, и дать имъ прямое въ благонравіи воспитаніе.

---

* Напечатанное въ разбивку подчеркнуто самой Государыней и на поляхъ ею же

Къ сему долженъ я еще присовокупить многократное напоминаніе отъ Его Превосходительства, Ивана Ивановича Бецкаго, не только мнѣ, чтобъ я старался, по примѣру учрежденнаго имъ воспитанія дѣтей при Академіи Художествъ, завести такое же и при Гимназіи Академической, но то же самое Его Превосходительствомъ подтверждено было и Г-ну Коллежскому Совѣтнику и Профессору Эпинусу, когда мы имѣли честь подавать наши совѣты Его Превосходительству при сочиненіи помянутаго Регламента Академіи Художествъ.

Напоминанія Его Превосходительства казались мнѣ столь важны, а при томъ и столь справедливы, что я, независимо отъ сочиняемаго новаго Регламента и Штата о всей Академіи, который поданъ мною Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Г. Теплову, для поднесенія Ея Императорскому Величеству при поправленіи Гимназіи, по повелѣнію Президентскому, призналъ за должность мою послѣдовать Генеральному плану о воспитаніи при училищахъ малолѣтныхъ дѣтей, который Ея Императорскимъ Величествомъ конфирмованъ и обнародованъ во все Государство; по чему и учреждено при Гимназіи воспитаніе дѣтей точно такое, какъ въ Академіи Художествъ, съ тою только малою отмѣною, чтобъ въ первомъ классѣ учить Нѣмецкому, а не Французскому, языку, за тѣмъ, что, по сходству Латинскаго съ Французскимъ, обучаться удобнѣе обоимъ совокупно для высокихъ наукъ, а не для художествъ, во второмъ уже классѣ.

О семъ учрежденіи воспитанія совѣтовалъ я прежде съ Г-мъ Профессоромъ Эпинусомъ, Миллеромъ и Леманомъ, и по согласію все въ дѣйство произвелъ, * а сумму ту же употребилъ, которая издавна на Гимназію опредѣлена. Впрочемъ, трудить Ея Императорское Величество мнѣ о семъ было не должно, когда ни въ планѣ

замѣчено: «Въ чемъ же они оное отмѣнили? Не можно ли мнѣ сей секретъ вѣдать?»

* Тоже рукою Государыни замѣчено: «Il est extrêmement singulier de dire произвелъ, chacun, qui viendra, changera à cet établissement tout ce qu'il voudra, parce que l'approbation de M. Taubert ne fait pas loi et que c'est bâtir sur le sable, que d'agir ainsi самовольно et sans approbation.»

отмѣны ни какой нѣтъ противъ публикованнаго объ Академіи Художествъ, ни суммы новой не требуется, а при томъ въ Генеральномъ планѣ отъ Ея Величества о воспитаніи, въ народъ изданномъ, упоминается, что оный служить имѣетъ для Наукъ и Художествъ. Поелику же такое воспитаніе вкореняетъ въ молодыхъ дѣтей благонравіе, то оное, равно какъ къ наукамъ, такъ и къ художествамъ, потребно.

И сіе есть прямое то основаніе, на которомъ при Гимназіи Академической воспитаніе молодыхъ дѣтей нынѣ учреждено; въ самой же Академіи Наукъ ни какой отмѣны не сдѣлано, но ожидается Высочайшее Ея Императорскаго Величества, на поднесенной о томъ новый планъ, расмотрѣніе.

Иванъ Таубертъ.

3.

Вѣдомость вступившимъ сего 765 года, Августа 22 дня, малолѣтнымъ Гимназистамъ, кто изъ оныхъ Россійской грамотѣ обученъ, или не обученъ, о томъ значитъ при семъ. А именно:

Имяна.	Лѣта	Изъ какихъ чиновъ.	Кто грамотѣ обученъ, или не обученъ.
Василій Чанниковъ	6	Бывшаго Воеводы Петра Санникова.	Обучены.
Николай Бусырской	6		
Александровъ	5	Коммисара Андрея Бусырскаго.	
Михаилъ Донауровъ	7	Колл. Регистр. Ив. Донаурова.	Обучается
Аполлонъ Фирсовъ	6	Секрет. Михаила Фирсова.	Обученъ.
Иванъ Волковъ	5	Канцел. Якова Волкова.	—
Андрей Чернышевъ	7	Придв. муз. Андр. Чернышева.	—
Михаилъ Поморской	6	Придв. муз. Григ. Поморскаго.	—
Александръ Воиновъ	6	Каморцалмейстерской Конторы Канцеляриста Фед. Воинова.	— Обучается
Андрей Рудаковъ	6	Семеновск. полку солдата Руд.	—
Михаилъ Ковалевъ	6	Статс. Конт. Секрет. Александра Ковалева.	—
Тимофѣй Соловцовъ	6	Архангелогородскаго полку солдата Никифора Соловцова.	—
Козьма Сорокинъ	6	Измайловскаго полку солдата Никифора Сорокина.	—
Гаврила Савельевъ	5	Копіиста Леонтья Савельева.	—
Петръ Головинъ	5	Преображенскаго полку серж. Василія Головина.	Обучаться нач.

Степанъ Петровъ	5	Сторожа Семена Петрова.	—
Екимъ Самороцкой	5	Неизвѣстныхъ родителей.	—
Александръ Рукомойкинъ	5	Подмастерья Ильи Руком.	Началъ въ азбукѣ
Мартынъ Михайловъ	5	Гвардіи Московскаго отставнаго батал. солдата Ивана Михайлова.	—
Дмитрій Бѣляевъ	5	Придворной Конюш. Конторы живописнаго ученика Ивана Бѣляева.	Не ученъ
Семенъ Лиховово	5	Кексгольмск. полку Прапорщ. Лиховова.	—
Иванъ Андреевъ	—	Адмиралт. вѣд. матроса Петра Андреева.	—
Григорій Никифоровъ	—	Преображ. полку солдата Евсѣя Никифорова.	—
Яковъ Ждановъ	—	Астраханскаго полку солдата Василія Жданова.	—
Алексѣй Васильевъ	—	С.-Петербургскаго фельшернаго цѣха подмастерья Аврама Васильева.	—
Андрей Ершовъ	—	Конюш. Конторы шорнаго надзирателя Максима Ершова.	—
Егоръ Корелинъ	—	Копіиста Семена Корелина.	—
Захаръ Воронинъ	—	Нарвской гарниз. Канцел. Канцеляриста Василія Воронина.	—
Афанасій Орловъ	—	Придворн. егеря Ивана Орлова.	—
Петръ Леонтьевъ	—	Низовскаго пѣх. полку солдата Петра Леонтьева.	—

ЭЙЛЕРСКАЯ ПЕРЕПИСКА. *

1.

Extrait d'une lettre de M. Euler, écrite à M. Muller, en date du 17 mai, 1763.

Je m'applique à présent à vendre ma terre à Charlottenbourg et ma maison en ville, pour n'être lié en aucune façon, si mon destin veut, que je parte d'ici. Il m'est à présent tout à fait indifférent, à qui on donnera la présidence de notre Académie, pour laquell à ce qu'on assuro M. d'Alembert, ne l'ayant pas acceptée lui-même, a proposé le chevalier Jaucourt. J'a raison, qui m'oblige à chercher une autre demeure, est d'un genre tout à fait différent. Vous avéz vu, que 125 roubles font ici 400 dalers. C'est en ces dalers, qu'on paye ici les pensions. Il est vrai, qu'on a dessein de frapper à l'avenir des dalers d'un meilleur aloi, dont deux feront un rouble, mais non obstant cela, j'y perdrois une troisième partie de ma pension, et encore la cherté des vivres augmente ici tous les jours. Par ces motifs je me suis offert en plusieurs endroits, me mettant, pour ainsi dire, à l'encan, et je suivrai les meilleures conditions qu'on m'offrira. N'étant pas Français, je ne puis espérer, qu'on mette ici sur moi un prix, parce qu'on fait venir de Paris quelques jeunes mathématiciens, qui sont dejà en chemin, et on donne à chacun d'eux deux fois plus de gages, que je ne reçois. Monseigneur le Hetman m'ayant fait avant la guerre des offres très-avantageuses, qui sur passoient infiniment mon mérite, j'ai raison de craindre, que puisque je ne pouvois alors en profiter, pour ne pas m'exposer au plus grand malheur, son Excellence ne soit indisposée contre moi à cause de mon refus; c'est pourquoi je souhaiterois, qu'on puisse rappeller à Son Excellence les circonstances douteuses de ce temps—là.

---

* Г. Пекарскій, въ статьѣ своей: «Екатерина II и Эйлеръ,» помѣщенной въ кн. I-ой тома II «Записокъ Академіи Наукъ» (С.-Петербургъ 1864 г.), стр. 59—92, присоединилъ въ «Приложеніяхъ» нѣсколько писемъ Эйлера къ разнымъ лицамъ и къ нему, равно и другія бумаги относительно его. Помѣщаемыя здѣсь были ему или вовсе неизвѣстны въ подлинникѣ, или извѣстны только въ извлеченіи.

2.

Къ Графу К. Г. Разумовскому.

Monseigneur!

La grace distinguée, que Votre Excellence vient de me procurer de Sa Majesté Impériale, en me dédommageant de la perte, que j'ai soufferte sur ma terre de Charlottenbourg, pénétre mon coeur de la plus vive reconnoissance, jointe au plus profond respect, dont je supplie très-humblement Votre Excellence de vouloir bien agréer ces foibles marques, pendant que l'éloquence me manque pour exprimer les mouvemens de mon coeur. Mais dans cette impuissance je redoublerai tant mon zèle, que mes efforts, pour le service de l'Académie Impériale, et j'espére, que sous la protection de Votre Excellence je puisse réussir à me rendre de plus en plus digne de cette grâce éclatante, dont Sa Majesté Impériale m'a bien voulu daigner.

Agréez, Monseigneur, les assurances les plus fortes du plus profond respect, avec lequel j'aurai l'honneur d'être pendant toute ma vie.

Monseigneur,
de Votre Excellence
le très-humble, très-obéissant
et très-dévoué serviteur
L. Euler.

Berlin, le 28 de May,
1763.

3.

Къ нему же отъ Тауберта.

Сіятельный Графъ,
Милостивый Государь!

При семъ прилагаю къ Вашему Высокографскому Сіятельству благодарительное письмо отъ Г. Эйлера за пожалованные ему изъ Высочайшей Императорской милости 1200 рублевъ, въ замѣну претерпѣннымъ имъ убытковъ при взятіи Россійскими войсками города Берлина. Изъ писемъ его ко мнѣ и къ Профессору Миллеру

усматриваю, что онъ, будучи весьма недоволенъ тамошнимъ своимъ состояніемъ, охотно бы къ намъ возвратился, естьли бы только тѣ самыя кондиціи нынѣ ему дозволены были, которыя Ваше Сіятельство, до начатія послѣдней войны, приглашая его въ здѣшнюю Академію, ему представлять изволили. Правда, что тогда мы его искали, и по тому принуждены были располагать кондиціи свои, а нынѣ онъ насъ ищетъ, и при томъ имѣетъ еще сына, не меньше искуснаго въ высшей Математикѣ, который отъ насъ за рѣшеніе задачи получилъ уже однажды награжденіе. Оному его сыну также какое ни будь мѣсто дать должно будетъ, тѣмъ наипаче, что онъ, родившись въ Россіи, щитаться можетъ подданнымъ Россійскимъ. Господинъ Эйлеръ считается почти первымъ математикомъ въ Европѣ, и по тому возвращеніе его въ здѣшнюю Академію весьма умножитъ къ ней почтеніе, а между учеными распространитъ славу о любленіи и покровительствѣ къ наукамъ Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей нашей Государыни; того ради не угодно ли будетъ Вашему Сіятельству доложить Ея Величеству о желаніи Господина Эйлера, чтобъ, оставя Берлинъ, возвратиться въ Россійскую службу? Хотя, при прежнемъ его сюда призывѣ, предложено ему было 2000 рублевъ, однако обстоятельства тогда были иныя, какъ уже выше упомянуто, и о сынѣ его ни слова упоминаемо не было. По моему мнѣнію, можно ему предложить 1500 рублевъ жалованья, включая въ ту сумму квартиру, дрова и свѣчи, а сыну его, яко бывшему уже нѣсколько лѣтъ членомъ Берлинской Академіи, 500 рублевъ, и того обѣимъ 2000 рублевъ. Такимъ образомъ выдетъ та же сумма, которая и прежде ему предлагаема была. Въ Академическомъ Штатѣ Профессору Высшей Математики хотя и написано жалованья до 1800 рублевъ, однако сіе положено примѣромъ, а не закономъ, и оставлено на волю Президентскую каждаго награждать по его заслугамъ и достоинству. Болѣе вышеобъявленнаго ему и сыну его давать не совѣтую, вѣдая совершенно, что онъ, по нынѣшнему своему крайнему недовольствію на сіи кондиціи, сюда пріѣхать ни мало не отречется. Въ Берлинѣ получалъ онъ по 1200 талеровъ въ годъ; но есть ли взять въ разсужденіе, что по нынѣшней низкой цѣнѣ Прусскихъ денегъ одинъ нашъ рубль стоитъ болѣе трехъ тамошнихъ талеровъ, то Г-нъ Эйлеръ на Россійскія деньги нынѣ дѣйствительно имѣетъ только отъ 4 до 500 рублевъ

Королевскаго жалованья. Впрочемъ, и то правда, что онъ въ Берлинѣ можетъ жить дешевле здѣшняго, не имѣя нужды нанимать домъ, содержать карету и лошадей, и дѣлать разные другіе расходы, которыхъ здѣсь миновать не возможно.

Г-нъ Миллеръ неоднократно отзывался, что должность Секретаря Академіи для него тягостна, и что онъ желалъ бы остаться при одномъ званіи Исторіографа. По справедливости сказать, оно и не его дѣло. Секретарю Академіи, сверхъ потребнаго знанія языковъ для ученой переписки, надлежитъ быть и добрымъ Математикомъ и Физикомъ. Таковъ былъ у насъ сначала Академіи Г-нъ Гольдбахъ, и Г-нъ Эйлеръ тѣ же самыя качества имѣетъ, если за благо разсуждено будетъ Г-на Миллера, по его желанію, уволить отъ должности Конференцъ-Секретаря, и поручить оную Г-ну Эйлеру при профессіи высшей Математики. И какъ сія должность нѣкоторымъ образомъ заключаетъ съ себѣ и дирекцію въ Академическомъ Собраніи, то Г-нъ Эйлеръ оную тѣмъ охотнѣе на себя приметъ, что и въ Берлинѣ былъ Директоромъ Математическаго класса. Г-нъ Миллеръ также охотно оную уступитъ Г-ну Эйлеру, по тому что въ Исторіи тѣмъ безпрепятственнѣе упражняться, и въ сей части наукъ не меньшую пользу приносить, можетъ.

На сіе ожидаю Вашего Сіятельства резолюціи, дабы, до отбытія Ея Императорскаго Величества въ С.-Петербургъ, а Вашего Сіятельства въ Малороссію, Г. Эйлеру рѣшительный отвѣтъ учинить возможно было.

Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ,

Вашего Высокографскаго Сіятельства,

Милостиваго Государя,

нижайшій слуга,

Иванъ Тауберт.

Санктъ-Петербургъ.
Іюня 2 дня, 1763 года.

———

ДИРЕКТОРЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СЕРГѢЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ ДОМАШНЕВЪ.*

I.

ДОНЕСЕНІЯ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Ея Императорскому Величеству, Всеавгустѣйшей Академіи Наукъ Покровительницѣ, Всемилостивѣйшей Государынѣ, С.-Петербургской Ея Академіи Наукъ отъ Директора

всеподданнѣйшее представленіе.

Нельзя болѣе чувствовать цѣны Вашего Императорскаго Величества, какъ чувствуетъ оное Директоръ С.-Петербургской Вашей Академіи Наукъ, но чувствуетъ же, что Ваше Императорское Величество все оживляете отъ большаго до малаго. А какъ Академія возвышается счастіемъ быть подъ непосредственнымъ Вашего Императорскаго Величества покровительствомъ, то, имѣя обдержащія ея нужды, приноситъ ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества слѣдующія на нѣкоторыя изъ оныхъ представленія:

---

* Въ «Словарѣ Русскихъ свѣтскихъ писателей, Митрополита Евгенія, М. 1845 г., т. 1, стр. 187—188, сказано, что онъ учился въ Кадетскомъ Корпусѣ, долго путешествовалъ по Европѣ, написалъ много мелкихъ, въ стихахъ и прозѣ, сочиненій, отчасти вошедшихъ въ періодическое изданіе «Полезное увеселеніе» (1761—1762 гг.), кромѣ того: «Краткое описаніе Русскихъ стихотворцевъ, «Разсужденіе о пользѣ наукъ,» и «Сатирическій сонъ.» Сдѣлавшись Директоромъ Академіи Наукъ (1775) онъ, по случаю полувѣковаго существованія ея, произнесъ, въ 1776 году, въ торжественномъ собраніи, рѣчь «Объ обязанности, которую имѣютъ

1. Академія съ самаго начала учрежденія своего имѣла Ботаническій садъ, для разныхъ испытаній касательно до натуральной исторіи растеній; таковой садъ находится нынѣ на Васильевскомъ острову, во второй линіи, среди строенія, на 25 саженей длины и 13 ширины, и въ разсужденіи сей тѣсноты нанято было прилежащее къ тому сосѣднее узенькое мѣстечко у Московскаго подворья на десять лѣтъ, которому теперь и срокъ выходитъ, и Академія теряетъ съ нимъ не токмо мѣсто, но все потраченное на удобреніе онаго и заведенныя на ономъ растеніи, кои перенести ей некуда, да и весь садъ, будучи среди высокаго жилья, находится почти въ вѣчной тѣни и дѣлаетъ напрасными всѣ прилагаемые къ нему труды. Важность для Академіи въ порядочномъ и по надобности пространномъ садѣ умножается еще симъ обстоятельствомъ, что Г. Академики путешествователи, коихъ главная цѣль была распространеніе Естественной Исторіи въ Россіи, привезли съ собою сѣмена многихъ полезныхъ и способныхъ къ разведенію растеній, коими и хотѣли они сдѣлать опыты, по коимъ бы и могли издать способъ къ ращенію и употребленію сихъ какъ кустовъ, такъ травъ и кореньевъ, чего теперь исполнить находятся они въ совершенной невозможности. Въ разсужденіи того Академія всепижайше проситъ о снабдѣніи ея достаточнымъ для сада мѣстомъ, которая. сверхъ выше изображеннаго изъ онаго употребленія, намѣряется представить тутъ въ самомъ существѣ все царство прозябаемыхъ, въ пространной Россійской Имперіи обрѣтающихся, дабы любопытный могъ, такъ сказать, однимъ взоромъ окинуть все то, что каждый предѣлъ Имперіи Вашего Величества производитъ различнаго и особливаго. Сіе намѣреніе Академіи тѣмъ для нея побудительнѣе, что благосостояніе и его сада входитъ въ знатнѣйшую часть ея въ ученомъ свѣтѣ уваженія. Послѣднія путешествія Академиковъ, по особливому Вашего Императорскаго Величества соизволенію, для распространенія предѣловъ Натуральной Исторіи предпріятыя, дали о Ботаническомъ нашемъ садѣ во всей Европѣ весьма высокое мнѣніе, такъ что онъ сдѣлался изъ

ученыя Общества присоединять къ физическимъ наблюденіямъ и нравственныя,» и проч., перевелъ Вольтерову сказку: «Что можетъ нравиться женщинамъ?» Послѣ него въ Директоры назначена была Княгиня Е. Р. Дашкова, 1783 г. Онъ умеръ въ 1796 г.

главнѣйшихъ предлоговъ любопытства чуждестранныхъ. Въ недавныхъ дняхъ нѣкто Потринъ, родомъ изъ Ліона, упражняющійся съ успѣхомъ въ Естественной Исторіи и довольно извѣстный между учеными человѣкъ, пріѣхалъ сюда нарочно для сего предмета. Мѣсто на С.-Петербургской сторонѣ, принадлежащее Барону Вольфу, было бы для сего весьма способно, въ разсужденіи его пространства и невеликой отъ Академіи отдаленности, и что, будучи долгое время подъ садомъ, земля довольно къ тому сдобрена, хотя и остается къ тому безъ употребленія. Смежность же его съ рѣчкою Карповкою весьма способствуетъ къ разведенію тамъ растеній. Находящійся тамъ Оспопрививательный Домъ можетъ тутъ же быть оставленъ, и сіе не токмо къ затрудненію, но паче къ общей выгодѣ, служить будетъ.

2. Академія Наукъ, по разнымъ зависящимъ отъ нея Департаментамъ, имѣетъ, сверхъ двухъ корпусовъ строенія, занимаемыхъ Кунсткамерою и Академическимъ Собраніемъ, еще четыре дома, одинъ близъ Биржи и самой Академіи, другой въ Седьмой Линіи, гдѣ Типографія, Словолитная и Инструментальная, третій и четвертый по концамъ Второй Линіи, изъ коихъ въ одномъ Химическая Лабораторія и Ботаническої Садъ, въ другомъ живутъ принадлежащіе къ Академіи люди, и послѣдніе два деревянные и весьма ветхіе; сверхъ того нѣсколько связей деревяннаго строенія въ 15 Линіи, для помѣщенія солдатъ и мастеровыхъ, кои также весьма обветшали, да при томъ кругъ главнаго Академическаго корпуса находятся пять поземныхъ и почти развалившихся связей, въ коихъ помѣщены Экзекуторъ, Комисаръ, Надзиратель магазейновъ, Священникъ, Надзиратель Кунсткамеры и Обсерваторіи, и коихъ, по свойству ихъ должностей, оттуда и отлучить нельзя, то кромѣ безобразія, какое сіи строенія приносятъ, Кунсткамера, въ случаѣ пожара, будучи окружена ими, подвергается найвеличайшей опасности.

Въ разсужденіи сего Директоръ Академіи всеподданнѣйше представляетъ, чтобы Всемилостивѣйше повелѣно было на находящемся возлѣ Академіи къ Невѣ лугу, къ восточной сторонѣ, построить каменное строеніе, сперва одинъ фасадъ на берегу Невы, что къ крѣпости, на сорока саженяхъ, въ три этажа, чѣмъ соединится Академическія строенія и совокуплены будутъ Типографіи и

помѣщены необходимыя для Академіи служители, также магазейны для книгъ, за наемъ которыхъ Академія ежегодно платитъ по 700 р.; деревянныя же связи на лугу, предъ Академіею разсѣянныя, упразднить, кои, докамѣстъ строеніе окончено будетъ, и сами собою въ непродолжительномъ времени отъ ветхости уничтожиться должны; сверхъ того, на одномъ изъ каменныхъ домовъ, подлѣ Академіи находящемся (тотъ самый, который, если новое строеніе Высочайше апробовано будетъ, съ Академіей соединится и гдѣ нынѣ Гимназія), настроить третій этажъ, и если на сіе благоволеніе Вашего Императорскаго Величества послѣдуетъ, то Директоръ Академіи осмѣливается доложить, кому изъ архитекторовъ препоручить изволите произвесть оное въ дѣйство, и съ коимъ бы Академія объясниться могла въ расположеніи строенія по своимъ надобностямъ и въ счисленіи потребной на то суммы, что она, вмѣстѣ съ планомъ, повергнетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и ожидаетъ Всемилостивѣйшаго на то приказанія, а между тѣмъ

3. Въ составляющемъ теперь Академію строеніи находятся ветхости, коихъ поправленіе не терпитъ времени, ибо живущіе въ нихъ подвергаются опасности, особливо въ Гимназическомъ домѣ, также берегъ, противъ Академіи находящійся, обрушился во время наводненія такъ, что если сваями вновь не укрѣпить оный, то строеніе Академіи, на самомъ берегу стоящее, отъ того претерпѣть можетъ, и я, сколько можно, то отвратилъ, починивъ на скоро берегъ, и дабы не упустить удобнаго нынѣ времени къ поправленію строенія, Академія всеподданнѣйше и найприлежнѣйше проситъ Ваше Императорское Величество пожаловать ей сумму до десяти тысячи рублевъ на необходимыя теперь починки, кои отъ запущенія могутъ произвести и больше вреда и больше на исправленіе ихъ иждивенія. Сей же суммѣ, не смѣшивая ни съ какою другою, Академія счетъ въ особой книгѣ вести будетъ. Ожидая на сіе Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества рѣшенія,

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ,
Сергѣй Домашневъ.

Мая дня, 1778 года.

2.

Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ, Августѣйшей Санктъ-Петербургской Академіи Наукъ Покровительницѣ,

всеподданнѣйшій докладъ.

Ваше Императорское Величество, Высочайшимъ Вашимъ Указомъ, препоручить мнѣ соизволили выборъ и раздѣленіе по Департаментамъ Гг. Академиковъ, также и дирекцію надъ учрежденною при Академіи Наукъ, на мѣсто Канцеляріи, Коммиссіею, то, въ силу онаго, за весьма нужное почелъ я слѣдующее распоряженіе сдѣлать и предъ очи Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше представить:

Г. Академика Румовскаго, по просьбѣ его, «что за препорученіемъ ему надзиранія надъ Греческою Гимназіею, по именному Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, не имѣетъ онъ время въ Коммиссіи Академической присутствовать, отъ оной уволить,» что ему и дозволено, токмо отъ настоящихъ текущихъ дѣлъ.

Что жь принадлежитъ до старыхъ по экономіи Академическихъ дѣлъ, какъ то разныхъ счетовъ, а особливо такихъ, кои, до моего опредѣленія въ Академію, въ Коммиссію вступили, то таковыя препоручаются рѣшить по нынѣшній 1780 г., въ теченіи онаго, такъ чтобы къ 1781 г. нерѣшенныхъ счетовъ по Академіи не оставалось, къ чему и опредѣляются два члена Коммиссіи, Гг. Академики Штелинъ и Румовскій, такъ какъ находившіеся отъ начала Академической Коммиссіи, изъ коихъ послѣдній находится при устроеніи и приведеніи въ порядокъ Академическаго магазейна, весь Академичій капиталъ составляющаго.

Академику Котельникову, поелику онъ есть Цензоръ книгъ и Надзиратель Книжной Лавки, въ разсмотрѣніи коей состоитъ большая половина текущихъ дѣлъ Коммиссіи, остается при оной по всѣмъ Канцелярскимъ дѣламъ.

Въ соприсутствіе къ нему присовокупить Академика Протасова, Надзирателя надъ Типографіями, и Титулярнаго Совѣтника

Богаевскаго, находящагося при изданіи газетъ, календарей, и изъ нихъ трехъ состоять Коммиссіи.

Академія Наукъ не имѣетъ ни какой бытія своего исторіи, какъ по ученой части, такъ и по экономической, то исправленіе перваго возложено на Секретаря Конференціи, Г. Эйлера, въ чемъ ему споспѣшествуетъ Г. Академикъ Миллеръ, вторая же часть, какъ то: собраніе или выписки всѣхъ установленій, каковыя при Академіи, въ разсужденіи ея правленія, производимы были, распространенія и реформы всѣхъ ея Департаментовъ, препоручается также сдѣлать помянутымъ двумъ Гг. Академикамъ, Штелину и Румовскому, такъ какъ присутствовавшимъ долгое время въ Коммиссіи, коей бы сіе должно быть первымъ и главнымъ дѣломъ, и безъ чего нельзя опредѣлить, отъ какихъ учрежденій Академія имѣла выгоды и какія изъ оныхъ подвержены были неудобствамъ, а безъ свѣдѣнія чего и нельзя было сдѣлать въ Академіи реформы, Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ предписанной.

На все сіе всенижайше испрашиваю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества благоволенія, дабы симъ Г. Академиковъ побудить съ большею ревностію и съ большимъ тщаніемъ препоручаемыя ими должности исполнять. Разсматривая причину неуспѣшнаго отправленія дѣлъ по Коммиссіи, нахожу я оную главною частью въ томъ, что члены оной были столь долгое время безсмѣнны. Для отвращеніе сего впредь, членовъ Коммиссіи изъ Гг. Академиковъ, чрезъ нѣкоторое время, нужно перемѣнять, дабы тѣмъ въ исправности отправленія дѣлъ по Коммиссіи произвести нѣкоторое соревнованіе, а при томъ и ученыя ихъ должности чрезъ то не претерпятъ.

Академіи Наукъ Директоръ Сергѣй Домашневъ.

Генваря дня,
1780 года.

3.

Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ, Санктъ-Петербургской Академіи Наукъ Августѣйшей Покровительницѣ.

Вашего Императорскаго Величества Санктъ - Петербургская Академія съ начала имѣла въ своемъ вѣдомствѣ изданіе газетъ и всѣхъ извѣстій, до публики принадлежащихъ; сіи послѣднія, посылаемыя прежде изрѣдка изъ казенныхъ мѣстъ, печатала она иногда безденежно, хотя не имѣла и не имѣетъ на сіе ни какой обязанности, но несла сей налогъ, доколѣ не сдѣлался онъ ей въ великое отягощеніе; ибо нынѣ, по причинѣ печатающихся всѣхъ, сколько есть въ Государствѣ, продажъ недвижимаго имѣнія, отъ всѣхъ Намѣстничествъ присылаемыхъ, прибавленія къ газетамъ столь возрасли, что составляютъ часто № газетъ двумя листами или шестнатцатью страницами больше обыкновеннаго, такъ что Академіи самой въ прошломъ 1778 газеты стоили 5587 р. Чтобъ сочинить, напечатать и просмотрѣть въ одни сутки нѣсколько листовъ, надобно было умножить число сочинителей, корректоровъ и прочихъ работниковъ, поелику газеты занимаютъ четыре печатныхъ стана, продаются же по пяти рублевъ экземпляръ, коихъ расходится отъ 1000 до 1100; но какъ оныя берутся не по сускрипціи, то остается еще нѣсколько нераспроданныхъ, по чему Академія отъ газетъ нашлась бы въ накладѣ, если бъ собираемыя отъ партикулярныхъ людей за извѣстія нѣсколько ей того не награждали, но все прибытка сего не составляетъ 1000 рублевъ въ годъ, хотя изъ сихъ самыхъ доходовъ опредѣлено на содержаніе Кунсткамеры 2000 рублевъ. Въ разсужденіи чего предизъясня сіе, по возложенной на меня должности, всенижайше Вашему Императорскому Величеству честь имѣю представить, дабы Всевысочайше благоволили повелѣть, со всѣхъ купчихъ платить за припечатаніе въ газетахъ по нѣскольку копеекъ. Ваше Императорское Величество приказать изволили за припечатаніе извѣстія о каждомъ бѣгломъ человѣчкѣ платить по 50 копеекъ; а какъ сіи публикаціи производятся въ пользу людей партикулярныхъ и во утвержденіе ихъ владѣнія, то Академія и имѣла бы право съ нихъ издержаннаго на припечатаніе расходу требовать, если бъ могла сіе сдѣлать безъ крайняго затрудненія въ разсужденіи

переписокъ; съ прочихъ же публикацій, какъ то о вызовѣ къ подрядамъ и проч., Академія считала бы должнымъ себѣ по 15 коп. со строки, ибо оная, напечатаясь троекратно въ 1100, или 1200, экз. газетъ, составляетъ 360 строкъ, что сдѣлаетъ, по меньшей мѣрѣ, 30 страницъ, за которыя 15 коп. заплатить, если осмѣлюсь сказать, кажется, не дорого.

Академія могла бы сама дороже положить цѣну, но въ такомъ случаѣ расходилось бы ихъ меньше, и сіе бъ противно было разуму ихъ учрежденія, или сократитъ ихъ содержаніе, чѣмъ также бы уменьшилась польза отъ нихъ, а особливо въ провинціяхъ, происходящая.

На сіе Академія Наукъ имѣетъ честь ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества рѣшенія.

Директоръ Академіи Наукъ Сергѣй Домашневъ.

Генваря дня,
1780 года.

СВѢДѢНІЕ, СКОЛЬКО ЧЕГО УПОТРЕБЛЕНО НА ВѢДОМОСТИ.

Въ прошломъ 1778 г. печатано Россійскихъ и Нѣмецкихъ Вѣдомостей 104 номера, а каждаго номера съ прибавленіями напечатано:

Россійскихъ	1162	экземпляровъ.
Нѣмецкихъ	216	

Каждый годовой экз. состоялъ

Россійскихъ изъ	290	листовъ.
Нѣмецкихъ изъ	106½	

Бумаги на оныя Вѣдомости употреблено здѣшней вѣдомостной 710 стопъ, заморской коментарной 154 стопы, да почтовой по обрѣзу съ золотомъ 2 стопы, 13 дестей, цѣною на 1069 р. 85 к.

За наборъ оныхъ Вѣдомостей и прибавленій заплачено, задѣльныхъ денегъ сверхъ жалованья наборщикамъ и ученикамъ. . . . . 387 р. 30 к.
Печатникамъ за отпечатаніе. . . . . . . 42 р. 70 к.
Имъ же за приправку и корректуру, при отпечатаніи въ станахъ фактору. . . 16 р. 7 к.
Помощнику его. . . 3 р. $3^1/_2$ к.
Ученику. . . . . 4 р. $1^3/_4$ к.
Двумъ Корректорамъ. . . . . . 32 р. 14 к.

И того задѣльныхъ денегъ 807 р. 34 к.

Жалованья и награжденія произведено:

Коллежскому Ассесору Штафенгагену жалованья.	550 р.
Титулярному Совѣтнику Богаевскому. .	350 —
Ему жь награжденія.	100 —
Двумъ переводчикамъ, по 300 рублей жалованья. .	600 —
Коллежскому Ассесору Богдановичу, за сочиненіе и изданіе оныхъ Вѣдомостей. .	500 —
Студенту Михайлову.	96 —
Фактору жалованья.	300 —
Двумъ Корректорамъ.	380 —
Двумъ наборщикамъ и четверымъ ученикамъ.	328 —
Шести печатникамъ.	216 —
Коммисарскому помощнику при раздачѣ Вѣдомостей жалованья.	72 —
Четыремъ сторожамъ, въ томъ числѣ одному въ Вѣдомостной экспедиціи, другому въ Книжной лавкѣ, да двумъ въ Типографіяхъ, жалованья.	120 —

И того въ жалованье и награжденіе 3612 р.

Чужеземныхъ газетъ выписано на . . . . . 200 р.
Дровъ на топленіе четырехъ печей и очага употреблено 300 саженей, да свѣчъ для набору и печатанія Вѣдомостей, обыкновенно въ ночное время, до 17 пудовъ, считая сажень дровъ, по

покупной цѣнѣ по 1 рублю по 19 копѣекъ, а
свѣчъ по 3 рубли 10 копеекъ пудъ; и того на 88 р. 40 к.

А всѣхъ денегъ на оныя Вѣдомости и прибавленія
употреблено. . . 5867 р. 9 к.
Казенныя же извѣстія составляли большую оныхъ половину.

Надзирающій надъ Типографіями

Академикъ Алексѣй Протасовъ.

4.

Ея Императорскому Величеству, Всеавгустѣйшей Академіи Наукъ Покровительницѣ, Государынѣ Всемилостивѣйшей.

Въ разсужденіи учрежденія новыхъ экспедицій, какъ по Астрономіи, для приведенія въ желаемое совершенство Россійскаго атласа, такъ и по Натуральной Исторіи, не посѣщенныхъ еще учеными путешествователями до сего времени мѣстъ, получилъ я благоволеніе Вашего Императорского Величества, чтобъ, условясь въ томъ съ Г-мъ Генераломъ-Прокуроромъ, представить общее наше о томъ положеніе.

Въ разсужденіи сего нужно было разобрать, на какомъ основаніи были прежде отправляемыя отъ Академіи Наукъ экспедиціи, по разобраніи чего, въ Коммисіи Академіи Наукъ нашлось, что по нѣкоторымъ изъ оныхъ, а именно по экспедиціямъ Профессора Гмелина, Гильденштета и Эйлера, должна Академія суммѣ Статсъ-Конторскихъ доходовъ, за забранныя оными Профессорами на счетъ Академіи, одиннадцать тысячъ четыре ста девятнадцать рублей пять копеекъ, да сверхъ того остается еще сумма четырехъ тысячъ двадцати пяти рублей тридцати четырехъ копеекъ, забранныхъ на счетъ Статсъ-Конторскихъ же доходовъ Профессоромъ Ловицомъ, и которая по сіе время и оставалась безгласною; нынѣ же, когда отъ Коммисіи Академіи Наукъ

оная была упомянута, то Статсъ-Контора, до Высочайшаго о томъ рѣшенія, и поставила ее на счетъ Академіи. Но Коммиссія Академіи Наукъ съ своей стороны представляетъ, что она сей суммы счесть ни какъ не могла за недостаткомъ документовъ, ибо оный Профессоръ Ловицъ, имѣвшій коммисію о прожектированіи канала для соединенія Дона съ Волгою, погубленъ былъ разбойническою партіею, и сколько какой суммѣ онъ былъ долженъ, и куда забираемую имъ сумму употреблялъ, счетовъ отъ него ни какихъ не нашлось, и Академія сама при семъ случаѣ понесла знатный убытокъ утратою многихъ дорогихъ, и астрономическихъ и математическихъ, инструментовъ, коими сей Профессоръ снабдѣнъ былъ, а притомъ, по смерти его, Академія, дабы не допустить до самой бѣдности жену его и малолѣтную дочь, выдала имъ тысячу рублевъ, препоруча ту сумму раздѣлить между ими Г-ну Статскому Совѣтнику и Академику Миллеру. И такъ Коммисія Академіи Наукъ по бывшимъ экспедиціямъ Академіи не причитаетъ на себѣ другой суммы, кромѣ помянутыхъ одиннадцати тысячъ четырехъ сотъ девятнадцати рублей пяти копеекъ. Между тѣмъ Статсъ-Контора, имѣя въ своемъ вѣдомствѣ всю статную Академическую сумму, удержала изъ оной девять тысячъ семь сотъ шестьдесятъ шесть рублей, не отпуская въ Академію, чрезъ что и должна произойти остановка въ жалованьѣ служащимъ Вашему Императорскому Величеству при Академіи чинамъ, изъ коихъ большая часть по контрактамъ. Въ разсужденіи чего долженъ я о томъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить и рѣшеніе о сей суммѣ предать Высочайшей Вашего Императорскаго Величества волѣ.

При томъ да дозволите мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, всенижайше донести Вашему Императорскому Величеству, что всѣ сіи экспедиціи были начаты до моего въ Академію отъ Вашего Императорскаго Величества опредѣленія и въ бытность мою не существовали; но я найдусь въ великомъ затрудненіи по текущимъ и окладнымъ расходамъ, если сей, нѣсколько лѣтъ неизвѣстный, долгъ Академіи, нынѣ заплатить должна будетъ Академія, въ исправности коей и всѣхъ зависящихъ отъ нея Департаментовъ, за нынѣшнее ихъ только состояніе, я предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ отвѣтствовать долженствую. И хотя въ быт-

ность мою въ Академіи экономія въ ея суммѣ и пріумножена, и я самый сей долгъ, не остановя ничего, въ разные сроки заплатить могу, но предаю милостивѣйшему вниманію Вашего Императорскаго Величества, сколь долженъ быть я затрудненъ, когда принужденъ буду то, чѣмъ бы я могъ привести Всемилостивѣйше ввѣренный мнѣ Департаментъ въ большее совершенство, жертвовать оное исправленію старыхъ недостатковъ. И какъ на сію сумму 11,419 рублей 5 копеекъ, такъ и на 4025 рублей 34 копейки, издержанныя Профессоромъ Ловицомъ, ожидаю Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества рѣшенія.

Директоръ Академіи Сергѣй Домашневъ.

Апрѣля дня,
1780 г.

5.

Ея Императорскому Величеству, С.-Петербургской Академіи Наукъ Покровительницѣ, Государынѣ Всемилостивѣйшей.

Когда въ 1778 всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству представлялъ я о мѣстѣ для Ботаническаго сада, то Ваше Императорское Величество повелѣть мнѣ изволили, пріискать купить удобное на оный мѣсто. Нынѣ же таковое Академія получила отъ Графа Никиты Ивановича Панина безденежно уступкою мѣста изъ принадлежащихъ Оспопрививательному Дому, въ вѣдомствѣ его находящихся. Но какъ для поправленія сего мѣста, такъ и необходимо нужнаго строенія, теплицъ и жилья Профессору Ботаники и садовнику нужно нѣкоторое иждивеніе, по крайней мѣрѣ, до 3500 рублей, то Академія сего иначе исправить не можетъ, какъ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества о выдачѣ сей суммы повелѣніемъ.

Садъ же Ботаническій признается нужнымъ для пользы и украшенія столицы Вашего Императорскаго Величества, ибо оный есть предметъ великаго любопытства, какъ здѣшнихъ обитателей, такъ и чужестранныхъ.

Учреждается же онъ такимъ образомъ, что всѣ растенія, въ разныхъ климатахъ пространной Имперіи Вашего Императорскаго Величества производящіяся, тутъ разведены быть должны такъ, чтобъ однимъ обозрѣніемъ видѣть можно было все послѣдствіе и разнообразіе Россійскихъ растеній.

Впрочемъ, будутъ производимы опыты о присвоеніи растеніи къ другимъ грунтамъ, что, по изслѣдованіи, къ приращенію экономіи публиковано будетъ. Безъ сего же весь Ботаническій при Академіи классъ остается безплоднымъ.

На что ожидаю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.

Директоръ Академіи Сергѣй Домашневъ.

Февраля дня,
1781 г.

6.

Ея Императорскому Величеству, Августѣйшей Академіи Наукъ Покровительницѣ, Государынѣ Всемилостивѣйшей.

Въ 1766 году, по представленію предмѣстника моего, Г-на Генерала-Порутчика Графа Орлова, Ваше Императорское Величество благоволили учредить при Академіи Наукъ особую Коммисію для разсмотрѣнія и реформы Академіи Департаментовъ. А какъ оное разсмотрѣніе и нужная реформа, по разсужденію предмѣстника моего, тогда и сдѣлана, то Коммисія и остается безъ всякаго упражненія, кромѣ не оконченныхъ по Книжной лавкѣ за старые годы счетовъ, кои, для нужнаго и столь давно должнаго окончанія, отъ меня и раздѣлены по оставшимся въ той Коммисіи Академикамъ, Штелину, Котельникову и Румовскому; съ назначеніемъ срока по 1 Іюля сего 1781 года.

По чему за должное нахожу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить, чтобъ помянутую при Академіи Коммисію, за неимѣніемъ въ ней болѣе дѣлъ, упразднить,

поелику и недоконченные счеты раздѣлены частно, а общаго до Коммисіи дѣла болѣе не предлежитъ. Ученыя же дѣла къ Коммисіи никогда и не относились.

Что же принадлежитъ до Канцелярскихъ дѣлъ, состоящихъ большею частію изъ присылаемыхъ записокъ для припечатыванія въ газетахъ, то оныя присоединятся, какъ то и прежде бывало, къ Счетной при Академіи Экспедиціи, къ управленію которой, по силѣ Вашего Императорскаго Величества, даннаго предмѣстнику моему и на меня обращенному, 1766 года, Октября 5 дня, Указу, избранъ мною нынѣ Академикъ Протасовъ, и какъ онъ, такъ и впредь избираемые изъ Академиковъ и другихъ чиновныхъ, при Академіи находящихся, какъ Канцелярію править, такъ и отъ лица оной съ прочими Присутственными Мѣстами сноситься по дѣламъ имѣютъ.

И на сіе ожидаю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества подтвержденія.

Директоръ Академіи Сергѣй Домашневъ.

Февраля дня,
1781 г.

7.

Объясненіе на подданный отъ Директора Академіи Наукъ докладъ.

Дабы не занять важнѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго время Ея Императорскаго Величества, пріобщу я нѣкоторыя примѣчанія для собственнаго Вашего свѣдѣнія, Милостивый Государь мой, Александръ Андреевичъ, * и для приведенія Васъ въ состояніе представить нѣкоторое объясненіе, если Ея Величество благоволитъ сдѣлать какой ни есть относительный къ докладу моему вопросъ.

* Безбородько.

1766 года, Октября 5, угодно было Ея Императорскому Величеству возвысить Санктпетербургскую Академію Наукъ, взявъ ее въ собственное свое вѣдомство, и въ сихъ словахъ дать именной свой Указъ Правительствующему Сенату, къ которому съ тѣхъ поръ Академія ни въ чемъ адресоваться не можетъ и не должна.

Сіе Высочайшее и непосредственное Академіи Наукъ покровительство способствовало весьма много къ ея славѣ, и сему состоянію Академія одолжена преимуществомъ имѣть трехъ Монарховъ въ числѣ своихъ чиновъ.

И по сему въ нуждахъ своихъ не имѣемъ другаго средства, какъ прямо утруждать Августѣйшую свою Покровительницу.

Нуждъ сихъ скопилося довольно, но объ оныхъ легче доложить на словахъ, а въ приложенномъ при семъ Докладѣ упомянулъ только о нужнѣйшихъ, а особливо по второму пункту почти не терпящихъ и времени. Садъ Академическій стоитъ Академіи, съ заплатою садовнику, работникамъ, содержаніемъ теплицъ, иной годъ сверхъ тысячи рублевъ; но все, что въ одинъ годъ сдѣлается, то въ другой засыхаетъ отъ тѣсноты и неудобности мѣста; что принадлежитъ до строенія и починокъ, то сіе становится столь скоро нужно, что если не ускорить починкою, то конечно сія сдѣлается и дороже и труднѣе. На таковые расходы прежде отпускаема была сумма изъ Кабинета: въ 1746 году всѣ строенія при Академіи произведены на счетъ Кабинета, потомъ въ разныя времена ассигнуема была сумма изъ Статсъ-Конторы, два года Правительствующимъ Сенатомъ уставленъ Коммерцъ-Коллегіи Г-нъ Вице-Президентъ Беклемишевъ, для осмотру казенныхъ строеній и требуемыхъ для нихъ починокъ; адресовался я къ нему, паче будучи устрашенъ размытіемъ въ послѣднее наводненіе берега, усильно прося, чтобъ оный былъ починенъ, но онъ мнѣ письменно сообщилъ, что въ число казенныхъ строеній, коимъ данъ ему отъ Сената реестръ, Академія Наукъ не включена; и такъ, что теперь дѣлать, не знаю, однако дѣло не терпѣло медленности, и я коекакъ обивая сваями весь берегъ, не дожидаясь и рѣшенія на Докладъ, и какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ другихъ, употребилъ я, могу сказать, самому мнѣ невѣроятныя средства, чтобъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, обновивъ найважнѣйшій

корпусъ Академіи, гдѣ находится зала аудіенціи, Канцелярія и нужная часть Типографіи, починилъ и покрылъ желѣзомъ башню, гдѣ глобусъ, который былъ безъ покрышки, поправилъ и, сколько можно, украсилъ Кунсткамеру, а сверхъ того умноженіе Типографій, неплатежъ за газеты, уменьшаютъ очевидно экономическій доходъ Академіи и приводятъ меня въ крайнее затрудненіе.

Все сіе заставляетъ меня найубѣдительнѣйшее Васъ, Милостиваго Государя моего, просить Ея Императорскому Величеству доложить: 1) о важности въ разсужденіи Академіи просьбы моей, 2) что не могу я никуда съ симъ прибѣгнуть, какъ непосредственно къ престолу Ея Величества, какъ единственной и нарекшей себя самой непосредственной Академіи Наукъ Покровительницѣ.

8.

Записка о разныхъ нуждахъ Санктъ-Петербургской Императорской Академіи Наукъ.

Академія день отъ дня лишается средствъ къ полученію разныхъ помѣстныхъ свѣдѣній; прежде всѣ Губернскія Канцеляріи, будучи подъ ея указомъ, присылывали къ ней все, что она о состояніи той Губерніи за нужное имѣть поставляла. Нынѣ же встрѣчаетъ она многія въ томъ затрудненія. Но, по должности моей разсматривая, какимъ средствомъ распространить вліяніе Академіи на всѣ части Имперіи Вашего Императорскаго Величества, не усматриваю я способнѣйшаго, какъ сдѣлать столь полезно учрежденныхъ въ Намѣстничествахъ Директоровъ Экономіи Корреспондентами Академіи Наукъ, ободряя ихъ къ тому нѣкоторымъ пенсіономъ; сумма 6000 рубл. на всѣхъ на нихъ будетъ достаточна, а чрезъ то, какъ съ одной стороны Директоры Экономіи, будучи направляемы самымъ просвѣщеннѣйшимъ корпусомъ, каковымъ быть должна Академія Наукъ, будутъ въ провинціи своей полезнѣе, Академія же, съ своей стороны, чрезъ то приведена будетъ въ состояніе представить Вашему Императорскому Величеству всеизвѣстное изображеніе физическаго состоянія процвѣтающей Имперіи Вашего Величества.

О газетахъ,

Газеты становятся Академіи отъ 6000 до 6500 рублевъ, продаются на сумму отъ 6500 до 6800 рублей. Разность между издержки и выручки до 300 рублей. И сей прибытокъ 300 рублевъ отъ нихъ состоитъ въ сборѣ за припечатываніе, плата за оное чрезвычайно умѣренна, а именно по 15 копеекъ, которая если и въ однихъ газетахъ напечатается, то составитъ близъ сорока страницъ, будучи повторена тысячу разъ по числу нумеровъ газетъ, и сей сборъ есть единственная малая прибыль, которую Академія имѣетъ, чѣмъ она и содержитъ свою корреспонденцію съ другими Обществами и учеными людьми, которая ежедневно къ славѣ Академіи возрастаетъ и умножается.

До опредѣленія меня, по Высочайшей волѣ, въ Академію, газеты дошли только до трехъ страницъ, и ученая переписка была сокращена даже до того, что Академія не задавала и задачъ, чтобъ на присылаемыя за оныя въ конкурсъ письма, кои часто бываютъ изъ цѣлыхъ тетратей, не имѣть расходу; на сію переписку ни какой суммы въ Регламентѣ не положено.

Впрочемъ, примѣчать долженъ, что всѣ публикаціи относятся или къ продажамъ и покупкамъ, или сыскамъ по челобитьямъ, что всѣ суть дѣла партикулярныя. Впрочемъ, есть Указъ отъ Правительствующаго Сената, который въ 1770 году дѣло, кому платить за припечатываніе о бѣглыхъ, сообщаемое изъ Губернскихъ Канцелярій, рѣшилъ тѣмъ, чтобы деньги за припечатываніе присылать немедленно, а послѣ взыскивать оныя съ тѣхъ, въ пользу чью сіе припечатываніе происходило, и хотя многіе изъ Намѣстничествъ и присылаютъ, но не всегда и не изъ всѣхъ, по чему Академія, для исправности своихъ счетовъ, должна бываетъ писать болѣе, нежели за тысячу верстъ, для требованія нѣсколькихъ копеекъ.

О строеніяхъ.

Академія терпитъ чрезмѣрную тѣсноту въ строеніяхъ: всѣ ея Департаменты разбиты въ разныхъ домахъ, каждый домъ долженъ имѣть своихъ надзирателей и стражей, Академію же окру-

жаютъ строенія ветхія, деревянныя; живущіе въ оныхъ люди необходимо нужны для Академіи, какъ то: Корректоръ, Сочинитель газетъ, Надзиратель Кунсткамеры и Экзекуторъ, имѣющій въ командѣ присылаемый къ Академіи караулъ; строеніе цѣлаго корпуса оцѣнено весьма дорого, а докамѣстъ довольно было, если бъ надстроить этажи на Гимназическомъ домѣ и на одномъ флигелѣ Академіи, что можно исправить двадцатью тысячами рублями, выданными въ два срока. Произведеніе же сего строенія поручить, кому Высочайше повелѣно будетъ.

Академія ежегодно платитъ болѣе пяти сотъ рублевъ за магазейны въ Коммерцъ-Коллегію, для прекращенія таковаго убытка, удорожевающаго цѣну книгъ, всенижайше просить о отведеніи ей, если по близости сыскаться можетъ, какое ни будь казенное строеніе, безъ употребленія состоящее.

Имѣя существеннѣйшимъ долгомъ знать Всемилостивѣйше ввѣренный мнѣ Департаментъ во всей его подробности, долженъ я представить Всемилостивѣйшему вниманію Вашего Императорскаго Величества, что прежде Академія Наукъ на всѣ свои чрезвычайные расходы была вспомоществуема разными выдачами отъ Правительствующаго Сената, а нынѣ она исправляется даже во всѣхъ своихъ починкахъ и пріумноженіяхъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ, кои, по размножившимся нынѣ Типографіямъ и по дороговизнѣ матеріаловъ, мастеровыхъ и работныхъ людей, весьма сократились; прежде газеты были одни во всей Имперіи, нынѣ Московскія, выдаваясь въ центрѣ Имперіи и будучи почти перепечатываемы съ тѣхъ же Петербургскихъ, лишили первыя получаемаго отъ того прибытка.

Многіе изъ отмѣнныхъ ученыхъ имѣли честь прислать Вашему Императорскому Величеству свои сочиненія, коихъ Ваше Величество изволили быть намѣрены пожаловать медалями, о чемъ беру смѣлость напомнить, * и кои суть Г-да: Лаландъ, Мерсье, Лафонъ, Торча, Фешъ.

Дабы не трудить часто Ваше Величество, просилъ бы я опредѣлить имъ еще нѣсколько на раздачу тѣмъ, кои то заслужить могутъ, съ Высочайшей апробаціи Вашего Величества.

---

* Съ этѣхъ поръ все рукою Домашнева до самаго конца писано.

Въ прошломъ 779 году печатано Россійскихъ и Нѣмецкихъ вѣдомостей 105 номеровъ, а каждаго номера съ прибавленіями печатано:

Россійскихъ.	1200	экземпляровъ.
Нѣмецкихъ .	236	

Каждый годовой экземпляръ состоялъ

Русскихъ изъ .	313¼	листовъ.
Нѣмецкихъ . .	113¾	

Бумаги на оныя Вѣдомости употреблено: Вѣдомостной 817 стопъ, заморской комментарной 177, да почтовой по обрѣзу съ золотомъ 2 стопы 13 дестей, цѣною на.	1899	р.	35 к.
За наборъ оныхъ Вѣдомостей и прибавленій заплачено задѣльныхъ денегъ, сверхъ жалованья, наборщикамъ и ученикамъ.	417	р.	75 «
Печатникамъ за отпечатаніе	350	«	60 «
За поправку и корректуру въ станахъ.	45	«	98 «
Фактору.	17	«	8 «
Помощнику его .	8	«	54 «
Ученику.	4	«	27 «
Двумъ Корректорамъ.	34	«	16 «
И того задѣльныхъ денегъ	878	р.	38 к.

Жалованья и награжденья произведено:

Издателю и сочинителю Россійскихъ Вѣдомостей.	500	р.	к.
Издателю и сочинителю Нѣмецкихъ Вѣдомостей. . .	650	«	«
На переводчиковъ, коимъ оклады перемѣняются, среднее число. . .	600	«	«
Копеисту.	96	«	«
Фактору половинное.	150	«	«
Двумъ Корректорамъ половинное.	190	«	«
Двумъ наборщикамъ и четверымъ ученикамъ. .	328	«	«
Шести печатникамъ. . .	216	«	«

Комиссарскому помощнику при раздачѣ Вѣдомостей.	72 р.	— к.	
Четыремъ сторожамъ, въ томъ числѣ одному въ Вѣдомостной экспедиціи, другому въ Книжной лавкѣ, да двумъ въ Типографіяхъ.	120 »	—	»
И того въ жалованье и награжденіе	2922 р.	—	к.
Чужестранныхъ газетъ выписано на	290 »	—	»
Разныхъ матеріяловъ употреблено на печатаніе оныхъ Вѣдомостей, кромѣ бумаги, на . . .	103 »	—	»
Дровъ на топленіе четырехъ печей и одного очага употреблено 30 саж, да свѣчъ для набора и печатанія Вѣдомостей, обыкновенно въ ночное время, до 17 пудовъ, считая сажень дровъ по 1 р. по 37 к. съ ½, а свѣчъ по 3 р. по 20 к. пудъ	95 »	65	»
На починку печатныхъ прессовъ и принадлежащихъ къ нимъ вещей, тако жь печей и самыхъ покоевъ, въ которыхъ Вѣдомости печатаются, издержано	68 »	57	»
Литеръ, которыми набираны были оныя Вѣдомости, употреблено въ годъ на	315 »	—	»
Всего на оныя Вѣдомости и прибавленія употреблено денегъ.	6572 »	11½	»
Продано же Вѣдомостей и прибавленій въ томъ 1779 году на	6797 »	3½	»
И такъ прибыли отъ газетъ	224 »	92	»

Изъ вышепоказанныхъ же людей Факторъ, Корректоры, Копіистъ и печатники, по малоокладному ихъ жалованью, давно уже просятъ о прибавкѣ онаго, что и признается за весьма справедливо, но сдѣлать имъ сего, за скудостію денегъ, по сіе времяеще не можно было.

Корреспонденція.

Корреспонденція Академіи Наукъ съ разными Европейскими Академіями и учеными людьми, отъ коихъ часто присылаются не токмо письма, но диссертаціи цѣлыми тетрадями, что въ годъ составитъ знатную суму, на которую въ Штатѣ Академическомъ не

положено ни какой суммы, а ведетъ Академическій счетъ съ С.-Петербургскимъ Почтамтомъ, коему отпускаетъ за то газеты, по чему должна та сумма, простирающаяся неравномѣрно, но часто сверхъ 500 рублевъ прибавлена быть въ расходѣ къ 6572 р. 11 коп. съ $1/_{2}$, и Академія оную заплатить инымъ не можетъ, какъ только сборомъ за припечатываніе прибавленій, когда тотъ сборъ будетъ исправенъ, съ коего дня заплаты въ Почтамтъ теперь нѣсколько уже недостаетъ.

О старомъ долгѣ по прежнимъ экспедиціямъ.

По счетамъ старыхъ экспедицій, бывшихъ и окончанныхъ до моего опредѣленія въ Академію, Академія, по разборѣ моемъ, нашлась должною одиннадцатью тысячами четырьмя стами девятнадцатью рублями пятью копейками, кои нынѣшняго года и заплачены; но весьма тягостно для Академіи сдѣлать вдругъ таковую издержку, а паче лишаюсь я чрезъ то плода моей экономіи, которую я себѣ причесть осмѣливаюсь, и которая бъ обращена была къ распространенію пользы Академіи и въ замѣну тѣхъ издержекъ, коими, по надобностямъ въ необходимости, я найдусь утруждать Ваше Императорское Величество.

Есть еще другой расчетъ съ Статсъ-Конторою въ забранныхъ изъ ея доходовъ четырехъ тысячахъ двадцати пяти рубляхъ двадцати четырехъ копейкахъ Профессоромъ Ловицомъ, несчастно погибшимъ близъ Царицына, послѣ котораго счетовъ ни какихъ не нашлось; но поелику Статсъ-Контора, имѣя въ своихъ рукахъ всю Академическую сумму, въ Академію отпускаемую, оныя удержала; счисляя же великіе проѣзды Профессора Ловица, толикая сумма издержана быть легко могла, точно же, на что онъ Ловицъ ее употребилъ, не осталось изъ оной, по несчастному его концу, ни какого документа.

О кабинетѣ.

Прошедшею весною Ея Императорское Величество указать соизволила, заплатить изъ статной Академической суммы за Кабинетъ Натуральной Исторіи, который изволила указать принять въ Кунсткамеру. Долгъ мой заставляетъ меня всенижайше Ея Импера-

торскому Величеству представить, что Академія недоумѣвается, что въ семъ случаѣ дѣлать, ибо она иначе сей суммы заплатить не можетъ, какъ развѣ убавкою окладовъ жалованья, ибо вся остатная сумма разочтена. О Кабинетѣ же семъ представлена была Ея Императорскому Величеству подлинная записка Г-на Палласа на Высочайшую Ея волю, а Академія не считала сего Кабинета для себя необходимымъ, и Кунсткамера хотя находится подъ надзираніемъ Академіи, но не принадлежитъ къ оной, какъ одна изъ частей ея, да и сверхъ того на дѣланіе шкаповъ и постаментовъ для помѣщенія его совсѣмъ съ позолотою Академія употребила до тысячи рублевъ своихъ денегъ; въ разсужденіи чего всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество и проситъ о не зачитаніи у нея сей суммы, пяти тысячъ трехъ сотъ рублей, выданныхъ за сей Кабинетъ изъ Кабинета Вашего Величества, ибо оная составляетъ статную, опредѣленную на Кунсткамеру, сумму слишкомъ на десять лѣтъ, ибо въ годъ положено оной по пяти сотъ рублевъ, и сіе на содержаніе оной спиртомъ и прочимъ.

О спорахъ въ пошлинахъ съ печатныхъ становъ.

Академія имѣетъ споръ съ Санктъ-Петербургскою Таможнею о печатныхъ станахъ, которые Академія выписала изъ Голландіи. Таможня требуетъ пошлинъ, а въ Тарифѣ съ инструментовъ, служащихъ къ наукамъ, пошлинъ брать не велѣно, и какъ Академія по существу своему судить должна, инструментъ ли печатный станъ, то она и опредѣляетъ, что онъ есть инструментъ самый нужный и самый ближайшій къ произведенію и распространенію ученія. Именно же о печатныхъ станахъ въ Тарифѣ не упоминается, слѣдственно, рѣшеніе онаго спора зависѣло отъ разсужденія Таможни, а не отъ сообразованія положительному закону.

Академія съ книгъ, которыя суть печатная бумага, пошлинъ не платитъ. Съ бумаги же, на которой она должна печатать, платитъ, и сей расходъ простирается сверхъ тысячи рублевъ въ годъ, отъ чего книги, здѣсь печатаемыя, необходимо должны быть дороже.

Директоръ Академіи Наукъ Сергѣй Домашневъ.

Генваря дня, 1781 г.

II.

Примѣчанія о исправленіи училищъ.

Изъ приложеннаго при семъ подробнаго описанія, сдѣланнаго, въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, назначенными къ тому отъ Г. Академіи Наукъ Директора и Академиками, всѣмъ училищамъ и пансіонамъ, содержимымъ въ здѣшнемъ столичномъ городѣ, какъ иностранцами, такъ и Русскими, въ разсужденіи ихъ нынѣшняго состоянія и пользы, проистекаютъ слѣдующія общія заключенія и положенія:

I. Что недовольно искусныхъ и знающихъ воспитателей и наставниковъ. Какъ нельзя надѣяться, чтобъ люди съ дарованіями, а особливо изъ природныхъ Россіянъ: I. имѣющіе всѣ нужныя качества и способности къ толь важному дѣлу, каково есть воспитаніе и наученіе другихъ, могли все свое время и все свое стараніе употребить на оное, если званіе ихъ не соединено будетъ съ таковыми же выгодами, каковыми пользуются отправляющіе съ усердною ревностію другія службы, по тому кажется единственнымъ быть способомъ, къ дополненію сего недостатка и къ произведенію искусныхъ учителей и способныхъ воспитателей, когда публичныя вольныя училища снабдѣны будутъ нѣкоторыми выгодами и преимуществами, обучающіе же ободрены нѣкоторою степенью отличности и достаточнымъ жалованьемъ, также надѣяніемъ вящшаго награжденія, по мѣрѣ ихъ прилежности и успѣховъ, какъ въ собственномъ ихъ знаніи, такъ и въ наученіи другихъ.

II. Второй недостатокъ состоитъ въ учебныхъ и первыя основанія наукъ въ себѣ содержащихъ книгахъ. Книги, въ большой части училищъ употребляемыя, не изъ лучшихъ, многія же изъ нихъ весьма худы. Малое число училищъ снабжено оными, что найпаче происходитъ отъ того, что избираются учебныя книги, печатанныя въ другихъ земляхъ, а не въ Россіи, но чтобы юношество общеполезнымъ знаніемъ съ пріятностію научить, то надобно ввести вездѣ избранныя къ тому книги, какъ для учителей, такъ и для учащихся. Употребленіе сихъ книгъ сдѣлать общимъ

во всѣхъ школахъ, и по сему напечатать ихъ отъ Коммисіи, старающейся о переводахъ, довольное число.

III. Порядокъ ученія въ большей части училищъ весьма недостаточенъ, а особливо слѣдующее:

1) Что много употребляютъ времени на одинъ Французскій языкъ, и по тому не только Россійскій и Нѣмецкій языки, но познанія вещей, остаются въ небреженіи.

2) Что познанія нужныя преподаются какъ для Россійскаго, такъ и для Нѣмецкаго, юношества, не на ихъ природномъ, но на Французскомъ, языкѣ, и по тому много остается для нихъ темнаго и неправильно понимаемаго.

3) Что немало тратится времени при изученіи языковъ въ затверживаніи словъ и правилъ, но и въ показаніи знаній, какъ то Закона, Исторіи, Географіи, даже и самой Математики, поступаютъ какъ съ дѣлами, до единой памяти принадлежащими, не стараяся о исправленіи разума и сердца.

4) Что юношество, не разбирая пола и способности, все вмѣстѣ обучается и нераздѣлено на степени. Исключая училища при церкви Св. Петра, всѣ прочія иныя во всѣхъ сихъ четырехъ пунктахъ, другія же только въ нѣкоторыхъ, погрѣшаютъ. Училище же при Нѣмецкой церкви Св. Екатерины одинъ недостатокъ имѣетъ, что дѣвицы и мальчики въ однихъ покояхъ обучаются.

Уменьшенія и совершеннаго искорененія всѣхъ сихъ недостатковъ, безъ сумнѣнія, ожидать должно, когда вышеупомянутыми ободреніями число искусныхъ и ревностныхъ учителей, а особливо изъ природныхъ Россіянъ, пріумножится, и когда введенъ будетъ школьный, обнародованный вездѣ, порядокъ, къ чему правиломъ послужить можетъ книга Г-на Резевитца, подъ названіемъ: «Воспитаніе мѣщанъ къ употребленію здраваго разума и къ общественнымъ дѣламъ.» 2 изд. 1776 года.

IV. Самое число училищъ, а особливо вольныхъ публичныхъ, недостаточно. Число учащихся:

1) Въ 26 училищахъ, заведенныхъ Французами и Нѣмцами, обучаютъ юношество 90 учителей и учительницъ, въ числѣ ко-

ихъ 50 Нѣмцовъ, 20 Французовъ и 20 Русскихъ, половину составляютъ танцмейстеры и рисовальщики, а изъ числа послѣднихъ десяти 8 обучаютъ Россійскому языку, а двое Математикѣ; Россійскому языку обучающіе имѣютъ другія должности въ разныхъ Приказахъ, а преподающіе наставленіе въ Математикѣ находятся въ военной службѣ, и такъ обученіе юношества дѣло для нихъ постороннее.

Въ 31 описанныхъ училищъ простирается до 820, изъ коихъ 370 Русскихъ, а остальные большею частію Нѣмцы. Кромѣ сихъ въ прочихъ училищахъ сего столичнаго города, заведенныхъ на казенномъ иждивеніи, учащихся не свыше 4000 полагать можно, да изъ сихъ немалая часть не здѣшняго города уроженцы, но приведенные изъ другихъ мѣстъ; и такъ число обучающихся въ сравненіи безъ всякаго наставленія остающихся весьма не велико, когда, по вѣроятному исчисленію, 21,000, отъ 7 до 14 лѣтъ, остается требующихъ обученія.

V. Для отвращенія вышесказанныхъ недостатковъ и чтобъ предложенныя размышленія произвести въ дѣйство, кажется нужнымъ особливое Правительство, коего долгъ состоять будетъ въ томъ, чтобы настоящія училища и пансіоны поправлять и имѣть въ своемъ смотрѣніи и покровительствѣ, учреждать новыя, особливо же вольныя публичныя училища, и распредѣлить ихъ, смотря по разному состоянію и полу жителей, принимать учителей, въ которыхъ строго разсматривать надлежитъ ихъ способности, душевныя и сердечныя качества, домашнія ихъ обстоятельства, ихъ лѣта, и ихъ награждать, имѣть недремлющее око надъ введеннымъ въ училищахъ порядкомъ, посѣщая часто и нечаянно оныя, и наконецъ стараться дѣлать нужныя перемѣны, сообразуяся со временемъ и обстоятельствами, дабы тѣмъ въ лучшее привести совершенство народное воспитаніе.

I. Албрехтъ Ейлеръ.
Иванъ Лепехинъ.
W. L. Krafft.
Антонъ Гильденштетъ.

III.

Записка о производствѣ дѣла по прошенію Директора Академіи Наукъ на Профессора Румовскаго съ товарищи. *

Когда повелѣно разсмотрѣть дѣло, по представленію Директора Академіи Наукъ, въ возмущеніи противъ его Профессоровъ, Румовскаго и Котельникова, отложившихся отъ послушанія, за требованіе отъ нихъ счетовъ, то, прежде отвѣта отъ нихъ, начато тѣмъ, что потребованъ доносъ на Директора.

Сею хитростью начальникъ сдѣлался отвѣтчикомъ предъ подчиненными, и два существенно разныя дѣла въ одно смѣшаны. Первое было въ защищеніи правъ и оскорбленій, поставленной Ея Императорскимъ Величествомъ, власти и повелѣніемъ ея изслѣдовать приказанное.

Второе—дѣло частное и личное, въ критикѣ, или точнѣе сказать, въ сатирѣ на Директора объ его сочиненіяхъ, о коихъ Румовскій и Котельниковъ доносили вообще, что они дурны. И сіе второе дѣло начато по произволенію Генералъ-Прокурора противъ Директора.

По взятіи же сего доноса объявлено было Академіи письмо Директорское, Ея Императорскому Величеству поданное, въ коемъ всенижайше просилъ онъ всемилостивѣйшаго дозволенія объяснить Ея Величеству о состояніи вещей на словахъ. Изъ объявленія же письма оказалось, что онаго не послѣдовало, то сіе утвердило разсѣянный Румовскимъ слухъ, что Директоръ имѣетъ горестнѣйшее несчастіе быть подъ гнѣвомъ Ея Величества.

Изъ того же письма Профессоры увидѣли, которые изъ нихъ похвалены и о которыхъ того сказать было не можно.

Расположа такимъ образомъ умы, спрашивалъ онъ о Директорѣ аттестату у Профессоровъ, прибавя къ Директорскимъ рѣчамъ изъ помянутаго Ея Величеству письма слова, кои перемѣнили видъ дѣла.

---

* По сему дѣлу дано Высочайшее повелѣніе въ Генварѣ 1783 года, которое см. ниже.

Академія отвѣчала, что Румовскаго и Котельникова доносъ ложенъ; что того, что они показываютъ, нѣтъ и что если будетъ то впредь, тогда будетъ худо.

Объявлено отъ производства дѣла, что всякой можетъ подавать частно на Директора доносы, которые собраны, но отъ него скрыты, и Директоръ узналъ про нихъ, когда уже взнесено дѣло.

При семъ случаѣ Профессоры и другіе служители Академическіе, считая судьбу Директорскую въ своей волѣ, требовали у него прибавки жалованья сверхъ контрактовъ. Директоръ же при сихъ обстоятельствахъ сего сдѣлать не хотѣлъ. А что Профессоры имѣютъ въ его время болѣе выгодъ, нежели до него, то сіе и тѣмъ доказательно, что въ пять лѣтъ его дирекціи вышло на нихъ жалованья 19,400 рублевъ болѣе, нежели въ такое же число времени до него.

Предписанными объявленіями и запросами, и происшедшими отъ того невозможными отъ Профессоровъ, требованіями, удалось поднять и другихъ противъ Директора, кромѣ Румовскаго. Таковымъ производствомъ дѣла, явно несходственнымъ Высочайшему намѣренію, кажется, что производитель онаго хотѣлъ затушить пожаръ, заливая его спиртомъ. Экстрактъ дѣла Директору не показанъ, въ противность всѣмъ законамъ, отъ чего и произошло, что та часть онаго, на которой основываетъ свое мнѣніе производитель дѣла, Директору совсѣмъ не свѣдома. Доказательства же Директорскія и что въ его пользу отъ Академиковъ ни показано, все то умолчано, даже и главныя статьи, доносъ испровергающія, изъ дѣла выключены, а упомянуто объ нихъ въ докладѣ глухо, такъ какъ будто бы Директоръ противъ ихъ ничего отвѣчать не могъ, хотя онъ ихъ не только доказательнымъ счетомъ испровергъ, но доказалъ еще самымъ дѣломъ противъ доносителей то, что сіи сдѣлали противъ его по одной выдумкѣ.

Но въ производствѣ дѣла ставится еще Директору въ вину, что онъ хотѣлъ узнать то, что на него показываютъ, такъ что не позволяется ему и желать быть невинну. Если бъ, по мнѣнію чьему, и должно быть безъ вины виноватому, но Директоръ такъ, какъ и всѣ знаютъ, сколь сіе погрѣшаетъ противъ разума Россій-

ской законодательницы, а въ томъ же дѣлѣ, о которомъ ему и знать запрещается, его доносители присутствовали, и такъ они же и судьями его сдѣлались.

Расположеніе же дѣла сколь хитростно, столь и необычайно; ибо во всякомъ производствѣ предлагается напередъ дѣло, а по томъ уже заключеніе; а что тутъ сдѣлано, употребляется развѣ въ такомъ случаѣ, когда хотятъ дать о комъ предубѣжденіе, чтобъ вѣроятнѣе показалось то, что ни будетъ выдумано.

Собранныя отъ работающихъ на Директора разныхъ городскихъ мастеровыхъ людей, также и у Академическихъ нижнихъ служителей, всякія Директорскія записочки, иныя на четверо разодранныя и сургучомъ при дѣлѣ склеенныя, не извѣстно, кому данныя, приложены при Экстрактѣ.

Изъ коихъ хотя и видно, что написано, выдать десять рублевъ на краски, но кому, ничего не означается, и, не взирая на прошеніе Директора, чтобъ оные лоскутки ему показать, ему оные не показаны, хотя видно было производителю дѣла, что находящійся тогда при Коммиссіи, за отрѣшеніемъ отъ оной, Секретарь Басовъ, былъ тотъ, который за сочиненіе фальшивыхъ пашпортовъ былъ публично наказанъ.

Прямые же документы и признанія нѣкоторыхъ Профессоровъ въ ихъ безпорядкахъ и оскорбленіяхъ Директору, равно и доказательства, что все возстаніе противъ Директора начато по одной страсти, также и протесты книгопродавца о принужденіи его Секретаремъ Коммиссіи, Басовымъ, писать ложные рапорты, ни къ дѣлу не приложены, ниже въ ономъ упоминаются.

Профессоры Румовскій и Котельниковъ, узнавъ о семъ прикрытіи ихъ дѣлъ, столь сильно предались своей радости, что, формально сдѣланнымъ опредѣленіемъ своимъ, уничтожили Именное запрещеніе о невыдаваніи при Календарѣ эстампа, за пасквильной всѣми признаваемаго, но положили дать за оный граверу награжденіе, написавъ, что хотя, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, эстампъ сей и уничтоженъ, однако, де, можетъ быть годенъ впредь. Сіи же «нѣкоторыя обстоятельства» были Именное Ея Императорскаго Величества запрещеніе.

Впрочемъ, не сыскано ни одного случая, гдѣ бъ Директоръ поступилъ противъ даннаго Академіи Регламента, и хотя онъ сообщилъ его Сіятельству, Генералъ-Прокурору, всѣ свои учрежденія, и сколь часто въ семъ дѣлѣ, при четырехъ оборотахъ онаго, о расположеніяхъ Директорскихъ ни твердилось, и что нѣкоторые изъ Академиковъ представляли, какъ то Палласъ, Лексель, что никогда ни Академія не была, ни сочиненія ея, въ столь великомъ уваженіи, какъ при нынѣшнемъ Директорѣ, что она имъ почти оживлена, какъ чрезъ задачи изъ награжденій, такъ и другими установленіями, то все пропущено, равно и то, что Директоръ состоящіе на Академіи долги, изъ собранной имъ экономіи, всѣ выплатилъ, и, не взирая на то, что при вступленіи его было при Академіи экономической суммы только тысяча рублевъ, а нынѣ оной въ 20 разъ болѣе, оклады никому не убавлены, но многимъ пріумножены. Всѣ строенія Академическія починены и пристойно прибраны, Кунсткамера недостающими въ оной вещами, астрономическими и физическими инструментами снабдена изъ экономической же суммы (напротивъ того, Академія, при предмѣстникѣ его, просила 30 тысячъ прибавочной суммы), разныхъ же напечатанныхъ при немъ книгъ и вырѣзанныхъ досокъ прибыло въ капиталъ экономіи до ста тысячъ рублевъ, что все существующимъ бытіемъ всѣхъ сихъ вещей доказывается.

Упомянуто же только то, что былъ Директоръ два раза въ Академической банѣ, въ чемъ, де, онъ и признается.

Противъ исчисленія плановъ и всѣхъ ученыхъ предпріятій нынѣшняго Директора, Его Сіятельство изволитъ хвалить сочиненія Академіи при, блаженной памяти, Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. Но по чему нынѣшній Директоръ можетъ быть за то отвѣтенъ, что было тогда, когда онъ еще не былъ на свѣтѣ?

Выписаны же и представлены въ дѣлѣ всѣ, но и то мнимыя, ошибки, изъ шестилѣтняго собранія газетъ выбранныя. Представлено и о томъ, что между книгами въ Публичной Библіотекѣ есть романы, что нѣкоторыя книги философическія лежатъ въ шкапѣ книгъ историческихъ, что обѣщалъ Директоръ выдумать картушу къ Географической картѣ, но не выдумалъ, что хотя исключеніе Профессора Лаксмана, за похищеніе многихъ вещей и

за покушеніе застрѣлить Экзекутора, было принято всѣми Академиками три года тому назадъ, но сіе было сдѣлано исторически, что вѣстовымъ сторожамъ далъ онъ свои епанчи.

Директоръ столь былъ стѣсненъ и затрудняемъ во всѣхъ своихъ защищеніяхъ, что, по предписанію Его Сіятельства, Генералъ-Прокурора, не могъ онъ изъ Академической Коммисіи (которая есть, по точнымъ словамъ Регламента, Департаментъ, ему принадлежащій) взять ни какой справки иначе, какъ подъ присмотромъ одного изъ его доносителей, хотя оныя всѣ могли имѣть безъ всякаго надзиранія. Вмѣсто же того Румовскій очищается въ выкрадываніи изъ Коммисіи по счетамъ дѣлъ свидѣтельствомъ того самаго человѣка, въ пользу чью сіе выкрадываніе сдѣлано и Румовскимъ сожжено.

Директоръ Академіи Наукъ С. Домашневъ.

IV.

Рапортъ отъ Коммиссіи Академіи Наукъ о непорядкахъ Директора во время управленія оной, и копіи съ Ордеровъ, данныхъ имъ, съ краткимъ со стороны Коммиссіи объясненіемъ.

Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ, которымъ учреждена Коммиссія при Академіи Наукъ, между прочимъ, для лучшаго успѣха, повелѣно Директору Академіи, со всѣми назначенными въ ономъ членами, не только разсматривать всѣ дѣла, но и управлять оными. Согласно съ симъ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ, предшественники настоящаго Г. Директора дѣла по Академіи разсматривали и управляли оными со членами Коммиссіи. Какимъ образомъ, напротивъ того, Дѣйствительный Камергеръ и Академіи Наукъ Директоръ, Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, приписывая приказаніямъ своимъ силу Высочайше даннаго Академіи Регламента, управлялъ оною, Коммиссія въ отвѣтахъ своихъ, на принесенную Вашему Императорскому Величеству отъ Директора жалобу на членовъ

Коммиссіи, объяснила Его Сіятельству, Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, которому жалобу сію разсмотрѣть указать соизволили.

И хотя по сему случаю Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе Г-ну Директору, равно какъ и членамъ Коммиссіи, объявлено, «дабы каждый оставался въ должномъ прехожденіи своего служенія, избѣгая, съ одной стороны, всякаго повода ко взаимнымъ огорченіямъ, съ другой же опасаясь, дабы чрезъ то не навлечь на себя Монаршаго неблаговоленія, но ожидать благоговѣйно на все Всемилостивѣйшаго отъ Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія, и Указомъ Правительствующаго Сената, даннымъ 1781 г., Іюля 18 дня, предписано Коммиссіи казну, находящуюся при оной, содержать подъ общимъ присмотромъ всѣхъ членовъ Коммиссіи, какъ требуетъ того Государственное учрежденіе, по силѣ котораго и отвѣтствовать они должны за цѣлость всѣ вообще, но Г. Директоръ, не взирая на все сіе, нынѣ, подъ видомъ порядка, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы властъ свою далѣе распространить и Коммиссію привесть въ совершенное недѣйствіе, Іюля 26 дня далъ Ордеры слѣдующаго содержанія:

1.

Коммиссарамъ денежной кассы и книжной лавки возобновилъ приказаніе, Указомъ Правительствующаго Сената въ прошломъ году уничтоженное, чтобы они безъ Ордеровъ его никому изъ членовъ Коммиссіи денегъ не отдавали, и прежде отдачи членамъ подъ сохраненіе дастъ отъ себя Коммиссарамъ, мимо Коммиссіи, приказанія дѣлать изъ оныхъ выдачи, Коммиссару казны подъ тѣмъ видомъ, яко бы члены Коммиссіи, въ пренебреженіе Ордера его, вмѣсто половиннаго, брали полное жалованье, а Коммиссару книжной лавки подъ тѣмъ, будто бы и прежде членами Коммиссіи браны были деньги на свои собственныя нужды. Но члены Котельниковъ и Румовскій съ Ноября мѣсяца прошедшаго года, по запрещенію Г. Директора, по нынѣ получаютъ половинное только Вашего Императорскаго Величества жалованье, и никто изъ членовъ Коммиссіи не бралъ казенныхъ денегъ на свои собственныя нужды.

2.

О приказаніяхъ Г. Директоромъ Коммиссарамъ и другимъ Департаментамъ, безъ опредѣленія, прямо отъ лица своего даваемыхъ, въ томъ числѣ и о выдачѣ денегъ, Коммиссія, въ нужныхъ случаяхъ, не инако получала свѣдѣніе, какъ посылая въ Департаменты письменные запросы: то, чтобы отнять отъ Коммиссіи средство получать объ оныхъ свѣдѣніе, предписалъ Г. Директоръ всѣ исходящія дѣла представлять себѣ, а безъ того ни какого и ни по какимъ дѣламъ исполненія не чинить, и о томъ во всѣхъ Департаментахъ объявить съ подпискою, подъ тѣмъ видомъ, будто бы въ Коммиссіи положено было исходящія дѣла подписывать всѣмъ вообще, и что Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Штелинъ далъ Коммиссару Устинову два требованія, за своимъ только подписаніемъ и безъ занесенія въ Журналъ; но въ Коммиссіи положено, согласно съ законами Вашего Императорскаго Величества, давать Ордера Коммиссару о выдачѣ только денегъ за подписаніемъ всѣхъ членовъ, а требованія, однимъ Г. Штелинымъ подписанныя, касались не до выдачи, но до присылки денегъ, и не до Департаментовъ Академіи, но до другихъ Присутственныхъ Мѣстъ.

3.

Возмнивши Г. Директоръ, аки бы Коммиссія переворшиваетъ рѣшенія его, правящему при Коммиссіи Секретарскую должность приказалъ, о разсужденіяхъ Коммиссіи по дѣламъ, прежде внесенія ихъ въ Журналы, немедленно репортовать себѣ; но Коммиссія отнюдь не дѣлала ни какихъ рѣшеній, въ отмѣну Ордеровъ Г. Директора, а, усматривая особливо нѣкоторыя выдачи денегъ неосновательныя, другія же съ законами не согласныя, записывала, для безопасности, въ оправданіе свое, въ Журналы свои мнѣнія не рѣшительно, но къ его же Г. Директора разсмотрѣнію представляя, по тому что Г. Директоръ Коммиссію отъ давнаго времени присутствія своего не удостоивалъ и Журналовъ Коммисскихъ не подписывая, или свои сочиняя, Ордеры насылаетъ изъ своего дому.

4.

Правящему при Коммиссіи Секретарскую должность Г. Директоръ далъ особливую Инструкцію, въ которой, между прочимъ, предписалъ, по всѣмъ входящимъ въ Коммиссію дѣламъ, представлять себѣ; по чему онъ, возвратясь отъ Г. Директора, Августа 10 дня, въ Коммиссію, объявилъ, что онъ, въ силу данной ему Инструкціи, по дѣламъ Коммиссіи болѣе докладывать не будетъ, а долженъ представлять оныя для рѣшенія Г. Директору.

Превратя, такимъ образомъ, Г. Директоръ отъ начала Коммиссіи заведенный порядокъ, не согласный съ именнымъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ, которымъ благоугодно было, для лучшаго успѣха, опредѣлить насъ къ управленію дѣлами по Академіи, не допускаетъ насъ исполнять Высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю, и, присвоя власть всего по Академіи правленія одному себѣ, на тотъ конецъ, дабы Коммиссія ни о какихъ его распоряженіяхъ извѣстна быть не могла, привелъ оную въ недѣйствіе. И для того опасаясь, дабы отъ сего, властію Г. Директора вновь сдѣланнаго, учрежденія, не произошло такихъ слѣдствій, за которыя мы безвинно законному взысканію подпасть можемъ, и не зная, что предпріять въ сей крайности, осмѣливаемся, припадая къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, предать все сіе въ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе. При семъ осмѣливаемся всеподданнѣйше поднести Вашему Императорскому Величеству и копіи съ Ордеровъ, данныхъ отъ Г. Директора, съ краткимъ со стороны Коммиссіи объясненіемъ.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшіе рабы:

І. Фонъ Штелинъ.

Семенъ Котельниковъ.

Степанъ Румовскій.

Августа 25 дня,
1782 года.

1.

Ордеръ Коммиссару Устинову.

Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, что изъ Гг Профессоровъ Коммиссіи, въ пренебреженіе Ордера моего, брано было полное жалованье вмѣсто половиннаго, опредѣленнаго имъ, для безопасности интереса Ея Императорскаго Величества, на случай могущаго оказаться, по окончаніи запущенныхъ счетовъ по Типографіи и Книжной лавкѣ ущерба, Вамъ, безъ Ордера моего, никому изъ Гг. Профессоровъ Коммиссіи, ни по какимъ домогательствамъ, казенныхъ денегъ не отдавать, поелику и прежде отъ нихъ браны были деньги на собственныя нужды даже изъ выручаемыхъ за Вѣдомости у Коммисара Зборомирскаго денегъ. А въ случаѣ подобнаго принужденія, какое было Вамъ въ разсужденіи отдачи имъ денегъ, принятыхъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, которыя они у Васъ силою и съ угрозами взяли, употребя благопристойное увѣщаніе, заперевъ Казначейскую и не допуская ко взятью денегъ, репортовать меня; по чему оныя, по свидѣтельствѣ моемъ должнымъ образомъ, въ безопасности ихъ печатьми будутъ утверждены.

Сергѣй Домашневъ.

Іюля 26 дня,
1782 года.

Объясненіе.

Когда Коммиссаръ Устиновъ отдавалъ принятыя изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества деньги подъ сохраненіе, то отъ членовъ Коммиссіи ни какого домогательства, силы и угрозъ употребляемо не было, а дѣло происходило такимъ образомъ: Коммиссаръ Устиновъ призванъ былъ въ Коммиссію, и объявлено ему, чтобы отдалъ намъ подъ сохраненіе принятыя имъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества деньги, на что онъ отвѣчалъ: «Извольте принять,» и немедленно отдалъ.

2.

Ордеръ Коммиссару Вильковскому.

Для предупрежденія впредь, какъ то случилось, что изъ Господъ Профессоровъ Коммиссіи брали себѣ деньги, изъ вырученныхъ за Вѣдомости у Коммиссара Зборомирскаго денегъ, Вамъ безъ Ордера моего, никому изъ Профессоровъ Коммиссіи, ни по какимъ домогательствамъ, не отдавать, а въ случаѣ принужденія, употребя благопристойное увѣщаніе, заперевъ лавку и не допуская къ деньгамъ, репортовать меня.

Подтверждается Вамъ подавать о сборѣ денегъ мнѣ репорты еженедѣльно, ибо я Вѣдомостей отъ Коммиссіи не получаю и остаюсь безъ свѣдѣнія; по чему, свѣря Вашъ сборъ съ продажею книгъ, даваны Вамъ будутъ Ордера объ отдачѣ, или ссуда расходъ изъ оныхъ, кои Вамъ при отдачѣ взносить куда опредѣлено.

Сергѣй Домашневъ.

Іюля 26 дня,
1782 года.

Объясненіе.

У Коммиссара Вильковскаго никто изъ членовъ Коммиссіи не бралъ денегъ на свои нужды, ниже у Збороммрскаго, какъ было объяснено въ дѣлѣ, которое Его Сіятельство, Князь Александръ Алексѣевичъ, разсматривалъ. Данъ же сей Ордеръ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Г. Директоръ собранныя Коммиссаромъ въ Іюнѣ и въ Іюлѣ мм. деньги, располагать могъ по своей волѣ, ибо изъ сихъ вырученныхъ въ сіи мѣсяцы денегъ Г. Директоръ, противъ всякаго порядка, самъ собою приказалъ выдать 300 рублей за иностранныя книги, по большой части какъ форматомъ, такъ и содержаніемъ, для Императорской Библіотеки негодныя и выписанныя Г. Директоромъ по два экземпляра.

3.

Ордеръ Коммиссіи Академіи Наукъ.

Коммиссаръ Устиновъ протестовалъ мнѣ съ жалобою, что Профессора Коммиссіи взяли у него принятыя имъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества деньги, на записку коихъ въ приходъ данъ былъ уже ему отъ меня Ордеръ, и, отнимая у него помянутыя деньги, употребляли разныя угрозы: то, приведенъ будучи симъ поступкомъ Гг. Профессоровъ Коммиссіи въ крайнее удивленіе, и не зная, къ чему оный отнести, напоминаю наблюдать впредь болѣе благопристойность и взятыя у Коммиссара Устинова деньги возвратить паки въ казну, изъ которой впредь безъ Ордеровъ моихъ денегъ не вынимать и въ Казначейскую, безъ Коммиссара и двухъ изъ чиновныхъ при Академіи служителей, не входить, сообразно всѣмъ Высочайшимъ установленіямъ. Сіе тѣмъ паче необходимо, что Коммиссія въ приходѣ денегъ отчету мнѣ не даетъ. А какъ по сему поступку и выдача денегъ Архитектору Павлову на исправленіе вещей, по именному Ея Императорскаго Величества повелѣнію дѣлаемыхъ, въ противность даннаго о томъ Ордера, остановлена, то подать мнѣ о томъ отъ Гг. Профессоровъ Коммиссіи немедленно отвѣтъ.

Сергѣй Домашневъ.

Іюля 26 дня,
1782 года.

Объясненіе.

Симъ Ордеромъ Г. Директоръ далъ такой видъ, будто бы члены Коммиссіи взяли отъ Коммиссара деньги для своего употребленія: но Коммиссія, принявъ оныя отъ Коммиссара, не инуды куда ихъ положила, какъ въ общее Академической казны хранилище, въ которое члены безъ Коммиссара никогда не входятъ. Вопреки тому Г. Директоръ, предписывая возвратить ихъ въ казну, требуетъ, чтобы Коммиссія паки отдала Коммиссару, на тотъ конецъ, чтобы распоряжать оными противъ предписаннаго зако-

нами порядка, какъ уже самымъ дѣломъ, не допустя сихъ денегъ до Коммиссіи, приказалъ выдать Ассессору Петру Богдановичу триста рублевъ въ награжденіе, не взирая на то, что Коммиссія на сію выдачу, яко законамъ противную, не соглашаясь, мнѣніе свое о томъ Г. Директору, въ Журналѣ записанное, представляла. Коммиссія выдачъ безъ вѣдома Директора ни какихъ не дѣлаетъ, и Коммиссаръ ему ежемѣсячно подаетъ о приходѣ и расходѣ вѣдомости, къ чему онъ обязанъ тѣмъ паче, что принужденъ бываетъ дѣлать выдачи по однимъ приказаніямъ Г. Директора. Остановки отъ Коммиссіи въ выдачѣ ни какой не было, и когда Коммиссія принимала отъ Коммиссара Устинова деньги, принятыя имъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, то о упоминаемомъ здѣсь Высочайшемъ повелѣніи свѣдѣнія не имѣла и отъ Г. Директора до сего Ордера о выдачѣ оныхъ ни чего ей предписано не было.

4.

Ордеръ Коммиссіи Академіи Наукъ.

Усмотрѣно мною, что хотя въ Коммиссіи положено исходящія дѣла подписывать всѣмъ вообще, однако жь Г. Штелинъ далъ Коммиссару Устинову два требованія о деньгахъ за своимъ только подписаніемъ и безъ занесенія въ Журналъ; по чему Коммиссаръ Устиновъ, сомнѣваяся и самъ о законности оныхъ, тѣмъ паче, что Г. Штелинъ Россійскаго языка, на которомъ оныя требованія писаны, не разумѣетъ, и что онъ же Г. Штелинъ давалъ ему и прежде самъ собою Ордера на такія выдачи, о коихъ въ Журналахъ не упоминалось, представилъ оныя требованія мнѣ на разсмотрѣніе: то, для предупрежденія таковаго безпорядка, всѣ исходящія дѣла представлять мнѣ, а безъ того ни какого и ни по какимъ дѣламъ исполненія не чинить, и о томъ во всѣхъ Департаментахъ объявить съ подпискою. Между тѣмъ же послать во всѣ Присутственныя Мѣста сообщенія о присылкѣ въ Академію вѣдомостей, сколько съ 1766 года по нынѣшній годъ отпущено въ Академію денегъ, по чьимъ требованіямъ и подъ чьи росписки.

Касательно же до упраздненныхъ Мѣстъ, сообщить о томъ въ Государственный Архивъ.

Сергѣй Домашневъ.

Іюля 26 дня,
1782 г.

Объясненіе.

Оба требованія, здѣсь упоминаемыя, посланы, въ силу Коммисскихъ резолюцій, и по введенному вездѣ порядку подписаны однимъ только членомъ.

5.

Регистратору Лебедеву.

Въ разсужденіи принесенныхъ Вами жалобъ, что принуждаемъ ты бываешь записывать перевершенія дѣлъ, мною рѣшенныхъ, и о исполненіи которыхъ данъ чрезъ тебя Ордеръ Коммиссіи, въ случаѣ таковыхъ принужденій, прежде исполненія, немедленно репортуйте меня, а въ случаѣ крайняго насилія, употребите законныя средства къ отвращенію онаго.

Сергѣй Домашневъ.

28 Іюля,
1782 г.

Объясненіе.

Члены Коммиссіи никогда не принуждали записывать перевершенія дѣлъ, Господиномъ Директоромъ рѣшенныхъ, а въ разсужденіи нѣкоторыхъ приказаній, особливо денежныхъ выдачъ, вносили въ Журналы, для оправданія, свои мнѣнія и Г-ну Директору на разсмотрѣніе представляли.

6.

Инструкція опредѣленному къ письмоводительству при Коммиссіи Академіи Наукъ Регистратору Лебедеву.

1. Какъ для скорѣйшаго рѣшенія запущенныхъ счетовъ по Книжной лавкѣ и Типографіи, Гг-мъ Профессорамъ Штелину, Котельникову и Румовскому, предписано отъ меня собираться ежедневно, кромѣ табельныхъ дней, въ такіе точно часы, какіе въ Генеральномъ Регламентѣ опредѣлены, то приходъ ихъ и выходъ Вамъ записывать.

2. Внесенныя въ Коммиссію отъ Коммиссара Зборомирскаго счетныя книги старыхъ годовъ раздать Вамъ и Профессорамъ Коммиссіи по тѣмъ годамъ, какіе кому Ордеромъ въ 1780 году въ Декабрѣ предписано.

3. По Субботамъ каждой недѣли подавать Вамъ мнѣ вѣдомости о приходѣ и выходѣ членовъ во всю недѣлю и репортовать при томъ, сколько сочтено книгъ. Если же бы случилось, чтобъ Гг-да Профессоры Коммиссіи безъ законныхъ причинъ не наблюдали часовъ для засѣданія, Генеральнымъ Регламентомъ предписанныхъ, то вести Вамъ таковымъ случаямъ точную записку и подавать мнѣ, для законнаго на оную производства.

4. По усмотрѣнію, что многія приказанія Коммиссіи исполняются подчиненными въ такомъ предположеніи, что оныя даются съ моего вѣдома изъ Коммиссіи, такъ какъ изъ принадлежащаго Президенту Департамента, хотя нѣкоторыя изъ оныхъ оказались мнѣ и не извѣстными, то, чтобы не было ни какого недоумѣнія впредь, всѣ приказанія во всѣ Департаменты даваны будутъ за моимъ подписаніемъ, о чемъ въ Департаментахъ объявить съ подпискою.

5. Если бъ случились какія входящія дѣла, кромѣ сообщеній, до Вѣдомостной экспедиціи касающихся, то по онымъ немедленно представлять мнѣ. Въ случаѣ же отлучки моей къ Высочайшему Двору, во время пребыванія онаго внѣ города, увѣдомлять меня

въ случаяхъ, теперь не предвидимыхъ, объ оныхъ немедленно чрезъ Экзекутора, который, имѣя въ вѣдомствѣ своемъ казенную лошадь, можетъ оную къ тому употреблять.

6. Какъ я не получаю о работахъ мастерскихъ палатъ, также о продажѣ книгъ и выручкѣ денегъ, ни какихъ отъ Коммиссіи вѣдомостей, хотя сіе отъ меня и требовано было, то во всѣхъ Департаментахъ объявить съ подпискою, чтобъ таковыя вѣдомости по Субботамъ отъ всѣхъ Департаментовъ подавать мнѣ.

7. Имѣть Вамъ настольный реестръ всѣмъ срокамъ, въ которые какія дѣла входить, или производиться, должны, и наблюдать, чтобъ оныя въ постановленное время теченіе свое начинали, или кончили; въ противномъ случаѣ, когда что къ сроку не подано, или не начато, то, справясь о причинахъ, немедленно меня увѣдомлять.

8. Имѣть Вамъ надзираніе о содержаніи камеры, гдѣ отправляются дѣла, въ порядкѣ и благочиніи, и отвращать съ благопристойностью, если бъ кто въ оную войтить хотѣлъ не въ трезвенномъ состояніи; въ случаѣ жь шуму, или другой иной непристойности, сообщать о томъ Экзекутору и стараться свойственнымъ тому образомъ прекратить.

Сергѣй Домашневъ.

Іюля 26 дня,
1782 г.

Объясненіе.

На 2-ое. Дѣло, до счетовъ касающееся, объяснено въ Оправданіяхъ Коммиссіи, поданныхъ Его Сіятельству, Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому; а для скорѣйшаго оныхъ окончанія, Коммиссія двоекратно Г-ну Директору представляла о прибавкѣ приказныхъ служителей, по тому что въ сочиненіи изъ приходныхъ и расходныхъ книгъ вымѣтокъ трудится одинъ Бухгалтеръ, отправляя при томъ и другія по счетной экспедиціи дѣла, и противъ Штата Академіи недостаетъ многихъ приказныхъ служителей, по

Г-нъ Директоръ представленія Коммиссіи ни какого рѣшенія не удостоилъ и служителей не прибавилъ, чтобы вину медленности, да и самое сочиненіе счетовъ, возложить на членовъ Коммиссіи.

На 2-ое. Коммиссія ни какихъ приказаній въ Департаменты Академіи не посылаетъ, кромѣ нужныхъ по дѣламъ справокъ, прочія же записываемы бываютъ въ Журналы, которые всѣ Г-ну Директору представляются; и какъ многіе Журналы Г-нъ Директоръ оставляетъ у себя, не удостоивая Коммиссіи отвѣта, то она, чтобы въ дѣлахъ не сдѣлалось остановки, принуждена иногда бываетъ приступать по онымъ къ исполненію.

На 8-ое. Кого Г-нъ Директоръ разумѣетъ, чтобы въ Коммиссію входилъ въ нетрезвенномъ состояніи, Коммиссіи не извѣстно, и съ начала учрежденія ея шуму и неблагопристойности никогда не происходило.

7.

Ордеръ Коммиссіи Академіи Наукъ.

Слѣдующія гравировальщикамъ, Алексѣю Колпашникову и Николаю Саблину, деньги, восемьдесять рублевъ, за вырѣзанный ими на мѣди заглавный виньетъ къ печатающейся при Академіи, на счетъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, книгѣ, сочиненія Г. Ассессора Чулкова, Исторіи о Россійской Коммерціи, выдать имъ, Колпашникову и Саблину, изъ полученной изъ онаго Ея Императорскаго Величества Кабинета суммы, за напечатаніе первой части вышеупомянутой книги, о чемъ, заготовя Ордеръ, мнѣ представить.

Сергѣй Домашневъ.

Августа 8. дня,
1782 года.

Объясненіе.

Сей Ордеръ свидѣтельствуетъ, что Г. Директоръ Присутственнымъ Мѣстомъ не почитаетъ Коммиссію, превращая оную въ своего писца, который бы, заготовляя, по приказаніямъ Г. Директора, Ордеръ, представлялъ ему для подписанія.

I. Фонъ Штелинъ.

Семенъ Котельниковъ.

Степанъ Румовскій.

Августа 25 дня,
1782 года.

V.

Ордеръ Коммиссіи Академіи Наукъ.

Къ Журналу Августа 17 дня, по приказанію Его Превосходительства, Академіи Наукъ Г. Дирертора, сочиненному и имъ однимъ подписанному, члены Коммиссіи, съ своей стороны, за нужное почли пріобщить слѣдующее:

Слушанная о Секретерѣ Басовѣ справка, кѣмъ сочинена, не извѣстно, ибо никѣмъ не скрѣплена, и въ ней помѣщены такія статьи, о которыхъ въ дѣлахъ Коммисскихъ нигдѣ и ничего не упоминается. Въ ней написано, будто бы Секретарь Басовъ, по желанію Господъ Профессоровъ Коммиссіи Академіи Наукъ, опредѣленъ при Коммиссіи Секретаремъ и произведенъ въ чинъ Коммисскаго Секретаря, а по дѣламъ Коммиссіи явствуетъ, что онъ, Басовъ, опредѣленъ къ Секретарской должности Г. Директоромъ и, по засвидѣтельствованію его объ отличной и усердной службѣ, Правительствующимъ Сенатомъ пожалованъ Коллежскимъ Секретаремъ, и послѣ сего Его же Превосходительствомъ ему, Басову, учинена двукратно прибавка жалованья. Въ отсутствіи же Г. Директора, Коммиссія принуждена была отъ себя представить Правительствующему Сенату, чтобы онъ утвержденъ

былъ Секретаремъ при оной для того, что Г. Директоръ, отъѣзжая въ Херсонъ, предписалъ ему, Басову, исправлять Секретарскую должность и при Экономической Экспедиціи, учрежденной Г. Директоромъ, но Басовъ представилъ Коммиссіи, что онъ при двухъ мѣстахъ Секретарской должности справлять не можетъ.

Потомъ написано въ справкѣ, что онъ, Басовъ, въ бытность свою въ Секретарскомъ званіи сдѣлался извѣстнымъ правящему Академіею по дѣламъ, кои чрезъ него, какъ Секретаря, представлялись, и оказался въ дракѣ и пьянствѣ, и получалъ за то выговоры. Сего по дѣламъ Коммиссіи также не видно и нигдѣ не упоминается, чтобы отъ начала 1781 года до отъѣзда изъ С.-Петербурга Г. Директора, онъ, Басовъ, во время правленія своего Секретарской должности, оказался въ пьянствѣ и дракѣ, и за то получалъ выговоры, и откуда сочинитель справки внесъ сіе въ оную Коммиссію, не извѣстно; ибо изъ Ордера, даннаго Коммиссіи Мая 28 дня, 1781 г., усмотрѣть можно, что ему, Басову, за прилежность къ должности Г. Директоромъ учинена прибавка жалованья. Въ той же справкѣ сказано, что онъ, Басовъ, не только отъ невоздержности своей не исправлялся, но и запустилъ дѣла умышленно, какъ то оказалось по разсмотрѣнію Директора, то Директоръ Академіи, 2 Декабря того же года, его, Басова, по изслѣдованіи въ Коммиссіи, за запущеніе дѣлъ и неотвѣтствованіе на многократные его вопросы и за пьянство, отъ Секретарской должности отрѣшилъ. Чтобы Секретарь Басовъ запустилъ дѣла, сего нигдѣ въ Коммисскихъ дѣлахъ не изображено, какъ только въ сочиненномъ Журналѣ въ присутствіи одного Его Превосходительства, Г. Директора, Декабря 2 дня и имъ однимъ подписаннаго, но и тамъ сего слова умышленно не написано, и откуда оно въ справку взято, не извѣстно. Въ разсужденіи пьянства Басова члены Коммиссіи къ сему пріобщаютъ, что Его Превосходительство, Г. Директоръ, послѣднюю прибавку ему, Басову, учинилъ Мая 28 дня, 1781 года, и въ путь отправился Іюня 2, или 3, дня, и до Декабря 2 дня онаго Басова не видалъ; то изъ сего явствуетъ, что отъ опредѣленія его къ Секретарской должности въ пьянствѣ онъ, Басовъ, Г. Директоромъ примѣченъ не бывалъ, инако прибавки жалованья, за прилежность къ должности, учинить было бы не возможно. А ежели въ выпискѣ говорится о двухъ только дняхъ,

то есть, о 2 и 4 Декабря, въ которые Г. Директоръ, одинъ присутствуя въ Коммиссіи, отрѣшилъ Басова отъ Секретарской должности, то во первыхъ, о пьянствѣ Басова въ самомъ Журналѣ ничего не упоминается, и бывшіе при томъ въ Коммиссіи, Г. Надворный Совѣтникъ Протасовъ и Ассессоръ Герасимовъ, противное сему дали письменное свидѣтельство Его Сіятельству, Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому.

Въ той же справкѣ сказано: «но Секретарь Басовъ, входя и послѣ отрѣшенія, самовольно въ Коммиссію, подучалъ Коммиссара Зборомирскаго подать фальшивый репортъ (что извѣстно по дѣламъ и его Сіятельству, Г-ну Генералъ-Прокурору), и выносилъ изъ Коммиссіи къ себѣ на домъ разныя казенныя дѣла, которыя хотѣлъ утаить, запираясь, что оныхъ у себя не имѣетъ. По обыску же 25 Февраля сего года при Профессорахъ Коммиссіи, Котельниковѣ и Румовскомъ, таковыя дѣла у него дѣйствительно найдены и взнесены въ Коммиссію.»

Секретарь Басовъ, послѣ отрѣшенія Его Превосходительствомъ, Г-мъ Директоромъ, послѣдовавшаго Декабря 2 дня, въ Коммиссію входилъ не самовластно, но по опредѣленію Коммиссіи, какъ видно изъ Журналовъ Коммиссіи, Декабря 8 дня, 1781 года, и Февраля 23 дня, 1782 года, которые и Г-ну Директору были представлены. А подучалъ ли Зборомирскаго подать фальшивый репортъ, того никто утвердить не можетъ, кромѣ одного того, кому дѣло сіе препоручено было на разсмотрѣніе, и сочинитель справки сей, откуда внесъ въ оную сіе обстоятельство, Коммиссіи не понятно, ибо оное правящему нынѣ Секретарскую должность по письменнымъ Коммиссіи дѣламъ извѣстно быть не можетъ.

Что принадлежитъ до казенныхъ дѣлъ, о которыхъ въ справкѣ сказано, будто «выносилъ ихъ Секретарь Басовъ къ себѣ на домъ и хотѣлъ ихъ утаить, запираясь, что оныхъ не имѣетъ,» то найденныя у него въ квартирѣ и опечатанныя, по приказанію Его Превосходительства, Г-на Директора, дѣла двумя Г-ми Ассессорами, Герасимовымъ и Богаевскимъ, отъ Академіи, въ слѣдствіе Правительствующаго Сената Указа, отрѣшеннымъ, браны были имъ, Басовымъ, на домъ съ вѣдома Коммиссіи, а особливо

показанія на Ассесора Богаевскаго, изъ которыхъ приказано было ему, Басову, сдѣлать экстрактъ, для сообщенія онаго Его Сіятельству, Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. Когда обыскъ сей чиненъ былъ и печатаемы найденныя у Секретаря Басова дѣла, то были при томъ члены Коммиссіи, Котельниковъ и Румовскій, но по просьбѣ его, Басова; ибо онъ, услышавъ, что Г-да Ассессоры, Герасимовъ и Богаевскій, присланы отъ Его Превосходительства, Г-на Директора, на квартиру и, не зная, за чѣмъ они присланы, просилъ Академиковъ, Котельникова и Румовскаго, чтобы происшествія сего были зрителями, а дѣйствующія лица были помянутые два Ассессора.

Сіе покушеніе Секретаря Басова принудило Директора, 10 Марта сего года, изъ службы Академической вовсе исключить его Секретаря Басова, и прежде нежели изъ службы Академической Его Превосходительствомъ, Г-мъ Директоромъ, исключенъ онъ, запрещено было отъ него же, Г-на Директора, не впускать, въ тѣ мѣста, гдѣ производятся письменныя по Академіи дѣла, и обыскъ учененъ былъ послѣ сего запрещенія. Запрещеніе дано Февраля 19 дня, а обыскъ учиненъ 25 Февраля.

Наконецъ, что принадлежитъ до шалости его, учиненной въ бытность въ Типографіи, то какъ въ опредѣленіи бывшей Канцеляріи про оную написано, что ежели онъ, Басовъ, въ дѣлѣ своемъ прилеженъ будетъ и худыхъ поступокъ чинить не станетъ, то онъ прибавкою жалованья оставленъ не будетъ, да и прежнія его шалости забыты будутъ, и произвожденіе его, Басова, въ Канцеляристы и Архиваріусы, неоднократно учиненныя прибавки жалованья и одобреніе Его Превосходительства, Г. Директора, равно какъ и представленіе его о пожалованіи чиномъ Коллежскаго Секретаря, за отличную и усердную службу, показываютъ, что онъ послѣ того въ дѣлѣ своемъ былъ прилеженъ и худыхъ поступокъ не чинилъ; то и шалость его, по силѣ Канцелярскаго опредѣленія, должна быть забыта, и разсужденія сіи, при слушаніи сей выписки, Члены Коммиссіи словесно предлагали Его Превосходительству, Г. Директору.

Якобъ Штелинъ.
Семенъ Котельниковъ.
Степанъ Румовскій.

VI.

Копія съ Журнала Коммиссіи Академіи Наукъ, Декабря 10 дня, 1781 года.

Его Превосходительство, Двора Ея Императорскаго Величества Дѣйствительный Камергеръ, Академіи Наукъ Директоръ, Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, отъѣзжая изъ Санктъ-Петербурга, въ данномъ Коммиссіи предложеніи, Мая 31 дня, между прочимъ написалъ, чтобы Г-ну Академику Палласу, къ прежнему его окладу, къ тысячѣ двумъ стамъ рублямъ, прибавить жалованья четыре ста рублей; но какъ сумма, Академикамъ въ жалованье выдаваемая, превосходитъ уже, въ Штатѣ на Академиковъ положенную, и Именнымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, Октября 24 дня, 1780 года, повелѣно, «чтобы ни какое мѣсто и ни какая особа не дѣлала ни какихъ, сверхъ положенныхъ по Штатамъ и сверхъ узаконенныхъ, расходовъ, но, буде нужда въ томъ случится, представлять по порядку, куда слѣдуетъ, для испрошенія Нашего на то соизволенія,» по чему Коммиссія къ исполненію, по предложенію Г-на Директора, и приступить не могла. А какъ въ разсужденіи отмѣнныхъ дарованій Г. Палласа, и препорученныхъ ему отъ Г-на Директора дѣлъ, Г-нъ Академикъ, по мнѣнію Коммиссіи, достоинъ сего воздаянія, то въ Коммиссіи опредѣлено: подать о прибавкѣ Г-ну Академику Палласу Ея Императорскому Величеству докладъ, считая оную прибавку съ положеннаго Г. Директоромъ времени. Именнымъ же Ея Императорскаго Величества Указомъ повелѣно о нуждахъ Академіи представлять Г. Директору, дабы благоволилъ о помянутой прибавкѣ жалованья Г. Академику Палласу подать Ея Императорскому Величества докладъ, а Г. Академику Палласу сообщить съ сего копію.

Подлинный за подписаніемъ Господъ Коммиссскихъ присутствующихъ.

Секретарь Василій Басовъ.

VII.

Письмо Академиковъ къ Безбородку.

Милостивый Государь

Александръ Андреевичъ!

Всепокорно просимъ извинить дерзновеніе, что пріемлемъ смѣлость утруждать Ваше Превосходительство просьбою о дѣлѣ, до цѣлой Академіи касающемся. Директоръ, Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, продолжая и нынѣ прежній образъ правленія своего, на представленія Академіи и Коммиссіи ни какого рѣшенія не дая, или оныя уничтожая, не только Коммиссію, но и всѣ Департаменты, приводитъ въ недѣйствіе. Въ примѣръ сему осмѣливаемся представить Типографію и Департаментъ, гдѣ печатаются фигуры и ландкарты.

Коммиссія, собравъ, по обыкновенію, справки отъ всѣхъ художественныхъ Департаментовъ, сколько и какихъ, въ каждый изъ оныхъ, на цѣлый годъ потребно матеріяловъ, и составя имъ общую роспись, двоекратно представляла о покупкѣ оныхъ Г. Директору, Мая 30 и Іюня 13 дня, но рѣшенія на сіи представленія не получила. Между тѣмъ начальники оныхъ Департаментовъ представляютъ Коммиссіи, что дѣлъ своихъ, за недостаткомъ нужныхъ матеріяловъ, въ короткое время производить будутъ не въ состояніи.

Опасаясь, чтобы толикая въ Департаментахъ Академіи остановка и молчаніе наше въ вину намъ приписано не было, пріемлемъ смѣлость донесть о семъ Вашему Превосходительству, по тому, найпаче, что въ Типографіи Академіи не рѣдко печаталися, и нынѣ печатается одна книга по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, и въ разсужденіи всей Академіи всепокорно Ваше Превосходительство просимъ войти въ прискорбное ея состояніе и ходатайствомъ своимъ у престола не допустить, чтобы она доведена была до разрушенія.

Милостиваго Государя, Вашего Превосходительства, всепокорные слуги:

І. Фонъ Штелинъ.
Семенъ Котельниковъ.
І. Албрехтъ Эйлеръ.
Степанъ Румовскій.
Иванъ Лепехинъ.

Іюля дня, 1782 года.

VIII.

Высочайшее повелѣніе о сочиненіи новыхъ Устава и Штатовъ Академіи Наукъ.

На подлинномъ: Быть по сему. Въ С.-Петербургѣ, 7 Ноября, 1782 года.

Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволила, Гг-мъ: Д. Т. С. и Генералъ-Прокурору, Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, Тайнымъ Совѣтникамъ: Графу Александру Романовичу Воронцову и Петру Васильевичу Завадовскому, и Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникамъ: Эпинусу и Пастухову, разсмотрѣть все установленіе здѣшней Академіи Наукъ и на какомъ ей быть основаніи, сочинить новые проекты Устава и Штата, и оные взнести на апробацію Ея Величества; а какія потребны будутъ имъ свѣдѣнія и объясненія, въ томъ, какъ Директоръ Академіи, такъ и учрежденная при оной Коммиссія, требованія ихъ исполнять, да и впрочемъ всякое пособіе подавать, долженствуютъ.

IX.

Учрежденной при Императорской Академіи Наукъ Коммиссіи отъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Генерала-Прокурора предложеніе.

Получивъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, чтобъ, обще съ назначенными въ ономъ особами, разсмотрѣть, все установленіе здѣшней Академіи Наукъ, и на какомъ ей быть основаніи, сочинить новые Проекты Устава и Штата, имѣю честь препроводить при семъ съ того Высочайшаго повелѣнія копію, для надлежащаго свѣдѣнія и исполненія. Въ слѣдствіе чего предлагаю Коммиссіи изготовить и доставить на первый разъ слѣдующее: 1) нынѣшній Регламентъ Академіи; 2) теперешній Штатъ оной; 3) не послѣдовало ли въ чемъ какихъ перемѣнъ противъ того Регламента и Штата, и когда и кѣмъ оныя учинены, и какія

сему побудительныя были причины? Какіе чины и служители при всѣхъ Департаментахъ, и при какихъ именно должностяхъ находятся, по какимъ окладамъ они нынѣ годовое жалованье получаютъ, и по какимъ законамъ, или повелѣніямъ, сколько на какіе другіе расходы денегъ выходитъ, не превосходятъ ли оные Штатнаго положенія, и ежели превосходятъ, то изъ какой суммы оное превосходство употребляется и до коликаго числа, и по какимъ точно повелѣніямъ и обстоятельствамъ, а по тому объяснить ежегодно ли сіе превосходство необходимо нужнымъ почитается, или въ чемъ по временамъ убавляется и прибавляетъ, и до коликой суммы какъ въ первомъ, такъ и въ другомъ случаѣ? 5) А какъ не безъизвѣстно мнѣ, что, сверхъ положенной по Штату суммы, бываетъ въ приходѣ при Академіи и экономическая сумма, то показать, по какимъ именно Департаментамъ, и отъ чего оная, и какимъ порядкомъ въ приходъ вступаетъ; на какомъ основаніи и на что въ расходъ употребляется и до коликаго въ годъ количества; сколько ея въ прошедшемъ году въ приходѣ было; бываютъ ли отъ году въ годъ отъ оной остатки, и до коликаго числа и куда сіи остатки употребляются? 6) Коммиссія, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, учреждена была, для учиненія реформы Академіи, то показать, что она по нынѣ по сей части учинила? Впрочемъ, обо всемъ томъ писано отъ меня къ Г-ну Директору Академіи.

Князь А. Вяземскій.

Ноября 9 дня,
1782 г.

X.

Отвѣтъ Академиковъ на вопросы Генералъ-Прокурора.

Сіятельный Князь,

Милостивый Государь!

Въ разсужденіи предложенныхъ отъ Вашего Сіятельства ученому собранію Императорской Академіи Наукъ вопросовъ о происшествіяхъ по дѣлу между Коммиссіей Академіи Наукъ и Его

Превосходительствомъ, Сергѣемъ Герасимовичемъ Домашневымъ, Академіи Наукъ Дуректоромъ, имѣемъ честь мы нижеподписавшіеся отвѣтить на слѣдующія статьи:

1) Г-да Академики не употребляются ли Г-мъ Директоромъ по дѣламъ, до нихъ не принадлежащимъ, или противъ ихъ склонности?

Сего вопроса вообще ни подтвердить, ни отринуть не можно; тѣ же, кои употребляемы были противъ ихъ склонности къ дѣламъ постороннимъ, покажутъ оное въ особливыхъ своихъ отвѣтахъ.

2) Многіе изъ иностранныхъ включены по власти Г-на Директора въ члены, коихъ ученое собраніе не признавало достойными, и что отъ того имя Почетнаго Члена пришло въ Европѣ въ презрѣніе?

При избраніи иностранныхъ членовъ полагало себѣ всегда ученое общество за правило два слѣдующихъ предмета: 1) избирать и присовокуплять только такихъ мужей, кои своими сочиненіями и открытіями найпаче прославились въ ученомъ свѣтѣ: 2) беречься, чтобъ число сихъ иностранныхъ членовъ не чрезмѣрно увеличилось. Правда, хотя по сему предписанію, ученое общество разныхъ, отъ Г-на Директора представленныхъ, ученыхъ чрезъ балотированіе въ члены не избрало, однако же, не смотря на то, нѣкоторые изъ нихъ, по настоянію Г-на Директора, безъ балотированія новаго приняты въ члены здѣшней Академіи. По сей самой причинѣ балотированіе вышло изъ употребленія, какъ то изъ выписки изъ Протокола подъ буквою А явствуетъ. Впрочемъ, при Академіяхъ не бывало никогда въ употребленіи о представляемыхъ въ члены ученыхъ давать знать свѣту, когда они по большинству голосовъ исключены, или имъ въ томъ отказано. Что же касается до послѣдней части вопроса, то имя члена здѣшней Академіи по сіе время еще въ чести во всей Европѣ; при томъ ни одного не проходило года, чтобы многіе иностранные ученые, изъ коихъ нѣкоторые между славнѣйшими считаются, не оказали желанія быть принятыми въ число сочленовъ здѣшней Академіи. Между тѣмъ, если число иностранныхъ членовъ чрезмѣрно увеличится и при томъ узнаютъ, что они не по общему согласію и

выбору Академиковъ, но по одобренію какой ни есть частной особы въ сочлены избираются, то нѣтъ сомнѣнія, чтобы въ короткое время славные мужи не стали почитать малостію имѣть титло Почетнаго Члена здѣшней Академіи, и чтобы его даже не отвергли, когда оно имъ предложено будетъ. И сіе самое было бы найвеличайшее поруганіе для нашей Академіи.

3) Г-нъ Директоръ, внося дѣянія свои между дѣлъ ученыхъ, отнялъ будто уваженіе и цѣну у самихъ сочиненій Академиковъ?

Г-нъ Директоръ вносилъ свои сочиненія не въ собраніе Академическое ученыхъ дѣяній, но въ историческую часть оныхъ, коя въ началѣ каждаго тома находится и въ коей, кромѣ говоренныхъ въ публичныхъ собраніяхъ рѣчей, помѣщены еще и сдѣланныя, по его повелѣнію и имъ самимъ пересмотрѣнныя и поправленныя, упомянутыхъ торжествъ описанія. Но хотя бы ихъ и можно было выкинуть, однако жь утверждать нельзя, чтобы нынѣшнія наши дѣянія или собранія отъ упомянутаго примѣсу потеряли уваженіе и цѣну въ ученомъ свѣтѣ, а тѣмъ менѣе бы были почитаемы, нежели подъ правленіемъ прежнихъ Директоровъ и Президентовъ Академіи издаваемые Коммейтаріи.

4) Г-нъ Директоръ, внося въ ученое собраніе дѣла, до экономіи касающіяся, отвлекаетъ оное отъ надлежащихъ упражненій?

Правда, Г-нъ Директоръ, по силѣ выписки изъ Протокола подъ буквою В, поручилъ ученому собранію экономическія и экспедиціонныя деньги, и приказаніемъ брать отчеты ежемѣсячно отъ Г-на Надворнаго Совѣтника Протасова, и его свидѣтельствовать, однако жь вредъ отъ того произойти могущій былъ прекращенъ приказомъ Правительствующаго Сената.

ДОПРОСЫ

КОСТЮШКѢ, НѢМЦЕВИЧУ И ПРОЧИМЪ И ИХЪ ПОКАЗАНІЯ.

6.

Comme le tems a été fixé, dans lequel on me devoit envoyer des rapports de touts les Palatinats, et Madalinski a commencé avant ce tems, j'ai vu, qu'il faisoit trop tôt, car pour moi je n'aurai plutôt commencé, qu'ayant touts les rapports, et s'ils ne seroient parvenus, j'aurai remis sur un autre tems, et peut-être j'aurai attendu la guerre Turque, de laquelle on parloit tant.

J'ai dit plus haut, qu'avant de partir de Leipzig Potocki et Kollontay m'ont dit, que la nouvelle est arrivée, que la France devoit nous envoyer de l'argent; mais si la France étoit en état de faire des conditions de paix aux autres puissances, et si dans cette paix serait comprise la Pologne, à laquelle on devoit rendre les provinces prises, et de lui laisser de faire un gouvernement tel que la Nation voudroit, outre cela le secours infaillible des Turcs on lui auroit promis peut-être l'alliance défensive, et de ne pas faire la paix sans son avis; mais dans les choses politiques c'est Potocki, qui m' auroit guidé, car je ne comprends pas du tout. Quant à l'argent, que les troupes m'ont apporté, c'est Manget avec sa brigade 60 ou 80 mille florins, Madalinski avec la sienne 40 ou 60 mille florins, Grochowski 80 mille florins ou davantage. Si les Turcs faisoient la guerre à la Russie, nous aurions cherché de faire l'alliance avec eux, en demandant, qu'ils ne fassent pas la paix, jusqu'à ce, que la Pologne n'auroit pas recouvert ses provinces prises, qu'elle ne soit indépendante et n'établisse un Gouvernement tel, que la Nation voudroit, de notre côté nous aurions peut-être offert de ne pas faire

la paix, qu'avec eux. Si je me ressouviens bien, que Grochowski, à qui j'ai donné plusieurs cartes blanches pour des Généraux-Majors du Palatinat de Kijow, de Bracław et de Volhynie, ma dit, qu'on ne peut pas compter sur ces provinces, au moyen, qu'on n'envoye pas là une bonne armée, car les troupes Russes les gardent, et qu'il ne connoit personne capable de commencer. Denisko a promis de lever une Brygade en Volhynie, ajoutant, qu'il a des amis, et on n'a plus eu aucune nouvelle. A l'égard des Autrichiens, j'ai déjà dit plus haut mes raisons de ménagement, parce que je craignois d'avoir plus d'ennemis, et que je croyois, que, n'ayant rien pris de nous dans le dernier partage, ils resteront toujours de nos amis, cependant j'ai donné l'ordre, que s'ils nous attaquent, de se défendre le mieux possible. Comme j'ai vu une grande supériorité des troupes Russes, et que les Turcs ne faisoient pas la guerre, je pensois, que nous sommes dans la nécessité de faire un traité avec la Russie, aux meilleures conditions possibles, pour mon pays; cependant, sans Potocki je n'aurois rien fait, comme il entend mieux dans la politique et c'étoit une affaire de son département; sans l'accident survenu à moi, Potocki auroit déjà cherché le moyen de commencer.

Th. Kosciuszko.

7.

Questions à faire à Niemcewicz.

Quelles étoient les personnes, avec lesquelles le prisonnier avoit été en correspondance durant son séjour à Vienne et en Italie, jusqu'à ce, qu il eut rejoint le rebelle Kosciuzsko près de Krakowie?

Quelles étoient celles, qui étoient chargées de l'administration de ses biens pendant son absence, et de lui remettre l'argent nécessaire pour subsister en pays étranger?

Dans sa correspondance avec ces personnes, le prisonnier n'étoit-il pas exactement informé de la marche et des progrés de la révolution, tramée depuis longtems en Pologne?

De l'aveu du prisonnier, aucune Puissance étrangère n'ayant fourni aucuns fonds, et une entreprise de cette nature exigeant des

biens considérables: quels sont les particuliers, qui ont avancé l'argent nécessaire pour la commencer?

Quelles étoient les liaisons de Kosciuzko avec la famille du Prince Adam Czartoryski, et quelles étoient les sommes, que cette famille nommément avoit prêtées, pour favoriser et avancer la conspiration?

Est-il vrai, que la Princesse Adam Czartoryska a offert une de ses filles en mariage à Kosciuszko, pour l'encourager à l'entreprise de la révolution?

Le prisonnier, ayant eu la principale direction de la chancellerie et de la correspondance du chef de l'insurrection, ne doit pas ignorer que, dans le courant du mois de mars dernier, celui-ci a expédié, des environs de Krakowie, un homme de confiance à lui avec des lettres, adressées au Ministre des affaires étrangères en France, le nommé Deforgues, à l'effet de demander des secours et de l'appui pour la révolution, excitée en Pologne. On requiert le prisonnier de déclarer ce, qu'il sçait de l'objet et du contenu de cette mission, dont il a dû trouver les traces les plus certaines dans les archives de la Chancellerie de Kosciuszko, lorsque celle-ci fut remise à sa direction.

Il est de même connu, qu'Ignace Potocki, qui étoit à la tête du Comité diplomatique et de la correspondance avec les cours étrangères, faisoit tous les huit jours un rapport exact à Kosciuszko de toutes les expéditions politiques, qui sortoient de ce département ou y entroient. Par conséquent tous les détails doivent en être parfaitement connus au prisonnier, et sur lesquels il est pareillement requis de s'expliquer avec la plus grande étendue et la plus grande vérité.

Kollontay pour sa partie, ayant été assujetti à la même comptabilité envers Kosciuszko, le prisonnier doit être également au fait de toutes les dépêches, qui ont été expédiées par Kollontay, et en conséquence on demande au prisonnier de déclarer sans tergiversation quelconque, mais au contraire avec vérité et candeur, quelles sont les tentatives, qui ont été faites tant dans les nouvelles provinces de la Russie, que dans celles de l'Autriche et de la Prusse, pour y exciter les sujets au soulèvement, quels sont les moyens et les agents, qu'

on y a employés, et si on a réussi à gagner quelques individus domiciliés dans ces provinces?

Le Roi de Pologne étoit-il instruit du projet et du plan de la révolution?

Le prisonnier étoit-il en liaison avec le Castellan Mostowski et le Chambellan Wengerski? Avait-il connoissance de deux écrits, qu'on etc. (какъ въ вопросахъ Костюшкѣ; см. стр. 40).

Kollontay a-t-il été en effet etc. (то же, какъ въ вопросахъ Костюшкѣ).

Le Procureur-Général de Samoylow.

8.

Réponses de Niemcewicz.

Ayant désespéré du salut de ma Patrie, j'ai renoncé à toute correspondance politique; j'ai écrit deux ou trois fois à mon frère pour m'envoyer de l'argent, je ne lui ai jamais parlé d'affaires; la somme de 300 fl., qu'il m'a envoyée, jointe à un petit fonds, que j'avois, a suffi a ma manière de vivre, qui étoit très économique.

J'ai reçu deux lettres du Comte Potocki de Dresde; elles étaient remplies de plaintes sur ce, qui s'étoit fait à la Diète de Grodno, mais il ne me parloit ni du plan, ni de la marche, ni des progrès de la révolution; je n'en ai eu la première notion, que par M-r Kosciuszko, à son passage par Florence, comme j'ai eu l'honneur de le dire à V. E. dans mon premier écrit.

Je n'ai joint M. Kosciuszko, qu'à douze milles de Warsowie, et trois mois après le commencement de la révolution. Ce retard même m'a nui dans l'esprit des insurgés, et je jure à la face du Ciel, que M. Kosciuszko ne s'est jamais expliqué, avec quels moyens il a commencé la révolution; j'ai entendu, qu'il s'étoit saisi des sommes des particuliers, qu'on a découvert d'être cachées en dépots chez différents prêtres, entre autres d'une somme de 4000, ou 5000 fl. Il sera facile d'avoir des notions sur cela à Krakowie même. D'ailleurs M. Madalinski a apporté une somme assez considérable, qu'il a

pillée en s'emparant des caisses Prussiennes. Plusieurs gentilshommes du Palatinat de Krakowie ont fait sur le champ des offres patriotiques. M. Kosciuszko a fait payer la moitié des revenus à chaque propriétaire, et cet impôt fut perçu dans l'espace de quinze jours; en outre chaque seigneur qui envoyoit ses paysans au camp, étoit obligé de leur donner leur solde d'avance. Voilà ce, que j'ai pu savoir sur cet article.

Après la campagne de 1792, M. Kosciuszko, s'étant retiré à Léopol, la Princesse Czartoryska, conjointement avec les autres dames, s'est empressée de le fêter, il a été après passer quelques jours à Sieniawa. Je n'ai jamais entendu dire, qu'ils se soyent revus depuis. Connoissant le mauvaise situation, dans laquelle se trouvent les affaires du Prince Adam Czartoryski, la perte, qu'il avoit faite chez le banquier Cabret, les dettes immenses, dont il étoit dans la plus grande difficulté de payer les intérêts, connoissant en outre l'esprit circonspect de ce Seigneur, qui ne s'est laissé jamais entraîner dans aucune entreprise périlleuse, il me paroit moralement et physiquement impossible, qu'il ait pu, ou voulu, donner des secours pécuniaires à M. Kosciuszko.

Quant au prétendu mariage d'une des filles de la Princesse avec M. Kosciuszko, j'avoue, Monseigneur, que j'en ai entendu parler, mais comme d'un conte absurde; comment une Princesse, qui n'a voulu donner sa fille, qu'à un Prince souverain, se seroit-elle abaissée à en offrir une à un simple gentilhomme? d'ailleurs toutes sortes de disproportions s'y opposoient.

M. Linowski, qui étoit auprès de M. Kosciuszko depuis son entrée à Krakowie, étant tombé malade à Warka à 7 lieues de Warsowie, partit pour la capitale, le Général me chargea de surveiller les jeunes gens, qui travailloient dans sa Chancellerie, je n'ai reçu ni archive, ni protocole, ni aucun papier quelconque. C'est pourquoi, Monseigneur, et ce, que vous me dites de la mission de M. Deforgues, et de la correspondance avec le Salut Public, et de l'attentat, medité contre la flotte de S. M. I., tout cela, Monseigneur, sont des choses, que j'entends pour la première fois de ma vie. Certes, Monseigneur, je ne voudrois pas me perdre pour ménager M. De Forgues, je n'aurois non plus aucune considération pour le Salut Public, qui jamais ne pourra me sauver.

Il est vrai, que M. Potocki, ainsi que les autres Départements, envoyoient leurs rapports tous les huits jours, mais depuis que ces rapports parvenoient à moi, c. a. d., depuis que nous sommes venus aux portes de la ville, les rapports de M. Potocki ne consistoient, qu'en quelques lignes, c'étoient toujours des plaintes de la communication interceptée et sur l'impossibilité d'avoir des nouvelles; tous les Ministres étrangers, excepté le Nonce et l'envoyé de l'Angleterre, avoient quitté Warsowie. M. Potocki a présenté une note au Nonce, pour lui demander la permission de prendre l'argenterie des Eglises, à quoi le Nonce consentit; il lui a demandé, après la mort du Prince Primat, que l'archevêché vacant après lui ne fut donné à aucun des sujets du Roi de Prusse, le Nonce a promis de faire à sa Cour des remontrances là dessus. L'Abbé Kollontay, étant à la tête des finances, donnoit ses rapports sur cette partie du gouvernement, ainsi que sur la manipulation des assignats; mais ce qui regarde la révolution de la Russie Rouge, je crois, qu'il se servoit pour cela des blancs signés, qu'il prenoit du Général. J'ai vu quelques lettres de lui, où il se plaignoit, que toutes ces tentatives paroissoient infructueuses, qu'il ne recevoit aucune nouvelle de ce côté-la, il accabloit ces habitants des termes de lâches et d'insensibles. Le Général y avoit envoyé le Major Liberacki avec un petit détachement, espérant, qu'il se grossiroit par des partisans et des volontaires. Le Major Liberacki pénétra jusqu'au Krzemeniec. Il fit son rapport, qu'il désespéroit de se soutenir davantage, qu'il trouvoit les habitants craintifs et fort peu portés pour la révolution et qu'il n'en obtenait aucun secours, effectivement, il fut bientôt défait et sa troupe, qui s'étoit sauvée en Gallicie, fut désarmée et enrolée par force dans les troupes de l'Empereur. Quelque tems après j'ai vu arriver dans notre camp M. Denisko, gentilhomme de la Volhynie, il demandoit une patente au Général; je lui ai demandé, où il alloit, il me répondit, que l'Abbé Kollontay l'envoyoit dans la Russie Rouge, pour y faire un parti. Je n'ai jamais su depuis ce, que M. Denisko est devenu. Ce qu'il y a de sûr, Monseigneur, c'est, que nous n'avons reçu ni lettre, ni aucune preuve, que les habitants de la Russie Rouge ayent pensé à une révolution. Ce soulèvement, qu'on croyoit si facile, est une des chimères, dont on se berçoit, et que le tems a démenties, comme tant d'autres.

Il ne fut jamais question de faire un soulèvement dans les États de l'Empereur; quant à ceux du Roi de Prusse, nous y envoyâmes des universaux pendant le siége même de Warsowie, en exhortant les habitants à prendre les armes et à secouer le joug; la promptitude, avec laquelle ils obéirent, la quantité de gens armés, qui s'est mise en campagne, prouvent combien le mécontentement, y étoit général.

V. E. me demande, si le Roi de Pologne a été instruit du projet de la révolution? il m'est difficile d'asseoir mon jugement là dessus, à juger de la méfiance, qu'on lui témoignoit dans le cours de la révolution; il paroit, qu'il n'a pas été du secret. Ce Prince, malgré tant de bonnes qualités, qu'il posséde, a une faiblesse de caractère, qui le rendoit toujours également inutile à la Russie et à son propre pays, et qui éloignoit de lui la confiance des deux côtés. Je ne lui ai vu jouer aucun rôle dans la révolution; il n'est venu voir le camp, qu'après que le siége étoit levé; il paroissoit cependant prendre part à nos succès et à nos revers; il assistoit à toutes les cérémonies d'Église, peut-être étoit-ce par crainte, car, malgré que M. Kosciuszko lui témoignoit toujours beaucoup de respect et de ménagement, l'Abbé Kollontay faisoit tout son possible, pour le perdre.

Je n'ai connu le Chambellan Wengierski, qu'à mon arrivée à Warsowie; j'ai été plus lié avec le Castellan Mostowski. J'ai été en Italie, quand ils ont eté arrêtés. Je n'ai jamais eu aucune connoissance ni des écrits, ni de l'auteur, dont V. E. me parle; je n'aurois aucune difficulté de les nommer, si je les connoissois.

L'Abbé Kollontay ne pouvoit être nommé Primat par personne, le Roi n'ayant pas de pouvoir, et M. Kosciuszko n'a donné des charges civiles, à qui que ce soit, remettant tout cela à la Diète, qui devoit être convoquée.

Quoique je ne me rapelle pas du nom du Sotnik de Kosaques, je peux cependant, Monseigneur, vous donner des détails très circonstanciés sur cette affaire, et plût à Dieu, que je fusse aussi bien informé du reste, comme je le suis de cette circonstance; V. E. ne rejeteroit pas sur le manque de sincérité ce, qui n'est chez moi, que manque d'information. Le Sotnik, dans l'écrit, qu'il a remis à notre Officier, désiroit de savoir, si les démêlés, qui avoient eu lieu sur le Don, subsistoient encore, que dans ce cas, s'ils pouvoient obtenir de

bonnes conditions chez nous, plusieurs de ses camarades passeroient de notre côté; nous leurs promîmes dans notre réponse tous les avantages imaginables, franchises, libertés, terres en proprieté, avancement, distinctions etc. Mais, après cette réponse, le Sotnik, à notre grand étonnement, ne revint plus à la charge. La défection s'étant mise dans notre armée, le Général a défendu, sous peine de mort, toute conversation avec l'ennemi. J'ai l'honneur cependant, Monseigneur, de vous avertir, que non seulement dans cette occasion, mais dans beaucoup d'autres, les Kosaques se plaignoient à nos avant-postes, qu'on a enlevé de force deux mille de leurs familles, pour être établies, je crois, du côté du Kouban, que tandis que les autres troupes reposoient, on les harassoit jour et nuit. Je ne sais, si ces plaintes sont fondées, mais vous, Monseigneur, qui avez fait la guerre d'une manière si brillante, vous connoissez la grande utilité de ce peuple, et combien il seroit désavantageux de le mécontenter.

J'ai laissé tous les papiers dans le quartier général, qui, dans l'absence de M. Kosciuszko, a été toujours occupé par M. Zajonczek.

Le récit fidèle des pourparlers entre M. Manstein et Zajonczek, se trouve mot à mot dans une des gazettes de Warsowie, du mois de Septembre. Manstein vouloit entamer un accommodement, mais fondé toujours sur la reddition de Warsowie, Zajonczek n'admettoit pas cette clause; il lui reprochoit la manière, dont le Roi, son Maitre, avoit violé le traité, qu'il avoit lui-même extorqué des Polonois, et la manière indécente, dont il les a abandonnés; il se plaignoit de la lenteur de M. de Fersen. L'entretien étoit assez long, mais voilà à peu près le principal.

Le Comte Potocki étoit très lié avec M. Luchesini pendant la Diète du 3 de Mai, mais je sais, que depuis il n'a eu aucune liaison avec lui, et il regardoit Luchesini, ainsi que tout bon Polonois, comme l'auteur de tous nos malheurs. Quant à M. Manstein, je crois, que M. Potocki ne l'a jamais connu. Malgré que l'Abbé Kollontay soit un homme capable de grandes noirceurs, je dois cependant cet aveu à la vérité, que ni pendant la maladie, ni lorsque après la mort du Prince Primat, son corps fut ouvert, je n'ai jamais oui dire, qu'on ait eu des soupçons de poison. Il faut, que le Prince ait pressenti de longue main sa fin, puisqu'on a trouvé des fragments d'un testament, auquel il travailloit.

Connoissant la façon de penser de M. Kosciuszko, je ne puis jamais me persuader, qu'il ait médité de porter atteinte à la religion, ni même à la noblesse, et qu'il ait voulu rendre en Pologne les choses sur le même pied, qu'elles sont maintenant en France. Le désespoir a pu le porter à desirer les secours des François, mais la raison et l'humanité lui défendoient d'imiter leurs extravagances et leurs atrocités. M. Kosciuszko a donné plus d'une fois des preuves de son respect pour la religion et le clergé, entre autres, lorsque le Nonce lui a demandé la grace de l'evêque Skaryszewski, jugé à la mort, il l'a lui a accordée sur le champ, sans égards pour les mortifications et le chagrin, que cet acte d'humanité lui a causés dans la suite.

J'ai fini, Monseigneur; j'avoue, qu'il y a beaucoup d'articles, sur lesquels je n'ai pas pu vous donner des réponses satisfaisantes, et comment l'aurois je fait autrement, s'il y a beaucoup de choses, que l'apprends la première fois par les questions, que V. E. a eu la bonjé de m'envoyer? Je prévois, que les malheurs, que V. E. m'a annoncés, vont fondre sur moi; je ne dois en accuser, que ma destinée. Je recevrai avec respect et soumission l'arrét, qui sera prononcé sur mon sort; heureux, si moi seul je puis expier les fautes de mes compatriotes. Ils sont devenus les vôtres, Monseigneur; daignez vous intéresser pour eux, portez leurs gémissements aux pieds du trône de S. M. l'Impératrice, que cette grande Souveraine, qui a conquis ce peuple par son génie et par la force de ses armes, l'enchaîne à jamais par sa bonté et sa clémence. Et ne suffit-il pas, que les Polonois soyent devenus ses sujets, pour qu'ils cessent d'être malheureux, pour que le passé soit enseveli dans un profond oubli, pour qu'ils partagent à l'avenir la félicité, que cette Auguste Princesse répand sur les nations, soumises à son sceptre. Ils diront alors: la Grande Souveraine n'a consulté, que son coeur; elle avoit le pouvoir de nous punir, mais elle a préféré la générosité de nous pardonner.

Julien Niemcewicz.

Écrit de la main gauche
de la prison.
De ce 28 Décembre, 1794.

9.

Nouvelles questions à faire à Niemcewicz

Dans la conversation, que j'ai eu la dernière fois avec vous, Monsieur, je vous ai fait les remarques suivantes:

On voit par le récit, que Vous avez fait, que Madalinski, selon Votre opinion, avoit commencé l'insurrection avant, qu'elle devoit se faire; il en résulte donc, qu'on avoit fixé un tems, pour produire cette insurrection. Vous devez par conséquent éclairer cette circonstance.

Vous m'avez dit, que la France avoit promis à Barszcz, qui y étoit envoyé, de donner à la Pologne un secours en argent et en armes, et qu'en outre on fera en sorte, que les Turcs déclareroient la guerre à la Russie. Là-dessus je vous fis remarquer, qu'une pareille assistance de la France ne pouvoit être sans un intérêt réciproque, et je vous fis aussi la demande, s'il n'étoit pas question de l'alliance entre la France et la Pologne? Vous me répondîtes, que cela auroit pu arriver par la suite. Cet article demande un éclaircissement.

Vous avez fait mention de plusieurs chefs, commandants des troupes Polonoises, qui vous ont fourni de l'argent; Vous êtes donc tenu de mettre sur le papier leurs noms, et de marquer les somme, qu'ils vous ont remises.

Vous étiez d'accord avec moi, que si les Turcs avaient déclaré la guerre à la Russie, vous seriez entré avec eux en alliance. Il est essentiel de savoir, quelle auroit dû être la base de cette alliance. et que présumait-on accorder en faveur de la Turquie au désavantage de la Russie?

Quand vous avez dépêché vos ordres dans les Provinces de la Pologne, acquises par la Russie, pour exciter à prendre les armes contre cet Empire, quelles nouvelles avez-vous reçues dans différents tems relativement à cet objet?

Par quelle raison avez-vous toujours ménagé les Autrichiens et éloigné d'eux tout ombrage de mécontentement, comme vous m'avez parlé?

Vous m'avez aussi dit alors, que votre intention étoit de faire une alliance avec la Russie. Celte circonstance doit être éclaircie de la manière la plus véridique.

10.

Nouvelles réponses de Niemcewicz.

J'apprends, Monseigneur, avec une peine bien sensible, que les réponses, que j'ai eu l'honneur de transmettre à V. E., ne lui ont pas parues satisfaisantes. Je le prévoyois, Monseigneur, et je le prévoyois avec mon désespoir; je savois, que, pour donner une information juste d'une chose, il falloit en avoir la connoissance, qui me manquoit sur tous les points, sur lesquels je n'ai pas pu répondre au gré de vos désirs, car je Vous proteste, Monseigneur, sur tout ce, qu'il y a de plus sacré dans le monde, que vos questions m'ont mis infiniment plus au fait de la révolution, que tout le tems, que j'ai passé auprès de M. Kosciuszko. Mais vous me direz Monseigneur: Vous avez surveillé la Chancellerie, vous devez savoir ce, qu'elle contenoit. J'avoue, Monseigneur, qu'à ce titre votre étonnement sur mon ignorance seroit très juste, si les choses s'étoient passées chez nous avec l'ordre, qu'elles ont partout ailleurs. Mais je défie, qui que ce soit au monde, de me prouver, qu'on m'ait remis les archives, le protocole, la moindre lettre, le moindre papier quelçonque, ou que j'aye su de telle manière, que ce soit, plus que ce, que j'ai eu l'honneur d'exposer à V. E. dans mes précédents, écrits.

D'ailleurs, Monseigneur, daignez considérer, dans quel tems j'ai rejoint M. Kosciuszko; lorsque nous étions presque aux portes de Warsowie, lorsqu'à chaque intention on trembloit, que la ville ne fut prise d'assaut, ou que ses habitants et l'armée ne fussent obligés de se rendre par famine; lorsque toute communication avec l'étranger a été interrompue; lorsque tous les moments de M. Kosciuszko ont été occupés ou à tracer les fortifications du camp et à les surveiller, ou à inventer des moyens pour avoir des fourrages et des vivres et prolonger notre existence du jour au lendemain; lorsque les nouvelles de la prise de Vilna et de Kowno nous venoient coup sur coup; lorsqu'enfin le découragement des Provinces étoit à son comble; lorsqu'il falloit rassurer, se pourvoir, écrire de tous côtès

pour avoir du pain et des fourrages; dans ces moments de détresse on ne parloit, Monseigneur, que de ce, qu'il y avoit à faire et non de ce, qu'on avoit fait dans les commencements; je proteste donc de la manière la plus solennelle, que toutes les démarches, qui ont précédé mon arrivée au camp, me sont absolument inconnues, qu'excepté les universaux, dont j'ai eu l'honneur de parler à V. E., rien de mon tems n'a été expédié de la Chancellerie du Général pour les provinces de S. M. I.; que je n'ai trouvé aucune trace, ni ai entendu parler ni à M. Kosciuszko, ni à qui, que ce soit au monde, ni de la mission de M. De Forgues, ni de la correspondance avec le Comité du Salut Public, ni de tout ce, que vous m'avez dit, qu'elle devoit contenir. Je sais, Monseigneur, que V. E. a dans ses mains tous les moyens, pour être informé de tout sur le lieu même; je sais, que le mystère est absolument inutile, et que l'obstination de ma part ne pourroit qu'aggraver, s'il est possible, tous mes malheurs. Tout me fait une loi de déclarer à V. E. tout ce, que j'ai pu savoir sur la révolution, mais comment, Monseigneur, dois je vous parler de ce, qui n'est jamais parvenu à ma connoissance?

J'ai beau, Monseigneur, chercher dans ma mémoire ce, que je pourrois ajouter aux faits, que j'ai eu l'honneur de vous détailler dans mes écrits précedents; je n'y trouve, que des souvenirs, de tristes pressentiments, qui déjà dans ce tems là assiégeoient mon âme. Je voyois, que, malgré que M. Kosciuszko et d'autres personnes, connues ins leur probité, se mêlassent de cette révolution, elle n'étoit pas moins le fruit du désespoir et d'une aveugle précipitation; leur imagination, trop facile à se flatter, prenoit des fantômes pour des espérances, et les espérances pour des certitudes; il étoit facile de prévoir l'abime, dans lequel nous allions être plongés; le desespoir étoit dans mon âme; je cherchois, et je ne rencontrois, que des blessures, et enfin une triste prison... je ne vous peindrai pas, Monseigneur, toute l'amertume de ma situation. Elle est au delà de toute expression, je n'ai d'autre espoir, que Dieu, la clémence de la Souveraine et l'appui d'un homme aussi vertueux, que juste, et cet homme, Monseigneur, c'est vous.

Julien Niemcewicz.

Ce 1 Janvier, 1795.

De la prison des criminels d'État.

11.

Monsieur le Conseiller de Fouchss voudra dire à Mr. Niemcewicz, qu'il pense bien sérieusement en écrivant ce, qu'on lui a ordonné. Il doit savoir, qu'il n'a aucun secours d'attendre, que de lui même. S'il se montre sincère et véridique dans son récit, il peut attendre bien des choses à son avantage. Dans le cas contraire, qu'il se souvienne de tous les propos, qu'il a tenus à la Diète du 3 de Mai.

Alexandre de Samoylow.

12.

Réponses.

Vous m'ordonnez, Monseigneur, d'exposer à vos yeux un récit fidèle de ma conduite, en me recommandant la plus grande sincérité, je me soumets à cette règle avec d'autant plus d'empressement, que n'ayant point à rougir des mes actions, je n'ai pas besoin non plus d'avoir recours au mensonge. L'amour de ma patrie, son bonheur, sa gloire, furent la règle constante de toutes mes démarches, et enfin la cause du malheur, où je me vois précipité. Tout bon Polonois ne connoissoit, que trop, que l'anarchie et la licence étoient la source de sa décadence, de ses maux et des pertes immenses, qu'il a soufferts. Un gouvernement solide et fondé, sur les bases de l'ordre et de la raison, étoit le seul moyen de relever la Pologne. La circonstance parut favorable, et la Constitution du 3 de Mai fut faite. Le secret fut si bien gardé, qu'aucun Ministre étranger n'en sçut rien, excepté le Ministre de Saxe, M. d'Essen. Quelques jours après le Ministre de Prusse félicita le Roi et la Diète sur un ouvrage aussi salutaire. Celui de Suède s'en réjouissoit beaucoup, et celui de Danemarc m'a avoué depuis à son passage par Florence, que si la Constitution s'étoit maintenue, sa Cour avoit le plus grand désir de se lier avec la Pologne. Les affaires étrangères furent confiées au seul Comte Mr. La Diète n'en sçut, que peu de choses; il nous dit peu de tems avant la guerre de 1792, que les troupes de S. M. se préparoient à entrer, que le Roi de Prusse nous abandonnoit, qu'il n'y avoit rien à attendre d'aucune puissance étrangère, et ne compter, que sur soi.

J'avoue, Mr., que j'étois un des plus zélés partisans de la Constitution de 3 Mai; il me paroissoit, qu'elle promettoit un bonheur durable à la Pologne, la couronne étoit rendue héréditaire, une monarchie sage remplaçoit les défauts de l'ancien régime, on laissoit à la nation une liberté raisonnable, et au Souverain assez de pouvoir, pour faire exécuter les lois et contenir les passions des hommes, et le funeste penchant pour les nouveautés. C'est cet attachement pour la Constitution, qui a poussé mon zèle au delà des bornes de la prudence, qui m'a fait parler à la Diète avec tant d'ardeur contre M-rs Potocki et le Hetman Rzewuski, qui m'a fait pousser des plaintes trop amères contre la Russie; mais, Monseigneur, les impressions de l'enfance étoient fortement gravées dans mon coeur. Je n'avois, que dix ans, lorsque du tems de la malheurese Confédération de Bar; j'ai vu des prisonniers Polonois, aux quels le Général Drewicz a fait couper les deux poingos; j'ai vu ma mère prête à expirer, de frayeur occasionnée par la licence et la rapacité des Kosaks. Je ne parle pas d'autres excès, commis par les Officiers, qui ont abusé de la confiance de S. M. I. Ah, si la conduite de ces M-rs avoit été autre, si elle avoit été conforme aux sentiments de générosité et de bonté de S. M. I., les Polonois n'auroient jamais oublier le respect, qu'ils devoient à cette grande Princesse, et combien de maux épargnés à la Pologne. Je reviens à mon récit. A l'ouverture de la première campagne j'avois prié le Roi de me permettre d'aller servir comme volontaire, il m'en a dissuadé, disant, que j'étois nécessaire à Warsowie. Ce n'est, que vers la fin, qu'il m'a envoyé avec des dépêches vers le Prince Joseph Poniatowski. Je l'ai trouvé au passage du Bog, je me suis trouvé à quelques petites affaires, bientôt nous apprîmes, que le Roi avoit signé la Confédération de Targowitza. J'avoue, que notre étonnement fut extrême. Le Prince Poniatowski m'a dit depuis, que, voyant les dispositions de l'armée et ayant conferé avec les Officiers, il avoit envoyé le Maréchal de la Diète et le Comte J. P., pour leur proposer de mander le Roi au camp et de continuer la campagne; la noblesse des Palatinat, étant prête à monter à cheval; le M. de et N. P. répondirent, qu'ils ne vouloient pas ajouter à tant de maux celui d'une guerre civile; on sut déjà l'adhésion du Palatinat de Volhynie etc. à la Confédération. Je revins à Varsovie, je n'y ai plus trouvé; ces M-rs avertis des persécutions, que les nouveaux Confédérés me préparoient. Je partis sur le champ pour les pays étrangers; j'ai

trouvé à Leipsig M-rs. J. C. Ils étoient dans ce moment plus affligés de voir la Constitution anéantie, qu'occupés à faire un plan quelconque pour son rétablissement, voyant, qu'il n'y avoit pas de changement heureux à espérer de sitôt. Après avoir passé quinze jours avec ces M-rs, mon goût pour les arts et les lettres me fit prendre la route de l'Italie. J'ai passé par Dresde, Prague et je suis arrivé à Vienne. Là j'ai trouvé les Universaux de M. Potocki, M. de la Krakowie, qui promettoit à la Pologne les événements les plus heureux, et qui devoient arriver dans peu. Indifférent de quelle main devoit venir le bonheur de mon pays, je prolongeois mon départ. J'attendis ce moment avec impatience, lorsque quelques mois après nous reçûmes la nouvelle du partage. Plein de désespoir et de douleur, ne voyant aucun salut pour ma patrie, je suis parti pour l'Italie, avec la ferme résolution de ne plus revenir. J'étois depuis 1 mois à Florence, l'arrivée du Général Kosciuszko me surprit beaucoup; confié, qu'il avoit fait ce voyage exprès pour dérouter ses surveillants, mais que, touché de l'état de son pays, déchiré et opprimé, il cédoit enfin aux sollicitations, qui lui arrivoient de tous les côtés de la Pologne, pour se mettre à la tête d'une révolution; qu'il avoit des assurances, que tous les États sans distinction courront aux armes, car tous étoient mécontens: la noblesse gémissoit de voir le pays démembré, le gouvernement et la justice entre les mains de gens perdus de moeurs et de réputation, la sûreté et la liberté individuelle exposées aux délations, aux caprices de M. d'Igelstrom, ou à la vengeance de ses maitresses; que les bourgeois et les paysans étoient las de loger et de nourrir pour rien les troupes Russes; qu'enfin le désespoir étoit général. M. Kosciuszko a ajouté, que l'armée, mécontente de se voir licenciée, seroit pour lui, qu'il pensoit en augmenter le nombre par les paysans, armés de faux. J'ai répondu, que je déplorois, comme les autres, les maux de ma patrie, que je donnerois ma vie pour les voir cesser, mais que je prévoyois d'avance, que le désespoir seul, avec la faiblesse de nos moyens, n'étoient pas suffisants contre une armée belliqueuse et accoutumée à vaincre depuis 30 ans. Sachant, que M. Kosciuszko a été à Paris, je lui ai demandé, s'il ne comptoit pas sur quelques secours de la France? il m'a répondu, que le Ministre Le Brun lui avoit promis des subsides, mais qu'actuellement le parti, qui lui a été contraire, ayant prévalu, il n'en espéroit pas beaucoup. Je lui ai demandé, s'il n'avoit pas quelques assurances

du côté de la Turquie? il m'a répondu, qu'il n'y avoit rien de sûr, mais qu'il croyoit, que lorsque nous aurions commencé, les Turcs profiteroit de l'occasion et se réuniroient à nous. Il ne fut pas question de la Suède. Voyant, qu'on n'étoit certain d'aucun appui etranger et qu'on se fioit avec trop de témérité à ses propres forces, j'ai conjuré le Général Kosciuszko de ne rien précipiter et de différer encore son entreprise. Il m'a répondu, qu'il y réflechiroit, et il partit pour Rome et Naples. Inquiet sur les suites d'une entreprise trop hazardée, j'écris au Général en, le priant de ne rien entreprendre et d'attendre au moins, si la Turquie ne se déclarera pas la première; il m'a répondu, qu'il entroit dans mes raisons et qu'il attendroit les évènements. Je n'ai plus revu M. Kosciuszko, qu' en Pologne, et je n'en ai plus reçu de nouvelles. Trois mois après je suis parti pour Rome, pour voir les cérémonies de la Semaine Sainte. C'est là, que les lettres du Prélat Pri. au Cardinal Antici nous ont appris la nouvelle de l'insurrection de Krakowie. J'ai écrit à M. Kosciuszko pour me donner des lumières sur ce, qu'il venoit de faire, je n'ai reçu de lui aucune réponse. De retour à Florence, les lettres de Vienne apportèrent la nouvelle de la révolution de Warsowie, en ajoutant, que tout le pays étoit déjà en armes, et que toute la noblesse montoit à cheval. Je n'écoutois alors, que la voix de mon coeur, qui me disoit, que je serois coupable envers ma patrie, si je m'exemptois de la défense commune. Je me suis mis en route, et le dix de Juin je suis arrivé à Krakowie, quatre jours après la bataille de Szczekociny. J'ai pris des détours pour rejoindre le camp du Général Kosciuszko. J'ai vu en chemin des villages et le bled dans les champs brulés par le Général Drewicz. Ce spectacle fut bien triste pour moi. Je suis arrivé au camp du Général le 16 de Juin à Kozłow. J'ai demande au Général, pourquoi il avoit commencé la révolution sans aucun secours étranger? Il m'a répondu, qu'il n'a pas voulu abandonner M. Madalinski, qu'il aimoit mieux périr, que de se voir soupçonner de faiblesse, ou de manque de patriotisme. Je fus longtems auprès du Général sans aucun emploi. Il m'a chargé dans la suite de la direction de sa Chancellerie. Au commencement du mois de Juillet il me fit écrire deux universaux, l'un pour les habitants de la Russie Rouge, l'autre pour l'armée Polonoise, en les encourageant de se réunir à nous et de faire cause commune. Le Général, pour n'exposer aucun de ces concitoyens, a envoyé ces universaux sans

adresse, laissant à la prudence de l'émissaire de sonder les personnes et de remettre les papiers á celle, qui lui paroitra la plus sûre. Nous n'avons jamais su, si ces universaux sont parvenus dans la Russie Rouge. La vigilance du Gouvernement dans ce pays là étoit telle, que nous n'en avons jamais reçu de lettres, autant au moins, que cela est parvenu à ma connoissance.

D'ailleurs, c'est l'Abbé Kollontay, qui s'étoit chargé de ce Département, et comme il prenoit souvent des blancs signés du Général, il se peut, qu'il s'en est servi à cet effet. Quant aux relations avec les Puissances étrangères, le Général m'a fait écrire deux fois au Général Autrichien, M. d'Hur., pour se plaindre de la violation du territoire de la Pologne, des désarmements et des enrôlement forcés, qu'on faisoit essuyer à nos troupes, qui se réfugioient en Gallicie. Le Général Autrichien n'a jamais voulu répondre à M. Kosciuszko. Je proteste V. E. sur ma parole d'honneur la plus sacrée, que, durant tout le tems, que j'ai été auprès de M. Kosciuszko, je ne lui ai jamais vu recevoir aucune lettre de l'étranger, et il n'a pas écrit, ni ne m'en a fait écrire aucune. Cernés de tous côtés par les troupes ennemies, toute communication nous a été enlevée. M. Potocki se plaignoit souvent dans ses lettrés de ne recevoir aucune lettre de l'étranger et de l'impossibilité d'en avoir aucune nouvelle. C'étoit au point, que nous avons été tout ce tems là sans recevoir même la gazette. Je dois cependant avouer, que M. Potocki avoit aussi des blancs, signés du Général.

J'ai écrit ces articles sans brouillon, pour finir plutôt.

Je renvoye tous ces papiers fidèlement.

Voici, M., une confession sincère des plus petites connoissances, que j'ai pu avoir de l'insurrection de la Pologne. Il vous paroitra étrange, que nous nous soyons embarqués dans une révolution de cette espèce, sans être sûrs d'un appui étranger. Rien cependant n'est plus vrai, et nous avons bien justifie le vers d'Homére, qui dit, que quand Jupiter veut perdre quelqu'un, il lui ôte la réflexion. D'ailleurs, qui auroit osé s'élever contre le puissant génie, qui gouverne l'Empire Russe? Il a su inspirer la terreur et le respect à toutes les nations. Je répète, M., que je n'ai rien tu et n'ai rien omis. Si j'ai comms des fautes, elles étoient celles de mon coeur. Hélas,

je n'en suis, que trop puni. J'ai laissé des parents et des amis éplorés et ruinés; blessé, estropié, peut-être, pour le reste de mes jours, je me vois captivé dans une triste prison. Mais ce, qui m'accable, le plus, c'est ma patrie, assiégée de mille maux et anéantie, peut-être, à jamais. Ah, M., s'il m'est permis d'élever ma voix jusqu'au pied du trône de S. M. I., daignez être mon interprète auprès de cette Auguste Princesse, implorez sa clémence pour ma malheureuse patrie, pour ce pays, hélas, trop longtemps malheureux, ne présentant, qu'un monceau de ruines, de tombeaux, une triste solitude, dépeuplé de la moitié de ses habitants. Il n'en conserve le reste, que pour leur faire déplorer la perte de ce, qu'ils avoient de plus cher. Si cette Grande Souveraine, dont j'implore la bonté et qui peut à son gré détruire et relever les Empires, si elle daigne jeter sur la Pologne un regard favorable, je serai payé de toutes mes peines et de tous mes malheurs.

13.

Questions, peut-être à Monsieur Ficher.

Il faut écrire tout ce, que vous savez de l'insurrection de la Pologne. Commencez par l'époque du 3 de May, et continuez jusqu'au jour de votre captivité, tout ce, que vous savez sur le plan de l'insurrection, sur les projets, comment cette insurrection doit être faite. Comme appartenant à M. Kosciuszko, vous devez mettre sur le papier tout ce, que vous pouvez savoir par son canal: sur les relations, que Kosciuszko et les autres Polonois d'importance avoient avec les Puissances étrangères, et surtout avec la France, la Turquie et la Suède, comme aussi avec les nouveaux sujets Polonois de la Russie. Tout cela doit être avoué sincèrement, sinon vous vous en repentirez.

14.

Réponses Monsieur de Ficher.

L'année, qui devança l'époque du 3 de May, le Général Kosciuszko, étant créé Général-Major, reçut sous son commandement entre autres le second bataillon du premier régiment d'infanterie, dans lequel j'étois alors Lieutenant; et sans m'avoir autrefois connu, il me prit chez lui, comme son Aide de Camp. Il commandait trois bataillons d'infanterie et un régiment de cavalerie nationale, quand il lui vint l'ordre de la Commission de guerre de prêter lui-même et de faire préter serment à sa brigade, pour la Constitution du 3 de May, ce qu'il exécuta aussitôt. L'année suivante il survint la guerre avec la Russie, et toute cette campagne je la fis à côté du Général. La guerre finie, le Général, qui étoit devenu vers la fin Lieutenant-Général, prit congé et moi je me retournais dès lors à mon régiment, qui était en garnison à Kalisz. L'année 93 les troupes Prussiennes, étant entrées dans la Grande Pologne, notre régiment reçut ordre de marcher à Radoszyce, petit bourg au Palatinat de Sandomierz, d'où, vers la fin de cette même année, il eut encore ordre de passer la Vistule et de prendre ses quartiers en plusieurs petits endroits du Palatinat de Lublin, comme Radzyn, Okrzeja, Zelechow, Parczew et Loukow. Moi j'étais, avec mon Lieutenant-Colonel, Mr. Grochowski et avec deux compagnies, à Parczew. Souvent notre Lieutenant-Colonel nous parla de l'insurrection et que le Général Kosciuszko sera à la tête, mais toujours quoique nous la souhaitions, cela nous parut très difficile à entreprendre, jusqu'à ce, que nous reçumes la nouvelle, que le Brigadier Madalinski, avec sa brigade, était entré dans le Cordon Prussien. 'Alors nous vîmes bien, qu'il fallait ajouter oi aux discours de L.-C. Grochowski. Sur cela il vient au régiment l'ordre de congédier une partie des bas-officiers, des soldats et plusieurs Officiers, ce qui nous chagrina tous infiniment; mais à peine cette réduction avait-elle commencée, que le L.-C. Grochowski, reçut un écrit du Général Kosciuszko, daté de Krakowie, et qu'il nous fit voir, dans lequel il lui manda son arrivée à Krakowie, le commencement de l'insurrection, et lui ordonna de joindre avec le régiment les autres troupes de la République, qui devaient avoir reçues les mêmes ordres, et de combattre les troupes Russes, où

nous les trouverions. C'était le premier écrit, que je vis du Général, car depuis ma séparation d'avec lui, à la fin de la première campagne, jusqu'à ce jour, je n'avais eu la moindre nouvelle sûre de sa part; et quoique je m'eusse donné toutes les peines possibles d'en avoir, étant très attaché à sa personne, je n'y ai jamais réussi; tantôt on me disait, qu'il était à Dresde, tantôt à Leipsig, tantôt à Vienne, à Paris etc., tantôt en diverses parties de l'Italie. Je lui écris même de Radoszyce une lettre, et je l'adressais à Vienne, où on m'assurait, qu'il était alors, mais elle ne lui est jamais parvenue. Le Lieut.-Colonel nous ordonna donc de nous tenir prêts avec nos gens et aussitôt qu'il apprit, que le septième régiment d'infanterie, qui étoit en garnison à Lęczno, 3 lieues de Parczew, venait de sortir de là, pour se rendre à Chelm, il prit avec ses deux compagnies le même chemin, où étant arrivé le troisième jour, nous y trouvâmes déjà ce régiment sous le commandement du M. Deisch. Après avoir prêté serment avec nos gens à l'église, le Lieut.-Colon. Grochowski m'envoya en courrier chez le Général Kosciuszko avec le rapport, qu'il était arrivé à Chelm et qu'il y attendrait ses ordres. Je pris le chemin par la Gallicie, pour me rendre à Krakowie, et je joignis le Général au camp près de cette ville. Il m'expédia dans l'instant avec l'ordre, que L.-C. tachât de s'unir avec le 13-e regiment d'infanterie, qui était à Dubno, et avec le 5 rég. de cavalerie, qui était aussi dans ces contrées. De retour à Chelm, j'appris, que le Général Raczynski avait envoyé ordre au Colonel Curtius, qui était resté avec le reste de notre régiment à Radzyn, d'amener le régment à Chelm. où il vint aussitôt; mais, ne voulant plus rester au service, il se retira en Gallicie. Alors les deux régiments d'infanterie et 5 de cavalerie nous prîmes le chemin vers Dubno, et à Uscilug (Rozampol) nous nous réunimes avec le 13 régiment d'infanterie sous le commandement du Colonel Granowski, avec le 5 rég. de cavalerie sous le com. du Colonel Kamienski, et avec une partie de la brigade de Pinsk sous le com. de Kopec. Le lendemaine fus encore envoyé en courrier avec cette nouvelle chez le Général, que je trouvais à quelques lieues de Krakowie au camp; alors il me retint dans son camp, et dès ce jour je commencais le service d'Aide de camp, ensemble avec le Major Bieganski, que je trouvais déjà chez lui. Encore avant ma seconde arrivée chez le Général, j'ouïs dire en chemin la nouvelle de l'insurrection de Warsowie, et quand je fus arrivé, on m'en dit les détails,

Mon service d'Aide de camp, auquel je fus employé, ne regarda absolument, que le militaire, qui me donna assez d'occupation; pour le civil le Général avait alors auprès de soi M. Linowski, et après la bataille de Szczekociny, Niemcewicz, nouvellement arrivé d'Italie, occupa cette place. Dès cette bataille commence notre malheur; la prise de Krakovie par les troupes Prussiennes en fut une des suites fatales, comme aussi notre prompte retraite vers Warsowie. Les troupes Russes et Prussiennes nous suivirent de près, et à peine eûmes nous gagnés cette capitale, que nous nous vîmes enfermés; nous nous retranchâmes le plus fort, qu'il était possible, et arrêtâmes l'ennemi plusieurs semaines. Enfin le Roi de Prusse, pour éteindre l'insurrection, qui avait commencé dans la Grande Pologne, se vit obligé d'abandonner Warsowie, ce que firent aussi les troupes Russes, et nous nous vîmes pour un moment libres, de quoi profitant le Général, envoya aussitôt le Général Dombrowski, à la tête de 3000 hommes, dans la Grande Pologne, pour y soutenir l'insurrection, et le Général Poninski, avec un détachement, vers Puławy, pour empêcher les troupes Russes de passer la Vistule, et de se joindre avec le corps du Général Suwarow. Le Général lui-même partit en secret de Warsowie, avec M. Niemcewicz, pour visiter nos corps en Lithuanie, sous le commandement du Général Mokranowski et Sierakowski, et pour reconnoître le corps du Général Suwarow. Mais en chemin il reçoit la nouvelle de la totale défaite de Sierakowski par le Général Suwarow, il retourne donc en hâte à Warsowie, et après avoir envoyé un renfort de troupes et d'artillerie au Général Sierakowski à Siedlce, il part la seconde fois en secret, avec M. Niemcewicz, pour la Lithuanie. De retour à Warsowie, il reçoit la nouvelle, que le corps Russe, sous le commandement du Général Fersen, a passé la Vistule. Il m'envoye sur l'heure même chez le Général Sierakowsi, qui campait, avec son corps, à Okrzeja, pour lui dire, qu'il joigne et renforce le Général Poninski, pour empêcher la réunion des deux corps Russes, du Général Suwarow et Fersen. Je retourne aussitôt à Warsowie, où je ne trouve plus le Général, qui était parti le même jour avec Mr. Niemcewicz pour Okrzeja. Ils avaient pris un autre chemin. Et comme le Général, Zajonczek, qui avait le commandement dans l'absence du Général, me dit, qu'il était parti de Warsowie, intentionné de donner une bataille au Général Fersen. Ne voulant pas être éloigné de sa personne, dans un tems aussi décisif, je pars

aussitôt de Warsowie, et le rejoins à Korytnice, deux lieues de Warsowie, où il était venu avec le corps du Général Sierakowski d'Okrzeja. Le lendemain nous marchâmes à Maciejowice, c'était le neuf d'Octobre, le dix nous fûmes attaqués du Général Fersen, et ce fut à cette bataille, que, blessé au côté droit d'un coup de pique, je perdis tout avec ma liberté, à l'exception de l'honneur, qui seul m'est resté. Le Général fut pris après moi.

Quant au plan de l'insurrection, quoique avant le commencement de l'insurrection même, je n'eus jamais rien su, on m'a cependant après cela assuré, que si M. Madalinski n'avait pas commencé sitôt et si mal à propos, on avait été intentionné d'attendre la guerre entre la Russie et la Porte Ottomane, et que toutes, ou au moins une partie, des troupes Russes se furent retirées de la Pologne; mais qu' après que M. Madalinski avait une fois commencé, le Général se vit contraint, pour ne pas le laisser périr de commencer l'insurrection tout de suite.

Les relations, que le Général Kosciuszko, ou quelques autres Polonois, que ce soit, doit avoir eu avec les Puissances étrangères, comme la France, la Turquie, la Suède, ou autre, me sont absolument inconnues, et je doute fort, qu'il y en avait, si ce n'est à ce, qu'on m'a dit, que la France avait promis de nous fournir de l'argent. Mais s'il est vrai, qu'elle a fait cette promesse, il n'est pas moins vrai, qu' elle ne l'a pas remplie; car le peu d'argent, que nous avions et que les impôts publics, les dons des particuliers et les argenteries des Églises, nous fournissaient à peine, montre assez, qu'aucune Puissance ne nous aidait, ou qu'on a eu même recours à la fin au papier.

Je n'ai non plus la moindre connaissance d'aucune relation, que le Général ait eu avec les nouveaux sujets Polonois de la Russie, et quoique je sais, qu'il a envoyé des écrits dans les nouvelles Provinces de la Russie, dont je n'ai pas même lu aucun, je suis pourtant sûrement persuadé, que ces écrits ont été en termes généraux et adressés à personne en particulier.

Après cet aveu le plus sincère, j'atteste mon Dieu et mon honneur, les seuls biens, qui me restent, et que personne ne me pourra faire abandonner, jusqu'à la fin de mes jours, que j'ai tout dit ce que je sais par rapport à l'insurrection, et que, s'il y a, ou qu'il y avait

quelques relations entre le Général Kosciuszko, ou autre Polonois, avec quelques Puissances étrangères, ou quelques nouveaux sujets Polonois de la Russie, que ce soit, je n'en sais absolument et totalement rien, et je ne craindrai de la fausseté de cet aveu jamais le moindre repentir.

6.

ОТВѢТЫ КОСТЮШКИ.

Такъ какъ назначено было время, когда мнѣ должны были прислать донесенія изъ всѣхъ Воеводствъ, а Мадалинскій началъ войну прежде времени, то я хорошо понялъ, что дѣло начато слишкомъ рано. Что касается до меня, я бы не началъ его, не получивъ всѣхъ необходимыхъ извѣстій. Если бы я ихъ не получилъ, то отложилъ бы начало возстанія до другого времени; можетъ быть даже я дождался бы войны съ Турціею, о коей много тогда говорили.

Я сказалъ выше, что до отъѣзда въ Лейпцигъ, Потоцкій и Колонтай передали мнѣ полученное ими извѣстіе о намѣреніи Франціи снабдить насъ деньгами. Но если Франція была въ состояніи предписать другимъ Государствамъ условія мира, и если будетъ включена въ этѣ условія Польша, которой должны быть возвращены отнятыя у нея области, предоставленъ выборъ правленія, согласнаго съ желаніями народа; кромѣ того, если будетъ непремѣнно помощь со стороны Турокъ, либо вольно Польшѣ заключить оборонительный союзъ, и не иначе заключится миръ, какъ только съ вѣдома Франціи, во всѣхъ такихъ политическихъ соображеніяхъ руководилъ бы меня Потоцкій, а я въ нихъ ничего не понимаю. Что касается до денегъ, переданныхъ мнѣ войсками, то получено было отъ Манжета съ его бригадой 60, или 80,000 злотыхъ, съ бригады Мадалинскаго 40, или 60,000 злотыхъ, съ Гроховскаго 80,000 злотыхъ и болѣе. Если бы Турки пошли войной противъ Россіи, мы бы постарались заключитъ съ ними союзъ и просили бы ихъ не мириться, пока Польша не овладѣетъ всѣми, отнятыми у нея, областями, не сдѣлается независимой и не установитъ у себя правленія, согласнаго

съ желаніями народа; съ нашей стороны, мы конечно, предложили бы Туркамъ заключить миръ въ одно время съ нами. На сколько помню, я далъ Гроховскому нѣсколько бланковъ для Генералъ-Маіоровъ Воеводствъ: Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго, но онъ сказалъ мнѣ, что нельзя разсчитывать на этѣ края, а нужно послать туда многочисленную армію, по тому что Русскія войска тщательно ихъ оберегаютъ, и ему даже неизвѣстно, кто бы могъ тамъ начать дѣло. Дениско обѣщался двинуть цѣлую бригаду на Волынь, говоря, что у него тамъ есть друзья, но о немъ болѣе не было слуху. Что касается до Австрійцевъ, я выше объяснилъ причины, которыя заставляли меня беречь ихъ, то есть, я боялся навязать себѣ слишкомъ много непріятелей, потомъ я думалъ, что они всегда останутся нашими друзьями, такъ какъ ни чѣмъ отъ насъ не попользовались въ послѣдній раздѣлъ; впрочемъ, я все таки приказалъ нашимъ защищаться до нельзя, въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны. Такъ какъ мнѣ извѣстно было превосходство Русскаго войска и Турки не начинали еще войны, то я думалъ, что мы должны были заключить миръ съ Россіею, разумѣется, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для Польши; впрочемъ, безъ Потоцкаго я бы ни чего не сдѣлалъ, такъ какъ онъ болѣе моего смыслитъ въ политикѣ, да при томъ это относится къ завѣдываемой имъ части; если бы не внезапный со мною случай, Потоцкій нашелъ бы средство начать дѣло.

Ѳ. Костюшко.

7.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ ДЛЯ НѢМЦЕВИЧА.

Съ какими особами плѣнникъ былъ въ перепискѣ въ бытность свою въ Вѣнѣ и въ Италіи до того времени, когда онъ присоединился къ мятежнику Костюшкѣ въ Краковѣ?

Какимъ лицамъ поручилъ онъ, во время своего отсутствія, завѣдываніе своимъ имуществомъ и пересылку ему денегъ, необходимыхъ для прожитія за границей?

Въ перепискѣ съ такими лицами плѣнникъ не получалъ ли точныхъ свѣдѣній о ходѣ и развитіи возмущенія, столь долго подготовляемаго въ Польшѣ?

По сознанію плѣнника, ни какая иностранная Держава не снабжала его деньгами; такое предпріятіе требовало, однако, обширныхъ средствъ: какія же именно лица ссудили его деньгами, необходимыми для начала возстанія?

Какія имѣлъ сношенія Костюшко съ семействомъ Князя Адама Черторыйскаго, и какія собственно денежныя суммы даны были этѣмъ семействомъ для успѣха и развитія заговора?

Правда ли, что Княгиня Черторыйская предложила Костюшкѣ руку одной изъ своихъ дочерей, чтобы побудить его поднять возстаніе?

Такъ какъ плѣнникъ былъ главнымъ правителемъ Канцеляріи и переписки главы мятежа, то ему должно быть извѣстно, что въ теченіе послѣдняго Марта мѣсяца, имъ было послано изъ окрестностей Кракова довѣренное лицо съ письмами, адресованными на имя Французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Дефоржа, съ цѣлью испросить помощь и поддержку для возмущенія, затѣяннаго въ Польшѣ. Требуется отъ плѣнника, чтобы онъ открылъ все, что ему извѣстно о цѣли и предметѣ выше означеннаго порученія, котораго точные слѣды онъ долженъ былъ найти въ архивахъ Канцеляріи Костюшки, когда ему поручено было главное ея управленіе.

Дознано также, что Игнатій Потоцкій, который находился во главѣ Дипломатическаго Комитета и переписки съ иностранными Дворами, еженедѣльно доносилъ Костюшкѣ обо всѣхъ политическихъ депешахъ, которыя исходили, или входили въ дѣла этого Департамента. Слѣдовательно, всѣ подробности такихъ дѣлъ должны быть вполнѣ извѣстны плѣннику, и онъ обязанъ открыть все, что знаетъ, самымъ точнымъ и подробнымъ образомъ.

Такъ какъ и Колонтай былъ подчиненъ такой же отвѣтственности въ отношеніи Костюшки, плѣннику также должны быть извѣстны всѣ депеши, которыя посылалъ Колонтай; по

тому требуется, чтобы плѣнникъ безъ обиняковъ, но съ полною правдою и чистосердечіемъ, объявилъ, какія сдѣланы были попытки въ новыхъ Русскихъ областяхъ, также какъ въ Австрійскихъ и Прусскихъ, для возбужденія мятежа между тамошними жителями, какія средства, какихъ агентовъ тамъ употребляли въ дѣло, и наконецъ успѣли ли привлечь какихъ ни будь жителей тѣхъ областей?

Проектъ переворота былъ ли извѣстенъ Королю Польскому?

Плѣнникъ имѣлъ ли сношенія съ Каштеляномъ Мостовскимъ и Камергеромъ Венгерскимъ? зналъ ли онъ о существованіи двухъ сочиненій, которыхъ и пр. (какъ въ вопросѣ Костюшкѣ, стр. 40).

Колонтай былъ ли дѣйствительно и проч. (также какъ въ вопросахъ Костюшкѣ)?

Генералъ-Прокуроръ Самойловъ.

8.

ОТВѢТЫ НѢМЦЕВИЧА.

Такъ какъ я отчаялся въ спасеніи моего отечества то отказался отъ всякой политической переписки; я нѣсколько разъ писалъ моему брату о высылкѣ мнѣ денегъ, но я никогда не говорилъ ему о дѣлахъ; суммы изъ 300 злотыхъ посланной имъ, и нѣкоторыхъ принадлежащихъ мнѣ денегъ, доставало на всѣ мои расходы, которые были весьма умѣренны.

Я получилъ два письма отъ Графа Потоцкаго въ Дрезденѣ, въ коихъ онъ жаловался на происшествія, бывшія на Гродненскомъ Сеймѣ, но не говорилъ ни о планѣ, ни о ходѣ и развитіи возстанія; первая вѣсть о немъ передана была мнѣ Костюшкой, когда онъ проѣзжалъ черезъ Флоренцію, о чемъ я уже имѣлъ честь доложить Вашему Сіятельству въ первыхъ моихъ отвѣтахъ.

Я присоединился къ Костюшкѣ въ двѣнадцати миляхъ отъ Варшавы, три мѣсяца спустя послѣ начала возмущенія. Такое замедленіе мнѣ повредило даже во мнѣніи мятежниковъ, и кля-

нусь небомъ, что никогда Костюшко не открывалъ мнѣ, съ какими средствами началъ онъ возстаніе; я слышалъ только, что онъ захватилъ нѣсколько денежныхъ суммъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ; онѣ находились въ сохранности у различныхъ ксендзовъ, между прочимъ была одна сумма въ 4000, или 5000 зл. Подробнѣе можно узнать объ этомъ дѣлѣ въ самомъ Краковѣ. При томъ Мадалинскій провезъ съ собою довольно значительную сумму, которую онъ составилъ, ограбивъ Прусскую казну. Нѣсколько Дворянъ Воеводства Краковскаго сами тотчасъ сдѣлали денежныя приношенія. Костюшко заставилъ помѣщиковъ нести половинную сумму обыкновенныхъ ихъ доходовъ, и этотъ налогъ выплаченъ былъ въ теченіе двухъ недѣль; каждый помѣщикъ выставившій своихъ крестьянъ въ поле, обязанъ былъ заплатить имъ жалованье впередъ. Вотъ все, что я могъ узнать объ этомъ дѣлѣ.

Послѣ кампаніи 1792 года, Костюшко удалился въ Львовъ, и тогда Княгиня Черторыйская, въ сообществѣ съ другими дамами, поспѣшила отпраздновать его появленіе, и Костюшко провелъ нѣсколько дней въ Синявѣ. Видѣлись ли они послѣ этого, мнѣ не извѣстно.

Такъ какъ я знаю стѣсненное положеніе Князя Адама Черторыйскаго, имѣю понятіе о потери, понесенной имъ у банкира Кабре, объ огромныхъ долгахъ, по которымъ проценты онъ съ трудомъ можетъ уплачивать, наконецъ извѣстенъ мнѣ осмотрительный характеръ Князя, который всегда мѣшаетъ ему пускаться въ дѣло на удачу, все это, взятое вмѣстѣ, приводитъ меня къ тому убѣжденію, что Князь ни нравственно, ни на дѣлѣ, не былъ въ состояніи служить Костюшкѣ денежными пособіями.

Что касается до предполагаемой женитьбы Костюшки на одной изъ дочерей Княгини, признаюсь, что я слышалъ объ этомъ, какъ о нелѣпой баснѣ; какимъ образомъ могло быть, чтобы Княгиня, которая рѣшилась отдать свою дочь только за коронованную особу, унизила себя предложеніемъ руки одной изъ своихъ дочерей простому Дворянину? Впрочемъ, этому мѣшали и многія другія несообразности.

Г-нъ Линовскій, который находился при Костюшкѣ со времени его вступленія въ Краковъ, сдѣлался боленъ въ Варкѣ, въ 28 верстахъ отъ Варшавы, и уѣхалъ въ столицу; тогда Генералъ поручилъ мнѣ присмотръ за молодыми людьми, которые трудились въ его Канцеляріи, но я не получалъ ни архива, ни протоколовъ, однимъ словомъ, ни какихъ бумагъ. По тому все, что вы мнѣ говорите о порученіи для Министра Деформа, о перепискѣ съ Комитетомъ Общественной Безопасности, и о покушеніи на флотъ Ея Императорскаго Величества, все это слышу я въ первый разъ въ жизни. Вѣроятно, Ваше Сіятельство, я не захотѣлъ бы вредить себѣ изъ желанія пощадить Г-на Деформа, и не можетъ быть у меня ни какого уваженія къ Комитету Общественной Безопасности, который не въ состояніи меня спасти.

Правда, что Г. Потоцкій и другіе Департаменты присылали донесенія каждую недѣлю; но съ того времени, когда они стали присылаться на мое имя, то есть, когда мы подошли къ вратамъ столицы, отношенія Потоцкаго заключали нѣсколько только строкъ, въ коихъ были жалобы на прекращеніе сообщеній и на невозможность получать извѣстія; всѣ иностранные Министры, кромѣ Папскаго Нунція и Англійскаго Посланника, покинули Варшаву.

Потоцкій представилъ Нунцію ноту, въ которой просилъ позволенія воспользоваться серебряною церковною утварью, на что Нунцій согласился; послѣ смерти Князя Примаса, Потоцкій просилъ Нунція, чтобы пустое Архіепископское мѣсто не было дано кому либо изъ подданныхъ Короля Прусскаго, и Нунцій обѣщалъ ему похлопотать объ этомъ дѣлѣ у Папы. Аббатъ Колонтай завѣдывалъ казною и подавалъ отчеты по дѣламъ своего управленія, равно какъ и по части заготовленія ассигнацій; что же касается до возмущенія въ Червонной Руси, я думаю, что онъ употреблялъ въ дѣло бланки, которые ему давалъ Генералъ. Я видѣлъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ онъ жаловался на неудачу всѣхъ такихъ попытокъ, жаловался на неполученіе извѣстій и называлъ жителей трусами и безчувственными. Генералъ послалъ было туда Маіора Либерацкаго съ небольшимъ отрядомъ, въ надеждѣ, что послѣдній увеличится въ числѣ отъ прибывающихъ партизановъ и охотниковъ. Маіоръ Либерацкій проникъ до Кременца. Онъ писалъ въ

своемъ донесеніи, что теряетъ всякую надежду удержаться въ странѣ, жители коей боязливы, мало склонны къ возмущенію и не даютъ ни какой помощи; онъ дѣйствительно вскорѣ былъ разбитъ, а отрядъ его, спасшійся въ Галицію, обезоруженъ и насильно включенъ въ войско Императора. Нѣсколько времени спустя прибылъ къ намъ въ станъ Волынскій Дворянинъ, Г. Дениско; онъ просилъ пропуска у Генерала. Я спросилъ его, куда отправлялся онъ, и узналъ, что Колонтай посылаетъ его въ Червонную Русь, чтобы составить тамъ себѣ отрядъ. Съ тѣхъ поръ я не знаю, что сталось съ Г. Денискомъ. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что мы не получали ни писемъ, ни какихъ бы то ни было доказательствъ о готовности жителей Червонной Руси къ возстанію. Возстаніе, на которое расчитывали, просто на просто мечта, въ которую, однако, вѣрили, но время показало ея несостоятельность.

Никогда не было рѣчи о возстаніи въ владѣніяхъ Императора; что же касается до владѣній Короля Прусскаго, мы туда послали универсалы во время самой осады Варшавы: мы убѣждали жителей къ поднятію оружія и къ возстанію противъ своего рабства; они такъ быстро послушались, такое множество людей отправилось въ походъ, что по одному этому событію можно осудить о всеобщемъ ихъ недовольствѣ.

Вы спрашиваете у меня, зналъ ли Король Польскій о возмущеніи? Трудно мнѣ говорить объ этомъ сознательно, судя по недовѣрчивости, которую мы оказывали во все время возмущенія; по всему, ему ничего не открыли. Не смотря на великія качества, этотъ Государь такъ слабъ характеромъ, что всегда былъ безполезенъ и для своего собственнаго Государства, и для Россіи; имъ одинаково чуждались обѣ стороны. Я не видѣлъ, чтобы ему пришлось играть какую либо роль во время возстанія; онъ посѣтилъ станъ только по окончаніи осады, но казалось, что онъ сочувствовалъ нашимъ успѣхамъ и неудачамъ; онъ присутствовалъ на всѣхъ церковныхъ торжествахъ; можетъ быть, это дѣлалось изъ страха, по тому что хотя Кастюшко выказывалъ ему очень много уваженія и деликатности, но Аббатъ Колонтай всячески старался погубить его во всеобщемъ мнѣніи.

Я познакомился съ Камергеромъ Венгерскимъ только по прибытіи въ Варшаву, но съ Каштеляномъ Мостовскимъ я былъ въ

близкихъ сношеніяхъ. Я находился въ Италіи во время ихъ взятія; я никогда ничего не зналъ ни о сочиненіяхъ, о которыхъ говоритъ Ваше Сіятельство, ни объ ихъ авторѣ; знай я ихъ, съ удовольствіемъ бы назвалъ.

Аббатъ Колонтай не могъ быть ни кѣмъ назначенъ Примасомъ; Король не имѣлъ на то права; Костюшко никому не поручалъ гражданскихъ должностей; всѣ такія дѣла онъ откладывалъ до Сейма, который намѣревались созвать.

Хотя я не помню имени Казацкаго Сотника, однако я могу очень подробно разсказать объ этомъ дѣлѣ Вашему Сіятельству; я благодарилъ бы небо, если бы также зналъ подробности и всѣхъ другихъ дѣлъ, и тогда Ваше Сіятельство не приписали бы недостатку откровенности то, что происходитъ только отъ моего невѣдѣнія. Въ бумагѣ, поданной нашему Офицеру, спрашивалось о томъ, продолжались ли еще смуты на Дону; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, Сотникъ предлагалъ услуги своихъ товарищей, но только на выгодныхъ для нихъ условіяхъ; мы обѣщали имъ, въ своемъ отвѣтѣ, всевозможныя выгоды, какъ то: льготы, свободу, поземельную собственность, чины, отличія и пр. Но, къ великому нашему удивленію, Сотникъ, послѣ такого отвѣта, не возобновлялъ своего предложенія. Такъ какъ въ нашей арміи показались частые побѣги, то Генералъ, подъ страхомъ смерти, запретилъ всякія сношенія съ непріятелемъ. Я имѣю, однако, честь доложить Вашему Сіятельству, что не только въ этомъ случаѣ, но и много разъ еще Казаки жаловались нашимъ передовымъ отрядамъ на то, что двѣ тысячи семействъ Донскихъ Казаковъ принуждены были силою поселиться около Кубани, и что Казаковъ заставляли служить денно и нощно въ то время, когда другія войска отдыхали. Я не знаю, на сколько основательны ихъ жалобы, но Ваше Сіятельство сами вели войну блестящимъ образомъ, и по тому Вамъ извѣстно, на сколько полезны Казаки; было бы невыгодно довести ихъ до недовольства.

Всѣ бумаги оставлены были мною въ Главномъ Штабѣ, которымъ всегда завѣдывалъ Заіончекъ во время отсутствія Костюшки.

Подлинный разсказъ о переговорахъ межу Манштейномъ и Заіончкомъ помѣщенъ слово въ слово въ одной изъ Варшавскихъ газетъ за Сентябрь мѣсяць. Манштейнъ хотѣлъ начать переговоры о перемиріи только на основаніи сдачи Варшавы, но Заіончекъ не допускалъ этого условія, упрекая Манштейна въ томъ, что Государь, т. е., Король, самъ нарушилъ трактатъ, который силою исторгъ у Поляковъ, а потомъ недостойно отъ него отказался; онъ жаловался также на медленность Ферзена. Разговоръ былъ довольно продолжителенъ, но вотъ вся его суть.

Графъ Потоцкій весьма былъ близокъ съ Лукезини во время Сейма 3 Мая; но мнѣ извѣстно, что послѣ онъ съ нимъ не сходился и смотрѣлъ на Лукезини, какъ всякій истый Полякъ, именно, какъ на виновника всѣхъ нашихъ несчастій. Что касается до Манштейна, я думаю, что Потоцкій никогда съ нимъ не зналъся. Хотя Аббатъ Колонтай человѣкъ, способный на все, я долженъ, однако, признаться въ истинѣ и сказать, что ни во время болѣзни, ни послѣ смерти Князя Примаса, когда его тѣло было анатомировано, я никогда не слыхалъ, чтобы были подозрѣнія въ отравѣ. Надобно предполагать, что Князь предчувствовалъ давно уже свою кончину, по тому что нашли отрывки начатаго имъ завѣщанія.

Мнѣ извѣстно настроеніе Костюшки, и по тому я не могу повѣрить, чтобы онъ задумалъ коснуться Религіи, ни даже Дворянства, съ намѣреніемъ поставить Польшу въ то положеніе, въ которомъ находится теперь Франція. Потеря всѣхъ надеждъ могла заставить его пожелать помощи со стороны Французовъ, но здравый смыслъ и человѣчныя понятія не позволили ли бы ему подражать Французамъ въ сумазбродствѣ и жестокости. Костюшко много разъ показалъ на дѣлѣ, какъ высоко онъ почитаетъ Религію и Духовенство, между прочимъ, когда Нунцій просилъ его о помилованіи Епископа Скаришевскаго, котораго присудили было къ смертной казни, Костюшко тотчасъ согласился на просьбу Нунція, не смотря на непріятности и горе, которое со временемъ причинилъ ему такой прекрасный поступокъ.

Я кончилъ, Ваше Сіятельство, и признаюсь, что не могъ удовлетворительно отвѣтить на многіе вопросы; но могъ ли я по-

ступить иначе, если впервые слышу о событіяхъ, которыя заключаются въ вопросныхъ пунктахъ, сообщенныхъ мнѣ Вами? Предвижу, что бѣдствія, о которыхъ говоритъ Ваше Сіятельство, меня не пощадятъ; вѣрно ужь такова моя судьба. Я выслушаю съ полнымъ уваженіемъ и покорностью рѣшеніе о моей участи; счастливъ бы я былъ, если бы мнѣ одному пришлось поплатиться за своихъ соотечественниковъ. Они теперь стали вашими соотечественниками, Ваше Сіятельство; примите же ихъ участь къ сердцу, передайте объ ихъ стонахъ Ея Величеству; пусть эта Великая Государыня, которая покорила Поляковъ силою оружія и ума, привяжетъ ихъ къ себѣ добротою и милосердіемъ. Развѣ не достаточно Полякамъ сдѣлаться ея подданными, чтобы избавиться отъ всѣхъ несчастій? Пусть навсегда забудется прошлое; пусть наслаждаются они отнынѣ счастіемъ, которымъ пользуются народы, подчиненные Державѣ этой Великой Государыни! Они скажутъ тогда: «Великая Царица повиновалась только своему сердцу; въ ея власти было насъ наказать, но она предпочла наказанію великодушное прощеніе.»

Писано лѣвой рукой въ темницѣ.

Юліанъ Нѣмцевичъ.

28 Декабря,
1794 г.

9.

НОВЫЕ ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ НѢМЦЕВИЧУ.

Въ бывшемъ между нами послѣднемъ разговорѣ, Милостивый Государь, я вамъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

Изъ вашего разсказа явно, что, судя по вашему мнѣнію, Мадалинскій поднялъ знамя возстанія до срока; слѣдовательно былъ ему назначенъ срокъ. Вы должны объясниться по этому дѣлу.

Вы сказали мнѣ, что Франція обѣщала посланному туда Барщу, помочь Польшѣ деньгами и войскомъ, и при томъ позаботиться объ объявленіи войны Россіи Турками. На это я вамъ замѣ-

тилъ, что подобная помощь со стороны Франціи не могла быть оказана безъ взаимнаго одолженія, и тогда спросилъ я у васъ, не было ли рѣчи о союзѣ между Польшею и Франціею? Вы мнѣ отвѣтили, что это могло случиться со временемъ. Мнѣ необходимы объясненія по поводу этого дѣла.

Вы говорили о нѣсколькихъ лицахъ, которыя были начальниками Польскихъ войскъ, что они снабжали васъ деньгами; по этому вы обязаны письменно исчислить не только суммы, которыя они вамъ дали, но и поименовать начальниковъ?

Вы согласились со мной, что если бы Турки объявили войну Россіи, вы заключили бы съ ними союзъ. Необходимо знать, какое было бы основаніе такого союза, и что предполагали сдѣлать для Турціи къ невыгодѣ Россіи?

Когда вы разослали приказанія въ Польскія области, возвращенныя Россіею, съ цѣлію произвести возстаніе, какія вѣсти получали вы въ разное время по поводу этого дѣла?

По какой причинѣ вы всегда старались осторожно поступать относительно Австріи, и не давали ей ни какого повода къ неудовольствію? Такъ, по крайней мѣрѣ, вы мнѣ говорили.

Вы тогда же сказали мнѣ, что намѣревались заключить союзъ съ Россіею. Вы должны объясниться по этому поводу самымъ правдивымъ образомъ.

10.

Отвѣты Нѣмцевича.

Съ истиннымъ прискорбіемъ узнаю, Ваше Сіятельство, что отвѣты, которые я имѣлъ честь вамъ сдѣлать, недостаточно удовлетворительны. Я это предвидѣлъ, Ваше Сіятельство, и предвидѣлъ съ отчаяніемъ въ душѣ; я зналъ, что для точныхъ объясненій необходимы вѣрныя знанія какого ни будь дѣла, а знанія-то у меня и недоставало въ отношеніи всѣхъ тѣхъ вопросовъ, на ко-

торыя я не могъ отвѣтить согласно съ Вашими желаніями. Но могу увѣрить Ваше Сіятельство и поклясться всѣмъ священнымъ, что Ваши вопросы несравненно болѣе открыли мнѣ по поводу возмущенія, нежели я зналъ о немъ въ бытность мою съ Костюшкой. Но Вы скажете мнѣ, что я завѣдывалъ Канцеляріей и, слѣдовательно, долженъ былъ знать, что въ ней находилось. Признаюсь, Ваше Сіятельство, что Вы въ правѣ были бы удивляться моему невѣдѣнію, если бы дѣла велись у насъ тѣмъ порядкомъ, какимъ они всюду ведутся.

Я бьюсь объ закладъ, что никто не въ состояніи доказать, чтобы мнѣ передали архивы, протоколъ, какое ни будь письмо, или бумагу, и что бы я могъ знать какимъ бы то ни было образомъ болѣе того, что мною высказано въ моихъ предыдущихъ отвѣтахъ.

Во первыхъ, Ваше Сіятельство, извольте подумать о томъ времени, когда мнѣ пришлось соединиться съ Костюшкой: мы были тогда у заставъ Варшавы, ежеминутно боялись, чтобы городъ не взяли приступомъ; не то жители и войско сдались бы отъ голоду; въ то же время прервались всѣ сношенія съ иностранными Государствами, Костюшко постоянно былъ занятъ черченіемъ лагерныхъ укрѣпленій, либо ихъ осмотромъ, либо же изысканіемъ средствъ добыть фуражу и припасовъ, чтобы перебиваться какъ ни будь со дня на день. Въ это время пришли, одно за другимъ, извѣстія о взятіи Вильны и Ковна, жители областей упали совершенно духомъ: надо было поддерживать однихъ, заботиться о продовольствія, писать всюду, чтобы достать фуражу и хлѣба; въ такомъ бѣдственномъ состояніи говорили только о томъ, что слѣдовало дѣлать, а не о томъ, что было сдѣлано съ начала возстанія. По тому я увѣряю Васъ самымъ торжественномъ образомъ, что мнѣ совершенно не извѣстно то, что было сдѣлано до моего прибытія въ станъ, исключая универсаловъ, о которыхъ я имѣлъ честь говорить Вашему Сіятельству, ни чего другого не посылали изъ Канцеляріи Генерала въ области Ея Императорскаго Величества; я не нашелъ ни какихъ слѣдовъ, и никогда ничего не слыхалъ отъ Костюшки, или кого бы то ни было, ни о порученіи къ Г-ну Дефоржу, ни о перепискѣ съ Комитетомъ Общественной Безопасности, ни о содержаніи въ ней

того, что, по Вашему мнѣнію, должно было тамъ находиться. Знаю, что Вашему Сіятельству предоставлены всѣ средства разузнать объ этомъ дѣлѣ на самомъ мѣстѣ; знаю, что утаиваніе ни къ чему не послужитъ и мое запирательство можетъ только усугубить всѣ мои бѣдстія. Все заставляетъ меня открыть Вашему Сіятельству то, что мнѣ могло быть извѣстно о возмущеніи; но какъ говорить Вашему Сіятельству о томъ, чего я не зналъ?

Напрасно стараюсь я припомнить, что бы могъ я прибавить къ тому, что я имѣлъ уже честь подробно изложить въ предыдущихъ своихъ отвѣтахъ; я вспоминаю только о грустныхъ предчувствіяхъ, которыя тогда уже меня мучили. Я ясно видѣлъ, что, не смотря на вмѣшательство Костюшки и другихъ лицъ, извѣстныхъ своею честностію, это возстаніе было плодомъ отчаянія и безумной поспѣшности; увлеченные воображеніемъ, они легко принимали признаки за надежды, надежды за вѣроятности; легко было предвидѣть бездну, которая насъ поглотитъ, и я былъ въ отчаяніи, я добивался только ранъ, добился до нихъ и до тягостнаго плѣна.....я не стану описывать Вашему Сіятельству всю безнадежность моего положенія. Нѣтъ для него словъ, я надѣюсь только на Бога, на милосердіе Государыни и на поддержку со стороны человѣка добродѣтельнаго и справедливаго, какимъ считаю я Васъ.

Перваго Генваря, 1795 года.

Изъ заключенія Государственныхъ преступниковъ.

Юліанъ Нѣмцевичъ.

11.

Господину Совѣтнику Фуксу поручается сказать Господину Нѣмцевичу, чтобы онъ основательно подумалъ о томъ, что ему приказано написать. Онъ долженъ знать, что можетъ ожидать помощи только отъ самаго себя. Если онъ чистосердечно и правдиво покажетъ въ своихъ отвѣтахъ, то можетъ надѣяться на многое

въ свою пользу. Въ противномъ случаѣ пусть онъ вспомнитъ о томъ, что говорилъ на Сеймѣ третьяго Мая.

Александръ Самойловъ.

12.

Вы требуете, Ваше Сіятельство, чтобы я правдиво разсказалъ о своемъ поведеніи, требуете полной откровенности: я повинуюсь такому желанію, съ тѣмъ большею готовностію, что не знаю за собой постыдныхъ дѣлъ и, слѣдовательно, не считаю нужнымъ прибѣгать ко лжи.

Любовь къ отечеству, мысль объ его счастіи и славѣ, были постояннымъ основаніемъ всѣхъ моихъ поступковъ и даже причиной того несчастнаго положенія, въ которомъ я нахожусь теперь. Каждому истому Поляку было извѣстно, что безначаліе и своеволіе были причиной паденія, бѣдствій и огромныхъ потерь, понесенныхъ Польшею. Единственная возможность поднять Польшу заключалась въ учрежденіи Правительства, основаннаго на началахъ общественнаго порядка и требованіяхъ здраваго смысла. Положеніе дѣлъ того времени было благопріятно, и — появилась Конституція третьяго Мая. Тайна объ этомъ такъ свято хранилась, что никто изъ иностранныхъ Посланниковъ ни чего не зналъ, за исключеніемъ Саксонскаго, Г-на Фонъ Ессена. Нѣсколько дней спустя Прусскій Посланникъ поздравилъ Короля и самый Сеймъ съ совершеніемъ столь полезнаго дѣла, Шведскій Посланникъ также тому радовался, а Датскій признался мнѣ, въ бытность мою проѣздомъ во Флоренціи, что если бы Конституція продержалась, то Дворъ, къ которому онъ принадлежитъ, имѣлъ намѣреніе сойтись съ Польшею. Иностранныя дѣла поручены были только Графу Маршалу; самый Сеймъ, Ваше Сіятельство, весьма мало объ этомъ зналъ; онъ сказалъ намъ лишь за нѣсколько времени до войны 1792 года, что войска Ея Величества готовились къ походу, что Король Прусскій насъ оставлялъ, что, наконецъ, нельзя было разсчитывать на помощь какой бы то ни было иностранной Дер-

жавы, а слѣдовало надѣяться только на однихъ себя. Признаюсь, Ваше Сіятельство, я былъ одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Конституціи 3-го Мая; мнѣ казалось, что ею упрочивалось благоденствіе Польши, престолъ дѣлался наслѣдственнымъ, мудрая монархія замѣняла недостатки прежняго порядка дѣлъ, народу предоставлялась разумная свобода, Государю право требовать исполненія законовъ и сдерживать людскія страсти и бѣдственную наклонность къ новизнѣ. Такое пристрастіе къ Конституціи сдѣлало меня неосторожнымъ изъ усердія, оно же принудило меня говорить на Сеймѣ съ такимъ жаромъ противъ Потоцкаго и Гетмана Ржевускаго, заставило такъ горько жаловаться на Россію; но, Ваше Сіятельство, впечатлѣнія дѣтства слишкомъ глубоко врѣзались въ моей памяти. Мнѣ было только десять лѣтъ во время несчастной Конфедераціи Барской; я видѣлъ плѣнныхъ Поляковъ, которымъ Генералъ Древичъ велѣлъ отрубить обѣ руки; я видѣлъ, что мать моя было умерла отъ страха при видѣ своеволія и хищности Казаковъ. Я не стану говорить о чрезмѣрныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ Офицеровъ, которые во зло употребляли довѣріе Ея Императорскаго Величества. Если бы поведеніе этѣхъ Господъ было иное, если бы оно согласно было съ милосердными и великодушными стремленіями Ея Величества, Поляки никогда бы не отказались отъ уваженія, должнаго такой Великой Государынѣ, и сколькихъ бы бѣдствій избѣгла тогда Польша. Возвращаюсь къ своему разсказу. При началѣ перваго похода я выпросилъ у Короля позволеніе служить охотникомъ въ войскѣ, но онъ отклонилъ меня отъ такого намѣренія, говоря, что я ему нуженъ былъ въ Варшавѣ. Только подъ конецъ послалъ онъ меня съ депешами къ Князю Іосифу Понятовскому. Я встрѣтился съ нимъ на переправѣ черезъ Бугъ, былъ при нѣсколькихъ стычкахъ, но вскорѣ мы узнали, что Король подписалъ Конфедерацію Тарговицкую. Признаюсь, что мы были въ высшей степени удивлены. Князь Понятовскій послѣ сказалъ мнѣ, что онъ, въ слѣдствіе настроенія войска, переговорилъ съ Офицерами и послалъ Маршала Сейма и Графа И. П., чтобы сдѣлать имъ слѣдующее предложеніе, именно: попросить Короля въ станъ и продолжать войну, такъ какъ все Дворянство Воеводствъ готово было выступить въ походъ; Маршалъ и И. П. отвѣтили, что они не желаютъ увеличивать общихъ бѣдствій по-

средствомъ междоусобной войны; тогда уже было извѣстно, что Воеводство Волынское примкнуло къ Конфедераціи. Я вернулся въ Варшаву и не засталъ уже тамъ этѣхъ Господъ, которыхъ предупредили о преслѣдованіяхъ, которыхъ я долженъ былъ ожидать отъ новыхъ Конфедератовъ. Я тотчасъ уѣхалъ за границу, засталъ въ Лейпцигѣ Гг. І. С. Они были тогда скорѣе въ отчаяніи отъ уничтоженія Конституціи, нежели заняты какимъ ни будь планомъ объ ея возстановленіи, такъ какъ они видѣли, что нечего скоро ожидать счастливаго оборота обстоятельствъ. Я пробылъ недѣли двѣ съ этѣми Господами и, поддавшись моей всегдашней любви къ искуствамъ и литературѣ, отправился въ Италію. Я проѣхалъ Дрезденъ, Прагу и остановился въ Вѣнѣ. Тутъ я засталъ универсалы Потоцкаго, Воеводы Краковскаго, въ коихъ обѣщался имъ счастливый оборотъ дѣлъ, и притомъ вскорѣ. Не обращая вниманія на лицо, отъ котораго отечество мое могло ожидать счастія, я замедлилъ отъѣздомъ. Я ждалъ этого мгновенія съ нетерпѣніемъ, когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя мы получили извѣстія о раздѣлѣ Польши. Въ отчаяніи и въ горѣ, разубѣжденный въ спасеніи своего отечества, я уѣхалъ въ Италію, съ намѣреніемъ никогда болѣе не возвращаться. Я уже съ мѣсяцъ былъ во Флоренціи, когда пріѣздъ туда Генерала Костюшки сильно меня озадачилъ; онъ довѣрился мнѣ и сказалъ, что предпринялъ это путешествіе съ намѣреніемъ провести своихъ надсмотрщиковъ; что онъ былъ глубоко тронутъ угнетеннымъ и бѣдственнымъ положеніемъ своего отечества, и по тому рѣшился наконецъ уступить настоянію просьбъ, которыя присылались на его имя со всѣхъ концовъ Польши, и хотѣлъ стать во главѣ возстанія; онъ прибавилъ, что у него есть доказательства, будто всѣ Чины готовы взяться за оружіе, по тому что всѣ были недовольны: Дворянство сѣтовало на раздробленіе Государства, на то, что правленіе и судъ находятся въ рукахъ людей, потерявшихъ честь и совѣсть, что общественная и личная безопасность подвергается доносамъ, прихотямъ Господина Игельстрома, или мщенію его любовницъ; что граждане и крестьяне тяготятся повинностію даромъ кормить и помѣщать Русское войско; однимъ словомъ, что отчаяніе было повсемѣстное. Костюшко прибавилъ, что армія недовольна тѣмъ, что ее распустили, и по тому вся будетъ за него. Костюшко думалъ уве-

личить составъ арміи крестьянами, вооруженными косами. Я отвѣчалъ, что вполнѣ, вмѣстѣ съ другими, сочувствую бѣдствіямъ своего отечества, и радъ бы пожертвовать жизнію, чтобы видѣть ихъ прекращеніе, но что я напередъ предвижу, что наши средства къ защитѣ, въ связи съ отчаяніемъ, слишкомъ недостаточны, чтобы бороться съ воинственной арміи, привыкшей къ побѣдамъ въ теченіи тридцати лѣтъ. Зная, что Костюшко былъ въ Парижѣ, я спросилъ его, разсчитываетъ ли онъ на помощь со стороны Франціи? онъ отвѣтилъ мнѣ, что Министръ Лебрёнъ обѣщалъ ему помощь, но такъ какъ теперь превозмогла непріязненная для Министра партія, онъ ни чего особеннаго отъ него не ожидаетъ. Я спросилъ еще его, нѣтъ ли у него обѣщаній со стороны Турціи? онъ отвѣтилъ мнѣ, что ни чего нѣтъ вѣрнаго, но можно предполагать; что если мы начнемъ дѣло, Турки воспользуются случаемъ и присоединятся къ намъ. О Швеціи рѣчи не было. Когда я узналъ, что нельзя вѣрно разсчитывать на чужую помощь, а безразсудно надѣяться только на собственныя силы, я упрашивалъ Костюшку не спѣшить, а лучше отложить свое предпріятіе. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что подумаетъ объ этомъ, и уѣхалъ въ Римъ и въ Неаполь. Меня сильно безпокоили послѣдствія столь невѣрнаго предпріятія, и я, въ письмѣ своемъ къ Генералу, просилъ его ни чего не предпринимать и подождать, по крайней мѣрѣ, не объявитъ ли войну сначала Турція; онъ отвѣтилъ мнѣ, что вполнѣ соглашается со мной и будетъ ожидать происшествій. Я болѣе не получалъ отъ Костюшки извѣстій и свидѣлся съ нимъ только въ Польшѣ. Спустя недѣли три я уѣхалъ въ Римъ, съ намѣреніемъ пробыть тамъ Страстную Недѣлю. Тутъ-то узнали мы о возстаніи въ Краковѣ по письмамъ Прелата При.* къ Кардиналу Античи. Я написалъ тогда Костюшкѣ, чтобы вызнать, въ чемъ дѣло, но не получилъ ни какого отвѣта. По возвращеніи во Флоренцію, я, по письмамъ изъ Вѣны, узналъ о возмущеніи въ Варшавѣ, что все Государство вооружалось, а Дворяне уже выступали въ походъ. Тогда я повиновался только сердцу, которое внушало мнѣ, что я виновенъ останусь передъ отечествомъ, если отстранюсь отъ всеобщаго стремленія. Я поѣхалъ и прибылъ въ Краковъ, десятаго Іюня, четыре дня спустя послѣ сраженія при Щекоцинахъ. Я обходами добрался до стана Генерала Костюшки. Дорогой я видѣлъ поля и деревни, выжженныя

Генераломъ Древичемъ. Печальное было это для меня зрѣлище. Я прибылъ въ станъ Генерала 16 Іюня въ Козловъ; я спросилъ тогда у него, за чѣмъ началъ онъ возстаніе безъ всякой посторонней помощи? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что не хотѣлъ оставить Г-на Мадалинскаго и рѣшился скорѣе погибнуть, чѣмъ подать поводъ къ упрекамъ въ слабости, или въ недостаткѣ любви къ отечеству. Долго находился я при Генералѣ безъ всякой должности. Въ послѣдствіи онъ поручилъ мнѣ завѣдываніе своею Канцеляріею. Въ началѣ Іюля мѣсяца онъ велѣлъ мнѣ написать два универсала, одно къ жителямъ Червонной Руси, другое къ Польской арміи: въ нихъ приглашались и тѣ и другіе присоединиться къ намъ, для всеобщихъ дѣйствій за одно. Генералъ, чтобы не подвергать опасности никого изъ своихъ соотечественниковъ, послалъ этѣ универсалы безъ адреса, предоставляя на собственное усмотрѣніе посланнаго вызнавать людей и передавать бумаги тѣмъ изъ нихъ, которымъ можно было довѣриться. Никогда послѣ не узнали мы, дошли ли этѣ универсалы въ Червонную Русь. Правительство такъ зорко за всѣмъ слѣдило тамъ, что мы никогда оттуда не получали писемъ, по крайней мѣрѣ, я ни о какихъ письмахъ не зналъ.

Впрочемъ, дѣла этого Департамента взялъ на себя Аббатъ Колонтай, и такъ какъ онъ часто бралъ бланки съ подписью Генерала, то весьма можетъ быть, что онъ употреблялъ ихъ для этого дѣла. Что касается до сношеній съ иностранными Державами, Генералъ два раза заставлялъ меня писать къ Австрійскому Генералу Гур. . . . . , въ коихъ жаловался на нарушеніе поземельныхъ правъ Польши, на насильственную вербовку и обезоруживаніе, которыя производились съ войсками, удалявшимися въ Галицію. Австрійскій Генералъ никогда не хотѣлъ отвѣтить Костюшкѣ. Смѣю увѣрить Ваше Сіятельство честнымъ словомъ, что во всю мою бытность при Костюшкѣ я никогда не видалъ, чтобы онъ получалъ письма изъ за границы: онъ самъ туда не писалъ и меня не заставлялъ писать. Мы были окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и всѣ наши сношенія прекратились.

Потоцкій часто жаловался въ своихъ письмахъ на то, что не получалъ писемъ изъ за границы, и даже на невозможность получать оттуда какія бы то ни было извѣстія. Дѣло дошло до

того, что мы почти все это время не получали даже газетъ. Я долженъ, однако, признаться, что у Потоцкаго тоже были бланки съ подписью Генерала.

Я писалъ всѣ этѣ отвѣты на чисто, чтобы скорѣе все окончить.

Всѣ этѣ бумаги я возвращаю во всей ихъ сохранности.

Вотъ правдивая исповѣдь о ничтожнѣйшихъ подробностяхъ, которыя я могъ узнать о возстаніи въ Польшѣ. Вамъ покажется страннымъ, что мы рѣшились произвести возстаніе, безъ всякой увѣренности въ посторонней помощи. Это совершенная, однако, правда, и мы собой доказали истину стиха Гомера, въ которомъ онъ говоритъ, что если Юпитеръ хочетъ погубить кого, то отнимаетъ у того размышленіе. При томъ, кто бы осмѣлился возстать противъ великаго генія, который управляетъ Россіею? Онъ съумѣлъ внушить страхъ и уваженіе къ себѣ всѣмъ народамъ. Еще разъ повторяю: я все сказалъ и ни чего не скрылъ. Если я допустилъ ошибки, то это ошибки моего сердца. Увы, я за нихъ слишкомъ уже наказанъ! Я разстался съ родственниками и друзьями, постигнутыми горемъ и разоренными, самъ я раненъ, статься можетъ, калѣка на всю жизнь и, къ довершенію, заключенъ въ темницу. Но болѣе всего безпокоитъ меня положеніе моего отечества, удрученнаго тысячью бѣдствій и можетъ быть на всегда погибшаго. Ахъ, Ваше Сіятельство, если моему голосу суждено возвыситься до слуха Ея Императорскаго Величества, будьте милостивы и возьмите на себя трудъ передать мои слова этой Великой Государынѣ, испросите у нея милостиваго прощенія для моего отечества, для этой земли, столь долго подверженной бѣдствіямъ, всюду представляющей взорамъ только однѣ развалины, могилы, безмолвную пустыню, лишенную болѣе половины своихъ жителей. Оставшіеся только оплакиваютъ потерю всего, что было для нихъ дорого. Если эта Великая Государыня, къ милосердію которой я взываю, которая можетъ по произволу уничтожать и созидать Государства, если она снизойдетъ до благопріятнаго вниманія къ Польшѣ, то я буду считать себя вознагражденнымъ за всѣ свои бѣдствія, за все свое горе.

ВОПРОСЫ ДРУГОМУ, КАЖЕТСЯ, ФИШЕРУ.

13.

Вы обязаны написать все, что вамъ извѣстно о Польскомъ возстаніи. Начните съ событій третьяго Мая и продолжайте до времени вашего задержанія; говорите обо всемъ, что вы знаете о планѣ возмущенія и о проектахъ приведенія его въ исполненіе. Такъ какъ вы участникъ въ дѣлахъ Костюшки, то вы должны изложить письменно все, что могли узнать черезъ него, именно: о сношеніяхъ Костюшки и другихъ значительныхъ Поляковъ съ иностранными Державами, въ особенности съ Франціею, Турціею, Швеціею и новыми Польскими подданными въ Россіи. Вы должны во всемъ признаться откровенно; иначе васъ заставятъ раскаяться въ непослушаніи.

14.

ОТВѢТЪ ЕГО.

Въ годъ, предшествующій событію третьяго Мая, Генералъ Костюшко назначенъ былъ Генералъ-Маіоромъ и принялъ, между прочимъ, завѣдываніе вторымъ батальономъ перваго пѣхотнаго полка, въ которомъ я служилъ Поручикомъ; онъ никогда прежде не зналъ меня, однако взялъ меня въ Адъютанты. Онъ начальствовалъ надъ тремя батальонами пѣхоты, однимъ коннымъ полкомъ, и когда ему прислали приказъ Военной Коммиссіи, въ которомъ значилось присягнуть ему самому и привести къ присягѣ свою бригаду Конституціи третьяго Мая, онъ тотчасъ все это исполнилъ. Въ слѣдующемъ году началась война съ Россіею, и я во время всего похода не разлучался съ Генераломъ. По окончаніи войны, Генералъ, который уже получилъ званіе Генералъ-Лейтенанта, взялъ отпускъ, я же вернулся въ свой полкъ, который былъ въ гарнизонѣ въ Калишѣ. Въ 1793 году Прусскія войска вошли въ Великую Польшу, и нашему полку приказано было итти въ Радошицы, небольшой городокъ Сандомирскаго Воеводства, откуда, въ концѣ того же самаго года, ему велѣно перейти Вислу и расположиться на зимнія квартиры въ разныхъ мѣстахъ

Воеводства Люблинскаго, именно въ Радзинѣ, Окржеѣ, Железовѣ, Парчевѣ и Луковѣ. Я находился тогда съ Подполковникомъ Гроховскимъ и двумя ротами въ Парчевѣ. Подполковникъ часто говаривалъ намъ о возстаніи и о томъ, что Генералъ Костюшко будетъ во главѣ его; все таки это дѣло казалось весьма труднымъ, хотя мы его пламенно желали. Такъ было до тѣхъ поръ, пока мы не узнали, что Бригадиръ Мадалинскій бросился съ своею бригадой въ Прусскія владѣнія. Тогда мы увидѣли ясно, что слѣдовало вѣрить рѣчамъ Подполковника Гроховскаго. Вдругъ приходитъ приказаніе уволить часть унтеровъ, солдатъ и многихъ Офицеровъ, что насъ въ высшей степени огорчило. Но едва стали приводить приказъ въ исполненіе, Гроховскій получилъ отъ Генерала Костюшки бумагу, числомъ изъ Кракова, бумагу, которую всѣ мы видѣли и въ которой Генералъ извѣщаетъ о своемъ прибытіи въ Краковъ, о началѣ возстанія и приказываетъ ему присоединиться со своими войсками къ другимъ войскамъ Республики, получившимъ такія же точно приказанія, и сражаться съ Русскими всюду, гдѣ бы они не встрѣтились. Впервые видѣлъ я тогда бумагу, отъ Генерала Костюшки, по тому что, со дня моей разлуки съ нимъ, въ концѣ перваго похода, до дня полученія этой бумаги, я никогда не имѣлъ о немъ вѣрныхъ извѣстій; и хотя я, изъ глубокой любви къ нему, всѣми силами старался добиться о немъ свѣдѣній, однако мнѣ это не удалось: то говорили мнѣ, что онъ въ Дрезденѣ, въ Лейпцигѣ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и проч., то въ различныхъ мѣстахъ Италіи. Я даже писалъ ему изъ Радошицъ въ Вѣну, гдѣ, какъ меня увѣряли, онъ будто тогда находился, но письмо мое никогда до него не дошло. Подполковникъ приказалъ намъ быть на готовѣ съ нашими людьми, и едва онъ узналъ, что седьмой пѣхотный полкъ, бывшій въ гарнизонѣ въ Ленчнѣ, въ 12 верахъ отъ Парчева, выступилъ оттуда, чтобы отправиться въ Холмъ, какъ и самъ послѣдовалъ туда же съ двумя своими ротами. Когда мы пришли въ Холмъ на третій день, то застали тамъ седьмой пѣхотный полкъ подъ начальствомъ Дейча... Мы присягнули въ церкви съ нашими людьми, послѣ чего Подполковникъ Гроховскій послалъ меня курьеромъ къ Генералу Костюшкѣ съ донесеніемъ о прибытіи его въ Холмъ, гдѣ ожидаетъ его приказаній. Я отправился черезъ Галицію въ Краковъ, и явился къ Генералу въ станъ около самого этого города.

Онъ тотчасъ меня послалъ обратно съ приказомъ къ Подполковнику, чтобы онъ старался соединиться съ 13-мъ пѣхотнымъ полкомъ, который былъ въ Дубнѣ, и съ 5 коннымъ, который тоже находился гдѣ-то по близости. По возвращеніи въ Холмъ я узналъ, что Генералъ Рачинскій отправилъ приказаніе Полковнику Курціусу, который былъ съ остатками нашего полка въ Радзинѣ, привести этотъ полкъ въ Холмъ. Онъ тотчасъ исполнилъ приказаніе, но, не желая остаться на службѣ, удалился въ Галицію. Тогда оба пѣхотные полка и конный направились къ Дубну и въ Устилугѣ (Розамполѣ) мы соединились съ 13 пѣхотнымъ полкомъ подъ начальствомъ Полковника Грановскаго, съ 5-мъ коннымъ подъ начальствомъ Полковника Каминскаго и съ частью бригады Пинской подъ начальствомъ Копца. На другой день меня снова послали курьеромъ съ этѣмъ извѣстіемъ къ Генералу, котораго я засталъ въ станѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кракова; онъ задержалъ меня при себѣ, и съ того дня я началъ службу Адъютантомъ у него, вмѣстѣ съ Маіоромъ Биганскимъ, который былъ уже при немъ. Еще до моего втораго пріѣзда къ Генералу я слышалъ дорогой о возстаніи въ Варшавѣ, а когда я прибылъ въ станъ, мнѣ разсказали уже о всѣхъ подробностяхъ. Служба моя въ званіи Адъютанта касалась только военныхъ дѣлъ, которыя много брали у меня времени, для гражданскихъ же дѣлъ былъ у Генерала Г-нъ Линовскій, а послѣ сраженія при Щекоцинахъ вновь прибывшій изъ Италіи, Нѣмцевичъ. Бѣдствія наши начались съ этого сраженія; роковымъ его послѣдствіемъ было взятіе Кракова Прусскими войсками, а въ слѣдъ за тѣмъ и наше быстрое отступленіе къ Варшавѣ. Прусскія и Русскія войска шли по нашимъ слѣдамъ, и едва мы добрались до столицы, какъ были тамъ осаждены; мы укрѣпились въ ней какъ можно лучше и задержали непріятелей на нѣсколько недѣль. Наконецъ Король Прусскій, чтобы остановить возстаніе, которое началось въ Великой Польшѣ, принужденъ былъ покинуть Варшаву, тоже самое сдѣлали и Русскія войска, и тогда мы на минуту освободились. Генералъ воспользовался этѣмъ случаемъ, и тотчасъ послалъ Генерала Домбровскаго, съ тремя тысячами войска, въ Великую Польшу, для поддержанія тамъ возстанія, а въ Пулавы посланъ былъ Генералъ Понинскій съ отрядомъ, чтобы помѣшать Русскимъ перейти Вислу и соединиться съ корпусомъ Генерала Суворова. Самъ Ге-

нералъ тайно отправился изъ Варшавы съ Нѣмцевичемъ для осмотра нашихъ корпусовъ въ Литвѣ, находившихся подъ начальствомъ Генераловъ Мокрановскаго и Сѣраковскаго, чтобы имѣть свѣдѣнія о корпусѣ Генерала Суворова. Но дорогой онъ узналъ о полномъ пораженіи Сѣраковскаго Генераломъ Суворовымъ, и по тому поспѣшно вернулся въ Варшаву, послалъ подкрѣпленіе войскомъ съ артиллеріей Генералу Сѣраковскому въ Сѣдлце, и снова тайно уѣхалъ съ Нѣмцевичемъ въ Литву. По возвращеніи въ Варшаву онъ узналъ, что Русскій корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Ферзена, перешелъ Вислу. Онъ тотчасъ послалъ меня къ Генералу Сѣраковскому, который стоялъ съ своимъ корпусомъ въ Окржеѣ, чтобы передать ему приказаніе присоединиться и усилить войско Генерала Понинскаго, и тѣмъ помѣшать соединенію двухъ Русскихъ корпусовъ, Суворова и Ферзена. Я тотчасъ вернулся въ Варшаву, гдѣ не засталъ уже Генерала, который въ тотъ же день выѣхалъ съ Нѣмцевичемъ въ Окржею. Они поѣхали другою дорогою. И такъ какъ Генералъ Заіончекъ (который начальствовалъ во время отсутствія Генерала) сказалъ мнѣ, что онъ уѣхалъ изъ Варшавы, съ намѣреніемъ дать сраженіе Генералу Ферзену, то я и не хотѣлъ удаляться отъ Генерала въ такую рѣшительную минуту, тотчасъ уѣхалъ изъ Варшавы и настигъ его въ Корытницѣ, въ двухъ верстахъ отъ Варшавы, куда прибылъ онъ изъ Окржеи съ корпусомъ Генерала Сѣраковскаго. На другой день мы выступили къ Мацѣевицамъ, что было девятаго Октября, десятаго же напалъ на насъ Генералъ Ферзенъ, и на этомъ то сраженіи я былъ раненъ копьемъ въ лѣвый бокъ, и все потерялъ съ свободой, исключая, развѣ, чести. Генералъ былъ взятъ въ плѣнъ послѣ меня.

Что касается до плана возмущенія, то до самаго начала возстанія я ни чего о немъ не зналъ; меня, однако, увѣряли, что если бы Мадалинскій не началъ такъ рано и не кстати, то намѣревались дождаться войны между Турціею и Россіею, дождаться удаленія всѣхъ, или части, Русскихъ войскъ изъ Польши; но когда Мадалинскій началъ дѣло, Генералъ принужденъ былъ, для его спасенія, начать возстаніе тотчасъ.

Сношенія Генерала Костюшки, или нѣкоторыхъ другихъ Поляковъ, бывшихъ, вѣроятно, въ связи съ иностранными Державами,

каковы: Франція, Турція, Швеція, или другія, мнѣ совершенно неизвѣстны; я даже сомнѣваюсь о ихъ возможности, развѣ только съ Франціею, которая, какъ мнѣ говорили, обѣщала помочь намъ деньгами. Если правда, что она сдѣлала это обѣщаніе, то на дѣлѣ она не оказала такой помощи, по тому что малое количество нашихъ денегъ, едва оставшихся отъ общественныхъ налоговъ, отъ подарковъ, сдѣланныхъ частными лицами, и серебрянныхъ церковныхъ вещей, достаточно показываетъ, что ни какая иностранная Держава намъ не помогала, и что наконецъ должны были прибѣгнуть даже къ выпуску бумажекъ.

Мнѣ не извѣстно также, имѣлъ ли Генералъ какія сношенія съ новыми Польскими подданными Россіи, и хотя я знаю, что онъ посылалъ письма въ новыя Области, однако я не читалъ ни одного; я убѣжденъ, что они писаны были въ общихъ выраженіяхъ, и никому не были посланы исключительно.

Послѣ такого правдиваго признанія, я привожу во свѣдѣтели Бога и мою честь, единственное, оставшееся мнѣ, достояніе, отъ которыхъ я не отрекусь до послѣдняго мгновенія моей жизни, что я сказалъ все, что мнѣ было извѣстно о возмущеніи, и въ случаѣ, если есть, или были, у Генерала Костюшки, или у другихъ Поляковъ, сношенія съ иностранными Державами, либо съ новыми Польскими подданными Россіи, все это мнѣ совершенно и вполнѣ не извѣстно, и никогда не надѣюсь раскаяваться въ ложности такихъ показаній. *

---

* Переводъ на Русскій принадлежитъ Г. Лектору Московскаго Университета А. П. Гемиліану, которому Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ приносить за то свою искреннюю благодарность. О. Б.

ДѢЛО

О

ВЕРЕЩАГИНѢ И МѢШКОВѢ.

I.

ВЕРЕЩАГИНЪ И МѢШКОВЪ.

УГОЛОВНО-СУДЕБНЫЙ ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКВЫ

ВЪ 1812 ГОДУ.

До половины 1812 года, роковой годины для всей Россіи вообще, а для Москвы въ особенности, какъ искупительной жертвы всесожженія, Главнокомандующимъ въ ней былъ Генералъ-Фельдмаршалъ, Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, по сложеніи которымъ съ себя этого званія, въ Іюнѣ назначенъ Военнымъ Губернаторомъ Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, извѣстный своими заслугами, какъ мужъ Государственный, и своими достоинствами, какъ доблестный сановникъ, но имѣвшій несчастіе увѣковѣчить память о себѣ въ глазахъ Москвичей кровавою развязкой извѣстной Московской драмы, жертвою которой довелось быть молодому купеческому сыну, злополучному Верещагину.

Хотя въ разное время читающему Русскому люду печатнымъ путемъ не мало было сообщено свѣдѣній объ этой Московской катастрофѣ, но всѣ они, заключая въ себѣ, въ большей или меньшей степени, любопытныя историческія данныя, ограничиваются только описаніемъ, такъ сказать, самаго момента совершившагося трагическаго происшествія, не излагая предшествовавшихъ

ему обстоятельствъ съ необходимою историческою подробностію, на основаніи фактическихъ судебныхъ данныхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, любопытство читателей было вполнѣ удовлетворено занимательностію разсказа, но за то они лишились всякой возможности, по прочтеніи, сдѣлать свое заключеніе, постановить свое собственное сужденіе о заслуженности, или незаслуженности страшной народной казни молодаго Верещагина, или произнести таковое по выведеннымъ итогамъ только а priori.

Въ 1862 году совершилось пятидесятилѣтіе отъ освобожденія Москвы и Россіи отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ, и, разумѣется, намъ приличнѣе было бы сообщить предлагаемыя нынѣ свѣдѣнія, и тѣмъ приобщить ихъ къ публичнымъ таковымъ же, тогда же, comme un fruit de saison; но счастливый случай, доставившій намъ возможность воспользоваться ими, представился не далѣе какъ въ концѣ 1863 года.

Но, прежде изложенія полнаго содержанія Московской драмы нашей, мы должны предварительно познакомить читателей, какъ съ героемъ оной, такъ и съ прочими дѣйствующими въ ней лицами, чтобы избѣжать повторенія свѣдѣній объ ихъ личности въ продолженіе разсказа.

Отецъ героя драмы, довольно богатый купецъ, Николай Гавриловичъ Верещагинъ, какъ изъ отзыва Дома Московскаго Градскаго Общества, на запросъ 1-го Департамента Магистрата, оказывается, состоялъ въ Московскомъ Купечествѣ по 2-й гильдіи, съ дѣтьми Михайломъ и Павломъ, при объявленіи на 1812 годъ 20,000 р. капитала. Кромѣ сыновей, у него была дочь, Наталья, которая, въ описываемое нами время, какъ изъ дѣла видно, была если не совершеннолѣтняя, то, по крайней мѣрѣ, не малолѣтняя. Женатъ онъ былъ вторымъ бракомъ, на Аннѣ Алексѣевнѣ, занимался содержаніемъ на откупу нѣкоторыхъ изъ Московскихъ полпивныхъ лавокъ и герберговъ, изъ которыхъ одинъ, гдѣ сложена была тема разыгравшейся столь печальной драмы, состоялъ на Покровкѣ. Собственный же Николая Гавриловича, довольно обширный каменный съ колоннами, домъ, находившійся въ Яуз-

ской Части, на Никольской улицѣ, противъ церкви Св. Симеона Столпника, существуетъ и нынѣ, состоя во владѣніи Почетнаго Гражданина Тюляева.

Сынъ означеннаго купца, несчастная жертва злополучной ревности восторженнаго патріота къ водворенію спокойствія между жителями ввѣренной главному его начальству столицы, взволнованной разными, болѣе или менѣе основательными, слухами въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ, Михаилъ Николаевичъ Верещагинъ, былъ тогда слишкомъ еще молодъ, имѣя отъ роду только 22 года. Изъ дѣла не видно, въ какомъ изъ существовавшихъ тогда въ Москвѣ учебныхъ заведеній молодой Верещагинъ получилъ воспитаніе, въ Коммерческомъ ли Училищѣ, или въ Коммерческомъ пансіонѣ, основанномъ Арнольди, обращенномъ въ 1810 году въ Коммерческую Практическую Академію; но что онъ былъ довольно образованъ для тогдашняго купеческаго круга, доказываетъ знаніе имъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ, съ которыхъ онъ могъ переводить; онъ даже обучался и по Англійски, но, по неупотребленію въ Москвѣ этого языка, отъ него отсталъ. По склонности же къ наукамъ, занимался чтеніемъ книгъ и Вѣдомостей на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, прочитывая послѣднія въ кофейныхъ домахъ, гдѣ они получаются, и познавая изъ нихъ военныя дѣйствія.

Губернскій Секретарь Петръ Алексѣевичъ Мѣшковъ, давнишній знакомый молодаго Верещагина, 32 лѣтъ, женатый, семейный человѣкъ, состоявшій съ 1793 года на службѣ въ Московскомъ Городовомъ Словесномъ Судѣ, гдѣ, за усмотрѣнное въ производствѣ дѣлъ знаніе и искуство, награжденъ чинами: 1804 г., Декабря 31, Коллежскаго Регистратора, а 31 Декабря, 1807 года, Губернскаго Секретаря, исправлялъ, по временамъ, должности: сперва Повытческую у прихода и расхода денежныхъ суммъ, потомъ и Секретарскую по Генварь 1810 года, въ которомъ, по сходствію прошенія его, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ уволенъ. За неотысканіемъ же, въ описываемое нами время, приличнаго званію своему мѣста, онъ находился не у должности, имѣя жительство съ женою и дѣтьми въ Мясницкой Части, на Кузнецкомъ мосту, близъ бывшаго Пушечнаго Двора (гдѣ нынѣ домъ Почетнаго Гражданина Торлецкаго), въ домѣ Губерн-

скаго Секретаря, Саввы Васильевича Смирнова, и снискивая себѣ пропитаніе отъ прежде нажитаго имъ состоянія и отъ чинимыхъ ему разными людьми повѣренностей. Изъ аттестата же, выданнаго Мѣшкову при увольненіи отъ службы изъ Городоваго Словеснаго Суда, видно, что онъ въ штрафахъ, порокахъ и ни въ малѣйшихъ подозрѣніяхъ не бывалъ. Въ должностяхъ упражнялся съ отличными познаніями и ревностными успѣхами; поведеніе имѣлъ, какъ честному и благородному человѣку всегда долженствовало, а чрезъ сіе самое Судъ и отдавалъ ему, Мѣшкову достодолжную справедливость, рекомендуя его, по выше изложеннымъ причинамъ, къ продолженію статской службы способнымъ и къ повышенію чина достойнымъ. Въ дополненіе къ такой лестной для Секретаря Мѣшкова рекомендаціи, отличавшагося на письмѣ замѣчательною и для его времени безграмотностью, по произведенному объ немъ повальному обыску, отъ 24 человѣкъ показано, что онъ поведенія и состоянія хорошаго, тогда какъ о несчастномъ Верещагинѣ, изъ осми человѣкъ, четверо показали, что онъ напредъ сего (т. е., до преданія его суду) въ худыхъ поступкахъ не замѣченъ, а остальные отозвались неизвѣстностью.

Изъ внесеннаго на ревизію 1-го Департамента Московской Уголовной Палаты дѣла, рѣшеннаго Магистратомъ, обще съ членами Надворнаго Суда, оказывается, что преданы были сужденію изъ выше означенныхъ лицъ: купеческой сынъ Верещагинъ, какъ признавшійся въ зловредномъ сочиненіи пасквильныхъ: Рѣчи, яко бы отъ имени Французскаго Императора, Наполеона, къ Князьямъ Рейнскаго Союза, и Письма къ Королю Прусскому въ Дрезденѣ, наполненныхъ на счетъ Русской Имперіи дерзкими словами; а Губернской Секретарь Мѣшковъ въ снятіи съ оной Рѣчи (а Письма?) для себя списка въ его квартирѣ.

А какъ вышеупомянутая Рѣчь (а Письмо?) была замѣчена Полиціею въ спискахъ у нѣкоторыхъ жителей Москвы, то, въ слѣдствіе приказанія Г. Военнаго Губернатора, управляющаго и гражданскою частію въ Москвѣ и ея Губерніи, Генерала отъ Инфантеріи и Оберъ-Камергера, Графа Ѳ. В. Ростопчина, были приняты мѣры къ отысканію: отъ кого они (?) имѣли начало; и какъ найдено, что отъ означеннаго Верещагина, то Графъ и приказалъ обо всемъ изслѣдовать.

По произведеніи же надлежащаго изслѣдованія и отобраніи выше означенныхъ пасквилей, оные оказались слѣдующаго содержанія. Первый, т. е., Рѣчь:

«Вѣнценосные друзья Франціи! Дѣла въ Европѣ взяли другой оборотъ: повелѣваю, какъ глава Рейнскаго Союза, для пользы общей, удвоить свои ополченія, приведя ихъ въ готовность пожинать лавры подъ моимъ начальствомъ на полѣ чести. Вамъ объявляю мои намѣренія: желаю возстановленія Полоніи * (Польши), хочу исторгнуть ее изъ неполитическаго бытія на степень могущественнаго Королевства; хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Вислы и Прегеля покрыты орлами Франціи. Мои народы, мои союзники, мои друзья думаютъ со мною одинаково; я хочу,—и поражу древнихъ тирановъ Европы (?). Вы знаете, я держалъ свое слово, и теперь говорю: прежде шести мѣсяцевъ двѣ сѣверныя столицы Европы (т. е., Москва и Петербургъ) будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей свѣта.»

Второй, Письмо къ Королю Прусскому: «Ваше Величество! Краткость времени не позволяла мнѣ извѣстить Васъ о послѣдовавшемъ занятіи Вашихъ областей. Я, для соблюденія порядка, опредѣлилъ въ нихъ моего Принца. Будьте увѣрены, Ваше Величесто, въ моихъ къ Вамъ искреннихъ чуствованіяхъ дружбы. Очень радуюсь, что Вы, какъ Курфирстъ Бранденбургскій, заглаживаете недостойный Вашъ союзъ съ потомками Чингисхана (?) желаніемъ присоединиться къ огромной массѣ Рейнской Монархіи. Обо всемъ мой Статсъ-Секретарь пространно объявитъ Вамъ мою волю и желаніе, которое, надѣюсь, Вы съ вящшимъ рвеніемъ исполните. Дѣла моихъ ополченій зовутъ меня теперь въ мой воинскій станъ.»

Изложивъ здѣсь содержаніе Зловредной Рѣчи Наполеона на столько удобопонятно, на сколько намъ дозволяла то безграмотность переписчиковъ, а можетъ быть, и самыхъ писателей

---

* Франц. названіе Польши (La Pologne), кажется, обнаруживаетъ переводъ, а не сочиненіе.

всѣхъ бумагъ дѣлопроизводства, обратимся теперь къ самому автору этой Рѣчи, т. е., не къ Наполеону, а къ Верещагину, о которой по преимуществу только и упоминается въ продолженіе всего обслѣдованія и сужденія, чтобы ознакомиться со-всѣми обстоятельствами и обстановкою, при которыхъ она была сложена, читаема, списываема и обсуживаема, по показанію самаго подсудимаго.

Молодой Верещагинъ, вѣроятно, уже познавши, изъ чтенія въ кофейняхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ Вѣдомостей, весьма многое о военныхъ дѣйствіяхъ, 17 Іюня, 1812 года, бывъ въ своемъ домѣ и въ своей особой комнатѣ одинъ, вскорѣ послѣ обѣда, взявъ четверть листа бумаги, началъ писать выше приведенную Рѣчь Наполеона и Письмо къ Королю Прусскому въ Дрезденѣ, въ совершенномъ будучи тогда разсудкѣ, съ намѣреніемъ, какъ будто самъ Наполеонъ расположилъ свои мысли противъ тогдашнихъ извѣстныхъ военныхъ дѣйствій, и чрезъ четверть часа, прочитывать оную, безъ всякаго злаго намѣренія противъ своего отечества, и не полагая изъ того вредныхъ послѣдствій, единственно изъ вѣтренности мыслей, думая тѣмъ похвалиться, что имѣетъ новость, не имѣя, впрочемъ, ни мало приверженности къ Французской націи, не состоя изъ оной ни съ кѣмъ въ дружеской связи и даже въ знакомствѣ, не совѣтуясь ни съ кѣмъ въ сочиненіи выше означенной Рѣчи, которой онъ, кромѣ черновой, ни какой болѣе не писалъ. Въ тотъ же день Верещагинъ прочелъ ее своей мачихѣ (въ «Дѣлѣ» матери), сказавъ ей при томъ: «Вотъ что пишетъ злодѣй Французъ!» Она изъявила на то свое негодованіе. На другой же день, по утру, отецъ его прислалъ къ нему въ комнату дѣвочку Дарью съ требованіемъ означенной Рѣчи, которую сынъ къ нему и послалъ. За обѣдомъ же, на спросъ отца, гдѣ сынъ взялъ эту Рѣчь, тотъ отвѣчалъ, что получилъ ее отъ сына Г-на Почтъ-Директора Ключарева, съ которымъ впрочемъ, молодой Верещагинъ не былъ тогда знакомъ и даже имени его не зналъ, а сказалъ такъ единственно по тому, чтобъ Рѣчи той сдѣлать увѣреніе справедливости (т. е., придать ей достовѣрность), опасаясь, что ежели скажетъ о сочиненіи оной имъ, то не только что не примутъ ее за справедливость, но получитъ еще наказаніе отъ отца, который, по прочтеніи, оставал-

ся на счетъ оной при одномъ съ женою своею мнѣніи, бросивъ бумагу на свой комодъ. Когда же вечеромъ отецъ, по своимъ надобностямъ, уѣхалъ со двора, то молодой Верещагинъ, взявъ брошенную отцомъ Рѣчь и положивъ ее въ боковой карманъ бывшаго на немъ фрака, отправился въ городъ (кварталъ, ближайшій къ Гостинному Двору), въ кофейную, состоявшую въ домѣ Плотникова и содержимую Туркомъ Ѳедоромъ Андреевымъ.

Желая тамъ прочесть иностранныя газеты, такъ какъ таковыхъ новыхъ не было, а старыя, вѣроятно, уже были имъ всѣ прочтены, онъ велѣлъ себѣ подать трубку табаку. Въ это время встрѣтился съ Верещагинымъ бывшій въ той же кофейной отставной Губернскій Секретарь Мѣшковъ, котораго онъ, отозвавъ въ другую комнату, прочелъ ему выше означенную Рѣчь, выдавая ее за новость перевода своего изъ Гамбургскихъ газетъ, которыя будто онъ читалъ въ Почтамтѣ, получа отъ сына Г-на Ключарева, для единственнаго увѣренія, какъ и отца своего, о ея справедливости. На просьбу же Мѣшкова списать эту Рѣчь, Верещагинъ отказалъ ему, отзываясь, что въ кофейномъ домѣ вовсе не мѣсто для списыванія. Пріятель мнимаго переводчика, заинтересованный животрепещущею новостью съ театра войны и увлеченный содержаніемъ слишкомъ оригинальной Рѣчи, вѣроятно возъимѣлъ непреодолимое желаніе, во что бы ни стало, списать ее, а по тому, не выпуская изъ виду Верещагина, полюбопытствовалъ освѣдомиться, куда онъ пойдетъ изъ кофейной. Получивъ въ отвѣтъ, что знакомецъ его отправляется на Кузнецкой Мостъ, для осмотра полпивныхъ лавочекъ, содержимыхъ отцомъ его, вызвался пойти вмѣстѣ съ нимъ туда же, тѣмъ болѣе, что тамъ была и квартира его, Мѣшкова. И такъ они оба отправились вмѣстѣ въ путь, что было въ осьмомъ часу по полудни. На дорогѣ застала ихъ большая туча, и Верещагинъ, опасаясь дождя, по приглашенію Мѣшкова, зашелъ, по близости, къ нему на квартиру, въ которой онъ съ годъ тому былъ, пригласивъ съ собою и общаго ихъ знакомаго, бывшаго съ ними въ кофейной, Можайскаго мѣщанина, Андрея Власова. Увлеченный непреодолимымъ любопытствомъ, радушный хозяинъ не скупился подчивать дорогихъ гостей, сперва пивомъ а потомъ чаемъ и пуншемъ. Наконецъ, раздобрившись, Верещагинъ отдалъ Рѣчь Мѣшкову, который

тотчасъ и началъ списывать ее своею рукою, а гдѣ не могъ разобрать, по связности почерка, руководствовался диктантомъ гостя. Власовъ же, хотя и въ одной съ ними находился комнатѣ, но, стоя поодаль, у окна, едва ль могъ что слышать. По списаніи Рѣчи. Верещагинъ взялъ ее обратно, наказывая Мѣшкову, чтобъ онъ никому объ этомъ не говорилъ, на что тотъ отозвался: «Развѣ ему Управа Благочинія еще не надоѣла?» Впрочемъ, при этомъ случаѣ гость съ хозяиномъ другихъ разговоровъ не имѣли, кромѣ того, что ту Рѣчь относили къ дурному поступку Французскаго Императора. Когда же пересталъ дождь и начало уже смеркаться. а Верещагинъ былъ уже, отъ употребленія напитковъ, нетрезвъ, то, простившись съ Мѣшковымъ, отправился онъ отъ него прямо въ свой домъ, не заходя рѣшительно никуда, не давая ни прочитывать, ни списывать, той Рѣчи ни кому болѣе.

Здѣсь должно замѣтить, что приведенное нами показаніе Верещагина, вопреки хронологической послѣдовательности, мы помѣстили прежде намѣренно, какъ болѣе достовѣрное, отобранное отъ него уже 18 Іюля, при сильнѣйшемъ увѣщаніи отъ Священника и Присутствія, по долгу присяги и чистой совѣсти, къ которому онъ присовокупилъ окончательно, что о сочиненіи имъ выше упомянутой Рѣчи онъ не говорилъ Мѣшкову, увѣривъ его, что она переведена изъ иностранныхъ (Гамбургскихъ) газетъ, что подтвердилъ тогда же и Мѣшковъ, присовокупивъ, что онъ, по прочтеніи Рѣчи, полагая, что она дѣйствительно справедлива, сказалъ: «Это вранье и сбыться не можетъ», полагая, что оною только пугаютъ.

На предложенные же, 28 Іюня, Оберъ-Полиціймейстеромъ Верещагину запросы, онъ письменно показывалъ, что онъ, шедши съ Лубянки на Кузнецкой Мостъ, противъ Французскихъ лавокъ поднялъ печатный листъ, или газету, на Нѣмецкомъ языкѣ, съ котораго и перевелъ будто на Русскій означенную Рѣчь, что несправедливо, и онъ не только что не находилъ газетнаго листа, но даже нигдѣ и ни отъ кого не получалъ таковаго, не видалъ и не переводилъ, а чувствуя поступокъ свой противнымъ закону, думалъ, не оправдаетъ ли его такое несправедливое показаніе о найденіи будто имъ газетнаго листа и о переводѣ съ него. Въ послѣдне отобранномъ отъ Верещагина показаніи,

онъ, по сущей справедливости, присовокупилъ, что напредъ выше писанной Рѣчи онъ подобныхъ не сочинялъ и не переводилъ, и ни съ кѣмъ о таковыхъ предметахъ ни письменныхъ, ниже словесныхъ, сношеній не имѣлъ, и прежде въ приводахъ ни по какимъ дѣламъ и подъ судомъ нигдѣ не былъ.

Изъ показанія Мѣшкова мы приведемъ здѣсь только то, что именно относится къ описываемому нами происшествію, избѣгая, по возможности, высказаннаго уже Верещагинымъ по этому предмету. Когда встрѣтившись, какъ мы уже видѣли, въ кофейной съ Верещагинымъ на спросъ его: не слыхалъ ли онъ о какихъ либо новостяхъ, Мѣшковъ отозвался незнаніемъ, то Верещагинъ, вынувъ изъ боковаго кармана кафтана (фрака) своего какую-то бумагу, ему, Мѣшкову, не извѣстно кѣмъ писанную, на полулистѣ синей бумаги, не сложенномъ, а вдоль онаго, показывалъ ее ему. Мѣшковъ хотѣлъ было прочесть ту бумагу, но Верещагинъ, сказавъ, что она писана связно, самъ прочелъ ее. Бумага эта заключала въ себѣ извѣстную уже намъ Рѣчь Императора Наполеона къ Князьямъ Рейнскаго Союза и къ Королю Прусскому въ Дрезденѣ (письмо?). По прочтеніи Рѣчи Мѣшковъ сказалъ выше приведенное нами объ ней замѣчаніе, чѣмъ разговоръ ихъ и кончился. Далѣе читается тожественное съ Верищагинскимъ показаніе о совмѣстномъ ихъ путешествіи на Кузнецкій Мостъ, пребываніи въ гостяхъ у Мѣшкова и списываніи имъ Рѣчи подъ диктантъ Верещагина, отвѣчавшаго на спросъ Мѣшкова: откуда онъ ту Рѣчь получилъ, что перевелъ ее изъ Гамбургскихъ газетъ въ Почтамтѣ, у сына Г-на Ключарева. Мѣшковъ, видавъ прежде, что Верещагинъ Нѣмецкія газеты читывалъ въ кофейной, все оное почелъ справедливымъ. По вечеру того же дня, въ который у Мѣшкова пировали знакомые уже намъ гости, пришелъ къ нему домовый его хозяинъ, Губернскій Секретарь, Савва Васильевичъ Смирновъ, который, выпросивъ у квартиранта своего показанную ему Рѣчь, списанную Мѣшковымъ у Верещагина, списать, и, взявъ ее къ себѣ въ покой возвратилъ ему ее на другой день по утру.

Точно также поступимъ мы и съ показаніями другихъ прикосновенныхъ по чему либо къ предлагаемому нами Дѣлу лицъ, извлекая изъ нихъ только то, что не было досказано Верещагинымъ,

а изъ сообщеннаго уже имъ только обособляющее, или уясняющее, отобранныя отъ него свѣдѣнія.

Отецъ сочинителя, какъ именно сказано въ «Дѣлѣ», купецъ Николай Верещагинъ, показывалъ, что когда онъ, въ описываемое нами время, возвратясь къ себѣ домой, вошелъ, по обыкновенію въ свой покой (кабинетъ), то жена его, Анна Алексѣевна, сказала ему, что передъ пріѣздомъ его сынъ ихъ (онъ ей пасынокъ?) Михайло, читалъ ей, при дочери, дѣвицѣ Натальѣ, записку, по сказыванію его, Михайлы, выписанную изъ Нѣмецкихъ газетъ, относящуюся до недоброжелательства къ Россіи Французскаго Императора Наполеона, будто бы онъ скоро придетъ въ Москву. Но въ какомъ точно смыслѣ та записка дѣйствительно была, того жена Верещагина (отца), по недоумѣнію своему, пересказать не могла, а по тому онъ, мужъ ея, для совершеннаго объономъ понятія и любопытства таковую прочесть, спросилъ о сынѣ Михайлѣ, дома ли онъ, и, получивъ въ отвѣтъ, что уѣхалъ со двора, оставилъ это дѣло до утра. По утру же, по вытребованіи отъ сына записки, читанной имъ съ вечера матери, отецъ усмотрѣлъ, что она заключала въ себѣ извѣстную уже Рѣчь Наполеона, въ которой первоначально написано было рукою сына его, какъ могъ онъ припомнить: «Вѣнценосные друзья Франціи», а далѣе не припомнитъ. Только все написано до недоброжелательства къ Россіи; каковую записку прочтя, положилъ на комодъ. Во время же пріѣзда Оберъ-Полицiймейстера въ домъ его, Верещагина, на спросъ объ той запискѣ, сынъ его отвѣчалъ, что она изодрана и брошена. Когда же отецъ, памятуя, что самъ положилъ записку ту на комодъ, сталъ было искать ее, а жена его сказала, что сынъ приходилъ спрашивать ее, то старикъ и положилъ, что записка взята сыномъ, присовокупивъ, что она была на простой сѣрой бумагѣ въ четвертку листа, исписанную на обѣихъ страницахъ, съ небольшими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черченьемъ и поправкою словъ.

Показаніе жены Верещагина совершенно тождественно съ мужнинымъ, за исключеніемъ дополненія съ ея стороны, что прочитанная ей Рѣчь, сколько возможно могла она, по безграмотству своему, понять, относилась къ недоброжелательству Россіи; въ какихъ же именно словахъ или рѣчахъ, пересказать не могла, а при-

совокупила только, что по прочтеніи пасынкомъ ея Рѣчи, отъ нея сказано, по женской простотѣ, на счетъ Француза нѣкоторыми бранными словами, и что намѣревается дѣлать (?), а болѣе сего отъ нея ничего пасынку своему не сказано.

Показаніе мѣщанина Власова мы пропускаемъ всецѣло, какъ ни чѣмъ особенно не дополняющее выше приведенныхъ нами свѣдѣній.

На очной же ставкѣ въ Управѣ Благочинія Мѣшковъ уличалъ Верещагина, что читанная симъ послѣднимъ ему въ кофейной бумага, съ которой онъ списывалъ подъ диктантъ копію, не на четверткѣ, пріобщенной къ дѣлу и показанной ему, Мѣшкову, на очной ставкѣ, а на полулистѣ синей бумаги, въ коей черченья ни какого не было, а Власовъ утверждалъ, что та бумага дѣйствительно, какъ онъ совершенно помнитъ, писана была не въ доль листа, а на четверткѣ.

Сверхъ того, Мѣшковъ показанія свои дополнилъ свѣдѣніями что списанную имъ Рѣчь онъ никому, кромѣ своего хозяина, Смирнова, не давалъ, да и ему отдалъ безъ всякаго какого либо злаго намѣренія, а по одной только дружбѣ. Самъ же онъ, подобныхъ выше означенному сочиненію (Рѣчи) бумагъ не сочинялъ (думаемъ, что и не могъ), и на счетъ таковыхъ сочиненій ни съ Россійскими, ни съ иностранными сношенія и разговоровъ не имѣлъ. Въ дополненіе же, при рукоприкладствѣ допроса, по припамятованію, показалъ, что онъ упомянутому хозяину своему, Смирнову, отдавая списанную Рѣчь для прочтенія, говорилъ, что написанному въ ней содержанію сбыться не можно, разсуждая, что отечество наше богато, людей много, хлѣба довольно и денегъ много, и что Господь Богъ насъ развѣ не помилуетъ; а ежели необходимость потребуетъ, то и мы отдадимъ все, что имѣемъ, и сами пойдемъ на защищеніе своего отечества; каковые разговоры повторяли и въ послѣдующіе дни. Когда же Мѣшковъ услыхалъ, что выше упомянутую Рѣчь отыскиваютъ, то отъ робости оную изорвалъ и бросилъ, не имѣя, однако же, намѣренія скрывать, отъ кого имъ была она списана, о чемъ имъ, Мѣшковымъ, при допросѣ не было объявлено по запамятованію.

Изложивъ съ достаточною подробностію и точностію все содержаніе произведеннаго о подсудимыхъ слѣдствія, на сколько представлялась намъ возможность извлеченія о томъ изъ довольно обширнаго дѣлопроизводства, писаннаго съ замѣчательною безграмотностію и почти безъ всякихъ знаковъ препинанія, что чрезвычайно затрудняло насъ въ своевременномъ отысканіи настоящаго смысла бумагъ, особенно находящихся при Дѣлѣ въ спискахъ, не смотря на обычно гарантирующую ихъ достовѣрность формулу Секретарскихъ скрѣпъ: «Съ подлиннымъ вѣрно,» съ бойкими расчерками крючковатыхъ параграфовъ ихъ всевозможныхъ формъ, мы перейдемъ къ приговору объ этихъ подсудимыхъ по всѣмъ инстанціямъ судопроизводства.

Магистратъ, обще съ членами Надворнаго Суда, положилъ: «Купеческаго сына Верещагина, употребившаго пріобрѣтенное науками знаніе къ зловредному противъ отечества своего разсѣянію отъ Державы, непріязнствующей Россійской Имперіи, лжесоставнаго имъ сочиненія, за таковое злостное содѣйствіе, какъ Государственнаго измѣнника, слѣдовало бы казнить смертію; за отмѣненіемъ оной, заклепавъ въ кандалы, сослать вѣчно въ каторжную работу въ Нерчинскъ, а сочиненіе истребить. Секретаря же Мѣшкова, признавшаго первоначально выше упомянутые Рѣчь и Письмо за пасквильныя, каковыми оныя есть и въ самомъ дѣлѣ, но оныя, вмѣсто должнаго представленія Правительству, и пресѣченія тѣмъ въ разсѣяніи зловреднаго противъ Россійской Имперіи сочиненія, давъ списать Секретарю Смирнову, за оное, не соотвѣтственное его званію, дѣяніе, какъ сдѣлавшагося, нѣкоторымъ образомъ, орудіемъ къ разглашенію о томъ законопреступномъ сочиненіи, лиша чиновъ и личнаго Дворянскаго достоинства, написать въ военную службу.» Каковое мнѣніе представлено на ревизію въ Уголовную Палату 17 Іюля, 1812 года.

Палата рѣшительнымъ опредѣленіемъ, состоявшимся 20, а подписаннымъ 25 того Іюля (въ скрѣпленномъ спискѣ 35-го), заключила: «Верещагина, какъ сына купца 2-й гильдіи, свободнаго отъ тѣлеснаго наказанія, заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ, согласно выше изложенному заключенію Магистрата, обще съ членами Надворнаго Суда. Что жъ принадлежитъ до Губернскаго Секретаря Мѣшкова, который, хотя въ своей

квартирѣ у Верещагина и выпросилъ его сочиненіе и списалъ копію, съ коей, для таковаго же списанія, далъ и другому, но что она была фальшиво Верещагинымъ сочинена, не признался, и самъ Верещагинъ въ томъ на него не показываетъ, а еще, въ присутствіи Палаты, удостовѣрилъ, что онъ о томъ сочиненіи ему, Мѣшкову, не говорилъ, а увѣрилъ его, что дѣйствительно перевелъ ее изъ иностранныхъ газетъ, слѣдовательно, его, Мѣшкова, къ предположенному лишенію чиновъ и личнаго Дворянства, присудить опасно. А за неосторожное его любопытство списаніемъ съ того сочиненія копіи и выпускъ въ другія руки, къ удержанію впредь отъ онаго, вмѣня ему въ наказаніе содержаніе подъ карауломъ, усугубить содержаніемъ же въ Смирительномъ Домѣ, съ тѣмъ, чтобы, по срокѣ (а срока въ опредѣленіи не означено) доставленъ онъ былъ обратно въ Палату, для строжайшаго ему подтвержденія, чтобы онъ впредь таковыя вредныя разсѣянія старался удерживать, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неизбѣжнаго, по законамъ, наказанія, а Рѣчь и Письмо истребить.»

Рѣшеніе это Палатою представлено въ благоразсмотрѣніе Правительствующаго Сената, по внесеніи на соглашеніе Графу Ростопчину, который, при рапортѣ своемъ, 1 Августа, Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ, представивъ въ Сенатъ, прописывалъ, что «онъ находитъ преступленіе Верещагина самоважное и въ томъ случаѣ, если бы онъ единственно перевелъ Прокламацію (Письмо?) и Рѣчь Наполеона; но какъ онъ есть сочинитель сей дерзкой бумаги, и писалъ ее именемъ врага Россіи, то его мнѣніе, Графа Ростопчина, было: Верещагина наказать кнутомъ и сослать вѣчно въ Нерчинскъ въ работу (согласно, стало быть, съ рѣшеніемъ Магистрата съ Надворнымъ Судомъ»). Въ дополненіе же къ этому Главнокомандующій Москвы представилъ Сенату объ одномъ обстоятельствѣ, котораго при слѣдствіи въ виду не было, а именно: Верещагинъ, при допросѣ, упорно стоялъ въ томъ, что Рѣчь и Письмо Наполеона онъ перевелъ съ Нѣмецкой газеты, сказывая сперва, что ее поднялъ близъ Кузнецкаго Моста, потомъ, что получилъ отъ сына Г. Ключарева, а наконецъ отъ одного Почтамтскаго Чиновника въ Газетной, гдѣ будто ее и переводилъ.

Но объ всемъ этомъ, какъ мы выше изложили, говорится въ изслѣдованіи: развѣ Графъ, за многодѣліемъ и второпяхъ, не потрудился прочесть все Дѣло, или даже докладную записку, съ тою внимательностію, которой оно требовало; только не было въ виду при слѣдствіи того, что далѣе Графъ прописываетъ въ своемъ донесеніи Сенату, а именно:

Графъ, принимая въ соображеніе выше приведенное послѣднее указаніе Верещагина, посылалъ его изъ своего дома съ Полицеймейстеромъ, Полковникомъ Дурасовымъ, въ Почтамтъ, для отысканія тамъ того, кто Верещагину, по словамъ его, далъ газету. По пріѣздѣ же Полковника Дурасова въ Почтамтъ, онъ не былъ допущенъ въ газетную комнату, куда всѣ входятъ, какимъ то (?) Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Дружининымъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Почтамтѣ ни что безъ особливаго повелѣнія Господина Почтъ-Директора не исполняется. Потомъ онъ былъ допущенъ съ Верещагинымъ и предъ лицо самаго Почтъ Директора, который объявилъ и тутъ Полицеймейстеру, что безъ его, Директора, приказанія, ни что въ Почтамтѣ не дѣлается; а узнавъ о причинѣ его пріѣзда и о важности дѣла, взялъ Верещагина въ другую комнату, былъ съ нимъ довольно долго на единѣ и, вышедъ, говорилъ Полицеймейстеру, что Верещагинъ достоинъ сожалѣнія, и что его дарованія съ пользою употреблены быть могутъ. Потомъ, когда Оберъ-Полицеймейстеръ Ивашкинъ ѣздилъ съ Верещагинымъ въ домъ его отца, для обысканія бумагъ, то Верещагинъ, проходя мимо своей мачихи, сказалъ ей на ухо: «Не бойтесь: за меня Ѳедоръ Петровичъ (Ключаревъ) вступится.» Что подтвердилъ Графъ Ростопчинъ, не присовокупляя къ сему показанію своего мнѣнія, а доводя поступки Почтъ-Директора Ключарева до свѣдѣнія Гг. Сенаторовъ, и что Государь Императоръ соизволилъ указать Дѣло сіе рѣшить немедленно и безъ очереди. Сенатъ, выслушавъ записку изъ дѣла, того жь Августа 19 числа опредѣлилъ: «Верещагина, оказавшагося измѣнникомъ отечеству своему, по силѣ узаконеній, за отмѣною смертной казни, каковой бы онъ подлежалъ, и по тому уваженію, что отъ выше означеннаго пасквиля ни малѣйшаго вреда не послѣдовало, и поелику онъ, Верещагинъ, по дѣлу, не изобличается въ томъ, что намѣренъ былъ причинить тѣмъ пасквилемъ какой либо

вредъ, а написалъ оный, какъ самъ показываетъ, единственно изъ вѣтрепности мыслей, желая похвастаться новостію, каковое показаніе его обстоятельствами дѣла не опровергается, то, согласно мнѣнію Г. Главнокомандующаго въ Москвѣ, Графа Ростопчина, наказавъ Верещагина кнутомъ 25-ю ударами и заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Сочиненный же имъ и писанный его рукою пасквиль публично сжечь чрезъ палача подъ висѣлицею. А Губернскаго Секретаря Мѣшкова, списавшаго дерзкое сочиненіе и сдѣлавшагося орудіемъ къ разсѣянію онаго по разнымъ рукамъ, лиша чиновъ и соединеннаго съ оными Дворянскаго достоинства, написать въ солдаты, а буде окажется неспособнымъ къ воинской службѣ, то сослать въ Сибирь на поселеніе. А какъ 1-й Департаментъ Московской Уголовной Палаты не присудилъ преступника Верещагина къ тѣлесному наказанію, заключая неосновательно, будто дѣти купцовъ 1-й и 2-й гильдіи избавлены отъ такого наказанія, о чемъ нѣтъ въ законахъ постановленія, то за сіе сдѣлать оному Департаменту строгій выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобъ онъ впредь рѣшенія свои основывалъ на словахъ закона. Поелику же въ рапортѣ Графа Ростопчина описаны неблаговидные поступки Московскаго Почтъ-Директора Ключарева, оказанные имъ при изслѣдованіи объ означенномъ преступникѣ Верещагинѣ Полиціею, каковые его поступки, подозрительные при тогдашнихъ обстоятельствахъ, обратили на себя вниманіе а по тому Сенатъ и полагалъ: объ оныхъ строжайше изслѣдовавъ, учинить сужденіе на основаніи законовъ,» о чемъ поднесенный отъ Сената Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ возвращенъ съ Высочайше конфирмованнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта для исполненія, которымъ утверждены заключенія Сената: 1) Объ отдачѣ Мѣшкова въ военную службу, буде окажется годнымъ. 2) Объ изслѣдованіи обстоятельствъ, до Почтъ-Директора Ключарева относившихся. 3) Хотя же Сенатъ полагалъ: Рѣчь и Письмо. Верещагинымъ писанныя, истребить, но, поелику обстоятельства перемѣнились (Мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено 21 Августа, 1814 г.), и смыслъ тѣхъ бумагъ уже совершенно относился къ посмѣянію Французскаго Правительства, а не къ уничиженію Россіи; притомъ же во всемъ подобныя сему Рѣчь и Письмо извѣстны уже

стали въ публикѣ посредствомъ напечатанія оныхъ въ исторической книгѣ о происшествіяхъ 1812 года, то, дабы обрядомъ (т. е., сожженіемъ подъ висѣлицей), при истребленіи тѣхъ бумагъ, яко пасквилей, не возбудить въ народѣ новыхъ толковъ и пустыхъ сужденій, положено: хранить тѣ документы при Дѣлѣ. 4) По признаніи купеческаго сына Верещагина виновнымъ, на основаніи мнѣнія Главнокомандовавшаго въ Москвѣ, Графа Ростопчина, хотя и слѣдовало бы ему, Верещагину, приличное состоянію его наказаніе, но, какъ изъ рапорта Московской Губерніи Прокурора Желябужскаго явствовало, что, какъ онъ узналъ отъ самаго Графа Ростопчина, онъ, Главнокомандовавшій, исполнясь патріотической горести объ участи Москвы, преступникомъ Верещагинымъ предвѣщанной, и отчаясь, чтобъ онъ не избѣгнулъ какъ либо отъ достойнаго наказанія, отдалъ его, въ день оставленія имъ Москвы, для наказанія, народу, который, отъ горести и отчаянія, почелъ его недостойнымъ жить и предалъ смерти, то, на основаніи сего документа, удостовѣряющаго о смерти Верещагина, приговоръ, объ немъ учиненный, оставить безъ дѣйствія. А какъ Уголовная Палата оставила Верещагина, какъ сына купца 2-й гильдіи, безъ тѣлеснаго наказанія, Сенатъ же присудилъ его наказать кнутомъ, и какъ изъ сего проистекаетъ вопросъ: дѣти купцовъ 1-й и 2-й гильдіи подлежатъ ли тѣлесному наказанію, то Государственны Совѣтъ этотъ предметъ предоставилъ на разрѣшеніе Коммиссіи Законовъ. На подлинномъ мнѣніи собственною рукою Государя Императора было написано: «Мѣшкова простить.»

Указъ Сената, съ прописаніемъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, подписанъ 31 Мая, 1816 года, въ Уголовной же Палатѣ полученъ 7 Іюля, а 16-го числа Іюля Мѣшкову объявлено Всемилостивѣйше дарованное ему прощеніе, съ возвращеніемъ аттестата и патентовъ на чины. Самое же Дѣло, начинаясь Рапортомъ Магистрата отъ 16 Іюля, 1812 г., оканчивается таковымъ же отъ 25 Ноября, 1818 года, при донесеніи о полученіи имъ обратно представленнаго въ Уголовную Палату Дѣла.

Читатели, вѣроятно, припомнятъ, что Верещагинъ 17 Іюля, 1812 года, послѣ обѣда, сидя одинъ въ своей особой комнатѣ, взявъ четверть листа бумаги, сталъ писать на ней, извѣстныя

уже намъ Рѣчь и Письмо Наполеона, которыя и окончилъ черезъ четверть часа; что отецъ его читалъ ихъ, писанныя на четверткѣ простой сѣрой бумаги съ небольшимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черненьемъ и поправкою словъ, которая, по сознанію сына, имъ, какъ черная, и была представлена Оберъ-Полицеймейстеру, и кромѣ которой онъ ни какой другой не писалъ. А между тѣмъ Мѣшковъ на очной ставкѣ уличалъ Верещагина, что онъ и въ кофейной показывалъ ему, и въ квартирѣ давалъ списывать Рѣчь и Письмо на полулистѣ синей бумаги, въ которой черненья ни какого не было, и что оказанная ему и находящаяся при Дѣлѣ вовсе не та, съ которой онъ списывалъ. И вотъ одно только во всемъ дѣлѣ встрѣчающееся разнорѣчіе. Впрочемъ, такъ какъ та и другая бумага по содержанію оказываются одинакими, то и не измѣняютъ существа самаго дѣла.

Петръ Шереметевскій.

II.

РАЗБОРЪ ИЗВѢСТІЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВѢДѢНІЕ О КАЗНИ КУПЕЧЕСКАГО СЫНА ВЕРЕЩАГИНА, 2-ГО СЕНТЯБРЯ 1812 ГОДА, ВЪ МОСКВѢ.

Въ №№ Московскихъ Вѣдомостей 234 и 258-мъ 1859, также въ 8 и 13-мъ 1860 года, помѣщены, между прочимъ, сказанія о несчастной смерти или точнѣе и, по изустному выраженію тогдашнихъ современниковъ, остающемуся въ народномъ преданіи, о казни купеческаго сына Верещагина, въ Москвѣ, въ 1812 году, въ день вступленія Французовъ. Такъ какъ подробности и причина этой трагической катастрофы, въ разныхъ источникахъ извѣстій, показаны не совсѣмъ сходно и вѣрно, то, мнѣ кажется, тщательный пересмотръ и сличеніе всѣхъ сказаній, и дополненіе ихъ еще новымъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, не только очевидца, но даже личнаго дѣятеля въ рѣшительный моментъ событія, легко дадутъ возможность возстановить историческую истину подробностей, уразумѣть дѣйствительную причину и смыслъ этого поразительнаго событія.

I.

НАПЕЧАТАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

1. Нѣмецкій писатель, Варнгагенъ Фонъ Энзе, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (№ 234 Москов. Вѣдомостей 1859 г.), говоря о встрѣчѣ съ Графомъ Ростопчинымъ, въ 1817 году, и о смерти Верещагина, что «это печальное событіе позднѣе разсказывалъ ему одинъ образованный Русскій путешественникъ», не называетъ его по имени, но просто очевидцемъ. Варнгагенъ ошибается, называя молодаго купеческаго сына Верещагина 24-хлѣтнимъ Капитаномъ въ отставкѣ; ошибается еще болѣе и въ побудительной причинѣ трагической развязки, бездоказательно утверждая, что Графъ Ростопчинъ принесъ эту жертву для усиленія народнаго негодованія. Но въ дальнѣйшемъ разсказѣ самого же Варнгагена о встрѣчѣ Императора Александра I-го со старикомъ-отцомъ несчастнаго Верещагина и о всѣхъ за тѣмъ послѣдствіяхъ, въ политическомъ и моральномъ отношеніяхъ, съ Графомъ Ростопчинымъ, выясняется сама собою главнѣйшая причина кроваваго дѣла, котораго послѣднія подробности также ошибочно переданы Варнгагеномъ.

Упомянувъ, что Графъ Ростопчинъ имѣлъ обыкновеніе «говорить съ балкона своего дома толпѣ, собиравшейся вокругъ него» и проч., Варнгагенъ продолжаетъ: «сюда-то, въ эту толпу, велѣлъ онъ (Графъ Ростопчинъ) привести Верещагина (откуда?), и когда увидѣли его» и проч. «Потомъ онъ (Графъ Ростопчинъ) обратился съ бранью къ арестанту, и наконецъ, отворотясь отъ него, сказалъ полицейскимъ солдатамъ: «Бейте его!» Солдаты и народъ кинулись на него».... По этому описанію Варнгагена, Графъ Ростопчинъ не сходилъ съ балкона 2-го этажа, по тому что балконъ и прежде, до послѣдней перестройки, и теперь, такъ же, какъ тогда, находится во 2-мъ этажѣ дома, [1] и, слѣдовательно, распорядился Верещагинымъ, будучи отдѣленъ цѣлымъ этажемъ отъ стоявшей внизу на дворѣ, народной толпы, которой какъ бы невольно, по необходимости, передалъ только Верещагина на убіеніе. На самомъ же дѣлѣ было иначе, какъ далѣе объяснится.

---

[1] Этотъ домъ нынѣ принадлежитъ Г-жѣ Шиповой. Прежній пространный дворъ недавно застроенъ, по обѣ стороны дома, обширными каменными, выходящими на улицу, флигелями.

2. Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (№ 258-й Московъ Вѣдом. 1859 г.), желая указать и исправить невѣрности, вкравшіяся въ разсказъ Варнгагена о смерти Верещагина, приводитъ, въ параллель записаннымъ у Варнгагена, слухамъ, выписку изъ тетради собственныхъ живыхъ и современныхъ событію воспоминаній. Между прочимъ М. А. Дмитріевъ пишетъ: «Извѣстно, что Графъ Ростопчинъ, предъ самымъ выѣздомъ своимъ изъ Москвы, отдалъ его (Верещагина) народу и что народъ разстерзалъ его. Но какъ это было, и Ростопчинъ ли его предалъ, или самъ народъ отбилъ его и замучилъ, это оставалось тайною; мнѣнія и слухи были разные, а теперь и совсѣмъ это забыто; прошло почти уже полвѣка.»

Высказавъ утвердительно, что Графъ Ростопчинъ отдалъ Верещагина народу и, въ слѣдъ за тѣмъ, самъ же называя тайною: «Растопчинъ ли предалъ Верещагина народу, или народъ отбилъ и замучилъ его», М. А. Дмитріевъ, для разъясненія, приводитъ два разсказа очевидцевъ катастрофы и писменный отзывъ самаго Графа Ростопчина, какъ историческое свидѣтельство: а) Разсказъ извощика, съ которымъ случайно довелось М. А. Дмитріеву проѣзжать, осенью 1813 года, по Лубянкѣ, мимо дома Графа Ростопчина. б) Разсказъ Николая Александровича Обрѣзкова, бывшаго въ 1812 году Адъютантомъ Ростопчина, а въ послѣдствіи Московскимъ Полиціймейстеромъ. Но только Н. А. Обрѣзковъ разсказывалъ не лично М. А. Дмитріеву, а своему родственнику, Д. Н. С—у. в) Отзывъ Графа Ростопчина изъ писменнаго отношенія его, отъ 13-го Окрября, 1812 года, за № 5, изъ Владимира, на запросъ бывшаго тогда Министра Юстиціи, Ивана Ивановича Дмитріева, о Московскихъ Присутственныхъ Мѣстахъ и о судимости Верещагина.

Въ разсказѣ извощика, по извѣстному пріему или способу всякаго Русскаго простолюдина, желающаго придать болѣе убѣдительности собственнымъ словамъ, преобладаетъ преувеличеніе, выставленіе себя и народа на первомъ планѣ. «Вотъ здѣсь убили Верещагина». «При мнѣ и было! Графъ вывелъ его на крыльцо и самъ вышелъ. Народу было на дворѣ видимо-невидимо. Вотъ онъ и сказалъ народу: «Народъ Православный! Вотъ вамъ измѣнникъ: дѣлайте съ нимъ, что хотите!» Сказавши

это, онъ далъ знакъ рукой Казаку; Казакъ ударилъ его саблей, по головѣ ли, по плечу ли, и разрубилъ, а потомъ его и бросили съ крыльца народу. Графъ ушелъ, и двери за нимъ затворились, а народъ бросился на Верещагина и тутъ же разорвалъ его живаго на части. Я самъ это видѣлъ!» Въ этомъ разсказѣ, повторяю, очевидны крайности и выставленъ главнымъ дѣйствователемъ народъ, а Графъ Ростопчинъ только исполнителемъ, какъ бы покоряющимся опредѣленію высшей власти, или посредникомъ необходимой передачи Верещагина на истязаніе народу. Но слова: «онъ (Графъ Ростопчинъ) далъ знакъ рукою Казаку, Казакъ ударилъ его (Верещагина) саблей, по головѣ ли, по плечу ли, и разрубилъ, а потомъ его и бросили съ крыльца народу», явно доказываютъ, что извощикъ стоялъ далеко, не могъ ясно видѣть казни, по чему и выражается ошибочно о томъ, кто нанесъ ударъ; неопредѣленно: по головѣ ли, по плечу ли, и невѣрно: бросили съ крыльца народу; но кто же бросилъ? И тогда какъ, еще до казни, Верещагинъ стоялъ уже на дворѣ, восклицаніе: «Народъ Православный! дѣлайте съ нимъ (Верещагинымъ), что хотите!» тоже невѣрно и исключаетъ необходимость приказанія Казаку рубить Верещагина; а увѣреніе, что «народъ тутъ же разорвалъ его живаго на части», и подтвержденіе: «Я самъ это видѣлъ!» окончательно доказываютъ высшую степень преувеличенія разскащика-простолюдина. Мгновенно заживо растерзанный по частямъ на мѣстѣ, Верещагинъ могъ ли быть привязанъ за ноги къ хвосту лошади и биться головою о мостовую, таскаемый по улицамъ? [2]

Въ разсказѣ Н. А. Обрѣзкова, переданномъ М. А. Дмитріеву уже отъ третьяго лица, а потому безцвѣтномъ и краткомъ, поправлена лишь слегка ошибка извощика, что «Графъ Ростопчинъ велѣлъ Полицейскому драгуну, а не Казаку, рубить Верещагина», и введено новое показаніе, что драгунъ не скоро повиновался; но, по второму строгому приказанію, вынулъ саблю и

---

[2] Москов. Вѣдом., № 8, въ описаніи Бестужева-Рюмина разсказъ Сенатскаго чиновника; № 13, въ письмѣ Г. Кононова разсказъ В. П. Плетенева, и въ этой статьѣ разсказъ Г. Гаврилова, отдѣл. II.

началъ». Это показаніе хотя и сокращено, но довольно вѣрно. [3] «Прочее то же, что мнѣ разсказывалъ извощикъ», присовокупляетъ М. А. Дмитріевъ. То есть, что Верещагина бросили съ крыльца народу, который и разорвалъ его живаго на части, а Графъ Ростопчинъ ушелъ. Слѣдовательно, выводъ остается тотъ же, какъ и Варнгагена, что Графъ Ростопчинъ какъ бы исполнилъ только свою послѣднюю обязанность необходимой передачи Верещагина народу, отъ котораго тотчасъ же и удалился, какъ бы умывъ руки отъ крови юнаго мученика....

На запросъ высшаго блюстителя правосудія о судимости Верещагина, Графъ Ростопчинъ письменно отвѣчаетъ такъ: «Что жь касается до Верещагина, то измѣнникъ сей и Государственный преступникъ былъ, предъ самымъ вшествіемъ злодѣевъ нашихъ въ Москву, преданъ мною столпившемуся предъ нимъ народу, который, видя въ немъ гласъ Наполеона и предсказателя своихъ несчастій, сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости.» Въ этомъ важномъ обличительномъ документѣ, мнѣ кажется, Графъ Ростопчинъ произноситъ себѣ собственноустный приговоръ въ потомствѣ. Полновластный обвинитель легкомысленнаго юноши, переведшаго по Русски изъ иностранной газеты прокламацію Наполеона къ Рейнскому Союзу, съ угрозою быть чрезъ шесть мѣсяцевъ въ обѣихъ столицахъ Сѣверныхъ (нашихъ), обвинитель, печатно объявившій, 3-го Іюля, Верещагина сочинителемъ этой бумаги, и ея переписчикомъ Губернскаго Регистратора Мѣшкова, которые преданы имъ суду и должны получить наказаніе за ихъ преступленіе, Графъ Ростопчинъ письменно этѣмъ самымъ удостовѣряетъ дѣйствительность своего личнаго суда надъ Верещагинымъ: «этотъ измѣнникъ и Государственный преступникъ былъ преданъ мною столпившемуся предъ нимъ (Верещагинымъ) народу, который и сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости!...» Но народъ столпился не предъ Верещагинымъ; едва ли онъ помнилъ о немъ, едва ли зналъ въ тотъ моментъ, гдѣ находился Верещагинъ. Народъ не только не требовалъ головы, но даже не произносилъ и имени Верещагина.

---

[3] Разсказъ того же Сенатскаго чиновника и Г. Гаврилова.

Онъ былъ занятъ, взволнованъ совсѣмъ другими думами и чувствами, и нахлынулъ 2-го Сентября, на дворъ и на улицу къ своему Главнокомандующему, который, въ афишкѣ 18-го Августа, торжественно увѣрялъ народъ: «Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москву не будетъ»; а потомъ, въ афишкѣ 30-го Августа, уже положительно объявилъ: «Братцы! Мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо: я и молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки, Французъ не тяжеле снопа оржанаго» и проч. Въ день этого объявленія народъ, безотвѣтственно, какъ говорили очевидцы, разбивъ и ограбивъ кабаки, и упившись, сталъ кричать, что Графъ Ростопчинъ сзываетъ уже въ предмѣстье «на Три Горы», куда и самъ явится предводительствовать народомъ для отраженія врага отъ Москвы. Дѣйствительно, 31-го Августа, съ восхожденіемъ солнца, народъ шелъ и собрался вооруженнымъ, кто чѣмъ могъ, на «Три Горы», въ нѣсколькихъ тысячахъ, и стоялъ до захожденія солнца, въ тщетномъ ожиданіи своего не явившагося предводителя. Этотъ-то народъ, 2-го Сентября, и наводнилъ, такъ сказать, собою все пространство двора и улицы предъ домомъ своего Главнокомандующаго, требуя и повторяя нетерпѣливые крики, чтобы онъ шелъ съ нимъ на «Три Горы» предводительствовать, для отраженія Французовъ, которыхъ хотѣлъ забросать шапками... За чѣмъ же Графъ Ростопчинъ, въ выше приведенномъ объясненіи своемъ Министру Юстиціи, ни слова не сказавъ объ этомъ, рѣшительно умолчалъ и о томъ, что наконецъ, въ самый критическій моментъ неистоваго раздраженія, онъ съ балкона громогласно сказалъ народу: «Подождите, братцы: мнѣ надобно еще управиться съ измѣнникомъ!» и дѣйствительно сошелъ внизъ на крыльцо, со всею своею свитою; что съ этого же крыльца велѣлъ вывести изъ дома Верещагина на дворъ, и что здѣсь-то, собственно по его, Графа Ростопчина, изустному приговору и по настоятельному строжайшему повелѣнію, сперва офиціяльно нанесены были сабельные удары несчастному юношѣ, который потомъ уже былъ добитъ и поруганъ буйною, имъ же, Графомъ Ростопчинымъ, возбужденною народною толпою, повлекшею по улицамъ изтерзанный и окровавленный трупъ страдальца, привязанный къ хвосту

лошади и бившійся головою о камни?...[4] Вотъ здѣсь-то, мнѣ кажется, и ключъ въ разгадкѣ остающейся, по словамъ М. А. Дмитріева, тайны, къ уразумѣнію смысла кроваваго событія, принесенной, по Варнгагену, Графомъ Ростопчинымъ, жертвы! Она принесена имъ единственно для личнаго спасенія, въ самый рѣшительный моментъ, отъ этой буйной, стоявшей съ нимъ лицомъ къ лицу, черни, которая, въ порывѣ возбужденнаго мщенія, тотчасъ же и схлынула со двора, занявшись этою, отданною ей, кровавою жертвою. Между тѣмъ Графъ Ростопчинъ спѣшитъ къ Яузскому мосту, къ прибывшему туда верхомъ на лошади, дѣйствительному тогда Главнокомандующему, Фельдмаршалу Князю Кутузову, и здѣсь, съ нагайкою въ рукѣ, старается очистить проходъ по мосту для артиллеріи, между столпившимися войсками отступающей Русской арміи и уходящими жителями, получая о томъ повторительныя приказанія Фельдмаршала.....[5]

3. Въ любопытномъ и правдивомъ «Краткомъ описаніи произшествіямъ въ Москвѣ, въ 1812 году, очевидца, бывшаго члена Вотчиннаго Департамента, Алексѣя Дмитріевича Бестужева-Рюмина,» напечатанномъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» 1850 г. (кн. 2, отд. 5, стр. 65—92 и 163—184) и въ 7 и 8-мъ №№ Москов. Вѣдомостей 1860 года, приведенъ живой, изустный разсказъ Г. Бестужеву-Рюмину его же вѣдомства чиновника, пришедшаго въ Департаментъ, въ 8 часу утра 2-го Сентября, прямо отъ дома Графа Ростопчина съ Лубянки, гдѣ при немъ былъ тогда только что казненъ и замученъ Верещагинъ. Кромѣ многихъ, до очевидности вѣрныхъ, подробностей этого печальнаго событія, тутъ Полицейскій драгунъ Н. А. Обрѣзкова, нанесшій ударъ саблею Верещагину, названъ уже по имени: ординарцемъ Графа Бурдаевымъ. И это совершенно вѣрно, также какъ и поясненіе Г.

---

[4] Москов. Вѣдом. №№ 258-й 1859 г. разсказъ Н. А. Обрѣзкова; 7 и 8 1860 года: описаніе произшествій Бестужева-Рюмина; 13 разсказъ В. П. Плетенева и отдѣл. II этой статьи — разсказъ Г. Гаврилова.

[5] Разсказъ Г. Гаврилова въ этой статьѣ, отдѣл. II, и въ № 58-мъ Московск. Вѣд. 1860 года разборъ Исторіи отечественной войны, соч. Г.-М. Богдановича, статья III.

Бестужева-Рюмина, что этотъ Бурдаевъ служилъ въ послѣдствіи въ Московской Полиціи чиновникомъ.[6]

4. Г. Кононовъ (въ 13 № Моск. Вѣдом. 1860 года) передаетъ, какъ знаменательную замѣтку, которая можетъ объяснить темныя мѣста происшествія съ Верещагинымъ: слышанный имъ въ 1818 году отъ очевидца событія, Владимира Павловича Плетенева, разговоръ съ отцемъ его, Г. Кононова. Но въ этомъ разсказѣ, независимо отъ весьма важныхъ показаній, относительно взгляда здравомыслящихъ и безпристрастныхъ современниковъ на дѣло Верещагина, замѣтна нѣкоторая неопредѣленность, неточность въ подробностяхъ катастрофы, допущенная или самимъ Г. Плетеневымъ, или, что еще вѣрнѣе, измѣнившею Г. Кононову памятью. На примѣръ: «семейство Г. Плетенева, кажется, уже выѣхало изъ Москвы въ деревню, а онъ оставался въ столицѣ, для нѣкоторыхъ распоряженій.» Разсказъ: «Я шелъ куда-то»; «я увидѣлъ, что кто-то нанесъ ударъ саблею»; «все умолкло на минуту, но былъ гулъ, который мнѣ мѣшалъ разслышать.» Самовидѣцъ происшествія не могъ бы, кажется, не различить моментовъ событія и смѣшать двѣ мѣстности: балконъ 2 этажа, откуда Графъ Ростопчинъ говорилъ къ народу, и крыльцо внизу, куда онъ вышелъ со свитою, и былъ выведенъ Верещагинъ изъ дома на дворъ, для казни. Иначе, какъ же согласить слова: «Вдругъ явился на балконѣ Ростопчинъ, держа за руки молодаго человѣка» (Верещагина), съ словами: «Я увидѣлъ, что бѣдному юношѣ кто-то нанесъ ударъ саблею?» Вѣрнѣе, кажется, надобно заключить, по словамъ самаго же В. П. Плетенева, что когда онъ «вышелъ изъ своего Варсонофьевскаго переулка на Лубянку, толпа была на дворѣ дома Графа Ростопчина и наполнила улицу», тогда Г. Плетеневъ не могъ уже стоять близко къ мѣсту казни, которая описана у него въ разсказѣ темно и сбивчиво. Но въ окончательныхъ словахъ разсказа: «потомъ я увидѣлъ уже, какъ его (Верещагина) тащили за ноги по улицѣ, окровавленная голова билась о камни; болѣе я не видалъ ничего!» наглядно, такъ сказать,

[6] Петръ Бурдаевъ служилъ, въ сороковыхъ годахъ, Квартальнымъ Поручикомъ Арбатской части и умеръ въ Іюлѣ 1848 года. Его сынъ, Сергѣй Петровичъ, въ 1860 году служилъ Канцелярскимъ чиновникомъ въ 1-мъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда.

живописуется эта послѣдняя страшная сцена, которая произошла близко отъ стоявшаго очевидца, В. П. Плетенева, и такъ поразила его, что онъ невольно засвидѣтельствовалъ о ней: «болѣе я не видалъ ничего!»

II.

НОВОЕ ИЗВѢСТІЕ ОЧЕВИДЦА И ЛИЧНАГО ДѢЯТЕЛЯ КАТАСТРОФЫ.

Приводя новое показаніе очевидца и личнаго дѣятеля въ послѣдній моментъ печальнаго происшествія съ Верещагинымъ, Капитана Алексѣя Гавриловича Гаврилова, я нахожу необходимымъ предпослать нѣкоторыя пояснительныя подробности.

До Французовъ званіе: «Главнокомандующій въ Москвѣ» соотвѣствовало нынѣшнему: «Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ.» Въ то время были въ Москвѣ, такъ называемые, драгунскіе воинскіе эскадроны, то же, что нынѣ Московскій жандармскій дивизіонъ, и стояли въ Крутицкихъ казармахъ. Офицеры носили однобортный съ краснымъ воротникомъ мундиръ, треугольную съ бѣлымъ перомъ шляпу и саблю. Изъ нихъ, по очереди ежедневно, назначался дежурный къ Главнокомандующему, съ ординарцами: драгунскимъ же Унтеръ-Офицеромъ и Казачьимъ Урядникомъ. Въ непремѣнной обязанности дежурнаго Офицера, между прочимъ, было: съ ординарцами на коняхъ сопровождать каждый выѣздъ Главнокомандующаго, распоряжаться удобнѣйшими проѣздами его по обширной Москвѣ, по соображенію лично полученныхъ приказаній о предстоявшихъ на тотъ разъ визитахъ. Въ числѣ этѣхъ Офицеровъ служилъ мой отецъ, при бывшихъ преемственно Главнокомандующихъ: Александрѣ Андреевичѣ Беклешовѣ, Тимоѳеѣ Ивановичѣ Тутолминѣ и наконецъ, при предшественникѣ Графа Ростопчина, Графѣ Иванѣ Васильевичѣ Гудовичѣ, при которомъ и вышелъ, по болѣзни, въ отставку, въ 1810 году. Изъ сослуживцевъ моего отца я помню, по его разсказамъ, фамиліи Офицеровъ: Ѳедотова, Ивашкина, [7] Бланше, Нестерова и Гаврилова. Лично же я зналъ только А. И. Нестерова и Алексѣя Гаврило-

[7] Роднаго брата тогдашняго Оберъ-Полицiймейстера Петра Алексѣевича Ивашкина.

вича Гаврилова. Этотъ послѣдній былъ пріятелемъ моего отца, любимый всѣмъ нашимъ семействомъ. Въ двадцатыхъ годахъ, когда я былъ студентомъ въ Московскомъ Университетѣ, Г. Гавриловъ служилъ Квартальнымъ Надзирателемъ въ Пятницкой Части. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже въ отставкѣ, старъ, въ бѣдномъ положеніи, съ женою и дочерью. Отъ Харитонія въ Огородникахъ онъ часто хаживалъ ко мнѣ на Тверской бульваръ и жилъ по нѣскольку дней. Помня въ немъ современника моего отца, я уважалъ въ немъ честнаго, простаго и прямодушнаго человѣка. Онъ скончался въ 1847 году. Отъ него-то и довелось мнѣ услышать однажды разсказъ, какъ отъ очевидца и личнаго дѣятеля въ несчастной исторіи Верещагина. Постараюсь передать этотъ разсказъ, сохраняя подлинныя слова Г. Гаврилова, на сколько уцѣлѣли онѣ въ моей памяти, не пропуская и не прибавляя никакихъ подробностей. Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ 1843 года, когда я жилъ въ мезонинѣ дома Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, по должности Правителя Канцеляріи при бывшемъ Оберъ-Полиціймейстерѣ, Львѣ Михайловичѣ Цынскомъ, посѣтилъ меня Г. Гавриловъ, пройдя съ Тверскаго бульвара прямо чрезъ пріемную и Канцелярію, помѣщавшіяся, при Цынскомъ, въ бель-этажѣ дома. Я писалъ вверху, въ своей рабочей комнатѣ, когда вошелъ ко мнѣ Г. Гавриловъ и, поздоровавшись, сказалъ: «Знаете ли, И. Ф., кого я сейчасъ встрѣтилъ тамъ внизу дежурнымъ у Оберъ-Полиціймейстера?—Квартальнаго Поручика Бурдаева! Это мой бывшій Вахмистръ въ эскадронѣ. Вѣдь онъ, да и я, пожалуй, историческія лица, но въ самомъ несчастномъ и грустномъ случаѣ.» Я просилъ его разсказать мнѣ объ этомъ. Онъ сѣлъ и, помолчавъ немного, продолжалъ: «2-го Сентября, 1812 года, въ послѣдній день тогдашней Москвы, мы съ Бурдаевымъ дежурили при Главнокомандующемъ, Графѣ Ростопчинѣ, въ его Лубянскомъ домѣ. Съ утра густая толпа народа стеклась на дворѣ и запрудила улицу: шумѣла, гамила и волновалась. Вдругъ Ростопчинъ съ балкона вышелъ къ намъ въ залу и, скоро идя внизъ на крыльцо, со всѣми нами окружающими, велѣлъ вести туда же, на дворъ, молодаго купеческаго сына, Верещагина, вытребованнаго, съ ранняго утра, въ домъ изъ ямы, гдѣ онъ содержался. Прокричавъ на крыльцѣ народу, что Верещагинъ измѣнникъ, злодѣй, губитель Москвы, что его надобно казнить, Ростопчинъ закричалъ Бурдаеву, стоявшему

подлѣ Верещагина: «Руби!» Не ждавши такой изустной сентенціи, Бурдаевъ оторопѣлъ, замялся и не подымалъ рукъ. Ростопчинъ гнѣвно закричалъ на меня: «Вы мнѣ отвѣчаете своею собственною головою!» «Рубить!» Что тутъ было дѣлать? Не до разсужденій! По моей командѣ: «Сабли вонъ!» мы съ Бурдаевымъ выхватили сабли и занесли вверхъ. Я машинально нанесъ первый ударъ, а за мной Бурдаевъ. Несчастный Верещагинъ упалъ: Ростопчинъ и мы всѣ тутъ же ушли, а чернь мгновенно кинулась добивать страдальца и, привязавъ его за ноги къ хвосту какой-то лошади, потащила со двора на улицу. Ростотчинъ въ заднія ворота ускакалъ на дрожкахъ. Скоро и я, по данному приказанію, очутился тоже у Яузскаго моста, предъ Фельдмаршаломъ Кутузовымъ, для указанія по Москвѣ дороги войскамъ. Старецъ (тутъ Г. Гавриловъ указалъ на висѣвшій на стѣнѣ раскрашенный эстампъ, изображавшій Князя Кутузова на конѣ) одѣтъ было точно такъ: въ сюртукѣ, въ суконной бѣлой безъ козырька фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ плечо, и стоялъ у Яузскаго моста, верхомъ именно на этой же бѣлой лошадкѣ. Онъ наблюдалъ тутъ этотъ важный пунктъ сообщенія, гдѣ столпились разнаго рода войска нашей арміи, отступавшей на Рязанскую дорогу. Я конвоировалъ Кутузова до Тарутина. Тамъ, въ одной изъ конныхъ стычекъ, я получилъ вотъ этотъ гостинецъ!» Тутъ Алексѣй Гавриловичъ распахнулъ грудь и показалъ мнѣ на лѣвой сторонѣ большую затвердѣлую мѣшетчатую опухоль, отъ контузіи картечью.... Онъ замолчалъ, и мы оба задумались. Не знаю, какія мысли пробѣгали въ головѣ его, но, по его спокойствію, я былъ убѣжденъ, что честный и добродушный Гавриловъ не считалъ на своей совѣсти офиціяльно-невольный ударъ Верещагину, точно такъ же, какъ онъ не отворачивался и отъ личной опасности, встрѣчая грудью ея удары.

Я полагаю, что за разборомъ всѣхъ выше приведенныхъ сказаній и за послѣднимъ словомъ правдиваго участника, всѣ неточности относительно казни Верещагина уничтожаются сами собою, какъ не останется болѣе тайною несомнѣнная причина и смыслъ кроваваго событія. И если въ громадности тогда же разразившагося оглушительнаго событія, отдачи Москвы Наполеону, и въ жертвенномъ пламени ея всесожженія, затерялся и прахъ юнаго мученика, и самая необычайность такого случая, то утѣ-

шительно быть увѣреннымъ, что настаетъ пора, когда безпристрастный судъ исторіи, произнося свой приговоръ о личности и бывшихъ сильныхъ міра и братій малыхъ, воздаетъ комуждо по дѣломъ его!

Иванъ Жуковъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Во 2-мъ томѣ «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» соч. Г.-М. Богдановичемъ (Спб. 1859), сказано (стр. 271—272): «Оставались подъ стражею въ Москвѣ только двое: какой-то Французъ, позволившій себѣ осуждать дѣйствія Русскихъ, и купеческій сынъ Верещагинъ, который перевелъ изъ Гамбургской газеты на Русскій языкъ воззваніе Наполеона, враждебное Россіи, и давалъ его читать своимъ знакомымъ». За тѣмъ разсказывается казнь его и въ заключеніи прибавлено о другомъ арестантѣ-Французѣ: «Что касается до тебя (сказалъ ему Графъ Ростопчинъ), Французскаго уроженца, прошу впередъ говорить осторожнѣе на счетъ націи, благосклонно принявшей тебя». Французъ сталъ оправдываться, но Главнокомандующій, приказавъ ему замолчать, продолжалъ: «Ступай, я прощаю тебя; но прошу, когда придутъ сюда разбойники, твои земляки, разсказать имъ, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ!» Въ слѣдъ за тѣмъ Графъ Ростопчинъ уѣхалъ изъ столицы.» Въ примѣчаніи 22-мъ къ главѣ XXV сдѣлана ссылка на Записки Бестужева-Рюмина, которыя напечатаны въ «Чтеніяхъ», и на «Histoire de l'incendie de Moscou en 1812, par M. l'Abbé Surrugue etc.» А какъ въ Запискахъ Бестужева-Рюмина этого не находится, сколько онѣ намъ извѣстны, то, конечно, ссылка относится къ сочиненію Аббата. По этому случаю П. В. Шереметевскій дѣлаетъ, съ своей стороны, слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Этотъ Французъ не былъ ли, извѣстный намъ по уголовному дѣлопроизводству въ 1812 году, Петръ Мутонъ, сужденный тогда, при разглагольствованіи съ дворовымъ человѣкомъ Доктора Шлегеля, въ произношеніи непріятныхъ для Россіи словъ? Но этотъ Французъ, за дерзость свою, былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на поселеніе.» А по тому, не выдумка ли это Француза о Французѣ, для приданія большаго эффекта дикому (какъ называютъ его Французы) патріотизму Графа Ростопчина? По крайней мѣрѣ Русскіе писатели событій того времени объ этомъ прощенномъ Французѣ рѣшительно не упоминаютъ. О. Б.

---

[8] Этотъ «Разборъ Извѣстій и дополнительное свѣдѣніе о казни Верещагина» перепечатаны, съ согласія сочинителя, изъ 76-го № Московскихъ Вѣдомостей 1860 г., стр. 594—595.

ОТВѢТЪ НА «ОБЪЯСНЕНІЕ.»

Во 2-ой книжкѣ «Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей» за нынѣшній годъ, въ отдѣлѣ Смѣси (стр. 189—192), Г-мъ О. Б. помѣщено «Объясненіе» на замѣтку мою о прошлогоднихъ «Чтеніяхъ», напечатанную во 2-мъ выпускѣ VI-го тома «Извѣстій Археологическаго Общества».

Признаюсь, что въ ученой литературѣ я давно уже не встрѣчалъ такой безцеремонности, какою пропитана каждая строка этого «Объясненія». Выходка О. Б. отзывается болѣзненною раздражительностью, доходящею до самозабвенія, и доказываетъ, что Авторъ «Объясненія» имѣетъ о литературныхъ приличіяхъ столь же смутныя понятія, какъ о различіи между Археологіею, Этнографіею, Исторіею и современною Публицистикою.

Подъ маскою Христіянскаго смиренія, О. Б. честитъ меня названіями жалкаго Археолога, истаго Бурбона, безтолковаго человѣка, обвиняетъ меня въ фривольности, придаетъ словамъ моимъ другой смыслъ, котораго они не имѣютъ и не могутъ имѣть, и наконецъ дѣлаетъ двусмысленные намеки на какіе-то тайные умыслы съ моей стороны, т. е., проще сказать, бросаетъ въ меня изъ за угла камнемъ. И все это изъ за чего? Изъ за того, что я осмѣлился имѣть мнѣніе о «Чтеніяхъ», несогласное съ мнѣніемъ О. Б., посмѣяться надъ плохою статьею Діева, сказать, что въ «Чтеніяхъ» разсматриваются даже современные вопросы, выразить свое удивленіе, что въ засѣданіяхъ Общества трактуется только о хозяйственныхъ и административныхъ вопросахъ. По случаю послѣдней замѣтки О. Б. забылъ, что трудно защищать дѣло, которое само себя не защищаетъ, и разразился такимъ наивнымъ панегирикомъ, отъ котораго врядъ ли поздоровится членамъ Общества. Апологія эта похожа на медвѣжью услугу.

Я не обратилъ бы ни какого вниманія на «Объясненіе», если бы оно не явилось въ органѣ одного изъ старѣйшихъ и уважаемыхъ ученыхъ Обществъ нашихъ. Не уже ли же между О. Б. и остальными членами этого Общества есть какая ни будь солидарность? Не уже ли недостойная выходка О. Б. напечатана съ согласія Общества? Полагаю, что нѣтъ. Какъ человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что онъ презираетъ всякіе Комитеты и Коммиссіи, а слѣдовательно и всякій чужой совѣтъ, О. Б., по всей вѣроятности, тиснулъ свое «Объясненіе» «по крайнему своему разумѣнію, и по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ;» въ противномъ случаѣ, конечно, нашелся бы благонамѣренный человѣкъ, который посовѣтовалъ бы ему не печатать подобныхъ выходокъ.

Разрѣшенія этого вопроса я въ правѣ ожидать отъ Общества рядомъ съ настоящимъ моимъ заявленіемъ.

В. Тизенгаузенъ.

С. Петербургъ.
30 Ноября, 1866 года.

НОВОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Напечатавъ «Отвѣтъ» В. Тизенгаузена на мое «Объясненіе», по требованію §§ 27—28 Цензурныхъ постановленій 6-го Апрѣля, 1865 года, гдѣ сказано («О повременныхъ изданіяхъ»): «Если въ повременномъ изданіи появится извѣстіе, касающееся частнаго лица, то изданіе сіе не можетъ отказать въ принятіи сообщенныхъ ему тѣмъ лицомъ, въ отвѣтъ, возраженій и поправокъ. Возраженіе, или поправка, частнаго лица должны быть неотложно напечатаны тѣмъ же шрифтомъ и въ томъ же отдѣлѣ, какъ и первоначальное извѣстіе, и при томъ безплатно, если занимаютъ мѣста не болѣе какъ вдвое противъ статьи, на которую служатъ отвѣтомъ. Возраженіе, или поправка, должны быть подписаны защищающимся», и исполняя желаніе сочинителя отвѣта на «Объясненіе», выраженное имъ въ заключеніи онаго: «видѣть разрѣшеніе его вопроса рядомъ съ его заявленіемъ», мнѣ бы слѣдовало только приступить къ послѣднему. Но такъ какъ В. Тизенгаузенъ желалъ бы прежде всего получить отъ меня церемонное объясненіе, самъ же, между тѣмъ, называетъ мое «Объясненіе» «безцеремоннымъ, выходкой, пропитанной болѣзненною раздражительностью, доходящею до самозабвенія, показывающей, что авторъ имѣетъ о литературныхъ приличіяхъ столько же смутныя понятія, какъ о различіи между Археологіею, Этнографіею, Исторіею и современною Публицистикою»; говоритъ, «что апологія моя Общества похожа на медвѣжью услугу;» наконецъ утверждаетъ, что я «человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что презираетъ всякіе Комитеты и Коммиссіи, а слѣдовательно, и всякій чужой совѣтъ»: слыша все это о себѣ отъ пришедшаго съ жалобницей на меня, могу ли я, долженъ ли, еще состязаться съ нимъ? И не могу, и не долженъ, во первыхъ, по тому уже, что онъ, ища себѣ удовлетворенія за нецеремонное, по его словамъ, объясненіе съ нимъ, самъ не

менѣе того, если не болѣе, безцеремонно обзываетъ меня упомянутыми сейчасъ галантерейными названіями.

Въ «Объясненіи» употреблено точно слово «жалкій Археологъ», но оно употреблено мною условно, что всякій видитъ изъ хода рѣчи; кромѣ того, сказано, тоже все условно: «нельзя не замѣтить, что у такого Археолога чутье и вкусъ къ предметамъ Бурбонскаго Музея чрезвычайно развиты». Дѣйствительно, изъ всѣхъ статей Археологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ» за 1865 годъ, которыхъ не мало и при томъ самаго важнаго содержанія, остановиться предпочтительно на гаданіи о сходствѣ ископаннаго идола съ предметомъ потѣхи его, что же это, какъ, выражаясь словами моего печальника, не фривольность, не Бурбонство? Онъ извиняетъ это тѣмъ, что хотѣлъ лишь посмѣяться; но выборъ предмета для смѣха каковъ, и что возбуждаетъ глумленіе его въ умѣ другихъ? Хорошъ смѣхъ послѣ всѣхъ, а посмѣяніе вызываетъ тоже посмѣяніе.

Во вторыхъ, я не могу, и не долженъ, разбираться теперь съ В. Тизенгаузеномъ по тому, что жалобщикъ, по извѣстному положенію законовѣдовъ, долженъ быть лучше обжалованнаго: «Accusans debet esse melior accusato.» Онъ обязанъ, желая получить удовлетвореніе за обиду, идти въ судъ только съ однимъ поличнымъ — своей обидой, отнюдь же не обижать обидчика своего; ибо, послѣ самосуда, можетъ ли быть какой судъ, послѣ самораспpавы можно ли искать еще управы?

Въ третьихъ, извѣстное дѣло: по пѣснѣ голосъ, по голосу напѣвъ, а по напѣву и хоръ. Но тогда что же? Вѣдь, каковъ до людей, таково и отъ людей. Али В. Тизенгаузенъ полагаетъ, что его голка безъ гулка, кликъ безъ отклика, ауканье безъ отзвука? Что ему вольно самосудъ держать? Но, опять: самому судить — не разсудить; а какого гостя позовешь, съ такимъ и побесѣдуешь. Гдѣ волосная расправа, тамъ тіунъ не судитъ, говорила старая Русь.

А по тому, буде В. Тизенгаузенъ хочетъ получить отъ меня какое либо разъясненіе, да благоволитъ изложить требованіе свое тѣмъ языкомъ, какимъ желалъ бы, чтобы съ нимъ другіе

объяснялись, безъ всякой примѣси тѣхъ любезностей, кои онъ такъ щедро разсыпалъ въ своемъ посланіи и кои невольно припоминаютъ извѣстную сдѣлку Русскаго человѣка: «Давай разверстаемся: бери мою голову, да подавай и свою!»

Тогда мы разберемся, съ одной стороны, на сколько «Объясненіе» мое придаетъ словамъ В. Тизенгаузена другой смыслъ, котораго, какъ онъ увѣряетъ, они не имѣютъ и не могутъ имѣть, дѣлаетъ двусмысленные намеки на какіе-то тайные умыслы, или по просту бросаетъ изъ за угла камнемъ (вонъ оно что!), за то лишь, что онъ осмѣлился имѣть мнѣніе о «Чтеніяхъ», не согласное съ мнѣніемъ моимъ (какой грѣхъ!), посмѣялся надъ одною плохою статьею, и наконецъ выразилъ свое удивленіе, что въ засѣданіяхъ Общества трактуется только о хозяйственныхъ и административныхъ вопросахъ: все, какъ видите, такія невинныя, позволенныя вещи, что просто не понимаешь, какъ можно было, по поводу ихъ, сопоставить Тура съ Бурбономъ; а съ другой — провѣримъ, точно ли каждая строка моего «Объясненія» отзывается болѣзненною раздражительностью, доходящею до самозабвенія, пропитана смутными понятіями объ Археологіи, Этнографіи, Исторіи, Публицистикѣ; потребуемъ представить доказательства на то, что я горжусь презрѣніемъ всякихъ Комитетовъ, Коммиссій и вообще всякихъ чужихъ совѣтовъ, между тѣмъ какъ я то и дѣло засѣдаю въ самыхъ разнообразныхъ Комитетахъ и Коммиссіяхъ, что не противу же воли бываетъ.

Что до вопроса, есть ли какая ни будь солидарность между мною и остальными Членами Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, то этой пытливой любознательности В. Тизенгаузена я могу, пожалуй, теперь же удовлетворить безъ дальняго. Перестаньте жмурить глаза, скажу я ему; откройте и взгляните пристальнѣе, прямо, и вы увидите свѣтъ, который прогонитъ всякій мракъ сомнѣній вашихъ на счетъ солидарности моей съ Обществомъ! Не сомнѣвался же я, и не сомнѣваюсь, въ солидарности вашей съ тѣмъ Обществомъ, въ изданіи коего вы тиснули свою знаменитую замѣтку о «Чтеніяхъ» 1865 года, которая не можетъ быть выходкой развѣ въ глазахъ одного лишь составителя своего, и по тому не могла не вызвать «Объясненія». А вопросъ, съ согласія ли Общества объяс-

нялся я съ В. Тизенгаузеномъ, въ равной же мѣрѣ имѣю я право и ему предложить, т. е., отбиралъ ли онъ голоса отъ сочленовъ своего Общества, чтобы, подъ видомъ отчета объ Археологическихъ статьяхъ за 1865 годъ, потѣшаться надъ Турьей ногой? «Полагаю, что нѣтъ, а что онъ, В. Тизенгаузенъ, сдѣлалъ и тиснулъ то по крайнему своему разумѣнію и по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ; въ противномъ случаѣ, конечно, нашелся бы благонамѣренный человѣкъ, который посовѣтовалъ бы ему не печатать подобныхъ выходокъ.» Онъ сказалъ бы ему: «Не ровенъ часъ и человѣкъ: смѣхъ на двое растворенъ: ино смѣхъ, ино грѣхъ; смѣшки и насмѣшки объ руку ходятъ, а главное: тѣмъ не шути, въ чемъ нѣтъ пути, и людей не мути!» Что дѣлать! Такъ ужь въ міру повелось: по привѣту отвѣтъ, по заслугѣ почетъ.

Мой туживтель, исполняя требованіе новыхъ Цензурныхъ постановленій, приподнялъ свое забрало: я тоже, хоть отъ меня того и не требуетъ законъ, но, не желая подать поводъ къ какимъ либо пересудамъ, монограмму свою смѣняю открытою подписью.

О. Бодянскій.

24-го Декабря, 1866 г.
Москва.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1866 года, Марта 20 дня.

1866 года, Марта 20 дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, Его Высокопревосходительства, Сергѣя Павловича Шипова, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Н. В. Калачова, В. Н. Лешкова, Г. Д. Филимонова, А. Н. Аѳанасьева, Соревнователя А. И. Хмельницкаго, и Секретаря Общества, Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола послѣдняго Засѣданія Общества, 23 Декабря, 1865 года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Комитета Карамзинской Библіотеки, въ Симбирскѣ, отъ 31 Дек., 1865 г., пол. 15 Генваря, 1866, г. благодарность за «Чтенія» 1865 года и просьба о высылкѣ ихъ и въ 1866 г. Опредѣлено: высылать.

2. Ректора Императорскаго Новороссійскаго Университета, отъ 11 Генваря, № 26, получ. 24-го, увѣдомленіе о полученіи изданій Общества для Библіотеки сего Университета, высланн-

ныхъ въ Ноябрѣ 1865 г. безмездно. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Троицкія Сергіевы Лавры Учрежденнаго Собора, отъ 22 Февр., № 231, получ. 28-го, 1866 г., о возвращеніи рукописей въ Лаврскую Библіотеку. Такъ какъ ученыя работы еще не кончены по симъ рукописямъ, то опредѣлено: просить объ отсрочкѣ.

Б. Предложенія.

4. Редакціи Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, отъ 21 Дек., № 200, получ. 29-го, объ обмѣнѣ ихъ на «Чтенія» въ 1866 году. Опредѣлено: отказать.

5. Г. Муллова, черезъ Д. Чл. Н. В. Калачова, отъ 6 Генваря, получ. 9-го, 1866 г., предложеніе составить «Указатель къ Пословицамъ Русскаго народа,» изд. В. И. Далемъ, съ планомъ и образцомъ. Опредѣлено: увѣдомить Г. Муллова, что Общество находитъ неудобнымъ помѣщеніе этого Указателя въ «Чтеніяхъ».

6. Г. Павла Радищева, изъ С.-Петербурга, отъ 8-го Генваря, получ. 15-го, о желаніи его, вмѣсто 300 оттисковъ сочиненій А. Н. Радищева, буде Общество напечатаетъ ихъ, получить отъ онаго 1000 рублей серебромъ и 25 экземпляровъ, за право на одно изданіе. Секретарь Общества отвѣтилъ ему, что Общество не можетъ измѣнить своего прежняго постановленія: оно не вступаетъ ни съ кѣмъ ни въ какія денежныя соглашенія; при томъ, если бы и получило отъ него сочиненія его отца, то напечатало бы только то изъ нихъ, что не противно Цензурнымъ постановленіямъ, отнюдь не перепечатывая того, что уже разъ было, гдѣ бы то ни было, напечатано. Опредѣлено: отказать.

7. Московскаго Археологическаго Общества, отъ 26-го Февраля, № 355, получ. 4-го Марта, предположеніе о съѣздѣ Русскихъ Археологовъ. Опредѣлено: Признавая мысль о съѣздѣ Русскихъ Археологовъ вѣрною, нельзя, однако, во многомъ согласиться съ тѣми соображеніями, которыя заключаются въ сообщеніи Археологическаго Общества, равно касательно самаго состава Предваритель-

наго Комитета, мѣста собранія его, въ особенности же времени, находя, что сношеніе по этому предмету начато слишкомъ поздно, да и самыя теперешнія обстоятельства совершенно не благопріятствуютъ подобному съѣзду. О чемъ и увѣдомить.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

8. Н. П. Ермолова, 31-го Генваря: «Записки А. П. Ермолова, съ приложеніями. Часть 2-я. 1816—27.

9. Д. Члена Филарета, Архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, отъ 4-го Марта, получ. 16-го, переводъ съ подлинника «Хорватской Хроники XII го вѣка», съ примѣчаніями.

б. Статьями:

10. Совѣтника Семипалатинскаго Областнаго Правленія, Статскаго Совѣтника, Ник. Алекс. Абрамова, отъ 3-го Декабря, получ. 29-го, 1865 года, статьи: 1) Могилы Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и супруги его въ городѣ Березовѣ, 1730 — 38 г.; 2) Могила Графа Остермана, 1742 — 47 г.

11. Лѣкаря Нерехтскаго, изъ Костромы, отъ 25 Декабря, 1865 г., получ. 11-го Генваря, 1866 г.: «Записка о Кіевскихъ и вообще Русскихъ древностяхъ въ монетномъ отношеніи».

12. М. И. Семевскаго, изъ С-Петербурга, отъ 27-го Февр., получ. 3-го Марта, 1866 года, статья: «Замѣтка объ одной могилѣ въ посадѣ Пучежѣ».

13. Профессора Харьковскаго Университета, П. А. Лавровскаго, получ. 18-го Марта, разборъ сочиненія: «О миѳическомъ значеніи нѣкорыхъ повѣрій и обрядовъ, А. Потебни», помѣщеннаго въ «Чтеніяхъ» прошлаго (1865) года.

в. Книгами:

14. Совѣта Лицея Князя Безбородка, отъ 28-го Декабря, № 37, получ. 10-го Генваря, 1866 г., экземпляръ «Годичнаго торже-

ственнаго Акта въ Лицеѣ Князя Безбородка и Нѣжинской Гимназіи, 4 Сент., 1865 г. Кіевъ 1865 г.»

15. А. Я. Гаркави, получ. 14-го Генваря, 1866 г.: «Объ языкѣ Евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, и о Славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ у Еврейскихъ писателей (изъ «Изслѣдованій объ Исторіи Евреевъ въ Россіи»). Спб. 1866».

16. Норвежскаго Университета въ Христіаніи, получ. 28-го Генваря: 1) Norske Bygninger fra Fortiden i Tegninger og med Text etc. Femte Hefte. Kristiania 1865. 2) Foreningen til Norske Fortidsmir des merkers Bevaring Aarberetning for 1864. Kristiania. 1865. 3) Det Kongelige Norske Frederiks Universitets Aarsberetning for Aaret 1863. Christiania 1865. 4) Norske Fornlevninger, af Nicolaysen. Fjrede Hefte. Kristiania 1865. 5) Melodier til Sangene i Loesebog for Folkeskolen og Folkehjemmet, af Ludv. M. Lindemann. Christiania 1864. 6) Pavelige Nuntiers Regnskabs og Dagböger, med et Anhang of Diplomer, ved P. A. Munch. Christiania 1864. 7) Index scholarum in Universitate Regia Fredereciana anno MDCCCLXV ab a. d. Kalendas Februarias habendarum. Christiania 1865. 8) Тоже anno MDCCCXLV ab Augusto mense ineunte habendarum. Christiania 1865.

17. Профессора Русскаго Языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Якова Ѳедоровича Головацкаго, получ. 10 Февраля: 1) Львовская Русская Епархія передъ стома лѣты. Львовъ, 1860 г. 2) О рукописномъ молитвенникѣ Старо-Чешскомъ XIV—XV вѣка, хранящемся въ Львовской Университетской Библіотекѣ. Прага, 1861 г. 3) Порядокъ школьный или Уставъ Ставропигійской Русской школы во Львовѣ 1586 года. Львовъ, 1863. 4) Нѣсколько словъ о Библіи Скорины и о рукописной Русской Библіи, XVI столѣтія, обрѣтающейся въ библіотекѣ монастыря Св. Онуфрія въ Львовѣ. Львовъ, 1865 г. Всѣ статьи — сочиненія принесшаго ихъ.

18. Императорскаго Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ, получ. 15 Февраля, 1866 г.: 1) Записки, тома XII выпускъ 2-й. Спб. 1865 г., и 2) Извѣстія, томъ V, выпуски 5 и 6. Спб. 1864—1865.

19. Д. Члена Макарія, Архіепископа Харьковскаго, отъ 8-го Февраля, № 11, получ. 17-го, 1866: «Исторія Русской Церкви, томы IV и V. Спб. 1866».

20. Ученаго Эстонскаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 12 Февраля, получ. 21-го: «1) Sitzungsberichte 1865. 2) Materialien zur Kirchen-und Prediger Chronik der Stadt Dorpat. Gesammelt von. C. P. Körber. 3) Der Codex Zamoscianus, enthaltend Capitel 1—XXIII der Origines Livoniae. Beschrieben u. s. w. v. C. Schirren. Mit 2 lithographirten Schrifttafeln. Dorpat 1855».

21. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, отъ 12-го Февраля, № 40, получ. 28-го, 1866 года: «Отчетъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14-го Ноября 1864 по 14-е же Ноября 1865 г. Одесса 1865».

22. Императорской Академіи Наукъ, въ С.-Петербургѣ, получ. 28-го Февраля, 1866 г.: «Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ, изд. А. Куникъ. Часть 2. Спб. 1865».

Опредѣлено: Матеріялы и статьи, означенные въ §§ 9—14, разсмотрѣть, а книги, значащіяся въ §§ 15—23, сдать въ Библіотеку.

Г. Заявленія

23. Н. П. Ермолова, Февраля 5-го дня, получено 318 руб. серебромъ, въ возвратъ за 106 стопъ бумаги Общества, употребленныхъ на 1200 особыхъ оттисковъ «Записокъ А. П. Ермолова» и «Приложеній къ нимъ», составляющихъ Часть 1, и напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» 1864 и 1865 года. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

24. О смерти Соревнователя и Актуарія Общества, 10-го Февр., 1866 г., Дмитрія Ивановича Штейнберга, и объ избраніи на его мѣсто А. Е. Кудрявцева, Помощника Университетскаго Библіотекаря. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію, а въ слѣдующее Засѣданіе Общества приступить къ избранію предлагаемаго.

25. Объ увольненіи Казначея Общества, Соревнователя Н. Н. Басалаева, служ. съ 16 Окт., 1843 года (см. Проток. оян. года и числа ст. 17), и объ избраніи на его мѣсто Совѣтника Правленія Московскаго Университета, М. Л. Назимова. Опредѣлено: принять къ свѣ-

дѣнію и изъявить Г. Басалаеву искреннюю признательность Общества за столь долговременное и безмездное исполненіе Казначейской должности, а въ слѣдующее засѣданіе приступить къ избранію предлагаемыхъ

Въ концѣ Засѣданія Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную первую книгу «Чтеній» 1866 г. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. Посвященіе. Предисловіе. Вступленіе. Значеніе слова «побѣда». Отдѣленіе 1. На канунѣ битвы. И. П. Липранди.

II. Матеріялы Отечественные. Архивъ Военно-походной Канцеляріи Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Часть III. 1774—1777. Сообщ. М. О. Судіенко.

III. Матеріялы Славянскіе. Народныя Пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ, Часть II. Пѣсни Угорской Руси. Добавленіе: 1. Пѣсни, собранныя въ Стрыйскомъ Округѣ.

IV. Матеріялы Иностранные. Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ, и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда, въ Лейпцигѣ, 1620. Часть II. Перев. съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества А. Н. Шемякина.

V. Смѣсь. 1, Грамота Петра 1-го, 1695 года, жителямъ города Переяславля Южнаго на право Магдебургское, вольности и земли. Изъ бумагъ А. В. Терещенка. 2, Доносъ на откупщиковъ и компанейщиковъ, расхищающихъ казну и спаивающихъ народъ, Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. 3, Указъ Епископа Переславскаго Амвросія Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту, о не ломаніи стараго до основанія. 4, Описаніе выбора депутата отъ города С.-Петербурга въ Коммиссію о сочиненіи Проекта Новаго Уложенія. 5, Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи, отъ начала до преобразованія ея по Проекту Устава 1814 года. Соч. А. Князева. 6, О не-

обходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и измѣненіи недостатковъ, противныхъ Государственному благоустройству. 7, Изображеніе нынѣшняго состоянія Россіи (1830). 8, Дѣло о припискѣ Шклоцкихъ Евреевъ къ Ригѣ. 9, Поѣздка въ Англію для собесѣдованія о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною, Протоіерея при Русскомъ Посольствѣ во Франціи, Іосифа Васильева. 10, О средствахъ къ исправленію экономическаго положенія Россіи. Д. Чл. С. П. Шипова. 11, Объ училищахъ для дѣвицъ Духовнаго званія. С. Ш. 12, Объясненіе. К. Н. Николаева. 13, Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 23 Октября, 1865 года.

Опредѣлено: 1-ю книгу «Чтеній» 1866 г. раздать Гг. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ (роздана и разослана).

ОПЕЧАТКИ

въ 3-й книгѣ «Чтеній».

ОТДѢЛЪ I.

ВЪ I-Й ЧАСТИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
12	5 снизу:	Наслѣдникъ владѣній Шемяки и всѣхъ его наклонностей.	Наслѣдникъ Шемяки во всѣхъ его наклонностяхъ.
93 прим.	72	№ 111	№ 114.

ВО II-Й ЧАСТИ.

6	8 сверху:	всѣ люди	всегда люди
72	1 снизу· прим.	№ 814	№ 184.
80	9	гое.	его
97	7 сверху:	въ Дану въ	въ концѣ
117 прим.	100:	5 книга	7 книга.

ОТДѢЛЪ V.

211	16 сверху:	послѣ словъ «доказано выше» слѣдуетъ прибавить: «какъ полагаютъ вообще описатели сей войны».	
229	15 снизу:	Магометанства не будетъ, и	Магометанства не будетъ, не будетъ и
—	14	Государства	Государства Магометанскаго,
236	18 сверху:	Израильтянамъ	Измаильтянамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

V.

СМѢСЬ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., р. 50 к. сер., перес. за 4 ф.

ПОРТРЕТЪ Кіевскаго Митрополита **ЕВГЕНІЯ**, со снимкомъ почерка его руки. . 1854 г., цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ОДЪ 2-й: Цѣна
ъ 9-ти книгъ, каждая 2 р. 50 к.
за всѣ, безъ пересылки 22 р. 50
а съ пересылкой . . . . 25 р. сер.
ОДЪ 3-й, тоже изъ 9-ти
книгъ, каждая по . . . 1 р. 50 к.
ОДА 4-го кн. I. . . . . . 1 р. 50 к.
того безъ пересылки . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . . . . . . 44 р. сер.
ГОДЪ 1858-й, 1859-й, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, по 4 книги въ годъ, безъ пересылки каждый. . . . . 5 р. с.
съ пересылкой . . . . 6 —
За всѣ годы, безъ пересылки. 82 р. 50 к.
съ пересылкой же. . . . . 98 р. сер.

ВРЕМЕННИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
съ 1849 по 1858 г.

книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ
пересылки. . . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . 45 — —

На пересылку всякой книги «Чтеній» и «Временника» безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно лучать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у книгопродавца Ивана Григорьевича ловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6. р. сер., перес. за 10 ф.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч. О. Боıскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Преосвящен. Георгія нисскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., тома. Цѣна 4 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА; соч. П. І. Шафарика; рев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ андинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., напечатанныя въ рвый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и объясненіями Авг. Бюркомъ, а перев. А. Н. Шемякинымъ, М. 1863. 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣм. А. Н. мякина. М. 1865; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. сер.